ВИДОК ФИГЛЯРИН

ПИСЬМА
И АГЕНТУРНЫЕ
ЗАПИСКИ
Ф.В. БУЛГАРИНА
в III ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМА
И АГЕНТУРНЫЕ
ЗАПИСКИ
Ф.В. БУЛГАРИНА
в III ОТДЕЛЕНИЕ

ВИДОК ФИГЛЯРИН

ПИСЬМА И АГЕНТУРНЫЕ ЗАПИСКИ Ф.В. БУЛГАРИНА в III ОТДЕЛЕНИЕ

Издание подготовил
А.И. РЕЙТБЛАТ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Публикация, составление, предисловие и комментарии
А.И. Рейтблата

Художник
А.А. Брантман

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение/Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата.— М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 704 с., ил.

В книге впервые в полном объеме публикуются письма и агентурные записки популярного журналиста и писателя Ф.В. Булгарина в III отделение (за 1826—1856 гг.). Сейчас они воспринимаются как своеобразный репортаж «скрытой камерой» о закулисных сторонах русской жизни того времени, фактах и слухах, обычно остающихся неизвестными современникам и потомкам. Книга содержит информацию о министрах и рядовых чиновниках, армии и секретной полиции, литературе и журналистике, театре, цензуре, общественном мнении и т.д.; среди ее героев Николай I и Пушкин, П. Вяземский и Н. Полевой, М. Погодин и А. Ермолов, М. Сперанский и А. Грибоедов. Издание включает обширную вступительную статью, подробные комментарии и аннотированный указатель имен.

ISBN 5—86793—044—0

© А.И. Рейтблат. Предисловие, комментарии, 1998
© «Новое литературное обозрение».
Художественное оформление, 1998

БУЛГАРИН И III ОТДЕЛЕНИЕ

К числу наиболее болезненных вопросов истории русской литературы относится тесное и многолетнее сотрудничество Ф.В. Булгарина, одного из крупнейших, если не самого крупного журналиста второй четверти XIX в. и видного литератора своего времени, с III отделением, т.е. секретной полицией, или, выражаясь языком того времени, «высшим надзором».

В литературных кругах слухи об этом сотрудничестве стали циркулировать в 1829 г.[1] Среди литераторов пушкинского круга Булгарин был «признан за шпиона, агента III отделения»[2].

Одиозная репутация Ф.В. Булгарина обусловила весьма специфическую судьбу его печатного и рукописного наследия. Несмотря на широкую известность Булгарина и популярность его книг у читателей 1820 — 1830-х гг., они после его смерти более ста лет не переиздавались и лишь в последние годы, после сильной «встряски», которую получило общество, и вызванного этим снятия многих идеологических «табу», вновь вышли некоторые из них. Записки и письма Булгарина в III отделение вызывали, напротив, повышенный интерес исследователей и широких читательских кругов и во второй половине XIX — начале XX в. постепенно вводились в научный оборот[3].

Однако все эти публикации весьма фрагментарно представляли его деятельность подобного рода, ни один из исследователей не ставил своей задачей создать полный свод булгаринских записок в III отделение. М.К. Лемке, который по замыслу своей работы был близок к этому, не получил доступа в Секретный архив III отделения и в результате не смог ознакомиться со значительным массивом булгаринских записок. Б.Л. Модзалевский же, которому был доступен весь фонд, в том числе и Секретный архив, просматривал его только с целью обнаружения сведений о Пушкине, а другие материалы оставлял без внимания. В тридцатые годы изучение сотрудничества Булгарина с III отделением было свернуто и, за немногими исключениями, не возобновлялось до наших дней.

До недавнего времени Булгарин имел репутацию «агента III отделения», о чем свидетельствуют определения таких держателей литературной нормы, как

---

[1]См.: *Вацуро В.Э.* «Северные цветы». М., 1978. С. 180—181; *Оксман Ю.* Булгарин// Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997. С. 75.

[2]*Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 103.

[3]См.: *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889 (в тексте ряда статей приведены письма и записки Булгарина, некоторые — без указания автора); *Лемке*; Записка о цензуре и коммунизме в России//Голос минувшего. 1913. № 3. С. 222—228 (публикация В. Семевского); *Шпицер С.* Из архива Фаддея Булгарина//Наша старина. 1916. № 1. С. 70—72; *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925. С. 35—54; *Щеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 299—303; *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 г. М., 1949. С. 130, 141; *Киселев В.* Поэтесса и царь// РЛ. 1965. № 1. С. 149—150; *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и его друзья под тайным надзором// ВЛ. 1990. № 3. С. 130—132; и др., а также наши публикации: ВЛ. 1990. № 3. С. 102—114; Родина. 1990. № 12. С. 30—31; РЛ. 1993. № 3. С. 82—99; НЛО. 1993. № 2. С. 129—146, 1994. № 6. С. 88—92; Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 65—78; Тыняновский сборник. С. 260—274; СТЧ. С. 270—283. (Сокращения раскрыты в конце книги, в Списке сокращений.)

комментаторы[4] и краеведы-популяризаторы[5]. Правда, в последние годы делались попытки пересмотреть эту точку зрения. Так, М. Салупере считает, что он не писал доносы, а просто старался «"быть полезным". Однако об особых выгодах и покровительстве ему со стороны III отделения говорить трудно»[6]. Н.Н. Львова вообще, не затрудняя себя доказательствами, утверждает, что «Булгарин никогда не был агентом III отделения. Когда родилась эта сплетня и как она укоренилась, уже никто не помнит»[7].

Кто же прав? Для меня очевидно, что для ответа на этот вопрос необходимо по возможности полно выявить и критически проанализировать архивный и печатный материал по данной проблеме. Только анализ фактов позволит приблизиться к ее решению. Отметим, что она имеет не только историко-литературное, но и более общее значение, поскольку для людей, значительная часть жизни которых прошла в условиях тоталитарного полицейского государства, имеющего развитую сеть осведомителей, проблема доноса имеет отнюдь не академический характер. Сказанное не означает, разумеется, что нужно модернизировать ситуацию того времени, однако опыт прошлого дает многое для осмысления современности, а знание настоящего — для понимания минувшего.

В предлагаемой читательскому вниманию книге впервые сделана попытка собрать воедино весь комплекс записок и писем Булгарина в III отделение (две трети их при этом публикуются впервые). Я полагаю, что в итоге тут представлены почти все сохранившиеся булгаринские тексты такого рода, хотя вполне допускаю, что в РГВИА, ГАРФ и других архивах еще могут найтись отдельные аналогичные его письма и записки.

* * *

Сотрудничать с III отделением Булгарин стал отнюдь не случайно. В немалой степени он был подготовлен к этому всей своей жизнью.

Биография Булгарина поражает причудливыми извивами и поворотами. Для Булгарина жанр плутовского романа, к которому он не раз обращался в своем творчестве, не только литературная традиция; он сам, подобно плуту-пикаро, прошел «огонь, воду и медные трубы», с легкостью перемещался в географическом (Польша — Россия — Германия — Франция — Испания) и социальном (офицер-кавалерист—заключенный—стряпчий—литератор — издатель) пространстве, общался с представителями самых разных социальных слоев и приобрел в результате богатейший и многообразнейший жизненный опыт. Сближает его с героем плутовского романа и тот факт, что при внешней инициативности он всегда стремился не переделать окружающую среду, а приспособиться к ней, действовать в зависимости от обстоятельств.

На первую половину его жизни пришлись трудности и лишения, его било, гнуло и ломало, и всегда он оказывался среди проигравших (отсюда его стремление выдвинуться и обеспечить себе спокойный быт). Начиналось все с детства — вскоре же после появления на свет он утратил родину, Польша как са-

---

[4]См., напр., издания в серии «Литературные мемуары»: *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 660; *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М., 1987. С. 315.

[5]См.: *Зажурило В.К., Кузьмина Л.И., Назарова Г.И.* «Люблю тебя, Петра творенье...»: Пушкинские места Ленинграда. Л., 1989. С. 119.

[6]*Салупере М.* Тайный надзор и доносы на журналистов в конце 1820-х гг.//Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения» 15—17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 45. См. также ее статью: Неизвестный Фаддей//Радуга. 1991. № 4. С. 30—41.

[7]*Львова Н.Н.* Каприз Мнемозины//Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990. С. 18.

мостоятельное государство перестала существовать. Дело в том, что родился он в 1789 г. вне пределов России, в имении родителей Перышево, находившемся на территории Минского воеводства Великого княжества Литовского, которое вместе с Польским королевством составляло федеративное государство — Речь Посполитую или, в просторечии, Польшу. Через три года эта территория по т.н. второму разделу Польши отошла к России, однако Булгарин всю жизнь осознавал себя поляком. Отец его, небогатый, но родовитый польский шляхтич, участвовал в восстании Тадеуша Костюшко и дал в честь его имя сыну (Фаддей — русифицированное Тадеуш). Впоследствии отец был сослан, поместье было захвачено влиятельным соседом, и Булгарин оказался «перекати-полем», он мог в жизни рассчитывать только на себя. Мать «по знакомству» отдала его в 1798 г. в Сухопутный кадетский шляхетский корпус — учебное заведение, созданное под влиянием просветительских идей XVIII в. с целью воспитания «новой породы людей». Вначале ему пришлось нелегко — из-за плохого знания русского языка он с трудом учился и подвергался насмешкам кадетов. После одной жестокой шутки товарищей мальчик заболел, а когда выздоровел — «решил покориться судьбе, победить все трудности, сделаться самостоятельным и *жить вперед без чужой помощи*»[8] (курсив мой. — *А.Р.*). Постепенно Булгарин прижился в корпусе. Под влиянием корпусных литературных традиций (ранее там учились А.П. Сумароков, В.А. Озеров, М.М. Херасков, преподавал Я.Б. Княжнин, долгое время существовал кадетский театр) стал сочинять басни и сатиры.

Но начиналась война с Францией. В 1806 г. он выходит корнетом в Уланский великого князя Константина Павловича полк и сразу же отправляется в поход против французов. Он принимал участие в военных действиях в Пруссии в 1807 г. против наполеоновской армии, проявил мужество и отвагу, в сражении под Фридландом был ранен и награжден за этот бой орденом Анны III степени. Подлечившись, воевал в Финляндии в 1808—1809 гг. против шведских войск. Перед Булгариным открывалась блестящая воинская карьера, однако он сам разрушил ее сатирическими стихами против шефа полка — великого князя Константина. За это в 1809 г. Булгарин был переведен в Кронштадтский гарнизонный полк (в Кронштадтской крепости он несколько месяцев просидел под арестом), а через год — в Ямбургский драгунский полк. Но и здесь молодой кавалерист не ужился. Из-за какой-то скандальной истории на романтической подкладке он был плохо аттестован и в 1811 г. отставлен от службы.

В первый, но отнюдь не в последний раз жизнь Булгарина резко поворачивается, и ему приходится начинать вновь, практически с нуля. Потеряв службу, Булгарин оказался без денег, некоторое время мытарствовал (есть свидетельство, правда, идущее из лагеря его литературных врагов, что он даже просил милостыню и воровал)[9], а потом отправился в Польшу. Ситуация там была сложная и противоречивая. По Тильзитскому миру на части польской территории было создано герцогство Варшавское, что давало надежды на возрождение польского государства. Булгарин отправился туда, а потом, по его собственному признанию, «следуя пословице «как волка ни корми, а он все в лес смотрит», полетел бродить за белыми орлами (польский герб. — *А.Р.*) искать независимости отечества»[10]. Войска герцогства Варшавского, созданного по воле Наполеона и находящегося под его контролем, воевали в составе французской армии. При этом сражались поляки доблестно, поскольку рассчитывали заслужить восстановление Польши. Булгарин, вступив в эти войска, отнюдь не изменял России (в чем его неоднократно обвиняли), так как Франция после Тиль-

---

[8]*Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Ч. 1. СПб., 1846. С. 254.

[9]См.: Письмо П.В. Нащокина к С.Д. Полторацкому//РА. 1884. № 6. С. 352—353.

[10]ВЛ. 1990. № 3. С. 103.

зитского мира (1807 г.) была союзным России государством. Вполне естественно, что, будучи поляком, он решил внести свой вклад в освобождение родины[11]. Впоследствии он утверждал: «Я поляк, служил Польше своим оружием, сражался в Испании в Надвислянском легионе, следовательно заплатил свой долг родине и полностью с ней рассчитался»[12].

В 1812 г. Булгарин участвовал в походе Наполеона на Россию (служил в 8-м полку польских улан под командованием графа Томаша Лубенского, входившем во 2-й пехотный корпус маршала Удино). Хорошо зная эту местность, он указал брод через Березину и был одним из проводников Наполеона при переправе[13]. Позднее воевал на территории Германии. Булгарин и во французских войсках демонстрирует свою военную доблесть, получив в награду орден Почетного Легиона и чин капитана.

Капитуляция Франции знаменовала собой уже второй крах в жизни Булгарина. Все его чаяния не осуществились — лопнула надежда на независимость Польши, лишился власти Наполеон — кумир Булгарина, о котором он и впоследствии писал в панегирических тонах. Надеялся Булгарин на совсем иное. Через тридцать лет он случайно обмолвился в письме Гречу: «...если б лавочка Наполеоновская не обрушилась, я теперь возделывал бы где-нибудь виноград на Луаре! Судьба решила иначе и я *покорился* (курсив мой. — *А.Р.*) ей»[14]. Уже второй раз мы встречаемся с этим мотивом.

Вступая в третий виток своей авантюрной биографии, Булгарин, хотя уже отнюдь не юноша, вновь начинает все сначала. В 1815 г. он оказывается в Варшаве и впервые (насколько мне известно) обращается к литературному труду. Однако прокормиться литературой в разоренной Варшаве Булгарину не удается, и несколько лет он ведет дела своего состоятельного дяди, владельца крупных поместий в Литве. В Вильне он посещает университетские лекции, в 1819 г. вступает в созданное преподавателями этого университета знаменитое Товарищество шубравцев (шубравец по-польски — плут, пройдоха), выпускавшее сатирическую газету «Wiadomości brukowe» («Уличные известия»), где с просветительских позиций высмеивались пороки польской шляхты. Булгарин активно печатался в этой газете и ряде других польских изданий, завоевав литературную известность сатирическими прозой и стихами.

В 1816 г. Булгарин ненадолго приехал в Петербург, где вел по доверенности дяди судебную тяжбу о крупном поместье (после войны был издан указ о прощении поляков, состоявших на службе в наполеоновских войсках). Однако при этом он не оставлял литературных занятий. Поселившись в Петербурге в 1819 г., он в 1819—1821 гг. активно сотрудничал (стихи, рассказы, воспоминания) в польском варианте газеты «Русский инвалид».

---

[11]В имеющихся данных существует странная неувязка. С одной стороны, в русском аттестате Булгарина (Лит. вестник. 1901. № 4. С. 419—421) значится, что он был отставлен от службы 10 мая 1811 г. С другой стороны, в разысканном нами французском аттестате (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 368) указано, что в августе 1810 г. он вступил подпоручиком в 3-й легион французских улан. В своих «Воспоминаниях» он также утверждает, что покинул русскую службу в 1810 г. Это небольшое расхождение на самом деле имеет важный характер, поскольку летом 1810 г. обстановка была достаточно спокойной, но с конца этого года стали явными нарастающие конфликты в отношениях России и Франции.

[12]*Skarbek F.* Pamiętniki. Poznań, 1878. S. 182. (Здесь и далее перевод с польского мой.)

[13]См.: РГБ. Ф. 233. К. 162. Ед. хр. 1. Л. 96 об.; Ед. хр. 2. Л. 14; *J.Z.* Dwaj z najznakomitszych teraźniejszych pisarzów rossyjskich polacy//Biblioteka naukowego zakładu im. Ossolińskich. T. 8. Lwów, 1843. S. 156.

[14]Лит. вестник. 1901. № 2. С. 176.

В 1820 г. он знакомится с Н.И. Гречем и в том же году статьей «Краткое обозрение польской словесности» дебютирует в русской печати[15]. Деловой и инициативный журналист, Булгарин быстро сходится с молодыми, оппозиционно настроенными литераторами (братья Бестужевы, А.О. Корнилович, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев и др.). Особенно сблизился он с А.С. Грибоедовым — оказывал ему различного рода услуги, провел в печать фрагменты из «Горя от ума» (в изданном Булгариным первом русском театральном альманахе «Русская Талия». СПб., 1825), пропагандировал его творчество в «Северной пчеле». Булгарин познакомился и поддерживал хорошие отношения с Пушкиным, на протяжении 20-х гг. время от времени печатавшимся в его изданиях. В 1824 г. Пушкин относил Булгарина «к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвала могут быть и должны быть уважаемы»[16]. С 1822 г. Булгарин издавал «Северный архив» («журнал истории, статистики и путешествий»), один из лучших русских журналов того времени (в 1823—1824 гг. в приложении к нему выходили «Литературные листки», где Булгарин активно участвовал в литературной полемике), с 1825 г. совместно с Гречем издавал «Северную пчелу», первую частную газету, имевшую право печатать политические известия.

К середине 1820-х гг. Булгарин из никому не ведомого новичка превращается в одного из ведущих литераторов[17]. Помимо чисто личных качеств (литературная одаренность, богатый жизненный опыт, трудолюбие и любовь к новой профессии) успеху Булгарина способствуют и обстоятельства более общего характера.

Ранний литературный «багаж», накопленный Булгариным в корпусе, был общ у него с русским читателем. Однако в дальнейшем, в 1810—1820-х гг., когда литературное развитие в России шло довольно медленно, он активно знакомился с французской и польской литературами. Неизвестно, как и когда (ведь в основном он воевал, да, к тому же, за пределами Франции), но он успел прочесть много французских книг. Позднее, также в довольно короткий срок, он широко знакомится с польской литературой и быстро завоевывает в ней заметное место, что доказывает факт избрания его членом шубравского общества. Особенно сильное влияние оказали на Булгарина шубравцы. Он давал в своих изданиях жанровые (и близкие по идейной направленности) аналоги многим шубравским публикациям. Второй его источник — чрезвычайно популярный не только во Франции, но и в других странах Европы, в том числе и в России, автор нравоописательных очерков Жуи. Уникальное положение «своего чужака» помогает Булгарину успешно вводить в русскую литературу довольно широко практиковавшиеся за рубежом, но здесь новые или уже значительно подзабытые жанровые и тематические образцы, а также формы организации литературной жизни (во многом сходным было положение его друга-врага О.И. Сенковского). В то же время Булгарин был наделен чуткостью, своего рода нюхом по отношению к запросам времени, к тому, что сегодня требует здешняя публика. Хорошо ощущая «время и место», он вводит чужое не напропалую, что попадется, а именно то (и в таких формах), что может обеспечить успех.

Но особенно важно, что он ориентируется на иную аудиторию, в которой собственно и утверждается его репутация[18]. Именно это в конечном счете и определило положение Булгарина в литературе.

---

[15]См.: СО. 1820. № 31, 32.

[16]*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 13. [М.; Л.], 1937. С. 83.

[17]См.:[Письмо М.Т. Каченовского—Булгарину 1823 г.]//РС. 1903. № 12. С. 608; [Письмо М.Н. Загоскина—Булгарину 1825 г.]//РС. 1905. № 4. С. 204; *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 467; [*Полевой Н.А.*] Обозрение русской литературы в 1824 году//МТ. 1825. № 3. С. 250; *Дмитриев И.И.* Соч. Т. 2. СПб., 1895. С. 287; [Письмо Н.В. Путяты — С.Д. Полторацкому 1823 г.]//РНБ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 9 об.

[18]См.: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин и его читатели//Чтение в дореволюционной России. [Вып. 1]. М., 1992. С. 55—66.

Читателям Булгарин был известен как профессиональный журналист, издатель популярных газеты и журнала, наделенный немалым литературным талантом и трудолюбием. Он стал пионером в освоении русской литературой ряда жанров: нравоописательного очерка, фельетона, военного рассказа. Принадлежат Булгарину и одни из первых в русской литературе опытов в жанрах утопии («Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XIX веке», 1824) и антиутопии («Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию земли», 1825). Не отличаясь особыми литературными достоинствами, произведения Булгарина были тем не менее написаны живо, интересно и профессионально. Важными чертами его образа в глазах коллег-литераторов и читателей были определенное вольномыслие, польское происхождение и богатый жизненный опыт.

Подобный облик создавали сами публикации Булгарина, причем ряд их имел автобиографический характер или включал автобиографические пассажи. Немалую роль играли и печатные отклики на его творчество друзей и союзников — Греча, А. Бестужева, Н. Полевого. Однако в среде «литературных аристократов» у него начинает формироваться принципиально иная репутация — невежественного и самоуверенного выскочки, хвастуна и завистника. Мнение это довольно долго не выходит за рамки узкого кружка.

Но настает 1825 год. Булгарин и его друг Греч — «либералы». Булгарин за просвещение, смягчение цензурного гнета, против деспотизма и клерикализма. Однако он скептически относился к проектам революционного переустройства русской жизни. Придерживаясь умеренно-либеральных взглядов, он делал ставку на царя и царское правительство как инициаторов прогресса в России. При этом, хотя он и не входил в тайное общество, среди декабристов было много его близких друзей. Поэтому после восстания декабристов и прихода к власти Николая I положение, которого он смог с трудом добиться, оказалось под угрозой.

За два дня до восстания на обеде у директора Российско-американской торговой компании, в которой служил Рылеев, Булгарин ораторствовал и острил «в самом либеральном духе», в том числе и над императором[19]. По слухам, Булгарин был на Сенатской площади и, стоя на камне, кричал: «Конституцию!», а когда начался разгром восстания, бросился в типографию Греча и стал разбирать набор, по всей вероятности, революционных прокламаций[20]. Неважно, достоверен этот слух или нет, в любом случае он мог спровоцировать арест Булгарина (сотрудник его газеты О.М. Сомов был арестован, поскольку жил в одном доме и был близок с Рылеевым и А. Бестужевым, и был выпущен с оправдательным аттестатом лишь через три недели).

В конце декабря 1825 г. А.Ф. Воейков рассылал анонимные подметные письма с обвинениями Греча и Булгарина в причастности к заговору, в марте 1826 г. он же представил в полицию (незадолго до создания III отделения) старое частное письмо Булгарина с резкой филиппикой против российских порядков, проставив на нем дату «15-е декабря 1825 г.»[21]. Наконец, среди лиц, находившихся под следствием, были его друзья (К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев,

---

[19] *Штейнгель В.И.* Записки//Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 220.

[20] РГБ. Ф. 233. К. 162. Ед. хр. 1. Л. 95об—96.

[21] См.: Полевой. С. 220—222; *Греч.* С. 659—661. Греч в своих мемуарах приводит распространяемую Воейковым записку Булгарина по памяти. В делах III отделения нашлась ее копия: «La rage me consume... [гнев меня снедает. — *фр.*]. Ад в душе, вражда в сердце, мщение на уме!! Да будет проклят год, в который я переступил обратно за Реин; да будет проклята мать моя, что оставила меня в юности в России; да будет проклято желание писать и быть полезным стране, где надобно быть шарлатаном или иноземцем, чтобы иметь право шептать на ухо панам в аудиенц-зале. — Я не знаю, что писать более? О люди! О Рассея!!» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3169. Л. 111).

А.О. Корнилович) и сотрудники (В.К. Кюхельбекер, О.М. Сомов), имя Булгарина нередко звучало в показаниях[22]. Возникло подозрение, что Булгарин принадлежал к числу заговорщиков, и на допросах подследственных спрашивали, не входил ли он в тайное общество (правда, ответ обычно был отрицательным)[23]. В середине марта 1826 г. в Комитет для следственных изысканий соучастников злоумышленного общества по распоряжению Николая I была препровождена найденная в кабинете Александра I рукопись статьи Булгарина «Взгляд на нынешнее состояние дел в Греции» (представленной им в 1821 г. для публикации в журнале «Сын отечества») и подготовленная тогда же в связи с ней (судя по всему, статья вызвала подозрения) небольшая справка о занятиях Булгарина («находится в отставке капитаном польской службы») и его адресе[24]. Комитет не нашел в статье повода для беспокойства, однако вновь имя Булгарина привлекло внимание нового императора.

Так или иначе (конкретный повод неясен), но 9 мая 1826 г. петербургский генерал-губернатор П.В. Голенищев-Кутузов получил рапорт дежурного генерала Главного штаба А.Н. Потапова. Тот извещал, что «Государь Император высочайше повелеть соизволил, чтоб Ваше Превосходительство имели под строгим присмотром находящегося здесь отставного французской службы капитана Булгарина, известного издателя журналов, и вместе с тем Его Величеству угодно иметь справку о службе Булгарина, где он служил по оставлении российской службы, когда и в какие вступал иностранные и когда оставлял оные. О Высочайшей воле сей имея честь донести Вашему Превосходительству, покорнейше прошу справку о службе Булгарина доставить ко мне для предоставления Государю Императору»[25]. Поскольку никто, естественно, дать информацию о зарубежной службе Булгарина не мог, обратились к нему самому, и 12 мая он подал А.Н. Потапову обширную и очень умело составленную автобиографическую записку, где утверждал (вразрез с истиной), что не участвовал в войне 1812 г., писал, что своими «сочинениями старался посеять в сердцах любовь и доверенность к Престолу и чистую нравственность» и просил вместо «звания французского офицера» дать ему «статский чин» (с. 43—44; здесь и далее в тексте вступительной статьи даются ссылки на страницы данной книги).

Свое сотрудничество с новой властью Булгарин начал в середине мая написанной для императора обширной запиской «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», основная идея которой, во многом новая для России, заключалась в том, что «как общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять им посредством *книгопечатания*, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных» (с. 45). Записку передал Николаю I начальник Главного штаба барон И.И. Дибич, и, судя по всему, она была сочувственно встречена царем.

Ободренный Булгарин представил (уже в учрежденное 3 июля 1826 г. III отделение) записки о Царскосельском лицее и «Арзамасе», где конкретизировал свои наблюдения и выводы, находя у лицеистов и арзамасцев «несносный тон, <...> фрондерство всего святого, доброго и злого, в смеси, без различия, по одним страстям» (с. 142) и предлагая для истребления этого духа действовать на

---

[22]См.: Восстание декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 338, 358, 450; Т. 2. М.; Л., 1926. С. 60, 141; Т. 14. М., 1976. С. 198, и др.

[23]Там же. Т. 12. М., 1969. С. 324, 328; Т. 18. М., 1984. С. 138.

[24]См.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 12 («Дело о рассмотрении в Комитете бумаг, найденных в кабинете покойного государя»).

[25]Цит. по: *Н.Д[убровин]*. Ф.В. Булгарин после 14-го декабря 1825 года//РС. 1900. № 9. С. 576.

юношество «нравственно», уговорами, а не угрозами и насилием. 7 августа 1826 г. Булгарин подал записку о том, «каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян», утверждая опять-таки, что «такую огромную и непросвещенную массу народа трудно всегда удержать одною силою в пределах долга. Надобно действовать на них *нравственно*», прежде всего — дав принять присягу (с. 60). По крайней мере часть подготовленных им записок писалась в ответ на конкретно сформулированный запрос, например, записка о влиянии иностранных держав на политический образ мыслей в России. Запросы эти поступали к нему от Максимилиана Яковлевича фон Фока, директора Особенной канцелярии министерства внутренних дел, а с июля 1826 г. — директора канцелярии III отделения.

Не совсем ясно, когда Булгарин познакомился с ним. Булгарин вспоминал позднее, что его «знал М.Я. фон Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в легкоконном Харьковском полку...»[26], однако Греч в своих мемуарах утверждает, что познакомил их 25 июня 1826 г.[27]. В записках Фока А.Х. Бенкендорфу за 1826 г. первые упоминания Булгарина встречаются в июле 1826 г.[28]. В том же месяце появляется, по всей вероятности, и первая подготовленная им агентурная записка. Однако в письме Фоку от 7 августа 1828 г. Булгарин пишет, что записку о цензуре он представил через Фока, а это произошло, как мы уже указывали, в мае 1826 г.

Познакомившись (или возобновив знакомство) с Фоком, Булгарин сразу стал с ним очень близок, по свидетельству Греча, «водворился у него в доме и посещал его ежедневно»[29]. Фок, со своей стороны, также нередко бывал у него, о чем свидетельствует в своем дневнике Н. Малиновский[30], проживавший в 1827—1828 гг. в квартире Булгарина.

В конце 1829-го или начале 1830 г., когда Гоголь в поисках службы обратился за содействием к Булгарину, тот сразу же попросил за него Фока, который «охотно согласился помочь приезжему из провинции и дал место Гоголю в канцелярии III отделения»[31]. В 1830 г. в дарственной надписи на своем романе «Димитрий Самозванец» Булгарин называл Фока «истинным другом человечества, поборником истины, добрейшим и благороднейшим...»[32], а в опубликованном в «Северной пчеле» некрологе Фока, написанном, по всей вероятности, Булгариным, говорилось, что «Государь не имел вернейшего слуги, Россия — усерднейшего сына, человечество — пламеннейшего друга. Кого лишились в нем родные, подчиненные, друзья — никакое слово и выразить, никакое перо описать не в состоянии»[33]. Позднее, в 1851 г., после смерти вдовы Фока, Булгарин обращался в III отделение с просьбой о денежной помощи оставшимся его незамужним дочерям и писал при этом о нем как о «моем друге» (с. 580).

Отмечу также, что младший брат М.Я. Фока, Петр Яковлевич фон Фок, который также служил в III отделении, но на скромной должности экспедитора, подрабатывал переводами в булгаринской «Северной пчеле» и, как явствует из дневника Малиновского, нередко обедал у него в доме.

Свидетельство о своей близости с Булгариным оставил и М.Я. Фок. В конфиденциальной записке об организации негласного наблюдения в России, пред-

---

[26]СП. 1854. № 175.

[27]*Греч.* С. 713.

[28]ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3174. Л. 85, 97—98.

[29]*Греч.* С. 714.

[30]См.: *Малиновский* (по указ.).

[31]*Булгарин Ф.* Журнальная всякая всячина//СП. 1854. № 175. См. также: *Рейтблат А.И.* Служил ли Гоголь в III отделении//Филологические науки. 1992. № 5/6. С. 23—30.

[32]ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 1011.

[33]СП. 1831. № 194.

лагая для этого «выбирать доверенных среди лиц, пользующихся безупречной репутацией», которые «могут быть употреблены с пользой», он называл в их числе и Булгарина, «который стремится лишь к устойчивому положению»[34]. В 1831 г. он писал А.С. Пушкину, что Булгарин и Греч — «единственные из всех литераторов, которые изредка навещают меня и с которыми я иногда обмениваюсь литературными мнениями <...>»[35].

Сведения о Фоке в научной литературе очень скудны[36]. Даже год его рождения под вопросом (у Черейского — 1777, у Оржеховского — 1773, согласно обнаруженному нами его формулярному списку от 29 февраля 1828 г. ему в то время было 54 года, т.е. родился он в 1774 или 1775 г.[37]). Отец его, Я.М. Фок, служил в армии фельдмаршала Румянцева, потом был комендантом Переяславля и затем главноуправляющим гомельского имения Румянцева[38]. Службу М.Я. Фок начал в лейб-гвардии Конном полку в 1793 г., в 1795 г. был произведен в вахмистры, по болезни уволен в 1799 г. В 1802 г. поступил на службу в министерство коммерции (с переименованием в коллежские асессоры), с 1804 г. был по поручению министра ревизором в Москве, с 1806 г. служил в милиции Московской губернии. В 1811 г. он стал помощником правителя Особенной канцелярии министерства полиции, в 1813 г. возглавил эту канцелярию (в 1819 г. она была присоединена к министерству внутренних дел). В апреле 1826 г. получил чин действительного статского советника, а с 15 июня того же года перешел в III отделение.

По свидетельству хорошо знавшего его Ф.Ф. Вигеля, Фок «был немецкий мечтатель, который свободомыслие почитал делом естественным и законным и скорее готов был вооружаться на противников его»; он «хотел, чтобы просвещенный по мнению его образ мыслей не совсем погиб в России, и людей имеющих его намерен был защищать от преследований. Вообще же, надобно отдать ему справедливость, он совсем не был зол и <...> ничьей не искал погибели»[39].

Архивные материалы подтверждают мнение Вигеля. В фонде III отделения сохранился ряд записок Фока с рассуждениями философического характера о задачах «высшего надзора», да и многочисленные письма его Бенкендорфу содержат обширные фрагменты с мыслями и наблюдениями по разным вопросам[40]. Фок выступает в них и как социальный мыслитель-утопист, теоретик просвещенного абсолютизма, и как высококвалифицированный профессионал-практик, мастер по организации сбора агентурной информации о различных сторонах жизни общества.

Фок тактично поучал А.Х. Бенкендорфа (а через него — и царя), что «искусство управлять людьми, особенно же толпой, — состоит в том, чтобы каждому указать подходящее место, предупреждать столкновения и быть всегда беспристрастным»[41]. Основную роль в управлении при подобном подходе играет не

---

[34]ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 761 (пер. с фр.).

[35]Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. [М.; Л], 1941. С. 427 (цит. пер. с фр.).

[36]См.: *Лемке.* С. 27; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 468; *Оржеховский Н.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 20.

[37]См.: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 112. Л. 41—50.

[38]См.: [*Дараган П.М.*] Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны//РС. 1875. № 4. С. 770—771.

[39]*Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928. С. 258, 277.

[40]Публикацию писем за период с 18 июля по 25 октября 1826 г. см.: Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М.М. (так! — *А.Р.*) Фока — А.Х. Бенкендорфу//РС. 1881. № 9—11. См. также подготовленные Фоком ежегодные отчеты III отделения: Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.//Красный архив. 1929. Т. 6. С. 138—174; 1930. Т. 1. С. 107—147.

[41]РС. 1881. № 10. С. 326 (пер. с фр.).

насилие, а хорошее знание нужд и желаний управляемых, умение найти с ними общий язык и завоевать их любовь. Он считал, что «надзор должен обеспечить правительство достоверными знаниями о людях, вещах и событиях так, чтобы оно могло, опираясь на эти данные, предотвращать зло <...>»[42]. Надзор должен «держать в руках все нити; видеть, оставаясь невидимым; сопоставлять противоположные интересы; действовать, опираясь на доверие и честность; поражать, не раня»[43]. Особую важность он придавал общественному мнению, утверждая, что оно «не навязывается; за ним надо следовать, так как оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свет озаряющего его пламени, но погасить это пламя — не во власти правительства»[44]. Для деятельности Фока характерно, что в собираемой и передаваемой им «наверх» информации преобладают сведения не о конкретных поступках или преступных замыслах, а о циркулирующих в публике слухах, о мнениях и настроениях различных слоев общества.

В реализации подобной программы важную роль должны были играть литераторы — и как выразители общественного мнения, и, особенно, как его руководители, проводники точки зрения правительства. Отсюда следовали частые у Фока указания на лояльность литераторов и борьба за более либеральную цензурную политику.

По воспоминаниям О.А. Пржецлавского, Фок «был человек прекрасной души, умный и образованный, в исполнении своих обязанностей он соединял строгую справедливость с возможною снисходительностью». Известны и другие положительные оценки Фока, принадлежащие людям самых разных взглядов, например Гречу и Пушкину. В 1816 г. Фок был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности[45].

«Программа» Фока была близка Булгарину (не исключено, впрочем, что его взгляды оказали, в свою очередь, определенное влияние на Фока). Они очень подходили друг другу и образовали идеальный «тандем». Сразу после знакомства Булгарин «включился в работу», действуя очень интенсивно. Его старания были оценены главным начальником III отделения А.Х. Бенкендорфом. Человек умный, честный, беззаветно преданный царю и пользующийся полным его доверием, он сыграл важную роль в создании III отделения и определении основных направлений его деятельности, но в текущей работе во всем полагался на опытного в делах полицейской службы М.Я. Фока[46]. Он познакомился с Булгариным еще в годы учебы того в кадетском корпусе[47], а теперь быстро осознал пользу от булгаринского сотрудничества. Бенкендорф ходатайствовал за него перед царем, и 22 ноября 1826 г. желание Булгарина исполнилось — по высочайшему именному указу в уважение его литературных трудов он был причислен к министерству народного просвещения с переименованием из капитанов французской службы в 8-й класс.

---

[42]ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 761 (пер. с фр.).

[43]Там же. Ед. хр. 762 (пер. с фр.).

[44]РС. 1881. № 11. С. 550 (пер. с фр.).

[45]*Пржецлавский О.А.* Воспоминания//РС. 1874. № 12. С. 381; ср.: *Греч.* С. 712; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 12. [М.; Л.], 1949. С. 201; *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 409.

[46]Об А.Х. Бенкендорфе см.: Русский биографический словарь. Том «Алексинский—Бестужев-Рюмин». СПб., 1900. С. 695—697; *Лемке.* С. 19—27; *Рац Д.* «Отрицательно-добрый человек»//Факел. М., 1990. С. 42—57; *Олейников Д.И.* А.Х. Бенкендорф//Российские консерваторы. М., 1997. С. 63—94; *Андреева Т.В.* А.Х. Бенкендорф, его предки и потомки//Ежегодник / Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 261—290.

[47]См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Ч. 3. СПб., 1847. С. 368.

Однако за что же Фок так ценил Булгарина? Неужели только за названные выше и подобные им записки? Ответить на эти вопросы не так-то просто.

Предпринятая мной попытка подготовить по возможности полный свод писем и записок Булгарина в III отделение столкнулась с целым рядом технических и методологических трудностей. Прежде всего нужно отметить, что хотя в целом архив III отделения сохранился неплохо, но он оказался рассредоточен по разным архивохранилищам (основной массив дел — в ГАРФ, остальные — в РГИА и ИРЛИ). Кроме того, он весьма обширен, а имеющийся справочный аппарат скуп и в ряде случаев неточен. Учитывая, что Булгарин «консультировал» по чрезвычайно широкому спектру вопросов, его записки можно найти в делах на самые разные темы, что предполагает чуть ли не фронтальный просмотр дел фонда III отделения, по крайней мере за определенные периоды.

Но главная трудность связана, как оказалось, не с этим. Дело в том, что помимо записок, собственноручно написанных или, по крайней мере, подписанных Булгариным, в делах III отделения ряд его записок сохранился в переписанном виде и без подписи. Попытки атрибутировать Булгарину такого рода тексты предпринимались уже не раз, например М.К. Лемке и Н.Я. Эйдельманом[48], однако каждый раз — по поводу той или иной конкретной записки. Мне представляется, что возможен и несколько иной подход, принимающий во внимание ряд как текстовых, так и внетекстовых моментов и позволяющий атрибутировать одновременно целый комплекс записок. Отправной точкой явились сведения о степени полноты корпуса известных исследователям писем и записок Булгарина, адресованных в III отделение. В архивах сохранилось примерно восемьдесят написанных рукой Булгарина или подписанных его фамилией подобных писем и записок. Они посвящены, как правило, либо вопросам, связанным с изданием «Северной пчелы», либо личным делам самого Булгарина (в т.ч. просьбы о защите или содействии), либо, наконец, являются обзорными записками, дающими целостное рассмотрение какой-либо проблемы. Однако есть среди них 10—15 текстов иного характера — характеристики чиновников и других лиц, выполненные, по всей вероятности, по заказу.

В то же время сам Булгарин признавался позднее Л.В. Дубельту: «Много, очень много бумаг написал я по поручению графа Александра Христофоровича в начале достославного нынешнего царствования и впоследствии, и весьма много важных вопросов предложено мне было к разрешению, по знанию мною местностей, предметов и лиц <...>» (с. 461; письмо 30 апреля 1844 г.). Незадолго до этого он писал тому же адресату: «*В старые годы* я всегда сообщал Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу выписки из обширной моей корреспонденции, а равно и присылаемые мне статьи, когда находил в них что-либо такое, что бы могло быть важным или полезным правительству<...>» (с. 460; письмо 12 апреля 1844 г.). Даже если допустить, что часть этих записок не дошла до нас (при том, что именно за эти годы архив III отделения сохранился неплохо), то и тогда разрыв весьма велик.

Далее. Имеется целый ряд свидетельств тесных, можно даже сказать, повседневных контактов Булгарина с III отделением. Так, помимо широко известных консультационных записок о «лицейском духе», «Арзамасе» и «австрийской интриге» в делах сохранились собственноручные (написанные в спешке, с зачеркиваниями, дополнениями на полях и т.д.) записки его с изложением толков представителей разных сословий о русско-турецкой войне, характеристиками деловых и моральных качеств чиновников разных министерств, ряда поляков, проживающих в Петербурге, и т.д. Более того, сохранился анонимный донос

[48]См.: *Лемке*. С. 255—259; *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и его друзья под тайным надзором// ВЛ. 1985. № 2. С. 128—139.

на французском языке на двух поляков, высланных в Петербург из Вильны, на полях которого Булгарин карандашом вписал (что демонстрирует высокую степень доверия к нему со стороны III отделения) по-русски развернутые положительные характеристики, опровергая предъявленные им обвинения[49].

Чрезвычайно показателен и следующий эпизод, нашедший отражение в дневнике и воспоминаниях Н. Малиновского. Когда в 1828 г. разгорелся скандал в связи с публикацией в варшавской газете «Gazeta polska» статьи о триумфальном чествовании в Петербурге высланного из Вильны Мицкевича и великий князь Константин Павлович прислал в связи с этим запрос в III отделение, Бенкендорф поручил Булгарину (по его собственному признанию) написать ответ[50]. Содержание его (приводимое Малиновским) совпадает с содержанием письма Бенкендорфа великому князю.

Очевидно, что Булгарин в первые годы существования III отделения был теснейшим образом связан с этой организацией. III отделение было создано как «око государево» и должно было осуществлять надзор за разными сферами социальной жизни, в т.ч. и за деятельностью государственных учреждений. В круг его интересов входило все: политические дела, раскольники и сектанты, карточные игроки, фальшивомонетчики, крестьянские бунты, убийства, надзор за иностранцами, нравственность населения (пьянство, сексуальные отклонения и т.п.) и даже (с 1828 г.) театральная цензура.

Наблюдение осуществлялось как официальными сотрудниками — жандармскими офицерами в разных городах, так и негласными осведомителями из самых разных слоев общества. Число осведомителей было невелико (около 30 человек на обе столицы, в других городах информацию собирали жандармы), но выбирал их Фок очень умело. Особенно ценил тех, кому нужны от надзора не деньги, а содействие «в получении милостей, возможность завязать связи», «популярность начальника, дающая беспредельные возможности руководства умами и покорения сердец»[51].

Тактичный и умеющий всегда найти подход к собеседнику, Фок сам непосредственно поддерживал контакты со многими из агентов, они во многом были агентами не III отделения, а самого Фока. Так было и с Булгариным. В этой связи возникает вопрос: почему записок Булгарина сохранилось так мало? Может быть, они хранятся в фонде III отделения в переписанном виде и не атрибутированы Булгарину?

Просмотр дел III отделения показывает, что там не было заведено отдавать переписчику поступающие письма и записки. Даже если они переписывались (как это иногда случалось, например, с письмами Булгарина к Дубельту и Бенкендорфу по вопросам издания «Северной пчелы»), оригинал все равно оставался в деле. В фонде есть целый ряд дел, содержащих агентурные донесения, — как правило, в оригинале, нередко написанные архаичным почерком, с большим количеством грамматических ошибок и т.д. В то же время как в делах с агентурными донесениями, так и во многих других хранится большое число записок (в том числе и обобщающего характера: «Замечания о Польше», «О духе и характере польского народа», цикл записок об остзейских губерниях и др.), написанных характерным красивым почерком М.Я. Фока. У историков литературы сложилась традиция считать Фока автором этих записок (на том основании, что они писаны им собственноручно)[52]. Однако, как мне представляет-

---

[49]См.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 13.

[50]См.: *Малиновский.* С. 103—105; *Malinowski M.* Księga wspomnień. Kraków, 1907. S. 76—81.

[51]ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 761 (пер. с фр.).

[52]См.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора//Былое. 1918. № 1. С. 9, 40, 45; *Медведев М.М.* Грибоедов под следствием и надзором//ЛН. Т. 60. Кн. 1.

ся, это отнюдь не очевидно. Сошлюсь на мнение самого Модзалевского, что «количество сохранившихся в архиве III отделения его писем, докладных и иных записок, справок, заметок, бюллетеней самого разнообразного характера, по самым различным поводам и вопросам — прямо изумительно»[53]. Почему бы не предположить, что Фок нередко выступал в роли простого переписчика? Попробую обосновать это положение. Известно, что целый ряд агентов, особенно высокопоставленных, в целях конспирации «выходили» только на Фока и были известны лишь ему и Бенкендорфу[54]. Штат III отделения был невелик (при Фоке он не превышал 20 человек[55]), специальных чиновников для секретной работы тогда не было. Чтобы, с одной стороны, выражаясь современным языком, не «засветить» своих агентов и, с другой, облегчить чтение их нередко малоразборчивых текстов Бенкендорфу и Николаю I, который зачастую знакомился с этими записками, Фок, по-видимому, сам переписывал их. Могло играть свою роль и желание Фока выдать эти записки за свои и тем самым «пожать лавры» компетентного и деятельного работника.

Помимо тематических, стилистических и прочих аргументов, которые будут приведены ниже, есть три характерных признака, свидетельствующих в пользу этой гипотезы.

Во-первых, Фок обычно писал Бенкендорфу (когда тот уезжал — на коронацию в 1826 г. или в действующую армию во время русско-турецкой войны в 1828 г.) по-французски, а значительный массив записок написан по-русски.

Во-вторых, свои письма Фок подписывал, а многие записки, особенно на русском языке, не имеют подписи. Нередко они оформлены в своеобразные циклы, под названием «Секретная газета» или «Слухи и толки».

И, наконец, в-третьих, Фок нередко в самом тексте записок указывал, что выступает в роли переписчика, а не автора. Например, после написанного им довольно обширного текста (на русском языке) о неблаговидных поступках министра финансов Е.Ф. Канкрина идет следующее заключение на французском: «Я только переписываю слово в слово содержание записки, полученной из совершенно нового источника. В ней содержатся некоторые очень справедливые наблюдения. Я постараюсь укрепить это новое знакомство»[56].

Среди переписанных Фоком записок есть и булгаринские. Например, на каждой из цикла писанных рукой Фока записок об остзейских губерниях стоит сверху пометка «Письма Б.» или «От Б.», одна из них предварена словами (написанными опять-таки по-французски): «Вот первый набросок Б..., который я переписываю» (с. 181), а на двух страницах сноски вписаны рукой Булгарина.

Но если Фок переписывал записки разных авторов, как выделить среди них булгаринские? Думается, что для этого нужно одновременно использовать несколько индикаторов, позволяющих (в совокупности) приблизиться к решению этой задачи. При этом целесообразно выделять не отдельные тексты, а именно комплекс их, поскольку атрибутируемые записки тесно связаны общностью тематики, «героев», оценок и характеристик, речевых оборотов и т.д.

М., 1956. С. 484—496; *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский. Л., 1969. С. 158; *Вацуро, Гиллельсон.* С. 14, 197.

[53]*Модзалевский Б.Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. С. 9.

[54]О структуре и характере деятельности III отделения см.: *Троцкий И.М.* III-е отделение при Николае I. Л., 1990 (впервые изд. в 1930); *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 160—177; *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982; *Monas S.* The Third Section. Harvard, 1961; *Squire P.* The Third Department. Cambridge, 1968.

[55]См.: *Оржеховский И.В.* Указ. соч. С. 29—30; *Сидорова М.В.* Штаты III отделения с.е. и.в. канцелярии//Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3—11.

[56]ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 13 (пер. с фр.).

Прежде всего — сфера компетентности. Хотя Булгарин знал весьма много (а кое в чем претензии его нередко превышали реальный уровень знаний, особенно в медицине и музыке), однако в вопросах журналистики, литературы, общественного мнения, настроений в Польше, Прибалтике и т.п. он был высококомпетентен: записки, посвященные этим темам, имеют очень много шансов оказаться булгаринскими.

Ряд записок прямо касается Булгарина и издаваемой им «Северной пчелы», причем речь в них идет о таких вещах, которые никак не мог знать Фок.

Приведу, например, целиком одну характерную записку 1827 г.: «Булгарин едет на три месяца в Остзейские губернии. Он имеет к тому следующие побуждения: 1) Отвесть больную жену к морским водам в Поланген, поблизости коего, в 30-ти верстах, находится имение дяди его, Булгарина же, *Мишуци*, полученное по последнему процессу. 2) Кончить фамильные дела, т.е. денежные расчеты, и быть миротворцем между дядею и графом Платером. 3) Отдохнуть от трудов механических по журналу и рассеяться. 4) Оживить описанием путешествия свои журналы.

Он будет и в Ревеле. — На пути будет посещать все любопытное и видеться с людьми замечательными» (с. 170).

Вот еще одна записка, датируемая 1 февраля 1828 г., когда после долгого перерыва было вновь разрешено публиковать театральные рецензии: «Статья о русском театре сделала такой шум, что подьячие и купцы забыли на время все, и только и толков, что о театре. У дверей театра была ломка, и когда пишущий сии строки приблизился к раздавателю билетов, чрез контору, то он сказал: «Вот что наделала «Пчела»! Кричат: "В «Пчеле» было писано, давай билеты!"» Забавно, что типографский наборщик, который пять лет не был в театре, бросил работу и пошел туда, набрав статью о театре! Дирекция рада, актеры хорошие в восторге, дурные берутся учить роли, которых в русском театре не знали никогда. Публика только и толкует, что о театре, большой свет о италианцах, русский мир о Разбойниках (трагедии); для вестовщиков это удар, для направления общего духа — сильное орудие, как громовой отвод» (с. 250). Фок не шел бы сам за билетами, тем более через контору; ему бы не стал «раздаватель билетов» кричать, тем более про «Северную пчелу», наконец, откуда ему знать про поведение типографского наборщика?

Важным свидетельством в пользу авторства Булгарина является, по нашему мнению, тон многих записок — он фамильярен, а письма Фока Бенкендорфу хотя и свидетельствуют о доверительности отношений, тем не менее никогда не переходят ту грань, за которой начинается фамильярность[57]. Невозможно, например, представить, что Фок может писать Бенкендорфу (в связи с необходимостью изменить название альманаха) в подобном игривом тоне: «Одно слово на ушко Ивановскому, и дело кончено — сие и будет сделано сегодня же» (с. 224). В то же время Булгарин был хорошо знаком с чиновником и литератором А.А. Ивановским и часто встречался с ним, что позволяло ему «шепнуть на ушко».

Далее. Булгарин был профессиональным литератором, талантливым фельетонистом, обладавшим весьма характерным, присущим только ему стилем. Среди записок многие написаны не просто добротным слогом, но хорошим литературным языком, с определенной легкостью, а в ряде случаев — и фельетонностью письма.

---

[57]См., напр., указанную в примеч. 40 публикацию писем Фока Бенкендорфу 1826 г., а также письма за 1828—1830 гг.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195, 3196, 3198. Любопытно, что он же собственноручно писал (на французском языке) ежегодные отчеты III отделения для царя. После его смерти эти отчеты писались на русском языке и переписывались канцеляристами.

Можно назвать следующие черты поэтики булгаринских записок в III отделение (известных по его подписанным или сохранившимся в автографе текстам), которые присутствуют и в переписанных записках: он часто строит изложение не как информацию о факте, а как анекдот или сюжетно завершенную новеллу, с финальной развязкой и нравоучительным замечанием в заключение; нередки в них разговоры, цитирование чужих высказываний, включение рассказчика в действие и т.д.

И, наконец, идейная система и конкретные пристрастия, выраженные в записках, полностью совпадают с тем, что известно о Булгарине по его публикациям и подписанным запискам в III отделение. Так, автор их защищает литературу, добивается послаблений по отношению к ней, утверждая в то же время, что большая свобода позволит «выпустить пар» и направлять умы, укрепляя тем самым стабильность режима. Он считает, что в существующей ситуации поляки обязаны быть лояльными гражданами, а правительство, со своей стороны, должно предоставить Польше как можно более широкую автономию. Он положительно отзывается о виленской профессуре, в том числе и о тех, кто изгнан за вольнодумство, и резко отрицательно — о Н.Н. Новосильцове, Г.О. Ботвинко и В.В. Пеликане, самоуправствующих в Литве. Он заботится о благосостоянии крестьян и, по-видимому, противник крепостного права. Он, наконец, преданный поклонник А.С. Грибоедова и враг журнальных конкурентов Булгарина — Н.А. Полевого, П.А. Вяземского, М.П. Погодина.

В ряде случаев его характеристики почти совпадают с теми, которые дает Булгарин в достоверно принадлежащих ему текстах. Записки, в которых присутствуют все или большинство указанных признаков, могут быть (по нашему мнению) с высокой степенью достоверности атрибутированы Булгарину. Другие, в которых можно найти лишь один-два признака, требуют дополнительной работы по установлению авторства.

Иногда высказывается мнение, что Фок переделывал записки Булгарина[58]. Разумеется, с полной уверенностью отвести это предположение нельзя. Не исключено, что в каких-то случаях Фок мог сокращать булгаринские тексты. Однако пока никаких доказательств принципиального редакторского вторжения в текст записок не установлено, в них часто встречаются характерные булгаринские словечки и речевые обороты. Показательно, что О.И. Попова, начав с утверждения, что одна из опубликованных М.М. Медведевым записок представляет собой переделку донесения Булгарина, сама в дальнейшем убедительно показывает (на основе сопоставления с достоверно принадлежащим Булгарину близким по содержанию текстом и учета ряда других признаков), что эта записка написана Булгариным[59].

Разумеется, дальнейшее изучение биографии и творчества Булгарина способно как увеличить корпус булгаринских записок, так и отменить некоторые предлагаемые мной атрибуции. Однако неверным было бы отказываться из-за этого от подобных попыток. Без публикаций такого рода, носящих в ряде случаев предварительный характер, т.е. без предоставления материала для споров и обсуждения, движение вперед (как, впрочем, и в других аналогичных случаях) весьма затруднительно.

Атрибутируемые мной записки дают возможность более полно охарактеризовать формы сотрудничества Булгарина с III отделением. Он регулярно, чуть ли не ежедневно, бывал у М.Я. Фока, делясь в беседах информацией и своими размышлениями. Часто он получал вопросы о конкретных людях или по конкрет-

---

[58]См.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. С. 38—40; *Шостакович С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960. С. 166; *Попова О.И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964. С. 115; и др.

[59]*Попова О.И.* Указ. соч. С. 115—116.

ным темам. Иногда, судя по всему, он отвечал сразу, прямо в кабинете Фока, иногда подготавливал записку дома. Но в любом случае, судя по сохранившимся в архиве III отделения текстам, записки писались начерно и не перебелялись самим Булгариным, а в дальнейшем переписывались Фоком или, в случае его болезни или отсутствия, писарем.

Булгарин взял на себя Польшу и Литву, в которой господствовала польская культура[60], Прибалтику[61], литературу и цензуру, политические слухи и настроения общества и т.п., подготавливая по этим темам записки разных жанров. Наиболее известны его «проблемные обзоры», в которых Булгарин демонстрирует хорошее знание предмета, умение живо и доступно трактовать сложные проблемы, что, несомненно, привлекало его «заказчиков».

Другой излюбленный его жанр — характеристики, писавшиеся, как правило, в ответ на запрос различных инстанций по поводу разных лиц. Их Булгарин написал десятки, в круг его «внимания» попадали лица, оставившие заметный след в истории русской культуры (О.И. Сенковский, П.А. Катенин, А.А. Жандр, Н.М. Бахтин, Д.И.Завалишин), известные в то время взяточники, мошенники, плуты, рядовые чиновники. Писались Булгариным, кроме того, суммарные обзоры слухов и толков, главным образом во время военных действий. И, наконец, давал он иногда и донесения о том или ином происшествии или событии.

Следует отметить, что подавляющее большинство записок Булгарина носит объективный или даже защитительный, временами «лакировочный» характер. Лишь в тех случаях, когда затрагивались его интересы, Булгарин сгущал краски, «передергивал карты» и не просто писал доносы (сообщая правду), но не гнушался и откровенной ложью (см., например, его записки о М.П. Погодине или Н.А. Полевом).

В своих записках Булгарин проводил цельную и последовательную систему взглядов, которую можно определить как просветительский монархизм, в духе французских энциклопедистов. Булгарин считал, что специфические условия России (громадная территория, многонациональный состав государства и т.д.) делают абсолютистскую монархию единственно приемлемой для России формой правления. Монарх заботится о благе своих подданных, и прежде всего об их просвещении, составляющем основу прогресса общества, залог улучшения его благосостояния. Критикуя «либеральничающих» аристократов, опору монархии Булгарин видит в «народе» и средних сословиях.

В записках в III отделение и в газетных статьях Булгарин, по сути дела, отстаивал очень умеренную программу буржуазных преобразований в России. Ему была близка социально-политическая и экономическая программа Наполеона: отмена феодальных прав и привилегий, твердая авторитарная власть патерналистского характера, защита частной собственности, создание четких и ясных законов и неукоснительное следование им, поддержка отечественной промышленности. Булгарин часто выступал с апологией трудолюбия и бережливости, в поддержку личной инициативы в предпринимательской деятельности. Он высказывался в пользу коммерческих компаний, способных, по его мнению, стимулировать (при поддержке государства) развитие торговли и промышленности в стране. Он приветствовал возникновение новых учебных заведений, писал о необходимости заимствовать западную культуру и западный образ жизни.

Задача литературы, по его мнению, — прославлять мудрых властителей, военные успехи и т.п., исправлять нравы и помогать управлять населением. Но

---

[60]Об отношении Булгарина к Польше см.: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин и Польша//РЛ. 1993. № 3. С. 72—82.

[61]Об отношении Булгарина к «остзейскому вопросу» см.: *Исаков С.Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х годов//Учен. зап. ТГУ. 1960. Вып. 98. С. 184—189.

чтобы она могла успешно выполнять свои функции, необходимо смягчить цензурный гнет, и Булгарин деятельно боролся за либерализацию цензурного устава и изменение персонального состава цензуры. Чтобы доказать, что литература успешно выполняет свои общественные задачи, он постоянно подчеркивал лояльность литераторов, их проправительственный дух и т.д.

В целом Булгарин, безусловно, не реакционер и не консерватор, а умеренный либеральный монархист, всегда готовый «применяться» к обстоятельствам.

* * *

После смерти Фока в 1831 г. управляющим III отделением стал А.Н. Мордвинов, который пробыл на данном посту по 1839 г. По всей вероятности, в эти годы Булгарин не оказывал услуг III отделению. Фактически ранее он был агентом не III отделения, а лично Фока; со смертью патрона контакты Булгарина с секретной полицией стали гораздо более формальными. Возможно, сыграло свою роль и то, что с 1831 г. по 1837 г. он жил в своем имении Карлово под Дерптом, лишь ненадолго наезжая в Петербург. За этот период сохранились лишь два письма Булгарина в III отделение, причем они носят вполне официальный характер.

После того как место Мордвинова в 1839 г. занял Дубельт, сотрудничество Булгарина с III отделением возобновилось. Но происходило оно теперь на несколько иных основаниях.

В какой-то степени это было связано с изменением общей ситуации (ушли в прошлое надежды на серьезные реформы, порожденные началом николаевского царствования), но главным образом с тем, что Дубельт был личностью совсем иного плана, чем Фок.

Фок с Булгариным были единомышленниками, в равной степени заинтересованными друг в друге. Судя по всему, между ними не возникало никаких конфликтов. Напротив, это были отношения полного доверия, и Фок во всем полагался на оценки Булгарина, даже давал ход его запискам доносного характера против своих конкурентов.

С Дубельтом многое было иначе[62]. На Фока он походил лишь тем, что тоже хорошо знал свое дело и был при этом человеком «просвещенным», хорошо образованным (более того, он интересовался литературой, много читал и даже представлял в 1824—1825 гг. в цензуру свои переводы стихов и прозы В. Скотта, правда, с французского; выступал он в печати и в 1830-х гг.[63]).

Хотя оба были убежденными монархистами, Фок стремился улучшить существующий государственный строй, а Дубельт считал его идеальным и готов был употребить все силы на то, чтобы ничто не посягало на стабильность существующего режима. Воплощением зла был для него Запад, влияние которого он считал опасным и вредным для России[64].

Была в нем какая-то червоточина, внутренняя раздвоенность, находившая и внешнее выражение. С одной стороны, лица, которым довелось быть под следствием в III отделении, отмечают его вежливость, доброту, заботливость[65], а,

---

[62]О Дубельте см.: Русский биографический словарь. Том «Дабелов — Дядьковский». СПб., 1905. С. 707—710; *Лемке*. С. 119—126 и др.; *Троцкий И*. III-е отделение при Николае I. Л., 1990 (по указ.); *Оржеховский И.В*. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 32—33; *Эйдельман Н.Я*. После 14 декабря//Пути в незнаемое. М., 1987. С. 690—735; *Сидорова М.В*. Л.В. Дубельт и его родственники//Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 168—178; *Monas S*. The Third Section. Cambridge, 1961 (по указ.); *Squire P.S*. The Third Department. Harvard, 1968. P. 142—166 и по указ.

[63]См.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 9; РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 57.

[64]См.: *Дубельт Л.В*. Заметки//Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127—171; *Он же*. Заметки и дневники//Российский архив. Вып. 6. М., 1995. С. 106—335.

[65]См., напр.: Полевой. С. 321, 328; *Анненков П.В*. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 521; *Селиванов И.В*. Записки дворянина-помещика//РС. 1880. № 6. С. 306—313; Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. С. 255, 272.

с другой — он мог публично дать пощечину (правда, доносчику[66], сожалеть, что Белинский рано умер, иначе «мы бы его сгноили в крепости»[67] или сказать о Герцене: «Я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его не повесил!»[68]. С одной стороны, он был заботливым отцом и мужем[69], а с другой — являлся завсегдатаем кулис и завел себе, пользуясь служебным положением, любовницу в театральном училище[70]. Н.И. Костомаров вспоминал о двуличности Дубельта: он обещал попросить цензора быть снисходительным к Костомарову, а на самом деле наказал быть построже[71].

Такой человек ни с кем не мог быть по-настоящему откровенным и искренним, а тем более с Булгариным. Равноправного партнерства тут не было, Булгарин постоянно заискивал перед Дубельтом, подчеркивая свое приниженное положение. Вскоре после назначения Дубельта он писал ему (18 апреля 1839 г.): «Клянусь Вам детьми, Богом и честью, что отныне нет у Вас человека приверженнее меня! Жажду *доказать* Вам мою искреннюю и беспредельную преданность!» — и сообщал, что в одной из компаний говорил о нем «с таким чувством, что один из старых остряков назвал меня в шутку Фаддеем Дубельтовичем». В конце того же года он называл его «добрым, благородным человеком, которого я истинно люблю и душевно уважаю и готов доказать это *всеми* (курсив мой. — *А.Р.*) зависящими от меня средствами» (с. 444—445, 455—456).

Несмотря на подобную лесть, временами отношения между ними портились. Так, в 1839 г. Дубельт «гневался» на Булгарина (с. 445). В ноябре 1844 г. Булгарин писал Дубельту: «Мне весьма хорошо известно, что Вы никогда меня не любили, потому что никогда *не знали меня коротко,* а только видывали, и были всегда окружены людьми, которые были моими врагами за мою литературную самостоятельность» (с. 467).

Однако, какими бы неравноправными и временами конфликтными ни были их взаимоотношения, они не имели водевильного тона, как это представляется по некоторым мемуарным анекдотам, часто цитируемым в популярных работах о Булгарине. В них Булгарин предстает в облике нашкодившего мальчишки, а Дубельт — презирающим его грубым наставником. Вот, например, что писал П.П. Каратыгин, ссылаясь на рассказы лично знавшего Булгарина своего отца: «Л.В. Дубельт любил подтрунивать над Булгариным и третировал его <....>. Чуть, бывало, Фаддей Венедиктович расчувствуется и зажужжит в своей «Пчеле» дифирамбы правительству — его просят пожаловать к Леонтию Васильевичу. «Не смей хвалить: в твоих похвалах правительство не нуждается». «Будируя» правительство, Булгарин дерзнет дозволить себе крохотную либерально-консервативную выходку, хотя бы о непостоянстве петербургской погоды, — новая нахлобучка. — «Ты, ты у меня! — грозит Леонтий Васильевич, — вольнодумствовать вздумал? О чем ты там нахрюкал? Климат царской резиденции бранишь? Смотри!» Однажды Булгарин какой-то статьей навлек на себя неудовольствие государя. Николай Павлович приказал Дубельту сделать Булгарину «родительское увещание». Призвали редактора «Северной пчелы» к Леонтию Васильевичу.

— Становись в угол! — скомандовал он Фаддею.

---

[66]См.: *Жеденов Н.Н.* Случай в Петербурге в 1848 г.//РС. 1890. № 8. С. 299.

[67]Цит. по: В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 180.

[68]Цит. по: *Селиванов И.В.* Указ. соч. С. 309.

[69]См.: Письма Л.В. Дубельта к жене//РС. 1888. № 11. С. 498—514.

[70]См.: *Шуберт А.И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 56; *Куликов Н.И.* Театральные воспоминания//РС. 1892. № 8. С. 464; *Зотов В.Р.* Петербург в сороковых годах//ИВ. 1890. № 1. С. 48—49; № 4. С. 94; *Максимов Г.М.* Свет и тени петербургской драматической труппы за прошедшие тридцать лет. СПб., 1878. С. 127.

[71]См.: *Костомаров Н.И.* Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 161.

— Как, ваше превосходительство?

— Как школьники становятся: носом к стене.

Булгарин повиновался и полчаса простоял в углу»[72].

В реальности отношения между ними носили гораздо более серьезный и сложный характер. Первое время после назначения Дубельта управляющим III отделением контакты Булгарина с ним были весьма эпизодическими и случайными (например, в мае — июне 1839 г. он писал из Дерпта о происходящих там волнениях, что явилось причиной посылки в город для наведения там порядка флигель-адъютанта). Лишь с 1844 г. началось сближение. Об этом свидетельствует письмо Дубельту от 12 апреля 1844 г., где Булгарин вспоминает об услугах, оказанных в прошлом III отделению, сетует, что «те *старые годы* прошли, и меня, старика, и мою старушку «Пчелку» — бросили, как говорится на Руси — под лавку!», и сообщает, что теперь опять будет передавать в III отделение выписки из писем ему и поступающие в редакцию материалы, которые по цензурным причинам не могут быть опубликованы, но представляют интерес для властей (с. 460).

И тем не менее, если раньше основным инициатором контактов было III отделение в лице Фока, то теперь инициативу в возобновлении сотрудничества и предоставлении материалов проявлял Булгарин. Возможно, это было связано с тем, что А.Ф. Орлов, возглавивший III отделение после смерти Бенкендорфа в 1844 г., хотя и пользовался иногда услугами Булгарина, в целом относился к нему довольно презрительно.

Масштаб деятельности Булгарина никогда уже не был таким, как раньше. Объем написанного им для III отделения за шесть лет (1826—1831) сотрудничества при Фоке раза в три больше, чем за семнадцать лет при Дубельте (1839—1856). Сузился и круг затрагиваемых им тем.

О чем же теперь писал в III отделение Булгарин? Вопреки распространенным представлениям, записки «доносного» характера составляют лишь ничтожную часть того, что он подал туда при Дубельте. К ним мы еще вернемся, а пока охарактеризуем другие сюжеты этой переписки.

Ведущий из них — это различные вопросы, связанные с изданием «Северной пчелы». Власти, и прежде всего царь, понимали полезность Булгарина и его газеты. И тем не менее, когда начинаешь знакомиться с ее историей, приходишь в изумление. Мнение, что Николай I покровительствовал Булгарину, оказывается мифом.

Хотя Булгарин не вступал в непосредственные контакты с Николаем, но взгляды и вкусы императора в целом, как и конкретные его указания, во многом определяли деятельность Булгарина — и как журналиста, и как агента III отделения. Поэтому уместно будет, как мне представляется, дать хотя бы краткую их характеристику. О Николае существует обширная научная литература, в которой представлен широкий спектр точек зрения — от панегирических до критических[73]. Однако наиболее убедительную оценку ему как правителю дала, по моему мнению, А.Ф. Тютчева, в течение многих лет часто общавшаяся с ним. Признавая, что это был «человек, соединявший с душою великодушной и рыцарский характер редкого благородства и честности, сердце горячее и нежное и ум возвышенный и просвещенный», она пришла тем не менее к выводу, что он был «тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стра-

---

[72]*Каратыгин П.П.* Бенкендорф и Дубельт//ИВ. 1887. № 10. С. 168. Ср. анекдот об аналогичной сцене между Булгариным и шефом жандармов А.Ф. Орловым: *Стогов Э.И.* Записки//РС. 1886. № 10. С. 79—80.

[73]См.: *Лалаев М.С.* Император Николай I, зиждитель русской школы. СПб., 1896; *Шильдер*; *Полиевктов М.* Николай I. М., 1918; *Пресняков А.Е.* Николай I//Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 259—319; *Luncoln W.B.* Nicholas I. Bloomington, 1978, и др.

не всякое проявление инициативы и жизни. Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения — угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть, и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки <...> Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волею»[74].

Следует только отметить, что высшей ценностью для Николая было не собственное благо, не удовлетворение личных желаний и прихотей, а благо управляемой им страны. Он говорил: «Всю жизнь человеческую я считаю не чем иным, как службою в смысле беспрекословного исполнения долга»[75], утверждая при этом: «Я сам служу не себе, а вам всем <...>»[76]. Николай искренне считал, что служит России и от других требовал добросовестной службы себе как лицу, лучше всех знающему, что нужно управляемой им стране. Он полагал, что само положение венчанного на царство властителя обеспечивает ему высшую компетентность во всем, что он все знает, понимает и умеет лучше других[77]. Поэтому он стремился лично контролировать все отрасли государственного управления (армия, финансы, законодательство), все сферы духовной жизни (наука, печать, литература, театр, живопись и т.д.).

Претендуя на тотальный контроль государственной, а во многом и частной жизни, Николай отрицательно относился к общественному мнению как социальному институту. Дело было не в том, одобряют или осуждают его поступки, а в том, что не допускалась даже сама мысль, что кто-либо имеет право на независимое суждение, на оценку действий самодержца. Показательно, например, что Николай не любил публичных похвал себе и нередко запрещал помещать материалы подобного характера в газетах и журналах.

Он придерживался патерналистских воззрений, трактуя себя как отца нации, вступающего (как в семье) в прямые отношения со своими подданными (без всяких посредников в лице журналистов, мудрых советчиков и т.д.) и не столько слушающего, сколько наставляющего и поучающего их.

Ему нужны были дисциплина и исполнительность, а не размышления и самостоятельность. Отсюда милитаризация управления при нем, призванная обеспечить жесткую организованность и структурированность социальной жизни, четкую иерархию, единоначалие, унификацию, управление на основе силы, а не убеждения.

Однако правление Николая пришлось на тот период русской жизни, когда формирование общественного мнения как социального института шло довольно интенсивно, росло число периодических изданий и, что важнее всего, расширялась сфера их распространения, охватывая не только дворянство, но и другие слои: купечество, мещанство, духовенство.

---

[74]*Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 47. Ср. мнение Б.Н. Чичерина: Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 110.

[75]Цит. по: *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 235.

[76]Цит. по: *Залевский М.Н.* Император Николай Павлович и его эпоха. Germany, [1981]. С. 71.

[77]Вот характерный пример. Когда в 1845 г. главный начальник III отделения граф А.Ф. Орлов, докладывая о просьбе трех сирот, дочерей статского советника, о выдаче им единовременного денежного пособия, предложил дать 600 рублей серебром, Николай наложил резолюцию: «Довольно и 500 сер.» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 102. Л. 99).

Сам Николай предпочел бы, чтобы общественного мнения вообще не было, но признавал, что если уж оно все же существует, то нельзя с ним совсем не считаться.

Поэтому в Николаевскую эпоху особое внимание уделялось обучению и воспитанию. Была выработана государственная идеологическая доктрина «официальной народности», и прилагалась масса усилий, чтобы юношество воспитывалось в соответствующем духе. При этом различные «умствования», например философия, почитались лишними. Характерно обращение Николая в 1825 г., когда он еще не был царем, к своим подчиненным: «Господа офицеры, займитесь службою, а не философией: я философов терпеть не могу, я всех философов в чахотку вгоню!»[78]

На первом плане при Николае были технические, технологические знания. В высочайшем рескрипте 1827 г., подчеркивая, что считает «народное образование одним из главнейших оснований благосостояния державы», Николай выражал желание, «чтобы каждый, вместе со здравыми, для всех общими, понятиями о Вере, законах и нравственности, приобретал познания наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи <...>»[79]. При Николае было открыто немало учебных заведений, но носили они, как правило, чисто профессиональный, прикладной характер: Школа технического рисования (1826), Технологический институт (1828), Училище правоведения (1835), Строительное училище (1842), Межевой институт (1844), многочисленные военно-учебные заведения и т.д.

Николай держал под постоянным личным наблюдением всю сферу публичного, в частности искусство[80], не говоря уже о литературе[81]. Здесь, как и в других сферах, во главу угла он ставил службу государству и прежде всего самодержавию и себе лично. При этом литература не рассматривалась им как автономная, важная сама по себе сфера социальной деятельности. Более того, по свидетельству хорошо его знавшего В. А. Соллогуба, «государь Николай Павлович пишущих людей вообще недолюбливал <...>»[82].

В основе литературной политики Николая лежали не эстетические, а политико-идеологические критерии. Те произведения, которые поддерживали господствующую идеологию (т. е. были проникнуты монархическим духом, представляли самодержавие как высшую ценность, отличались патриотизмом, свидетельствовали о неиспорченности народа и преданности его царю), удостаивались всяческого поощрения[83]. Литераторы, занимающиеся прославлением России и русских царей, получали выгодные должности (близкие по характеру к синекуре): М.Н. Загоскин был назначен управляющим конторой московских те-

---

[78]Цит. по: *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 114.

[79]Цит. по: *Лалаев М.С.* Указ. соч. С. 102, 103.

[80]См.: *Врангель Н.* Искусство и Государь Николай Павлович//Старые годы. 1913. Июль—сентябрь. С. 53—163; *Бенуа А.Н., Лансере А.* Дворцовое строительство Николая I//Там же. С. 173—197; *Лисовский В.Г.* Академия художеств. Л., 1982. С. 79—81; Император Николай Павлович и русские художники в 1839 г.: Письмо гр. Ф.П. Толстого к В.И. Григоровичу// РС. 1878. № 2. С. 347—356; *Глинка М.И.* Записки. М., 1988 (по указ.); *Бурдин Ф.А.* Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче//ИВ. 1886. № 1. С. 144—153; В.В. Самойлов в рассказе о начале своей артистической деятельности//РС. 1884. № 10. С. 135—138.

[81]См.: *Лемке.*

[82]*Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 495.

[83]Характерно, что в царствование Николая по его инициативе большой размах приобрели работы по реставрации памятников древнерусской архитектуры. «Их целью было создание своего рода «иллюзорного прошлого», исторической декорации к создаваемой официальными историографами биографии царствующего дома» (*Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 72).

атров (1830) после публикации понравившегося Николаю «Юрия Милославского» (1829), Н.В. Кукольник получил должность столоначальника II отделения императорской канцелярии (1834) после постановки одобренной Николаем пьесы «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834). Стоит упомянуть и Пушкина, который в период польского восстания 1830—1831 гг. идейно поддержал политику властей (что нашло свое выражение как в устных высказываниях, так, позднее, и в стихотворениях «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») и в результате получил в 1831 г. разрешение работать в архивах над историей Петра I и был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел (чисто номинально) с солидным жалованьем 5000 руб. в год. Н.А. Полевой в конце жизни, когда он писал в большом числе монархические и патриотические пьесы, получал по распоряжению царя пенсию (через III отделение). Щедрую поддержку (чины, ордена, пенсии) получали и литераторы, близкие ко двору или пользующиеся покровительством влиятельных придворных: Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, Н.В. Гоголь.

Те же авторы, в творчестве которых была замечена хоть тень «вольномыслия», подвергались цензурным репрессиям (вплоть до запрета печататься, как, например, было в случаях с П.Я. Чаадаевым и А.А. Орловым), причем нередко в роли высшей цензурной инстанции выступал сам император (так было не только с Пушкиным; например, Николай запретил печатать трагедию Погодина «Петр I» (1831) и разрешил водевиль П.А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843)[84], «Горе от ума» (1833)[85] и «Ревизора» (1836)[86]. Иногда он подвергал «провинившихся» аресту: в краткосрочном заключении побывали А. Ф. Воейков, Булгарин и Греч (1830), В.И. Даль (1832), М.П. Сорокин (1843), Ю.Ф. Самарин (1849), И.С. Тургенев (1852) и др.; закрывал журналы, которые были сочтены нелояльными власти: «Европеец» (1832), «Московский телеграф» (1834), «Телескоп» (1836). В 1826 г. выпускник Московского университета А.И. Полежаев был по указанию царя отправлен унтер-офицером в армию за «вольнодумную» поэму «Сашка», портупей-юнкер В.Я. Зубов за сочинение антиправительственных стихов был по высочайшему повелению объявлен сумасшедшим и посажен в дом умалишенных (1826), а затем послан рядовым в армию, С.И. Ситников за рассылку стихотворных прокламаций по указанию царя был заключен в Шлиссельбургскую крепость (1831)[87], М.Ю. Лермонтов за «Смерть поэта» был высочайшим приказом переведен из гвардии в армию и послан на Кавказ (1837), и т.п.

Нередко Николай приказывал сделать выговор тому или иному литератору — через цензурные инстанции или III отделение. Полагая, что чем больше периодических изданий, тем труднее осуществлять контроль за ними, Николай стремился сдерживать рост их числа и с 1838 г. почти не давал разрешений на создание новых литературных газет и журналов.

В отдельных случаях, как, например, с Пушкиным, Николай вел весьма сложную игру, внешним благожелательным отношением и покровительством маскируя подозрительность и тщательный контроль[88]. Помимо репрессий и по-

---

[84]См.: *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. СПб., 1917. С. 21—23, 49—51.

[85]См.: *Пиксанов Н.К.* История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания// Грибоедов А.С. Горе от ума. М., 1988. С. 404.

[86]См.: *Вересаев В.* Гоголь в жизни. М., 1990. С. 183—184.

[87]См.: Вольная русская поэзия XVIII — XIX веков. Т. 1. Л., 1988. С. 382, 416.

[88]См.: *Лемке.* С. 465—526; *Щеголев П.Е.* Император Николай и Пушкин в 1826 г.//Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 308—337; *Эйдельман Н.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826—1837. М., 1987. С. 7—174; *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1836 г. Л., 1989; *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

ощрений Николай, считавший себя и в литературе большим специалистом, иногда прибегал и к личной редактуре (как это было, например, с произведениями Пушкина, Кукольника, Е.Ф. Розена, газетными статьями)[89].

Однако в целом отечественная художественная литература его мало интересовала. При отмеченной многими мемуаристами выдающейся памяти на имена он путал Н.А. Полевого и М.П. Погодина[90], полагал, что «Мертвые души» написал В.А. Соллогуб[91], и т.д.

Теперь об отношении Николая I к Булгарину.

Начало было обнадеживающим. За статью на смерть Александра I Булгарин «удостоился получить благоволение» Николая I, переданное ему через графа Милорадовича. Как уже говорилось выше, в конце 1826 г. по указу царя Булгарин был зачислен в штат министерства народного просвещения. В 1827 г. он получил от царя бриллиантовый перстень за поднесенные «Сочинения», в 1829 г. через Бенкендорфа царь передал Булгарину, что «читал «Выжигина» (т.е. роман Булгарина «Иван Выжигин». — *А.Р.*) с удовольствием»[92] (это не условная формула, одновременно он рекомендовал заключенному в крепость декабристу Корниловичу познакомиться с этим романом), в 1831 г. наградил Булгарина за продолжающего его «Петра Ивановича Выжигина» бриллиантовым перстнем (еще один перстень он получил в 1830 г. за «Димитрия Самозванца»). Признавал Николай и полезность «Северной пчелы», в 1848 г. он назвал ее изданием, «отличающимся благонамеренностию и направлением, совершенно соответствующим цели и видам правительства»[93] (И.Г. Головин в 1845 г. в предисловии к изданной им на французском языке книге о России при Николае I писал, что «любимым и ежедневным чтением Николая служит «Северная пчела» <...> На полях Его Величество изволит делать пометки; на одном из листов, которые все тщательно собраны в Эрмитаже, мы читаем, что слова *губернский суд, уездный суд* нужно печатать более крупным и жирным шрифтом»)[94]. И тем не менее, признавая, что «умен очень Булгарин»(с. 469), царь всегда пренебрежительно относился к нему (называя «Королем гостиного двора»)[95]. В конце января 1830 г. Булгарин поместил в «Северной пчеле» начало резко отрицательной рецензии (по его уверениям — А.Н. Очкина) на роман Загоскина «Юрий Милославский», за что Бенкендорф по повелению царя сделал ему выговор и запретил продолжать полемику. Однако Булгарин напечатал продолжение рецензии и по приказу царя был посажен на гауптвахту. Прочитав в «Северной пчеле» резко отрицательный отзыв на седьмую главу «Евгения Онегина» (1830, 22 марта и 1 апреля), Николай отправил Бенкендорфу записку, в которой писал: «В сегодняшнем номере

---

[89]См.: *Сухомлинов М.И.* Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина//ИВ. 1884. №1. С. 55—87; *Зенгер Т.* Николай I — редактор Пушкина//ЛН. Т. 16/18. М., 1934. С. 513—536; *Теобальд* [В.А. Роткирх]. «Рука всевышнего отечество спасла». Драма Н.В. Кукольника//РА. 1889. № 12. С. 509—511; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 155—156; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 27. Л. 120—132; Ед. хр. 36. Л. 111—114. См. также: *Выскочков Л.В.* Император Николай I в отечественной историографии XIX — начала XX в.//Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 543.

[90]См. Письмо Пушкина М.П. Погодину от 5 марта 1833 г.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 15. [М.;Л.], 1948. С. 53.

[91]См.: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 11.

[92]См.: *Пржецлавский О.А.* Из воспоминаний петербургского старожила. Ф.В. Булгарин// Рус. сборник. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1877. С. 197.

[93]Цит. по: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 250.

[94]Цит. по: РС. 1917. № 4—6. С. 132.

[95]См.: *В. Б*[*урнашев*]. Из воспоминаний петербургского старожила. II. Четверги у Н.И. Греча//Заря. 1871. № 4. С. 19.

«Пчелы» находится опять несправедливейшая и подлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение; поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретите его журнал». Николай защищает Пушкина от Булгарина! — Как это расходится с привычными историко-литературными схемами. В ответном письме Бенкендорф, сообщив, что по его указанию Булгарин не будет продолжать свою критику на «Онегина», счел нужным защищать его, подчеркнув, что он критикует Пушкина с монархических и патриотических позиций: «Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за кавказскими горами и великие события, обессмертившие последние годы, не придали лучшего полета гению Пушкина». Одновременно Бенкендорф указал, что московские журналисты резко нападают на булгаринский роман «Димитрий Самозванец», в котором император нашел бы «много очень интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма»[96]. В результате недовольство императора практически не имело последствий для Булгарина. Через год Николай так сформулировал свое отношение к редактору официозной газеты: «Булгарина и в лицо не знаю, и никогда ему не доверял»[97]. Он очень низко ценил верную службу Булгарина на столь сложном поприще, и если иногда и поощрял, то гораздо чаще подвергал выговорам и наказаниям.

Выговоры царя за те или иные публикации в «Северной пчеле», передаваемые через III отделение или Главное управление цензуры, следовали регулярно и в большом количестве. По сути дела, Николай преследовал любую попытку самостоятельного мышления, неважно, касалась ли она каких-либо принципиальных вопросов государственного управления или ничтожных мелочей. Настороженное отношение Николая к Булгарину было обусловлено в какой-то степени его связями с декабристами и его польским происхождением.

Но главное, конечно, не в этом. Если Булгарин считал литературу и журналистику не только средством просвещения и окультуривания населения, но и эффективным орудием государственной политики, с помощью которого можно мобилизовать жителей страны в поддержку власти, то Николай, по сути дела, отрицал необходимость и того и другого. Не то чтобы он был обскурантом, выступающим против науки и литературы. Но для него они имели очень узкую сферу действия, так сказать, прагматическое, а не мировоззренческое применение. Образование и научные знания нужны, по Николаю, для практической деятельности, а искусство (и в частности, литература) — для развлечения либо патриотического или семейного воспитания.

Всяческие рассуждения — это лишнее. Поэтому так не нравилась Николаю журналистика, проявляющая хоть какую-нибудь самостоятельность мысли. Булгарин, претендовавший на выражение собственного мнения, раздражал этим Николая и, разумеется, не мог рассчитывать на какое-то серьезное поощрение.

В течение многих лет Греч и Булгарин пытались добиться разрешения на публикацию объявлений в газете. По давней традиции эта привилегия принадлежала «С.-Петербургским ведомостям», издававшимся Академий наук, и «Московским ведомостям», издававшимся Московским университетом. Получив такое право, издатели «Северной пчелы» существенно увеличили бы свой годовой доход. Однако этому препятствовало министерство народного просвещения, защищавшее интересы Академии наук и Московского университета.

Свои попытки Греч и Булгарин начали в 1839 г., возобновляли в 1844, 1848, 1850 и 1856 гг. В прошениях они характеризовали свои заслуги перед правитель-

---

[96]Цит по: Выписки из писем графа А.Х. Бенкендорфа к императору Николаю I-му о Пушкине//Старина и новизна. Кн. 6. СПб., 1903. С. 7—9 (пер. с фр.).

[97]Цит. по: *Шильдер Н.* Два доноса в 1831 году//РС. 1898. № 12. С. 521.

ством и литературой, доказывали полезность своей газеты, обещали отдавать значительную часть доходов от объявлений на благотворительные нужды и т.д.

Булгарин считал (цитирую его письмо Дубельту от 11 апреля 1850 г.), что «если правительство почитает полезным поддержание газеты, издаваемой в его духе, двумя опытными литераторами, приобретшими популярность и искренно преданными правительству, то даже в политическом отношении просьба наша может быть уважена. Дозволением печатать объявления положится, так сказать, твердое основание газеты в материальном отношении, а издатели будут иметь более средств к влиянию на умы, совращаемые иногда с истинного пути бреднями людей неопытных» (с. 571—572).

Однако из-за несогласия министерства народного просвещения царь неизменно отвечал отказом на просьбу о разрешении публиковать объявления в «Северной пчеле».

Неудачей закончилась и попытка Булгарина получить в 1845 г. ссуду от казны на десять лет в 25 тыс. рублей серебром под залог своего имения Карлово. Подобные отказы очень обижали Булгарина, видевшего в этом недооценку своих и Греча заслуг. Его уязвляло, что фрондеру Пушкину правительство оказывало всяческие благодеяния, что Н. Полевой, чей журнал был запрещен императором, и Гоголь получают пенсию, а ему не перепадает никакой финансовой помощи.

Второй комплекс материалов, связанный с «Северной пчелой», — просьбы о защите. Нередко публикации газеты (даже порой весьма невинные) порождали неудовольствие различных находящихся у власти лиц, которые грозили карами редакторам и нередко приводили свои угрозы в исполнение. Обращаясь в III отделение, Булгарин искал защиту от царя, генерал-губернатора и обер-полицмейстера, министра просвещения, военного министра и др.

И, наконец, просьбы о позволении напечатать в газете те или иные материалы, иногда даже просто перепечатать сообщения из провинциальной газеты.

Значительную часть обращений Булгарина составляют ходатайства за других. Он просит помочь вдовам старых воинов, продолжить выплату пособия семьям Н. Полевого и М. Фока, ходатайствует о покровительстве А. Киркору, намеревающемуся издавать периодическое издание на польском языке, и о покупке медальона с изображением императора работы резчика-самоучки Я.П. Серякова.

Теперь о тех материалах, которые не связаны с газетой и могут рассматриваться как консультативная и агентурная деятельность.

Булгарин представил несколько записок, где довольно резко характеризуются существующие в России порядки («министры разделили между собой Россию и господствуют в своих *уделах* самовластно, давая полную власть тем генерал-губернаторам, которые сильны при дворе и связями» — с. 484) и даются советы по совершенствованию государственного управления, полиции, торгового тарифа и т.д. В этих записках очень остро критикуется цензура («Ценсура <...> у нас <...> устроена хуже самой дурной полиции в заштатном городе! Устав <...> *не исполняется ни в одном пункте*» — с. 506).

В ряде писем и записок доносного типа характеризуется журнал «Отечественные записки», который стремится «возбудить жажду к переворотам и к революциям, и это проповедуется в каждой книжке» (с. 493). Однако эти записки не достигали желаемого эффекта. В дневнике А.В. Никитенко сообщается, как после подобного доноса Дубельт вызвал редактора журнала А.А. Краевского, «намылил ему голову за либерализм, но в заключение объявил, что, впрочем, ничего из этого не будет»[98].

---

[98] *Никитенко*. С. 298.

В целом тесное сотрудничество Булгарина с III отделением на этот раз продолжалось всего три года (1846—1848). Позднее Булгарин часто болел, подолгу жил в Карлово, и связь его с III отделением стала гораздо слабее.

Резюмируя сказанное, отметим, что во второй период своего сотрудничества с III отделением Булгарин отнюдь не был его агентом, а лишь время от времени оказывал (как правило — по своей инициативе) услуги этой инстанции, снабжая информацией по ряду тем (слухи в обществе, жизнь в Дерпте) и предоставляя записки с советами (а иногда — и доносами), которые, как правило, не имели никаких последствий.

Чуть ли не накануне своего увольнения (в 1856 г.) Дубельт писал ему: «Я всегда высоко ценил вашу дружбу и могу уверить вас, что это чувство обоюдно, — я унесу его и туда, где нет ни скорбей, ни огорчений» (с. 606—607). Сказано красиво, но трудно определить, насколько искренно. Так или иначе, но при Дубельте Булгарин и права на публикацию объявлений в «Северной пчеле» не получил, и закрытия «Отечественных записок» не добился.

Что же давало Булгарину сотрудничество с III отделением?

Прежде всего — более прочное общественное положение (напомню процитированные выше слова Фока). В момент воцарения Николая I он был журналистом с «подмоченной» репутацией, «запятнанным» тесным общением с видными декабристами. Помогая III отделению, Булгарин продемонстрировал свою преданность престолу и избежал наказания. Более того, ему удалось вместо совершенно неопределенного и сомнительного звания «капитан французской службы» получить не такой уж маленький чин коллежского асессора и службу в министерстве народного просвещения, которые давали ему более или менее определенное положение в обществе.

Не следует забывать, что Булгарин попал в Петербург как поверенный дяди по ведению большого процесса об имении и рассчитывал в случае выигрыша на немалый куш. Процесс этот носил затяжной характер (как и многие в то время) и не был завершен к 1826 г. Окончательное судебное решение в пользу дяди Булгарина последовало только в 1828 г., и не исключено, что III отделение оказало Булгарину помощь и в этом.

Вторая важнейшая жизненная задача, которую Булгарин решал, сотрудничая с III отделением, — это успешный выпуск «Северной пчелы». Здесь нужно выделить несколько аспектов. Прежде всего — борьба за смягчение цензуры. Совместно с Фоком Булгарин вел длительную борьбу с «чугунным» уставом 1826 г., и, по всей вероятности, их вклад в появление нового, значительно более либерального устава 1828 г. весьма велик[99]. Немалые усилия прикладывал Булгарин и к улучшению персонального состава цензуры — замене клерикалов и тупиц на умных и образованных чиновников. Поданные им записки по персональному составу были, по всей вероятности, учтены, по крайней мере всех лиц, отрицательно охарактеризованных им, вывели в 1828 г. из состава цензоров и заменили на лиц, рекомендованных Булгариным. Это не означает, конечно, что новые цензоры могли «отступать» от общего курса, формулируемого их начальством, поэтому Булгарин нередко конфликтовал и с ними, но по более принципиальным поводам, а не из-за мелочных придирок, как ранее.

Важную роль играло для Булгарина и содействие III отделения в проведении ряда материалов в печать. Цензура нередко отклоняла представляемые Булгариным рукописи. Например, в 1828 г., когда Булгарин подал в цензурный комитет жалобу на цензора И.Я. Ветринского, тот писал в объяснительной записке,

---

[99]См.: *Гиллельсон.* Ряд опубликованных в этой статье записок (на с. 202—203, 214—215, 217), атрибутируемых автором по почерку М.Я. Фоку, принадлежат, с нашей точки зрения, Булгарину.

что «в сообщаемых мне г. Булгариным рукописях встречались иногда такие целые статьи или частные места, на одобрение коих не только я сам собою, — но и весь Комитет не решался, без особенного разрешения Высшего начальства»[100].

В 1831 г. в «Северной пчеле» (№78—108, с перерывами) был напечатан юмористический очерк Булгарина «Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на петербургском тракте, или Картинная галлерея нравственных портретов», в котором министр народного просвещения К.А. Ливен усмотрел призыв к бунту и сделал представление императору, предлагая уволить цензора и наказать Булгарина. Лишь благодаря заступничеству Бенкендорфа дело было оставлено без последствий[101].

Однако при жизни Фока цензура не особенно преследовала Булгарина. После 1831 г. его положение ухудшилось и число цензурных запретов и выговоров стало быстро расти[102]. Приведем несколько примеров, не отмеченных в упомянутом обзоре В.В. Стасова.

В 1834 г. в «Северной пчеле» была помещена рецензия на книгу Н.П. Кирова «Краткая всеобщая история». Из-за нее разгорелся скандал и состоялось решение Синода, согласно которому отзыв «написан в духе, несогласном со святым писанием, на счет истин коего встречаются в разборе даже непристойные, ни зрелого суждения, ни благонамеренности не обнаруживающие, выражения»[103].

В мае 1836 г. по докладу цензора А.В. Никитенко была запрещена предназначенная для «Северной пчелы» статья «Успехи разума», представляющая собой «жестокую личность против одного из литераторов московских»[104].

В феврале 1838 г. в цензуру была представлена переводная статья «О положении Канады», где излагались причины революции в стране и отделения ее от Англии. Цензор Никитенко, «убежденный внутренне, что подобных предметов в русской газете надобно касаться с большою осторожностию <...>, счел необходимым включить в эту статью некоторые оговорки»[105], вписав их красными чернилами. Редакция «Северной пчелы» проигнорировала их, за что цензурный комитет сделал ей предупреждение.

Но даже если редактора «Северной пчелы» и проводили через цензуру «сомнительные» материалы, на это уходило много времени, что было губительно для ежедневной газеты. Предоставляя материалы в III отделение, Булгарин нередко получал позволение на публикацию от Бенкендорфа и даже от самого царя, которому Бенкендорф в случае необходимости показывал материал в рукописи.

Второй аспект связан с защитой от репрессий за уже опубликованные материалы. Ведь наибольшую опасность представляла не регулируемая гласными и негласными установлениями цензура, а самовластный, не подчиняющийся никаким законам император. И только III отделение в лице Бенкендорфа могло в нужный момент отвести кару, либо, по крайней мере, смягчить ее.

Угрозу Булгарину представляла и польская администрация. В декабре 1824 г. попечитель виленского учебного корпуса Н.Н. Новосильцов писал Аракчееву о необходимости держать под наблюдением ряд лиц (среди которых были названы и Греч с Булгариным), как представляющих опасность для порядка в Царстве Польском. В ответ на запрос императора, нет ли новых сведений о вредной

---

[100]РГИА Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 859.

[101]*Никитенко*. С. 106.

[102]См.: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1903. № 2. С. 320—321; № 4. С. 169, 174—177; № 7. С. 141—144, № 8. С. 419—420; № 9. С. 649—651, 657—658; 1904. № 2. С. 440—441.

[103]РГИА Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1245.

[104]Там же. Ед. хр. 1317.

[105]Там же. Ед. хр. 1459.

деятельности Булгарина и Греча, Новосильцов в мае 1828 г. сообщал, что «Булгарин в издаваемых им повременных сочинениях продолжает покровительствовать распространению и укреплению польских патриотических помышлений, в превратном и ложном их направлении столь противных тесному и откровенному соединению сего народа с россиянами»[106]. Однако подготовленный Булгариным и пошедший от лица III отделения ответ обелял Булгарина и объяснял необоснованность обвинений.

Третий аспект — это возможность с помощью III отделения избавиться от своих потенциальных конкурентов по изданию газеты (в конце 1820-х гг. доносами на Полевого, Погодина, Вяземского и других ему удалось добиться того, что издание политической газеты в Москве так и не было разрешено; в 1840-х гг. он пытался так же расправиться с «Отечественными записками», но не достиг желаемого).

И, наконец, последнее. Через III отделение Булгарин и Греч стремились получить привилегии своей газете (или, по крайней мере, отстоять свои права). И хотя разрешения на публикацию объявлений они не добились, но в ряде случаев необходимую поддержку получали (например, по вопросу публикации сообщений о ходе военных действий).

Охарактеризовав моменты прагматические, не следует полностью исключать, с моей точки зрения, и моменты идейные. Как человек с просвещенческой идеологией, Булгарин полагался на цивилизующую роль монархии, которой рассчитывал (в качестве, так сказать, мудреца, «философа») давать советы, стремясь преобразовывать Россию в соответствии со своими политическими и этическими идеалами и представлениями.

Мы описали «профит» Булгарина в этом альянсе. Но какую пользу приносил он III отделению? Выигрыш тайной полиции был, по-моему, также весьма велик.

Во-первых, Булгарин, как умный и знающий человек, мог консультировать в случае необходимости и подготавливать обобщающие записки по ряду важных тем (Польша и Литва, Прибалтика, литература и цензура, судопроизводство и т.д.).

Во-вторых, как журналист, Булгарин мог на основе обширной корреспонденции и бесед с широким кругом людей выступать в роли компетентного и хорошо информированного агента по тому же кругу вопросов, регулярно поставляя сведения текущего характера.

В-третьих, использовался и его литературный талант, поскольку его тексты можно было без дополнительной обработки (что упрощало задачу Фока) предоставлять наверх, а в 1828 г. он, по-видимому, редактировал рукописную «Секретную газету», посылавшуюся в действующую армию Бенкендорфу и царю.

И, наконец, в-четвертых, «Северная пчела» выступала в роли официозного органа, пропагандируя нужные взгляды. Там печатались статьи, представленные III отделением; в ряде случаев нужные материалы заказывались Булгарину, да и в собственных статьях он стремился угадать, как тогда выражались, «виды правительства» и по мере возможности следовать им.

Еще один вопрос, на котором следует остановиться, — это нравственный аспект деятельности Булгарина. Я не собираюсь давать моральную оценку сотрудничеству Булгарина с III отделением — это не входит в задачи исследователя. Однако для понимания описанных контактов представляется важным выяснить, как относились к ним современники. К сожалению, информация по этому вопросу скудна, фрагментарна и одностороння, а сама проблема очень сложна. Не претендуя на окончательное ее решение, все же изложу свои соображения по этой теме.

---

[106]*Н.Д[убровин]*. Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин и А. Мицкевич//РС. 1903. № 11. С. 338.

Прежде всего отмечу, что ниже речь пойдет о тех, кто вообще знал о существовании Булгарина, т.е. о слоях, причастных к чтению газет и журналов, — дворянство, чиновничество, часть духовенства, небольшая часть купцов и мещан (подавляющее большинство населения было неграмотно и ничего не читало). За небольшими исключениями представители этих групп были лояльны к власти, недовольство если и было, то носило, как правило, личный характер, а не затрагивало, скажем, монархический принцип. Конечно, встречались и оппозиционно настроенные (что и показало восстание декабристов), однако их было во много раз меньше, чем лиц, всецело преданных престолу. Характерно, что, как показал на обширном материале Н. Пиксанов, «декабрьские события не вызвали в дворянстве московском, провинциальном и усадебном поддержки <...> даже пассивной», напротив, дворянство «горячо негодовало против «бунтовщиков», одобряло принятые правительством меры подавления мятежа, восхваляло главу правительства, Николая I, и само подсказывало дальнейшие репрессии»[107].

После поражения декабристов надежд на насильственное изменение строя ни у кого, кроме немногих неопытных, плохо представляющих российскую социальную и политическую ситуацию юношей (кружок братьев Критских), не было.

Помимо тех, кто верно служил царю и отечеству, исходя из традиционного понимания своего долга, и тех, кто стремился на службе сделать карьеру, обогатиться и т.д., немало было и таких, кто рассчитывал, сотрудничая с властью, повлиять на нее и достичь благих целей. Характерно, что в первые годы царствования Николая I адресованные ему записки пишут не только Булгарин, но и Пушкин (записка «О народном воспитании»), и заключенный в крепость декабрист Корнилович, и многие другие. Пушкин и писатели его круга выбирали в 1830-х гг. роль не оппозиционеров, а партнеров правительства (другое дело, что их попытки были безуспешны).

В 1831 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнить волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т.е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению»[108]. Под этими словами вполне подписался бы и Булгарин!

Вяземский в 1833 г. предлагал создать официозную газету, находящуюся под контролем правительства и проводящую его политику, в 1834 или 1835 гг. с аналогичным предложением обращался Погодин[109]. Известный «либерал» А. Краевский в ряде случаев для подтверждения своей лояльности писал в III отделение «объяснительные» письма и посылал на согласование свои «политические» антизападные проправительственные статьи. Греч нередко оказывал услуги III отделению, например, изданием брошюр на немецком и французском языках, полемизирующих с западными критиками российских порядков, и т.п.

В первой половине XIX в. не считалось, что сотрудничество с правительством может скомпрометировать. Характерно, что многие литераторы охотно

---

[107]*Пиксанов Н.* Дворянская реакция на декабризм//Звенья. Сб. 2. М.; Л., 1933. С. 145, 164.

[108]*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. [М.; Л.], 1941. С. 256.

[109]См.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 209—213.

исполняли цензорские обязанности (С.Т. Аксаков, О.И. Сенковский, С.Н. Глинка, Никитенко и др.), что никак не влияло на отношение к ним окружающих, в т.ч. и других писателей.

Сохранившиеся в архиве III отделения многочисленные просьбы и жалобы свидетельствуют, что значительная часть населения позитивно оценивала его деятельность и надеялась найти там помощь, сталкиваясь с нарушением закона и несправедливостью. Никак, судя по всему, не унижала человека и открытая служба в III отделении. По крайней мере, такие литераторы 1830 — 1840-х гг., как В.А. Враский и П.П. Каменский, служили там, что, по-видимому, не мешало их контактам с другими писателями.

Однако помимо не скрывающих этого факта штатных сотрудников важную роль в деятельности III отделения играли доносчики и секретные агенты. Доносчик — это частное лицо, которое по какому-нибудь вопросу (его лично не касающемуся, если же он обижен и ищет защиты, то это не донос, а жалоба) представляет компрометирующую кого-либо информацию «по начальству».

Как относилось общество к подобным лицам? Рискну утверждать, что во много раз более терпимо, чем в наши дни. Конечно, вступать в контакт с такими лицами и подвергнуться тем самым потенциальной опасности не хотелось никому, но осуждал их по моральным основаниям далеко не каждый. Более того, многие сами были готовы написать донос.

Здесь необходимо сделать отступление о доносе.

Прежде всего разберемся в семантике этого слова. Первоначальное его значение — это официальное сообщение о чем-либо, синоним донесения. Судя по всему, еще в XVI в. оно употреблялось лишь в этом смысле[110], только в XVII в. слово «донос» начинает использоваться для обозначения сообщения, содержащего обвинение кого-либо в каком-либо преступлении, но и в XVIII в. это значение еще не выходит на первый план[111]. Отношение к доносчику в этот период достаточно неопределенное. Даже А.Н. Радищев, резко выделявшийся на фоне своего времени мыслитель и моралист, считал, что «доносчик, полезный хотя государству, конечно обществом ненавидим, разве польза его доноса будет общая»[112].

В определении доноса, даваемом Далем («довод на кого, не жалоба за себя, а объявленье о каких-либо незаконных поступках другого»)[113], не чувствуется пежоративный оттенок, выражающий отрицательное отношение к этому явлению. С.А. Королев справедливо отмечает, что «в течение столетий донос не считался на Руси чем-то зазорным; скорее, доносительство можно рассматривать как норму взаимоотношений индивида и государства, норму не политическую (ибо политики в нормальном смысле слова в российском обществе еще нет) и не социальную (поскольку гражданского общества как некоей целостности также нет), а как некие общепринятые правила поведения в рамках достаточно жесткой системы технологий власти, существовавшей в авторитарном и в то же время архаическом, патриархальном обществе средневековой Руси»[114].

Донос был широко распространен и в первой половине XIX в., можно сказать, что он был обыденным явлением. Более того, он, по сути дела, был вменен в обязанность любому, кто был на государственной службе. Вот, например, слова из текста присяги, которую дал Булгарин (как и все военнослужащие) по выходе из кадетского корпуса: «...ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Императорского Величества или Его Императорского Величества Всероссийского престола наследника, который назначен будет, или Его

---

[110]См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 316.

[111]См.: Указ. соч. С. 316; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991. С. 212.

[112]*Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1952. С. 117.

[113]*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. Ч. 1. С. 417.

[114]*Королев С.А.* Донос в России. М., 1996. С. 35; ср.: Абакумов О. «Доносит имярек на имярека...»//Родина. 1998. № 2. С. 53—57.

Величества войск, такожде Его Государства людей или интересу Государственного, что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить»[115].Особенно широко практиковался донос в период Николаевского царствования.

По подсчетам Л.А.Мандрыкиной, с 14 декабря 1825 г. по 1 марта 1826 г. лишь по военному ведомству было подано около 200 доносов о лицах неблагонадежных и о существовании тайных обществ. Командир полка Добрынин писал знакомому в Петербург: «...Нынешние времена страшат каждого служащего во всякой службе по причине беспрестанных доносов. Злые люди нынче только тем и занимаются, как бы кого оклеветать и показать свою фальшивую преданность, а более по личности...»[116].

Особо следует сказать о ситуации в литературе. С одной стороны, в монархическом государстве, с его строгой иерархической соподчиненностью граждан, господством одной идеологии, жестко подавляющей все другие и т.д., литература строилась по иерархическому принципу, со стремлением каждой литературной группы к доминированию и вытеснению других. Как справедливо отмечают Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин, в России любая культурная элита «сохраняет в инструментальных компонентах своей культурной программы образцы патримониального господства, тотального включения в поле своего внимания и интереса любых проявлений социальной и культурный жизни»[117]. Это порождало ожесточенную литературную борьбу, сопровождавшую всю историю русской литературы. С другой стороны, литература, как, впрочем, и другие сферы культуры, не была автономна, рассматривалась не как ценность сама по себе, а по возможностям ее прикладного использования: прославление страны и монарха, нравственное воспитание молодежи и т.п.

Положение русского литератора очень четко и выразительно определил министр народного просвещения С.С. Уваров (в 1834 г.), когда утверждал, что «в правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять когда хочет»[118]. Соответственно, не обладая самодостаточностью и собственной авторитетностью, литераторы в борьбе постоянно апеллировали к государству, стремясь путем идеологической и политической дисквалификации дезавуировать и «свалить» своего литературного противника.

С определенной точки зрения вся история русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в. может быть рассмотрена как история доносов[119]: «шишковисты доносят на карамзинистов, классики на романтиков и реалистов, реакционеры на славянофилов, славянофилы на западников, многие доносители сами падают жертвами доносов...»[120].

Доносы писали и многие литераторы (Б.М. Федоров, С.П. Шевырев, И.Т. Калашников и др.), но отношение к ним определялось не только этим фактом, но и их местом в литературной борьбе. Показательно, что А.Ф. Воейкова, не брезгавшего доносами (выше уже был упомянут его донос на Булгарина), но не вступавшего в литературную полемику с «литературными аристократами» и связанного тесными дружескими узами с Жуковским, публично не критиковали за доносы.

---

[115]РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 4191. Л. 59 (текст присяги с подписью Булгарина).

[116]*Мандрыкина Л.А.* После 14 декабря 1825 года (1825—1827)//Освободительное движение в России. Вып. 11. Саратов, 1986. С. 42; *Ганцова-Берникова В.* Отголоски декабрьского восстания 1825 года//Красный архив. 1926. Т. 3. С. 190.

[117]*Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России//Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 215.

[118]Цит.по: *Никитенко.* С. 141.

[119]Многочисленные примеры литературного доносительства см. в книгах: *Скабичевский А.М.* Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1892; *Лемке.*

[120]*Ольминский М.* Свобода печати. СПб., 1906. С. 45.

Вернемся к III отделению и в заключение рассмотрим отношение общества к агентам секретной полиции — сотрудникам, скрывающим этот факт и выдающим себя за обычного члена общества. Эту категорию лиц именовали тогда «шпионами» и относились к ней с презрением.

М.А. Дмитриев вспоминал, что после создания III отделения и корпуса жандармов последние «в скором времени приобрели себе многочисленных сотрудников; но не на основании всеобщего к ним уважения, а за деньги. Москва наполнилась шпионами <...> весь обор человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом. Вскоре никто не был спокоен из служащих; а в домах боялись собственных людей (т.е. дворовой прислуги. — *А.Р.*), потому что их подкупали, боялись даже некоторых лиц, принадлежащих к порядочному обществу и даже к высшему званию, потому что о некоторых проходил слух, что они принадлежат к тайной полиции <...>. Очень вероятно, что это подозрение было несправедливо, но тем не менее их опасались, разговор при них умолкал или обращался на другое <...>»[121].

Однако и эту категорию сотрудников III отделения осуждали далеко не все. Об этом можно судить по тому, что даже такой непримиримый оппозиционер, как П.И. Пестель, в «Записке о государственном управлении» (написанной примерно в 1818 г.) утверждал, что «тайные розыски или шпионство суть <...> не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство, коим Вышнее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели» охраны правительства, государства и населения «от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства <...>»[122]. Характерно, что среди агентов были и родовитые дворяне, и видные чиновники, и состоятельные коммерсанты. Входили в их число и литераторы, например С.И. Висковатов.

Булгарин принадлежал, по сути дела, к последней категории (денег он не получал, но с ним расплачивались покровительством и поддержкой).

Судя по всему, рядовые читатели газет и книг, особенно провинциалы и представители городских низов и средних сословий, совершенно не знали (при его жизни) о контактах Булгарина с III отделением; в Москве и Петербурге слухи об этом не выходили за рамки довольно узких кружков и групп.

Литераторы пушкинского круга узнали о связях Булгарина с III отделением в конце 1829 г. — по всей вероятности, от Д.В. Дашкова. Находясь в 1828 г. вместе с Бенкендорфом на театре военных действий во время русско-турецкой войны, Дашков получил от него для прочтения анонимную агентурную записку, обвинявшую в проповеди либерализма Вяземского, Пушкина, В.Ф. Одоевского, а в потворстве им — В.А. Жуковского, Д.Н. Блудова и самого Дашкова. Дашков «вычислил» автора записки — Булгарина, рассказал по возвращении о доносе Блудову, а в дальнейшем они поделились информацией с другими «арзамасцами»[123]. Подобно Булгарину, стремившемуся в борьбе с журнальными противниками выставить их политически опасными потрясателями основ, «литературные аристократы» в литературной борьбе с ним ставили своей целью политически дезавуировать его, представив шпионом и доносчиком. Эта сторона деятельности Булгарина намеренно раздувалась и афишировалась с целью подорвать кредит доверия публики к Булгарину.

---

[121]*Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 259.

[122]Цит. по: Восстание декабристов. Т. 7. М., 1950. С. 230, 229.

[123]См.: *Модзалевский Б.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. С. 44—45; *Никитенко.* С. 448; *Вяземский П.А.* Собр. соч. Т. 9. СПб., 1884. С. 102—103, 106. Ср.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 6. СПб., 1892. С. 48.

В ожесточенных нападках «литературных аристократов» на Булгарина нужно различать повод и причину. Ведь параллельно с журналистской работой Булгарин писал романы, адресуясь к публике из средних слоев. Читательская аудитория, резко выросшая во второй половине 1820-х гг., читала в основном переводные романы, русские образцы этого жанра в данный период практически отсутствовали, хотя резко усилившийся интерес к истории и этнографии России создавал благоприятную почву для них. Удачно угадав потребность, Булгарин достаточно успешно удовлетворил ее первым своим романом «Иван Выжигин», вышедшим в том же 1829 г., когда резко усилились печатные нападки литературных аристократов на Булгарина, и имевшим бешеный читательский и коммерческий успех. Булгарин соединил в нем традиционную схему плутовского романа с бытовыми картинами русской жизни и изложил это современным (а не архаизированным, как, например, у В.Т. Нарежного) литературным языком.

Герой романа — неплохой, но легко поддающийся искушению человек. Вначале безродный бедняк, он после многочисленных приключений (участие в шайке мошенников, плен у киргизов, тюремное заключение, судебный процесс, участие в войне с Турцией и т.д.) обретает семью, богатство и высокое служебное положение. Традиционный сюжет плутовского романа, дающий возможность описать образ жизни различных кругов общества (свет, помещики и чиновники, армия, преступники, суд и т.д.), Булгарин насытил нравоучительными мотивами, стремясь доказать своим читателям из среды мелкого дворянства и чиновничества, что честность, умеренность и добросовестная служба позволят им достичь успеха в жизни. По словам Белинского, «необыкновенный успех «Ивана Выжигина» был <...> заслужен <...> до «Выжигина» у нас почти вовсе не было оригинальных (т.е. отечественных. — *А. Р.*) романов, тогда как потребность в них уже была сильная. Булгарин первый понял это, но зато первый же был и награжден сторицею»[124]. «Иван Выжигин» стал литературным событием. Успех книги, конечно, раздражал других литераторов, вызывал чувство соперничества, а порой и зависти.

После выхода «Ивана Выжигина» разгорается ожесточенная борьба. С каждой стороны следуют исключительно резкие выпады пасквильного характера, с намеками на обстоятельства частной жизни (причем пушкинская группа в этом отношении выглядит отнюдь не лучше Булгарина). В этой-то полемике и рождается кличка «Видок Фиглярин». Фигляриным первым назвал Булгарина Вяземский еще в 1825 г. в стихотворении «Семь пятниц на неделе» (имелось в виду, по-видимому, что он как фигляр готов комиковать на потеху публики). В начале 1830 г. Пушкин, рецензируя издание «Записок» начальника петербургской полиции Ф.-Э. Видока, «человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями»[125], создал едкий памфлет на Булгарина (что, правда, было ясно лишь очень узкому кругу литературной элиты)[126], в начале 1831 г. в альманахе «Денница» появилась (без подписи) пушкинская эпиграмма:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман, —

где отождествление Булгарина с Видоком было понятно гораздо более широким читательским слоям (Авдей Фадеевич — известный булгаринский псевдоним;

---

[124]*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1955. С. 642.
[125]*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. [М.; Л.], 1949. С. 129.
[126]См.: *Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 136—137.

имелось указание на нерусское происхождение адресата и на то, что он автор романа, а в эти годы было опубликовано лишь несколько отечественных романов)[127]. Наконец, в журнале «Телескоп» (№15) в конце того же года появилась статья Пушкина (под псевдонимом Ф.Косичкин) «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», где автор объявлял о своем намерении написать роман «Настоящий Выжигин», в оглавлении которого, памфлетно воспроизводящем биографию Булгарина, говорилось, что настоящий Выжигин (т.е. Булгарин) «пишет пасквили и доносы»[128]. Пушкинские публикации сыграли исключительно важную роль в истории булгаринской репутации. До сих пор печатные высказывания о нем шли преимущественно по литературной линии и лишь здесь впервые появляется указание на доносительскую деятельность, да к тому же исходящее от популярнейшего писателя России. Если, по заключению П. Столпянского, детальнейшим образом изучившего ход полемики и ее резонанс, «булгаринские полемические и клеветнические нападки на Пушкина не имели и не могли иметь такого влияния, какое им приписывалось и приписывается позднейшими исследователями»[129], то пушкинские памфлеты имели принципиальное значение, поскольку «положили начало последующей весьма одиозной репутации Булгарина»[130].

Попробуем на основе направленных против Булгарина эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского и др. выделить основные ее черты[131]. Собственно литературные достоинства публикаций Булгарина обычно игнорируются, лишь изредка встречаются упреки в неинтересности («скучен твой роман», «усыпляет он с двух строк»). Главное внимание уделяется моральным качествам Булгарина. Его упрекают в доносительстве («Видок», «доносчик»), враждебности к России и предательстве ее интересов («из злобы к русским... ходил он под орлом французским», «против Отечества... служил злодею»). Основной стимул его деятельности — деньги («торгаш», «на Парнасе ты цыган», «завтра будет он татарин//когда б за то ему дать грош»). В его журнальной деятельности видят готовность из практического расчета и зависти ругать одних и хвалить других («Приятельски дурачеству кадишь,//Завистливо поносишь дарованья», «Он по расчету всех бранил, —//Теперь всех хвалит по знакомству»). Упрекают Булгарина в неискренности и обмане читателей («В своих листах душонкой ты кривишь,//Уродуешь и мненья, и сказанья»). Характерен также упрек в непринадлежности к свету («В салоне ты решительно лакей», «он в Мещанской дворянин»).

Как видим, в рисуемом эпиграммами облике одни черты совершенно опущены (например, литературная одаренность, инициативность, успех у читателей), другие — чрезмерно гипертрофированы, третьи — неверно интерпретированы. Возьмем, например, упреки в «торгашестве». Но разве литераторы пушкинского круга и он сам писали не за плату? Вяземский, скажем, вполне спокойно заявлял в 1829 г., что печатался в «Московском телеграфе», «потому что по условию, заключенному на один год с его издателем я хотел получить несколько тысяч рублей и таким оборотом заменить недоимки в оброке с крестьян наложением добровольной подати на публику»[132]. Пушкин продавал свои

---

[127]Обычно подчеркивается только то, что, называя Булгарина Видоком, Пушкин определял его как доносчика. Однако в биографии Видока есть и другие совпадения с булгаринской, в частности он также попеременно служил то во французской, то в австрийской армии. См.: Записки Видока, начальника парижской тайной полиции. Т. 1—3. СПб., 1877.

[128]*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. [Л.], 1947. С. 215.

[129]*Столпянский П.* Пушкин и «Северная пчела»//Пушкин и его современники. Вып. 19/20. Пг., 1914. С. 189.

[130]*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 50.

[131]Значительная часть эпиграмм на Булгарина собрана в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975.

[132]*Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 330.

издания по ценам, существенно превышающим принятые в то время, «баснословным», по мнению современников[133]. По поводу службы Булгарина во французских войсках было сказано выше — ведь ее можно рассматривать как национальный патриотизм, вполне достойный похвалы со стороны русских патриотов. Снобистские упреки в «несветскости» в такой же степени адресовались Н. Полевому и Белинскому, что с современной точки зрения порочит прежде всего авторов подобных высказываний. Литературное качество произведений Булгарина — вопрос вкуса, тысячи читателей оценивали их достаточно высоко, для них его роман был не скучен, а, напротив, интересен и увлекателен. Остается доносительство, которое, хотя и не в той форме, как это подавалось в слухах и эпиграммах, конечно, было. Общий же облик Булгарина превращался в карикатуру, мало общего имеющую с оригиналом.

Тем не менее с победой в литературе (и, шире, в культуре) той линии, которую представляли «литературные аристократы», широко распространяется только что охарактеризованная трактовка булгаринской репутации. Конечно, играл свою роль и тот факт, что поэтика Булгарина становилась все более архаичной.

Помимо эпиграмм, большая чать которых не проникала в печать, этот образ Булгарина популяризировался и распространялся через театр и литературные произведения с «намеками» — водевили П. Каратыгина («Знакомые незнакомцы», 1830) и Ф. Кони («Петербургские квартиры», 1840), басни И. Крылова («Кукушка и Петух», 1841) и П. Вяземского («Хавронья», 1845), «сцены» В. Одоевского («Утро журналиста», 1839) и даже «китайскую комедию» О. Сенковского («Фаньсу, или Плутовка горничная», 1839).

Во второй половине 1840-х гг. Булгарин «с каждым годом утрачивал свой авторитет, потому что поколение, веровавшее в него, старело, теряло вес и сходило со сцены. Его протекции и рекомендации потеряли всякую силу»[134]. Особенно стимулировала нападки на Булгарина публикация им «Воспоминаний» в 1846—1849 гг. Во второй половине 1850-х гг., по воспоминаниям П.П. Каратыгина, имя его «в литературном мире стали употреблять в замену бранного слова, в смысле нарицательном или, правильнее, порицательном»[135]. За год до смерти Булгарина, в 1858 г., Добролюбов в «Современнике» произнес приговор ему и Гречу: «Пусть имя их своею смертию умрет; пусть их писательская деятельность не донесется до потомства, невзирая на то, что ими самими многократно чужая деятельность *доносима* (курсив мой. — *А.Р.*) была до сведения любителей в их разборах, и еще большею частию в искаженном виде <...> в литературном ничтожестве гг. Булгарина и Греча мы нисколько не сомневаемся»[136].

Смерть Булгарина в 1859 г., в условиях резко изменившейся ситуации, вызванной общественным подъемом второй половины 1850-х гг., была встречена почти полным молчанием, даже в «Северной пчеле» была помещена лишь краткая информация о его смерти.

Булгарин был обречен. В России уже с начала XIX в. одной из важнейших предпосылок высокой литературной репутации становится противостояние властям. «Чистые художники», такие, как Тютчев, Фет, Майков, долгое время существовали на обочине литературы и с большим трудом отстаивали свое место на литературном Парнасе. Еще труднее приходилось тем, кто, как Писемский или Лесков, выступил с критикой освободительного движения. Они лишь в последние годы безоговорочно вошли в пантеон классиков. Булгарин же, который не просто служил власти, но напрямую сотрудничал с политической

---

[133]См.: *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 54, 62, 70 и др.
[134]*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 267.
[135]*Каратыгин П.П.* «Северная пчела»//РА. 1882. Кн. 2. С. 241.
[136]*Добролюбов Н.А.* Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 169.

полицией, не имел никаких шансов. Сделав ставку на поддержку социальных сил (царь, политическая полиция, сановники) и на 15—20 лет победив таким образом в литературной борьбе, он не учел действия культурных факторов. Проиграв при жизни, «литературные аристократы» победили после смерти.

В результате у Булгарина сформировалась одиозная репутация полицейского шпиона и гонителя Пушкина, которая, по сути дела, почти не изменилась и до наших дней.

Мне хотелось бы надеяться, что предлагаемый читательскому вниманию сборник будет способствовать более глубокому пониманию мотивов и характера деятельности людей Николаевской эпохи и переходу от моральных оценок (типа *порядочно/непорядочно*) к историко-социологической интерпретации их намерений и поступков и, в частности, к осознанию *неизбежности* в подобных условиях симбиоза журналистики и секретной полиции (опыт советского времени в этом отношении еще более показателен).

* * *

Переписка Булгарина с III отделением (мы публикуем и обращенные к нему письма) воспроизводится по автографам (или, в случае их отсутствия, по копиям), хранящимся в ГАРФ, РГВИА, ИРЛИ, РНБ, СПб. филиале Архива РАН. В нескольких случаях, когда рукопись разыскать не удалось, дается текст предыдущей публикации.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, однако сохранен ряд особенностей написания, характерных для той эпохи и особенно для самого Булгарина (*интригант, нумер, противуречие*, и т.п.). С учетом того, что переписка охватывает промежуток в 30 лет, в течение которого некоторые нормы орфографии изменились, и, кроме того, ряд публикуемых текстов сохранился только в копии, унификация встречающихся в тексте различных написаний некоторых слов не производилась.

Комментарий к запискам № 58, 144, 145, 171 подготовлен совместно с Д.П. Ивинским.

Работа над вступительной статьей была осуществлена при финансовой поддержке Research Support Scheme (Прага) (грант CEU/RSS 880/94).

И, наконец, самое приятное — возможность выразить свою благодарность всем тем, кто помог в работе над книгой: В.Э. Вацуро, взявшему на себя труд прочесть рукопись и сделавшему ряд ценных уточнений и дополнений, Б.В. Дубину, В.А. Мильчиной и М.И. Перпер за переводы с французского и Н.А. Зоркой за переводы с немецкого, Б.Л. Бессонову, М.Л. Гаспарову, Е.П. Гречаной, Б.В. Дубину, С.В. Житомирской, А.Л. Зорину, А.А. Ильину-Томичу, М.Ю. Катину-Ярцеву, В.А. Мильчиной, В.В. Нехотину, Н.Г. Охотину, С.И. Панову, А.М. Пескову, С.Г. Плаксину, О.А. Проскурину, А.М. Ранчину, К.Ю. Рогову, Н.В. Самовер, В.П. Степанову, А.Г. Тартаковскому, О.И. Череповой, С.В. Шумихину, В.Г. Щукину, а также эстонским (М. Салупере), итальянским (С. Гардзонио) и польским (Я. Анкудович, В. Дыленгова, В. Сливовская) коллегам за справки, советы и консультации, архивистам Е.Н. Орловой, З.И. Перегудовой (ГАРФ), С.И. Вареховой, Б.М. Витенбергу и Д.И. Раскину (РГИА) — за помощь в архивных разысканиях.

Отдавая себе отчет в гипотетичности ряда атрибуций и понимая, что в подобной работе не обойтись без неточностей, пробелов и ошибок, обращаюсь с просьбой к читателям—сообщить мне свои соображения, уточнения и дополнения по адресу издательства. Если книга доживет до второго издания, я постараюсь учесть все сделанные замечания. Заранее благодарю всех откликнувшихся на эту просьбу.

А.И. Рейтблат

ПИСЬМА И АГЕНТУРНЫЕ ЗАПИСКИ Ф.В. БУЛГАРИНА В III ОТДЕЛЕНИЕ

1 [Письмо А.Н. Потапову 12 мая 1826]

Милостивый государь Алексей Николаевич.

Вам известно, что, будучи произведен в офицеры, в весьма молодых летах, в Уланский Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого князя Константина Павловича полк, я делал школьнические шалости, увлекаясь примерами товарищей и пылкостью моего характера. Полагаю, что не безызвестно Вашему Превосходительству, что, невзирая на сие, я оставил по себе в полку память честного человека и не труса, и даже имел случай отличиться в Фридландскую кампанию 1807 и Финляндскую 1808 годов. Принужден будучи оставить российскую службу, я в Варшаве во время существования Герцогства[1] увлекся общим стремлением умов, страстию к путешествиям, блеском славы Наполеона и вступил в службу под его знамена. В извинение сего ничего не могу представить, кроме польского моего происхождения и моей неопытности. Всегда, однако ж, я сохранял братскую любовь к России и не участвовал в войне 1812 года[2]. Когда в 1814 году империя Наполеона рушилась и разнородные племена, составлявшие его армию, разбрелись восвояси, как после Вавилонского столпотворения, я в сем общем хаосе, получив от французского правительства вид, возвратился в Варшаву. Тогда Герцогством Варшавским управляло временное правительство, и член оного генерал Ваврженцкий, управлявший военною частию, удержал у себя французский вид, а выдал мне другой для свободного прожития в Гродненской губернии. На основании сего я получил прилагаемый при сем пашпорт для проезда в Петербург, а данный мне вид временным правлением Варшавским удержал у себя заступивший место гражданского губернатора[3], коего подпись находится на пашпорте. С тех пор я оставался в С.-Петербурге и, нашедши здесь друзей, старых товарищей и покровителей, поселился навсегда, занялся литературою, женился, и на жительство в столице сперва получил позволение военного губернатора Вязьмитинова, который докладывал обо мне блаженной памяти Государю Императору, а после того — графа Милорадовича. При получении позволения на издание журнала «Северный архив» я, кроме вида для прожития, представил avis[4] принца Невшательского (Бертье)[5] и свидетельство офицеров. Этих бумаг при мне теперь нет, а находятся они у моей матери, в деревне, однако ж они занесены в протокол цензурного комитета.

Вот краткое и чистосердечное разрешение вопроса о моем звании французского офицера, которыми наполнена Литва и Польша. За сим осмеливаюсь представить Вашему Превосходительству мою покорнейшую просьбу, которую, если возможно, прошу повергнуть к стопам Всемилостивейшего Монарха, в таком виде, в каком я представляю Вашему Превосходительству.

Я десять лет подвизаюсь на поприще русской словесности, в столице, и в продолжение этого времени не подвергнулся ни малейшему замечанию со стороны правительства, как в отношении к моему поведению, так и в отношении к моим сочинениям. Напротив того, я имел счастие заслужить благорасположение многих первостепенных чиновников государства и благоволение публики. Ни одним поступком, ни одною строкою я в продолжение десяти лет не погрешил противу установленного порядка вещей; а десять лет много времени в нашей краткой жизни! Напротив того, я моими сочинениями старался посеять в сердцах любовь и доверенность к Пре-

столу и чистую нравственность. Стоит заглянуть в книжку «Северного архива», вышедшую в свет тремя днями пред несчастным днем 14 декабря (отпечатанную 8 декабря), и прочесть мою повесть «Бедный Макар», чтоб удостовериться, какие правила я стараюсь распространять и какие чувства прививать молодым людям[6]. Удаляясь всегда от всяких политических видов, я даже не хотел никогда вступить в сословие франк-масонов — опасаясь какой-нибудь таинственной цели[7]. Но звание благонамеренного русского писателя и смиренного верноподданного столь несовместно с несчастным моим званием французского офицера, что это мучит меня и терзает. Я решился во что бы ни стало вырвать эту страницу из моей жизни. Надеюсь, что по ходатайству Вашего Превосходительства Всемилостивейший Государь Император обратит внимание на бедного литератора и внемлет моей всеподданнейшей просьбе, которая состоит в том, чтобы во уважение малых моих заслуг на поле брани в 1807 и 1808 годах и трудов моих в литературе была мне выдана отставка из Инспекторского департамента в том чине, в котором я находился в русской службе, и чтобы переименовать меня в статский чин, для определения к гражданским делам, где я могу быть полезен Государю Императору приобретенными мною небольшими сведениями и опытностью. Смею надеяться, что если Ваше Превосходительство захотите вступиться в это дело, то Великодушный и Милосердный Монарх не откажет мне в этом желании, устремленном к цели быть ему верным и полезным слугою[8].

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
Милостивого государя
всепокорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
Мая 12 дня
1826
СПб.

Записка, с которой в 1826 г. начались секретные контакты Булгарина с властями (история ее изложена во вступительной статье), печатается по автографу: РГВИА. Ф. 35. Оп. 9. Ед. хр. 98. Л. 15—16. Впервые опубликована Н.Ф. Дубровиным: РС. 1900. № 9. С. 577—579; повторно: *Лемке*. С. 236—238.

[1]Герцогство (княжество) Варшавское было создано по Тильзитскому договору, подписанному Александром I и Наполеоном в 1807 г., на той части Польши, которая была отвоевана Наполеоном у Пруссии, в 1809 г. Территория его была расширена за счет польских земель, отнятых у Австрии. Герцогство находилось в вассальной зависимости от Наполеона. В 1815 г. решением Венского конгресса территория герцогства была разделена между Россией, Австрией и Пруссией.

[2]На самом деле в 1812 г. в составе 8-го полка польских улан, входившего во 2-й пехотный корпус маршала Удино, Булгарин принимал участие в походе Наполеона на Россию.

[3]Гражданским губернатором Гродненской губернии был тогда В.С. Ланской.

[4]Отзыв, характеристика (*фр.*).

[5]Копию аттестата о службе Булгарина во французских войсках см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 368.

[6]Повесть «Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый герой» (СА. 1825. № 23. С. 277—305) представляет собой «автобиографию» некоего Макара, который всегда говорил правду (в том числе и доносил на своих товарищей) — в армии, потом в литературе, потом в суде, — за что много претерпел в жизни, но в итоге был вознагражден царем.

[7]По данным Н. Дубровина Булгарин входил в масонскую ложу и сблизился там, в частности, с биржевым маклером И.Ф. Маковкиным (см.: ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 163; ср.: РНБ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 3).

[8]В ответ на это прошение, поддержанное позднее Бенкендорфом, Николай 22 ноября 1826 г. своим указом приказал причислить Булгарина к министерству народного просвещения с переименованием из капитанов французской службы в коллежские асессоры (см. комментарий к записке № 22).

---

2 О цензуре в России и о книгопечатании вообще

Необыкновенные перевороты в политическом мире, воспоследовавшие в продолжение последних тридцати лет, порождавшие постепенно страх и надежду во всех сословиях общества, сделали людей любопытными, внимательными ко всем происшествиям и распространили вкус к средствам, сообщающим познания, сведения и известия, то есть к *чтению*. По естественному порядку вещей каждый предмет, обращающий на себя наше внимание, подвергается нашему суждению. Большинство голосов или суждений образует *общее мнение*, которое, невзирая на заблуждение некоторых недальновидных политиков, существует везде, во всяком государстве, во всяком образе правления, увлекает за собою толпу, раздает славу или бесславие и порождает добро и зло. Но большая часть людей, по умственной лени, занятиям, недостатку сведений, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнее принимать и присваивать себе чужие суждения, нежели судить сами, и как общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством *книгопечатания*, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных. Этим средством истребляются зародыши многих бедствий — и все политики, все великие люди согласны в этом.

Россия не столь просвещена, как другие государства Европы, но по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством. Силою невозможно остановить распространение идей, подобно как корабля на ходу, при сильном волнении: можно снять флюгер, указующий направление ветра, но этим невозможно переменить ветра. Напротив того, искусное управление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани.

Чтобы управлять *общим мнением*, надобно знать его стихии или элементы. Бросим краткий взгляд на все сословия, составляющие нашу публику.

1. *Знатные и богатые люди.* Большая часть их, т.е. девятнадцать двадцатых, получили самое поверхностное воспитание и не имеют даже тех сведений, которые почерпает юношество в обыкновенных приуготовительных школах Германии или в гимназиях Литовских и Остзейских губерний.

Отданные с детства на руки французским гувернерам (в числе коих весьма мало достойных воспитателей), молодые русские дворяне под их руководством учатся только многим языкам, получают поверхностное понятие об истории и других науках и, переняв совершенно образ мыслей своих воспитателей, на 17 или 18 году вступают в свет, не имея никакого понятия о людях и вещах и вовсе не зная России. Они всех людей, даже китайцев, почитают французами, смотрят на все французскими глазами и судят обо всем на французский манер. Все, что было и есть во Франции, кажется им совершенным и применительным (applicable) повсюду. Верх мудрости почитают они правила французских энциклопедистов, которые и называют *философией.* Хотя по своему положению в свете сей класс людей долженствовал бы быть привязан к настоящему образу правления, но преждевременное честолюбие, оскорбленное самолюбие, неуместная самонадеянность заставляют их часто проповедовать правила вредные для них самих и для правительства. Как богатые и знатные люди имеют возможность быть хорошо воспитанными, то многие, судя по поверхности, уже почитают их хорошо воспитанными, т.е. они берут возможность исполнения за самое исполнение. Правительству весьма легко истребить влияние сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению действием приверженных к правительству писателей. Их легко можно перевоспитать, убедить и дать настоящее направление их умам.

2. *Среднее состояние.* Оно состоит у нас из: a) достаточных дворян, находящихся в службе, и помещиков, живущих в деревнях; b) из бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; c) из чиновников гражданских и всех тех, которых мы называем *приказными*; d) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и взаимного сообщения идей, составляет так называемую *русскую публику.* Она читает много и большею частию по-русски, бдительно следует за успехами словесности и примечает быстрый или стесненный ее ход. Просвещение нашей публики нельзя сравнить с другими государствами, но наша публика имеет то преимущество перед другими, что она, подобно юноше, живее ощущает все впечатления, способнее принять всякое направление и довольствуется весьма немногим. Не надобно больших усилий, чтобы быть не только любимым ею, но даже обожаемым. К этому два средства: *справедливость* и некоторая *гласность* (publicité). Публикация о происшествиях 14 декабря[1] наверно столько выиграла сердец в пользу Монарха, сколько самый милостивый манифест. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства, как сие было до 1816 года[2]. И поныне с восторгом вспоминают о царствовании Екатерины II по Ее «Наказу», по сильным нравственным комедиям и журнальным суждениям о различных предметах, по одам Державина и т.п. Споры, бывшие в «Духе журналов» о некоторых мерах министерства внутренних дел[3], и статьи «Вестника Европы»[4], в начале царствования Императора Александра, поныне услаждают нашу публику. Повторяю, что восстановлением суждений о том, *что угодно будет правительству передать на суждение публики*, произведется благодетельное влияние на умы, и не только в России, но даже и в чужих краях. — Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет

предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновенная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив *общее мнение*, весьма легко управлять им, как *собственным делом*, которого мы знаем все тайные пружины. Другая важная от сего польза для правительства будет та, что оно узнает способных людей. Теперь вообще жалуются на их недостаток, на disette d'hommes[5] — тогда способности выплывут на верх.

3. *Нижнее состояние*. Оно заключает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс *раскольников*. На нижнее состояние у нас поныне вовсе не обращали внимания в литературно-политическом отношении и по их безмолвию судили о них весьма неосновательно. Этот класс читает весьма много. Обыкновенное их чтение составляют духовные книги, странствия к Святым местам, весело-нравственные повествования и *все вообще относящееся ко внутреннему управлению России*. — Раскольничьи скиты, волостные правления и вольные слободы суть места, где рассуждают о всех указах и мерах правительства и читают статьи, относящиеся до устройства России. Находящиеся в Петербурге и Москве поверенные от раскольнических обществ, от казенных вотчин, мелочные продавцы, закупающие гуртом на год товары для продажи в провинциях, запасаются новыми указами, нумерами газет или журналов, где находится что-либо для них любопытное, и привозят с собою или пересылают с земляками на родину. — Ко мне несколько раз являлись мужики и торговцы с просьбами продать или подарить нумерок журнала, и я от них и от купечества узнал многие занимательные подробности о их положении. Раскольничьи скиты суть весьма опасные жерла, которых никак нельзя погасить одними полицейскими средствами. Нет другой возможности совершенно овладеть их умами, как силою убеждения. Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть *Матушка Россия*. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы *нижнего состояния*, которое у нас рассуждает более, нежели думают.

4. *Ученые и литераторы*. Истинных ученых, т.е. людей, посвятивших себя исключительно наукам, у нас кроме профессоров весьма мало, и те, по большей части, иностранцы. Истинных литераторов, владеющих языком, начитанных, знающих Россию и ее потребности и способных распространить, изложить, украсить всякую заданную тему — должно сознаться, к стыду, также весьма мало. Но как у нас всякой стихотворец и памфлетист пользуется в обществе некоторым преимуществом и даже имеет влияние на свой круг общества, то вовсе бесполезно раздражать этих людей, когда нет ничего легче, как привязать их ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах, например о театре и т.п. Ласковый прием И.А. Крылова Государем Императором произвел благоприятнейшее впечатление в умах литераторов и публики, нежели какое-нибудь важное пожертвование в пользу наук и учебных заведений[6].

Гиерархия литераторов увлекается мнением тех, которые управляют ими силою своего дарованья. — С этим классом гораздо легче сладить в России, нежели многие думают. — Главное дело состоит в том, чтобы дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь

какую-нибудь одну общую, маловажную цель, например, театр, который у нас должен заменить суждения о камерах[7] и министрах. Весьма замечательно, что с тех пор, как запрещено писать о театре и судить об игре актеров[8], молодые люди перестали посещать театры, начали сходиться вместе, толковать вкось и впрямь о политике, жаловаться на правительство даже явно. Я в душе моей уверен, что сия неполитическая мера увлекла многих юношей в бездну преступления и в тайные общества. Я тысячу раз слыхал от молодых людей следующие жалобы: *«Можно ли жить, когда даже запрещают за свои деньги судить о театре и актерах! Чего после этого не в состоянии запретить!»* Я несколько раз говорил об этом покойному графу Милорадовичу, подавал бумаги к нему и в Комитет театров[9], излагал вред политический от сих мер, но тщетно. Театральные интриги заглушали голос усердия — и все оставалось по-прежнему. Здесь не излишним почитаю изложить вкратце причины, заставившие принять сии неполитические меры единственно в пользу некоторых особ, принадлежавших к театру.

В наших столицах, кроме театров, нет никаких публичных увеселений. Этот предмет занимает все состояния. Помещаемые статьи в журналах о театре служат пищею для всеобщих разговоров в чертогах знатных, в казармах и в гостином дворе. Между тем, публика с неудовольствием заметила, что князь Шаховский, овладевший (по дружбе с графом Милорадовичем) репертуаром, представляет одни свои пиесы, из которых множество дурных, и что главные роли раздает своим питомицам и вообще состоящим под его покровительством актрисам и актерам. — Журналы заговорили об этом, и князь Шаховский достигнул того, что запрещено писать не только о пиесах, представляемых на театре, но даже об игре актеров. Должно ли упомянуть, что сие запрещение произвело сильный переворот в литературе, послужило к погашению возникающих дарований и оскорблению заслуживших внимание публики и привыкших к должной дани их трудам и способностям? Должно ли упоминать здесь, что запрещено было публике изъявлять каким бы то ни было образом свое неудовольствие о игре актеров и актрис и даже хлопать в знак удовольствия актрисам, не покровительствуемым дирекциею? Все это, однако ж, существует. Но я обращаю более внимание на политическую часть, то есть на препоны, поставленные деятельности ума и чувства, которые, быв раздражены, обратились к другим предметам.

К сему должно присовокупить, что даже по отставке князя Шаховского театральное начальство неохотно соглашается, чтобы публика, платящая деньги за свое удовольствие, имела совещательный голос посредством журналов в представлениях театральных, ибо чрез это начальство театра теряет часть своего влияния. Тогда директор театра или начальник репертуарной части не может уже по своему капризу и произволу распределять роли покровительствуемым им актрисам и актерам, не может по своей воле определять степени их достоинства и не может принимать посредственных или дурных пиес своих приятелей преимущественно пред хорошими. Суждение о пиесах в театральном комитете, куда приглашаются и некоторые литераторы, есть одно театральное представление, одна форма. Из пятидесяти принимаемых пиес едва одну читают в комитете, и то в таком случае, когда дирекция хочет отказать автору, имеющему какое-нибудь значение в свете, и в то же время хочет свалить на других, а именно на приглашенных

в комитет литераторов, неприятность отказа. Что же касается до суждения об игре актеров, то для избежания личностей стоит только предписать два правила: 1) чтобы всякий сочинитель критики подписывал свое имя; 2) чтобы журналист отвечал за все двусмысленности и личности, помещаемые в его журнале. После этого исчезнут все намеки и эпиграммы.

Я потому столько распространился о театре, что почитаю это весьма важным делом к успокоению умов и водворению в публике доверенности к правительству, ибо знаю всех литераторов и публику, с которою ежедневно беседую, знаю в точности, какое неудовольствие произвело сие запрещение в умах пылкого юношества и даже людей степенных, любящих справедливость.

Рассмотрев четыре отделения, составляющие публику, и потребность или стремление каждого, обращаюсь к действиям ныне существующей цензуры.

Цензура установлена для того, *чтобы препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности, существующему образу правления, и пресекать личности.* Неискусными мерами наша цензура не только не достигла этой цели и не произвела желаемой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросим взгляд на каждую часть в особенности.

1) *В отношении к вере.* Цензура состояла сперва под влиянием мистицизма, а ныне состоит под влиянием противной ей партии. Сперва выходило множество книг сектаторских, мистических, ныне покровительствуются книги, служащие опровержением первых[10]. Из сего борения партий не произошло никакой пользы для веры и нравственности, напротив того, размножились секты, толки о вере и самые вредные идеи для правительства. Об этом предмете нельзя говорить кратко, и потому я умалчиваю здесь об оном. Мысли о сем я излагал по воле покойного графа Милорадовича, для блаженной памяти Императора Александра. Не знаю, где находится поданная мной бумага, в Кабинете ли Его Величества или между бумагами покойного графа[11].

Что же делала цензура под влиянием мистиков и их противников? Распространяя вредные для чистой веры книги, она истребляла из словесности только одни слова и выражения, освященные временем и употреблением. Вот для образчика несколько выражений, не позволенных нашею цензурою, как оскорбительных для веры: отечественное *небо*; *небесный* взгляд; *ангельская* улыбка, *божественный* Платон; ради *Бога,* ей-*Богу*, *Бог* одарил его; он *вечно* занят был охотою и т.п. Все подчеркнутые здесь слова запрещены нашею цензурою, и словесность, а особенно поэзия совершенно стеснены. Должно заметить, что даже папская цензура позволяет сии выражения, чему служит доказательством нынешняя итальянская поэзия.

Столь смешное ханжество, представляя цензуру в самом странном виде, заставляло многих молодых людей принимать действие за причину и уменьшило уважение их к правительству. Для краткости я пропускаю множество примеров из действий цензуры, которые без приложения подлинных доказательств показались бы невероятными. Стоит рассмотреть выключенные места из одного листка газеты или одной книжки журнала, чтобы удостовериться, что цензура не постигает цели правительства, а вместо того, чтобы смотреть на дух сочинений, привязывается к одним *словам и фразам.*

2) *В отношении к правительству.* Вместо того, чтобы запрещать писать *противу* правительства, цензура запрещает писать *о правительстве и в пользу оного.* Всякая статья, где стоит слово правительство, министр, губернатор, директор, запрещена вперед, что бы она в себе ни заключала. Повторяю, все зло происходит от того, что у нас *смотрят не на дух сочинения, но на одни слова и фразы*, и тот, кто искусными перифразами может избежать в сочинении запрещенных цензурою слов, часто заставляет ее пропускать непозволительные вещи. Напротив того, всякое чистое, благоразумное суждение и повествование о благодетельных мерах правительства строго запрещено. Самые сильные препоны для словесности и наук воспоследствовали от издания повеления в 1822 году, которым запрещено было всем служащим писать и публиковать о делах, до службы касающихся, и о внутреннем и внешнем состоянии России, без позволения начальства[12]. Существо сего повеления весьма справедливо, ибо нигде, даже в самой Англии, не позволяется публиковать актов правительства без согласия оного. Но наша цензура приняла сие повеление в противном смысле и не позволяет печатать никаких, даже маловажных известий без согласия различных министерств, которые иногда из снисхождения позволяют, а чаще отговариваются тем, что не имеют предписаний, как действовать в сем случае, и множество любопытных вещей пропадает для наук. С тех пор география и статистика России пришли в совершенный упадок. Цензура не позволяет даже извещать публику без согласия начальства разных отраслей правления о всенародных происшествиях, парадах, фейерверках, гуляньях, экзаменах в казенных и частных учебных заведениях, о феноменах природы, в разных местах России случающихся, и проч. и проч. Кто бы подумал, что для помещения известия *о граде, засухе, урагане* должно иметь позволение министерства внутренних дел, о данном графом Милорадовичем фейерверке в Екатерингофе надлежало получить позволение самого графа; об экзамене частного пансиона нельзя известить родителей без согласия самого начальника пансиона и т.п. От этого периодические издания потеряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатания нескольких страничек обегать все министерства и часто без успеха, вовсе отказываются от помещения отечественных известий, и мы только из иностранных журналов почерпываем ложные и ошибочные известия о России. Например, на приложение изображения медали за взятие Парижа в «Северной пчеле» сам министр просвещения не мог дать позволения, и издатели у г. военного генерал-губернатора[13] выпросили право известить публику о том, что происходило всенародно[14]. Трудно поверить, что наша цензура почитает вредным правительству. Один писатель при взгляде на гранитные колоссальные колонны Исаакиевского храма восклицает: «Это, кажется, столпы могущества России!» Цензура вымарала с замечанием, что столпы России суть министры. Другой писатель, описывая герб генерала де-ла-Круа, в Ревеле, сказал, что ножки гроба изображают орлов — цензура вымарала, с замечанием, что орел есть герб России, а потому и нельзя говорить о нем таким образом. Таковыми поступками цензура не могла приобресть себе уважения, напротив того, сделалась предметом насмешек, сатир и эпиграмм, в которых всегда обвинялось правительство.

3) *В отношении к нравственности.* В сем случае цензура, как в двух первых, привязываясь единственно к словам, часто пропускала самые

соблазнительные стихотворения, а иногда запрещала самые невинные статьи. Например, повесть, в которой жид представлен добродетельным человеком (хотя в той же повести ни один христианин не представлен злым), почтена безнравственною потому, что жиды не могут и не должны быть добродетельными[15]. В повестях нельзя сказать: жених *поцеловал* свою невесту, но *посмотрел* на невесту; вместо он *любил* ее, должно говорить он хотел *жениться* и т.п. Не смею утруждать внимания множеством подобных нелепостей и повторяю: стоит просмотреть одну книжку журнала.

4) *Касательно личности.* У нас до сих пор защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже в переводах с иностранного, представлять камергеров, министров, генералов, а особенно князей и графов иначе как в самых блестящих красках и людьми добродетельными. От этого вместо пользы проистекает вред, ибо читатели, видя в натуре слабости человечества и сравнивая с идеалами, тем менее уважают тех, которые представляются на бумаге всегда как образцы, как совершенство человечества. Добро не покажется добром, если не будет в противоположности с злом. Картина без теней не привлечет внимания и похвал.

Намекнув самым кратким образом о действиях цензуры и принимая на себя ответственность доказать все сказанное о деле по рукописям, хранящимся в архиве цензурного комитета, осмеливаюсь представить мои мысли касательно преобразования цензуры.

Мысли о преобразовании цензуры

Петербург, средоточие просвещения, где находятся Двор, все министерства, все главные учебные заведения, следовательно самая просвещенная часть народа, где заведено более казенных типографий, нежели сколько их существует в целой России, где издаются почти все журналы и книги, имеет только *трех* цензоров, а из того числа *двух* русских[16], когда, напротив того, все города, где находятся университеты, имеют их до двадцати. От этого цензура не может быть бдительною и деятельною, часто поступает наудачу, и по человечеству не может выдержать необыкновенных трудов, на нее возложенных. У нас в Петербурге существует Академия наук, которой члены не обременены трудами (исключая г. Френа и еще одного или двух). Один раз в год или в два года Академия издает один том своих «Записок», где немногие академики помещают свои статьи[17]. Кроме того, Академия издает теперь вновь с большими издержками *путешествия по России* своих путешественников[18], которые проданы были сперва на вес, как бесполезные вещи. Содержание имеют гг. академики значительное и по службе получают большие выгоды. Почему бы гг. академикам не заниматься цензурою книг по ученой части, чтобы быть полезным правительству, которое их награждает свыше заслуг? Во всех университетах гг. профессоры исполняют обязанность цензоров; ибо кому сходнее поверить цензуру книг, как не тем, кому поверяется гораздо важнейшее дело, воспитание юношества? Наши профессоры С.-Петербургского университета имеют весьма мало занятий: некоторые из них имеют по две кафедры, таких наук, которые в целом мире преподаются нераздельно. Так, например, у нас существуют особые кафедры географии, статистики и политической экономии, когда сии три отрасли должны непременно преподаваться вместе, ибо они отдельно

не могут быть преподаваемы, как разве в нижних училищах. Гг. здешние профессоры занимаются только преподаванием частных уроков по домам и сим унижают свое почтенное звание, превратившись из ветеранов наук в courteurs des cachets[19]. В Москве, Вильне, Дерпте, где считается по нескольку сот студентов, профессоры с всеобщим уважением занимаются своею обязанностию, не учат из постыдной прибыли в частных домах и суть в то же время цензорами. На это, может быть, станут отвечать, что профессоры должны заниматься частными уроками, по недостатку хороших частных учителей. Но почему же родители не посылают детей своих на публичные курсы в гимназии и университеты, как это делается в Вильне, Дерпте и даже в Москве? Лучше, чтобы юношество училось на публичных курсах, состоящих под надзором правительства, нежели по домам, где никто не может ручаться за преподаваемые правила.

Итак, из гг. академиков и профессоров без малейшей прибавки жалованья можно составить многочисленный цензурный комитет, где могут заседать, как почетные члены, несколько литераторов, с совещательным голосом. Две духовные особы должны быть непременно прикомандированы только для разрешения духовных пунктов, встречающихся в светских сочинениях. Все же духовные сочинения подлежат Синоду и духовной цензуре.

Сей комитет должен разделяться на два *отделения* под председательством президента, назначенного правительством: *1-е отделение*, по части математических и физических наук; *2-е отделение*, по части истории, статистики и словесности. Гг. цензоры могут заниматься работою на дому, а два раза в неделю собираться в комитет, для представления на общее разрешение сомнительных мест. При сих двух отделениях полагается секретарь и несколько писцов на особом жалованье.

3-е отделение — театральных пиес и периодических изданий, журналов, газет и альманахов, должно быть при министерстве внутренних дел по части высшей полиции (la haute police). Сюда же принадлежит и цензура приходящих из чужих краев книг. Это потому, что театральные пиесы и журналы, имея обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и на общее мнение. И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к сему орудия. *3-е отделение* может быть в сношениях, но не должно быть в зависимости от двух первых и должно действовать особо, по воле самого Государя Императора, изъявляемой министру. Сие третье отделение должно быть составлено из чиновников просвещенных в полном смысле слова, надежных и нравственных. Они должны получать хорошее содержание. Шесть человек, включая в то число и секретаря, весьма достаточно для сего отделения.

Апелляция на два первые должна поступать в Главное правление училищ, председательствуемое самим г. министром просвещения, а на 3-е отделение — к министру внутренних дел или начальнику высшей полиции, который в важных случаях докладывает самому Государю Императору. Екатерина II и Наполеон не пренебрегали сею отраслью администрации, управляющею общим мнением.

Что же касается до правил, какими должна руководствоваться цензура, то сие не подлежит моему рассуждению. Я представил нашу публику и цензуру в их настоящем положении и это почитаю достаточным для

принятия нужных мер к удовлетворению первой и усовершенствованию последней. Исполнение самых лучших законов зависит от наблюдения за исполнителями и от указания волею Монарха пути, по которому должно следовать.

Сим оканчиваю мое мнение, которое мне внушено любовью к добру, к тишине, порядку и правосудию. Я бы вменил себе в преступление, если б умолчал о тех обстоятельствах, которые мне казались вредными правительству и доводили не только до неудовольствия, но даже до исступления пылкие умы, лишенные всякой деятельности. Как журналист, состоя в беспрестанных литературных сношениях со всеми литераторами, цензурою и публикою, я узнал их потребности, недостатки и похвальные качества, о которых теперь представляю правительству. Бескорыстная привязанность к Государю, ознаменовавшему начало своего царствования твердостию характера и правосудием, возлагает на меня обязанность представить истину без покрова, в той надежде, что если мысли мои будут удостоены того, чтобы быть Ему представленными, Он по великодушию Своему простит мою смелость из уважения к чистоте моих намерений.

Фаддей Булгарин, издатель «Северной пчелы», «Северного архива» и «Сына отечества».

Записка в середине мая 1826 г. через дежурного генерала Главного штаба А.Н. Потапова была представлена начальнику Главного штаба И.И. Дибичу. Тот ознакомил с ней царя. Николаю она понравилась, и он приказал «препроводить ее на усмотрение министра просвещения». Узнав об этом, Булгарин испугался и попросил не передавать ее. Тем не менее записка (с незначительными сокращениями) была переписана и передана министру народного просвещения А.С. Шишкову, который в обширной ответной записке (публ. ее см. в: РС. 1904. № 7. С. 201—211) отверг обвинения и предложения Булгарина. Осуществленную Н. Дубровиным текстологически дефектную публикацию записки см.: РС. 1900. № 9. С. 579—590. Сравнительному анализу этой записки и ответа Шишкова посвящена специальная работа: *Алтунян А.* Власть и общество: Спор литератора и министра//ВЛ. 1993. Вып. 1. С. 173—214. Печатается по писарской копии, подписанной Булгариным: РГВИА. Ф. 35. Оп. 9. Ед. хр. 98. Л. 26—40.

[1]Имеются в виду анонимное сообщение о восстании и подписанное дежурным генералом Главного штаба А.Н. Потаповым «Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14 декабря 1825 года», помещенные в газете «Русский инвалид» соответственно 19 и 29 декабря 1825 г.

[2]В 1816 г. министром духовных дел и народного просвещения стал А.Н. Голицын, что привело к усилению цензурного гнета.

[3]«Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.» (1815—1820) — петербургский журнал, который издавал Г.М. Яценко. В 1815 г. там был помещен вызвавший нарекания цензуры отрывок из сочинений И. Бентама под названием «О запрещении мануфактур» (№ 26, с предисловием издателя), в 1816 г. в журнале прошла острая дискуссия, посвященная мануфактурам и торговому тарифу. См.: Рассмотрение книги под заглавием «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (№ 5, 6); *Простодум.* Мысли о мануфактурах и торговле (№ 8); Выгоды свободной торговли (№ 8); О системах государственного хозяйства (№ 9); *З...в.* О мануфактурах в России (№ 10) и др. В том же году цензура выразила недовольство статьей «Система почт в Лондоне, с применением к России» (№ 48), в 1817 г. статьей «Рассуждение об учреждении внутренних почт в столицах» (№ 3). О цензурных преследованиях «Духа журналов» и закрытии его министром народного просвещения А.Н. Голицыным см.: *Щебальский П.К.*

Материалы для истории русской цензуры 1803—1825//Беседы в Обществе любителей российской словесности. Вып. 3. М., 1871. С. 15—24; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 243, 266, 293 и др.

[4]«Вестник Европы» (1802—1830) — московский журнал, основанный Н.М.Карамзиным. Речь идет о следующих публикациях: [*Карамзин Н.М.*] Всеобщее обозрение (1802. № 1); *Р.О.* [Карамзин Н.М.] Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802. № 12); *Маленевский.* О выгодах торговли по Черному морю для Франции и России (1802. № 24); [*Карамзин Н.М.*] Взор на прошедший год (1803. № 1); *Р.* Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России (1803. № 2).

[5]Недостаток людей (*фр.*).

[6]И.А. Крылов с 1801 г. пользовался покровительством императрицы Марии Федоровны. Он гостил у нее в Павловске, обедал за одним столом с ней и т.д. Александр I приказал выдать деньги на издание его басен, а в 1812 г. назначил ему пенсию в 1500 руб. ассигнациями (в дальнейшем она была увеличена до 3000 руб.). Позднее и Николай I благожелательно относился к нему. Какой конкретно прием имеется здесь в виду, нам установить не удалось.

[7]В то время, согласно В. Далю, это слово означало главным образом «присутственное место», «палату; парламент, народное собрание или заседание выборных от сословий».

[8]По представлению министра полиции министр просвещения А.К. Разумовский в 1815 г. предложил цензурным комитетам не позволять печатать в периодических изданиях отзывы о спектаклях императорских театров. После этого статьи такого характера публиковались лишь в некоторых петербургских журналах, просивших и получивших разрешение на это от министерства юстиции. В 1824 г. Александр I рассматривал просьбу об отмене этого запрета, но дал отрицательный ответ, после чего публикация рецензий была вообще прекращена (См.: История русского драматического театра. Т. 2. М., 1977. С. 239).

[9]Театральный комитет, о котором идет речь, был создан в 1824 г. и возглавлялся петербургским генерал-губернатором М.А. Милорадовичем. «С самых первых дней существования комитета оказалось, что он весь вполне сосредоточен в лице графа Милорадовича и что директор театра вполне в его распоряжении. Все действия по управлению представлялись комитету, но решал их один граф, и в случае каких-либо возражений или замечаний прочих членов объявлял высочайшую волю как генерал-губернатор, облеченный доверенностию монарха» (*Зотов Р.* Театральные воспоминания. СПб., 1859. С. 58).

[10]Период с конца 1812 г. (после создания покровительствуемого Александром I Библейского общества в Петербурге, президентом которого был А.Н. Голицын) и до мая 1824 г. (когда вместо Голицына президентом Библейского общества стал митрополит Серафим) был временем постоянно усиливающегося влияния религиозного мистицизма на общественную жизнь и культуру России, особенно ощутимого в 1819—1824 гг. И.Н. Лобойко писал в своих воспоминаниях, что «по низвержении Наполеона велик[ий] Государь Император Алек[сандр] I во время долговр[еменного] пребывания своего в Вене склонился к мистицизму, распространившемуся в южных державах Германии. На Государя действовали наиболее почитатели Генриха Штиллинга, в числе коих были принцы, принцессы и многие вельможи; потом Госнер с баронессой Крюденер, прославившеюся в Европе своим религиозным увлечением и силою проповедей своих, собиравших толпы народа.

Князь Голицын, министр [духовных дел и народного просвещения], подражая этому расположению Государя, перешедшему и к Российскому Двору, сделался покровителем петербургских мистиков, которые, открыв на сем пути тайну возвышения, старались уловлять его и прилежным чтением библии, и набожностию, и усердным подаянием на улицах милостыни. Те, которые не стыдились этого лицемерия и не смотрели на то, что оно очень приметно, совершенно овладели доверием министра. [Е.В.] Карнеев, [М.Л.] Магницкий, [А.Ф.] Лабзин, [Д.П.] Рунич, [Д.А.] Кавелин захватили высшие в министерстве места и начали во всех университетах, во всех

книгах отыскивать нечестие, безбожие и вольнодумство» (ИРЛИ. Ф. 154. Ед. хр. 60. Л. 27об—28). См.: *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 1—205; *Стеллецкий Н.* Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901. С. 65—126; *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 153—172. После победы над «мистиками» начались преследования многих вышедших в предшествующий период книг. 14 мая 1825 г. был подписан указ Сената, предписывавший «всем духовным властям и ведомствам отбирание зловредных книг», список которых был включен в указ (сочинения Беме, Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена, Гюйон и др.). См.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 205—243.

[11]Эту и другие поданные Булгариным Милорадовичу записки разыскать пока не удалось.

[12]Имеется в виду сенатский указ 23 июня 1824 г. (на основе высочайшего повеления) «О запрещении российским чиновникам, находящимся на службе, издавать в свет сочинения, заключающие что-либо касающееся до внешних или внутренних отношений Российского государства, без дозволения своих начальств» (См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 120—121).

[13]Этот пост занимал тогда П.В. Голенищев-Кутузов.

[14]Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 г». была выдана всем участникам взятия французской столицы к годовщине в 1826 г. (см.: *Дуров В.А.* Награды эпохи Отечественной войны 1812 года. М., 1993. С. 30, там же изображение медали на с. 31). В СП в разделе «Внутренние известия» 20 марта 1826 г. в заметке о параде на Дворцовой площади в честь дня, когда союзные войска во главе с Александром I вступили в Париж, сообщалось, что «храбрые российские воины явились на сей парад, украшенные знаком отличия, которым Государь Император увековечил подвиг незабвенного своего Брата и любезных Своих верноподданных. Все чины, от генерала до солдата, участвовавшие в сем достославном подвиге 1814 года, получили серебряные медали с изображением Императора Александра I, озаряемые лучами, истекающими из Ока провидения, и с надписью на другой стороне: «За взятие Парижа, 19 марта 1814 года». Медали сии носят на ленте, разделенной вдоль надвое: одна полоса голубая, а другая Георгиевского ордена, т.е. состоит из двух желтых и трех черных полосок». Приложение к СП с изображением медали в просмотренных нами комплектах газеты обнаружить не удалось.

[15]Возможно, имеется в виду книга В.Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (указано В.Э. Вацуро). Первые три части ее вышли в Петербурге в 1814 г. и вызвали недовольство властей. Управляющий министерством полиции С.К. Вязмитинов специально писал о ней министру просвещения А.К. Разумовскому, который согласился с тем, что книга содержит «предосудительные и соблазнительные места». Цензура запретила печатать последние три части романа, а министерство полиции — продажу первых трех частей (см.: Описание дел Архива министерства народного просвещения. Т. 2. Пг., 1921. С. 224—227; *Нарежный В.Т.* Российский Жилблаз <...>. Кн. 1. М., 1938. С. 471—473). При попытке переиздать роман в 1841 г. цензор А.И. Фрейганг дал следующую характеристику книги, на основе которой рукопись была запрещена: «В целом романе все без исключения лица дворянского и высшего сословия описаны самыми черными красками; в противоположность им многие из простолюдинов, и в том числе жид Янька, отличаются честными и неукоризненными поступками» (цит. по: История русской литературы. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 278).

[16]Булгарин имеет в виду следующих цензоров: А.С. Бирукова, А.И. Красовского, К.К. фон Поля.

[17]Имеется в виду продолжающееся издание «Mémoires de l'Academie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg».

[18]См.: Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук. Ч. 1—7. СПб., 1818—1825.

[19]Репетиторов (*фр.*).

3 [Письмо А.Н. Потапову 3 июня 1826]

Милостивый государь Алексей Николаевич.

Наблюдая внимательно характер народа во всех сословиях и размышляя над течением дел и различными необыкновенными случаями, я удостоверился, что почти все дурное происходит от того, что у нас не обращали внимания на *нравственное* (le moral) народа, не старались образовать *общее мнение* и управлять оным. Движимый усердием и личною привязанностью и благодарностью к моему Государю, любовью к России и желанием порядка и тишины, я вознамерился изложить вкратце мое мнение о сем предмете, предоставляя себе при случае пояснить подробнее все сказанное в моей Записке[1]. Особа, которая при прочтении оной взялась доставить ее Государю Императору, уверила меня *честным словом*, что сия Записка не выйдет из кабинета Его Величества и ни под каким видом не будет доведена до сведения министра просвещения. Это было *условие*, на основании коего я согласился вручить мою Записку.

Записка сия заключает в себе одни политические мнения, наблюдения и соображения. О цензуре говорится в ней почти мимоходом и единственно потому, что в это же время представлен министерством на утверждение новый цензурный устав[2], который по моему мнению вовсе не сообразен с нынешним положением России и вместо того, чтобы приблизить правительство к цели, удалит от оной. Если Записка моя будет представлена министерству просвещения, то я, излагая мысли противные, подвергнусь жесточайшему преследованию от всех лиц, действующих так, как изъяснено в моей Записке. Кроме того, от Записки моей не произойдет ни малейшей пользы, ибо в оной заключаются такие предметы, которые могут быть произведены в действие одною законодательною властию. — Власть министерства не простирается до такой степени, чтобы оно могло преобразовать что-либо по моему плану. Я именно писал для Государя Императора.

Я покорнейше прошу у Вашего Превосходительства заступления и покровительства в сем деле. Если Записка моя будет препровождена к министру просвещения, я погибну жертвою моего усердия и погибну бесполезно. Меня заклюют все мелочные люди, которые все дурное, сказанное в общих выражениях, берут на свой счет. Если непременно нужно, чтобы Записка моя была куда-нибудь препровождена по части министерства просвещения, то прошу покорнейше доставить ее Михайлу Михайловичу Сперанскому, занимающемуся в комитете преобразования училищ[3]. Он, по крайней мере, не причтет мне в вину моего усердия и чистоты моих намерений, и я не подвергнусь преследованию. Отослать же оную к министру просвещения значит *наказать меня* строжайше, а я, кажется, не заслужил этого. Лучше всего истребить сию Записку, если она не может произвесть никакой действительной пользы. По крайней мере сим не нарушится *честное слово*, данное мне особою, взявшеюся доставить Записку Государю Императору[4].

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства Милостивого государя всепокорнейшим слугою

Фаддей Булгарин
3 июня 1826
С.-П[етер]бург.

Письмо печатается по автографу: РГВИА. Ф. 35. Оп. 9. Ед. хр. 98. Л. 18; опубликовано Н. Дубровиным: РС. 1900. № 9. С. 590—591.

[1]Имеется в виду предыдущая записка.

[2]Новый (прозванный «чугунным») цензурный устав был утвержден Николаем I 10 июня 1826 г. О его подготовке и попытках несколько либерализировать его см.: *Гиллельсон.* С. 197—198. Булгарин в позднейших записках продолжил борьбу против этого устава.

[3]Так Булгарин именует Комитет для сличения и уравнения уставов учебных заведений и определения курсов учения в оных, учрежденный 14 мая 1826 г. высочайшим рескриптом на имя министра народного просвещения. Возглавлял комитет сам министр, а одним из членов был М.М. Сперанский (См.: Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 22—24).

[4]Речь идет о М.Я. Фоке (см. письмо № 8).

---

4 [О несправедливом обвинении Ф. Булгарина графом Тышкевичем]

Камер-юнкер граф Тышкевич подал на высочайшее имя прошение о пересмотре дела жены его с литовским подконюшим Павлом Булгариным об имении, решенного в пользу Булгарина в Государственном Совете большинством голосов, и Высочайше конфирмованного. В сей просьбе обвиняет он племянника оного Булгарина, отставного капитана Фаддея Булгарина, в употреблении ухищрений и непозволительных средств для доставления его дяде большинства голосов в Сенате и Совете, и говорит между прочим: «14-го июня, когда дело еще не выходило из Кабинета Его Императорского Величества, журналист Греч всенародно объявил в клобе, что Государь Император конфирмовал решение большинства голосов. При сем были многие особы и в том числе статский советник барон Виттенгейм». — Последнее обстоятельство совершенно превращено: вот как оно было в самом деле:

14-го прошлого июня, в день ввезения в здешнюю столицу тела покойной Императрицы Елисаветы Алексеевны, коллежский советник Греч, желая ранее поспеть на церемонию, во 2 часу пополудни зашел не в клоб, а в ресторацию города Лондона против адмиралтейства, сел за столик и приказал подать себе завтрак. Чрез несколько времени вошел в ту же комнату статский советник барон Виттенгейм, сел за одним столиком с Гречем, велел подать себе также завтрак (он был одним из церемониймейстеров отделений в печальной процессии) и, вошед с Гречем в разговор, между прочим упомянул о том, что им давно уже послано объявление в «Северную пчелу» об издании в Митаве немецкого альманаха, но, к сожалению его, еще не напечатано. Греч обещал исполнить это[1] и в непомещении объявления извинился множеством затруднительной работы, прибавя: «Теперь надеюсь, что и сотрудник мой Булгарин будет иметь более досуга. Процесс его в Совете кончился. Большинство голосов на его стороне; дело его правое, и я уверен, что Государь конфирмует решение большинства».

7 июля 1826.

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1926. Л. 2. На ней помечено: «№ 18» и «к сведению».

[1]Объявление это так и не появилось в СП.

5 [Записка М.Я. Фока о беседах священника Самсониевской церкви с Булгариным]

Священник Самсониевской церкви, который учит кадетов Горного корпуса[1], 12-го вечером посетил *Булгарина* и вел странные разговоры, которые заставили Булгарина заподозрить, что этот священник хочет его проверить. Вот содержание этих разговоров: «Заговорщики ошиблись, их надо пожалеть, потому что они хотели добра, и не им, а Сенату и Государственному совету следовало возвысить голос и сказать свое слово; тогда дело приняло бы совсем другой вид». — Булгарин, обеспокоенный этим посещением, сообщил мне о нем под печатью тайны; он добавил, что священник дал ему понять, что это рассуждение исходило от сенатора Молчанова, который имеет основания быть недовольным правительством.

Тут следует заметить, что во всех сообщениях, сделанных до сих пор о Молчанове, его доме и разговорах, которые там велись, никогда еще не упоминалось столь резкое рассуждение, как это, сообщенное священником[2].

Записка, написанная Фоком собственноручно, печатается (в переводе с французского) по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3174. Л. 85. Она сохранилась в подборке за июль 1826 г. и помечена № 408.

[1]Речь идет о священнике Ф. Барсове.

[2]М.Я. Фок поручил одному из своих агентов побеседовать с Ф. Барсовым. Барсов вновь пустился в весьма двусмысленные рассуждения, но в итоге Фок сделал вывод, что этот священник «твердый в богословии и в нравственном отношении безупречный, если не считать гнусной скаредности <...> ни к какой партии не принадлежит и, учитывая его болтливость в первом же разговоре с незнакомцем <...> на злоумышленника не похож, но в качестве священника ненадежен». В этом же разговоре священник рассказал следующее: «Три года тому назад я застал Рылеева на церковном кладбище, куда он пришел взять от могильной урны Волынского, казненного в царствование императрицы Анны, кусок мрамора, который он потом разбил, чтобы раздать товарищам. “Мы поступаем так, — сказал он мне тогда, — чтобы почтить память великого государственного мужа, чьи политические воззрения храним как наследники”» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3174. Л. 97—98).

6 [Об Обуховском]

Некто г. Обуховский*, человек развратного** поведения и отвратительной наружности, не имея пристанища в своей стране, прибыл несколько лет тому назад в Петербург, занялся ходатайством по польским

*Живет у Харламова моста в доме Сутугина.

**Он имеет при себе взрослую дочь, которую употребляет как паука для уловления мух. Несчастная должна знакомиться и дружиться с девочками, которые нравятся папеньке, привлекать их в дом для удовлетворения постыдной страсти его.

делам и теперь разъезжает парою лихих в коляске, живет роскошно, мотает на прекрасный пол, имеет прекрасную квартиру, бриллианты и проч.

Чтобы дать понять, каким образом в Петербурге можно безнаказанно выманивать деньги у ближнего — довольно рассказать анекдот, недавно случившийся, в котором главное лицо г. Обуховский.

Г. Тржецецкий* (Trzeciecky), богатый помещик Подольской губернии, поверил г. Обуховскому ходатайство по своему делу в Сенате. Два года г. Обуховский уведомлял письмами г. Тржецецкого, что дела идут хорошо, требуя беспрестанно денег на так называемые sprawunki, т.е. *покупки*, и в два года выманил 96 000 рублей. Сумма чрезвычайная, но г. Тржецецкий клянется в истине сего показания и показывает счеты. Наконец Обуховский приглашает самого Тржецецкого в Петербург, для poparcia sprawy, то есть для усиления ходатайства. Г. Тржецецкий приезжает в столицу, живет здесь около года и удивляется, что дело вовсе не подвигается. Он упрекает в этом г. Обуховского, а сей требует денег, денег и денег! — Польский пан удивляется безмерным требованиям своего поверенного и, не зная ходу дел, начинает чрез других справляться. Они показывают путь, которым идут дела, и Тржецецкий, взявшись сам за дело, узнает к удивлению своему и отчаянью, что Обуховский, взяв 96 000 руб., не только не начинал дела, но даже не знает лиц, у которых находится дело, хотя уверял его, что им отдал деньги. Он требует отчета, а Обуховский требует еще денег, и когда г. Тржецецкий, желая отвязаться от него, простил ему все, требуя только возвращения бумаг, то Обуховский, [считая], что настращает старика, вызвал его на дуэль и отказался возвратить деловые бумаги, под предлогом, что он имеет неудовлетворительные претензии.

Г. Тржецецкий — молчит, тайно проливает слезы и жалуется только своим задушевным друзьям, опасаясь, чтоб сия история не сделалась гласною и чтобы он не подвергнулся мщению г. Обуховского, который стращает его своими важными связями в столице.

Записка (помеченная № 442) была подана в июле 1826 г. Печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3174. Л. 126—127.

---

7 [О Лутковском]

20 июля 1826.

По сведениям, полученным из Кронштадта, между морскими офицерами возникло большое недовольство по следующему случаю.

Лейтенант *Лутковский* переведен в Черноморский флот, за связи с *Завалишиным*. Какие связи? — Завалишин, после исполненной над ним сентенции, послал клок своих волос в память Лутковскому.

Лутковский отличный офицер и самой чистой нравственности... Все сие приписывают злобе *Моллера* к *Головнину*, ибо Лутковский родной брат жены сего последнего.

Кто, впрочем, виновен, что так много морских офицеров оказались причастными в заговоре? — Один только Моллер.

---

*Живет в доме Варварина, по Екатерининскому каналу.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3174. Л. 137. Помечена № 452.

8 [Письмо М.Я. Фоку 7 августа 1826]

Милостивый государь Максим Яковлевич!

Вы знаете причины, которые, кроме долга верноподданного, посеяли во мне личную привязанность и благодарность к Государю Императору. Желая всеми моими силами, способностями и опытностью быть ему полезным, я беспрестанно в душе моей забочусь о средствах, могущих утвердить навсегда Его священное спокойствие. Чрез вас я уже представлял мысли мои *о книгопечатании, цензуре и общем мнении в России*, удостоившиеся высочайшего воззрения Его Императорского Величества. Теперь вознамерился я представить мысли мои о предмете не менее важном, а именно: *каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян.*

В обширной и во многих местах худо населенной России нельзя иметь столь бдительного полицейского надзора над крестьянами, как во Франции и Германии. В тех странах пасторы, мэры, бургомистры и жандармские бригады (расположенные в малых округах) знают нравственность почти каждого поселянина. У нас деревни и села отдалены одно от другого, и почти каждое управляется особенно, по воле помещика, управителя или старосты. Земская полиция[1] (находящаяся у нас не в блестящем состоянии) не имеет с крестьянами никаких сношений, как разве по казенным делам, по части исполнительной, и в таком даже случае непосредственно сносится с помещиками, а где таковых нет, с управителями и старостами. Деревенские священники, едва выходящие из круга крестьян, вовсе не заботятся о нравственности своей паствы и скорее станут произносить жалобы, нежели слова утешения, что отчасти и простительно им, ради бедного их состояния и уничижения. И так вся полиция у нас принадлежит помещикам, старостам и управителям. Это было бы очень хорошо, если б все помещики жили в своих поместьях, если б все они действовали в духе правительства, если б поведением своим и обращением с крестьянами внушали к себе доверенность и уважение. Но всего этого нет и не существует, как разве в такой малой части, что она неприметна, как капля в море. Никто в целой России не заботится внушать многочисленнейшему сословию, крестьянам, понятий о их обязанностях к Государю, обязанностях, от которых зависит общественное благо и спокойствие. Такую огромную и непросвещенную массу народа трудно всегда удержать одною силою в пределах долга. Надобно действовать на них *нравственно*. Как и кем? — Это тотчас увидим. Посредством помещиков? — Это отчасти невозможно, а отчасти ненадежно. Большая часть дворян находится в службе; богатые вовсе не живут в деревнях. Те же, которые живут в деревнях, помышляют более о своих выгодах, нежели о благе общем, в отвлеченном смысле, которого часто сами не постигают. При сем неприятным долгом поставляю заметить, что легкомыслие наших дворян во многих случаях удивляет меня. Пользуясь всеми правами и преимуществами в государстве, осыпанные благодеяниями от трона, они при малейшей неприятности по службе, при неудаче в искательстве или при справедливом наказании приятеля или родственника тотчас

позабывают о истинном своем благе и, отлучаясь, так сказать, от своей партии, составляют некоторый род *оппозиции*. Главное состоит в том, чтобы критиковать все меры правительства, бранить без пощады все приближенные к трону особы, не щадя даже Высшей власти, и выдумывать на их счет анекдоты, могущие унизить их в общем мнении. Мало просвещенные ограничиваются этим, а люди несколько пообразованнее (не говорю просвещенные) тотчас делаются *либералами* и, повторяя уроки своих гувернеров или кое-что вычитанное, толкуют вкось и впрямь о правах народных, о законах, представителях и тому подобное. В этом-то смешении недовольного невежества и раздосадованного полупросвещения, в этой нечистой пене, происшедшей от кипения страстей, образовались молодые люди, составившие тайные общества. Скажу более: служители, понимая вполовину болтанье своих господ, составили себе также какое-то вздорное понятие о вещах и, приезжая в деревню с господами, сносясь с крестьянами, живущими в столицах, и переезжая на житье в деревню, переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян. Должно заметить, что прежде французской революции недовольное русское дворянство удалялось в Москву и там довольствовалось только тем, что пересуживало двор и его обычаи. Лет двадцать тому назад настало другое обыкновение, которое ежедневно усиливается, а именно, как только человек почитает себя обиженным, недовольным и как только вздумает блестеть умом, тотчас начинает *либеральничать*. Без сомнения, что большая часть сих людей, пустых и вздорных, более смешны, нежели опасны, но часто слова, пущенные на ветер, падают на плодородную землю и производят горькие плоды. Я говорю о вредном примере для молодых офицеров, дворянчиков, купцов и слуг, которые слова князей, графов и так называемых умников жадно ловят и вытверживают. Известно, что все, льстящее самолюбию и обещающее выгоды, скоро распространяется, и вот от чего у нас кружит в народе такое множество ложных идей и незрелых понятий.

Запретить вовсе говорить и невозможно, и было бы вовсе *неполитически*, потому что скорее можно пресечь вредные и злоумышленные намерения между *говорящими*, нежели между *безмолвными*. Но надобно поставить стену между вредными людьми и массою народа, и к этому я вижу одно только средство. Наш русский народ более других привязан ко всем обрядам веры и церковным постановлениям и, вещь удивительная, менее других народов оказывает уважения и доверенности к духовенству. Привязанность к царям в народе оттого сильна, что она соединена у него с религиозными понятиями. Не удивительно ли, что многочисленнейшее сословие народа не связано никакою *нравственною* нитью с Престолом? — На них даже не возлагается никакой *нравственной* обязанности! И как политическим узлом нельзя соединить сословие крестьян с троном, то должно соединить неразрывным союзом веры. Для этого я предлагаю *присягу*.

Предлог, представленный для удаления крестьян от присяги, кажется мне не сильным и не убедительным. Говорят, что они, присягнув на верность блаженной памяти Императору Павлу Петровичу, отказались от повиновения господам и стали называть себя государственными крестьянами. Но это произошло не от *присяги*, а от *формы* оной. При начале нынешнего царствования не было присяги, однако ж крестьяне в некоторых губерниях преступили свою обязанность, и это служит доказательством, что причиною

смятений бывает не присяга, но вышеизъясненные мною обстоятельства, а именно дурные примеры, дурное обхождение с ними, и внушения.

Все сословия в государстве не могут и не должны присягать по *одной форме присяги*, ибо каждое сословие имеет свои особенные обязанности. Во Франции присягают на каждое новое звание — и справедливо. Для крестьян *казенных* и *помещичьих* должны быть составлены в Синоде *особые формы присяг*, в которых *первым и главным пунктом* должно быть беспредельное повиновение и верность Государю, установленному от Бога, священному его помазаннику; *вторым пунктом* должно быть повиновение властям и помещикам, установленным Государем. Тогда никто не дерзнет покушаться смущать народ вредными внушениями, ибо *присяга*, которая модно воспитанными дворянами почитается одним обрядом, в народе произведет свое истинное действие и привяжет его узлом веры к священной особе Государя. Несчастные события 14 декабря показали, как высоко наш народ ценит присягу, ибо солдаты под сим предлогом вовлечены были в заблуждение. Со мной случился следующий анекдот, который удостоверит, как наши крестьяне думают о присяге. «Чем ты промышляешь зимою?» — спросил я у перевозчика. «Колем лед и пилим дрова, — отвечал он, — да эту зиму не посчастливилось, чуть было не убили поленьями, во время бунта». — «Вы же виноваты, — сказал я, — зачем не перевязали зачинщиков-разбойников». — «А нам, сударь, какая нужда, — отвечал крестьянин, — дело шло о присяге, а мы не присягали ни одному, ни другому, так грешно и живот нести». — Здесь я кончил разговор, который заставил меня призадуматься. В столице, где было довольно верного войска для усмирения злоумышленников, это равнодушие было безвредно, но в провинциях от равнодушия до преступления один шаг.

Мне кажется, что после коронации или в новый год можно было бы присягнуть целому народу на верность своему законному Государю, пред лицом коего равны и вельможа, и крестьянин. Народ должен быть непременно уверен, что Государь, пользуясь властью, данною ему от Бога, сообщает оную непосредственным их начальникам и помещикам. Со временем это принесет величайшую пользу, и власть самодержавия более укрепится соединенною силой целого народа. Для сей же причины не худо было бы составить *катехизис* для народных школ, без всяких богословских отвлеченностей, в котором бы обязанности к Богу и Государю объяснены были просто, ясно и удобопонятно. Этот катехизис скоро бы разошелся и произвел благоприятные действия.

Вот что внушило мне усердие и беспредельная привязанность к моему Государю-благодетелю. От Вашего превосходительства зависит решить, полезны ли мои мысли или ошибочны; во всяком случае, цель да заменит недостатки в суждении или изложении.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
Милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин, издатель «Северной пчелы»
С.-П[етер]бург
7 августа 1826.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1880. Л. 2—3. Опубликовано нами: ВЛ. 1990. № 3. С. 104—107. К письму была приложена записка на французском: «Имею честь представить на рассмотрение Вашего Превосходительства письмо г. Булгарина, содержащее замечания по духовным вопросам. 8 августа». На письме — карандашная надпись: «Его Пр[евосходительст]во приказал принять к сведению».

[1]Имеется в виду нижний земский суд, избираемый дворянством (в уездном городе): капитан-исправник и два-три земских заседателя.

---

9 [Записка М.Я. Фока со слов Булгарина о поминальном обеде у вдовы Рылеева]

23 августа [1826]

В прошлую среду, 21, госпожа Рылеева дала поминальный обед по случаю церковной службы в этот день за упокой души ее мужа, так как исполнилось 40 дней его смерти. На этом обеде присутствовали коллежский советник Мюллер с дочерьми, Жандр со своей дамой[1], Сомов, которого пришлось упрашивать, чтобы он пришел, и семейство госпожи Бестужевой. Журналист Булгарин был в тот же день после обеда у госпожи Рылеевой. Он сообщает, что все у нее было очень печально, но вполне пристойно, что о правительстве говорили уважительно, и особенно в речах госпожи Бестужевой высказывалось полное смирение, она говорила, что является самой несчастной из матерей, поскольку четверо ее сыновей[2] были вовлечены Рылеевым в заговор; спасение и утешение она видит в религии.

Записка Фока печатается в переводе с французского по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3175. Л. 99. Сохранилась среди записок за август 1826 г. (под № 539).

[1]Имеется в виду В.С. Миклашевич, гражданская жена Ан.А. Жандра.

[2]Александр, Михаил, Николай и Петр.

---

10 [О Попове]

По представлению г. министра финансов[1] обер-контролер, надворный советник Попов помещен начальником отделения в Горный департамент, по счетному отделению, с произвождением жалования на 8 т. рублей и с оставлением при прежней должности.

О сем обстоятельстве много толкуют; ибо *Попов по контрольным обязанностям рассматривать должен отчеты генерал-интенданта Канкрина.*

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3176. Л. 13. Сохранилась среди записок за сентябрь 1826 г. (под № 564).

[1]Этот пост занимал тогда Е.Канкрин.

---

11 [О Пражевском]

Служащий в Особенной канцелярии министра финансов статский советник *Николай Пражевский*[1] служил в коллегии иностранных дел, был во время кампании прикомандирован к генералу Канкрину и приобрел благосклонное его к себе расположение. До вступления Канкрина в звание министра[2] оставался за кулисами.

Отзывы людей благонадежных, в коротких с ним связях находящихся, заключаются в следующем:

C'est un homme très insinuant, grand flatteur, n'ayant point d'opinion à lui; montrant toujours son côté blanc; saisissant avec facilité la routine des affaires; mais incapable de les conduire par soi-même[3].

Нахлебник, ищущий связей с глупою знатью, sans être cependant reçu dans les cercles de la haute volée[4]. Прежде был другом убитого на дуэли Новосильцова[5], ныне таковым княгини Лобановой, урожденной Безбородко. — Его называют шутками l'ami de tout le monde[6]. — Со стороны взяток не слышно ничего. — Некоторые говорят об нем, что он доброй малой, но пальца в рот не клади. — Уверяют, что он ищет места в Коммерческом банке.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3176. Л. 47. Хранится в подборке агентурных записок III отделения за сентябрь 1826 г. (под № 586).

[1]Н.П. Пражевский занимал тогда должность начальника 1-го отделения канцелярии министерства финансов.

[2]Е.Ф. Канкрин стал министром финансов в 1822 г.

[3]Это человек очень вкрадчивый, большой льстец, не имеющий собственной точки зрения, всегда обличающий своим поведением собственную никчемность, легко схватывающий ход дел, но неспособный вести их самостоятельно (*фр.*).

[4]не будучи, однако, принятым в высших кругах (*фр.*).

[5]О дуэли см. примеч. 4 к записке № 13. Письмо Н. Пражевского о последних днях раненного на дуэли В.Д. Новосильцова см.: ИВ. 1901. № 5. С. 596—600.

[6]всеобщий приятель (*фр.*).

---

12 [Записка М.Я. Фока о письме Анненского Булгарину]

18 сентября [1826]

Приводимый ниже анекдот весьма занимателен. Несносный Анненский, бывший юрисконсульт[1], обратился к г. Булгарину с прилагаемым в оригинале письмом, в котором требует выплаты так называемого долга[2].

Булгарин, желая помочь одному из своих друзей и соотечественников, обещал некоторое время назад юрисконсульту передать ему сумму в тысячу рублей, как только получит ее от своего друга, чтобы ускорить ход дела, которое у того было в Сенате. Так как деньги не поступили, дело на этом и остановилось. Вот почему г. Анненский решился написать прилагаемое письмо.

Ответ Булгарина своеобразен, я прилагаю здесь копию его[3].

Собственноручная записка Фока печатается в переводе с французского по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3176. Л. 63 (помечена № 595). На записке карандашная резолюция Бенкендорфа (приводим в переводе с французского): «Когда приеду, прошу переговорить со мной об этом деле».

[1]Юрисконсульт министерства юстиции Н.И. Анненский имел репутацию взяточника. Ф.Н. Глинка писал: «Юрисконсульт Анненский, пользующийся полною доверенностию министра юстиции князя Лобанова-Ростовского и употребляющий оную в полной мере во зло, не перестает брать взяток, портить дела и губить людей. Недавно увидел я полковника Куроша, бледного, расстроенного... Что с вами сделалось? — Злодей Анненский зарезал! Просил с меня тысячу рублей; я, понадеясь на правоту, не дал. Он обратился к соперницам, взял 2 тыс. и поворотил дело в их пользу» (цит. по: Дубровин Н. После Отечественной войны // РС. 1904. № 3. С. 512). 24 марта 1823 г. был подписан именной императорский указ, в котором говорилось, что Анненский «по делу князя Долгорукого с князьями Несвицкими противуречащими действиями своими за обе тяжущиеся стороны навлек на себя справедливое нарекание <...> признавая поступок такой несогласным с правилами правоты и строгой честности, а по званию им носимому тем более не извинительным», следует его «от службы отставить и впредь ни к каким делам не определять» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 12. Ед. хр. 32. Л. 2).

[2]Н.И. Анненский писал:

«Милостивый государь мой Фадей Венедиктович!

Письмо сие будет иметь честь вручить вам сын мой, которому поручил я ходатайствовать у вас насчет долга вашего мне, в коем обеспечивался я известною честностию ваших правил; но имея ныне крайнюю нужду, чтоб послать сколько-нибудь денег другому сыну моему в Москву — иначе ему не с чем будет и выступить оттуда — я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, доставить мне хотя половину: с остальной же сочтемся мы получением ваших журналов, которые с удовольствием люблю читать, но не всегда могу заимствоваться от других.

Надеясь, что вам нимало не трудно будет принять за благо таковое предложение мое, честь имею пребыть с истинным к достоинствам вашим почтением

Милостивого государя моего

покорнейший слуга

Н. Анненский.

Сентября 15-го дня 1826 года». (Там же. Л. 65. Печатается по автографу).

На письме карандашная надпись Бенкендорфа (приводим в переводе с французского): «Он больше не на службе. Он был уволен из-за дела Долгорукого, но он требует пенсион за службу».

У Н.И. Анненского были сыновья Николай, Андрей (о нем см. примеч. 14 к письму № 270) и, по-видимому, Александр.

[3]Булгарин отвечал:

«Я удивляюсь крайне, что вы требуете с меня *долгу*! — Я у вас никогда денег не занимал и ничего отроду не покупал. У вас было справедливое дело, и поныне не конченное, моего приятеля, когда вы были юрисконсультом, а я обещал вам дать денег, когда приятель заблагорассудит прислать. Я писал десять раз, он не прислал, следовательно и делать нечего. В подобного рода торговле часто случаются такие промахи. Я же, хотя бы имел миллионы червонцев, за другого платить не намерен, ибо по сему делу не пользовался никакими выгодами, а хлопотал из приязни. Впрочем, удивляюсь еще более, что вы в нынешнее время, когда внимание правительства обращено на сей род коммерции, называете меня должником своим! — Я хлопотал из сострадания — но платить не буду». (Там же. Л. 66. Печатается по копии Фока).

13 Подполковник Валериан Емельянович Галямин

Состояние. Отец его был чиновник комиссариатский или провиантский в Гродне[1]. Он небольшое свое состояние поверил одному помещику, который сбанкрутовал и отдал имение в конкурс. Отец Галямина умер; осталась мать и до сих пор, кажется, не получила части земель, определенной ей конкурсом. Она жила пособиями сына своего и весьма малою частью оставшегося капитала, после мужа. Галямин содержал себя здесь жалованьем и значительными прибавками, кои получал от князя П.М. Волконского; также поддерживал его покойный Новосильцов.

Характер. Вкрадчивый нрав, веселость и простота в обхождении составляли ему *сперва* большой круг приятелей между товарищами; но необыкновенное тщеславие и честолюбие, страсть водиться с знатными и парадировать в чужих экипажах и на чужой счет, легкомыслие и неискренность совершенно испортили его репутацию. Он сначала давал уроки математики, *даром*, молодым людям больших фамилий, вступающим в штаб, и не брал с них денег, чтоб иметь в случае надобности готовый экипаж и знакомства в домах. — Будучи фамилиарным в доме Федора Петровича Львова, он подружился с его дочерью. Отец хотел выдать за него дочь насильно и даже принудил сыновей[2] своих [к] экспликации[3]. Но Галямин отвечал, что ему драться не за что, потому что он не давал слова жениться и не может сего потому, что он не богат, а поелику Львов обманул Скалона и не дал приданого, то он не хочет подвергнуться той же участи. По этому случаю воспоследовал разрыв приязни между Галяминым и Скалоном, который в Главном штабе имеет многих друзей и даже партию, ибо ведет себя отлично хорошо, честно и скромно. — После того Галямин подружился с флигель-адъютантом Новосильцовым и совершенно овладел умом сего последнего, делал из него что хотел и располагал как мальчиком. Наконец он вздумал интригою достать жену и имение. Он где-то увидел младшую сестру убитого на дуэли Чернова и вздумал жениться на ней, женив сперва Новосильцова на старшей сестре и заставив дать ей приданое, состоящее из 500 душ. Галямин познакомил Новосильцова с Черновым и заставил его просить руки девицы. — Известно, какие из этого произошли последствия, когда фамилия Новосильцова вмешалась в дело. Чернов и Новосильцов погибли — а Галямин покрылся стыдом[4]. С этих пор доверие офицеров вовсе к нему исчезло. — Рылеев (покойный), родственник и секундант Чернова, клялся отмстить Галямину и всегда относился об нем в самых непристойных выражениях. Корнилович, преданный Скалону, иначе не говорил о Галямине, как с презрением. Имея надлежащие сведения о Галямине и его отношениях с сими лицами, нельзя думать, чтобы его взяли в заговор[5]. Если есть что похожее на правду, то, может быть, ему открыли в тот день, comme à un ambitieux, à un homme vain[6], который для видов хватится за что-нибудь. — Но это весьма сомнительно, хотя и не невозможно.

Познания. Хороший математик, выучивший наизусть по печатным книгам что знать должно; отличный рисовальщик, но в исторических, политических науках и словесности — совершенный невежа. Il a un jargon de société[7], тон подражательный обществам большого света, больше ничего.

Образ жизни. Любит жизнь рассеянную и все удовольствия света — но поведения не развратного.

Положение его в отношении к правительству. Говорить дурно не может ни о чем потому, что ни во что не углубляется и не видит в делах ни хорошей, ни дурной стороны, а разве может повторять *des lieux communs*[8], понаслышке. Внушить никому ничто не может, потому что не имеет ни доверенности, ни даже красноречия, ни достаточной смелости. — К тому же он слишком большой эгоист. Ищет связей только pour satisfaire sa vanité[9] или чтоб погулять и пообедать на чужой счет. Одним словом, в политических отношениях — un homme absolument nul[10]. А службе может быть полезен, но не иначе как в столице; ибо в отдалении от центра удовольствий света — il se découragera[11].

Печатается по копии, сделанной М.Я. Фоком, которая сохранилась в подборке агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 618): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 9—12. Опубликована Б.Л. Модзалевским и А.А. Сиверсом по тексту, имеющему небольшие разночтения (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 61. Ч. 189. Л. 3—4), с указанием на возможное авторство Булгарина: Восстание декабристов: Материалы. Т. 8. Л., 1925. С. 249—251.

[1]По воспоминаниям К.И. Фишера, отец Галямина был квартальным надзирателем в Петербурге. См.: *Фишер К.И.* Записки//ИВ. 1908. № 1. С. 46.

[2]У Ф.П. Львова было 17 сыновей и дочерей, в том числе дочь Мария (? — 1872), будущая писательница, и сын Алексей (1799—1870), будущий композитор, автор гимна «Боже царя храни».

[3]То есть к объяснению.

[4]Речь идет о сильно нашумевшей в свое время и оставившей заметный след в переписке и мемуарах дуэли В.Д. Новосильцова и К.П. Чернова. Новосильцов, происходивший из родовитой и богатой семьи, в 1823 г. был сделан флигель-адъютантом. «Не любя большого света, он ограничивал свое знакомство тесным кругом приятелей, занимался музыкою, играя сам довольно хорошо на кларнете, изредка рисовал и чрез то сделался другом Галямина, который сам был отличный музыкант и рисовальщик <...> Он получал от матери (урожденной графини Орловой. — *А.Р.*) большое содержание, держал отличных лошадей, имел всегда хорошую квартиру и роскошный для молодого человека стол» (*Шениг Н.И.* Воспоминания//РА. 1880. Т. 3. С. 319—320). Его знакомый А.А. Скалон, поручик Генерального штаба, познакомил его с Е.П. Черновой, дочерью небогатого и неродовитого генерала в отставке. Новосильцов влюбился в нее и, по эпистолярному свидетельству В. Савинова, который опирался на письмо секунданта Новосильцова, «обходился уже довольно вольно со своею невестою и наконец ... понимаешь. Отец Чернов, узнав, требовал, чтобы он немедленно на ней женился или стрелялся бы с ее братьями насмерть, так что ежели он их всех перебьет, то он и сам, старик, будет стреляться с ним» (Письмо В. Савинова брату от 1 октября 1825 г. цит. по: Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 350—351). Новосильцов дал обещание жениться, потом под давлением родителей пытался взять его назад и был вызван на дуэль братом невесты. На дуэли, состоявшейся 14 сентября 1825 г., оба участника были смертельно ранены. О дуэли см. также: *Шереметева В.П.* Дневник. М., 1916. С. 10,13; *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 650—657; Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 18—19, 53, 321—322; Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 83—85, 216, 338; *Ольга N.* [С.В. Энгельгардт]. Из прошлого//Рус. вестник. 1889. № 7. С. 31—32; *Шубинский С.* Дуэль Новосильцова с Черновым//ИВ. 1901. № 5. С. 591—602.

[5]Корнилович в день восстания просил Галямина отправить письмо матери, а тот после ареста Корниловича уничтожил письмо. На допросе Корнилович со-

общил про письмо, и Галямина «за то, что он, зная Корниловича преступником, не представил письма его начальству, также под арест и потом тем же чином подполковника перевели в Петровский полк в Финляндию» (*Шениг Н.И.* Указ. соч. С. 300). К.И. Фишер, основываясь на рассказе матери Галямина, приводит другую причину его ареста. Он пишет, что Галямин «получил ночью повестку явиться во дворец для принесения присяги Государю Николаю», но «не поехал, отзываясь, что в толпе ничего не значит один подполковник». Во время восстания Галямина во дворце «не досчитались, и потому он был арестован» (*Фишер К.И.* Указ. соч. С. 68).

[6]как честолюбцу, человеку суетному (*фр.*).

[7]У него светский тон (*фр.*).

[8]общие места (*фр.*).

[9]чтобы удовлетворить свое тщеславие (*фр.*).

[10]человек совершенно ничтожный (*фр.*).

[11]придет в уныние (*фр.*).

---

14 [О Монтондоне]

Одесский купец *Монтондон* обедал на днях у *Andrieux*[1] в доме Клоссена. — Сей Монтондон выхлопотал позволение на заведение Черноморской компании для устройства паровых мельниц и торговли мукою в Гибралтаре[2]. Но как все старания его, чтобы дать ход сей Компании, остались тщетными, по невозможности партикулярному человеку двинуть подобную тяжесть, то Монтондон решился оставить это дело и возвратиться в Одессу: все это он объявил обедавшему с ним известному плуту и безнравственному человеку, действительному статскому советнику Гурьеву, который был сводником при покойном графе Милорадовиче, а сын его на содержании у графини Лаваль за 15 т. в год, кроме подарков. Гурьев (отец) начал советовать Монтондону прибегнуть к покровительству *Абрама Перца* и дать ему quelques milliers de roubles[3], потому что, по словам Гурьева, Перец делает у министра что хочет, будучи его душевным поверенным и советником.

Гурьев связан сатанинскою дружбою с Перцом, ибо он делает мостовые, и Перца сын, а теперь отец, поставщиками — и вместе крадут, особенно крали при Милорадовиче.

Монтондон пришел советоваться с приятелем своим, надобно ли дать деньги Гурьеву — и приятель отсоветовал.

Вот вам правда-матка — вернее того, что мы живем и солнце существует.

8-го октября [1826].

Печатается по писарской копии, озаглавленной «Копия с записки, поданной человеком весьма уважаемым»: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 63—64.

[1]Андриё (*фр.*). Об этом петербургском рестораторе, который вернулся во Францию в 1829 г., Булгарин позднее писал, что «г. Андрие ввел в славу свою ресторацию не столько изяществом яств, сколько собственною особою. Это был человек добродушный, веселый, ласковый, простой, но приятный в обхождении. В четыре часа с половиною гости садились за стол, за которым председательствовал сам хозя-

ин. Обед был не вычурный, но вкусный, изобильный, изготовленный из свежих припасов лучшего качества. За шесть рублей [ассигнациями] мы имели закуску перед обедом, шесть отличных блюд, бутылку столового вина и чашку кофе» (*Ф. Б*[*улгарин*]. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни//СП. 1833. № 58).

[2]Устав компании был утвержден Александром I 10 октября 1825 г. См. о ней и о Ш. Монтондоне заметки в СП (1826. № 96, 98).

[3]несколько тысяч рублей (*фр.*)

---

15 [О Пелчинском]

Пелчинский — сын слуги графа Браницкого. Дворянское его происхождение или шляхетство также подвержено сомнению, ибо поляки, а между прочими профессор Сенковский называл его в глаза мужиком, подданным Браницкого. Сей последний отдал его в уездную школу и, как говорят, по особенной склонности к одной из кузин или родственнице Пелчинского, хотел образовать его на будущего комиссара и поверенного и послал на своем содержании в Виленский университет. Это рассказывают земляки его, а между прочими некто Кочановский, служащий в канцелярии графа Грабовского, министра статс-секретаря Царства Польского. — Служитель Пелчинского, его двоюродный брат, взятый сим из протекции, также по пьяну рассказывал товарищам своим о его происхождении.

Пелчинский в университете вел себя плутовски, сводил дружбу с людьми, которые делали ему ответы для лекций, называл себя иногда сыном богатого галицийского помещика, иногда давал косвенно чувствовать, что он побочный сын Браницкого, делал должки, обманывал других студентов и, будучи от природы чрезвычайно ленив, не мог никогда достигнуть далее, как до степени студента математического факультета[1].

Будучи чрезвычайно самолюбив, самонадеян и почитая дерзость и бесстыдство *светскою ловкостию*, он выпросил у Браницкого позволение отправиться в Петербург, искать счастия, надеясь найти богатую даму, которая будет содержать его. Он приехал в С.-Петербург в 1818 году[2] и стал жить на квартире в доме Браницкой, вместе с полковником и ротмистром Монтрезорами, из коих один, как уверяют поляки, сын берейтера графа Браницкого, а другой также сын какого-то домочадца того же вельможи. Пелчинский в это время был весьма беден и жил кое-как, отчасти в долг, отчасти на чужой счет, отчасти выманивал деньги у Браницкого. Таким образом жил он до 1820 года, когда приехал сюда старик Павел Булгарин, вельможа польский, дядя известному нашему писателю[3]. Пелчинский поселился в его доме, выманил у него до 3000 руб., старался его поссорить с домашними и жениться на его племяннице, но все его пронырство открылось и его выгнали из дому.

Во время пребывания в доме Булгарина Пелчинский созывал гостей, давал обеды и брал деньги. — Думая, что обедами можно приобрести чин, он на счет старика Булгарина дал завтрак в 650 руб., на который пригласил инженеров путей сообщения *Ламе* и *Клаперона* и многих литераторов. После завтрака он объявил желание выдержать экзамен в Институте путей сообщения, на чин майора! Назначен день, и экзаменаторы Ламе, Клаперон, которые были на завтраке, и генерал Базен объявили, что Пелчинский может быть принят — учеником унтер-офицерского чина.

Наконец в 1824 году полковник Монтрезор, чрез генеральшу Закревскую и других дам, исходатайствовал у сестры генерал-губернатора князя Хованского письмо в пользу Пелчинского, и он определился к нему. Он старался уверить князя, что он вхож во все знатные домы, и предложил ему выслать его, Пелчинского, как он то уверяет, в Петербург, в роде *тайного агента*, чтоб наблюдать за исполнением всех представлений генерал-губернатора, за отвращением доносов и прочее. Но прежде сего он напросился в Белорусский еврейский комитет о переселении евреев из деревень в местечки. Как бы то ни было, но Пелчинский приехал в Петербург, мотал, ездил в экипажах, а иногда даже четверкою, содержал француженку и проч.

Пред коронациею отправился в Москву, а ныне сюда возвратился.
10 октября 1826

Записка написана в ответ на запрос (от 8 октября 1826 г.) начальника Главного штаба И.И. Дибича. Печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 66—67.

[1]В. Пельчинский окончил Виленский университет со степенью кандидата философии.

[2]В Петербург Пельчинский приехал в сентябре 1819 г. (см.: ПСБ).

[3]Пельчинский познакомился с Булгариным в конце 1820 г. и с восхищением писал о нем другу, что его «никто не превзойдет в любви к родине (т.е. к Польше. — *А.Р.*) и либеральности» (цит. по: Archivum filomatów. Cz. 1. T. 3. Kraków, 1913. S. 19. Оригинал на польском языке). Вместе с Булгариным Пельчинский собирался издать оды Горация с переведенными с польского комментариями Ю. Ежовского. Однако Булгарин, рассчитывая на хороший доход, осуществил это издание сам (см.: Избранные оды Горация, с комментариями. СПб., 1821), а отношения их стали прохладными (см.: Archivum filomatów. S. 208, 358—359). Позднее Пельчинский опубликовал в издаваемом Булгариным журнале СА статью «О действии причин, имевших неблагоприятствующее влияние на общественные выгоды в России» (1827. № 18. С. 126—148).

---

16 [О Ермолове]

Вот что узнать можно было от веры достойного человека, насчет пребывания здесь *Талызина*, который уже десять дней как уехал обратно.

Списываются собственные слова рассказа:

«Я изучал характер *Ермолова* как лица исторического и нахожусь в приятельских связях с весьма близкими к нему особами. На Ермолова никто не имеет влияния, кроме его собственного самолюбия. Он некоторым своим любимцам позволяет говорить себе *иногда* правду и даже требует этого — но *никогда* не следует их советам. Чем умнее человек, находящийся при нем, тем он менее следует его влиянию, чтобы не сказали, что им управляют. Таким образом сбыл он с рук нынешнего бессарабского губернатора Тимковского, который утруждал его своими планами и советами. Более всех Ермолов любит Грибоедова, за его необыкновенный ум, фанатическую честность, разнообразность познаний и любезность в обращении. Но сам Грибоедов признавался мне, что *Сардарь-Ермулу*, как азиатцы называют Ермолова, упрям как камень и что ему невозможно вложить какую-нибудь идею. Он хочет, чтобы все происходило от него и чтобы окружающие его

повиновались ему безусловно. Отчасти Ермолов и прав, ибо в отдаленном крае, который всегда на неприятельской ноге, будучи всегда окружен шпионами горных народов и владетелей азиатских областей, малейший вид, что кто-нибудь действует умом на Сардаря-Ермулу, унизит его в глазах азиатцев. Ермолов имеет необыкновенный дар привязывать к себе близких к нему людей, и привязывать безусловно, как рабов. Они знают слабости его и недостатки, но любят его. В шутку Ермолов разделяет своих приближенных на две части: одних называет *моя собственность*, а других — *моя личная безопасность*. Первые суть те, которым он делает поручения, а иногда доверенности; *вторые* — удальцы и наездники, вроде Якубовича. Он так величает их и в письмах. Офицеры и солдаты весьма любят Ермолова за весьма малые вещи: он позволяет солдатам на переходах и вне службы ходить в шароварах и широком платье, офицерам — в фуражках и кое-как; мало учит и восхищает своими bons-mots[1]. В нужде делится последним. Важная добродетель Ермолова, что он не корыстолюбив и не любит денег. Оттого статские чиновники не любят его и, хотя он не весьма бдительно истребляет лихоимство и злоупотребления, но зато, если откроет, беда! и его боятся, как огня. *Талызин*, по своему положению при Ермолове и по сведениям, не мог иметь других поручений, как *поразнюхать*, что говорят о нем здесь и как судят. Кажется, он поехал отсюда не с весьма благоприятными известиями. Известно, что Ермолова публика обвиняет в одном: зачем не знал о нападении персов, другие обвиняют в многом, но каждый человек имеет своих друзей и врагов; первые смотрят на ошибки в *уменьшительное*, другие — в *увеличительное* стекло. Средина есть истина!»

Записка, переписанная Фоком и отосланная И.И. Дибичу, печатается по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Ед. хр. 4. Л. 88—89. Опубликована М.М. Медведевым: ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 485—486. В левом нижнем углу первой страницы записки проставлен год («1826»), сверху рукой Дибича помечено: «24 октября. К свед[ению]. К очер[едному] до[кладу]».

[1]остротами (*фр.*).

---

17 [О Лое]

Прибыл сюда на сих днях некто г. *Лой* и явился с рекомендательным письмом к Гречу от Рикорда, писанным во время пребывания сего последнего в Малороссии в 1824 году. Г. *Лой* назван в письме венгерцем, но в нем тотчас узнаешь *итальянца*! Он служил во французской службе (à ce qu'il dit[1]), под Калишем был взят в плен и *тотчас* перешел в русскую службу. — Говорил часа два без умолку, просил рекомендаций, рассказывал о своих планах, надеждах, знакомствах и наконец объявил, что он слышал о *учреждении тайной полиции из жандармов* и приехал проситься у генерала Бенкендорфа в *жандармские офицеры*, parce qu'on dit qu'ils seront très bien gagés[2]. Многоречие г. *Лоя* не понравилось. Он может быть наихудший человек — только рекомендация Рикорда, честного, доброго Рикорда, не может служить порукою, ибо он готов всякого рекомендовать.

Записка, переписанная Фоком, находится в подборке агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 649). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 70.

[1]как он утверждает (*фр.*).

[2]так как, говорят, у них будет очень хорошее жалованье (*фр.*).

---

18 [О тульском дворянстве]

Инспектор класс Александровского училища в Туле, полковник Броневский, прибыл сюда с кадетами.

Он говорил приятелю, что тульское дворянство (с которым он в связи по кадетам и знает всех) при жизни Императора Александра критиковало все меры правительства, не понимая многого, браня даже хорошее, по убеждению, *что это все происходит от Аракчеева.* Когда Император Александр скончался, тогда дворянство начало плакать, опасаясь будущего времени, а более еще неизвестности. Наконец, когда вышли манифесты о вступлении на престол Николая I, дворяне весьма были не рады и множество не присягало, говоря: «Посмотрим, что будет дальше».

Теперь все переменилось: преследование взяточников, опубликование дела заговорщиков, твердость и откровенность Государя привязало к Нему сердца. — Московских газет и сенатских[1] ожидают с нетерпением, чтобы читать новые указы, особенно курсивные строки, которыми печатаются *собственные слова Государя.* Его называют *Молодец-Царь* и говорят: «Он сам царствует».

Пребывание Государя в Туле, осмотр корпуса и проч. весьма полюбилось.

Величайший взяточник в Туле, губернатор Тухачевский и советник Трофимов. — Броневский говорит, что Трофимов проживает 30 т. и проигрывает 30 т.!

Записка, переписанная Фоком, находится среди агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 655). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 78—79.

[1]Имеются в виду «Московские ведомости» и «С.-Петербургские сенатские ведомости».

---

19 Выписка из сведений, собранных о Мартынове и Форостовском

Мартынов — сын действительного статского советника Ивана Ивановича Мартынова, члена Академии Российской, бывшего директора департамента народного просвещения, члена Главного правления училищ, издателя многих книг и переводов, человека, как говорится, *старого века* и *старого просвещения*, у которого отроду не только не зародилась в голове либеральная идея, но, вероятно, и не приснилась. — *Молодой Мартынов* чрезвычайно рачителен в одежде, или щеголь; это уже доказывает тщесла-

вие и не совместно с ролью *ученого*, которую он на себя берет в кругу юношества. В обществах он скромен и молчалив; в дружеских беседах, между молодежью, старается блеснуть своею начитанностью и ученостью. Преимущественно говорит о философии и политических науках. В поведении вообще осторожен и боится отца. Он чрезвычайно молод, а потому и нельзя сказать ничего определительного о его характере.

Из трех братьев *Форостовских* о последнем, недавно выпущенном из Горного корпуса, узнано следующее: он учился в корпусе дурно, но по нравственности был хорошо аттестован[1]. Нрава он веселого и чрезвычайно ветрен. Служит на Монетном дворе. Поведение его по выходе из корпуса довольно вольное, в отношении к женскому полу. Дружбу ведет с молодыми офицерами и своими товарищами. Науками вовсе не занимается. Отец его почтенный старик, коренной русский богомольный и приверженный к престолу. Но три брата не живут с отцом. К ним иногда сходится молодежь пить чай и курить табак.

Записка, переписанная Фоком, находится среди агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 665). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 90—91.

На следующем листе (л. 92) краткая записка, которая, видимо, и послужила причиной запроса Булгарину об этих лицах: «Из отобранных бумаг Бестужева и его ответов видно, что им руководствовал Мартынов, сын действительного статского советника, живущего в 9-й линии на В.О. в доме Косиковского. Мартынов давал ему читать «вредные книги». Мартынов упоминает о Форостовском».

[1]Братьями Давида Павловича Форостовского, о котором тут идет речь, были, по-видимому, Иван Павлович, который в 1837 г. служил в почтовом департаменте, и Владимир Павлович, имевший чин подполковника в 1853 г.

---

20 [Об учебных корпусах]

Полковник *Броневский*, инспектор Тульского корпуса, человек умный и честный, посещал все корпуса здешние и весьма недоволен ими. О дворянском полку il en a dit des horreurs, mais je crains de les répéter, pour ne pas compromettre ni lui ni moi[1]. — Из невинных или смешных вещей скажу, что в 2-м корпусе генерал Маркевич не пускает кадет на двор бегать, чтоб не нанесли грязи и не замарали пола, на случай приезда Государя. Во всех корпусах занимаются теперь *чистотою и одеждою* кадет, именно тем, за что был сделан выговор Морскому корпусу. О науках *ни слова* — думают, что на это *не обратят внимания*.

Я был три дня назад в Горном корпусе: также трепещут и занимаются чистотою. Впрочем, порядок и кушанье хорошее; правда и то, что кадет не более 350 человек и половина пенсионеров, которые платят довольно за свое содержание. Мне крайне полюбилось там; не знаю, каково идут науки.

Записка, переписанная Фоком, находится среди агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 683). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 112.

[1]он рассказывал всякие ужасы, но я не решаюсь их повторить, чтобы не компрометировать ни его, ни себя (*фр.*).

---

21 [О резолюции императора по делу Белова]

Рассказывали в обществе не весьма жарких верноподданных о решении Государя о каком-то архитекторе *Белове*, которому Совет и Комитет министров присудили снять один чин и приговорить впредь не принимать в службу. Государь Император собственною рукою написал, что к месту не определять, а чина не снимать, потому что в таком случае надлежало бы снять все чины: дурной человек не может носить чина самого малого равно как и самого большого, и каждый чин есть почтен[1]. — Слова Государя другие, но смысл этот. — Все были восхищены решением Государя и все пожелали ему здоровья *от доброго сердца*, без всяких видов. — Признаюсь, мне приятно было слышать, что мудрые указы не проходят мимо ушей. Все с жадностию ими занимаются. Перемен в министерствах ожидают как жиды Мессии!

Записка, переписанная Фоком, находится среди агентурных записок за октябрь 1826 г. (№ 684). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 113.

[1]Московский архитектор титулярный советник А.А. Беляев был в 1823 г. обвинен в увеличении смет на строительство домов и в других проступках, решением Сената он в 1826 г. был отставлен от службы (с тем чтобы его впредь никуда не определять) и к понижению в чине на один ранг. Император 27 мая 1826 г. поставил на этом решении такую резолюцию: «Беляева отставить от службы и впредь никуда не определять, но чина не снимать и впредь никогда по приговорам одного чина не снимать, ибо во всех чинах должны быть честные люди; а понижать чином за проступки есть унижать чин, в котором столь же честно служить, как и во всяком» (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1826. № 43. 23 окт. С. 1339—1344).

---

22 О Булгарине

Многие ученые, литераторы и художники, не только иностранные, Всемилостивейше производимы были прямо в штаб-офицерские чины по статской службе, из уважения к их трудам, на которые они посвящая время, не могли заниматься службою. Фаддей Булгарин, в продолжение десятилетнего своего пребывания в С.-Петербурге, снискал себе уважение отличнейших людей сей столицы за свое поведение и заслужил благосклонность публики своими литературными трудами. Булгарин почел бы себя счастливым, если б мог получить статский чин, несколько сообразный с его летами, и избавиться от звания французского капитана, которое вовсе несообразно с десятилетними его занятиями. Ожидая сей милости единственно от щедрот Монарха, которому он предан душевно и готов посвятить Ему жизнь и все свои способности, Булгарин некоторым образом заслужил, чтобы обратить внимание на его труды.

С 1816-го г. он, снискав уже почтенное имя в польской словесности[1], начал трудиться для российской, помещая сперва статьи своего сочинения в журналах, по части исторической критики, военных наук и словесности[2]. Усмотрев, что в высших училищах вместо учебной книги употребляют *полное* издание Горациевых сочинений, в которых находится множество предметов соблазнительных, не приличных юношеству, Булгарин

издал и на свой счет напечатал «Избранные оды Горация, с комментариями на российском языке», где исключено все соблазнительное и помещено то, что сообразно с христианскою нравственностию. Книга сия на польском языке напечатана на казенный счет и введена в училища[3]. Для поддержания воинственного духа в народе и для сопряжения любви народной со славою Государя Булгарин издал «Славные воспоминания россиян XIX столетия», собрав и расположив на двух больших таблицах все победы в царствование Императора Александра I, на каждый день в году по одной. Сие издание удостоилось внимания блаженной памяти Государя Императора и чрез министерство просвещения потребовано для эрмитажной библиотеки. Для распространения исторических и географических сведений в России, в духе, свойственном образу правления, Булгарин предпринял с 1822 года издание журнала «Северный архив», который исключительно посвящен истории, статистике, путешествию и правоведению[4]. Сие издание, первое в своем роде, заслужило внимание европейских ученых, которые беспрестанно и все пользуются и переводят оттуда статьи, до России касающиеся. Сей журнал заслужил также внимание правительства, и бывший министр просвещения князь Голицын, без всякого ходатайства со стороны издателя, рекомендовал оный во все училища[5]. Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Мария Павловна, во время бытности графа Кутайсова в Веймаре, в разговоре о российской словесности, рекомендовать изволила особенно «Северный архив». С 1823-го года Булгарин издавал «Литературные листки»[6], посвященные особенно исправлению нравов статьями вроде Адиссонова «Спектатора». Булгарин издал «Воспоминания об Испании» в том намерении, чтобы доказать, что народ, воспламененный любовью к своим государям, бывает непобедим[7]. Для распространения любви к драматическому искусству, сильно действующему на нравы, он издал первый в России драматический альманах «Русская Талия»[8], за который получил благоволение от Императрицы Александры Феодоровны. С 1825-го года Булгарин издает «Северную пчелу», литературную и политическую газету, коей главнейшая цель состоит в утверждении верноподданнических чувствований и в направлении умов к истинной цели, то есть: преданности к Престолу и чистоте нравов. Стоит прочесть статью на день 30-го августа 1825-го года[9] и статью на плачевную кончину блаженныя памяти Императора Александра I-го[10], чтобы увидеть в полной мере дух сей газеты. За сию последнюю статью Булгарин удостоился получить благоволение ныне благополучно царствующего Государя Императора чрез графа Милорадовича и от Государыни Императрицы Марии Феодоровны чрез гофмаршала Нарышкина. Что Булгарин вытерпел за свой образ мыслей от партии, некогда сильной в обществе, которой пагубные замыслы открылись впоследствии, сие известно всем, составлявшим круг их знакомства. Булгарина даже стращали публично, что со временем ему отрубят голову на «Северной пчеле» за распространение неевропейских (так они называли) идей[11]. Но Булгарин всегда пребыл тверд в своих правилах и, видя какое-то своеволие мыслей между юношеством и некоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противудействовать их влиянию на общее мнение. Доказательством может послужить статья его сочинения, под заглавием «Бедный Макар, или кто за правду горой, тот истый герой», появившаяся в свет в «Северном архиве» 8 декабря 1825-го года, где монархические чувствования и правосудие рус-

ских государей выставлены в самом блестящем виде. С нынешнего года Булгарин издает безденежно журнал «Детский собеседник» и, чтобы удостовериться, в каком духе он составляется, стоит только взглянуть на статью «История славян»[12]. Главнейшая цель сего журнала есть распространение верноподданнических чувствований между российским юношеством. Получив Монаршую милость, Булгарин получит новую жизнь, жизнь политическую, в стране, которой он посвятил самого себя. Он первый из поляков появился на поприще русской словесности, и внимание, оказанное к трудам его, без сомнения, произведет благодетельные действия в общем мнении польского народа, который питает в себе любовь ко всему национальному. В варшавских журналах беспрестанно припоминают, что Булгарин родом поляк; следовательно, там почитают его достойным уважения.

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 1—4. Она подготовлена Булгариным, о чем свидетельствует и большое число фактов, известных только ему одному, и ее стиль. Опубликована М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. №. 3. С. 485—487; повторно: *Лемке*. С. 244—246. Датировать ее следует, по всей вероятности, октябрем 1826 г., так как 28 октября этого года А.Х. Бенкендорф информировал министра народного просвещения А.С. Шишкова, что «Государь Император, осведомясь, что бывший французской службы капитан Булгарин, обративший на себя Всемилостивейшее Его Величества внимание похвальными литературными трудами, желает поступить на службу и посвятить способности свои занятиям общеполезным, Высочайше соизволяет на переименование Булгарина в восьмой класс и на причисление его к министерству народного просвещения» (Цит. по: *Лемке*. С. 244, уточнено по оригиналу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 6). Через месяц, 22 ноября, был подписан высочайший указ о Булгарине, о чем он поместил в СП (1826. № 142. 17 ноября) следующую информацию в разделе «Внутренние известия»: «В благоговении к беспредельной благости Всемилостивейшего Государя Императора, великодушного покровителя не только отличных, блистательных подвигов, но и слабых трудов, внушаемых усердием к общей пользе, поспешаю сообщить моим читателям о Всемилостивейшей награде, которой я удостоился свыше моих заслуг и ожиданий. Сего ноября 22 дня дан Правительствующему Сенату Высочайший указ следующего содержания:

«Обращая внимание на похвальные литературные труды бывшего французской службы капитана Фаддея Булгарина, всемилостивейше повелеваем переименовать его в 8-ой класс и причислить на службу по министерству народного просвещения».

На подлиннике подписано собственною
Его Императорского Величества
рукою тако: НИКОЛАЙ

Взысканный, оживленный Монаршею милостию, потщусь я усугубить усердие и ревностные труды свои, для оправдания столь лестного, неоцененного внимания Всемилостивейшего Государя!

Ф. Булгарин».

[1]Булгарин начал печататься в Варшаве в 1815 г., но мы не располагаем сведениями о том, что он к 1816 г. «снискал почетное имя в польской словесности» (См.: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин и Польша//РЛ. 1993. № 3. С. 74—75).

[2]Среди наиболее заметных ранних публикаций Булгарина указанной им тематики назовем следующие: Краткое обозрение польской словесности//СО. 1820. № 31. С. 193—218; № 32. С. 241—264; Ответ на письмо г. Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани//Там же. 1821. № 9. С. 61—73; Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н.с.) 1813 года//Там же. 1822. № 41. С. 13—20; Возражения на ответ г. Анастасевича, помещенный в 4 книжке «Сына отечества»//

СО. 1822. № 45. С. 217—226; Краткое обозрение русской литературы 1822 года//СА. 1823. № 5. С. 377—422; Осада Сарагоссы//СО. 1823. № 14. С. 295—309; Марина Мнишех, супруга Димитрия Самозванца//СА. 1824. № 1, 2, 20—22; Критический взгляд на X и XI томы «Истории государства Российского», сочиненной Н.М. Карамзиным//СА. 1825. № 1—3, 6, 8.

[3]Польский ученый Ю. Ежовский выпустил комментированное издание од Горация (Horacjusza ody celniejsze, stosownie do użytku szkół przez Józefa Jeżowskiego. Wilno, 1821—1823), которое в Виленском учебном округе рассылалось по гимназиям. Булгарин издал «Избранные оды Горация с комментариями» (СПб., 1821), включающие перевод комментариев Ежовского, но в предисловии о его авторстве упомянул очень глухо, так что у читателей создавалось впечатление, что они в значительной степени написаны самим Булгариным (см.: *Циприпус* [Пржецлавский О.А.] Калейдоскоп воспоминаний//РА. 1872. № 9. Стб. 1769; *Греч*. С. 392—393; Archivum filomatów. Cz. I. T. 3. Kraków, 1913. S. 207—208, 358—359, 363, 408; *Błaszczyk L.T.* Jeżowski and Bulgarin: a case of plagiarism or collaboration?//Polish Review. 1980. Vol. 25. № 2. P. 15—43). О судьбе издания Булгарин рассказывает более подробно в записке № 123.

[4]«Северный архив», «журнал истории, статистики и путешествий», выходил с 1822 по 1828 г., в 1829 г. слился с СО Н. Греча в один журнал — «Сын отечества и Северный архив». Роспись части материалов журнала см.: *Афанасьев А.Н.* Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в «Северном архиве»//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1850. Кн. 1. Прил. 2. С. 1—100. Об издании Булгариным СА см.: *Н. Д*[*убровин*]. Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч (как издатели журналов)//РС. 1900. № 9. С. 559—568. СА, первый научный исторический журнал в России, пользовался успехом у современников, интересующихся отечественным прошлым. Н.А. Полевой отмечал, например, что «журнал г. Булгарина в короткое время догнал старые любимые журналы русские и сравнялся с ними» (МТ. 1825. № 3. С. 250). Н.М. Языков, тогда студент Дерптского университета, писал в феврале 1825 г. брату, что СА «заключает в себе много любопытного и дельного» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. СПб., 1913. С. 146). Положительную оценку журнала современными исследователями см.: *Афиани В.Ю.* Археография в журнале «Северный архив»//Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981. С. 143—158; *Курукин И.* Северный архив//Родина. 1998. № 4. С. 57—59.

[5]В том же архивном деле, что и публикуемая записка, хранится копия (выдана Булгарину 9 октября 1826 г.) циркулярного предложения министра духовных дел и народного просвещения А. Голицына попечителям учебных округов от 10 февраля 1823 г. А. Голицын, предлагая подведомственным попечителям учебным заведениям подписываться на журнал, писал, что в СА «по засвидетельствованию начальства здешнего учебного округа помещаются с хорошим выбором различные доныне не известные материалы, к российской истории относящиеся, и любопытнейшие географические и статистические сведения о России и других странах, так что издание сие может быть весьма полезным по части преподавания географии, статистики и отечественной истории и служить как для преподающих верным и хорошим руководством в отношении к новейшим сведениям и открытиям, так и для учащихся любопытным и наставительным чтением» (л. 5).

[6]«Литературные листки», «журнал нравов и словесности», выходили в 1823—1824 гг. и благодаря живости, бойкости и остроумию пользовались успехом у читателей. По мнению Н.А.Полевого, там «было много статей забавных и приятно написанных» (*Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 250). Булгарин писал позднее: «Если не ошибаюсь, «Литературные листки» были в русской литературе первым образцом того, что во французской журналистике называется фельетоном (в сноске он пояснял, что так именуется «литературная, легкая часть журнала или газеты». — *А.Р.*). «Литературные листки», сопровождавшие «Северный архив», попали в «Северную пчелу», растаяли в ней и составили литературную ее часть, которая под конец названа была *фельетоном* (*Ф. Б*[*улгарин*]. Журнальная всякая всячина//СП. 1849. № 5).

[7]См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Об этой книге см.: *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 111—115.

[8]См.: Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. Издал Фаддей Булгарин. СПб., 1825.

[9]Булгарин имеет в виду неподписанную статью «Мысли о дне 30 августа» (СП. 1825. № 104. 29 авг.) В этот день православная церковь установила «празднество в вечную благодарность Всевышнему за дарованные молитвами Св. Александра Невского Петру I победы над шведами. Сие церковное празднество, в которое каждый год бывает из Казанского собора в Александро-Невскую Лавру крестный ход, сделалось торжеством не одной столицы, но всей России, народным торжеством Тезоименитства Августейшего Александра I». Автор статьи, по-видимому Булгарин, писал, что, «пробегая в воображении все бедствия, претерпенные Россиею со времени победы Александра Невского до Петра Великого и взирая на нынешнее величие России, на стремление ее к просвещению, на внутреннее благоустройство и внешнюю безопасность, каждый обитатель России, славянин и иноплеменник, окинув взором прошедшее, настоящее и будущее, воскликнет с сердечным умилением при первом звоне праздничного колокола: «Боже, храни Царя!»

[10]В неподписанной статье о скорби в Петербурге по поводу смерти Александра I (СП. 1825. № 144. 1 дек.) автор писал: «Станем ли мы описывать уныние, печаль, слезы всех, всех жителей столицы! И русские, и иностранцы, и юноши, и старцы, и жены — все объяты были *одним* чувством, все составили *одно* осиротевшее семейство».

[11]Н.И. Греч вспоминал на склоне лет, как «Рылеев, раздраженный верноподданническими выходками газеты, сказал однажды Булгарину: “Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим”» (*Греч.* С. 694).

[12]Журнал «Детский собеседник», издаваемый Гречем и Булгариным, выходил в 1826—1828 гг. Булгарин имеет в виду анонимную компиляцию «О славянах» (по сочинению Суровецкого) в № 2 и 3 за 1826 г., завершающуюся следующим верноподданническим пассажем: «Будьте, любезные дети, во всех случаях жизни преданными вере отцов своих и непоколебимо верными Престолу <...> любите и почитайте Государя, как общего отца своих подданных, Россию как свое семейство, и тогда отечество наше удержится всегда на той степени величия, славы и благоденствия, на которой поставили его Государи, Богом данные из благословенной фамилии Романовых» (Детский собеседник. 1826. № 3. С. 255; дата цензурного разрешения этого номера — 29 ноября 1826 г., т.е. он вышел из печати после написания этой записки).

---

23 О Завалишине

Бывший правитель Российских американских колоний, капитан 2-го ранга Матвей Иванович Муравьев, возвратившийся в Петербург в сентябре месяце, человек почтенный, заслуживающий всякое вероятие, рассказывал о *Завалишине* следующее.

Когда Завалишин находился на фрегате «Крейсере» на водах Южного океана, Муравьев получил одна за другою три депеши из Петербурга о высылке Завалишина (который был тогда мичманом) немедленно в Петербург, как скоро корабль, на котором он находился, завернет в какой-либо порт Российско-американских колоний[1]. В одной из сих депеш было сказано, что если б не было случая отправить его немедленно, тогда должно снарядить или нанять судно нарочно. Такое предписание крайне удивило как Муравьева, так и начальника «Крейсера», ибо нанятие судна стоило бы по крайней мере 30 т. рублей, и сие казалось весьма необыкновенным пожертвованием для доставки мичмана, которого впрочем не повелено было

арестовать или содержать под присмотром. Г. Муравьев пригласил к себе Завалишина, объявил ему о полученном повелении отправить его в Петербург и спрашивал, не знает ли он причины сего повеления. Завалишин смешался и после некоторого времени объявил, что он вовсе не может догадаться, по какой причине его требуют в Петербург, но полагает, что родственник его, граф Остерман Толстой, который обещал его перевесть в гвардию и сделать своим адъютантом, вероятно, исходатайствовал и призыв его в Петербург из дальней экспедиции. Сей ответ показался неудовлетворительным г. Муравьеву, который, собрав сведения о поведении Завалишина, усумнился в чистоте его совести и велел за ним присматривать. Завалишин имел всегда превосходство в беседах с товарищами; он толковал о политике, занимался книгами, а между прочим в два месяца выучился по-испански, так что мог говорить и даже изрядно писать на сем языке. Он любил уединение и казался задумчивым, особенно с тех пор, как ему объявили о возвращении в Петербург. Наконец, Муравьев, отправляя судно к Охотскому порту, решился послать на нем Завалишина, не препоручая ему команды судна, но в виде пассажира[2]. Начальником назначен штурман Прокофьев, которому дана секретная инструкция от Муравьева: 1. Обходиться вежливо с Завалишиным, но не слушать его приказаний. 2. Не заходить ни в какой порт. 3. Неприметным образом сделать так, чтоб Завалишин не иначе появился в Охотске, как по предуведомлении начальника порта о нем. Завалишин, не зная сих распоряжений, пришел к Муравьеву просить начальство над судном, в чем ему и отказано вежливо, под вымышленными предлогами. Он просил у Муравьева одного хронометра, для деланий наблюдений, и получил оный. По доставлении Завалишина в Охотск, штурман Прокофьев объявил Муравьеву следующие обстоятельства о Завалишине, что и подтверждено боцманом и всею командою.

1. Завалишин почти не выходил из своей каюты: когда надлежало ему заводить хронометр, висевший в штурманской каюте, Завалишин появлялся в красном испанском шарфе, в треугольной испанской шляпе, и лицо завешивал зеленым вуалем[3]. Он просил всех удалиться из каюты, оставался наедине с полчаса и выходил в таком же костюме, в безмолвии. Сия комедия продолжалась ежедневно.

2. Когда Завалишину объявляли, что стол накрыт и кушанье поставлено, он являлся в кают-компанию и просил сделать ему одолжение удалиться всем на полчаса и оставить его одного. Все удалялись, и он, пробыв один полчаса, отворял двери, просил всех войти, извинялся в причиненном беспокойстве, благодарил за снисхождение, был весел за столом и любезничал с женою штурмана. Сие случалось обыкновенно несколько раз в неделю.

3. Будучи на высотах Калифорнии, он усильно просил штурмана пристать на время к берегу, но получил отказ.

4. Однажды он просил штурмана, в самых вежливых и убедительных выражениях, велеть команде держаться полчаса на левом борте, а ему оставить правый борт для прогулки, повторяя беспрестанно, чтобы никто не находился на правом борте, ибо это составит его нещастие. Штурман исполнил его желание. Является Завалишин в испанской шляпе, в красном шарфе, с зеленым вуалем на лице, прохаживается ровно полчаса по правому борту, после раскланивается всем, благодарит штурмана и прячется в свою каюту.

5. Однажды он приходит к штурману и просит его убедительно в таком-то часу и такую-то минуту выстрелить три раза из всех орудий, объявляя, что если Компания Американская не возьмет на свой счет сих зарядов, то он, Завалишин, готов заплатить тотчас наличными деньгами. Штурман, в удовольствие Завалишина, велит зарядить пушки салютационными зарядами, а когда все люди находятся при своих местах, дает знать Завалишину. Он является на палубу в своем странном наряде, с часами в руках, и когда желанная минута наступила, просит штурмана начинать стрельбу. После трех залпов он кланяется всей команде, благодарит штурмана, сходит в свою каюту и начинает дарить всех платками, деньгами и различными товарами, которые у него были в запасе. Ни один ребенок, ни один юнга на корабле не остался без подарка, и Завалишин во весь день был крайне весел. — Сперва думали, что сей день есть днем ангела Завалишина — но календарь вывел всех из заблуждения. Спрашивали его, не домашний ли праздник причиною залпа? Завалишин объявил, что нет, но что он имеет на то весьма важные причины.

Множество подобных обстоятельств рассказано было Муравьеву, но он упомнил только главнейшие. Экипаж почитал его помешавшимся в уме, и кажется, что Завалишин сам желал, чтобы его почитали человеком, на которого находят минуты сумасшествия.

Все, которые коротко знали Завалишина, а между прочим Муравьев, говорят, что он одарен был от природы необыкновенными умственными способностями, но что поведение его было всегда сомнительное и что каждый шаг его обнаруживал хитрость, превратность, непостоянство правил и образа мыслей. Прибавляют, что он рожден играть ролю какого-нибудь самозванца или италианского бандита. Он всегда косвенно старался дать почувствовать своим товарищам, что он имеет важные тайные связи с людьми значительными, что он занимается *важными* проектами, что он знает много *важных* дел и тому подобное. Это давало ему некоторую поверхность над неопытным юношеством, и он всегда хотел иметь между ими первенство. Одним словом, Завалишин прежде, нежели сделался *злодеем*, был *шарлатаном*.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3177. Л. 55—61. Сохранилась в подборке агентурных записок за октябрь 1826 г. (под № 644).

[1]Д.И. Завалишин участвовал в кругосветном плавании под командованием М.П. Лазарева (в 1822—1824 гг.) на фрегате «Крейсер». В воспоминаниях он писал, что во время пребывания в Англии «свободное обсуждение дел в печати свободной страны открыло мне несомненно, что Государь опять склонился на сторону ошибочной политики, поэтому я решился не медлить более, хотя бы и пришлось пожертвовать всеми выгодами похода, и написал к нему на Веронский конгресс, требуя личного свидания и желая объяснить, что он не туда идет и не туда ведет Россию, куда следует» (*Завалишин Д.И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 67). Император дал распоряжение доставить Завалишина в Петербург (в Калифорнию оно пришло 20 октября 1823 г.).

[2]Завалишин был отправлен из Калифорнии на родину 10 мая 1824 г. на корабле Российско-Американской компании «Волга», причем в своих воспоминаниях он утверждал, что был назначен командиром корабля (см.:*Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 78).

[3]Завалишин любил экстравагантную и экзотическую одежду. В 1830 г., находясь в заключении в Сибири, он ходил «в круглой шляпе с величайшими полями

и в каком-то платье черного цвета своего собственного изобретения, похожем на квакерский кафтан» (*Басаргин Н.В.* Записки//Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 84).

---

24 О Катенине

Павел Александрович Катенин был некогда оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров. Он воспитывался в родительском доме на скорую руку, выучился по-французски, танцовать и на 14 году от роду вступил в статскую [службу][1], а в 1809 году был уже титулярным советником. В 1810 он перешел в Преображенский полк и в 1820 году произведен был в полковники; в том же году вышел в отставку[2], на 28 году от роду: ему теперь только 34 года.

Не получив никакого основательного воспитания и вышедши на 14 году в свет, с умом быстрым и пылким характером, страстью к литературе и чтению, он бросился на философический словарь Вольтеров и все творения энциклопедистов, а имея необыкновенную память, испестрил ум свой блестками и мишурою, которые казались драгоценными предметами молодым офицерам и даже пожилым безграмотникам. Оттого-то он почитался в полку *гением* и поддерживал свою славу охотою к спорам диалектическим и самонадежностью. Некоторые успехи в литературе и на сцене еще более утвердили его в сем мнении о себе[3]. Но гвардейские офицеры превозносили его, а литераторы не любили за крутой нрав, вспыльчивость и даже дерзость в обхождении. В это время он был вреден своим влиянием и распространением волтерианства. Говорят, что покойный Государь знал это и велел ему выдти в отставку (под рукою). Должно однако ж сказать, что Катенин более желал *блистать*, нежели *действовать* к какой-либо вредной цели. Он был frondeur не образа правления или политической системы (о которых не имеет понятия), но был frondeur des personnes, *порицателем лиц.* Рассердившись на графа Милорадовича за то, что он протежировал дурных актрис-красавиц, Катенин без умолку ругал его во всех домах. Он называл покойного графа Tyran, mais plutôt âne que tigre[4]. Это дошло до графа, и он отомстил ему. Однажды в театре начали вызывать Азаревичеву, любимицу Милорадовича, и Катенин как исступленный кричал: «Не надо, не надо!»[5] — Граф отрапортовал покойному Государю в Верону, и Государь, по прежнему замечанию, велел выслать Катенина из города в свою деревню[6]. — С тех пор он весьма переменился, сделался скромнее в речах и в поступках, и как он никогда не был в душе ни якобинцем, ни атеистом, а болтал только в молодости, чтобы казаться выше других умом, то и самые зародыши сей идеи исчезли в нем. Он тем менее опасен ныне, что все прежние его поклонники и друзья-литераторы его оставили, а старые офицеры переменились, и сам Катенин сделался другой человек. Страшное дело! Я слышал от величайших защитников Катенина, что с ним нельзя теперь говорить, что он отстал в понятиях о литературе и вообще в суждениях. Так просвещение невидимо идет вперед. Теперь Катенин проводит время у Колосовой[7] и других актрис, переводит и сочиняет для них пиесы и удивляется, что прежние его друзья и поклонники охладели к нему. Суждение Грибоедова о нем прекрасное: «Катенин не поглупел, но мы поумнели, и оттого он кажется нам ничтожным».

Я оттого распространился столько о Катенине, что если сравнить прежнее его поведение с нынешним, то он совершенно *два* человека, и сколько *прежний* Катенин мог казаться опасным, столько *нынешний* безопасен.

Записка была переслана начальнику Главного штаба 27 октября 1826 г. Опубликована Ю.Г. Оксманом (с атрибуцией Булгарину) по копии из архива Главного штаба: ЛН. Т. 16/18. М., 1934. С. 628. Здесь печатается по писарской копии, сохранившейся среди агентурных записок III отделения за ноябрь 1826 г.(№ 715), имеющей небольшие разночтения: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 32—33.

[1]П.А. Катенин с 1806 г. служил в министерстве народного просвещения.

[2]Катенин вышел в отставку не по своей воле, а по указанию свыше (как об этом и пишет Булгарин ниже); возможно, поводом к этому послужил конфликт с великим князем Михаилом Павловичем (см.: *Ермакова-Битнер Г.* П.А. Катенин//Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 12).

[3]Во второй половине 1810-х гг. Катенин «пользовался уже известностью, как удачный переводчик Расина и Корнеля; он был страстный любитель театра и сам прекрасно декламировал» (*Каратыгин П.А.* Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 104—105).

[4]Тираном, но скорее ослом, нежели тигром (*фр.*; в оригинале игра слов).

[5]18 сентября 1822 г., когда шла трагедия В.А. Озерова «Поликсена», «Семенова играла Гекубу <...> роль Поликсены играла молодая воспитанница театрального училища [М.А.] Азаревичева <...> которую та учила. Эта шестнадцатилетняя девушка не имела никаких средств ни внешних, ни внутренних для трагических ролей и, разумеется, была очень слаба. Впоследствии она перешла на роли служанок. Семенова по окончании трагедии, при вызове ее, вывела вместе с собою и свою протеже. Такое закулисное протежирование показалось многим неуместным, потому что этой воспитанницы никто не думал вызывать. Надо заметить, что вызовы тогда имели важное значение и считались большой наградой артистам. Раздалось шиканье. Катенин сидел в первом ряду кресел и так как он имел в то время значительный авторитет в кругу истых театралов, конечно, был главным зачинщиком: он закричал: "Семенову одну!"» (*Каратыгин П.А.* Указ. соч. С. 160, 163). М.А. Милорадович в донесении Александру I утверждал, что Катенин кричал: «Не надобно нам их; дайте нам Каратыгина» (Там же. Т. 2. С. 104).

[6]Катенин был выслан 7 ноября 1822 г. по следующему повелению императора: «Отставного полковника Катенина, оказавшего неприличный поступок и замеченного неоднократно с невыгодной стороны, выслать из С.-Петербурга с запрещением въезжать в обе столицы без высочайшего на то разрешения» (ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 394). См.: *Каратыгин П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 163—168; Т. 2. Л., 1930. С. 104—111. В Петербург Катенин вернулся лишь летом 1825 г.

[7]Об отношениях Катенина с А.М. Колосовой см.: *Боцяновский В.Ф.* К истории русского театра. Письма П.А. Катенина к А.М. Колосовой. Пб., 1893.

---

25 [О Горском]

Сей человек нрава угрюмого, несообщительного, дерзкий в поступках, оставался всегда загадкою даже для людей весьма к нему близких. Никто не знает даже о его происхождении. Сперва он объявил себя графом (по-польски — грабя, hrabia), посредством злоупотреблений белорусского помещика Янчевского, который, попав пронырством в маршалы, промышлял выдаванием свидетельств дворянства из Депутатского собрания, а ныне занимается в Петербурге ходатайством по чужим делам, разорившись на

спекуляциях. После того Горский производил себя из Горских-князей и хлопотал о сем в Сенате. Он с Краснопевковым бывал то в тесной дружбе, то в брани. Для поляков сие знаменитое происхождение Горского вовсе непонятно, ибо в Белоруссии никогда не было ни графской, ни княжеской, ни даже дворянской фамилии Горских, а есть дворяне Горские в Литве, которые не признают своим подсудимого Горского. Общий слух носится, что он сын мещанина из местечка Бялыничь в Белоруссии, но верного ничего нет[1]. Он всю жизнь был пронырой и, наделав много зла на Кавказе, где был вице-губернатором, бежал оттуда. Он женат, но не живет с женою[2]. Сперва он содержал несколько (именно трех) крестьянок, купленных им в Подольской губернии. С этим сералем он года три тому назад жил в доме Варварина. Гнусный разврат и дурное обхождение заставило несчастных девок бежать от него и искать защиты у правительства, но дело замяли у графа Милорадовича. После того появилась у него девица под именем дочери; не знаю, правда ли, но говорят, что будто бы Горский жил с нею и будто она и брат ее суть дети брата Горского. Но верного узнать невозможно, потому что никто не смел ни о чем спрашивать Горского, зная, что он все лжет, а о месте пребывания его фамилии никто не знает, ибо иногда он называется литвином, иногда подолянином, иногда белоруссцем, а иногда великороссиянином. В деньгах он никогда не нуждался, никогда не занимал, напротив того, жил пристойно, и все уверяют, что будто у него большие деньги в ломбарде, нажитые разными пронырствами и злоупотреблениями. Горский был домашним другом у статс-секретаря Марченки, и он с женою весьма об нем хлопотал[3]. Сказывают, будто Горский давал пенсион жене своей, но это подлежит сомнению. Горский был в свете таинственное существо, без роду и племени, человек неизвестно откуда! Участь его не только не возбуждает сострадания, напротив того, крайнее удивление, что человек, который бунтовал с пистолетами на площади, привесил звезды к мундиру и назывался сенатором, избавлен от суда потому только, что не принадлежал к тайному обществу. И Пугачев не принадлежал к тайному обществу.

Записка печатается по копии Фока: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 61. Ч. 133. Опубликована Б.Л. Модзалевским и А.А. Сиверсом: Восстание декабристов: Материалы. Т. 8. Л., 1925. С. 251—252. Записка была передана из III отделения И.И. Дибичу 31 января 1827 г. в ответ на его запрос, а подготовлена, по-видимому, незадолго до этого. О.-Ю.В. Горский, уйдя в 1822 г. в отставку с должности кавказского вице-губернатора (в чине статского советника), приехал в Петербург; он находился под следствием о недостаче вина в Кавказской казенной палате. Не будучи членом тайного общества, принял участие в восстании декабристов на Сенатской площади. Был заключен в Петропавловскую крепость, предан суду, но не осужден. Высочайшим указом в марте 1827 г. сослан под надзор полиции в Березов.

[1]Отец О.-Ю.В. Горского, Ю.-В.И.-К. Горский, был полковником Минского воеводства, стольником Мстиславского воеводства.

[2]Жена Горского Е.-К.-Ф. Горская умерла до 1821 г.; возможно, позднее он еще раз вступил в брак.

[3]Горский познакомился с В.Р. Марченко в 1814 г. в Париже. См.: *Марченко В.Р.* События, в глазах моих совершившиеся, при вступлении на престол императора Николая I//РС. 1896. № 5. С. 314—315. В одном из агентурных донесений III отделения говорилось, что жена Марченко находится в связи с Горским (см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3 Ед. хр. 12. Л. 12).

---

26 [О цензурной политике и чиновнике Рябинине]

1. Рябинин (коллеж[ский] совет[ник]). Когда Государь Император соизволил удержать у себя три* проекта указов, из последнего доклада министра просвещения (22 ноября), в зале министерской, в его канцелярии и в департаменте[1] пошли разные толки по сему случаю. Весьма странно показалось многим, что в это время директор канцелярии министра, князь Шихматов-Ширинский, начал выспрашивать у многих: «Кто таков Рябинин? — Неужели министр не знает его?» — спрашивали князя Шихматова. «Ни я, ни министр *не знаем его вовсе*, а представили о нем *по рекомендации* генерала Карбониера!»[2]

Рябинин служил прежде в Коллегии иностранных дел и был в числе тех счастливцев в толпе чиновников, о которых нельзя сказать ни дурно, ни хорошо, потому что они, стоя всегда на черте золотой посредственности, ни с какой стороны не обращают на себя внимания. В Коллегии иностранных дел распрошено было издалека несколько чиновников-работяг, и все они пожимают плечами и отвечают о Рябинине улыбкою и словами: «Обыкновенный человек!». По расспросам у его знакомых, и даже у однофамильца в Сенате, оказывается, что Рябинин из числа дюжинных чиновников и людей, о которых говорится хорошо, ради любви христианской, ни за что, ни про что. Зла явного нет — следовательно, пусть будет добро.

Такого человека можно посадить на какое угодно место, из тысячи мест, где требуется механического исполнения, но председатель цензурного комитета в Москве должен непременно быть лично известен Государю Императору, иметь некоторый вес в мнении общем и быть в состоянии дать месту председателя цензуры некоторую важность. Надлежало бы, чтобы и литераторы имели некоторое уважение к сему месту, от которого непосредственно зависит участь их произведений — доброе имя и состояние! Впрочем, какая средняя пропорциональная линия между председателем С.-Петербургского комитета, генерал-лейтенантом Карбониером, и дерптским ученым, почтенным Эверсом, — этот господин Рябинин, ничем не известный ни по службе, ни в свете, ни на поприще словесности? И, если министр просвещения и его директор после представления спрашивают: «Кто таков этот г. Рябинин?», то же будет спрашивать и вся публика.

В Москве печатается почти столько же книг и журналов, как в Петербурге, и московская книжная торговля имеет большое влияние на полуденные края России. Там вообще всегда менее обращали внимания на цензуру, нежели здесь, и почти все, запрещенное после правительством, печаталось всегда в Москве. В Петербурге центр просвещения и администрации; здесь на все устремлены наблюдательные взоры, и каждый ищет под рукою материалов для надзора. Москва точно как бы другое государство, в отношении к просвещению. Об этом распространяться здесь не место — но достоверно, что председателем в Москве должен быть человек доверенный, отменно расторопный, и иметь качества выше изъясненные, чтобы дать направление сочинениям, не разглашая об этом на перекрестках, как прежняя наша цензура и нынешний Устав, и не представляя воли Монаршей в искаженном виде, для того только, чтобы представить себя важным лицом.

---

*О утверждении профессора Эверса председателем Дерптского цензурного комитета, о производстве в 8 класс журналиста Булгарина и о Рябинине.

Вообще полезно для общего мнения, чтобы председатель цензурного комитета по виду *нисходил* на это место, а не *возвышался* оным (plutôt descendre, que s'élever par cette place[3]). Это для того, что человек в известном чине или по крайней мере с весом в свете будет иметь общую доверенность и не будет иметь нужды для показания своей важности делать из цензуры инквизицию, грозить тайными предписаниями, волею Монарха и тому подобными средствами для устрашения умов, а с тем вместе и нерасположения сердец к правительству. Если 3-е отделение особенной канцелярии Его Величества, которое сначала возбуждало страх и недоверчивость, в самое короткое время дошло до того, что туда ходят исповедоваться, как в католический конфессионал, должно, чтоб и цензура была *советом* литераторов, а не *грозным судилищем*, как было доныне. Все зависит от исполнителей! В каждом деле должно помнить пословицу: Est modus in rebus[4].

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 584. Л. 5—6. Впервые опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 136—138. Записка написана в конце ноября 1826 г., тогда же собственноручно переписана (с купюрами) Фоком (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 93—95).

[1]Имеется в виду департамент народного просвещения.

[2]П.М. Рябинин подал в 1826 г. прошение в министерство народного просвещения о назначении его председателем Московского цензурного комитета. Министр народного просвещения А.С. Шишков запросил о нем председателя Главного цензурного комитета Л.Л. Карбоньера, и тот дал положительный отзыв (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 581).

[3]скорее нисходить, чем возвышаться посредством этого места (*фр.*).

[4]«Мера должна быть во всем» (*лат.*). Слова Горация («Сатиры», I, I, 106, перевод М. Дмитриева), ставшие крылатыми.

---

27 О Петрове

Желая избегнуть в изысканиях о *Петрове* всякой клеветы или личности, чтобы слеза невинного не тяготела на моем сердце, я старался собирать сведения от различных лиц и по сему предмету говорил о нем под разными предлогами с следующими лицами: 1. С *Алексеем Кусовым* (братом градского главы[1]), бывшим директором Коммерческого банка; 2. С *Уваровым*, маклером сего банка; 3. С *Леске*, маклером биржи; 4. С *Толченовым*, маклером же биржи; 5. С купцами, торгующими сукном, с *Лесниковым* и 6. *Калугиным*. Сей последний, будучи казначеем сиротского суда, имеет частые сношения с Банком; 7. С книгопродавцем *Слениным*; 8. С бумажным купцом *Заветным*; 9. С директором Американской компании *Прокофьевым*; 10. С купцом *Овандером*; 11. С чиновником Банка *Адамовичем*, молодым человеком, воспитанным, умным и даже ученым. Из разнородных расспросов и ответов вывожу следующее заключение. Место правителя канцелярии в Коммерческом банке есть важное, и потому, что оно дает около 30 000 рублей безгрешного дохода, и потому, что правитель канцелярии, имеющий некоторый вес в свете, по чину, имени или по уму, может контробалансировать и деспотизм министерства, и своеволие купцов директоров, и вместе с тем удержать канцелярские плутни, которые весьма обыкновенны в сем месте. Самовольные распоряжения министра финансов по Коммер-

ческому банку имеют весьма вредные влияния на торговлю. *Дорогомыжский*, бывший правитель канцелярии, основываясь на смысле законов, два раза противился подобным распоряжениям; однажды: о разделе между маклерами прибылей по прошествии года, так чтобы тот, кто работал, достал равную часть с тем, который ничего не делал: известно, что это сделано в пользу брата жида Перца. Другой раз: о выдаче свидетельств и залогов, весьма отяготительных для купцов нуждающихся и выгодных для капиталистов. Канцелярия министра финансов и люди, имеющие над ним сильную власть, употребили в свою пользу отставку *Уварова*[2], чтобы выставить Дорогомыжского[3]. Директор банка, действительный статский советник *Миллер*, такой человек, что канцелярия и приближенные министра финансов уверены, что он не заспорит ни в чем с ними и сделает все, о чем попросят и даже скажут. Купцы по обыкновению безгласны пред чиновниками — любимцами вельможи. Надлежало [взять] директора канцелярии из людей ничтожных, безгласных же, самых заваляющих, как говорится, чтобы он обязан был всем канцелярии министра и директору банка, и почитая сие место величайшим благом, имея пред глазами пример Дорогомыжского, беспрекословно повиновался воле любимцев министра. Вследствие этого выбрали Петрова!

Спросят меня, какие выгоды могут иметь приближенные и любимцы министра финансов, из Коммерческого банка? Из Коммерческого банка собственно никаких, но люди, имеющие дела и нужду в нем, а особенно дела срочные и запутанные, будут *прибегать* к ним. Вот в чем важность: здесь *наличные* деньги. Впрочем, история маклеров и Дорогомыжского доказывает, что значит *влияние*!

И так выбрали Петрова, чиновника, который был не уважаем в банке за свою ничтожность, за изгибающийся нрав и за совершенную безгласность пред начальниками. *Адамович* говорит, что никто понять не может, по какому случаю выбрали Петрова, последнего из начальников отделения. Алексей Кусов говорит, что это креатура директора д[ействительного] с[татского] с[оветника] Миллера, который бегает по его делам и составляет его счеты. Алексей Кусов весьма невыгодно отнесся о Петрове насчет характера, но в подробности расспрашивать было невозможно. Маклер Уваров назвал его хитрецом и пролазом, и прибавил, что он приобрел милость тем, что беспрестанно в безделицах советуется с директорами. Общий голос, что он *ничем не отличен от последнего писца* в банке, и если доселе не отличился никаким большим плутовством, то это потому, что у него дела были *грошовые*. Один назвал его в шутку Канкринским пластырем, по рецепту его канцелярии. Привожу и шутку, потому что она иногда рисует человека. Один Толченов распространился насчет фигуры Петрова: я полюбопытствовал видеть его и в самом деле ужаснулся: это настоящий (слово нрзб. — *А.Р.*) Шиллера! Весь рыжий, с согнутой головой, с кошачьими глазами, глядящими всегда вниз. Хотя по физиономиям не должно судить, au moins elle n'est point prévenante![4] — Впрочем, я верю Алексею Кусову, бывшему директору банка, который весьма невыгодно о нем отзывался, как о человеке без всяких *отличных способностей*, *хитром* и *ненадежном*. Слишком дурного он не мог сделать, не имея случая, а по мелочам не упускал случая.

Результаты из всего этого суть следующие: Коммерческий банк должен иметь правителя канцелярии человека *отличного*, которому бы место сие было дано в *награждение* или в *поощрение к усердной службе*, потому

что жалованье равняется *директорскому* по другим департаментам, а влияние в городе сильное. Должно притом поставить человека с характером, который бы мог опереться в случае беззакония. Назначить же un plastron du ministre[5] для прикрытия чуждого влияния на дела банка значит унизить и место, и обескуражить честных и умных людей, которые всю жизнь добиваются до места с хорошим жалованьем. Если бы даже известия о Петрове были и самые благоприятные, то все-таки он слишком молод и не имеет никакого отличия, чтобы занять сей важный и богатый по жалованию пост.

Правда сказана как перед Богом, и конец.

Записка (писарская копия) находится среди агентурных записок за ноябрь 1826 г. (№ 716). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 34—37.

[1]То есть Николая Ивановича Кусова, петербургского городского головы в 1824—1833 гг.

[2]С.С. Уваров был управляющим Государственными заемным и коммерческим банками с 1823 по 1826 г.

[3]С.Н. Даргомыжский был в 1826 г. уволен министром финансов с должности правителя канцелярии Государственного коммерческого банка без указания причин. В том же году он подал прошение императору, утверждая, что уволен несправедливо, а в 1827 г. обращался с аналогичным прошением в III отделение (см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 2256). В банке Даргомыжский восстановлен не был, но в мае 1827 г. определен чиновником для особых поручений при министерстве императорского двора по департаменту уделов (см.: *Пекелис М.А.* С. Даргомыжский и его окружение. Т. 1. М., 1966. С. 43).

[4]она, во всяком случае, не располагает к себе (*фр.*).

[5]шута министра (*фр.*).

---

28 [О Милорадовиче]

Милорадович, молодой protégé, имеющий все качества, чтобы достигнуть желаемого. Молчит, когда говорят о делах, не спорит ни с старшими, ни с младшими, приятно кланяется всем, всегда припоминает о существовании своем на обедах и вечерах. Чего более? Он не взяточник, не интригант, а просто *добрый малой.* Сенатские дела писаны для него по-китайски, но за обер-прокурорским столом более и не требовалось, как читать газеты и рассказывать о новостях вчерашнего дня.

Записка, хранящаяся среди агентурных записок за ноябрь 1826 г. (№ 733), печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 70.

---

29 [О Владиславлеве]

Действительный статский советник Владиславлев служил прежде секретарем в 3 департаменте Сената, потом был экспедитором в министерстве юстиции и наконец перешел к министру внутренних дел. Человек деловой, знающий законы и порядок делопроизводства, умный и рассудительный, вел себя всегда отменно хорошо и осторожно и везде оставил после

себя хорошую репутацию. Без сомнения, как о человеке, в руках которого были процессы, могут быть и невыгодные слухи, от сторон недовольных; но ни один нельзя подкрепить доказательствами, по крайней мере сколько известно. Ежели даже допустить, что он брал, чтобы жить, то, вероятно, без кондиций и прижмок, потому что о нем говорят хорошо. Трудно найти человека более способного к гражданским делам! При всеобщем направлении умов к деятельности и бескорыстию, он может быть крайне полезен по части юстиции.

Записка, хранящаяся среди агентурных записок за ноябрь 1826 г. (№ 735), печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 72.

---

30 Об издателе журнала «Московский вестник» Михаиле Погодине

В мнении моем о цензуре вообще я полагал, что издатель журнала должен быть непременно человек опытный, надежный, известный или самому Государю, или его доверенным особам, потому что при самом строгом надзоре, при самой строгой цензуре он найдет средство действовать на общее мнение, представляя происшествия и случаи без своих даже рассуждений, в таком виде, что ясною будет та сторона, какую он захочет представить таковою, или умалчивая о делах и происшествиях, могущих возбудить приятные впечатления, убедить в пользе настоящего порядка вещей. Молчать никто не запретит, а при случае и это важно. Кроме того, рой юношества всегда вьется вокруг журналиста, который по нужде вступает со многими в связи и дружеские сношения. История Булгарина и Греча может послужить примером. Заговорщики[1] всасывались, так сказать, в них, чтобы перелить в них свой образ мыслей, делая им различные угождения, и, видя совершенную невозможность поколебать их правила, даже угрожали и старались вредить в общем мнении, провозглашая шпионами и бог знает чем. Некоторые из заговорщиков, молодые люди, свыклись вместе, продолжали дружескую связь, но масса их всегда оказывалась неприязненною.

Молодой журналист с либеральным душком, как Погодин, хотя бы и не имел вредных намерений, легко увлечется наущением и влиянием чужого мнения, из протекции, из знаменитого сотрудничества[2] и т.п.

Два человека в Москве, князь Петр Андреевич Вяземский и Александр Пушкин, покровительством своим могут причинить вред. Первый, которого не любили заговорщики за бесхарактерность, без всякого сомнения более во сто крат влиял противу правительства, образа правления и покойного государя, нежели самые отчаянные заговорщики. Он frondeur par esprit et caractère[3] — из ложного либерализма отказался даже от камер-юнкерства и всякой службы, проводит время в пьянстве и забавах в кругу юношества и утешается сатирами и эпиграммами. В комедии «Горе от ума» — зеркале Москвы он описан под именем князя *Григория*[4]. Пушкин известен — это несчастное существо с огромным талантом служит живым примером, что ум без души есть меч в руках бешеного. Неблагодарность и гордость — две отличительные черты его характера. Вот меценаты молодого Погодина.

Он имеет довольно ума и начитанности, сколько можно иметь в 22 и 23 годах. С виду чрезвычайно скрытен и молчалив и, как говорят, расстегивается только в коротком кругу. Начальство его не может аттестовать дурно, да и честному человеку нельзя сказать о нем ничего дурного, потому что здесь говорится только к званию журналиста. Весьма замечательно, что хотя ни Греч, ни Булгарин ни одного раза не критиковали и не бранили Пушкина, напротив того, всегда даром посылают ему свои журналы, он никогда не помещал у них своих стихов[5], как в журналах, составляющих некоторым образом оппозицию с мнением господствовавшей некогда партии, к которой Пушкин принадлежал, не по участию в заговоре, но по одинаковому образу мыслей и дружбы с главными матадорами.

Журналист, по моему мнению, должен быть воспитателем молодых писателей и советником созревших. Юноша сделается камратом[6] и пойдет за общим стремлением. Течение увлечет его — надобно иметь *вес*, чтобы не быть *снесену*.

Запретить Погодину издавать журнал, без сомнения, невозможно уже теперь. Но он хотел ехать за границу на казенный счет, хотел вступить в службу — вот как можно зажать его. Это птенец, только что выпорхнувший из университета с большими надеждами; весьма было бы жаль, если [бы] он поставил себя на виду, дал себя увлечь этими вампирами, которые высасывают все доброе из молодых людей и впускают свой яд.

Записка печатается по копии Фока: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. Ед. хр. 117. Л. 3—5. Написана в ноябре 1826 г. Опубликована Н.Я. Эйдельманом: ВЛ. 1985. № 2. С. 130—132.

[1]Имеются в виду декабристы.

[2]Булгарин намекает на высказывание А.Ф. Воейкова об участии его «знаменитых друзей» (В.А. Жуковского и П.А. Вяземского) в выходящем под его редакцией издании (СО. 1821. № 13. С. 277), ставшее предметом многочисленных насмешек.

[3]фрондер по духу и характеру (*фр.*).

[4]Подтверждениями этого свидетельства мы не располагаем.

[5]Это не так. По просьбе Пушкина Булгарин перепечатал в «Литературных листках» (1824. № 4) его стихотворения «Элегия» и «Нереида», ранее напечатанные с ошибками в «Полярной звезде» (СПб., 1824) (См.: *Пушкин А.С.* Письма. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 71, 306); там же (1825. № 12) было помещено стихотворение «К Ч.».

[6]*Камрат* (от польского kamrat) — здесь: единомышленник.

---

31 [Толки о рассмотрении Цензурного устава]

25 и 26 ноября был я в Адмиралтействе, департаменте министра юстиции, Сенате 3-го и 4-го департаментов, Комиссии прошений и кроме того в нескольких обществах, говорил со многими умными и сведущими людьми и один предмет разговоров: *рассмотрение Цензурного устава*[1]. Без всякого сомнения, десять побед и присоединение десяти городов к России не приобрело бы столько сердец нашему Государю, как этот истинно геройский подвиг. Г[осподин] Крузенштерн, весьма скромный в речах, не мог удержаться, чтоб не сказать: «Конечно, мы верные Его слуги, но у каждого честного человека лежал на душе камень, и это Цензурный устав, которым объявлена явная война каждой мысли и чувству. С ним нет ни истории, ни статистики, ни путешествий, и кто мог взяться за перо, не опасаясь преследований? Разве не было примеров? Низвержение этого Устава делает

рии, ни статистики, ни путешествий, и кто мог взяться за перо, не опасаясь преследований? Разве не было примеров? Низвержение этого Устава делает величайшую честь Государю и доказывает, что он не думает о Себе, а только о общей пользе». Г[осподин] Головнин прибавил: «Это показывает столько же твердости характера или даже более, нежели в день 14 декабря. Ибо принести в жертву общему благу собственное самолюбие есть подвиг, на который бы не решились ни Карл XII, ни Наполеон, которые также не боялись смерти». При сем разговоре порядочно честили сочинителей устава: Магницкого, Шишкова, князя Шихматова и цензора Красовского; невежество, желание выслужиться и приобресть силу законом, который они подобно мечу могли устремить на каждого, — вот причины Устава!

В департаменте министра юстиции также весьма умно судили о сем деле. «Что за диво, что обманули Государя, — сказал г. Галлер, человек редкого ума и способностей. — Я знаю свое дело и зубы съел на этом, а не могу поручиться, чтоб человек, на которого я надеюсь, не обманул меня, если захочет, представив дело в другом виде, в минуту нерасположения духа, недосуга и т.п. — Вообразите же если б мне представили дело по какому-нибудь артиллерийскому департаменту и если б старый генерал ручался за правду: как не поверить. В частных делах, в тяжбах нельзя изменять решений, ни становить новых законов на прошедшее время; но в общем государственном устройстве перемена несвойственного закона есть благодеяние, которое должно торжествовать с колокольным звоном». Юношество торжествует и радуется: у них один голос: «Нечего сказать, молодец — дай Бог, чтоб Он имел людей!» — Люди степенные, в летах, восклицают: «Укрепи Его Бог; ему не с кем работать — Он крепче всех». Это русизмы, означающие превосходство.

Обер-секретарь Фиалковский, который хотя не писатель, но усердный читатель, также в восторге говорил и доказывал долго, какая слава сознаться в ошибке, в общем узаконении. «По частному делу мнение основывается на писанном законе, — сказал он, — и тут ошибаться не можно и не должно, но при издании закона так же легко можно ошибиться, как и во всяком суждении и предположении». Он при сем цитировал указы Петра I-го.

Вообще прежде по углам только вопияли противу Устава, а явно не смели; теперь же, когда узнали, что Сам Царь велел его рассмотреть — толкованиям нет конца — нет конца и славословию Царя. За истину всего этого ручаюсь моим честным словом, которого ни купить, ни силою изменить невозможно.

Чудное дело! Князь Шихматов и г. Шишков уверены, что, исключая нескольких пунктов, которые должно переменить*, устав есть совершенство.

Печатается по писарской копии, хранящейся среди агентурных записок за ноябрь 1826 г. (№ 748): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3178. Л. 97—100.

[1]Новый цензурный устав, утвержденный царем 10 июня 1826 г., был, по характеристике В.Ф. Одоевского, «сверх необычайной стеснительности всех мер, замечателен тем, что в нем запрещались не только целые роды сочинений, но целые отделы наук; запрещалось не только что-либо противное какому бы то ни было прави-

*Вопрос: зачем же внесены эти пункты?

тельству или какому бы то ни было вероисповеданию, но философия, политика, геология, вообще всякое рассуждение, где автор от рассмотрения природы восходит мыслию к божеству; наконец, даже биография и мемуары и проч. и т.п.» (*Одоевский В.Ф.* К истории русской цензуры//РА. 1874. № 7. С. 12). Устав вызвал всеобщее недовольство. Вот, например, как отзывался о нем в письме от 23 сентября 1826 г. Н.М. Языков: «Вышел и начинает приводиться в действие новый устав о цензуре — совершенная инквизиция; а этого никак нельзя было ожидать после манифестов, в которых ясно высказывалось желание добра во всех смыслах. Кроме того, что сей устав мог бы подписать и монарх Высокой Порты, в нем еще обнаруживаются и глупость, и невежество, — необыкновенные спутники угнетения в нашем веке, когда все стараются прикрываться личиною благорасположения к просвещению и общему благу. Странно и досадно — и несносно!» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. СПб., 1913. С. 263). Реакция общества на цензурный устав была столь резкой, что когда 8 ноября 1826 г. министр внутренних дел В.С. Ланской передал на высочайшее утверждение проект устава для цензуры иностранных книг, написанный в том же духе, что и общий устав о цензуре, Николай I не утвердил его и создал Временный комитет для его рассмотрения. Временный комитет на первом же своем заседании 15 ноября 1826 г. пришел к выводу, что в своей деятельности ему придется обсуждать и оценивать положения уже утвержденного устава, и обратился за соответствующим разрешением к царю. К мнению комитета была приложена докладная записка Д.В. Дашкова «О цензурном уставе». Рассмотрев докладную записку, Николай 21 ноября «изволил изъявить свою высочайшую волю, что оный комитет может иметь суждение, не стесняясь цензурным уставом 10 июня 1826 года для печатаемых внутри государства книг <...>» (цит. по: *Гиллельсон.* С. 207; см. там же более подробно о реакции на устав и создании Временного комитета на с. 199—207).

---

32 Замечания на «Комедию о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»

По названию *Комедия*, данному пиесе, не должно думать, что это комедия в таком роде, как называются драматические произведения, изображающие странности общества и характеров. Пушкин хотел подражать даже в заглавии старине. В начале русского театра, в 1705 году[1], комедией называлось какое-нибудь происшествие историческое или выдуманное, представленное *в разговоре*. В списке таковых комедий, находившихся в Посольском приказе 1709 года, мы находим заглавия: Комедия о Франталасе царе Эпирском и о Мирандоне сыне его и о прочих; Комедия о честном изменнике, в ней же первая персона Арцух (то есть Герцог) Фридерик фон Поплей; Комедия о крепости Грубетона, в ней же первая персона Александр царь Македонский, и тому подобное[2]. В подражание сим названиям Пушкин назвал свое сочинение «Комедия о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве».

В сей пиесе нет ничего целого: это отдельные сцены или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома «Истории государства Российского», сочинения Карамзина, переделанные *в разговоры и сцены*. Характеры, происшествия, мнения, все основано на сочинении Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедии принадлежит только рассказ, расположение действия на сцены.

Почти каждая сцена составлена из событий, упомянутых в истории, исключая сцены Самозванца в корчме на литовской границе, сцены Юродивого и свидания Самозванца с Мариною Мнишек в саду, где он ей признается, что он Отрепьев, а не Царевич.

Цель пиесы — показать исторические события в естественном виде, в нравах своего века.

Дух целого сочинения монархической, ибо нигде не введены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора, и только одно место предосудительно в политическом отношении: народ привязывается к Самозванцу именно потому, что почитает его отраслью древнего царского рода. Некоторые бояре увлекаются честолюбием — но так говорит история. Имена почти все исторические.

Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражание Шекспиру, Гете или Шиллеру; ибо у сих поэтов в сочинениях, составленных из разных эпох, всегда находится связь и целое в пиесах. У Пушкина это разговоры, припоминающие разговоры Валтера Скотта. Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Валтера Скотта! Для русских это будет чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественным событиям — для иностранцов все это потеряно. Некоторые сцены, как, например, первая на рубеже России, сцена, когда монах Пимен пишет историю, а молодой инок Гришка Отрепьев спит в келье, сцена Гришки Отрепьева в корчме на литовской границе и еще некоторые места истинно занимательны и народны — но в целом составе нет ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пиитическое воображение[3]. Все подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало.

Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие, должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнесть ни в одном благопристойном трактире! Например, слова Маржерета. См. № 1.

В сцене Юродивого № 2 слова «не надобно бы молиться за Царя Ирода», хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят *раскольники* и называют Иродом каждого, кого им заблагорассудится, кто бреет бороду и т.п.

№ 3. Сия тирада произведет неприятное впечатление. У нас еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорил *своим* языком без возражения вслед за его умствованием. Предоставлять каждому читателю возражать самому — еще у нас не принято, да и публика наша для сего не созрела.

№ 4. Здесь представлено, что народ с воплем и слезами просит Бориса принять царский венец (как сказано у Карамзина), а между тем изображено, что люди плачут сами не знают о чем, а другие вовсе не могут проливать слез и хотят луком натирать глаза! «О чем мы плачем?» — говорит один. «А как нам знать, то ведают бояре, не нам чета!» — отвечает другой. — Затрудняюсь в изложении моего мнения на счет сей сцены. Прилично ли так толковать народные чувства?

№ 5. Сцену в корчме можно бы смягчить: монахи слишком представлены в развратном виде. Пословица «Вольному воля, *спасенному* рай» переделана: «Вольному воля, а *пьяному* рай». — Хотя эти монахи и бежали из монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но кажется, самый разврат и попойка должны быть облагорожены в поэзии, особенно в отношении к званию монахов.

№ 6. Решительно должно выкинуть весь монолог. Во-первых, царская власть представлена в ужасном виде; во-вторых, явно говорится,

что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их. В Юрьев день можно было до царствования Бориса Годунова переходить с места на место.

За сими исключениями и поправками, кажется, нет никакого препятствия к напечатанию пиесы. Разумеется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у нас не видывали патриарха и монахов на сцене. До 1818 года в повестях, песнях и романах выводили в действие монахов и даже не всегда в блестящих цветах. Во время мистицизма и влияния духовенства на литературу даже имена монахов и священников запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: «Отец мой!» — По падении мистицизма и уничтожении монашеского влияния показались две пиесы, где монахи выведены в действие: «Чернец», поэма, сочин. Козлова и «Русалка» Пушкина. Обе пиесы подвергались гонению духовенства, и на них были приносимы жалобы министру просвещения. — Но в публике это не производит ни малейшего впечатления, и у нас есть народные, напечатанные песни, в коих даже монахи представлены в самом развратном виде. Характеристическая черта русского народа есть та, что он привержен к вере и обрядам церковным, но вовсе не уважает духовного звания, как тогда только, когда оно в полном облачении. Все сказки, все анекдоты не обойдутся без попа — представленного всегда в дурном виде. И так кажется, что введение патриарха и монахов в сочинение Пушкина не произведет никакого дурного впечатления в публике, исключая партии, приверженной к системе мистицизма. Впрочем, это зависит совершенно от того, как угодно будет смотреть на сей предмет: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнее — и он говорит даже, что в то время Россия была наполнена беглыми монахами, которые, скитаясь по обителям, делали большие соблазны и даже злодеяния. Здесь только в одной сцене представлены они в попойке.

Выписка из комедии о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве.

Ход пиесы.

Она начинается со дня вступления Годунова на царство; изображает притворство и лукавство Бориса, отклонявшего сначала от себя высокий сан царя, по избранию духовенства и бояр; возобновление усильных их убеждений и, наконец, его согласие и принятие правления.

Нахождение Отрепьева в Чудове монастыре монахом, в келье Пимена летописца, который, рассказывая ему о убиении Димитрия Царевича, упомянул, что если б Димитрий был жив, то он бы был ровесник ему по летам. — Дерзкое предприятие Отрепьева назваться Царевичем; бегство его из монастыря и из России в Литву. — Пребывание в Кракове; удача Самозванца; помощь, оказываемая ему королем и вельможами. — Пребывание его в имении Мнишка; любовь его к Марине.

Распространение в Москве слухов о Самозванце; беспокойство и различные толки в народе; меры осторожности Царя Бориса.

Вступление Самозванца в Россию, с шайкою его приверженцев; сражения; различные успехи с обеих сторон.

Страдание Бориса, мучимого совестию; предложение патриарха перенести мощи Димитрия Царевича из Углича в Москву для уверения народа о его смерти. — Отклонение сего предложения к[нязем] Шуйским, с

коим Царь соглашается. — Молебствия в присутствии Бориса; беспокойство его от угрызения совести; он изнемогает. — Назначение сына Феодора наследником. Патриарх, духовенство и бояре признают его Царем. — Пострижение Бориса; его смерть. Царство Феодора. — Речь Пушкина (Гаврила), прибывшего от Самозванца в Москву, к народу, о признании Царем законного наследника Димитрия Царевича и о истреблении рода Бориса Годунова.

Заключение под стражу Царя Феодора и его сестры Ксении. — Прибытие в палаты, где заключены высокие пленники, бояр Голицына и Милославского. — Стоны и вопли, исходящие из палат. — Объявление о смерти Царя и его матери. Провозглашение Царем Димитрия Ивановича.

Вышеозначенные происшествия происходят: в Москве на площадях около соборов и монастырей, в Чудовом монастыре; в палатах царских, в домах бояр. На границе Литвы: в корчме, Кракове в жилище Самозванца, в доме Мнишка. На границе России: в лагерях около Новгорода-Северского и проч.

Действующие лица: Царь Борис со всем своим семейством; патриарх, монахи, бояре, народ; юродивый Николка; Отрепьев, его приверженцы; князь Курбский, Хрущев, Пушкин (Гаврило), Мнишек, Марина и проч.

Выписки.

№ 1.
Маржерет.
Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au cul — qu'en pensez-vous, mein herr[4].

№ 2.
Юродивый.
Борис, Борис! Николку дети обижают.
Царь.
Подать ему милостыню. О чем он плачет?
Юродивый.
Николку маленькие дети обижают... вели их зарезать, как зарезал ты маленького Царевича.
Бояре.
Поди прочь, дурак! схватите дурака!
Царь.
Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка!
Юродивый.
Нет, нет! нельзя молиться за Царя Ирода —
Богородица не велит.

№ 3.
Царь.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный Самодержец,
Так думал и его свирепый внук.

Нет, милости не чувствует народ,
Твори добро — не скажет он спасибо.
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

№ 4.
Народ.
Ах, смилуйся, Отец наш! властвуй нами!
Будь наш Отец, наш Царь!
Один (тихо).
О чем мы плачем?
Другой.
А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.
Баба с ребенком.
Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень! (*бросает его об земь; ребенок пищит*).
Ну, то-то же.
Один.
Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.
Другой.
Я силюсь, брат,
Да не могу.
Первый.
Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

№ 5.
Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:
Ты проходишь, дорогая, и проч.
(Григорью): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?
Григорий.
Не хочу.
Мисоил.
Вольному воля...
Варлаам.
А пьяному рай, от[ец] Мисоил! выпьем же чарочку за шинка-рочку...

(«...неволей добрый молодец» и проч.).

Однако, отец Мисоил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий.

Пей, да про себя разумей, отец Варлаам; видишь, и я порой складно говорить умею.

Варлаам.

А что мне про себя разуметь!

Мисоил.

Оставь его, от[ец] Варлаам.

Варлаам.

Да что он за постник? сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал... *(пьет и поет).*

Григорий хозяйке.

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка.

В Литву, мой кормилец, к Луевым горам.

Григорий.

А далече ли до Луевых гор?

Хозяйка.

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий.

Как заставы! что это значит?

Хозяйка.

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий (про себя).

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам.

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с от[цом] Мисоилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисоил.

Складно сказано, от[ец] Варлаам.

№ 6.

Боярин Пушкин.

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а Царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, Отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаньи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.

Легко ль, скажи? мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами,
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры;
Зависим мы от первого холопа.
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих,
Не смей согнать ленивца! рад не рад,
Корми его, не смей переманить
Работника, не то в приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? а легче ли народу?
Спроси его. Попробуй Самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

«Замечания...» написаны в 1826 г., между 9 декабря, когда Бенкендорф отправил письмо Пушкину с извещением, что получил рукопись пьесы, и 14 декабря, когда он сообщил Пушкину содержание резолюции царя, поставленной на первом листе «Замечаний...». Печатается по писарской копии: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. Ед. хр. 10. Л. 10—23. Текст впервые опубликован М.И. Сухомлиновым без указания на авторство Булгарина: ИВ. 1884. № 1. С. 64—72; переиздан: *Лемке*. С. 609—614; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. Л., [1935]. С. 412—414. Предположение об авторстве Булгарина впервые высказал в печати Б.В. Томашевский (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1931. С. 65), а обосновал его Г.О. Винокур (Кто был цензором «Бориса Годунова»?//Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М.; Л., 1936. С. 203—214). Попытка Б.П. Городецкого (Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году?//РЛ. 1967. № 4. С. 109—119) переатрибутировать «Замечания...» Н.И. Гречу была убедительно опровергнута А.А. Гозенпудом (Из истории литературно-общественной борьбы 20—30-х годов XIX в. («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец»)//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1969. С. 252—275).

Предыстория «Замечаний...» такова. Закончив в ноябре 1825 г. работу над своей трагедией, Пушкин, приехав в сентябре 1826 г. в Москву, стал читать ее вслух в московских литературных салонах и кружках. Николай во время аудиенции, данной ему 8 сентября, заявил, что отныне будет единственным его цензором. Вскоре после этого в письме от 22 ноября Бенкендорф сделал Пушкину замечание, что он читает вслух пьесу, не представив ее царю. Пушкин 29 ноября отослал Бенкендорфу пьесу с сопроводительным письмом. Прочитав его, царь написал Бенкендорфу: «Я очарован слогом письма Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы дело не распространилось» (оригинал по-французски; перевод цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. Л., [1935]. С. 412). В результате Булгарин и подготовил «Замечания...». В докладной записке Бенкендорф писал: «Во всяком случае эта пьеса не годится для сцены, но с немногими изменениями ее можно напечатать; если ваше величество прикажете, я ее ему верну и сообщу замечания» (оригинал по-французски; перевод цит. по: *Пушкин А.С.* Указ. соч. С. 415). Ознакомившись с «Замечаниями...», Николай написал на них следующую резолюцию: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б *с нужным очищением* переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие *Вальтер Скота*».

В письме Пушкину от 14 декабря Бенкендорф процитировал резолюцию царя, приложив выписку с фрагментами, «требующими некоторого очищения». От-

вечая ему (3 января 1827 г.), Пушкин писал: «Согласен, что она (пьеса. — *А.Р.*) более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как Государь Император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное» (*Пушкин А.С.* Письма. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 25). В результате ему удалось опубликовать «Бориса Годунова» лишь в 1830 г. До этого в печати появлялись лишь отрывки, чрезвычайно высоко оцененные Булгариным: «В трагедии своей «Борис Годунов» он доказал, до какой степени гибок талант его, как он умеет владеть языком, и с каким искусством употребляет слог важный», «какое познание характеров, сердца человеческого, местных обстоятельств. Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!» (СП. 1828. № 4). Позднее, рецензируя немецкий перевод «Бориса Годунова», Булгарин гораздо менее благосклонно отозвался о пьесе, отмечая в ней анахронизмы и заимствования из Шиллера, В. Скотта и Байрона (СП. 1831. № 266; рецензия подписана: Ф).

Ознакомившись с романом Булгарина «Димитрий Самозванец», вышедшим в свет в феврале 1830 г. [отрывки печатались в СО (1829. № 45—47) и СП (1830. № 1, 2)], Пушкин стал обвинять Булгарина в плагиате из «Бориса Годунова». В ответ Булгарин писал ему 18 февраля следующее: «Милостивый государь Александр Сергеевич! С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *ограбил* вашу трагедию «Борис Годунов», переложил *ваши стихи* в прозу и взял из *вашей трагедии* сцены *моего* романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такие небылицы? Я не читал вашей трагедии* кроме отрывков печатных, а слыхал только о ее составе от читавших и от вас. В главном, в характере и действии, сколько могу судить по слышанному, у нас совершенная *противоположность*. Говорят, что вы хотите напечатать в «Литер. газете», что я *обокрал* вашу трагедию! Что скажет публика? Вы должны будете доказывать» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. [М.; Л.], 1941. С. 67). В прямой форме высказывать свои обвинения печатно Пушкин не стал, однако через год в статье «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» (Телескоп. 1831. № 13. С. 135—144, под псевдонимом Феофилакт Косичкин), защищая А.А. Орлова от обвинений в заимствовании персонажа у Булгарина, он намекнул на то, что Булгарин воспользовался рукописью его пьесы: «Но разве *А.С. Пушкин* не дерзнул вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа *г. Булгарина* и даже воспользоваться многими местами сего романа в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. [М.; Л.], 1949. С. 209—210). Позднейшие исследователи отметили немало мест, где Булгарин следует Пушкину (*Винокур Г.О.* Указ. соч. С. 206—209; *Гозенпуд А.А.* Указ. соч. С. 260—261), однако прямых заимствований он все же не совершал. Укажем также, что, по мнению Г.О. Винокура, «ряд черт для образа Марины могла подсказать Пушкину статья Булгарина «Марина Мнишех, супруга Димитрия Самозванца» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. Л., [1935]. С. 464). С этим мнением солидаризировался и американский исследователь Ф. Моха (*Mocha F.* Polish and russian sources of «Boris Godunov»//Polish rewiew. 1980. № 2. P. 45—51).

[1]С 1705 г. спектакли в театре, созданном в Петербурге по инициативе Петра I, шли только на русском языке. В том же году был издан указ Петра «Комедии на русском и немецком языках действовать, и при тех комедиях музыкантам на разных инструментах играть в указные дни в неделе, в понедельник и четверг, и смотрящим всяких чинов людям российского народа и иноземцам ходить повольно и свободно без всякого опасения<...> (цит. по: История русского драматического театра. Т. 1. М., 1977. С. 92).

[2]Приводимые сведения по истории русского театра Булгарин почерпнул из статьи Н.И. Греча «Исторический взгляд на русский театр, до начала XIX столетия», опубликованной в изданном Булгариным альманахе «Русская Талия» (СПб., 1825. С. 11).

[3]В качестве дополнительного аргумента принадлежности записки Булгарину можно указать на совпадающее по содержанию следующее позднейшее его выс-

---

*В этом честью уверяю. Мне рассказывали содержание, и я, признаюсь, не соглашался во многом. Представлю тех, кои мне рассказывали.

ненные сцены (как, например, монолог Пимена, сцены в корчме, на Литовской границе), но вся пиеса — гениальный *план* драмы, а не драма» (*Ф. Б*[*улгарин*]. Журнальная всякая всячина//СП. 1849. № 213).

[4]Черт, дело становится жарким! Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? (*фр.*)

---

33 Справка по делу Маркова с владимирским губернатором

Марков, почтенный старец, управлял своим имением около сорока лет, без всякой со стороны мужиков жалобы, и напротив того слыл слабым человеком. Он недавно купил сто с небольшим душ, для перевода на свои земли. Сии новоприобретенные крестьяне были весьма довольны своею судьбою, пока злонамеренные бродяги не начали их смущать. Они уверили сих крестьян, что они принадлежат в самом деле крестьянину графа Шереметева, и только по имени Маркову[1]; что если они объявят, что их *притесняют*, то им дана будет *вольность*. Мужики пошли жаловаться губернатору[2], якобы их притесняет их настоящий господин, крестьянин графа Шереметева. Губернатор, вместо того чтоб усмирить *тотчас* мужиков и *после того* исследовать дело, начал тем, что дал самим мужикам бумагу к капитану исправнику, чтобы он защитил их от притеснения Маркова. Сия бумага заставила думать крестьян, что им дана будет *вольность*, и возмутила всех прежних мужиков Маркова, живших смирно сорок лет, под властью своего господина. Началось дело и пошли личности между губернатором и Марковым. Дело дошло до Сената, и Сенат потребовал объяснения от губернатора. Между тем губернатор чрез родственника министра *Ланского*, князя Голицына[3], выхлопотал у Ланского, что он, не дожидаясь ответа губернатора Сенату и решения Сената, внес дело в Комитет министров, где и положено отдать Маркова на суд дворянства и взять именье в опеку; а между тем дело остается не решенным в 1-м департаменте Сената, и Комитет министров вошел не в свои права, решая *пред* Сенатом дела уголовные. — Говорят, что губернатор виноват в сем возмущении мужиков, по *личностям* на Маркова, и что Ланской сделал важную ошибку, вмешавшись по просьбе родни не в свое дело.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 73, 76. Подготовлена в 1826 г.

[1]Такие случаи, когда одни крепостные крестьяне покупали других, известны; см., напр.: *Свербеев Д.Н.* Записки. Т. 2. М., 1899. С. 34—35.

[2]Владимирским губернатором в 1826 г. был действительный статский советник, граф Петр Иванович Апраксин.

[3]Князь А.Б. Голицын был женат на дочери В.С. Ланского.

---

34 Юридические соображения о единственном средстве к пресечению бесконечных процессов в России

Не только русские вопиют и жалуются, что у нас нет конца процессам, но даже все иностранцы, писавшие о России, крайне удивляются, что у нас нет окончательного судилища, коего решения были бы ненарушимы, и что один процесс у нас возрождается беспрестанно по одним

рушимы, и что один процесс у нас возрождается беспрестанно по одним только прошениям, подаваемым на Высочайшее имя. Возможность возобновлять однажды конченные процессы есть величайший вред для спокойствия каждого, нарушает права собственности и служит к истреблению кредита в государстве. Никто не уверен ни в своем наследии, ни в достоянии предков. У нас пока процесс дойдет до Высочайшей конфирмации, он должен пройти чрез *пять* инстанций, не менее как в *десять* лет, и подвергнуться мнению по крайней мере *шестидесяти* судей. После всего этого проигравшая сторона не теряет надежды возобновить дело, *одною просьбою* на Высочайшее имя, о рассмотрении решения Государственного совета Высочайше конфирмованного или в Комиссии прошений или в Комитете министров, невзирая на то, что по существу настоящего делопроизводства как члены Комиссии прошений, так равно и Комитета министров уже рассматривали сие дело или в Сенате или в Государственном совете.

Все благомыслящие люди крайне обрадовались бы, если бы положена была однажды навсегда препона ябеде и если б следующие коренные, уже существующие законы исполнялись во всей строгости: 1. *Дела уголовные*, конченные в Государственном совете и Высочайше конфирмованные, могут быть рассмотрены в другой раз только в таких случаях: а) когда обвиненный и осужденный *докажет*, что хотя он и объявлял в нижних инстанциях об упущениях при первом исследовании его дела или о пристрастных допросах, но на его жалобы не обращено внимания; в) когда осужденный случайно открыл *новые доказательства* к своему оправданию, коих прежде он не мог иметь в виду или в руках своих. [2.] По *делам гражданским* решения Государственного совета, Высочайше конфирмованные, могут быть в особенных, редких случаях *дополняемы*, но никогда вновь *пересматриваемы*, ибо в сем последнем случае права собственности нарушаются и ослабляется должное уважение к Монаршей воле. Подданный, владеющий собственностью по акту, Высочайше конфирмованному, должен быть безопасен от всяких притязаний. Исключения могут быть с величайшею трудностью допущены только в двух случаях: а) Если проситель представит *новые документы*, не бывшие в руках его и на виду у судей, во время производства дела: в таком случае предоставляется ему право начать *новое* дело об *одном* предмете, с *нижних* инстанций*; б) Если проситель *докажет*, что какой-нибудь коренной *отдельный* закон, а *не равносильный* другому, был *вовсе упущен из виду* судьями. Обстоятельство сие почти физически невозможно, ибо каждая сторона, проходя чрез *пять* инстанций и имея право делать *три* рукоприкладства, то есть читать докладную записку по делу, вероятно, не умолчат о пропуске закона в свою пользу. В обоих случаях по *делам гражданским* не должно удерживать исполнения Высочайше конфирмованного решения; но дать на рассмотрение только *новые* обстоятельства. Когда же жалоба приносится *на целое решение* Государственного совета, Высочайше конфирмованное, хотя все законы были в виду у судей; когда проситель осмеливается критически разбирать по пунктам сие решение и, хуля мнения членов, толковать по-своему смысл законов и применение

*По коренным законам империи обстоятельства, не введенные в нижние инстанции, не могут быть рассматриваемы в высших. По учреждению Государственного совета можно в оный вносить новые документы во время производства дела. По Высочайшей конфирмации дело кончено, и кто хочет, начинай с нижней ступени.

оных, в таком случае правосудие и общее спокойствие требуют отвергать такие жалобы и даже запретить подавать оные. Позволить каждому просителю критиковать мнения судей о смысле и применении законов, и на сем основываясь перевершать решения, значит не только делать *просителя судьею в его собственном деле*, но даже ставить его *выше судей*. К тому же каждый проситель в проигранном процессе найдет, что законы истолкованы не по его понятию и желанию. Снисхождение к одной стороне есть угнетение другой, и страх всем! Законы теряют свою силу, Высочайшая воля, которая есть священною и неизменною, ослабевает в общем мнении, для интриг и происков открывается обширное поприще. Переменить закон состоит в доброй воле Государя Императора, но решение Его по делам частным, прошедшим чрез пять инстанций, должно быть твердым и ненарушимым, для блага общего и для утверждения мнения о неизменности воли Царской, на коей основывается безопасность собственности Его подданных[1].

Печатается по писарской копии, хранящейся среди агентурных записок за декабрь 1826 г. (№ 777): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3179. Л. 18—22.

[1]Сам Булгарин имел богатый опыт по ведению длительного судебного процесса и хорошо знал как официальную судебную процедуру, так и закулисные «средства» — подкуп чиновников и протекция влиятельного лица. После длительного отсутствия он вернулся в Петербург в 1816 г. в качестве поверенного своего дяди Павла Булгарина по сложному судебному процессу о судьбе оставленного в наследство имения и долгие годы посвящал ему много времени и усилий, совмещая эти занятия с литературным трудом. Обширное судебное дело (более 2000 листов), разысканное нами в фондах РГИА (Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070), запечатлело все перипетии этого процесса. Начался он еще в 1815 г. в Виленской губернии, в 1816 г. дело слушалось в Сенате и было возвращено в губернию на повторное рассмотрение, в 1818 г. Сенат вернулся к этому делу и передал в Виленской губернии из одного суда в другой, в 1822 г. вновь слушал это дело, потом оно перешло в Государственный совет, который в 1826 г. вынес решение в пользу родственников Булгарина. Однако на месте исполнение решения Государственного совета по разным причинам затягивалось (П. Булгарин, который умер в 1829 г., так и не успел получить имение). Ф. Булгарину пришлось обращаться с прошениями к товарищу министра юстиции А.А. Долгорукову (л. 1863—1864 указанного дела) и непосредственно к царю (л. 1865—1866), дело вновь слушалось в Сенате в 1830 г., а последний указ Сената по этому делу датирован январем 1831 г.

---

35 [Толки в обществе о новых сенаторах-военных]

Наименование одиннадцати сенаторов, всех *военных, всех вдруг, почти всех* из них генерал-адъютантов, произвело сильное впечатление в умах[1]. Все принялись толковать по-своему о сем необыкновенном явлении. Прежде сего наименование человека в сенаторы означало то же, что отсылка человека неспособного в инвалидный дом, старца на покой или опального в ссылку из видного места. Теперь вышло совсем противное: назначены сенаторами люди, пользующиеся милостию Государя. — Что это значит? Какая будет из этого польза? Какие виды Государя? — Вот вопросы, на которые каждый отвечает сообразно своему уму, чувствам и степени познания дел.

Произойдет ли из сего польза и лучший порядок в судопроизводстве? Приказные говорят: «Нет!» — Эти гг. сенаторы не имеют навыка и

терпения заниматься тяжебными делами, не знают законов и подьяческих уловок и, следовательно, или вовсе не будут заниматься делами, или будут заниматься поверхностно, с предубеждением к людям штатским, которых военные не уважают, и дела пойдут хуже[2]. Это говорят подьячие и приказные. Противу сего суждения умные и благонамеренные люди говорят: чтобы судить тяжебное дело, надобно иметь здравый смысл и поверять приводимые сторонами тяжущимися законы. Этого довольно, чтобы при добросовестности быть хорошим судьею. Знать наизусть законы — дело стряпчего или просителя, который в своем деле не должен упускать из виду ничего служащего к его пользе. В резолюциях секретари должны представлять на вид все законы, а судьи только не должны лениться поверять оные. Если судья сам будет приискивать законы, то это тогда только, когда он подает особое мнение, но и тогда он найдет указания в самом деле. За упущение — наказание секретарю, но во всяком случае сенатор не может исправлять вместе и должности секретаря. За наблюдением над канцелярией есть обер-прокурор и генерал-прокурор или министр юстиции. — Конечно, лучше, если сенатор вместе и законоискусник, и познание отечественных законов должно быть обязанностью каждого дворянина; но при нынешнем порядке вещей довольно, чтоб человек был умный, совестный, честный и деятельный — познания приобретаются.

Но что заставляет подьячих и крючкотворцев, или так называемых дельцов, кричать противу наименования новых сенаторов? Умные люди тотчас разгадали это. Прежде сего Государь вовсе не знал лиц, составляющих так называемую юстицию. Все представления делались министром, по его выбору или по желанию его креатур, и все утверждалось Государем без прекословия, разве тогда только отвергалось, когда министр был в немилости. Итак, кто нашел путь к министру, тот был уверен, что уже перевезся чрез Лету и что все его шашни остались позади. Никто не смел доводить до сведения Государя посторонних ему предметов, а из Сената никто не имел к трону доступ, кроме министра. Теперь генерал-адъютант, узнавши дела и людей, может на дежурстве рассказать правду Государю, если будет спрошен, а все видят и чувствуют, что Государь занимается делами. Видят также и чувствуют, что не все представления министров к чинам, к наградам и местам подписываются и утверждаются без оглядки, что стараются узнать людей и по способностям, и по характерам, и по душе. Это наводит страх на людей, у которых, как у воровки Лисицы, в басне Крылова, *рыльце в пушку*[3], невзирая на уверения в честности. Генерал-адъютант, независимо от министра, имеет много случаев сказать правду Государю, а это то же для ябеды, что солнечный свет для сов и сычей!

Люди с чувствами благородными, желающие блага отечеству, говорят: Видно, что Государь хочет *облагородить* Сенат, униженный и превращенный в нижний земский суд из *первого* государственного сословия. Избрание приближенных к Государю лиц в сенаторы показывает, что это звание будет наградою заслуг, поприщем для деятельности и венец дворянского достоинства. Дай Бог! По коренным нашим установлениям Сенат есть верховная исполнительная власть в политическом отношении и в гражданском безапелляционное судилище. Государь, власть законодательная, глава России — велит, и воля его исполняется указами, данными на имя Правительствующего Сената. Чтобы воля была хорошо выполнена, надобно, чтобы исполнители были люди уважаемые народом. Облагораживая Сенат, Государь воскрешает честь народную.

Люди дальновидные выводят из сего дела гораздо важнейшие следствия. До сих пор каждое дело, в котором был замешан какой-нибудь министр, решалось не иначе, как с истребованием мнения министра, хотя бы дело служило к его обвинению, и сие мнение служило основанием к заключению Сената. Гг. сенаторы, или будучи креатурами министров, или директорами департаментов, или по своему положению в свете, по поставкам винным или суконным, по процессам зависящие от министров, раболепствовали пред их волею. Отношение министра в Сенат было то же, что именной указ. Ныне генерал-адъютанты, коих участь и возвышение зависят от одного лица Государя, не станут ползать пред министрами и не только могут воспротивиться их мнению, но даже довести до сведения Государя о какой-нибудь несправедливости или важном деле противу министров. Такое стечение обстоятельств будет благодетельно для народа!

Ежели Государь вздумает повелеть, чтобы министры отдавали Сенату отчет в годовом управлении министерств, чтобы Сенат поверил оные, представляя с мнением к Государю, тогда будет достигнута великая цель учреждения министерств. — Ибо министры без ответственности явной — суть истинные удельные князья в феодальной системе. Государственный совет и Комитет министров суть наросты на здоровом теле. Отдавать отчет в Совете или в Комитете министров — значит быть судьею в своем деле. Что значит инстанция высшая, которой решение, даже по большинству голосов, не имеет законной силы и тогда только исполняется, когда конфирмовано Высочайшим именем? Высочайшая конфирмация может быть прилагаема и к сенатским решениям и постановлениям, а между тем сокращается время в производстве дел и они очищаются от односторонности. Гораздо страннее, что все чины Государственного совета суть сенаторы и пересматривают сенатские решения! — У Петра Великого не было Государственного совета. Это призрак какой-то *опеки*, бесполезной в действии, противный самодержавной власти своим именем. Все это может быть заменено Сенатом, Сенатом хорошим, отличным. Имя Сената священно в народе: в старину называли сенаторов *избранными царскими слугами, первыми сынами Отечества*, коего отец есть Государь. При Сенате довольно и кабинетного Государева совета из его приближенных. — Что бы ни вышло, но видно, что Государь хочет, чтобы Сенат достигнул до высокой благородной цели, когда облекает в звание сенаторов людей, пользующихся Его милостью.

Вот эссенция различных толков. — Правда, что некоторых устрашает наименование *одних военных*, но и на это находятся сильные возражения. Видно, что Государь хочет, чтобы генералы занимались не одним только учением, но и делами. Ведь и сам Государь успевает и заниматься делами, и ездить по всем заведениям, и учить гвардию. Пускай господа генералы примутся за дела! — Слышны некоторые возражения и противу некоторых лиц, но весьма слабые, ибо выбраны все люди честные. — Господствующая мысль, что Государь хочет облагородить Сенат и поселить в нем правду, когда избрал своих генерал-адъютантов. Впечатление вообще приятное.

Печатается по копии Фока, хранящейся среди агентурных записок за декабрь 1826 г.(№ 789): ГАРФ. Ф. 119. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3179. Л. 42—47.

[1]6 декабря 1826 г. были подписаны, а 11 декабря опубликованы три высочайших указа, которыми были сделаны сенаторами генерал-адъютанты адмирал

Сенявин и генералы Деламберт, Трубецкой, Ожаровский, Чернышёв, Демидов, Башуцкий, Закревский и Бенкендорф, а также генералы Кайсаров, Горголи и Мордвинов, не входившие в число генерал-адъютантов (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1826. № 50. 11 декабря).

[2]Один из новых сенаторов, А.А. Закревский, писал 31 января 1827 г. своему приятелю П.Д. Киселеву: «Сенаторство меня не восхищает и какая будет польза от [новых] сенаторов, не знаем, ибо ни один не занимается гражданскими делами, следовательно и не знает законов и будут соглашаться с знающими законы закоренелыми сенаторами» (Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891. С. 296).

[3]Булгарин неточно цитирует басню И.А. Крылова «Лисица и Сурок».

---

36 [О стихах Глинки в «Северной пчеле»]

В № 146 «Пчелы» напечатаны прекраснейшие стихи Глинки, заключающие самую благородную и самую справедливую похвалу Государю[1]. В доказательство, что честные и добрые люди любят Государя, служит то, что кроме выдаваемых экземпляров по годовой подписке более 50-ти человек приходило покупать от своих господ сей нумер со стихами. Всем роздано даром. Пускай говорят, что журналы не действуют на общее мнение и что общее мнение не нужно! Поздравляю тех с большою проницательностью — в обратном смысле!

Записка, написанная примерно 8—9 декабря, печатается по копии Фока, хранящейся среди агентурных записок за декабрь 1826 г. (№ 799): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3179. Л. 64.

[1]К записке приложен экземпляр СП за 7 декабря 1826 г. со стихотворением Ф.Н. Глинки «Кто сей? (Опыт народной русской поэзии)»:

Он будет русский Царь — и русским — Царь-отец!
Как Государь — любим народом,
Любим людьми — как человек;
Он в храм бессмертия пойдет надежным ходом,
И даст России новый век.
Незыбкой правды на граниты
Поставит Он незыблемый закон;
Пред Богом и людьми открытый,
Свои дела, Свой суд векам покажет Он!
На стражу — зоркий ум; дух твердый — нам в ограду,
И проведет наш челн сквозь бури и грозу:
Все нам; Себе ж возьмет, за все труды, в награду —
Молитву сироты и нищего слезу! <...>
О ком сии слова, сей отклик повторяю? —
Но, на часах судьбы, пробил священный час:
Воскликнул стар и млад, и дружный россов глас
Гремит: «Ура! ура! Монарху Николаю».

---

37 Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного

Что значит Лицейский дух. — Откуда и как он произошел. — Какие его последствия и влияние на общество. — Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил.

1. *Что значит Лицейский дух.* В свете называется *Лицейским духом*, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамилиарно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем *равенства.* Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском — знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам, и более всего представляться филантропом и русским патриотом. К тому принадлежит также обязанность насмехаться над выправкою и обучением войск, и в сей цели выдумано ими слово *шагистика.* Пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, суть отличительные черты сих господ в обществах. *Верноподданный* значит укоризну на их языке, *европеец* и *либерал* — почетные названия. Какая-то насмешливая угрюмость вечно затемняет чело сих юношей, и оно проясняется только в часы буйной веселости.

Вот образчик молодых и даже многих немолодых людей, которых у нас довольное число. У лицейских воспитанников, их друзей и приверженцев, этот характер называется в свете: *Лицейский дух.* Для возмужалых людей прибрано другое название: Mépris souverain pour le genre humain[1], а в сокращении — mépris[2]; для третьего разряда, т.е. сильных крикунов, — просто *либерал.* Например: «Каков тебе кажется такой-то?» — «Хорош, но с лицейским душком», или: «Хорош, но mépris», или прямо: «Либерал».

2. *Откуда и как он произошел?* Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве, под начальством Новикова, и даже имела свои ложи и тайные заседания[3]. Иван Владимирович Лопухин, Тургенев (отец осужденного в Сибирь), Муравьев (отец Никиты, осужденного) и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного Писания, масонства, мистицизма, распространения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на русском языке. Хотя сих последних осталось весьма немного, но о истреблении оных должно поручить попечение людям умным, расторопным и благомыслящим — независимо от какой-нибудь министерской власти. Подобные комиссии поручаются обыкновенно людям, служащим по министерству просвещения, где менее всего находится людей сведущих, умеющих различить пользу от вреда и знающих русскую библиографию. Из желания выслужиться они бросаются на какие-нибудь фразы и вместо пользы для правительства производят соблазн и вред. Об этом в другом месте поговорим подробнее.

Когда Новиков был сослан в Сибирь[4] и секта его рушилась, рассеянные адепты стали по разным местам отдельно проповедовать его учение. Тургенев был попечителем Московского университета, находился в дружбе с Мих[аилом] Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход, по

своим связям. Другие делали то же, — и вскоре люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете и по службе, и по отличному своему положению, стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и мартинистов забыли, но дух их пережил и, глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды. Должно заметить, что план Новиковского общества был почти тот же, как Союза благоденствия[5], с тою разницею, что Новиковцы думали основать малую республику в Сибири, на границе Китая, и по ней преобразовать всю Россию.

Французская революция была благотворною росою для сих горьких растений. Ужас, произведенный ею, исчез, — правила остались и распространились множеством выходцев, коим поверяли воспитание и с коими дружились без всякого разбора. Кратковременное царствование императора Павла Петровича не погасило пламени, но покрыло только пеплом. Настало царствование императора Александра, и новые обстоятельства дали новое направление сему духу и образу мыслей.

До 1807 года продолжались различные благие начинания в отношении к воспитанию, к просвещению и государственному управлению. Но как по несчастному стечению обстоятельств не было довольного числа способных людей для управления всеми частями нововведений, то они, при всем благом намерении Государя Императора, с сего времени начали разрушаться или приняли совсем другое направление. Завели везде народные школы, не имея достаточного числа порядочных учителей и смотрителей, — и от того они не достигли своей цели. Университеты, образованные не в нравах русских, но на немецкую ногу, не принесли ожиданной пользы. В Германии юношество приезжает охотою учиться, и молодые люди живут без надзора на вольных квартирах, посещая по произволу лекции. У нас этот порядок или, лучше сказать, беспорядок имел самое вредное влияние на нравы и образ мыслей. Молодые люди утопали в разврате и вовсе не учились, и если из сего времени вышло несколько образованных людей, то это из Московского университетского пансиона[6], где воспитанники жили под присмотром; из университета же вышло несколько из остзейских дворян и несколько бедняков, пристрастных к учению, но весьма мало. Управление университетов на германский образец также не принялось в России: чинопочитание исчезло, а науки мало продвинулись вперед. Словесность и науки представляют едва несколько ученых из всего этого огромного заведения и ни одного литератора.

Неспособность некоторых частных лиц исказила прекрасное учреждение министерств. Вместо того, чтобы посредством министерской власти содействовать успехам различных частей государственного управления, вместо того, чтобы министр, держа в руке последнее звено электрической цепи, мог по произволу сообщать движение всей массе и, обнимая орлиным взглядом целое, наблюдать за ходом машины, — все действие министров ограничилось подписыванием бумаг, мелочами, деталями, а все действия чиновников — производством бумаг, получением и отправлением оных. Переходя от одной мелочи к другой, занимаясь пустою перепискою, министры пренебрегали общими видами, усовершенствованиями, ходом, направлением дел. Корыстолюбцы, интриганты и пролазы воспользовались этим и замешали более дела, чтобы, как говорится, в мутной воде ловить

рыбу. Главное внимание обращалось на то, чтобы все было по штату и на бумаге, о настоящем заботились только те, которые имели в том личные свои выгоды. Из сего произошло то, что теперь уже сделалось известным мудрому нашему Монарху. В просвещении — пренебрежено главнейшее: *воспитание* и направление умов к полезной цели посредством литературы. [В финансах — упадок кредита, торговли и фабрик, истребление государственных лесов, недоверчивость в сделках с правительством, питейная система, гильдейское положение и т.п. В юстиции — взятки, безнравственность, решение и двойное, тройное перерешение дел по протекциям, даже после Высочайшей конфирмации. В министерстве внутренних дел — совершенный упадок полиции и безнаказанность губернаторов и всех вообще злоупотреблений. В военном министерстве — расхищения. Возник всеобщий ропот, который был приглушен громом оружия; наступил мир; почти целое юношество, возвратясь из-за границы, начало сравнивать, судить, толковать, перетолковывать и, не видя, или не постигая, или даже не желая видеть, что все зло произошло не от порядка вещей, а от недостатка способных людей, все приписывало дурному учреждению порядка вещей. Никто не заботился направлять общее мнение, воспитывать, так сказать, взрослых людей, доказать им, что Россия по составу своему, по обширности, по малонаселенности, по разнообразию народов, по недостатку всеобщего просвещения неспособна принять образа правления, выхваляемого в иностранных государствах. Вредоносное дерево росло на открытом воздухе: почва его тучнела от разглашения различных злоупотреблений, которые были общим предметом разговоров и суждений.]

Во время самой сильной ферментации умов, в 1811 году новозаведенный Лицей наполнился юношеством из хороших фамилий[7]. Молодым людям преподавали науки хорошие профессоры, их одевали чисто, помещали в великолепных комнатах, кормили прекрасно, — но никто не позаботился, даже не подумал, что этому новому рассаднику должно было дать свет и влажность в одинакой пропорции и не оставлять одни произрастения расти в тени, а другие — на солнце, одни на тучной, другие на бесплодной земле. Все это предоставлено было случаю. Никто не взял на себя труда испытать нравственность каждого ученика (а их было весьма немного), узнать, в чем он имеет недостаток, какую главную страсть, какой образ мыслей, какие понятия о вещах, чтобы, истребляя вредное в самом начале, развить понятия в пользу настоящего образа правления и к сей цели направлять все воспитание юношества, назначенного занимать важные места и по своему образованию давать тон между молодыми людьми. Это именно ускользнуло от наставников, — впрочем, людей добрых и благомыслящих.

В Царском Селе стоял гусарский полк[8], там живало летом множество семейств, приезжало множество гостей из столицы, — и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральные, которые кружили в свете. Должно заметить, что тогда было в тоне посещать молодых людей в Лицее; они даже потихоньку (т.е. без позволения, но *явно*) ходили на вечеринки в домы, уезжали в Петербург, куликали[9] с офицерами и посещали многих людей в Петербурге, игравших значительные роли, которых я не хочу называть. В Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей.

После войны с французами (в 1816 и 1817 годах) образовалось общество под названием Арзамасского[10]. Оно было ни литературное, ни политическое, в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собою и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении пресечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцев-словесников. Члены общества были неизвестны или хотя известны всем, но не объявляли о себе публике; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное, и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если б было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. Но как никто о сем не заботился, то Арзамасское общество без умысла принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов Новиковской Мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников[11]. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большой части юношества и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень. Не упоминаю о членах Арзамасского общества, ибо многие из них вовсе переменили образ мыслей и стоят на высоких степенях.

Итак, не науки и не образ преподавания оных виновны в укоренении либерального духа между лицейскими воспитанниками. Во-первых, политические науки преподавались в Лицее весьма поверхностно и мало; во-вторых, едва несколько слушали прилежно курс политических наук, и те именно вышли не либералы, как, например, Корф и другие; либеральничали те, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотели быть сочинителями, судьями всего, — одним словом, созревшими. Профессоры Кайданов, Кошанский, Куницын, — все люди добрые, образованные и благонамеренные; они почли бы себе за грех и за преступление толковать своим ученикам то, чего не должно. Но направление (impulsion) политическое было уже дано извне, и профессоры, беседуя с учениками только в классах, не только не могли переделать их нравственности, но даже затруднялись с юношами, которые делали им беспрестанно *свои* вопросы, почерпнутые из политических брошюр и запрещенных книг. Весьма вероятно, что составившееся в 1816 году Тайное общество[12], распространив вскоре круг своего действия на Петербург, имело умышленное и сильное влияние на Лицей. Начальники Лицея, под предлогом *благородного обхождения*, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образ мыслей не обращали ни малейшего внимания. И как с одной стороны правительство не заботилось, а с другой стороны частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог и либерализм укоренился в Лицее, в самом мерзком виде. Вот как возник и распространился Лицейский дух, который грешно назвать *либерализмом*! Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружиться с лицейскими и подражать им.

3. *Какие последствия и влияния его на общество?* Молодые люди, будучи не в состоянии писать о важных политических предметах, по недостатку учености, и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противу правительства, которые вскоре рас-

пространялись, приносили громкую славу молодым шалунам и доставляли им предпочтение в кругу зараженного общества. Они водились с офицерами гвардии, с знатными молодыми людьми, были покровительствованы Арзамасцами и членами Тайного общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурные дела пользуясь в свете наградами и уважением, тем давали самое пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей, в насмешку называли их *верноподданными* и почитали себя преобразователями, детьми нового века, новым поколением, рожденным наслаждаться благодеяниями своего века. Все советы были тщетными. Они почитали себя выше всех. «Дух журналов» был отголоском их мнения — может быть, и неумышленно.

4. *Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил.* Если кто хочет переменить течение ручья, то должен начинать его у самого истока; лестницу должно мести с верхних ступеней[13]. Для истребления чего-либо не довольно *приказать*, чтобы исполняли новые правила, надобно выбрать *исполнителей* и наблюдать за ними, а не то новое положение останется только в наружности и на бумаге. Ныне нельзя уже употреблять тех средств, которые пригодились бы лет 30 тому назад или даже 15. Если стадо бежит вперед, то пастырю нельзя остановить его или воротить, не двигаясь с места: надобно, чтобы он забежал *вперед* и чтобы имел искусных и послушных псов. Правительству также надобно подвигаться вперед и действовать сообразно с духом времени и с понятиями тех, коих должно наставить на истинный путь. Первый шаг уже сделан: мудрый Государь наш начал пещись о воспитании, дай Бог, чтобы ему удалось выбрать *на безлюдьи* хороших начальников учебных заведений. Но у нас нет вовсе педагогов, и один только счастливый случай может указать полезных людей, которые бы с искусством исполняли благие виды Государя.

Ныне наступил век убеждения, и чтобы заставить юношу думать, как должно, надобно действовать на него нравственно. Но пример лучше покажет недостатки средств и меры, кои должно употреблять.

Несколько лет тому назад воспитанник Виленской гимназии, Платер, написал на доске: «Виват, да здравствует Конституция 3 мая!»[14] В России это вышло бы из обыкновенного порядка вещей, но в Польше, где каждый помнит прежний порядок вещей и толкует о нем, вещь эта не была сама по себе удивительною. Принявшись поправлять, испортили дело... Это случилось именно в день 3 мая. Один учитель донес о сем; всех школьников разогнали, Платера отдали в солдаты, наставников удалили — и сделали то, что юноши, которые прежде не думали о Конституции 3 мая, почли ее священною вещью, а себя — мучениками! Родители и учителя превратились в недовольных, и дух, усыпленный прежде, возник и распространился со вредом для правительства, без пользы для юношества. Я бы сделал так: 1) Сперва узнал бы я, откуда родилась в голове юноши идея прославлять Конституцию? Если в училище, то от кого; если из дому, то в каком виде сообщилась ему. 2) Я бы удостоверился, способен ли мальчик к принятию других идей. 3) Сделано ли сие по мгновенному порыву юности или с целью? Исследовав сие, я бы решил: должно ли изгнать мальчика, не возбуждая в других сильного к нему участия, или оставить его и перевоспитать. Я бы не сказал: не делайте и не говорите, а не то — выгоню и высеку. За другие шалости можно так обходиться, но где действует мысль и убеждение, там

должно противодействовать убеждением. Я уверен, что этим я бы не истребил зла, — сделал бы только лицемеров и упустил бы из виду зло, за которым мне надлежало наблюдать. Я бы взял на себя труд заняться направлением юных умов, сбившихся с истинного пути. Я бы растолковал юношам, что географическое пространство России, смешение различных народов, малонаселение, степень просвещения — требуют настоящего образа правления; поставил бы в пример падение конституционной Польши и возвышение самодержавной России, — словом, согрел бы юные умы историческими примерами, великими видами на поприще монархическом и, вероятно, будучи умнее и ученее воспитанников, убедил бы их в противном и искоренил зло в самом его начале. Если б я удостоверился тайно, что труды мои тщетны, тогда бы распустил учеников и набрал новых.

Вообще с юношеством гораздо легче ладить, нежели с взрослыми: стоит только заняться их нравственностью, привязать к себе ласкою и строгим правосудием, а не заниматься одною механическою частию учения. Нынешние начальники Лицея — люди добрые и благонамеренные, но неспособные к великому делу преобразования духа и образа мыслей[15]. Ученики не любят их, не уважают и не имеют к ним доверия. В целой России я вижу *одного* только способного к тому человека, — это, именно, *полковник Броневский*, инспектор классов Тульского училища, которое всем обязано ему одному. Колзаков там директором для формы. Я читал замечания Броневского обо всех корпусах и военных училищах в Петербурге; он показывал мне это *по доверенности*. Чудная вещь: Броневский — человек необыкновенно умный и совершенно знает свое дело. Это единственный педагог, которого можно употребить для преобразования. Он отменно привязан к Царской Фамилии и со слезами непритворными рассказывал мне о Наследнике Престола. Он беден — и это одно заставит его переселиться сюда или куда угодно.

Для истребления Лицейского духа в свете должно, во-первых, употребить благонамеренных писателей и литераторов, ибо все это юношество льнет к словесности и к людям, имеющим на оную влияние. В новом Цензурном уставе находится одна важная погрешность, препятствующая преобразованию мыслей — погрешность, с первого взгляда неприметная. Там сказано, что все писатели *должны непременно*, под лишением собственности, стараться направлять умы к цели, предназначенной правительством. Это надлежало *делать*, но *не говорить*, потому что сим средством истребляется доверенность к правительству и писателям, и юношество не станет ничему верить, что писано будет по-русски, полагая, что все пишется не по убеждению, не по соображению ума, а по приказу. Надлежало бы заставить писателей доказывать, рассуждать и убеждать силою красноречия. По нынешнему Уставу этого делать нельзя, ибо каждый может перетолковать как ему угодно фразу и посредством интриги сделать несчастие человека самого благонамеренного: сим Уставом писатели и журналы подчинены безусловной воле министра, который может одним словом запрещать издания и книги. Прежде это делалось не иначе, как с Высочайшего повеления, а писатели и публика были спокойны и не боялись интриг, влияний на министра его приближенных и т.п.

Должно также давать занятие умам, забавляя их пустыми театральными спорами, критиками и т.п. У нас, напротив того, всякий бездель-

ный шум в свете от критики возбуждает такое внимание, как какое-либо возмущение. И вместо того, чтобы умным и благомыслящим людям радоваться, что в обществах занимаются безделицами с важностью, — начальники по просьбам актрис или подчиненных им авторов тотчас запрещают писать, преследуют автора и цензора за пустяки, и закулисные гнусные интриги налагают мертвое молчание на журналы. Юношество обращается к другим предметам и, недовольное мелочными притеснениями, сгоняющими их с поприща литературного действия, мало-помалу обращается к порицанию всего, к изысканию предметов к порицанию, наконец, — к политическим мечтам и — погибели.

Должно знать всех людей с духом Лицейским, наблюдать за ними, исправимых — ласкать, поддерживать, убеждать и привязывать к настоящему образу правления; возможность этого доказывается членами Арзамасского общества, которые, будучи все обласканы правительством, сделались усердными чиновниками и верноподданными[16]. Неисправимых — без соблазна (sans scandale et sans éclat[17]) можно растасовывать по разным местам государства обширного, на службу, удаляя их только от пороховых магазинов, т.е. от войска в бездействии и от легионов юношей, служащих для виду при министерствах и толпящихся в столицах вокруг порицателей (frondeurs) и крикунов. Должно стараться, чтобы крикуны и недовольные не имели средоточия действия, мест собраний; должно пресечь их влияние на толпу — и они будут неопасны. С действующими противузаконно и явными ругателями — другое дело, — об этом не говорится.

Должно бы истребить весьма легкое перехождение в дворянство — с чином 8 класса. Множество дворян без имени и без собственности унижает звание, почетное в монархии, и рождает толпы беспокойных, которые имеют в виду многое, не опасаясь потерь. — Это — важное обстоятельство, требующее особенного внимания.

Действуя и поступая таким образом, с развитием во всей обширности всего того, о чем здесь только говорено намеками, я уверен, что в десять лет Россия будет тем, чем была в среднее время царствования императрицы Екатерины II, — славная, сильная, с просвещением, без идей революционных. Честолюбию и славолюбию будут открыты поприща; стоит ввести юношество на путь, — оно пойдет по нем с радостью и увлечет за собою все дворянство.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1—8. Представлена в промежутке между 13 июня 1826 г. (казнь декабристов) и началом 1828 г. (дата перевода В.Б. Броневского на службу в Петербург), скорее всего — в конце 1826 г. Впервые опубликована В.А. Семевским (как анонимная): РС. 1877. № 4. С. 657—660; более исправный текст, с указанием на авторство Булгарина, напечатал Б.Л. Модзалевский: Былое. 1918. № 1. С. 16—25. Вычеркнутый в рукописи текст восстановлен в прямых скобках.

[1]Полное презрение к человечеству (*фр.*).

[2]презиратель (*фр.*).

[3]Н.И. Новиков переехал в Москву в 1779 г., а с начала 1780-х гг. активизировалась (при его участии) деятельность московских масонов, среди которых было много последователей Сен-Мартена (т.е. мартинистов). См.: *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

[4]Новиков не был сослан в Сибирь, с 1792 по 1796 г. он находился в заключении в Шлиссельбургской крепости.

[5]Союз благоденствия — тайное общество, созданное в 1818 г. (на базе распущенного Союза спасения) с целью уничтожения крепостного права и введения конституционной монархии. Было распущено в начале 1821 г.

[6]Московский университетский благородный пансион как самостоятельное учебное заведение был создан в 1783 г., Николай I рассматривал его как рассадник либеральных идей, и в 1831 г. он был преобразован в гимназию. О нем см.: *Сушков Н.В.* Московский университетский благородный пансион. М., 1858; *Шишкова Э.Е.* Московский университетский благородный пансион//Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1979. № 6. С. 70—83.

[7]Об истории Царскосельского лицея, его преподавателях и учащихся см.: *Руденская М.П., Руденская С.Д.* «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986; там же на с. 305—306— список публикаций о Лицее.

[8]Имеется в виду Лейб-гвардии гусарский полк.

[9]То есть пьянствовали.

[10]«Арзамасское общество безвестных людей» (1815—1818) — литературный кружок в Петербурге, созданный карамзинистами для борьбы с ориентирующимся на классицизм и языковой архаизм литературным обществом «Беседа любителей русского слова» (1811—1816). В «Арзамас» входили К.Н. Батюшков, Д.Н. Блудов, А.Ф. Воейков, П.А. Вяземский, Д.В. Дашков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, В.Л. Пушкин, А.И. Тургенев и др. Об «Арзамасе» см.: *Сидоров Е.А.* Литературное общество «Арзамас»//Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 6. С. 357—391; № 7. С. 46—92; «Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933; История русской литературы. Т. 5. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 327—338; *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; *Он же.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977; *Козлова Т.А.* Общественно-политический облик литературных обществ «Зеленая лампа» и «Арзамас»//Историко-правовые исследования: Проблемы и перспективы. М., 1982. С. 126—133; *Сквозников В.Д.* Роль литературного общества в формировании художественного процесса («Арзамас»)//Методология анализа литературного процесса. М., 1989. С. 161—181; *Проскурин О.* Арзамас, или апология галиматьи//Знание — сила. 1993. № 2. С. 55—61; *Он же.* Новый Арзамас — Новый Иерусалим//НЛО. 1996. № 19. С. 73—128. «Арзамас»: Сборник. Кн. 1—2. М., 1994; *Hollingsworth B.* Arzamas: portrait of a literary society//Slavonic and East European Review. 1966. № 44. P. 306—327.

[11]Имеются в виду А.И. и Н.И. Тургеневы, Н.М. Муравьев, К.Н. Батюшков и др.

[12]Имеется в виду Союз спасения — тайное общество, созданное в 1816 г. группой гвардейских офицеров с целью уничтожения крепостного права и введения конституционной монархии. Было распущено в конце 1817 г.

[13]Булгарин отсылает к басне И.И. Хемницера «Лестница», где, рассказав о неумелом хозяине, безуспешно метущем лестницу снизу вверх, автор делает вывод, что глупо «в правлении, в каком бы то ни было,//Не с вышних степеней, а с нижних начинать//Порядок наблюдать» (указано В.Э. Вацуро).

[14]Конституцией 3 мая принято именовать конституцию Речи Посполитой, принятую сеймом 3 мая 1791 г. и направленную на укрепление польского государства. Она была отменена в 1793 г. после второго раздела Польши. В 1823 г. в годовщину провозглашения этой конституции ученик 5-го класса виленской гимназии Михаил Платер написал на классной доске: «Да здравствует конституция 3 мая!» Начатое расследование (под руководством Н.Н. Новосильцова) затронуло учащуюся молодежь не только Вильно, но и других городов (Свислочь, Кейданы, Ковно, Крожи и др.). Было обнаружено несколько патриотических кружков, многие гимназисты и преподаватели арестованы, а затем высланы из Литвы и отданы в солдаты (в т.ч. и М. Платер).

[15]Директором Лицея в 1824—1840 гг. был Ф.Г. Гольтгоф, инспектором в 1823—1829 гг. — Ф.Е. Нумерс.

[16]Имеются в виду Д.Н. Блудов Д.В. Дашков.

[17]без скандала и огласки (*фр.*).

38 [Об Арзамасском обществе]

Арзамасское общество не было вовсе политическое, не имело никакого образования, ни устройства, не было тайным, а потому бывшие его члены ни в каком случае не могли упоминать о нем при подписке, данной правительству, о знании или участии в тайных обществах. О сем Арзамасском обществе упомянуто было в Записке о Лицее для того только, что некоторые его члены имели влияние на дух лицейских воспитанников. Арзамасское общество возникло от раздраженного самолюбия. Когда, по проискам актрис и князя Тюфякина, запрещено было писать о театре[1], а между тем некоторые драматические писатели, а именно: князь Шаховской, Загоскин и другие, начали выводить на сцену неприязненных им людей[2] (даже кроткого Жуковского князь Шаховской выставил в комедии «Липецкие воды»*), то Уваров, Тургенев и другие составили союз или общество, названное (по вотчине одного из них в Арзамасе) Арзамасским[4]. Туда собирались читать критики, а после — сатиры и эпиграммы на театральные пиесы и авторов. Вскоре Арзамасское общество вооружилось противу всех противников Карамзина и его школы и противу всех писателей, не желавших явно содействовать обществу; оно критиковало также все так называемые старообрядческие, славофильские сочинения, т.е. Шишкова, Шихматова и их приверженцев. И так *не общество* имело влияние на дух Лицея, но *некоторые люди*, принявшие в свой круг Пушкина, Кюхельбекера и других лицейских студентов. Главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Все это называется теперь: Mépris souverain pour le genre humain. Этими словами означали членов Арзамасского общества, исключая некоторых скромных, двух или трех — не более. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдумано, — *дрянь*; каждый человек, который не пристает безусловно к их мнению, — *скотина*; каждая мера правительства, в которой они не принимают участия, — *мерзкая*; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними, — *дурак* и *смешон*. Вот какими выражениями они изъяснялись без обиняков. С равными они относились несносно, надменно, с низшими — как с черными невольниками, высших всех ругали без памяти *за глаза* и представляли в эпиграмматическом виде. Между тем, когда надлежало *искать*, то и надменные Катоны *изгибались*. Уваров сам примеривал кокошники и сарафаны мамкам Канкрина[5], а Николай Тургенев нашел, что у Аракчеева *прекрасное русское лицо*, когда он доставил ему 1000 черв[онцев] на дорогу[6]!

Этот несносный тон, это фрондерство всего святого, доброго и злого, в смеси, без различия, по одним страстям, заразило юношество, как было о сем упомянуто в Записке о Лицее. Из двадцати юношей в обще-

*Карамзин выставлен был очень умно и забавно в комедии «Новый Стерн»[3].

стве тотчас можно узнать лицейских воспитанников первого времени. Голова вверх, гордый взгляд, надменный тон, резкость в речах, ответы вроде приговоров, вопросы в виде повелений. Все они почитают себя рожденными не в свое время, выше своего века, гениями! Все они вылиты в форму главных членов Арзамасского общества Уварова и Тургенева (Николая)[7]. Такая самонадеянность и гордость в молодых летах порождает неуместное честолюбие, желание новости и увлекает юношей на все пути, где они видят для себя возвышение и где полагают дать обширный круг деятельности своему уму. Если б только правительство хотело, — все можно употребить в свою пользу, и для сего надобно только одной деятельности. Но о сем будет впоследствии изложено подробно. Итак, вот в каком отношении Арзамасское общество было вредно! То есть некоторые члены общества. Общество не имело *ни малейшей политической цели*, но как правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать *свое* направление, *свою* цель, то некоторые члены отдельно приготовляли порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени Тайного общества. Арзамасское общество умерло своею смертию; когда кончилась *причина*, кончилось и *действие*. Великое и мудрое правило для искоренения всего злого. Покойный Государь приехал к графине Софье Владимировне Строгоновой, и она сказала ему, что во время его отсутствия (в 1815 г.) запрещено писать о театре. Государь не хотел верить, после смеялся долго над этою мерою и велел тотчас снять запрещение. Le combat finit faute de combattants[8]: загорелась война в журналах, и общество Арзамасское рушилось само собою[9]. Когда запрещают печатать, то пишут тайно. — Много, много было беды от закулисных интриг, будет еще, если правительство не возьмет эту часть в надзор и в употребление Высшей полиции. Dixi![10]

Записка написана одновременно с предыдущей запиской или вскоре после нее. Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1.Ед. хр. 57. Л. 9—10. Впервые опубликована В.А. Семевским (как анонимная): РС. 1877. № 4. С. 655—656; более исправный текст, с указанием на авторство Булгарина, напечатан Б. Модзалевским: Былое. 1918. № 1. С. 26—27.

[1]В 1815 г., см. примеч. 8 к записке № 2.

[2]Речь идет о комедиях А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (премьера —23 сентября 1815 г., изд. — СПб., 1815) и М.Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (премьера —3 ноября 1815 г., изд. — СПб., 1816), в которых содержались сатирические выпады против В.А. Жуковского, С.С. Уварова, В.Л. Пушкина, Ф.Ф. Вигеля. Пьеса Шаховского была с негодованием встречена карамзинистами и явилась поводом к созданию общества «Арзамас». См.: *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928. С. 60—64, а также: *Сидоров Е.А.* Литературное общество «Арзамас»//Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 6. С. 375—380; *Гозенпуд А.А.* А.А. Шаховской//Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 30—40; *Загоскин М.Н.* Сочинения. Т. 2. М., 1987. С. 745—746 (комментарии С. Панова и А. Пескова).

[3]Комедия А.А. Шаховского «Новый Стерн» была впервые поставлена в 1805 г. (изд. — СПб., 1807). О.А. Проскурин отмечает, что, напоминая об этих пьесах, «Булгарин надеется скомпрометировать враждебного ему Шаховского: в 1826 г. Жуковский назначается воспитателем наследника престола, а скончавшемуся в мае Карамзину по инициативе государя воздаются исключительные почести» («Арзамас». Кн. 1. М., 1994. С. 502).

[4]Арзамасское общество возникло 14 октября 1815 г. (т.е. пьеса Загоскина увидела свет рампы позже и не могла послужить толчком к его созданию).

[5]Искательность Уварова отмечали многие современники. А.И. Тургенев писал П.А. Вяземскому в 1824 г., что он «всех кормилиц у Канкрина знает и детям дает кашку» (Остафьевский архив. Т. 3. СПб., 1899. С. 33); К.И. Фишер вспоминал, что Уваров «был характера подлого, ездил к министерше (т.е. жене Е.Ф. Канкрина. — *А.Р.*), носил на руках ее детей, словом подленькими путями прокладывал себе дорогу к почестям» (ИВ. 1908. № 1. С. 64). Ср. мнения А.С. Пушкина («Дневник», запись за февраль 1835 г.) и Ф.Ф. Вигеля (Записки. Т. 2. М., 1928. С. 76).

[6]Н.И. Тургенев был болен и подал прошение о разрешении уехать в отпуск за рубеж для лечения. Его брат А.И. Тургенев писал П.И. Вяземскому 1 апреля 1824 г.: «В прошедшую пятницу граф Аракчеев призвал брата Николая и показал ему два указа. Одним пожалован он в действительные статские советники, другим отпущен с жалованьем бессрочно в чужие краи, и велено выдать 1000 червонцев на дорогу. Словесно — много приятного и лестного. Это нас очень порадовало и тем более, что неожиданно» (Остафьевский архив.Т. 3. СПб., 1899. С. 28; см. также: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 1915. С. 124). В середине апреля Н. Тургенев уехал в отпуск за рубеж. Булгарин имеет в виду высказывание Н. Тургенева, которое сохранилось в мемуарах Н. Греча. Греч вспоминал, как в апреле 1824 г. они шли с Булгариным по Невскому проспекту, «увидели отдыхающего Тургенева и присели к нему. Булгарин стал рассказывать, как я накануне в большой компании уличал гравера Уткина в лености и говорил: «Ты выгравировал картофельный нос Аракчеева, получил за то пенсию и перестал работать». Булгарин думал, что рассмешит Тургенева, вышло иное; он сказал с некоторою досадою: «С чего взяли, будто у Аракчеева картофельный нос: у него умное русское лицо!» Нас так и обдало кипятком. “Вот наши либералы! — сказали мы в один голос: — Дай им на водку, все простят”» (*Греч.* С. 444).

[7]Булгарин преувеличивает роль декабриста Н. Тургенева, чтобы проакцентировать оппозиционный характер общества. Уваров же поставлен рядом с целью дискредитации его, поскольку ранее он противодействовал издательским начинаниям Булгарина.

[8]Сражение кончается за отсутствием сражающихся! (*фр.*).

[9]О.А. Проскурин полагает, что «факты здесь изложены весьма тенденциозно: в действительности журнальные выступления против Шаховского ознаменовали начало деятельности «Арзамаса», а не его распад <...> Кроме того, Александр I никогда не снимал запрещения «писать о театре», но оно было лишь слегка скорректировано: на публикации театральных рецензий каждый раз требовалось испрашивать разрешения у министерства полиции. Деформация фактов в записке Булгарина объясняется его корыстными интересами: он давно мечтал добиться позволения на свободную публикацию в «Северной пчеле» театральных рецензий. Поэтому он пытается убедить власти, что всякие ограничения в этой области суть нарушение воли покойного государя» («Арзамас». Кн. 1. М., 1994. С. 503).

[10]Я сказал! (*лат.*) — формула, которой завершают изложение своих доказательств, доводов.

---

39 **[Слухи о Ермолове]**

Приехавший сюда из Москвы директор гимназии Казанского округа, Ложечников, рассказывал, что он видел человека из Грузии. Сей человек спросил у Ермолова: «Не прикажете ли кому кланяться?» «Некому, — отвечал Ермолов, — у меня теперь нет друзей ни в Москве, ни в Петербурге». Говорят: Ермолов кажется веселым. И здесь, и в Москве говорят о каком-то лестном рескрипте Государя к Ермолову.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 165. Написана до увольнения Ермолова со службы (12 марта 1827 г.) и хранится среди записок 1827 г., поэтому мы датируем ее началом этого года.

40 [О Соколове и Титове]

Иван Алексеевич Соколов, сенатор и член Комиссии прошений, человек честнейший, деятельный и неутомимый, и один из сенаторов, знающий основательно польские законы и ход польских дел. Ни корысть, ни интрига, ни покровительство никогда не сбили его с истинного пути. Неприступный для просителей искательных, презирающий женские интриги, которые в 3-м департаменте Сената имеют большое влияние, Соколов поистине может назваться единственною надеждою и прибежищем угнетенных ябедою. Он за правду готов жертвовать всем и терпеть не может, чтобы его благодарили. Бескорыстие его не подвержено ни малейшему сомнению.

Но Соколов величайший оригинал и чудак в образе жизни. Дом его, небольшой каменный, возле церкви Симеона, есть настоящая древность в новом нашем городе. По обрушившейся деревянной лестнице должно взбираться к нему в комнаты, не мытые и не крашенные 35 лет (à la lettre[1]), убранные деревянными крашеными стульями с переплетенным камышом. Краска давно исчезла на сих стульях и на сиденье большие прорехи![2] Занавесы, неизвестно какого цвета, и деревянные искрашенные столы составляют все украшения дома. Прежде Соколов все наслаждение поставлял в игре с детьми и в игре в шахматы. Теперь он слеп, шахматы должно было бросить, и как он не женат и бездетен, то в доме его находится с полдюжины мальчиков не старше четырех лет, которые криком своим и беганием утешают старика. Он ездит к должности в старой карете на паре тощих лошадей. Всем домом правит, и им самим также, лакей *Осип*, любимец барина и грубиян, с которым часто бывают забавные и оригинальные сцены.

Но Соколов вовсе не беден, как кажется с первого взгляда. Он служил в старину при графе Самойлове, и тот выхлопотал ему у покойной Императрицы 500 душ, в Гродненской губернии и Гродненского уезда. Имение называется *Кринки*, отделяется рекою от именья, пожалованного сенатору Дивову. Сие имение отдано в аренду польскому помещику Серафимовичу, который (кроме податей) платит ежегодно Соколову 3500 рублей серебром арендных денег. Сверх того Соколов имеет разные оклады и весьма бережлив. Он совсем не в нужде и напротив имеет капиталы.

Обер-секретарь 1-го департамента Сената, *Николай Петрович Титов*, в полном смысле есть solus inter pares[3]. Честен, умен, начитанный, он всегда удален был от важных, блестящих дел, по причине *честности* и *правдолюбия*, которые в нашей юриспруденции доставляют имя *чудака* и *оригинала*. — При существовании откупов, он без труда, без всякого дела мог бы обогатиться, но он никогда не взял ни копейки. Секретарь его и повытчики обогатились, между прочим нынешний обер-секретарь 3-го департамента Попов; но Титов всегда остался беден и честен. Он смеется, когда ему друзья говорят, чтоб он брал, и даже бранят за излишнее прямодушие, и отвечает, что это *болезнь*! — Он живет в лачуге, в Семеновском полку, жалованьем содержит двух престарелых сестер и ежедневно пешком, в ста-

рых сапогах и в старом изношенном костюме отправляется в Сенат. Часто почтенный старец не имеет за что купить табаку и выпить чашку чаю, но не менее того не пропустит случая достать себе хорошую книгу, уплачивая по третям, при получении жалованья. Одно его утешение состояло в том, чтобы после обеда беседовать с умными людьми в Английском клубе, но и этого удовольствия он должен был лишиться, не имея чем заплатить за билет! — Нет ни одного умного, истинного и доброго человека в столице, который бы не знал, не уважал и не любил Титова. Даже злые уважают его, называя чудаком, оригиналом. — Он крайне любит ныне благополучно царствующего Государя Императора, из последних деньжонок купил себе Его портрет, чтоб иметь всегда пред глазами *молодого Петра I-го*, как говорит старик Титов. — Награждение добродетельного Титова, то есть призрение его старости, было бы праздником для честных людей, во всей России, и приобрело бы драгоценную перлу к короне нашего мудрого Государя.

Записки, переписанные Фоком, хранятся среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 1). Печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 2—3, 4—5.

[1]буквально (*фр.*).

[2]Ср. воспоминания Д.Н. Свербеева о том, как он, поступая в 1817 г. на службу в Комиссию прошений, где И.А. Соколов временно управлял тогда канцелярией, представлялся ему. Тот «явился передо мной угрюмым, неопрятным, каким-то одичалым стариком в домашней ветхой одежде, в грязном, заваленном бумагами и покрытыми пылью книгами кабинете. Когда предъявил я ему официальный мой ордер <...> И.А., указывая на стул, не пригласил, а велел мне сесть. Я взглянул на предложенное мне седалище и, хотя оно было покрыто порядочною пылью, сел, как вкопанный, не дерзая его вытереть» (*Свербеев Д.Н.* Записки. Т. 1. М., 1899. С. 215).

[3]равный среди равных (*лат.*), т.е. ничем не выделяется.

---

41 [Записка М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу по поводу Булгарина]

Нижайше прошу Ваше Превосходительство соизволить обратить внимание на дело г. Булгарина, производящее много шума.

Наша деятельность неизбежно очень пострадает из-за этого шума; не только потому, что мы утратим г. Булгарина, который нам чрезвычайно полезен своими обширными связями и своим образцовым усердием к нашему делу, но и потому, и это еще более важно, что это произведет дурное впечатление, поскольку подчиненные г. Шишкова стали разглашать письмо Вашего Превосходительства, в котором излагается высшая воля Его Величества в пользу Булгарина[1].

Собственноручная записка Фока печатается в переводе с французского по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 17. Она сохранилась в подборке записок за январь 1827 г. (под № 9)

[1]Имеется в виду письмо Бенкендорфа Шишкову от 28 октября 1826 г.; см.: *Лемке*. С. 224.

---

42 [О Мешкове]

[1]

Мешков года четыре тому назад был писцом у известного *Рунича*, отворял двери в кабинет его для посетителей и брал по пяти рублей на водку с профессоров и посетителей. Рунич, который делал что хотел в свое время, сделал Мешкова секретарем правления университета[1]. На сем месте Мешков начал брать взятки с подрядчиков и просителей и, как говорится, поднялся несколько на ноги, т.е. мог уже показаться в люди в порядочном платье, ибо прежде ходил оборванный, и Рунич должен был дать ему свой фрак, чтоб представить в правление училищ. — Наконец поручено Руничу несчастные постройки университета, и он избрал Мешкова своим помощником по постройкам. Мешков делал подряды, рассчитывался, закупал, брал огромные суммы денег под расписку Рунича, без всякого с ним расчета, и давал из казенных денег, коих он был хранителем, на домашние расходы Рунича. — Вскоре из отворителя дверей и писца Мешков по общим делам сделался *главным*, а бедный Рунич только подписывал требования, расчеты и квитанции, не думая о будущем. Кончилось [тем], что у Рунича описано все имение, что он под следствием и, вероятно, будет под судом за растрату казенных денег[2], что у Рунича не будет куска хлеба, а Мешков — женившись на дочери профессора Теряева, человека бедного, живущего одним небольшим жалованьем — разъезжает ныне в экипажах, имеет дюжины две крепостных людей на услугах, *в ливрее*, живет роскошно в доме меблированном богато и явно смеется над Руничем и его отчетами, говоря, что «Мешкова подписи нет нигде». При новом порядке вещей, разумеется, что он выгнан из университета и вдруг, к общему удивлению и к соблазну целого города, этот отъявленный вор Мешков сделан советником в С.-Петербургском губернском правлении!

NB. Известно, что Мешков купил недвижимое именье — на чужое имя деревню в Киевской губернии.

[2]

Мешков, о коем представлена была Записка, не поступил в советники губернского правления. Место это отдали другому. Начальство испугалось общего мнения, и какой-то добрый человек предостерег нового губернатора[3].

Записки, переписанные Фоком, хранятся в подборке агентурных записок за январь 1827 г. (№ 13), печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 25—26. На первой из них другим почерком проставлена дата: 5 января 1827 г., вторая — не датирована.

[1]В 1826 г. профессора университета получали 2000 руб., а Мешков —1500 руб. (см.: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919. Т. 1. Пг., 1919. С. 441—445).

[2]По предложению попечителя Петербургского университета Д.П. Рунича в 1823 г. было начато строительство нового здания университета и образован строительный комитет под его председательством. В ведении Рунича находились огромные по тем временам суммы, которые расходовались совершенно бесконтрольно, а строительство практически так и не было начато. В марте 1826 г. министр народного просвещения А.С. Шишков представил на рассмотрение Комитета министров записку об

упущениях в ходе строительства. В результате Рунич был обвинен в преступном ведении дела о постройке нового здания, в июне высочайшим указом снят с должности попечителя и оставлен под следствием.

[3]В конце 1826 г. С.А. Щербинина на посту гражданского губернатора Петербурга сменил А.М. Безобразов.

---

43 Полицейская записка по делу Груби с Шабишевым

Шабишев был правителем дел в Шкловской комиссии, учрежденной для уплаты долгов покойного Зорича и удовлетворения наследников его. Члены сей комиссии, а особенно Дмитрий Сергеевич Ланской, обогатился чрезвычайно, скупая векселя покойного, за безделицу, стращая кредиторов (особенно жидов), что будут рассматривать, правильны ли долги, делая проволочки, притязания и т.п. — Деньги на сие давал друг Ланскова, спекулатор и сотоварищ его в оборотах, поляк Пусловский. Шабишев человек недалекий, рабочий, простяк, как водится приказный. Он не смел пикнуть перед начальниками, исполнял, что ему велели, и как совесть его была сговорчива, то Ланской и другие члены комиссии перекинули ему часть своей добычи, как бросают кость верной собаке, после сытного стола. Шабишев, который, без всякого сомнения, не может быть причислен к числу честных людей, в строгом смысле сего слова, подобен тысячам наших чиновников и был только исполнителем воли старших, притом был весьма рад, что его начальники упрочили его состояние.

Но по всей совести сказать и *Груби* не лучше его, если еще не хуже. Он желал купить именье, но, не желая выпустить из рук всего своего капитала и надеясь произвесть оными другие обороты, он продал свои билеты в Комиссии погашения долгов Шабишеву на наличные деньги, а сам на данный вексель в 50 000 Шабишеву же, купил вексель наследника Зорича Гершевича и внес оные в уплату за именье, получив таким образом именье в долг и предполагая уплатить капитал по частям, из доходов, что уже и начал делать, как сие видно по надписи на векселе. Между тем Груби обманулся в своих надеждах: он нашел именье разоренным; голод в Белоруссии требовал, чтобы помещики помогали крестьянам; доходы прекратились, и он вздумал увернуться от платежа векселя в 50 000 рублей. В записке о деле изъяснены предлоги, коими он хочет защититься. Он имеет большую протекцию, как доктор, имея доступ во все знатные дома. Не менее того, дело его несправедливо, и он в оном является гораздо большим плутом, нежели Шабишев.

Душа всей интриги есть обер-прокурор Кайсаров, человек, знающий законы и деловой, но интригант по вкусу и по правилам. Он долгое время был в черном теле, по особенному на него неудовольствию покойного Императора и по интриге с подрядчиком Коссиковским, с которого он требовал 100 т. рублей. Это обстоятельство уронило его в мнении общем, ибо дело было ясное и гласное. Кайсаров до женитьбы брал и с живого, и с мертвого, теперь играет ролю честного человека. Он некогда нанимал квартиру в доме Шабишева и требовал от него взаймы денег — не получив, поссорился, и ему даже было отказано от квартиры. Отсюда происходит жажда мести.

Кайсаров человек тонкий, он теперь действует на других сенаторов именем Александра Христофоровича, не только в 4 департаменте, но и в общем собрании. Это дает ему большой вес. Он хвалится особенно милостью Александра Христофоровича, который будто бы друг с его братом. Кайсарова должно остерегаться как огня. Весьма жаль, что Его Превосходительство подписал журнал по делу Шабишева. Резолюция истребована к министру, и еще есть время осмотреться. Государь Император подал в том блистательный пример по делу о Цензурном уставе. Интрига Кайсарова здесь столь же явна, как и противузаконное заключение Сената. Из беспредельной преданности к генералу я осмелился сказать истину единственно для того, чтобы спасти его добрую славу от нарекания. Бог свидетель, что это одно побуждает меня говорить правду — ибо я вовсе не знаю Шабишева, а напротив того Груби лечил жену мою[1] от глазной болезни. Но, как сказал Тристрам Шанди[2], Варвара мне тетка, а правда — сестра. Шабишев — плут — но из этого [не] следует, что дело Груби справедливо — и здесь на сцене не Груби и не Шабишев — но ненарушимость векселей и договоров.

Печатается по писарской копии, хранящейся среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 28): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 51—53.

[1]То есть Елену Ивановну Булгарину.

[2]Герой классического романа английского писателя Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760—1767).

---

44 [О Шаликове]

«Московские ведомости» печатаются при университете по особенному положению и по особенной инструкции. Редактор оных есть известный *князь Шаликов*, который с давнего времени служит предметом насмешек для всех занимающихся литературою. В 50 лет он молодится, пишет любовные стихи, влюбляется и принимает эпиграммы за похвалы. Место редактора получил он по протекции Ивана Ивановича Дмитриева, которому он служит пластроном[1], под веселый час. Этот князь Шаликов не имеет никаких сведений для издавания политической газеты и даже лишен природной сметливости, необходимой для познания местностей, приличий и обстоятельств, в которых находимся. Напечатание мнения Стангопа о заведении повсеместных республик[2] весьма предосудительно, особенно после наказания людей, мечтавших о республике. Скажут: «Не у нас одних думали о республиках, когда в целой Европе и даже в целом свете об этом помышляют!» — Такой ужасный промах в газете может только извиниться глупостию и неспособностью князя Шаликова, которому, впрочем, кто-нибудь внушил напечатать эту нелепость. Удивительнее всего, что этого Шаликова прочат в цензоры в Москву! — Ему это место обещано, и едва ли он не получил или по крайней мере вскоре получит[3]. Сей случай может также служить доказательством, сколь нужна порядочная цензура в Москве, цензура, составленная из людей отличных, под председательством известного и доверенного человека. Злое семя таится в Москве, и невидимое действие и внушение некоторых злонамеренных людей может быть уничтожено только противудействием и умными чиновниками. Человека, подобного Шаликову, легко обмануть и сделать орудием злого, так что он и сам того знать

не будет. — К тому же этот Шаликов чрезвычайно самолюбив и раздражителен, и так воспламеняя его страсти, можно управлять им как угодно. Любопытно было бы знать, *кто выбрал* эту статью для напечатания?

Записка, переписанная Фоком, сохранилась в подборке агентурных записок за январь 1827 г. (№ 34), печатается по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 75. Опубликована как записка Фока от 6 января, адресованная И.И. Дибичу: РС. 1901. № 1. С. 99—100. Записка 4 января 1827 г. была передана в Главный штаб.

[1]Галлицизм — от plastron — посмешище, объект насмешек.

[2]В выписке из парижской газеты, опубликованной 1 декабря 1826 г. «Московскими ведомостями» (№ 96), цитировались слова английского публициста Ч. Стангопа о том, что «все нации в свете скоро будут конституционными республиками» (с. 3848).

[3]Из Главного штаба о Шаликове запросили товарища министра народного просвещения Д.Н. Блудова, который 10 января ответил дежурному генералу Главного штаба А.Н. Потапову, что ни представления, ни предположения о назначении Шаликова цензором в Москву не было (см.: РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Св. 29. Ед. хр. 4).

---

45 [Слухи о деле Данилова и Попова]

Сообщено весьма секретно
8-го генваря [1827]

Так как предсказывали, так и сбылось по делу казначея *Данилова* и контролера *Попова*. Перебранка Хитрова с Канкриным была одна комедия!

Лагода представил Хитрову дело точно в таком виде, как оно есть, а именно, что Канкрин, будучи генерал-интендантом, выдавал суммы более миллиона рублей, другу своему Перетцу[1], *без расчета и предписания главнокомандующего*, что противно не только законам, но и здравому смыслу; что в книгах контрольных *листы переменены после окончания дела*, когда за него в другой раз хватились; что переплетчик знает это; что кончили счеты, не справясь с департаментами; что цифры и итоги неверны и тому подобное. Но Хитров, призвав Лагоду, стал делать ему упреки, что он так строго берет вещи, сказав при том: «В подобных делах надобно поступать весьма деликатно». — «Я поступаю по совести и не терплю никакого обмана», — отвечал Лагода. — «Вы должны были вспомнить, — возразил Хитров, — что я, приняв Контроль, донес Государю, что все в нем исправно, и что вы все за это получили благоволение и награды. Как же вы хотите, чтоб я теперь представлял о злодеяниях?» — Лагода удалился в молчании, и Хитров в своем Совете с Корнеевым, Полонским и Железновым положили представить Государю дело в следующем виде:

«Что хоть в деле и есть некоторые *незначащие беспорядки* (!!!), но они произошли не от злого умысла, а от того, что контролер Попов, служа в двух местах, не мог исправно делать счетов». Итак, чиновник министерства финансов, которого Канкрин определил к себе, обманув покойного Императора (как о сем было сказано в первой Записке[2]), поверял счеты своего министра и благодетеля, наделал явных обманов, чтобы прикрыть своего начальника — и теперь *оправдан*!

В представлении Государю Хитров говорит: «Я сделал уже *выговор* Попову, и он должен выйти из Контроля и продолжать службу в министерстве финансов».

Попову и Канкрину того-то и надобно! В городе между честными людьми великий соблазн, говорят, что самовластные министры делают, что хотят, обманывают Государя в глаза — и все молчат.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 177. Датируется 1827 г., т.к. в 1828 г. Н.Г. Попов уже не служил в Гос. контроле. На записке карандашная надпись Бенкендорфа: «Оставлено у Государя».

[1]Канкрин и Перетц с давних времен поддерживали дружеские взаимоотношения. Агент III отделения Е. Цызырева писала в «Записке о Канкрине и 1-ой армии», что «Канкрин занимался в 1809-м и 1810-м году у бывшего санктпетербургского откупщика Абрама Перца, архитектурой в построении его дома и в конторе его по делам откупов. Перец, довольный Канкриным, подарил ему небольшой дом в Коломне и не оставил стараться о возвышении его по службе. Сколь тогда важно было покровительство Перца, то всем известно» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Ед. хр. 4. Л. 66). Ср.: *Фишер К.И.* Записки//ИВ. 1908. №. 2. С. 449.

[2]Записку эту нам разыскать не удалось.

---

46 [О деле Попова]

По делу *Попова* призывали к Хитрову переплетчика, который показал, что в шнуровой книге журнала он переменял листы.

Листы сии суть те самые, о которых прежде было говорено; в них заключались мнение начальника отделения о неверности счетов и первое заключение Метлина. Сие заключение переменено, а равно и листы с итогами. — Кажется, сим плутовство совершенно открыто!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 39. Приблизительно датируется январем 1827 г. по тематической близости с предыдущей запиской.

---

47 [Слухи о предосудительных стихах в Полоцкой школе]

В Полоцкой школе пойманы были какие-то предосудительные стихи, и по сделании следствия, как говорят, дело представлено было Государю Императору. Многие семейства ожидали величайшего удара для себя, как вдруг дело прекращено вовсе и утихло. — Разнесся слух, что Государь Император уничтожил дело и следствие и повелел впредь такими пустяками не беспокоить. В целой Литве восторг и радость! Лучшие фамилии намерены переселиться в Петербург, некоторые в русскую Украйну. — Дела вовсе остановились, контракты объявляют одни банкрутства — цена на именья упала.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась в подборке агентурных записок за январь 1827 г. (под № 49). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 105.

---

48 [Толки по поводу посещения императором торжества в Академии наук]

Посещение Государем Императором с Августейшею фамилиею торжества Академии произвело живейшее впечатление[1]. Все видят и удостоверяются ежедневно, что не хотят гасить науки, как думали, судя по Ценсурному уставу, и что Царь любит славу Своего народа. Теперь только и рассказов, как Государь говорил со всеми членами Академии, как привстал, когда провозглашали Его имя, как отвечал депутатам и проч. Все это возвышает любовь в сердцах и поощряет к добру. Публичные репрезентации не пред одним Двором вообще оживляют сердца народа, и внимание к славе народной образует сильных приверженцев. Нельзя лучше, нельзя лучше. — Дай Бог сто лет подобно 1826 году.

Записка, подготовленная в первых числах января 1827 г. и переписанная Фоком (помечена № 50), печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 106.

[1]Речь идет о торжественном заседании в честь столетия Императорской Академии наук, проходившем 29 декабря 1826 г. в конференц-зале Академии наук. На этом заседании Николай I, его сын Александр и братья Константин и Михаил были избраны почетными членами Академии наук. См.: Внутренние известия//СП. 1826. № 156. 30 дек.; 1827. № 1. 1 янв.

---

49 [Толки в обществе по делу наследников Уварова]

По городу ходит из рук в руки мнение Государя Императора по делу наследников Уваровых[1] с дочерью покойной Уваровой, Челищевой[2], и производит различные впечатления и толки. Все, что только мыслит и чувствует, все патриоты, все благонамеренные люди, все люди высшего образования в изумлении, в надежде, в радости. От Петра I-го ни один Император не занимался внутренним управлением России и самою грустною, самою сухою частью оного, *правосудием*, с таким рвением, с таким счастливым успехом, как ныне благополучно Царствующий. Этого именно недоставало России, пресытившейся славою, победами и завоеваниями. Какие сладостные надежды возрождаются в сердцах! Нельзя хладнокровно слушать, как рассуждают об этом предмете и как радуются истинные россияне. Слова в мнении: «Предоставляю им самим решить, *благородно* ли будет им лишать и последнего имущества дочь той», и проч., тронули и поразили всех благородно мыслящих. Уважение к законам и рыцарское соблюдение чести знаменуют сие мнение. Нет никакого сомнения, что Государь Император своими поступками, деятельностью и правосудием привяжет к себе сердца всех добрых и умных людей — то есть покорит лучшую часть, душу народа — и тело будет невольно следовать движениям душевным.

При всем том, подьячих и приказных ползающее племя, на которых пришел черный год, толкуют по-своему. «Ежели де наследники имели право начинать процесс, то не надобно вмешивать благородства, ибо само по себе разумеется, что если Государь самодержавный изъявит предварительно свое мнение, то дело возьмет оборот, сообразный с объявленным мнением». — Вот слова приказных, которые страшатся уничтожения процессов

посредством миролюбивых сделок. «Подумайте, — говорят им честные люди, — что в делах чести решить можно одною честию. Государь не опровергал законов своим умствованием, напротив того, Он с первого слова признал Уваровым законное право, но как целому миру известно, что Уварова отдала мужу своему почти все именье и даже часть родового, лишая оного малолетнюю дочь свою от первого брака, Потоцкую, то надобно быть неблагородным, чтобы не сказать при сем случае, что лишать последнего имущества дочь благодетельницы есть неблагородный поступок! В сем мнении Николай 1-й как Государь не нарушил законов, как человек показал самую блестящую сторону Своего сердца. Первая обязанность судьи есть: *быть миротворцем.* Государь предоставил самим Уваровым решить деликатную часть их дела. Он не мешался в это как Царь, но как человек, и человек благородный.

Вот эссенция различных мнений по сему предмету. При сем случае говорено было о глазной болезни Государя — и я видел нелицемерное участие, нелицемерные мольбы: Господи, укрепи Его, для нашего блага.

Удивительно, как скоро распространилось в народе какое-то невольное побуждение сравнивать Государя с Петром Великим, при каждом случае. Ничто столько не привязывает сердца, как правосудие, откровенность в поступках и деятельность: отличительные качества Николая 1-го; с Его именем невольно приходит на ум имя Петра 1-го.

Печатается по писарской копии, находящейся среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 52): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 113—115. На записке сверху другим почерком сделана надпись: «Сообщено человеком, который остается в неизвестности и не открывает своего имени».

[1]Ф.П. Уваров, который унаследовал после смерти жены большое состояние, в состав которого входили обширные родовые имения в Волынской губернии, сделал наследниками своих двоюродных братьев Уваровых. После смерти Уварова (20 ноября 1824 г.) начался судебный процесс из-за его наследства, о котором идет речь в записке.

[2]Э.Я. Потоцкая, дочь М.Ф. Любомирской (во втором браке — Уваровой) от Потоцкого, в первом браке была замужем за генералом Калиновским, во втором— за подполковником Е. Челищевым. После рассмотрения дела родовое имение досталось ей. «Одна из богатейших помещиц Украины и владелица Ружан, родового имения князей Ружинских», «она была чрезвычайно скупа» (*Чайковский М.* Записки//РС. 1896. № 5. С. 397, 395).

---

50 [Об Аладьине]

Некто *Аладьин*, служащий по особым поручениям при здешнем вице-губернаторе[1], вовсе не литератор, а спекулатор, третий год издает «Невский альманах»[2].

Ал. Бестужев и *Рылеев* приготовили к новому 1826 году прибавление к «Полярной звезде», под заглавием: «Звездочка»[3]. Несколько листов уже было отпечатано в типографии Главного штаба и на прочие статьи находились также пропущенные цензурою рукописи. После 14 декабря отпечатанные листы и оригиналы удержаны в Штабе и не выданы родствен-

никам. Между тем книгопродавцы хотели купить у *вдовы Рылеевой* и у *матушки Бестужевых* рукописи за 2500 рублей, с правом напечатать без имен.

Известно достоверно, что рукописи сии не ходили в свет; но вдруг пиесы сии появляются напечатанными в «Невском альманахе за 1827 год»[4].

Известно также, что Аладьин, выпрашивая у *Сомова* позволение на напечатание его пиес, отданных в «Звездочку», объявил, что он имеет уже их в руках, равно как и другие Бестужева и Рылеева, достав оные из типографии Главного штаба[5].

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 53); печатается по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 116. Впервые опубликована Н. Дубровиным без указания авторства Булгарина: РС. 1901. № 11. С. 265—266.

[1]Этот пост занимал коллежский советник Иван Григорьевич Железнов.

[2]«Невский альманах» — самый долговечный альманах 1820—1830-х гг., выходил ежегодно с 1825 по 1833 г. и представлял собой издание коммерческого типа, отличавшееся, однако, хорошим подбором авторов и высоким полиграфическим уровнем. В нем печатались А.С. Пушкин, Ф.Н. Глинка, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, Е.А. Баратынский и другие видные литераторы того времени. Булгарин поместил в «Невском альманахе на 1829 год» (СПб., 1828) отрывок из романа «Димитрий Самозванец» и статью «Картина турецкой войны 1828 года».

[3]Об истории невышедшего альманаха «Звездочка» см.: *Семевский М.И.* Альманах «Звездочка» 1826 года//РА. 1869. Кн. 4. С. 054—060; Звездочка. М., 1981 (статья Я. Левкович).

[4]Е.В. Аладьин включил в «Невский альманах на 1827 год» (М., 1826; ценз. разр. 26 октября 1826 г.) четыре произведения из «Звездочки» (два стихотворения — «Песня» В.И. Туманского и «К заре» А.С. Хомякова — и две повести — «Гайдамак» О.М. Сомова и «Кровь за кровь» А.А. Бестужева, причем у Бестужева снял указание на авторство и изменил название на «Замок Эйзен»), позаимствовав их из пяти уже отпечатанных листов альманаха, хранившихся в типографии.

[5]Копия записки Булгарина была передана начальнику Главного штаба И.И. Дибичу, тот потребовал объяснений у Аладьина. На основе беседы с ним, записки О. Сомова и сведений, собранных в типографии, в январе же был подготовлен следующий ответ начальнику III отделения А.Х. Бенкендорфу, который подписал дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов:

«Милостивый государь Александр Христофорович!

По полученной от Вашего Превосходительства записке о некоторых статьях Невского Альманаха, я приказал делать под рукою исследование. — Личное объяснение издателя того альманаха, г. Аладьина, изложенное во включенной у сего записке, удостоверяет, что статьи Полярной звезды на 1826-й год, приготовленные, которые помещены в его альманахе, им получены от самих сочинителей, и одна куплена у матери Бестужева, — а вместе с тем показывает всю неосновательность доноса и ложную клевету на Военную Типографию Главного штаба Его Императорского Величества.

Обстоятельство, упомянутое в объяснении Аладьина, что из статей Полярной звезды, приготовленных на 1826-й год, некоторые напечатаны и в других журналах и альманахах, издаваемых г. Воейковым и другими литераторами, заслуживает особенное внимание, ибо оно дает повод к заключению, что доносчик, говоря об одном Невском альманахе, действовал из личной вражды к Аладьину или к чиновникам Военной Типографии. Вообще я полагаю, что человек, который по неосновательности или по пристрастию мог бы ввести начальство в несправедливое заключение на счет подчиненных долго и хорошо служивших, не достоин, чтобы показаниям его впредь дана была вера». (Цит. по: *Н. Д[убровин]*. «Полярная звезда» и «Невский альманах»

(1826—1827)//РС. 1901. № 11. С. 269; там же см. изложение всей истории, в том числе пересказ объяснений Аладьина (с. 266—267) и полный текст объяснительной записки О. Сомова (с. 267—269); архивное дело, на основе которого была подготовлена публикация Дубровина, ныне хранится в РГВИА (Ф. 36. Оп. 5/848. Св. 32. Ед. хр. 44).

---

51 [Толки по поводу сообщения в календаре о казни декабристов]

Толкуют и перетолковывают известие, помещенное в нынешнем запоздалом календаре, о происшествии 13 июня 1826. Там сказано, что преступники *казнены* со всевозможным милосердием[1]. — Нельзя не улыбнуться при сей фразе. Целому миру известно, что преступники заслужили казнь и восприяли оную по суду и законам. Зачем комедия? Сказать бы просто: *приговор Верховного суда исполнен.*

В сем обвиняют Академию[2].

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 54): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 119.

[1]В «Месяцеслове на лето от Рождества Христова 1827» (СПб., 1827) в списке «Достопамятных происшествий» 1826 г. под числом 13 июля значилось следующее: «Приговор Верховного уголовного суда над государственными преступниками исполнен с возможным милосердием. В следующий день принесено было благодарственное молебствие Всемогущему Творцу на том самом месте, где ровно за семь месяцев перед сим происходил мятеж, и сделано поминовение за вечной памяти достойного графа Милорадовича и падших с ним воинов» (с. 136). О первоначальном тексте этой заметки Николаю докладывал министр народного просвещения А.С. Шишков, и в месяцеслове был напечатан текст, отредактированный царем. См.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 241—244; *Николаев А.* Месяцеслов на 1827 год//Красный архив. 1935. № 6 (13). С. 314—320.

[2]Издание календарей было в то время привилегией Академии наук.

---

52 Записка о чиновниках, служащих в канцелярии Кикина, ныне Н.М. Лонгинова

1. *Иванов* — находится в канцелярии[1] с самого учреждения оной и потому знает весь механизм, порядок и течение дел. Он пользовался неограниченною доверенностию Кикина, управлял всеми по произволу и делал, что хотел. Иванов не имеет других способностей, кроме навыка к приказному порядку. О бескорыстии его утвердительно заключать ничего нельзя; но нельзя не усомниться в оной, соображая, что он, имея 2500 руб. жалованья, живет роскошно и щеголяет. Кто знает, как дела идут, тому весьма подозрительно то, что он не принимает на дому просителей. Это обыкновенная уловка — и дела делаются чрез приятелей в другом доме. Теперь опасаются влияния его на Николая Михайловича Лонгинова, который беспрестанно с ним совещается по делам канцелярии. Трудные бумаги Иванов всегда поручает другим. Вообще это верно, что Иванову не должно оказывать неограниченной доверенности.

2. *Андреев* служит 15 лет в канцелярии, знает дела и прилежен. Хотя он взял некоторое состояние по жене, дочери директора канцелярии военного генерал-губернатора, *Позняка*, но при всем том насчет его бескорыстия публика не имеет самого лучшего мнения. — Впрочем, он ведет себя крайне осторожно и не подал повода к явному соблазну. А потому и должен почитаться в числе хороших чиновников-работников, с тем однако ж, чтоб не допускать его к доверенности, но поверять действия[2].

3. *Ситников*, человек способный. Он весьма редко является в канцелярию, иногда не бывает по нескольку месяцев и вдруг привозит целую кучу дел. Он также не принимает на дому просителей и хотя не имеет никакого состояния и живет одним жалованьем — но живет очень хорошо и выше своих средств. Кажется, что и этот чиновник должен быть поверяем в своих действиях.

4. *Сутгоф*. После перемещения Енгольма из Комиссии в министерство финансов остался первым по способностям, по нравственности, по благородству образа мыслей, по совершенному бескорыстию и познанию дел. Отличный чиновник во всех отношениях, заслуживающий доверенность, уважение и отличие. Весьма жаль, что он слабого здоровья и по прилежности не бережет его на пользу службы[3].

5. *Рославец*. Дворянин и помещик Черниговской губернии, хорошей фамилии, отлично воспитанный в Университетском московском пансионе, бескорыстный, прилежный, недостает одного навыка к делам, но эту трудность легко победить с умом и прилежанием. Он заслуживает внимания.

6. *Гагин*, человек скромный и, кажется, очень добрый. Способности его не могут быть сравнены с другими; ему не много поручают, и потому он редко является в Комиссию. Он живет тихо и бережливо в отдаленной части города. На счет его не слышно ничего дурного.

7. *Улеев*, недавно поступил в Комиссию, с репутацией весьма делового человека; но открылось, что способности его не переходят за черту посредственности. Он без всякого воспитанья и вырос в бумажных делах. О поведении его не слышно ничего дурного.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 55): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 117—118.

[1]Речь идет о канцелярии Комиссии по принятию прошений, на высочайшее имя подаваемых. О ней и ее чиновниках в 1817 г. см.: *Свербеев Д.Н.* Записки. Т. 1. М., 1899. С. 189—193, 215—235. Характеристику ее деятельности при Николае см.: *Писарев С.Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. СПб., 1909. С. 61—101.

[2]Д.Н. Свербеев в своих воспоминаниях так характеризовал Г.А. Андреева в 1817 г.: «Чиновник средних лет, полуобразованный, с манерами довольно приличными, с характером уклончивым и холодным <...> Андреев, составляя свои записки из сенатских решений и соображая их потом с просьбой истца, был еще довольно ясен в своем изложении, но часто, иногда даже и умышленно, запутывал обстоятельства дела в своих длинных периодах, оставляя их без глагола, либо выпуская с намерением спорные пункты, служившие предметом иска. Такими способами, когда ему было то нужно, ухищрялся он затемнить дело и потом убедить членов комиссии соглашаться на проект его решения, основываемого на им же приведенных указах. Все это делалось им, конечно, не бескорыстно; он, как и все другие начальники отделения, брал

с просителей взятки: без таких посторонних доходов ему не с чем было бы жить в Петербурге с семьей» (*Свербеев Д.Н.* Указ. соч. С. 221, 222).

[3]Об Н.Н. Сутгофе см.: *Свербеев Д.Н.* Указ. соч. С. 231—232.

---

53 [Анекдот о комиссариатских и провиантских отчетах]

Дела комиссариатские и провиантские производят радость во всех, даже в плутах. Уже дошло дело до самого нельзя.

Случился забавный анекдот.

В отчетах провиантских и комиссариатских показывается, что цена на припасы беспрестанно возвышается. «Как бы вернее узнать и доказать, что это ложь?» — сказал генерал-адъютант Храповицкий в одном обществе. «На что лучше, — отвечали ему, — прочтите *задачу* Академии, где вопрошают, почему цена упала и упадает, с 1812 года?» — «Итак, задача Академии в разладе с задачею военного министерства, — сказал некто, — нельзя ли согласить их по *гильдейскому положению*?» — Так люди шутят в уверении, что правительство не спит и откроет воров. — О Куракин! Он все помешал и испортил[1]!

Записка, переписанная Фоком, хранится среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 56): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 120.

[1]А.Б. Куракин вел расследование злоупотреблений в комиссариатском и провиантском департаментах.

---

54 [О следствии Куракина]

[1]

Следствие, производимое Куракиным, повергло всех добрых граждан в ужас и отчаянье. Банкрут *Комаровский* (граф-самозванец, как большая часть поляков), который исподлился до того, что крал вещи по домам, хотел обманом содрать деньги с *Галлера*; бесстыдство Комаровского обнаружено, он сам подписывает, что *солгал*, ссылается на своего поверенного, который умер около шести лет тому назад, не представляя никаких доказательств, и наконец путает брата покойного своего поверенного, *Маркьяновича*, который занимался изданием польского «Инвалида»[1] и вовсе не участвовал в делах брата. На слова банкрута и отъявленного плута берут без всякой причины дворян четырех человек, держут, допрашивают, не знали ли чего они о деле Комаровского, наконец удаляются от вопросов, расспрашивают, чем они живут, зачем, как? и с людьми, которые по самому строгому исследованию могут быть только призваны в свидетели и подписать вопросные пункты, поступают как с государственными преступниками, не позволяют им видеться с женами иначе, как при свидетелях, запрещают говорить на природном языке и делают возможные придирки. Ропот всеобщий. С ужасом вспоминают то время, когда Куракин был генерал-прокурором и когда тайная канцелярия была в его комнатах. Некоторые видят, что Куракин назначен начальником тайной канцелярии, что имеет право требовать жандармов. Известно, какими правилами руководствовался всегда Куракин, жизнь его была слишком публичная. Основанием всему несчас-

тное правило: *в следствиях и розысках искать не правды, но виновного, и почитать дело необделанным, если никто не обвинен и не сделан несчастным.* Спрашивают: по какому закону и праву исторгают дворянина из объятий семейства и ввергают в заточение — *в свидетели*, по оговору известного бездельника. Все с умилением воспоминают о Следственной комиссии[2], которая поступала благородно, честно, откровенно даже в государственном деле. Кто любит Государя, кто верноподданный, кто желает спасти Его славу, тот должен непременно доложить Ему, каким образом вооружают против него народ, когда Он только помышляет о благе народном.

[2]

Князь Куракин отыскал и вызвал к себе генерал-майоршу Богдановичеву, непримиримую неприятельницу Галлера, одну из тех женщин, которые вопиют против всех, кто только не действует по их воле. Сия Богдановичева не живет с мужем. Князь Куракин принял жалобу от Богдановичевой и приступил по оной к следствию. Жалоба основана на записке Галлера, писанной в 1821 году к приятелю его *Быкову*, директору типографии Главного штаба. Записка не заключает в себе ничего более, как желание примирить Богдановичеву с соперником ее Грибовским, в тяжбе, для обеих сторон разорительной. Галлер упомянул в сей записке, что некто из знакомых его предлагает Богдановичевой 50 т. рублей. Князь Куракин из сего выводит, что Галлер желал сам приобрести претензию Богдановичевой. Неосновательность сего заключения обнаруживается тем, что Галлер во все продолжение своей службы не скупал ни одного процесса и без сомнения не бросился бы на самый неверный и громогласный, в котором главное действующее лицо — беспокойная и вопиющая женщина. Да к тому же, имея 50 т. наличных денег, можно употребить их лучше, нежели на покупку процессов, и если Богдановичева показывает, что Галлер — друг ее соперника Грибовского, то невероятно, чтобы он покупал процесс противу друга. — Но дело сие лучше обнаружится следствием. Между тем во всяком случае записка Галлера не заключает в себе ничего предосудительного, ибо примирять тяжущихся законы не только не воспрещают, но еще поощряют к тому определением наград. К тому же Галлер в сем деле лицо постороннее; он в производстве оного не участвовал и ходатайства не имел. Напротив того, когда писана была записка, дело находилось в Государственном Совете.

[3]

Государь Император соизволил возложить на князя Куракина исследование доноса Комаровского о лихоимстве Галлера.

Донос сей оказался ложным и по собственному сознанию Комаровского, и потому, что Маркиянович, тот, который по словам Комаровского был употреблен в сие дело в 1824 г. — умер еще в 1821 году!

Сим долженствовало бы, кажется, окончиться Высочайше возложенное на князя Куракина поручение.

Но князь Куракин принял решительное намерение погубить Галлера. К сему побуждается он закоренелою ненавистью к кн. Д.И. Лобанову-Ростовскому, на которого должна пасть ответственность за злоупотребления его канцелярии, и старым правилом, что в каждом следствии должно найти непременно виновного.

К сей единой цели направлены все действия кн. Куракина; с явным нарушением законов, безопасность граждан охраняющих. Многие люди схвачены внезапно и заключены в доме кн. Куракина, превратившемся в государственную темницу. Между сими заключенными один Маркиянович, брат умершего, не вынес испытания и, обольщенный обещаниями награды, или, быть может, угрозами, вынужден был сделать на Галлера ложное показание, которое со всем тем относится не к подтверждению доноса Комаровского, а к постороннему обстоятельству. Маркиянович говорит, что он имел поручение от некоего члена Волынского главного суда и обращался с просьбою к Галлеру, который советовал ему, *если дело справедливо*, подать просьбу министру юстиции[3]. За неимением доверенности Маркиянович по совету, якобы, Галлера подал министру записку по делу, в третьем лице. По сей записке истребована резолюция Сената, и об исправлении оной дано от министра предложение, с коим сенаторы согласились, и тем дело кончилось. После всего того Маркиянович, приписывая оборот дела содействию Галлера, приехал к нему на квартиру и, благодаря его, положил якобы между бумагами Галлера пакет с 1000 рублями. Маркиянович показывает, что хотя Галлер при сем случае и говорил, что это совсем не нужно, что он не требует и не принимает никаких приношений, но Маркиянович, якобы, оставив пакет с деньгами, сам уехал. В сем заключается показание Маркияновича, которое Галлером и в ответах на бумаге, и в очной ставке опровержено[4].

Писарская копия (последняя записка переписана Фоком) хранится среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 59): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 125—130 (с пометой: «Сообщенное сведение»).

[1]Газета «Русский инвалид» в 1817—1821 гг. выходила и на польском языке («Ruski invalid», с иной по содержанию неофициальной частью). Булгарин деятельно сотрудничал там, печатая прозу и стихи (Bitwa pod Kulmem 30 sierpnia 1813—1819. № 278, 279; Kolęda na nowy rok. — 1820. № 1; Przemowa na nowy rok. — 1821. № 1), а также, судя по всему, много неподписанных материалов о событиях в стране и за рубежом.

[2]Имеется в виду Комиссия для следственных изысканий соучастников злоумышленного сообщества (вначале именовалась комитетом).

[3]Этот пост занимал тогда Д.И. Лобанов-Ростовский.

[4]В описях РГВИА (Ф. 36. Оп. 4. Ед. хр. 561) числится начатое 25 декабря 1826 г. дело «О директоре канцелярии Галлере, помещике графе Комаровском, отставном майоре Залесском и титулярном советнике Маркиановиче»; но само дело не сохранилось. Об этом же деле см. записку № 60.

---

55 [О Красовском]

Некто поляк *Красовский*, бывший писцом при адвокате в Самогитии, прислан был в Петербург с доверенностию от дворянских опек из Шавли, тому лет 6 назад. Случайно он познакомился с графом Шадурским, который сделал его своим поверенным. Присланные Шадурским 30 т. рублей в уплату банка Красовский промотал. Несколько подобных дел запятнали его репутацию и лишили способов жить адвокатством. Судьба вывела его в люди другим образом. Он обольстил камер-медхен Великой

княгини Елены Павловны, Чернышеву, и женился на ней. В приданое ему дали чин титулярного советника, а при рождении ребенка он выхлопотал чин коллежского асессора[1]. — За 400 рублей ему сделал один здешний адвокат выписку из статута с замечаниями Чацкого[2], и Красовский представил это как *собственный свой проект* о усовершенствовании польских и литовских законов и при сильной протекции получил чины, жалованье и место при министерстве финансов.

В министерстве финансов, где за каждым почти водятся грешки, боятся Красовского, как человека, который посажен там для наблюдения. Красовский пользуется распущенною молвою, берет доверенности и грабит деньги. Ныне он выехал *в Вильно*, собирать доверенности и дела для стряпанья. Говорят, что он послан секретно свидетельствовать Виленскую казенную палату.

Не благоугодно ли будет приказать наблюдать за его поступками в Литве?[3]

Записка, переписанная писарским почерком, хранится среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 64). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 135—136.

[1]Красовский, служивший в канцелярии министерства финансов, высочайшим именным указом был 31 декабря 1826 г. пожалован в коллежские асессоры (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 2. 8 янв. С. 42).

[2]То есть, по-видимому, из книги Т. Чацкого «О литовских и польских правах, содержащихся в первом статуте для Литвы, изданном в 1529 г.» (*Czacki T.* O litewskich i polskich prawach <...> T. 1—2. Warszawa, 1800—1801).

[3]Характеристике Красовского посвящена также записка № 196.

---

56 [О Чернявском]

Титулярный советник *Чернявский* одного поля ягода с *Константиновым.* Они находились в тесной связи и стряпали вместе. Чернявский имеет репутацию весьма дурную и известен по разным ябедам. — Дело, по которому отдан был под суд, может быть начато по личной злобе и мести, как о том в свое время рассуждали; может быть, Чернявский по суду и совершенно прав; может также быть, что крайность заставила его писать ябеды и сделаться площадным стряпчим. Верно то, что он сим ремеслом погубил свою добрую славу, приобрел общее презрение и обращает на себя невыгодное внимание.

Записка, переписанная Фоком, хранится среди агентурных записок за январь 1827 г. (№ 69). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 142.

---

57 Мнения и толки на счет гласности и законной свободы тиснения

В одном обществе, составленном из некоторых заслуженных и просвещенных людей, нескольких литераторов и образованных юношей, был разговор, по случаю напечатания в газетах *сравнительной таблицы происше-*

ствий в России за четыре года[1], — что произвело сильнейшее впечатление в умах и освежило сердца сладостными надеждами на будущее. Представляем главные черты и мысли из сего разговора или беседы.

Первый: Вот новое доказательство, что Государь не хочет отодвинуть образованность России в мрак минувших веков и не думает гасить просвещения. Эти происшествия считали прежде *государственною тайною* и при издании последнего тома академических Записок Шишков писал бумагу в Академию наук, воспрещая Герману в статистической таблице помещать известия о смертоубийствах, чтоб не возбудить в народе охоты к убийствам[2]. — *Общий хохот.* — *Первый*: Смейтесь, господа, но это официальная правда. Прошу сравнить поступки Государя с Цензурным уставом и легко удостоверитесь, что Государь ни сердцем, ни умом не участвовал в этом ужасном смешении Магнетисма (т.е. сочинения Магницкого) и Шихматисма (т.е. сочинения Шихматова), подсоленного Красовским*. *Некоторые смеются.* — *Второй*: Что Государь хочет действовать чисто, ясно и откровенно, это можно было выразуметь из первых его манифестов, из обнародования всех действий Следственной комиссии. Откровенность означает твердость характера и силу физическую. Кто прав и силен, тому нечего скрываться и пускать пыль в глаза. — *Третий*: Господа, что ни говорите, а мир идет вперед (Le monde marche). Великая наука управлять людьми состоит в одной аксиоме, а именно управлять по духу времени. И если дух времени обнаруживается общим мнением, то следуя по этому направлению, достигают славы и величия. Кроме бешеных людей, нет в России таких, которые бы желали революций. Правосудие, умеренная гласность в делах, свобода в тиснении, кроме политики и веры, — вот три краеугольных камня, на которых возвысится Россия и вознесет своего Государя на верх славы. — *Четвертый*: Кажется к тому и идет у нас теперь. Все, что только сосредоточивается непосредственно в Царском кабинете, подлежит ныне гласности. Трудно представить себе, что прежде не хотели даже объявлять о убитых в Грузии, как будто стыдно быть убитым за отечество за Кавказом, а не за Неманом. О наказании офицеров за дурное поведение не печатали в «Инвалиде»[4], а выговоров министрам — сохрани Боже! Ныне все идет начистоту. — *Некоторые голоса: Дай Бог Ему здоровье и укрепи Его, дай Бог, чтоб Он не уставал!* — *Четвертый*: До 1816 года у нас позволено было судить о мерах разных министерств и об исполнении указов, разумеется не касаясь самих указов — и дела шли лучше, и умы были спокойны. Вспомните споры в журналах о почтах, о кунжутном масле, о тарифе, о фабриках — как это всех занимало и как осторожно господа второстепенные правители приступали к мерам. — *Пятый*: Тогда бы не родилось ни гильдейское положение[5], ни постановление о соляной продаже. — *Третий*: Любопытен я знать, какой вред может произойти для правительства, если б я, например, напечатал, что гораздо лучше было бы сделать навес над товарами, лежащими в Америке**, нежели позволять им гнить под открытым небом. — *Первый*: Большой вред — но для господ таможенных! — *Смех.* — *Второй*: Если б в журнале не было на-

---

*Известно, что Цензурный устав составлен Магницким, к коему князь Шихматов приделал канцелярские формы, а цензор Красовский выдумал ответственность авторов, *после* позволения цензуры[3].

**Америкою называется место на бирже, где складываются товары, не оплаченные поставщикам.

печатано критики на изданный Монфераном план Исаакиевской церкви, то правительство не узнало бы о непрочности сводов для купола и не было бы Комиссии[6]. — Третий: Но что терять слова напрасно — о всем известном. Одни злоупотребители власти хотят только, чтоб действия их были скрыты. Аракчеев сам сочинил закон, чтоб не печатать ничего до России касающегося без ведомства начальства, и сам первый нарушил закон, как пришло дело до него, напечатав истинно то, чего не должно, а именно письма партикулярные Государя[7]. Так что сочиняются законы людьми, которые любят одних себя, а не Государя и отечество. — *Второй*: Но все это безделица в сравнении с законом, запрещающим писать о театре, об игре актеров и судить о пиесах, представляемых на театрах. — *Третий*: Это верх нелепости, и иностранцы не хотят этому верить, чтобы подобное запрещение существовало в 19 столетии, в стране, где существуют школы, университеты и где в адрес-календаре выставлено *министерство просвещения*. — *Четвертый*: Чему удивляться? Князь Шаховской живет с актрисою Ежовою, граф Милорадович содержит двух, Азаревичеву и Телешову[8], как же позволить критиковать своих любовниц и свои собственные пиесы! — *Многие голоса: Какой стыд, какой срам!* — *Первый*: А ныне разве не то? Не все ли члены Театрального комитета[9] разобрали актрис по рукам? Не все ли члены театральной конторы в любовных с ними связях? И даже пьяный директор[10], которого нарочно выбрали ради ничтожности, засыпает в объятиях новой Цирцеи, принесши в жертву Талии супружескую свою верность, утвержденную крепкою настойкою! — *Смех*. — *Четвертый*: Смейтесь, господа, а эти безделицы вредят Государю и его славе. Вспомните, что самый заговор в своем начале имел какое-то благовидное направление, и от этих страшных нелепых запрещений, от этого мелочного деспотизма второстепенных властей воспаленные умы и разгоряченные сердца дали заговору кровавое направление. Это видно из Донесения Комиссии следственной. — *Первый*: Да разве мы не слыхали воплей негодования главнейших заговорщиков, которые вертелись в нашем кругу. — *Второй*: Запретить судить о театре! Трудно, чтобы при сей мысли кровь не закипела. За кого нас принимают, на чем можно основать эту нелепость? — *Четвертый*: Разумеется, на благовидном предлоге. Вот логика: актеры придворные чиновники, ergo[11]: нельзя судить о действиях чиновников. — *Общий хохот*. — *Пятый*: Стихотворцы и прозаики, журналисты и газетеры — чиновники, ergo так же невозможно судить о их сочинениях, как о действии. — *Первый*: По этому правилу разумеется — не можно. — *Пятый*: А почему же позволено даже в новом Уставе писать критики на сочинения? — *Второй*: По закону противоречий, управляющему миром. — *Пятый*: Славно! Но почему же запрещено писать критики на пиесы, представляемые на театре, а не запрещено писать критики на пиесы, помещаемые в журналах? Случается, что один и тот же чиновник напишет водевиль и стихи. О водевиле нельзя сказать ни слова, а стихи брани как хочешь. Это на каком основании? — *Второй*: Опять на основании противоречий. — *Пятый*: Чудеса! Неужели Государь не войдет в это и не уничтожит этого страшного нелепого запрещения? — *Первый*: Мудрено, почтенный! Он почитает это безделицею, недостойною его внимания, поручит кому-нибудь, а интрига членов Театрального комитета, трепещущих за своих любовниц, — все уничтожит. Верьте мне, где любовь, где страсти, там мудрено проглянуть правде и здравому рассудку. — *Пятый*: Пустое, пустое:

во-первых, даже в новом Цензурном уставе не запрещено писать о театре, а во-вторых, если только дойдет до Государя сведение об этом — то он, верно, сам посмеется и в ту же минуту уничтожит смешное запрещение. — *Первый*: Не горячитесь — скажу вам под секретом, что даже нынешний Комитет цензурный почувствовал всю несправедливость этого запрещения и представил министру просвещения о уничтожении оного. Шишков, который прежде в угоду Шаховскому и Милорадовичу подал голос в Комитет министров *о запрещении*, ныне образумился и представлял об этом Государю 22 ноября 1826. — *Все: Что ж?* — *Первый*: Ничего — не разрешил — сказал подождать. — *Краткое молчание, потом некоторые: Странно! Удивительно, непонятно!* — *Первый*: А между тем в «Journal de St. Pétersbourg»[12], издающемся без цензуры, печатают критики и суждения не только о французских и немецких пиесах и актерах — но и о русских — и все это делается в одном царстве и в одном городе!

За сим разговором, для утишения брожения умов, благоразумный человек переменил речь, и гости расстались в унынии. — О исполнители законов, о приближенные к Государю, зачем вы руководствуетесь страстями и не думаете о благе отечества, о славе Государя своего!

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 129—132. Подготовлена в январе 1827 г. и тогда же переписана (с сокращениями) Фоком (см.: Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3182. Л. 121—123) и представлена А.Х. Бенкендорфу.

[1]Имеется в виду «Общая сравнительная ведомость о происшествиях, случившихся в течение четырех лет в целой России», построенная в виде таблицы и дающая информацию о преступлениях, несчастных случаях, стихийных бедствиях, пожарах и т.п. В СП она была помещена 11 января 1827 г.

[2]Речь идет о работе К.Ф. Германа, которую он доложил в Академии наук в два приема в 1823 и 1824 гг., но смог опубликовать только в 1830 г., после отставки Шишкова. См.: *Herrmann Ch.-Th.* Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820//Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI-e Série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. 1. Livr. 1. 1830. P. 2—20.

[3]О подготовке цензурного устава 1826 г. см.: *Гиллельсон.* С. 196—199.

[4]Газета «Русский инвалид» (1813—1917) — официоз военного министерства.

[5]Булгарин имеет в виду манифест 14 ноября 1824 г. об устройстве гильдий, которым были снижены пошлины, а право учреждения фабрик и заводов перестало быть исключительной принадлежностью того или иного сословия (взяв гильдийское или торговое свидетельство, представители почти всех сословий могли получить это право) (см.: *Ниселович Л.Н.* История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. 2. СПб., 1884. С. 113—116).

[6]Речь идет о статье: *И.Р.* Письмо к издателю//СО. 1820. № 34. С. 36—41, являющейся откликом на выпущенный в 1820 г. русский перевод книги А. Монферрана: *Montferrand A.* Eglise de St. Isaac restaurée et augmentée d'après les ordres de l'Empereur et Roi. St.-Pétersbourg, 1820. Булгарин ошибается: Комиссия для окончательной перестройки Исаакиевского собора была учреждена ранее, в 1818 г., сразу же после утверждения проекта царем, а не после публикации этого плана.

[7]В подчиненной ему типографии Аракчеев напечатал (без обозначения места и времени издания; по-видимому, в конце 1826 г.) книгу «Собственноручные рескрипты покойного Государя Императора, Отца и Благодетеля, Александра 1-го к его подданному графу Аракчееву», что вызвало гнев Николая I (см.: *Шильдер.* Т. 2. С. 47—60).

[8]По воспоминаниям А.П. Башуцкого, «страсть графа М.А.[Милорадовича] к Катеньке Телешовой, премилой танцорке, только что вышедшей из школы, была, как и многое в нем, предметом едких насмешек <...>; но в существе это было нечто замечательное и вполне возможное только ему, согласное с его рыцарским нравом, с молодостью его чувств, свежих, благородных, пылких в 64 года, будто в 24. Таков был этот человек. Он любил ее со всею горячностью юноши, охранял с невообразимою заботливостью нежного отца и благодетеля, со всею чистотою сильного покровителя и жениха» (*Башуцкий А.П.* Убийство графа Милорадовича//ИВ. 1908. № 1. С. 137; см. также: *Каратыгин П.А.* Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 236). В Е.А. Телешову влюбился и Грибоедов и, судя по всему, был счастливым соперником Милорадовича (см.: А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 226).

[9]Имеется в виду Комитет Главной дирекции императорских театров.

[10]Писатель Николай Федорович Остолопов (1783—1833) исполнял обязанности директора петербургских императорских театров с 1825 г. по декабрь 1827 г.

[11]следовательно (*лат.*).

[12]«Journal de St. Pétersbourg, politique et littéraire» — газета министерства иностранных дел, выходившая на французском языке с 1825 г.

---

58 Замечания на письмо Н.Н. Новосильцова к графу А.А. Аракчееву, от 28 декабря 1824 года, с присовокуплением известий о Шубравском обществе

Не касаясь до цели самого письма, замечания наши относятся только до *личностей* и до *Шубравского общества*[1].

1. *Орда* представлен важным человеком, имеющим вход во все знатные дома, имеющим повсюду связи и сильных друзей и находящимся в большой силе. Нельзя не смеяться при сем описании. Орда, бедный поверенный известного Пусловского, бывший тогда титулярным советником, плутишка, для обмана легковерных провинциалов и получения от них доверенности к хождению по делам точно играл такую ролю, как описано в письме. Это общая уловка адвокатов, описанная в 5 и 6-м нумерах «Северной пчелы», у сего приложенных[2]. Орда бывает в одном, так называемом порядочном доме, у Василия Сергеевича Ланского, друга известного Пусловского. — *Пеликан*, подобно другим провинциалам, дался в обман и ничтожного Орду почел важным человеком. Он имел повод думать, что Орда интригует в пользу *Твардовского*, потому что он родня Твардовскому. Впрочем, опасение Пеликана было лишнее.

2. *Профессор восточных языков Сенковский*, который в то время и ныне не был знаком с Твардовским, напротив того был всегда приятелем Пеликана. Сенковский в 1824 году не знал ни одного чиновника в министерстве просвещения, кроме цензора Бирукова. Он в то время занимался двумя сочинениями и исправлением Словаря восточных языков[3], не выходил почти никуда. Но при свидании с Пеликаном он резким и сатирическим тоном отвечал на его мудрствования и изъявлял негодование насчет университетских интриг, посрамляющих звание ученое.

Образ мыслей его есть антипод всякого либерализма. Прожив на Востоке — он сделался настоящим турком в делах политических, и потому известные в 1824 году либералы бегали от него, как от чумы. — Сенковский был одним из остроумнейших шубравцев.

3. *Греч* отроду не знал и не видывал ни одного профессора Виленского университета, не состоял ни в письменной связи, ни в дружеских сношениях ни с одним, не знает польского языка и не был никогда в Вильне. Пеликан явился к нему с женою, под тем предлогом, что жена была ученицею Греча. — Греч был шубравцами избран заочно, за свои остроумные сочинения, подобно Цицерону и Фридриху Великому, которые также почитались шубравцами.

4. *Булгарин* — поляк родом, но во всю жизнь менее всего проживал в Польше и бывал там только проездом. Он в 1819 году жил в Вильне четыре месяца по делу, решенному ныне в Государственном совете, а тогда производившемуся во 2-м департаменте Виленского главного суда[4]. Булгарин еще в 1815 году был известен в Польше сатирическими статьями о нравах, помещенными им в разных польских журналах. Находясь в Вильне, он напечатал в «Виленском еженедельнике»[5] несколько сатирических пиес по-польски, стихами и прозою, и находил наслаждение в чтении журнала шубравцев. Общество предложило ему вступить в оное, и Булгарин с радостью согласился, видя благовидную цель оного — искоренять зло. Во время пребывания в Вильне Булгарин познакомился с знаменитым профессором *Андреем Снядецким*, с библиотекарем *Контримом* и еще с двумя или тремя литераторами. С *Пеликаном* он не был вовсе знаком до 1824 года, а Твардовского и поныне не знает. Но как Булгарин напечатал в «Сыне отечества» в 1820 году статью о польской словесности, выхваляя именно тех профессоров, против которых действовал Пеликан, и как Булгарин с жаром говорил и писал о Контриме, которого несправедливо почитали причиною беспокойства студентов, то Пеликан и вообразил себе, что Булгарин станет интриговать против него. — Можно справиться у всех чиновников, хлопотал ли когда-нибудь Булгарин о каком-либо деле, кроме своего.

5. О *Лобаржевской* известно, что она в старые годы вмешивалась в дела — но вовсе не слышно, чтобы она хлопотала по делу университета в 1824 году.

Главный обвинительный пункт в сем письме состоит в том, что Сенковский, Булгарин и Греч принадлежали к Шубравскому обществу, которое названо *весьма вредным*. — Сенковский и Булгарин принадлежали к оному, а Греч принадлежал заочно. *Рустикан* значит почетный член. Булгарин был только однажды в заседании, а Греч — ни разу, в чем можно удостовериться из протокола заседаний. Польза Шубравского общества была признана тогдашними властями, под непосредственным покровительством коих оно состояло. Общество сие составилось в Вильне в 1817 году из литераторов, ученых и любителей словесности, которые желали в приятном разсеянии от трудов, в шутках поучать и исправлять других. Намерение общества было издавать в Вильне журнал вроде английского «Спектатора» и «Рамблера»[6], под заглавием «Площадных известий», или «Известий с мостовой» («Brukowe wiadomości»). — Общество имело целью истребить или, по крайней мере, уменьшить в Литве пьянство, картежные и вообще азартные игры, ябедничество, фанфаронство, ложное присвоение графского титула, взятки и прочие пороки. — В 16-м веке существовало в Польше подобное сатирико-литературное общество, под именем Бабинской республики[7]; оно описано в «Вестнике Европы»[8]. — Устав Шубравского общества был несколько раз напечатан и перепечатан в разных польских и иностранных

журналах[9]; цель оного была *явная* и *гласная*, и самое общество пользовалось особенным покровительством литовского военного губернатора[10], который сам нередко задавал темы для статей. Всякое нарушение законов, правил чести и нравственности, всякой явный соблазн был немедленно описан в «Площадных известиях», под вымышленными именами и в разных видах, с переносом действия на Луну, в Китай или Японию.

Другая цель общества, которой однакож приличие не позволяло тогда изъяснить в Уставе, но о которой знало правительство, состояла в том, чтоб представить в смешном виде *масонство*, чрезвычайно распространившееся в Вильне и в других литовских городах. *Масонство* играло в «Площадных известиях» важную ролю, под названием «Рурового сотоварищества», и было предметом острот и насмешек. Речи, произносимые в масонских ложах, появлялись в «Площадных известиях» в виде самых жестоких пародий.

Самое название общества показывает, что оно было более литературною шуткою, нежели каким-либо важным собранием. «Шубравец» по-польски значит «бедняк», «pauvre diable», или «побродяга», «rambler». Церемониал приема членов и заседаний общества были не что иное, как комическое представление масонских обрядов — и часто хохот прерывал церемонию и речь оратора. От членов требовалось: не заниматься бутылкою, не играть вовсе в карты, избегать процессов, не принадлежать к масонским ложам, один раз в месяц доставлять статью для «Площадных ведомостей» — и соблюдать *шубравский секрет* (насмешка над масонским секретом). Сия шубравская *тайна* состояла в том, чтоб не разглашать в публике, кто сочинитель какой-либо статьи, дабы не подвергать его неудовольствию от мщения частных лиц, принимающих на свой счет общие замечания о нравах. Во время заседаний на столике президента стояли эмблемы общества, большая бутыль с водою и стакан, а под столом рассыпаны были игорные карты. Каждый член общества принимал на себя название бога древней литовской мифологии* и в продолжение года обязан был представить разыскание историческое о своем патроне. Для порядка стояли у дверей чиновники общества, стражи лопаты и метлы, с лопатою и метлою в руках, и стучали оными, когда хохот и шум прерывали заседание. Герб общества был: *Шляхтич на лопате*, т.е. что каждый шубравец мог переноситься в воображении куда угодно, все видеть и описывать. Большая часть статей сообщались от имени *Шляхтича на лопате*. — Журнал заседаний общества был писан самым шутливым и веселым слогом. Общество вовсе не занималось политикою и было одушевлено приверженностью к русскому правительству и существующему образу правления. Многие статьи служат тому явным доказательством; для примера укажем на «Индейские письма» и на «Жизнь колдуна Твардовского», сочинения того самого Сенковского, которого г. Новосильцов представляет либералистом. — В сих статьях жестоко осмеян польский неуместный национализм.

Но общество, сделавшись страшным всем злоупотребителям власти, всем ябедникам, взяточникам и притеснителям, нажило жестоких врагов, между коими первый был известный Пусловский, покровительствуемый родственником своим князем *Любецким*. Они начали преследовать общество и поклялись погубить «Площадные известия», ненавистные всем судебным местам.

---

*Например, Булгарину дано имя Дерфинтос — бог дружества.

Пока Виленская губерния состояла в непосредственном ведении Римского-Корсакова, ничто не могло повредить обществу, которое объявляло ему о всех своих действиях и даже совещалось, что должно преследовать. Рекрутские наборы со всеми злоупотреблениями — описаны мастерски, равно как и многие другие вещи, и Корсаков утешался этим. Но когда Н.Н. Новосильцов начал действовать в Литве при помощи прокурора Ботвинки, нынешнего гродненского губернатора Бобятинского и других лиц, которые были на *черном счету* у шубравцев — тогда пришел их конец! Общество представлено вредным, газета запрещена и собрания прекратились. — Когда общество закрылось, архив оного и журнал заседаний взяты были Следственною комиссиею, находившеюся под руководством самого г. Новосильцова, и он сам не нашел ничего вредного, опасного или предосудительного. Ни один из членов не был даже допрашиван, и председатель общества, профессор Андрей Снядецкий, муж отличных добродетелей, и ныне пользуется уважением и даже дружбою г-на Новосильцова.

У сего представляется:

1) Патент подлинный, с переводом на русский язык, данный Булгарину от Шубравского общества;

2) Книжка «Еженедельника виленского», в которой напечатаны Устав шубравцев и литература их.

3) Перевод начала Устава Шубравского общества, для объяснения цели оного[11].

Несмотря на всю свою преданность интересам царя и России, Булгарин, будучи поляком, автоматически вызывал подозрения в пропольской и антирусской деятельности. Н.Н. Новосильцов, главный делегат при Правительственном совете Царства Польского, правая рука фактического правителя Польши великого князя Константина Павловича, занимаясь расследованием деятельности польских тайных обществ, еще в августе 1823 г. в адресованном ему рапорте отнес шубравское общество к числу вредных (см.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 24), а в ноябре того же года в аналогичном рапорте писал: «Из бумаг, которые в моих руках находятся относительно шубравцев <...> видно, что профессор Синковский (так! — *А.Р.*) и Булгарин, издатель «Северного архива», нашли уже способ составить в С.-Петербурге некоторые довольно значительные связи. Таким образом из сих бумаг оказывается, что Синковский и Булгарин ввели в здешнее общество шубравцев Греча и [Ф.Н.]Глинку, издателей журналов, в доказательство чего имеются при делах собственноручные их письма» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 113). Рапорты были пересланы Константином Александру I, однако тот, судя по всему, не дал им хода. Поэтому Новосильцов через год (28 декабря 1824 г.) написал специальное письмо временщику Александра I генералу А.А. Аракчееву. Это обширное послание (см.: РС. 1903. № 11. С. 334—337) содержало обвинения против ряда поляков, живущих в Петербурге (в том числе: Орда, Сенковский, Лобаржевская и др.), в пропольской, враждебной России деятельности. О Булгарине и Грече сообщалось, в частности, что они «принадлежали здесь к весьма вредному обществу, существовавшему долгое время под именем «шубравцев», между коими они назывались рустиканами». В 1827 г. письмо это «всплыло» и 14 января было направлено из Главного штаба в III отделение с целью проверки содержавшихся в нем сведений. Булгарину, который с 1826 г. сотрудничал с III отделением, там было поручено подготовить официальный ответ, который публикуется здесь по сделанной Фоком копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 8—17. Опубликован нами: РЛ. 1993. № 3. С. 89—91. Записка написана в первой половине февраля 1827 г. (позднее (см. записку № 159) Булгарин утверждал, что она готовилась в период пребывания

великого князя Константина Павловича в Петербурге, которое пришлось на период с 5 по 16 февраля. См.: СП. 1827. № 17, 22).

[1]Товарищество шубравцев (1816—1822; *шубравец* по-польски — плут, пройдоха) — объединение преподавателей Виленского университета, регулярно собиравшихся и в шутовской форме высмеивавших пороки польской шляхты (пьянство, увлечение картами, сутяжничество, суеверия и т.п.). Органом его была сатирическая газета «Wiadomości brukowe» («Уличные известия»). О шубравцах см.: *Шолкович С.* Сведения об обществе «Шубравцев»//Виленский вестник. 1869. № 114, 115, 118; *Бархатцев С.* Из истории Виленского учебного округа//РА. 1874. № 5. С. 1177—1189; *Hordyński Z.* Towarzystwo szubruwców. Lwów, 1893; *Bieliński J.* Szubrawcy w Wilnie. Wilno, 1910; *Skwarczyński Z.* Kaziemierz Kontrym. Towarzystwo szubrawców. Łódź, 1961. Об участии Булгарина в обществе см.: *Skwarczyński Z.* Tadeusz Bulgarin a wileńskie Towarzystwo szubrawców. Łódź, 1963.

[2]Булгарин имеет в виду свой нравоописательный очерк «Ходатай по делам, или На то щука в море, чтобы карась не дремал», помещенный в СП (1827. № 6, 7 от 13 и 15 января, Булгарин не совсем точно указал в записке номера газеты). Основываясь на наблюдениях и собственном богатом опыте (более 10 лет он в качестве стряпчего вел в Петербурге дела по дядиному процессу), Булгарин писал: «Для приобретения богатства на сем поприще надобно иметь только хорошие ноги, звонкий язык, легко повешенный в горле, как можно менее стыда, как можно более слов, ни крошки совести и лисью голову» (№ 6).

[3]По всей вероятности, речь идет о кн.: *Berggren J.* Guide français-arabe vulgare. Сенковский отредактировал ее и в 1825 г. отдал в типографию, но по неизвестным причинам печатание не было завершено, а словарь вышел лишь в 1844 г. в Упсале. (См.: *Сенковский О.И.* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1858. С. CXVI).

[4]Булгарин имеет в виду длительный судебный процесс, в котором он участвовал в качестве поверенного в делах дяди, П. Булгарина. См. примеч. 1 к записке № 32.

[5]То есть журнале «Tygodnik wileński».

[6]«Спектатор» («The Spectator», в рус. переводе — «Зритель», 1711—1712, 1714) — английский сатирический журнал, издателями которого были Д. Аддисон и Р. Стиль; «Рамблер» («The Rambler», в русском переводе — «Прогуливающийся», 1750—1752) — английский сатирический журнал, издателем которого был С. Джонсон.

[7]Литературное общество Речь посполитая Бабинская, существовавшее с середины XVI по XVII в., получило название от деревни Бабин под Люблином, где находилось поместье одного из его создателей, С. Пшонки (в общество входили также М. Рей, Я. Кохановский и др.).

[8]См.: [*Шанявский Ю.К.*] О Бабинской республике//Вестник Европы. 1819. № 12. С. 274—286.

[9]См., напр.: Tygodnik wileński. 1819. № 136. S. 217. Подробное изложение его на русском языке см.: РА. 1874. № 5. Стб. 1180—1184.

[10]Эту должность занимал тогда А.М. Римский-Корсаков.

[11]К «Замечаниям» были приложены осуществленный Булгариным «Перевод начала Устава Шубравского общества, для объяснения цели оного» и выписка из протокола заседания шубравцев, на котором Булгарин был принят в общество (л. 18—24).

«Собрание Шубравское 107.

1819 года марта 19-го дня, в Вильне, в квартире фундатора шубравского, в доме генеральши Фитингоф, на Немецкой улице, под председательством Сотвароса (Андрея Снядецкого) дигнитария Рея, президента Шубравства, в присутствии чиновников-дигнитариев и других разного названия и достоинств во множестве собранных шубравцев; на сем собрании постановлено следующее:

Артикул 17-й. Во время занятий представлениями и баллотированием господин Гульби, дигнитарий-приветствователь 2-го разряда (учитель польской словесности в виленской гимназии Шидловский) рекомендовал в шубравцы рыцаря, которого прежде имел в своем попечении Марс, а после Аполлон и который ныне желает слу-

жить под знамением шубравской лопаты. Он говорил о г. Фаддее Булгарине, представил его собственноручную просьбу, свидетельствующую о желании его сделаться шубравцем, и при этом представил поэму его сочинения и проспект нового сочинения, которое предложенный намерен издать в столице империи на российском языке, под заглавием «О литературно-увеселительном обществе Шубравском, уставе оного и цели». Представленные сочинения прочли и удостоверились, что кандидат заслуживает быть облеченным в достоинство шубравца. После сего президент представил его к выбору в рустиканы 1-го разряда. В секретном баллотировании обнаружилось единомыслие в пользу предложенного. И так по приказанию президента стражники официально провозгласили, что Фаддей Булгарин выбран в шубравцы-рустиканы 1-го разряда. Дано ему шубравское название Дерфинтос, какое пришлось по жребию. Г[осподину] Гульби как рекомендателю поручено объявить о избрании г. Булгарину, оратору г. Пергрубиусу (профессору польской литературы Боровскому) поручено сообщить ему Устав касательно рустиканов, а секретарю (Юндзилу, секретарю Человеколюбивого виленского общества) повелено выдать извлечение из сего постановления новому рустикану 1-го разряда.

Сотварос Рей (Снядецкий)
Праздзю, секретарь (Юндзил)».

---

59 [Слухи по поводу инструкции жандармам]

С трех разных сторон дошли ко мне весьма странные слухи. Инструкция жандармов[1] ходит по рукам. Ее называют уставом Союза благоденствия. Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем, но Союзом благоденствия, которого цель представлена самыми блестящими красками в донесении Следственной комиссии. Итак, учреждение Внутренней политической системы почитается учреждением для искоренения злоупотреблений. Прекрасно![2] Самое слово благоденствие привязывается к жандармерии — утешительно. Надобно вам сказать, что так толкуют люди, желающие опорочить учреждение жандармов, т.е. что будто бы почитая злом Союз благоденствия, правительство само учреждает такой же союз, на пагубу честных людей (т.е. мошенников). Что же скажут добрые люди?

Один слух — из провиантской или вообще из военного министерства, или недовольного правительством — за то, что не велят много и явно воровать. Другой — из общей канцелярии, где также крапива. Третий — из флота.

NB. Вчера, возвратясь домой, я нашел за чайным столиком человек 8 гостей — была лекция у Роспини[3] наверху, после лекции пришли ко мне.

Поздравьте генерала начальником нового рода заговорщиков — Союза благоденствия.

Записка печатается по писарской копии, сохранившейся среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 87): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 47.

[1]Текст инструкции А.Х. Бенкендорфа, появившейся в январе 1827 г., см.: *Шильдер Н.К.* Т. 1. С. 468—469. В ней рекомендовалось, в частности, «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладанием сильных лиц или пагубным направлением лиц злоумышленных»

и говорилось, что в жандармах «всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту Государя Императора».

[2]В хранящейся в архиве III отделения агентурной записке, датированной 7 сентября 1826 г., говорилось, что «с того времени, как поручена генералу Бенкендорфу секретная часть, чувствительно началось уменьшаться злоупотребление между чиновниками, которые находятся в службе *по доходным* и интересным местам, а также и между торгующими людьми, занимавшимися непозволенным промыслом <...> произошли в публике речи: «*Это учреждение экстра-полиции* (так отзываются о третьем отделении Собственной канцелярии) *весьма противно мошенникам*». — О генерале Бенкендорфе говорят, как о особе добродетельной и беспристрастной, а также и о его помощнике правителе канцелярии [М.Я. Фоке] отзываются именно так: "Генерал Бенкендорф весьма умел выбрать этого человека; он, сколько беден, столько же и честен; чужд всякой корысти, и когда во время управления покойным графом Вязмитиновым здешнею полициею многие из товарищей его составили себе состояние, а он жил на одном только жалованье и следовательно весьма далек был от сего приобретения"» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3176. Л. 32).

[3]С января 1827 г. Роспини в своем «механическом кабинете» по воскресеньям устраивал «представления увеселительной физики, физической химии и оптики». СП констатировала, что «электричество, представленное в прелестных фейерверках и прозрачных картинах; оптика, изъясняемая фантазмагорическими сценами, действие различных газов над металлами и другими веществами, сила различных жидких и твердых тел при взаимном их смешении и множество других опытов доставляют вечерам г. Роспини занимательность и разнообразие. Многие дамы лучшего общества и весьма почтенные особы удостоивают г. Роспини своим посещением <...>« (1827. № 16).

---

60 [О деле Маркиановича]

Кухровский, поверенный (plenipotent), который также взят был по делу Маркиановича, есть друг *Залесского*, взятого теперь по провиантским шашням. Кухровский уверяет, что Залесский интригует чрез гр. Витта, который запутан во всех делах польских поверенных или пленипотентов; ибо, имея всегда недостаток в деньгах, заимствуется оными от них[1].

Михаил Маркианович. Из бедных белорусских дворян; учился у иезуитов и нигде настояще не служил, но был причислен для польских переводов в цензурном комитете министерства внутренних дел. Покойный брат его, занимавшийся здесь делами некоторых вельмож, а особенно князя Франциска Сапеги, выписал Михайлу Маркиановича в Петербург и поместил в редакцию «Русского инвалида», издававшегося на польском языке. По уничтожении сего издания Маркианович жил при брате и помогал ему в делах, а после его смерти сделался сам ходатаем и получил в наследство некоторые суммы денег. Ныне он купил 300 душ у князя Сапеги в Могилевской губернии. Женат на русской, Микеевой.

Маркианович человек смирный, но бесхарактерный и без всякой деликатности в чувствах; ума весьма ограниченного. До сих пор ни в чем не был замечен.

Участие в деле Галлера с Комаровским он принимал следующее. Граф Комаровский (поляк, доносчик на Галлера) имел дело с графом Стройновским, сенатором, о денежной сумме. Деньги были сложены в опеке, после банкрутства Комаровского, но он успел сии деньги взять,

невзирая на то, что они присуждены были верителям. — Стройновский жаловался на сие неправосудие в Сенат; Сенат велел взыскать с членов 2-го департамента Киевского главного суда. В сем деле заседал брат здешнего ходатая по делам Залесского, что ныне взят под стражу по делам провиантского департамента.

Со стороны Стройновского был поверенным Маркианович; со стороны суда за братом и его товарищами хлопотал Залесский.

Маркианович и Залесский были друзьями. Залесский, будучи богат и ленив, поручал Маркиановичу хлопотать по делам мелким и делился с ним частью получаемой платы. Во всем работал Залесский, а Маркианович был орудием или вестовым. Залесский дал 1000 рублей Маркиановичу, чтоб он хлопотал о избавлении суда Киевского от взыскания, но с тем, что по приезде Комаровского в Петербург Маркианович, для Залесского же, должен взыскать деньги с Комаровского, ибо он виновен, что взыскивают с суда. Маркианович, будучи поверенным графа Стройновского, принял от Залесского деньги для ходатайства в пользу противников своего верителя. Явное вероломство. Маркианович говорит, что он отдал сии 1000 рублей Галлеру; Галлер говорит, что Маркианович напротив того просил его по делу Стройновского — в чем и сам Маркианович сознается[2].

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 89): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 52, 53.

[1]По свидетельству знакомого с Виттом Ф.Ф. Вигеля, тот в 1827 г. «был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами» (*Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928. С. 299).

[2]В этом же деле (л. 51) хранится прошение (на французском языке) Евгении Маркианович царю об освобождении ее мужа из тюрьмы.

---

61 [О письме Мартоса о графе Аракчееве]

Действительный статский советник *Мартос*, бывший директором департамента министра юстиции, брат известного скульптора[1], после многих пронырств поселившийся на покаяние в Киеве, писал длинное письмо к брату своему в Петербург, об графе Аракчееве. Письмо будто писано под секретом, но, кажется, с тем, чтоб было распространяемо. Мартос уведомляет, что г[раф] Аракчеев занимается чтением *Четьи-Минеи* и других священных книг и вздыхает о *земной суете*. Гр[аф] Аракчеев показывал Мартосу письма и разные бумаги, писанные покойным Императором Александром, и Мартос восклицает в письме: «С благоговением взирал я на мужа, коего власть превышала вдесятеро власть Потемкина!» — Гр[аф] Аракчеев давал чувствовать, что он намерен возвратиться в Петербург и что власть Божия *сокрушит гордыню и возвеличит смирение*[2]. Это будто бы слова Аракчеева.

Записка, переписанная Фоком, хранится среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 93): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 56.

[1]Булгарин ошибается, И.Р. Мартос был не братом, а дядей скульптора И.П. Мартоса. См.: *Лазаревский А.* И.Р. Мартос//Киевская старина. 1895. № 10. С. 69.

[2]Хотя Николай I и отстранил А.А. Аракчеева 20 декабря 1825 г. от заведования собственной канцелярией и канцелярией комитета министров, но при этом в манифесте ему была выражена благодарность, а в последующие месяцы Николай продолжал относиться к нему с подчеркнутой предупредительностью. См.: *Шильдер*. Т. 1. С. 349—355, 524—525.

---

62 [О Нечаеве]

Тульский губернский почтмейстер Бабаев показывает, что бывший директором училищ Тульской губернии Степан Дмитриевич *Нечаев* открыл ему о Союзе благоденствия. Сей Нечаев, вероятно, тот самый, который подписывается в журналах С. Нечаев. Он человек смирный и, как слышно, добрый. Он пишет плохие стихи и плохую прозу[1], и желая поместить в «Полярной звезде» свои труды, весьма ласкал Алек[сандра] Бестужева и Рылеева во время их проездов чрез Москву[2]. Так по крайней мере было слышно в то время, когда упрекали издателей «Полярной звезды», что они поместили плохие стихи Нечаева[3]. Он человек достаточный и живет хорошо. Алек[сандр] Бестужев у него останавливался на квартире в Москве. О нравственности Нечаева отзываются весьма хорошо все знающие его. Говорят также, что он весьма скромен и характера миролюбивого. Никто не слыхал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве. Таковы известия о нем здесь в Петербурге, но как он всегда живет в Москве, то там удобнее и вернее можно собрать о нем полные известия[4].

Записка, переписанная Фоком, хранится среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 100): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 72. Написана в ответ на запрос царя, переданный Бенкендорфу через начальника Главного штаба (Л. 74).

[1]Многие современники иначе относились к творчеству С.Д. Нечаева. А.И. Тургенев считал, например, что стихи его «полны мыслей и чувств» (Цит. по: Остафьевский архив. Т. 3. СПб., 1899. С. 130); сочувственно относился к его творчеству и В.К. Кюхельбекер (см.: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, по указ.).

[2]Нечаев познакомился с А.А. Бестужевым в Москве 24 февраля 1823 г. (см.: Памяти декабристов. Вып. 1. Л., 1926. С. 56), в дальнейшем помогал ему собирать материалы для «Полярной звезды», в 1825 г. Бестужев останавливался у него во время приезда в Москву.

[3]В статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», включенной в «Полярную звезду» на 1823 г., А.А. Бестужев с похвалой отозвался о стихах С.Д. Нечаева. В «Полярной звезде» на 1824 г. было помещено его стихотворение «Сирота», а в «Полярной звезде» на 1825 г. — стихотворение «Воспоминания». В невышедшем альманахе «Звездочка» (о нем см. примеч. 3 к записке № 50) должны были быть напечатаны стихотворения С. Нечаева «К Лиодору» и «К сестре».

[4]В архивном деле находится также объяснение И.С. Бабаева с положительной характеристикой Нечаева (л. 69—71), а также записка из Москвы от начальника 2-го округа корпуса жандармов генерал-майора А.А. Волкова, подтверждающего характеристику, сделанную Булгариным.

---

63 [Толки о придворном маскераде]

О придворном маскераде все почти толки согласны между собою[1]. Народ толпился из любопытства видеть *гостя*, которого не видели после знаменитой эпохи, и крайне недоволен, что не видел. Царь прельстил — всех. Пред ним не разгоняли народа ни военный губернатор, ни обер-полицмейстер[2]. Он сам шел впереди и вежливо просил посторониться. Его фигура, веселое открытое лицо, смелость и воспоминание о правосудии тянет к нему сердца. Расположение в народе самое лучшее, купцы, мещане и множество честных дворян и чиновников гражданских в восхищении от Царя и ворожат России счастие.

Записка, переписанная писарским почерком, сохранилась среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 112): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 98.

[1]В СП (1827. № 19. 12 февр.) в рубрике «Внутренние известия» была помещена информация о том, что 9 февраля «был в Зимнем дворце Придворный маскарад для дворянства и купечества. **Государь Император** и Высочайшая **Императорская** Фамилия почтили оный Своим присутствием, к восторгу многочисленной публики. Стечение оной в сей день было чрезвычайное, какого никогда еще не видали при подобных праздниках».

[2]Эти должности занимали, соответственно, П.В. Голенищев-Кутузов и Б.Я. Княжнин.

---

64 [Толки о докладе начальника морского штаба]

Много говорят в городе о докладе, поднесенном Государю Императору *начальником морского штаба*[1] от имени Адмиралтейской коллегии, которая осмелилась сделать замечания на именное повеление в рассуждении преобразования морского управления. — О сем говорено было с некоторыми флотскими генералами, и оказывается, что бумагу сочинял *директор канцелярии Бровцын* с свояком своим, служащим в губернских местах, и что он же, Бровцын, внушил членам коллегии подать оную и составить. — Главное действующее лицо в сем деле адмирал *Пустошкин*[2], который по необыкновенной своей простоте позволил руководствовать собою Бровцыну. Бумага прежде подачи Государю была читана адмиралу *Н.С. Мордвинову* под секретом и распущена по городу. Чтоб судить о простоте Пустошкина, приводим следующий анекдот.

Пришедши в адмир[алтейский] департамент, он спросил: «Не знаете ли, господа, какой князь Долгорукий подавал важную бумагу Государю?» — Никто не мог ему отвечать и требовали объяснения. — «Вот в чем дело, — отвечал Пустошкин, — я говорил *Сукину* о поданной нами Государю бумаге, и Сукин отвечал, смеючись, что я иду по следам Долгорукова». — Поднялся смех в департаменте, и Пустошкину объяснили, что Сукин сравнил его с Долгоруким, который разорвал указ Петра I-го[3]. Пустошкин просил рассказать ему сей анекдот, о котором он поныне не слыхал. — Вот какие люди хотели возражать Государю!

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 114): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 102.

[1]Этот пост занимал тогда вице-адмирал А.В. Моллер.

[2]С.А. Пустошкин был тогда вице-адмиралом и входил с января 1826 г. в Комитет для образования флотов.

[3]Этот анекдот см.: Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. 3-е изд. М., 1807. С. 233—237.

---

65 [О положении евреев в Белоруссии]

Приехавший из Белоруссии наследник и племянник митрополита Сестренцевича разговаривал в присутствии близкого мне человека с профессором Сенковским, возвратившимся также из Белоруссии, о новом устройстве еврейского народа, в белорусских губерниях[1]. Следствие из сего разговора извлечено следующее.

Сперва, когда начали переводить жидов из деревень в местечки, было некоторое затруднение в рассуждении их помещения и продовольствия. Леность жидовская, отвращение от тяжелых трудов и совершенное незнание полезных промыслов лишали их способов пропитания, а надежда, что богатые их соплеменники успеют все за деньги переделать в Петербурге, заставляла отлагать избрание трудолюбивого образа жизни. Но наконец, когда жиды увидели, что дело идет не на шутку, то принимаются за полезную работу. Некоторые занялись садоводством и огородами, другие плотничеством, иные сделались мостовщиками, извозчиками и т.п. Вещи небывалые в Польше! Крестьяне почувствовали благожелательное действие от удаления из деревень сих пьявиц, которые поили в долг их самих, жен и детей, а по осени забирали за водку весь запас. Ненависть крестьян к жидам обнаруживается при всяком случае, и они мстят жидам за причиненное зло. Лишь только жид появляется в деревню, то мужики с триумфом отводят его или в господский двор, или в ближний город, если день праздничный и надобно ехать на рынок. Крестьяне видимо поправляются и начинают более прилежать к полевым работам, ибо жиды развращали их и отклоняли от труда. — Помещики теперь увидели свою пользу. Корчма, которая отдаваема была жиду в аренду за сто рублей серебром, ныне на вольной продаже вина от господского двора приносит двести рублей серебром и не разорительна для крестьян, ибо в долг не дают вино — а денег наличных не скоро можно достать и не так их легко тратить. — Прибыль жидов от аренды перешла к помещикам, и все довольны. За это, кроме жидов, все благословляют правительство.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 117): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 107—108.

[1]По высочайшему указу 11 апреля 1823 г. в белорусских губерниях евреи к 1825 г. должны были переселиться из деревень в города и местечки. Было выселено несколько десятков тысяч человек, которые страшно бедствовали, и в итоге значительная часть их погибла от болезней. В результате правительство решило растянуть выселение на восемь лет. В 1835 г. департамент законов Государственного совета констатировал, что выселение «разорило евреев и отнюдь не видно, чтобы улучшилось от того состояние поселян». См.: *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. М., 1993. С. 205—208 (пар. 2).

---

66 [О Колмовском и Шугурине]

3-го департамента Сената обер-секретарь *Колмовский* и секретарь *Шугурин* входят в общий разряд приказных, из коих нет ни одного обер-секретаря в Сенате (исключая Титова), который бы не был бы или лихоимцем, или мздоимцем. На места обер-секретарей и секретарей идут бедные люди; жалованьем прожить невозможно, и потому каждый из них берет с просителей. Разница в поступках. Иные требуют у просителей и портят справедливые дела, если им не заплатят, другие исполняют долг свой, но если кто дает за дело — не отказываются.

О Колмовском и Шугурине особенно дурного не слышно. Разделяя взяточников на лихоимцев и мздоимцев — сии господа принадлежат ко второму разряду — не требуют насильно. Они ведут себя весьма смирно и никаких соблазнительных анекдотов, как о других обер-секретарях и секретарях, о них не слышно. Шугурин ныне в 1-м департаменте.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за февраль 1827 г. (№ 133) ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183. Л. 134.

---

67 [О Слободском]

Слободской — человек знающий совершенно дела и весьма трудолюбивый. На счет поведения его нельзя представить доказательств дурного. Если и был какой грешок, то разве в старину, но и в таком случае, это верно, что он не продавал правосудие, но только по бедности (до женитьбы) занимался делами, т.е. обрабатывал дела и после участвовал пером и советом в делах.

Слободской пользуется уважением между приказными и, будучи аккуратным и строгим исполнителем обязанности, был бы отменный или лучше сказать *первый* обер-прокурор в Сенате. Он был бы особенно полезен в 3-м департаменте по 1-му отделению, где польские дела, потому что ныне нет ни одного обер-прокурора, знающего дела польские. — Да и в Совете кроме Слободского мало кто их разумеет.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 134): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 129.

---

68 [Толки о деле поляков, содержащихся в крепости]

Наконец начали поговаривать в обществах о деле поляков, содержащихся в крепости[1]. Мы крайне обманулись в своих заключениях: полагали, что русские из народной ненависти — будут говорить без сожаления о поляках — выходит напротив. Общий слух, что в польском тайном обществе не было кровавых замыслов — это их извиняет. Кому не простительно вздыхать о соединении отторженных частей отечества? Все говорят, что это была единственная цель польского общества и что оно было «société de

Tendance»[2] — и только, которое желало, возбуждая дух народный, заставить любить Россию и присоединить всю Польшу к России, отдать ее навеки Дому Романовых. Так говорят, и один остроумный человек назвал польский заговор: «Magnum nihil»[3].

Конечно, пока существует Священный союз, то политика требует, чтобы российский Двор показал, что он не содействовал намерению соединения Польши с Россиею. Но если б союз когда рушился, и Россия, например, объявила войну Австрии, тогда по одному слову русского Императора не только поляки, но и все славяне поднимутся. Поляки разделенных областей — не знают в душе другого владыки кроме *Króla polskiego*[4], а славяне русского Императора признают одним своим законным Царем. Это нравственная сила, которую Меттерних хорошо понимает; она будет содержать Австрию в зависимости от России, коль скоро она того пожелает, ибо один манифест русского Императора лишит Австрию половины армии. Во французской армии более 25 тысяч человек было из славян, которые бежали туда потому только, что там были легионы польские. Итак, поляки морально невинны, если они желали соединения под российским скипетром. Виноваты те, которые знали о существовании кровавого карбонарского[5] общества русского, клонившегося к истреблению всего священного. Это преступление и нравственное, и политическое. Виновно польское общество и тем, что после подписки не уничтожило общества. Виновны и те, которые разделяли мнение карбонариев. — Но чистые польские патриоты — заблудшие овцы — и план, и отдаленная цель их общества есть magnum nihil — говорят, что особы, участвовавшие в польской следственной комиссии, не согласны с человеколюбивыми видами Государя. — Говорят при сем многое, но все на честь и славу нашего законолюбивого Государя.

Некоторые здешние поляки видели своих родных в крепости и между прочими Собанская, урожденная Лубинская, дочь знаменитого сенатора. Все говорят, что с заключенными поступают человеколюбиво и что они спокойны.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 135): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 1—2. Сверху на записке помечено: «Сообщено», под запиской Фок приписал по-французски: «Вот резюме рассуждений в канцелярии Царства Польского и у графа Витта, я приказал подготовить аналогичное извлечение, чтобы представить Его Величеству Императору». На записке карандашная резолюция Бенкендорфа: «Великому к[нязю] Кон[стантину] Павловичу».

[1]После восстания декабристов многие члены Патриотического общества и других польских национально-освободительных обществ, связанных с декабристами, были арестованы и находились под следствием. Расследование, которое проводила Следственная комиссия, созданная 20 февраля 1826 г., затянулось и было завершено лишь 31 января 1827 г. После этого тех обвиняемых, которые были польскими подданными, судили в Варшаве, а русских подданных отвезли в Петербург, где они сидели в Петропавловской крепости в ожидании суда (См.: *Dylągowa H.* Towarzystwo patriotyczne i sąd Seimowy 1821—1829. Warszawa, 1970. S. 219—237).

[2]общество с тенденцией (*фр.*).

[3]великое ничто (*лат.*).

[4]польского короля (*польск.*).

5См. примеч. 6 к записке № 69.

69 [Толки о проиезуитской партии в России]

Ныне уже стали явно говорить о существовании партии, желающей восстановления иезуитов в России[1]. Главные начальники сей партии: генерал Карбониер и Шишков (министр), чрез влияние жены[2]. Многие интриганты пристали к этой партии, в надежде возвыситься влиянием иезуитов. Весьма многие умные даже люди говорят:

1. В России не может быть вреда от иезуитов, потому что они у нас не будут ни министрами, ни исповедниками.

2. От них польза, ибо они занимались воспитанием юношества и что они враги революций.

На это ответы:

Противу первого: Иезуиты не будут у нас ни министрами, ни исповедниками — но они овладеют умами женщин и, воспитывая знатное и богатое юношество, будут иметь путь во все кабинеты. Они прежде назывались La milice du Pape[3] — ныне они La milice de la cour d'Autriche[4]. Это войско Меттерниха. Для существования их нужно непременно, чтобы католическая неограниченная монархия имела перевес в Европе, и для этого они даже жертвуют выгодами Франции. Что бы ни сделала для них Россия — они всегда будут почитать себя *гостьми*. Отечество их Австрия. Они не могут по духу своему быть искренно преданными монархии, которую называют schismatique[5], т.е. России. Для виду они войдут в сношения с правительством — но даже это сношение будет вредно, ибо они вскоре овладеют всеми тайными пружинами, имея ум и не жалея денег, и во всяком случае будут содействовать иностранцам к ослаблению России — ибо другого средства нет. Открытою войною сделать этого нельзя.

Противу второго. Конечно, в политическом отношении беда невелика, если и несколько баб или юношей перейдет к католицизму. Но это делает соблазн в народе и неустройства в фамилиях — а потому вредно и для политики. Воспитание иезуитов самое поверхностное; они стараются образовать тех только, которые желают вступить в их орден. Иезуитское воспитание не дало ни одного отличного человека России, а многие их воспитанники попали в карбонари[6], и между прочими один из главнейших, князь Оболенский, воспитанник иезуитов. Иезуиты — враги революций, это правда, — но в землях католических. Что же касается до России, то они были бы весьма довольны, если б этот колосс, угрожающий Европе и власти каждого, ослабел внутренними раздорами и междуусобиями. Иезуиты — естественные враги всего некатолического. Для них все равно: Пруссия, Россия или Турция. Опыты доказывают сию истину.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 136): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 3—4. Сверху на записке помета: «Сообщено».

[1]Иезуиты в 1820 г. указом Александра I были изгнаны из России.

[2]Имеется в виду Ю О. Лобаржевская. О.А. Пржецлавский вспоминал, что А.С. Шишков, «бывший тогда министром народного просвещения и имея под 70 лет, женился (20 октября 1826 г. — *А.Р.*) (вторым браком) на Юлии Осиповне, рожденной Нарбутт, вдове д. с. с. Лобаржевского, последовавшего в Петербург за польским королем Станиславом-Августом после его отречения; ей было более 45-ти лет. Эта запоздалая женитьба вызвала в городе много толков. Когда Шишков испрашивал себе у

императора Николая позволения на брак, государь дал его с милостивой улыбкой, и вслед за этим, попросив в свой кабинет государыню, представил ее величеству маститого жениха, как "будущего молодого"» (*Пржецлавский О.А.* А.С. Шишков//РС. 1875. № 7. С. 387). Агент III отделения Е.А. Хотяинцева в октябре 1826 г. доносила о женитьбе Шишкова следующее: «Несколько лет г-жа Лобаржевская известна по всей Польше своею ловкостию и дурным поведением, имеет мужа, но подала бумагу для развода с ним, представя только ту причину, что нрав ее несходен с мужним; консистория по сим ничтожным причинам не могла их развести, у католиков же можно получить развод только тогда, когда согласен муж и по важным причинам, но Лобаржевский не был согласен на развод, жена его приехала сюда несколько тому лет, нашла покровителя в нынешнем своем женихе и стараниями его и Логина Ивановича Кутузова успела, что [митрополит] Сестрянцевич признал причины достаточными, и получила развод, но супруг ее г-н Лобаржевский взял апелляцию к папе, и до решения его развод не может считаться действительным. Папа не имеет в России власти, но по спорным разводам, по женитьбам на родственниках и по [слово нрзб.] Россия предоставила ему [право] решать. Партия Шишкова в отчаянии от женитьбы старца <...> митрополит и многие другие старались его отклонить, но все тщетно» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3188. Л. 116—116 об.). Шли слухи и в обществе. Например, Ланская писала 19 октября из Петербурга в Москву С.С. Ланскому про свадьбу Шишкова «с полькою от живого мужа, 52 года невесте. Министр просвещения подает пример благочестию» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 14); ср.: *Аксаков С.Т.* Собр. соч. Т. 2. М., 1986. С. 281, 282; а также характеристику Лобаржевской, данную А.Ф. Воейковым в «Доме сумасшедших» (см.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 805). Репутация Лобаржевской была действительно очень подмочена. Так, С. Моравский вспоминал, что, прежде чем сделаться женой Шишкова, она «прошла через руки, сердце и карман князя [М.И.]Кутузова-Смоленского, в то время [в 1799—1801 и 1809—1812 гг.] генерал-губернатора Вильны, и нескольких еще господ в Петербурге» (*Моравский.* С. 31). Однако брак ее с Шишковым оказался удачным. Пржецлавский писал, например, что Лобаржевская «славилась некогда красотою, от которой в ее лета оставался еще значительный процент. Она была умная, великосветски-образованная и очень добрая женщина. Утомленный одиночеством, почтенный старик (он не имел детей) нашел в жене прекрасную хозяйку, преданную подругу, ухаживавшую за ним с заботливостью сестры милосердия <...> Шишкова старалась всячески ублажать старые годы своего мужа, доставлять ему удовольствия и развлечения <...> По воскресеньям бывали вечера, на них собиралось много гостей высшего общества, в том числе все старые друзья и сослуживцы хозяина» (*Пржецлавский О.А.* Указ. соч. С. 387). Моравский тоже утверждал, что Лобаржевская «была настолько на своем месте, насколько делала честь своему дому, настолько сохраняла достоинство при удивительной приветливости и любезности, особенно по отношению к полякам, как будто не кем иным, как женой министра, никогда и не была» (*Моравский.* С. 31; см. также с. 32, 439—440).

[3]Папская милиция (*фр.*).

[4]Милиция австрийского двора (*фр.*).

[5]схизматической (*фр.*).

[6]Карбонарии — члены тайной революционной организации в Италии в первой половине XIX в., боровшиеся против чужеземного гнета, за воссоединение страны.

---

70 **Городские вести, сообщенные**

В обществах людей образованных много говорят о трактате, заключенном с Турциею, и все обвиняют графа Воронцова и вообще нашу дипломатику. Как можно было уступить Анапу? Отторженная от турецких владений и находящаяся отдельно в Абхазии, на пределах всех горских народов, Анапа для того только нужна Турции, чтобы иметь сообщение с горцами, содержать их в страхе и в зависимости, питать ненависть к России и в

случае войны из сих народов составить диверсию, заставив их вторгаться в пределы России. Что же сделала Россия? Она не только отдала добровольно сей важный пункт, но и признала власть турок над своим пограничным горским народом! — Вся прежняя политика клонилась к тому единственно, чтоб лишить турок влияния на горцев — ныне мы безоглядно уступили им это право, возложив на турок такие обязанности, которые делают их еще сильнее. Ибо сказать, что турки должны содержать горцев в дисциплине, значит признать власть турков. Как можно было подумать, чтобы турки сохранили условие и не снабжали горцев оружием? Наш редут — Кале — теперь не может быть портом, ибо навигация зависит от произвола турок анапских. Да и за чем ездить? Подвластные горцы будут торговать с Анапой. Лучше отдать Грузию, если не хотят заняться привязанием к себе горцев или держать их в взаимном раздоре. Для России только и важна тем Грузия, что посредством ее она стыкается с Персиею и азиатскою Турциею. Оставить же воинственные и неприступные орды на границе в зависимости врагов природных — значит задушить все выгоды от дорогостоющей Грузии. Дипломаты найдут утонченности для опровержения сего мнения — но это будет диалектика. Правда ясна и чиста и удобопонятна. Англичане — мастера своего дела.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 (№ 137): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 5—6.

---

71 [О капитане Пацкевиче]

Польской службы капитан *Пацкевич*[1]. Родом из Литвы. Женат был на русской, вдове Милиной, старой женщине. Жена его имела интригу с католическим священником. Пацкевич открыл интригу и перехватил письмо попа, в котором тот советовал жене избавиться от мужа. Сие привело к разводу, и Пацкевич получил от жены при разводе половину ее именья, из коего часть досталась ему в Тверской губернии. Пацкевич, как говорится, bon vivant[2], любит страстно играть в карты и волочиться за женщинами. Это составляет все его упражнение в жизни. Он в политическом отношении человек вовсе ничтожный и ничем не занимается, кроме удовольствиями жизни.

В Тверь он выехал, без сомнения, в свои поместья. Жена его имеет именья в Литве.

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 144) и датирована 6 марта: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 19.

[1]Записка написана в ответ на запрос императора о выехавшем 2 марта в Тверь отставном польских войск капитане Пацкевиче, переданный в III отделение 5 марта через начальника Главного штаба И.И. Дибича.

[2]бонвиван (*фр.*).

---

72 [О пользе театральной критики]

В концерте молодого Шрейнцера[1] граф Кутайсов сказал одному из здешних журналистов: «Зачем вы не пишете о театре? Все мертво, публика ничего не знает и, не слыша суждений и прений, хладнокровна к представлениям. Для хороших актеров нет одобрения, и слава их умирает за кулисами; для дурных актеров нет грозы. И публика, и актеры на вас в негодовании, и сам князь Петр Михайлович[2] хочет, чтобы публичные забавы оживились и привлекли на себя внимание». — Журналист просто отвечал, что не позволяют писать о сем предмете, а один бывший при том чиновник министерства просвещения объяснил, что цензурный комитет сам убедился в пользе театральной критики в нравственном и политическом отношении и что в донесении цензурного комитета к министру именно сказано было, что настоит видимая надобность занять чем-нибудь умы и что театр и театральные прения полагает к тому самыми лучшими и невинными средствами. Министр просвещения[3] согласился в сем и 22 ноября 1826 года представлял Государю Императору о позволении писать о театре, но Государь Император на сие не соизволил и надписал на представлении: «Подождать».

После сего несколько особ, бывших при сем, разошлись и не продолжали более разговора.

Писарская копия записки сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 145): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 21—22. Опубликована (с купюрой) в качестве донесения Е.А. Хотяинцевой: *Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта. М., 1997. С. 58, 60.

[1]В СП 22 февраля 1827 г. (№ 23) в анонимной заметке «О концертах» сообщалось, что 24 февраля в Филармоничекой зале у Казанского моста «будет дан большой вокальный и инструментальный концерт Фридерихом Шрейнцером (четырнадцатилетним сыном придворного немецкого актера) <...> Молодой Шрейнцер оказывает необыкновенные таланты и успехи на фортепиано <...>».

[2]Имеется в виду министр двора П.М. Волконский, в ведении которого находились императорские театры.

[3]То есть А.С. Шишков.

---

73 [О Государственном контроле]

Государственный контроль есть одно из важнейших государственных мест. Пока был контролером Кампенгаузен, то все боялись ревизии счетов и трепетали. Ныне дела сии идут самым дурным образом, как по составу управления, так и по вкравшимся злоупотреблениям. Здесь Государственный контроль составляют 4 департамента. Директоры оных: Лагода, Могилевский, Метлин и Башуцкий вместо министра управляют делами *своим* Советом. Эта странная республика, составленная из двух величайших плутов (Могилевского и Метлина) и двух добрых и честных простачков (Лагоды и Башуцкого) *сама* пересматривает *свои* дела, *сама* смотрит *за собою*, *сама себя* награждает и, как разумеется, *сама себя* не понуждает и не наказывает. Каждый из четырех директоров менажирует[1] своего товарища, чтоб пользоваться от него тем же. Дела идут по прихотям каждого из них. Так, например, когда при Кампенгаузене [было] уничтожено место директора

канцелярии государственного контролера, 3000 жалованья и 3000 столовых по сему месту взял себе Могилевский и, будучи сам членом Совета, директором гражданского департамента, он же носит титул и директора канцелярии! — Место по свойству и порядку дел несообразное с местом директора департамента и членом Совета. Когда другие члены подписывали о сем журнал[2], то Лагода сказал, что за это могут поплатиться другие члены Совета. Могилевский уверил *на слово*, что в случае взыскания он сам заплатит, и таким образом продолжает побирать тройное жалованье без всякого на то согласия правительства. Дела у Метлина и Могилевского решаются с молотка. — Кто верный подданный своего Государя, тот должен стараться, чтобы сия важная часть государственного управления была образована и республика сия уничтожена.

Писарская копия записки сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 146): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 23—24.

[1]То есть бережет — от французского «ménager» — «щадить, беречь».

[2]Имеется в виду протокол заседания.

---

74 [О виленском прокуроре Ботвинко]

История виленского прокурора Ботвинки, который сослал несчастную сироту в Сибирь и прежде записал ее в крепостные, для завладенья именьем, возбуждает всеобщее внимание[1]. Ботвинко ворочал целою Виленскою губерниею, брал со всех деньги и заставлял молчать, стращая доносами политическими. Он составил себе огромное именье и успел заслужить всеобщую ненависть и внушить ужас. Ботвинко завел дружеские связи в Варшаве и со всеми окружающими Н.Н. Новосильцова, равно как и с сим последним. О действиях его можно узнать ужасные вещи, если только справляться не у Новосильцова и губернских властей, которые с ним в связи. Здесь между польскими адвокатами было большое движение; каждый хотел взять на себя дело Ботвинки, и говорят, что сюда наверное прислали ломбардные билеты на 100 т. рублей. Наконец узнали, что дело ведет статский советник Дмитриев, находящийся при польском министре финансов[2] для особых поручений, проживающий здесь всегда и делающий разные обороты стряпничества, по делам известного интриганта Пусловского и других ему подобных богачей. Полагают, что Дмитриев имеет сильные связи и в состоянии все делать. Помогать взялся Дмитриеву Байков, по поручению Новосильцова. Между чиновниками и вообще всеми служащими распространено мнение, что Дмитриев выпутает Ботвинку, как бы он ни был виноват. Сенатская канцелярия уже сдалась на капитуляцию. Говорят, что один только сенатор Сумароков защищает невинность угнетенную. Дмитриев в самом деле имеет связи и живет интригами — он в состоянии все переделать деньгами. — Надобно строго и сильно наблюдать!

Писарская копия записки сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 147): ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 25—26.

[1]И. Ботвинко в 1826 г. обвинил жившую в его доме дочь своей покойной сестры А. Любриевичеву в том, что она хотела отравить его жену, выдал ее за свою кре-

постную Агафью Денисову и добился, чтобы ее сослали в Сибирь. По дороге (в феврале 1827 г.) Любриевичева смогла передать прошение (написанное на французском языке), было начато следствие. Заведено было соответствующее дело и в III отделении (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 76). По этому поводу велась переписка между великим князем Константином Павловичем и Бенкендорфом. В письме от 28 февраля 1827 г. Константин утверждал, что жалоба Любриевичевой не подтвердилась (см.: РА. 1884. Кн. 3. С. 275), и лишь в письме от 27 августа 1827 г. признал, что Любриевичева не крепостная и что признания ее на допросах фальсифицированы (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 76. Л. 13—14). 3 и 8 сентября 1827 г. состоялись доклады III отделения царю по этому делу (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 2. Л. 1—2). Следствие установило, что Ботвинко хотел завладеть наследством своей племянницы в 8000 рублей серебром. Тем не менее Ботвинко удалось надолго отсрочить рассмотрение дела (в июле 1829 г. оно еще не было решено) и в итоге избежать суровой кары. Об этой истории см. в записках 88, 103, 128, 137, 150, 156, а также в кн.: *Moscicki H.* Wilno i Warszawa w «Dziadach» Mickiewicza. Warszawa, 1908. S. 44 (тут же есть указание на то, что дело Ботвинко послужило И. Крылову поводом к созданию басни «Щука»).

[2]Этот пост занимал тогда Ф.К. Любецкий.

---

75 [О полковнике Шварце]

Полковник *Шварц* есть то у графа Витта, что мамелюк Рустан был у Наполеона, с тою разницею, что Шварц выше Рустана умом и образованием.

Шварц есть креатура Витта, обязан ему всем, пользуется неограниченною доверенностью его и участвует во всех его предначертаниях. — Шварц — человек умный, тонкий, скромный и вкрадчивый — он главный полицейский агент Витта. Иногда Шварц весьма искусно притворяется болтливым, откровенным, когда ему нужно приобресть чужую доверенность. Иногда кажется недовольным Виттом, но это один обман. Говорят, что Шварц пользуется большими выгодами по управлению полком и что сам Витт открывает ему все пути к приобретению наград и денег. Шварц готов на все для Витта.

Так говорил человек, находящийся с ними в весьма тесных связях.

Записка, переписанная Фоком, хранится среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 155). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 38. В том же архивном деле хранятся еще несколько агентурных записок на русском и французском языке о знакомствах Шварца, подготовленных другими агентами. III отделение начало собирать сведения об И.О. Витте и его подчиненных в связи с тем, по-видимому, что 7 марта 1827 г. в Петербург приехал адъютант Витта штаб-ротмистр С.Х. Чиркович с доносом на жандармов, выполнявших секретное поручение на юге (см.: *Троцкий И.М.* III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 166—168).

---

76 [Записка о Шпицнагеле]

В здешнем Институте восточных языков при министерстве иностранных дел[1] находился некто *Шпицнагель*, сын покойного виленского профессора. Сей юноша необыкновенными своими успехами в науках и познании восточных языков в короткое время обратил на себя внимание начальства. Он был выслан путешествовать по Востоку с жалованьем в 250 червонных и от него весьма много надеялись. Вчера получено письмо

из Литвы, из Новогрудского повета Гродненской губернии, от помещика *Рдултовского*, опекуна Шпицнагеля, что сей юноша *застрелился*. Причин к сему никаких не было, ибо счастье улыбалось юноше.

Несчастный хотя был тихого нрава и далек от карбонаризма, но был энтузиаст и любил Польшу. Когда виленских филаретов[2] содержали в тюрьме, он, находясь в Петербурге, плакал беспрестанно и сожалел, что не страдает вместе с ними. Теперь рассказы семейств, которых члены терпят за политические мнения, рассказы, вероятно, преувеличенные, воспламенили меланхолическое воображение Шпицнагеля. Писали, что он в Литве не мог слышать о сих делах и не хотел никак явиться к г. Новосильцову.

Записка, переписанная Фоком и датированная 13 марта 1827 г., хранится среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 161). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 49—50.

[1]Институт восточных языков при министерстве иностранных дел (иначе — Учебное отделение Азиатского департамента) был основан в 1823 г. с целью подготовки переводчиков и дипломатов для дипломатических миссий в Персии, Турции и Египте (см.: *Григорьев В.В.* Жизнь и труды П.С. Савельева. СПб., 1861. С. 12—13).

[2]Тайное общество студентов Виленского университета в 1820—1823 гг., ставивших своей целью самосовершенствование, а в конечном счете — освобождение Польши.

---

77 [О Пещурове]

Пещуров — отъявленный взяточник и грабитель. Когда он был директором департамента министра юстиции, то продавал правосудие с молотка. В Сенате петербургском был поскромнее, но в Москве явно грабит. Общий голос против него. Во всей юстиции нет человека с худшею репутацией. Москва вопиет противу него. Он игрок и по нескольку десятков тысяч проигрывает в карты. Зная, что обер-прокурор Журавлев управляет министром юстиции[1] и сам управляем женою своею, *взяточницею первого разряда*, Пещуров женился на племяннице госпожи Журавлевой и в приданое взял место в Москве.

Партия, управляющая делами юстиции, состоит из любовницы министра юстиции, жены Журавлева, самого Журавлева и Пещурова. Они делают, что хотят. Душа всех интриг — жена Журавлева. Она-то протежировала знаменитого Пасынкова[2] и была в дружбе с его женою. Любовница министра в дружбе с Журавлевой, и Журавлев повелевает министром. Падение Галлера есть следствие условленной интриги сей клики.

Пещуров желает переселиться в Петербург вследствие деятельности жандармерии. Страшно за глазами грабить, потому что промежутки между известиями из Петербурга об успехе интриг — весьма беспокойны. Партия любовницы министра хочет осадить его со всех сторон — чтобы все дела были скрыты. Для этого-то уничтожают канцелярию министра, которая некоим образом была контролью для департамента и консультации. Самая черная — но и самая умная интрига Журавлева, ему нужен здесь Пещуров[3].

Записка, переписанная Фоком, сохранилась среди агентурных записок за март 1827 г. (№ 169). Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 76, 80.

[1]Этот пост занимал тогда Д.И. Лобанов-Ростовский.

[2]Н.Ф. Пасынков, костромской гражданский губернатор с 1807 г., был знаменит взяточничеством и самоуправством. В ходе сенатской ревизии 1815 г. было установлено, что «Пасынков, при содействии губернского предводителя дворянства князя Козловского, взял 13000 р. из дворянской суммы, а затем разложил платеж ее на все состояния губернии в виде земских повинностей. В 1812 году, при выборах дворян в ополчение, он произвольно оставил дома избранных, а не избранных назначил на службу; вещи в войска поставлялись без торгов и в израсходованной сумме не было отчета <...> При рекрутских наборах Пасынков вместе с вице-губернатором брали деньги, чтобы забраковать представляемого рекрута, и две волости, Яковлевская и Шунгенская, заплатили им по 60 тысяч рублей. Присылаемых в Кострому пленных Пасынков не обмундировывал и не отпускал им порционных денег, а заставил сделать это одного купца, которому обмундирование и содержание пленных стоило более 100 тысяч рублей. В общем Пасынков обвинялся в 22 судных делах» (*Дубровин Н.* После Отечественной войны//РС. 1903. № 12. С. 485). Дело Пасынкова рассматривалось в Сенате с 1815 по 1820 г.

[3]В архивном деле хранятся еще две агентурные записки об А.П. Пещурове, обе — нелестного для него содержания. Один из авторов утверждает, например, что «Пещуров давно известен за самого дурного и вредного чиновника» (л. 79). Пещуров служил в Москве обер-прокурором 7-го департамента Сената и был представлен в марте 1827 г. к переводу в Петербург во 2-й департамент Сената. Однако вместо этого 23 марта последовал высочайший указ об увольнении его от должности и причислении к герольдии (см.: С.-Петербургские ведомости. 1827. № 28). Сыновья Пещурова объясняли это следующим образом: «Во всеподданнейшем докладе от 16 марта 1827 г. министр юстиции, князь Лобанов-Ростовский, испрашивая разрешение на увольнение от службы обер-прокурора Новосильцева и указывая, что с увольнением Новосильцева будут две обер-прокурорские вакансии, из коих одна, и именно в 3-м департаменте, останется не замещенною долгое время, ходатайствовал о предоставлении этих вакансий, *по известности лиц* (подлинное выражение доклада), первой — статс-секретарю Слободскому, а второй — обер-прокурору 7-го деп. Пещурову, но в разрешение этого доклада статс-секретарь Муравьев, при отношении от 23 марта за № 368, препроводил к министру юстиции высочайшие указы о назначении вместо Новосильцева, д. с. с. Жихарева и — об увольнении Пещурова от должности обер-прокурора, с причислением к герольдии, без всякого указания, почему состоялись те несогласные с ходатайством министра распоряжения (дело под № 92—5142). Не трудно однако же угадать причину, так как 15-го того же марта слушалась в комитете министров записка министра юстиции о назначении формального следствия по доносу находившегося в отставке писца 2-го отделения 6-го департ. прав. Сената, Извекова, в найденных у которого письмах к нему поверенного откупщиков Донского откупа, Грушецкого, упоминались некоторые сенаторы, наш отец, который <...> был обер-прокурором 6-го департамента, его предместник Новосильцев, несколько обер-секретарей и секретарей этого департамента, в который долженствовало поступить и действительно было получено в конце сентября 1823 г., т.е. только за три месяца до перемещения нашего отца из 6-го в 7-й департамент, дело об откупщиках Донского питейного откупа и членов войсковой канцелярии, преданных суду за злоупотребления по откупу. Следствие по этому доносу высочайше повелено было произвести сперва на Дону, куда высланы были Извеков и Грушецкий, а потом в Москве. Оно возложено было: на Дону — на генералов: графа Гурьева и Богдановича, а в Москве — на того же Гурьева и обер-прокурора общего собрания московских департаментов прав. Сен[ата] князя Гагарина, с тем, чтобы о результате следствия ими донесено было непосредственно его величеству» (*Пещуров Д., Пещуров М.* По поводу дела об А.П. Пещурове//Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 136—137). Грушецкий утверждал, что Извеков требовал от него 100 тысяч рублей для сенаторов, Пещурова и других чиновников 6-го департамента, а Грушецкий дал 40 тысяч, в том числе 15 — для Пещурова. Извеков же все это отрицал. В

рапорте от 25 июля 1828 г. министру юстиции князь Гагарин, донося об итогах следствия, писал, что «бывший обер-прокурор 6-го департамента Пещуров не приличается *ни в чем* могущем наводить на него законное подозрение <...>» (Там же. С. 138). В итоге Сенат во всем обвинил одного Извекова, Пещуров и прочие подозреваемые были в 1829 г. полностью оправданы.

---

78 [Записка М.Я. Фока о беседе Булгарина с Шишковым]

30 марта 1827

Вчера Б[улгарин] был принят Шишковым и имел с ним долгую беседу. Он дальний родственник супруги Шишкова, и она очень хорошо к нему относится. В его присутствии не стесняются. Шишков занят составлением еще одной филиппики, гораздо более яростной, чем первая, против комиссии по рассмотрению цензурного устава. Он прочел эту диатрибу Б[улгарину]. Она совершенно ужасна, по словам Б[улгарина]. Не знаешь, чему больше удивляться: глупости или враждебности.

Перо его, конечно, притупилось, но он обмакивал его в яд своей злости. Он ведет себя как ребенок, который разбивает зеркало. Но внимания заслуживает то, что Шишков нисколько не стесняется выказывать свое недовольство нынешним правительством. Он выражается в этом смысле очень энергично и даже бесцеремонно.

Собственноручная записка Фока печатается в переводе с французского по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3184. Л. 120.

---

79 Общие рассуждения о Ермолове, собранные из различных сторон

Je me suis soigneusement empressé
de ne pas dire un mot du mien[1].

Если в каком народе нет истинно великих людей, то самолюбие народное созидает себе призрак (fantôme), который облекает всеми качествами величия, любуется своим созданием, на каждое действие смотрит в телескоп, каждое слово повторяет в рупор, каждый шаг почитает исполинским. — После Румянцова и Суворова Россия в Н.М. Каменском видела новорождающего[ся] героя — потом возвысила Кутузова и наконец избрала своим героем Ермолова. — Его простое обхождение (popularité), насмешка над немцами, острые слова насчет мер, немилых народу, письменная перебранка со всеми министрами, приказы в роде Суворовском, уничтожение военной дисциплины, беспечность в делах казенных и вообще любимое русское *как-нибудь, спустя рукава*, сделали Ермолова идолом подчиненных и всех так называемых руссаков. Две неотъемлемые его добродетели — *храбрость* и *бескорыстие* — заменяли все недостатки, прикрываемые его манерами, а природное остроумие заменяло основательный ум и заставляло видеть в нем гения.

Падение его[2] произвело сильнейшее впечатление в умах так называемых руссаков и патриотов. Они не скрываются с изъявлением своего

негодования и явно кричат противу немецкой партии, которая существует в одном воображении некоторых вельмож (преимущественно Н.С. Мордвинова), которые распространили это мнение в народе. Справедливы ли были слухи, что генерал Дибич старый враг Ермолова, но ничто не разуверит руссаков, что Ермолов не есть жертва личной ненависти и интриги. Если люди благонамеренные говорят, что Ермолов впустил персиан — на это ответ, что он три года извещал о необходимости войны с Персиею. Говорят, что не знал о вторжении — ответ: лишен был средств. Не заготовил провианта — тот же ответ. Ослабил дисциплину — ответ: войско не может быть на петербургской ноге на Кавказе. Не завел нужных фабрик в Грузии, не сделал дорог, не споспешествовал торговле — ответ: правительство того не хотело. Интригами уничтожил действия Паскевича — ответ: ложь и выдумка. — Таким образом страсти и ослепление ниспровергают всегда истину. Приверженцы правительства говорят: что сделал Ермолов, где его победы, где взятые крепости? — На это отвечают, что он споспешествовал победе под Бородиным, спас левый фланг под Бауценом[3] и действовал везде советами и личною храбростию, а не мог сделать ничего потому, что не был главнокомандующим. Что же сделали враги его? — спрашивают в ответ. Где победы, где взятые крепости Дибичем? — Но Ермолов русской, Ермолов патриот — вот вина его — тем кончаются все декламации.

Родственники бунтовщиков, враги Дибича, завистники доверенных особ Государя, взяточники, казенные воры, боящиеся поимки на мошенничествах, вельможи, почитающиеся обиженными, потому что каждого из них не сделали министром, министры, которых заставляют кое-как работать за получаемые деньги и почести, офицеры, скучающие дисциплиною и славящиеся вольнодумством, — все это воспевает хором противу правительства, называют Дибича *Капиджи Паша* и вопиют о несуществующей немецкой партии, о *Гатчинском дворе* и т.п. (Замечательно, что слова *Капиджи Паша* и *Гатчинский двор* вышли из дому Н.С. Мордвинова. Это припоминает фразу в известном письме: «Votre Impératrice mère!»[4]).

Защищают правительство весьма немногие благонамеренные люди, не ослепленные страстями. Но голос их почти бессилен в публике, которая столь же тронута падением Ермолова, как радовалась падению Аракчеева.

Бедность Ермолова возбуждает сильное участие. Говорят, что он имел деревеньку в 200 душ, которую подарил сестре. Рассказывают анекдоты о его бескорыстии. Полученные в подарок шали во время посольства в Персию[5] он подарил Императрице, жеребцов Государю. Когда по приезде его в Грузию жители хотели одарить его, он попросил баранов: собрали около 15 тысяч, и он роздал их войску. Что заслужил Ермолов в России? — говорят руссаки. — Теперь должен жить ради Христа, как Велизарий!

Но из неприятного впечатления в публике вышли два спасительные последствия. Во-первых, вельможи увидели, что Государь не любит шутить и потворствовать и что пред ним *все равны*. Во-вторых, все уверяются в твердости характера Государя, и даже ропщущие говорят: что тверд и силен, в этом нет спора. Тщетно некоторые хотят разглашать, будто Дибич в такой силе, как Аракчеев. Не верит большая часть. Говорят: «Обмануть Его можно, как человека, но управлять им нельзя. Это ясно». — Мнение сие спасительно для общественной безопасности и блага России.

В доказательство как в России судят о Ермолове прилагается альманах, пришедший из Москвы вчера. В обозрении происшествий выставлен *один* Ермолов — и о Паскевиче ни слова. — См. стр. 19 и 20[6].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 153—156. Она подготовлена в начале апреля 1827 г. (комплект агентурных записок за этот месяц в фонде III отделения отсутствует, но нумерация записок за март кончается № 199, а на данной записке стоит № 201).

[1]Я усердно старался не сказать ни слова от себя (*фр.*).

[2]Д.В. Давыдов писал, что А.П. Ермолов «никогда не пользовался благоволением государя императора Николая Павловича, почитавшего его человеком опасным, по своему либеральному образу мыслей. Он возымел о нем это мнение с самого 1815 года» (*Давыдов Д.В.* Соч. Т. 2. СПб., 1893. С. 295). Особенно усилилось недоверие Николая к Ермолову после восстания декабристов, поскольку среди них было много его близких знакомых. Давыдов писал, что после воцарения Николая I «враги Ермолова, ненавидевшие его за его острый язык, бескорыстие и безграничную преданность к нему войска, окончательно восстановили против него государя. Его величество стал его почитать опасным либералом, безбожником, бесчеловечным и горьким пьяницей, хотя многим известно, что он всегда был весьма воздержан в употреблении вина» (*Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 297; см. также: *Кавтарадзе А.Г.* Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 91—97; *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977). В итоге 12 марта 1827 г. он был уволен Николаем (см.: Ермолов, Дибич и Паскевич. 1826—1827//РС. 1872. № 5, 7, 11), что, естественно, вызвало толки в обществе. Великий князь Константин Павлович писал 9 апреля 1827 г. А.Х. Бенкендорфу о том, что «удаление Ермолова от службы вызовет множество догадок; на генерала Ермолова непременно будут смотреть, как на жертву произвола, а иностранные газеты найдут достаточно поводов, чтоб выставлять его в глазах Европы невинною жертвою» (РА. 1884. № 6. С. 279, см. также С. 281—282).

[3]Речь идет о сражении соединенной русско-прусской армии с наполеоновскими войсками 20 и 21 мая 1813 г. под саксонским городом Бауценом. Союзникам после ожесточенного сопротивления пришлось отступить. Булгарин участвовал в сражении на стороне французов (см.: *Ф. Б*[*улгарин*]. Знакомство в Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н.с.) 1813 года//СО. 1822. № 41. С. 13—20).

[4]Ваша императрица-мать (*фр.*).

[5]А.П. Ермолов посетил Персию с посольскими полномочиями в 1817 г.

[6]К записке приложен переписанный писарским почерком фрагмент статьи В.В. Измайлова «Краткое обозрение 1826 года» из составленного им же альманаха «Литературный музеум на 1827 год» (М., 1827): «Вспыхнувшая с персианами война служила новым доказательством могущества храбрых россиян и бессилия вероломного соседа. Генералу Ермолову, украшенному столькими лаврами, стоило, по манию своего Государя, обнажить меч, чтобы наказать дерзость врагов и быстрыми победами отмстить за наглое вторжение в наши границы. 2 сентября, на берегу реки Шамхары, ударили войска наши на персиан и прогнали их; 4-го овладели Елисаветполем; 13-го разбили и обратили в бегство 15 тысяч пехоты и 20 т. конницы под главным начальством наследника Аббаса-Мирзы. 21 при урочище Мирак побеждены и рассеяны войска Гассан-Хана, брата сардара Эриванского. 10 октября Карабахская область была уже очищена от неприятеля; порядок в южной части Грузии восстановлен; и герой наш, с отрядом войска, двинулся чрез Кахетию, Чары и Нуха в Ширванскую область, чтобы совершенно изгнать или, в случае упорства, отрезать остающегося в ней неприятеля. Таковы последние официальные донесения» (с. 19—20).

---

80 [О чиновниках канцелярии Государственного совета]

Говоря о чиновниках канцелярии Совета, должно непременно сказать предварительно несколько слов о канцелярии вообще и о том, как в ней производятся уклонения от истинного пути.

А.Н. Оленин человек добрый и благонамеренный, знающий обыкновенное течение дел или рутину канцелярскую, но вовсе не занимающийся делами и наблюдением за ходом оных[1]. По слабости характера и по непомерному самолюбию он руководим приближенными и воображает, что все делает и все знает в канцелярии. Если кто осмелится заикнуться о сем предмете, он выходит из себя. Сохрани Бог сказать что-либо о чиновниках канцелярии, он готов нагрубить всякому. Он хочет, чтобы верили, будто в его канцелярии все чиновники *непорочны*, чисты, исправны, работники и чисты на руку. Это он делает из самолюбия, чтобы выставить свою бдительность и осторожность. Все молчат, зная, что невозможно о сем изъясняться с А.Н. Олениным, а между тем в канцелярии Совета делается все то же, что в других присутственных местах, только скрытнее и берут только вдвое более. — Дела идут медленно, обрабатываются дурно, лениво и часто бессовестно. Представление дела, срок доклада, все можно купить. По счастию несколько членов Совета занимаются сами делами и представляют вещи в настоящем виде. Странно, что почти все важнейшие дела решаются большинством голосов противу мнения канцелярии и противу мнения департамента законов, которым совершенно управляет канцелярия, действуя на Мордвинова чрез любимца его *Белостоцкого*. Барыши делятся пополам.

Главный маклер канцелярии есть некто *Петров*, женатый на племяннице сенатора Соколова, с которым Оленин в дружбе, а потому и протежирует Петрова, который, кажется, на лице своем носит печать отвержения. У сего то Петрова на дому происходят торги, тайные свидания имеющих дела с некоторыми из производителей [дел]. Петров берет деньги для отдачи некоторым из производителей, состоящим с ним в условиях, он продает просителям канцелярские тайны; одним словом, это злой дух, соблазнитель и исполнитель козней. Теперь скажем о лицах, о которых нас спрашивают.

Трофимов, человек отменно хитрый, скрытный, пронырливый, втирающийся в милость начальников различными средствами, говорящий громко о добродетели и умеющий сваливать на других делаемое им зло или прикрывать отступление от совести притворною добросовестностию. Он служил прежде при Красно-Милашевиче в Бессарабии[2] и при Балашеве и тогда еще умел себе составить капитал так, что товарищи его не примечали этого. Ныне он ведет себя гораздо осторожнее и берет деньги чрез Петрова, которого квартира называется *Советская биржа*. Впрочем, Трофимов тяжелый работник, плохо понимает дела, дурно их обрабатывает и ленив. Он всякое лето, как знатный барин, проводит в своей деревне, в Лугском уезде, и даже зимою ездит туда. Вся его уловка состоит в том, что он, желая представить дело в департаменте гражданском в таком виде, как ему хочется, читает те мнения сенаторов, которые написаны в пользу покровительствуемого им лица, и пропускает или коверкает другие мнения. В докладе же общему собранию читает тихо, прикашливая и заикаясь, то, что служит в пользу лиц, на которых он нападает, и громко и внятно то, что слу-

жит в пользу его клиентов. В Совете он боится одного Сперанского, который знает его совершенно. Оленин его покровительствует.

Кармалеев женат на побочной дочери князя Алексея Борисовича Куракина, живет в его доме и занимается всеми его делами, пишет ему мнения, ворочает всем, что зависит от Куракина, и наживается всеми возможными средствами. Он принадлежит к разряду подьячих, весьма искусен в так называемых крючках, а впрочем повинуется безусловно страстям Куракина, который иначе не действует, как по внушению страстей.

Оржевский давно уже промышляет тем, что пишет мнения другим. Ныне он работает для Пашкова, который сам не в состоянии ничего обработать. Приступ к Оржевскому труден. На него действуют посредством коротких приятелей и Петрова. Оржевский ведет себя осторожно.

Соколовский переписывает у Мордвинова его мнения, которые, под именем *поправок*, в самом существе суть *труды Белостоцкого*, особенно по тяжебным делам. О Соколовском ничего дурного не слышно.

Черепанов состоял под покровительством князя Лопухина, не имея никакого влияния на дела, потому что все у него делали *Мороз* и *Есипов*. Черепанов только что выходит в деловые и не имел еще случая обнаружить своего характера. О нем ничего положительного или дурного не слышно[3].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 77—79. Записка помечена № 219 и датируется нами апрелем 1827 г., т.к. комплект агентурных записок за март кончается № 199, за апрель подборка не сохранилась, но в течение месяца в III отделение поступало более 60 записок.

[1]Канцелярия Государственного совета подчинялась А.Н. Оленину, который с 1812 г. исполнял обязанности государственного секретаря.

[2]Это было в 1810—1812 гг.

[3]На записке — карандашная надпись Бенкендорфа: «Вот если б можно [было] поймать Петрова».

---

81 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 12 апреля 1827]

Милостивый государь Александр Христофорович!

По чувству и по уму почитаю благодарность первою обязанностию благородного человека, и за оказанное мне предстательство у трона сохраняю в душе моей благодарность и неограниченную привязанность к Вашему Превосходительству.

Обстоятельства снова принудили меня прибегнуть к великодушной Вашей помощи. Вам известна черная интрига, устроенная противу меня в Английском клубе[1]. Это le malheur de la célébrité[2]. Взяточники, казенные воры, пьяницы[3], игроки, банкруты толпами, как стадо входят в клуб, и никто не заботится об них. Известный человек, юмористический писатель, литературный критик, издатель газеты, в которой ежедневно вооружаются противу злоупотреблений и вольнодумства, одним словом, Булгарин нашел противников! Этот случай не только не печалит меня, напротив того, радует: теперь открылось общее мнение на счет мой. Все соединенные враги мои, работая и интригуя, едва набрали 34 черные шара обманом,

у иностранцев, не знающих меня, из коих некоторые думали, что они баллотируют известного графа Булгари; за мною без всякого содействия было 54 белые шара — и в том числе все, что лучшего, явно обнаружили свои мнения в мою пользу. Ваше Превосходительство имеет в руках своих ключ общего мнения: прошу всепокорнейше велеть узнать с разных сторон, что говорят об этом в городе? Найдется ли хотя *один* голос противу моей чести и поведения? Кого Булгарин обидел? Кого обманул? Кого оклеветал? Кого злословил? Кого не уважил по летам и по заслугам? Кому не помог, когда мог? Был ли когда в неприличном виде или месте? Какие его дурные привычки, какие пороки? Пусть теперь скажут! Я крайне рад, что теперь весь город говорит обо мне, забыв и Ермолова, и качели[4]! Это доказывает, что я стою чего-нибудь и мнение на мой счет обнаружится. Впрочем, я имею лучшие доказательства любви ко мне публики по той жадности, с какою расхватывают мои сочинения. Здесь интрига не имеет места.

Одно только мучит меня и беспокоит. Быть может, личный мой Благодетель, наш добрый и мудрый Царь, которого я чту и люблю как честь и добродетель, помыслит обо мне дурно. У меня есть сильный один враг у самого трона; этот враг — друг противника моего Воейкова[5]. Ваше Превосходительство! Спасите меня по долгу правды, которой вы истинный рыцарь и поборник. Я всегда говорил, писал и даже печатал, что имею врагов, ибо сражаюсь ежедневно и публично со злом, с страстями и предрассудками. Это общая участь. Одного умоляю: пусть враги мои укажут хотя *на одно*, не говорю на черное, но на двухсмысленное дело мое. Кто взялся учить других, тот должен смело смотреть другим в глаза. Я имею недостатки как человек, но никогда не отступал и не отступаю от законов чести и правды. Как торжества, прошу строжайшего исследования; не фанфаронство, но нужда заставляет меня говорить так откровенно на свой счет.

Надеясь, что Ваше Превосходительство откроете истину и не откажетесь спасти меня, — я поручаю Вам судьбу мою. Если б я узнал, что мой Царь-благодетель думает дурно на счет моей чести и нравственности, то возненавидел бы жизнь, которая посвящена Ему и правде.

С истинным высокопочитанием и глубочайшею преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
Милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[6]
12 апреля 1827
СПб.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 17—18.

[1]Английский клуб был создан в Петербурге в 1770 г. английским купцом Гарднером. Как отмечалось в анонимной заметке в СП, «члены оного (числом 350) состоят из государственных и военных чиновников, иностранных министров, негоциантов и др. Коммерческие игры, биллиард, летом кегли в небольшом саду, чтение множества газет и журналов, приятная, непринужденная беседа за хорошим столом — доставляют в сем собрании многим почтенным особам необходимое отдохновение и развлечение после занятий по должности» (1825. № 30). Об Английском клубе см.:

Столетие С.-Петербургского английского собрания (1770—1870). СПб., 1870. П.П. Свиньин писал 6 мая 1827 г. А.И. Михайловскому-Данилевскому: «<...> скажу и о забалотировании Булгарина в англинском клобе. Шум был престрашный: по крайней мере это было доказательством общего мнения <...>» (ИРЛИ. Ф. 527. № 101. Л. 2); см. также: *В. Б[урнашев]*. Из воспоминаний петербургского старожила//Заря. 1871. № 4. С. 22. А.С. Пушкин вспоминал позднее, что Булгарин «единогласно был забалотирован в Англ[ийском] клубе <...> как шпион, переметчик и клеветник <...>» (*Пушкин А.С.* Письма последних лет. Л., 1969. С. 32).

[2]беда от известности (*фр.*).

[3]Подобные высказывания Булгарина породили следующую эпиграмму (опубликована с подписью *К.* в газете «Бабочка» 5 января 1829 г., перепечатана в: Русская эпиграмма. Л., 1988. С. 360):

In vino veritas

Не избран в члены Фирс почтенного собранья.
Кричит с досады он, что члены в день избранья
В похмелье были, в полусне;
Что будто бы его вино забраковало.
Хотя б и так — утехи мало:
Ведь *правда*, говорят, *в вине*.

[4]В очерке «Народные увеселения на Святой неделе» (СП. 1827. № 43. 9 апр.) Булгарин писал: «Давно, давно город наш не был оживлен таким всеобщим веселием! — говорят старожилы столицы. Это совершенная правда. Народ русский толпится на Дворцовой площади; люди высшего сословия поспешают туда же разделить народную радость. <...> В нынешнем году мода позволила знати и ее подражателям побывать в балаганах и погулять пешком под качелями».

[5]Булгарин имеет в виду В.А. Жуковского.

[6]Рядом в архивном деле (л. 15—16) сохранилась следующая написанная Фоком записка (помечена № 218 за 1827 г.; даем в переводе с французского): «Скверная шутка, разыгранная с Булгариным в Английском клубе, вероятно, заслуживает со стороны органов надзора большего внимания, чем может показаться. Она вызвала неприкрытое негодование во всех благонамеренных людях. Генерал-адъютанты [В.Н.] Шеншин и [Н.А.] Воропанов, сенатор [П.П.] Шулепов, тайный советник [Я.А.] Дружинин могут это засвидетельствовать.

Душою интриги был самый отъявленный взяточник — Искрицкий и некоторые другие известные растратчики, помогшие ему, дабы отомстить сатирический пыл Булгарина, который в своем листке постоянно пригвождает их к столбу общественного презрения. Для успеха они ввели в заблуждение кружок купцов, членов клуба, которым сумели внушить, что Булгарин-де шпион органов надзора, которые хотят ввести в их общество шпиона. Многие из этих купцов, по их собственному признанию, подумали, что речь идет о графе Булгари, известном мошеннике. — Полковник Шереметьев даже прилюдно вернул свой черный шар.

Общее впечатление, произведенное этой сценой, о которой повсюду говорили, было полностью к чести Булгарина.

Более всего удивляет, что, по уверению многих, господин Позняк, директор Канцелярии военного генерал-губернатора, тайком посмеялся над взяточником. — Это событие приготовлялось заранее, более чем за неделю».

---

82 **[Слухи и толки]**

1) Весь город и, без сомнения, вся Россия торжествует, что Куракин не сделан председателем Совета. Родственники его и люди, почитающие себя обиженными, вопиют, что Куракин обижен и что пропущено

старшинство[1]. Им отвечают, что не только в самодержавной монархии, но даже и в конституционной Государь избирает сам министров не по старшинству; тогда недовольные, чтобы оправдать себя чем-нибудь, противопоставляют Кочубею — Мордвинова. «О жалкая параллель!» — кричит противу Кочубея Оленин. — А сынок его, возвратившийся из-за границы, вовсе негодный — по духу[2].

Есть здесь полька-интриганка княгиня Иозефина Яблоневская, киевская помещица: она баба-ябедница, протежирует процессы, сама имеет их кучу, пишет своеручно просьбы, имеет дюжину адвокатов и услужников, собирает в доме своем игроков, приманивает людей залогами на именья, на подряды и т.п. Эта интриганка как-то в связи с Куракиным и сильно кричит.

3) В обществах поговаривают о участи поляков, содержащихся в крепости, и удивляются, что они забыты, не судятся и что дело ведется втайне[3]. Говорят, что это несообразно с характером Государя, и приписывают это другому лицу, прибавляя: «Дай бог здоровья *нашему* Николаю!»

4) В министерстве просвещения была соблазнительная история. — Татарский князь Шихматов, выведенный из ничтожества Шишковым, деспотически вертел министерством. Он написал грубую бумагу директору департамента Языкову, человеку почтенному и по летам, и по добродетелям, и по уму. Языков на этот раз вышел из своего обыкновенного хладнокровия и подал министру рапорт, в котором обнаружил все поступки Шихматова: 1) что он для себя создал канцелярию, которая вовсе не нужна, ибо целое отделение департамента теперь без дела, а суммы истрачены для того, чтоб Шихматов был директором и имел казенную квартиру в Морской улице; 2) что Шихматов обременил департамент и министерство неспособными к делам людьми, а способные не получают ничего; 3) что Шихматов заставляет министра подписывать *не читая* нелепые бумаги, которые не могут быть исполняемы — и т.п. — Дело замяли[4].

5) Рассказывают в обществах, что Государь, едучи в Кронштадт на пароходе, велел себе докладывать дела[5]. Все радуются и удивляются деятельности Царя. «Уж это точно как Петр Великий!» — говорят везде. «Дай Бог ему сил!»

6) Говорят, что Абакумова (генерал-провиантмейстера) заступит генерал граф Гурьев[6]. — Толкуют о неспособности Гурьева и способности Абакумова[7]. Говорят, что Абакумов украдет *один*, то вознаградит своим уменьем и порядком, — а у Гурьева как станут *все* красть — беда — будет что прежде.

8) Разведывают крайне из Польской канцелярии[8], кто сообщает генералу Бенкендорфу известия о Польше. Обещают многое, если кто откроет. Этот поиск начинают уже в *другой* раз, и теперь сильнее, нежели прежде.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 60—61 (1-й пункт, на листе стоит пометка: «13 mai»); Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1 (3-й пункт); Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 2—3 (4-й пункт); Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 143 (5-й пункт); Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 30 (6-й пункт); Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 38 (8-й пункт). Тексты пунктов 2 и 7 разыскать не удалось.

[1]6 апреля 1827 г. умер председатель Гос. совета П.В. Лопухин. Сенатор П.Г. Дивов писал в дневнике в тот же день о том, что «назначение нового председате-

ля Государственного совета встретило некоторую задержку» (*Дивов П.Г.* Петербург в 1827 году//РС. 1898. № 1. С. 104). Лишь 29 апреля Николай назначил на этот пост В.П. Кочубея, считавшегося «поклонником либеральных идей» (Там же. С. 110). Дивов отмечал, что «это назначение неприятно старикам кн.Куракину и адм. Мордвинову, которые добивались этого места» (Там же. С. 104).

[2]В представленном III отделением Николаю в 1827 г. «Списке 93-х лиц отставных чиновников, обративших на себя внимание высшей полиции по предосудительному поведению» А.А. Оленин был охарактеризован следующим образом: «Оленин отставной свитский офицер, известный либерал и frondeur, есть сын тайного советника Оленина и проживал в доме отца» (РС. 1885. № 11. С. 400); в других агентурных записках секретной полиции он характеризовался как «копия Никиты Муравьева», отмечалось также, что он «весьма самолюбив, любит умствовать, впрочем, никаких дурных поступков не замечено» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Ед. хр. 4. Л. 84об., 102).

[3]О членах польских патриотических обществ, связанных с декабристами, см. примеч. 1 к записке № 68. Они были возвращены в Варшаву лишь в августе для допросов в Сеймовом суде. Сообщение о Сеймовом суде было напечатано в польских газетах 15 мая 1827 г.

[4]Шишков отвечал Д.И. Языкову следующее (печатается по копии: ЦИАМ. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 855):

«Милостивый государь мой, Дмитрий Иванович,

При рапорте от 28-го протекшего марта № 1492-й Ваше Превосходительство представили мне следующие приложения: 1) Записку по делу о доставлении в канцелярию мою некоторых сведений, согласно с предложением от 9-го марта 1825 года; 2) обстоятельное объяснение по статьям сего предложения и 3) выписку из общего учреждения министерств, о обязанностях канцелярии министерств.

Невзирая на то, что все сии приложения не были подписаны Вашим Превосходительством, я не оставил их без надлежащего движения, особенно по тому уважению, что они заключали в себе обвинения на действия директора канцелярии моей, статского советника князя Ширинского-Шихматова, и что я почитал несправедливым оставить его о сем в неведении и чрез то лишить его законных средств к оправданию.

Вследствие сего, истребовал от директора канцелярии моей объяснения по содержанию сделанных Вами на него обвинений, и, рассмотрев то и другое во всей подробности, я нашел объяснения директора канцелярии моей совершенно удовлетворительными и удостоверился, что в производстве дел по канцелярии и в переписке оной с департаментом народного просвещения руководствовался он в точности моими приказаниями.

Почитая дело сие оконченным, я не могу не заметить, что не следовало бы Вам, милостивый государь мой, во-первых, представлять мне при рапорте заметки от имени вашего никем не подписанные, и, во-вторых, утруждать меня неосновательными представлениями, клонящимися к оскорблению чести чиновника, по званию своему Вам равного, и который исполнял обязанности свои всегда с отличным усердием.

Имею честь быть с совершенным почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга.

Александр Шишков

5-го мая 1827».

[5]Николай посетил Кронштадт 5 мая 1827 г. (см.: СП. 1827. № 57).

[6]А.И. Абакумов был уволен 12 августа 1827 г. (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 34. С. 1228) . Слух об А.Д. Гурьеве оказался ложным. Вначале провиантским департаментом временно управлял вице-директор департамента В.К. Свирин, а потом на эту должность был назначен Г.А. Цимбалистов.

[7]Ф.П. Фонтон писал в своих мемуарах, что А.И. Абакумов «из полковых писарей в сенаторы попал. Вот память! Всю карту своих продовольствий он наизусть тебе перечтет» (*Фонтон Ф.П.* Воспоминания. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 44). Ср. отзыв И.И. Дибича о нем: РС. 1891. № 3. С. 527. Об Абакумове и его знакомстве с

И.А. Крыловым см. также: *Маевский Н.С.* Из семейных воспоминаний//ИВ. 1881. № 10. С. 333.

[8]Имеется в виду канцелярия статс-секретаря Царства Польского С. Грабовского в Петербурге.

---

83 Взгляд на общее мнение в России от вступления на престол Императора Николая I-го до сего времени

Каждое новое царствование ведет обыкновенно за собою новые надежды. Каждый ожидает чего-нибудь от нововведений, прямо или косвенно. Наследник всегда синоним надежд. Обыкновенно наследники престола стараются снискивать при жизни предместника благоволение публики снисходительностию (popularité) и даже при самом кротком Государе всегда явно держат сторону народа и войска. Недовольные старым двором и приверженцы наследника престола обыкновенно разглашают приятные анекдоты на счет наследника, и кроме того по общему закону природы *будущее* всегда более обещает, нежели *настоящее*. Можно сказать решительно, что в России все шло *напротив*. Россия вовсе не знала Николая Павловича. Придворные не слишком выгодно относились на счет его в публике, потому что он не любил обращаться с пустыми людьми и забавляться каламбурами. Точное исполнение принятой на себя обязанности генерала и шефа полка, взыскательность за нерадение по службе, любовь дисциплины и наконец неослабное занятие выправкою солдат и ученьем, как требуется от бригадного генерала, заставило многих офицеров относиться невыгодно на счет Николая Павловича. Кроме того, существовавшее злоумышленное общество, которого цель, как после открылось, была гибель Царской фамилии, общество сие малейшее обстоятельство употребляло в свою пользу, чтобы уронить в мнении общем членов Царского дома, и потому разглашало разного рода нелепости. Публика верила всему, потому что слушала одной стороны; никто не разуверял ее в противном. Всеобщее неудовольствие от правления Аракчеева и быстрый упадок всех пружин государственного управления, безнаказанность злоупотребителям и преследование невинных, но слабых жертв злобными людьми, которые брали на себя все виды и служили своему эгоизму то под маскою мистицизма, то ложного усердия к Царю, упадок правосудия, флота, торговли, земледелия, финансов, выбор неспособных людей к важным должностям, все вместе располагало россиян к явному ропоту, и от 1818 года только и было разговоров, только и толков было в городе и в провинциях, что жалобы и насмешки над правительством. — Злоумышленное общество также подливало масло на огонь, и в то время довольно было нескольких человек в обширном кругу, чтобы давать направление умам и действовать оными по своей воле. Вероятно, что это всеобщее нерасположение к правительству, которого Аракчеев был как бы представителем, заставило злоумышленников заблуждаться на счет своих сил и средств. Наконец настала смутная эпоха кончины Александра. С ним соединены были главные воспоминания и преодоленные бедствия России. Первые войны России с Наполеоном, где Россия была побежденною, и наконец торжество ее было в свежей памяти у целой генерации. Каждый или сам участвовал, или имел близких, которые терпели и торжествовали вместе с

Александром. Кроме того, каждый припоминал его ласковость, снисходительность, блестящие начала царствования, во время коего учреждены были все европейские заведения в России, словом, множество обстоятельств делало для россиян горестною кончину Александра, с которым, так сказать, отцы нынешнего поколения вместе взросли, а юноши возмужали. Забыли обо всем в первые минуты горести и, благословляя память Александра, проклинали в целой России двух человек: *Аракчеева* и *Меттерниха*, которым приписывали корни всякого зла, удерживаемого в созрении и принесении ядовитых плодов одною кротостию доброго, благородного, человеколюбивого Александра. — Не стало Александра, минуты первой горести утихли и все призадумались: много осталось укорененных злоупотреблений — кто их истребит, кто смягчит кроме Александра? Начали вспоминать о Цесаревиче[1] и утешать себя тем, что лета укротили его пылкость характера, а управление Польшею научило просвещенной администрации устроенного края. Зная нелюбовь его к козням и подьяческим крючкам, утешались надеждою, что он, как говорится, повернет закоснелыми злоупотреблениями и грозою пробудит уснувшую справедливость. Цесаревичем стращали всех ненавистных России людей. О Николае Павловиче, кроме его приближенных, перестали думать в общей массе публики, после первого происшествия в Государственном совете. Некоторые заговаривали в Петербурге в его пользу, но без всякой цели, а ссылаясь на приближенных Его, которые прежде кончины Александра говорили о просвещении Николая Павловича, о Его любви к порядку и семейственной добродетельной жизни. Но это были только разговоры. Вдруг пронесся слух, что Константин отказывается от престола. Пошли толки безумолкные и явные. В присутственных местах, даже в трактирах, [а] не только по домам явно и смело рассуждали, кого бы лучше иметь на престоле? Военные явно были противу Николая Павловича, некоторые защищали Его, но только статские. В провинциях более было голосов за Константином именно потому, что не знали вовсе Николая Павловича и что заговорщики выставляли вперед Константина. Настал несчастный день 14 декабря. Кто спас Россию и все дворянское сословие от явной гибели? Один Государь. Его твердость, хладнокровное мужество, решительность обезоружили злодеев, которые крылись во всех полках. Россия изумилась характеру Государя, которого не знала вовсе — но еще не успокоилась. Необходимость арестов и Комиссии[2] после бунта, поездки фельдъегеров, страх доносов повергли Россию в жестокое уныние. Говорили, что настали времена, минувшие 25 лет назад. Вдруг выпускают из крепости Сомова[3], с объявлением, что невинные тотчас будут выпускаемы. Первое мудрое и политическое дело, которое повернуло сердца. Увидели, что хотят только наказывать виновных и что упала жестокая система пользоваться доносами и подозрениями для погибели. Кончилась Комиссия, множество выпущенных из заключения разгласили по России, как с ними обходились милостиво именем Государя, и что один Государь был адвокатом подозреваемых и невинно заключенных. Семейства наказанных завопили противу строгости наказания, но благомыслящая и даже дурная, но хладнокровная в этом деле часть народа осталась убежденною, что за подобные злодеяния в другом государстве всех бы казнили без исключения. На этот счет мнение весьма скоро обнаружилось в пользу Государя, ибо Он не мог быть причиною народного неудовольствия. Вступая на престол, Он должен был действовать по законам. Приме-

ры правосудия и ненависти к взяточникам, казенным ворам, лихоимцам сильно потрясли умы и сердца народа в пользу Государя: все возрадовались, потому что грабеж дошел до высочайшей степени и правосудие явно продавали с молотка. С удивлением услышали, что Государь занимается делами тяжебными и административными. Дела, которые по своему составу тянулись бы прежде десять лет, начали решаться в неделю[4]. — Сенатские газеты дожидались в провинциях как пришествие Мессии. Все любопытствовали читать *собственноручные* решения Государя, которого имя привыкли только видеть в заглавной форме указов[5]. Пробудилась любовь к Царю. Несколько примеров наказания злоупотребителей с верху, а не с низу, довершили дело, и репутация Государя утвердилась на счет неусыпности в делах, попечения о благе России, и дано Ему название *Правосудного*. Даже сама злоба не могла ничего сказать вопреки, как только изъявляя сомнение, чтоб он мог всегда или по крайней мере долго так работать. Эта хула лучше похвалы. — Учреждение жандармерии потрясло умы[6], и злонамеренные люди снова воспользовались случаем, чтобы посеять подозрение в сердцах, сомнение и страх доносов и преследований. Умы поколебались, волнуемые самими властями, которые в учреждении жандармерии видели силу, опасную их деспотизму и злоупотреблениям. Чем же кончилось? Никто не может сказать, чтобы невинный или правый пострадал от жандармерии, чтобы ложные доносы или партикулярное мщение нашли приют и помощь в сем новом учреждении. Добрые люди, и особенно народ, бедное дворянство, купечество, крестьяне и хорошие чиновники радуются, что есть власть, наблюдающая оком самого Государя над исполнением обязанностей. — Инструкция разошлась по рукам и служит доказательством любви Государя к порядку и благу России.

Удержание на местах министров и людей высших званий, признанных единогласно неспособными, также произвело ропот. Но он теперь утихает учреждением помощников[7]. В утешение говорят: «Добрый Государь из одного уважения к покойному брату держит неспособных — а они не догадываются вытти прочь. Даст Бог, переживем; между тем Государь своим примером показывает, что не должно дремать над делами!»

Войско вначале было в самом дурном расположении духа: гвардия вообще имела дух строптивый и была недовольна. Перемена одежды, некоторые льготы и время возвратили дух порядка. Армия рассеяна и не имеет потому случаев часто от безделья заниматься пересудами. Помилование семеновцев[8] и милость поселениям много способствовали к успокоению умов. Гвардия отчасти пребывает еще в некотором нерасположении от излишней взыскательности; но с некоторого времени и сие менее приметно. Можно сказать, что Государя начинают любить; он снисходителен к солдатам, вежлив с офицерами, и в Его пользу весьма много голосов.

Государь наградил многих литераторов, но это не переменило мнения, что он не весьма любит литературу русскую и что на просвещение менее всего обращает внимания. Литературные общества в Москве существуют, а в Петербурге, при лице Государя, упали и даже исключены из адрес-календаря. Более 500 членов, имеющих по превосходству ума влияние в обществе, — ропщут потихоньку. Общее мнение, будто не хотят, чтобы Россия подвигалась вперед в просвещении: так говорят на ушко люди даже приверженные к Государю — и в извинение представляют странные предложения. — Лучше идти вперед и давать направление умам, нежели застав-

лять умы заблуждаться, отыскивая свет непозволительными путями. Опыт доказал, что самоучки хуже всего.

Моллера не любят и не верят ему; а потому и говорят, что пока он будет в силе, трудно уверить флотских, что Государь будет смотреть на вещи с настоящей точки зрения. Князь Меншиков поправил дух флота[9]; он любим и уважаем — ему даже удивляются и благословляют выбор Государя.

Управление финансов тяготительно для народа и затруднительно для администрации. Канкрин гильдейским положением сделался ненавистным. Все говорят, что он не знает и не любит России. Купечество надеется на слова Государя в Манифесте — об освобождении торговли. Общее доверие исчезло, никто не платит долгов. Законы по сему предмету слабы, и тех не исполняют. Новый банкрутский устав был бы благодеянием. Англия обогащается на счет России. Если бы собрать мнения купечества насчет коммерции — не поверили бы, что делается. Вот что слышишь со всех сторон.

Для крестьян еще ничего не сделано; но облегчение военных поселений и запрещение чинить дороги в проезд Государя произвело спасительное действие. Кажется, надлежало бы постановить что-нибудь общее в обеспечение этого класса людей, многочисленного и сильного братством с солдатами. Впрочем, слух о правосудии Царя, указы о колодниках и прочее поселили в умах народа самое выгодное мнение о Царе.

Но должно сказать в заключение, что если дух народа ныне вообще хорош, если дух войска поправляется, если все благомыслящие люди искренно привержены к Государю — то Он этим обязан *одному Себе*. Он своими поступками, правотою, правосудием, трудолюбием, гражданскими и домашними добродетелями составил Себе добрую славу и если не утвердил еще блага России, начав работать над основанием, то воздвигнул счастливую надежду на будущее[10]. Прежде роптали, что нет никаких перемен, а ныне говорят: «Лучше, что не торопится; скороспелки никуда не годятся. Государь ума солидного и не гоняется за блестками: пусть узнает лучше Россию и людей — тогда не будет ошибаться ни в средствах, ни в людях. Для блага России нужны три вещи: 1. *Правосудие*, 2. Торговля и как следствие века нынешнего 3. Просвещение, которое должно преобразовать воспитание и, изгоняя якобинство с земли русской, дать позволенный простор уму — по русской пословице: «Ум любит простор». Тогда найдутся и способные люди, которые поймут Государя и будут помогать Ему».

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 2510. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 133—136. По содержанию записку можно приблизительно датировать серединой 1827 г.

[1]То есть о великом князе Константине Павловиче.

[2]См. примеч. 2 к записке № 54.

[3]О.М. Сомов был арестован 14 декабря 1825 г. и освобожден через три недели по высочайшему повелению с оправдательным аттестатом.

[4]А.И. Михайловский-Данилевский писал в воспоминаниях, что «Государь вел образ жизни самый трудолюбивый. В 8 часов утра он принимал министров военного или иностранных дел, что продолжалось полтора часа. С половины десятого он занимался бумагами, а в 12-ть принимал военного губернатора с комендантом, бывал потом на разводе, а после посещал какое-либо заведение, не предупреждая никого, что в оное будет, отчего во всех сих заведениях, где ежедневно ожидали Государя, царствует отличнейший порядок. В три часа Император обедал; раза два в неделю

бывают званые обеды особ на двенадцать. После стола Император некоторое время проводит с семейством своим, а потом он ходит в кабинет, где работает до ночи. Трудолюбие его так велико, что каждый получает непременно в тот же самый день решение на свой доклад, в который он их представляет» (*Михайловский-Данилевский А.М.* Записки//РС. 1893. № 7. С. 178).

[5]См. об этом публикацию: Император Николай Павлович и решения им разных дел в 1827—1833 г.//РС. 1888. № 8. С. 413—420.

[6]Жандармские части существовали в России с 1815 г., 25 июня 1826 г. была введена должность шефа жандармов, возглавляющего одновременно и III отделение, а 28 апреля 1827 г. учрежден жандармский корпус.

[7]Рескриптом от 30 декабря 1826 г. были существенно расширены полномочия товарищей министров.

[8]Волнения в Семеновском гвардейском полку в 1820 г. завершились расформированием полка, часть солдат была прогнана сквозь строй, другие — биты кнутом и отправлены на каторгу, третьи — посланы служить в сибирские гарнизоны. Офицеры были отправлены в армию с повышением чина, но без права на отставку (см.: *Лапин В.В.* Семеновская история. Л., 1991). Несколько офицеров-семеновцев (Д.П. Ермолаев, И.Д. Щербатов, Н.И. Кашкаров, И.Ф. Кашкаров) содержались в Витебской крепости до 1826 г., и им угрожала суровая кара. Однако в итоге трое из них были отправлены на Кавказ без лишения чинов и лишь Щербатов лишен дворянства и разжалован в рядовые (сентенция суда конфирмована 27 февраля 1826 г.) (см.: Семеновская история 1820 года /Сообщил Н.К.Эссен//Дела и дни. СПб., 1920. Кн. 1. С. 113—121). Кроме того, Николай отменил негласный запрет Александра на повышение в чинах разосланных по армейским полкам семеновцев.

[9]После возвращения А.С. Меншикова в ноябре 1826 г. из поездки с посольством в Персию Николай привлек его к работе комитета по преобразованию флота (комитет был учрежден 31 декабря 1825 г.). Исходя из подготовленной самим Николаем краткой записки, формулировавшей основные направления предстоящих преобразований, Меншиков в качестве доверенного лица Николая деятельно осуществлял реформу флота (см.: *Шильдер.* Т. 2. С. 64—66).

[10]Действительно, часть населения во второй половине 1820-х гг. с надеждой и восхищением относилась к Николаю. Так, А.П. Болотов писал своему знакомому 2 января из Петербурга следующее: «<...> здесь только и слышны похвалы новому Императору. Он стал входить чрезвычайно хорошо в гражданскую часть, посещает Сенат, Государственный совет и сам занимается с министрами; обещает улучшить флот <...> Словом, все его поступки подают россиянам надежду совсем не такую, как покойник в последние десять лет своего царствования» (Цит. по: 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 16); Н.М. Языков 2 сентября 1826 г. писал родным из Дерпта: «Нового Государя все хвалят, особенно немцы, да и за дело: он действует очень благоразумно; кажется имеет волю крепкую и истинное расположение к добру. Можно надеяться много хорошего по всем частям государственным; благодаря кого бы то ни было, Россия теперь самое обширнейшее поле для улучшений, преобразований и ознаменования души, могучей в действиях, определяющих судьбу полсвета. Дай бог Петра: он необходим там, где так долго без него обходились — и как обходились!» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 260; ср. там же, с. 251). Е.И. Раевская вспоминала, что «отец, в разговоре с матушкой, всегда хвалил молодого Царя. «Он любит Россию, — говорил отец, — он желает всей душою способствовать ее благоденствию; всеми силами старается водворить в ней порядок, искоренить злоупотребления. Виноват ли он, если, желая всему положить прочный фундамент, требует — гранита, а ему подают гнилой кирпич?» От отца же я слышала, что Николай I с первых шагов стал заботиться об уменьшении трат на свою собственную личность, стал пересматривать дворцовый бюджет, входил во все, до самых мелочей. Говорят, он вознегодовал, увидав, что ассигновано было сто рублей *в день* на благовонное курение во дворце. Тут же зачеркнул эту цифру и на место назначил — сто рублей

на месяц. На ежедневный, семейный обед Государя выдавалось *по полуторы тысячи рублей в день* (ассигнациями). Николай I повелел выдавать только по *двадцати пяти рублей на день,* и т.д. в этом же роде. Императрицу государь любил искренно, и она ему платила тою же самоотверженною привязанностью. Он уважал ее и заставил ее занимать при дворе то высшее место, которое и следовало ей занять. Все при дворе изменилось. Когда Государь присутствовал при парадах или где-либо по обязанности своего сана, то по окончании того, что считал как бы своей службой, он спешил всегда назад во дворец, говоря своим приближенным: «Моя баба меня ждет, спешу домой». Следуя примеру Царя, царедворцы стали щеголять своею верностью семейным узам точно так же, как бывало щеголяли совершенно противоположным» (*Раевская Е.И.* Воспоминания//ИВ. 1898. № 11. С. 536).

---

84 [О поездке Булгарина в Остзейские губернии]

Булгарин едет на три месяца в Остзейские губернии. Он имеет к тому следующие побуждения: 1) Отвесть больную жену[1] к морским водам в Поланген, поблизости коего, в 30-ти верстах, находится имение дяди его, Булгарина же, *Мишуци*, полученное по последнему процессу. 2) Кончить фамильные дела, т.е. денежные расчеты, и быть миротворцем между дядею и графом Платером. 3) Отдохнуть от трудов механических по журналу и рассеяться. 4) Оживить описанием путешествия свои журналы[2].

Он будет и в Ревеле[3]. — На пути будет посещать все любопытное и видеться с людьми замечательными.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 36. Написана в середине мая 1827 г. Внизу на записке другим почерком написано: «Булгарин уехал 17-го мая». Опубликована нами: Тыняновский сборник. С. 256—257.

[1]См. примеч. 2 к записке № 43.

[2]Булгарин поместил в СП (1827. № 59—81) обширную «Прогулку по Ливонии», в которой дал историческое и этнографическое описание этого региона, в том числе Дерпта и Дерптского университета, дорог в Дерпт и Ригу и т.д., а также очерк «Морские купальни на берегу Балтийского моря в западных губерниях (Отрывки из прогулки по Ливонии)» (СП. 1827. № 122—125).

[3]В следующем году Булгарин поместил в газете очерк «Ревель (отрывки из прогулки по Ливонии)» (СП. 1828. № 69, 71, 99).

---

85 [О пребывании Булгарина в Риге]

Когда Булгарин был в Риге, он снискал доверенность некоторых из богатейших тамошних граждан, которые в дружеской беседе поверяли ему свое горе насчет стеснения торговли мерами министерства финансов. Между прочими вопиющими поступками чиновников более прочих возбуждали тогда негодование: 1. Старание министерства отнять у города место для сделания огороженной биржи. 2. Арестация позволенных товаров у купца Пихлера, на мосту в Риге, перед ярмаркою. 3. О прижимках иностранным шкиперам, которые прижимки отваживают их от поездки в Россию. Письмо одного шкипера к консулу ходило по рукам. Агенты министерства истребляли сие письмо, однако ж копия оного досталась Б[ул-

гарину]. — Гавенмейстер Пистолкорс донес министру[1], якобы Б[улгарин] с умыслом собирает сведения и будто купцы упросили его жаловаться в Петербург, что совершенно несправедливо. Невзирая на то, начальник секретной полиции при министре финансов Ореус не преставал подсылать к Б[улгарину] своих агентов, чтобы под разными предлогами выведать, не пишет ли что Б[улгарин] о торговле и мерах министерства, и чтобы выманить у него бумаги, и особенно сказанное *письмо*. Главным из подсылаемых агентов был некто Пелчинский, служащий для особых поручений при министерстве финансов. Однажды, когда сей Пелчинский стал выхвалять могущество министра и великодушие в наградах за приверженность к нему и после того формально объявил, что если у Б[улгарина] есть какие записки и замечания о торговле, то он должен отдать их министру; Б[улгарин] сказал наотрез, что у него ничего нет, а если б было, тогда он бы отдал не министру финансов, а графу Дибичу или генералу Бенкендорфу, которые помышляют об общем благе, а не о личных выгодах и мелких расчетах самолюбия. Начался спор, и Б[улгарин], выведенный из терпения, чтобы отделаться от агента, сказал, что если бы от него зависело распоряжаться людьми по достоинству, то он поместил бы графа Дибича и генерала Бенкендорфа в кабинет, а министра в приемной. Затем просил он Пелчинского выйти, без всяких церемоний.

Чрез недели две после сего Б[улгарин] встретился на улице с Ореусом, с которым он давно знаком, когда сей последний был еще в бедности. Ореус начал упрекать Б[улгарина], что он не постигает величия министра финансов, и косвенно стал говорить о любопытстве Б[улгарина] по коммерческим делам. Б[улгарин] сперва начал шутить и решительно сказал, что ему кажется смешным и странным беспокойство министерства насчет собирания сведений частными людьми и что они напрасно теряют время и деньги, подсылая к нему агентов. После долгих переговоров и эпиграмм с обеих сторон Б[улгарин] снова сказал, что он ничего не собирает, потому что не имеет в своей команде таких исправных агентов, каков Пелчинский. На сие Ореус отвечал: «Как вы не имеете агентов; у вас все книгопродавцы в команде и извещают обо всем, что захотите знать. Например, чего лучше, как типографщик *Селивановский* в Москве?» Б[улгарин] уверял, что он даже не знает Селивановского, но Ореус сказал: «Как вы не знаете; его сын бывал у вас в Петербурге, и вы, без сомнения, имеете с ним интересную корреспонденцию».

Б[улгарин] рассказал мне все сии обстоятельства, по привычке беседовать о разных случаях и происшествиях. Я извлек из сего заключение, что, вероятно, Ореусу известны сношения *Перетца* с *Селивановским*[2] и что он сам принимает участие в них. Ореус весьма молчалив, и одна досада, что их дела открыты, равно подозрение, что открытие сие сделано Б[улгариным], могли довести Ореуса до такой экспликации на улице, до упреков и намеков на Селивановского.

Записка, переписанная Фоком и дополненная им собственным выводом, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 66—67. Опубликована нами: Тыняновский сборник. С. 272—274. Эта и последующие записки (№ 86—93) написаны во время поездки Булгарина в Прибалтику (с 17 мая по середину августа 1827 г.).

[1]Пост министра финансов занимал тогда Е.Ф. Канкрин.

[2]См. копии писем А.И. Перетца С.И. Селивановскому от 9 и 15 ноября 1826 г.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 41—43.

---

86 [Выписки из писем М.Я. Фоку]

№ 1

В Тельшевском повете Виленской губернии на второй день праздника Пасхи случилось следующее приключение. Ехали три жида дорогою, в крытой бричке. Возле лесу они подзывают к себе двух пастушков, чтоб указать им дорогу: один противится, а другой, обольщенный обещаниями жидов, приближается к ним. Его схватывают, завязывают рот и увозят. Оставшийся пастух бежит в господский двор и объявляет помещику, который извещает о сем земскую полицию, т.е. ключ-войта, и посылает своих людей в погоню за жидами. Их не нагнали. Чрез несколько дней нашли тело похищенного пастуха в лесу на берегу озера, прикрытое песком. На теле не было знаков, но когда лекарь приказал положить оное в воду, то открылось, что на руках и на ногах были раны, сделанные каким-то особенным инструментом, под поднятою кожею. Сделали следствие, призвали всех жидов, отлучившихся в сие время, и оставшийся в живых пастушок узнал одного жида, который в самом деле был в отлучке. Так рассказывают дело[1].

Я говорил с ксендзом каноником Гинтилла (ученом в еврейском языке и литературе) о сем предмете[2]. Он объявил мне, что в еврейских книгах нет ничего о надобности христианской крови на Пасху и что если сие делается, то, вероятно, жидами-фанатиками или сектою мистиков жидовских, что и правдоподобно, потому только, что предание о сем часто повторяется в разных странах, где живут евреи.

Другие говорят, что сие происшествие взвалили на жидов, чтоб наживаться от них. Многие жиды арестованы, другие в подозрении. Деньги в ходу. Следствие было сделано и переделано. Теперь находится там присланный из Вильны чиновник *Крамер* (так его называли, может быть и ошибкою). Между жидами тревога и складка. Так говорили мне жиды.

№ 2

Пограничные крестьяне Курляндской и Виленской губерний только и жили тем, что продавали свои продукты в Мемеле. В Курляндии крестьяне Гробниского уезда и Полангенского округа по распоряжению маркиза Паулуччи имеют право с позволения местного начальства отлучаться на три дня в Мемель со своими лошадьми и продуктами, заплатив в таможне пошлину. В Тельшевском уезде Виленской губернии, принадлежащем к Полангену, этого нельзя. Продукты, идущие в Пруссию, довозят только до местечка Горждев, и сюда приходят возы из Пруссии и берут товар. Совершенное разорение для поселян. Они должны платить пруссакам за доставку всех произведений и, вместо того, чтобы везти на своих лошадях, ожидают с лошадьми на месте возврата прусских фурманов и комиссионеров. Половина цены даром переходит в чужие руки. На этот счет говорено было с членом полангенской таможни Журавлевым, и он объявил, что есть указ, коим позволено пограничным поселянам сбывать свои продукты за границею и везти на своих лошадях, с позволения земской полиции, так как сие и делается в Курляндии. Тельшевский капитан-исправник[3] говорит, что он не имеет права давать позволения, что ему запрещено это в Вильне и что позволение должно получать из Вильны. Управляющий имением княгини Любомирской, Горждами, уже выхлопотал себе позволение в Виль-

не. Другие помещики собираются это сделать. Позволение стоит 200 рублей серебром. — Снятие запрещения вывоза на своих лошадях оживило бы страну, подняло разоренных крестьян и принесло бы казне прибыль пошлинами. Хлеба здесь довольно, но нет денег — а мужик боится поверить комиссионеру свою частичку товаров — да это и невыгодно. Почему в Курляндии можно, а за двадцать верст от Курляндии нельзя?

Ради бога, поберегите меня. Я упомянул о сем обстоятельстве потому, что мне жаль бедных мужиков, которые голы, не имеют чем платить податей, имея хлеба и всего довольно. Но если здесь узнают, что я известил Вас — беда, сущая беда. Здесь брат не доверяет брату, отец — сыну. Чиновники умеют пользоваться этим, и весьма!

№ 3

Здесь в Самогитии (na Żmudzi) расходится весть, вышедшая из Мемеля, якобы вся Самогития будет уступлена Пруссии, взамен провинции со стороны Познаня, будто бы для того, чтобы Виндавским каналом не уничтожить торговых прусских доходов Тильзита, Мемеля и Кенигсберга. — Это слух — не знаю, основательный ли?

№ 4

Здешние жители весьма недовольны тем, что Поланген отошел от Курляндии и присоединен к Виленской губернии. Говорят, что это сделал граф Тышкевич, богач и скупец ужасный, для того, чтоб удержать в подданстве своих крестьян, потому что чрез полтора года крестьяне в Курляндии, по постановлению покойного Императора, получат вольность. Так говорил мне полицмейстер[4].

Выписки из писем Булгарина, сделанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 15—19. На подборке выписок помечено: «Письма Б. № 2» (нумерация выписок внутри подборки тоже дана в III отделении).

[1]Булгарин передает слухи о начальной стадии так называемого Тельшевского ритуального процесса, проходившего одновременно с нашумевшим аналогичным Велижским процессом. Историк Ю.И. Гессен на основе архивных документов так описывал эти события: «В апреле 1827 г. <...> 16-летний пастух Августин Жуковский заявил, будто он видел, как евреи схватили в поле крестьянского мальчика Петровича. Наследник цесаревич Константин Павлович доложил государю, что убийство, согласно произведенному расследованию, совершено пастухами, но государь (в самом конце 1827 г.) поручил Константину Павловичу известить литовского губернатора “о обращении внимания на сие дело по сходству с велижским, где по несчастию подтверждается уже, что не один, а 7 ребят замучены...”» (*Гессен Ю.И.* Велижская драма. СПб., 1904. С. 97).

[2]По воспоминаниям епископа А.С. Красинского, «ксендз Гинтилло считался очень ученым человеком, поскольку имел собственную библиотеку и держал двух евреев, которые подготовили для него два толстых фолианта извлечений из древнееврейских текстов. Этими томами он похвалялся перед русскими сановниками <...>, утверждая, что это его сочинения на древнееврейском» (Wspomnienia biskupa Adama Stanisława Krasińskiego. Kraków, 1900. S. 53).

[3]Этот пост занимал в 1827 г. отставной ротмистр В.Ф. Мезнев.

[4]Полицмейстером Полангена был тогда подполковник Эйхлер.

---

87 [Выписка из письма М.Я. Фоку]

1. В Полангене живет жид *Гутман*, кагальный старшина, человек чрезвычайно умный и честный. Вам известно, что я не весьма жалую жидов и если хвалю этого, то, верно, не без основания. Он пользуется общею доверенностию и помещиков, и своих братий. Случайно я узнал от него следующее о виленском прокуроре *Ботвинке*. Сей взяточник берет деньги сам лично только большими кушами с помещиков. С чиновниками, как то с уездными стряпчими, казначеями, мелкопоместной шляхтой и жидами он обходится иначе. В Вильне есть жид Ицко Пилинкер, он был прежде извозчиком, понравился прокурору и взят в факторы. Все, имеющие нужду во всемогущем прокуроре, являются к Ицке, торгуются, дают деньги и получают желаемое. Ицко за труд получает особую плату и, как говорят, весьма точен в слове и не обманывает ни просителей, ни прокурора, но отдает ему честно получаемые деньги. Ныне Ицко сделался богатым человеком вместе с своим господином. Гутман сам работал дела чрез Ицку и совершенно успел во всем. Не худо было бы обратить внимание на сие обстоятельство. Ботвинка есть истинный бич Божий для Литвы — но весьма осторожен в делах. Это открытие его фактора может снять маску и с самого господина.

2. Крестьяне полангенские, как большая часть крестьян в Самогитии, суть люди вольные. Они имеют свои особые права и привилегии, платят за землю оброк по инвентарям и обязаны только шесть дней в году работать для господина. Оброки их чрезвычайно большие. Но граф Тышкевич, известный по своей скупости и любостяжанию, наложил на них ужасные тягости, заставляет почти ежедневно работать и устроил оброк. На жидов, живущих в местечке, он произвольно наложил акцизы за право торговать, за право бить скот на бойне, за право обрабатывать янтари и тому подобное. Поелику сего не было в старом инвентаре и прежний владелец Неселовский никогда не нарушал их прав, то мещане и крестьяне завели процесс с Тышкевичем. Он, будучи силен в продажной Литве и не будучи в состоянии купить за деньги правосудия в Курляндии, вознамерился хлопотать о присоединении вновь Полангена к Виленской губернии, страшась и того, что чрез два года крестьяне Курляндские получат новые свободы и тогда власть его еще более ограничится. Тышкевич завел дружбу с Н.Н. Новосильцовым и уже два года или более старался о содействии сего вельможи, в чем, как кажется, и успел. Новосильцов просил взаймы у Тышкевича 4000 червонных. Тышкевич разглашает, якобы он дал — а Барвинский, казначей Радзивиловской комиссии, находящийся ныне в Полангене и недавно возвратившийся из Варшавы, Барвинский говорил Гутману, что Тышкевич *лжет*, что, правда, Новосильцов просит и Тышкевич обещал — но обманул. «За то и мы поддели его (Тышкевича), — примолвил Барвинский, — и Тышкевич по нашей милости лишился 24 000 червонных, и имение, которое он держал от Комиссии в Белостокской области, открыто». — Сей Барвинский человек пожилой и пользующийся доверием. — Тышкевич и сын его напротив говорят, что это дело стоило им 30 000 рублей. Вот что говорят. Не утверждаю, правда или нет — ибо именую лица, от коих слышал[1]. Но во всяком случае в этом деле il y a du louche, du mic-mac![2]

3. Полангенские жители рассказывали мне: «Восемь лет, как Поланген входил в состав Курляндии, земская полиция и суды не стоили

нам ни одной копейки. Когда гауптман (капитан-исправник) Ренне или заседатель Нольде приезжают в Полангген, то даже платят за квартиру и не хотят даром взять сливок к кофе. Обер-гауптман Корф есть образец правосудия. Напротив того, когда Полангген принадлежал к Литве, то кроме кормовых денег земская полиция стоила кагалу по три рубли серебром в год с души. Ныне уже начинают собирать для земской полиции, хотя она еще не являлась в Полангене, что весьма трудно по причине бедности и прекращения торговли. Vero est[3].

4. Таможенные постановления, министерством сделанные, удивляют своею несправедливостию и служат не только к прекращению торговли, но и всякого доверия. Например: конфискованные товары продаются с публичного торга в пакгаузе. Купивший товар просит свидетельства и квитанции в уплоченных деньгах от таможни: ему отказывают и в том, и в другом, под предлогом, что купец, получив свидетельство в том, что он купил в таможне, может под прикрытием сего свидетельства иметь у себя контрабанду. Есть ли тут правосудие, чтоб под видом пресечения злоупотреблений отказывать в должном, предписываемом и совестию и здравым смыслом? Нужно ли запретить употребление огнестрельного оружия и продажу яду в аптеках или употребление огня, оттого, что есть убийцы, отравители и поджигатели? Это Шемякин суд — провинился медник, а повесить кузнеца, потому что медник один и нужен, а кузнецов два! — Товары, не подвергающиеся клеймению, как-то: железные вещи, посуда, янтари, часто в другой раз конфискуются, как то случилось с одним жидом, купившим жесть с публичного торга в местечке Горждах, которому чрез неделю другие досмотрщики отняли товар и продали с публичного торга в Полангене. — Я сам купил зеленого сукна на сертук и черного на пару платья у жида, купившего сукно в таможне. Таможенные чиновники знают и жида, и товар, и меня, но когда я просил свидетельства для пересылки чрез почту сего сукна в Петербург, то мне отказали, невзирая на то, что на зеленом сукне есть клеймо, ибо взял остаток, а черное, отрезанное из середины, без клейма. Я купил в пакгаузе янтари и иглы с публичного торгу, что и занесено в книгу, но свидетельства мне не выдали. Когда я сказал, что на дороге в Либаву меня могут остановить и отнять, потому что эти вещи не клеймятся, мне ответили: «Это очень может статься, — но что делать!» Из того, что таможня не дает квитанции тому, кто купил с публичного торга, может произойти злоупотребление, ибо своих книг они никому не дают смотреть, и то, что продано за сто рублей, могут поставить за десять. Также и комиссионеры не имеют чем оправдываться в покупках пред своими верителями — не имея квитанции. Удивительно, что вещь, купленная в таможне, за пять верст может быть отнята как контрабанда! Это и случается весьма часто.

Выписки из писем Булгарина, сделанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 21—26. На подборке выписок помечено «Письма Б. № 3» (нумерация выписок внутри подборки тоже дана в III отделении). Письмо написано в конце июня или самом начале июля, так как выписка из 1-го и 2-го пунктов этого письма с сопроводительным письмом Бенкендорфа 5 июля 1827 г. была отослана великому князю Константину Павловичу (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 208. Л. 1).

[1]Цесаревич писал в ответном письме от 21 августа 1827 г. относительно Г.О. Ботвинко следующее: «Хотя лично я его не знаю, но известен он мне как деятель-

ный и способный по службе чиновник. Он с пользою употреблен был для открытий по студентским в Виленской губернии делам и за отличные при сем случае действия всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, равно и в последующие времена употребляется начальством по подобным делам всегда с пользою. Изъяснение об нем, что он есть для Литвы истинный бич Божий и что имеет влияние на все присутственные места, не доказывает еще ничего особенного, ибо иметь влияние на присутственные места Ботвинко обязан по званию губернского прокурора, следственно при деятельности своей сим самым мог легко нажить недоброжелателей, старающихся очернить его» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 208. Л. 2). Что же касается сообщения о владельце местечка Поланген графе Тышкевиче, то Константин в том же письме информировал III отделение, что секретно предписал начальнику расположенной недалеко от Полангена 1-й гусарской дивизии Безобразову собрать необходимые сведения. В следующем письме от 16 сентября Константин сообщал, что Безобразов послал в Поланген своего адъютанта Кошелева, а тот привел в своем рапорте различные сведения, почерпнутые из бесед с жителями местечка, подтверждающие положения записки III отделения относительно Тышкевича (в том числе он доносил, что суд признал правоту крестьян). После получения этого письма от цесаревича фрагмент о полангенских крестьянах был доложен царю (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 2. Л. 21—24). Военный генерал-губернатор Остзейских губерний Ф.О. Паулуччи создал комиссию для расследования этого конфликта, дело еще дважды (29 сентября 1827 г. и 25 июля 1829 г.) докладывалось императору, затем дважды (24 августа и 8 октября 1829 г.) слушалось в Комитете министров, который рассмотрел действия комиссии по смягчению положения жителей местечка и постановил принять меры к устранению злоупотреблений в будущем (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 208).

[2]есть нечто подозрительное, какая-то интрига! (*фр.*).

[3]Это истинно (*лат.*).

---

88 [Выписка из письма М.Я. Фоку 21 июля 1827]

Рад бы я вам сообщить кое-что письменно, но панический страх, которым одержимы мои единоземцы, по законам магнетным овладел и мною. Благословенны живущие в Петербурге! Многие хотят туда переселиться: начало сделал старый князь Сапега, который намерен поселиться навсегда в нашей столице. Только недостаток в деньгах и невозможность сбыть с рук именья удерживают многих. — Много кое-чего обивается об уши, но все держу до прибытия моего, а одного обстоятельства умолчать не могу, потому что дело в ходу и время дорого.

Сюда (в Полланген) приехал первейший виленский адвокат, Мокржецкий, он рассказывал, что виделся с шамбеляном Пенчковским, приехавшим из Петербурга, который говорил ему о деле виленского прокурора следующее: «Девушка, которую хотел погубить прокурор, находится в Петербурге, не в заключении, но на воле. Однако ж дело прокурора кончится хорошо, потому что он на бумагах исправен и его протежируют кроме вельмож, находящихся в Литве, многие особы в Петербурге, и между прочими статс-секретарь Муравьев».

Не знаю, правду ли говорит пан Пенчковский, человек уже пожилой и обстоятельный — но сие обстоятельство заслуживает уважения. Прокурор может представить купчую крепость или что-нибудь подобное, но та ли это сирота и были ли очные ставки с матерью — это вопрос![1]

О сем Ботвинке рассказывают здесь чудеса. Он всемогущ в Вильне и силен в целой Литве. Все присутственные места делают все, что он пове-

лит. Известно всем и каждому, что он сын витебского мещанина, бедного человека, которому он, кажется, дал и чинок, записав в какую-то канцелярию. Но честолюбие прокурора требовало, чтобы он был дворянином польским, и вилкомирский маршал вывел его из вилкомирских дворян, к стыду своему и посмешищу публики. Новый польский шляхтич купил именье в вилкомирском повете, стоющее 20 т. червонных, а постройки и прихоти стоят половину этого. За женою Ботвинка взял шиш, по службе ничего, кроме крестов. Именье куплено в Радзивиловской комиссии, которая грабит немилосердно несчастную княжну Стефанию, находящуюся при Государыне Императрице Марии Федоровне. Самая покупка имения Ботвинкою сделана посредством интриги. Оно уже было продано другому. Комиссия под предлогом, что оно было дешево уступлено, отняла у владельца и продала Ботвинке, которому непременно хотелось иметь оное, потому что оно доходное и в прекрасном положении.

Здесь читан был указ Сената о признании бобруйского помещика Гриневича ябедником, за доносы на инженерную команду в Бобруйске[2]. — Гриневич просто человек дурного поведения, беспокойный и почти полуумный: это совершенная правда. Но не менее того правда, что инженерные офицеры производят работы своими лошадьми, берут себе первые деньги за мнимых подрядчиков и из хорошего леса строют домы солдатами и возделывают ими же свои сады и дачи. Что касается до лошадей, то это делается так явно, что я сам, будучи в Бобруйске в 1817 году, думал, что это вещь позволенная, ибо никто с сим не скрывался. Теперь я крайне удивился, увидев в печатном, что инженерный департамент объявляет, *что этого не бывало*. — Все прочие обстоятельства поляки утверждают и смеются! Делавший следствие генерал Нагель не отличился! — Гриневич, дурак или полуумный, был только выставлен вперед другими подрядчиками. Теперь, как его скрутили в бараний рог, никто не осмелится разинуть рта и злоупотребления пойдут в галоп. — Не худо бы посмотреть за этим.

Бога ради, не скомпрометируйте меня!

Письмо переписано Фоком, перед текстом проставлено «От Б. № 2. Выписка из письма из Полангена от 21 июля». Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 36—38.

[1]Об этом деле см. также записки № 74, 103, 128, 137, 150, 156.

[2]В указе Сената от 13 июля 1827 г. «Об опубликовании ябедником дворянина Гриневича» говорилось, что в декабре 1825 г. помещик Бобруйского повета Минской губернии И.Ф. Гриневич донес инженерному департаменту на Бобруйский строительный комитет, что «подрядчики, обязавшиеся к разным поставкам и работам, по Бобруйской крепости не получают целый год» заработанных денег и что инженерные чиновники «держат лошадей и волов, коими под видом подрядчиков производят перевозку», а солдаты строят дома начальникам. Следствие показало ложность доноса. Сенат приказал воспретить Гриневичу «заниматься впредь сочинением или переписыванием всякого рода дел или бумаг частных и казенных, кроме только собственно до него касающихся» (С.-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 29. 16 июля. С. 1072—1076).

89 [Записка о духе жителей Остзейских провинций и Литвы]

Посылаю вам записку: она состоит из общих заключений: в деталях можно сбиться. Для пояснения можно будет отвечать особо на вопросы, ибо у меня собраны отдельно замечания и имена. В Остзейских провинциях либералов вовсе нет или всего пяток. В Литве не карбонари, но жаркие польские патриоты. Это вещь отдельная: их имена также есть. Грабителей имена также списаны и с доводами. Это все надобно вычерпнуть помаленьку, когда спросят. Бог, царь и правда: что сказано, то свято.

Краткий ответ на вопрос: «Каков дух большей части жителей в Остзейских провинциях и Литве?»

Если в гражданском обществе число добрых превышает число злых, тогда государство процветает и Государь блаженствует, наслаждаясь счастием подданных. Если между числом добрых и злых находится равновесие, Государю предстоит труд умножать хорошее. Если число злых превышает число добрых, равновесие теряется и общество наклоняется к падению. — Какой труд спасти от падения в бездну всех добрых, вместе с отечеством, и для этого надобно сместить тяжесть зла с противолежащих весов для восстановления по крайней мере равновесия.

Основываясь на этом правиле, должно сказать, что в Остзейских провинциях число добрых превышает число злых, а в польских провинциях по крайней мере весы находятся в точке равновесия. Но как добрые тихи и скромны, а злые люди как пустое семя всплывает на верх воды и высказывается, то доброго надобно искать, а злое само собою бросается в глаза.

Как жаль, что в просвещеннейших и лучших провинциях России, а именно в Остзейских и от Польши присоединенных, почти вовсе не знают нашего доброго и правосудного Царя. — Нельзя сказать, чтобы его там не любили: нет, но какая-то унылость царствует повсюду, и тогда, когда в Петербурге радуются каждому благому поступку Государя и предсказывают вперед счастие России, в Остзейских провинциях и от Польши присоединенных о благих делах вовсе не знают, а в будущем видят что-то мрачное. Никто не старается о распространении добрых слухов и вестей на счет Государя; добрые молчат, опасаясь прослыть заплаченными и подвергнуться пересудам, а между тем злые рассевают ложные слухи и омрачают спокойствие граждан печальными предвещаниями о будущем.

Люди, недовольные правительством, или, лучше сказать, Государем, суть:

1. Чиновники и бюрократы, промышлявшие взятками: комиссионеры, смотрители госпиталей и другие опасающиеся, чтобы не заглянули в их дела. Число их весьма невелико в Остзейских провинциях, но в Литве их много; все они по большей части русские. Они-то ворчат, бранят установление жандармерии, критикуют указы и постановления и т.п. Влияние их неважно в Остзейских провинциях. В Литве оно весьма сильно.

2. Высшие чиновники, недовольные правительством из оскорбленного самолюбия или неудовлетворенного честолюбия. К сему числу принадлежит в первом разряде сам генерал-губернатор маркиз Паулуччи, друг графа Аракчеева. Влияние его весьма важно. Он беспрестанно жалуется встречному и поперечному на совершенное расстройство в течении дел, критикует все постановления, ослабляет должное уважение к лицам остро-

умными насмешками и порицаниями. Скажу один пример: в самый тот день, когда жена его получила орденские знаки Св. Екатерины, депутаты города Гольдингена на публичной аудиенции просили Паулуччи избавить их от слишком тягостного квартирования войск по причине работы на Виндавском канале. Паулуччи публично сказал депутатам: «Вы правы, но ныне я не могу помочь вам; ныне генерал-губернатор представляет чёрта на земли. Я могу вам делать зло — но добра не могу». Идея сия сделалась любимою Паулуччи, и он всякому повторяет ее. Он говорит всем, что писал к Государю, прося отставки, ибо ныне служить невозможно, потому что нельзя делать добра. Такие речи из уст генерал-губернатора должны производить самое неприятное впечатление.

3. В Остзейских провинциях немногие помещики — родственники тех, кои, находясь в службе, по зависти не любят особ, приближенных к Государю, или которых родственники не получили желаемых мест. В Литве все, коих родственники содержатся или наказаны за политические шалости: их весьма много.

4. Мало говорящая, но крайне недовольная часть жителей из купечества и дворян в Остзейских провинциях, живших от коммерческих оборотов, которые от стеснения торговли запретительною системою и по дерзостным поступкам таможенных чиновников судит о целости правления и видит дурное в настоящем и будущем. К сей части принадлежат даже мужики, особенно в Курляндии и Лифляндии возле Риги. Остзейские провинции жили только морем и торговлею. Рига снабжала не только свою провинцию, но и большую часть Литвы колониальными товарами, винами, сукнами и т.п. Частые ее сношения с польскими помещиками пересеклили в Ригу часть неудовольствия Литвы, и Записка о польских тайных обществах вовсе не читана была в Эстляндии, но в Риге и Курляндии об этом деле судили весьма выгодно для поляков. Негодование в Риге и Либаве противу безрассудных и дерзких поступков таможенных чиновников дошло до такой степени, что об этом говорят явно, даже на бирже. И как чиновники действуют по предписаниям министерства, то весь гнев изливается на Петербург, т.е. на правительство, в том предположении, что никто не печется о благе провинции. Некоторые анекдоты и подробности о сем предмете помещены будут в статье о коммерции. Здесь сообщим один случай, показывающий, каков дух в народе. 28 июня я желал осмотреть в Либаве великолепную лютеранскую церковь и послал жида-фактора к старосте, чтобы оную для меня отперли. В Курляндии всех порядочно одетых людей называют *excellence*[1], а жид назвал меня *графом из Петербурга.* Староста, из латышей, по имени Рихтер, человек умный и почтенный, показал мне все и разговорился со мною, и при моем выходе вдруг бросился передо мною на колени и со слезами воскликнул: «Я не знаю, кто вы. Вижу, что вы добрый господин, но если вы притом и знатный, то умоляю вас, спасите нашу добрую старую Либаву! — Мы как в блокаде и все погибли от банкрутства — и купцы, и помещики, и мужики!» — Потом он начал мне рассказывать вещи, которые будут помещены в статье о коммерции.

В Остзейских провинциях правосудие всегда шло хорошо, и потому они мало заботятся о преобразованиях и строгости по сей части и только бы желали, чтобы обращено было внимание на коммерцию. В Литве, особенно в Вильне, все взятки продолжаются по-прежнему. Злые люди

пользуются таким расположением умов и распространяют несбыточные слухи: иногда, что в Петербурге произошли беспокойства, иногда, что в Москве, а иногда, что в Польше. В Риге даже был глупой слух, что Ермолов объявил себя независимым в Грузии. Дела военные в Грузии также перетолковывают, и особенно отличается Паулуччи, который говорит, что он более делал некогда с 22 000, нежели ныне делают с 80 000 солдат. Некто Будберг, брат генерала, которому Государь пожаловал аренду во время смотра в Вязьме, также однажды сильно вопиял противу военных действий в Грузии[2]. О том, что Государь сильно занимается гражданскими делами, мало имеют понятия и в Остзейских провинциях и в Литве, ибо в газетах ничего о сем не видят, от частных людей не слышат, а «Сенатские ведомости»[3] мало читаются и без изъяснений дела не всякому понятны. Но расположение душ в Остзейских провинциях весьма благоприятно для Престола. Они с жаром внимали моим рассказам о великодушных поступках Государя с преступниками и их семействами[4], о его деятельности в делах гражданских, о посещении адмиралтейства и других заведений, о назначении комитетов для переделки цензурного и банкрутского уставов, о занятиях 2-го отделения Собственной Его Величества канцелярии[5], о возобновлении веселости в уснувшей столице, о водворении нравственности примерною семейною жизнию и т.п. За мною бегали, запрашивали на обеды, заставляли повторять рассказы и слушали со слезами. «Ах, Боже мой, — восклицали со всех сторон добрые немцы, — может быть, Он и на нас обратит когда свое внимание!» — Меня называли добрым ангелом-вестником. В Литве напротив, не надеются, чтобы лучи Царской милости пролились на них. — Видя, какое действие производят мои слова, я завел тесные связи и корреспонденции в четырех провинциях, и с последнею почтою в среду (17-го августа) разослал письма с анекдотами о посещении Сената[6], об аресте Языкова за неисполнение высочайшего повеления[7], что весьма обрадует поляков и немцев, о решениях по делам Чоглокова[8] и Гриневича[9] — и еще некоторые о лагере и т.п. Сии известия будут то же, что дождь в знойных степях Аравии. Там жаждут любить Государя и желали бы знать Его.

Поляки еще менее знают Государя, нежели немцы, и имеют самые превратные мысли об Его характере. Скажу один пример. В Полангене в большом обществе рассказывали с сожалением, что двух молодых людей, братьев Ордынских[10], лишили дворянства, сослали в крепость и потом на поселение за то, что они переносили письма от любовницы к полковнику Игельстрому, содержавшемуся под арестом в Белостоке за то, что он не послушал гражданского начальства (кажется, так) и не хотел присягать Императору Николаю[11]. Я взамен публично рассказал великодушный поступок Государя с жандармом, который не только что укрыл преступника-друга, но дал ему одежду и денег. Слушатели не спорили. На другой день мне донесли, что молодой князь Сапега сказал: «Il est payé pour dire cela»[12]. Я пошел к нему объясниться, скрепил рассказ честным польским офицерским словом, и он со слезами удивлялся Государю и просил у меня прощения. После того мне рассказывали об одном юноше Янчевском или Янковском, который содержится где-то за глупые стихи. Я им рассказал взамен, как Государь обошелся с Пушкиным, с Шишковым[13] и с юношею, который рассевал подлые стихи в Харькове и Киеве[14]. Восклицания: «Niech żyie Cesarz!»[15] раздавались за ужином и были искренни.

Между поляками носятся слухи, что австрийский император[16] не признает виноватыми поляков, принадлежавших к тайным обществам, сказав будто бы: «За что же наказывать за желание распространить любовь к народности, когда мы сами обещали поддерживать это на Венском конгрессе». — Говорят, что в Галиции будет вице-королем один из братьев императора, что Галиция будет почти независимым королевством, что в Лемберге[17] будет основан университет народный польский, что там с будущего года будет издаваться газета «Патриот польский», одним словом, что Австрия, уверившись, как поляки верно служат тому, кто сохраняет их народность, решилась утвердить у себя основание будущего блага Польши, а при случае и восстановить Польшу, чтобы она была барриером противу России, как сие хотел сделать Наполеон. Я не видел Лелевеля, историка, но мне говорили, что его и других ученых галлицийские земляки призывают в Австрию. Ксензы толкуют о единстве веры. По всему кажется, что есть со стороны Австрии какое-то умышленное распространение слухов, и хотя вероятно, что Австрия в русской Польше не имеет особых агентов, но приятные вести скоро распространяются и слухи как воздух переливаются от Карпатов до тихих уголков Литвы. Император Франц слывет добрым, Метерних умным, который все сделает, что захочет, — нашего Императора вовсе не знают... В Вене ласкают поляков — в Петербурге нет ни одного из знатных литовцев и волынцев.

Впрочем, такое расположение умов будет непродолжительно, и дух всех сих провинций легко поправить. Сообщением верных известий о ходе здешних дел приготовятся умы к принятию новых впечатлений. Некоторые перемены по коммерции в Остзейских провинциях, удаление от мест несколько грабителей в Литве, смягчение наказаний не весьма виновных юношей в делах тайных обществ, манифест на польском языке с несколькими польско-патриотическими выражениями и, наконец, появление самого Государя с Наследником переменит все в одно мгновение. На людей должно действовать нравственными средствами, и никто не имеет столько средств привязать к себе навеки немцев и поляков, как наш Государь.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 27—35. Опубликована нами: Тыняновский сборник. С. 267—272. Перед текстом Фок написал по-французски: «Voici le premier brouillon de B... quq je viens de mettre au net. Il était accompagné de ces lignes...» («Вот первый набросок Б..., который я переписываю. Он сопровождался следующими строками...»). О взглядах Булгарина по «остзейскому вопросу» см.: *Исаков С.Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х годов//Учен. зап. ТГУ. 1960. Вып. 98. С. 184—189.

[1]ваше превосходительство (*фр.*).

[2]Имеется в виду Б.В. Будберг, брат генерал-лейтенанта К.В. Будберга, поощренного за участие в маневрах в Вязьме в середине мая 1827 г.

[3]Имеются в виду «С.-Петербургские сенатские ведомости», выходившие с 1809 г.

[4]Речь здесь идет о декабристах.

[5]II отделение Собственной его императорского величества канцелярии было создано в начале 1827 г. с целью кодификации законодательства.

[6]Согласно дневниковым записям сенатора П.Г. Дивова, 10 августа 1827 г. «Император приехал неожиданно в Сенат около 10 часов утра. Он вошел через уголовный департамент, не застав там никого, прошел во второй департамент, который

также нашел пустым. Наконец, войдя в третий департамент, он застал в нем меня одного. Его Величество подал мне руку и пожал ее. Я повел его из департамента в департамент. Он сказал мне сначала на ухо: «Это кабак», затем повторил эти слова очень громко <...> Уходя, он поручил мне передать моим сотоварищам-сенаторам, что он был у них с визитом, но никого не застал. Прокурор первого департамента Журавлев тотчас поехал с докладом к министру юстиции». На следующий день «министр юстиции объявил <...> что сенаторам предписывается впредь являться в часы, предписанные общим регламентом Петра Великого» (*Дивов П.Г.* Петербург в 1827 году// РС. 1898. № 1. С. 107). По регламенту Петра I присутствие должно было в короткие дни начинаться в 6, а в долгие — в 8 часов утра и продолжаться в течение пяти часов. После заступничества статс-секретаря Н.Н. Муравьева Николай разрешил сенаторам, по-видимому, приезжать на службу в 10 часов утра (см.: *Шильдер.* Т. 2. С. 36—37). Посещение Сената царем произвело большое впечатление на современников. К.Я. Булгаков писал 13 августа 1827 г. А.А. Закревскому, что «Государь был удивлен нечистотою и многими неисправностями, чиновников нашел в полосатых панталонах, вместо чернильницы помадны банки и пр.

Теперь во всех департаментах и присутственных местах пустились чистить, мыть, полагая, что Государь может к ним заехать, следовательно, его посещение сделало много пользы, но для чего не было ни чистоты, ни порядка прежде?» (Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891. С. 396).

[7]См. ниже записку № 99 и комментарий к ней.

[8]В июле 1827 г. майор кондукторской школы А.Н. Чоглоков ударил по щеке своего сослуживца майора Суворова, который оскорбил его (см. дело III отделения по этому поводу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 2718).

[9]См. примеч. 2 к записке № 88.

[10]К.В. Ордынский, учащийся Белостокской гимназии, и его старший брат Ф.В. Ордынский, учитель той же гимназии, члены тайного «Общества военных друзей», были арестованы (первый — в марте, второй — в июле 1826 г.) и находились в Белостоке под следствием по делу о выступлении Литовского пионерского батальона. Были судимы военным судом, по высочайшей конфирмации 15 апреля 1827 г. лишены дворянства и сосланы в Сибирь в крепостные работы, с оставлением потом на поселение. О братьях Ордынских см. дело III отделения: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 136. Ч. 8. Об «Обществе военных друзей» см.: *Сиверс А.А.* Тайное общество военных друзей//Дела и дни. Кн. 1. СПб., 1920. С. 239—257; *Орлова Н.К.* Общество военных друзей в отдельном литовском корпусе (1825 г.)//Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 1. С. 49—57.

[11]Булгарин ошибается, называя Игельстрома полковником. Капитан К.Г. Игельстром, организатор выступления Литовского пионерского батальона, был арестован 27 декабря 1825 г. и находился в Белостоке. Он был приговорен военным судом к смертной казни, по высочайшей конфирмации 15 апреля 1827 г. сослан на каторгу сроком на 10 лет с последующим поселением в Сибири.

[12]«Ему платят за то, чтобы он вел такие речи» (*фр.*).

[13]Поэт и переводчик А.А. Шишков был арестован в 1826 г. по подозрению в причастности к деятельности тайных обществ, но освобожден из-за отсутствия улик. В 1827 г. вновь арестован за антиправительственные стихи, а затем переведен на службу из Одессы в Динабург «под строгий надзор» (см.: *Шадури В.* Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951).

[14]Имеется в виду выпускник Харьковского университета В.Г. Розальон-Сошальский, распространявший произведения оппозиционного содержания (стихи Рылеева, собственное эссе «Рылеев в темнице» и др.). В начале 1827 г. III отделение занималось этим делом (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Ед. хр. 126), о нем докладывали царю (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 3. Л. 7—10). Николай беседовал с Розальон-Сошальским и простил его, ограничившись переводом из гвардейской артиллерии в Финляндский корпус (см.: *Цявловский М.А.* Эпигоны декабристов//Голос минувшего. 1917. № 7/8. С. 76—104; *Сергиенко Г.Я.* Пропаганда ідей декабристів серед

харківських студентів (1826—1827 рр.)//Український історичний журнал. 1970. № 8. С. 77—84; *Лосиевский И.* Русская лира Украйны. Харьков, 1993 (по указ.). В апреле 1828 г. подал прошение о переводе в действующую армию, на которое Николай, после ходатайства Бенкендорфа, ответил согласием (см.: РГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Св. 30. Ед. хр. 14).

[15]«Да здравствует император!» (*польск.*).

[16]То есть Франц I.

[17]Ныне — Львов.

---

90 Мнение просвещенной части жителей Остзейских провинций о нынешнем Государе и настоящем порядке вещей

Я выше сего сказал, что вообще дворянство привязано к Престолу и соединено с оным взаимными выгодами, но по долгу совести и любви к правде должен объявить, что я с удивлением увидел, что здесь вообще вовсе не знают нынешнего Государя Императора и о многих Его мерах имеют ложное понятие, а о весьма многом, относящемся к чести Его, вовсе не знают. Откуда это происходит? *Во-первых*, от того, что враги правосудия и партизаны упавших деспотов-администраторов* разглашают ложные вести. *Во-вторых*, что посредством книгопечатания нельзя распространять добрых слухов и рассуждений о разных мерах правительства, а потому нельзя управлять общим мнением и так сказать соорудить фарос[2] общего мнения, которому бы следовали люди благонамеренные, увлекая за собою прочих. *В-третьих*. В Остзейских провинциях существуют ревность и зависть между фамилиями (rivalité des familles), и возвышение одной фамилии тотчас производит неудовольствие в противной фамилии. *В-четвертых*. Удержание во всей силе прежних ошибочных мер в администрации и оставление при местах нескольких лиц, не способных или не любимых, погашает надежду на улучшение будущности.

Из сего однако ж не должно заключать, будто в Остзейских провинциях не любят Государя. Нет, напротив того, Его любят за правосудие, твердость характера и семейственные добродетели — уважают как следует — но повторяю, не знают, с какою ревностию и неусыпностью занимается наш Царь делами, не знают цели учреждения жандармерии и полагают, что просвещение не составляет предмета попечений правительства. Последнее обстоятельство приводит в отчаянье просвещенных немцев!

Главные пункты, о которых говорят с жалобами и неудовольствиями, суть:

1. Торговый тариф[3] и уничтожение порта в Ревеле.
2. Гильдейское положение.
3. Цензурный устав.
4. Запрещение ввоза книг и самых невинных журналов, как то «Jung (слово нрзб. — *А.Р.*)», «Abend-Zeitung», «Morgenblatt» и пр.**

---

*К удивлению нашел я приверженцев Какуса[1]! (Гр[аф] Аракчеев).

**Даже сам Паулуччи говорил, что по смыслу Устава нельзя ничего печатать и ввозить. Я видел в Риге у книгопродавца Мейнгаузена циркуляр к немецким книгопродавцам от имени рижских, в котором сказано: «Поелику книжная торговля вовсе уничтожается, книги по целому году лежат в цензуре без всякого ответа и запрещение оных зависит от одной воли

5. Ложное мнение, будто жандармерия учреждена повсюду для принятия доносов и пр.

Мне в разговорах не следовало спорить и доказывать противное; но когда я в виде повествования и рассказов о новостях петербургских говорил о том, с какою неусыпностию сам Государь занимается делами с утра до ночи, как он карает взяточников и награждает бескорыстных чиновников, приводя в пример с одной стороны и с другой имена и лица, как Государь занялся законодательством и флотом, с каким отвержением всякого самолюбия Он учредил комитет для пересмотра Цензурного устава[5], как он награждает литераторов, как он позволяет Пушкину печатать сочинения свои, избавляя их от привязок цензоров, как Он вопреки мнения министров позволил продавать сочинения Жанлис[6], как он ищет и возвышает умных людей, как, например, князя Меншикова, Дашкова[7] и пр. Одним словом я заставлял слушателей проливать слезы, и добрые остзейцы, расположенные обожать Государя, обнимали, целовали меня и называли «добрым ангелом-вестником». Изъявление их радости было всегда непритворным, ибо я не прямо брал моего предмета, но слушая все, в свою очередь начинал рассказывать, взяв сперва на себя ролю, что я совершенно согласен в причинах неудовольствия слушателей. Это был un tour de politique[8]. Насчет жандармерии я говорил одно: «У нас в Петербурге не слышно и вовсе неизвестно, чтобы хотя один честный человек пострадал от доносов и чтобы в случае не нашел защиты. Нет ли у вас примеров противного?» — Ответ был всегда: «У нас нет, но говорят (man sagt), что в Петербурге и вообще в России доносы усиливаются». — На это я говорю прямо, что это ложь, что злоупотребители и воры казны, видя, что правительство бдительно надзирает за справедливостию, сами от страха доносят друг на друга, и в таком случае ничего не остается делать правительству, как предавать суду виновных. Что же касается до политических мнений, то мне, знающему целый город Петербург, имеющему корреспондентов по журналу в целой России, неизвестно, чтобы хотя один человек был преследован по доносу. — Радость и веселие наступило после сей беседы. Добрые, добрые немцы![*] Повторяю, что весьма жаль, что лучшие подданные, цвет российского дворянства, Остзейские провинции, расположенные обожать Царя, привязанные к Трону, не зараженные якобинизмом, не имеют случая знать дел и благих видов Государя. — Цензурный устав[10] — наделал много зла. — Остзейцы просвещенные, и это их поразило. Едва, едва убедили Зонтага и Меркеля продолжать издание своих газет. Страх обуял всех. Профессоры в Дерпте чистосердечно мне сознавались, что они кроме математики не смеют ничего печатать.

цензора, а потому рижские книгопродавцы и не могут впредь покупать гуртом книг, не зная, что будет запрещено и что позволено». — Книги, которые были 30 лет в обращении и самые невинные, даже медицинские, запрещаются без всякого основания. Мне приводили в пример анекдот: цензор Тилль в Петербурге удержал пропуск книги «Serapions Brüder», соч. Гофмана[4], сказав: «Книга *неизвестного* автора впредь до разрешения останавливается». — Гофман и его «Serapions Brüder» известны каждому школьнику, а петербургской цензуре — *неизвестны*. Это возбуждает презрение к месту и неудовольствие. Из разных анекдотов можно составить том.

*Боюсь, чтобы Вы не сочли лестью, если я скажу, что имя Бенкендорфа и Ваше — sont les seules garanties[9]. Вы служите залогом спокойствия! Это однако же сущая правда!

Правосудие

О взятках здесь вовсе не слышно: если б кто вздумал поступать à la Russe[11], то общее мнение наказало бы его презрением и дворянство выгнало бы из службы. Но люди везде людьми. За ними надобно везде присматривать как за детьми, с розгою и пряником. Случаются и здесь несправедливые и пристрастные решения по фамильным связям и ненависти. О некоторых частностях собраны мною сведения и будет впоследствии сообщено. Вообще правосудие здесь идет лучше, без сравнения, нежели в России и в самом Петербурге, особенно при нынешнем Государе, когда главный начальник провинции[12] (прежде всего сильный дружбою с Какусом) опасается ныне употреблять власть свою вопреки законов.

Торговля

Рига разливала богатство по Остзейским провинциям торговлею хлебом и так называемым русским товаром. Ревель обогащал помещиков тем, что из сего порта вывозили хлеб и водку в Финляндию. Рига еще дышит, Ревель упал и вот каким образом.

Когда торг хлебом вообще упал, Рига держалась продажею за границу лесу, пеньки и кож и ввозом соли и сельдей, необходимых предметов для Остзейских провинций. Тарифы, составляемые отчасти невежами, а по большей части интригантами, совершенно погубили торговлю. Для примера укажу на два предмета: *ввозный* и *вывозимый*. За ввоз соли полагается пошлина, почти превышающая цену товара, под тем предлогом, что у нас в России много солеваренных заводов и потому надобно их поддерживать! Теория и невежество! — Наша соль так далеко оттуда, где в ней нужда, что если б надлежало возить ее в Остзейские и польские губернии *гужом*, то она стоила бы втрое дороже привозной морем. Следовательно, теория гибельная. В России, где соединены все климаты и все почвы мира, — нельзя иметь одних общих положений для всех стран — и что хорошо в Крыму, то будет гибельно в Риге.

Иначе нельзя вывозить кож как сырцом — это называют купцы разбоем министров. В России, где столько лесу и столько удобства для выделки кож, как можно уничтожать эту отрасль промышленности. Напротив того, надлежало бы запретить вывоз кож невыделанных, чтобы возвысить свои и уронить чужие фабрики. Вот премудрость Гурьева et consorts[13]!* Например, когда нужно было черепицы на постройку форштатов[14] в Риге, позволено было ввозить ее без пошлины. Это продолжается от 1813 года, и все кирпичные заводы, коих множество вокруг Риги, не могут держаться. Туземная промышленность упадает. Но довольно об этом — я бы написал десять листов и еще бы не начал дела. В торговле величайший беспорядок. Каждый купец или компания, желающая обогатиться, работает в министерстве таким образом, чтобы нужные им статьи были запрещены или позволены — иностранцы и чиновники обогащаются — а целый край упадает без промышленности.

---

*Я был свидетелем, как покойный Михайло Сергеевич Кайсаров и Сальватори (известный мошенник, фаворит Гурьева) составляли тарифы. Сальватори брал деньги с листа, которые в рукописи отсылались в Англию чрез Томсона и Беккера — и были диктованы компанией купцов. Забавно, что один предмет, напечатанный в тарифе по-латыни, ввозится без пошлин, и тот же самый предмет, напечатанный по-русски, ввозится с огромными пошлинами. Можно удостовериться — по тарифам Сальватори.

Таким образом несколько богатых монополистов в Финляндии испросили в министерстве запрещение вывозить* из Ревеля водку в Финляндию, под предлогом обогащения финляндской промышленности, а в самом деле для того, чтобы продавать водку из своих винокурен. Теперь эстляндцы, не имея где продавать водки, не могут держать скота, который три части года питается бардою из винокурен; хлеба сбыть некуда, без навоза земли удобрить нельзя — и все гибнет и пропадает в угодность финляндским монополистам и чиновникам министерства. Сами финляндцы много терпят от этого, ибо хлеб у них дороже и вино также. Они просили Паулуччи выхлопотать позволение вывозить вино из Ревеля. Это рассказывал мне сам Паулуччи.

Записка написана писарским почерком и помечена «№ 5», слова «Гр. Аракчеев» в сноске вписаны рукой Булгарина. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 7—10. Записка подготовлена не позднее середины июня, т.к. упоминаемый в ней Зонтаг скончался 13 июня.

[1]Как (во времена Булгарина его имя читали как Какус) — фигурирующий в 8-й книге «Энеиды» Вергилия мифологический персонаж — отвратительный кровожадный великан, полузверь-получеловек (указано М.Л. Гаспаровым).

[2]То есть маяк. На острове Фарос вблизи Александрии в III в. до н.э. был сооружен знаменитый маяк, и слово «Фарос» стало обозначать маяк в древнегреческом, латыни, а впоследствии и в ряде европейских языков.

[3]Имеется в виду тариф, введенный в 1822 г., которым была «восстановлена прежняя охранительная система в пользу отечественной промышленности и запрещен привоз иностранных товаров большею частию применительно к тарифу 1816 года» (*Нисселович Л.Н.* История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. 2. СПб., 1884. С. 93).

[4]Сборник Э.Т.А. Гофмана «Серапионовы братья» впервые вышел на немецком языке в 4 томах в 1819—1821 гг., на русский был переведен в 1836 г.

[5]См. примеч. 1 к записке № 31.

[6]В.Т. Плаксин вспоминал про Николая I, что «месяцев через шесть после своего воцарения он приказал министру представить ему полный список всех запрещенных книг на французском, немецком и английском языках, с показанием причин, выпиской зловредных мест и с отзывами вообще о достоинствах каждого сочинения запрещенного и сравнительно, чего более можно ожидать от них: вреда или пользы? — цензоры набрали 120 названий и до 300 томов; он разбирал этот список вместе с Шишковым и, — как некоторые говорят, — с Жуковским, — и нашли возможным безусловно запретить только менее десяти книг и столько же, кажется, продавать только ученым, а остальные более ста книг — пустить в общую продажу; преимущественно же при запрещении обращал внимание на мистические книги» (*Плаксин В.Т.* Император Николай Павлович//РС. 1880. № 11. С. 758).

[7]Д.В. Дашков в 1826 г. был назначен статс-секретарем и получил пост товарища министра внутренних дел. А.С. Меншиков в последние годы царствования Александра I был в опале, Николай I вначале послал его с ответственной миссией в Персию, а по возвращении в 1827 г. поручил ему провести реформы на флоте.

[8]политическая уловка (*фр.*).

[9]это единственные гарантии (*фр.*).

---

*Видано ли в мире, чтобы в одном царстве нельзя было свободно торговать земными произведениями. В одном царстве!

[10]Речь идет о цензурном уставе 1826 г.
[11]по-русски (*фр.*).
[12]То есть Ф.О. Паулуччи.
[13]и ему подобных (*фр.*).
[14]То есть предместий.

---

91 Политический дух провинций Остзейских*

Дух революций, якобинизм или, как ныне называют, карбонаризм, стремление к введению конституций, обуявшие большую часть Европы, — все это не принялось в наших Остзейских провинциях. Причины, по коим сия зараза не проникла в сии провинции, суть следующие.

1. Дворянство и высшее купечество, а особенно духовенство здесь весьма просвещены, особенно в общей массе. Здесь вы не услышите, чтоб перед вами стали в угодность для *выслуги* бранить все роды правлений, исключая самодержавного, и особенно нападать на конституционный порядок вещей. Нет. Здесь весьма хладнокровно взвешивают все выгоды и невыгоды разных образов правлений и после того, по убеждению, утверждают, что Россия по своей обширности, разнородности племен, малой степени образованности, недостатку публичной нравственности (morarité publique), нелюбви к законам; что Россия в настоящем ее положении не должна и не может иметь другого правления как самодержавного.

2. Дворянство здесь гордое, славящееся своим рыцарским происхождением и всосавшее с молоком привязанность к титулам и привилегиям. Здешнее дворянство почитает себя выше русского дворянства и никаким образом не согласилось бы вступить на одну линию и подвергнуться одним законам и однородной администрации. Это удерживает дворянство от желания всяких перемен, и стремление тайного общества (о котором здесь узнали из напечатанного отчета Комиссии) преобразовать Остзейские провинции привело всех в ужас. Купечество здесь также имеет свои привилегии, которых опасается лишиться при всякой перемене, и потому два сословия весьма привязаны к существующему порядку вещей.

3. Остзейцы вообще не любят русской нации — это дело неоспоримое. Одна мысль, что они будут когда-либо зависеть от русских, — приводит в трепет. На этот счет они со мною были откровенны. По сей же причине они чрезвычайно привязаны к Престолу, который всегда отличает остзейцев, щедро награждает их усердную службу и облекает доверенностию. Остзейцы уверены, что собственное их благо зависит от блага Царствующей фамилии и что они общими силами должны защищать Престол от всяких покушений на его права. Остзейцы почитают себя гвардией, охраняющей трон, от которого происходит все их благоденствие и с которым соединены все их надежды на будущее время. — Здесь бы растерзали человека, который бы вздумал открыть план заговора или что подобное.

---

*Части восточная и северная Ревельской губернии[1] и сам город не посещены еще мною.

Записка, переписанная Фоком (сноска вписана рукой Булгарина), печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 1—2. Опубликована нами: Тыняновский сборник. С. 266—267. Записка помечена: «№ 1».

[1]Имеется в виду Эстляндская губерния, главным городом которой был Ревель (ныне — Таллинн).

92 Дерптский университет, в политическом отношении

Полагая, что между юношеством вредные правила, позлащенные мнимою филантропиею, удобнее могут найти убежище, я четыре дня прожил в Дерпте, где имею знакомых профессоров и студентов[1], и к удивлению своему и вместе к радости нашел, что общий дух провинций господствует также и в университете.

Между всеми профессорами нет ни одного, который хотя бы двусмысленно изъяснялся насчет политического порядка в России. Все убеждены, что Россия без твердого самодержавного правления не может существовать трех дней. Мнение сие подтверждается доказательствами и примерами историческими.

Прежде здесь водился *буршеншафт*[2], который, кроме имени, не имел ничего общего с немецким *буршеншафтом*, основанным профессором *Яном* и утвержденным на правилах Тугенбунда[3], имеющего целию, как известно, сперва освобождение Германии от французского ига, а после того введение конституций. Дерптский *буршеншафт* состоял в удальстве и молодечестве, дуэлях, непослушании полицейским и городским властям и в войне с русскими офицерами и всеми не принадлежащими к университету, или *филистрами*[4]. Сей порядок, или лучше сказать беспорядок вещей, был вреден, ибо порождал буйство и некоторых увлекал на путь разврата. Нынешнему попечителю, князю Ливену, обязаны истреблением буршеншафта[5] и введением новой, строгой дисциплины.

Дерптский полицмейстер, человек почтенный и всеми любимый[6], говорил мне, что ныне студенты смирны как овцы и что он ныне не находит случая даже придраться к студенту, если б и захотел это сделать. Студенты вообще весьма вежливы, посещают прилежно лекции и живут скромно. Нельзя, чтобы иногда не было отступлений от порядка между 400 юношей — но вообще ни якобинизм, ни разврат не обнаруживаются между ними. Вместо буршеншафтов между студентами существуют *ландсманшафты*, именно три: эстляндский, лифляндский и курляндский. Все уроженцы особых провинций живут и дружатся между собою. Русских здесь 10 человек, и они не пристали ни к одному ландсманшафту. Иностранцы всегда держатся с курляндцами, которые почитаются самыми гордыми и самыми буйными. Смирнее всех эстляндцы, потому что их родные ближе и могли бы известиться скорее о дурном поведении. Но вообще мир и согласие редко нарушаются между студентами.

Кроме введения дисциплины и нравственности в университет князю Ливену обязаны еще заведением строгого экономического порядка в делах университета. Говорили мне, что при вступлении в кураторство князь Ливен, преданный набожности, был предубежден против наук и ученых. Но убедившись опытом, что истинное просвещение напутствует на поприще нравственности и политики, а не совращает с истинного пути, князь

Ливен полюбил ученых и науки и своим предстательством у трона сделал весьма много добра для наук. К[нязя] Ливена любят и уважают в Дерпте.

Записка, переписанная Фоком и помеченная «№ 2», печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 3—4.

[1]О пребывании в Дерпте 20—23 мая Булгарин подробно рассказал в своей газете (см.: Прогулка по Ливонии//СП. 1827. № 75—82). Он пишет там об истории города и его жителях, о знакомстве с Н.М. Языковым и о том, что «любезный поэт взялся быть моим путеводителем по городу», об экскурсии по университету и беседах с профессорами (Эверсом, Моргенштерном, Струве, Мойером, Парротом, Озанном).

[2]В 1815 г. студенты Иенского университета основали общество «Буршеншафт» с девизом «Честь, свобода, отечество», впоследствии к ним примкнули студенты ряда других университетов, и в 1817 г. был создан «Всеобщий немецкий студенческий союз» («Allgemeine deutsche Burschenschaft»), ставивший своей целью нравственное совершенствование своих членов и политическое объединение Германии. В 1819 г. после убийства А. Коцебу студентом К. Зандом общество было закрыто и стало тайным, возродилось оно в 1827 г.

[3]Патриотическое общество в Пруссии, созданное в 1808 г. для воспитания юношества в национальном духе и реорганизации армии. Тайной его целью было свержение французского ига. В 1809 г. по требованию Наполеона было закрыто указом прусского короля.

[4]Н.М. Языков, будучи студентом Дерптского университета, писал в 1823 г. братьям, что «редко день проходит здесь без драки на саблях или пистолетах, и редко студент не носит на лице памятника своего школьнического героизма <...> много, очень много времени проходит у студентов в приготовлениях к дуэлям, в них самих и, наконец, в суждениях о достоинстве того или того подвига по сей части; когда двое дерутся, тогда верно пятьдесят стоят и смотрят, а дерутся каждый день; после дуэли сражавшиеся мирятся, поют, пьянствуют, гуляют <...>» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. СПб., 1913. С. 106). Он же в следующем году сообщал братьям, как «партия студентов <...> возвращаясь с праздника назад — разумеется пьяная, с трубками, была задержана караулом солдат для отнятия трубок; студентов было с полсотни, солдат — только 9. Началась драка; солдат прибили, как говорится, не на живот; им на помощь пришла целая рота, студенты обратились в бегство, троих схватили. На другой день выбили окна и рамы у полицеймейстера» (Там же. С. 134). О дерптском буршеншафте (буршестве) как типе поведения см.: *Митюрев С.Н.* «Раздолье Вакха и свободы...» (Буршество как тип поведения)//Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Таллинн, 1992. С. 187—200; *Чешихин Е.* Студенческие бесчинства в Дерпте. 1804//РА. 1887. № 10. С. 265—281; *Чумиков А.А.* Летопись забав и шалостей дерптских студентов в 1803—1862 гг.//РС. 1890. № 2. С. 341—370; О студенческой жизни в Дерпте. СПб., 1891; *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902). Т. 1. Юрьев, 1902. С. 275—282, 525—555.

[5]В марте 1827 г. возобновились (после долгого перерыва) «бесчинства» дерптских студентов, о чем было донесено генерал-губернатору и по высочайшему повелению была назначена комиссия для следствия. Ряд студентов был наказан (см.: *Чумиков А.А.* Указ. соч. С. 357—363). Однако Булгарин ошибался, полагая, что студентов удалось утихомирить. Как раз в 1827 г. в Дерпте было создано тайное общество буршеншафт, о чем властям стало известно лишь в 1833 г. после специального расследования (См.: *Петухов Е.В.* Указ. соч. С. 552—554; *Чумиков А.А.* Указ. соч. С. 365).

[6]Этот пост занимал тогда Христофор Иванович Ясинский. «Когда император Николай I навестил Дерпт, то заметил, что жандарм или полицейский драгун держал саблю, или палаш, не по форме, и приказал арестовать Ясинского. А.Х. Бенкендорф, в добрую минуту, рассказал государю, что этот самый Ясинский, узнав о

кончине императрицы Марии Федоровны, горько заплакал и спросил: «Как же это? кто теперь у нас в России будет вдовствующей императрицею?» Государь приказал тотчас освободить его из-под ареста» (*Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 78).

---

93 Политический дух крестьян

По сознанию самих помещиков, здесь весьма дурно обращались с крестьянами лет двадцать тому назад и содержали их хуже нежели негров. Разумеется, нет правила без исключения — но вообще крестьяне были дурно содержаны и обращение с ними не соответствовало просвещению края. Ныне это отчасти истребилось, но однако ж с крестьянами здесь вообще не так еще обходятся как бы следовало. По введении нового положения, крестьян нельзя бить произвольно: позволяется помещику дать не более 10-ти лозанов за вину, если он не хочет представить крестьянина в суд. Но часто случается, что десять лозанов повторяются десять раз в день. За долг и за неуплату податей заставляют их работать более двух дней в неделю и берут домашний скот, что приводит крестьян в разорение. Все сии прижимки и жестокости делают по большей части не сами помещики (из коих бо́льшая часть в службе), но арендаторы имений. Крестьяне весьма не любят дворян или вообще *саксов*, как они называют всех фрачных, немцев и русских, поносят их бранными словами при всяком случае и питают себя надеждою, что придет время отмщения. Это мне рассказывал один мелкий продавец товаров, разъезжающий лет двадцать по деревням. Большая часть латышей и эстов из ненависти к своим господам, или саксам, переменили [веру] и беспрестанно отступают от лютеранизма и вступают в братство гернгутеров. Это припоминает перуанцев, которые не хотели сделаться христианами для того, чтобы не быть после смерти в одном раю с испанцами. Крестьяне с нетерпением ожидают истечения срока, назначенного к получению свободы. Из трех остзейских провинций самые богатые крестьяне в Курляндии, в средней Лифляндии, на Эзеле и около Ревеля. Самые бедные в Эстляндии около Нарвы и Дерпта. Уездные начальники не прижимают их столько, как в России, но иногда наказывают беспощадно по жалобам арендаторов. Вообще можно сказать, что крестьяне в трех провинциях более возбуждены ненавистью к помещикам и особенно арендаторам, нежели в России, и что они гораздо буйнее и строптивее русских крестьян, которые послушны и легко дают убеждать себя ласкою. — Между крестьянами водится какое-то предание, что все *саксы* будут истреблены. Это говорил мне вышеупомянутый продавец мелких товаров. — Память Александра I чтят свято и называют его *Юмала** — святым — но говорят, что саксы не позволили утвердить их вольность.

Записка, переписанная Фоком и помеченная «№ 3», печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1255. Л. 5—6.

[1]Так они называют Бога. Это имя их языческого идола (*фр.*).

---

*C'est ainsi qu'ils appellent Dieu. C'est le nom de leur idole payen[1].

94 [Толки о войне в Персии]

О делах персидских ходят по городу дурные вести[1]: якобы много солдат умирают от изнурения и болезней, якобы одна наша колонна положила ружья и сдалась, якобы персиане из русских голов составили пирамиду и т.п. — «Не то было бы, если б командовал Ермолов, — говорят его приверженцы, — он знал край и был обожаем солдатами; его имени ужасались персиане, и одно появление его устрашило б персиан». Обвиняют Паскевича в нерешительности и называют черепахою.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 37. По содержанию датируется августом 1827 г.

[1]Речь идет о трудностях во время русско-персидской войны, которые испытывали русские войска (дивизия под командованием генерала А.И.Красовского) в июне — начале августа 1827 г.

---

95 [Толки о Ермолове]

На счет Ермолова стали опять много говорить в городе[1]; уверяют, что он отказался, как Цинцинат, от пенсии, живет в деревне отца[2], который ему дает 5000 рублей. Русские горюют о немилости Ермолова, сравнивают его с людьми, пользующимися благосклонностию двора, и отдают преимущество Ермолову.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 41. По содержанию датируется летом 1827 г.

[1]Об опале Ермолова см. записку № 79.

[2]Ермолов приехал 15 июня 1827 г. к отцу в Орел и поселился в его доме. Он был «вовсе» уволен приказом от 25 ноября 1827 г. «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсионом полного жалования» (о его жизни в Орле см.: *Кавтарадзе А.Г.* Генерал А.П.Ермолов. Тула, 1977. С. 97—101; Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. № 2. С. 144—145). В.Б.Бурнашев вспоминал, что «в Орле Ермолов являлся человеком, под царской опалой находящимся, почему все высшие гражданские чиновники, к числу которых принадлежал мой отец, получили от своих начальств конфиденсиальные наставления не сближаться с генералом Ермоловым и, сохраняя декорум, стараться держать себя с ним не в тесных отношениях» (*Бурнашев В.Б.* Улан Клерон//Биржевые ведомости. 1872. № 268).

---

96 [Толки об инструкции Училища для образования военных учителей]

Между молодыми людьми и приказными много говорят о том, что в инструкции Училища для образования военных учителей[1] формально запрещено преподавать поэзию. Недовольные из сего выводят дурные провозвещения на счет будущего просвещения в России.

Мы не видали сей инструкции.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 42. По расположению в подборке агентурных донесений условно датируется летом 1827 г.

[1]В 1827 г. было решено устроить при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов Военно-учительский институт с целью подготовки преподавателей для кадетских корпусов. Проект был утвержден царем, но тем не менее не был реализован в полной мере, были созданы лишь учительские классы, подготавливавшие учителей для обучения военных кантонистов (см.: *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. Ч. 1. СПб., 1880. С. 74—75).

---

97 [Слухи и толки о войне в Персии]

На счет войны с Персией говорят: «Нас удерживает Меттерних от войны с турками, где мы можем получить славу освободителей единоверцев, приобресть Молдавию и получить влияние на Востоке, а бросили в горы персидские гибнуть от климата, тактики английской и мечей наездников. Иностранные державы хотят ослабить Россию и занять ее в Азии, чтоб она не имела влияния на Европу. — Комментарии при сих разговорах обвиняют многие лица. Сии слухи и толки ходят и между военными.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 43. По расположению в подборке агентурных донесений и содержанию датируется летом 1827 г.

---

98 [Записки о Н. Полевом]

[№ 1]

Получено письмо из Москвы, которое мы сами видели, от одного книгопродавца к другому, что *Полевой* и кн. Вяземский нашли дорогу к князю Дмитр[ию] Владимир[овичу] Голицыну и что якобы сам Голицын просит Государя о позволении им издавать в Москве если не русскую, то французскую и *польскую* (!?) газету. Сам князь несколько раз жаловался попечителю Писареву на Полевого, обвиняя его в якобинстве, — и мы даже помним одну статью, за которую жаловался: это «Очки»[1], а теперь Голицын же протежирует! — Говорят, нашли путь к его сердцу чрез *актрис*. Не знаем, к Государю ли писал князь или к министру и Блудову — но, говорят, писал наверняка.

[№ 2]

19 августа

Издатель журнала «Московский телеграф» купец *Полевой* старается приобресть позволение на издание в Москве частной политической газеты, с будущего 1828 года[2]. По сему случаю осмеливаемся сделать следующие замечания.

1) Издание политической газеты даже в конституционных государствах поверяется людям, известным своею привязанностию к правительству, опытным и умеющим действовать на мнение. В политической газете

самое молчание о предметах, могущих произвести приятное впечатление, и простой голый рассказ о событиях, представляющих власть в виде превратном, могут волновать умы и посевать неблагоприятные ощущения в читателях. Ценсура не может заставить издателя рассуждать в пользу монархического правления или говорить, где ему угодно молчать, а потому дух газеты всегда зависит от образа мыслей издателя. Г[осподин] Полевой по происхождению своему принадлежит к среднему сословию, которое по натуре вещей всегда более наклонно к нововведениям, обещающим им уравнение в правах с привилегированными классами: сей образ его мыслей обнаружен в поданном министру финансов мнении московского купечества, в конце царствования блаженной памяти Императора Александра. Мнение сие сочинено г[осподином] Полевым и в свое время произвело большие толки: там и Вольтер, и Дидерот выведены на сцену для защиты прав московского купечества[3]. В «Московском телеграфе» беспрестанно помещаются статьи, запрещаемые с.-петербургскою ценсурою, и разборы иностранных книг, запрещенных в России. В нынешнем году помещались там письма А. Тургенева из Дрездена, где явно обнаружено сожаление о погибших друзьях и прошедших златых временах[4]. Вообще дух сего журнала есть оппозиция, и все, что запрещается в Петербурге говорить о независимых областях Америки и ее героях, с восторгом помещается в «Московском телеграфе»[5]. Сие замечено уже и генералом Волковым.

2) Г[осподин] Полевой, по своему рождению не имея места в кругу большого света, ищет протекции людей высшего состояния, занимающихся литературою и, само по себе разумеется, одинакового с ним образа мыслей. Главным его протектором и даже участником по журналу есть известный князь Петр Андреевич Вяземский[6], который, промотавшись, всеми средствами старается о приобретении денег[7]. Образ мыслей Вяземского может быть достойно оценен по одной его стихотворной пиесе «Негодование», служившей катехизисом заговорщиков[8], которые чуждались его единственно по его бесхарактерности и непомерной склонности к игре и крепким напиткам. Сей-то Вяземский есть меценат Полевого и надоумил его издавать политическую газету[9].

3) Москва есть большая деревня. Там вещи идут другим порядком, нежели в Петербурге, и ценсура там никогда не имела ни постоянных правил, ни ограниченного круга действия. Замечательно, что от времен Новикова все запрещенные книги и все вредные, ныне находящиеся в обороте, напечатаны и одобрены в Москве. Даже «Думы» *Рылеева* и его поэма «Войнаровский», запрещенные в Петербурге, позволены в Москве[10]. Все запрещаемое здесь печатается без малейшего затруднения в Москве. Сколько было промахов по газетам и журналам, то всегда это случалось в Москве. Все политические новости и внутренние происшествия иначе понимаются и иначе толкуются в Москве, даже людьми просвещенными. Москва, удаленная от центра политики, всегда превратно толковала происшествия, и журналы, выбирая даже статьи из петербургских газет, помещают их часто столь неудачно с пропусками, что дела представляются в другом виде. Вообще московские ценсоры, не имея никакого сообщения с министерствами, в политических предметах поступают наобум и часто делают непозволительные промахи. По связям Вяземского они почти безусловно ему повинуются.

4) Г[осподин] Полевой, как сказано, состоит под покровительством князя Вяземского, который по родству с женою покойного историографа Карамзина находится в связях с товарищем министра просвещения Блудовым. Невзирая на то, что сам Карамзин знал истинную цену Вяземского, Блудов, из уважения к памяти Карамзина, не откажет ни в чем Вяземскому. Из угождения Блудову можно в крайности позволить Полевому помещать политику в своем двухнедельном журнале, «Московском телеграфе», но выдавать особую политическую газету в Москве невозможно, по причинам вышеизъясненным и для предупреждения зла, которое после гораздо труднее будет истребить.

Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволение вновь издавать политические газеты даваемо было не иначе, как с Высочайшего разрешения, как сие делается во Франции.

[№ 3]
21 августа

Я наугад выбрал по одной книжке из первых четырех месяцев 1827 года. — В прошлых годах есть гораздо сильнейшие вещи, именно политические.

1) Если со вниманием прочесть замеченные места в первой статье № 1, то ясно обнаружится желание издателя дать почувствовать читателям, что письмо сие пишется Николаю *Тургеневу*, под вымышленными буквами, явный ропот противу притеснения просвещения, которое называют *запретною розою*, и сожаление о погибших друзьях, на странице 9, было всеми понято и доставило большой ход журналу[11]. В статье все жалуются *на два* последние года, т.е. 1825 и 1826 — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиков. Все так ясно изъяснено, что не требует пояснений.

2) В № 4, февраль — статья «Путешествие в Эрменонвиль»[12] написана в таком духе, что сочинитель «Contrat social»[13] представлен первым и величайшим философом. Известно, сколько зла наделал Руссо своими мечтаниями, — а ему велят верить! — Стоит прочесть всю статью, что отмечено.

3) В № 6, март, статья «Философия истории» наполнена революционных правил. Стоит прочесть замеченные места. Особенно достойно примечания место на конце 113 и перенос на 114 страницу. Спрашивается, что значит: «*Учение средины последнего века, которое навеки пребудет убежищем всех избранных душ*»?[14] Каждый школьник знает, чему учили энциклопедисты в половине 18-го столетия.

4) В № 7, апрель, приведено доказательство, как издатель умеет в рецензии поэзии примешивать политику[15]. Замеченные места содержат в себе самый явный карбонаризм[16].

[№ 4]
23 августа

Издатель «Московского телеграфа» *Полевой* сам приехал сюда хлопотать о позволении издавать с будущего 1828 года политическую газету «Компас», т.е. указатель и руководитель мнений. *Полевого* покровительствуют все так называемые патриоты и даже Мордвинов. Все замеченные в якобинизме москвичи: *Титов, Киреевский, Соболевский* — сотрудники «Телеграфа»[17]. Покровители оного князь Вяземский и бывший профессор

Давыдов[18], самый отважный якобинец. Если свыше не взято будет мер, то якобинство приобретет величайшую силу для действования на умы. Дело о «Компасе» уже в ходу, и все русские так называемые патриоты торжествуют. Здесь ходатаем Полевого некто *Нечаев*, принадлежавший к Союзу благоденствия, как то оказалось из добровольного сознания тульского почтмейстера. Сам Полевой ныне в Петербурге; Нечаев возил его к Мордвинову, и он уже похваляется согласием Блудова и министра и говорит, что для него будет разрешено печатать известия без сношения с министерствами.

Я счел непременным долгом еще раз обратить внимание на сей предмет, ибо, по всем известиям, дух молодежи в Москве весьма дурен.

[№ 5]

Соболевский, побочный сын Соймонова, замеченный в весьма либеральных правилах и известный по письму сомнительного содержания к *Киреевскому*, прибыл сюда и остановился у кавалергардского офицера *князя Трубецкого*, в доме *Устинова*, у Семеновского моста.

Киреевского также ожидают.

Титов здесь служит в иностранной коллегии. Молодой человек развратных правил.

Вчера в цензурном комитете подписан журнал о дозволении издавать в Москве газету «Компас» (политическую) и журнал «Энциклопедия». Какие заглавия одни!!

Вот их виньеты:

18

28

[№ 6]

Известный *Соболевский* (молодой человек из московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину[19] и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, как дитя. Он поэт, живет воображением, и его легко увлечь. — Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом[20]. Атаманы — князь *Вяземский* и *Полевой*, приятели *Титов*, *Шевырев*, *Рожалин* и другие москвичи. Соболевский водится с кавалергардами.

[№ 7]

Достойно замечания, что за *Полевым*, намеревавшимся издавать «Компас» и «Энциклопедию» в Москве, кроме своего «Телеграфа», приехала в Петербург целая когорта москвичей, из коих самый дурной — сотрудник его *Соболевский*, а самый бестолковый и подозрительный — цензор его *Сне-*

гирев, который, имея поручение визитировать школы в Новгороде, заезжал в Петербург. Полевого сильно протежировали так называемые русские патриоты, или, как их в насмешку называют, *русские думники*. Первым протектором был *Н.С. Мордвинов*. *Блудов* протежировал лишь по связи с *Вяземским*. Возил повсюду Полевого известный журналист *Свиньин*, который слывет под именем *медного лба*[21] и *patriote réchauffé*[22]. *Кикин* сильно действовал в его пользу. Никто из них не сомневался в успехе, и все крайне удивились, когда Шишков объявил в свое оправдание, что запрещено *свыше*[23]. Впрочем, Шишков, вероятно, видел предосудительные места в «Телеграфе», ибо он был раздосадован на Полевого и даже сказал: «Если б мне порядочно досталось за этот журнал, то в первый раз было бы по делам!» Жена Шишкова[24] говорила, что Н.С. Мордвинов сильно нападал на ее мужа, зачем он не *отстоял Полевого*, ибо он купец и патриот, а *нам* должно поддерживать русские дарования.

Литераторы здешние и даже многие москвичи чрезвычайно рады этому запрещению. Полевой приписывает князю Дмитрию Владимировичу Голицыну сие запрещение. Патриоты, так называемые *думники*, повесили нос.

Здесь получено известие, что Вяземский переходит к другой партии и научает молодых людей: *Михайлу Дмитриева*, *Писарева молодого*[25] и еще нескольких, испросить позволение на издание политической газеты в Москве. Ему непременно хочется иметь в Москве *частную политическую газету*.

Записки, переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 470. Л. 1—12. На первой записке — карандашная надпись: «Август 1827». Записки 2—7 впервые опубликованы М.И. Сухомлиновым (без указания автора): ИВ. 1886. № 3. С. 519—525; затем Н.Ф. Дубровиным: РС. 1903. № 2. С. 259—263; перепечатаны (с атрибуцией Булгарину) в кн.: *Лемке*. С. 255—260.

[1]Имеется в виду философская сказка Сегюра «Очки» (МТ. 1827. № 5. Отд. 2. С. 9—38). Речь в ней идет о султане, получившем волшебные очки, позволяющие увидеть происходящие события с точки зрения других лиц. Обсуждая проблему соотношения личных желаний и государственной пользы, автор устами визиря султана призывает к компромиссу и терпимости: «Политика, как правосудие, требует снисходительности. Сильные, оскорбительные исправления какого-нибудь человека или какой-нибудь партии похожи на удары молотка и только сильнее углубляют их в заблуждение, от которого хотели их избавить...» (С. 18).

[2]В июле 1827 г. Н. Полевой обратился в Московский цензурный комитет с прошением разрешить ему издавать кроме МТ политическую и литературную газету «Компас» и обзорный научный журнал «Энциклопедические летописи отечественной и иностранной литературы» (См.: *Сухомлинов М.И.* Н.А. Полевой и его журнал «Московский телеграф»//ИВ. 1886. № 3. С. 515—518). Прошение было передано в Петербург, в Главный цензурный комитет, который 16 августа счел возможным разрешить издание нового журнала, а вопрос о судьбе газеты представил на усмотрение министра народного просвещения А.С. Шишкова. Тот склонен был дать согласие и лишь по поводу разрешения печатать политические известия (под которыми в то время понимались новости о событиях за рубежом) приказал запросить мнение министра иностранных дел. В это время и поступили эта и следующие агентурные записки.

[3]Речь идет, по-видимому, о записке «Начертание представления Московского купеческого общества о причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и средств к поправлению оных для умножения казенных сборов» (опубл. в кн.: Исто-

рия московского купеческого общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1916. С. 290—329), составленной в «собрании членов, избранных Московским купеческим обществом» в октябре 1823 г. и представленной московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну для передачи министру финансов, а затем императору. Полевой не значится среди подписавших записку, однако исследователи его творчества полагают, что он принимал участие в подготовке этого документа (см.: Полевой. С. 25; *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981. С. 30). О Н. Полевом как идеологе среднего сословия см.: Полевой. С. 26—29; *Шикло Е.А.* Указ. соч. С. 27—33.

[4]«Письма из Дрездена» А.И. Тургенева, подписанные псевдонимом Э.А. (то есть «Эолова Арфа» — арзамасское прозвище Тургенева), были помещены в 1827 г. в № 1, 2, 4, 6, но «сожаления о погибших друзьях (т.е. декабристах. — *А.Р.*) и прошедших златых временах» содержатся не в них, а в помещенной без подписи статье Н.А. Полевого и П.А. Вяземского «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг.» (МТ. 1827. № 1); см ниже примеч. 11.

[5]В МТ действительно часто печатались материалы о различных американских государствах. См., напр.: Современные летописи. 1826. № 5. С. 85—89; № 6. С. 174—186; Журналистика. 1827. № 2. С. 82—85, и др.

[6]П.А. Вяземский в 1825—1827 гг. принимал активное участие в МТ. В «Автобиографическом введении» он вспоминал, что «иная книжка «Телеграфа» была наполовину наполнена мною или материалами, которые сообщил я в журнал» (*Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 307). По воспоминаниям К.А. Полевого, «участие князя Вяземского придавало <...> авторитет журналу, в котором он являлся сотрудником, и было важно советами этого истинно европейского литератора, искренно желавшего водворить в русской журналистике взгляды и критику, достойные современного просвещения» (цит. по: Полевой. С. 174; см. также по указ.). О сотрудничестве Вяземского в МТ см. также: *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский. Л., 1969. С. 128—169.

[7]Вяземский писал в 1829 г., что печатался в МТ, потому что по условию, заключенному на один год с его издателем, «хотел получить несколько тысяч рублей и таким оборотом заменить недоимки в оброке с крестьян наложением добровольной подати на публику» (*Вяземский П.* Указ. соч. С. 330).

[8]Стихотворение Вяземского «Негодование», написанное в 1820 г., при его жизни не публиковалось, но широко распространялось в списках. Воспевая свободу, Вяземский в резких выражениях клеймил крепостное рабство и низкопоклонство перед престолом, продажность судей и религиозное ханжество. В письме Н.А. Полевому от 27 октября 1824 г. Булгарин писал про Вяземского: «Я его люблю, как душу, его, друга Польши, автора «Негодования»» (цит. по публикации В.Э. Вацуро: Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 176).

[9]В специальной записке, написанной с целью защиты от этих и других обвинений, Вяземский писал, что доносчики «помнят мои прежние эпиграммы, боятся новых, боятся независимости моего прямодушия, когда предстоит мне случай вывесть на свежую воду их глупость или криводушие, боятся некоторых прав моих на внимание читающей публики, боятся совместничества моего для них опасного, и в бессилии своем состязаться со мною при свете дня, на литературном поприще, они подкапываются под меня во мраке свойственном их природным дарованиям и насущному ремеслу» (*Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 331).

[10]«Думы» Рылеева печатались в 1821—1823 гг. в петербургских журналах и альманахе «Полярная звезда», но для отдельного издания (М., 1825) Рылеев отдал их в московскую цензуру. Отрывки из «Войнаровского» также публиковались в петербургской периодике (в 1824 г.), но целиком (да и то с цензурными пропусками и изменениями) он смог выпустить поэму только в Москве в 1825 г.

[11]Речь идет о напечатанной без подписи статье Н.А. Полевого и П.А. Вяземского «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг. (Письмо в Нью-Йорк, к С.Д. П[олторацкому])» (МТ. 1827. № 1. С. 5—19), где авторы писали, что за эти два года судьба русской литературы «мало переменилась. Эта *запретная роза* остается попрежнему запретною: соловьи свищут около нее, но, кажется, не хотят и не смеют влю-

биться постоянно и только рои пчел и шмелей высасывают мед из цветочка, который ни вянет, ни цветет, а остается так, в каком-то грустном, томительном состоянии <...> В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые веселили нас в былое время <...> смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый и часто (думая о тебе) с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади): "Одних уже нет, другие странствуют далеко!" (с. 6—7, 9). Статья содержала намек на помещенное в 1826 г. в МТ стихотворение «Запретная роза», где речь шла о розе, которую «оскорбил» и «погубил» шмель. Стихотворение было посвящено сестре жены адресата письма, С.Д. Полторацкого, — Е.П. Киндяковой, которая вышла замуж за И.А. Лобанова-Ростовского, садиста и импотента (в 1828 г. Синод расторг этот брак). Таким образом власти сравнивались в статье со шмелем, что, конечно, было дерзким намеком (см.: *Гиллельсон М.И.* Указ. соч. С. 160—161).

[12]См.: *Франклин.* Путешествие в Эрменонвиль//МТ. 1827. № 4. Отд. 2. С. 133—150.

[13]*«Общественный договор»* (*фр.*) — имеется в виду трактат Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

[14]Булгарин неточно цитирует и еще более неточно интерпретирует слова из переведенной с французского статьи «Философия истории» (МТ. 1827. № 6. С. 105—114), где речь идет о методологии исторического познания, о переходе от описания к пониманию смысла истории («В средине последнего века возникло учение, всеобъемлющее как мысль человеческая, светлое как надежда, сначала с восторгом принятое, ныне слишком забытое, и которое навеки пребудет убежищем всех избранных душ», с. 113—114).

[15]Речь идет о рецензии П.А. Вяземского на издание сонетов А. Мицкевича (МТ. 1827. № 7. С. 191—203), где шла речь о Вольтере, Руссо, Шатобриане и Б. Констане и где были превознесены идеи Байрона.

[16]По просьбе Бенкендорфа хороший знакомый Вяземского Д.Н. Блудов 30 августа 1827 г. написал ему письмо, где, исходя из подготовленной Булгариным записки от 21 августа, изложил претензии правительства к Вяземскому и призвал его к осторожности. После этого письма (сыграли свою роль и конфликты с Н. Полевым по поводу выплаты гонорара) Вяземский существенно сократил свое сотрудничество в МТ (см.: *Гиллельсон М.И.* Указ. соч. С. 158—166). В 1828 г. он лишь эпизодически появлялся в журнале, а в дальнейшем вообще прекратил печататься там.

[17]И.В. Киреевский, С.А. Соболевский и В.П. Титов не печатались в МТ, и из них лишь С.А. Соболевский был в близких отношениях с Н.А. Полевым. О его посредничестве между А.С. Пушкиным и Н.А. Полевым см.: Письма Л.С. Пушкина к С.А. Соболевскому//РА. 1878. № 11. С. 396—397.

[18]По воспоминаниям К.А. Полевого, когда И.И. Давыдов начал преподавать в университете философию, то «за свою "вступительную лекцию" (которая тогда же была напечатана) подвергся удалению <...> от профессорской кафедры. Довольно долго он только носил звание профессора, но не преподавал ничего» (*Полевой.* С. 260).

[19]Пушкин в середине июля приглашал Соболевского приехать из Москвы в Петербург (см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 13. [М.; Л.], 1937. С. 332), а с конца этого месяца жил в Михайловском. Соболевский собирался 21 сентября поехать к нему (см. опубликованное Б.Л. Модзалевским письмо Соболевского Н.М. Рожалину от 20 сентября 1827 г.: Былое. 1918. № 1. С. 38), но эта поездка, по-видимому, не состоялась.

[20]А.И. Кошелев вспоминал, как в 1825 г. любомудры «толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления» (*Кошелев А.И.* Записки. М., 1991. С. 52). Об оппозиционных, а в какой-то степени и революционных убеждениях любомудров см.: *Аронсон М.* «Конрад Валленрод» и «Полтава» (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х — 30-х годов)//Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 43—52.

[21]Это прозвание закрепил за П.П. Свиньиным А.Е. Измайлов в своей басне «Лгун» (1824; см.: Поэты — сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 351—352) (указано В.Э. Вацуро).

[22]сверхпатриота; буквально — «подогретого», «возбужденного» патриота (*фр.*).

[23]Записки Булгарина, рисующие Полевого противником правительства и революционером, сыграли, видимо, свою роль. Министр народного просвещения А.С. Шишков отменил уже подписанное им разрешение. В отношении в московский цензурный комитет он так объяснял свое решение: «Я не могу изъявить своего согласия, во-первых, потому, что в состав одного из сих сочинений входят политические известия, которые московский цензурный комитет, не имея определенного уставом о цензуре особого наставления, рассматривать и одобрять к напечатанию без затруднения не может, и, во-вторых, что для позволения г. Полевому распространить круг действия своего, как повременному издателю, надлежит, на основании существующих узаконений, иметь правительству надежнейшее того обеспечение, которое признано достаточным для издавания одного только «Телеграфа». При сем почитаю нужным подтвердить г. Полевому, касательно издаваемого им журнала, чтобы он при выборе помещаемых в оном статей действовал с величайшею осмотрительностию» (цит. по: ИВ. 1886. № 3. С. 524; подлинное цензурное дело сохранилось в архиве М.И. Сухомлинова: СПб. филиал Архива РАН. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 70). Кроме того, Д.Н. Блудов в указанном в примеч. 16 письме Вяземскому, опираясь на замечания Булгарина, писал о том, что ряд материалов МТ могут произвести «пагубное воздействие на читательскую чернь» (см.: *Гиллельсон М.И.* Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А.Вяземскому о «Московском телеграфе»//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3. М., Л., 1960. С. 418—422; *Он же.* П.А. Вяземский. Л., 1969. С. 158—159).

[24]То есть Ю.О. Лобаржевская.

[25]То есть А.И. Писарева (1803—1836), названного молодым, чтобы отличить его от другого московского литератора, А.А. Писарева (1780—1848).

---

99 [Толки по поводу ареста Языкова]

По случаю толков об арестовании *Языкова*[1] говорили в министерстве просвещения: «Вот было бы хорошо, если б Государю вздумалось заехать в университет и осведомиться, как там преподают науки. *Дегуров* имеет две кафедры и не преподает ни [на] одной[2], хотя бы обе его науки должно было слить вместе. *Щеглов*, получая 3000 руб. жалованья, заставляет своего племянника, магистра, читать лекции, а сам преподает частные уроки по 10 рублей за час. Так и большая часть профессоров разделили науки, долженствующие преподаваться вместе, на разные кафедры, для одного жалования, и редко посещают лекции. Все дело университета ограничивается в канцелярской переписке, а доходы, кроме жалования, от частных экзаменов при производстве в чины. — Министерство просвещения вовсе не помышляет об улучшении воспитания и занимается только *очисткою входящих и исходящих бумаг и экономическою частию*».

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3181. Л. 99. Подготовлена, по-видимому, в августе 1827 г.

[1]В июне 1827 г. Николай дал распоряжение министру народного просвещения по поводу учебных зданий в Кронштадте и Ораниенбауме. Побывав там через два месяца, он убедился, что его распоряжение и не начинали исполнять. Тогда последовало следующее повеление, изложенное в отношении статс-секретаря Муравьева к министру юстиции от 10 августа 1827 г.:

«Государь Император, рассмотрев отзыв министра народного просвещения о причине двухмесячного замедления в исполнении по объявленному статс-секретарем

Муравьевым, ему, министру народного просвещения, повелению Его Величества о училищных строениях в Ораниенбауме и Кронштадте, и находя в том виновными попечителя С.-Петербургского учебного округа, за неисполнение высочайшего повеления, и директора департамента народного просвещения, за несвоевременный доклад министру народного просвещения, о неисполнении высочайшей воли, — высочайше повелеть соизволил: попечителю сделать строжайший за то выговор, с взнесением в его формуляр; а директора департамента посадить под арест на сутки при сенатской гауптвахте, равномерно со взнесением в его формуляр. Его Величество повелевает, чтоб министр народного просвещения, по принадлежности, о сем сделал надлежащее исполнение и донес Его Величеству» (Взыскания за медленное исполнение высочайшего повеления//РС. 1903. № 3. С. 540; см. также: *Пржецлавский О.А.* Воспоминания//РС. 1874. № 12. С. 685; *Дивов П.Г.* Петербург в 1827 году//РС. 1898. № 1. С. 107).

[2]А.А. Дегуров, выходец из Франции, практически не знал русского языка. «Он преподавал историю на латинском языке с дополнительными объяснениями по-французски. С избранием его в ректоры университета [в 1825 г.] он, оставаясь заслуженным профессором истории при университете, лекций более не читал сам, а вместо него преподавали историю всеобщую Рогов и Крылов <...>» (*Фортунатов Ф.* Памятные заметки вологжанина//РА. 1867. № 12. С. 1701).

---

100 [О следствии, проводимом Горголи]

О Горголи рассказывают чудеса: он заставил главного комиссара добром высказать всю правду и купца или мужика Никитина во всем признаться. Обвиняют Моллера, который хотел погубить Рикорда за то, что он говорил правду при следствии об его брате. Рикорд первый открыл злоупотребления. Горголи, открыв истину, оправдывает Рикорда.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 4. Она сохранилась в подборке записок 1827—1829 гг. и приблизительно датируется нами концом августа — сентябрем 1827 г. В это время сенатор И.С. Горголи руководил Комиссией, учрежденной для исследования причин недобротности парусов на эскадре адмирала Сенявина, рапорт о результатах работы комиссии был представлен им 28 сентября — см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 47. С. 1653.

---

101 [Записка о влиянии иностранных держав на политический образ мыслей в России]

Вы спросили меня: *имеют ли иностранные державы влияние на политический образ мыслей в России?* — Этим вопросом Вы коснулись самой чувствительной струны моей, ибо в продолжение 9 лет это составляет мою idée fixe[1]. Наблюдения мои удостоверили меня совершенно в том, что все демагогические правила тщательно рассеваются иностранцами, с целию, которую я изъяснить постараюсь.

1) *Австрия*, после падения Франции с Наполеоном, не опасается никого, кроме соседа своего, России, которая, однако, прокламациею к славянским племенам (составляющим $^{9}/_{10}$ империи и ненавидящим немецкое владычество) и двумя дивизиями, польскою со стороны Богемии и русскою со стороны Галиции, может произвесть совершенный переворот и падение

австрийской монархии. Я видел в Варшаве, во время Венского конгресса[2], обширную *Записку* на сей счет, которая перешла в руки Метерниха и заставляла его сильно домогаться уничтожения Герцогства Варшавского[3]. — Она была сочинена некоим галицийским помещиком *Сераковским*, партизаном Австрии и неприятелем России. Кроме того, интерес Австрии состоит всегда в том, чтоб ослаблять своих соседей и иметь *prépondérance*[4] в Европе, дабы тем содержать в повиновении все составные свои части и Италию. — Но каким образом удержать силу России, так сказать, на привязи? — a) Тесным союзом с Англиею; b) с Турциею, усиливая сию державу и представляя ей Россию как самого опасного соседа; c) занятием русского Императора домашними делами, чтоб он, опасаясь внутренних беспокойств, не думал о внешних потрясениях и держался Австрии, как сильной самодержавной империи, которая, по согласию правил, может помочь ему в случае внутренних беспокойств. Вот вся тайна Священного Союза[5]. — Дом Габсбургский[6] умел составить себе огромную империю союзами, придаными и дипломатикою. Политика Австрии никогда не переменялась.

Имея случай говорить на этот счет в 1815 и 1816 годах с людьми, которые состарились в делах политических, мне недоставало только случая увериться в сем на опыте. Вскоре и сей случай представился.

Поселившись в Петербурге, сперва для окончания процесса[7], а после по литературе, я в 1819 году уже имел обширный круг знакомства, составленный из знатных домов, которые я посещал прежде, служа здесь в полку, из бывших товарищей и совоспитанников, из коих все почти или служили отлично или отличались в литературном поприще. С удивлением заметил я, что в Петербурге все занимаются политикою, говорят чрезвычайно смело, рассуждают о конституциях, о образе правления, свойственном для России, о особах Царской фамилии и т.п. Этого прежде вовсе не было, когда я оставил Россию в 1809 году. Откуда взялось это, что молодые люди, которые прежде не помышляли о политике, вдруг сделались демагогами? — Я видел ясно, что посещение Франции русскою армиею и прокламации союзных противу Франции держав, наполненные обещаниями возвратить народам свободу, дать конституции, произвели сей переворот в умах. Но как в России не было пищи для поддержания сего пламени, то я тотчас догадался, что здесь должны быть foyers[8], где сохраняется и откуда изливается сей огонь. Не трудно было мне открыть это, зная совершенно Россию, всех особ, составляющих публику, и имея предварительные догадки. При первом взгляде на общество les parties hétérogènes[9] тотчас отдалились от parties homogènes[10]. Я проникнул *Лебцельтерна*. Главные его foyers были в домах: у княгини *Куракиной* (Н.И.), у *Свистуновой* и у Лаваля, где исключительно собирался дипломатический корпус и русские были впускаемы в общество с предварительными исследованиями, как будто в масонию. Лебцельтерн особенно ласкал молодых людей с талантами, приглашал к себе на кавалерские вечера и чаще всего заставлял их собираться у *Трубецкого*. В 1822 году в этих обществах так стали рассуждать о политике, dans les embrasures des croisées[11], а у Трубецкого явно, что я ускользнул от них и заперся дома. Мое положение в свете внушило мне благоразумие, которое мне шептало, что рано или поздно правительство обратит внимание на эти инстигации[12].

Но сидя дома и занимаясь единственно литературою и моими журналами, я не потерял из виду нити, которой открыл кончик. Как журна-

лист и как чужой человек, мне надобно было иметь литературную партию, и я искал связей с теми, которые отличались познаниями, талантами или способностями доставлять статьи. По характеру моему, я не мог иметь ни жарких друзей, ни непримиримых неприятелей. Видя демагогические правила нашего юношества, я за лучшее почел открыть мой образ мыслей всем, меня окружающим. Я всегда постоянно провозглашал, что каждая страна имеет свои элементы для образа правления, и Россия по обширности, разнородности племен и слишком большой разнице в просвещении между дворянами высшего класса, среднего, купцами и поселянами не может иметь другого правления как самодержавного, и что все теории правлений не годятся для России. Меня называли *рабом*. Я простер до того благоразумие в поведении, что не позволял при себе говорить о политике, сердился за это и даже ссорился неоднократно. Меня прозвали *трусом*, и если демагогам случалось говорить при мне о политике, то они, чтобы отвратить подозрение, разглашали после, что они это делали нарочно, чтоб *побесить* меня. — Pour fouetter mon sang[13].

Отвратив от себя заразу, я не мог пресечь ее и с удивлением видел ее успехи. Главный агент Лебцельтерна, *Гумлауер*, влез в литературный круг, подружившись с Корниловичем, который однако ж тогда был в самых лучших правилах и неоднократно сожалел вместе со мною о том, что Рылеев и другие юноши врут много на счет правительства. Корнилович тогда делал выписки из архива Коллегии иностранных дел для истории Бутурлина[14]. Зная хороший образ мыслей Корниловича, я советовал ему прервать связи с австрийским посольством, потому что они могут его скомпрометировать. Не смея открыться Корниловичу (человеку доброму, но ветреному и страстно привязанному к знакомству с знатными) в моих политических подозрениях, я говорил ему, что посольство может выманить у него сведения о России, какие-нибудь акты и т.п. Легковерный Корнилович вместо ответа начал распространяться в похвалах об уме и добродетелях Лебцельтерна и Гумлауера и, зная мой полякизм, сказал, что Лебцельтерн часто с ним говорит о несчастной судьбе Польши, сильно восстает против ее раздела, называет это *Crime politique*[15], любит поляков, и в заключение объявил, что министр, слыша о моих дарованиях, давно желает со мною познакомиться. Само по себе разумеется, что я отвергнул это знакомство.

Лебцельтерн и Гумлауер не поверяли своих видов Корниловичу: это я тотчас приметил. Но как Корнилович был любим в кругу литераторов и между офицерами и, как выше сказано, был ветрен и болтлив, то они употребляли его как орудие, для выведывания от него, что делается, что говорится в среднем классе, и чрез него собирали характеристики лиц, с которыми лично не знались. Корнилович действовал, не зная сам того. Чтобы похвастать своими знакомствами, он давал вечера для отличных литераторов, на которых присутствовал и Гумлауер. Там познакомился Матвей Муравьев, Бестужев, Рылеев с Гумлауером. Отсюда вышло много связей. Я был два раза и бросил — политические правила, мнимые тайны дипломатические, предположения насчет будущего, разгадки прошедшего разносились из дому Трубецкого, и Корнилович служил эхом.

Для меня нарочно был дан вечер, чтоб познакомить с Гумлауером и другими *интересными людьми*. Я обещал быть, но завязал голову и остался дома. Кажется, мудрецы проникнули мое отвращение от политических связей и оставили меня в покое.

2) Правительство Англии, кажется, не участвует в посеянии революционных идей в России, но частные клубы сильно действуют. Заведение библейских обществ было предлогом, чтобы ввести повсюду своих агентов и чрез весь мир иметь, так сказать, цепь сообщения[16]. Пусть говорят, что хотят, но Библия и Евангелие есть республиканский кодекс в устах искусного толкователя. Я помню, как наши революционеры толковали тексты: *Бог в наказание дал царя; Да не будет между вами ни первого, ни последнего*, и подобные правила разносились с восторгом. Корнилович и *Муханов* (Петр) были в связи с богатым английским купцом Томсоном, который снабжал их запрещенными либеральными газетами и брошюрами. Сам Томсон учился по-русски и путешествовал по России. Он собирал сведения о вещах и лицах. Более я ничего не видел, ибо в то время только косвенно занимался этим, то есть видел то, что мне бросалось в глаза, а сам не искал.

3) Французское правительство вовсе не участвует в распространении революционных идей, но Париж есть центр всех демагогических обществ. Там политически магнетизируют всех путешественников, снабжают их правилами и книгами на дорогу и действуют на Россию посредством русских чиновников и неприметных своих агентов, которые кроются в домах под разными званиями. Я мельком слышал во Франции от некоего Городицкого, которого употреблял Наполеон, о вечном существовании лож филантропических, или Иллуминатов в Брюсселе, Дрездене и Аугсбурге, которые будто действуют для освобождения Европы и наделения всех держав конституциями[17]. Там преимущественно занимаются Севером, как он мне сказывал. Не имея никаких видов, я оставил это без внимания и удивился, когда в Варшаве, в 1815 году, Игнатий *Потоцкий*, разговаривая со мною о Германии и стремлении немцев к свободе, упомянул об обществах в Париже, Брюсселе, Аусбурге и Дрездене. Это осталось в моей памяти. — *Николай Тургенев*, разговаривая однажды (на Черной речке) о Тугендбунде, сказал также, что общества никогда не разрушались и не разрушатся, пока не достигнут своей цели. Он был другом с *Штейном* и всегда хвалился его дружбою, а потому мог иметь сведенья о Германии. — Я говорю только, что слышал в удостоверение того, что тайные общества и влияние их существуют.

4) Швеция действует на Финляндию. В этом я имел случай удостовериться, разговаривая с лицами, которые открыли даже следы сего влияния. Без сомнения, она не опустит случая усилить какие бы то ни было замешательства в России — ибо ее благо зависит от слабости России, а Россию ослабить иначе невозможно, как внутренними раздорами.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 61. Ч. 79. Л. 1—4. Впервые опубликована (с пропусками и ошибками) П.Е. Щеголевым: Современник. 1913. Кн. 2. С. 276—280. Сверху на записке надпись Фока: «C'est B... qui parle» («Это говорит Б.» — *фр.*). Записка написана в конце августа или в сентябре 1827 г. Познакомившись с ней, император дал указание доставить А.О. Корниловича в Петербург. Корнилович прибыл в столицу 14 февраля 1828 г. и был заключен в Петропавловскую крепость, где дал подробные письменные показания о встречах с сотрудниками австрийского посольства. Объяснения Корниловича удовлетворили Николая и Бенкендорфа. Корнилович был оставлен в Петербурге и стал представлять царю записки на самые разные темы: о мерах повышения нравственности в семейной жизни крестьян, положении декабристов на каторге, польских

губерниях, мерах к развитию русской торговли в Азии, и др. В ответ на просьбы Корниловича о доставлении ему журналов и книг Бенкендорф поручил в 1829 г. Булгарину и Гречу передавать Корниловичу издаваемые ими газету и журнал. В том же году Бенкендорф по указанию Николая дал ему для чтения (из своей библиотеки) недавно вышедший роман Булгарина «Иван Выжигин». В ноябре 1832 г. Корнилович был направлен рядовым на Кавказ. См. дело Корниловича в архиве III отделения (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 61. Ч. 79), а также: *Щеголев П.Е.* Благоразумные советы из крепости: Декабрист А.О. Корнилович//Алексеевский равелин. Кн. 1. Л., 1990. С. 134—188; *Корнилович А.О.* Сочинения и письма. М.; Л., 1957.

[1]навязчивую идею (*фр.*).

[2]Международный конгресс в Вене в сентябре 1814 г. — июне 1815 г., завершивший войны европейских держав с наполеоновской Францией и сформировавший систему международных договоров в Европе, действовавшую до второй половины XIX в.

[3]См. примеч. 1 к записке № 1.

[4]перевес (*фр.*).

[5]Союз европейских монархов, заключенный в 1815 г. с целью обеспечения выполнения решений Венского конгресса и борьбы с революционными и национально-освободительными движениями. Распался в начале 1830-х гг.

[6]Германо-австрийская династия, названная так по замку Габсбург, построенному в 1027 г. на Ларе, в Швейцарии. Представители ее долгое время правили в Австрии (в том числе с 1792 по 1835 г. — Франц I).

[7]Булгарин впервые после долгого отсутствия приехал в Петербург в 1816 г. в связи с судебным процессом своего дяди, а с 1819 г. поселился там для наблюдения за ходом процесса.

[8]очаги (*фр.*).

[9]разнородные части (*фр.*).

[10]однородные части (*фр.*).

[11]скрытно (*фр.*).

[12]подстрекательства, от французского «instigation» — «подстрекательство».

[13]Распалить меня (*фр.*).

[14]А.О. Корнилович в 1815—1825 гг. осуществлял архивные разыскания для Д.П. Бутурлина, работавшего над книгой «Военная история походов россиян в XVIII столетии» (Ч. 1—4. СПб., 1819—1823; перевод с французского А. Хатова и А. Корниловича). Он занимался в московском и петербургском архивах коллегии иностранных дел, Сенатском архиве и др. См.: *Грум-Гржимайло А.Г.* А.О. Корнилович — исследователь архивных источников и археограф//Исторический архив. 1961. № 2. С. 180—193.

[15]Политическое преступление (*фр.*).

[16]Британское библейское общество возникло в 1804 г. с целью пропаганды христианства и распространения Библии. Вскоре оно приобрело огромную популярность в Англии, и в других странах стали создаваться библейские общества по его образцу. В России Библейское общество начало свою деятельность в 1813 г. и пользовалось покровительством Александра I. Деятельность его была прекращена указом Николая I от 15 июня 1826 г. См. о нем: *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997. С. 99—131.

[17]Общество иллюминатов было создано в 1776 г. в Баварии с целью распространения просвещения и нравственности, борьбы с суевериями и невежеством. Конечной целью его, о которой знали лишь немногие посвященные, являлась замена христианства деизмом, а монархии — республикой. В 1785 г. общество было запрещено баварским курфюрстом.

После несчастного происшествия 14 декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся словесностию, петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества[1], уничтожившиеся без всякого повеления правительства[2]. Нелепое мнение, что Государь Император не любит просвещения, было общим между литераторами[3], которые при сем жаловались на Цензурный устав и на исключение литературных обществ из адрес-календаря, по повелению министра просвещения. Литераторы даже избегали быть вместе и только встречаясь, мимоходом изъявляли сожаление об упадке словесности. Наконец поступки Государя Императора начали разуверять устрашенных литераторов в ошибочном мнении. Чины, пенсионы и подарки, жалуемые от щедрот монарших; составление Комитета для сочинения нового Цензурного устава, и наконец особенное попечение Государя об отличном поэте, Пушкине, совершенно уверили литераторов, что Государь любит просвещение, но только не любит, чтобы его употребляли как вредное орудие для развращения неопытных софизмами и остроумными блестками, скрывающими яд под позолотою.

В прошлое воскресенье, 28 августа, давал литературный обед Павел Петрович Свиньин, издатель «Отечественных записок»[4]. На сем обеде давно не бывшие вместе литераторы сошлись как давнишние знакомые, но с некоторою недоверчивостию и боязнию. Вино усладило конец беседы, стали воспоминать о прошедшем и положили, чтоб все литераторы с состоянием дали по два вечера в зиму для своих собратий и художников. Но сей обед и последовавший за ним вечер был притом несколько холоден, по той причине, что на нем люди были из разных литературных партий, и откровенность не могла между ними воцариться[5].

Но дух здешних литераторов лучше всего обнаружился на вечеринке, данной Сомовым 31 августа, по случаю новоселья. Здесь было немного людей, но все, что так сказать напутствует мнение литераторов, журналисты, издатели альманахов и несколько лучших поэтов. Между прочим был и цензор Сербинович. Совершенная откровенность председательствовала в сей беседе, говорили о прежней литературной жизни, вспоминали погибших от безрассудства литераторов, рассказывали литературные анекдоты, говорили о цензуре и т.п. Издатель «Московского телеграфа» Полевой один отличался резкими чертами от здешних литераторов, сохраняя в себе весь прежний дух строптивости, которым блистал Рылеев и его сообщники в обществах. Ему сделали вопрос: каким образом он успевает помещать слишком смелые и либеральные статьи? Полевой, не зная цензора Сербиновича, начал рассказывать при нем, как он потчует своих цензоров и под шумок выманивает у них подпись. Это оскорбило целое собрание, и ему отвечали, что у нас это почитается *обманом*, которого ничто не извинит. Полевой хвастал как великим подвигом и заслугою, что московский военный губернатор князь Голицын несколько раз уже жаловался на него попечителю Писареву, за либеральность, но что он не боится ничего, под покровом князя Вяземского, который берет всю ответственность на себя, будучи силен в Петербурге. На сие его неуместное хвастовство также отвечали презрительным молчанием.

За ужином, при рюмке вина, вспыхнула веселость. Пели куплеты и читали стихи Пушкина, пропущенные Государем к напечатанию. Барон Дельвиг подобрал музыку к «Стансам» Пушкина, в коих Государь сравнивается с Петром[6]. Начали говорить о ненависти Государя к злоупотреблениям и взяточникам, об откровенности его характера, о желании дать России законы и наконец литераторы до того воспламенились, что как бы порывом вскочили со стульев, с рюмками шампанского, и выпили за здоровье Государя; один из них весьма деликатно предложил здоровие Ценсора Пушкина, чтоб провозглашение имени Государя не показалось лестью, и все выпили до дна, обмакивая *«Стансы» Пушкина* в вино. «Если бы дурак Рылеев жил и не вздумал взбеситься, — сказал один, — то клянусь, что он полюбил бы Государя и написал бы Ему стихи». — «Молодец — дай бог Ему здоровие — Лихой», — вот что повторяли со всех сторон.

Весьма замечательно, что ныне при частных увеселениях вспоминают об Государе, произвольно, как бы по вдохновению, как то было и на Серенаде 21 августа на Черной речке, где, при пении «Боже Царя храни», все что было лучшего, офицеры и словесники воскликнули «Ура!» и рукоплескали: не из лести, ибо сие происходило в темноте[7].

Если литераторы станут собираться, то на сие будет обращено особенное внимание: начало предвещает хороший дух и совершенно противный московскому.

Записка, написанная Булгариным в первых числах сентября 1827 г. и переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 1—4. Опубликована Б.Л. Модзалевским: Былое. 1918. № 1. С. 36—38.

На записке рукой начальника Главного штаба И.И. Дибича сделана следующая надпись, обращенная к А.Х. Бенкендорфу: «9 Sept. Je vous prie, cher général, de me parler de ce papier quand nous nous verrons» (перевод: «9 сент[ября]. Я вас прошу, любезный генерал, рассказать мне об этих бумагах, когда мы увидимся»).

[1]Имеются в виду Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801—1825) и Вольное общество любителей российской словесности (1815—1825).

[2]И.Н. Лобойко вспоминал, что «правительство не закрывало Общества [любителей российской словесности]; но после открытия возмущения в столице и в армии мысли и чувствования каждого обращены были на опасности, которым подвергались престол и отечество, на судьбу подсудимых, в ожидании приговора, последовавшего 13 июля 1826 года, и на глубокое уныние, поразившее их семейства; а потому Общество с декабря 1825 года и замолкло» (Цит. по: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 49).

[3]Д.Н. Свербеев писал в своих воспоминаниях, что «Государь, как известно, не любил университеты и вообще смотрел весьма неблагосклонно на все учебные заведения министерства народного просвещения. Его величество изволил жаловать одни кадетские корпуса и многоразличные военные училища и все военные науки, в особенности шагистику» (*Свербеев Д.Н.* Записки. Т. 1. М., 1899. С. 138).

[4]Журнал ОЗ, издателем которого был П.П. Свиньин, выходил с 1818 по 1830 г.

[5]Об обеде у П.П. Свиньина, на котором присутствовали Греч, Булгарин, Н.А. Полевой, Б.Ф. Федоров и др., см. в письме Свиньина А.И. Михайловскому-Данилевскому от 30 августа 1827 г. (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 68), воспоминаниях К.А. Полевого (Полевой. С. 271) и в дневнике Б.Ф. Федорова (РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 77. Л. 16 об.).

[6]Речь идет об обращенном к Николаю I стихотворении «Стансы», написанном 22 декабря 1826 г., вскоре после возвращения Пушкина из ссылки и беседы с царем.

[7]Об этом «увеселении» Булгарин писал в СП: «По приезде моем в Петербург я был восхищен невиданным поныне зрелищем в Петербурге, а именно *серенадою.* Благовоспитанные люди лучших фамилий, собираясь к одному своему приятелю, живущему на Черной речке, занимались в свободные часы музыкою. Все временные жители Черной речки с нетерпением ожидали сих музыкальных вечеров и, прогуливаясь, наслаждались прелестными звуками мелодии. Любезные музыканты, из рыцарской вежливости (courtoisie), вознамерились на прощанье с дачею угостить своих соседей и милых соседок серенадою. 21 августа, в 9 часов вечера, появился на тихих водах Черной речки катер, украшенный зажженными фонарями <...> На носу находились музыканты Кавалергардского полка. За катерами следовали лодки с фейерверком. Берега речки <...> усеяны были множеством слушателей. Попеременно пели русские песни, французские романсы и театральные арии хором <...> Серенада продолжалась до полуночи: тогда все любители вышли из-под зонтика на верх и, сняв шляпы, с необыкновенным чувством пропели «Боже, Царя храни», при радостных восклицаниях «ура» с обеих берегов и громких рукоплесканиях» (*Ф. Б*[*улгарин*]. Об увеселениях столицы//СП. 1827. № 103. 27 августа).

---

103 Об интригах по делу виленского прокурора Ботвинки

Находящийся здесь польский адвокат *Малаховский* объявил одному своему приятелю вчера, 5-го сентября, что приехавший в Петербург советник гродненский *Литвиненко* сказал ему, что он получил известие, что уже следствие по делу Ботвинки пришло от Цесаревича в Петербург и что известие отправлено вместе с делом[1]. Удивительная связь и точность в наблюдении за ходом дела! — Сей Литвиненко притворяется в публике, якобы он не любит Ботвинки, но по словам Малаховского, находящегося в тайной связи с Литвиненком, он шпион Ботвинки и живет здесь на его счет. Капиталом Ботвинки заведовал статский советник *Дмитриев*, служащий в министерстве внутренних дел, и он главный его ходатай. Второй ходатай — протоколист 1-го департамента Сената *Зенкович*, человек, занимающийся стряпчеством по делам и находящийся в тесных связях с Ботвинкою. Зенкович в Сенате имеет большое влияние в канцеляриях, ибо чрез его руки проходит много денег. Старается в пользу Ботвинки председатель уголовной палаты *Горожанский.* Протектор Ботвинки — статс-секретарь Муравьев. — Обер-прокурор Журавлев ведет себя весьма благоразумно, но примечено, что жена его, вмешивающаяся, как известно, в дела, начинает поговаривать в пользу Ботвинки, а равномерно и любовница министра юстиции, составляющие одну партию. Известно через Малаховского, что все старание будет употреблено на то, чтобы до окончания дела не содержать под стражею Ботвинки и чтобы не воспрещать ему даже исполнения должности, на что, по словам Литвиненка, уже согласился Государь Император. Будут также употреблены все старания, чтобы следствие поручено было или Ник[олаю] Ник[олаевичу] Новосильцову, или генералу Корсакову, или виленскому губернатору Горну, или гродненскому губернатору[2], или кому-нибудь из канцелярии Цесаревича, а именно Гинцу. Достоверно, что на сие дело определено Ботвинкою 100 т. рублей ассигнациями. В министерстве юстиции весьма многие преданы Ботвинке.

Движение ужасное между поверенными и приятелями Ботвинки, и вчерашнего числа было по сему предмету совещание у Дмитриева. — Они надеются на успех, полагая, что хотя Государь и покровительствует Люб-

риевичеву, но как подробности должны проходить чрез частные руки, то надеются замедлить и запутать дело, а между тем сам Ботвинка, не будучи ни под стражею, ни удален от должности, во время производства следствия успеет обработать по-своему.

6 сентября 1827

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 76. Л. 24—25.

[1]См. примеч. 1 к записке № 74.

[2]Этот пост занимал тогда М.Т. Бобятинский.

---

104 [Слухи и толки по поводу рождения великого князя Константина Николаевича]

[№ 1]

На счет неприбытия Цесаревича говорят много в городе и все, даже недовольные, хвалят Государя, что назвал сына Константином и нарек Цесаревича крестным отцом. Последний приказ, в коем объявлена благодарность литовским войскам и Цесаревич превознесен, еще более убедил публику в высоких чувствованиях Государя. За неприезд Цесаревича сердятся русские[1].

[№ 2]

Впечатление в публике по случаю рождения Великого князя Константина Николаевича

В природе есть животные, которые ненавидят свет Солнца, есть люди, которые враждуют противу Бога. Следовательно, быть могут и в России люди, кои не радуются общей радости, по случаю рождения Великого князя Константина Николаевича. Но хотя бы и были таковые, то голос их не слышен, общее расположение умов таково, что злой человек по расчету самолюбия должен молчать.

Всем известные семейные добродетели Государя Императора служат залогом, что Он должен быть рад благополучному разрешению от бремени любезной супруги и двойному узлу, связующему Его потомство с Всероссийским Престолом. На этой радости Государя многие основывают все надежды: иные ожидают милостивого манифеста; родственники сосланных думают, что некоторым из раскаявшихся будет облегчена судьба их; многие полагают, что прощены будут недоимки. Одним словом, ожидают какой-нибудь *общей милости.*

Старики говорят: «Мы помним, когда у Императора Павла I-го родился третий сын, нынешний Государь, тогда говорили: довольно для Престола и двух молодцов. Что ж вышло? Оба молодца остались бездетными, и престол достался третьему. Теперь надобно молить: дай Бог Князей! Это обеспечивает наследство Престола и всякие по сему предмету беспокойства».

Даже так называемые русские патриоты, которых божество Н.С. Мордвинов[2] и которые всегда бредят о *Русской Думе* и о мнимом блаженстве для России, когда в указах писали: *«Государь присудил и бояре приговорили»* — даже эти патриоты радуются рождению Великого князя, потому что княжны, по их мнению, выходя замуж вне России, выносят сокровища.

Простой народ и солдаты искренно рады рождению Князя по врожденной привязанности русского народа к Царям.

Обстоятельство, что Великий князь Константин Николаевич родился в то самое утро, когда Дмитрий Донской праздновал победу над Мамаем, почитают счастливым предзнаменованием для новорожденного. Известно также и напечатано в русской книге при покойной Императрице Екатерине, что на Востоке существует пророчество, якобы русский князь Константин освободит Царьград от мусульман. Когда Цесаревич Константин Павлович объявлен был Императором, многие носились с этою книгою и особенно купечество. Ныне опять взялись за оную[3].

На выставке в Академии художеств[4], где множество было посетителей, только и разговору было, что о рождении Великого князя, о Дмитрии Донском и об имени Константина, что почитается счастливым предзнаменованием. — Любовь к чудесному (l'amour du merveilleux) оживляет разговоры.

Вообще дух самый лучший и радость общая.

[№ 3]

Пронесся слух, якобы Цесаревич отказался от крещения болезнию и сказал, что Он очень доволен, но сам быть не может. Из сего выводят разные глупые толки.

Слух разнесся из департамента государственных имуществ и повторяется в провиантском департаменте.

[№ 4]

Известие о том, что Наследник Престола сделан гетманом Донского войска, разнеслось стрелою по городу. Все чрезвычайно довольны сим поступком Государя и с улыбкою спрашивают друг друга: «Каков? Умница, не правда ли? Лихой! Молодец! Мастер своего дела!» — Вот слова, слышимые повсюду.

Купцы бегали вчера целый день и спрашивали, нет ли какого манифеста по случаю крещения.

Записки, переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 117—120, 128. Они посвящены событиям, связанным с рождением (9 сентября 1827) и крещением (2 октября) великого князя Константина Николаевича.

[1]Переписку Николая и Константина по поводу рождения и крещения Константина Николаевича см.: *Шильдер*. Т. 2. С. 66—68.

[2]Д.Н. Свербеев вспоминал, что Н.М. Мордвинов «до половины царствования императора Николая отличался ярым патриотизмом и резкою правдивостью. Смелые мнения его в государственном совете долго ходили по рукам <...>» (*Свербеев Д.Н.* Записки. Т. 1. М., 1899. С. 25).

[3]В середине 1770-х гг. у Потемкина возник проект: изгнать турок из Европы, овладеть Константинополем и восстановить там престол восточноримских или византийских императоров, посадив на него одного из русских великих князей. Поэтому родившегося в 1779 г. внука Екатерины II назвали Константином — по имени основателя Константинополя на месте древней Византии, кроме того, это же имя носил последний греческий император из рода Палеологов, царствовавший до взятия турками Царьграда. После рождения Константина Екатерина в кругу близких людей стала говорить о возведении на престол византийских императоров внука, однако никаких

серьезных политических шагов в этом направлении так и не было предпринято (см.: *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 2—10; *Ловягин А.М.* Греческий проект//Ловягин А.М. Исторические и библиологические очерки. Вып. 1. СПб., 1917. С. 128—134; *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII века)//История СССР. 1958. № 4. С. 52—78; *Зорин А.* Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II//НЛО. 1997. № 24. С. 5—29; *Аншаков Ю.П.* К истории «Греческого проекта» Екатерины II//Исторические исследования. Самара, 1997. С. 10—18). Идентифицировать книгу, о которой идет речь в записке, нам не удалось.

[4]Выставка в Императорской Академии художеств проходила с 1 по 15 сентября. См.: *Ф. Б* [*улгарин*]. Посещение Императорской Академии художеств//СП. 1827. № 108—110 (продолжение статьи в № 112—121 было подписано криптонимом «Z»).

---

105 [Письмо А.Х. Бенкендорфа Булгарину 18 сентября 1827]

Милостивый государь, Фаддей Венедиктович!

Государь Император, удостоив благосклонным *принятием* представленные Его Величеству «Сочинения» Ваши[1], повелеть мне изволил объявить Вам Всемилостивейшее Свое удовольствие.

Исполняя с приятною готовностью сию Высочайшую волю, честь имею быть с совершенным почтением

Ваш, Милостивый государь,
покорнейший слуга,
А. Бенкендорф[2]
18 сентября 1827

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 7.

[1]Речь идет о первых двух томах «Сочинений» Булгарина (СПб., 1827), в следующем (1828) году вышли 3—5 тома.

[2]Через полтора месяца, 6 ноября, Бенкендорф писал министру двора П.М. Волконскому, что «Государь Император, удостоив милостивого принятия поднесенные Его Величеству сочинения коллежского асессора Булгарина, высочайше повелеть мне изволил отнестись к Вашему Сиятельству о Всемилостивейшем пожаловании г-ну Булгарину бриллиантового перстня» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 9). Через неделю, 13 ноября, Волконский переслал Бенкендорфу бриллиантовый перстень, а тот через несколько дней вручил его Булгарину (см.: Там же. Л. 10—11). Но на этом история с поднесенной книгой не кончилась. 30 марта 1828 г. Волконский запросил Бенкендорфа, куда он передал ее, на что Бенкендорф ответил, что отдал или послал тома «Сочинений» Булгарина заведующему библиотекой Николая Седжару (Там же. Л. 18—19).

---

106 О польском генерале и кавалере Белого орла и Св. Станислава Вищинском

Вищинский в молодости своей был очень богат. Как в бывшей Польше все чины и ордена продавались явно за деньги или давались по протекции, то он выхлопотал себе чин ротмистра кавалерии народовой, соответствующий генерал-маиорскому, купил Св. Станислава, а орден Белого

орла достал в последние времена владения короля Станислава Августа, когда даже придворные раздавали патенты. *Вищинский* никогда не был в действительной службе.

Человек он добрый, но без образованности, слабого характера, сластолюбив, хлебосол в высочайшей степени и по несчастию был расточителен. Одно похвальное качество в нем — гостеприимство, одна похвальная страсть — любовь к музыке. Расточительность его, страсть к проектам, недостаток твердости при исполнении планов по хозяйству и торговле довели его до банкрутства. В имении своем Косаричах (Минской губернии, Бобруйского повета) он жил некогда как принц: имел свою музыку, великолепную псовую охоту и угощал всех без разбора.

Будучи депутатом от Минской губернии на коронации Императора Павла I-го и проживая долго в Петербурге в начале царствования Императора Александра, Вищинский жил в столице великолепно, давал обеды, вечера, концерты и прожил огромные суммы. От первой жены он имеет сына Ксаверия, который живет ныне в деревне, оставшейся ему после матери и уцелевшей от банкрутства; в ней не более 70 душ. Дочь его Констанция была замужем за князем Пузиною, а во втором браке ныне за помещиком в Гродненской губернии (кажется) Фронцкевичем. Вищинский, кроме своего собственного имения, прожил огромное имение второй жены своей, урожденной Юдицкой, которая имела неосторожность подписывать его векселя. Он не живет с женою, и три дочери его от второго брака остаются при матери, которая находится в весьма критических обстоятельствах в Белоруссии. После раздела имения Вищинского между кредиторами, в числе коих была его жена и дети от первого и второго брака, на его часть достался господский двор Косаричи, с 20-ю или 30-ю крестьянскими дворами. Но сею частью обеспечена значительная сумма, должная им одному католическому ордену монахов. На Вищинского возложена обязанность платить проценты и ему поручена администрация над имением. При плохом хозяйстве и в дурное время он не мог платить процентов, и у него отняли администрацию над имением. — Сын не может содержать отца, привыкшего повелевать и жить в достатке; зять и вся фамилия отказались, а он доведен до самого беднейшего положения. Вищинский нынешнего лета был в Риге и просил губернатора Дюгамеля, чтобы он уговорил купцов, торговавших некогда с ним лесом и пенькою, дать ему денег в зачет или уплату какого-то процесса. Сему процессу не нашли ни конца, ни начала, по давности, и Дюгамель собирал для него подписку, чтобы выправить из Риги. Неизвестно, какого рода имеет он теперь дело и о чем просит Государя Императора.

Вищинский в своем истинно жалком положении есть несчастный пример для людей расточительных и щедрых без разбора. Будучи богатым, он делал многим добро, в своем доме угощал, кормил и поил толпы гостей, а когда пришел в нищету — не нашел ни одного друга. Правда, что частному [человеку] невозможно помочь ему и облегчить его участь; даже самые ближние его родственники отказались от него, по невозможности удовлетворить его требованиям. Что делать с ним — нельзя решить. К делам он неспособен и никогда не занимался общественными делами. Повсюду отвергаемый, он решился на самое отчаянное средство: странствовать. Не получив в Риге ожиданной помощи, прибыл в Петербург, а что он будет здесь делать и чем жить, все это загадка.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 17—19. В конце записки — карандашная надпись: «Pauvre diable» («Бедняга». — *фр.*). Хранится в папке с записками за 1827—1828 гг. и, так как в 1828 г. Дюгамель уже не был курляндским губернатором, датируется 1827 г.

---

107 **Собрания**

По *вторникам* у доктора *Арндта*. Собираются по большей части поляки и вся польская канцелярия. Играют в мушку и вист, и здесь получаются все польские новости. Дух хорош, с исключением суждений о Польше, которые однако ж бывают резки и при случаях.

По *воскресеньям* обед и вечер у помощника статс-секретаря Александра Дмитриевича *Бровкова*[1]. Собираются подьячие, обер-секретари, комиссариатские чиновники и военные, весьма мало. Из военных полковники *Вишневский* и *Вындомский*. Хотя хозяин ведет себя скромно, но дух общества не хорош и в суждениях о правительстве не участвуют военные. Главные порицатели всех мер правительства, друзья дома: обер-секретарь *Крикуновский*[2] и *Шелихов*, служащий в департаменте государственных имуществ. Сей Шелихов не знает никакой меры и часто выходит из границ. Он имеет в руках судную часть и обогатился взятками.

По *пятницам* вечера у издателя «Инвалида» *Воейкова*[3]. Здесь председательствует флигель-адъютант Перовский[4]. Собираются литераторы последнего разбора[5] и один лучший между ними слепой *Козлов*. О правительстве и политике не говорят и не судят из опасения присутствия Перовского.

Другие собрания среднего класса и литераторов еще не установились до зимы — но будут многочисленны, ибо жители столицы отдохнули после ужасных происшествий и прежний образ жизни восстановляется мало-помалу.

За каждым собранием установлен тщательный надзор, и по мере новых собраний будут и надзоры. Характеристика каждого лица между тем известна.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 167. Л. 2—3. На записке пометка «Сентябрь», сохранилась она в архивном деле 1827 г.

[1]Правильно — Боровков (указано В.Э. Вацуро).

[2]О своей дружбе с Т.Н. Крикуновским А.Д. Боровков писал в «Автобиографических записках» (см.: РС. 1898. № 10. С. 55). Они часто встречались на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности во второй половине 1810-х гг. (см. по указателю: *Базанов В.* Ученая республика. М.; Л., 1964).

[3]О вечерах у Воейкова см.: *Петербургский старожил В.Б*[*урнашев*]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания//Рус. вестник. 1871. № 10. С. 250—283; № 11. С. 133—203.

[4]Имеется в виду В.А. Перовский.

[5]Булгарин и через четверть века утверждал, что посетители этих вечеров «ничего не значили ни в свете, ни в литературе» (СП. 1854. № 12).

---

108 О статском советнике Филимонове, предполагающем издавать два журнала с будущего 1828 года

Филимонов есть человек без всяких познаний в науках[1], и кроме французского языка (на котором однако ж не может объясняться) не знающий других иностранных языков; притом он весьма ленив. С сими качествами мудрено издавать даже простой литературный журнал, а не только газету и еще при другом журнале! Он, предпринимая дело превыше сил своих и способностей, вероятно, действует по внушениям чуждых лиц. Намерение его известно уже в публике; оно производит смех между литераторами и служит предметом шуток между читающим классом. Il passe pour être bête[2].

Филимонов, служа в статской службе, женился на богатой и посредством покровительства успел достать себе место вице-губернатора в Новгороде[3]. По слабоумию ли или по желанию корысти он запутался в делах, принужден был выдти из сей должности и был под следствием. Жена его, умная и любезная, не могла с ним ужиться, и наконец Филимонов бросил жену и детей, уехал из Петербурга в Москву и там, доживая последние крохи, обольстил свояченицу издателя «Московского телеграфа», Полевого, и увез ее из дому, обещая жениться[4]. Сие происшествие и долги заставили его искать какого-нибудь способа к жизни, и он, будучи отовсюду отвергаем и прельстясь состоянием журналистов, не помышляя о нужных к тому познаниях, опытности и трудах, по советам пылкого русского юношества решился издавать вдруг *два* журнала.

Филимонов не имеет никакого характера ни политического, ни нравственного: это слабоумный сластолюбец, которым станет управлять каждый умный и хитрый человек. Весьма странно, что г[осподин] министр просвещения[5] пишет, якобы Филимонов в состоянии направлять общее мнение, не вспомнив о том, что он же, г[осподин] министр просвещения, запретил Филимонову продолжать издание книги «Искусство жить», которой вышла первая книжка в 1825 году. Книга сия найдена дурною в отношении к направлению нравственности, хотя, по совести сказать, она более *глупа*, нежели *вредна*[6].

Изданные Филимоновым сочинения его, в одном томе, под заглавием «Проза и стихи»[7], могут служить образцом дурного вкуса, незнания языка и жалкого состояния ума. О достоинстве этих произведений может поистине сказать каждый книгопродавец. Один вопрос о них возбуждает улыбку[8].

Если мне позволено иметь мое мнение, то я думал бы, чтобы Филимонову позволить издавать литературный журнал *без политики*, с тем, что впоследствии, если журнал его будет производить хорошее действие, тогда будет приобщена к нему и политика. Но в сем случае должно переменить название сего журнала и наименовать не «Надеждою», а чем другим. Это название уже было в ходу между заговорщиками. Что же касается до газеты, то я полагал бы, что должно ограничиться существующими ныне, поелику в умножении оных не видится никакой пользы ни для словесности, ни для направления общего мнения[9].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 213. Ч. 2. Л. 1. Копия записки сохранилась в докладах III отделения

императору за 1831 г. (Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 31. Л. 71—72). Доклад о В.С. Филимонове был вызван тем обстоятельством, что его заподозрили в принадлежности к т.н. «Сунгуровскому обществу» — тайному кружку в Москве, планировавшему поднять восстание с целью установления конституционного строя в стране. Филимонов в это время был гражданским губернатором в Архангельске, и члены кружка, двое из которых были близко знакомы с ним, рассчитывали (как утверждалось в доносе) на его помощь. Филимонов был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, однако доказать его причастность к замыслам сунгуровцев не удалось, его выпустили и не подвергали судебному преследованию. Но у Филимонова была найдена копия письма декабриста В.И. Штейнгеля, и он был отстранен от должности и выслан под надзор полиции в Нарву (публикацию дела III отделения о Филимонове см.: *Филимонов В.С.* «Я не в Аркадии — в Москве рожден...» М., 1988. С. 338—373; см. также: ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 571—582). Готовя доклад о Филимонове в 1831 г., сотрудники III отделения «подняли» старую булгаринскую записку о нем, написанную в связи с тем, что Филимонов в августе 1827 г. подал прошение о разрешении издавать с 1828 г. ежемесячный журнал «Надежда, или Дневник русской словесности» и газету «Отголоски мира, или Дневник новостей, относящихся до политики, просвещения и общежития», а с 1829 г. — журнал «Время, или Летописи наук и искусства». Главный цензурный комитет 16 сентября 1827 г. разрешил оба издания, а министр народного просвещения А.С. Шишков 29 сентября отказал, наложив следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что издаются уже многие журналы подобного содержания с теми, которые намерен издавать г. статский советник Филимонов, и что прибавлять их число было бы бесполезно, — я не могу согласиться на издавание сих последних и вообще предлагаю Главному цензурному комитету обращать при таковых случаях больше внимания на известность авторов в ученом или литературном свете» (Цит. по: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 193—194). По всей вероятности, записка написана в сентябре 1827 г., и на ее основе III отделение подготовило отношение Шишкову, послужившее причиной отказа Филимонову.

[1]Филимонов в 1805 г. поступил в Московский университет, а в 1809 г. получил свидетельство, что прослушал университетский курс по одиннадцати предметам.

[2]Он слывет глупцом (*фр.*).

[3]Филимонов служил в Коллегии иностранных дел, затем в министерстве полиции (где занимался статистическим описанием Московской губернии), во время Отечественной войны служил управляющим канцелярией и адъютантом главнокомандующего ополчения III округа графа П.А. Толстого. В 1817—1819 гг. занимал должность новгородского вице-губернатора, которую оставил «по собственному прошению».

[4]Филимонов познакомился и сблизился с Н.А. Полевым в 1820 г. Они часто встречались, стали совладельцами водочного завода, но в 1824 г. Филимонов разорвал с ним все отношения (возможно, по причине, названной в записке Булгарина). См.: Полевой. С. 131—135, 149, 151, 185.

[5]Этот пост занимал тогда А.С. Шишков.

[6]Речь идет о многотомном сочинении французского моралиста Ф. Дроза «Искусство жить». В 1825 г. Филимонов выпустил в Москве перевод первой книги этого труда. Издание вызвало резко отрицательную реакцию церковных деятелей. Мысли Дроза были названы «революционными», а книга его, «прославляющая счастье человека без отношения к правилам религии», признана «дурною в отношении к направлению нравственности» (Цит. по: *Филимонов В.С.* Указ. соч. С. 7). Министр народного просвещения А.С. Шишков сделал замечание цензору за пропуск этой книги и запретил печатать продолжение.

[7]См.: *Филимонов В.С.* Проза и стихи. Ч. 1—2. М., 1822.

[8]Филимонов тоже был невысокого мнения о Булгарине и вставил резкий выпад против него и Греча в свою поэму «Дурацкий колпак», вышедшую в начале 1828 г. Вспоминая о русской литературе в период после Отечественной войны 1812 г., Филимонов писал:

Не знали тож теперь известных
Бродяг, лазутчиков словесных,
Корыстью слепленных друзей,
Врагов добра, на взгляд умильных,
Уловок, сплетней щепетильных,
Литературных торгашей...
(*Филимонов В.С.* Указ. соч. С. 46).

[9]В 1828 г. Филимонов все же получил разрешение на издание с 1829 г. газеты «Бабочка» (подзаголовок — «Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития»), выходившей два раза в неделю и не имевшей права касаться политических вопросов. СП встретила «Бабочку» презрительными отзывами, Филимонов не остался в долгу, поместив ряд выпадов против булгаринской газеты (№ 2, 3, 4). Вскоре в связи с назначением губернатором в Архангельск (в марте 1829 г.) Филимонову пришлось передать газету другому издателю.

---

109 [О лицах, собирающихся у Бровкова]

Полковник *Вындомский* был сперва адъютантом у военного министра Меллера-Закомельского, потом находился при графе Татищеве для особых поручений. Он известен в Петербурге и в целой армии по необыкновенной своей толщине и обжорству. Почтенный Меллер-Закомельский называл его monsieur l'appétit[1] и сажал возле себя за столом для возбуждения аппетита. Он исправлял ту же должность и у Татищева. Вындомский — человек добрый и веселый и отнюдь не пускается в разговоры о правительстве и политике. К *Бровкову* он ездит за тем, что там отлично хороший стол.

Полковник *Вишневский* служил в Преображенском полку[2] и ныне в отставке. Теперь его нет в Петербурге. Он хотя женат, но был влюблен в жену Бровкова и делал для нее большие пожертвования, пока сам Бровков был беден и не успел сделать состояния.

О сих двух лицах для того было упомянуто в Записке об обществе, собирающемся у Бровкова, что только они два военные люди, ибо все прочие — приказный народ, сенатские, комиссариатские и провиантские злоупотребители. Эти два добрые человека попали туда один — из обжорства, другой — из любви. Вишневский пустейший человек, ничего не смыслит, кроме бренчать на гитаре или фортепиано и дурно петь. Он никогда не вмешивается в разговоры и водится с женщинами.

Но в поданной краткой Записке о обществе Бровкова не упомянуты два значительные лица, потому что они теперь реже стали ездить к нему, как Татищев перестал быть всемогущим по военному министерству, или, лучше сказать, Бровков в лице Татищева. Первое лицо — бывший генерал-провиантмейстер *Абакумов*, который притворялся влюбленным в жену Бровкова, чтобы иметь случай под сим предлогом задабривать ее подарками[3]. Другое лицо — Василий Васильевич *Погодин*, о котором уже было упоминаемо неоднократно как о самом бесхарактерном и ничтожном человеке. Абакумов весьма осторожно говорит о лицах, но критикует меры довольно остроумно. Погодин, напротив, фрондирует жестоко, особенно когда подопьет, и держит всегда партию приказных. Абакумов, который теперь не имеет более нужды в Погодине и Бровкове, дает чувствовать, что они ему дорого стоили. О Погодине говорит он (par confidence[4]), что даже

недавно он платил ему деньги, чтоб узнавать, что делается тайного на его счет в Главном штабе.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 167. Л. 4—5. Подготовлена вскоре после записки № 107.

[1]господин аппетит (*фр.*)

[2]В списке офицеров Преображенского полка (см.: *Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Ч. 4. СПб., 1883) Вишневский не значится, однако в «Сборнике биографий кавалергардов» (Т. 2. СПб., 1904) приведены сведения о Ф.И. Вишневском, который некоторое время служил капитаном в Преображенском полку.

[3]А.Д. Боровков с 1822 г. служил в комиссариатском департаменте, а с 1825 г. был чиновником для особых поручений при покровительствовавшем ему военном министре А.И. Татищеве. О дружеских отношениях с А.И. Абакумовым Боровков пишет в своих «Автобиографических записках» (см.: РС. 1898. № 10. С. 62—63). С июня 1827 г. Боровков служил в Гос. совете.

[4]по секрету (*фр.*).

---

110 [О Собаньском]

Собаньский, брат преступника[1], молодой человек прекрасной наружности, богат, скуп до крайности, прост чрезвычайно, или лучше сказать тупоумен и не имеет никакого политического характера. Он мог повторять внушенное ему или слышанное без всякого участия в деле, потому что ему невозможно ничего поверить. Действовать он мог как пружина, по внушению других, не постигая ни опасности, ни важности в своих поступках. Одна только братняя любовь и то разве истолкованная ему другими, могла его заставить войти в дела непозволительные, потому что он по природе робок и сверх того для удовлетворения маленьких планов своего честолюбия имел нужду в правительстве. Он человек неопасный во всех отношениях, как по уму, так и по характеру.

Вот суждение поляков вообще о Собаньском.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 20. На записке другим почерком проставлено «Сентябрь», и, т.к. Г. Собаньский в 1827 г. был привезен из Варшавы и заключен в Петропавловскую крепость, мы датируем записку этим годом.

[1]В записке идет речь о Готарде Собаньском, брате Людвига Собаньского.

---

111 [Толки о суде над членами польского Патриотического общества]

Канцелярия графа Грабовского сохраняет в тайне все варшавские происшествия, но, невзирая на это, известия проникли в Петербург и расходятся между здешними поляками и их короткими приятелями.

Говорят, что Цесаревич якобы весьма недоволен действиями суда[1], который по существующей у всех просвещенных народов форме стал поверять следственную комиссию [и] передопрашивать подсудимых, чтобы после приступить к суду.

Говорят, что по делу Лукасинского, бывшем в 1824 году, Император Александр, узнав о существовании тайного общества в Польше, объявил амнистию с тем, чтобы общество разрушилось, и что после сего уже общество не существовало, а те, которые входили в сношение с русским обществом, делали сие от себя, как люди частные, не имев никакого поручения от польского общества, которое не существовало более[2]. Ежели некоторые особы, составлявшие общество, и собирались говорить о делах прежних, то другие ничего о сем не знали.

Вообще говорят, что в Польше нет ни единого человека, который бы не сострадал об участи заключенных, потому что в публике почитают их патриотами, но не революционерами, не якобинцами и не кровожадными убийцами. Намерения их называют мечтами патриотическими, релацией[3] подавляемого национализма. Говорят, что в сем нельзя сравнить Россию с Польшею. В России все благоразумные люди осуждают поступок революционеров 14 декабря, которых план начинается ужаснейшим злодеянием и кончается несбыточными установлениями, вопреки просвещению и географическому положению России. В Польше все состояния проникнуты одною любовию к национальности и, полагая, что это была главная цель общества, не почитают их преступниками нравственными, тем более, что самый виновный из них, по законам, Крыжановский, который знал о существовании русского общества, отвергнул с презрением предложение гнусного преступления, кровопролития.

Говорят, что вся Польша, особенно Варшава и Краков находятся в большой ферментации, и с нетерпением ожидают развязки происшествия.

Страх не удерживает поляков от объявления своего мнения, и они между собою толкуют и делают разные заключения. Все надежды полагаются на Государя Императора, которого в Польше ожидают с нетерпением. О правосудии Государя имеют там высокое понятие чрез здешнюю Польскую канцелярию. Поведением многих русских поляки недовольны, особенно Новосильцова, который, якобы, не входя в разбирательство дел, употребляет усилия, чтобы найти как можно более виновных и тем показать свое усердие. Он, якобы, научает и других. Все говорят: «Скорее бы дело пошло к Государю — он решит беспристрастно». Притом удивляются, что дело продолжается столь долго и еще не началось, когда между тем гораздо важнейшее дело решено в России и почти забыто.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 21—22. Поскольку с середины мая по середину августа 1827 г. Булгарина не было в Петербурге, то записку можно приблизительно датировать сентябрем — октябрем этого года.

[1]Речь идет о Сеймовом суде, созданном для рассмотрения дела членов Патриотического общества, связанного с декабристами. Сначала расследование вела неконституционная Следственная комиссия, составленная из русских и поляков, а затем дело было передано в Сеймовый суд, представители которого во второй половине 1827 г. провели самостоятельное следствие (См.: *Dylągowa H.* Towarzystwo patriotyczne i sąd sejmowy 1821—1829. Warszawa, 1970. S. 214—275).

[2]В. Лукасиньский, создатель (в 1821 г.) Патриотического общества, был в 1822 г. арестован, а в 1824 г. осужден на 7 лет тюремного заключения. Однако Патриотическое общество продолжало существовать и в дальнейшем, хотя к руковод-

ству в нем пришли более умеренные деятели (см.: *Ольшанский П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. С. 47—62).

[3]То есть свидетельством, от французского «relation» или польского «relacja» — «реляция, донесение».

---

112 [О стихах филиппинского поэта в честь России]

Барон Врангель, во время путешествия своего вокруг света на шлюпе «Кротком»[1], давал обед губернатору Филипинских островов и всем чиновникам. Во время тостов за здравие Государя Императора и Короля испанского[2] один из присутствующих сочинил следующие стихи экспромтом, которые после были присланы барону Врангелю в медальоне на память.

Перевод с испанского

Да здравствует Николай и его славные подданные! Да будут они всегда счастливы, довольны, непобедимы и да следуют всегда прекрасному примеру, который дал Александр и его войны, и тем сделались первенствующими.

Да здравствует Россия и Испания, которые хотя лежат на противуположных краях, но сходны между собою особенно на поле битвы, и суть (как гласит история) умеренны в победе, храбры без надменности, непобедимы своею твердостию и любимицами славы.

Подписано: генерал Рикофорт, губернатор Филипинских островов, на бале, данном бароном Врангелем на корвете русском «Кроткий», в порте Кавато, 14 февраля 1827 года.

Барон Врангель и все верноподданные друзья Царя и любители славы России желали бы, чтобы стихи сии были напечатаны. Это произведет приятное впечатление и польстит народному самолюбию. Мысль, что русского Царя и русский народ величают в другом полушарии, конечно приятна каждому русскому сердцу.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 2499. Л. 3. Записка подготовлена, по-видимому, в сентябре или октябре 1827 г.

[1]Военный транспорт «Кроткий» в августе 1825 г. был отправлен в кругосветное плавание для доставления «предметов снабжения» на Камчатку. Он успешно выполнил эту задачу и вернулся в Петербург 15 сентября 1827 г. (См.: СП. 1827. № 119).

[2]Имеется в виду Фердинанд VII.

---

113 [Об интригах против Комитета о составлении нового цензурного устава]

Цензор Красовский, управляющий делами графини Софьи Владимировны Строгоновой и домашний у Натальи Петровны Голицыной, при помощи монахов начал сильно действовать, чтобы новый план цензуры не состоялся и цензурный комитет остался на прежнем положении. Предполагается просить генерала Васильчикова, С.С. Уварова, флигель-адъютанта Строгонова и т.п. — Тем по крайней мере утешают себя цензоры. — Министр Шишков объявил, что пока он министром, то Устава и Комитета не коснутся, и что он пустил уже бомбу, которой не разжуют вдесятером.

Вообще не должно предполагать, что действия Комитета о составлении нового Устава не контракорируются[1]. Противная партия имеет своих протекторов: монахи и женщины, друзья Шишкова и Карбоньера, покровители цензоров — все это сильно хлопочет, чтобы уничтожить работу Комитета.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 28. Опубликована: *Гиллельсон.* С. 214. Над запиской проставлено: «Сообщено». Написана между 24 ноября 1826 г., когда Л. Карбоньер был введен в число членов Временного комитета для рассмотрения проекта цензуры иностранных книг, и 19 октября 1827 г., когда комитет был закрыт, скорее всего — после 14 октября 1827 г., когда комитет постановил представить свои замечания на устав 1826 г. Николаю I.

[1]То есть не встречают противодействия (от французского contrecarrer — противиться, противодействовать).

---

114 [О притеснениях со стороны цензуры]

Генерал граф Сухтелен (наш посол в Швеции) сказал одному своему доверенному: «Правда, что много рассевают дурных слухов и что это обескураживает народ и питает неприятные чувства. Но для уничтожения вредного влияния скрытых врагов одно средство: Il faut un peu délier la presse[1]. «Ныне таков век!» — Это совершенно справедливо. Нынешняя цензура представляет правительство в самом смешном виде и каждый день как на заказ делает недовольных. Трудно поверить, что цензор Ветринский из одной статьи вымарал слова *любовь к отечеству*, где говорилось, что французские канонеры были одушевлены благоразумием и любовию к отечеству. Он же вымарал слово *краеугольный камень* (pierre angulaire), где говорится, что свобода промышленности есть краеугольный камень богатства народов. В первом случае цензор руководствовался одною монашескою книгою, где доказывается, что любовь к отечеству не есть христианская добродетель; во втором случае он утверждал, что краеугольный камень есть Иисус Христос, понеже так он назван в Евангелии[2]. Сей же цензор, вместе с Красовским, запретили перепечатать письмо Владимира Измайлова о Сарепте, потому что там говорится в похвалу немцев и хвалится их нравственность и чистота[3]. Цензоры сказали, что это обидно для русских, чтоб немцы жили чище и были нравственнее других. Письмо сие было уже три раза напечатано. — Некому жаловаться на цензуру: они сами судят себя, и никто не мешается в их дела. Авторы чуть не плачут, и вся умная часть публики оскорблена сими притеснениями.

Записка, переписанная Фоком (перед текстом помечено «Сообщено»), печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 29—30. Опубликована М.И. Гиллельсоном (без атрибуции Булгарину): *Гиллельсон.* С. 202—203. Записка написана между октябрем 1827 г. (см. ниже примеч. 2) и 22 апреля 1828 г. (дата введения нового, более либерального цензурного устава).

[1]надо дать немного простора печати (*фр.*).

[2]А.В. Никитенко 2 октября 1827 г. записал в дневнике: «Сочинение мое «О политической экономии» во многих местах урезано цензурою. Между прочим, в одном месте у меня сказано: «Адам Смит, полагая свободу промышленности крае-

угольным камнем обогащения народов» и прочее. Слово *краеугольный* вычеркнуто потому, как глубокомысленно замечает цензор, что краеугольный камень есть Христос, следовательно, сего эпитета нельзя ни к чему другому применять» (*Никитенко.* С. 59). Булгарин, в СА которого печаталась эта работа, жаловался министру народного просвещения А.С. Шишкову на цензурные придирки к ней (см.: *Никитенко.* С. 59. Запись от 12 октября). (Указано В.Э. Вацуро).

[3]Речь идет о книге В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» (Ч. 1—4. М., 1800—1802), имитирующей эпистолярный жанр, где в письмах 141—144 подробно описывается посещение немецкой колонии Сарепта. Измайлов изображает ее в утопическом ключе: «Торжество человеческих обществ есть конечно общество Евангелическое, которого братья поселились у нас на берегах Сарны. Гуляю в убежище новых Евангелистов, собираю приятные впечатления и радуюсь на гражданский и нравственный порядок колонии, которая присвоила себе, с наукою добродетелей, художества нашего философического века» (Ч. 4. С. 164).

---

115 Разные слухи и толки

1. В день спуска корабля «Императрица Александра»[1] на одном большом обеде рассказывал один очевидец следующее: «Я стоял противу самого Государя Императора во время спуска корабля. Небольшой канал разделял нас. Каждое движение Его лица было наблюдаемо многочисленными зрителями. Корабль долго не двигался с места, невзирая на стук и крак, производимые матросами. Государь стоял неподвижно, на лице Его не выражалось никакого беспокойства, но какая-то мрачность осеняла взор. Видно было, что Он победил Свое нетерпение и овладел совершенно Собою. Зрители беспокоились, некоторые дамы проливали слезы. «Боже мой, если корабль не пойдет! Как будет неприятно Государю! Он хочет доставить удовольствие Государыне!» — раздавалось в толпе. Все были печальны. Вдруг корабль двинулся, лицо Государя просияло радостью. Теперь скажу я, что все портреты Государя непохожи. Вот истинный Его характер. Публика была в восторге. Начались толки. Говорили, если б корабль не пошел, суеверный народ стал бы предвещать дурное, и вот что беспокоило Государя, как отца и доброго мужа. Слава Богу, что все кончилось благополучно и что Государь доволен!»

Из всего видно, что публика, по крайней мере лучшая ее часть, принимает участие в делах, лично до Государя касающихся, в самом лучшем духе.

2. Много толкуют об указе в рассуждении гражданских канцелярских чиновников[2]. Дворянство чрезвычайно довольно, что этим указом загражден хотя несколько путь разночинцам к завоеванию мест и почестей. Благоразумные купцы 2-й и 3-й гильдии рады, что дети их не станут опрометью бросаться на службу, чтобы проживать нажитое отцами и таким образом уничтожать купеческое сословие, в коем редкая фамилия может похвалиться тем, что дом купеческий существует три поколения. Просвещенный класс торжествует, что отдана честь учению и просвещению. Только разве род приказных или так называемое *крапивное семя* горюет, но голос их приглушен общим мнением, которое сильно обнаружилось в пользу указа. Ныне в редком присутственном месте не пишут бумагу без самых грубых ошибок — если приказным велят учиться, половина нации облагородится чувствами. Так везде толкуют.

3. Ничто не может сравниться с радостию при известии об отставке министра юстиции Лобанова-Ростовского[3]. Известно, что его любовница с шайкою своею делала, что хотела. Сам князь, по упрямству и горячности характера никого не слушал, кроме людей, которые для своих выгод обманывали его, перенося первые порывы его гнева. Ужасная суматоха была в доме князя. Любовница его плакала и рвала на себе волосы. Приятельницы не явились утешать ее. В публике, ожидающей от восшествия на престол перемены министерств, отставка князя произвела самое приятное впечатление. «Повалился один, авось даст Бог повалятся и другие истуканы Аракчеева», — *говорили в Сенате.*

4. Многие, не знающие маршрута Государева, полагают, что Он поехал осматривать 2-ую армию. Другие говорят, что Он поехал в Варшаву[4]. В первом случае предсказывают войну, во втором благие для Польши последствия. Публика начинает привыкать и верить, что каждый шаг Государя имеет целию истребление какого-нибудь злоупотребления или благо государства. Жаль, что не стараются действовать на общее мнение подобно Наполеону и Фридриху Великому. «L'opinion publique doit être dirigée pour marcher droit»[5], — сказал Наполеон. И правда! — У нас все молчит в *пользу* — можно только *кричать противу.* (Так толкуют люди благонамеренные).

5. Министр просвещения Шишков (говорят) поссорился с Блудовым за то, что Блудов хотел, чтоб все университеты платили ежегодно 50 т. рублей компании страховой от огня, а Шишков противился. Говорят, что Шишков прав. Богатство университета часто составляют вещи, которых цена *условная*, как то кабинеты, рукописи и т.п. Лучше предоставить это университетам, говорят одни, другие держат сторону Блудова. В день отставки Лобанова разнесся слух, якобы Шишков вышел в отставку и место его заступил князь Ливен. Русским это не по сердцу. Крик противу немцев!

6. Пишут из Москвы, что какой-то *Павлов* будет издавать с нового года журнал под заглавием «Атеней»[6]. Неизвестно еще, профессор ли это Павлов, человек со способностями, который кончил курс наук в Германии и первый привез в Россию и распространил понятия о философии Шеллинга. Профессор Павлов учился у Шеллинга или слушал его курсы и в свою очередь обучил профессора Давыдова. — В Москве есть еще и другой *Павлов.* — Забираются справки. Журналист Полевой (купец 2-й гильдии) заводит контору адресов для доставления книг во все места русского царства. Это идея Новикова и Рылеева, говорят книгопродавцы. Известно, что Рылеев также хотел завесть такую контору в Петербурге, вероятно для размножения сношений.

7. Поэт Пушкин здесь[7]. Он редко бывает дома. Известный *Соболевский* возит его по трактирам, кормит и поит за свой счет. Соболевского прозвали *брюки Пушкина.* Впрочем, сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом.

8. Князь *Вяземский* беснуется в Москве, что Полевому запретили издавать газету. Он поговаривает ехать в Париж — но долги не пускают.

9. Министр финансов находится теперь в тесных связях с генерал-контролером[8]. Кажется, между ними условлено, чтоб чиновник, выходящий из одной службы, не находил места в другой [иначе], как с общего согласия. Крепко взялись за руки наши министры, говорят чиновники. Все не могут надивиться, что у Хитрова люди, обреченные на общее пре-

зрение за взятки и дурное поведение, пользуются, как уверяют, полною доверенностию и всем управляют, а честных и бескорыстных *выгоняют*.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1887. Разделы 7 и 8 опубликованы Б.Л. Модзалевским: Былое. 1918. № 1. С. 39. Подготовлена в конце октября 1827 г.

[1]Корабль был спущен на воду 21 октября 1827 г.

[2]Речь идет о новом «Положении о канцелярских служителях гражданского ведомства» (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 43. С. 1600—1604), в котором запрещалось принимать на государственную службу купцов (кроме записанных в 1-ю гильдию), мещан, вольноотпущенных, церковнослужителей и уволенных с военной службы недворян, а также детей представителей перечисленных категорий населения. Исключение составляли лица, получающие право на чины при окончании учебного заведения. Этим же положением определялись разные сроки для получения первого классного чина канцелярскими служителями: два года для потомственных дворян; четыре — для детей личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников; шесть — для детей приказных служителей, ученых и художников, не имеющих чинов; 12 лет — для принятых на службу до этого положения купцов 2-й и 3-й гильдий, мещан и т.п.

[3]Устав об отставке был подписан 18 октября 1827 г.

[4]Николай 19 октября 1827 г. отправился в поездку по Прибалтике (посетил Динабург, Ригу и Ревель), откуда вернулся 1 ноября.

[5]Чтобы общественное мнение двигалось в нужном направлении, им следует руководить (*фр.*).

[6]Издаваемый М.Г. Павловым «Атеней», «журнал наук, искусств и изящной словесности», выходил в 1828—1830 гг.

[7]Пушкин вернулся в Петербург из Михайловского 16 октября.

[8]Эти должности занимали, соответственно, Е.Ф. Канкрин и А.З. Хитрово.

---

116 [Толки по поводу перемен в министерствах]

Трудно себе вообразить нетерпение, с коим ожидают перемен в министерстве после отставки Лобанова[1]. «Проснется ли Россия, — спрашивают в шутку, — или Государь позволит ее еще убаюкивать Ланскому, Шишкову et consorts[2]. — Много говорят об Воронцове. Князь Лобанов на прощальной аудиенции назвал его своим преемником. Но люди, знающие *людей* и дела, трепещут от сей мысли. Бабским интригам не будет конца: Браницкая cum familia[3] овладевают всем. Многие назначают его министром просвещения. «Вот это дело», — говорят. У нас никогда ничего не будет сделано хорошего по части наук и словесности, пока министр не будет grand-seigneur[4] и даже немножко фанфарон. Явиться в блеске на экзамен, пригласить к столу профессоров и литераторов, дать разговорами направление словесности и заставить писать по воле мецената — вот что произведет и действие, и пользу. При этом блестящем министре *деловой* товарищ и лихой директор, да два-три удалые попечителя — и солнце наук и словесности взошло бы в России — а без этого солнца не будет в потомстве и славы для правителей. Это знали Екатерина и Наполеон. — De l'éclat de la littérature, de l'éclat[5]!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 65. Написана в конце октября 1827 г.

[1]Вместо Д.И. Лобанова-Ростовского был назначен А.А. Долгоруков.
[2]и им подобным (*фр.*).
[3]с семейством (*лат.*)
[4]вельможа (*фр.*).
[5]Необходим расцвет литературы, расцвет! (*фр.*)

---

117 [Толки о торжестве сторонников существующего цензурного устава]

Карбоньер объявил официально в цензуре, что одержана победа министерством просвещения над Комитетом, назначенным для рассмотрения Цензурного устава. Министр Шишков объявляет о сем всем и каждому. Письмо его к Государю и замечания на возражения Комитета ходят по рукам и посланы даже в Москву. Публика, особенно благонамеренные люди и друзья славы Престола повесили головы. Все приятные надежды на блестящее и, как говорят, на *откровенное* царствование меркнут. Этот проклятый Цензурный устав, как страшилище, как привидение у всех на глазах. Враги Престола радуются этому и беспрестанно выводят его на сцену. Что остается делать друзьям Государя? — Защищать Устав невозможно. Даже люди весьма близкие к Престолу говорят, что *дело кончено* с уничтожением Комитета и что новый Устав позволено составлять членам Комитета, чтобы не слишком огорчать их тем, что Шишков победил их. — Говорят, что члены Комитета играют в бирюльки, которые после рассыплются.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 31. Впервые опубликована: *Гиллельсон.* С. 214—215. Мы датируем записку концом октября 1827 г. Комитет для рассмотрения цензурного устава был закрыт 19 октября.

---

118 [Об истории с Величко]

История *Велички* произвела самое неприятное впечатление в публике и лишила высший надзор содействия честных и умных людей, которых нельзя купить. Самое ложное правило есть то, что высшая полиция должна вперять веру, что *она все знает.* Это самое верное средство *ничего не знать.* Компрометируя людей и домы (foyers), где получаются известия, значит парализовать самим свои действия. Это политическое самоубийство. Мы знаем людей самых честных и благонамеренных, которые из усердия и любви к добру служили высшему надзору. После истории Велички они решительно отказались. Флигель-адъютант Лазарев весьма много содействовал к распространению опасения на тот счет, чтоб не быть скомпрометированным. Недавно в одном доме, где было много гостей к обеду, некто сказал: «Господа, в древней Греции в столовых ставили истукан *бога молчания.* У нас должен быть лозунг *Величка*»[1]. — После этого чего ожидать? Когда опасение явное, прибегают к скрытности, к тайнам, к обществам, и от этого все зло, все преступления. Не лучше ли было бы все знать, за всем наблюдать, всему давать направление, не показывая виду, как, от кого и где узнают.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3181. Л. 62. Сохранилась в подборке записок, подготовленных в основном в 1827 г. Помечена № 4. По-видимому, Величко был агентом III отделения, о чем стало известно в обществе. Рядом находится следующая записка Фока Бенкендорфу (оригинал — по французски): «Вы дали это списать Лазареву, а он раздул из этого историю.

Скандал с делом *Величко* принес нам бесконечно много вреда. О нем говорят повсюду, а в доме, где произошел разговор, несколько лиц сильно скомпрометированы. Что касается меня, то я скомпрометирован сильнее всего по отношению к тем людям, которые работают на меня *по дружбе*. Подобные случаи вынудят нас прибегать к шпионам с улицы, а с ними мы далеко не уйдем» (л. 63).

[1]А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал, как в начале 1829 г., по приезде из деревни в Петербург, «более всего поразило меня вообще господствовавшее подозрение и шпионство. Несколько старинных приятелей, с которыми я тотчас после моего приезда увиделся, убеждали меня быть в речах и письмах моих сколь можно осторожнее и скромнее. Сего рода увещания на все время пребывания моего в столице распространили какую-то мрачную завесу, ибо мне никогда не приходило в голову, чтобы я в отечестве моем мог сделаться предметом каких-либо подозрений» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Записки//РС. 1893. № 7. С. 177).

---

119 [Об альманахе «Северная звездочка»]

Альманах на 1828 год «Северная звездочка» есть книжечка в 10 печатных листов, малого формата, содержащая в себе *повести*, *литературные статейки* и стихотворения, нигде поныне не напечатанные, разных *ныне существующих* в России авторов и поэтов. Издатель сего альманаха есть Андрей Андреевич Ивановский, чиновник 7-го класса, служащий в министерстве военном[1]. Человек он отличной нравственности и преданный правительству. Название своему альманаху дал он случайно.

Рылеев и Бестужев издавали альманах «Полярная звезда» и предполагали издать прибавление в начале 1826 года под именем «Звездочка», вот почему, вероятно, и обращено внимание на название «Северной звездочки». Но в публике эти частности и местности литературные мало известны, и нет сомнения, что Ивановский не помышлял пользоваться сходством названий с каким-либо дурным намерением. Впрочем, альманах сей еще не издан, и ничего нет легче как переменить заглавие, без всякого шуму и переписки, что произведет соблазн в публике. Одно слово на ушко Ивановскому, и дело кончено — сие и будет сделано сегодня же.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 10—11. Опубликована: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 14. Записка написана, по-видимому, в конце октября или, что более вероятно, начале ноября 1827 г. В датировке мы исходим из того, что в альманах были включены отрывки из поэмы А.А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», которую автор только в октябре 1827 г. передал из Финляндии в Москву (откуда уже она попала к А.А. Ивановскому) (см.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 13—24). К 11 ноября альманах уже был переименован в «Зарницу» (вышел он под названием «Альбом северных муз» в марте 1828 г.).

[1]Альманах А.А. Ивановского получился весьма представительным: в него были включены стихи А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Ф.Н. Глинки, Н.М. Языкова, С.П. Шевырева, И.И. Козлова, А.И. Подолинского, Д.П. Ознобишина,

К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева (последних двух — без подписи) и др. Булгарин, который был хорошо знаком с Ивановским, поместил в его альманахе воспоминания «Встреча с Карамзиным». Утверждение, что в книге представлены сочинения «ныне существующих» (Булгарин даже выделил эти слова) литераторов неверно — Ивановский включил в альманах стихотворение казненного Рылеева «На смерть Байрона». Об истории альманаха и его цензурных мытарствах см.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 15—21.

---

120 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 19 ноября 1827]

Милостивый государь
Александр Христофорович!

На основании повеления Вашего Превосходительства я представил Вам стихи, сочиненные Анненковым, под заглавием «Война в Персии». Ваше Превосходительство согласились на напечатание оных, и потому я послал их к цензору надворному советнику Ветринскому, с надписью: «Стихи сии были показываемы Его Превосходительству Начальнику Главной квартиры Его Императорского Величества, шефу жандармов, генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, и он одобрил оные к печатанию». Надпись сию скрепил я моею подписью. Казалось бы, что цензору ничего не оставалось, как подписать стихи или, в случае сомнения [в] моей подписи, справиться у Вашего Превосходительства. Но нет, г. Ветринский, воспитанник знаменитого Фотия, обрадовался случаю показать свое могущество. Он объявил, что не признает власти генерала Бенкендорфа, и, стараясь как-нибудь перетолковать смысл стихов, чтобы запретить их для того только, чтоб показать, что покровительство Вашего Превосходительства не имеет силы в цензуре. Он выдумал, *что в стихах, то есть в игре воображения, нет исторической верности в движениях войск и в числах, а потому они подлежат запрещению.* Цензурный комитет, хотя видел ничтожность сей привязки, но, горя желанием сделать неприятность Вашему Превосходительству и показать, что отвергает Ваше влияние, объявил, что согласия Вашего превосходительства недостаточно для напечатания стихов и, как война производится в Азии[1], то решил послать стихи с своим мнением к директору Азиатского департамента, Родофиникину. Смею сказать, что цензурный комитет поступил противузаконно в сем деле, единственно следуя внушению своей гордыни; он забыл, что стихи не подлежат § 141* цензурного устава. Цензурный комитет даже не вздумал доложить о сем министру просвещения и не заблагорассудил на основании § 59, 62 и 65 объявить мне решение дела, удержав просто рукопись у себя и не удостоив ответом.

Г[осподин] Родофиникин, приведенный в затруднение вопросом цензуры и не зная, каким образом причислить стихи к дипломатике, дал ответ двусмысленный, évasive[2]. Цензура восторжествовала, и цензоры похваляются, что они одержали победу над Вашим Превосходительством и не послушались Вашего согласия. Два благородные цензоры — Сербинович и Гаевский — из сего исключаются.

Поелику сочинитель стихов есть *офицер* гвардии, и предмет стихов военный, то по всей справедливости цензору надлежало бы руководствоваться § 204: «Письменное разрешение начальства снемлет с цензурных ко-

---

*§ 141: «Статьи, касающиеся до государственного управления, не могут быть напечатаны без согласия того министерства, о предметах коего в них рассуждается».

митетов всякую ответственность». Я ссылался письменно на Ваше Превосходительство, следовательно, о военном человеке и по *военному делу* надлежало бы только справиться у *Начальника Главной квартиры*, справедливо ли я ссылаюсь, а не пренебрегать властью *его* и *прибегать* в *Азиатский* департамент! Здесь явное отступление от закона и явное желание сделать неприятность Вашему Превосходительству.

Столь дерзкий и вместе с тем противузаконный поступок цензурного комитета, по моему мнению, заслуживает внимания Вашего Превосходительства, а потому я решился довести оный до сведения Вашего. Если все присутственные места станут таким образом поступать небрежно, где употреблено имя Вашего Превосходительства, то от сего может последовать большой вред службе. Уже сопротивление цензуры и ее победа кружит по городу и составляет радость всех страшащихся жандармов[3].

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть Вашего Превосходительства, милостивого государя, покорнейшим слугою

Ф. Булгарин

19 ноября 1827 года

Письмо печатается по писарской копии (слова «покорнейшим слугою» и подпись вписаны рукой Булгарина): ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 171. Л. 14—15.

[1]Имеется в виду русско-персидская война 1826—1828 гг.

[2]уклончивый (*фр.*).

[3]На письме — карандашная резолюция Бенкендорфа: «Мин[истру] просв[ещения]: что мне высочайше приказано читать все стихи, офицерами посылаемые г. Булгарину, дабы судить, могут ли быть напечатаны; не находя в сих стихах ничего противно закону цензурного устава, прошу покорнейше меня уведомить, чем руководствовались цензоры, запрещая печатание сих стихов, и прочих незаконных придирок. По крайней мере, видавши мое имя, могли бы сделать мне честь спросить у меня, и тогда узнали бы, что я ничего не делаю без воли Государя. Объяснение по сему предмету нужно мне, дабы впредь не могли случиться такие неприличные поступки».

О дальнейшем ходе этого дела дает представление следующая выписка из журнала заседаний цензурного комитета за 22 ноября 1827 г.: «Слушали отношение г. генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа на имя г. министра народного просвещения от 21 сего ноября за № 2730, в коем изъясняется, что Государю Императору благоугодно было ему, г. Бенкендорфу, высочайше повелеть перечитывать все стихи, присылаемые нашими офицерами к г. Булгарину для помещения в издаваемых им журналах. На сем основании он просматривал стихи г. Анненкова под заглавием «Война в Персии» и, не найдя в них ничего противного правилам цензурного устава, возвратил оные г. Булгарину для напечатания. Ныне генерал-адъютант Бенкендорф уведомлен, что цензура, несмотря на то, что г. Булгарин объявил его одобрение, не только не пропустила сих стихов, но позволила себе даже не уважать его имени и отнести разрешение сего вопроса на уважение Азиатского департамента. Вследствие сего генерал-адъютант Бенкендорф просит г. министра уведомить его, какими правилами руководствовалась цензура в сем действии, которое по его мнению совершенно противно предписаниям самого цензурного устава. К сему генерал-адъютант Бенкендорф присовокупляет, что г. цензор, увидя имя его превосходительства, в случае сомнения, кажется, должен бы был с ним объясниться и узнал бы тогда, что он без воли Его Величества не осмеливается делать ни одного шага. Уведомление, о котором генерал-адъютант Бенкендорф просит министра, нужно ему на тот конец, дабы предотвратить на будущее время подобные неприличные и неделикатные поступки.

Определено: в объяснение обстоятельств дела о стихотворении «Война в Персии» представить господину министру следующее объяснение: «Г. Булгарин при-

слал означенные стихи к цензору надворному советнику Ветринскому с сделанною на них своею рукою надписью, что они были показываемы г. генерал-адъютанту Бенкендорфу и что он изъявил согласие на напечатание их; но Главному цензурному комитету до последнего отношения г. Бенкендорфа совершенно неизвестна была Высочайшая Государя Императора воля, которою предоставлено ему перечитывать все стихи, присылаемые нашими офицерами к г. Булгарину для помещения в издаваемых им журналах, то цензор, не имея в виду сего обстоятельства и не почитая себя в праве основаться на показании частного человека, ибо в сем случае г. Булгарин действовал в лице издателя журнала, должен был приступить к рассмотрению стихов г. Анненкова на основании общих цензурных правил и под собственною своею ответственностью; полагая сверх того, что надпись, сделанная г. Булгариным от имени генерал-адъютанта Бенкендорфа, могла обращаться к содержанию стихов в военном отношении, и не встречая в сем отношении никакого затруднения к пропуску их, цензор не осмелился утруждать генерал-адъютанта Бенкендорфа неуместными словесными представлениями мимо своего начальства. Усумнившись же в рассуждении трех только стихов по отношению к политике, в которых, невзирая, что они писаны в июле сего года в лагере при крепости Аббас-Аббал, сочинитель объявляет о происшествиях, последовавших спустя несколько месяцев, а частию еще и ныне не совсем совершившихся, цензор, на основании § 66 Высочайше утвержденного устава о цензуре, почел обязанностью внести стихотворение Анненкова с замеченными в нем местами на общее суждение Главного цензурного комитета с изъяснением, что ему неизвестно, угодно ли правительству, чтобы преждевременные сего рода объявления о важнейших в политическом мире событиях печатались в частных журналах.

Замеченные цензором места в стихах г. Анненкова были следующие:

И побежденный шах *нам царство уступил*,
Познал велику власть монарха россиян,
Смирил надменный дух и молит Николая,
Да мир ему подаст, *взяв крепкий Ериван.*

Далее, говоря о генерале Паскевиче:

В мгновенье сокрушил высокия твердыни,
И *царство* новое монарху покорил.

Главный цензурный комитет, имея в виду Высочайшее повеление, объявленное г. министру генерал-адъютантом Бенкендорфом от 11 прошлого сентября за № 2108, чтобы цензура смотрела с большою осмотрительностью на статьи, которых смысл в политическом отношении может подавать повод к различным ложным рассуждениям и толкам, и приняв в руководство § 141 и 158 устава, почел нужным о сомнительных местах в стихотворении г. Анненкова спросить предварительно мнения Азиатского департамента. Получив заключение министерства иностранных дел, что лучше стихотворение сие не печатать, Главный цензурный комитет должен был по необходимости принять сие за основание решения своего тем более, что с одной стороны не имел он никакого противного означенному заключению приказания от начальства своего, а с другой ему не сообщено было официальным образом, что генерал-адъютант Бенкендорф просматривал стихи г. Анненкова» (РС. 1888. № 6. С. 617—618; переписку Бенкендорфа с Шишковым см. также: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 171. Л. 16—17). В итоге стихотворение И. Анненкова «Война в Персии, 1827 года» было все же напечатано без всяких изменений в СО (1827. № 22. С. 139—142).

---

121 Bruits et propos[1]

В одном обществе порядочных людей, где была между прочими одна дама, которой муж составил себе состояние взятками и расхищением казны, начали разговаривать о нынешнем времени и некоторые стали ока-

зывать боязнь насчет жандармерии, которая все знает. «Тем лучше, — сказал *Жандр*, секретарь контрольной экспедиции, человек известной честности, — тем лучше: теперь настало время *нам* служить. Пусть наблюдают за делами чиновников, тогда будут уметь различать честных от плутов. Без того каждый начальник из корыстолюбия или самолюбия защищает беспорядки — а злые люди торжествуют». «Виват, жандармы», — повторили некоторые из гостей — и выпили за их здоровье. C'est authentique[2]!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 103. Сохранилась в составе подборки, где преобладают записки 1827 г., и условно датируется этим годом.

[1]Слухи и толки (*фр.*).

[2]Это чистая правда (*фр.*).

---

122 [О Пушкине]

Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что Ему обязан жизнию, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность[1]. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над правительством, ныне хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, свободу: виват!»[2]

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1926. Л. 6. Опубликована Б.Л. Модзалевским с указанием на участие Булгарина в ее подготовке: Былое. 1918. № 1. С. 39. Записка написана, по-видимому, в ноябре 1827 г.

[1]Пушкин вернулся в Петербург из Михайловского в середине октября 1827 г. (см.: *Лернер Н.О.* Труды и дни Пушкина. СПб., 1910. С. 162—164). Возможно, речь идет об обеде у Булгарина [П. Вяземский в письме от 22 ноября упрекал Пушкина: «Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина?» (Переписка А.С. Пушкина. Т. 1. М., 1982. С. 258). Ср. запись в дневнике К.С. Сербиновича об обеде у Булгарина 21 ноября 1827 г., на котором присутствовал Пушкин (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 256)].

[2]На записке карандашная надпись Бенкендорфа: «Приказать ему явиться ко мне, завтра в 3 часа».

---

123 О пожертвовании, сделанном Булгариным

Когда по Высочайшему повелению учрежден был Комитет для снабжения учебных заведений полезными книгами, чиновник 8-го класса Булгарин (издатель «Северной пчелы»), желая по мере сил своих содействовать благим видам Монарха, пожертвовал 1000 экземпляров книги «Избранные оды Горация, с комментариями»[1]. Булгарин сам перевел на русский язык комментарии знаменитого филолога Мичерлиха и издал книгу на свой

счет. Издание сей же книги на польском языке напечатано на казенный счет, и издатель г. Ежовский получил с согласия Главного правления училищ денежное вознаграждение за свои труды. Напротив того, с Булгариным поступлено самым несправедливым и противузаконным образом. Ученый комитет Главного правления училищ, сделав полный и подробный разбор пожертвованной Булгариным книги, признал ее *полезною* и *годною для употребления* в училищах, и по существующим по сему предмету узаконениям **единогласно** положил, что он *признает пожертвование Булгарина достойным ходатайства о Высочайшем благоволении пожертвователю*, что можно видеть из выписки из журнала Комитета. Университет также принял дар сей также с изъявлением благодарности, как то видно из отношения университета к Булгарину. Но г. министр просвещения решил, вопреки мнению Комитета и университета, что сие пожертвование *не заслуживает быть доведенным до сведения Его Императорского Величества*, не потому, чтобы книга была нехороша и бесполезна, но что «назначение цены книг зависит вообще от произвола»! Сие заключение г. министра не имеет никакого законного вида. Книги вообще ценятся самими издателями, и поныне не было примера, чтоб пожертвование было принято, а пожертвователь даже не удостоился обратить на себя внимание г. министра. Самое издание стоит Булгарину около 5000 рублей, кроме труда, и по каталожной цене пожертвование составляет около 8000 рублей. За пожертвование книг меньшей цены и достоинства пожертвователи удостоивались не только Высочайшего благоволения, но даже награждения орденами, и производитель дел Ученого комитета отнесся письменно к Булгарину, *что подобной несправедливости не было еще примера.* Для Булгарина изъявление Высочайшего благоволения слишком дорого, чтобы он мог равнодушно перенесть сию кровную обиду со стороны министра, оказанную вопреки законов, ибо *единогласное мнение Ученого комитета* не может быть отвергнуто г. министром под предлогом, который никогда до сего времени не представлял препятствий. Сия несправедливость, оказанная Булгарину, лишает всех ученых и литераторов надежды и охоты действовать на пользу истинного просвещения, ибо если ученые труды не станут на себя обращать внимания г. министра, потому только, *что цена книг зависит вообще от произвола*, тогда всякое соревнование исчезнет между учеными ко вреду народного просвещения.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 13. Опубликована: *Лемке.* С. 262—263. В записке есть карандашная правка, повидимому, самого Булгарина, устраняющая выпады против А.С. Шишкова. Так, вместо «самым несправедливым и противозаконным образом» вписано «совершенно иное», сняты слова «Сие заключение г. министра не имеет никакого законного вида», вместо всего финального куска, начинающегося словами «кровную обиду со стороны министра», вписано одно слово — «несправедливость».

К записке было приложено два документа. В обширной «Выписке из журнала Ученого комитета Главного правления училищ» говорилось, что комитет, опираясь на мнение известного переводчика с древнегреческого И.И. Мартынова, «признает пожертвование г. Булгарина достойным ходатайства о Высочайшем благоволении пожертвователю», определенном постановлением о пожертвованиях. Ознакомившись с этим заключением, министр просвещения «не нашел нужным ходатайствовать о сем деле, потому что вообще назначение цены книг зависит совершенно от

произвола» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 14). В бумаге от Петербургского университета, выданной Булгарину, его благодарили за пожертвование 1000 экземпляров книги, утверждая, что «Совет [университета] не оценил бы Вашего благотворения по достоинству, ежели бы ограничился одною пользою от оного и не уважил бы особливо благородной цели просителя» (Там же. Л. 15).

Бенкендорф, пересылая 8 декабря 1827 г. записку с приложениями Д.Н. Блудову, в сопроводительном письме писал: «Приемля особенное участие в положении г-на Булгарина, как человека мне с отличной стороны известного, я сочту собственным одолжением всякое добро, которое Вашему Превосходительству угодно будет оказать ему в сем, по-видимому, столь справедливом деле» (Там же. Л. 12). Отвечая ему 13 декабря, Блудов обещал «сообщить мои о сем мысли Вашему Превосходительству при первом свидании» (Там же. Л. 16). Что сообщил Блудов Бенкендорфу, нам неизвестно, но Булгарин, судя по всему, так и не получил высочайшей благодарности за пожертвование.

[1]Об истории издания Булгариным этой книги см. примеч. 3 к записке № 22.

---

124 [Об обеде у Греча]

В день св. Николая[1] журналист *Николай Греч* давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания Грамматики[2]. Гостей было 62 человека: все литераторы, поэты, ученые и отличные любители словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили по крайней мере двухсмысленно о правительстве и не критиковали мер оного. Теперь, напротив, только и слышны были анекдоты о правосудии Государя, похвала новых указов и изъявление пламенного желания, чтобы Государь выбрал себе достойных помощников в трудах. Насчет министров не женировались[3], как и прежде, и каждый рассказывал какие-нибудь смешные анекдоты и злоупотребления, всегда прибавляя: при этом Государе все это кончится. На него вся надежда; Он все знает; Он все видит, всем занимается; при Нем не посмеют угнести невинного; Он без суда не погубит; при Нем не оклевещут понапрасну. Он только не любит взяточников и злодеев — а смирного и доброго при Нем не посмеют тронуть. — Под конец стола один из собеседников, взяв покал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики[4].

1.
Уж двадцать лет прошло, как Греч
Писать Грамматику затеял;
Конец труду и тяжесть с плеч —
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
Лились чернила, лился пот,
Теперь вино польется в рот!

2.
Явись покал — ты нам *союз*:
Склонение — к любви и славе;
Глагол сердец — *причастье* муз,
Знак удивительный в забаве!
Друзья, кто хочет в счастьи жить:
Спрягай почаще: пить, любить!

3.
В отчаяньи уж Греч наш был,
Грамматику чуть, чуть не съели:
Но царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так молитву сотворя,
Во-первых, здравие: Царя!

4.
Теперь, ура, друг, Николай! (то есть Греч)
Ты нам *жандарм* языкознания.
Трудись, живи да поживай,
Без всяких *знаков препинанья*!
Друзья, воскликнем наконец:
Ура, Грамматики творец!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты. Но приятнее всего было то, что куплеты Государю повторены были громогласно всеми гостями с восторгом и несколько раз. — Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

И так молитву сотворя,
Во-первых, здравие Царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной. Нечаев послал их в Москву.

Все удивляются нынешнему положению вещей: прежде не было помину о Государе в беседах — если говорили, то двухсмысленно. Ныне поют куплеты и повторяют их с восторгом!

L'opinion publique a besoin qu'on la dirige[5]. Но направлять общее мнение только тогда можно, когда есть элементы к возбуждению хороших впечатлений и когда *честные* и *умные* люди, видя и чувствуя благие виды правительства, охотно содействуют к направлению мнений в хорошую сторону. Теперь все это есть — и элементы, и добрые люди, а чрез несколько лет можно надеяться, что образ мыслей вообще и в целом примет самый лучший оборот.

Записка, написанная в начале декабря 1827 г. и переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 7—9. Опубликована Б.Л. Модзалевским: Былое. 1918. № 1. С. 40—42.

[1]То есть 6 декабря.

[2]В ноябре 1827 г. вышли из печати «Пространная русская грамматика» (том 1-й) и «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча (последняя с предисловием Булгарина). Ф. Булгарин писал о них в рецензии: «Вот плоды двадцатилетних трудов и наблюдений <...> полный, подробный, ясный, удобопонятный курс языка русского, которым может пользоваться и юноша, и созрелый чиновник» (СП. 1827. № 138. 17 ноября).

[3]не церемонились (от французского se gêner — стесняться, церемониться).

[4]Стихи эти сочинены Булгариным. См.: РГБ. Муз. собрание. 8566. 13.

[5]Общественное мнение нуждается в том, чтобы им руководили (*фр.*).

125 [О «Московском вестнике»]

30 декабря 1827 г.

В С.-Петербург прибыл из Москвы издатель «Московского вестника» Погодин. Он только *по имени* издатель, на что в доказательство имеются собственноручные его письма. Главные начальники сей редакции суть: Соболевский, Титов, Мальцов, Полторацкий, Шевырев, Рагозин и еще несколько истинно бешеных либералов. Некоторые из них (Мальцов и Соболевский) дали деньги на поддержание журнала и платят Пушкину за стихи. — Главная их цель состоит в том, чтоб ввести *Политику* в этот журнал. — На 1828 год они намеревались издавать политическую газету, но как ни один из них не мог представить своих сочинений, как повелено цензурным уставом, то они выписали сюда Погодина, чтобы он снова от своего имени просил позволения ввести политику.

Погодин человек чрезвычайно искательный. Он, переводя сочинения Круга и выхваляя их[1], попал в корреспонденты Академии наук[2] и теперь покровительством Уварова надеется получить желаемое позволение на помещение политики в своем журнале, которую намерен редижировать[3] Титов и Полторацкий. Погодин не имеет влияния на сих молодых людей и состоит у них в зависимости, потому что они богаты и смелы, а он беден, без имени и робок. — Сии юноши не пишут ничего литературного, почитая сие недостойным себя и занимаясь одними политическими науками. Образ мыслей их, речи и суждения отзываются самым явным карбонаризмом. Соболевский и Титов (служащий в Иностранной коллегии) суть самые худшие из них. Собираются они у князя Владимира Одоевского, который слывет между ими философом, и у Мальцова.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. Ед. хр. 117. Л. 10—11. Опубликована: РС. 1902. № 1. С. 34. «Рагозин» — явная описка или ошибка, должно быть — «Рожалин».

[1]Об этом см. примеч. 8 к записке № 153.

[2]Погодин был избран членом-корреспондентом Академии наук в 1826 г.

[3]То есть редактировать.

---

126 Сведения о Абрамовиче и о толках здешних поляков насчет его принятия в службу

Офицеры бывшего войска Герцогства Варшавского были или старые воины, служившие до раздела Польши, или офицеры из легионов польских, служивших во Франции, или офицеры из российской, австрийской и прусской службы, которых патриотизм привлекал под знамена нового польского войска. Герцогство Варшавское было признано всеми державами и, следовательно, офицерские патенты сего края суть *годные* (valables). Когда в 1812 году Наполеон вторгнулся в Литву и когда конфедерация Герцогства Варшавского объявила противу воли Наполеона существование *Королевства Польского*, в Литве изданы были прокламации, призы-

вающие жителей к вооружению, а дворян [к] пожертвованиям и службе. Сие вооружение шло медленно, во-первых, потому что многие пункты в середине страны заняты были русскими войсками, равно как и крепости Дюнабург и Бобруйск; во-вторых, что Наполеон не объявил восстановления Королевства; в-третьих, что французы дурно себя вели, грабили и даже убивали помещиков; а наконец, в-четвертых, что многие лучшие дворяне были привязаны к Императору Александру и соблюдали нейтралитет. Однако ж полки начали формироваться. Наполеон дал полномочие Гогендорфу, военному губернатору виленскому, давать номинации временные (des nominations provisionnelles) на чины в Войске Литовском. Кто объявил желание формировать на свой счет полк, тот получал звание полковника и сам давал чины своим офицерам. Чины сии должны были подтвердиться по сформировании полка и по вступлении оного в действительную службу. Многие начали формировать: Обухович, Раецкий, Тышкевич, граф Ходкевич, Гельгуд и другие. Гвардейский Литовский формировал известный генерал Конопка. Но вооружение шло медленно, и ретирующая армия из Москвы нашла одни нестройные толпы и множество офицеров богато убранных, щеголяющих штаб-офицерскими эполетами, которые даже не видели своего полка и не умели скомандировать ни одного приема. Большая часть сих офицеров спряталась в домах, и солдаты разбрелись или вошли в состав других старых полков. В Варшаве в 1812 году столько набралось офицеров литовских, так называемых *Гогендорфских*, что князь Понятовский не знал, что с ними сделать, и не помещал их в полки Княжества Варшавского. Некоторые полковники, как, например, граф Ходкевич и Гельгуд, привели вооруженные и устроенные баталионы, которые после составили гарнизон крепости Модлина. Полковник Раецкий пришел с толпою полувооруженных улан, которые разбрелись по другим полкам. Когда войско Герцогства Варшавского наново переформировалось после 1812 года и пошло за французами в Саксонию, толпа литовских офицеров не имела назначения следовать за войском, Наполеон объявил дневным приказом, что все польские офицеры и литовские, перешедшие за границу за армией, пользуются своими чинами и получают жалованье до помещения. Всем им назначено было rendez-vous[1] в Седане, в департаменте Арденском, где назначено главное депо польское. Когда генерал Красинский заключил конвенцию с императором Александром во Франции, после падения Наполеона, между прочим обещано: 1. Сохранение всем офицерам чинов, пенсионов и титулов; 2. Амнистия русским подданным; 3. Уравнение чинов с русскими чинами и т.п. Когда польское войско возвратилось в Варшаву и когда после Венского конгресса стали формировать новое польское войско, преимущество дано было при помещении старым офицерам французской службы, легионистам и офицерам войска Герцогства Варшавского. Помещение полковника Гельгуда и некоторых других литовцев произвело неудовольствие.

Абрамович, литовский дворянин, богатой фамилии, вступил в службу в 1812 году. Его видали во время сей войны щеголяющего по Вильне в кирасирском богатом мундире, но никто не знает, командовал ли он когда-либо эскадроном, хотя носил звание шефа эскадрона. Кажется, что Абрамович довольствовался получением паспорта с чином, по преобразовании войска. Он жил долго в Париже и совершенно промотался. Он имел верно более миллиона злотых, ныне, говорят, не имеет и двух тысяч чер-

вонных. Человек он просто глупый, фанфарон, который не в состоянии ничего предпринять и исполнить. Страсть его — игра в карты, волокитство и обжорство; он неспособен ни к какому постоянному занятию. Цесаревич поступил весьма справедливо и благоразумно, что не хотел принять в штаб-офицерском чине человека без заслуг, без познания службы, которого чрезвычайные обстоятельства привели к принятию одного титула офицера и который от сего времени вел жизнь бездейственную и развратную. Говорят, что он наделал долгов в Париже и, спасая себя, решился бежать в Грузию, не из любви к военному делу, а чтоб как-нибудь скрыться от стыда и от своих родных.

Принятие в службу *подполковника Герцогства Варшавского корнетом* в русскую службу поразило чувствительно всех поляков[2]. Даже здешние поляки, прочитав сие, приходили в отчаяние; многие из них плакали и плачут. Они говорят: «Какое предзнаменование для нас! Сим одним приказом нарушена конвенция Императора Александра с войском польским, а на этом основании лежит все наше благо существенное и воображаемое».

Лучше всего было бы не принимать Абрамовича в службу, а если принять, то надлежало бы сказать, что *имевший звание подполковника в новоформированных войсках в Литве Абрамович* всемилостивейше принимается в российскую службу в чине корнета ets. — Тогда поляки, вместо горести, сами смеялись бы над этим, ибо сии скороспелки литовские офицеры не имеют никакого уважения и поныне служат предметом для шуток в войске и между помещиками.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 24—27. Датируется декабрем 1827 г., так как И. Абрамович был принят на службу в Серпуховской уланский полк 4 декабря 1827 г.

[1]свидание (*фр.*).

[2]Вступление Абрамовича на русскую службу с сильным понижением в чине было очень болезненно воспринято поляками. Н. Малиновский записал в дневнике, что 27 декабря 1827 г. на обеде у Ф. Булгарина, где были А. Мицкевич, О. Сенковский, Л. Сапега, Л. Ельский, Ф. Малевский и др., «разговор зашел об Абрамовиче, который был подполковником польской армии, а позднее перешел в русскую с чином корнета и этим вызвал всеобщее негодование. Мицкевич осуждал его и утверждал, что он поступил весьма подло: все прочие также его порицали <...>» (*Малиновский.* С. 63).

---

127 [Выписка из писем, полученных Булгариным из Остзейских провинций]

Мы уже доносили, что Булгарин завел постоянные сношения со многими лицами значительными в провинциях или имеющими там влияние, и уведомляет их о настоящем положении дел и особе Государя Императора. Ныне имел он удовольствие удостовериться, что его план принялся и что если есть люди, распространяющие дурные вести, надобно, чтоб были люди, извещающие о хорошем. Противодействие искореняет зло в самом начале, и, при нравственном влиянии на народ, добро всегда истребит зло. Вот выписки из писем, полученных из Самогитии и Риги.

«Благодарность Богу, что любимый наш Государь наблюдает за исполнением правосудия. Да сохрани его Бог в счастии и успехах.

За присланные известия как о делах наших, так и любимом Государе нашем, благодарю. В Полангене, в день коронации была иллюминация, а в Мишуцях мы попивали за Его здоровье и остаток фейерверка сожгли».

В Самогитии от ее существования не было ни фейерверков, ни иллюминаций. Жители Полангена рады, что их оставили при Курляндии, а помещик Мишуць благодарен за оказанное ему правосудие. Доброе впечатление далеко распространяется.

Выписка из письма из Риги[1].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 5. Исходя из содержания и из того, что записка хранится в подборке записок конца 1827 г., мы датируем ее этим временем.

[1]Далее следует небольшая трудночитаемая выписка из письма на немецком языке, в которой выражается радость по поводу действий Николая I, сравниваемого с Петром I.

---

128 Слухи между проживающими здесь поляками

1. По письмам, полученным из Варшавы, видно, что жид, сделавший донос на волынского губернатора Андржейковича[1], был сечен плетьми в Варшаве, по проискам известных *Канцеляристов*, состоящих в связи со всеми злоупотребителями. Говорят, что и Новосильцов участвовал. Цесаревич дал деньги жиду после того. Так *пишут*.

2. Ботвинко беснуется[2]. Жид его Ицко Пилинкер и советник от Короны во 2-м департаменте Виленского главного суда Рогальский, агент Ботвинки, бегают как исступленные и посылают в провинции собирать деньги. Явно сказал Рогальский в дружеской беседе, что теперь дорого стоят дела в самом Петербурге, и потому надобно платить дороже. Удивительно, что здешние меры не имеют никакого влияния в Литве. Дело Ботвинки в самом лучшем положении: его сильно покровительствуют, и он сыплет деньги, а исполняя должность свою, всем страшен. Говорят наверное, что для предупреждения, чтоб польские провинции не вышли из военного положения, затевают новые козни, для возбуждения подозрения правительства, подкидывают письма, в разных местах спрашивают, нет ли продажного пороха, оружия и т.п. Молодых людей уловляют в разговорах и т.п. Но кажется, что теперь поляки не позволят обмануть себя.

3. Говорят, что Пининский[3] совершенный банкрут и решился на отчаянный шаг, чтоб как-нибудь исчезнуть. Говорят также, что он глуп, неблагоразумен в речах и поступках и вел себя дурно в дороге. При сем случае говорят: «Удивительно, что почти все литовцы, замешанные по тайному обществу, — банкруты».

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 28—29. Поскольку дело Г.О. Ботвинко рассматривалось в Петербурге в 1827 г., мы предположительно датируем записку второй половиной этого года.

[1]В апреле 1828 г. вместо М.Ф. Бутофт-Андржейковича был назначен новый гражданский губернатор Волынской губернии.

[2]См. записки № 74, 88, 103, 137, 150, 156 и комментарий к ним.

[3]Имеется в виду, скорее всего, виленский помещик Владислав Пининский, состоявший «на замечании» у органов секретного надзора (см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Ед. хр. 6. Л. 16 об.).

---

129 О М.М. С[перанско]м

В басне Крылова справедливо сказано: «Услужливый глупец опаснее врага»[1]. Весьма часто вести, распространяемые усердными приближенными вельмож, представляют их в ложном свете. Таков и случай, заставляющий меня сие писать.

Приверженцы М.М. С[перанского] в досаде и, так сказать, в отчаяньи, что он не занимает важного поста, приличного его опытности, уму и высоким качествам, воображают, что он в немилости, что его держат, так сказать, в *черном теле*. Публика, которая привыкла почитать С. в числе первых государственных людей, не менее того удивляется, что он не облечен никаким званием в сие царствование, когда Государь ищет и возносит людей с дарованиями, желая блага России. Из сего также распространяются слухи о немилости, о недоверчивости Государя к С. — а из сих предположений рождается следствие, что С. *недоволен*. — Все это есть не что иное, как фантомы, порождаемые воображением людей, движимых различными страстями, из коих одни в возвышении С. предполагают свое собственное возвышение, а другие в унижении его находят свои выгоды.

С. имеет за собою людей благонамеренных и общий голос публики. С., как выше сказано, в мнении ее всегда занимает место первого государственного человека. Но он имеет многочисленных врагов, между знатными, которые полагают, что все важные места должны быть принадлежностью аристократии, которой нет и быть не должно в самодержавных монархиях. — Сия то *знать* почитает своим врагом каждого человека, возвысившегося милостью и доверенностью Государя и своими дарованиями. Они каждого, как говорится, *выскочку* почитают неприятелем, завоевавшим их собственность, и с своими клиентами всегда стараются вредить ему. Одно средство примириться есть — вступить в их круг посредством брака, то есть породниться с ними и присвоить себе их права и виды. Этого не сделал С. — и они не могут забыть его возвышения. — Таланты и ум суть также две цели, в которые беспрестанно стреляет зависть.

С. после своего несчастия и ссылки сделался чрезвычайно робок характером. Увидев возможность быть жертвою интриги при дворе одного из добродушнейших Государей, Александра I, Государя, который сам вознес его из праха и был уверен в его способностях, С. перестал верить в постоянную милость — и оробел. Честолюбие, позволенное в его лета и при его дарованиях и заслугах, манит его к занятию какого-нибудь важного поста, любовь к семейству, к внукам, которых он ежедневно в восторге орошает слезами радости, сия любовь также внушает ему иногда желание большими заслугами и значительным местом упрочить их счастие в будущем времени; но робость, опасение падения удерживают шаги его на поприще честолюбия — и он трудится без всякой цели, именно потому, чтобы со-

хранить то звание, которым теперь облечен, в том предположении, что при новом царствовании опасно высказываться впредь, чтоб не пасть под бременем интриги, которой он был уже жертвою.

Однажды один из приверженцев[2] сказал ему: «Голос публики обвиняет вас. Зачем вы не стараетесь занять какой-нибудь важный пост, например, в министерстве. Вы знаете Россию, дела, и при нынешнем трудолюбивом Государе, желающем счастья России, составите благо ее, споспешествуя великим Его намерениям». — «Любезный друг, — отвечал С., — я не отказываюсь ни от какого труда и рад работать день и ночь при таком Государе, который сам вникает во все подробности и умеет оценять и благое дело, и благое намерение. Но я работаю в тиши и может быть тем скрываюсь от злобы людской. Твой голос публики не спасет меня!»

В другой раз иной человек[3] был в Грузине, вместе с С. — Прогуливаясь вдвоем по саду, приверженец не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Я не могу постигнуть, как я здесь очутился; это жертва, которую я принес для потомства!» С. улыбнулся и сказал: «Буря так напугала меня, что я прячусь от грома в пещере Какуса[4]!»

С. с самыми приближенными своими, с которыми он откровенен (их весьма немного)[5], говорит с восхищением о нынешнем Государе и доказывает не так, как светские люди, фразами, но делами необыкновенные Царские качества. Из слов С. собрано несколько анекдотов, которые бы сделали честь Петру I и Фридриху Великому.

С. никогда не жаловался и не оказывал неудовольствия, но иногда, в веселом духе, он говорит острые эпиграммы насчет управления делами людьми, известными своею неспособностью. Вот все, что он себе иногда позволяет, и то весьма редко и с людьми приближенными. С. ведет себя чрезвычайно скромно, тихо, много трудится и весьма мало отдыхает.

Слухи об его неудовольствии, кажется, не что иное, как голос его нетерпеливых друзей и публики, которая изнемогает от ожидания перемен в министерстве. Единственная отрада публики состоит в повторении неосновательных слухов насчет падения или возвышения известных лиц. Кто чего желает, тот так и толкует. — Несколько раз облекали С. министерствами юстиции и просвещения; после того распускали слухи, что он в немилости — все это как кому вздумалось.

Любяновский, старый сослуживец С. с самого учреждения министерств, играл весьма важную роль, имеет много способностей, но более еще сам себе приписует. Многие о нем разумеют как о государственном человеке и полагали, что ему поручат управление внутренних дел. Приезд его сюда чуть ли не был возбужден сими догадками. Во время пребывания здесь он почти каждый день бывал у С., который однако же, как уверяют близкие люди, никогда не был с ним откровенен[6]. — Впрочем, известно, что Любяновский уехал недовольным, ибо обойден чином и не мог успеть в получении тайного советника[7].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 66—69. Записка подготовлена в 1827 г. Булгарин оставил воспоминания о Сперанском (Воспоминания. СПб., 1848. Ч. 5. С. 339—344), где писал, что их познакомил А.И. Тургенев в 1823 г. Когда в 1826 г. Государственный совет рассматривал судебное дело дяди Ф. Булгарина, из-за которого Булгарин и поселился в

Петербурге, Сперанский внимательно ознакомился с ним и, по воспоминаниям Булгарина, «подал мнение, с которым согласились почти все господа члены Государственного Совета — и я выиграл тяжбу!» (Там же. С. 342—343; Булгарин ошибочно датирует этот случай 1825 г., Государственный совет рассматривал дело в 1826 г., см.: РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863).

[1]Правильно: «Услужливый дурак опаснее врага» — слова из басни И.А. Крылова «Пустынник и Медведь».

[2]Напротив этого места Бенкендорф написал на полях: «Штер».

[3]На полях Бенкендорф написал: «Булгарин».

[4]См. примеч. 1 к записке № 90. Сперанский имеет в виду Аракчеева.

[5]На полях Бенкендорф пояснил: «Гнедич, Мартынов».

[6]Ф.П. Лубяновский был близким другом Сперанского. В том же архивном деле сохранилась выписка из письма Лубяновского Сперанскому 8 марта 1827 г. из Пензы (л. 70): «У Вас в доме мне было как в родном доме, но почтеннейший и сердцу моему любезнейший Михайло Михайлович! никогда не мог я решиться открыть Вам горести, которую чувствовал каждый раз, как с Вами виделся. Вам не по себе; не в своей Вы тарелке. Бог свидетель, как мне это прискорбно во всех отношениях, и особенно в отношениях Вас лично мало касающихся. И сию печаль возвергаю на Господа». О его отношениях со Сперанским см. также: *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания //РА. 1872. № 3. С. 480—487. О беседах со Сперанским (правда, в несколько более поздний период) Лубяновский писал следующее: «Не забыть мне уединенных бесед с ним, когда бывало он, отделясь от труда и пререканий по службе, от клевет и пересудов, от радостей и скорбей житейских, заходит ли всегда смело и далеко в лабиринт умствований человеческих, раскрывает ли в видимом творении премудрость невидимую, указывает ли перст Всемогущего и неисповедимые судьбы Провидения в событиях мира, разлагает ли лукавые изгибы сердца человеческого, возлетает ли в порыве умиления в горнюю страну мира любви и света: не перестал бы его слушать! Так может говорить только тот, в чьем сердце светится искра святого огня» (Там же. С. 487).

[7]На полях Бенкендорф пометил: «Сказал Багреев» (по-видимому, имеется в виду А.А. Фролов-Багреев, женатый на дочери Сперанского Елизавете).

---

130 [Толки о запрещении печатать о царе]

В некоторых домах узнали, что Государь пожаловал значительный пенсион семейству офицера, утонувшего в эскадре графа Гейдена. Рассказывают даже, что Государь во время спуска корабля на Охте сказал: «Завидная смерть при спасении человека!» — При сем слышны следующие рассуждения:

Худо, если само правительство хвалит себя, но еще хуже, если вовсе запрещено печатать о Государе, как будто он не имеет права быть известен народу иначе, как в указах.

Гораздо было бы лучше, говорят многие, чтоб Канкрин не издавал «Коммерческой газеты»[1] единственно для того, чтобы *хвалить все меры своего управления*, нежели то, что Россия не знает о характере и великодушии своего Государя. Во всех государствах не запрещается частным людям сообщать публике похвальные и справедливые анекдоты о своих государях, и даже сам кроткий и скромный Александр сему не противился.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 32. Условно датируется 1827 г., т.к. хранится в архивной подборке III отделения в окружении большого числа записок этого года.

[1]«Коммерческая газета» (1825—1860) выходила при департаменте внешней торговли министерства финансов.

---

131 [Анекдот об офицере]

Здесь разнесся следующий анекдот, который много забавляет охотливую к новостям публику.

На Крестовском острову армейский офицер, имеющий на эполетах № 6, сел в ялик, чтоб переехать реку. Оттолкнув от берега, является гвардейский офицер и приказывает ялику воротиться и взять его с собою. Армейский офицер возвращается, и гвардеец, вступая в ялик, повелительным тоном вскрикивает: «*Шестерка*, посторонись!» Армейский офицер скромно дает место; но, переехав на противоположный берег, обращается к гвардейцу и спрашивает его, к чему относились неприличные его речи? Гвардеец отвечает: «Ведь у тебя *шестерка* на плечах». — На сие армейский офицер возражает: «Вы должны знать, что козырные шестерки бьют тузов», — и ударил его в щеку. — Гвардеец скрылся, полиция вмешалась, и доведено до сведения Государя Императора.

Его Величество своеручно будто изволил написать на донесении: «*Шестерке быть тузом*, а тузу шестеркой».

(Si non è vero è ben trovato!)[1]

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 114. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 146. Условно датируется 1827 г., т.к. хранится в архивной подборке III отделения в окружении большого числа записок этого года.

[1]Если это и неправда, то хорошо придумано! (*ит.*).

---

132 [Толки о предполагаемых преобразованиях]

Несколько умных людей разговаривали о новых, предполагаемых преобразованиях. — *Что значит Комиссия прошений?* Пишут к Государю, и решает статс-секретарь. Жалуются на Сенат — кому же? Самим сенаторам, ибо Казодаев и Соколов сенаторы. На Комитет министров — там министр Ланской.

Если б Комиссия прошений составлена была из самых *отличных людей*, которые бы не были ни сенаторами, ни членами Совета, ни министрами, ни зависящими от Сената и министров, тогда бы цель ее была достигнута. Теперь $^{9}/_{10}$ дел решаются по связям, по пристрастию, по уважению, и *последнее прибежище* подданного не соответствует благости намерения.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3181. Л. 62. Поскольку записка сохранилась в архивной подборке в окружении записок 1827 г., мы условно датируем ее этим годом.

---

133 Дела виленские
(сообщено)

Виленского университета фундуши, прирастaвшие постепенно от добровольных пожертвований и увеличившиеся до миллиона рублей годового дохода[1], возбудили алчность к расхищению оных. По составу университетского совета невозможно было легко расхищать суммы, потому, что совет, составленный из деканов факультетов, должен был согласиться на издержки, а ректор чрез три года должен был дать отчет, сменяясь с ректорства. Куратор нынешний[2] одним ударом рассек Гордиев узел. Он сперва велел выбрать в деканы людей безгласных и в то же время вознамерился постращать раз навсегда профессоров, которые станут противиться выборам по его внушению. За подание противных голосов выгнаны из университета лучшие профессоры: Лелевель, Голуховский, ксендз Бобровский, Данилович[3] и другие. Противу них употреблена страшная клятва, т.е. они *названы карбонариями*, а в Польше это одно наименование, как вид головы Горгоны, поражает политическою смертию. Знаменитый Боянус сам удалился в Германию; Франк бежал в начале бури. Составив Совет университета по своему произволу, надлежало удивить смелостию мер и показать свою силу. Вопреки устава Виленского университета и уставам всех университетов в мире хирург Пеликан, молодой человек, преданный Н.Н. Новосильцову, назначен *пожизненным* ректором! Предлог для сего избран тот же: именно он назначен *пожизненным ректором для пресечения карбонаризма.* Под этим знаменем все побеждали людей смиренных и делали что хотели. Следствия однако ж не оправдали мер. Голуховскому и Лелевелю снова предлагали возвратиться — но они сего не сделали, равно как и Данилович, который с честию отправляет должность профессора в Харькове. Ксендз Бобровский возвращен в университет. Если б все эти господа были карбонары, то зачем бы их возвращать или принимать в другие учебные заведения? По счастию оказалось, что ни один виленский профессор не принадлежал ни к карбонариям, ни же к каким-либо тайным обществам. Несчастные фундуши причиною всех гонений!

Ныне куратор с ректором решились нанести *coup de grâce*[A] всякому законному наблюдению за целостию сих фундушей и прижать их совершенно в свои руки. Они представили в министерство просвещения проект составления при университете *особого Комитета* для управления фундушами под председательством ректора и непосредственным ведением куратора. Сей Комитет будет стоить в год 10 т. рублей серебром и, как написано в проекте, состоять только *под замечанием* министра просвещения, которому для сведения будут присылаться ведомости о употребленных суммах, оставляя власть распоряжения оными Комитету. Сей Комитет привел в ужас не только арендаторов университетских имений, но и пожертвователей фундушей, из коих многие живы сами или их потомки. Намерения куратора и ректора явны, и настоящие их действия столь сомнительны, что мы за нужное почли собрать сведения о делах университета. Спрашивали многие лица, поверяли сказанное, соображали и из всего вывели следующие заключения, сообщаемые в виде *слухов*, которые смело можно почесть *истиною.* Лучше всего было бы поверить сказанное здесь посредством секретного следствия. Честь Государя и казенный интерес требуют сего, ибо всякое злоупотреб-

ление власти вредно действует на общее мнение, а послабление расхитителям казенного имущества истребляет нравственность в народе.

Вот что говорят единогласно с разных сторон.

1) Сколь велики злоупотребления в расхищении казенного имущества и какие именно суммы употреблены не *на должное*, с точностию определить невозможно, ибо все, что касается *до кассы университета*, покрыто глубочайшею тайною, со времени вступления Н.Н. Новосильцова в звание куратора. Сперва, как выше сказано, каждое требование подписывали деканы факультетов, ныне попечитель, получив власть произвольно распоряжать суммами, независимо от министра просвещения, передал сию власть ректору, который употребляет все усилия своего ума, чтобы ежедневно находить новые нужды для употребления казенных денег и делания новых счетов. Не обращают ни малейшего внимания на сбережение сумм, но только стараются о том, чтобы свести приход с расходом, и издерживают деньги на предметы, не состоящие в штате или не определенные законом. Так, например, попечителю не положено иметь квартиру в доме университетском, и князь Чарторийский, быв попечителем, нанимал всегда квартиру, приезжая в Вильну. Нынешний попечитель велел очистить себе квартиру в университетском доме, для меблирования которой издержано 3 т. рублей серебром. Вскоре сия квартира не понравилась попечителю, он велел приготовить и украсить для себя другую квартиру, которая также стоила несколько тысяч рублей серебром. Два года попечитель вовсе не жил в ней, и она служила только временным жительством для княгини Зубовой и ее сестры, губернаторши гродненской Бобятинской, коротких приятельниц Н.Н. Новосильцова, во время их проезда чрез Вильно.

2) Ежегодно переделывают до основания домы университетские (а их несколько), переделывают с большими издержками католическую университетскую церковь, без малейшей к тому нужды, единственно для того, чтоб, ворочая безотчетно большими суммами, в счетах прикрывать злоупотребления и обращение денег на другие предметы.

3) Ректор беспрестанно разъезжает, то для визитирования школ в отдаленных губерниях, то для изустных переговоров с попечителем в Варшаву, чего не делается ни в одном университете, а путевые издержки служат новым средством к увеличению расходов и прикрытию издержек на другие предметы.

4) Ректор творит новые места, не существующие в штате университета, и назначает огромные жалованья своим креатурам. Например, для родственника жены своей *Платона Кукольника* он создал место экзекутора, с жалованьем 800 рублей серебром. Другой брат Кукольника[5], человек без всякой способности и учености, сделан профессором истории и служит посмешищем для студентов. Для брата жены своей *Васильева* он выдумал место экспедитора элементарных книг. Должность сего нового чиновника состоит в прикладывании печати к посылкам с книгами, отправляемыми в провинциальные школы из университета. Это дело исполнял прежде *сторож*, а ныне за сие важное поручение книгопродавцы обязаны платить по 20 процентов от проданных книг. А как в Виленском округе находится 20 т. учеников, и каждый получает в сложности книг по малой мере на 1 рубль серебром, то экспедитор получает до 4000 рублей годового

дохода. Книгопродавцы негодуют на сие, но жаловаться не смеют, ибо боятся ужасного обвинения в карбонаризме.

5) Ежегодно из кассы института казенных студентов медицинского отделения покупают сукно из слонимской фабрики, принадлежащей попечителю, для обмундирования ста человек. О ценах и доброте сукна не говорится, но известно, что студентов обижают и, когда два года тому назад надзиратель их Казимирский, согласившись с жидом портным, дурно их одел и они пожаловались на сие, — их же предали мщению Казимирского.

6) При отдаче фундушных имений в аренду и за позволение просрочки в уплатах следуемых сумм берут значительные могаричи.

7) Хотя ректор получает 4500 рублей серебром жалования и квартиру и живет довольно хорошо по своему состоянию, но без роскоши, все удивляются, что он занимает большие суммы и как известно под секретом для другого лица. Известно наверное, что он занял у *Тизенгаузена*, *Герберского* и других по нескольку тысяч червонных. Он в тесной связи с *Родзевичем*, казначеем университета. Сильно действуют жиды, которых за то весьма сильно покровительствуют. Рассчитали, что Пеликан занял в один год до 15 т. червонных, которых прожить не мог.

Общее мнение гласит, что если б попечителя сменили, то в таком случае надлежало бы учредить комиссию для распутания всех злоупотреблений по имениям фундушовым и суммам. Говорят, что дела Рунича суть дела пигмея в сравнении с виленскими, где ежегодно процеживается миллион рублей, по одному произволу попечителя, который, выбившись из подчиненности министра, вопреки коренных законов, составляет *особый удел в империи*. Говорят, что ныне составляются новые уставы для всех университетов: по крайней мере при сем случае можно уничтожить звание *пожизненного ректора* — что вовсе несогласно ни с законами, ни с естественным ходом дел.

Относительно следствия, производившегося над обществом филаретов.

Вот что рассказывают:

Советник Лавринович (умерший), прокурор Ботвинка и полицмейстер Шлыков брали деньги с богатых обвиненных. С точностию известно, что тотчас были освобождены из заключения

1. Богач Иосиф *Тышкевич*, хотя, казалось, он был виновнее других, ибо сборища филаретов бывали в его квартире.

2. Богатый помещик *Викентий Завадский* из Белостокской области.

3. *Эйсмонт*, богатый помещик Гродненской губернии.

4. *Маковецкие* (два брата), богатые помещики из Белоруссии, и множество других. Но более всего бросается в глаза освобождение Ивана Юндзила, богатого помещика Слонимского повета. Он казался виновнее прочих, ибо по его старанию и на его счет напечатана инструкция для собирания статистических сведений; и хотя она не заключала в себе ничего преступного, но напечатана *без позволения цензуры* и обращала на себя большое подозрение делавших следствие.

(Впрочем, можно даже узнать гораздо более лиц, кто кому дал и даже сколько!)

Все сии подкупы совершал известный жид, фактор Ботвинки *Ицка Пилинкер*. Знает о сем содержатель почты в Вильне Коссобуцкий, но, вероятно, не откроет, ибо связан узами взаимного интереса с Ботвинкою. Знает о сем *Кроликовский*, стряпчий вилькомирский, креатура Ботвинки. Сей Кроликовский, говорят, будет призван в Петербург, по делу Ботвинки с девицею Любриевичевой. Кроликовский был чиновником виленской полиции и за взятки и другие злоупотребления присужден был, как говорят, к лишению чинов и дворянства. Его употребил Ботвинко при следствии в Кейданах, где, как говорят наверное, он под розгами пытал детей и заставлял их говорить на себя, что заблагорассудилось следователям. За сии подвиги Кроликовского дело предано забвению, он получил чин и крест и сделан стряпчим в Вилькомире, где находится *благоприобретенное* имение Ботвинки. Сей Кроликовский весьма много знает о виленских интригах, но он человек ловкий, и его трудно заставить говорить правду. Если б успели усовестить его, то весьма много можно было бы открыть.

Такими-то делами затемняют благие виды правительства люди, которые, обогатившись всеми неправдами, избегают справедливой мести законов. Университетские чиновники и местное начальство до такой степени успели настращать жителей Литвы, которых угрожают военным положением губерний, что они не смеют даже жаловаться. Жалко и больно, что злодеи затемняют своими поступками людей, которые в душе желают добра и вовлекаются в обман пронырствами своих доверенных.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 396. Подготовлена в 1827 г.

[1]*Фундуши* — полонизм, от fundusz — средства, капитал; так в Польше и Литве называли имения и капиталы, завещанные с благотворительной целью в пользу учебного заведения, костела или монастыря. Булгарин писал 4 декабря 1825 г. Д.П. Руничу, что пожертвованиями «Виленский университет приобрел богатые фундуши, превышающие богатства всех европейских университетов. Возбуждая ревность и усердие домоседов-помещиков наградами и похвалами, Виленский университет достиг до высокой степени благосостояния» (ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 2. Ед. хр. 48).

[2]Этот пост занимал тогда Н.Н. Новосильцов.

[3]М. Бобровский, Ю. Голуховский, И. Данилович и И. Лелевель были отстранены от преподавания по постановлению Комитета для рассмотрения дела о беспорядках в Виленском университете и изыскания мер к устранению их на будущее время (в него входили А.А. Аракчеев, Н.Н. Новосильцов, А.С. Шишков), утвержденному Александром I 14 августа 1824 г. (См.: *Жукович П.* Сенатор Новосильцов и профессор Голуховский//ИВ. 1887. № 9. С. 603—619).

[4]Последний удар (*фр.*).

[5]Павел Кукольник.

---

134 [О Платонове]

Титулярный советник Платонов, человек лет пятидесяти, безобразный и нечистый, был и есть всегда энигматическая особа. Говорят, будто он побочный сын покойного митрополита Платона, но вероятнее, что он выкрещенный им жид, ибо лицо его совершенно еврейское. Не имея никаких

доходов и одеваясь весьма нечисто, он живет хорошо домом и даже с семейством своим нанимает дачу летом, разъезжает по окрестностям в наемной карете и тратит иногда деньги с избытком, иногда занимает у других. Платонов, как кажется, исполняет многие тайные поручения в разных знатных домах, а особенно у фамилии Салтыковых. Человек, который за делом к разным лицам, занимающим важные места, найдет у многих Платонова, выходящего из кабинета или входящего туда в 7 и 8 часов утра. Занятия его обнаружились делом о напечатании книги Госнера[1]. Платонов был употреблен обер-полицеймейстером Гладковым, чтоб украсть отпечатанные листы сей книги из типографии, что он и исполнил, хотя был пойман и узнан[2]. Он исправлял должность уличного шпиона при Гладкове и покойном Уварове, а ныне по связи его с известным Фогелем можно заключить, что он в такой же должности при полиции. Кроме того, Платонов занимается доставлением продажных красавиц, из прибыли. Он беспрестанно вертится в Александро-Невской Лавре и дружит с монахами, особенно был на услугах у знаменитого Фотия. Сей Платонов, человек совершенно ничтожный, безнравственный, принадлежит к числу тех несчастных, которые, подобно червям на дереве, гнездятся в столицах возле богатых и исполняют все ремесла и все поручения. Шпионство и сводничество суть его профессии.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Ед. хр. 4. Л. 96. Условно датируется 1827 г., поскольку в данной архивной единице отложились документы конца 1826 — начала 1828 г., и, кроме того, аналогичные запросы о лицах, выезжающих из Петербурга, поступали от императора в 1827 г. (см., напр., записку № 71). Рядом (л. 97) сохранилась другая записка о Платонове, также переписанная Фоком, но, по-видимому, не принадлежащая Булгарину: «Платонов, побочный сын князя Платона Александровича Зубова, брат жены обер-прокурора [П.С.] Кайсарова — поехал к ним в Варшаву. Он служит в Коллегии иностранных дел. Молодой человек лет 19-ти, прекрасной наружности, хорошо воспитанный, скромный и вовсе не зараженный карьеризмом. Он имеет миллион капитала и ведет себя отлично хорошо во всех отношениях. Знаменитый же титулярный советник Платонов, перекрещенный еврей, не уезжал из Петербурга».

[1]Немецкий католический священник-мистик Иоганн Госнер, тяготевший к пиетизму, в 1820 г. приехал в Россию и занялся тут проповеднической деятельностью. Он был избран в число директоров петербургского комитета Библейского общества. В 1823 г. цензура дозволила к печати (в переводе с немецкого) его сочинение «Дух жизни и учения Иисус Христова в Новом Завете», однако по поводу отпечатанной, но еще не вышедшей в свет книги в 1824 г. было начато следствие, завершившееся заседанием Комитета министров, на котором было «признано *единогласно,* что толкования пастора Госнера, кроме что противны правилам всех исповеданий христианской религии, оскорбительны для господствующей в государстве нашем греко-российской веры и содержат в себе мнения, клонящиеся к разрушению общественного благоустройства» (цит. по: *Греч.* С. 815). В результате Госнер был выслан из России, а его книга сожжена. О деле Госнера см.: *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 132—136, 197—198, 202—222; *Остроглазов И.М.* История одной редкой и замечательной книги//Библиографические записки. 1892. № 3—5,8,10; *Греч.* С. 575—591, 809—822.

[2]Н.И. Греч утверждал, что «крещеный жид, известный шпион» Платонов пытался, но так и не смог достать в его типографии отпечатанные листы книги Госнера (см.: *Греч.* С. 579—582).

---

135 [О «Северной пчеле»]

Публика везде одинакова, хотя с некоторыми оттенками. Она в официальных газетах верит только производствам, приказам и незначительным происшествиям. Все, что называется *мнением*, почерпается публикою из партикулярных изданий.

«Северная пчела», одна партикулярная газета в России, есть любимое чтение русской публики. Ее читают все состояния. Она издается в самом лучшем духе. Из всех издаваемых в России журналов *одна* «Северная пчела» пользовалась всеми малейшими обстоятельствами, чтобы представлять правительство в благом виде и возбуждать любовь народную к Царствующему дому. При напечатании статьи о полученном известии о кончине Императора Александра более 600 экземпляров расхватали в типографии, где была давка. Издатели раздавали нумера даром. — Известно, что Рылеев угрожал Булгарину за столом у купца Северина при многочисленном собрании, что придет время, когда ему, Булгарину, отрубят голову на «Северной пчеле»[1]. — До такой степени газета сия была ненавистна заговорщикам. Тургеневы[2] сделались из приятелей врагами издателей — за «Северную пчелу» — и многие другие.

Недавно Цензурный комитет взял подписку от всех издателей газет: 1) не писать *вовсе* ничего о Государе Императоре и Августейшей фамилии, как только то, что помещается в «Русском инвалиде», и 2) печатать реляции о военных действиях *после* «Инвалида».

В «Инвалиде» вовсе ничего не пишут о том, что составляет радость народную: о Царе и Его фамилии, или сообщают известия сухим газетным слогом вовсе незанимательные. Между тем публика с жадностию требует партикулярных известий о Государе.

Было бы приятно публике и полезно для общего духа, если б в «Северной пчеле» позволено было писать по временам статьи о Государе и Августейшей фамилии.

Если б для занимательности сего любимого публикою издания позволено было также помещать статьи о театре, то это было бы подарком для публики, которая не имеет никакого умственного занятия, никакого предмета для общих разговоров. Театр всегда занимал у нас все состояния.

Записка печатается по писарскому списку: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1880. Л. 5—6. Поскольку в феврале 1828 г. СП начала печатать театральные рецензии, мы датируем записку январем 1828 г. На записке карандашная резолюция Бенкендорфа: «Позволено, только без лести».

[1]См. примеч. 11 к записке № 22.

[2]Имеются в виду А.И. и Н.И. Тургеневы.

---

136 [Записки о происшествии в Виленском университете]

[№ 1]

Выписка из польского письма, из Литвы:

«В Виленском университете опять взяли несколько студентов под арест и, как говорят, за то, что хотели убить Пеликана (ректора); начальник их, как рассказывают, получил от страха биение сердца и умер.

Что делается с этим университетом, и что себе позволяет Пеликан — это ужасно!»

[№ 2]

От прибывших из Вильны на сих днях, получены следующие известия, касательно происшествия, случившегося в тамошнем университете, накануне выезда их.

Несколько студентов вознамерились будто убить ректора *Пеликана* и директора *Красовского*, и дать по сто розог учителям *Желинскому* и двум другим, коих имена не припомнят.

Зачинщиком сего заговора был студент *Заха*, который, как уверяли, сошел с ума — он содержится в клинике. Некоторые из известных соучастников — студенты *Грунтковский*, *Лисовский*, *Трусковский* и пр.

Говорят, что заговор сей открыл педель (полицейский университетский служитель) по имени *Пясецкий.*

[№ 3]

24 генваря

О Виленской истории

Приезжий из Вильны рассказывал, что взято под стражу пять человек не университетских студентов, а учеников гимназии, которые якобы хотели умертвить ректора Пеликана.

В публике этому не верят и говорят: «Верно, господам советникам и ректору опять захотелось денег и крестов; давно уже не обращали на себя внимания; надобно было состряпать что-нибудь».

При сем случае припоминают, что в деле школьников (сужденных военным судом) полицейский офицер Круликовский розгами заставлял мальчиков признаваться в небылицах и что один школьник с воплем показал окровавленную рубашку в суде, возопив: «Вот что заставило меня говорить, о чем я никогда не думал!»

В публике говорят, что если из Петербурга не отрядят человека, непоколебимого в правилах чести, то там сделают, что захотят для своих выгод.

Многие говорят, что, вероятно, нарочно затеяли новую студенческую историю, чтобы отвратить внимание правительства от дела Ботвинки и употребить его для следствия, а тем доставить новые заслуги.

[№ 4]

О виленской школьной истории говорят следующее: одиннадцать мальчиков составили между собою судилище, выбрали президента и вице-президента, написали декрет и осудили, что ректор Пеликан достоин смертной казни, равно как и директор гимназии, а пара учителей по сту ударов розгами.

Один из знатных поляков, здесь находящихся, преданный душою Престолу, так рассуждал по сему предмету: «Я удивляюсь не тому, что подобная история случилась между школьниками, но тому, что поныне не было еще чего-нибудь хуже. Как скоро мальчишек вывели из школьного круга в круг политический и, вместо того, чтобы высечь розгами, стали судить военным судом, определять в солдаты и посылать в Сибирь, само по

себе разумеется, что в юные головы этим [поселили] мысль быть Кориоланами, Брутами, Сцеволами и всякого рода бешеными древности. Мысль, что мальчика станут трактовать как взрослого, что он будет сидеть в тюрьме, что об нем станут говорить, что он будет солдатом или Бениовским в Сибири, эта мысль может соблазнить пылкое воображение, вместо того, чтоб устрашить. Половина готовы Бог знает на какие глупости, чтоб избавиться учения. Если б хорошенько посечь и заставить вдвое учиться, это более бы устранило, нежели военные суды».

Записки, переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 164. Л. 1—5. Публикуемые записки писались с небольшими интервалами, по-видимому в январе — начале февраля 1828 г. В деле хранится также ряд других документов, связанных с этим происшествием: донесение жандармского подполковника К. Рутковского, рапорт великого князя Константина, и др. Из них выясняется, что три студента Виленского университета (К. Заха, А. Тржасковский и О. Гронтковский) создали в октябре 1827 г. тайное общество «Приверженцы отечества, или Племя сарматов», ставившее своей целью воссоздание прежнего Польского королевства. Просуществовало оно весьма краткий срок (участники ограничились написанием устава) и быстро распалось. Суда над студентами не было (возможно, по совету Булгарина). Трех названных членов общества в марте 1828 г. по указанию царя наказали розгами и назначили рядовыми в полки Кавказского отдельного корпуса. Об этом обществе см.: *Kamiński A.* Polskie zwięzki młodzieży (1804—1831). Warszawa, 1963. S. 533—535.

---

137 О виленском прокуроре Ботвинке

24. Генварь [1828]

Высшему надзору удалось открыть все интриги и все связи Ботвинки в Петербурге. В записке, поданной 6-го сентября 1827 года[1], поименованы были все лица, участвующие в интригах, и все средства и желания Ботвинки. Все, что только Ботвинка желал, отчасти сбылось, невзирая на то, что все первоначальные следствия обвиняют его. Пользуясь невероятным кредитом в Литве, он только и добивался того, чтобы его не удалили от исправления должности до окончания дела и чтобы следствие поручено было тамошним людям — что он и успел сделать. Дело отдано на исследование двум полякам: Марцинкевичу-Жабе, бывшему уже председателем 2-го департамента виленского главного суда, и минскому гражданскому губернатору Гечевичу. Оба они люди добрые и честные, но Марцинкевич-Жаба слишком прост, легковерен, незнающ в следственных и уголовных делах и труслив чрезвычайно. Гечевич также человек простой, которого покойный Государь сделал вице-губернатором по репутации доброго человека и хорошего хозяина и который нигде прежде не служил. Гечевич боится всего, особенно связей его в Петербурге, и как все знают, что его протежируют статс-секретарь Муравьев и статский советник Дмитриев, пользующийся неограниченною милостию и доверенностию польского министра князя Любецкого и Василия Сергеевича Ланского, то Гечевич не сделает никакого смелого шага к открытию истины и будет руководствоваться влиянием Ботвинкиной партии, которая сильна в Варшаве чрез Новосильцова и столь же сильна в Петербурге.

Дело Ботвинки слишком гласное и интриги слишком были явные и грубые, а потому нынешний оборот оного производит весьма неприятные толки. Говорят, что несчастную жертву Лубриевичеву тотчас по привезении в Вильну заключили в тюрьму. Известно, до чего можно довести бедную девку в тюрьме, без покровительства, страхом и наущениями. Здесь ясно говорят, что без сомнения ее отравят. Уверяют также, что шурин Ботвинки, отставной майор Федорович гнался за нею по пути до Вильны, но не достиг. Говорят, что, невзирая на любовь Государя к правосудию, интригами можно добиться всего у знатных чиновников.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 76. Л. 25—27. О деле И. Ботвинко см. также записки № 74, 88, 103, 128, 150, 156.

[1]См. записку № 103.

---

138 [О любви поляков к Николаю I]

О Государе Императоре составилось здесь самое истинное и высокое мнение между поляками, которое перейдет в Варшаву и разольется там между высшим классом. Все слова Государя тщательно собираются и повторяются с благоговением здешними поляками, как Евангелие. — Государь изволил говорить с одним поляком[1] на бале о претензии, которую имеют к казне фамилия Строгоновых. Претензия сия по малой мере составляет 50 миллионов рублей, за обширные земли в двух губерниях, прилежащих к Сибири. Поляк сказал, что по их законам такая претензия упала бы по правам *Земской давности.* Но Государь возразил, что Строгоновы в продолжение многих царствований просили, но дело шло в проволочку, потому что претензия была слишком велика, и потому с этой стороны Строгоновы не потеряли иска. За сим якобы Государь изволил промолвить: «Я еще не знаю, справедлива ли претензия, но если справедлива, то огромностию своею не заставит меня отступить от законов; если б вместо 50 миллионов было 500 миллионов, тот должен получить, кому следует: Il faut que la justice se fasse[2]! Эти слова подвинут кредит гораздо выше, нежели все меры министра финансов. Поляки в восторге, и все честные и добрые русские — также. Другой пример: Государь изволил сказать, что он сам соболезнует, что дело о тайном обществе тянется столь долго, и спросил у поляка, какая польза от того, что адвокаты показывают прежде речи свои королевскому прокурору? Поляк отвечал, что закон имел то в виду, чтобы адвокаты не сказали какой глупости в публике. — «Это лишнее, — отвечал Государь, — адвокаты должны говорить в защиту обвиненных все, что они полагают нужным, и правительство не должно мешаться в это. Могут подумать, что правительство имеет влияние на адвокатов, а этого быть не должно: справедливость должна иметь ход прямой и непринужденный!»[3]— Эти слова для поляков — бальзам. И в самом деле поляки до обожания любят Государя и только плачут об одном, что не пользуются Его мудрою волею.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 318. Мы датируем ее 30—31 января 1828 г., т.к. о разговоре царя на балу Булгарин узнал 29 января (см. ниже примеч. 3).

[1]Это был Л. Ельский.

[2]Справедливость должна восторжествовать (*фр.*).

[3]Н. Малиновский, который жил тогда в квартире Булгарина, зафиксировал в своем дневнике, что 29 января 1828 г. в гостях у Булгарина были Л. Ельский и О. Сенковский. Ельский рассказал, что накануне во дворце великого князя Михаила император доверительно беседовал с ним. «Разговор начался с нашумевшего дела в Варшаве. Лучший из властителей выразил свое недовольство тем, что обвиняемых долго содержат в заключении, а суд откладывается. Когда Ельский ответил на это, что легко можно было бы ускорить ход дела, если бы император отменил некоторые маловажные судебные формальности, то властитель ответил, что не хочет стеснять совесть судей, напротив, все должно быть исполнено по букве закона. Есть обычай, что защитники сообщают свои речи общественному обвинителю до того, как произнесут их публично. Император, не зная об этом, сказал, что это ему очень не нравится, поскольку очевидно боялся, чтобы не навлечь на себя упреков в давлении на судей. Потом он говорил о деле Строгановых, которые заявляют свои права почти на все окрестности Вятки, опираясь на привилегии, данные их прадеду Иваном Грозным. Ельский заметил, что по законам Царства Польского если кто-либо не вступит во владение имуществом в предписанное время, то он лишается своих прав. Император ответил, что не хочет использовать этот предлог, напротив, если Строгановы докажут свои права, то, хотя они требуют огромной суммы в 50 миллионов рублей, все им будет выплачено» (*Малиновский.* С. 89—90. Перевод с польского).

Через два месяца, 9 апреля 1828 г., Николай на одном из журналов Гос. совета по делу Строгановых с казной написал собственноручно, что «в уважение заслуг в древние времена Строгановской фамилии, равно в память того, что последний в роде этой фамилии положил живот на поле чести, он признает за нею право на надел их заводов из казенных земель» (Цит. по: *Колмаков Н.* Род и фамилия графов Строгановых//РС. 1887. № 4. С. 86—87).

---

139 Слухи и вести

1-го февраля [1828]

[№ 1]

Друзья Ермолова, или, лучше сказать, противники двора, которым надобно какой-нибудь предмет для обожания, кроме того, который заслуживает того, эти противники теперь торжествуют, что дела персидские остановились[1]. — «Вот мудрец Аббас-Мирза, — вопиют они, — умел завести русское войско в такое место, что оно *растает* там без войны. Теперь только персиане начинают войну! Русские, рассеянные на большом пространстве, в климате непривычном, не имея другого сообщения с Россиею, как чрез непроходимые горы и узкой проход, имея в тыле целую армию из неприязненных кавказских народов, русские погибнут, если только турки и персиане соединятся и восстанут вместе с дикими племенами Кавказа. Аббас-Мирза обманул Паскевича: он почитал триумфом то, что было стратогемою Ермолова; мысль великая — остановиться на Араксе и дело с концом». — Вот что толкуют в домах. Должно прибавить, что сердце возмущается, слыша русских, которые из личностей желают успеха неприятелям.

Распустили слухи, что русский курьер захвачен горцами в горах кавказских с депешами и препровожден к Аббас-Мирзе, и что это показало персианам настоящее положение дел.

[№ 2]

О приезде Цесаревича носятся разные толки. Одни говорят, что он приехал по делу польского тайного общества[2]; другие, что будто бы для отсоветования Государю вести войну с Турциею. Сей последний слух кружит в большом свете. Рассказывают, будто бы Цесаревич целые четыре часа был запершись в комнате с графом Дибичем, который якобы большой приверженец войны и хотел с жаром убедить Цесаревича о пользе оной. Цесаревич будто бы, насмехаясь над горячностию графа, в шутку сказал, что ему надобно поставить промывательное из холодной воды, и на бале все задевал графа словами: «Холодной воды, холодной воды!»

[№ 3]

Статья о русском театре сделала такой шум, что подьячие и купцы забыли на время все, и только и толков, что о театре[3]. У дверей театра была ломка, и когда пишущий сии строки приблизился к раздавателю билетов, чрез контору, то он сказал: «Вот что наделала «Пчела»! Кричат: "В «Пчеле» было писано, давай билеты!"» Забавно, что типографский наборщик, который пять лет не был в театре, бросил работу и пошел туда, набрав статью о театре! Дирекция рада, актеры хорошие в восторге, дурные берутся учить роли, которых в русском театре не знали никогда. Публика только и толкует, что о театре, большой свет о италианцах, русский мир о Разбойниках (трагедии); для вестовщиков это удар, для направления общего духа — сильное орудие, как громовой отвод.

Записки, переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 223—224; Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 53; Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 44. Раздел 3 опубликован нами: Тыняновский сборник. С. 257.

[1]Речь идет о начатых 18 ноября 1827 г. переговорах о мире между Россией и Персией, которые персидская сторона всячески затягивала. Мирный трактат был подписан лишь 22 февраля 1828 г. (в деревне Туркманчай, недалеко от Тавриза).

[2]Сеймовый суд в Варшаве, рассматривавший дела членов польских патриотических обществ, связанных с декабристами, начал свои заседания в январе 1828 г.

[3]Речь идет об анонимной рецензии (в рубрике «Русский театр») на постановку «Разбойников» Ф. Шиллера (СП. 1828. № 13. 31 янв.). В предыдущем номере (за 28 января) была анонимная статья о спектакле петербургской труппы итальянской оперы, а до этого в СП театральные рецензии не печатались.

---

140 [О Кильдюшевском]

Действительный статский советник *Кильдюшевский* принадлежит к числу самых пустых и ничтожных людей. Происходя из низкого звания, он не умел облагородить себя. Лет за 35 пред сим выступил он в свет безграмотным переводом одного романа[1] и был отделан за это Карамзиным в «Московском журнале»[2]. Он бросил литературу и полез в службу, был в пустых департаментах, где требуется только уведомление о получении бумаг к должному их исполнению, был там и начальником отделения, но не поладя с директором Штером, перешел к особым (т.е. ни к каким) пору-

чениям министра внутренних дел, который в 1824 году выхлопотал ему, сам не зная за что, орден Св. Владимира 3 степени, а в 1826-м и чин действительного статского советника[3].

Глупая гордость, невежество и леность составляют его характер. Главная его служба в рассаднике пустых людей и фабрике глупых вестей, Английском клобе, где он человек великий, ибо играет в вист, в мушку и на биллиарде с утра до ночи с важными особами, которые приглашают его к себе на партию и в домы. — Эти-то господа ввели его в круг так называемых порядочных людей.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3181. Л. 96. На записке карандашная пометка: «15 февраля». В этой единице хранения объединены записки за 1827— начало 1828 г., причем комплект записок за февраль 1827 г. был собран в архиве III отделения в другом месте (см.: СА. Оп. 3. Ед. хр. 3183), следовательно, записка была написана 15 февраля 1828 г. (см. также указание Фока: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 514. Л. 18 об.).

[1]П.П. Кильдюшевский совместно с Н.П. Осиповым перевел с французского роман С. Ричардсона «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов» (Ч. 1—6. СПб., 1791—1792).

[2]Н.М. Карамзин издавал «Московский журнал» в 1791—1792 гг. В рецензии на первую часть перевода романа Ричардсона, отмечая неуклюжий язык и плохое знание французского, он пришел к выводу, что «кто так переводит, тот портит и безобразит книги, и не достоин никакой пощады со стороны критики» (Московский журнал. 1791. Ч. 4. С. 115).

[3]Пост министра внутренних дел занимал в эти годы В.С. Ланской.

---

141 [Мнения по поводу учреждения музыкальных обществ]

18 февраля [1828]

Между купечеством и образованными людьми среднего состояния, чиновниками и учеными восстало общее мнение насчет учреждения музыкальных обществ[1]. — Недавно один почтенный старец, купец *Заветный*, говорил в кругу людей образованных: «Пристойно ли боярам быть истрионами? Сидеть бы им в Советах или начальствовать в боях и в свободные часы слушать за свои деньги записных искусников, вместо того, чтобы не имея их талантов перебивать у них хлеб. Государь работает, трудится, ищет помощников, людей, а бояре поют и играют. Ведь хорошо петь и играть не легко — надобно посвящать на это все свое время. Пускай бы раз-другой в год, согласившись с артистами, дать концерты — а то два раза в неделю! Где это видано! Упал Рим, когда патриции сделались истрионами. Школами не занимается граф Вельгорский, а дерет горло в концерте; на войну не идут господа князья, считающиеся по армии, а гудят в оркестре! Уж пели бы или играли хорошо, то и жали бы не было, а то орют! Лучше бы поучились наши знатные господа и бояре русской грамоте, да собирались бы слушать русское чтение». — В таком тоне говорят многие другие.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 45.

[1]В начале февраля 1828 г. в Петербурге возникли «Общество любителей музыки» (в доме Д.Л. Нарышкина, среди создателей — М.Ю. Виельгорский, Н.Б. Голицын, С.Г. Голицын) и «Музыкальная академия» (ведущую роль в ней играли А.Ф. Львов и члены его семьи). А.В. Никитенко 4 марта писал в дневнике, что «последнюю составляют отличнейшие по талантам аматеры (любители. — *А.Р.*) столицы, без разбора их положения в свете. Первая (Никитенко называет ее «так называемой *нарышкинской* академией». — *А.Р.*) состоит из блестящей знати или так называемого «бонжанра». В ней принимают также участие артисты, тогда как в львовскую академию они не допускаются даже в качестве слушателей во время концертов. Естественно, эти два музыкальные учреждения соперничают между собой» (*Никитенко.* С. 73; см. также С. 67—68, 72—75, а также заметки: СП. 1828. 16 и 23 февр.).

---

142 **[Об интригах австрийцев в Польше]**

От подольских дворян узнали мы следующее:

Там носятся слухи и ходят по рукам письма, что австрийский генерал Лобкович, управляющий Галициею, в собрании дворян или на ландтаге произнес речь на польском языке, что случилось в первый раз от присоединения Галиции к Австрии. Лобкович якобы явился в собрание в польском платье и, говоря о польской национальности, советовал к будущему году всем полякам одеться в национальный костюм. О речи его говорят газеты, что она исполнена достоинства и утешения для народа, заслуживающего лучшую участь. Толкуют в Галиции о польском короле, брате Императора — неизвестно котором. Но, по сознанию самих патриотов польских, все наущения Австрии худо принимаются, и поляки не верят вероломной политике австрийского двора и Меттерниху, который даже греков называет якобинцами. Другие поляки рассуждают, что быть может политика Австрии и заставит ее предпринять что-нибудь для Польши. Но как бы то ни было, поляки холодны к Австрии, говоря о массе народа и дворянстве. Всех взоры обращены, по словам подолян, на русского Императора. Будет ли он короноваться? Это один вопрос. Какие-то злодеи разглашали на киевских контрактах, что Государь *не любит* поляков, не хочет даже ступить ногою на землю польскую и хочет расформировать Литовский корпус[1], чтоб изгладить следы всякого воспоминания о народности. Достоверно, что слухи сии выходят не от поляков, а от русских, имеющих свое пребывание в Польше. Вещь, не подлежащая никакому сомнению, что австрийцы сильно действуют чрез Галицию на умы поляков. Каменец-Подольск недалеко от Лемберга. На Броды также надобно обратить внимание. Жиды сильно работают. Самые усиленные и пламенные патриоты говорят: «Дай Бог, чтоб Австрия сделала что-либо для блага нашего народа. Тогда будем ей верны и простим *все* — но на слова ее полагаться не можно и не должно. Она составлена из обманов...»

Ненависть к Австрии в поляках слишком велика, и если б открылась война, говорят поляки, польское войско жестоко бы сражалось с ними, как в 1809, когда 9000 поляков разбило 36 т[ысяч] австрийцев под Рашином и завоевало Галицию[2]. Австрия знает, что лишь только повеют в Галиции флюгера улан польских, целое народонаселение восстанет, как в 1809 году. Оттого-то Австрия и ласкается к галлицианам, оттого и старается возмущать умы других поляков и посевать горесть в их сердцах воспоминани-

ем, что их собратия так долго томятся в заключении, когда русское дело давно уже кончено. Рассевают слухи, что это делается *нарочно*. Правда, хотя это точит польские сердца и хотя поляки вовсе не знают Государя, потому что управляет ими Цесаревич, — но все-таки Австрии не верят. Патриоты говорят: «Пусть Император скажет: «Поляки, присоедините Галицию к Царству Польскому», — и в 48 часов вся Галиция восстанет и ни одного австрийца не останется в ней». — Это верно.

Вот свежие слухи и рассуждения, привезенные из Подолии, от австрийской границы, поляками весьма умными, образованными и добрыми, честными ребятами.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 58—59. На ней имеется пометка: «Сообщено и представлено Е[го] И[мператорскому] В[еличест]ву 20 февраля 1828. Не возвращено».

[1]Литовский отдельный корпус, сформированный в 1817 г., комплектовался главным образом из поляков (как из Царства Польского, так и из российских губерний). После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. был переименован в 6-й корпус, а после польского восстания 1830—1831 гг. — расформирован.

[2]Австрия объявила войну Герцогству Варшавскому 14 апреля 1809 г., а 19 апреля в битве под Рашином 11,5 тыс. поляков на равных сражались с 25-тысячной австрийской армией. Хотя 24 апреля Варшаве пришлось капитулировать, но в мае польская армия смогла присоединить к Герцогству Варшавскому принадлежавшую Австрии Галицию. См.: *Grochulska B.* Księstwo Warszawskie. Warszawa, 1966. S. 137—154.

---

143 Дела польские

28 февраля [1828]

Поелику никак невозможно прекратить тайную корреспонденцию чрез путешественников и купцов, то высший надзор старается со всем усилием приобресть на свою сторону лица, имеющие сношения с людьми, получающими письма не чрез посредство почты, и узнать предмет корреспонденции. Ныне самое большое внимание высшего надзора обращено на пограничные губернии, и вообще на все польские провинции, находящиеся во владении трех держав, потому именно, что политический горизонт неясен с сей стороны.

Из Варшавы получено одно письмо, в котором говорят:

1 что подати в Галиции уменьшены,

2 что политических преследований в Австрии нет и поляки живут спокойно и пользуются уважением двора,

3 что литературе и истории не делают таких прижимок смешных в Австрии, как то делается Новосильцовым в Варшаве, где история запрещена.

4 «Души наши освежились и ожили в нынешнем карнавале, — пишут в другом письме, — и наши магнаты решились вопреки нашему великому инквизитору (Новосильцову) подышать свободно польским воздухом. В именины нашего знаменитого и боготворимого старца, Немцевича, был дан бал (bal costumé) графинею Потоцкою (женою Станислава), на котором бале представлен был двор польского короля Сигизмунда Августа, по опи-

санию оного в романе соч[инения] Немцевича «Jan z Tęczyna» («Ян из Тенчина»). Сигизмунда Августа представлял *Руцкий*, королеву Варвару, урожд. Радзивил — Наталия Потоцкая, Яна Кохановского (современника поэта) — Иосиф Липинский, Рея из Нагловиц — Лудовик Осинский, Клементия Яницкого — Prevôt, австрийский консул (NB). Другой бал костюмный был у *Игнатия* и *Мартына Залесских*, на котором представляли древность литовскую. *Эдуард Одынец*, поэт, одет был вайделотом[1] (бардом литовским). Литовские дамы, находящиеся в Варшаве, представляли разные исторические лица и декламировали стихи, сочиненные Одынцом на сей случай».

В других письмах из Варшавы восхищаются благостию короля прусского[2] и хорошему его обхождению с поляками. В Познани живут счастливо, смирно, без принуждения («sans tracasserie»). Наместника Антония Радзивила весьма хвалят. Король прусский, говорят, удостоверился, что те, которые ему давали советы, чтоб истребить в польских провинциях язык и народность польскую — не понимали дела. «Лишь только французы перешли Варту (в 1808 году), в целой Польше сделался переворот в 24 часа, без тайных обществ и условий, потому что не любили короля и пруссаков[3]. Ныне его обожают, а особенно наследного принца. Они не мешают полякам быть поляками и будут за то иметь верных друзей — читайте Берлинские газеты».

В Берлинской газете пишут, что король прусский оказал щедрую помощь и обещал помогать благородному предприятию воздвижения памятников в Кафедральной познанской церкви польским королям Мечиславу I и Болеславу Храброму.

В маскараде придворном в Берлине, во время карнавала, между костюмами разных народов особенно отличились кадрили, представляющие двор первого польского князя Земовита. Представляли разные лица знаменитые особы польского народа: князь Сулковский, граф Рачинский, г-жа Богуславская, графиня Рачинская, Мацельская и т.д., все в древних польских костюмах.

При сем делают замечание: «Сравните это обхождение с поведением Желтухина в Киеве, который выгнал от себя старца, явившегося к нему в польском платье с просьбою, и велел ему обрить усы. — В Вильне Новосильцов запретил преподавать польскую историю и даже всякую историю по-польски — и так представляют историю в лицах. В Пруссии и в Австрии все позволяют печатать без всякого искажения, что относится до древней истории и статистики Польши. В стенах здешних замков не раздаются жалостные вопли поляков (jęki polskie). — Дай Боже счастья великим душам: наши молитвы и сердца за ними».

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 55—57. По содержанию датируется 1828 г.

[1]*Вайделот* — общее обозначение языческих жрецов у балтов. В поздней традиции, в т.ч. у Мицкевича — певцы, слагатели песен исторического содержания.

[2]Имеется в виду Фридрих Вильгельм III.

[3]Либо Булгарину изменила память, либо ошибся Фок, переписывая его записку, — описываемые события происходили не в 1808 г., а в ноябре 1806 г., во время франко-прусской войны. Ср. в записке № 177.

[4]Речь идет о будущем короле Фридрихе Вильгельме IV.

---

144 [Рапорт А.Х. Бенкендорфа великому князю Константину Павловичу 23 марта 1828]

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу, Великому князю Константину Павловичу

от генерал-адъютанта Бенкендорфа I-го

Рапорт

На отзыв Вашего Императорского Высочества от 5-го сего марта поспешаю донести следующее:

Польский поэт Мицкевич, принадлежавший к студентскому виленскому обществу филаретов[1], находится на службе при московском военном генерал-губернаторе князе Голицыне и приезжал вместе с ним в С.-Петербург[2]. В то время находился здесь министр финансов Царства Польского князь Любецкий, и особы его свиты[3], желая послушать импровизации Мицкевича[4], собирались несколько раз вместе, где было также по нескольку поляков, живущих в Петербурге[5]. Невзирая на то, что князь Голицын отлично рекомендовал Мицкевича[6], за ним учрежден был строжайший надзор и все шаги его и речи были наблюдаемы, но замечено, что рекомендация князя Голицына справедлива и что Мицкевич человек отменно тихий, скромный, даже робкий в речах и поступках, вовсе не занимается политическими разговорами и предан совершенно своей поэзии.

О статье, помещенной в польской газете[7], знали здесь прежде. — Один из приятелей Мицкевича[8] желал подшутить над противниками и критиками Мицкевичева таланта, находящимися в Варшаве, как то над Дмоховским, Осинским и другими, и написал партикулярное письмо к поляку, жительствующему в Петербурге, а теперь находящемуся в Варшаве, старому болтуну[9], зная, что письмо непременно разойдется по рукам и взбесит литературных противников Мицкевича. В сем письме все преувеличено до крайности. — Справедливо, что в день именин Адама Рогальского Адам Мицкевич обедал у него вместе с несколькими служащими здесь поляками и что после обеда, когда приехали особы из свиты князя Любецкого, Мицкевич импровизировал о Самуиле Зборовском, но не для того, чтоб вывести на сцену этого бунтовщика, а чтоб сделать вежливость тонкую молодому князю Сапеге и выхвалить знаменитого Замойского, предка жены его, который споспешествовал наказанию Зборовского, ибо Мицкевич прежде уже импровизировал об его предке канцлере Льве Сапеге. Мицкевич вовсе не падал в обморок, как сказано в газете, и никаких восторгов не изъявлено было криком слушателей, как сказано там же. Несправедливо также, что русские принимали с восторгом Мицкевича. Он только был вхож здесь в два русские дома, к вдове историографа Карамзина и к министру просвещения Шишкову, женатому на польке. Из поляков он бывал только у своих школьных товарищей, служащих здесь. Поэма его «Валленроде» напечатана здесь с позволения цензуры[10] не в польской типографии, какой вовсе не имеется, но в типографии г-на Края, а из этого в польской газете сделано *krajowej*, или национальной. — Мицкевич, по отъезде отсюда московского военного генерал-губернатора, возвратился в Москву[11], и можно утвердительно сказать, что здесь русские не обращали на него ни малейшего внимания, ибо здесь вовсе не занимаются польским языком и польскою поэзиею. Кроме того, Мицкевич был болен и лежал в постеле три четвер-

ти времени своего пребывания в Петербурге. О помянутом письме говорили здесь прежде, как о мистификации варшавских литературных врагов Мицкевича, и почитали шуткою[12].

Генерал-адъютант Бенкендорф
23 марта 1828

Рапорт печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 159. Л. 4—6 (с пометой: «Секретно»). Он является ответом на отношение великого князя Константина Павловича от 5 марта 1828 г. и принадлежит перу Булгарина, хотя подписан Бенкендорфом. Об этом свидетельствует «виновник» всей истории Н. Малиновский. В своем дневнике 21 марта 1828 г. он писал: «14 января я послал большое письмо Ж[ельветру], в котором описал все, что происходило 24 декабря. Кто-то, не известный мне, поместил отрывок из этого письма в варшавской «Gazecie polskiej». Неосторожность этого человека сослужила мне плохую службу. Сенк[овский], Конар[ский] и Б[улгарин] набросились на меня, упрекая за излишнюю благосклонность к Адаму. Наконец буря утихла, но сегодня перед обедом пришел Б[улгарин] и сказал мне, что великий князь писал Бенкендорфу, прислал номер газеты и жаловался, что человек, который выслан за политические преступления, пользуется всеобщим расположением в столице империи. Считая это очень опасным, он предостерегает, чтобы прилежно следили за всеми его [Мицкевича] шагами и т.д. Лучше бы я умер, чем так поступил. Ибо если бы из-за неосторожности я сам на себя навлек несчастье, то снес бы это спокойно, но, думаю, ничего более неприятного не может случиться с порядочным человеком, как навлечь несчастье на друга. Успокоил меня Б[улгарин] своими уверениями, что был у Бенкендорфа, который поручил ему ответить в[еликому] князю. Он обещал написать, если не в пользу А[дама] М[ицкевича], то по крайней мере не во вред ему. А именно скажет, что за М[ицкевичем] тут очень старательно следили, что же касается опубликованного письма, то написано оно было в шутку, чтобы унизить его недругов в Варшаве. Он немного уменьшил мое отчаяние, но не принес мне однако спокойствия. Много несчастья можем мы принести себе и другим из-за неосторожности». 24 марта он продолжал: «Опять узнал о очень неприятной вещи. В[еликий] кн[язь] Константин, когда получил ответ, который я упоминал выше, написал вновь, что все обстоятельства ему известны, и он уже распорядился исполнить свой приговор. А именно — уведомленный издателем варшавской газеты, что это Михаил Контковский (талантливый юноша, окончивший Виленский университет и переехавший в Варшаву) принес издателю для публикации этот фрагмент об Адаме. Будучи допрошенным, он сообщил, чтобы не вовлечь других, что придумал все это для шутки; этого юношу, совершенно невиновного, [великий князь] уволил со службы и приказал отвезти под стражей в Литву, в имение, соседнее с Видзисом. Как кончится это дело — трудно сказать. Император был рассержен на брата, но что он может сделать?» (*Малиновский*. С. 103—104; цит. в переводе с польского).

Позднее в своих мемуарах Малиновский дал более полную (и в деталях расходящуюся с дневниковой) версию этой истории. Он вспоминал, что сразу после вечера 24 декабря написал большое письмо Жельветру (находившемуся в это время в Варшаве). Жельветр дал почитать письмо часто навещавшему его М. Контковскому, который пошел с ним к другу Мицкевича, поэту А. Одынцу, и показал ему. Одынец принес письмо в редакцию «Газеты польской» и прочел его там, но переписывать не разрешил. Один из редакторов сразу после его ухода по памяти записал письмо, другие сделали дополнения, и через несколько дней этот текст был опубликован (без подписи). Когда началось расследование, в редакции сообщили, что письмо было прочтено Контковским. Контковский же утверждал, что сам сочинил письмо. Однако еще до этого цесаревич писал царю, что в Петербурге действуют наперекор ему и чествуют Мицкевича. Царь дал указание выяснить, что же произошло. «Тогда при шефе жандармов, графе Бенкендорфе, место директора занимал Максимилиан фон Фок, с кото-

рым дружил редактор «Северной пчелы» Тадеуш Булгарин. Когда граф Бенкендорф получил императорский приказ и поручил фон Фоку расследовать это дело, в его кабинете находился Булгарин, который заявил, что может быть полезен ему в решении этой проблемы. На следующий день он повидался с Малиновским и спросил, что происходило в день именин Мицкевича. Малиновский прочел ему описание этого вечера из своего дневника и не видел необходимости скрывать, что писал в Варшаву Жельветру, но совершенно не знает, что произошло потом. В тот же день по требованию фон Фока Малиновский поехал с Булгариным к нему на чай. Там ему показали номер «Газеты польской», в которой он прочел помещенное без подписи письмо, вроде бы его, но, очевидно, переделанное, либо специально, либо переработчик со слуха усвоил только основное его содержание и потом изложил своими словами. Малиновский добавил, что празднование 24 января происходило в доме Жербина, в квартире Адама Рогальского, что полиция была уведомлена, в соответствии с существующими установлениями, что на вечер собралось 40 человек, что Рогальский даже их список, как требуется по инструкции, представил в часть. Фон Фок, удовлетворенный этими объяснениями, сразу же потребовал полицейский рапорт и, действительно, получил оттуда этот список. Обнаружив в нем имена Ельского, Ленского, Липовского, Сапеги и многих других, хорошо уже известных в Петербурге, он развеселился. Граф Бенкендорф подал рапорт императору ...» (*Malinowski M.* Księga wspomnień. Kraków, 1907. S. 79—80; цит. в переводе с польского). Подробное изложение этой истории см. также: *Bartoszewicz K.* Amfitryon Mickiewicza//Slowo polskie. 1898. № 121 (тут сказано, что письмо Малиновского о «Газете польской» прочел не А. Одынец, а Р. Суходольский). Рапорт опубликован в переводе на польский язык (по тексту, полученному канцелярией великого князя Константина Павловича): *Kraushar A.* Z archiwum byłego Trzeciego wydziału w Petersburgu. 1.Mickiewiczana//Przegląd historyczny. 1906. T. 3. Z. 1. S. 91—92. На русском опубликован нами: РЛ. 1993. № 3. С. 93.

[1]См. примеч. 2 к записке № 76.

[2]В гражданскую канцелярию московского генерал-губернатора Д.В. Голицына Мицкевич был определен в конце 1825 г. (*Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824—1829. Warszawa, 1949. S. 100—101, 106 и по указ.; *Fiszman S.* Pisma urzędowe Adama Mickiewicza do D.W. Golicyna//Fiszman S. Archiwalia Mickiewiczowskie. Wrocław, 1962. S. 74—79). Служба у Голицына была чисто номинальной, и Мицкевич, отправляясь с ним в первых числах декабря 1827 г. в Петербург, меньше всего думал о своих официальных обязанностях: он ехал, чтобы печатать «Конрада Валленрода», ходатайствовать об издании в Москве литературной газеты на польском языке («Iris») и, можно полагать, намеревался возобновить попытки добиться разрешения на отъезд из России (см.: *Цявловский М.А.* Мицкевич и его русские друзья//Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 164). В Петербурге Мицкевич провел немногим менее двух месяцев и 30 января был уже в Москве.

[3]Адам Ленский и князь Леон Сапега. С Ленским 16 декабря 1834 г. будет беседовать о Мицкевиче и польском вопросе А.С. Пушкин (*Павлищев Л.* Из семейных воспоминаний о А.С. Пушкине//Рус. обозрение. 1890. № 9. С. 163; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 334. См. также: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 233). См. также заметки о Мицкевиче в воспоминаниях Сапеги (*Сапега Л.* Мемуары. Пг., 1915. С. 14, 71, 103—104).

[4]Об этих импровизациях см. в письмах Н. Малиновского И. Лелевелю от 28 декабря 1827 г. и 19 марта 1828 г., а также в письме А. Ходзько А.Э. Одынцу от 4 февраля 1828 г. (*Мицкевич А.* Собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 616—618, 621—624).

[5]На этих вечерах присутствовали А.О. Орловский, О.И. Сенковский, А. Ходзько, Ф. Малевский, Н. Малиновский и многие другие.

[6]Об отзывах Голицына о Мицкевиче и Малевском см.: *Gomolicki L.* Op. cit. S. 205 и по указ. См. также в написанной рукой М.Я. Фока записке от 9 мая 1828 г., атрибутируемой нами Булгарину. Любопытно, что А. Гербело в статье о парижском издании Мицкевича называет Голицына одним из покровителей польского поэта (Revue Encyclopedique. 1830. № 46; отмечено в изд.: *Мицкевич А.* Указ. соч. С. 774).

[7]Речь идет о статье «Wyjątek z listu pisanego z Petersburgu», помещенной в газетах: «Gazeta Polska», 1828, № 71 и «Gazeta warszawska», 1828, № 62. Рассказывая о пребывании Мицкевича в Петербурге, где «принятый поляками с восхищением, россиянами с уважением, приводит он дарованием своим всех в изумление», и высоко оценивая поэму «Конрад Валленрод», «которая уже отчасти напечатана в польской типографии», автор подробно описывал вечер у А. Рогальского, на котором состоялась импровизация Мицкевича о С. Зборовском (цит. по переводу, приложенному к отношению великого князя Константина Павловича от 5 марта: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 159. Л. 2—3). Виленский цензор И. Шидловский известил о статье ректора виленского университета В. Пеликана, который отправил рапорт Новосильцову. Тот, считая неподобающим такой прием, оказанный политическому изгнаннику Мицкевичу, довел о случившемся до великого князя Константина Павловича (см.: РА. 1908. Кн. 1. С. 64—65). Великий князь сразу же (5 марта) написал по этому поводу Бенкендорфу, а от Новосильцова затребовал более обстоятельную информацию о Мицкевиче. Следствием этого стал рапорт Новосильцова о «Конраде Валленроде» от 10 апреля 1828 г. (см.: РС. 1903. № 11. С. 333—338; РА. 1908. Кн. 1. С. 67—73).

[8]Речь идет о Н. Малиновском, который учился в Вильне вместе с Мицкевичем, принадлежал к числу филаретов и после разгрома общества был выслан из Вильны.

[9]Имеется в виду Каспар Жельветр, виленский помещик, много лет проживший в Петербурге в качестве поверенного в делах ряда польских магнатов.

[10]*Mickiewicz A.* Konrad Wallenrod. Petersburg: Drukiem Karola Kraja, 1828. Цензурное разрешение выдал В.Г. Анастасевич 9 декабря 1827 г.

[11]Мицкевич вернулся в Москву в конце января 1828 г.

[12]Вскоре после отсылки данного рапорта III отделение получило новое отношение от Константина, отправленное 16 марта. Константин сообщал, что, как оказалось, никакого письма из Петербурга не было, а сочинил эту статью чиновник министерства финансов Царства Польского М. Контковский, который сейчас уволен со службы и отправлен жить на родину, где будет находиться под полицейским надзором. В ответ Бенкендорф 6 апреля написал Константину, что докладывал царю, который повелел сообщить цесаревичу, что письмо действительно существовало и было послано Н. Малиновским Жельветру (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Ед. хр. 159). На этом переписка по данному вопросу закончилась.

---

145 О духе и характере польского народа

Поныне весьма мало занимались исследованием сего предмета. По слабости и бестолковости правления в царствование последних королей польских[1] иностранцы судили о слабости характера поляков и ошибались в этом. Несчастия переродили нацию, уснувшую на лаврах в беспечности и в надежде на равновесие Европы, утвержденное Вестфальским миром[2]. Последние происшествия в Польше пред последним разделом сего края[3] обнаружили великие таланты, древние рыцарские характеры и пробудили воинственный дух поляков.

Усилия от того были недействительны, что сделаны поздно, придавлены содействием трех соседних держав[4] и происходили в стране открытой и неудобной к защите. Не менее того Костюшкина революция или, лучше сказать, вооружение доказало, что поляки любили свое отечество более, нежели другие народы, поглощенные впоследствии Франциею.

Не стало Польши — но остались славные воспоминания, осталась история, богатая великими подвигами, и литература, первая между всеми славянскими народами. Когда у народа есть история и литература —

он никогда не забудет своего существования. Любовь к отечеству сделалась страстью наследственною, поддерживаема будучи весьма сильными причинами. Богатые и знатные фамилии лишились всякого уважения и влияния на дела публичные; бедные польские фамилии, которые по обычаю римскому были клиентами и поручали своим меценатам воспитание детей и приданое дочерей, вдруг лишились подпоры. Крестьян обременили казенными податями, которых они прежде не знали, и заставили заниматься публичными работами и давать рекрут. Русские чиновники без просвещения и нравственности терзали все состояния. Даже просвещенные были ненавистны своею гордостию, наслаждаясь уничижением прежних польских магнатов. Все состояния в Польше воздыхали о прошедшем и, как зло прошлое скоро забывается, то, не думая о бывших беспорядках, выставляли на вид одни вольности и преимущества. Отечество, народность как обольстительные фантомы утешали воображение будущими надеждами. Франция существовала, возвеличилась, и польские легионы[5], приобретая славу, составляли как бы подвижное отечество. «Там наше отечество, где орлы польские, — говорили поляки, — а здесь мы в неволе». Отечественным напевом стариков сделались псалмы и молитвы из Библии, где оплакивают отечество; юношество пело марш Домбровского «Jeszcze Pólska nie zginęla, póki my żyjemy»[6], летало под знамена Франции, дралось и умирало в надежде заслужить внимание Европы к судьбе Польши!

Составилось княжество Варшавское[7], и энтузиасм к отечеству, имея свое поприще действия, ежеминутно увеличивался и проникал все части Польши. Поляки, почитая себя братьями и не признавая раздела своего отечества, из всех концов стремились под знамена Войска Польского и, упиваясь там духом народности, разносили его по всем провинциям. Наполеон знал, что полякам нужна народность и, не воскресив имени *польского*, назвал войско *Польским*[8]. Поляки сами смеялись, что в Герцогстве Варшавском король саксонский герцогом[9], законы французские и одно только войско *народное*[10]. Но они могли свободно мечтать о будущем, писать, говорить, представлять на театре о своих надеждах, и этого было для них довольно.

В русских провинциях в то время, как и ныне, царствовал один и тот же дух, что в Герцогстве Варшавском и Галиции. Лучшее юношество оставляло родителей, именье и шло служить за границу. Русских везде не любили — но любили Императора Александра и любили искренно. Александр всегда обходился чрезвычайно нежно с поляками[11], приближал их к себе, поручал важные и почетные звания, делал сенаторов и камергеров, дарил дам фермуарами и всегда был весел в обществах польских, слушал их жалобы, исправлял, что мог, и т.п. Поляки говорили: «Александр не москаль, у него душа польская, он стоит быть королем польским!» — Величайшая похвала между поляками, причислить кого по чувствам к своей нации!

Но врожденная любовь в поляках к отечеству и народности столь велика, что ни узы привязанности к доброму Царю, ни самая благодарность не удержала их от присоединения к французской армии, когда думали, что это последний шаг к восстановлению отечества. Князь Доминик Радзивил сказал одному русскому генералу: «Я обожаю Императора Александра — но не могу теперь служить Ему — потому что дело идет о моем отечестве. Оставляю жену, детей, именье — и иду служить простым солдатом!» Так поступили люди и из других хороших фамилий. Богатые и благовоспитанные юноши

служили простыми солдатами и в обществах гордились простыми солдатскими мундирами. Вельможи и дамы снаряжали полки на свой счет, и бедное дворянство, купечество и мужики толпились в полки по доброй воле. Не знали, что делать с ними: везде был двойной комплект, и Наполеон принужден был взять несколько полков на жалованье Франции, а из лишних людей формировать особые полки пехоты и кавалерию в легионах. Поляки были совершенно счастливы, имея войско и свое Герцогство Варшавское.

Впрочем, администрация сего края, так как и ныне Царства Польского доказала, что поляки в беде своей приобрели опытность и образовали людей, способных ко всякого рода должностям. — Администрация Герцогства и нынешнего Царства прекрасная, достойная подражания у всех просвещенных народов.

Несчастия войны 1812 года, истребив прекрасное Польское войско, не только не истребили энтузиасма, но еще более увеличили оный. Разбитые французы уже были в Вильне, Герцогство было истощено, а под Краковым формировалось новое войско из охотников. В три недели сформировалась легкая кавалерия, под названием Кракусов, в числе 30 000 человек. Из них дополнили линейные полки, а тысяч десять осталось. Пехота в две недели сформировалась, и князь Понятовский привел в Саксонию войско, почти равное прежнему[12]. Все сделал польский энтузиасм.

Потеряна кампания 1813 года. Все союзники оставили Наполеона, и князь Сулковский, назначенный военачальником польским вместо Понятовского, поколебался и дал слово не переходить за Рейн. Многие офицеры и солдаты разделяли его мнение. Явился Наполеон в польском каре, под Эрфуртом, и сказал полякам: «Polonais! Votre patrie est là où je suis, et où sont ces drapeaux que vous avez illustrés par vos nobles exploits!»[13] Все забыто. «Vive l'Empereur, vive la Pologne»[14]. — Сулковский не изменил слову и остался — войско перешло за Рейн.

Погиб Наполеон, исчезли все надежды на восстановление отечества, но энтузиасм в народе не только не угас, но еще увеличился. Поляки обратились к Александру и не обманулись в Его великодушии. На Венском конгрессе восстановлено имя польское[15], все из чего бились 30 лет поляки. Все три державы, разделившие Польшу, согласились поддерживать народность (nationalité) в принадлежащих им провинциях и даже сохранить обычаи народные, особое правление и народные цвета. О народных цветах не забыли те, кто у ног Александра просили спасти отечество! — Поляки — северные французы: народные цвета, песенки и прокламации — вот их нравственная пища. Получив желаемое, поляки забыли и о потере Галиции с Величкой, и о потере Герцогства Познанского[16]. Приобрев имя поляков и право народности, они почитали себя блаженными: радость была общая. Установление поляков — губернаторов в польских провинциях, принадлежащих России, и других чиновников; формирование отдельного Литовского корпуса[17] — все это восхищало поляков, во всех концах Польши. Хотя пруссакам и Австрии не верили, но довольствовались и тем, что одна часть Польши будет сохранять народность и прежнее имя. Александра обожали и были счастливы.

Вдруг горизонт затемнился. Молодые люди, основываясь на словах декларации Венского конгресса о народности, за долг и честь поставляли везде толковать об этом и приноравливаться одеждою и поступками к

древним полякам. В университетах и городах составились общества для распространения народного польского духа. Старики с удовольствием видели это направление умов. Грянул гром. Стремление это названо карбонаризмом[18] — и его стали преследовать как преступление. Ужас объял сердца: поляки сперва не понимали, что от них требуют. Наконец пришло до того, что любовь к отечеству смешали с карбонаризмом и патриот сделался синонимом карбонари. Пошли преследования, и народный дух польский, притаясь от грозы, созрел в тайне и дошел до высочайшей степени энтузиасма.

Само по себе разумеется, что арестации, лишение многих членов фамилий, страх преследования за дела и чувства, почитаемые святыми и притом позволенными, возбудило общее неудовольствие, которое обнаруживается только в кругу тесной дружбы и родства и недоступно агентам варшавского правительства[19], которых знают весьма хорошо в отдаленнейших углах целой Польши. Только люди с именем, с заслугами Польше, т.е. с правами на доверенность, могут ею пользоваться и то, если употребят к тому величайшие усилия. Все молчит в Польше — но все недовольно. Время нынешнее можно сравнить только с Гродненским сеймом, когда Репнин управлял Польшею[20]. Трудно добиться излияния чувств — но если молчание прервется, то нет конца воплям и жалобам. Сие-то неудовольствие некоторые неправильно называют карбонаризмом. Напротив того, по натуре вещей в Польше карбонаризм не может никак привиться, а это потому: 1) что польский народ вовсе не склонен к кровопролитию, что доказывает целая его история и криминальные процессы; 2) поляки гордятся верностию к престолу и тем, что руки их никогда не обагрились кровию их королей. Они всегда этим упрекают врагов своих, русских; 3) поляки слишком привязаны к дворянскому достоинству; величайшее ругательство или клевета сказать о ком: «Он холоп, а не шляхтич»; 4) поляки — народ рыцарский, воинственный и потому самому склонный повиноваться Царю-воину; 5) система карбонариев, основанная на уничтожении всех привилегий, на установлении равенства между всеми состояниями, совершенно противна и духу военного народа, и аристократии, и правам дворянства, и польской народности, которая есть не что иное, как chevalerie[21]. Образ жизни поляков, их всегдашнее обращение с дамами не позволяют им ни говорить, ни думать об эшафотах и других ужасах, от которых содрогается сердце каждого благородного воина и благовоспитанного человека; 6) почти все польские фамилии в родстве или в связях между собою и, даже имея между собою процессы, веселятся и пьют вместе. Кого же бы пришлось губить и резать? Нет, это вовсе не в нравах поляков, и в целой истории видим один пример, когда пьяная чернь под предводительством сапожника Килинского повесила нескольких вельмож в Варшаве: Ожаровского, Коссаковского и других[22]. Это возбудило общее негодование, и виновные в самое бурное время были осуждены и казнены. Из всех польских патриотов 1791 года один только Колонтай, по крайней мере на словах, оказывался кровожадным, но не нашел сообщников. Литовская фамилия Колонтаев поныне не признает его своим членом, и поляки утверждают, что тот Колонтай *мещанин* из Кракова. «Дворянин не имел бы таких чувств», — говорят они.

Правда, в Польше до сего времени свободно говорили о конституциях, о политической свободе и разного рода правлениях. Говорили потому, что дворянство, участвуя в политическом управлении Польши, рано

знакомилось с сими предметами. Если в России юноша 15-летний станет толковать о конституции, то это знак, что ему дают дурное направление, противное установленному порядку вещей — но в Польше юноша наслушается этого не только от отца, но от управителя или камердинера из дворян, потому что каждый из них участвовал в сеймиках[23] (diétines) и был знаком с сими предметами. Но об этом в Польше более любят толковать, нежели действовать, и каждый, кто только управлял Польшею, владел как хотел, если умел льстить народному самолюбию, то есть давая дворянству для забавы *игрушки народности* и право говорить вольно. В Польше издревле существует пословица, что поляка можно вести на край света на розовой шелковинке, но никак нельзя удержать цепью. Это правда, и если все народы — дети и любят более признаки политической свободы, нежели самую свободу, то поляки в этом отношении младенцы. Кто обходится с поляком нежно, мягко и вежливо и притом льстит народному самолюбию, тот удивится мягкости его. Прикрикните на него, обойдитесь грубо — и он камень, на коем начертано слово «ненависть».

Сказав, что в Польше нет ни карбонарисма, ни карбонариев, но есть общее неудовольствие и недовольные, мы должны представить наши догадки о том, что австрийское правительство, кажется, питает сие неудовольствие, по крайней мере со времени немилости Метерниха при русском дворе[24]. Метерних слишком умен, чтобы отважиться на то, чтобы иметь явных агентов в русской Польше, которые могли бы изменить ему и скомпрометировать. Кажется, что желание восстановить снова иезуитов в России клонилось к сей цели[25]. Иезуиты были прежде солдатами Папы, а ныне суть солдатами Австрии, которая одна из католических держав в состоянии их протежировать. Что бы для них ни сделала Россия, они всегда будут здесь в гостях — и всем пожертвуют для католической Австрии. Как проект восстановления иезуитов у нас при самом начале, при удостоверении, что министр просвещения[26] не в состоянии этого сделать, рушился, то и особенных агентов, кажется, нет в Польше. Да и на что они? Стоит распустить под секретом какой-нибудь слух в Лемберге[27], и он обовьется вокруг Польши, перейдет во все уши и не дойдет до правительства, между которым и поляками воздвигнута китайская стена. Кроме того, жиды в Польше суть подвижные газеты. Лишенные имущества при исследовании контрабанды в Литве и угнетенные запретительною системою по торговле, они готовы на все за деньги и из мщения. Поляки почитают себя несчастными, а несчастные вообще легковерны, и поляки готовы верить каждому слуху, обещающему им лучшее. Впрочем, быть может даже, что и люди, распространяющие слухи, не причастны тайне и пересказывают из добродушия то, что слышали хорошего. Если [бы] нашелся человек, который бы мог купить все дворянские имения в Польше и Литве, то все поляки перенеслись бы в другую землю, невзирая на трудность в получении пашпортов для выезда за границу. Недостаток в деньгах удерживает их дома. Конечно, в Польше никогда не будет революции без иностранного пособия, ибо нет ни одного поляка, который был бы так глуп, чтобы надеялся в открытой со всех сторон стране произвесть переворот под боком пятидесятимиллионного царства. Другая революция в Польше невозможна [иначе] как за ариергардом какой-нибудь воюющей с Россиею державы. — На самую же Россию, если б она Бог знает что ей обещала, поляки не понадеются и не поверят ей. Это правда — как Бог на небеси! — Императору поверят — русским — нет.

Напрасно думают, что солдат в Польше — простая машина. Нет. Польский мужик знает, что такое *ojczyzna*[28]. Он и его предки сражались за отечество с косою и сошником вместо оружия. Польские мужики с восторгом распевают народные песни:

Tadeusz Kościuszko
Czerwone Jabłuszko и т.д.

или

Wróci się nam Warszawa,
Wróci się nam i Kraków,
W zadek niemców i moskali
Bo to wlasność polaków

или

Nasz Kościuszko dobry był
Bo moskali dobrze bił,

или

Daj że nam Boże doczekać tejpory
Gdy do ataki nachylim propory,
Gdy szwodronami każą nam nacierać,
Miło nam takie rozkazy odbierać.
Niech że się cieszy korona i Litwa
Że z moskalami będziem mieli bitwą[29].

В 1815 году я имел случай спросить у собранных перед корчмою мужиков: «Вы все поете об *ojczyznie*, а знаете ли, что такое *ojczyzna*?» — «Мы люди простые, — отвечали они, — но тогда почитаем землю нашу *ojczyzną*, когда нами поляки по-польски управляют и говорят с нами по-польски». — Правда, что в нынешнем Польском войске весьма мало или почти нет людей с именем, и бедные офицеры, хорошо заплаченные, имеют выгоду служить. Не сомневаюсь в их верности и удостоверен, что войско никогда не восстанет противу правительства. Но не дай Бог, чтобы какая-нибудь воюющая с Россией держава стала смущать войско патриотическими прокламациями и согревать народными песеньками. В Австрии военная служба легкая, но все польские легионы составлены были из поляков-дезертиров. Посылались туда переметчики, называвшиеся апостолами, и приводили именем *ojczyzny* целые вооруженные плутоны[30]!

Кажется, если б после окончания суда и следствия[31] перестать исторгать юношество неопытное и пламенное из недр фамилий; если б успокоить нацию народным, *теплым* манифестом, в котором бы непременно находились слова valeur et fidélité Polonaise — patrie, nationalité[32], если б притом восстановить гражданское правление или смягчить военное; если б нашему благодетелю Царю показаться в Польше с сыном, говорящим по-польски[33], и обойтиться с поляками с свойственною Государю откровенностию и прямодушием; если б наконец сделать несколько польских сенаторов — что даже нужно для блага польских дел; если б раздать несколько шифров[34] дамам и сделать несколько камер-юнкеров, и если бы быть несколь-

ко раз на народном бале — то все переменится; машина заведется на десять лет, неудовольствие прекратится — останется одно горькое воспоминание, и поляки, подобно тому художнику, который сперва бранил Генриха IV, и когда он увольнял его от подати и потрепал по плечу, поляки так же радостно запоют: «Vive Nicolas! Vive Alexandrine!»[35].

Теперь поляки вовсе не знают Государя, как уже о сем было сказано. Благие дела его и мудрые начинания не простираются на Польшу, так говорят поляки. Страх облек надежду на будущее черным покровом. О настоящем судить не смеют, и те, кои немного знают Петербург, молчат, опасаясь, чтобы, хваля одного, не оскорбить другого.

Но пока что будет предпринято свыше, благодарные Царю люди[36] начали действовать сильно для направления общего мнения. Заведены связи и корреспонденции. Завеса спадет с глаз незрящих, и они увидят, кого дало нам Провидение для нашего блага.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 4—15. Опубликована нами: РЛ. 1993. № 3. С. 82—87. Исходя из содержания и из того, что в ней не упоминается русско-турецкая война 1828—1829 гг., записку можно приблизительно датировать первыми месяцами 1828 г.

[1]Имеются в виду Август III (правил с 1733 по 1763 г.) и Станислав Август Понятовский (правил с 1764 по 1795 г.).

[2]Речь идет о мирном договоре, подписанном 24 октября 1648 г. в Мюнстере (Вестфалия) и ознаменовавшем конец Тридцатилетней войны.

[3]Имеется в виду польское восстание 1794 г. под предводительством Тадеуша Костюшко, результатом которого стал третий (1795 г.) раздел Польши.

[4]То есть Пруссии, Австрии и России, которые и разделили между собой территорию Польши.

[5]В 1797 г. генерал Ян Домбровский подписал конвенцию о создании польских легионов с администрацией Ломбардской республики, созданной Наполеоном в Северной Италии. Впоследствии польские легионы храбро сражались на стороне Франции до самого конца наполеоновских войн. См.: *Askenazy S.* Napoleon a Polska. T. 1—3. Warszawa; Kraków, 1918—1919.

[6]«Еще Польша не погибла, пока мы живем» (*польск.*) — строка из гимна легионов, созданного Ю. Выбицким в 1797 г. и ставшего впоследствии национальным гимном Польши.

[7]См. примеч. 2 к записке № 1.

[8]Армия герцогства Варшавского, частично финансируемая Наполеоном, насчитывала несколько десятков тысяч человек.

[9]Великим герцогом Варшавским был саксонский король Фридрих-Август I.

[10]Булгарин имеет в виду широко распространенную в то время польскую поговорку «Księstwo Warszawskie, pieniądz pruski, wojsko polskie, król saski, kodeks francuski» («Герцогство Варшавское, монета прусская, армия польская, король саксонский, кодекс французский») (См.: История XIX века. Т. 2. М., 1938. С. 36).

[11]О политике Александра I в отношении Польши см.: [*Богданович М.И.*] История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 3—6. СПб., 1869—1871; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. 3. СПб., 1897. С. 350—357; *Cieszkowski S.* Aleksander I a konstytucja. Warszawa; Lwów, 1929. S. 67—106.

[12]Булгарин сильно преувеличил численность новой армии Понятовского: без полка «кракусов» она насчитывала немногим более 16 тыс. человек (см.: *Gierowski J.A.* Historia Polski. [T. 3]. 1764—1864. Warszawa, 1982. S. 146).

[13]«Поляки! Ваша родина там, где я и где эти знамена, которые вы прославили своими доблестными подвигами!» (*фр.*).

[14]«Да здравствует император, да здравствует Польша!» (*фр.*).

[15]В составе Российской империи было создано Царство Польское как автономная государственно-территориальная единица, и тем самым впервые после третьего раздела Польши упоминание о ней появилось на политической карте Европы.

[16]Галиция перешла к Австрии в результате первого (1772 г.) раздела Польши; герцогство Познанское досталось Пруссии после второго раздела (1793 г.).

[17]См. примеч. 1 к записке № 142.

[18]О влиянии карбонарских обществ в Польше и Литве в конце 1810-х — начале 1820-х гг. см.: *Ланда С.С.* У истоков «Оды к юности»//Литература славянских народов. Вып. 1. М., 1956. С. 52.

[19]По конституции обязанности правительства в Царстве Польском исполнял Административный совет, однако реальная власть принадлежала командующему войсками великому князю Константину Павловичу и Н.Н Новосильцову. Именно об их агентах идет здесь речь.

[20]Ошибка Булгарина: Гродненский, или т.н. «Немой» сейм, санкционировавший второй раздел Польши, состоялся в 1793 г., а князь Н.В. Репнин фактически управлял Польшей в 1763—1769 гг., будучи посланником Екатерины II при дворе короля Станислава Августа (Понятовского). Булгаринский анахронизм в какой-то степени может быть объяснен тем, что в 1794 г. Репнин поставлен был во главе русских войск в Литве, а в 1795 г. — назначен литовским генерал-губернатором.

[21]Рыцарство (*фр.*).

[22]В результате волнений 9 мая 1794 г. в Варшаве, спровоцированных слухами о бегстве короля Станислава Августа, несколько человек, в том числе гетман П. Ожаровский и епископ Ю. Коссаковский, были обвинены в предательстве национальных интересов и казнены.

[23]Региональные съезды шляхты в Польше, собиравшиеся для избрания послов на центральный сейм, обсуждения отчетов сеймовых послов, а также избрания депутатов в трибунал и кандидатов на земские должности.

[24]Отношения России и Австрии резко ухудшились во второй половине 1827 г., особенно после битвы под Наварином в октябре, из-за поддержки Австрией турок.

[25]См. записку № 69 и примеч. 1 к ней.

[26]То есть А.С. Шишков.

[27]Так стал именоваться Львов после того, как в 1772 г. по разделу Польши отошел к Австрии.

[28]Отечество (*польск.*).

[29]Подстрочный перевод: «Тадеуш Костюшко//Красное яблочко»; «Вернется к нам Варшава,//Вернется к нам и Краков.//Под зад немцев и москалей,//Ибо это владения поляков»; «Наш Костюшко хорош был,//Ибо москалей хорошо бил»; «Дай же нам, Боже, дождаться той поры,//Когда пред атакой наклоним флаги,//Когда эскадронами прикажут нам наступать,//Рады таким мы приказам внимать,//Пусть радуются Корона и Литва//Тому, что с москалями будет у нас битва». Народная поэзия революции 1794 г. собрана в изд.: *Andrzejewski L.* Wojenna pieśń polska. T. 2. Pieśni zołnierskie i ludowo-zołnierskie Polski walczącej o wolność (wiek XVIII — XIX). Warszawa, 1939.

[30]*Плутон* — взвод по-польски.

[31]Имеется в виду Сеймовый суд над участниками польских патриотических обществ, связанных с декабристами. Организованное им следствие проходило во второй половине 1827 г., а заседания его длились с января по июнь 1828 г.

[32]Достоинство и вера поляков — родина, народность (*фр.*).

[33]То есть с наследником — Александром Николаевичем.

[34]Имеется в виду знак фрейлинского звания.

[35]Да здравствует Николай! Да здравствует Александра! (*фр.*). Имеется в виду Александра Федоровна — императрица, супруга Николая I.

[36]Булгарин имеет в виду себя.

146 [О Аверине и Кильдюшевском]

1) Действит[ельный] статск[ий] советник Аверин служил всегда с отличием. Он человек весьма образованный, который был много и различно употреблен. Он пользуется выгодною репутациею, в особенности за границею, где выхваляют примерное его бескорыстие. Кажется, что он должен быть весьма хорошим губернатором, ибо он знает также все изгибы канцелярские, пройдя по оным с низших степеней. — Уверяют, что он побочный сын генерала от инфантерии Беклешова, при котором Аверин постоянно служил и образовался. В польских губерниях он будет на своем месте, ибо он служил в тех местах и знает тамошние законы, нравы и обычаи.

2) Что же касается до действ[ительного] статск[ого] советника Кильдюшевского, то это человек самый пустой, надменный и бесхарактерный. Ce n'est pas de ce bien dont on fait un bon gouvernement[1]. Мы представляли о нем записку[2] по случаю ходатайства весьма расположенного к нему министерства внутренних дел о помещении его в рязанские губернаторы[3].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 87. На записке карандашная резолюция Бенкендорфа: «По случаю представления сих лиц мин[истром] вн[утренних] дел в волынские губернаторы. Апрель».

[1]Не из такого добра получается хороший правитель (*фр.*).

[2]См. записку № 140.

[3]Николай I 18 апреля 1828 г. подписал указ о назначении П.И. Аверина волынским гражданским губернатором. Что касается П.П. Кильдюшевского, то Булгарин правильно оценивал его деловые качества. Будучи послан в 1830 г. по императорскому повелению в Ельц для следствия, он прислал «пристрастное и лживое донесение», выпустил преступников и был за это наказан по указанию царя (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 28. Л. 4).

---

147 Слухи и толки

1) Разнесся слух в больших обществах, что князь Дмитрий Владимирович Голицын будет министром просвещения. — Даже приверженцы князя говорят: «C'est un peu fort»[1]. — Говорят, якобы кн. Ливен отказался. — Как скоро слухи о кн. Ливене обошли вокруг столицы: много голосов за ним и все, что есть умное и доброе.

2) Носятся слухи, будто крестов не будут давать прежде 15 лет службы; будто Владимирский крест не будет сообщать дворянства; будто до штаб-офицерского чина не будут давать крестов и проч. — Молодые честолюбцы без сомнения ропщут, и старые не отстают. Философы из этого извлекают следующие заключения. Видно, эти кресты дошли до злоупотребления, видно, Царя почитают врагом злоупотреблений, когда сочиняют разные планы реформ и все приписывают Царю! *Подобное* неудовольствие современников ведет к бессмертной славе. И Петра Великого ненавидели злодеи — а теперь?

3) К числу слухов о Государе принадлежит и то, якобы Он поехал в Поланген видеться с королем прусским[2].

Разнесся слух, что Государь, отъезжая, подписал указ об отставке Шишкова[3].

4) Появление Алексея Перовского (попечителя Харьковского) при дворе в казачьих шароварах произвело соблазн и толки. Говорят: слишком зазнался — и говорят люди степенные и значительные.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 28; Ед. хр. 12. Л. 1. Ее можно датировать последними числами апреля 1828 г., т.к. император выехал из Петербурга в действующую армию (после начала войны с Турцией) 25 апреля, подписав 23-го указ об увольнении Шишкова с поста министра народного просвещения, а 25-го — о назначении на этот пост К.А. Ливена. Указы эти были опубликованы лишь 1 мая.

[1]Это, пожалуй, чересчур (*фр.*).

[2]Слух этот был недостоверен, Николай направился прямо на фронт.

[3]Вхожий в дом к Шишкову О.А. Пржецлавский вспоминал: «Шишков оставил министерство в 1828 году, по внушению самого императора Николая, облеченному в форму милостивого внимания. Александр Семенович действительно был уже дряхлый, расслабленный старик. В последний доклад он долго не мог отворить ключом портфель и государь помог ему в этом, вынул бумаги и сам их прочитал вслух. После доклада царь ласково сказал: «Александр Семенович, вы много и доблестно трудились, не пора ли вам успокоиться?» К этому император прибавил несколько милостивых слов о том, что желает, чтобы он продолжал присутствовать в Совете. На другой день Шишков подал прошение об отставке; государь оставил его членом Государственного совета и президентом Российской академии с полным министерским содержанием» (*Пржецлавский О.А.* А.С. Шишков//РС. 1875. № 7. С. 402).

---

148 [О Сенковском]

Сенковский воспитывался в Виленском университете и приобрел там первоначальные сведения в арабском языке, отправился на Восток в 1818 году для усовершенствования себя в восточных языках[1], жил долго на горе Либане у знаменитого ориенталиста Ариды, был в Египте, Нубии и, возвратившись в Константинополь, по своим познаниям в турецком и арабском языках был причислен графом Строгоновым к константинопольской миссии. Возвратясь в Петербург, Сенковский определен по Высочайшему повелению в Коллегию иностранных дел в 1821 году, с тем, чтобы занять первое вакантное место драгомана, а за успешное приготовление себя к сему роду службы награжден 200 червонцев. Поелику не предвиделось, чтобы Сенковский нашел скоро вакантное место драгомана, то в 1822 году по Высочайшему повелению определен ординарным профессором восточных языков в С.-Петербургском университете. В сие время Сенковский изданными сочинениями и переводами с восточных языков приобрел себе европейскую славу, и первые ориенталисты в Европе, Абель-Ремюза, Сильвестр де Саси и другие признали публично Сенковского отличнейшим ориенталистом и *первым* знатоком истории и географии Востока.

Сенковский знает совершенно турецкий язык и арабский, как книжный, так и разговорный. Кроме того, он знает хорошо по-персидски и по-татарски. Из европейских языков он пишет с равною легкостию по-русски, по-польски, по-французски и по-италиански и знает сии языки совершенно. Он читает и переводит с языков испанского, немецкого и английского. Вообще филологические познания и ученость Сенковского

поставляют его в число необыкновенных людей, и можно смело сказать, что едва ли в Европе есть другой человек, который бы знал столько языков и так совершенно, как Сенковский.

Но должно при сем сказать, что характер его не соответствует его необыкновенному уму и познаниям. Он человек беспокойного нрава, честолюбив и самолюбив до крайности, спорщик с гордости и неуживчив с людьми. Во время своего деканства в университете он надоел товарищам и подчиненным строптивостию своего характера и для выказания своего усердия делал самые пустые и вздорные доносы. Сенковский не любит хорошо говорить о людях, даже оказавших ему благодеяния, и если знает, что может возвыситься или приобресть выгоды по службе, то не пожалеет лучшего приятеля. Он вкрадчив, скоро входит в фамилиарность и любит вредить людям, чтоб дать почувствовать свое могущество. Как драгоман, он может быть употреблен с величайшею пользою для службы. Но награждая его за службу, его надобно всегда держать в отдалении и не употреблять ни для каких дел, где только участь человека зависит от его свидетельства. Если следовать правилу, что из каждого человека надобно извлекать для пользы службы то, что составляет главное его качество, Сенковский единственный человек как драгоман — но лишь позволить ему действовать нравственно в делах — он тотчас употребит во зло малейшую частичку власти или доверенности. — Он чрезвычайно остроумен и весьма искусен в диалектах[2].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 190. Л. 1. Впервые опубликована нами: Тыняновский сборник. С. 264—265.

Записка написана в ответ на запрос III отделения, когда в апреле 1828 г., после начала русско-турецкой войны, Сенковский подал через А.Х. Бенкендорфа прошение царю о своем желании «быть употребленным» в Главной квартире действующей армии. На основе булгаринской записки был подготовлен положительный отзыв о Сенковском и доложен Николаю I вместе с его прошением (Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 190). В 1853 г., обращаясь к Л.В. Дубельту, Сенковский писал: «В 1828-м году имел я счастие, через посредство покойного генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и покойного М.Я. фон Фока, получить поручение — составить турецко-русские разговоры, приспособленные к военному употреблению, и коротенькую грамматику турецкого языка, с тем, чтобы турецкие слова были изображены русскими буквами без пособия затруднительного восточного письма. Труд мой удостоился тогда Высочайшего одобрения. Состоялось распоряжение о немедленном напечатании этой книги на счет канцелярии III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и об отправлении издания в главную квартиру действующей армии» (Там же. Л. 24). За подготовленную им «Карманную книгу для русских воинов в турецких походах» (СПб., 1828) Сенковский получил от императора бриллиантовый перстень.

[1]Булгарин неточен, Сенковский выехал из Вильны в путешествие по Востоку 1 сентября 1819 г. (см.: *Каверин В.* Барон Брамбеус. М., 1966. С. 10).

[2]Любопытно сравнить эту записку с характеристикой Сенковского, опубликованной Булгариным спустя двадцать лет: «Осип Иванович Сенковский получил классическое образование под руководством ученых, снискавших европейскую славу, и с юношеского возраста посвятил себя изучению восточных языков, не по особенной страсти собственно к языкам, но к Востоку вообще, т.е. к его истории, географии, этнографии, словом, к существованию древнему и новому восточных народов, наших предшественников в образованности. За двадцать семь лет пред сим, в первой молодости, О.И. Сенковский, имея уже достаточные сведения в арабском языке, отпра-

вился к знаменитому ориенталисту Ариде, жившему в каком-то монастыре, в горах Ливанских, и под его руководством изучил основательно древний и современный язык арабский и язык турецкий, путешествовал по Востоку, посетил Египет и Нубию и, прожив несколько времени в Константинополе, возвратился на родину. Сколько нам известно, О.И. Сенковский знает языки: греческий, древнееврейский, латинский, арабский (письменный и новый разговорный), турецкий, персидский, татарский, древнеисландский (на котором написаны саги), французский (на нем пишет он свободно), английский, немецкий, итальянский, испанский и все славянские наречия <...> Само по себе разумеется, что он не все эти языки знает в совершенстве, но на всех читает и все понимает, а для ученых трудов этого довольно <...> В критике литературной и по всем другим предметам наук О.И. Сенковский бесспорно занимает одно из первых мест в числе нескольких. Ум, остроумие, ловкая насмешка, при основательности познаний, делают страшными критики О.И. Сенковского. В критиках важных он неподражаем» (СП. 1848. № 30).

---

149 Рассуждения и толки

1

Указ о рекрутском наборе произвел сильное впечатление и много толков. Два набора один за другим весьма чувствительны в безлюдных провинциях России, тем более, что в числе 500 ревижских душ весьма немного найдется людей, способных к военной службе. Самое большое горе помещиков происходит от того, что рекрутский набор назначен в рабочее время года. Во-первых, рекруты могут скрыться в лесах; во-вторых, хлопоты при наборе, стража, препровождение в город и вообще смута, бывающая при сих случаях, прервет сельские работы. Впрочем, здравомыслящие люди убеждены в необходимости укомплектования войск, в неизбежности войны, которой следствием будет продолжительный мир, коль скоро соседи наши удостоверятся, что с Главою Империи Российской нельзя шутить в делах политики и оскорблять права подвластного ему народа. По слухам, дошедшим сюда из Лифляндии и Эстляндии чрез помещиков, собравшихся в Дерпте по случаю проезда Великой Княгини Елены Павловны, в сих провинциях весьма здраво рассуждают о сем предмете и спокойно, хотя с горестию покоряются обстоятельствам; но помещики беспокоятся, чтобы мужики не бежали в леса, как то всегда случается во время летних рекрутских наборов. — Польские жиды в Риге приведены в ужас сим известием и многие из них, оставив дела, поспешили в домы. — Из внутренних губерний еще не получено слухов на сей счет, но пребывающие здесь русские помещики весьма опечалены и жалуются на малолюдность и безденежье. Одно утешает русских, что этот набор делается для войны с турками, на защиту единоверцев, греков, для войны давно желанной и ожиданной, и что правила Государя брать деньгами вознаграждение за издержки умножит капиталы обращением золота, после успешного окончания войны, в чем не сомневаются, исключая малого числа фрондеров, смотрящих на все в увеличительное стекло. Народная гордость также утешается тем, что Россия действует сама собою и наконец выбилась, силою характера Государя, от влияния Меттерниха и Австрии, ненавидимых Россиею. — Итак, нравственные причины облегчают тяжесть сего горестного обстоятельства и голос рассудка заглушает вопли соболезнования.

2

Из Грузии получены частные известия о ссоре между армянским патриархом[1] и графом Паскевичем-Эриванским. Причиною сего неприятного обстоятельства есть генерал Красовский, который явно возбуждает почетнейших жителей против графа Паскевича и на публичных аудиенциях говорит им с самохвальством, что хотя главнокомандующий не благоволит к ним, но он, Красовский, будет ходатайствовать за ними у Государя Императора. Впрочем, об администрации генерала Красовского не слышно ничего дурного, и все поступки его, вредные пользам службы, приписывают неукротимому его самолюбию и личности против Паскевича, который, впрочем, обходится весьма хорошо, и даже слишком деликатно с Красовским. Прибавляют, что пока Красовский, подобно злому духу смущающий полудиких и грубых жителей закавказских, будет в тех странах, интриги не прекратятся и Паскевич всегда будет иметь сильную оппозицию между жителями.

3

Перемена в министерстве произвела сильное и благоприятное впечатление[2]. «Вот последние аракчеевские куклы повалились! — кричат громко. — Вот наконец Государь решился свалить колоды с дороги!» — Вообще недеятельность и усыпление двух министерств: просвещения и внутренних дел утомили Россию. На счет Закревского обнаружено общее мнение, ибо деятельность его, бескорыстие и важное достоинство окружать себя способными людьми всем известны. В Финляндии, как все уверяют, он был не на своем месте. В министерстве внутренних дел не надобно ничего сочинять и выдумывать, а только наблюдать за течением дел и исправностию, и для этого Закревский единственный человек. Он повернул дела быстро и круто. Господа директоры удивились, что министр не подписывает журналов, а требует вперед справок и объяснений и велит давать отчеты, почему дела пролежали по-пустому по несколько лет и месяцев. Закревский нашел чрезвычайный беспорядок в канцелярии бывшего министра и в исполнительном департаменте. Некоторые дела не решены в течение 16 лет, а почти каждое дело лежит в канцелярии по несколько месяцев, прежде нежели возьмутся за него. В министерстве ужасные хлопоты и суеты. Один только директор Стог истинно деятельный и умный человек, прочие все неспособные, ленивые или корыстолюбцы, а это не согласуется с деятельностию и бескорыстием Закревского, который сам работает и требует, чтобы все работали[3]. — Все много ожидают и надеются от министерства Закревского.

Князя Ливена не все знают. Ученые и литераторы пророчествуют хорошее по устройству, порядку и успехам в науках Дерптского университета. Публика боится, чтобы снова не завелся у нас по учебным заведениям мистицизм и чтоб тартюфы под предлогом водворения веры снова не овладели литературою. На этот счет так уже напуганы, что кто только говорит беспрестанно о вере и нравственности — тому не верят и того боятся. — В министерстве просвещения весьма мало способных людей. Лучших разогнал Магницкий злобою, а Шишков бездействием. С нетерпением ожидают, кем окружит себя князь Ливен, ибо интриганты уже начали работать, чтоб уловить добродушие князя. Вообще, общее мнение еще не произнесло своего приговора насчет князя Ливена. Русские говорят: «Немец!», просвещенные люди шепчут: «Страшно, мистик!» — но все соглашаются, что князь честный

и благонамеренный человек, любящий науки, и на этом основывают свои надежды в будущем. Все зависит от того, как он окружит себя.

4

Возвышение Грибоедова на степень посланника[4] произвело такой шум в городе, какого не было ни при одном назначении! Все молодое, новое поколение в восторге. Грибоедовым куплено тысячи голосов в пользу правительства. Литераторы, молодые способные чиновники и все умные люди торжествуют. Это победа над предрассудками и рутиною. «Так Петр Великий, так Екатерина создавали людей для себя и отечества», — говорят в обществах. Возвышение Дашкова и Грибоедова (при сем вспоминают о Меншикове, Сухтелене и других способных людях, заброшенных в прежнее время) почитают залогом награды дарованиям, уму и усердию к службе. Должно прибавить, что Грибоедов имеет особенный дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил, и Грибоедовым связаны многие люди между собою. Приобретение сего человека для правительства весьма важно в политическом отношении. Натурально, что при сем случае появилось много завистников, но это глас, вопиющий в пустыне.

Вообще теперь раскрыта важная истина, что человек с дарованием может всего надеяться от Престола, без покровительства баб и не ожидая, пока преклонность лет сделает его неспособным к службе, когда длинный ряд годов выведет его в министры.

Везде кричат: «Времена Петра!»

5

Получены письма из Подольской губернии, будто бы в армии много больных. В Могилеве якобы 7000 больных; в Каменце будто нет более места и дома губернатора и председателя взяли под госпитали. Добрые люди трепещут о здоровьи Государя и боятся, чтоб Он по врожденной смелости и человеколюбию не вздумал осматривать госпиталей. Боже избави нас от того!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 5—6, 8—11; Оп. 4. Ед. хр. 14. Л. 1. 4-й раздел опубликован М.М. Медведевым: ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 486—487. Записка, судя по содержанию, была подготовлена в начале мая 1828 г.

[1]Патриархом российских армян был в то время Иоаннес.

[2]Имеется в виду увольнение А.С. Шишкова (см. об этом примеч. 3 к записке № 147) и министра внутренних дел В.С. Ланского (рескрипт об этом от 19 апреля был опубликован лишь 1 мая). Ланского сменил Закревский, занимавший до этого пост финляндского генерал-губернатора.

[3]Во «Всеподданнейшей записке о положении управления министерства внутренних дел», датированной 6 июня 1828 г., Закревский писал императору: «Прежде всего я осмотрел канцелярию, департаменты и прочие установления, непосредственно принадлежащие к министерству. Не смею умолчать, что почти везде встретил я не то благообразие, какое правительственным местам прилично. Казенные здания заняты были большею частию под квартиры чиновников; установления же, напротив, рассеяны по городу в наемных домах» (Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891. С. 479). Насчитав почти две с половиной тысячи нерешенных дел по министерству, Закревский констатировал, что «большая часть дел,

из коих иные продолжаются слишком 12 лет, не окончены или по медлительному приступу к производству, или по упущению долгого времени как на понуждение подчиненных министерству мест и лиц, так и на напоминание равным. Я принял меры с одной стороны к возбуждению вне министерства таких дел, которые, так сказать, там закоснели, с другой — к живейшему движению оных в самом министерстве, а дабы успех в решении прежних был менее сомнителен, я приказал, чтоб впредь до времени чиновники тех установлений, в коих наипаче замечена мною слабость в делопроизводстве, собирались к должностям своим и после обеда с 6 до 10 часов, кроме воскресных и табельных дней, и чтоб никто из них не был увольняем ни от службы, ни в отпуск без моего разрешения, пока все не вступят в порядок, требуемый постановлениями» (Там же. С. 480).

Через две недели, 14 мая, Закревский писал своему другу М.С. Воронцову: «...нашел министерство в столь плохом и усыпленном состоянии, что, право, не знаю, достанет ли сил и здоровья, чтобы привести все в надлежащий порядок и дать делам деятельное и законное течение. По крайней мере, все мои старания обращены на достижение этой цели, и я, будучи принужден заниматься с утра до ночи, не имею почти свободной для себя минуты» (Цит. по: Река времен. Кн. 1. М., 1995. С. 52). О.А. Пржецлавский, служивший тогда в канцелярии министерства внутренних дел, вспоминал позднее, что с назначением А.А. Закревского «для всего ведомства настала новая эра — эра полнейшего милитаризма <...> Не только в механизме общего управления, но и в мельчайших подробностях службы введена строгая дисциплина и щепетильный формализм <...>. По всему видно было, что граф Закревский предубежден был против вверенной ему части; он предполагал, что она была в запущении и что во всем управлении царствовала распущенность. Он положил себе задачею все ведомство заключить и держать в ежовых рукавицах<...> В нашей канцелярии решенные дела, почти с самого учреждения министерств (1811 год), не были приведены окончательно в требуемый правилами порядок и не были сданы в архив. Для этого нужно, чтобы все входящие и исходящие бумаги были подшиты в хронологическом порядке, листы перенумерованы и скреплены по краям столоначальником; чтобы на последнем листе, за подписью начальника отделения и за скрепою столоначальника, означено было прописью число листов, и наконец, чтобы к первому листу приложена была подробная опись всем составляющим дело бумагам, с означением числа, нумера и количества листов каждой. Так, приведенные в порядок решенные дела, на случай их возобновления, хранятся еще в течение трех лет по столам, а затем уже сдаются, при особом списке, архивариусу под его росписку. Когда это делается постепенно и в свое время, то оно необременительно; но можно себе представить, в какую египетскую работу формальность эта превращается, когда придется исполнить ее за каких-нибудь 17 лет сразу и в назначенный, скупо рассчитанный срок. И вот что на нас, злополучных столоначальников, упало как снег на голову в 1828 году. Министр повелел заняться тотчас же приведением решенных дел в порядок для сдачи в архив и окончить эту работу сколь возможно скорее. Вместе с тем объявлено было А.А. Закревским, что в течение года никто из столоначальников не может просить об увольнении ни в отставку, ни даже во временный отпуск. Дабы от таких занятий не останавливались в своем ходе текущие дела, приказано было чиновникам, кроме <...> утренних часов службы (с 10 до 15 часов. — *А.Р.*), собираться в канцелярию в 6-ть часов и оставаться до 10-ти вечера, под наблюдением экзекуторов» (*Пржецлавский О.А.* Воспоминания// РС. 1874. № 12. С. 683, 687—688).

[4]Грибоедов был назначен полномочным министром в Персию 25 апреля 1828 г.

150 Секретная газета [9 мая 1828]

1

Министр внутренних дел генерал Закревский продолжает осматривать департаменты, подведомственные его министерству, и почти везде находит крайние беспорядки и запущения. Самые большие беспорядки,

нерадения и противозаконности найдены им в медицинском департаменте, у директора Коржевского, и в общей канцелярии министра у директора Михайлова. Некто, начальник отделения в медицинском департаменте, Евдокимов, женатый на побочной дочери В.С. Ланского, занимавший для жалования два отделения и получивший в короткое время множество отличий по службе, до такой степени оказался нерадивым и не знающим своего дела, что Закревский решился было посадить его на гаубвахту, но после простил[1]. Закревский, осмотрев раз архив, должен был указывать директору медицинского департамента и его начальникам отделений, где находятся их дела, о коих они не имели понятия, предоставляя сторожам относить дела связками в архив, без всякого порядка. Закревский в медицинском департаменте объявил в присутствии, что ему известны все злоупотребления, взятки из лавочек и плутни при торгах, и что он употребит всю власть, если все это не будет прекращено, от минуты вступления его в министерство. — В общей канцелярии министра Закревский также явно сказал, что он знает, каким образом оттуда сообщаются все тайные дела подсудимым, как здесь определяются чиновники, словом, открыл все действия. Господа директоры, уличенные в глаза, бледнели и молчали. Закревский объявил по министерству, что он никого не выпустит в отставку прежде, пока все дела не будут очищены и приведены в порядок. «Вы сами, господа, запустили все и загадили, вы же и вычистите, а тогда с Богом! Государь вам не даром платил жалованье, награждал чинами и орденами». Вот его слова[2]. Публика в восторге. Взяточники и ленивцы в страхе и трепете.

2

Князь Ливен ни одним решительным действием не ознаменовал еще своего министерства. Публика молчит и ожидает: что будет. Многие боятся и шепчут: «Гернгутерство[3], мистика, библии!»

3

Насчет отставки Шишкова сочинена небольшая радостная песенька. Представлено, будто Шишков сидит в Российской академии и пародирует известную свою песеньку для детей, сочиненную им в молодости.

Пародия	*Настоящая песня*
Хоть в России и умненько, В Академии глупенько, Но и в луже Нам не хуже, Здесь Хвостовы, Соколовы[4] и т.д.	Хоть весною и тепленько, А зимою холодненько, Но и в стуже Нам не хуже, В зимний холод Всякий молод и т.д.[5]

За сим следует пародическое исчисление занятий Академии и министерства — равное нулю. — Трудно изъяснить радость публики о смене Шишкова и Ланского. Это драгоценный подарок общему мнению. Когда в обществах изъявляют сомнения на счет князя Ливена — один ответ: «Уж хуже Шишкова не будет».

4

Вот как Паскевич принял царские милости. Выписки из письма его к Грибоедову, сообщенные одним другом его, с показанием подлин-

ного письма. «Я получил первое письмо твое из Петербурга, любезный Александр Сергеевич. Как ты меня обрадовал и собою и мною. Милости, излиянные Государем, неизъяснимы[6]. Я никогда не думал, чтоб малые мои заслуги того стоили. Восхищение мое было чрезмерно». — Далее следуют жалобы на климат, на докторов тамошних, на свою болезнь колотье в ухе, и приглашение усиленное Грибоедова на войну, по его обещанию. — Письмо от 12 апреля из Тифлиса.

5

Сюда переселились из Москвы два поляка, первый польский поэт *Мицкевич* и друг его *Малевский*[7], принадлежавшие некогда к студентскому виленскому обществу филаретов, за что они, вместо наказания, высланы из Литвы на жительство в Россию, в 1824 году. По достоверным сведениям общество сие не имело никакой возмутительной цели. Главные его правила были: учиться, не пить, не играть в карты, помогать своим товарищам; а политическая цель была, чтоб распространять польскую национальность. Мицкевич и Малевский — люди образованные, тихие, скромные, ведут себя отлично в отношении нравственном и политическом и вовсе исцелились от своей школьной политики. Московский военный генерал-губернатор князь Голицын особенно их покровительствует и неоднократно ходатайствовал за ними. По ходатайству князя Голицына Малевский, как искусный законник и магистр прав, определяется в сенатские Метрики, где он будет весьма полезен Сперанскому при составлении свода польских законов[8]. Сперанский знает о достоинстве Малевского. — Мицкевич ищет себе места в министерстве внутренних дел[9]. — Казалось бы лучше всего, чтоб не мешать переселению этих смирных молодых людей из Москвы в Петербург. Во-первых, этим правительство получит много приверженцев между молодыми поляками; во-вторых, пора бы предать забвению детские проступки; в-третьих, если Мицкевич и Малевский так хороши, как об них со всех сторон относятся, то они не только не сделают вреда, но произведут пользу в Петербурге, поселяя в юношестве хорошие правила; если же окажется, что образ мыслей их не таков, как о том свидетельствуют, то здесь лучше и удобнее за ними наблюдать и, в случае нужды, принять свои меры. В Москве же между молодыми людьми пребывание их не может быть полезно, ни им самим, ни другим, ибо дух московского юношества известен.

6

Здесь расходятся слухи между поляками, якобы минский губернатор Гецевич находит невинным прокурора Ботвинку и будто девица Любриевичева принуждена была подписать сознание, что она научена к доносу врагами Ботвинки[10]. Губернатор Гецевич якобы сознался между приятелями, что ему велено оправдать Ботвинку, яко спасителя жизни Цесаревича. Известно между прочим, что Ботвинко никогда не был спасителем жизни Цесаревича и что он под розгами заставил мальчишек оговорить себя в умысле на жизнь Цесаревича и вовлек их к признанию хитросплетенными вопросами[11]. — Известие сие представляется как слух.

7

Обер-секретарь 3-го департамента Сената, Попов, объявил вчера (5-го мая), что он командирован на следствие в Москву с министром

Канкриным. — Все удивляются, что Попов, известный взяточник, избран, как он говорит, самим Государем. — Попова можно уличать во взятках, ибо есть живые люди, которые давали ему и даже отнимали деньги, за неустойку в слове и обманы. Попов был секретарем в 1 департаменте Сената при прежних откупах и состоял на жалованьи Перетца. После того он был вместе в подрядах с Перетцом по водяным комуникациям. Эту командировку, без сомнения, как уверяют, доставил Попову Перетц[12].

8

Между пребывающими здесь жидами носится слух, что скоро будет разрыв с Австриею и якобы им пишут о сем из Галиции. Говорят, что австрийские офицеры явно хвастают, что они пойдут в Россию и не замерзнут, как французы.

9

а) Награда орденом Св. Владимира 3-й степени начальника канцелярии министра юстиции, Солоницына, и юрисконсульта Солодовникова произвела ужасный шум и ропот между всеми чиновниками, которые имеют право на репутацию. Некоторые обер-прокуроры явно говорят, что после этого стыдно надевать кресты. Солоницын столь явный взяточник и такого развратного поведения, что приводит в соблазн каждого. Даже сам князь Долгорукий в переписке с генералом Бенкендорфом объявил, что он не ручается нимало за честность Солоницына и слышал об нем неблагоприятные вести, а между тем награждает его без всякого отличия по службе. Эта канцелярия министра юстиции настоящее разбойничье гнездо, как единодушно отзываются просители, кои уверяют, что они никогда еще так не страдали. Князь Долгоруков обманываем на каждом шагу, и когда его о сем уведомляют, то он гневается и отвечает грубо; когда же докажут, то говорит, что он и сам знал это, или намерен был исправить.

в) Обер-прокурор 3-го департамента Сената Владиславлев обманул надежды многих[13]. Открывается, что он хитрец и интригант. Он сам не берет денег, а только дает всем двусмысленные ответы. Известный взяточник Леликовский, обер-секретарь 3-го департамента, служил у него фактором. Он дружен с женою Владиславлева и делится с нею взятыми деньгами. В одном деле (которого подробности будут вскоре сообщены) сии господа обнаружили совершенно свою интересную связь и, так сказать, пойманы на деле[14].

10

Между настоящими русскими, т.е. в среднем классе, приметно одно только неудовольствие, а именно, что в Декларации о войне[15] не сказано, что Россия намерена освободить своих единоверцев греков от ига мусульманского. Патриоты говорят, что не худо бы издать к народу манифест в русском духе, по случаю рекрутского набора, и вспомнить о греках. Это оживит умы. «Что бояться нашему хвату, Николаю? — говорит купечество. — Он свергнул с себя татарское иго Меттерниха, и зачем ему затмевать свой откровенный, чистый характер дипломатическими тонкостями. Пусть потребует: Россия даст Ему и денег, и людей, чтоб не быть только под чужеземным влиянием».

13

Из Москвы пишут, что со времени обнародования Манифеста о войне с Турциею[16] все сословия заняты разговорами о сем предмете. Говорят, что все это кончится ничем, ибо султан[17], увидя решительные меры нашего Государя, верно одумается и согласится на все требования нашего правительства, а иначе принужден будет силою, так же как и персидский шах[18], и сверх того поплатится своими пиастрами.

Военные с восторгом кричат: «Война! Война! Пойдем драться! Чины, кресты и другие награждения рекой польются, и наши войска также наподобие реки наводняют турецкие области. Война необходима; турки узнают вновь русских и нескоро захотят опять нарушить мирные договоры».

Купцы, рассуждая о султане, говорят своим языком: «Махмут — истребитель янычар, а Николай — истребитель истребителя; у нас недолго будут думать, рече и быша, повеле и создашася[19]: ребята, вперед по-Суворовски! и Махмутова борода очутится на красном крыльце. Государь сам поехал в армию, Он шутить не будет, и посмотрите, кончится тем, что басурманская луна попадется в когти нашему «Орлу».

Наконец греки, коих большое число в Москве, пророчествуя несомненную победу, утверждают, что Император Николай Павлович послан от Бога для искупления их Церкви из рук варваров.

«Секретная газета» от 9 мая 1828 г. переписана Фоком. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 28—39, 43. Раздел 5 опубликован Б. Модзалевским: Пушкин и его современники. Вып. 36. Пб., 1923. С. 31—32; раздел 3 опубликован нами: НЛО. 1993. № 2. С. 144—145. Разделы 11 и 12, написанные по-французски, не атрибутируются нами Булгарину.

[1]В январе 1829 г. Г.Е. Евдокимов был отстранен от должности, а И.П. Коржевский вообще уволен со службы.

[2]О действиях Закревского в министерстве внутренних дел см. примеч. 3 к записке № 149.

[3]К.А. Ливен принадлежал к протестантской секте гернгутеров.

[4]Имеются в виду Д.И. Хвостов и П.И. Соколов.

[5]Булгарин не совсем точно цитирует стихотворение А.С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (см.: *Шишков А.С.* Собрание сочинений и переводов. Ч. 1. СПб., 1818. С. 143).

[6]Указом от 15 марта 1828 г. Николай за заслуги в русско-персидской войне возвел Паскевича в графское достоинство с наименованием его графом Паскевичем-Эриванским; Грибоедову же был пожалован чин статского советника, кроме того он был награжден орденом Анны 2-й степени с алмазами и 4 тысячами червонцев.

[7]А. Мицкевич и Ф. Малевский переехали в Петербург в декабре 1827 г.

[8]Термин «метрика» со времен средневековья обозначал в Польше и Литве книги с копиями документов, вышедших из центральной канцелярии. Часть материалов Литовской метрики была в 1796 г. привезена в Петербург, с 1805 г. они были сосредоточены при канцелярии 3-го департамента Сената и образован штат постоянных сотрудников, метрикантов, осуществляющих хранение и использование этих документов (см.: *Хорошкевич А.Л.* Литовская метрика, состав и пути формирования// Исследования по истории литовской метрики. М., 1989).

[9]Это неверно, Мицкевич хотел перейти на службу в Коллегию иностранных дел (см.: *Вержбовский Ф.* К биографии Адама Мицкевича в 1821—1829 годах. СПб., 1898. С. 92).

[10]О деле Ботвинко см. также записки № 74, 88, 103, 128, 137, 156.

[11]См. примеч. 7 к записке № 156.

[12]На записке карандашная резолюция царя: «Представить г[рафу] Толстому узнать, что за командировка, я про нее знать не знаю» (на время своего отсутствия Николай назначил П.А. Толстого главнокомандующим в Петербурге).

[13]О Владиславлеве см. также записку № 29.

[14]На записке карандашная резолюция царя «Г[раф] Толстой в праве изобличать».

[15]Имеется в виду «Декларация о причинах войны и обстоятельствах, ей предшествовавших» от 14 апреля 1828 г., изданная министерством внутренних дел и приложенная к № 16 «С.-Петербургских сенатских ведомостей» за 21 апреля 1828 г.

[16]Манифест о начале войны с Турцией был подписан Николаем 14 апреля и опубликован 21 апреля 1828 г.

[17]Имеется в виду Махмуд II.

[18]Имеется в виду Фетх-Али-шах.

[19]Пс. 148. 5 (церковно-славянский текст).

---

151 Секретная газета [16 мая 1828]

7

3-й департамент Сената находится в настоящем расстройстве; все секретари и обер-секретари, понажившись, бегут прочь. Обер-секретарь Леликовский, известный взяточник, спился с кругу и бесстыдничает до крайности. Недавно сенаторша Резанова подала на него просьбу министру юстиции, что, будучи ее поверенным, изменил ей и продал ее бумаги поверенному противной стороны Иеничу. Обер-секретарь Попов, знаменитый взяточник, едет на следствие в Москву с графом Гурьевым, свидетельствовать, точно ли взял московский Сенат взятки по делу донскому. В публике ужасно негодуют и насмехаются. «Славное будет следствие, сделанное взяточником над взяточниками!» — говорят почти в глаза Попову. — Прежде было разглашали, что Попов едет с Канкриным на следствие, и сей слух произошел от того, что Перетц сам расхвастал, что он рекомендовал Попова в протекцию Канкрина.

В Сенате дела идут по-старому: сдирают с просителей, но весьма осторожно, а жаловаться некому[1].

8

Митрополит Филарет рассказывал публично следующий анекдот: «Приезжает ко мне секретарь Академии Российской Соколов и привозит к подписи список выбранных без меня членов. Вижу в списке греческого попа Экономоса, человека почтенного, но не заслуживающего быть членом Российской академии, потому что не знает ни слова по-русски. Вижу имена многих плохих литераторов и ни одного известного, заслуженного в литературе имени не встречаю[2]. К удивлению моему, нахожу между прочими имя одного простенького попа, или, лучше сказать, добренького дурачка, который с трудом разбирает грамоту. «Этого человека за что пожаловали в академики?» — «Уж непременно надобно, — отвечает секретарь, — он венчал Шишкова с нынешнею его супругою![3]» — «Вот какие люди управляли Россией!» — прибавил Филарет, кончив анекдот.

9

У одной богатой дамы, родственницы двух сосланных по делу 14 декабря, в самом тесном семейном кругу находился тридцатилетний друг дома. Сердитая или, лучше сказать, глупая дама стала называть Государя тираном, по своему обыкновению. Друг дома, старик, честный немец, рассердился. «Я молчал год, — сказал он, — но более не могу: наказав виновных, Он исполнил закон, как правосудный судья, а тиран — вы!» Дама требовала объяснения. «Вы, сударыня, тиран! — воскликнул немец. — Я докажу вам это. 20 лет тому назад ваш парикмахер Еремей сделал брюхо вашей горничной Луизе. Оба они упали к ногам вашим и именем всего священного заклинали обвенчать их. Что же вы сделали? Еремея отдали в солдаты, где он лишил себя жизни от отчаяния, а бедную брюхатую девку отдали насильно замуж за ненавидимого ею пьяницу, от чего она исчахла и также умерла. Вот что называется тиранство! Напротив того Государь исполнил свой долг, как Государь, как честный человек и как судья, он наказал виновных, а с их семействами поступил он как с родными своими. Я плачу о вашей родне, но мы более бы плакали, если [бы] им удалось попроказить трое суток, после 14 декабря. Государь спаситель всех нас, вас и меня в том числе — а не тиран. Теперь вы знаете, что значит тиранство». Старик взял шляпу и ушел с досады. Замечательно, что этот старик лишается главного своего дохода за сию правду; но вот до какой степени честные люди уверены в правоте Государя.

10

Прокламация графа Виттенштейна к молдаванам и валахам появилась в берлинских газетах прежде, нежели в Петербурге, произвела ужасный шум и негодование в патриотах и дала обильную пищу фрондерам. «Как, — вопиют они, — разве нужно рапортовать в Берлин, что у нас делается! Разве русские должны *работать* для иностранных известий?» Даже негодуют, что в «Journal de St. Pétersbourg» появилась прокламация, а в других газетах *поныне не было*, ибо официальных бумаг другие журналисты переводить не смеют. «Опять война для иностранных газет!» — кричат фрондеры. Добрые русаки говорят только: «Жаль, что нашего доброго и истинно русского Царя или обманывают, или сбивают». — Словом, не было столько толков от больших вещей, как от сей безделицы. Народное самолюбие тронуто. Русские уверились, что Царь действует Сам и ни на кого не смотрит — а это вводит их в заблуждение. Впрочем, и благоразумные люди сим недовольны. Все говорят: почему в *русском царстве* все договоры и важнейшие вещи *сперва* публикуются по-французски, а *потом* по-русски, как будто ради Христа. Можно бы подождать сутки для перевода и пустить вместе. — Припоминают, как Екатерина умела возбуждать дух народный![4]

11

Сын бывшего государственного секретаря Оленина[5], служивший в Главном штабе и бывший за границею, определился в Азиатский департамент. — Фанфаронством своим и гордостию он скоро надоел всем. Родофиникин хотел присмирить его гордость и сделал таким образом:

Родофиникин: Вы с какого языка можете переводить?

Оленин: Почти со всех древних и новых, особенно с греческого.

Родофиникин: Прекрасно! Жаль, что я забыл мои очки: скажите мне, на каком языке написана эта бумага?

Оленин вертел бумагу в руках, но не мог отгадать. Тогда Родофиникин подозвал к себе одного чиновника и спросил его, на каком языке писана бумага. Вышло, что это *именно по-гречески*! Поднялся смех. — «Я знаю, — сказал Родофиникин, обернувшись к своему чиновнику, — что в Публичной библиотеке, где начальствует отец г. Оленина, есть чиновник Попов, знающий хорошо по-гречески: он переведет для сына из послушания отцу; отошлите г. Оленину бумагу». — Вот как служат les protégés[6]!

12

а) Купцы и менялы говорят, что платиновые деньги пошли бы в курс, как скоро привыкли бы к звону сей монеты, если б только на сей монете сделан был другой штемпель, совершенно отличный от нынешней серебряной монеты; например, с портретом Государя. Ныне боязнь ошибиться по сходству с четвертаками удержит многих, а портрет Государя возвысил бы монету.

в) Из Одессы получено здесь письмо одним поляком, что туда привели семь турецких судов, взятых русскими в устье Дуная, и что все жители Одессы радовались сему первому морскому триумфу в сию войну.

13

Здесь под секретом появилась на польском языке адвокатская защита польского подсудимого по политическим делам, Маиевского, печатная, с письменным пояснением[7]. Из оного видно, что все подсудимые отвергают свои сознания в первой Комиссии[8]. Капитан Маиевский говорит: «Рядом со мною сидел в тюрьме подольский помещик Собанский. Я слышал его вопли и стоны, слышал, как его пытали под ударами, и когда мне угрожали тем же, подписывал все, что хотели». — В письменном пояснении сказано: «Известно, что в Варшавской Следственной комиссии мучали и секли обвиненных из провинций, присоединенных к России, потому, что они по русскому производству такого рода дел уже никогда не предстанут пред суд и не могут жаловаться. Обывателей русских провинций мучили, чтоб настращать поляков конституционных».

За верность сего известия не ручаемся, но сообщаем верно, что получено здесь тайно из Варшавы. Замечательно, что королевский прокурор ничем не опровергает показаний Маиевского, как одною фразою: «Сие не доказано г-м Маиевским, а если б и было доказано, то все преступление не будет от того меньше, что секли его товарища». — Положение поляков вообще возбуждает ныне соучастие в злейших их врагах. Русские говорят о Варшаве, о Новосильцове — явно, ругают и клянут без воздержания[9].

«Секретная газета» от 16 мая 1828 г. переписана Фоком. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 67—71, 73. Разделы 8 и 9 опубликованы нами: НЛО. 1993. № 2. С. 144—146. Разделы 1—6, 14—15 представляют собой выписки из писем, тексты на французском языке и др., не атрибутируемые нами Булгарину.

[1]О «деле донском» см. примеч. 3 к № 77. На записке карандашная резолюция царя: «Об этом поручить г[рафу] Толстому подробнее узнать и, если справедливо, объявить Комиссии, что по сей причине я приказал нарядить другого».

[2]Выборы новых членов в Российскую академию состоялись 17 марта 1828 г., по получении голосов отсутствовавших членов результаты выборов были утверждены 5 мая. Были избраны В.А. Поленов, П.А. Загорский, П.А. Ширинский-Шихматов, А.И. Стойкевич, Д.С. Чижов, М.Е. Лобанов и три протоиерея — И.С. Кочетов, Г.И. Мансветов и П.Н. Мысловский, из которых лишь последний не имел к тому времени опубликованных книг (он являлся священником Казанского собора). Греческий священник и ученый-языковед К. Экономос приехал в Россию в 1821 г., изучал русский язык и написал книгу «Опыт в ближайшем сродстве славяно-российского с греческим» (В 3 т.; СПб., 1828, перевод с греческого). 14 апреля 1828 г. он был избран почетным членом Российской академии.

[3]Имеется в виду вторая жена Шишкова — Юлия Лобаржевская (урожденная Нарбут), с которой он венчался 20 октября 1826 г.

[4]На записке резолюция царя: «Велеть печатать вместе в «Инвалиде» и в французском журнале» (т.е. «Journal de St. Pétersbourg»).

[5]Имеется в виду Алексей Алексеевич Оленин.

[6]протежируемые (*фр.*).

[7]Ф. Маевского, участника польского национально-освободительного движения, судил в это время (как и многих других поляков) Сеймовый суд в Варшаве.

[8]См. примеч. 1 к записке № 68 и примеч. 1 к записке № 111.

[9]На записке резолюция царя: «Г[рафу] Толстому обратить внимание, чтобы подобных бумаг по публике не бегало; а когда всю сволочь привезут, то по заведенному у нас порядку дозволить им писать, что хочут».

---

152 Секретная газета [23 мая 1828]

1

a) Внезапно разнесся слух, якобы всех поляков неслужащих, пребывающих в Петербурге, велено выслать в свои провинции. Слух сей, наделав страху и шуму, упал сам собою. Источник оного известен.

b) Генерал Бутурлин жестоко вопиет и жалуется, что его не употребили в нынешнюю войну. Он предсказывает большие несчастия от того, что мудрость его не руководствует операциями. Он говорит, что в сентябре пойдет в отставку, прибавляя: «On ne veut plus de nous!»[1] — Кто это такие nous[2]!

2

Лютеранские и протестантские пасторы, а равно и все честные люди сих исповеданий находятся в совершенном восторге, что от управления духовными делами в их консистории исключили светских людей и поручили дела духовным лицам. — Известные интриганты, каков Пезаровиус и прочие, наделали много зла, а теперь не в состоянии. Однако ж пасторы ужасно боятся князя Ливена или влияния его на Блудова, по званию начальника. Известно, что лютеране и протестанты страшатся столько же гернгутеров, как и иезуиты, и каждый протежирующий гернгутеров для них ужасный человек. Пасторы недовольны одним только, что их епископ Цигнеус совершенно глупый человек, и радуются известию, что Государь хочет выписать епископа из Кенигсберга, человека всеми уважаемого. Недавно Цигнеус сочинил молитву, которую велел читать публично по церквам. В сей молитве сказано было, чтобы просить Бога помогать в войне за Веру. Молитва сия была сочинена в том духе, как проповеди Петра Пустынника во время крестовых походов. Пасторы однако ж отсоветовали Цигнеусу читать эту молитву, и она уничтожена.

3

Разнесся слух и, кажется, справедливый, что членам Государственного совета запрещено принимать записки по делу от просителей. Эта мера приводит в отчаянье несчастных тяжущихся, закрывая им все пути к открытию истины и отдавая их участь совершенно на произвол делопроизводителей. — «Каким образом правда может достигнуть теперь до ушей членов Совета?[3]» — говорят повсюду просители. — Прежде благонамеренный член Совета, взяв записки обеих тяжущихся сторон, мог сравнить противоречия и главные обстоятельства дела и законы мог поверить в подлинном деле. Говорят, что тяжущиеся пишут ложь и что им верить не должно. — Не верьте — но слушайте. В открытом судопроизводстве адвокаты говорят все, что придет в голову на защиту своих клиентов, и просвещенный судья выбирает только то, что законное и важное. У нас записки от тяжущихся заменяли место адвокатов. Иногда в этих записках обращаемо было внимание судей на такие обстоятельства и документы, которые делопроизводитель мог утаить или представить в превратном виде. И кто у нас делопроизводители в Совете? Белостоцкий, Трофимов, Петров, которые продают на фунты правосудие? Можно ли на них положиться?» — Вот что слышно повсюду, и можно утвердительно сказать, что эта мера impopulaire[4]. Читали ли члены Совета записки или не читали, но это средство служило по крайней мере утешением несчастным.

4

Н.С. Мордвинов играл роль Цинеаса на сих днях[5]. Пред ним стали говорить о надеждах на будущие успехи в войне в Турции. «Ну что же будет, когда мы займем Молдавию и Валахию?» — спросил он. — «Турки потребуют мира», — отвечали ему. «А если не потребуют?» — «Наши пойдут далее». — «А там что будет?» — «Возьмут Константинополь». — «А там что будет?» — «Восстановим свободное мореплавание, утвердим правление в Греции и возвратимся со славою домой». — «А если турки не согласятся ни на что, — сказал Н[иколай] С[еменович], — как их принудить?» — «Оружием». — «Но оружие остро с двух концов, — возразил он, — и если после надобно будет ворочаться ни с чем, то лучше бы ни с чем сидеть дома».

5

Странно, что один из созданных Государем людей, харьковский попечитель Алексей Перовский, весьма сильно вооружается против нового Цензурного устава[6] и вопиет против отставки Шишкова. Известно, что Перовский, даря жене Шишкова попугаев, цветы и деревья, и льстя старику, подбился к нему в такую милость, что Шишков хотел сделать его своим товарищем. Когда это не удалось, то Перовский составлял оппозицию против Блудова, вместе с Шишковым. Ныне, зная, что у Ливена интриги не удадутся ни лестью, ни попугаями, Перовский кричит как исступленный, что просвещение погибло с Шишковым и что немцы всем овладеют. Насчет Устава он говорит явно: «Нынешний Устав хорошо написан, об этом ни слова, но это кукольная комедия, обман, мишура. Его не будут исполнять и станут действовать посредством секретных инструкций цензорам. Напротив того, в прежнем Уставе видна была искренность, откровенность. Правительство явно высказало, чего хочет. Новый же Устав

есть полицейская сеть для уловления легковерных и обмана народа». — По счастию, вопли Перовского не произведут никакого действия. Он ненавидим за свою гордость и за возвышение без всякой заслуги. К тому же нравственность его возбуждает ужас в добрых людях. Известно каждому мальчику, что он живет как с женою с сестрою своею графинею Толстою и что она ездила прошлого года родить за границу. Об этом рассказывают даже домашние Перовского и слуги[7].

Впрочем, новый Цензурный устав произвел самое благоприятное впечатление. Радость и восторг литераторов безмерен. Вскоре целая публика возопиет в один голос — ибо еще Устав не разошелся по рукам.

6

Между приверженцами Государя, которых ныне множество, распространилось уныние. Все опасаются насчет здоровья Государя, и слова в известии об Его путешествии, что Он осматривал госпиталь[8], поражают ужасом. Боятся, чтоб Государь не заболел, зная Его неустрашимость. Климат там нездоровый, болезни, говорят, царствуют в армии, чума легко может распространиться и даже нарочно может быть распространена турками. Словом, все печалятся, и столица с нетерпением ожидает каждой новости о Государе. Сильно почувствовали, что нынешний Государь *необходимо нужен* для блага и спокойствия России. «У нас только и нужна *твердость духа* на престоле, — говорят все и везде, — от Петра не было такой души. Что будет с нами!» — Многие искренно плачут в семействах.

7

Следующие польские стихи, кои мы с большим трудом получили и которым прилагаем буквальный перевод, весьма редки; они сочинены виленским помещиком, бывшим капитаном польской службы Антоном Горецким (Górecki), человеком известной фамилии, пользующимся всеобщим уважением, и одним из лучших польских литераторов. — Получены здесь известия, что 12-го мая явился из Варшавы *Красной казак* и умчал с собою Горецкого в Варшаву. Это обстоятельство произвело сильное впечатление[9]. Красной казак присылается обыкновенно из Варшавы брать под стражу; он знаменит в Литве и прозван *Сибирским вестником: Le messager de la Sibérie.*

KONIE I FURMANI
(Bajka)

Z prawdą leźć komu w oczy? Broń mnie Panie Boże!
Czy ja szalony? Wolę bajki prawić:
Za bajki nikt się rozgniewać nie może,
A tymczasem niewinnie można się zabawić.

Pewnemu panu, jak się zwał nie pomnię,
Ale ma hrabstwa ogromne,
Piękne folwarki we wszystko obfiite,
Ma wielbłądy, ma stada koni rozmaitych.

Raz mu z dobr jednych zaczęli donodić:
Że rodzaj polskich koni na nic stał nie warty,
Wszystko chce tylko brykać i roznosić,
Taki się zrobił uparty,

Że trzeba przyjąć system srogości w rajtszuli,
Bo go dawniejsi rządy głaskaniem popsuli.
Pan co był bardzo w tej chwili zajęty,
Słał na morze swe okręty.

Gdy sam we wszystko wejrzeć czasu nie ma,
Kazał tam komuś rozpatrzyć rzecz całą;
A ten sobie myśląc mało,
Potwierdził nową systemę.

Tu się zaczęły piękne widowiska;
Smutne rumaków co dzień słychać rżenia,
Biją, katują niewinne stworzenia,
Aż krew z nich pryska.

A panu codzień raport posyłają nowy:
Że niczem krnąbrność niepohamowana;
Ustawiczne schadzki, zmowy;
Niedawno chciały źrebiąta zabić furmana.

Chodzą koniska, chude niby haki.
Oni donoszą: «Wierzgają rumaki!
Otóż to panie! Z dobrodziejstw twych zyski,
Nie bierz ich pierwej między twe zaprzęgi,
Póki ich w szkole nie ujeździm tęgiej.
Na twoje życie robią nawet spiski».

Młody pan znany z mądrości z nauki,
Miał więcej czasu wolnego w tej dobie,
Sam czytał raport i pomyślał sobie:
Cóż to, mnie oni prawią banialuki?

Dał go jednemu z dworzan co ma olej w głowie.
Ten, przeczytawszy, taką uwagę swą powie:
«Wiadomo panie, polski jaki rodzaj koni,
Wiatry wyściga po błoni,

Nie dzisiejszemu już są znane laty.
Niepotrzebna im rózeczka,
Pogłaskać tylko troszeczka,
To już gotowe lecieć na armaty».

A więc pan kazał śledzić. — Odkryto rzecz ładną:
Jaśnie wielmożne furmany
Żyją sobie gdyby pany.
A skąd biorą? Obrok kradną —

Raczą siebie winkiem drogim,
W karty grają, szumią, huczą;
A koników nic nie uczą,
Tylko ich biją batogiem.

Teraz ze strachu starszy furman chory,
I na twarzach forysi widać coś frasunek.
Lecz go tym razem wyleczą doktory.
Niecnaj zda z owsa rachunek!

ЛОШАДИ И КУЧЕРА

(басня)

Кому соваться в глаза с правдою?
Сохрани меня бог от этого,
Разве я с ума сошел? Лучше рассказывать побасенки,
А между тем можно позабавиться невинным образом.
За басни никто прогневаться не может.
Одному господину, не помню, как называли,
Но он имеет обширные графства,
Прекрасные мызы, изобильные во всем,
Имеет верблюдов и стада различных коней,
Однажды стали доносить из одного именья,
Что порода польских коней сделалась вовсе негодною;
Все только хочет брыкать и разбивать повозки,
Так сделалась упрямою,
Что надобно принять систему строгости в манеже,
Ибо прежние хозяева испортили коней ласковым обращением.
Господин, будучи в это время весьма занят делами,
Ибо высылал в море свои корабли,
Не имея времени сам вникнуть во все обстоятельства,
Велел кому-то рассмотреть это дело;
А тот, мало размышляя,
Утвердил новую систему строгости.
Тогда-то начались прекрасные зрелища.
Печальное ржание коней слышно ежедневно,
Бьют, истязают невинных животных,
Так, что кровь льет из них.
А господину всякий день посылают новый рапорт,
Что упорства ничем нельзя удержать;
Беспрестанные судьбища, заговоры;
Будто недавно жеребята хотели убить кучера.
Лошади, исчахлые, едва передвигают ноги,
А они доносят: «Разбивают кони!
Вот господин! какие следствия твоей доброты,
Не бери их прежде в твою упряжь,
Пока мы их не выездим в лихой школе.
Они даже делают заговор на самую жизнь твою».
Юный господин, известный мудростию и науками,
Имел то время более свободного времени,
Сам прочел рапорт и подумал:
Что это значит; они мне пишут вздор и гиль?
Отдал рапорт одному придворному, у которого эссенция в голове.
А тот, прочитав, сделал такое замечание:
«Известно, господин, какая порода польских лошадей,
Они догоняют ветры в степях
И известны своею добротою из старых времен,
Для них не нужно хлыста,
Надобно только поласкать немножко,
То готовы лететь на пушки».
И так господин велел исследовать,
Открыли прекрасные вещи:
Ясновельможные кучера
Живут как большие господа.
А откуда берут? Крадут фураж,
Упиваются дорогим винцом,
Играют в карты, шумят, веселятся,

А лошадок ничему не учат,
Только бьют их плетью.
Теперь от страха старший кучер болен,
И на лицах форейторов видно замешательство.
Теперь его и вылечат медики.
Но пускай-ка даст отчет в овсе.

11

Трудно выразить, с какою жадностию все состояния читают известия о путешествии Государя. Общее мнение, народная любовь теперь открылись в полной силе. Особенно последнее известие о переезде Государя за границу и осматривании постов под Браиловым произвело удивительное впечатление. С утра до 3-х часов пополудни народ толпился в типографии, где печатается «Северная пчела», чтоб покупать отдельные листки[10]. Издатели сей газеты имеют обыкновение раздавать даром важные известия, и ныне роздано более 400 листков, сверх взятых подписчиками. Но общие толки, согласные во всех состояниях, обнаруживая любовь к Государю, наводят грусть. Говорят повсюду: «Зачем Ему вверяться молдаванам, зачем приближаться к форпостам? Жизнь его принадлежит нам. С Ним сопряжено наше счастие, наше благо, наше спокойствие. Сын Его малолетен. Он сам утвердил Свой Престол силою Своего характера; кому может Он поверить сохранение Своего Престола? Он, как Петр I и как Генрих IV, сам создал Свое царство, исторгнув его из рук злоумышленников. Кто поручится, что может быть, когда не станет этой великой души, этой железной воли, этого неустрашимого характера? Нужна ли Ему слава? Она не под турецкими крепостями. Народ Его сделает все, что Он велит; но пусть Он бережет Себя для народа. Он только что пробудил Россию из летаргии, во время которой злодеи хотели умертвить Россию. Остается много. Надобно исцелить Россию от нравственного недуга: водворить правосудие, просвещение, истребить злоупотребления, которым нет конца. Этого никто не сделает, кроме Николая, ибо от Петра никто не имел такой твердости духа и такого проницательного ума на русском Престоле!» — Вот перечень речей народных в залах, гостиных, присутственных местах и на площадях. Голос злонамеренных не слышен в общем клике приверженцев. Весьма многие искренно грустят о Государе, как об отсутствии первого члена своего семейства. В семействах даже плачут, воспоминая об опасностях, которым Государь может подвергнуться[11]. Один вопрос при встрече: «Если не дай Бог — что с ними будет!» — Почувствовали все достоинство своего Государя! Просвещенное среднее сословие, литераторы и вообще читающий и пишущий класс особенно отличается ныне приверженностию к Государю, что весьма замечательно, ибо в прежнее царствование это было совершенно напротив. За верность сих известий ручаемся жизнию, и если угодно, можно сделать список множества лицам. Приведем один пример. У Грибоедова обедали несколько отличных людей весьма весело. Лишь только принесли листок, Грибоедов побледнел и слезы потекли в три ручья. Он сказал только: «Герой! Но что может быть с нами!» — и удалился в другую комнату. Гости от доброго сердца стали грустить, восклицая однако ж: «Петр I-й», «Что за человек!», «Вот настоящий русской Царь!» — Таких сцен можно насчитать сто, на одну какую-нибудь дурную.

12

Государь Император велел выпустить в армейские подпрапорщики морских кадет, которые дурно учатся. — Все морские офицеры от адмирала до мичмана согласны в том, что эта мера произведет совершенно противное действие, какого надеялись. В Морском корпусе мало кадет — охотников к морской службе, где чины идут весьма тяжело. Все воздыхают по армейской службе. Теперь, когда увидят, что средство к этому — *не учиться* — весьма многие станут нарочно лениться. Гораздо было бы лучше, если б сделали, как прежде предполагали, и отдали ленивцев в ластовые экипажи, или в рабочие роты, или даже в ботсманы во флот. Можно справиться, тогда удостоверятся, что общее мнение не только флотских офицеров, но и самих кадет.

«Секретная газета» от 23 мая 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 88—98, 104—106. Разделы 8—10 не атрибутируются нами Булгарину и не включены в публикацию.

[1]«Мы больше не нужны!» (*фр.*).

[2]мы (*фр.*).

[3]Имеется в виду Государственный совет.

[4]непопулярная (*фр.*).

[5]Плутарх писал о том, что, когда царь Пирр готовился к походу на Италию, его приближенный, оратор Киней (во времена Булгарина его имя читали как Цинеас) обратился к нему с такими словами: «“Говорят, что римляне народ доблестный <...> Если бог пошлет нам победу над ними, что дает она нам?” Пирр отвечал: «<...> Если мы победим римлян, то ни один варварский или греческий город в Италии не сможет нам сопротивляться, и мы быстро овладеем всей страной, а уж кому, как не тебе, знать, сколь она обширна, богата и сильна!» Выждав немного, Киней продолжал: «А что мы будем делать, царь, когда завладеем Италией?» Не разглядев еще, куда он клонит, Пирр отвечал: «Совсем рядом лежит Сицилия <...> и взять ее ничего не стоит <...>». «Что же, это справедливо, — продолжал Киней, — значит, взяв Сицилию, мы закончим поход?» Но Пирр возразил: «Если бог пошлет нам успех и победу, это будет только приступом к великим делам. Как же нам не пойти на Африку, на Карфаген, если до них оттуда рукой подать? <...> А если мы ими овладеем, никакой враг, ныне оскорбляющий нас, не в силах будет нам сопротивляться, — не так ли?» «Так, — отвечал Киней. — Ясно, что с такими силами можно будет и вернуть Македонию, и упрочить власть над Грецией. Но когда все это сбудется, что мы тогда станем делать?» И Пирр сказал с улыбкой: «Будет у нас, почтеннейший, полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы». Тут Киней прервал его, спросив: “Что же мешает нам теперь, если захотим, пировать и на досуге беседовать друг с другом? Ведь у нас и так есть уже то, чего мы стремимся достичь ценой многих лишений, опасностей и обильного кровопролития и ради чего нам придется самим испытать и причинить другим множество бедствий”» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994. С. 442—443. Указано М.Л. Гаспаровым).

[6]См. примеч. 1 к записке № 153.

[7]В.П. Бурнашев писал, что А.А. Перовский «20 или более лет жил с своею родною сестрою Анною Алексеевною, выданною им замуж за нищего графа Константина Петровича Толстого. Плод сожительства с братом — известный писатель граф Алексей (Константинович) Толстой» (НЛО. 1993. № 4. С. 170). Данная версия происхождения А.К. Толстого была широко распространена и впервые проникла в печать еще в конце XIX в. (см.: *Никитин А.* Граф Алексей Толстой в литературе 60-х годов// Рус. вестник. 1894. № 2. С. 305; ср. глухие намеки в статье М.С. Кайсарова 1820 г.: Пушкин в прижизненной критике 1820—1827. СПб., 1996. С. 88, 364). Изложение и опро-

вержение этой легенды см.: *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. СПб., 1912. С. 3—7, 111—113.

[8]Николай во время пребывания в Тирасполе посетил 6 мая военный госпиталь (см.: СП. 1828. 19 мая).

[9]А. Гурецкий в 1820-х гг. жил в своих имениях Дусеняты и Погавье под Вильной, принимая активное участие в литературной жизни. Его патриотические басни и думы пользовались широкой популярностью. Они печатались в периодике, а те стихотворения, которые не могли быть опубликованы, широко расходились в рукописях. За сочинение басни «Лошади и кучера» он был арестован, увезен в Варшаву и 25 июня, после полуторамесячного заключения, вынужден был подписать (по требованию виленского генерал-губернатора А.М. Римского-Корсакова) декларацию, что больше не будет допускать в своих сочинениях политических аллюзий. Эти преследования способствовали дальнейшему росту его популярности в польском обществе. (см.: ПСБ. Т. 8. Z. 37. S. 307). 12 ноября подполковник жандармов К. Рутковский доносил из Вильны, что Гурецкий был арестован «по доносу университетского начальства или, лучше сказать, декана оного профессора Мяновского, якобы Горецкий распускает в публике либеральные свои стихотворения. — Но в самом деле донос произошел из одного мщения за то, что когда профессор Мяновский выговаривал Горецкому, что в доме его матери чернят Мяновского, то первый ответствовал: «Это неправда, быть не может, ибо ты так черен своими злоухищениями, что более очернить невозможно». Стихи же, названные либеральными, есть нижеследующие под заглавием «Bajka Furmany», которые, как говорят, сочинены студентами и относятся по своему применению единственно к начальникам университета. — И потому помещик Горецкий как невинный вскоре из Варшавы возвращен.

Я о нем писал Его Превосходительству Александру Христофоровичу — но стихов не посылал — а потому здесь копия» (далее приведен текст басни) (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 164. Л. 117).

[10]Имеются в виду печатавшиеся отдельно «Прибавления» к номерам «Северной пчелы» с новостями о военных действиях.

[11]А.Х. Бенкендорф вспоминал позднее об этом походе: «Ответственность за безопасность государя лежала преимущественно на мне, в качестве командира главной его квартиры. Меня невольно охватывал ужас при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной России; вся наша сила состояла из 700 человек пехоты и 600 конницы, и с этою горстью людей мы шли по пересеченному горами и реками краю, где предприимчивый неприятель, имевший еще на своей стороне и ревностную помощь жителей, мог напасть на нас и одолеть числом. Я взял все возможные в нашем положении меры предосторожности; но сердце мое сильно билось» (*Бенкендорф А.Х.* Император Николай в 1828—1829 гг.//РС. 1896. № 6. С. 490).

---

153 Секретная газета [30 мая 1828]

1

Один из приверженцев министра финансов и его креатура говорил в одном обществе, по случаю приезда Великой Княгини Марии Павловны: «Все кричат против министра финансов, что он налагает подати и пошлины, а подумали бы, что стоит содержание всех наших Принцесс за границею и содержание дворов немецких князьков, которые нам дают своих Принцесс. Все дворянские деньги чрез ломбарты переходят за границу, и миллионы, которые копит Императрица Мария Федоровна, пойдут туда же. За все эти деньги можно бы содержать армию. *Нам* это все известно».

2

21-го маия происходило на петербургских улицах печальное зрелище. Один казак гнал пред собою около 50-ти белорусских мужиков, пой-

манных на средних рогатках без пашпортов. — «Зачем вы пришли сюда?» — спросили мужиков. — «Работать; дома есть нечего, а паны не дают пашпортов без денег, не дают хлеба, велят круглый год работать и весь наш хлеб забирают на водку».

3

Цензурный устав произвел величайшее впечатление[1], и кроме людей, принадлежащих к цензуре и к партии Шишкова, вся публика была в восторге. Фрондеры вопиют только: «Написано хорошо, а исполнено будет худо, как обыкновенно водится у нас, ибо у нас не обращают внимание на выбор исполнителей». — В одном большом обществе некто сказал, разговаривая об Уставе: «Вот как Государь выбрал для составления Устава сведующих людей, так и вышло хорошо. Он велел сделать Себе сапоги сапожнику, а прежде портной шил ему сапоги, а сапожник мундиры». Вообще публика тревожится насчет будущего выбора цензоров. — По собранным со всех сторон сведениям от литераторов и людей, имевших знакомство со злоумышленниками 14-го декабря, известно, что много юношей увлечено было в тайное общество арбитрарностию[2] цензоров, которая была весьма чувствительна людям, занимающимся литературою и потому имеющим влияние на общее мнение. Не раз Рылеев скрежетал зубами от своеволия цензоров и кричал явно, что надобно кончить это угнетение умов.

При сем неизлишним почитается приложить краткую характеристику нынешних цензоров:

1. Статский советник *Красовский*, служащий в Библиотеке и секретарь оной[3]. Из духовного звания, лицемер, представляющий святошу и состоящий в беспрерывной связи с господствующею монашескою партиею. Сперва он был поклонником Филарета, потом Фотия и Серафима. Чтоб выслужиться, он за счастие поставляет, если литераторы недовольны им и жалуются на него. Он должен быть почитаем первою причиною того, что многие заблудшие юноши ввергались в пропасть тайного общества, ибо все его удовольствие состоит в том, чтоб мучить и дразнить писателей. Запрещенные им места и статьи ходят по рукам и возбуждают общее негодование. Там между прочим можно увидеть, что в повести нельзя сказать: «Он поцеловал свою невесту», но надлежит сказать: «Он посмотрел на невесту» — ибо целовать, по мнению Красовского, грех перед венцом. Вместо: «он упал на колена перед отцом», должно говорить: «он поклонился отцу», ибо только перед Богом должно падать на колена. Красовский в мнении общем есть олицетворенное угнетение литераторов и литературы, и удаление его от цензорства произведет то же впечатление, что новый Устав, ибо Красовский испортит все своим желанием прослыть приверженцем монашества. Красовский сочинял вместе с Шихматовым прежний Устав о цензуре[4] и теперь в бешенстве. Он нарочно будет прижимать литераторов, чтобы они не чувствовали благодетельной перемены. Красовский протежируется духовными, графинею Строгановою, у которой он управлял делами, и матерью ее, княгинею Голициною. Впрочем, Красовский сведущий, честный и прилежный чиновник; он везде будет хорош, кроме цензуры.

2. *Ветринский*, рекомендован Фотием Шишкову. Он также из духовного звания и состоит в совершенной зависимости у Красовского. Невежа, без характера, но груб до крайности и на весь мир смотрит чрез

монастырское окно. Человек без воспитания, без светскости, без науки, не имеющий понятия о литературе, ненавистен всем, кто имел с ним дело. Отставление его от цензуры будет благодеяние для публики.

3. *Анастасевич* — человек добрый, но тяжелый, надутый каталожною ученостию, набитый старыми литературными предрассудками, без здравого смысла, руководствующий мнением Красовского. Человек совершенно ничтожный и пустой. Рекомендован Шишкову митрополитом Евгением, ибо он также из духовного звания.

4. *Сербинович* — человек отличного поведения и способностей. Он был употребляем в Следственной комиссии[5] и отличился исправностию и познанием своего дела. При всей строгости в отношении к политике и нравственности, Сербинович совершенно понял обязанности цензора: снисходителен в безделицах и вежлив при отказах в делах сериозных. Он снискал доверенность и любовь всех литераторов. Помещение его в новом цензурном комитете будет истинным благодеянием для литераторов и возбудит их благодарность.

5. *Семенов*, также отличный, умный и ученый чиновник, во всем действующий сообразно с правилами умеренности и приверженности к Престолу. Он также обожаем литераторами и действует во всем сходно с Сербиновичем. Об оставлении его в цензуре молят Бога литераторы.

6. *Гаевский*, ныне занимает место директора канцелярии министра просвещения. Человек хоть не столь образованный, как Сербинович и Семенов, но добрый, деликатный, действующий по разуму закона, а не по прихотям. Он также снискал доверенность литераторов и хотя весьма способен, но должен уступить в познаниях и в проницательности Сербиновичу и Семенову[6].

4

В Москве опять составилась партия для издавания газеты политической, ежедневной, под названием «Утренний листок»[7]. Хотят издавать или с нынешнего года с июня или с 1-го генваря 1829. — Главные издатели суть те же самые, которые замышляли в конце прошлого года овладеть общим мнением для политических видов, как то было открыто из переписки Киреевского с Титовым. Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедуют либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два Киреевские и еще несколько отчаянных юношей. — Поныне такое между ними условие: поручить издателю «Московского вестника» Погодину испрашивать позволение. Погодин, переводя с величайшими похвалами и лестью сочинения академиков Круга, ректора Эверса и других, успел снискать благоволение ученых, льстя их самолюбию[8]. За свои детские труды он сделан корреспондентом Академии[9] и весьма покровительствуем Кругом, Аделунгом и другими немецкими учеными. — Сей Погодин чрезвычайно хитрый и двуличный человек, который под маскою скромности и низкопоклонства вмещает в себе самые превратные правила[10]. Он предан душою правилам якобинства, которые составляют исповедание веры толпы московских и некоторых петербургских юношей, и служит им орудием. Сия партия надеется теперь чрез немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволение князя Ливена, чрез князя Вяземского и Пушкина действовать

на Блудова посредством Жуковского, а чрез своего партизана Титова, племянника статс-секретаря Дашкова, снискать доступ к Государю чрез графа Нессельроде или самого Дашкова.

Издание частной газеты в Москве будет весьма вредно для общего духа и мнения, ибо, как известно из переписки сей партии, вся их цель состоит в том, чтоб действовать на дух народа распространением либеральных правил. От сего не убережется никакая цензура, ибо издатель, поместив две или три фразы пошлые в похвалу правительства, может спокойно молчать о том, что производит хорошее действие, и помещать все, в виде фактов с пояснениями, что воспламеняет умы к переворотам. Москва, удаленная от центра политики и министерств и не будучи подвержена непосредственному надзору в нравственном отношении, может наделать много зла газетами, ибо пока здесь хватятся за статью, — она уже разойдется по России.

Уже эта Московская партия показала свой образ мыслей насчет газет не только в секретной переписке, но даже и в печатном. В № 8 «Московского вестника» на сей 1828 год критикуют наши газеты и дают чувствовать, как они сами будут издавать газету. В начале сей статьи упрекают газеты, что они извещают русскую публику о безделицах и представляют одни голые, неудовлетворительные известия о происшествиях и вместо того, чтобы ставить нас на *такую точку*, с которой вы могли *видеть, что занимает умы в настоящее время в державах европейских, наиболее обращающих на себя внимание* всякого просвещенного, — вместо того, чтоб изображать нам *перемены, происходящие во внутреннем устройстве государства, с их причинами, постепенным развитием и последствиями*, вместо того, чтоб выводить вперед *современные лица, действующие на поприще политическом, с их характерами и мнениями* и проч...[11] — Здесь цель издателей ясная. Что занимает умы в Европе? Конституции. Перемены во внутреннем устройстве государств с их причинами, постепенным развитием и последствиями — суть революции и оппозиция. А выведение политических лиц с их действиями и мнениями — поведет к проповедованию карбонаризма. Вот чем привлекают к себе публику новые издатели газеты в Москве.

Далее издатели говорят следующее:

(Выписка из 8 № «Московского вестника»).

«Сколько в прошлом году случилось важных происшествий в Европе, о которых читатели наших газет остались в совершенном неведении, узнавши только их заглавия(1), вместе с заглавиями многих мелких случаев, здесь и там встретившихся. Но перечитав все книги и брошюрки, вышедшие в Европе в прошлом году, подам ли я понятие слушателю о ходе европейского просвещения?(2) Русской публике не столько нужно знать все марши маркиза Хавеса в Португалии, все движения лорда Кохрена на водах архипелагских, как выразуметь постановления о ввозе хлеба в Англии или *прения о цензуре* во Франции или другое важное явление в этом роде(3). Объяснили ли нам, например, по поводу занятия Каннингом, потом Робинсоном (а ныне Веллингтоном) первого места в министерстве, почему так скоро и легко составляются и переменяются министерства в Англии, как будто бы дело шло о каком-нибудь частном споре, который приятелями решается полюбовно в комнате?(4) Показала ли она нам систему Каннингова управления(5), в противоположность системе Кастелриговой(6)? Почему при Ливер-

пуле не было такого неудовольствия против Каннинга, какое обнаружилось при вступлении его в должность первого министра, хотя он прежде равное почти принимал участие в делах(7)? Почему Пиль, Веллингтон и пр. оставили министерство, а прежде действовали в оном вместе с Каннингом?(8) Показали ли нам в ясном свете распрю в Англии о католиках и протестантах: как до сих пор, при всех переменах в министерстве, какая бы партия ни взяла преимущество, виги или торисы, всегда партия католическая и антикатолическая имеют почти равную силу? Точно так же должно было изложить перемены в уголовном законодательстве, предложенные Пилем, участие, которое Англия принимала в делах Португалии. — Франция в прошедшем году представила множество явлений любопытных(9). При известии о распущении Королем[12] национальной гвардии для русской публики должно бы было прибавить историческое известие об этой гвардии, о времени ее учреждения, ее обязанностях, цели, о постановлениях, до нее касающихся(10), о причинах, почему Король нашелся принужденным распустить ее, и почему сия мера возбудила неудовольствие(11). Точно так же должно было бы поступить и при сообщении известия о возведении 76 чел. в достоинство перов, объяснить перемену в образе мыслей палаты депутатов(12), в которой под конец ее заседаний вся почти правая сторона сделалась левою(13). При португальских происшествиях оставили в неизвестности причины отъезда инфанта Дона Мигуэля из Португалии и причины его возвращения и вступления(14) в регентство. Мы не получили также никакого ясного понятия об отношениях Испании к Португалии, Франции и Англии к Испании(15). Ничего не может быть скучнее известий о греческих происшествиях, в которых никак нельзя было добраться до толку ets.».

(1)Издатели новой газеты хотят, чтоб им подробно описывать важные происшествия. Эти подробности поведут письма далеко.

Эти подробности не поведут далеко людей благоразумных: а неразумных остановит тотчас хорошая ценсура и бдительное правительство. Но как же не описывать с некоторою подробностию ***важных происшествий****?*

(2)Под именем европейского просвещения разумеется либерализм: слово, введенное князем Вяземским.

C'est une méchanceté gratuite[13]*. Успехи словесности, наук и художеств принадлежат также к* ***европейскому просвещению****.*

(3)Какое важное явление в роде вольности книгопечатания? Все рассуждения по сему предмету ведут к обузданию самодержавия, как видно из речей депутатов во Франции.

Это умышленная натяжка. И по смыслу речи, и по грамматике слова: **другое важное явление** *относятся столько же к постановлениям о ввозе хлеба, сколько и к прениям о ценсуре. Таковы суть споры о католиках в Англии и другие предметы, о коих благоразумный и благонамеренный газетчик будет говорить дельно и с пользою.*

К преступной цели могут вести не только рассуждения о ценсуре, но и о всякой безделице. Это другое дело. Но хороший закон о ценсуре, сам по себе, не уменьшает почтения к Самодержавию, а напротив умножает оное.

(4)Цель издателей очевидна, чтоб показать, что в Англии общее мнение делает и низвергает министров.

Натяжка.

(5) и (6)Система Каннингова управления — либерализм, Кастелрегова — монархическое ограниченное правление. Нужно ли это изъяснять русской публике?

Есть множество других различий между сими системами, в отношении к торговле, внешней политике и проч.

(7)Это повело бы далеко, изъясняя прения парламента.

(8)Высшая политика, которая поколебала бы слабые умы.

Нимало не поколебала бы, если только издатель не захочет рассевать вредных учений под видом изложения фактов. А если у него будет такая цель, то он пойдет к ней, говоря не только о Каннинге, но и о каком-нибудь авторе или о герое древнем. Где же будет ценсура? Где полиция?

(9)Борение либералов и революционеров и победа сих последних над Королем — вот что было в прошлом году.

Неправда. В 1827 г. распущена национальная гвардия и нанесены другие удары либералам. Министерство Виллеля упало уже в 1828.

(10)Объясняя обязанности и цель национальной гвардии, надлежало бы представить революцию **в благоприятном виде**, ибо национальная гвардия есть создание революции.

*Почему же **в благоприятном виде**? Напротив того, живое и беспристрастное описание ужасов того дня, когда началась национальная гвардия, было бы лучший антидот против желания революции — по крайней мере для юношей неопытных и пылких, но не развращенных.*

(11)Явно хотят показать, что отступление от революционных правил и постановлений возбуждает неудовольствие в народе.

Опять умышленно кривое толкование. Изложение факта не есть еще одобрение оного. Все зависит от цели автора, а не от предмета.

(12)Объяснить перемену образа мыслей в палатах есть объяснять переход к либерализму.

Все дело в том, как будет объясняемо.

(13)Известно, что левая сторона либеральная.

(14)Опять надлежало бы толковать о Конституции.

(15)Высшая политика, которой не должно давать уроки в газетах.

А почему же нет? Как просвещенному человеку не знать различных отношений каждой державы европейской к другим? Если же под видом распространения сих полезных знаний хотят рассевать учения развратные, то это уже другое дело. На то есть ценсура и бдительная полиция. Нельзя и не должно запрещать употребление ножей, хотя ими можно резать и людей.

[Ответ Д.В. Дашкова]

*Цель сей статьи есть та, чтобы побудить правительство к запрещению издания в Москве предполагаемой политической газеты. Я и сам не дозволил бы оной, но потому только, что там иные издатели скорее могли бы поместить нескромные статьи — не с умысла, а по неосторожности или по **умничанью**. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую ролю в так называемом русском либерализме.*

Сочинители записки видят в московских литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так ясно, что даже открывает мне имена их. Скажу безошибочно, что они суть петербургские журналисты,

имевшие много литературных сшибок с «Московским вестником» и «Телеграфом» и желающие приобрести разными путями прибыльную монополию политической газеты. Vous êtes orfèvre, m-r Josse![14] — Они описали мнимое московское общество весьма неверно и слили в оное лица, кои равно им нелюбы, но кои между собою не имеют связей. Таковы кн. Вяземский и молодые издатели «Московского вестника».

*Из наименованных в записке людей я не скажу ничего о Погодине, коего мало знаю. Шевырева знаю только по виду, а Киреевских никогда не видывал. Но прочие мне весьма известны, и я считаю долгом сказать о них свое мнение — **по чести и совести.***

*Кн. Вяземский известен правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за невоздержанность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему, и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и не способно к измене: тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах, хотя он верно был знаком с 3/4 составлявших оные негодяев. По долголетним связям моим с его шурином, незабвенным Карамзиным, я знаю Вяземского с самых молодых его лет за человека с умом, с душею, с честию — но без всякого **esprit de conduite**[15]. Вся его вина — в эпиграммах и письмах, наполненных вредным для него умничаньем и остроловием: к тому присоединилось оскорбленное самолюбие неудачами по службе и забота о расстроенном имении. Если он хочет быть издателем политической газеты, то верно для денег. Для сей же цели он хотел нынешнею зимою переводить Вальтера Скотта и будет еще биться, как рыба об лед, пока не разорится до конца. Но он не заговорщик и не враг правительству: в этом поручатся все его знающие. Верный Карамзин по чутью узнал бы в нем изменника и отвергся бы его тогда с омерзением.*

О Пушкине говорить нечего: его хорошие и дурные качества известны, кажется, правительству в прямом виде.

*Третьим в записке поставлен Титов. Он мне родный племянник и с минувшего года живет у меня в доме. Я должен знать его, и скажу все, что знаю. По нем можно будет судить о приятеле его князе Одоевском и вероятно о прочих их совоспитанниках, коих сочинители записки называют **отчаянными юношами.***

*После долгого отсутствия быв в Москве в 1825 году, я нашел Титова оканчивающим курс учения в Московском университете. Ему было 18 лет. Голова у него не из самых пылких; но к несчастию он попал в руки, вместе с другими юношами, к человеку самому честному, самому благонамеренному, самому неспособному к злодейству, но и к самому вредному на философской кафедре — к профессору Давыдову. Несчастная немецкая философия вскружила ему и питомцам его головы. Вместо того, чтобы преподавать ее, как **историю науки**, он приучил их искать в ней основания наук и даже нравственности. Молодые люди привыкли отдавать себе во всем отчет силлогизмами и презирать тех, коим силлогизмы сии были незнакомы: стали умничать, болтать и судить о том, чего не понимали и до сих пор понимать не могут — sie wurden pädantisch und vorwitzig[16] — но ни учитель, ни ученики не были и не суть заговорщики... Я предварил о сем сестру мою, живущую в отдаленной деревне, и Титов был немедленно взят из университета и помещен покуда в Московский архив; а при первой возможности прислан в Петербург, где он работает с утра до вечера в Азиатском департаменте и сушит свой мозг над выписками и переводами. Там довольны и прилежанием его, и поведением.*

Кн. Одоевского узнал я по министерству внутренних дел и начал употреблять при себе для чистого письмоводства. Его кротость и прилежание заслуживают полную похвалу: и я по совести не могу признавать его ***отчаянным юношею****. Отъезжая из Петербурга, я счел долгом представить его к чину и жалею, что Его Величеству не благоугодно было утвердить сего представления. Боже сохрани, чтобы правительство искало привлечь к себе подобных ему юношей незаслуженными милостями; но когда сия милость действительно заслужена ими, но неполучение оной может ввергнуть в отчаяние и растравить юное сердце, еще незатверделое в правилах, кои велят ставить* ***долг*** *выше всех обстоятельств жизни.*

Теперь, узнав, кто таковы мнимые Московские заговорщики, можно судить, до какой степени справедливы показания сочинителей записки о средствах, коими сия партия надеется действовать. Не знаю коротко ни князя Ливена, ни Круга, ни Аделунга, и потому о них молчу. Но на Блудова надеются действовать посредством князя Вяземского, Пушкина и Жуковского! В первом Блудов принимает участие по памяти Карамзина и по 20-тилетнему знакомству: но верно не спросит никогда его совета. Пушкина тоже, ибо уважает в нем ***один*** *талант. А Жуковского! Ему ли, сей чистой, возвышенной душе, коей вверена надежда России, быть орудием даже слепым гнусных козней и умыслов!.. На меня будет сия партия действовать чрез Титова и чрез меня и графа Нессельрода получит доступ к Государю! Чрез Титова, 20-тилетнего мальчика, держимого на узде и ежечасно прохлаждающего свое воображение!.. Едва ли можно верить, чтобы сочинитель сих нелепостей* ***ошибался от доброго сердца****.*

Наконец, что еще более меня в сем убеждает, есть приложенная выписка из 8 № «Московского вестника» с замечаниями. Сделанные мною карандашом возражения на сии замечания показывают, с какою ядовитостию толкуется каждое слово, и как извлекается смысл преступный из речей вялых и тысячу раз перебитых. Прочитав сказанное в «Московском вестнике», я ощутил одно чувство: неудовольствия, видя, как дети судят и рядят обо всем с полною уверенностию в своей безошибочности и с надутостию поседелого профессора. Но и только: злого намерения в сем отрывке не вижу и не могу предполагать оного в молодых издателях.

5

Последний бюллетен из-под Браилова, где описано, как Государь был под выстрелами[17], произвел в публике удивление и восторг. Общее мнение и даже мнение записных противников трона гласит, что Государь одарен от природы непоколебимым мужеством, но приверженцы Государя (которых число беспрерывно увеличивается, потому что средний образованный класс пристает к стороне Государя) громко вопиют: «Зачем ему рисковать жизнию? 14-го декабря он доказал, что не трус; тогда была опасность больше, нежели в самом жарком сражении, ибо Государь не знал, кто враг, кто друг, и был в средине тысячи смертей. Стоит ли вся Турция и Австрия того, чтоб Государь подвергал жизнь опасности? Конечно, Он презрением опасностей влил свою неустрашимость в целое войско; конечно, русский Царь должен показать, что Он не боится пороху — но пусть бы это было под стенами Вены, а не Браилова. Слава Богу, что это прошло, но за этого молодца нам надобно беспрестанно страшиться. Он нужен для блага России:

без Его твердости нас опять запряжет в хомут какой-нибудь Аракчеев!» — Подобным разговорам нет конца: но девять десятых все в пользу Государя.

6

В публике носится глухой слух о высшем Комитете, составленном из трех особ[18]. Многие удивляются, что Сперанского не употребили, и думают, что он не в милости. — Тишина, общее спокойствие и безопасность изумляет жителей столицы. В позлащенных залах и лавочках толкуют об отъезде Государя и разбирают качества лиц, сравнивая людей, которые управляли Россиею в 1812 году и ездили с Государем в армию, с качествами людей, выбранных ныне Государем. Хотя страсти и личные отношения много имеют влияния на сии суждения, но перевес на сторону нынешнего порядка вещей, что редко случается, ибо публика обыкновенно охотнее хвалит прошедшее и бранит настоящее. Некоторые имена затмевают прошедший и выставляют в блестящем свете нынешний выбор. Все знают, что у покойного Салтыкова камердинеры и бабы давали места и решали дела. «Ныне все идет тихо и без соблазна, а что было бы, если б еще кутил наш Какус (Аракчеев)?» — говорят громко. «Любо смотреть на людей, облеченных доверенностию Государя. Никто не смеет употребить во зло власти, ибо знает, что если дойдет до Государя, то не будет спуску ни знатному вельможе, ни его секретарю. Государь перед отъездом прочел такую мораль господам членам Комитета, что верно они долго не забудут! Он как наше провидение приказал, чтоб без его воли не спал волос с головы подданного. При нем не посмеют кутить и злые, а он выбрал тихих и добрых людей, которым не надобно выслуживаться гибелью других, так и дела идут своим порядком. Говорят, что Государь так пламенно говорил членам высшего Комитета о благе подданных и правосудии, что они расплакались». — Вот что толкуют в обществах.

7

Говорят в городе, что Государь прислал Наследнику[19] турецкое оружие и бунчуги, взятые атаманским полком, и что Наследник сочинил на этот случай четырестишие (un quatrain). — Говорят, что Императрица Мария Федоровна была сим тронута до слез, но по совету с придворными запрещено о сем доносить Государю, будто для того, чтоб не огорчить Государя, который якобы *смертельно не любит стихов*. В публике это произвело самое благодетельное впечатление. Говорят: «Видно, что у ребенка душа пламенная, благородная, чувствительная, которая требовала излить избыток чувств наедине, как это всегда бывает с душами высокими. Видно, что он умеет чувствовать благодарность и по инстинкту оценяет уже дела великие, подвиги славные! Жаль, если Государь это не узнает, и вдвое жаль, если по нелюбови своей к стихам пожурит Ангела».

8

Из Польши получены многие известия, в которых согласно превозносят похвалами жандармского штаб-офицера в Вильне Рутковского, за его пламенную любовь к добру, откровенность в действиях на защиту невинности, беспристрастие и бескорыстие. Но все до единого уверены, что его скоро погубят, ибо он открыл ужасные злоупотребления прокурора

Ботвинки, ректора Пеликана и самого Новосильцова. Все эти люди, со множеством других, составляют тесный союз с Канцелярией, и всё стремится на пагубу Рутковского. Уже начинают к нему привязываться и клеветать на него. Все дела самые ужасные, настоящие злодейства покрываются: начнут следствие, нашумят — и замолчат. — Генерал Розен, употребляемый для следствия, не действует против Новосильцова.

9

Публика смеется над ложными известиями, распускаемыми иностранными газетчиками насчет военных действий. Многие говорят, что это сделано в Лемберге по приказанию австрийского правительства, для того, чтоб возбудить недоверчивость в Европе ложными известиями, насчет истинных, и чтоб после не верили, если что будет помещаемо о подвигах русских войск и мужестве Государя. — Соображая строгость австрийской цензуры и зависимость издателей газет в Австрии, должно верить, что заключения сии справедливы и что это маневры Меттерниха. Так вообще думают. — При сем подлинник газет[20].

10

Имеющие здесь дела польские помещики громко жалуются и кричат против жены полковника барона Дибича, брата графа Ивана Ивановича. Сия хитрая женщина, полька, владеет мужем как мальчиком и без всякого зазрения берет деньги с поляков, чтоб протежировать их у графа Ивана Ивановича. Сперва комиссионером ее по сим делам был известный Маркиянович, а по выезде его остался известный же интригант Вонзбун, белорусский помещик, и адвокат Вонтробка. Говорят, что если надобно интриговать в чью пользу, то полковница Дибич называет своего protégé родственником, пишет за ним к графу Ивану Ивановичу, плачет, просит и получает рекомендательное письмо от графа, которое действует как громовой удар. Для примера приводят много дел, но мы упомянем два: одно самого Вонзбуна, самое ябедническое, по которому Вонзбуну везде отказано: и в Сенате, и в Комиссии прошений и у министра юстиции — а между тем граф Иван Иванович интересовался за Вонзбуна. Другое вопиющее дело — Ижицкого с ложным банкрутом Тржецецким. Этот Тржецецкий взял деньги, продал именье, а потом отдал оное под конкурс и тянет туда же покупщика Ижицкого. Целая Подолия вопиет против явного мошенничества. Губернские места отказали Тржецецкому, Сенат также, общее собрание также, в Комиссии прошений был готов отказ — но пришло письмо графа Ивана Ивановича — и дело перенесено в Совет! — Так толкуют в Сенате и в других присутственных местах, явно и громко, и хотя уверены, что это интрига жены полковника Дибича, но не менее того это вредит чистой репутации графа, и потому из усердия долгом поставляем о сем его уведомить.

«Секретная газета» за 30 мая 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 113—130, 135.

Разделы 11 и 12 не атрибутируются нами Булгарину и не включены в настоящую публикацию. Раздел 3 опубликован нами: Тыняновский сборник. С. 260—262; раздел 4 опубликован Б.Л. Модзалевским без указания на авторство Булгарина: Былое. 1918. № 1. С. 45—53.

[1]Речь идет о новом цензурном уставе, утвержденном 22 апреля 1828 г. и опубликованном 22 мая. В СП за 24 мая в анонимной информации о публикации «Устава о цензуре» и «Положения о правах сочинителей» автор утверждал, что «оба сии постановления, облегчая ученым и литераторам занятия науками и словесностию, ограждая как умственную, так и вещественную их собственность, прекращая затруднения, сопряженные с изданием книг (постановлением твердых, благоразумных и в то же время снисходительных правил и уничтожением обременительных форм), составят эпоху в истории просвещения России. Теперь предлежит русским писателям оправдать Всемилостивейшее к ним снисхождение Монарха».

[2]*Арбитрарность* — от французского слова arbitraire — произвольный, самоуправный.

[3]А.И. Красовский служил секретарем в Императорской публичной библиотеке с 1810 по 1833 г. О его службе там см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Т. 1. СПб., 1995. С. 289—292.

[4]То есть Устав о цензуре 1826 г.

[5]Речь идет о Комиссии для следственных изысканий соучастников злоумышленного общества.

[6]Записка сыграла, по-видимому, свою роль: Красовский, Ветринский и Анастасевич были вскоре выведены из числа цензоров.

[7]О судьбе этой записки Д.Н. Блудов рассказывал А.В. Никитенко в 1856 г. следующее: «Не помню, в котором году <...> покойный государь долго отсутствовал из Петербурга. При нем находились граф Бенкендорф и Дашков, бывший министр юстиции. Они были между собой дружны.

Однажды Бенкендорф сказал Дашкову:

— Не хотите ли полюбопытствовать, прочесть доставленный мне из Третьего отделения — разумеется, секретный — отчет о состоянии умов в Петербурге. Я еще не читал его, но вас он, вероятно, займет.

Дашков взял отчет и, к изумлению своему, — что же нашел в нем? Обвинение в крайнем либерализме князя Вяземского, графа Блудова, многих других таких же лиц и в заключение самого себя. Он тут же сделал свои замечания на полях и на следующий день, отдавая бумаги Бенкендорфу, сказал:

— Я прочел этот интересный документ и требую от вас, граф, честного слова, что если вы представите его государю, то не иначе как вместе с моими замечаниями.

— Я сделаю лучше, — отвечал граф, — я ничего не представлю.

Так и было сделано» (*Никитенко.* С. 448).

Об этой же записке (либо какой-то иной, не дошедшей до нас) вспоминал В.Ф. Одоевский в письме 1841 г. М.П. Погодину и С.П. Шевыреву: «При самом начале моей службы покойный Дашков показывал мне донос, писанный на меня Булгариным, где меня обвиняли в разных нелепостях, но так искусно связанных с разными обстоятельствами моей жизни, что может быть только одна пятнадцатилетняя моя служба, где я мог на деле показать всю неосновательность клеветы, могла смыть с меня пятно, наведенное сим доносом» (цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 6. СПб., 1892. С. 48).

Вслед за первым публикатором записки Б. Модзалевским мы публикуем ее вместе с замечаниями и ответом Д.В. Дашкова (который был тогда товарищем министра внутренних дел). Текст Дашкова выделен курсивом.

[8]Погодин перевел книгу Ф.Г. Эверса «Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории» (Т. 1—2) (М., 1825—1826; фрагменты этого перевода печатались в СА), а также в форме письма Эверсу книгу Н. [Неймана] «О жилищах древних руссов» (М., 1826). Перевод второй книги Погодин посвятил Эверсу, а включенный в эту книгу свой критический разбор — Ф.И. Кругу. О взаимоотношениях Погодина с Кругом и Эверсом см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 296, 312, 334; Кн. 2. СПб., 1889. С. 8—9, 232, 233, 259, 355, 358.

[9]См. примеч. 2 к записке № 125.

[10]До 1827 г., когда Погодин стал издавать журнал «Московский вестник», Булгарин поддерживал с ним хорошие отношения, переписывался и охотно печатал в СА.

[11]Здесь и далее Булгарин цитирует (с небольшими сокращениями и изменениями) незадолго до того опубликованную (цензурное разрешение на печатание номера выдано 9 апреля 1828 г.) анонимную статью «Обозрение литературных русских журналов. "Северная пчела"» (Московский вестник. 1828. № 8. С. 399—402; цитируемый раздел написан Погодиным). Статья содержала исключительно резкую критику содержания и стиля газеты, а также опубликованных в ней произведений Булгарина. Автор приходил к выводу, что «Северная пчела» «почти совсем не соответствует своему важному назначению» (с. 399).

[12]Имеется в виду Карл X.

[13]Эти слова проникнуты беспричинной злобой (*фр.*).

[14]Сам Булгарин так пояснял эту французскую поговорку: «Когда у Молиера (в комедии «L'amour medecin» [«Любовь-целительница»] мусье Жосс, ювелир, советует отцу влюбленной девицы подарить ей бриллиантов, для утешения ее в горе, старик отец отвечает с улыбкою: "Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse", т.е. "Видно, что вы золотых дел мастер, г-н Жосс!"» (СП. 1849. № 94).

[15]умения вести себя должным образом (*фр.*).

[16]они становились педантичными и нескромными (*нем.*). М.А. Дмитриев писал в 1824 г., что тридцать лет назад «светский юноша почти стыдился произнести имя философа, опасаясь, чтобы не назвали его педантом; а ныне другая крайность: педантизм сделался любимою модою светских юношей!» (Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996. С. 159).

[17]Об этом сообщалось в «Прибавлении к № 61-му "Северной пчелы"». Позднее Булгарин в кратком очерке войны писал, что «12-го мая Государь Император изволил быть свидетелем открытия новоустроенной батареи из 24 орудий, начавшей действие по крепости, с желаемым успехом. Турки <...> приметя множество офицеров на одном месте, обратили туда выстрелы из орудий большого калибра, и несколько 24-фунтовых ядер ударило в основание возвышения, на котором находился Государь Император. Но Провидение, пекущееся о благе России, соделало ничтожными покушения ее неприятелей» (*Ф. Б*[*улгарин*]. Картина Турецкой войны 1828 года//СП. 1828. № 134. 8 нояб.).

[18]Уезжая в действующую армию, Николай вручил высшую власть в государстве Комиссии, учрежденной на время отсутствия государя императора из Петербурга. В нее входили граф В.П. Кочубей, граф П.А. Толстой и князь А.Н. Голицын.

[19]Имеется в виду Александр Николаевич, впоследствии император Александр II.

[20]К записке была приложена газета «Königlich Privilegierte Berlinische Zeitung» (1828. № 122. 28 мая), сохранившаяся в том же архивном деле (л. 131—134).

---

154 Секретная газета [6 июня 1828]

1

Приезжие из Литвы поляки рассказывают чудеса о жандармском полковнике в Вильне Рутковском. Он привел в ужас всех злоупотребителей; но Новосильцов и Пеликан, в союзе с Канцеляриею, всеми средствами стараются оклеветать его и спихнуть с места[1]. В усердии своем Рутковский не знает ни лица, ни места. Недавно он пришел к почт-директору Бухарскому и объявил ему, что желает говорить с ним по службе. Бухарский просил изъясниться, и Рутковский сказал: «Государь не любит развра-

та и явного соблазна. Высшие чиновники должны подавать собою пример нравственности, и потому нехорошо, что в карете с вашим гербом ездит днем публичная девка, ваша наложница, стучится в двери к женам чиновников, желая делать им визиты, и за то, что они не принимают ее, Ваше Превосходительство гоните несчастных мужей». — Бухарский взбесился: «Кто вам дал право говорить так?» — «Я действую по моей инструкции». «Но кто может мне предписывать, кого я должен возить в моей карете? Я велю возить в ней жида», — сказал Бухарский. — «Вы можете возить жида и цыгана, но не *наложницу по визитам*, потому что это соблазнительно и вредит службе Государевой, озлобляя чиновников», — отвечал жандарм. «Извольте меня оставить в покое!» — воскликнул Бухарский. Жандарм вышел, вежливо поклонившись. На другой день выслана была депеша к литовскому Чингису (так называют Новосильцова).

Тот же Рутковский принес к военному губернатору, Римскому-Корсакову, список: сколько, когда и от кого взяли взяток в его канцелярии, по какому делу и что по оному было сделано. Корсаков также взбесился. «Подайте мне рапорт!» — закричал он. «Рапорты я подаю моему начальству, а если Вашему Высокопревосходительству угодно удостовериться в истине моей записки, сделайте следствие». — «Извольте оставить меня!» — и бедный жандарм должен был опять идти ни с чем.

Рутковского все угнетенные почитают ангелом-хранителем, но он уже не может ничего делать, ибо Канцелярия восстала против него[2].

2

Князь Вяземский (Петр Андреевич), пребывая в Петербурге, был атаманом буйного и ослепленного юношества, которое толпилось за ним повсюду[3]. Вино, публичные девки и сарказмы против правительства и всего священного составляют удовольствие сей достойной компании. Бедный Пушкин, который вел себя доселе как красная девица, увлечен совершенно Вяземским, толкается за ним и пьет из одной чаши, но, невзирая на весь соблазн со стороны Вяземского, Пушкин не говорит дурно о Государе. Это правда. Главное лицо в этой шайке Алексей *Оленин*, служащий в Коллегии иностранных дел. Вяземский отправляется в Москву, чтоб тайно организовать издание новой «Утренней газеты». На бывшем совещании у Титова, служащего в Коллегии иностранных дел, положено выбрать для сего лицо вовсе неизвестное. Избран некто Иванов, служащий в канцелярии московского военного генерал-губернатора, князя Голицына. Любимец князя, Тургенев, обещал, что князь будет ходатайствовать у Государя о позволении издавать в Москве газету. Либеральная, или лучше сказать злонамеренная партия с нетерпением ожидает успеха[4].

3

Носится слух довольно общий, что министр финансов Канкрин хочет удалиться на житье в Дрезден и ожидает только графского достоинства[5], чтоб выдти в отставку. Говорят, что креатура Канкрина, Дмитрий Княжевич, бывший С.-Петербургским вице-губернатором, поехал за границу именно для того, чтоб высмотреть и купить для Канкрина имение за границей. Деньги, положенные будто бы Канкриным в иностранные банки, как доказывал это Дубенский, и намерение поселиться вне России приводит в соблазн не только русскую, но и немецкую партию.

4

В домах у графини Лаваль, у княгини Белосельской и Куракиной отдаются отголоски мнения иностранных дипломатов, которые дают направление умам здешней столицы. Французская партия предсказывает препятствия в войне со стороны Австрии и Англии и думает, что может возгореться общая война в Европе. Австрийская партия, коей эхо у княгини Яблоновской и княгини Куракиной, предсказывает российской армии участь французов в 1812 году. Англичане и шведы думают, что Россия захочет удержать княжества[6] и в таком случае англичане надеются получить острова архипелажские, шведы остров или что-нибудь в Балтике, а Австрии за молчание думают отдать часть Валахии. Все это только толки и слухи, собираемые из полуфраз дипломатических и бабского хвастовства. Но верно то, что русские, даже приверженные к нынешнему порядку вещей, боятся иностранного влияния на образ мыслей Государя и думают, что как Императора Александра умели обмануть за границею иностранные дипломаты, так и ныне они принимаются за то же самое, преследуя Государя даже в самом лагере. Датского посланника[7] почитают эмиссаром Меттерниха. После отлития медали в Пруссии насчет войны с Турцией перестали опасаться, как прежде, о связях Пруссии с Австриею. Между тем из смеси разных мнений и суждений образовалось особое мнение недоброжелателей, подобно густым парам от бурного моря, и заразило многие умы, которые смотрят на вещи с превратной точки зрения, предсказывают неуспех, неудачи и кричат, что с чем пошли, с тем и придут, что нечего взять от турок, уже с ними пробовали драться, от времени Петра, и ничего существенного не получили и т.п. — Но народ, средний класс и купцы отделяют от себя заразу и твердо уповают на мудрость планов Государя и твердость в исполнении оных.

Последний бюллетен произвел благоприятное впечатление в умах приверженцев настоящего порядка вещей, а падение Браилова еще более укрепит надежды. Но фрондеры почитают все дела, поныне совершившиеся, безделками и говорят, что под крепостями над Дунаем выветрится наш жар.

Между многими людьми, толкующими превратно, назовем одного князя Вяземского, в пример невежества. Он, прочитав в бюллетене о том, что черкесы сделали диверсию под Анапою, стал рассказывать, что персияне восстали против России, веря этому от доброго сердца и почитая окрестности Анапы принадлежащими Персии. Подобным слухам нет конца.

5

Русские смеются на счет министра финансов, что он в образце монеты сделал погрешность против русского языка. На платиновой монете стоит надпись: «Три рубли» — надлежало бы сказать «Три рубля». — Немецкое царство, говорят фрондеры.

6

Ежедневно возрастают опасения на счет Государя. Крайне боятся, чтоб он не стал подвергать жизнь свою опасности в боях. Бюллетенов ожидают с нетерпением и хватают их с жадностию. Усердие многих приверженцев Государя доходит до исступления, и они без всякой скромности даже бранят Его и явно за Его смелость. «Чёрт ли нам в Константинополе, в целой

Турции? Его нарочно станут поджигать и щекотать самолюбие, чтоб он бросался на пушки. Не для того ли иностранцы высылают своих агентов, чтоб присутствием своим они вводили Государя в опасности. Правда, Он им солон, но нам нужен такой царь. Если б с Ним случилось какое несчастие, то народ растерзает всю Его свиту, которая не сбережет Его. Стоят ли турки того, чтоб русский Царь сам жертвовал Своею жизнию? Другое дело, если б отечество было в опасности; но мы знаем, что Он тогда не спрячется: мы видели Его 14-го декабря. А теперь, что за случай похваляться храбростию? Уже весь мир знает, что Он не трус. Пускай-ка старший братец покомандовал бы» — и проч.

Так толкуют купечество и народ; средний класс говорит то же, только понежнее.

8

Разнесся слух в министерстве просвещения, что представленные попечителем Петербургского университета новые цензоры суть следующие особы.

1. *Профессор Лоди.* Человек простой, но добрый, отставший от наук, не имеющий самостоятельного характера, но к злу неспособный. Преданный правительству и при хорошем составе цензуры могущий приносить пользу, исполняя в точности предписания начальства.

2. *Профессор Щеглов.* Человек ученый, отлично трудолюбивый, умный, преданный правительству и весьма способный к цензорскому званию.

3. *Профессор Сенковский.* Человек весьма остроумный, ученый, знающий восточные языки и все почти европейские. Он нрава беспокойного и из желания выслужиться шел ложным путем, будучи деканом университета, и чрез то снискал недоброжелательство многих. Он хотя поляк, но вовсе не напитан польским патриотизмом, что ставят ему в порок его единоземцы. При всех своих недостатках, он может быть весьма полезен, если только не давать ему воли и объявить, что честолюбие его иначе удовлетворено быть не может, как прямым путем, а не выскочкою в делах, безвредных правительству. Достоверно также, что он заклятый враг *русского либерализма*, и это главное его моральное достоинство. Впрочем, как цензор, знающий восточные языки и все почти европейские, а равно древний и новый греческий и еврейский, весьма нужен и даже необходим, то полагают вообще, что и наименование Сенковского цензором есть необходимость, и что при хорошем надзоре над цензурою он не может быть вреден.

4. *Сербинович* и

5. *Гаевский*, люди почтенные, всеми любимые и уважаемые, о которых было сказано в характеристике старых цензоров.

«Секретная газета» за 6 июня 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 150—161; отсутствующий тут раздел 2 — по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 506. Ч. 2. Л. 1. В публикацию не включен раздел 7, не атрибутируемый нами Булгарину.

[1]Речь идет, по-видимому, о находившейся в Петербурге канцелярии польского министра статс-секретаря С. Грабовского. В июле 1828 г. великий князь Константин Павлович жаловался в III отделение на действия Рутковского и предложил перевести его в пехотный полк (где он служил ранее). Рутковскому пришлось приехать

в Петербург для объяснений (см.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ед. хр. 106). Однако он остался на жандармской службе, в дальнейшем получал поощрения, а в 1831 г. стал полковником (см.: Там же. Ед. хр. 267).

[2]На записке резолюция Бенкендорфа: «Не нужно ему столь явно вооружаться против чиновников старее его, если они неохотно принимают его извещения; в инструкции ясно начерчено (так! — *А.Р.*) мера поведения жандармских штаб-офицеров».

[3]Вяземский был в Петербурге с первой половины марта по первые числа июня 1828 г. О круге его общения свидетельствует список тех, кого он приглашал в конце мая на дружескую пирушку: А.А. Оленин, А.С. Грибоедов, Н.Д. Киселев, А.С. Пушкин, С.Г. Голицын, П.Л. Шиллинг фон Канштадт и А. Мицкевич (см. его письмо Пушкину и А.А. Оленину от 21 мая: Переписка А.С. Пушкина. Т. 1. М., 1982. С. 258—259).

[4]В ответ на эту записку Бенкендорф 20 июня 1828 г. писал из лагеря при деревне Карасу Фоку в Петербург, что царь по докладу Бенкендорфа повелел воспретить издание «Утренней газеты» и написать московскому военному генерал-губернатору Д.В. Голицыну, «чтобы он, призвав к себе князя Вяземского, внушил ему, что поведение его в С.-Петербурге было известно, жизнь развратная, которую он вел, недостойна образованного человека и в особенности делает соблазн молодым людям, которые завлекаются его примером; к чему присовокупить, что правительство собственно его поведение оставляет без внимания, но дабы отвратить других молодых людей от разврата вынужденным найдется принять строжайшие меры к укрощению его беспутной жизни, если будет оное продолжать» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 506. Ч. 2. Л. 3 об. — 4).

Фок сообщил о повелении П.А. Толстому, тот письмом от 4 июля передал Д.В. Голицыну следующее: «Государь император, получив сведение, что князь Петр Андреевич Вяземский намерен издавать под чужим именем газету, которую предположено назвать «Утреннею газетою», высочайше повелеть изволил написать вашему сиятельству, чтобы вы, милостивый государь мой, воспретили ему, князю Вяземскому, издавать сию газету, потому что его императорскому величеству известно бывшее его поведение в Санкт-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека. По сему уважению государю императору благоугодно, дабы ваше сиятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оного не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни» (Цит. по: *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1963. С. 310—311; в книге приведено с неверной датировкой). Голицын ответил Толстому 10 июля, что «Утреннюю газету» собирается издавать не Вяземский, а экзекутор гражданской канцелярии Голицына титулярный советник П.И. Иванов, который не знаком с Вяземским, однако Толстой письмом от 20 июля повторил запрет на издание газеты. Голицыну не оставалось ничего иного, как исполнить указание. Вяземский писал 14 ноября А.Тургеневу: «<...> по поводу какого-то журнала, о котором я понятия не имел, сказали государю, что я собираюсь издавать журнал под чужим именем, а он велел мне через князя Дмитрия Владимировича Голицына объявить, что запрещается мне издавать оную газету, потому что ему известна моя развратная жизнь, недостойная образованного человека, и многие фразы, подобные этой. Я прошу следствия и суда; не знаю, чем это кончится<...>» (Остафьевский архив. Т. 3. СПб., 1899. С. 183).

Вначале Вяземский написал оправдательное письмо Д.В. Голицыну, с тем чтобы тот довел его содержание до царя. Голицын переслал письмо Бенкендорфу, но тот не стал докладывать о нем. Вяземский, однако, не оставил своих попыток. Он подготовил «Записку о князе Вяземском, им самим составленную», которую в феврале 1829 г. отправил Жуковскому, а тот через Бенкендорфа передал ее царю. (Эту переписку см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 74). В «Записке» Вяземский писал, в частности, что в «последнем доносе на меня <...> по поводу журнала мне неизвестного, который будто готовлюсь издавать под чужим именем, вижу одно гнус-

ное беспокойство некоторых журналистов, позорящих деятельностью своею русскую литературу и русское общество... Они помнят мои прежние эпиграммы, боятся новых, боятся независимости моего прямодушия, когда предстоит мне случай вывесть на свежую воду их глупости или криводушие, боятся некоторых прав моих на внимание читающей публики, боятся совместничества моего для них опасного, и в бессилии своем состязаться со мною при свете дня, на литературном поприще, они подкапываются под меня во мраке свойственном их природным дарованиям и насущному ремеслу» (*Вяземский П.* Записные книжки. М., 1992. С. 331). На «Записку» Вяземский ответа не получил, и лишь в 1830 г., после нового «покаянного» письма Николаю I, он был полупрощен и принят на службу. Впоследствии он писал: «Оказалось, что эта «Утренняя газета», о которой не имел я ни малейшего понятия, была предположение самого к[нязя] Голицына <...> и что должен был издавать ее один из его чиновников <...>. Я никогда не имел случая положительно разведать, что могло подать повод к этому непонятному и глупому оскорблению, мне нанесенному. Известно только, что во время Турецкой кампании был прислан в главную квартиру донос на меня. По всем догадкам, это была Булгаринская штука. Узнав, что в Москве предполагают издавать газету, которая может отнять несколько подписчиков у «Северной пчелы», и думая, что буду в ней участвовать, он нанес мне удар из-за угла» (*Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1963. С. 311).

П.И. Иванов же не оставлял попыток создать газету. По его просьбе Голицын в письме от 3 октября 1828 г. запрашивал у Толстого, можно ли Иванову выпускать газету «Ежедневный вестник», программа которой одобрена Главным управлением цензуры. Толстой переадресовал этот вопрос Бенкендорфу. Просьбу поддержал начальник 2-го (московского) жандармского округа генерал А. Волков. В результате Бенкендорф 27 октября доложил о прошении царю (доклад см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 7. Л. 109), который ответил отказом. 2 ноября Бенкендорф сообщал Голицыну, что император ответил, что Иванов «почти вовсе не известен в словесности, следовательно, не представляет в себе первого условия, требующегося постановлениями от журналиста», кроме того, «число издаваемых в государстве политических газет кажется достаточным и не предвидится надобности умножать оные» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 506. Ч. 2. Л. 21). Конец Иванова был печален — он содержал актрису и в марте 1829 г. застрелился, растратив 30 тысяч рублей (о П.И. Иванове см.: РА. 1901. № 10. С. 198—199, 205—206; № 11. С. № 300, 302—304).

[5]Е.Ф. Канкрин был возведен в графское достоинство в 1829 г.

[6]Имеются в виду дунайские княжества Молдавия и Валахия.

[7]Датским посланником в России был в это время О. Блом.

---

155 Секретная газета [13 июня 1828]

1

5-го июня в час пополудни, когда сенаторы разъехались, но вся канцелярия осталась в Сенате, началась брань между заступающим место обер-секретаря 3-го департамента *Ляпуновым* и обер-секретарем *Леликовским*, о котором уже было говорено несколько раз, как первом злоупотребителе, а ныне спившемся с кругу. Зачинщиком был Леликовский. Бранились они в самых непристойных выражениях, к великому соблазну всей канцелярии. Ляпунов хотел подать рапорт обер-прокурору, а Леликовский просьбу в отставку. Последнее обстоятельство было бы спасительно. — Ляпунов человек хорошего поведения, скромный и принадлежит к числу *мздоимцев*, а не взяточников, коих глава Леликовский[1].

2

На сей неделе разнесся слух по городу, что Государь Император весьма скоро возвратится в С.-Петербург. Более всего беспокоятся о сем морские офицеры из Адмиралтейства и подсылают допытываться, справедлив ли сей слух. По первым поискам должно заключить, что самый слух родился во флоте и что какие-то неисправности в исполнении приказаний Государевых суть причиною сей боязни. Весть сия быстро носится по городу, и каждый спрашивает у другого, правда ли это?

3

Разнесся слух, что в местах, занимаемых нашими войсками в Молдавии и Валахии, опасаются моровой язвы и основываются на том, что якобы видели письма от графа Ивана Ивановича Дибича проколотыми. По сделанному секретному розыску оказалось, что слух сей разнесся из дома Строгоновой и что у Шишкова говорили об этом, а равно и в Александровской Лавре...

4

Недавно чрез газеты вызваны были медики из-за границы для вступления в российскую службу. Их приехало множество, но как мест вакантных мало, то большая часть пришельцев остается без куска хлеба и должна пешком возвращаться восвояси. Виною сему есть медленность в делах, как говорят. — В 1820 году, по недостатку медиков, сделано было представление от медицинского начальства о вызове медиков, и дело лежало семь лет под спудом. Наконец хватились за него в Государственном совете и решили тогда, когда ваканции замещены были медиками. Так рассказывают в городе[2].

5

4-го июня директор Азиатского департамента Родофиникин объявил назначенному посланником в Персию Грибоедову, что Государю угодно, чтоб он немедленно выехал к своему месту. Грибоедов назначен посланником 25-го апреля, а паспорты и жалованье не выдавали ему до 3-го июня, то есть до тех пор, пока не приказано ему выехать немедленно. Грибоедов тотчас собрался и выехал 6-го июня, даже не дождавшись кредитивной[3] грамоты, которую обещали выслать вслед за ним, и оставив все свои дела и вещи на чужие руки.

Пред своими друзьями он изъявлял крайнее беспокойство о том, чтоб Государь не подумал, будто медленность в выезде произошла от него, и с горестию жаловался на Азиатской департамент, задержавший его без всякой нужды. «Пусть бы меня лишили за месяц жалованья, следуемого мне от 25-го апреля: я не сожалею этого, но что скажет Государь!» — повторял он пред своими приятелями.

6

Между друзьями Ермолова рассеваются неблагоприятные слухи на счет графа Паскевича-Эриванского и генерал-адъютанта Сипягина. Против обоих вымышляют разные обвинения. Между прочим известно, что Паскевич не в ладу с Сипягиным и что их расстроил интендант Жуковский[4],

большой интригант, как говорят. Один из служивших при особе князя Прозоровского (Беклемишев) в Молдавии рассказывал, что князь Прозоровский писал и говорил весьма дурно о Жуковском, имея на то весьма сильные причины. — Это обстоятельство замечательно, ибо Жуковского протежирует Паскевич, а Беклемишев друг Паскевича.

7

7-го июня, когда турецкие бунчуки, ключи и знамена возили по городу, толпа народу следовала за оными с радостными лицами и восклицаниями. Мужики крестились. Сие обстоятельство замечательно тем, что когда возили персидские ключи и знамена, то толпы народа не бежали за ними. Видно, что народ принимает сильное участие в войне. Бюллетены расхватываются по рукам от барских гостиных до мелочных лавочек.

9

Разносится слух, что министр внутренних дел Закревский хочет учредить Особенную канцелярию, на таком основании, как III-е отделение Собственной канцелярии Его Величества. Он окружил себя людьми с самою дурною репутациею в общем мнении и на их совести хочет основать свою секретную полицию, — людьми, которым поверить не можно ни одного слова и которые уже дали доводы, что ложь и клевета составляют их ремесло и наслаждение. Главные суть: *Чихачев* (генерал-майор, бывший покорный слуга Настасьи Аракчеевой[5]), *Жуковский*, полковник карабинерного полка[6], и *Фелькнер*, директор канцелярии медицинского департамента, и т.п. — От соединения таких людей может проистечь ужасное зло, при всем добродушии Закревского[7].

«Секретная газета» за 13 июня 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 165—171, 174. Раздел 8, не атрибутируемый нами Булгарину, не включен в данную публикацию. Раздел 5 опубликован нами: Тыняновский сборник. С. 263—264.

[1]На листе сохранилась записанная Бенкендорфом резолюция царя: «Графу [П.А. Толстому] препоручается узнать официально и преследовать сие дело по всей строгости законов». 23 июня Бенкендорф писал П.А. Толстому, что император, узнав о ссоре, повелел официально расследовать это дело. Через месяц, 13 июля, управляющий министерством юстиции А.А. Долгоруков доносил по итогам проведенного расследования, «что означенный спор происходил не 5-го, а 6-го июня, после присутствия в канцелярской комнате Сената, и состоял в том, кто из них докладывает более дел, из чего возникла между ними ссора, при которой Леликовский сказал Ляпунову «молчи» и «цыц», к ссоре же сей, по усмотрению обер-прокурора, никакой другой причины не предвидится, кроме необразованности и грубости характера первого и вспыльчивости нрава второго, других же укорительных слов между Леликовским и Ляпуновым <...> из показания спрошенных свидетелей не оказывается<...>» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 314. Л. 4.). В результате обоим был сделан выговор, а Леликовскому, кроме того, дано указание, чтобы он подал просьбу об увольнении.

[2]На листе резолюция, записанная Бенкендорфом: «Графу [П.А. Толстому] найти им всем места или по военной, морской, или штатской частям».

[3]То есть верительной.

[4]Имеется в виду Михаил Степанович Жуковский.

[5]Булгарин неточен. Граф А.А. Аракчеев в 1806 г. женился на Наталье Васильевне Хомутовой, но вместе они прожили лишь год, а в дальнейшем супруга

Аракчеева жила у своих родителей. Здесь же имеется в виду домоправительница и любовница Аракчеева Настасья Федоровна Минкина, убитая крепостными графа в 1825 г. (о взаимоотношениях Аракчеева и Минкиной см.: *Томсинов В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996. С. 231—233, 242—245).

[6]Речь идет о Григории Владимировиче Жуковском.

[7]На записке резолюция Бенкендорфа: «Государь препоручает г[ра]фу Толстому объясниться на сей предмет с Закревским и если действительно он хочет устроить полицию, то ему объявить, что Государь отнюдь сего не позволяет, что сие есть противно его намерению и превышает власть министра внутренних дел, Государь имеет высшую полицию под моим начальством и запрещает всякую другую».

---

156 Секретная газета [20 июня 1828]

1

Известие о неудачном штурме под Браиловым и о потере людей[1] произвело разные толки. Большая часть приписывает это неопытности в произведении осад и говорят, что в общем объеме дела сия потеря не есть зло, ибо теперь Россия к праву мстить за политические обиды присоединила право мстить за потерю крови своих сынов. Многие обвиняют Его Высочество[2] и говорят, что он погорячился напрасно, но как горячность воина простительная слабость, то Ему легко извиняют эту неудачу, тем более, что Браилов сдался, устрашенный отчаянным нападением русских. Поелику в реляции сказано было, что Государь *опечален* сим происшествием, и как императрица Мария Федоровна также изволила произнесть сии слова, то между придворными и знатными вошло в моду *казаться* печальными и грустно рассказывать о сем деле. Но народ и средний класс думает иначе, и везде толкуют: «Что за беда! где дрова рубят, там щепки летят. Как же быть без потери, ведь и турки стреляют не холостыми зарядами. Уж Государь выместит на них за свое! Придется горько отвечать за это туркам» — и тому подобное. — Умные люди говорят: «Если б Государь с Своим хладнокровным мужеством распоряжал атакою, то бы этого не случилось. А то все горячие головы!»

Откровенность в бюллетенах и справедливость, отдаваемая храбрости турок, весьма нравится публике. В этом узнают характер Государя и радуются. «По крайней мере нас теперь трактуют как *людей*, говорят обо всем откровенно и справедливо и не скрывают перед нами, как перед *детьми*. Дело Государя делается *общим*, и за то каждый должен принимать в оном участие». — Так говорят повсюду.

Морские офицеры весьма довольны, что в реляции их назвали «наши моряки». Это у них почетное название, и слово «моряк» много ценится.

3

Здешние англичане весьма негодуют на Веллингтона за его приверженность к Австрии. «Это второй том лорда Кастельрея», — говорят они. «Что сделал Кастельре тесным союзом с Меттернихом? Англия потеряла колонии, приобретенные кровию, и весь перевес свой, который имела в Европе во время войны с Наполеоном. То же будет и при Веллингтоне».

Смена Кодрингтона[3] также весьма неприятна не только англичанам, но и русским. Австрийская партия находит случаи надувать в уши разные кривые толки русским недовольным старикам, и от окружающих министра финансов также слышны противоречия насчет войны. Носятся слухи об составлении вооруженного неутралитета в Европе против России, под начальством Австрии. Думают, что Австрия сильно действует на шведский Двор, недовольный якобы Россиею за то, что чрез посредство русского Двора сын бывшего шведского короля женится на нидерландской принцессе[4]. Из сего шведский Двор якобы заключает, что Россия намерена при случае восстановить прежнюю династию. Говорят, что принц Оранский[5] приезжал сюда для совещаний по сему предмету. Говорят, что Франция боится маленького Наполеона[6], которого Австрия держит как бульдога на цепи, для устрашения Бурбонов, а Пруссия боится потерять свои надрейнские владения при первом потрясении в Европе. Дания не от Англии, а Нидерланды между Англиею и Франциею не имеют своего голоса, и так возможность вооруженного неутралитета основана на многих соображениях. Между тем англинская оппозиция не благоприятствует Австрии. Европейское мнение в пользу войны, и Государь русский превозносится всеми просвещенными людьми. Некоторые думают, что Польша снова может служить яблоком раздора, и хотя внушения Австрии не имеют там никакого влияния, но система ригоризма и беспрестанное стремление власти оскорблять народное самолюбие возбудили общее неудовольствие и привели всех в уныние. Много надеются на появление Государя в Польше и думают, что Он удалит некоторые слишком неприятные лица, а тогда и опасность с этой стороны исчезнет вовсе. — Вот перечень толков политических.

5

Пришло известие из Литвы, что минский губернатор Гецевич кончил следствие о девице Любриевичевой, которую виленский прокурор Ботвинка назвал своею крепостною и за намерение якобы отравить жену его послал в Сибирь. Гецевич только то обнаружил в доказательство злонамеренности всесильного в Литве Ботвинки, что обнаружено другими: а именно он объяснил, что Любриевичева не есть крепостная девка Ботвинки и что купчая ложная, как сие раскрыто прежде обер-секретарем Аксеновым. Жандармский подполковник Рутковский открыл, а Гецевич не мог утаить, что делавший первое следствие о Любриевичевой, Кроликовский, был за разные воровства и сношения с разбойниками присужден к ссылке в Сибирь, но что он показан умершим, а между тем два года занимался частными делами у полицеймейстера Шлыкова и прокурора Ботвинки. Что после, за помощь, оказанную Кроликовским Ботвинке по Кайдановскому студентскому делу[7], сей Кроликовский представлен был к награждению чином титулярного советника и ордену Св. Анны 3 степени, сделан прежде надзирателем в Вильне, а после стряпчим в Вилькомире, и невзирая на столь явный соблазн поныне остается на своем месте. Прочие обстоятельства сего дела Гецевич представил в пользу Ботвинки, утверждая, что Любриевичева точно хотела отравить жену Ботвинки *пауками*. Говорят, что Гецевич признался пред приятелями, что он не смел делать иначе, опасаясь Варшавы, и что Новосильцов дал ему знать под рукою, что участь его, Гецевича, зависит от сего дела[8].

«Секретная газета» за 20 июня 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 182—183, 186—187, 190. Разделы 2, 4 и 6, не атрибутируемые нами Булгарину, не включены в публикацию.

[1]В «Прибавлениях» к СП за 17 и 19 июня сообщалось о штурме крепости Браилов 3 июня, в ходе которого погибли два генерала и более шестисот солдат. Позднее Булгарин писал, что «незначащее по-видимому, но важное в существе своем, событие сделало штурм неуспешным. Из трех мин одна взорвана ранее предположенного времени, другая осталась без действия. Таким образом штурмующие не могли проникнуть в крепость условленными путями, но увлеченные мужеством, они бросились на стены и без сомнения проникнули бы во внутренность города, если бы начальство, дорожа кровию русскою, не повелело бы отступить. Сей штурм, неудачный в исполнении, имел благополучное последствие. Турки, приведенные в ужас неустрашимостию наших воинов и успехом осадных работ, сдали крепость» (*Ф. Б*[*улгарин*]. Картина Турецкой войны 1828 года//СП. 1828. № 134. 8 нояб.). Это произошло 17 июня. Об осаде и штурме Браилова см.: *Лукьянович Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб., 1844. С. 76—97, 114—147.

[2]То есть великого князя Михаила Павловича, который командовал войсками, осаждавшими Браилов.

[3]Адмирал Э. Кодрингтон командовал английским флотом в Средиземном море. Он возглавлял объединенную англо-франко-русскую эскадру, которая 20 октября 1827 г. нанесла сокрушительное поражение турецкому флоту под Наварином. Поскольку в результате позиции России в данном регионе существенно укрепились, это вызвало недовольство английского правительства и привело к замене Кодрингтона.

[4]Имеется в виду готовившийся брак принца Густава, сына бывшего шведского короля Густава IV Адольфа, на нидерландской принцессе Марианне (см. записку № 160 и примеч. 5 к ней).

[5]Имеется в виду Вильгельм Фридрих Георг Лодевейк, наследный принц Оранский.

[6]Так Булгарин называет сына Наполеона — Ж.-Ф. Бонапарта.

[7]Деятельность Следственной комиссии по беспорядкам Виленского университета, созданной в июне 1823 г., вызвала сильное недовольство в Литве. Оно нашло свое выражение в выступлениях учащихся в Крожах, Ковне, Поневеже и других местах. Ученики школы в Кейданах расклеивали на стенах политические прокламации, содержащие угрозы убить великого князя Константина. 30 января 1824 г. они были арестованы. Ректор Виленского университета Твардовский писал знакомому, что «учеников пред допросами муштровали, а потом до тех пор мучили расспросами, пока наконец они не писали всего, чего хотели следователи» (цит. по: *Погодин А.* Виленский учебный округ. 1803—1831 г. СПб., 1901. С. CXXV). Два наиболее виновных ученика были сосланы пожизненно на каторгу, еще несколько человек подвергнуты публичным телесным наказаниям, а школа в Кейданах закрыта.

[8]О деле Ботвинко см. также записки № 74, 88, 103, 128, 137, 150.

---

157 Секретная газета [27 июня 1828]

1

В день рождения Государя Императора[1] русскими актерами дана была пиеса (une pièce de circonstance[2]) «Радость молдован»[3]. Завязка та, что паша турецкий хочет отнять у молдавского чиновника дочь для своего сераля, но что запорожские казаки освобождают ее и побеждают турок. Невзирая на несносно жаркую погоду, театр был полон сверху донизу. Замечено, что военных было необыкновенное множество. Хотя в пиесе не было

говорено ни о Государе, ни о русских напрямик, но все аллюзии к северным орлам и к белому Царю принимаемы были с таким энтузиазмом, какого никогда не ожидали и не видали с 1812 года. Когда запорожский казак пел куплеты, в которых было сказано, что надобно служить Богу и белому Царю, гром рукоплесканий не умолкал, и велено повторить куплет. Другую аллюзию на счет Государя публика при громких воплях заставила повторить актера Самойлова. Когда же казак воскликнул: «Ура белому Царю!» все зрители повторяли восклицание «Ура», при громких рукоплесканиях. В прекрасном квартете, в котором намекали о твердости, благости, правосудии Государя, защитника добродетели и гонителя порока, публика при рукоплесканиях кричала «браво» и заставила повторить куплеты. Восторг был единодушный, нелицемерный, чистосердечный. Многие, выходя из театра, говорили: «Этого купить нельзя! Публику нельзя принудить любить и хвалить Царя. Как заслуживает, так и платят ему. При Аракчееве этого бы не увидали» и т.п. — Петербургские литераторы замечены были в числе самых жарких энтузиастов. Вообще дух публики самый лучший в массе и общее мнение совершенно в пользу Государя. — В театре распространилось известие о взятии Анапы[4], что довершило общую радость.

2

Должно сознаться, что какой-то злой дух гнездится в Петербурге и среди общего энтузиазма всегда показывается какая-то туча в общем мнении. Например, недавно разгласили, что в Бухаресте чума[5], что курьеры должны быть в карантине, что от этого армия не может производить движений и должна быть подвержена гибели, что Государю одно средство спастись на кораблях и т.п.

Насчет отпускания на свободу гарнизонов турецких также много толков: говорят, что все эти турки соединятся и ударят на русских под Балканами, и прочие глупости. — Австрийская партия в домах княгини Куракиной, Лавальши и Белосельской и несколько недовольных вельмож составляют это депо слухов и разных толков. Но в народе и вообще в публике они не имеют кредита и не производят впечатления, потому именно, что умные люди, имеющие влияние на средний класс, привержены к Государю и противодействуют сильно, своим мнением, всем недоброжелательным толкам, а от среднего класса расходятся вести в народе. Таким образом, все усилия недоброжелателей остаются тщетными, для поколебания умов и возбуждения недоверчивости к правительству.

Из Москвы также пишут письма в дурном духе. Между прочим, в одном только письме, привезенном сюда с попутчиком, уведомляют, что Меншиков[6] взят в плен с частию отряда, а остальные спаслись на судах. После взятия Анапы — увидят ложь.

«Секретная газета» за 27 июня 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 201—203. Раздел 1 опубликован нами: НЛО. 1993. № 2. С. 143—144.

[1]Николай I родился 25 июня 1796 г.

[2]пьеса на случай (*фр.*).

[3]Речь идет об анонимной пьесе «Радость молдаван, или Победа. Театральное представление в 3-х действиях, с пением, хорами, балетами и сражением», кото-

рая шла без указания имени автора [нет его и в тщательно составленной «Репертуарной сводке», включенной в «Историю русского драматического театра» (Т. 3. М., 1978. С. 304)]. В СП за 30 июня была помещена рецензия на спектакль (подписанная С-в, т.е. принадлежащая, по-видимому, О.М. Сомову), где был назван автор — С.И. Висковатов (активный агент III отделения). Рецензент писал следующее: «Трудно вообразить себе восторг, одушевлявший многочисленных зрителей сего представления каждый раз, когда они слышали или напоминания о прежней славе оружия, или применения к нынешним обстоятельствам и новым успехам. Но там, где прославляли — хотя намеками — доблести Монарха любимого — казалось, обширные своды театра колебались от громогласного ура, не раз повторенного зрителями. К довершению их радости и к полноте их счастия, в половине спектакля разнеслось в театральном зале полученное в тот день известие о взятии важной крепости, Анапы. Таким образом, русские праздновали в одно время и день рождения обожаемого своего Государя, к Которому души их стремятся благословениями на пути побед и славы, и знаменитые успехи, в короткое время приобретенные Его оружием, и новую победу, верный залог предбудущих».

[4]Крепость Анапа, турецкий гарнизон которой продержался 40 дней, 11 июня была наконец взята русскими войсками.

[5]П.Х. Граббе, находясь в то время недалеко от Бухареста, записывал в дневнике 4 мая: «Болезни в Бухаресте показавшиеся и даже слухи всегда преувеличенные о чуме» — и 9 мая: «Язва в городе по мнению многих; один пустой и вредный страх по мнению других. Строгие против нее принятые предосторожности» (*Граббе П.Х.* Записная книжка. М., 1888. С. 15, 16).

[6]Генерал-адъютант А.С. Меншиков возглавлял отряд, отправленный для штурма крепости Анапа.

---

158 Секретная газета [4 июля 1828]

Один из первоклассных чиновников в министерстве финансов рассказывал в фамильярном кругу следующее: «Государь сделал проект, чтоб горных чиновников, носящих странные и трудные для произношения чинонаименования, переименовать в военные чины, как морских инженеров, одеть в военную форму и назвать горными инженерами. Горные чиновники очень рады были этому, ибо военная форма гораздо приличнее людям, командующим безусловно множеством работников, а иногда и ссыльных и имеющих всегда дело с военными командами, а военные чины возбудят более уважения к ним, ибо поныне их величают в России перековерканными названиями, и многие чиновники других министерств не понимают поныне их значения. Когда о сем желании горных чиновников донесли Канкрину, он сказал наотрез: «Государь хочет из моих чиновников сделать капралов, но из этого ничего не будет. Проект Государь отдал мне, я удержал его под сукном до выезда Государя, и здесь оный пролежит, пока я буду министром. Это мое дело. Чиновники сами не знают, что хотят»».

Раздел «Секретной газеты» за 4 июля 1828 г., переписанный Фоком и атрибутируемый нами Булгарину, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 214.

---

159 Объяснение на представление г[осподи]на действительного тайного советника Новосильцова о вредном духе сочинения польского поэта Мицкевича, под заглавием «Конрад Валенрод», и о вредном влиянии на Польшу журналиста Булгарина

Еще в прошлом 1827 году поступила в III-е отделение Собственной канцелярии Его Величества бумага, писанная от 28-го декабря 1824 года к графу Аракчееву, в которой г. Новосильцов обвиняет журналистов Греча и Булгарина и другие лица в том, что они принадлежали к вредному и тайному обществу в Вильне под названием Шубравцев, и что они действуют во вред правительству, имея сношения с Виленским университетом.

Дело сие тогда же было исследовано во всей подробности, а из оного открылось: 1) что общество Шубравское никогда не было тайным, но явным сатирико-литературным, ибо устав оного был напечатан и общество издавало журнал; 2) что оно не было вредным, ибо главные оного члены и поныне находятся в университете и пользуются особенным покровительством г. Новосильцова; 3) что Булгарина и Греча сделали почетными членами общества единственно из литературной вежливости за их сатирические статьи, в каком духе издавался журнал общества, и что ни Булгарин, ни Греч не участвовали в трудах общества; 4) что Булгарин был в жизни только три месяца в Вильне, в 1819 году, по частным делам, и только один раз присутствовал в заседании общества, а Греч вовсе не был никогда ни в Литве, ни в Польше и не знает языка польского; 5) что Булгарин не учился в университете Виленском, не имеет и не имел в оном ни друзей, ни родственников и едва поверхностно знал несколько профессоров, не имел с ними никаких дружеских сношений и вовсе чужд всякого участия в делах университета; Греч же не знает ни одного из них, кроме ректора Пеликана, который обучался в Петербурге. При сем приложен был устав Шубравского общества, издаваемый оным журнал и патент Булгарина; также история общества и объяснен дух оного, с выписками из речей, стихов и т.п.[1] Бывший в то время в Петербурге Его Высочество Цесаревич изволил найти все показания об обществе Шубравцев совершенно справедливыми, и как г. Новосильцов не представил ни одного доказательства в уличении Греча и Булгарина в вредном влиянии на университет, а при изыскании сего дела частным образом не показалось ни малейших следов сего влияния, то дело и оставлено без внимания.

Ныне поступили в III отделение Собственной Его Величества канцелярии две бумаги: разбор поэмы польской, соч. Мицкевича «Конрад Валенрод», с мнением, что она весьма вредная, и письмо к графу Чернышеву, с важными обвинениями журналиста Булгарина. По поручению исследовать и пояснить сие дело, Отделение, собрав все справки и сведения с величайшею точностию, заключает.

I. Относительно журналистов Греча, а особенно Булгарина, как более обвиненного.

В сем письме повторяется прежний донос 28 декабря 1824 года. Г[осподин] Новосильцов, упоминая о сем, говорит, что он уже доносил, «что в числе лиц, имеющих в С.-Петербурге влияние на дела Виленского

университета *и содействующих им*, находятся издатели журналов Греч и Булгарин, принадлежавшие в Вильне к весьма вредному обществу Шубравцев».

Какое могли иметь влияние на дела университета Греч и Булгарин, как и кому содействовали, о сем не представлено никаких доводов. — Справлялись под рукою во всех министерствах, где только находились дела университета, и у всех чиновников, и удостоверились, что ни Булгарин, ни Греч не только никого не просили о делах университета, но никогда не справлялись о них, да и вовсе неизвестно, какие были в Петербурге дела университета, которым можно было содействовать или помогать влиянием ко вреду правительства, ибо ни Греч, ни Булгарин не были членами тайных обществ, открытых в Литве и Вильне, и дела сии производились тайно у графа Аракчеева. Если г. Новосильцов почитает бывшее сатирико-литературное общество Шубравцев *вредным*, равно как и всех членов оного, то он не наделил бы своею особенною доверенностию профессоров Андрея Снядецкого, Мяновского, Шидловского, которого даже сделал цензором, и других бывших действительными Шубравцами. Из них Снядецкий был президентом общества, а Шидловский первым оратором.

Далее г. Новосильцов в письме своем говорит, что он, получив предписание от графа И.И. Дибича от 11-го апреля, уведомлять, не откроет ли он каких вредных сношений Булгарина и Греча в Литве, для донесения о сем Государю Императору, вследствие сего извещает, «что по поводу предпринятых мною (т.е. г. Новосильцовым) мер и разных распоряжений внутри университета, а наиболее по удалению из оного некоторых лиц, *состоявших в связи* с Булгариным и Гречем, и *бывших равно как и они членами Шубравцев*, из коих самый деятельнейший бывший адъюнктом университета Контрим выслан из Вильны по повелению Его Высочества Цесаревича, доселе не оказалось никаких обстоятельств, которые заставили бы предполагать, что вредные сношения вышеозначенных двух особ с Виленским университетом еще продолжаются».

По сделанным справкам оказывается в сих кратких словах весьма много противного истине. Нельзя догадаться, какие меры мог принять Новосильцов внутри университета, но достоверно то, что: 1) Булгарин, хотя не будучи знаком лично с профессором Лелевелем, получил от него статьи, а именно критический разбор «Истории» Карамзина[2], и что сей Лелевель, высланный г. Новосильцовым из университета, *вовсе не был Шубравцем.* 2) Высланные г. Новосильцовым из университета профессоры Голуховский, Данилович и ксендз Бобровский, хотя и не имели ни знакомства, ни сношений с нашими русскими журналистами, *но так же, как и Лелевель, не были вовсе в обществе Шубравцев.* Следовательно, вся высылка Шубравцев ограничивается одним Контримом, который, однако ж, был выслан не за то, что принадлежал к обществу Шубравцев. Напротив того, самые деятельные Шубравцы, о коих упомянуто выше, оставлены в университете и пользуются поныне расположением и доверенностию г. Новосильцова.

Далее г. Новосильцов говорит об одном Булгарине: «Между тем не могу умолчать при сем случае, что Булгарин в издаваемых им повременных сочинениях продолжает покровительствовать распространению и укреплению польских патриотических помышлений в превратном и ложном их направлении, столь противном тесному и откровенному соединению сего народа с россиянами».

Сие обвинение совершенно несправедливо и даже противоположно действиям Булгарина. Он, воспитанный в России, зная язык и дух народа, своими сочинениями приобрел любовь русской публики и сделался любимым ее писателем, чего не мог бы достигнуть, если б писал в польском духе, а не в русском, ибо в русском народе поныне существует предубеждение о поляках. Напротив того, все его сочинения исполнены русским патриотизмом, основанным на преданности к Престолу. Ни один поляк не написал бы похвального слова Петру I и *Суворову*[3], что сделал однако ж Булгарин. Кроме «Северного архива», где помещено несколько древних польских исторических документов относительно русской истории[4], в журналах, Булгариным издаваемых, не печатается вовсе ничего о Польше, и он только по просьбе русских литераторов написал обозрение польской литературы в 1820 году[5], когда сам не издавал еще ни одного журнала.

По справке оказалось, что Булгарин, выписывая множество газет и журналов из-за границы, не выписывает ни одного из Варшавы. Сам Булгарин до такой степени чужд Польше, что хотя он родом из Литвы, но, не живя там никогда и не имея никаких связей — решился оставить навсегда сию провинцию и купил себе имение в Лифляндии, чтоб там навсегда поселиться, в отдалении от Польши. Булгарин многократно в своей газете советует всем жителям России, особенно немцам и полякам, учиться русскому языку, за что даже заслужил упреки польских патриотов. Булгарин в сочинениях и разговорах распространяет одну мысль, вечное соединение поляков с русскими. В статье своей «Освобождение от турок Трембовли»[6], где героиня женщина, Булгарин говорит в предисловии к польским и русским дамам: «Ныне вы составляете *одно семейство*, имеете *одного* Отца; ваши дети и братья *навеки* соединены узами взаимного счастия. Вы должны знать и уважать друг друга» и проч. Повторяя, что в журналах и сочинениях Булгарина нет ни одной строки, дышащей польским патриотизмом, невозможно постигнуть, на чем основано обвинение Булгарина г. Новосильцовым в распространении польских патриотических помышлений!

Наконец, по самом подробном исследовании оказывается, что подозрение Булгарина в сношениях с университетом основывается на том единственно, что приезжающие в Петербург польские профессоры, литераторы или люди высшего звания навещают его, как своего единоземца, пользующегося славою отличного писателя и уважением многих знатных особ, и что Булгарин перед ректором Пеликаном, бывшим в Петербурге, говорил неоднократно, что он не одобряет мер, принимаемых виленским начальством, чтоб выслуживаться несправедливыми доносами на юношей.

Что же касается похвалы поэмы Мицкевича «Валенрода», то это относится к литературному достоинству. Впрочем, Булгарин, по долгу журналиста обещая извещать о всех выходящих в России книгах, только известил в нескольких строках о появлении сего сочинения[7], и сие поставляется ему в преступление, между тем как в донесении г. Новосильцова вовсе не упомянуто, что сия поэма «Валенрод» была подробно разобрана и расхвалена в «Московском телеграфе» и *вполне переведена* на русский язык в «Московском вестнике» с величайшими похвалами[8]. Из сего очевидно следует, что против Булгарина действует *личность*. В русском журнале «Вестник Европы» беспрестанно помещаются статьи из польских газет, сеймовые речи и т.п., но о сем г. Новосильцов не говорит ни слова. В журнале Булга-

рина не только не было никогда говорено о сейме или чем-либо политическом, до Польши касающемся, но ничего о самой Польше, однако же простое извещение о польской книге подвергнуло Булгарина обвинению в злонамеренности!

II. Касательно обвинения поэмы «Конрад Валенрод», сочинения Мицкевича.

Случай, описанный в поэме, принадлежит к 14 веку, к войне между Литвою идолопоклонническою и крестовыми рыцарями. Валенрод или Альф, воспитанный между рыцарями и крещеный, познакомился с старым прусским бардом и по его совету ушел к великому князю литовскому Кейстуту и влюбился в его дочь Альдону. Будучи образованнее других литовцев, Валенрод понравился княжне, но род и вера поставляли препятствия к браку, пока Кейстут добровольно согласился на соединение любовников. Наступила опять война с рыцарями, и Валенрод, не будучи в состоянии им воспротивиться и принужден будучи бежать и оставить жену, присягает тестю своему Кейстуту, что отмстит рыцарям. Он поступает в рыцари, заставляет выбрать себя магистром, объявляет войну Литве и изменою наносит бедствие ордену. Наконец узнают, кто таков Валенрод. Он мучится совестию и, осужденный Вестфальским судом, гибнет от яда, лишив сам себя жизни.

Поэма сия есть род исторического романа, как «Мармион» Валтера Скота. Три четверти сей поэмы заключают в себе описание любви Валенрода и Альдоны и наполнены их разговорами и воспоминаниями о прежнем счастии. Остальное посвящено описанию несчастной войны и суда, наказавшего Валенрода за измену. Итак, обвинители сей поэмы пропустили без внимания основание сочинения и главный его интерес, а указывают только на эпизод, на описание бегства Валенрода с войны с рыцарями. Обвиняют поэму в распространении вредного польского патриотизма, а в поэме нет ни слова ни о России, ни о Польше. В одном только месте автор, исчисляя соседей Литвы, говорит: «Stąd dzielny rusin, stąd lach niespokojny», т.е. «с этой стороны мужественный русский, а с той лях беспокойный»! Итак, коснувшись одним стихом России и Польши, автор при избрании эпитетов лучший применил к русскому. Война, описанная в поэме, имеет характер средних веков, это война религиозная, между идолопоклонниками и крестовыми рыцарями, между магистром ордена и литовским владетелем. По прошествии 500 лет все политическое изгладилось, и в сочинении осталась одна занимательность пиитическая. Политика не существует ни для древней Литвы, ни для меченосного ордена.

Непонятно, почему обвиняют сию поэму в том, что она *не историческая* и наполнена *вымыслами*. Конечно, это не история, ибо историю нельзя писать стихами! Автор вымыслил любовь и распространил это чувство пиитически, но от того сочинение не перестает быть историческим, потому что главные действующие лица взяты из истории, и характеры их представлены так, как их описывает история. Автор поэмы почерпал их у Дюисбурга, Гарткноха и Коцебу. В конце поэмы есть ссылки и доказательства, что поэма *основана* на истории.

Напрасно также обвиняют автора, что с умыслом соединил историю Литвы и Пруссии и что эти народы никогда не были соединены.

Напротив того, все историки, от Виганда и Дюисбурга до Коцебу, Карамзина и Кеппена, трактуют историю двух народов как один предмет, и все материалы для истории Литвы находятся в истории Пруссии. Впрочем, какая может быть опасность от сего воспоминания? — Между пруссаками и литовцами уже несколько веков нет никаких сношений. Неужели можно предполагать, что пишущий о чухнах, татарах или новгородцах не может иметь другой цели, как возмутить сии народы против России, воспоминанием их прежнего состояния? В поэме «Валенрод» нет никаких применений к этому, и поэма сия, пропущенная двумя цензурами в России, позволена к напечатанию в Пруссии и печатана в Познани. Никто не нашел в ней намеков на нынешние обстоятельства.

Обвиняют автора в том, что характер Валенрода злой и безнравственный. Упрек сей справедлив, хотя в литературе вовсе неслыханный! Если б представлять одних нравственных людей, то не было бы ни трагедии, ни трагической поэмы, в которых описываются страсти и преступления с их вредными последствиями. Поэма «Валенрод» приближается к трагедии и даже составлена из разговоров. Автор представил Валенрода таковым, каким изобразили его историки Пруссии: Дюисбург, Лука Давид и Коцебу, нигде не хваля его и не оправдывая. Валенрод представлен человеком с буйными страстями, которые вводят его в погибель. Он мстителен и из мщения решается на измену, но совесть мучит его, и он наказан за сие Провидением. Мучения Валенрода, презрение, которым он покрыт, и ужасная кончина должна, напротив того, возбудить в читателе отвращение к подобным поступкам, а не возрождать желание быть подобным злодеем.

Характер Валенрода ужасный. Он мужествен, но коварен, и вот почему поставлен эпиграф: «Bisogna essere volpe e lione»[9]. Эпиграф не есть наставление или нравственный урок, но, так сказать, извлечение, или эссенция характера целого сочинения, отблеск главного лица и действия. Почему обвинители поэмы «Валенрод» и эпиграфа к оной, обвиняя автора в желании распространять польский патриотизм воспоминанием литовской истории, позабыли упомянуть о другом эпиграфе, находящемся в сем же сочинении, в предисловии, где автор, излагая свой образ мыслей, между прочим говорит:

«Was unsterblich im Gesang soll leben,
Muss im Leben untergehen»[10].

Автор доказывает, что история Литвы именно от того поэматическая, что народ литовский не может никогда существовать отдельно.

Впрочем, эпиграф: «Bisogna essere volpe e lione» есть известная эмблема италианской политики средних веков и применяется вообще ко всем изменникам.

Обвинители нападают более на то место, где описано детство Валенрода, или Альфа, который, будучи воспитан в христианском законе, ненавидит магистра и снова уходит к идолопоклонникам. В средних веках, в войнах за веру такие случаи были весьма обыкновенны. Кажется даже, что автор поэмы взял в пример бегство Брюсса от англичан к шотландцам, из известной поэмы Валтера Скота: «The Lord of the isler»[11]. — Тогдашняя ненависть между Литвою и меченосцами и жестокости рыцарей не выдума-

ны автором поэмы, но описаны во всех хрониках и в «Истории Пруссии» Коцебу. Альф не есть выдуманное лицо, но историческое: он не только бежал из Мариенбурга к идолопоклонникам, но даже увел с собою литовского князя Кейстута, как пишут летописи и тот же Коцебу.

Итак, трудно найти применения политические в поэме «Валенрод», без особенного предубеждения против автора и желания видеть в нем все дурным. Весьма немудрено в каждой поэме, в каждой трагедии найти применения, ибо дела человеческие вообще сходны между собою в разных эпохах и разных странах. Каждый роман Валтера Скота можно применить к Польше, где столько же было войн и возмущений, как и в Шотландии, и где феодализм действовал с равною силою. Если б поэма «Валенрод» заключала в себе польский патриотизм и питала ненависть поляков к русским, как говорит обвинитель, то она не только не имела бы никакой занимательности для русских, но даже возбудила бы их негодование. Напротив того, поэма сия переведена на русский язык.

Г. Новосильцов обвиняет поэта Мицкевича в том, что он в изданных им «Сонетах» в Москве[12] представляет себя как жертву политического преследования и воздыхает об отечестве. Об этом именно нет ни слова в «Сонетах», и удивительно, на чем основался обвинитель! В одном только сонете поэт жалуется на неверность любовницы и спрашивает: воспоминает ли она о прежнем друге, оставаясь на прежнем месте? О преследовании нет ни слова, даже намека! — Сонеты сии переведены на русский язык и названы любовными.

При сем должно повторить однажды уже сказанное, что Мицкевич человек тихий, скромный, чуждый всех политических мечтаний, занимающийся единственно поэзией, как единственным ремеслом своим к пропитанию. Он ведет себя отлично хорошо и возбудил к себе уважение. Московский военный генерал-губернатор[13] рекомендовал его с самой лучшей стороны, и он вполне оправдывает сию рекомендацию. В Вильне и Варшаве есть партия литературная, которая преследует его из зависти к его таланту.

Печатные экземпляры поэмы «Валенрод» и «Сонетов» Мицкевича у сего представляются, для встретиться могущих справок[14].

4 июля 1828

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 38—52. Опубликовано: РС. 1903. № 11. С. 334—337.

Военный министр А.И. Чернышев 6 июня 1826 г. представил начальнику Главного штаба И.И. Дибичу дело о переписке Греча и Булгарина с Виленским университетом (содержавшее и представление Новосильцова). Вскоре дело было переслано в III отделение, а оттуда переправлено Бенкендорфу в Карасу со следующей сопроводительной запиской Фока (даем в переводе с французского): «Умоляю Ваше Сиятельство прочесть со вниманием прилагаемую бумагу. Ваше Сиятельство с первого взгляда поймет, о каком готовящемся ударе идет речь.

Я воздержусь от каких бы то ни было рассуждений об этом злом умысле и предоставлю Вашему Сиятельству, обладающему сердечной прямотой и проницательностью, самому судить о них.

Я весь содрогаюсь, когда вижу, что особы, облеченные доверием и властью, дерзают жертвовать всеми чувствами чести и справедливости ради ненависти и

преследования отдельных лиц. Как же должен благомыслящий человек сочувствовать императору!

Вдобавок весьма замечательно, что называют лишь фамилию Булгарина, который только объявил о выходе сочинения, тогда как почти все прочие русские журналы поместили его разборы, а московские даже напечатали полный перевод» (Там же. Л. 23). Дело вместе с запиской Фока вернулось из Карасу 23 июня, с подписью Бенкендорфа на записке: «Я его прочел и дал прочесть». В дальнейшем была подготовлена публикуемая оправдательная записка, посланная Бенкендорфу со следующим письмом Фока (даем в переводе с французского): «Ваше Сиятельство соблаговолили официально приказать мне изложить свои замечания по поводу доноса, посланного г-ном Новосильцовым графу Чернышеву и отосланного этим последним графу Дибичу, касательно поэмы поляка Мицкевича и Булгарина, заподозренного в предосудительном поведении.

Я сделал эту работу, стоившую мне двух белых ночей, с моей обычною прямотою, и не имею никаких других гарантий совершенной правдивости моего изложения, кроме моей головы, каковую и умоляю Ваше Сиятельство сложить к ногам Его Величества» (Там же. Л. 37). На письме надписи (на французском) Бенкендорфа: «Можно сообщить записку» — и Николая: «Лучше замять. Оставьте». Письмо это было возвращено в Петербург 20 августа.

[1]Булгарин дал здесь резюме подготовленной им в феврале 1827 г. оправдательной записки (см. № 58).

[2]Имеется в виду обширное «Рассмотрение "Истории государства Российского"», написанное И. Лелевелем, которое Булгарин перевел на русский язык и опубликовал в своем журнале СА (1822. Ч. 4; 1823. Ч. 8; 1824. Ч. 9, 11, 12).

[3]См.: *Ф. Б*[*улгарин*]. Мысли, родившиеся при чтении книги «История российско-австрийской кампании 1799 года, под предводительством Суворова-Рымникского, изданная Е.Б. Фуксом»//СП. 1826. 1, 3 июня; *Булгарин Ф.* Петр Великий в морском походе из Петербурга к Выборгу (Исторический отрывок)//Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828.

[4]См. в СА: Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца <...> (1825. № 1—3, 6, 7); Дневные записки путешествия к запорожскому войску гг. королевских комиссаров (1827. № 1, 2); Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань <...> в 1797 г. (1828. № 1, 2).

[5]См.: *Булгарин Ф.* Краткое обозрение польской словесности//СО. 1820. № 31. С. 193—218; № 32. С. 241—264.

[6]См.: *Булгарин Ф.* Освобождение Трембовли. Историческое происшествие XVII столетия//Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823. С. 357—369.

[7]См.: Смесь//СП. 1828. 21 февр.

[8]См.: Литературные известия//МТ. 1827. № 18. Отд. 2. С. 113—114; [*Полевой Н.А.* Рец. на кн.:] Mickiewicz A. Konrad Wallenrod. Petersburg, 1828//МТ. 1828. № 3. С. 436—438; *Мицкевич А.* Конрад Валленрод. Прозаический перевод С. Ш[евырева]//Московский вестник. 1828. № 7—10.

[9]А. Мицкевич в качестве эпиграфа к «Конраду Валленроду» поставил слова из трактата Н. Макиавелли «Государь»: «Dovete adunque sapere come sono due generazioni da combattere... bisogna essere volpe e leone» («Ибо должны вы знать, что есть два рода борьбы... надо поэтому быть лисицей и львом»; *ит.*).

[10]«Что бессмертно в мире песнопений,//В смертном мире не живет» (стихи Шиллера, пер. М. Лозинского).

[11]«Властитель островов» — поэма В. Скотта, изданная в 1815 г.

[12]См.: Sonety Adama Mickiewicza. M., 1826.

[13]Д.В. Голицын.

[14]«Объяснением» эта история не закончилась. 15 мая 1829 г. В.Ф. Адлерберг запросил Бенкендорфа о судьбе пересланного в III отделение дела. Не получив ответа, 19 октября 1829 г. он повторил свой запрос. 29 октября III отделение возвратило дело, однако 13 ноября Адлерберг в письме туда указал, что не получил при деле

докладной записки Чернышева и представления Новосильцова. Бенкендорф наложил резолюцию: «Почему не отосланы, если у нас находятся». Только после этого 26 ноября III отделение отправило наконец требуемые документы, присовокупив к ним копию с записки, поданной по этому вопросу императору, по прочтении которой он повелел Бенкендорфу «оставить сие дело без дальнейшего внимания» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 33—36). См. также дело по данному вопросу в РГВИА (Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Ед. хр. 60). В дальнейшем наветы на Булгарина со стороны польской администрации продолжались. В фонде III отделения сохранилась написанная, по-видимому, в 1833 г. записка, представленная великому князю Константину Павловичу для передачи Николаю, в которой говорилось о Петербурге, что «сборища здесь бывают довольно частые у Жильветера, его зятя Бабинского, у Анацевича, бывшего виленского профессора, и Иотки Наркевича <...>, где поют революционные песни и пьют за здоровье начинщиков бывшего польского мятежа; главные роли играют Бабинский, Анацевич, Булгарин и Анастасевич.

Во всех сих обществах бывает Ордынский, секретарь генерал-адъютанта Бенкендорфа, и нет вещи, которая бы касалась поляков, чтобы он им не передал, как тому были примеры» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 130 об.). В III отделении была подготовлена записка, опровергающая вышеизложенное (Там же. Л. 139—141), причем о Булгарине, по-видимому из-за известной его лояльности в период польского восстания, там даже не упоминалось.

---

160 Письмо из деревни близ Дерпта 11-го июля 1828

Я встретил по пути[1] одного важного чиновника, едущего из Варшавы, и из слов его узнал, что моя погибель решена в Варшаве. Причина тому та, что благородные люди, составляющие свиту князя Любецкого[2], стали превозносить меня похвалами и, как обыкновенно водится, прибавили чего и не бывало. Главная моя вина в том, что они разгласили, что я враг злоупотреблений и что русское правительство так мудро поступает, что не только не гонит меня за сатирические сочинения, но даже награждает, и что лучшие вельможи любят меня. Слова: враг злоупотреблений, любимый вельможами — произвело ужасное действие на злых людей. А поелику я поляк и могу не любить также злоупотреблений в Литве — вот и вся причина гонений и ненависти. — Эта мысль отравляет мое спокойствие и счастие в малом моем имении. Если злодеи успеют вовлечь *первое лицо*[3] — тогда легко погубить меня. Кто защитит меня? Бог высоко, Царь далеко! А иногда для bienséance[4] — бросят в жертву. — Помните, Отец мой, что на Вашей душе будет грех, если Вы меня отдадите на съедение.

Из здешних новостей скажу Вам

1. Здешние помещики не слишком унывают от разнесшегося слуха, будто в октябре снова будут брать рекрут, но соседние русские и польские губернии в отчаянии. Нынешнего лета работники ужасно дороги и их почти нет от того, что много кроется от очереди, а русские люди возвратились восвояси. Если в октябре опять будет набор рекрут, то все лесные подряды из русских губерний, извозы и зимние дела много потерпят, и не только Рига, но и другие города почувствуют. Русские желали войны, думая, что у нас много войска, которому надобно занятие, а не предвидели, что войско должно комплектовать. Они надеялись также, что торговля внутренними произведениями поправится во время войны, что будут подряды и проч. Теперь приуныли крепко.

2. Достоверно, что шведский двор и народные партии находятся в недоумении и с трепетом ожидают последствий разных политических предзнаменований. Брак шведского принца, лишенного престола[5], с нидерландскою принцессою[6], тогда как носились слухи, что принцу Оскару отказали в руке дочери герцога Александра Виртембергского[7], навел уныние на приверженцев Бернадота. Народная партия, поныне плачущая о потере Финляндии, ожидает разрыва между тремя союзными державами, особенно с Англиею и Австриею, и старается забросить семя надежды в нашу Финляндию. Густависты подняли головы. Явного ничего нет, ибо каждая партия почитает главным держаться в стороне. Однако ж мнения не могут быть скрытыми, и это состояние умов в Швеции достигло до Риги. Финляндцы весьма недовольны тем, что в начале нынешнего царствования нарушена их конституция[8], а главное тем, что наши русские чиновники предсказывают им совершенно падение оной. Шведы поставляют в пример Польшу и припоминают длинный ряд веков блаженства в соединении с Швецией. Тайная корреспонденция, статейки в газетах шведских, все обнаруживает общее стремление умов в этой части Севера и желание, чтоб Россия приведена была в затруднительное положение разрывом с союзниками и с Австриею.

Сидя на большой дороге в Европу, буду сообщать, что достойно внимания.

Письмо Булгарина, включенное в «Секретную газету» и переписанное Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 231—232. Перед текстом карандашная надпись: «La lettre est de l'auteur [de la notice sur] Mentschéwitsch» («Это письмо автора [записки о] Менчевиче (Мицкевиче? — *А.Р.*)» — фр.). После слов: «Из здешних новостей скажу Вам» Фок приписал по-французски: «Le Boulgarin qui a acheté une petite terre en Livonie» («От Булгарина, что купил небольшое поместье в Ливонии»).

[1]Булгарин, взяв отпуск в министерстве народного просвещения, где числился на службе, 31 июня уехал в Дерпт (в апреле этого года он купил имение Карлово, расположенное под Дерптом).

[2]Речь идет об А. Ленском и Л. Сапеге.

[3]То есть великого князя Константина Павловича.

[4]Соблюдения приличий (*фр.*).

[5]Имеется в виду Густав, принц Ваза — сын шведского короля Густава IV Адольфа (низложенного в 1809 г. и проживавшего в Германии, а затем в Швейцарии под именем полковника Густавсона), считавшийся претендентом на шведский престол.

[6]Обручение нидерландской принцессы Марианны с принцем Густавом состоялось 13 (25) июня 1828 г. в королевском замке Лоо (см.: СП. 1828. № 79; см. также записку № 156).

[7]Речь идет о принцессе Марии Виртембергской, которая в 1833 г. вышла замуж за герцога Саксен-Кобургского.

[8]После присоединения к России в 1809 г. Финляндия имела широкую автономию (она зависела от России только в вопросах внешней политики), в основу управления ею была положена шведская конституция 1772 г.

---

161 Выписка из письма близ Дерпта

1. Приказ Государя об исследовании бывшей брани в Сенате, между двумя обер-секретарями[1], произвел благотворное впечатление в Лифляндии. Уверенность, что злое не скрывается от Государя и в шуме воен-

ном и что око Его взирает на Россию из лагеря, ободрило благомыслящих, которые сожалели, что война отвлекла Государя от важного подвига исправления нравов.

2. Между провинциальными политиками мнения насчет войны разногласны. Одни предсказывают скорый мир за посредством Англии и Австрии, полагая сии две державы соединенными одними видами, т.е. чтобы препятствовать усилению России и ослаблению Порты. — Другие думают, что по совету сих же двух держав Порта намерена завлечь русских за Балканы и там начать войну в поле. Думают, что поелику в Булгарии можно воевать только летом, пока есть подножный корм, то турки хотят медлить с своими операциями до зимы, чтоб голодом и недостатком фуража и болезнями истребить русскую армию или заставить ее отступить[2] и тогда напасть из крепостей, которые удержатся до поздней осени или самой зимы. — Многие удивляются, почему наши не сделали десанта в Морее, с флота адмирала Гейдена. — Удаление Кодрингтона[3] почитают несомненным знаком со стороны англичан, что они не хотят деятельно помогать России. Когда перед одним англичанином говорили в Риге о возможности взятия Константинополя, он решительно отвечал: «Этого не позволят европейские державы: об этом знает каждый мальчик в Англии».

«Выписка из письма близ Дерпта», переписанная Фоком и включенная в «Секретную газету» за 24 июля 1828 г., печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 244.

[1]Об этом инциденте см. записку № 155.

[2]Участник войны писал в воспоминаниях, что «кампания 1828 года оставила по себе память грустного ряда печальных приключений и больших бедствий, увенчавшихся под конец чумою. Наши главные коммуникационные линии по Добруджской степи обозначались тысячами павших волов, лошадей и верблюдов. Одним обонянием можно было дойти от Дуная до Варны и Шумлы; на каждых десяти саженях лежали трупы <...>. В войсках в ужасной степени были распространены поносы и лихорадки. Стоянка под Шумлою с каждым днем становилась невыносимее; доставка продовольствия затруднялась более и более гибелью волов, и дальние фуражировки не удовлетворяли насущной потребности; войска давно уже довольствовались половинною дачей сухарей» (*Стефан Г.Ф.* Два года в Турции//Инженерный журнал. 1878. № 1. Паг. 2. С. 13—14).

[3]В СП 5 июля 1828 г. была помещена информация о том, что Э. Кодрингтона, возглавлявшего английскую эскадру в Средиземном море, сменит адмирал П. Малькольм.

---

162 Выписка из письма Б... из Лифляндии от 1-го августа

1. В Остзейских провинциях разнеслась весть с быстротою молнии, что русские порты на Балтийском море будут блокированы англичанами. Утверждают даже, что с высоты ревельских башен видели флот, состоящий из 30 судов. К сему прибавляют, что шведы приступают к тесному союзу с Англиею.

2. В сих же провинциях говорят, что 14 баталионов пехоты из военных поселений идет занять посты по берегам Балтийского моря, что дивизия, которою начальствует генерал Скобелев[1], подвинется для соеди-

нения с Литовским корпусом и поступит под начальство Цесаревича, для действия против Австрии, если б Австрия начала войну, к чему есть много поводов подозревать.

3. Одна дама, проезжавшая из Петербурга чрез Дерпт в Ригу, привезла известие, что гвардию везут на подводах. Поелику в Остзейских провинциях существует самый лучший дух, невзирая на дурные вести, разглашаемые корабельщиками, то остзейские политики полагают, что гвардия нужна Государю в армии для того только, чтобы с блеском вступить в Константинополь.

4. При всей приверженности немцев к Престолу здесь много толкуют об осаде Браилова, по получаемым из армии письмам, и осуждают излишнюю горячность наступавших. На этот счет все мнения согласны.

5. Отправление английского дипломатического агента в Главную квартиру русской армии, агента, известного своими необыкновенными способностями и хитростию; свидание его с Меттернихом в Вене и нерасположение Веллингтона к войне заставляет многих верить, что в Главной квартире не обойдется без политических интриг. Многие даже думают, что намерения Государя и операционные планы могут быть передаваемы туркам сими иностранными агентами, от которых трудно будет скрыть все предначертания. Вообще, от присутствия дипломатического корпуса в Главной квартире не ожидают ничего хорошего, а даже боятся, чтобы завидующие России и славе Государя державы не успели вовлечь Его снова в лабиринт Меттерниховой политики, которой цель есть содержание России в бездействии, ослабление ее возжением внутренних беспорядков и таким образом упрочение мозаической Австрийской империи, которая может развалиться от одной прокламации русского Императора к италианцам, венгерцам и племенам славянским.

6. В обществе высокого тона носится весть, будто бы австрийский посланник Зичи представлял Государю план примирения с Турциею и будто Государь сказал, что теперь поздно и что об этом надлежало думать тремя месяцами ранее. Тогда якобы Зичи запел старую песню, которую Меттерних пел всегда Императору Александру, то есть что расположение умов в Европе клонится к либерализму и что возженная на Востоке война за свободу греческого народа может пробудить другие покоренные народы. На сие Государь якобы изволил отвечать: «У меня войска довольно, и я сохраню 200 т. на австрийской границе, для подания помощи брату моему Императору Францу, если б *кто осмелился оспаривать его первенство (prépondérance) в Европе*». — Подчеркнутые слова якобы произнесены были Государем с ирониею. Сим ответом, справедливым или вымышленным, все восхищаются, ибо сие доказывает, что Государь не хочет иметь политической няньки, Австрии, действует Сам Собою и чувствует Свою силу. Австрия и Меттерних ненавидимы во всех концах России, и многие старые военные говорят, что тотчас вступят в службу, как скоро объявят войну Австрии.

7. Способ продовольствия действующей армии весьма похваляем повсюду и возбудил следующие толки. «Если б, — говорят, — Государь захотел облагодетельствовать бедные провинции, лежащие близ портов и чрез то самое лишенные всякой возможности промышленности, а по упадке торговли не имеющие возможности сбывать своих земных произведений, то стоило бы только ввести такой же образ продовольствия войска, т.е. назна-

чить помещикам и крестьянам вместо податей деньгами платить произведениями земли, коих нет возможности сбывать. Столицы и несколько торговых городов поглощают все капиталы, и на земледельцев разливается так мало, что они едва могут снабдить себя солью и земледельческими орудиями, а при платеже податей занимают деньги по 20 процентов или за бесценок сбывают свои запасы. Например, если б за подводы также давали квитанции, принимаемые в счет податей, тогда вместо жалоб при проходе войск крестьяне были бы довольны. Ибо ныне они вовсе не получают положенной Государем поверстной платы или получают не в свое время. Говорят: «Надобно непременно думать, чтоб как-нибудь поправлять общий недостаток в наличных деньгах, ибо бедность доводит народ до отчаянья и до всех политических и нравственных преступлений».

«Выписка из письма ...», переписанная Фоком и включенная в «Секретную газету» за 8 августа 1828 г., печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 284—287.

[1]И.Н. Скобелев был начальником 3-й пехотной дивизии.

---

163 Секретная газета [22 августа 1828]

О войне

1) В обществах, где толкуют о нынешней войне, приверженцы Государя и нынешнего порядка вещей оживили мысль, которая приводит многих в восхищение. Они надеются, что Государь вступит в Константинополь с победоносным войском и что современники и потомство присоединит к Его имени прозвание: Николай Византийский, для вечной славы России.

2) Много беспокоятся насчет армии Паскевича. Разнеслось известие, что в Карсе открылась чума, от которой погибло даже много наших, и что в карантине еще более погибло пленных турок. Говорят также, что в Персидской области, нами занимаемой до уплаты контрибуции, особенно в Хое, свирепствует чума и что отряд Панкратьева[1] подвергается большой опасности. Посему думают, что успехи российского оружия с сей стороны остановлены и что Паскевич принужденным нашелся отступить, дабы поступая вперед не подвергнуться заразы. Многие также толкуют насчет малочисленности отряда Паскевича. «Войска много, — кричат патриоты, — а где же оно?»

3) Говорят, что нашего курьера, возвращающегося из-под Шумлы, убили жители и что многих отставных солдат и офицеров также перебили. Это заставляет многих опасаться насчет привычки Государя путешествовать в неприятельской земле без эскорты и вверяться молдаванам и некрасовцам[2], которых почитают людьми коварными. На сей счет рассказывают много анекдотов из прошедших кампаний.

4) Какой-то приехавший в Москву комиссионер рассказывал, что 30 т[ысяч] отборных турецких наездников обещали султану захватить в ночное время всю Главную нашу квартиру и самого Государя Императора; но один добрый турок открыл нам сей умысел, и Государь приказал тотчас переменить Главную квартиру, а на том месте, где она расположена, пост-

роить скрытно четыре батареи. — Турки действительно прискакали ночью и были встречены сильным действием батарей, от чего осталось их на месте около 20 т[ысяч], а остальные разбежались. О сем много толков между простым народом.

5. Распространился слух, что граф Дибич отчаянно болен. Многие уверяют, что он смертельно ранен. Говорят также, что Государь вошел однажды в ставку фельдмаршала Витгенштейна и застал его играющего в гранд-пасиянс. Государь разгневался и сказал, что в это время можно было бы заняться чем лучшим.

Рассказывают также, что генерала Ридигера порядочно пощипали[3].

[2]

1) Носится слух в столице, что в Гродне снова началось какое-то политическое следствие и что туда приехали Новосильцов, Байков и ректор Виленского университета Пеликан. Знающие тот край теряются в догадках и не постигают, кого бы можно было еще подозревать в политических замыслах в столь тихом городе, как Гродно. Один вельможа сказал по сему случаю: «La rage de persécuter les Polonais va jusqu'au ridicule»[4].

2) Носится слух, что для английского посла, находящегося при Главной квартире, ищут в столице дом; а из сего заключают, что он скоро сюда прибудет. Говорят также, что Государь Император возвратится в сентябре и что Императрица Александра Федоровна возвратится для разрешения от бремени.

[3]

Известный обер-секретарь Сената Леликовский, который оказывается виновным по следствию о бывшей брани в Сенате с секретарем Ляпуновым, должен выдти в отставку[5]. Его место хочет и старается занять секретарь 3-го департамента Сената Бучинский, первый интригант и взяточник, у которого в доме находится род ярмонки для продажи с молотка правосудия в польских губерниях. Сей Бучинский, чтоб иметь протекцию, обрабатывает дела сенатора графа Северина Осиповича Потоцкого, у которого необыкновенное множество процессов. — Граф Потоцкий, чтоб пособить Бучинскому занять место обер-секретаря, поспешил отъездом своим из Одессы в Петербург.

Наименование Бучинского обер-секретарем произведет пагубное впечатление в умах, ибо ныне как будто нарочно всех самых злейших ябедников и взяточников стали возвышать и награждать, например, Солодовникова, Солоницына, Леликовского и тому подобных, а оттого, сколько в начале надеялись на истребление взяток, столько ныне отчаиваются[6].

[4]

Весьма неприятные толки произвело в публике наименование г. Закревским коллежского советника *Фелькнера* в начальники 2-го (важнейшего) отделения медицинского департамента, имеющего предметом все торги, закупки, заготовления и проч. — Фелькнер лет восемь работает, чтоб получить сие хлебное место, и чего он не мог добиться прежде, того достиг ныне чрез покровительство полковника Жуковского, который имеет большое влияние на г. Закревского.

Нравственность и умственные достоинства Фелькнера известны не по слухам одним: пусть заглянут в его послужной список; он был отставлен из почтового ведомства за расхищение денег, и ему позволено было вступить в службу только отнюдь не по денежной или другой интересной части. Грамоту он знает также плохо. Мастер говорить, лгать, клеветать, льстить, хвастать — и достиг своей цели. Если Закревский представит о нем в комитет министров, то покроет себя стыдом. Особенно известен Фелькнер графу Кочубею[7].

Приверженцы Закревского говорят, что Жуковский намерен в сентябре месяце подать в отставку и потом, по представлении Закревского, занять место [директора] медицинского департамента. Если сие может случиться, то много будет ропоту и не без уважительных причин.

Разделы «Секретной газеты» за 22 августа 1828 г., атрибутируемые нами Булгарину и переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 297—298, 300, 301.

[1]После завершения русско-персидской войны в северных районах Персии под командованием генерала Н.П. Панкратьева был оставлен отряд русских войск (шесть батальонов и два казачьих полка) общей численностью более трех тысяч человек.

[2]*Некрасовцы* — потомки донских казаков-старообрядцев, ушедших после подавления восстания Кондрата Булавина на Кубань, а позднее в Турцию. Там они были освобождены от податей и повинностей, с обязательством воевать против России, если это будет необходимо. С началом русско-турецкой войны некрасовцы перешли на сторону России.

[3]Ф.В. Ридигер, командуя авангардом русской армии, 25 июня сделал попытку захватить ущелья у подошвы Балкан, но был атакован турецкими войсками, выступавшими из Шумлы, и после упорного боя отразил их.

[4]Рвение в преследовании поляков доходит до смешного (*фр.*).

[5]Д.А. Лелековский вынужден был покинуть Сенат, в дальнейшем он служил чиновником особых поручений при департаменте полиции.

[6]И.Ю. Бучинский, который служил секретарем в Сенате, так и остался на этом посту, не получив должность обер-секретаря.

[7]В адрес-календарях на 1828 и 1829 гг. И.А. Фелькнер значится лишь как правитель канцелярии медицинского департамента, а в феврале 1829 г. он покинул и этот пост. Ср. переписанную Фоком записку о Фелькнере за март 1829 г., которая, возможно, также принадлежит Булгарину: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 160. Л. 1—2.

---

164 Секретная газета [29 августа 1828]

[1]

Между просвещенным классом в столице происходят следующие толки о войне, принимаемые большинством голосов.

План войны все похваляют. Употребить флот для действия на Черном море, сосредоточить операционную линию к берегу, для обеспечения продовольствия и сообщения с Россиею, бросить ужас в сердце Турецкой империи, начав военные наступательные действия в Малой Азии, отнять крепости на Азиатском берегу, служившие поджогою горских народов, — все это обдумано с познанием дела, тактически, с мудростию, достойною великих полководцев. Но исполнение весьма многие берутся критиковать. Говорят, что мы слишком легкомысленно понадеялись на успехи без со-

противления со стороны турок; что слишком поздно начали войну; что употребили весьма мало войска. — При столь мудром плане, говорят политики, надлежало бы по-наполеоновски двинуть огромные массы, занять все важные пункты прежде, нежели неприятель опомнится, и время в ожидании неприятеля употребить на собрание огромных лазаретов. Припоминают, что в прошлую кампанию граф Каменский в мае уже был под Шумлою и что в нынешнюю кампанию в мае турки еще только собирались около Адрианополя, следовательно, мы имели время идти вперед. Замечают, что во всех военных известиях наших говорится, что неприятель *сильнее* на всех пунктах, это заставляет недоумевать, где же наши войска, о которых кричали повсюду, что число их слишком велико. Малочисленность отряда Паскевича[1] также всех удивляет. Говорят: Государь должен кормить и одевать более миллиона войска, а на службу, так Ему недостает. Рекрут берут до того, что уже трудно найти способных, а между тем нет людей. При сем распространяются в критике военной администрации и думают, что не должно судить о силе по спискам.

Между тем теперь заботятся, где поместить наши войска на дождливое или зимнее время, когда нельзя производить военных действий. Все думают, что было бы большим счастием, если б до зимы можно было вытеснить неприятеля из позиции при Шумле, взять Варну, Бургас и операционный центр армии учредить на берегу морском, где удобно иметь продовольствие из России. Полагают, что нужно было бы поднять князя Милоша с сербами, который бы занял войска турецкие, стоящие в Малой Валахии, и тем дал бы нам возможность сосредоточить свои силы и не растягивать их на столь далеком расстоянии. Таковы мнения столичных политиков.

Думают, что причиною медленности в ходе дел наших суть Австрия и Англия. Австрия, задерживая в конце зимы и в начале весны российский Двор, замедлила объявление войны и вторжение в неприятельские пределы. Думают, что в армии нашей, кроме принца Гессен-Гомбургского, находится много шпионов и что план защиты турков составлен в Австрии. Англия якобы продовольствует турок и снабжает секретно амуницией и советами. — Экспедиция французов в Морею[2] чрезвычайно приятна русским и оживляет надежды.

[2]

Военные обстоятельства отвлекают ныне умы от всего другого и заставляют рассуждать и толковать все состояния. Остановка в движениях военных подала повод к неблагоприятным толкам, а известия о смертности в войске, подкрепляемые смертию некоторых генералов, пользовавшихся уважением публики, еще более распространяют уныние. Можно достоверно сказать, что известие о князе Меншикове[3] и смерти генерала Константина Бенкендорфа[4] разлило печаль и тяжкое уныние в сердцах приверженцев правительства и поразило всех горестию[5]. Но среди борения различных страстей, между множеством разногласных мнений сильно обнаруживается *одно* общее чувство, имеющее предметом *одно* общее опасение. Это чувство одевает трауром самые триумфы и представляет будущее в мрачном виде, наполняя сердца страхом. Все трепещут о священной особе Государя Императора, подвергающегося опасностям от войны и климата.

Нет сомнения, что все состояния в России, исключая малого числа, желали войны, которая долженствовала освободить греков из неволи, возвысить достоинство русской политики и показать свету, что Россия выбилась из-под влияния чужеземной политики и действует сама собою, как должно могущественной державе. Радовались объявлению войны, не предполагая, что она бросит на весы фортуны участь России, ее будущее спокойствие и все надежды, то есть не думали, что Государь будет лично участвовать в войне. Во всяком деле взвешивают возможные потери и выгоды в будущем, и перевес одних или других определяет расположение душ и умов. Само по себе разумеется, что турки ничего не могут выиграть в войне с Россиею, и если б даже Россия понесла убытки и потери в продолжение брани, то конец всегда бы наградил Россию или выгодным трактатом, или приобретениями. Но теперь, когда самое благополучное и славное окончание войны, и даже взятие Константинополя не может быть столь утешительным, как то, что Россия может потерять в особе Государя Императора, все россияне всех партий согласно вопиют против войны, которая за неверные и неблизкие выгоды наполняет ежеминутно страхом и ужасом все сердца, подвергая опасности драгоценную жизнь, с которой сопряжено спокойствие и счастие России. «Стоит ли вся Турция того, что[бы] мы беспрестанно страшились потерять Государя», — говорят со всех сторон. «Неужели Государь для личной воинской славы захочет пожертвовать благом отечества, вверившего ему судьбу свою?» — вопиют громко. Некоторые речи чрезвычайно смелы и произносятся с некоторым родом отчаяния. «Кто знает, — говорят, — быть может, где-нибудь в мраке кроются злые замыслы и злодеи ожидают только случая, чтоб возмутить спокойствие России. Кто может отвечать за то, что случится при малолетнем Императоре, в правление Великого князя[6], который далек от репутации, приобретенной Государем? — Николай Павлович, неустрашимый среди бунтовщиков, кроткий в домашней жизни, добрый отец, примерный муж и сын, правосудный, откровенный, создан, чтоб исцелить раны России, излечить ее от смертной болезни: деморализации. На Него все надежды. Вот почти три года мы живем тихо, смирно и видим только направление к лучшему. Какие надежды на будущее, если Он узнает более Россию и ее потребности? И все это теперь подернуто мрачным туманом, все надежды брошены между ядер неприятельских и убийственного климата. Вот теперь надлежало бы Совету и Сенату показаться достойными сынами России, собраться и выслать депутатов просить Государя о возвращении. Ему предлежит слава высшая, нежели слава генерала и храбреца: законодательство, просвещение, правосудие и истребление вкоренившихся злоупотреблений. Мы знаем, что Он не трус, Он уже дал тому доводы, и 14 декабря должно было иметь гораздо более смелости, нежели на приступ».

Таковы речи, слышимые повсюду, произносимые с горестию и даже с дерзостию, внушаемыми отчаянием. Поистине, можно сказать, что это *общее мнение*, *общее* без исключения, и если справедлива пословица, что глас Божий — глас народа, то желание народа о возвращении Государя в столицу есть глас Божий.

Бюллетенов ожидают с нетерпением, расхватывают с жадностию, и если в оных не находят имени Государя, то начинают перетолковывать на дурное самые успехи русского оружия. Приближающееся осеннее время, столь опасное в тамошнем климате, еще более увеличивает опасение.

Разделы «Секретной газеты» за 29 августа 1828 г., атрибутируемые нами Булгарину и переписанные Фоком, печатаются по: СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 310—314.

[1]И.Ф. Паскевич командовал русскими войсками на кавказском театре войны. Его отряд насчитывал 14 тысяч человек (см.: *Ляхов В.А.* Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828—1829 годах. Ярославль, 1972. С. 128).

[2]В СП сообщалось (1828. 9 и 25 авг.) о том, что Франция планирует послать экспедицию в Морею для помощи грекам, борющимся за освобождение страны от турецкого ига.

[3]В «Прибавлении» к СП за 27 августа сообщалось, что 9 августа под Варной А.С. Меншиков был ранен ядром в ногу.

[4]Брат начальника III отделения А.Х. Бенкендорфа, генерал-лейтенант К.Х. Бенкендорф, командовал летучим отрядом на балканском фронте военных действий и 6 августа умер от болезни (см. его некролог: СП. 1828. 27 сент.).

[5]Возможно, под влиянием этих замечаний Булгарина И.И. Дибич 14 ноября 1828 г. рекомендовал А.И. Чернышеву следующее: «Заметив из Высочайших приказов, что до сего времени не исключены еще многие генералы, убитые или умершие в течение нынешней кампании, я полагал бы полезным, для избежания недоразумений, имеющих нехорошее влияние на образ мыслей и подающих тем повод к противным суждениям, исключение генералов сих вносить в приказ как можно реже или даже вовсе в оные не помещать, а просто исключать и собирать о том только сведения, кому следовать будет» (РС. 1909. № 11. С. 248).

[6]Имеется в виду Михаил Павлович.

---

165 Секретная газета [5 сентября 1828]

[1]

В Петербурге получены письма из Варшавы и Вильна, в которых уведомляют, что Н.Н. Новосильцов объявил сильное негодование против нового Цензурного устава и что он составляет проект нового Устава для Литвы и критику на существующий Устав, которые хочет представить Его Императорскому Величеству чрез Цесаревича.

Основанием устава соч[инения] г. Новосильцова есть то, чтоб Литва вовсе не зависела от министерства просвещения и по ученой части состояла непосредственно в ведении Цесаревича и г. Новосильцова. Что же касается до правил, которыми должны руководствоваться цензора в Литве, то они совершенно противоположны правилам нынешнего Цензурного устава. — Разрешение сего дела ожидают с нетерпением.

Раздел «Секретной газеты» за 5 сентября 1828 г., атрибутируемый нами Булгарину и переписанный Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Ед. хр. 3195. Л. 328.

---

166 Секретная газета [12 сентября 1828]

1

Последние известия из армии, об отступлении из Шумлы[1], не произвели много толков, потому что все ожидали этого по ходу дел. Теперь только теряются в догадках, чем кончится кампания нынешнего года и где

остановятся наши войска на зимних квартирах. Некоторые думают, что главная турецкая армия из-под Шумлы сделает диверсию в окрестностях Варны, чтоб подвинуть назад целую нашу линию.

Говорят: «У генерала Рота под Силистрией *менее* войска, нежели у турок; под Шумлою наших также *менее*; у генерала Гейсмара *также*, во всех известиях пишут о превосходном числе неприятеля на всех пунктах. Где же наше огромное войско? Правда, что сила войска зависит от его духа. Ведь наши бивали турок, будучи и в малом числе[2]; бьет их и теперь Паскевич».

Вообще в обществах говорят, что иностранные посланники в армии много повредили нашим, шпионством и сношениями с турками. Этому верят даже многие из высшего класса общества. Американский посланник[3] сказал одному из русских литераторов: «Некоторые европейские державы, зная, что ничего нет ужаснее для Европы, как российский Государь — завоеватель и любитель войны, без сомнения будут делать всевозможные интриги, чтоб сделать ему неприятною войну неуспехами (pour le dégoûter de la guerre par des revers)».

2

Известия, полученные здесь посредством тифлисской газеты, о взятии Паскевичем Ахальцыка и разбитии турецкой армии в 25 т[ысяч] человек, восхитило, упоило восторгом русских[4]. Самый тон реляции, написанной в духе народном, чрезвычайно нравится и некоторым образом возвысил народную гордость. Слова: «*С пепелищ Ахальцыка*, крепости, *известной в целой Азии*»[5] и тому подобное радуют русские сердца. Теперь нет ни конца, ни меры излияниям русского патриотизма. — «Вот наш русской человек! — говорят о Паскевиче. — Он не мудрит на бумаге, да бьет по-суворовски. Его как будто на смех выставили в Азию с 14 т[ысячами] войска, а он себе формирует войска, да бьет. Вот этот не из Аракчеевских, а Николаевский. Как наш Царь поживет долее, да узнает сам людей, так и пойдет все хорошо». — В высшем классе народное самолюбие также утешается тем, что Паскевич побеждает, а приверженцы Государя вообще рады, что он оправдал выбор Государя.

3

Указ о рекрутском наборе[6] произвел сильное впечатление. Помещики, фабриканты, купцы и простой народ оказывают уныние. Жалуются на малолюдство, на недостаток рабочих и способных людей и на безденежие. Помещики и фабриканты утешаются одним, что набор будет зимою, когда людям нельзя прятаться по лесам и бегать от работы. Надеются также, что будут употреблены те же меры при нынешнем наборе, как и при прежнем, для защиты сдающих рекрут от притязаний поборщиков и присутственных мест. Если еще к весне будет новый набор, говорят в столице, то надобно будет отказаться от имения, потому что останутся одни старцы, дети и калеки. Хотя это преувеличенная жалоба, но в унынии народ все толкует в дурную сторону и все видит в дурном виде. — Многие говорят, что надлежало бы сделать *вербунки* в столицах и в больших городах. Это бы очистило общество от множества праздношатающихся и дало бы несколько полков или укомплектовало бы старые полки. *На капитуляцию*, то есть по уговору на несколько лет, много найдется охотников в солдаты. Боятся только 25 лет службы.

4

Просители и вообще все имеющие тяжебные дела жалуются на медленный ход оных и прижимки. Ныне берут более взяток, говоря, что *времена опасные* и что тот, кто берет, рискует, чтоб не попасть в беду, а за тем и брать должен более. Просители говорят в шутку, что прежде были *простые* взяточники, а ныне *страховые*. Соблюдение канцелярской тайны, подтвержденное при нынешнем царствовании, для частных дел, есть первым источником взяток, ибо каждый платит, чтоб узнать, в каком положении его дело. — Мера, принятая Государственным советом (о чем уже было писано), чтоб член Совета не смел принимать записок по делу от просителя, сия мера, говорят, убийственная для правосудия. Часто проситель в Записке указывает на важнейшие пункты в деле, на пропуски в нижних инстанциях, на ложные ссылки на законы и т.п. — Записки есть замена адвоката. — Ныне все пути к изложению дела пресечены: что напишет докладчик, то и свято. Проситель не знает докладу и хотя по конфирмации узнает, что в докладе много несправедливого, но жаловаться некому, ибо Комиссия прошений отказывает в просьбах на конфирмованные решения. — Позволение или даже приказание членам Совета принимать Записки по делу было бы благодетельно и произвело бы приятное впечатление. Напрасно говорят, что в записках просители пишут ложь: адвокаты также иногда говорят ложь, но du choc des opinions jaillit la vérité[7]: из двух записок можно догадаться, что надобно наблюдать и на что обращать внимание в подлинном деле.

«Секретная газета» за 12 сентября 1828 г., переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 332—335. Разделы 5—9, не атрибутируемые нами Булгарину, не включены в данную публикацию.

[1]Передислокация армии из Шумлы началась в конце августа. В «Прибавлении» к СП за 8 сентября сообщалось, что недостаток фуража под Шумлой «будет поводом к оставлению занимаемой ныне нашими войсками позиции и к перенесению Главной квартиры 2-й армии в Енибазар».

[2]Как раз в день отсылки этого номера «Секретной газеты» (т.е. 12 сентября 1828 г.) четырехтысячный отряд генерала Ф.К. Гейсмара в сражении под Боэлешти разбил шестикратно превосходящие его по численности силы турок.

[3]Этот пост занимал Генри Миддлтон.

[4]Ахалцых был взят 17 августа. В СП 11 сентября была перепечатана из «Тифлисских ведомостей» подробная реляция о взятии крепости.

[5]Булгарин цитирует неточно. В реляции был следующий текст: «С пепелищ Ахалциха, после штурма, 13 часов продолжавшегося, г. корпусный командир граф Паскевич-Эриванский имел счастие поздравить Его Императорское Величество с покорением сего города, известного во всей Азии».

[6]По всей империи был объявлен рекрутский набор для укомплектования армии и флота, при этом с каждых пятисот душ брали по четыре рекрута (для сравнения — в 1812 г. брали по восемь). См.: СП. 1828. 13 сент.

[7]в столкновении мнений рождается истина (*фр.*).

---

167 Секретная газета [19 сентября 1828]

2

Опытные морские офицеры оправдывают контр-адмирала Рикорда и обвиняют капитанов кораблей, вошедших в английский порт, когда на сие не было приказания. «Мы знаем, что значит посещение английских

портов, — говорят моряки, — это род аренды. Там все комиссионеры и купцы ожидают флота русского как добычи, а капитаны знают, что один день пребывания в английском порте стоит дороже казне, чем неделя в французских или италианских». — Все думают, что Моллер, ненавидящий Рикорда за его дружбу с Головниным, воспользуется сим случаем, чтоб погубить Рикорда, и уверяют, что он уже разглашал будто бы, что Рикорд виновен и что его надобно отдать под суд.

Раздел «Секретной газеты», переписанный Фоком и атрибутируемый нами Булгарину, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 346. Другие разделы этого номера «Секретной газеты» в архивном деле отсутствуют.

---

168 Секретная газета [21 сентября 1828]

Все забыто на время в столице: дела и взаимные отношения; все пустились рассуждать об одном предмете: о нынешней войне. Собраны были толки разных сословий, и результат оных представляется в сей краткой записке. Должно при сем сказать, что давно уже так явно и дерзко не кричали противу известных лиц, как ныне.

Военные люди высших степеней и приближенные к ним говорят: «Нет спора, что общий план военных действий, т.е. назначение операционных линий, составлен искусно, особенно назначением флота к соучастию в действиях; но исполнение плана не соответствует ожиданиям. Известно, что турки мужественно сражаются в укреплениях и неприступных позициях и весьма слабы в открытом поле, а потому-то все генералы, имевшие успех с турками, как-то Румянцев, Суворов и в двух сражениях Кутузов, употребляли все усилия тактики, чтоб вывести турок в чистое поле контр-маршами, ложными атаками, фланговыми движениями и обходами. Напротив, все генералы, не имевшие успеха, действовали по старой системе, осаждая и блокируя позиции, что противно и характеру русского солдата, и местностям театра войны, и характеру неприятеля. Неслыханное дело блокировать столь обширную позицию, как при Шумле, оставляя неприятелю свободное сообщение с тыла и с флангов и заперев своих солдат в редутах. На сем самом месте Каменский потерял время и часть успехов, подвергнувшись меньшей ошибке как ныне, и здесь же Румянцев обошел позицию. Шахматная тактика не годится против турок. *Быстрота* и *натиск* — правила суворовские — вот что обещает успех с турками. Блокировать позицию и позволять неприятелю получать подкрепления и даже бить себя в вылазках доказывают, что движениями руководствует теоретик, который по тем же правилам тактики действует против турок, как бы действовал против австрийцев или испанцев».

Многие подобные сему критические толки слышны между военными и даже высших степеней, и все обвиняют графа Дибича и генерала Берха в теоретическом упрямстве.

Как вообще в неприятных событиях общее мнение ищет жертвы, на которую изливает свое негодование. Все военные и статские чиновники ожесточены против генерала Берха, которому приписывают сильное влия-

ние на генерала Дибича. Берха называют *немецким Руничем**. — Бывшие с ним в киргизской экспедиции и служившие с ним на линии рассказывают о Берхе невероятные вещи и утверждают свидетельством многих лиц и бумагами. Говорят, что он в своих рапортах имеет привычку ставить такие вещи, которые вовсе не бывали, и говорит о своих подвигах с такою неслыханною смелостию, что многие им верят, хотя они вовсе не случались. Таким образом он получил награды за дела, которых вовсе не исполнил и единственно приобрел себе милости вкрадчивостью, поверхностными познаниями, мнимою решительностию и неимоверным хвастовством. Так описывают Берха. Говорят, что и ныне он ослепил графа Дибича ложными донесениями о состоянии турецких сил и способов к войне и ныне смущает своими проектами и планами. Может быть все это неправда, но так уверены военные люди. Что же касается до страсти Берха говорить и писать то, что не бывало, то мы имели случай удостовериться в сем, сравнивая его бумаги о киргизской экспедиции с бумагами других чиновников, с ним бывших. Это справедливо, что ему причтено в заслугу то, чего он вовсе не сделал и чего не было, как, например, измерение степи.

Военные люди сожалеют также о фельдмаршале Витгенштейне, который, как они говорят, согласился быть в своем чине un prête-nom[2], дав графу Дибичу право распоряжаться всем, а отвечая пред публикою своею славою. При успехах не было слышно имени Витгенштейна, при неудачах оно появилось в бюллетенах.

Военные люди негодуют, что имя убитого генерала Вреде[3] предано как бы поруганию. Должно обвинять тех, говорят они, которые могут оправдываться, а не тех, которые положили головы на поле чести.

Военные люди высших степеней вообще уверены, что все ошибки в действии скрыты от Государя Императора и что никто не смеет открыть ему оных. Надеялись, что Он при свидании с Воронцовым или с князем Меншиковым услышит истину.

Кампанию нынешнего года почитают конченною и думают, что величайшим счастием будет, если успеют взять Варну, для морского сообщения с Россиею. При сем многие насмехаются над некоторыми близкими к Государю лицами, которые разглашали, что по переходе чрез Дунай чрез 6 недель будут в Константинополе.

Хотя вообще военные люди рассуждают вольно и даже слишком смело, но поистине должно сказать, что об особе Государя Императора говорят с уважением насчет Его военных способностей: составление прекрасного плана операций приписывают Ему и весьма похваляют начальные действия под Шумлою, когда в Его присутствии некоторые отряды подвинулись вперед, мимо позиции, а целая армия смело приблизилась к самой позиции. Думают, что ложными умствованиями успели переменить планы самого Государя и что Он позволил советникам действовать как им угодно, чтоб во время Своего отсутствия не стеснять действий и чтоб после не ссылались напрасно на Его приказания.

Средний класс, как то чиновники и офицеры, не приближенные к высшим военным чинам, вообще лучше приняли известие о неудаче под

*Действительный статский советник Рунич, бывший попечитель С.-Петербургского учебного округа, известный болтун, лжец и хвастун — un hâbleur[1].

Шумлою, нежели того ожидать надлежало, ибо при сем же сообщенное известие о блестящих подвигах под Варною и под Инедою служило как бы противовесием (contrepoids) первого. «Ничего! — говорят многие. — Наши опять поправятся. Ведь нельзя же быть без неудач в войне; жаль только, что глупые турки торжествуют над нашими. Но это ненадолго!» И сей класс обвиняет те же лица в неудачах, как и военные, от наслышки. Русская партия торжествует. «Вот те и немцы! Одного зарезали сонного[4], а другие спят до новых побоев. Будь Ермолов или другие, к которым имеют солдаты доверенность, — не было бы этого. Смотрите, как наш Эриванский[5] управляется с своею горстью людей. Так ли действовал Меншиков? Вот увидите, что Воронцов возьмет Варну, а под Шумлою все будет то же. Ведь править войском на войне — не то, что начальствовать канцелярией. Да уж Государь увидит теперь всю правду!»

Подобные рассуждения, в которых сказывается народная гордость и надежда на мудрость Государя, желание решительных действий или, как говорят, *Суворовских*, оживляют средний класс.

Купцы и грамотный простой народ также приняли известие лучше, нежели ожидали. «Как только Государь уехал из лагеря, — говорят они, — так господа генералы и заснули. Да он пробудит их, *наш Николушка*. Дай Бог только Ему здоровья, а Он все поправит и погонит турок. Виттенштейн состарился, а помощников у него нет: все народ мудрый, а на деле, так что-то круто пришло[сь] и все остановилось. Надобно бы палку Петра Великого на этих господ, чтоб заставить их шевелиться» и прочее.

Раздел «Секретной газеты» за 21 сентября 1828 г. печатается по автографу, сохранившемуся среди материалов «Секретной газеты» за 5 сентября 1828 г.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 325—327. Копию Фока в составе «Секретной газеты» за 21 сентября см. там же (л. 349—353).

[1]враль (*фр.*).

[2]подставным лицом (*фр.*).

[3]Генерал-майор Б.Е. Вреде погиб 14 августа 1828 г. вместе со всем гарнизоном подчиненного ему редута во время внезапной атаки турок под Шумлой. По свидетельству мемуариста, «турки ворвались в редут № 5 под самою стеною крепости, вырезали гарнизон с ген[ералом] бар[оном] Вреде и увезли 6 пушек. Солдатики накануне смотра вычистили ружья и обвязали их платками, не ожидая нападения. Когда Вреде выскочил из своей палатки, турки уже владели орудиями. Вреде отрублена была голова сквозь рот; нижняя челюсть осталась при трупе» (*Стефан Г.Ф.* Два года в Турции//Инженерный журнал. 1878. № 1. Паг. 2. С. 12).

[4]Имеется в виду генерал-майор Вреде.

[5]То есть Паскевич.

---

169 Секретная газета [26 сентября 1828]

2

Новое политическое обстоятельство привлекает общее внимание, а именно: экспедиция французов в Морею. Многие приписывают это политике Государя Императора и находятся в восторге от того, что не только ныне Меттерних не управляет русскою политикою, но даже русская политика подавила австрийские внушения и привлекла Францию к действенно-

му союзу. Это крайне радует русских, и когда станут говорить об этом, то одни восклицания: «Молодец наш Царь, с характером! Вот такого Императора надобно России!»

3

Оставшиеся в столице гвардейские баталионы горят желанием итти на войну. Говорят: «Когда наши товарищи придут, то мы будем последние: они сражались в глазах Государя и будут его любимцами, товарищами опасностей, а мы — гарнизонными солдатами. Пускай нас пошлют на смену!»

В полки розданы боевые патроны, на баталионы полковую порцию, и велено солдатам упражняться в меткой стрельбе, нынешней осени. Это подает им надежду, что они также пойдут в поход. Солдаты и офицеры ожидают нетерпеливо сего времени. Вообще дух в войске очень хороший, и хотя фрондеры стараются между молодыми офицерами рассеивать слухи о неудачах, но это не мешает, чтоб они не желали итти на неприятеля. Политических только ныне гораздо менее, и самые дерзкие и неугомонные ограничиваются тем, что бранят явно генералов действующей армии, особенно штабных.

4

Морские офицеры обожают князя Меншикова. Рассказывают многие анекдоты о его необыкновенной сметливости во всех частях морского управления. Между прочими замечателен следующий анекдот. До князя Меншикова морское министерство платило заводчику Берду деньги, чтоб он вывозил щепы из Адмиралтейства. Берд топил даром свой завод и получал деньги. Князь Меншиков уничтожил этот обмен и велел продавать щепы банщикам, и так теперь Адмиралтейство получает деньги и очищает от щепы место.

5

Из Галиции получены здесь письма, в которых уведомляют, что австрийские войска занимают позицию на турецкой границе, под предлогом военного кордона. Пишут, что Польское войско горит нетерпением сразиться в глазах Государя и пощеголять перед русскими храбростию. Старые наполеоновские офицеры особенно возбуждают дух к войне и в письме именно сказано: «Наши Наполеонисты хотят быть Николаистами и поддержать славу Польского войска».

6

Награждение графа Паскевича-Эриванского орденом Св. Андрея Первозванного восхитило публику и еще более увеличило энтузиазм к Государю. Этим уничтожены все махинации фрондеров, которые разглашают, будто Государь, по интригам окружающих Его, сделал Паскевичу выговор за его блестящие подвиги. Это известие о награде пришло весьма кстати.

7

Публика начинает жаловаться, что известия из армии слишком коротки, не ясны и не полны и что не помещают вдруг имена раненых и

убитых офицеров. — Расходятся также слухи, что с некоторого времени многое скрывают, что делается в армии. Письма, получаемые от офицеров с *оказиями*, а *не по почте*, уведомляют о многих важных обстоятельствах, о которых вовсе не печатали. Говорят: «Вот уже стараются затмить откровенный характер Государя и, стыдясь своих неудач и ошибок, хотят скрывать пред публикою то, что она непременно узнает, и после того перестанет верить официальному, как то было в старину. Государь по своему характеру готов все сделать *явным*: это Он показал в начале царствования. А советники Его хотят лишить Его народного доверия и популярности».

При сем рассказывают странные вести: будто лейб-гвардии Финляндский полк весь истреблен и разбит в Карсе[1]; будто лейб-гвардии Егерский бежал с поля сражения[2]; будто от нас бежит много к туркам из-под Шумлы; будто наши лазареты, обозы и транспорты режут и т.п. — Рассуждают многие, что если русские не косили сами сена при помощи молдован, в нынешнюю весну, и не заготовили огромных запасов за Дунаем, то хотя бы взяли Варну и Шумлу, но по причине недостатка сена должны будут на зиму перейти обратно за Дунай. Тогда, говорят, кампания кончится малым. — Все сие приписывают генералам, и любовь к Государю заставляет жалеть, что Его, будто бы, обманули.

8

Общее мнение весьма неблагоприятно министру просвещения. Надеялись много, по словам Высочайшего манифеста о народном воспитании, от сего министерства, а дела в оном день от дня принимают вид, который не предвещает ничего хорошего. О министре рассказывают множество анекдотов, из коих помещается здесь два следующие:

Министру представлялись учители, прибывшие из Москвы для узнания ланкастерской методы взаимного обучения. Как министр обыкновенно принимает всех сухо, с таким видом, который явно показывает, что представляемый ему в тягость, то учители не знали, что делать, и смешались. Один из них, желая пооператорствовать, сказал: «Мы почитаем себя счастливыми, что избраны содействовать в столь *полезном* намерении». — «А кто вам сказал, что это *полезное*: от этой методы весь вред, а не польза». — Другой учитель, желая польстить министру, сказал: «Точно так, от этой системы много *вреда*, и прежнее министерство во Франции...» Министр не дал ему выговорить и возразил: «Не ваше дело рассуждать, *полезно* или *вредно*: мы должны исполнять Высочайшее повеление». Это рассказывают сами учители — а публика боится водворения мистицизма.

Один из важных членов министерства рассказывал в обществе, что первый и один акт министра просвещения есть следующий. Собирается Хозяйственный комитет, и ему объявляют от имени министра, что надобно немедленно пресечь ужасные злоупотребления. Какие же? Перестать выдавать бедным чиновникам впредь под расписку часть третного жалования! Несчастные чиновники пользуются удобным временем для дешевой закупки припасов и берут обыкновенно вперед деньги, под расписку и поручительство товарищей. Это делается во всех министерствах. Сия мера министра просвещения возбудила общее негодование, ибо клонится к угнетению истинно несчастных людей, едва имеющих дневное пропитание.

Разделы «Секретной газеты» за 26 сентября 1828 г., атрибутируемые нами Булгарину и переписанные Фоком, печатаются по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 365, 376—378.

[1]Тут какая-то ошибка или недостоверный слух. Лейб-гвардии Финляндский полк находился не у Карса, а под Варной, причем хотя и вел в сентябре боевые действия, но без особых потерь (см.: *Гулевич С.* История лейб-гвардии Финляндского полка. Ч. 2. СПб., 1906. С. 61—72).

[2]По приказу императора 10 сентября под Варной был отправлен в разведку отряд под командованием флигель-адъютанта, полковника И. Залусского. «Не зная ни войск, ему вверяемых, ни той трудной лесистой местности, на которой наступал неприятель и потому требовавшей крайней осторожности в действиях, полковник Залусский пренебрег всем, и своею оплошностию, если не более, подверг истреблению весь гвардейский Егерский полк» (*Веригин А.И.* Воспоминания об осаде Варны и о пребывании там императора Николая I//РС. 1879. № 3. С. 515. Подробности об этом сражении, в ходе которого погибли 450 солдат и командир полка генерал-майор П.В. Гартонг, см.: *Лукьянович Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб., 1844. С. 35—49. Любопытно, что впоследствии, участвуя в польском восстании 1830—1831 гг., Залусский однажды публично заявил, что специально завел полк в засаду. После этого он был заочно приговорен судом к смерти, а в 1849 г., когда русские войска были посланы на подавление восстания в Венгрии и проходили через Галицию (где находилось поместье Залусского), арестован. Залусского отвезли в Варшаву и лишь вследствие протеста австрийского правительства он был отпущен (после официального обряда прочтения приговора и разжалования) (см.: *В.Н.* Воспоминание 1849 года//РА. 1877. № 12. С. 442).

---

170 Секретная газета [3 октября 1828]

Толки в С.-Петербурге

Известие о претерпенной потере лейб-гвардии Егерским полком под Варною и о неудачном нападении на отряд Омера-Врионе[1] произвели в столице необыкновенное впечатление[2]. Во всех сословиях ни об чем более не говорят, как о сем происшествии. В Гарновском доме[3] уныние и по городу всеобщее сожаление. Персидская война избаловала публику, и малая неудача приводит умы в брожение. Собрав сведения из различных мест: из палат, казарм, присутственных мест, лавок и контор негоциантов, представляется извлечение мнений по большинству оных, что бесспорно можно принять за общее мнение.

Точно так, как в 1812 году народ кричал против мнимой измены и изменников, когда русская армия стала отступать к Москве от границы, ныне вопиют без всякой умеренности против *неспособности* и *теоретических военных познаний* некоторых генералов, приближенных к Государю, и всю вину сваливают на них. Между прочими наименуем *Берха*, который, вероятно, подвергнулся бы даже личным оскорблениям, если б теперь показался в Петербурге. На генералов *исполнителей* также сыплются тысячи ругательств, а более всех на *Головина* и *Сухозанета*. О фельдмаршале *Витгенштейне* сожалеют, как о заслуженном и храбром старике, который пожертвовал, якобы, своим именем, позволив другому управлять войсками и операциями. Народное самолюбие слишком тронуто, умы раздражены, что Россия, которая от 1812 года составляла страх и ужас всей Европы и которой опасались, чтоб она не опрокинулась на Европу и не по-

давила ее своею силою, что Россия не может преодолеть с первого натиска Турции, которую объявили слабою, полуразрушенною империею, без войска, порядка и энергии. Думают, что европейская политика переменится и Австрия возьмет теперь перевес.

Удивительно и вместе утешительно, что при сем общем негодовании нигде не слышно жалоб на Государя, как то прежде случалось, при неблагоприятных обстоятельствах. Исключая весьма малого числа фрондеров и неудовлетворенных честолюбцев, мнение общее сильно, откровенно и убедительно произнесено в пользу Государя. Говорят: «*Он первый* свергнул иго австрийской политики; Он *первый* поднял оружие в священной брани за свободу несчастных единоверцев греков; Он *первый* составил мудрый план действовать совокупно с флотом и с двух сторон, с европейской и азиатской; Он убедил Францию отправить экспедицию в Морею; Он обнажил меч для поддержания чести России и принуждения Турции к принятию благородных кондиций Лондонского трактата[4]. Воля и ум Государя обнаружились с благородством, великодушием и проницательностию. — Но *исполнители* Его военных намерений — не сделали своего дела! Они объявили, что турецкого войска вовсе нет — а ведь турок больше наших; сказали, что путь от Дуная к Константинополю свободен — а повсюду встречаем препятствия. Представили списки военных сил России, и остались списки большие, а войска мало. Мог ли Государь сам все знать и все видеть? Он смотрит на вещи сверху и не может заняться мелочами. Даже в военных операциях частные исполнения не соответствуют плану. Под Шумлою блокируют турок редутами с фронта, когда им открыта вся Турция с тылу чрез Балканы; под Варной не нападают, когда велено по диспозиции, а отступают, когда не должно. Что делать Государю? Он из уважения к заслугам и сединам военных людей предоставляет им действовать — а они не делают так, как должно! О Государе надобно сожалеть, что Он не имеет людей, которые могли бы понимать великую Его душу и здравый, чистый ум; которые могли бы исполнять по-Суворовски и Паскевичевски Его великие намерения, а не пенять и жаловаться. Государь, как Царь и воин, исполнил Свое дело, совесть Его так же чиста, как добрая слава!»

Но в столице не столько огорчаются неудачею и потерею лейб-гвардии Егерского полка, сколько редакцией бюллетнов из действующей армии. Краткость известий, запутанность в изложении операций и действий и пропуск имен убитых и раненых офицеров порождает неудовольствие и возбуждает гораздо более вредных толков, нежели сколько мог бы породить верный и подробный рассказ самых несчастных происшествий. — Некоторые благонамеренные, но смелые крикуны вопиют: «Господа, окружающие Государя, делают более вреда Ему реляциями, нежели турки упорным сопротивлением. Что за беда, что в войну разобьют полк или потеряют сражение. Это бывало и с Наполеоном, и с Цесарем, и с Александром Великим. Но в наше время, в XIX столетие, нельзя ложными известиями поправить дела. Напротив, от сего происходит величайший вред, ибо народ приучается не верить официальным бумагам, от лица Государя издаваемым, и сим разрывается доверенность между правительством и народом. Известен всем откровенный и прямой характер Государя. Зачем же истреблять в народе веру в прямодушие и объявлять не то, что было! — Здесь ходят по рукам частные известия из армии, и все знают, как было дело. Неяс-

ный язык реляций возбуждает черные мысли и заставляет предполагать что-нибудь гораздо хуже, нежели что было в самом деле. Посмотрите на ясные реляции Паскевича, написанные в народном русском духе. Они утешают сердце и в неудаче. В старые годы в армиях имели особых людей для сочинения реляций. Безбородко и Завадовский составили себе этим кариеру. Но ныне пренебрегают моральные средства, когда напротив того, ничто так не действует, как эти средства, к возбуждению народного духа, и проч.».

Из армии носятся слухи, что лейб-гвардии Егерский полк не устоял и бежал от неприятеля, и почти весь истреблен, исключая двух рот резервных; что это произошло от оплошности генерала Головина и нераспорядительности генерала Гартонга; что офицеры бросились на смерть с отчаянья; что Государь хотел раскассировать полк, но простил ему по просьбе генерала Бистрома[5]; что генерал Сухозанет оплошал и не напал на турок на мысе Галате; что генерал Дурнов погиб с бригадой от того, что не был подкреплен, одним словом, что все сделалось от дурного распоряжения начальников.

Один генерал, бывший в 1811 году в Шумле в числе парламентеров и находясь тогда в малом чине, имел поручение снять позицию по глазомеру, говорил в одном обществе, что ныне так действуют, что, видно, не знают вовсе местоположения Шумлы и ее окрестностей. — Говорят также, что под Силистрией наши были разбиты, хотя в реляции сказано иначе, и т.п.

Важные и неблагоприятные следствия происходят от того, что ныне перестают верить реляциям, которым верили в Персидскую войну и в начале нынешней. Говорят о графе Дибиче, которому приписывают все неудачи, что он сперва был откровенен, пока шли вперед, а как остановились и испытали неудачи, язык бюллетеней переменился. — Как только народ не верит реляциям, то открыто обширное поприще всем лгунам, всем фрондерам, всем нувелистам. Каждый лжет, говоря, что читал письма из армии, и одна неправда, обнаруженная в бюллетене, делает сильным всех распускателей новостей.

Раздел «Секретной газеты» за 3 октября 1828 г., атрибутируемый нами Булгарину и переписанный Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 383—387.

[1]Во время атаки на турецкие позиции под Варной 18 сентября 1-я бригада 19-й пехотной дивизии понесла большие потери и отступила. Погибли более 2000 солдат, 100 офицеров, а также командир бригады генерал-майор Дурнов и сменивший его генерал-майор Симанский (см.: *Лукьянович Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб., 1844. С. 76—84; *Веригин А.И.* Воспоминания об осаде Варны и о пребывании там императора Николая I//РС. 1879. № 3. С. 517—522; *Дубецкий И.П.* Записки//РС. 1895. № 5. С. 95—98).

[2]Об этих военных неудачах было сообщено лишь 29 сентября (см.: «Прибавление» к СП). О толках в Петербурге см.: Дневник Annette. М., 1994. С. 118—120.

[3]Так называли офицерские казармы Измайловского и Лейб-гвардии егерского полков.

[4]Лондонский договор был подписан 6 июля 1827 г. Великобританией, Россией и Францией с целью совместной поддержки борьбы греческого народа против Турции за свою независимость.

[5]К.И. Бистром хорошо проявил себя при осаде Варны, которая была взята 29 сентября, и 2 октября император наградил его орденом Св. Александра Невского.

Состоящий при цесаревиче[1] генерал-майор граф Нессельроде, приехавший сюда в отпуск, в здешних обществах весьма дурно отзывается о духе варшавской публики и Войска Польского, и даже говорит, что на Войско Польское нельзя надеяться в нынешних обстоятельствах, что оно может изменить, перейти и т.п. — О Польше уже было писано столько в высшем надзоре[2], что казалось бы теперь вовсе излишним повторять сказанное. Но как разговоры Нессельроде возбуждают сомнения в здешних обществах, то должно обратить внимание на сие обстоятельство.

Поляки, как прежде говорено было, никогда не будут привязаны к России. Под именем России они воображают себе какой-то фантом, *привидение*, от которого произошли все бедствия Польши, и за долг и честь почитают не любить России. Это правда. Но между тем нигде русские не живут так весело, так скоро не дружатся и не женятся, как в Польше, а это потому, что ненависть к России существует в одном воображении, есть следствием политических правил, а не сердечных побуждений. Если только поляк может перед русским высказать свое горе и свой образ мыслей и русский не только не прогневается, но согласится, что он прав и что Польша разделена против прав народных, тогда ненависть национальная исчезает и восстановляется дружба. Не говорят уже ни о Польше, ни о России, а живут как братья славяне. Если ж русский станет противуречить, гордиться пред поляками и хвалиться победами, тогда ненависть возгорается и русский не получит ни хорошего приема, ни доверенности. Вот от чего некоторые из русских, живущих в Варшаве, укоренились в Польше и живут там, как в Отечестве, любя и выхваляя поляков, а другие скучают пребыванием, будучи везде дурно приняты, и не имеют ни уважения, ни приязни.

Поляки всегда славились верностию своею к государям, и это их cheval de bataille, la piqûre de leur amour propre national[3]. Даже в буйные времена, когда частные люди делали конфедерации[4] или возмущения против короля своего, они всегда приписывали это любви своей к общему благу и к особе короля, восставая только против его *советников* и не прибегая к иностранцам. Оттого-то имена прежних конфедератов произносятся с уважением, а имена Тарговицких конфедератов[5], в царствование Екатерины, произносятся с проклятием, потому именно, что они прибегнули к иностранцам, и сим сделались неверными. Поляки гордятся тем, что они были верны Наполеону и в счастии, и в несчастии. Можно смело сказать, что нигде так не любили Императора Александра, как в Польше. Нет ни одного народа в мире, который можно так скоро и легко привязать к царствующей особе и царствующему дому, как поляков. Это такая истина, в которой никто не усумнится, кто только знает историю и характеристику народов. Но поляков иначе нельзя привязать как кротостию, обходительностию, par la galanterie des manières, la franchise chevaleresque, et par les hôchets de l'estime nationale[6]. Это одно средство — другого нет!

Система ригоризма, подозрений, недоверчивости, которая служит руководством некоторым особам сильным в Польше, посеяла в народе уныние, un malaise général[7]. Только возмутившаяся Каталония, беспокойная Ирландия и тихие, робкие польские провинции в России находятся на *военном положении*, в целой Европе. Поляки чувствуют это и, будучи тракто-

ваны по-неприятельски как завоеванная страна, вместо того, чтоб истребить из мыслей прежние воспоминания, питаются оными. Толпа чиновников под руководством г. Новосильцова обогащается и выслуживается, представляя все вещи и все лица в превратном виде, перетолковывая слова и поступки и подвергая проскрипции юношество, которое легко поставить на истинный путь мерами кротости и убеждения. В высший надзор представлены были письма, в которых поляки сравнивают свое нынешнее положение со временами проскрипций Силлы[8] и Мария и Робеспиера. Это, конечно, преувеличено, но показывает, в какой степени уныния находится народ.

Войско разделяет народное мнение и ненавидит Новосильцова и его партию. Новосильцов, с своей стороны, чтоб удержаться в силе, представляет правительству Польшу с Литвою в таком виде, что они завтра же готовы к бунту. Между тем между поляками рассевают слухи, что Император Николай ненавидит Польшу и поляков, что Он вопреки конституции не хочет короноваться из презрения к польскому народу, и что один Цесаревич удерживает Государя от намерения разделить Царство Польское на губернии и раздать имения своим вельможам. Все это есть действие одной и той же партии.

Когда Император Александр, по случаю несогласий на сейме, сказал известному польскому писателю и патриоту Немцевичу: «Теперь я недоволен поляками», Немцевич отвечал: «Государь, поляки добрые дети, но они не могут вести себя порядочно потому, что имеют *пьяную* няньку». — Эти слова относились к г. Новосильцову[9].

Поляки ненавидят Австрию гораздо более, нежели Россию[10], и сверх того не имеют никакой доверенности к австрийскому Двору, когда напротив их легко сделать привязанными к Российскому Дому, как то мы видели в лице Императора Александра. Австрийская Галиция[11] находится в самом бедственном состоянии, будучи угнетена налогами. Исключая нескольких имений, вся Галиция находится под секвестром. Со стороны политической свободы также нечего ожидать от Австрии, напротив того, пример Италии и Венгрии еще более убеждает, что Австрии нельзя верить. Напротив того, администрация и правосудие в Царстве Польском (не зависящие от Новосильцова) доведены до возможной степени совершенства, и поляки с гордостию сознаются, что ни одна европейская страна не управляется так хорошо, как Царство Польское, и нигде индустрия не возвышена так быстро и с таким успехом, как в Польше. Бескорыстие русского Двора и даже великодушие составляют разительный контраст с австрийским Двором. Можно быть уверенным, что скорее поляки согласятся, чтоб их землю разделили на губернии, нежели чтоб присоединить к Австрии. Если к России поляки питают воображаемую ненависть, то к Австрии истинное, душевное презрение. Нет сомнения, что между галицийскими уроженцами найдется несколько продажных душ, которые будут стараться смущать поляков надеждами; но им не поверят. Напротив того, известно достоверно, что в Галиции ожидают появления русских войск, как жиды ожидают появления Мессии, и что, как поляки говорят, «лишь только польский улан махнет флюгером, вся Галиция восстанет». Имя маленького Наполеона не произведет никакого действия. Это пустые мечты. К отцу были привязаны, как к герою, как к могущественному государю, обещавшему независимость, а все знают, что сын может только быть орудием в руках Австрии.

Это может иметь успех во Франции, где многие желают перемены династии, но в Польше, напротив, желают только соединения под покровительством сильной династии, именно Российской.

Итак, слухи, распространяемые Нессельроде, несправедливы. Полагать должно, что он вовлечен интригами в партию Новосильцова и что ему пред отъездом надули в уши, что он должен повторять. Сам Нессельроде слишком честен, но он обманут.

Правда, поляки удивляются, что Государь, ознаменовавший свое краткое царствование толикими благодеяниями для России, ничего не сделал для Польши. Чтоб одним ударом заставить Себя обожать, быть воспеваемому, превозносимому с энтузиазмом, стоит только удалить причины ужаса и угнетения.

1. Освободить Литву от военного положения и по-прежнему подвергнуть русскому правительству *во всех частях.*

2. Новосильцова вызвать из Польши, чтоб он не был ни куратором в Вильне, ни министром в Варшаве.

3. Отдалить от должности несколько ненавистных лиц: ректора Пеликана, прокурора Ботвинку, гродненского губернатора Бобятинского и Байкова, креатур Новосильцова и проч.

4. Облегчить цензуру и не позволить сажать в тюрьму за всякую безделицу, по одному подозрению, и не выгонять за город без суда и следствия, по одним доносам.

5. Установить высший надзор, который бы все знал и видел, но никого не женировал[12].

После этого можно ручаться, что машина будет заведена на целое столетие; поляки будут довольны, станут благословлять Государя и не подумают ни о тайных обществах, ни о политических надзорах. Они по слову Государя устремятся на смерть и понесут все жертвы.

Раздел «Секретной газеты», атрибутируемый нами Булгарину и переписанный Фоком, сохранился среди записок о Польше без датировки. Написан в сентябре — октябре 1828 г. (упоминаемый в тексте Ф.К. Нессельроде был в Петербурге с 8 сентября по 25 октября; см.: Русский инвалид. 1828. № 225, 270); входил, по-видимому, в состав номера «Секретной газеты» за 11 октября, где нет других материалов Булгарина. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 14—19. Опубликован нами (с неточной датировкой): РЛ. 1993. № 3. С. 96—98.

[1]То есть при великом князе Константине Павловиче.

[2]Имеется в виду III отделение.

[3]конек, больное место их национального самолюбия (*фр.*).

[4]Так именовались в Польше XVII — XVIII вв. шляхетские объединения, создававшиеся для борьбы с правительством или внешним врагом.

[5]В апреле 1792 г. в Петербурге по указанию Екатерины II Ф.К. Браницкий, С. Ржевусский и Ш. Потоцкий подготовили акт конфедерации, в котором провозглашалась отмена конституции 3 мая 1791 г. Этот акт был обнародован в Тарговицах, а его авторы обратились к России за помощью. 18 мая русские войска вступили в Польшу, а в 1793 г. гродненский сейм утвердил второй раздел Польши.

[6]галантностью манер, рыцарственной откровенностью, потаканием чувству национального самоуважения (*фр.*).

[7]общий упадок сил (*фр.*).

[8]То есть Суллы.

[9]Ср. суждения Ю.Немцевича о Новосильцове в его дневниках (*Niemcewicz J.U.* Pamiętniki z lat 1830—1831. Kraków, 1909. S. 43—44 и по указ.).

[10]Ср. в письме П.А. Вяземского А.Я. Булгакову от 22 августа 1818 г.: «Меня там [в Кракове] на руках носили: не принимаю всех ласк единственно на себя; но более в знак признательности республики к нашему Государю и ненависти ее к пруссакам и австрийцам» (РГАЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 31). Ср. также: *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1963. С. 92.

[11]Имеется в виду часть Галиции, которая отошла к Австрии в 1772 г. в результате первого раздела Польши.

[12]То есть не беспокоил — от французского gêner — беспокоить, стеснять.

---

172 Взгляд на общее мнение во время отсутствия Государя Императора из столицы[1]

Войны желали все сословия. Большая часть коренного и личного дворянства, духовенство, купечество и народ помышляли об освобождении единоверцев греков и мечтали даже о водружении креста на Св. Софии. Люди высшего просвещения видели в сей войне перелом политической системы и освобождение России от влияния Австрии. Воины и юношество желали славы и подвигов. Многие надеялись на восстановление кругообращения денег в государстве. Одним словом, объявление войны с Турциею было одобряемо большинством голосов.

Отъезд Государя Императора в армию сперва был всеми одобрен. Одни радовались, что войско не будет оставлено на жертву злоупотреблениям, в присутствии Государя; другие уверены были, что сие самое более сблизит Государя с народом и более утвердит власть Царскую над общим мнением; вообще не было противных голосов сначала. Все думали, что Государь только посетит армию и возвратится в столицу.

Когда же увидели, что Государь Император лично участвует в опасностях похода и подвергает Свою особу всем изменностям слепой фортуны, не только восстал всеобщий ропот, но даже вопль отчаяния, обнаруживающийся в дерзких выражениях. Война сделалась для России ненавистною, когда увидели, что мы жертвуем спокойствием и судьбою отечества для приобретения некоторых мест в варварской земле, мест, которые без сомнения будут уступлены трактатами. На все начали смотреть в черное стекло и в бюллетенах искали одного только Государя. Мрачное расположение умов усугубилось увеличенными известиями о наших неудачах. Перестали верить бюллетенам. На сию часть, столь важную для современников и истории, не обращено было должного внимания со стороны правительства, и сие немало способствовало к обращению общего мнения на кривой путь. Это обстоятельство воспалило негодование к немцам, которым приписывали управление делами кампании. — Генералы не русских фамилий, находящиеся в Главном штабе армии, осыпаемы были ругательствами. Против Берха и еще нескольких лиц обнаружилась вопиющая ненависть.

Главнейшие причины любви народа к Государю суть: Его деятельность и любовь к правосудию. — Когда деятельность Государя обратилась на один предмет, на войну, в общем мнении оказалось уныние. Стали опасаться, чтоб Государь не бросил вовсе дел гражданских, не свалил их на одно лицо и не занялся единственно войною.

В отсутствие Государя многие замечали, что почти все министерства уснули по-прежнему. Вот как рассуждали в сем отношении: вся деятельность министерства финансов устремлена была единственно на предметы немилые народу, на заем за границею, на поимки контрабанд и на хваление министра в «Коммерческой газете»[2] и в «Journal de Pétersbourg»[3]. (Из сего министерства выходили все фрондерские вести.) Министерство просвещения находится в совершенном бездействии, и вся забота министра обращена на экономическую часть. Ученые и литераторы презрены. Словесность приходит в постепенный упадок. Педагогическая часть в небрежении. Доныне не издано даже азбуки, когда при вступлении на престол Государя составлено множество комитетов для преобразования училищ и составления учебных книг по всем частям. По министерству юстиции водворилась прежняя медленность в делах и взятки удвоились, потому что ныне взяточники берут, как говорят, *страховые взятки*. Все, что было самого негодного в министерстве юстиции, награждено чинами, орденами, местами. Самых отъявленных взяточников стали определять на важнейшие места. Министр юстиции[4] вовсе не действует сам собою и часто даже преступает порядок в делах. Эта часть, говорят, самая худшая в государстве. Министерство внутренних дел приняло лучшее направление, нежели как было прежде. Дела идут поспешнее. Вводится порядок и строгость. Но грубость министра[5] в обращении и ненависть ко всему иностранному не нравится публике, и она не надеется значительных улучшений по министерству, однако ж уверена, что по крайней мере ответственность за упущения не будет пренебрежена. Строгое беспристрастие также водворяется мало-помалу в сем министерстве, но недостаток образованных и ученых чиновников в сем министерстве весьма ощутителен. — Против военного министра[6] сильный ропот. Поговаривают, что списки войск неверны, что отчетности никакой нет. Чиновники недовольны дурным с ними обращением; поставщики жалуются на любимца министра. Вообще в этом министерстве идет какая-то ломка, шум, крик, изгнания, грубости, а усовершенствований не приметно. — По морскому министерству замечали злоупотребления, а особенно при доставке лесов. Леса, говорят, не той меры, как следует, и вину сию приписывают министру морскому[7], защищающему министра финансов[8]. Впрочем, работы производятся успешно, хотя министр в сие не мешается, а делает все генерал-интендант[9]. Только капитаны жалуются на недостаток хороших людей. Вообще замечают, что все, что есть лучшего во флоте, ненавидено морским министром. Князь Меншиков обожаем флотскими и адмиралтейскими чиновниками. — В Государственном контроле ввелись большие злоупотребления. Люди, известные взятками и дурным поведением, управляют делами. — Комиссия прошений действует слишком самоуправно и закрыла все пути к особе Государя. Против Комиссии публика вопиет ужасно. Несколько неблагонамеренных людей управляют произвольно делами. — В Комитете министров действует более всех правитель дел[10], известный всем своим корыстолюбием. Частные дела продаются явно; казенные часто представляются в превратном виде. — В канцелярии Государственного совета заведен лучший порядок, но прежние дельцы продают по-старому правосудие.

Общее мнение почитает Государя единственным источником исправления злоупотреблений. На Него все надежды. От Его твердости и правосудия ожидают улучшений. Желают даже строгости при взыскании за

злоупотребления. Соображая, как дела пошли в начале царствования и как засыпали во время отсутствия Государя, народ только и утешает себя тем, что Государь вновь примется за дело. Тщетно искали в «Сенатских ведомостях»[11] собственноручных решений Государя, составлявших прежде общую радость. Теперь надеются, что снова появятся краткие приговоры, побуждения к поспешности в делах, награды за порядок, наказания за беспорядки. Многие боятся, чтоб Государь не пристрастился к войне и не наскучил управлением государством, или, как говорят, бумагами. Вообще все молят Бога, чтоб Он не ездил более на войну и не подвергал Себя опасностям. Все жалеют, что у нас в России ничего не пишут о делах и подвигах Государя, как будто Россия была чужда Его сердцу и не стоила того, чтоб узнать о том, что делает Государь для ее блага. Можно сказать сильно и утвердительно, что народ и почти все образованные люди любят сердечно Государя, как Царя и человека, и даже увеличивая неудачи в войне, всегда обвиняли окружающих Государя, а никогда Его самого. Фрондеры и малое число злонамеренных не смеют даже обнаруживаться с своими умствованиями и, видя, что все начинания их к повреждению общего мнения тотчас прекращаются большинством голосов, пресмыкаются во мраке и изливают свою злобу на лица, облеченные важными должностями.

Разбирая вообще ход и постепенные изменения общего мнения, должно по справедливости сказать, что редкий Государь в мире имел столько элементов к упрочению своей славы и счастия, как наш Монарх, ибо редкий подобно Ему успел в столь короткое время снискать общую доверенность личным своим характером и возбудить столько надежд своею неутомимою деятельностию.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 26. Судя по содержанию, она написана вскоре после 14 октября 1828 г., когда Николай I вернулся в Петербург.

[1]Николай I уехал из Петербурга к театру военных действий 25 апреля и вернулся 14 октября 1828 г.

[2]См. примеч. 1 к записке № 130.

[3]См. примеч. 12 к записке № 57.

[4]А.А. Долгоруков.

[5]А.А. Закревский

[6]А.И. Чернышев.

[7]А.В. Моллер.

[8]Е.Ф. Канкрин.

[9]В.М. Головнин.

[10]Ф.Ф. Гежелинский.

[11]Имеются в виду «С.-Петербургские сенатские ведомости».

---

173 [Об общей скорби из-за смерти императрицы]

Фамильный траур, потеря родственника[1]! Точно так, потеря всего русского народа, потеря родительницы наших добрых Царей, потеря общей нашей матери! Тихая смерть прекратила кроткую жизнь добродетельной, и Та, которая нередко напутствовала друзей своих в сем тяжком переходе от временной жизни к вечной, Сама не испытала его трудности: Она перешла

тихо, как засыпает усердный труженик, кончив дневную работу, положенную на него господином. Потеря сия отнюдь не была ожидана; никто к ней не был приготовлен, и она поразила нас, как удар грома в ясный полдень. Горесть о сей потере повсеместна и искренна. Все сердца соединились равным чувством. Трудно найти одного человека, который был бы к ней сколько-нибудь равнодушен, а всем известно, какая сила потребна, чтоб проникнуть сквозь ледяную кору многих сердец. Сия общая скорбь есть лучшее похвальное слово усопшей!

Достойно замечания, что чувство сего несчастия заглушило все прочие. Слухи, толки, вести о войне, о родственниках, служащих в армии, и т.п. совершенно прекратились. Вот новое свидетельство искренности, с которою чувствуют у нас сие несчастие! Впрочем, должно сказать и то, что жадное, беспокойное любопытство, с коим ожидали у нас вестей из армии, чрезвычайно уменьшилось по прибытии сюда Государя. Теперь все успокоились, ибо Он, залог нашего спокойствия, нашей славы, теперь у нас, в безопасности, посреди сынов своих! Уверяю, что я говорю правду. И это сделалось без всяких прокламаций, само собою, по естественному ходу дел! Дай Бог ему, преодолев праведную скорбь, которую всяк из нас от души с Ним разделяет, найти в устроении счастия своих верных, благодарных подданных единственную награду, какую Царь на земли получить может[2].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 2501. Л. 1—2. Исходя из содержания, мы датируем записку концом октября 1828 г.

[1]Речь идет об императрице Марии Федоровне, которая умерла 24 октября 1828 г.

[2]В СП 27 октября был помещен анонимный некролог, написанный, по-видимому, Булгариным и близкий записке по духу и словесным формулам: «Императорский Дом и Россия лишились Матери. Вчерашнего числа, в третьем часу утра, судьбами Всевышнего прекращена драгоценная для миллионов людей жизнь Государыни Императрицы Марии Феодоровны <...>. Великость потери нашей едва ли измерится нашею искреннейшею печалию, но да найдет праведная скорбь верноподданных минутное утешение в воспоминаниях о достоинствах отозванной в небесное отечество свое души добродетельной, и в мысли о той награде, которая земную Труженицу добра, милосердия и всех доблестей Христианских и человеческих ожидает в селениях вечности <...> В чертогах Царских, среди упоений величия и всех родов славы, Мария водворила все семейственные добродетели: благодарная дочь, нежная супруга, чадолюбивая мать, верный друг (добродетельные и на Престоле имеют друзей) вселила священное чувство сих обязанностей в сердца всех, Ее окружавших, и соделала подвиги добра, великодушия, самоотвержения наследственными в Своем Августейшем Семействе».

---

174 [О польском сенаторе Белинском]

Из Варшавы получено партикулярное письмо, в котором изъясняется радость всех добрых патриотов о том, что Государь, который прежде изволил прогневаться на старца Белинского, презеса Сената, по прочтении его письма, удостоверился в его невиновности и обласкал почтенного мужа. Пишут, что, получив объявления неудовольствия Государя, Белинский с другими старцами пошел к Цесаревичу и произнес весьма чувствительную

речь, которая тронула Цесаревича: он обнял Белинского и расцеловал. — Белинский человек всеми уважаемый: это Нестор польского Сената. Пишут, что речь его весьма была сильна и что он между прочим сказал: «Не ты ли, живя между нами, должен указывать нам наши уклонения от пути к сердцу нашего Короля и наставлять на истинный путь? Если мы оступимся, поддержи нас, как отец, но не отвращай от нас сердце нашего Короля! Любя его, мы любим и тебя!»

Не знаем, было ли все это сказано; но верно то, что таковы слухи и что поляки в Варшаве ожидают Государя как жиды пришествия Мессии. — «Он бы все решил, Он бы все кончил!» — говорят поляки[1].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 23. По содержанию приблизительно датируется нами октябрем 1828 г.

[1]С января по июнь 1828 г. в Варшаве заседал Сеймовый суд, созданный для рассмотрения дела членов Патриотического общества, связанного с декабристами. Презесом его (но не презесом сената, как пишет Булгарин) был Петр Белинский (по процедуре суд должен был возглавлять презес сената Станислав Замойский, но он ранее руководил работой Следственной комиссии по данному делу и попросил не назначать его на этот пост). Сеймовый суд часть обвиняемых признал невиновными, а другим вынес исключительно мягкие приговоры. Решение суда и обосновывающий его рапорт Белинского (игнорирующий материалы неконституционной Следственной комиссии и апеллирующий к решениям Венского конгресса и обещаниям Александра I) вызвали гнев Николая. Рескриптом от 29 августа 1828 г. он передал приговор Сеймового суда на рассмотрение Государственного совета Царства Польского, а у Белинского потребовал объяснений, выражает ли рапорт его собственное мнение либо мнение всего Сеймового суда. 1 сентября 1828 г. Белинский ответил, что рапорт написан от его имени, а не от имени Суда, но, так как он обсуждал содержание рапорта с интересовавшимися им сенаторами, то, по его мнению, рапорт выражает чувства большинства сенаторов. Отвечая подобным образом, Белинский продемонстрировал большое мужество, взяв ответственность на себя (реально рапорт был написан главным образом сенаторами — князем А. Чарторыским, М. Кохановским и А. Бнинским), хотя он, по-видимому, знал, что Николай писал Константину, что автор подобного рапорта может быть обвинен в государственном преступлении. В записке имеется в виду, судя по всему, это письмо Белинского от 1 сентября.

О реакции царя на ответ Белинского нам ничего не известно. 10 ноября 1828 г. Государственный совет признал правомочность решения Сеймового суда, и царь утвердил это решение, о чем было объявлено на последнем заседании Сеймового суда 16 марта 1829 г. Пожилой и больной Белинский умер за 10 дней до этого, незадолго до смерти получив уведомление о решении царя (см.: *Dylągowa H.* Towarzystwo patriotyczne i sąd sejmowy 1821—1829. Warszawa, 1970. S. 309—320).

---

175 [Слухи об отмене цензурного устава]

Уже несколько недель носится слух, что министр просвещения[1] намерен переменить Цензурный устав 25-го апреля 1828 г. Поводом к сим слухам служило то, что в течение полугода закон, утвержденный торжественно Государем Императором, не приводим был в исполнение, и цензура не переменялась. Цензоры же всегда ссылались на прежний Устав в своих определениях, утверждая, что поелику они не сменены и новый Устав не введен в действие предписанием министра, то они не почитают его действи-

тельным законом. Между тем святоши-интриганты, пользующиеся доверенностию министра, составляли планы к перемене Устава, а ныне один из главных сочинителей *прежнего* Устава объявил торжественно в одном обществе, что уже составлен план дополнений и перемен к новому Цензурному уставу и скоро будет внесен в Государственный совет.

Между тем из Риги пишут, что губернатор[2] велел перевесть новый Устав для рижского цензора и хотел печатать сей Устав, но удержался по дошедшим до него слухам, что Устав будет скоро переменен и что в Дерпте даже не перевели оного на немецкий язык, ожидая перемены. При сем из Дерпта и Риги получаются письма от профессоров и ученых с горькими жалобами. Они на сем новом Уставе основывали все свои литературные надежды, прославили его и превознесли, и вдруг получают известие, что происки и интриги подрывают один из лучших законов, до приведения оного в исполнение.

Из Риги пишут по сему предмету следующее: цензором в Дерпте есть некто барон Унгерн-Штернберг, первейший ханжа и глава гернгутеров. Сей барон Унгерн, к общему соблазну добрых лифляндцев, купив дом за 30 т., продал в казну за 100 т. с лишком, по протекции князя Ливена. Поелику же сей барон Унгерн человек скупой и сребролюбивый, то, не желая лишиться цензорского места и жалованья, сильно вопиет против нового Устава; почему догадываются, что он интригует, чтоб как можно более продлить исполнение закона или даже вовсе изменить. Ректор Эверс также не желает лишиться председательского места в цензуре.

Таким образом частные виды замедляют исполнение закона и стремятся к низвержению оного, к общему сожалению всех людей благонамеренных и беспристрастных.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1789. Л. 1—2. Опубликована без указания на авторство Булгарина: *Гиллельсон.* С. 217. На записке карандашная надпись Бенкендорфа: «Une lettre au P-ce Lieven en lui envoyant cette note pour le prier de nous en donner l'explication» («Письмо князю Ливену при посылке этой записки, дабы попросить его дать нам на сей счет разъяснение». — *фр.*). Поскольку записка написана более чем через полгода после утверждения нового цензурного устава, а в конце ноября уже был объявлен новый состав цензурных комитетов, мы датируем ее ноябрем 1828 г.

[1]Этот пост занимал тогда К.А. Ливен.

[2]Гражданским губернатором Курляндской губернии был тогда Х.И. фон Бреверн.

---

176 О титулярном советнике Федорове, предполагающем издавать газету «С.-Петербургский дневник»

Федоров никогда, нигде и ничему не учился. Он не знает вовсе никаких наук, не знает никаких языков. С французского языка он еще может *кое-как* переводить при помощи лексикона, но немецкого и английского вовсе не понимает. Страсть к авторству увлекла его с молодых лет на литературное поприще, на котором он в продолжение десяти лет был освистываем в журналах и получил название в публике *наследника графа Хвос-*

това, который есть его меценат и покровитель. Федоров чрезвычайно *плодовит*, и писал во всех родах. Он уже издавал журнал под заглавием «Аспазия»[1], который был весьма дурен и отринут публикою. Он писал трагедии, драмы, комедии, которые по покровительству были приняты на театр и упали после нескольких представлений[2]. Его мелкие стихотворения написаны без вкуса и ума: это набор слов с рифмами; проза обнаруживает недостаток учения и мыслей. Он весьма плохо пишет по-русски, и что хуже, не знает того, что *он* пишет дурно. Эпиграмма Пушкина на счет [его] живо и правильно изображает его литературные таланты:

Федорова Борьки (*т.е. Бориса*),
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
Комедии гадки![3]

Это совершенная правда! Будучи всегда незначущим писцом по службе и не показываясь нигде, как в гостиной графа Хвостова, он был выведен на свет Александром Ивановичем Тургеневым, который употреблял Федорова для писания множества писем, развозки визитных билетов, разных комиссий, выписок для своей библиотеки из архивов и т.п. и за это доставил ему два ордена и чин[4]. После отставки Тургенева Федорову не понравилось служить при деятельном и деловом Корташевском, и он вышел в отставку, чтобы промышлять литературою, при помощи покровителей. Он беспрестанно увивается в передних и всем людям в значении посвящает свои книжки, стихи и куплеты.

Какой-то добрый гений надоумил наконец Федорова приняться за издание журнала «Новая детская библиотека»[5]. Как от сего рода издания не требуется ни большой учености, ни красот слога и воображения, то журналец его *по справедливости* можно назвать *весьма изрядным*, особенно при совершенном у нас недостатке книг сего рода.

Федоров ничтожен в политическом отношении. Он от роду не читывал ни одной политической книги и, вероятно, даже иностранных газет. Но как он *искатель* и из низкого происхождения, то он из протекции или по незнанию позволит управлять собою каждому, который только ослепит его блеском знатности или богатства. Характера он чрезвычайно раздражительного и мстительного до крайности. Комедии его суть не что иное, как *пасквили* на лица. Во время представления он даже наряжал актеров наподобие описанных им лиц. Поведения он не дурного, и об нравственности его нельзя было бы сказать худо, если б не носился слух, что он, женившись на воспитаннице Кокошкина, заставил жену свою, на первый день после брака, написать письмо к своему воспитателю, что муж не нашел в ней желаемого, и потому она требует вознаграждения. Эта черта, за справедливость коей трудно ручаться, доказывает только, к чему полагают способным Федорова. — Насчет регулярности его, столь необходимой при издании газеты, также нельзя сказать утвердительно. Он за целый год должен типографщику Смирдину, который сверх того должен бегать за ним, чтобы выпросить материал для составления маленькой книжечки в месяц. Здесь должно еще прибавить одну характеристическую черту: Свиньин, издатель «Отечественных записок»[6], путешествуя по России, поручал Федорову наполнять книжки готовыми материалами, и за это платил ему по сто

рублей в месяц. Свиньин должен был отнять у него редакцию, за *неисправность* и за введение брани в журнал. — Мы не распространяемся в разбирательстве представленной Федоровым программы, которая представляет многие противуречия.

Странно и удивительно, что все одни литераторы, так сказать, из задней шеренги, стремятся насильно издавать непременно *газеты* — а не хотят браться за *журналы*. Если бы не предусмотрительность Государя Императора, то уже издавалось бы к новому году *три* новые *газеты*, из коих каждая обещалась только печатать из официального одного «Journal de Pétersbourg», — то есть каждая появлялась под покрывалом смирения. — Подлоги слишком очевидны — только хочется получить позволение, чтобы испорченному юношеству, выставляющему других на сцену, дать свободное поприще.

Если мы смеем объявить свое мнение, то во уважение долговременного бумагомарательства Федорова и того, что он не замечен в правилах противообщественных, также за то, что его «Новая детская библиотека» *безвредна*, можно позволить ему издавать еженедельный литературный журнал — но *не газету*, чтобы по крайней мере на первый год отбиться от толпы новых газетчиков и показать злонамеренным людям, выжидающим в молчании поры, что правительство не только истребляет самое зло, но даже не дозволяет им пользоваться слабыми людьми как орудием[7].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 506. Ч. 1. Л. 1—4. Опубликована (без указания на авторство Булгарина): *Вацуро, Гиллельсон.* С. 197—199. Записка подготовлена в ноябре 1827 г.

[1]Имеется в виду журнал «Кабинет Аспазии» (1815), одним из четырех издателей которого был Б. Федоров.

[2]В театре шли следующие пьесы Б. Федорова: опера-водевиль «День богини Лады» (1818), интермедия-водевиль «Деревня на берегах Волги, или Нежданный праздник» (1817—1823, 1835—1836), комедии «Наказанная ханжа, или Урок каждому в очередь» (1816—1817) и «Чудные встречи, или Суматоха в маскараде» (1818—1825, 1828—1829), «Ротмистр Громилов» (1826), историческая драма «Боярин Матвеев, или Дар от народа» (1826), из них «Деревня на берегах Волги...» и «Чудные встречи...» имели успех у зрителей.

[3]Эпиграмма эта, датируемая 1824 г., принадлежит не А.С. Пушкину, а А.А. Дельвигу. Иной вариант ее (с комментариями) см.: Русская эпиграмма. Л., 1988. С. 271, 608—609.

[4]Федоров в 1821—1824 гг. был секретарем директора департамента духовных дел иностранных исповеданий А.И. Тургенева. Тургенев и Н.М. Карамзин покровительствовали ему.

[5]Журнал «Новая детская библиотека» выходил в 1827—1831 гг.

[6]См. примеч. 4 к записке № 102.

[7]Николай I не дал Федорову разрешения на издание газеты, позволив издавать лишь журнал «Санкт-Петербургский зритель», единственная книга которого вышла в 1828 г.

---

177 Замечания о Польше

История удостоверяет нас в истине политической аксиомы, что никак невозможно уничтожить вовсе существование народа, имеющего свой отдельный язык, литературу и историю. Слава предков сильнее раздается в

униженном потомстве и возбуждает в сердцах пламенный патриотизм. Даже изнеженные народы воскресают в бедствиях. Тщетно употребляли правительства, разделившие Польшу[1], все усилия к введению в покоренном народе языка немецкого, тщетно заставляли поляков называться русскими, австрийцами и пруссаками. Поляки, лишенные отечества, назывались везде поляками и, встречаясь в России, в Австрии и Пруссии, припоминали, что некогда победоносные их знамена развевались в Москве[2], что их храбростию спасена Вена и австрийская монархия от падения[3], и что Пруссия была вассалом Польши[4]. Надежда, которая не оставляет человека в самом несчастии, обольщала воображения и представляла возможность воскресения, при политических переворотах в Европе. Франция отверзла полякам гостеприимные объятия, и почти каждая фамилия почитала долгом иметь своего представителя в польских легионах, которые формировались и беспрестанно комплектовались из австрийских, русских и прусских дезертиров и пленных. Храбрость сих легионов, признанная самим Наполеоном и врагами поляков, заслужила уважение польскому имени и смыла тот стыд, который навлекли на народный характер беспечность и малодушие правителей и магнатов Польши в последнее время ее существования. Учреждение Герцогства Варшавского[5] еще более развило энергию народа и воспламенило страсть к народному существованию. В этом Герцогстве сосредотачивались все помышления, все желания поляков всех покоренных областей, и все почти фамилии снова выслали туда своих представителей. Энтузиазм был невероятный. Многие полки были сформированы на счет частных людей, и молодые люди лучших фамилий почитали за честь служить простыми солдатами под польскими орлами[6]. Несчастия и быстрый ход просвещения образовали искусных государственных людей и администраторов, и Герцогство Варшавское в своем управлении представляло редкий феномен административного совершенства, которого последствия и ныне приносят полезные плоды в Царстве Польском. Воскресший дух народный возмужал и укоренился в сердцах.

После падения могущества Наполеона, который пожертвовал Польшею для своих политических видов, участь польского народа сделалась сомнительною. На знаменитом Венском конгрессе[7] этот пункт был долго спорным. Некоторые хотели привести дела в прежний порядок и уничтожить снова Герцогство Варшавское, но искусные политики думали иначе. Свежий пример убедил их в том, что сказано нами в начале сей статьи, то есть в невозможности истребить и изгладить существование народа, имеющего свой язык, литературу и славные народные воспоминания. Последние события доказали, что покорность иноплеменников ненадежна. Лишь только французская армия вступила в польскую землю, в 1806 году, вся Прусская Польша восстала, в три недели выставила 30 т[ысяч] войска и изгнала прусских чиновников[8]. В 1809 году Галиция тотчас взбунтовалась и отложилась от Австрии, при приближении нескольких польских уланов к границе[9]. Поелику Литва была притесняема менее других провинций, то и энтузиазм был меньший в сей провинции в 1812 году, и восстание не было всеобщим. К тому же крестьяне в Литве не поляки и говорят по-русски, а в многих местах даже исповедуют русскую веру, что также немало препятствовало всеобщему вооружению, равно как и привязанность лучших фамилий к Императору Александру. Не одни поляки, примером восстания, убедили политиков Венского конгресса к принятию новой системы к водворению

спокойствия. — Голландия, Ганзеатические города, австрийские итальянские владения, Испания и Португалия также доказали истину политической аксиомы, что существование народов нельзя истребить по произволу. С другой стороны, пример Венгрии и Богемии, и Итальянского королевства[10] убедили политиков, что иноплеменные народы тогда только могут спокойно быть преданы престолу, когда сохраняют древнее название, законы, язык и пользуются тенью, призраком, декорацией народной самобытности. Нет сомнения, что на Венском конгрессе были собраны лучшие политики нашего времени и что, кроме того, что они действовали сами, они еще совещались с лучшими головами в Европе. После долгих споров и предположений решили, чтоб государства, приобретающие иноплеменные народы, управляли ими в отдельном составе, оставляя имя, особое название, народность и предавая им самим внутреннюю администрацию. Постановление мудрое и дальновидное.

Покоренные народы, в убеждении, что сами не могут существовать, довольны были тем, что им обеспечено внутреннее управление и имя, а государства, к которым они принадлежали, рассчитали, что энтузиазм, не имея более пищи, испарится сам собою, и новообразованные, зависимые государства со временем превратятся в то самое состояние, как Венгрия и Богемия, то есть сделаются собственностию (apanage[11]) царствующих фамилий и, сохраняя ревность к господствующему народу, тем более будут привязаны к своим королям и герцогам. На сем-то основании образовали Царство Польское, королевства Венециано-Ломбардское, Галицийское, Гановерское, Нидерландское, Норвежское и Великое герцогство Познанское.

Хотя поляки были более прочих обижены раздроблением своим, но они терпеливо перенесли сие несчастие, ибо в утешение получили название Царства Польского, конституцию, давно желаемого короля, свое войско, свои белые орлы и народность. Александр был верен своему слову и даже в Литовских провинциях учредил Литовский корпус[12] и дал поляков правителей. Одна Австрия двусмысленно (по своему обычаю) исполняла свое слово и в Галиции основала только тень народности, присвоив себе администрацию, и не образовала Польского Войска. В Герцогстве Познанском также вполовину исполнили обещание[13]. В Познанском Герцогстве администрация производится на польском и немецком языках. Но сии полумеры не производят никакого действия и только затрудняют производство дел и обучение юношества. Сии полумеры только произвели в жителях отвращение к немецкому языку, и в Галиции австрийское правительство принуждено было ввести латинский язык в юрисдикцию.

Царство Польское было истинно счастливо в первые годы после конгресса, и Литва нимало не роптала на свою участь. Императора Александра обожали в Польше. Вдруг настала буря, и горизонт счастия затмился для Польши.

Открытие общества филаретов при Виленском университете, общества, которое не было тайно, но было известно не только профессорам, но полиции и военному губернатору, подало первый повод к преследованиям[14]. Истинная цель сего общества была та, чтоб бедные студенты получали помощь от богатых, чтоб все члены учились прилежно и старались распространять нравственность и любовь к национальности. Сие последнее обстоятельство послужило поводом к обвинению и преследованию, невзи-

рая на то, что первое направление дано самим правительством. Люди безнравственные, ищущие одних своих выгод, воспользовались сим случаем, чтоб высказать мнимое свое усердие. Молодых людей посадили в тюрьму, сделали огромное дело, следовали, терзали несчастных беззащитных, с богатых брали деньги, и все это кончилось тем, что даже сам граф Аракчеев признал филаретов невинными в политических замыслах и карбонаризме. Основателей общества наказали заключением в крепость, а других выслали в российские губернии. Но следователи достигли своей цели: приобрели награды и деньги. Дети в других школах, воспламененные слышанными повсюду жалобами на притеснения виленских студентов, стали обнаруживать свое негодование дерзкими речами. Их под розгами заставили признаться в ужасных замыслах, существовавших в одной детской хвастливости — и несчастных юношей наказали, как закоснелых злодеев. Многие сосланы в Сибирь, отданы в солдаты, большая часть литовских семейств повергнуты в отчаяние, и Литва отдана Цесаревичу в управление на военном основании, как взбунтовавшаяся провинция.

С этого времени ход дел вовсе переменился. Новосильцов, преданный вину и женщинам, не зная на старости лет меры разврату и издержкам, взяв в управление университет, учредил в оном род тайного судилища и подобрал себе в помощники людей, известных безнравственностию, для добывания денег, составления доносов, преследований и представления всех дел в таком виде, как ему угодно. Главными его помощниками суть прокурор виленский Ботвинко и ректор Пеликан. Сии три лица вошли в тесный союз с канцелярией Цесаревича и все дела подчинили своей власти, приобрев силу уверениями, что будто бы они имеют свою тайную полицию и извещают о всем происходящем в Польше. История не представляет примеров подобного угнетения, в каком находится Литва, где каждый чиновник, каждый помещик зависит от прихоти Новосильцова, Ботвинки и Пеликана. Байков есть слепое оружие Новосильцова, но также любит деньги и берет где и как может[15]. В канцелярии Цесаревича Гинц, уже несколько раз уличенный, продает явно свой кредит и правосудие. — В Царстве Польском правосудие и администрация идут своим порядком и поныне еще не осмелились нарушать хода дел гражданских; но после открытия тайного общества в Польше личная безопасность каждого подверглась преследованию, и меры ригоризма вывели всех из терпения. Целое народонаселение в Польше и Литве страждет за нескольких сумасбродов, составляющих тайное общество, и за несколько горячеголовых студентов. Ко всему придираются: к слову, к молчанию, к одежде, к сочинениям. Новосильцов запретил даже преподавать польскую историю в Виленском университете, что не запрещали турки грекам; ограбил университетские фундуши, установил монополию в подрядах и протежирует всякого мошенника, который только покупает дорогою ценою сукно на его фабрике; принимает частные просьбы по всем делам; тревожит помещиков обвинениями в карбонаризме и берет везде деньги за ходатайство. Прокурор Ботвинко, происходящий из низкого звания, сделался миллионщиком, купил богатое имение в Вилькомирском повете, устроил его по-царски и живет как удельный князь. Пеликан выгнал лучших профессоров, уронил университет и набрал в профессоры родных своей жены, между коими Кукольник, профессор истории, взятый на место знаменитого Лелевеля, был шутом у князя

Ивана Гагарина и в присутствии гостей бегал на четверинках в вывороченной шубе. Этот г. Пеликан вымышляет заговоры и берет деньги с родителей, а за бедных обвиненных получает кресты; он уронил доходы университета, отдавая все на откуп из своих выгод, а, кроме того, мешается также в частные дела и ходатайствует за деньги у Новосильцова. Эти господа уверены в ненаказанности под покровительством Цесаревича. В Царстве Польском дворянин не только не может выехать за границу, но даже в Краков, и если его отпускают за границу, по особенной протекции, то дают предписания, в какие города он не должен заезжать. По малейшему подозрению выгоняют за город и берут под арест и ни под каким видом не пускают в Петербург. Литература и журналистика вовсе уничтожены, история не существует, и даже петербургские газеты и французский министериальный журнал[16] запрещается весьма часто. Всякое сношение с Петербургом прекращено. Всякий донос принимается и, без исследования предварительного, начинают беспокоить человека лучшего поведения!

Излишне было бы повторять здесь то, что представляется при каждом обозрении общего мнения и во всех частных донесениях. Все проезжающие чрез Польшу повторяют одно и то же, что в то время, когда Россия наслаждается спокойствием, тишиною и благоденствует, Польша страждет под тягостию военного управления и привязчивой полиции и отдана на откуп Новосильцову и его партии. Все согласны, что негодование в Польше дошло до высочайшей степени и что поляки желали бы лучше принадлежать Турции, нежели оставаться в таком инквизиториальном управлении, где каждый не уверен в своем дне и ежеминутно ожидает ареста, высылки за город, поездки с казаками или жандармами для объяснений и т.п. Но главное зло и настоящая измена состоит в том, что сами злоупотребители власти очищают себя и разглашают, что они притесняют по воле Государя Императора. Беспрестанно похваляясь влиянием своим на Цесаревича и принимаясь за ходатайство всех дел, подлежащих его разрешению, сии господа разглашают сами и чрез своих агентов, что Государь не любит поляков, даже ненавидит, что ни один поляк в Его царствование не обратил на себя Его внимания, что, невзирая на обещание при вступлении на Престол и на конституцию, Он не будет короноваться, презирая народ и титул королевский, что Он не хочет даже никогда быть в Польше, и что, если б не предстательство Цесаревича, то давно бы разделил Польское войско, как уничтожает Литовский корпус. Поелику от Престола не принимается никаких мер к прекращению злоупотреблений и даже открытые злоупотребления не наказываются, и все дела польские обращаются из Петербурга в Варшаву, то поляки верят рассказам и наущениям, как то подтверждается донесениями со всех сторон[17].

Сколько прежде они не любили Цесаревича, столько ныне начинают выхвалять Его, в той уверенности, что он защищает их пред Государем и печется о сохранении имени Польского Царства.

Всему виною окружающие Цесаревича, коих выгоды состоят в том, чтобы дела польские были сосредоточены в Варшаве и вовсе не зависели от Государя. Есть большие причины догадываться, что с Новосильцова партией состоит в тесном союзе партия австрийская, которая старается поддерживать и распространять в Польше невыгодные мнения насчет российского Двора. От этого происходит разногласие Варшавы с Петербургом

насчет войны, насчет выбора лиц в правление, и порицание всех мер нашей политики и администрации. Этому же должно приписать постоянное стремление к пресечению всех сношений Польши с Петербургом и представление всех поляков, живущих в сей последней столице, подозрительными, не заслуживающими ни уважения, ни доверенности правительства. Между тем Новосильцов и ректор Пеликан содержат здесь своих агентов, которые беспрестанно уведомляют их обо всем, что здесь говорят и замышляют насчет Польши. Они также разглашают здесь о необыкновенной привязанности Цесаревича к польской нации и ненависти к ней Государя. Эти агенты умели вперить сии мысли многим русским. — Дом Лаваля, старинное убежище всего злого, и дом княгини Белосельской есть места, где часто разглашают новости сего рода. Недавно еще князь Никита Волконский говорил у княгини Белосельской, что Цесаревич, будучи здесь, усильно ходатайствовал за подсудимыми поляками и присылал своего адъютанта с убедительными просьбами за несчастными. Многие утверждали то же самое. Василий Сергеевич Ланской, а более брат его Дмитрий, друг Новосильцова, явно вопиют в этом роде.

Какие следствия могут произойти от сего беспредельного стремления к отвращению сердец нескольких миллионов подданных от Государя? К чему доведут всегдашние меры ригоризма в пограничных провинциях, взирающих с завистию на спокойствие и счастие своих единоземцев в других державах? К чему приведут эти злоупотребления, без всякой наказанности, в Литве? Конечно, ничего хорошего ожидать нельзя от этого. Можно ли и должно ли содержать эти несчастные провинции *всегда* на военном положении, как будто после бунта? В Испании и Ирландии военные меры прекращаются тотчас после утишения бунта, и даже в Неаполе, по уничтожению карбонариев[18], военные меры уничтожены. Но Польша все остается в одном положении, как будто накануне или на другой день бунта! Какими глазами смотрят на это в Европе?

Ни один приверженец Государя не будет желать, чтоб между Августейшими братьями произошло малейшее неудовольствие, однако же всякий справедливый человек, преданный Государю, скажет, что благо миллионов, виды высшие государственные, политика европейская и выгоды России требуют, чтоб приняты были решительные меры к успокоению умов в Польше, возвращению ей благоденствия, спокойствия и чтоб поляки почувствовали попечения Государя об их судьбе, прилепились к Нему сердцами. Имя короля — есть магический талисман в Польше, который все переменит в одно мгновение. Поляки народ чрезвычайно мягкий, привыкший, по воспитанию и прежнему порядку вещей, к нежному и вместе откровенному с ними обхождению. Они энтузиасты, одарены пылким воображением и рыцарским характером. Стоит только дать направление их энтузиазму, чтоб сделать из них самых верных и приверженных подданных. Характер поляков весьма сходен с французским. Прокламации, речи, рыцарство, откровенность, ласка сделает из них все.

Долгом считаем здесь изложить то, что сведущие люди полагают нужным для успокоения умов в Польше, привязания сердец к особе Государя, уничтожения всех интриг, вредных выгодам Престола, и пресечения злоупотреблений.

1. Посетить Государю Вильно и Варшаву, с Наследником Престола. Возложить на Себя корону. Произнести речь от трона, в которой бы было несколько исторических воспоминаний о славе народа, его верности и любви к королям и обещание удержать невредимыми их права и конституцию. — Насчет коронации вот что говорят австрийские интриганты: «Государь, вступив на Престол, обещал исполнить все предписанное конституциею, а там именно сказано, что каждый король, наследник Александра, обязан короноваться. Государь короновался в Москве, а в Варшаве не хочет, потому, что Россия сильна, а Польша слаба и может быть подавлена силою России. Но если Государь почитает Себе позволенным не держать слова и ниспровергать закон коронный, то что́ же может удержать в покорности подданных, кроме страха? Если же сила, равная России, вздумает покровительствовать Польшу и возвратить ей достоинство нации, тогда поляки не обязаны быть верными Государю, к главе которого не прикасалась польская корона и который не видел своего народа, не был на его совещаниях и презрел всеми их правами». — Нет сомнения, что подобные речи охотно слушаются и принимаются к сердцу людьми раздраженными, уверенными, что они презрены и преданы в жертву. — Короноваться можно без церковных обрядов: можно было бы на сейме возложить на себя корону, припоминая пример Болеслава Храброго и то обстоятельство, что Государь уже помазан миром по обряду своей церкви. Это произвело бы всеобщий энтузиазм и приковало сердца к Главе, носившей польскую корону.

2. Надлежало бы уничтожить военное управление; Литву оставить на прежнем положении, как другие губернии, пользующиеся своими правами, а в Царстве Польском оставить законное течение дел, как предписано в конституции и эдиктах королевских. Одним словом, дать всем делам ход и течение, как было до учреждения военного правления.

3. Удалить Новосильцова, ректора Пеликана и прокурора Ботвинку, ненавистных полякам и русским, злоупотребителей, поставляющих единственное удовольствие в том, чтоб оскорблять народное самолюбие, имеющих единственную цель наживаться продажею правосудия и протекции, и получать награды вымышлением ложных преступлений. Удаление сих лиц есть si non qua non[19] — для блага провинций.

4. В Вильне можно бы сделать пару камер-юнкеров и пару фрейлин, наградить отличных маршалов и профессоров. В Варшаве, без сомнения, представлены будут к наградам лица, покровительствуемые Цесаревичем. К этому числу можно бы прибавить людей, уважаемых нациею, почитаемых истинными патриотами, из коих некоторые не любимы и даже гонимы нынешним правлением в Варшаве. Идол польского народа всех сословий — есть *Юлиан Немцевич*, товарищ Костюшки, друг Вашингтона, патриотический поэт и историк, секретарь Сената, председатель Королевского общества филоматического[20], муж истинно почтенный и добродетельный. Неизменный в любви к отечеству, он никогда не входил ни в какие заговоры, действовал всегда откровенно и не искал почестей. Император Александр отличал его и любил. Однажды, недовольный спорами на сейме по причине проекта о новом уголовном уложении, покойный Государь сказал Немцевичу, что поляки ведут себя буйно. «Государь, — отвечал Немцевич, — поляки — добрые дети, но они не умеют вести себя, потому что имеют пьяную няньку». Это было сказано о Новосильцове, который

раздражил умы послов сеймовых грубостию, насмешками и страхом Сибири. Немцевич — человек праводушный, которого поляки любят и уважают как самого Костюшку, он скажет всю правду Государю, если его спросят и позволят говорить. — Другие государственные люди, уважаемые и любимые страстно народом всех сословий, суть: *князь Адам Чарторийский*, сенатор воевода; *Замойский*, презес сената; *Белинский*, сенатор воевода; *Дзялинский* (Титус), зять Замойского; *Хлопицкий*, генерал, прославившийся в Испании, уважаемый Наполеоном, сопутник его в Египте, цвет Польского войска; *Фома Лубенский*, генерал и бывший посол на сейме, отличный по характеру, заслугам и уму; *Годлевский*, посол, владетель знаменитой Кальварии; *Немоевский*, оппозиционист на сейме, но человек чувствительный и благородный; *Пивницкий*, бывший маршал сеймовый; *граф Лудовик Платер*, статский советник. Некоторые из сих людей, как, например, Немоевский, почитаются нынешним правлением карбонарами; но в Польше нет карбонаров, а есть польские патриоты, из коих многие слишком большие энтузиасты. Таков и Немоевский. Но как это все люди с нежною и мягкою душою, но сильным характером и умом, то презрение и системы ригоризма их раздражали, а ласка и милость сделает приверженцами Государя. Все они имеют сильные партии и большое влияние. Между учеными и литераторами отличаются *Линде*, ректор лицея варшавского; *ксендз Швейковский*, ректор университета; *Козмян*, статский советник, поэт; *Осинский*, поэт; *Бандке*, историк, профессор университета; *Лука Голембевский*, секретарь филоматического общества, член элементарного общества[21], историк; *Трембицкий*, один из первых практических и теоретических хозяев в Европе; девица *Клементина Таньская*, образцовая писательница, прославленная нравственными сочинениями для юношества; *Лелевель*, историк, посол на сейме, бывший профессор Виленского университета, выгнанный Новосильцовым — за то, что не хотел соглашаться в совете на безусловные его предписания о распоряжении суммами.

Самые верные слуги Новосильцова суть: *Шанявский*, директор народного просвещения; *Цинзерлинг*, профессор университета; *Суминский*, директор полиции и почт; *Грабовский*, министр народного просвещения. Князь Любецкий терживерсирует[22]: он делает все, что хочет Новосильцов, чтоб тот не мешал ему в его спекуляциях. *Князь Любецкий* в связях родственных и дружеских с известным *Пусловским*, и они, под чужими именами, спекулируют на откупах казенных имений.

Появление Государя в Варшаве с Наследником произведет благоприятное последствие, особенно теперь, после окончания Польского дела, которое причинит в целой Польше всеобщий восторг. Прибытие Государя на сейм сведет с ума поляков от радости. Но надобно бы поручить приготовление к сейму не Новосильцову, не имеющему никакого уважения и презираемому даже своими сообщниками, а человеку умному и опытному, хотя бы министру статс-секретарю Грабовскому. Должно знать прежде пропозиции[23] и отложить до другого времени те, которые могли бы возродить контестации[24].

Нет сомнения, что Государю представят все дела в лучшем виде, поляков неверными и ожидающими случая к возмущению, любимцев народа карбонариями, которых надобно содержать в железной клетке. Правда, что Польша недовольна, но это от ложного положения, в котором она находится, от беспрестанной tracasserie[25] и от интриг клевретов Новосильцова и австрийской партии[26].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1—14. По содержанию датируется концом 1828 г.

[1]См. примеч. 3 и 4 к записке № 145.

[2]Речь идет о русско-польской войне 1609—1618 гг., во время которой в 1610—1612 гг. в Кремле находился гарнизон польских войск.

[3]Речь идет о событиях 1682 г., когда турки осадили Вену. Город спасли подоспевшие имперские и польские войска под предводительством герцога Карла Лотарингского и польского короля Яна Собеского.

[4]Герцогство Пруссия, возникшее в 1525 г. на землях Тевтонского ордена, было вассалом Польши по 1618 г.

[5]См. примеч. 1 к записке № 1.

[6]Белый орел — герб Польши.

[7]На Венском конгрессе 1814—1815 гг., в котором участвовали представители всех европейских стран, были заключены многочисленные межгосударственные договоры, подведшие итоги войны с наполеоновской Францией.

[8]Ср. записку № 143 и примеч. 3 к ней.

[9]После того как в апреле 1809 г. Австрия объявила войну Наполеону и союзному ему Герцогству Варшавскому, войска Герцогства в мае двинулись в сторону принадлежавшей Австрии Галиции, выиграли (на своей территории) две битвы, и в июне Галиция присоединилась к Герцогству Варшавскому.

[10]Венгрия, Чехия (Богемия) и Ломбардо-Венецианское королевство входили тогда в состав Австрийской империи, обладая той или иной степенью политической автономии.

[11]уделом (*фр.*).

[12]См. примеч. 1 к записке № 142.

[13]Герцогство Познанское принадлежало Пруссии.

[14]См. примеч. 2 к записке № 76.

[15]Л. Сапега писал в своих воспоминаниях о том, как «начальника таможни в Волочиске Корсака уведомили однажды, что для ревизии таможни по поручению великого князя Константина Павловича едет генерал Байков. Корсаку было хорошо известно, что означает подобная ревизия, и потому он разослал по знакомым все, что у него было ценного, даже лучшие платья жены. Приехал Байков. Кроме довольно значительной денежной суммы, он забрал у Корсака все, имевшее какую-нибудь цену, даже из гардероба хозяйки дома. Великий князь любил Байкова, всегда готового на всякие услуги. Эта командировка была дана генералу исключительно для пополнения всегда пустого бумажника» (*Сапега Л.* Мемуары. Пг., 1915. С. 77).

[16]То есть являвшаяся органом российского министерства иностранных дел газета «Journal de St.-Pétersbourg».

[17]А.Х. Бенкендорф вспоминал об этом времени, что тогда «носились слухи, что он (Николай. — *А.Р.*) не жалует поляков и негодует на данные им привилегии; что в характере его преобладает строгость и что он никогда не согласится на присоединение к Царству [Польскому] прежних польских областей. Никто почти еще не знал его, и все колебались между страхом и надеждою» (*Бенкендорф А.Х.* Император Николай в 1828—1829 гг.//РС. 1896. № 7. С. 6).

[18]См. примеч. 1 к записке № 91.

[19]непременное условие (*лат.*).

[20]Немцевич возглавлял основанное в 1800 г. Королевское филоматическое общество с 1826 по 1830 г.

[21]Имеется в виду Товарищество элементарных книг (1775—1792), созданное при Эдукационной комиссии для составления школьных программ и учебников.

[22]изворачивается — от французского tergiverser — увиливать, хитрить, прибегать к уверткам.

[23]предложения — от французского proposition.

[24]протесты, споры — от французского contestation.

[25]придирки (*фр.*).

[26]В архивном деле сохранился анонимный комментарий к этой записке (л. 15—18), автор которого, в основном соглашаясь с Булгариным, делится рядом своих соображений по данному вопросу.

---

178 Quelques idées générales sur le plan de surveillance, surtout des militaires[1]

Если хозяин принимает в услужение дворника, сторожа или какого-нибудь служителя, он непременно старается узнать его нравственность и образ мыслей, чтоб знать, можно ли ему верить. От офицеров гвардии часто зависит безопасность священных особ Императорского Дома и спокойствие целой России, не только столицы: их знать должно непременно. Для этого надобно:

1. Не поручать *никогда* полковникам или вообще военным людям, служащим en corps[2], наблюдение за другими. Из этого выходят следующие неудачи и промахи: a) Полковники для собственной чести стараются всегда выставлять полк свой верным и благомыслящим и чернят офицеров только по личным неудовольствиям; b) Другая крайность: полковники, чтобы *выслужиться*, дают ложные вести, fausse alarme[3], и компрометируют дело; c) Товарищи по молодости лет, по неопытности, по неуменью, по личностям, необходимым в любой офицерской жизни, портят дело ложными известиями, и весьма часто par esprit de corps, par épanchement du cœur[4], за оказанную услугу, с дружбы, открывают то, чего открывать не должно, и людям, которые могут воспользоваться этим к величайшему вреду целого дела, и даже к бедствию всеобщему; d) Всякое тайное и важное поручение не только молодому офицеру, но даже полковнику и капитану, делает его не столь радивым по службе, отвлекает от настоящей цели, делает гордым с товарищами и даже грубым с начальниками. Из сего я извлекаю общее заключение, что наблюдать за духом полков и характерами и образом мыслей офицеров должны *не военные*, а люди, облеченные особенною высокою доверенностью. О них будет говорено ниже сего. La force militaire est une machine[5], движимая тем, что Наполеон называл: le moral de l'armée[6]; духом войска, его внушает правительство мерами моральными, действуя на душу.

2. Здесь не должно следовать вообще никакой системе уже употребленной, а составить *свою собственную систему*. Даже система Наполеоновская у нас не у места. В Наполеоновскую гвардию выбирали из армии не людей знатных фамилий, неучей, честолюбцев, но старых заслуженных солдат, les vieux routiers[7], привязанных лично к Наполеону, как к богу, которому они обязаны были всем. Их знали прежде. Для маркизов у Наполеона был двор и штабы; места почетные, блестящие и ничтожные. Если в гвардии и было несколько знатных людей (хотя весьма немного), то это дети людей испытанной верности. В таком составе гвардии наблюдение было весьма легким делом. К тому же, Франция не Россия. *Там*, после ужасной революции, когда все *отлично доброе* и *отлично злое* вышло наверх, как пена после кипенья, надлежало действовать *сильно* и *быстро*, как с взрослыми, т.е. открыв якобинца, тотчас истреблять или удалять. *Здесь*, напротив, гвардия иначе не может быть составлена, как из молодых людей хороших

фамилий, которые упадают как с неба, или будучи неизвестны по поведению и нравственности, или по молодости лет и слабости рассудка вовсе не имея образа мыслей. Здесь надобно обходиться и с взрослыми как с детьми. Следовательно, во Франции надлежало только *строго* наблюдать, замечать, узнавать образ мыслей, чтобы истреблять злых; в России, напротив того, должно удвоить наблюдение, замечание и старание знать образ мыслей, чтобы слабое юношество, не попавшее на истинный путь, так сказать *воспитывать наново*, давать им мнение, заставлять думать как угодно, вести к известной цели всеми средствами, исправлять и только одних *неисправимых* или закоренелых якобинцев и развратников истреблять, изгонять из гвардии.

Все, что говорится здесь о молодых людях, относится и к пожилым, не имеющим твердого образа мыслей и жизненных правил. У нас вообще любят следовать чужому влиянию, хотят, чтобы кто-нибудь за нас думал, а мы повторяем только чужие блестящие вещи. C'est de l'esprit chez nous[8].

Итак, во Франции embauchage[9] была вещь позволительная для общей пользы, потому что там всегда была революционная ферментация, *пламя*, скрытое под пеплом, у нас могут быть только *искры*, и то рассеянные, и так для потушения нельзя и не нужно употреблять одинаких средств. У нас embauchage вреден. Должно стараться *воспитывать*, а не *выгонять из школы* за то, что его приняли безграмотного и потому что его не хотят учить. Выгонять должно тех из них, которые окажутся вовсе не способны к улучшению.

3. Кого употреблять для этого дела. *Отвечаю решительно*: людей умных, *совестливых*, *испытанной честности*, привязанных к особе Государя, которые бы умом были выше предрассудков, и не полагали делом постыдным действовать благородно, честно, добросовестно для личной безопасности своего Государя и блага Отечества. Это мое старинное мнение, что доверенными тайными агентами правительства должны быть *непременно люди умные* и честные. Иначе высшая полиция превратится в управу благочиния[10]. Пускай умные и честные люди употребляют разный сброд для мелочей, pour les affaires de basse-cour[11] — это другое дело. Но человек, которому поручается наблюдение за характером другого, за открытием злоупотреблений, должен быть непременно человек *отлично честный*. Доказательством тому служит М.Я. фон Фок, который lui seul vaut bien un corps d'armée[12]. К нему все честные люди имеют доверенность, зная, что он не употребит ее во зло. Пишущий сии строки за миллионы не имел бы ни с кем дела по сему предмету, а с М.Я. фон Фоком он откровенен, единственно потому что он честен и умен.

4. По всем делам высшей полиции il ne faut pas brusquer; point de dragonnades[13]. Если дело какое бы то ни было открыто высшею полициею, premièrement il faut détourner l'attention du public et de l'individu de la haute police sur un autre objet[14]. Высшая полиция вещь невидимая, неосязаемая, dont le centre est partout et la circonférence nul part[15]. Например: открыто, что такой-то офицер неисправим, имеет дурной образ мыслей, якобинец. Но по службе он исправен, явного обвинения на него нет; исключить его из службы, запереть или изгнать без явного проступка, значит обнаружить свои причины, se rendre odieux, mettre l'opinion publique du côté du persécuté[16], и даже сделать ненавистным правительство. Не лучше ли отдалить его какою-нибудь откомандировкою, там, на месте, велеть удержать его под разными предлогами, дать публике и товарищам *забыть о нем*, и после перевести куда угодно или велеть подать в отставку. Дело, сделанное исподволь, не бросает-

ся в глаза — а следствие то же. Так, например, Павла Бестужева можно было бы услать в его бригаду, оттуда прикомандировать в Оренбург или куда-нибудь, там занять поручением обучения гарнизона, даже наградить чином, если б вел себя хорошо в отдалении от столицы. Дело было бы сделано, а публика не кричала бы и не плакала за молодым шалуном.

Высшая полиция не должна ни в каком случае, ни под каким предлогом делать доверенности в своих открытиях какому-нибудь правительственному месту или лицу, ибо в таком случае все дело будет испорчено et les hommes fidèles seront rebutés[17]. Должно иметь правилом, что всякая власть есть ennemi naturel du pouvoir occulte[18], будет делать все возможное, чтобы компрометировать ее. Les avis se donnent par des voies detournées[19], всегда обращая внимание лица или места на другую сторону, возбуждая подозрение на другие места или лица. Высшая полиция открывается всегда только, когда делает *добро*. М.Я. фон Фок совершенно достигнул это, когда призывал к себе в 1812—15-м годах иностранцев *неопасных*, *болтунов*, и предостерег их, чтоб были осторожнее, il a gagné pour lui l'opinion publique[20], снискал доверенность, приобрел репутацию и был тем вдесятеро *полезнее для службы*. Il faut brusquer avec du bien et agir par les voies détournées, si on est obligé de faire du mal même avec méchants![21]

5. Высшая полиция *должна иметь непременно* в своих руках *цензуру театральных пиес*, *театральную критику* в преданных ей журналах, и, это более, иметь своего человека *вернейшего*, à la tête du répertoire français[22]. Надобно непременно, чтоб актеры и актрисы зависели *неприметным образом* от высшей полиции. Это значит иметь в своих руках l'opinion de toute la jeunesse[23]. Писать об этом подробно было бы слишком длинно. Польза видна с первого взгляда.

6. Высшая полиция должна иметь несколько своих foyer[24]. О знатных домах не должно заботиться, один или два довольно. Там все ведут себя обдуманно, скромно и по известной схеме. Собрания у актрис, литературные беседы, дружеские вечеринки — вот где on se déboutonne[25]. — Повторяю: Il ne faut d'embauchage[26] — это бесполезно и бесчестно. О нем в России можно сказать то, что Фуше сказал о смерти дюка Энгиенского[27]: «C'est plus qu'un crime, c'est une faute»[28].

7. Из ордонанс-гауза[29] должны присылаться к начальнику Главной квартиры[30] известия о всех вообще приезжающих и отъезжающих в столицу. Полиция подает рапорты о живущих в заездных домах, и вообще как называется: месячные рапорты sur les mutations survenues dans les changements des domiciles[31], по кварталам и частям, всех чиновников и приезжих. Это не тяжело, когда раз заведено. — Впрочем, по военному положению, начальник Главной квартиры непременно это должен иметь.

8. Контора адресов для иностранцев подает во время навигации ежедневно, зимою еженедельно рапорт о требующих паспортов и приезжающих. Кронштадтская брантвахта[32] также. Это весьма важно и делается для того, чтобы не переписываться с полициею или с кем бы ни было в случае нужды — но действовать прямо и скоро — а у нас известно что значит переписка. Во-первых, медленна, и, во-вторых, все канцелярские секреты гуляют по городу. Нужно ли сказывать, что все происшествия по губерниям должны быть тотчас доводимы до сведения начальника Главной квартиры.

Вот первые отдельные мысли об обширном плане действия, которое зависит более от *благоразумия* начальников. Главные правила: 1. При-

обресть доверие и содействие умных и частных людей. 2. Point de brusquerie[33]. 3.Point de confiance[34] с особами и местами. 4. Point d'embauchage[35]. 5. Несправедливое правило возрождать страх ДОНОСОВ: тогда все замолчит: пусть говорят как *можно более*, тогда только можно знать людей. Parfois quelques coup d'éclat de condescendence, de l'humanité, réprimandes et corrections paternelles[36] юношам добрым, болтунишкам, трусливым, которые сделают лучшее и доставят уважение власти.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 584. Опубликована нами: Родина. 1990. № 12. С. 29—31. Исходя из содержания, мы полагаем, что она написана в 1828 или 1829 гг.

[1]Некоторые общие соображения относительно плана наблюдения, особенно за военными лицами (*фр.*).

[2]в войсках (*фр.*).

[3]ложную тревогу (*фр.*).

[4]из духа товарищества, по широте сердца (*фр.*).

[5]Военная сила — это машина (*фр.*).

[6]состояние духа армии (*фр.*).

[7]старых служак (*фр.*).

[8]Это у нас считается умом (*фр.*).

[9]вербовка (*фр.*).

[10]*Управа благочиния* — полицейское учреждение, которое по полицейскому уставу 1782 г. охраняло порядок в городе, принуждало жителей к исполнению законов и постановлений, заведовало городским благоустройством и торговлей.

[11]для унизительных дел (*фр.*).

[12]один стоит целой армии (*фр.*).

[13]не нужно резкостей, насилия (*фр.*).

[14]прежде всего высшей полиции необходимо перенести внимание общества и отдельных лиц на другой предмет (*фр.*).

[15]центр которой — везде, а окружность — нигде (*фр.*). Булгарин перефразирует устойчивую словесную формулу, которую средневековые авторы применяли к богу, Д. Бруно — к Вселенной, а Б. Паскаль — к природе (см. эссе Х.Л. Борхеса «Сфера Паскаля» и комментарий Б. Дубина к нему: *Борхес Х.Л.* Проза разных лет. М., 1989).

[16]оттолкнуть от себя, привлечь общественное мнение на сторону преследуемого (*фр.*).

[17]и верные люди будут оттолкнуты (*фр.*).

[18]естественный враг тайной власти (*фр.*).

[19]Уведомления делаются косвенным путем (*фр.*).

[20]он обеспечил себе поддержку общественного мнения (*фр.*).

[21]Добро нужно творить стремительно, а в тех случаях, когда необходимо причинять зло злодеям, — действовать обходными путями (*фр.*).

[22]во главе репертуара французской сцены (*фр.*). Речь идет о французской труппе императорских театров.

[23]мнение всего юношества (*фр.*).

[24]очагов (т.е. мест общения) (*фр.*).

[25]держат себя вольно (*фр.*).

[26]не нужно вербовки (*фр.*).

[27]Конде Луи Антуан Анри де Бурбон, герцог Энгиенский — французский принц, последний представитель боковой ветви Бурбонов. В 1804 г. был обвинен в заговоре против Наполеона, невинно осужден и поспешно расстрелян.

[28]«Это больше чем преступление, это ошибка» (*фр.*).

[29]*Ордонанс-гауз* — комендантское управление, при котором учреждалась комиссия военного суда, рассматривавшая дела о военнослужащих, не состоявших в каком-либо подразделении или находившихся вдали от своего подразделения.

[30]*Главная квартира* — совокупность всех управлений, учреждений и лиц, состоящих при главнокомандующем. С 1826 г. пост начальника Главной квартиры занимал А.Х. Бенкендорф.

[31]о переменах места жительства (*фр.*).

[32]*Брандвахта* — сторожевое военное судно при порте. На нем располагались контролеры, осуществлявшие осмотр купеческих судов, приходящих в порт и выходящих из него.

[33]Никаких резкостей (*фр.*).

[34]Никакой доверительности (*фр.*).

[35]Никакой вербовки (*фр.*).

[36]Порой несколько явных проявлений снисходительности, человечности, отеческие укоры и наставления (*фр.*).

---

179 [О должности начальника Главного штаба]

Между многими толками о назначении главнокомандующего в действующую армию и о поручениях, возлагаемых на генерала Толя, замечательны следующие рассуждения, кои, конечно, не породились в головах обыкновенных болтунов и зевак.

Пока начальник штаба будет то же значить, что ныне граф Дибич, говорят в публике, то успехов ожидать невозможно. Ошибки графа Дибича открыли ложное положение его звания, в отношении к главнокомандующему и корпусным командирам. Теперь видят, что из прекрасного французского учреждения Chef d'Etat-Major, что точно то же, что старший адъютант, правитель канцелярии по военно-операционной части, у нас составилась колоссальная сила, поглотившая военное министерство, звание главнокомандующего и проч. Говорят, что в этом была цель сосредоточить военное управление. Но для сосредоточения дел надобно учреждать *место*, а не выбирать *одно лицо*. Место не может употреблять во зло власти, состоя в непосредственном ведении Государя, а человек, имея исключительный доступ к Государю и действуя его именем, по естественному порядку вещей должен заставить повиноваться себе всех служащих по одной с ним части. Так и вышло у нас! Военная коллегия, где дела решались большинством голосов и утверждались конфирмациею Государя, сосредотачивала в себе все дела, не лишая никого власти, сопряженной с его званием; а начальник Главного штаба сделался единственным главнокомандующим русских войск. Напротив того, в военное время начальник главного штаба должен быть только исполнителем воли главнокомандующего, а в мирное время должен заниматься тем, чем ныне занимается Шуберт — планами, картами, изданием военных сочинений, попечением о усовершенствовании военно-топографической части и т.п. — Это место генерал-квартирмейстера — и только! Так было и есть во Франции, а у нас из начальника штаба сделали визиря!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 161—162. Так как в январе 1829 г. И.И. Дибич был назначен главнокомандующим действующей армией, а К.Ф. Толь — начальником ее штаба, то записку можно датировать началом этого года.

---

180 [О лучших домах в Варшаве]

В 1828 году лучшие домы в Варшаве, где собиралось la haute societé[1], были следующие:

1. Дом Замойского, презеса Сената (патриотический, приверженный к России).

2. Графини Потоцкой, жены бывшего презеса Станислава Потоцкого, вдовы, урожденной княжны Любомирской (патриотический, где собираются все энтузиасты).

3. Госпожи Гутаковской, вдовы бывшего презеса Сената[2] (во время герцогства Варшавского) (приверженный к Цесаревичу).

4. Князя Михаила Радзивила, воеводы, бывшего генерала, жена — умница, урожденная Стецкая (патриотический, приверженный к России).

5. Графа Виккентия Красинского, начальника гвардии, прежде любимого народом, ныне презираемого. Он прозван польским Иудою. Его даже формально ругают торговки на улицах (Новосильцовская партия: дом кавалерский, где поят хорошо, напиваются допьяна и играют в карты).

6. Дом князя Максимилиана Яблоновского, воеводы. Жена — красавица и умница, урожденная княжна Любомирская, известная под именем: piękna Tereska[3], la belle Thérèse! gare aux cœurs[4]!

7. Мостовского, министра внутренних дел (патриотический, приверженный к России).

8. Грабовского, министра просвещения (собрание тартюфов и партии Новосильцова).

9. Рихтера, русского генерал-лейтенанта — дом только русский — modére[5], где сожалеть смеют об утешеньях.

10. Моренгейма — собрание приверженцев Цесаревича.

11. Княгини Голицыной, дом Russe-polonaise pot-pourri[6] — вне партий.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 55—57. Написана, по-видимому, в ходе подготовки к коронации Николая I в Варшаве, которая состоялась в мае 1829 г., и может быть датирована началом этого года.

[1]высшее общество (*фр.*).

[2]Имеется в виду Л.Ш. Гутаковский.

[3]красавица Терезка (*польск.*).

[4]красавица Тереза! Берегите сердца! (*фр.*).

[5]стоящий за умеренную политику (*фр.*).

[6]русско-польская смесь (*фр.*).

---

181 Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова

В последнем письме несчастного Грибоедова из Тавриса в Петербург к друзьям находятся следующие строки: «Наблюдаю, чтоб отсюда не произошла какая-нибудь *предательская мерзость* во время нашей схватки с турками. Взимаю контрибуцию довольно успешно. Друзей не имею ни-

кого, и не хочу. Должно прежде всего заставить бояться России и исполнять то, что велит Государь Николай Павлович, и уверяю Вас, что в этом я поступаю лучше, чем те, которые бы желали действовать мягко и втираться в персидскую бездушную дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали *Сахтгир*, т.е. твердое сердце. К нам перешло 8 т[ысяч] армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя; однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову»[1]. Вот некоторое объяснение той ненависти, которую возымели к Грибоедову персидские чиновники и двор, желавшие отсрочить уплату контрибуции, удержать выдачу имущества выходцев и даже воспрепятствовать выходцам свободный пропуск в Россию.

Один друг Грибоедова, пред которым сей последний не имел ничего тайного и поверял все свои мысли и чувства, часто с ним разговарил о делах персидских[2], и вот что он слышал от Грибоедова пред его отъездом.

Против Аббаса-Мирзы есть сильная партия при дворе, которая хотела бы удалить его от наследства престола. Эта партия боится, чтоб Россия не покровительствовала Аббаса-Мирзы и потому старалась и будет стараться всегда очернять его пред российским двором. Назначение в Персию посланником приятеля Аббаса-Мирзы[3], или по крайней мере человека, который знает все интриги двора, не могло быть приятным этой партии, и она будет стараться по возможности вредить послу. Но как персияне подлы и трусы, то одною твердостию можно держать их в узде. Вот как говорил покойный Грибоедов.

Один член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга[4], говорил ему в присутствии друга: «Берегитесь! Вам не простят Турхманчайского мира!» — И так многие заключают, что Грибоедов есть жертва политической интриги[5].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 147. Л. 1—2. Впервые опубликована Н.К. Пиксановым (без указания на авторство Булгарина): *Грибоедов А.С.* Горе от ума. М., 1912. С. XXIV—XXV; вторично — М.М. Медведевым, также без указания авторства: ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 490—491. Записка написана, по-видимому, в середине марта 1829 г., так как 22 марта ее копия была переслана министру иностранных дел К.В. Нессельроде.

[1]Булгарин не совсем точно цитирует письмо Грибоедова В.С. Миклашевич от 3 декабря 1828 г. См.: *Грибоедов А.С.* Соч. М.; Л., 1959. С. 630—631.

[2]Имеется в виду сам Булгарин.

[3]Д.А. Смирнов писал, что «Грибоедов приобрел <...> полное расположение, можно сказать дружбу такого, во всяком случае замечательного человека, каким был последний принц Аббас-Мирза. Уже одно то, что принц мог слушать умные речи на своем родном языке, привязывало его к Грибоедову. Кроме того, Грибоедов был музыкант. Принц до того любил бывать вместе с Грибоедовым, что часто, как говорил мне Бегичев, мешал ему заниматься» (*Смирнов Д.А.* Биографические известия о Грибоедове//Беседы в Обществе любителей российской словесности. Вып. 2. М., 1868. Отд. 2. С. 18).

[4]Речь идет о Дж. Кемпбелле.

[5]Записка была 22 марта отослана Бенкендорфом К.В. Нессельроде, и в тот же день последовал ответ: «Я возвращаю Вам, любезный друг, суждения несчастного Грибоедова. Его друзья, приводя их для его оправдания, не проявляют большой прозорливости. Они должны производить впечатление совершенно противоположное и доказы-

вают, что, несмотря на несколько лет, проведенных в Тавризе, и беспрестанные столкновения с персами, он плохо узнал и плохо оценил народ, с которым имел дело. Тысяча приветствий. Нессельроде» (пер. с фр. цит. по: ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 491).

---

182 О Тургеневе

Пред отъездом в отпуск Закревского Тургенев[1] представил ему, что на Аптекарском острове нужно построить кактoрию, или кухню для варения декоктов, сказав, что по смете строение не будет стоить более 7000 рублей. Поелику министр может утверждать суммы без ведома Сената до 10 т. рублей, то Закревский и согласился, велев прежде изготовить план и смету. Не дождавшись сего, Закревский уехал, а Тургенев начал строение. Письмами Тургенев извещал министра о успешном ходе строения и получал в ответ от министра вежливости. Наконец приехал министр и когда стал осматривать, что сделалось в его отсутствие, то нашел между прочим:

1. Что строение производилось без плана и сметы, наугад, и сумма, издержанная Тургеневым на оное, простирается за 12 т. рублей, вместо 7 т., а потому за пределы министерской власти.

2. Что Тургенев на перестройку квартиры и разные починки употребил до 25 т. рублей, без сметы, планов, воли и утверждения министра[2].

3. Что дров для мест, подведомственных медицинскому департаменту, куплено за 30 т. рублей, без объявления торгов, а просто с барок. Когда министр спросил, как смели преступить закон в этом деле, то Тургенев отвечал, что сделано для того, чтоб заблаговременно заготовить дрова летом. Между тем оказывается, что дрова куплены не заблаговременно, но в сентябре, весьма дурные, и дорого.

4. Некоторые негоцианты просили выменять ревень на другие материалы, на сумму 500 т. рублей. Государь Император утвердил этот обмен *на один только раз*, но Тургенев, во время отсутствия министра, увлек своими представлениями Энгеля, растолковали иначе слова Государя и променяли ревень на 1 500 000 рублей, с убылью для казны[3].

Кроме всего этого министр нашел важные упущения в делах, передачу против цен за отсылку материалов и проч. и стал строже наблюдать за медицинским департаментом, требуя от Тургенева отчета за дурное управление. Вот что возбудило ненависть Тургенева к министру и жалобы, хотя, по справедливости сказать, Закревский потому только, что сам избрал Тургенева, обходился с ним лучше, нежели с другими, и спускал более, нежели следовало.

У Тургенева есть женщина, жена камердинера его, которого дети называют Тургенева отцом и воспитываются как дворянские сынки. Эта женщина владеет совершенно Тургеневым, человеком желчным, самолюбивым, беспокойным, гордым и мстительным. Она, не довольствуясь мужем и любовью Тургенева, имеет любовную связь с Ключаревым, бывшим с Тургеневым в Сибири и помещенным им в начальники отделения в медицинском департаменте. Ключарев, человек умный, но чрезвычайно корыстолюбивый, владея Тургеневым посредством любовницы, захватил все денежные дела и стал править самовольно департаментом. Все сие не могло укрыться от министра, который советовал Тургеневу отвязаться от этого вредного помощника, что еще более взбесило Тургенева и его домашнюю

шайку. Между тем министр, входя в подробности управления, беспрерывно открывал новые злоупотребления и понужден был удалить Ключарева, что совершенно ожесточило Тургенева, подстрекаемого любовницею.

Брат Тургенева в Москве[4], в связях с почт-директором Рушковским, а потому непроизвольно рождается сомнение, что письма Тургенева написаны с умыслом, чтобы предубеждать в свою пользу. Тон сих писем, наполненных похвалами Государю, явно показывает, что они писаны с намерением. Холодность в похвалах несовместна с жаром второй половины писем, где находятся выходки против своего начальства. Это обнаруживает всю злобу Тургенева, тем более, что все жалобы его ложны. Один приятель московского Тургенева рассказывал здесь под рукою, в гневе против Закревского, что вскоре Государь узнает об нем *без просьб и докладов*. Последние письма Тургенева есть верх лжи и клевет.

1. Тургенев говорит, что министр дает деньги и обещает чины тем, кто покажет на Тургенева. Закревский ведет себя на такой ноге с чиновниками, что даже подозревать его невозможно. По справкам оказалось, что это совершенная ложь.

2. Тургенев пишет, что сам Закревский призывает чиновников и велит им погубить Тургенева. Из чиновников для особых поручений составлена комиссия для обревизования всех дел департамента, от времени гр[афа] Кочубея. Министр, видя медленный ход комиссии, часто призывает членов и понуждает их не губить, но открывать все злоупотребления. До управления Тургенева еще не дошла очередь, а доносов на него никаких не было. Злоупотребления открыты по бумагам и покупкам. Следовательно, и это ложь.

3. Тургенев пишет, что министр скоблит и вытирает свои резолюции. — Вникнув в обстоятельства дела, часто случается, что должно отступить от первого впечатления, произведенного докладом. Это бывает везде и со всеми. Но никогда не было у Закревского, чтоб подписанная и исполненная резолюция переменялась. Он так аккуратен, такой педант в этом деле, что даже и предполагать сего не можно, а по справкам оказалось, что все сказанное Тургеневым ложь.

4. Тургенев пишет, что захватили дела. Министр, прочитав журнал, часто требует подлинных дел для пересмотра, но не иначе как при *ордере*, за нумером. Дела к министру посылаются при *рапорте*. Это делается везде и должно желать, чтоб делалось чаще. Если дела Тургенева чисты, то он на это не должен жаловаться, а напротив, радоваться. В этом видно одно желание клеветать.

Следствия показали, что Закревский не хотел губить Тургенева, а желал только избавиться от дурного человека и слабого начальника. — Тургенев оказывается и злым, и неблагодарным человеком[5].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 28а. Подготовлена в конце 1829 или начале 1930 г. (А.М. Тургенев был уволен с должности директора департамента в феврале 1830 г.). См. также переписанную Фоком агентурную записку о Тургеневе за март 1829 г., которая, возможно, тоже подготовлена Булгариным (там, правда, Тургеневу дана положительная характеристика): ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 160. Л. 3.

[1]А.М. Тургенев в декабре 1828 г. перешел по просьбе министра внутренних дел А.А. Закревского на пост директора медицинского департамента, дела которого были очень запущены (о ходатайстве Закревского об определении Тургенева см.: РС. 1886. № 10. С. 45—46).

[2]А.С. Сомов, внук А.М. Тургенева, в предисловии к публикации его «Записок» излагает эту историю следующим образом. По его словам, в 1829 г., уезжая в отпуск на четыре месяца, Закревский «поручил Тургеневу сначала устно, а затем неофициальной запиской, произвести некоторые постройки и поправки в зданиях, принадлежащих медицинскому департаменту на Аптекарском острове. Все было исполнено Тургеневым в точности <...>. Между тем Закревский стал обвинять Тургенева в самовольном расходовании казенных сумм» (РС. 1885. № 9. С. 370). Воспоминания самого А.М. Тургенева о своей деятельности в медицинском департаменте см. в: РС. 1895. № 7. С. 76—80 (на с. 79 ошибочно 1824 вместо 1829).

[3]«Уезжая в отпуск на 4 месяца, Закревский оставил ему [А.М. Тургеневу] в наследство уже высочайше одобренный доклад об обмене получаемого нами от китайцев ревеня на другие лекарства и хирургические инструменты, с доплатою нами им еще 200 р. на каждый принимаемый от нас пуд ревеня» (РС. 1885. № 9. С. 369). Тургенев убедился в невыгодности этой операции и отказался выполнять указание. Закревский же не хотел входить с новым докладом к императору и, выведенный из терпения, сказал ему: «Делай как знаешь, в моем отсутствии, с немцем» (Там же. С. 370), т.е. с управлявшим министерством во время отсутствия Закревского Ф.И. Энгелем. Тургенев продал с торгов 1800 пудов ревеня и снабдил на эти деньги армию медикаментами, сэкономив сотни тысяч рублей. За это он получил благодарность императора и чин действительного статского советника. Вернувшись, Закревский изменил свое отношение к Тургеневу, стал придираться и искать повод для увольнения его.

[4]У А.М. Тургенева было в Москве два брата: Николай (1778—1835), дослужившийся до титулярного советника, и Федор (1779—1854), окончивший свою карьеру в чине действительного статского советника. Здесь имеется в виду, скорее всего, второй из них.

[5]Закревский вынудил Тургенева подать в отставку, но, уволив в феврале 1830 г. Тургенева с должности директора медицинского департамента, император повелел причислить его к герольдии, для определения к другим делам, с сохранением получаемого на посту директора жалованья. Закревский, не удовольствовавшись этим, назначил особую комиссию для ревизии дел департамента за время управления Тургенева. Однако ничего, кроме самовольной постройки зданий, поставить в вину Тургеневу не смогли. Тургенев же нашел у себя неофициальное письмо Закревского, в котором тот поручал ему произвести эти постройки. В результате, хотя ревизия ни к чему не привела, Закревский приказал петербургскому генерал-губернатору объявить Тургеневу домашний арест по высочайшему повелению, и тот полтора года просидел дома. Лишь по истечении этого срока ему удалось передать императору прошение, и тот приказал расследовать это дело. Но, так как Закревский передал несуществующее повеление устно, то ему удалось выйти сухим из воды (См.: Там же. С. 370—371).

---

183 Рассуждения здешних благонамеренных поляков

Из Варшавы получены частные известия о смерти сенатора Белинского[1]. Он всегда был чтим публикою как честный, бескорыстный человек, но последнее польское дело о тайных обществах возвысило его в народном мнении и сделало идолом Польши[2]. Он первый возвысил голос на защиту заключенных, говоря громогласно везде, даже в Сенате, что в том, в чем обвиняют заключенных, виновны все поляки и что все имеют одно желание — благо отечества под скипетром сильных российских монархов. По смерти Белинского обнаружилась к нему любовь его единоземцев. Почти все жители Варшавы шли за гробом Белинского и провожали его со слезами. На могиле почетнейшие мужи говорили трогательные речи, и все кончилось в величайшем порядке, тихо и спокойно. Между прочими гово-

рил речь знаменитый Немцевич. Повсюду были слышны вопли и рыдания. «Он первый вступился за несчастных», — говорили в народных толпах. — По сему прошествию должно заключать, с каким восторгом примут Государя в Варшаве, если только Новосильцова партия не примет мер тайных и не станет страхом и клеветою отвращать поляков от изъявления своих чувствований. Вообще между поляками носятся слухи, что все приверженцы Новосильцова в большом движении. Разнесся слух, что Новосильцов с ректором Пеликаном сами намеревались приехать в Петербург — но слухи сии не подтверждаются. Между тем вся Польша в восторге от милосердия Государя с осужденными поляками.

Ничто не может сравниться с радостию поляков, выпущенных из крепости[3]. Они сначала пошли в церковь и отслужили «Te Deum»[4] за Государя, после того поселились в Демутовом трактире и, выбрившись и одевшись, тотчас послали за газетами, от начала Турецкой войны, и провели весь день в чтении газет, высылая мольбы об успехах оружия Императора Николая. В таком положении нашли их знакомые, которые пришли навестить их. — На несколько времени радость их была нарушена двумя известными польскими агентами (les habitués de la maison de Lanskoy)[5], которые, пришед к ним, стали их уверять, что они всем обязаны просьбам Цесаревича, а что без этого были бы они в Сибири на каторге, а братья их на эшафоте. Поляки крайне изумлены были сим известием и пробыли в сем уверении до другого дня. Тогда они пошли in corpore[6] к некоторым из известнейших здесь поляков и с первого раза попали к земляку своему, преданному Государю. Тот прямо им объявил, что они всем обязаны *сердцу* Государя, который не следует ничьим внушениям, не имеет фаворитов и делает добро, потому что это составляет его радость. Если же стремление Его к благу удерживается иногда непредвидимыми обстоятельствами, то виноват не Государь — а другие. Поляк, говоривший сие, пользуется большим уважением между своими единоземцами. Слова его были бальзамом утешения для несчастных, из которых один невольно воскликнул тут же: «Слава Богу, слава Богу, что мы обязаны Ему, это доказывает, что [Он] не ненавидит наш народ!» — Собираясь в дорогу, поляки накупили портретов и маленьких фарфоровых бюстов Государя. Под одним портретом *Завиша* подписал по-польски: «Nasza nadzieja i ucieczka». (Надпись сия бывает над образами Богородицы, покровительницы польского народа, и значит: «Наша надежда и прибежище».)

Милосердие Государя к несчастным полякам радует всех благовоспитанных людей и даже купечество и средний класс. Что же касается до пребывающих здесь поляков, то если судить по них о том впечатлении, которое произведет в Польше весть о милосердии Государя, должно полагать, что там многие сойдут с ума от радости. Поляки, даже обруселые, плачут, обнимаются на улицах, поздравляют друг друга и не помнят, что говорят в восторге, благословляя Государя. Это род исступления!

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 19—20. По содержанию датируется серединой марта 1829 г.

[1]П. Белинский умер 6 марта 1829 г.

[2]См. записку № 174 за октябрь 1828 г.

[3]В середине марта 1829 г. Николай утвердил приговор Сеймового суда Царства Польского по делу об участниках патриотических обществ. В связи с этим были

освобождены те из содержавшихся в Петропавловской крепости обвиняемых, кто были признаны невиновными либо уже отсидели небольшой срок, к которому были приговорены.

[4]«Тебя, Боже» (*лат.*) — первые слова молитвы.
[5]постоянными посетителями дома Ланского (*фр.*).
[6]всем составом (*лат.*).

---

184 [Выписка из письма М.Я. Фоку из Дерпта 11 мая 1829]

Здесь только и толков, что о рижских делах. Знаменитый Самсон был здесь и поехал жить в свою деревню. Grandeur provinciale déchue![1] Смешно смотреть, как все столичное повторяется, в малом виде, в провинции. Что почта из Риги, то новые толки о губернаторе. Сперва провозгласили Фелкерзама, потом Кубе. О первом пожимали плечами с горькою улыбкою, о втором говорили, что надлежало бы, чтоб Царь дал ему тысяч сорок прибавочного жалования, чтоб удержать в границах его деньголюбие. После заговорили об отставном полковнике Гессе, сыне придворной повивальной бабки, занимающем место покойного Баранова в Риге, при таможне. Он, как мне известно, великий друг и чтитель маркиза[2], но не знаю, так ли был бы ловок в губернаторы, как при таможне. Последние толки остановились на бароне Мейендорфе, том, что ездил в Бухарию. Вот что толковито, то толковито! Мейендорф лифляндец, человек отменно образованный, умный, благородный и с характером, к тому же он принадлежит к первоклассному дворянству. Вряд ли найти другого Мейендорфа в Остзейских провинциях. Отец его был генерал-губернатором в Риге — одним словом, все говорит за ним. Если это правда, что он будет губернатором, то должно признаться, что выбор удачный! — Только он три дня не уживется с маркизом.

Липгарт говорил мне, что причина ссоры Гана с маркизом была не та вовсе, как мы слышали. То есть грубость, сказанная Ганше[3], была только предлог к разрыву. При сём Липгарт прибавил, что это *тайна*. Хороши и тайны, и тайнопроизводители!

Завтра, 12 мая, по газетам, день великий в истории образованных народов, день примирения братьев, двух славянских народов, бескровная жертва очищения, одним словом, день коронации русского Императора в древней польской столице! Великий пример для Царей и народов, лучший день в истории Николая I. Верный слову и присяге, откровенный в своих поступках, уважающий честь и славу народа покоренного, чтящий закон, начертанный Его предшественником, правосудный и великодушный Николай, сбросив цепи предубеждений народных, устранив зависть и клевету, как солнце явился в юдоли горести, чтоб воскресить упавший дух нескольких миллионов людей, не знавших, кому жертвовать пламенными своими сердцами. И этот великий подвиг, единственный в истории русской, венчание русского Царя в столице Пиястов и Ягеллов[4], в отечестве Собиеского[5], сокрыт от России! То, что потомство будет величать и славить выше всякого завоевания, как дело неприличное сокрывается от современников[6]! Сердце Царево в руце Божией[7]. Благий Боже! просияй небесною твоею правдою!

Завтрашний день я провожу как будто я был в Варшаве. У нас здесь есть один польский помещик, воспитывающий своих детей. Он имеет при себе священника католического. Мы отслушаем молебен за здравие Царя и за обедом провозгласим его тост: он будет разведен слезами благодарности. Я уверен, что нет ни одного поляка, который не дал бы изрубить себя на части за своего венчанного Короля! Отныне он наш Царь! Повторим надпись на железной короне Карла Великого: «Бог нам дал его: горе тому, кто вздумает к нему прикоснуться». Аминь!

Выписка из письма Булгарина, сделанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 86—87. Текст озаглавлен Фоком по-французски: «Extrait d'une lettre de Dorpat, du 11 mai 1829» («Выписка из письма из Дерпта, 11 мая 1829»).

[1]Низвергнутая провинциальная знаменитость (*фр.*).

[2]Ф.О. Паулуччи.

[3]То есть С.Л. Ган, жене П.В. Гана.

[4]Династии польских королей.

[5]Имеется в виду польский полководец Ян Собеский, с 1674 г. — польский король (под именем Яна III).

[6]Николай очень не хотел короноваться в Польше. В беседе с графом К.Ф. Любецким он сказал: «Понимаю, что, короновавшись уже императором русским, я должен еще короноваться и королем польским, потому что этого требует ваша конституция, но не вижу, почему такая коронация должна быть непременно в Варшаве, а не в Петербурге или в Москве: ведь в конституции сказано глухо, что этот обряд совершается в столице». — «Так точно, — шутливо ответил Друцкий-Любецкий, — и нет ничего легче, как исполнить вашу волю; стоит только объявить, что конституция, в которой это постановлено, распространяется и на русские ваши столицы» (цит. по: *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 409). Позднее в СП в номерах от 21 и 25 мая все же появилась информация о коронации.

[7]Пр 21. 1.

---

185 [Выписка из письма М.Я. Фоку из Дерпта]

Я познакомился с здешним куратором[1], бароном Паленом. Если б он не существовал, то его надлежало бы выдумать для Дерпта. Честен, благороден, умен, ласков, приветлив и вместе с этим тверд и важен. Все его обожают и уважают. Идеал кураторов, но жаль, что недостаточен[2] и должен на свой счет объезжать округ от Либавы до Верро! Содержание куратора хуже профессорского. — Если б какой-нибудь добрый человек представил Царю, чтоб из виленских или белорусских поиезуитских фундушов[3] уделить что-нибудь дерптскому университету, было бы доброе и справедливое дело. Один имеет слишком много и без пользы, а другой мало. В Дерптском университете много надобно бы сделать и, главное, усовершенствовать кабинеты, библиотеку и умножить число казенных студентов. Wir sind gut, aber arm![4]

Пусть говорят, что хотят, но Царская фамилия не имеет и иметь не будет нигде таких пламенных приверженцев, как в Остзейских провинциях. В России есть патриоты, любящие Россию, а здесь все отдадут жизнь за Царский дом. Попробуй-ка не иллюминировать окон в Царский празд-

ник — студенты тотчас напомнят. Даже покойной княгине Барклай-де-Толли разбили окна серебряными рублями за то, что не иллюминировала в праздник коронации[5]. Вот здешний либерализм! Других шалостей здесь нет, как курение трубок. Клянусь честию, что этот университет надобно лелеять и обертывать в бумажку. Это рассадник верных Царских слуг.

В Риге поговаривают на бирже о скором или по крайней мере правдоподобном разрыве между Россиею и Англиею. Из Мемеля писали то же. Многие здесь не думают, чтоб Веллингтон был так антинационален. Неужели не стыдно будет победителю при Виттории[6] носить цепи Меттерниха! — если б случилась война с Англией, наши Остзейские провинции были бы в страхе. У нас нет вовсе войска на берегу. Разве Новгородские поселения[7] могли бы пригодиться на этот случай. А если нужно, пожалуй, мы сами составим милицию и грянем за Царя!

Важный вопрос: будет ли объявлено в русских газетах о коронации Государя в Варшаве? — Многие утверждают, что это отсоветовали. Не вижу, почему бы молчать о том, что положено за благо сделать. Эти *ménagements*[8] не ведут к добру. В некоторых важных политических задачах твердостию характера и силою ума надобно творить общее мнение. Делать и не сметь говорить о том, что делается, вредит достоинству власти. Дерзкие станут говорить: не смеют объявлять, боятся русских и пр. К чему это ведет — легко разрешить. Все demi-mesures[9] и все *pas craintifs*[10] никуда не годятся, особенно у нас, где уступив на шаг, теряется верста в мнении общем. — Пойдут толки, пересуды, а один указ и одна газетная статья дали бы направление умам, известили всех о настоящем ходе дел и всех бы успокоили. — Вы знаете мою преданность и потому можете судить, что я горячусь с одной любви к общему благу и Особе, для нас обоих драгоценной.

Выписка из письма, сделанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 82—83. Перед текстом выписки — надпись на французском языке: «Voici l'extrait d'une lettre de Dorpat, dont vous connaissez l'auteur tout aussi bien que moi» («Вот выписка из письма из Дерпта, автор которого вам известен так же, как и мне»). Письмо написано в середине мая 1829 г. (после коронации Николая в Варшаве, но до сообщения в СП об этом событии, т. е до 21 мая).

[1]То есть попечителем Дерптского учебного округа.

[2]То есть небогат.

[3]См. примеч. 1 к записке № 133.

[4]Мы хорошие, но бедные! (*нем.*).

[5]Об этом случае см. также: Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. СПб., 1913. С. 264.

[6]Веллингтон, командуя английскими войсками в Испании, 21 июня 1813 г. одержал сокрушительную победу над французами.

[7]Имеются в виду военные поселения.

[8]предосторожности (*фр.*).

[9]полумеры (*фр.*).

[10]робкие шаги (*фр.*).

---

186 [Выписки из письма М.Я. Фоку из Дерпта 22 мая 1829]

Я никогда не сомневался, что наш добрый Царь будет доволен Варшавою, ибо там есть еще Herzlichkeit[1], там имеют надобность любить

Короля, как дышат воздухом. Но кроме душевного умиления и радости будут ли какие благие последствия? Для Царствующего дома — будут верно; привязанность и верность к династии. Это мой конек, и вы помните наши планы и надежды, чтоб привязать все иноземные племена к царствующему дому и, так сказать, сделать из этого собственность династии, подпору Престола на все случаи.

Обращаюсь к вопросу: какие будут следствия для Польши из великого подвига, приводящего в умиление и непольские сердца? Les convenances[2], как китайская стена, разделяют добро со злом и все пропадет, все исчезнет, как радостные выстрелы и виваты! Нужен ли rigorisme[3] в народе, который можно управлять шелковинкою *национального цвета*, вести на смерть — именем короля и ojczyzny[4], взять последнее имущество na potrzeby kraju[5]? — Нет! Где есть энтузиазм в сердцах и удобовоспламеняемость в головах, там должно действовать моральными средствами, которыми у нас слишком пренебрегают. От этого происходит, что знаменитые талисманы: *за веру и Царя* в России потеряли свою силу. Наши вельможи служат для лент и аренд и никто не думает насаждать в сердце народа семян, приносящих нравственные плоды; никто не берется привязывать народ к Престолу. Все как-нибудь, на *авось*, от сегодня до завтра!

Размышляя таким образом, невольно грустишь, приведя на ум, что, может, злые, эгоисты и пустоголовые возьмут верх над святою, здравою политикою. — Чудное и непостижимое дело! Власть, равная Божеской, не может отнять средств делать зло и вредить Престолу — у развратного Силена[6]! — Прочитав в псалтыре: «Господи, силою Твоею возвеселится Царь!»[7]– я начинаю другой псалом: «Господи, спаси *люди твоя* и благослови достояние твое!»[8]

Я познакомился с знаменитым ландратом Самсоном. Умный, ученый и любезный человек. Коротко не знаю еще, и пудлевское (так! — *А.Р.*) мое проницание не легко проникнет такого рыцаря. Но рассказы его о злоупотреблениях — интересны, и он прав во всем, исключая одного, а именно, что поздненько схватились за правду. По его словам (подтверждаемым гласом народным) гофгернут есть (как бы назвать?) род нашего надворного суда: c'est tout dire![9] — Вообразите, что между тем, как в Сибирь посылают на ревизию сенаторов, в Остзейских провинциях не было ревизии в течение слишком 20 лет! — Прелестные вещи нашли бы в Риге ревизоры. Tout comme chez nous[10]. — Одна Эстляндия живет тихомолком, как добрая старушка, а Рига — настоящий Алжир.

Вы хотите знать, что здесь было между студентами и казаками? — Вещи, которые часто повторяются. 21-го апреля, в день основания университета, студенты обыкновенно празднуют за городом, сжигают солому, поют студенческие песни, пьют здравие того, кого любят, и всегда Царское, и возвращаются в город толпами обыкновенно lustig[11]. В этот день многие возвращались с трубками в зубах, а курить запрещено в городе. Казаки стали отнимать трубки, но как эти же казаки позволяют откупаться рублем, то разумеется, что их не уважают. Пошла толкотня и смех. Студентов было

более, а потому и казакам делать было нечего. Явился почтенный ректор[12] с профессором Сарториусом. Голоса ректора не слышали, а Сарториус в тесноте и толкотне упал на землю. Из этого злые языки вывели сплетни, будто ректора не послушали, а Сарториуса повалили на землю. Доказательство противного, что ректор проник в середину толпы, схватил сам главного диспутатора, по фамилии *Фукс* (из Риги), и повел за ворот в карцер. Шумное собрание спокойно разошлось по домам. Приехал куратор, дело исследовали, виновных наказали, а зачинщика выгнали из Дерпта и университета.

Частию уверяю Вас, что важного ничего нет и не бывало. Все беды от трубок — но теперь приняты строгие меры и на это преступление! — Кто не был молод? Вы знаете, что немец только и веселится в промежутки между родительским домом и службою, т.е. в университетской жизни. И какая их веселость? Песни, трубки, рюмка вина — и тем кончится. Вошел в службу, все забыл и нет их лучше, тише, аккуратнее. Из старого забурмашистого бурша выходит самый послушный и исправный чиновник.

Выписка из письма Булгарина, сделанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 91—94. Перед текстом надпись на французском языке: «Выписка из письма из Дерпта, от 22 мая».

[1]сердечность (*нем.*).
[2]Условные приличия (*фр.*).
[3]ригоризм (*фр.*).
[4]родины (*польск.*).
[5]на нужды страны (*польск.*).
[6]Булгарин имеет в виду Н.Н. Новосильцова.
[7]Пс 20. 2.
[8]Пс 27. 9 (церковнославянский текст).
[9]этим все сказано (*фр.*).
[10]Все как у нас (*фр.*).
[11]навеселе (*нем.*).
[12]И. Эверс.

---

187 [Выписка из письма М.Я. Фоку из Дерпта 25 мая 1829]

Лифляндия стала в тупик. Маркиз[1] сделал своего секретаря[2] губернатором! Фелькерзам назначен в Варшаве 11 маия!! Чудеса. Здесь удивляются и не понимают. Говорят черт знает что и толкуют, будто грузинский аман[3] в тайной милости, делает что хочет и удален только для политики, для успокоения умов. Толкуют черт знает что и бредят лучшие здешние головы! Я молчу и слушаю, но признаюсь, после этого, и сам стал втупик. Что все это значит? Загадка. Общее мнение в лучших провинциях пришибено обухом, наповал. Ай да Юмала! (C'est ainsi qu'on nomme le Marquis. Youmala était le Jupiter des anciens Esthons, et ils désignent jusqu'à ce moment de ce nom le Dieu Créateur[4]). — После этого все пало ниц, Юмала одержал победу, нет теперь ни мыслей, ни голоса, а в сердцах — лед. Начнется аукцион: Tout comme chez nous[5].

Приехал в Дерпт жандарм, барон Унгерн Штернберг. До сих пор он сидит тихо, но весьма наблюдает и, как полицмейстер мог догадаться из

слов его, он узнаёт всех студентов. Не знаю, что из этого выйдет? Худого быть не может, когда бумаги станут переходить чрез Ваши руки. У нас здесь есть Унгерн, родня жандарму, мистик, гернгутер, иезуит и прочее сему подобное, бывший цензор и т.п. Если жандарм позволит себя руководить сим человеком — будет много сплетней и мало доброго. Но это только догадка.

На горизонте политическом туман. Умный народ англичане, а глупы в делах. Отчего они с ума сходят? Отчего хотят войны с Россией? Боятся того, что мы завоевали уголок азиатской Турции, при Черном море, и думают, что индийская торговля обратится чрез Каспийское и Черное море, а далее караванами... Замечательно, что англичанин *Ласи-Эван*, издавший книгу о необходимости войны с Россией[6], был в России и долго жил в Вене. Это я узнал здесь. Личная вражда Меттерниха делает все зло для нас. Ему бы хотелось управлять твердою землею Европы как во время покойного Священного союза, стращать французов революциею и нашествием северных народов, а Россию смущать заговорами и пугать чучелами. — Думают многие, что не обойдется без войны с Австрией и Англией. Я все еще не верю. Впрочем, как бы это худо не было, мы бы легко могли опереться и жестоко повредить вероломным. Можно заварить такую кашу в Австрии, если она тронет нас, что ни в сто лет не расхлебает. Мигнут — и загорится! Один закричит: «Jeszcze Polska nie zginęła», другой: «Bassam Terentetem», третий: «O Italia, Italia, sempre schiava, o ventetrica, o vinta!», четвертый: «Na slowenskom, na sobranince, brak odnoj diewy Russkie!»[7], и проч., и проч. А из этого составится такой хаос, что заглушит совещания гофкригсрата[8]. Не трогай нас! Мы не трогаем других напрасно.

Принятие титула принца Вазы сыном отставного короля[9], — важное событие. Шведы бедный народ, и дворянство искони торгует голосами. Может быть беда, при помощи 100 т. фунтов стерлингов!

Выписка из письма Булгарина, сделанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 95—96.

[1]Ф.О. Паулуччи.

[2]Е.Ф. Фелькерзам занимал пост правителя канцелярии Паулуччи.

[3]Имеется в виду Паулуччи, который в 1811—1812 гг. был главнокомандующим Грузией и расположенными там войсками.

[4]Так называют маркиза. Юмала — это Юпитер древних эстонцев, и этим именем они по сей день зовут Бога-творца (*фр.*).

[5]Все как у нас (*фр.*).

[6]Речь идет о книге Джорджа Эванса де Ласи «Замыслы России» («The designs of Russia». L., 1828), автор которой, констатируя усиливающееся влияние России на Среднем Востоке, призывал к созданию антироссийской коалиции из Франции, Ирана, Турции и других стран — во главе с Англией.

[7]Булгарин цитирует первую строку польского национального гимна («Еще Польша не погибла»), строку из патриотического стихотворения итальянского поэта В. Монти (см. письмо № 271 и примеч. 10 к нему), непристойный венгерский текст и стихи на славянском языке, который нам не удалось идентифицировать.

[8]*Гофкригсрат* — придворный военный совет в Австрии, контролировавший действия командующих войсками. Был создан в 1486 г. и просуществовал по 1849 г.

[9]Речь идет о Густаве, сыне низложенного шведского короля Густава IV.

188 [Выписка из письма М.Я. Фоку из Дерпта]

Польша в восхищении от Государя, Государыни, а Наследника полюбили как Бога! — Прокламации к России не понравились в Польше, особенно извещение, что не польская, а российская корона возложена на главу и что отныне определены границы Польши[1]. Но восторг и любовь народная и это обстоятельство, в самом деле тяжелое для Польши, озолотили и облекли радужными цветами. Все приписывают *советникам* и русским вельможам, врагам польского имени. Добрые дети поляки думают, что Государь *не мог*, не был *в силах* сделать иначе; что должен был уступить многое, для малого добра своему народу польскому, и что, со временем, когда более узнает поляков, более для них пожертвует. Рвутся в Польше, чтоб как-нибудь оказать Царю свою любовь и верность польскую. Желают идти на войну, думая, что это одно средство заслужить Его любовь. Но при всей своей любви к Государю, не надеются, чтоб участь их переменилась, по уважению к *приличиям*. Надеются, однако ж, что хоть что-нибудь да облегчится.

Орден Гинцу, préface[2] ко второму изданию — старого сочинения, без поправок[3].

Выписка из письма Булгарина, сделанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 103. Мы датируем ее, исходя из содержания, концом мая или началом июня 1829 г. Перед текстом надпись на французском языке: «Voici le résumé fidèle de toutees les lettres confidentielles des Polonais. Je le tiens de la source dans laquelle je puise toutes les notions authentiques de ces contrées» («Вот точное резюме всех секретных писем поляков. Я получил его из того же источника, откуда черпаю все достоверные понятия об этих краях»).

[1]В рескрипте Николая петербургскому военному генерал-губернатору от 13 мая говорилось следующее: «Согласно с волею незабвенного брата Нашего, блаженныя и вечныя славы достойного императора Александра, Мы, сего 1829 года мая 12-го, в Нашем столичном городе Царства Польского, Варшаве, короновали Себя Царем польским, возложив на главу Свою прародительскую нашу Императорскую всероссийскую корону. Повелеваем вам известить жителей столичного города Санкт-Петербурга о сем торжественном действии, коим на все времена определено и утверждено бытие царства Польского, навсегда нераздельным с Империею Российскою» (СП. 1829. 21 мая). В Польше на такую коронацию прореагировали очень болезненно. По воспоминаниям К. Колачковского, «поляки надеялись видеть на челе русского монарха польскую корону; но увидев русскую, начали роптать. Неудовольствие росло с каждым днем, находя отзвук в высших правительственных лицах и в войске <...> Несмотря на то, что Варшава находилась как бы на вулкане, торжество коронации прошло спокойно по составленной заранее программе <...> Все крики радости исходили не из сердца, веселость была не искренняя, всякий, от мала до велика, мало-мальски знакомый с историей Польши, был оскорблен в своих национальных чувствах; все знали, что никто искренно не сочувствует этому торжеству, ибо корона, которую возложил на себя Николай I, была не королевская корона; император показал, что царство Польское, в глазах его и русского народа, было не что иное, как завоеванная провинция <...>» (*Колачковский К.* Польша в 1814—1831 гг.//РС. 1902. № 6. С. 554—556).

[2]предисловие (*фр.*).

[3]Булгарин имеет в виду, что награждение Гинца орденом означает продолжение старой политики, без каких-либо изменений.

189 **[Всеподданнейший доклад III отделения]**
31 авг[уста] 1829

При сем представляется выписка из статьи московского журнала «Телеграф»[1], которая произвела здесь много пустых толков и применений[2]. Многие хотят узнавать в описанном начальнике г. А. Закревского. Неблагоприятствующие ему силы торжествуют и повсюду разносят сию статью. Ils ont les rieurs de leur côté[3].

Хоть сия статья, по буквальному смыслу цензурных правил, не подлежит запрещению, но лучше было бы если б цензора имели более осмотрительности и проницания.

Генерал-адъютант Бенкендорф

Доклад Бенкендорфа Николаю I составлен, по-видимому, Булгариным и переписан Фоком. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 14. Л. 116. На докладе карандашная резолюция царя: «Узнать, кто цензор и редактор?»

[1]Речь идет о журнале «Московский телеграф».

[2]Имеется в виду анонимный сатирический очерк «Письмо к Живописцу» (в разделе «Новый живописец общества и литературы» — МТ. 1829. № 14. С. 252—255), обширная выписка из которого сохранилась в данном архивном деле (л. 117—120). В очерке рассказывалось, в частности, о том, что «при первом появлении в присутствии новый начальник наш не оставил ничего на месте. Три часа он пересматривал шкафы, столы, скамейки, стулья, запечки, сени, даже под столами, под шкафами, и везде нашел нечистоту, сор, не так и не ладно. Первое, что он велел: призвал столяра и заказал новые шкафы и столы с зеленым сафьяном; второе, выгнал экспедитора, за то, что тот был во фраке и осмелился отозваться, что, имея многочисленное семейство, не имеет средств сшить вицмундир <...> Зато другой экспедитор получил начальническое благоволение за то, что хоть и большой он пьянюга, но выпросил у кого-то новый вицмундир и явился в вытяжке <...> Чернильницы велено у нас купить новые, и экзекутору подать план о расстановке столов в симметрическом порядке <...> Нам уже велено купить новые ножички, а регистратуре придумать новый манер графить входящую и исходящую книги, ибо прежняя форма, как сбивчивая, *не давала точной идеи о делах*».

[3]Все зубоскалы с ними заодно (*фр.*).

---

190 **[Всеподданнейший доклад III отделения]**
[15 сентября 1829 г.]

По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению доносится, что издатель московского журнала «Телеграф» — некто *Полевой*, из купеческих детей, выдающий уже несколько лет сей журнал и бывший в связях с московскими либеральными шалунами. С некоторого времени он отстал от московских литераторов и привязался более к здешним. Цензор журнала «Телеграф», известный *Сергей Глинка*, издававший «Русский вестник»[1], человек добрый, но слабый и недальновидный.

Между тем, по собранным под рукой сведениям, открывается, что статья, помещенная в «Телеграфе», из которой выписка была представлена Вашему Величеству, сочинена здесь директором Михайловым[2], вместе с Воейковым. Так, по крайней мере, рассказывали между собою молодые люди.

Доклад Бенкендорфа Николаю I составлен, по-видимому, Булгариным и переписан Фоком. Печатается по: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 14. Л. 134. На данном докладе стоит карандашная резолюция царя: «Приказать г[енерал] л[ейтенанту] Волкову (начальнику 2-го (московского) жандармского округа. — *А.Р.*) призвать Полевого и Глинку к себе и непременно узнать от них, кто сочинитель сей статьи; и объявить обоим, что при первом случае, если появится вновь такого же роду статья, поступлено будет с ними по закону, а Глинке сделать сверх того строгий выговор». Н.А. Полевой заявил, что статья написана им, и 26 сентября подал А.А. Волкову оправдательную записку с просьбой разрешить представлять «критические статьи о нравах» на предварительную цензуру Волкова (текст записки см.: *Лемке.* С. 48—49). Волков объявил Глинке и Полевому выговор за статью, и просьбу эту Бенкендорф 9 октября доложил царю, который дал свое разрешение (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 15. Л. 47—48). В деле III отделения о журнале «Московский телеграф» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 470) сохранились также объяснительные записки С.Н. Глинки (л. 23—26).

[1]Журнал «Русский вестник», издателем которого был С.Н. Глинка, выходил в 1808—1820, 1824 гг.

[2]Имеется в виду М.К. Михайлов, директор канцелярии министра внутренних дел А.А. Закревского.

---

191 **Слухи**

Между иностранными купцами и в некоторых обществах говорят, будто война не кончена на Востоке и что англичане и французы противятся ратификации, а если султан не согласится принять их советов, то помешают исполнению трактата[1]. Толкуют, что придет к войне с Англиею. — Партизаны австрийских козней распространили даже нелепые слухи, что наших перерезали в Адрианополе. Сию небылицу многие повторяют со смущением.

Слух пронесся, что в Оренбурге появилась холера-морбус и берет направление во внутренность России. Как известно, что холера следует более проезжими путями, то опасаются, чтоб она не прошла в Петербург и Москву. Многие слабые умы — унывают.

В публике беспокоятся насчет нездоровья Государыни и сожалеют, что у нас нет бюллетенов, как в других государствах. Теперь обильное поле всем лгунам.

В обществах среднего сословия только и толков: «Займется ли Государь делами государства, после окончания войны?» Толкуют весьма сильно: одни говорят, что устал, другие, что нет помощников, перебирают всех министров. — Вообще желание видеть, судить — усиливается постепенно. Старики и деловые дают тон — чтение составляет страсть всех сословий.

В одном обществе говорили, что кирпич, поставляемый для постройки Сената, так дурен, что ломится в руках. Подрядчик прикрывает

кучи дурного малым числом хороших кирпичей. Некоторые утверждали, что сами свидетельствовали.

В Академии[2] между архитекторами крик против Монферана[3]. Говорят, что он прельщает правительство экономическими расчетами, которые никогда не сбываются, как то было при смете фундаментов Исакиевского собора. Говорят, что намерение его пристроить новую стену к старой, в Исакиевском соборе, не будет иметь успеха, ибо новая стена съедет и обрушит старую. Сожалеют, что для монумента Императора Александра не объявлена была программа[4]. Говорят, что лучше было бы сделать пирамиду, ибо для колонны надобно отрубить камень, какому нет подобного в мире, и что это значит то же, что переломить большой алмаз. Говорят, что камень открыт не Монфераном, но мужиком Сухановым и что Монферан присвоил себе открытие[5]. Говорят, что Монферан отличный рисовщик — но не практический архитектор.

Записка, переписанная Фоком, печатается по ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 98—99. Исходя из содержания, датируем ее концом сентября — началом октября 1829 г.

[1]Речь идет об Адрианопольском мирном трактате между Россией и Турцией, подписанном 2 сентября 1829 г. О попытках Англии добиться пересмотра условий трактата см.: *Фадеев А.В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 358—360.

[2]Имеется в виду Академия художеств.

[3]Петербургские архитекторы неоднократно подвергали острой критике проект постройки Исаакиевского собора, подготовленный О. Монферраном (см.: *Никитин Н.П.* Огюст Монферран. Л., 1939. С. 48—95, 114, 140—141, 280—299, 305—307). Строительство собора было начато в 1818 г., с 1828 по 1830 г. возводились колонны, строительные работы завершились к 1841 г., а отделка внутренних помещений продолжалась до 1858 г.

[4]Проект Александровской колонны (памятник в честь победы в Отечественной войне 1812 г.) был утвержден 24 сентября 1829 г.

[5]Гранитный монолит для Александровской колонны был вырублен в лайтсальмской каменоломне недалеко от Выборга по способу, разработанному С.К. Сухановым.

---

192 [О Дезине]

При графе Чернышеве находится для особых поручений Вилим Вилимович фон Дезин (сын покойного адмирала). Сей фон Дезин женат на урожденной Рудаковой, которая воспитывалась с девицею Мариею Бестужевой в Смольном монастыре и по выходе замуж посещала семейство Бестужевых. Муж ее фон Дезин стал ревновать жену сперва к старшему Бестужеву, Николаю, а после к среднему, Александру, хотя не имел к тому никаких поводов. Однажды фон Дезин, поссорившись с женою и вышед в бешенстве из дому, встретил Александра Бестужева на улице и наговорил ему грубостей. Бестужев перенес это, чтоб не обесчестить невинную женщину, если б вызвал на дуэль мужа. Это случилось в 1824 году. Бестужев открылся во

всем покойному Рылееву, своему другу, и со слезами говорил, что должен снесть обиду, из приличий. Рылеев, по характеру своему и по своим понятиям о чести, решился отмстить за друга, не поверяя этого Бестужеву. Когда Бестужев уехал в Москву в сем же 1824 году, летом, Рылеев, встретив фон Дезина на Синем мосту, остановил его, потребовал сатисфакции и, когда фон Дезин отвечал ему грубостию, Рылеев, вышед из себя, ударил фон Дезина хлыстом, от чего произошла между ними драка на улице.

После несчастного происшествия 14 декабря, когда Бестужев был в крепости, фон Дезин, встретив мать Бестужевых[1] на улице, имел жестокость сказать ей в глаза, что он очень рад несчастью ее детей и будет иметь удовольствие услужить ей еще чем-нибудь подобным. Это было в начале 1826 года. Вскоре за сим воспоследовал донос на остального сына, Павла, якобы он пел на улице либеральные песни, во время иллюминации в день коронации, в чем ни Павел Бестужев, ни товарищи, бывшие с ним, не сознались и присягают, что этого вовсе не было. — Подозревали, что этот донос сделан фон Дезиным, или по его внушению.

Ныне, в октябре 1829 года, фон Дезин был в Тифлисе, в то время, когда генерал Раевский пригласил к обеду братьев Бестужевых. Фон Дезин не был на сем обеде, но, пылая злобою и мщением против Бестужевых, не мог выдержать своего языка и открылся, что это должно погубить их. Возвратясь в Петербург, он не мог скрыть своей радости, узнав, что Бестужевых постигло новое несчастие, и в семейном кругу открылся, что еще более удружит Бестужевых.

Уверяют положительно, что генерал Раевский и Бестужевы суть жертвами злобы, мщения и ложных доносов. Фон Дезин имеет друзей в канцелярии графа Чернышева и влиянием своим действует на судьбу несчастных[2]. Петр Бестужев был представлен к чину за храбрость и раны, но представление не имело никакого успеха[3].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 146—147. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 139—140. Перед текстом надпись: «Сообщено из достоверного источника». По содержанию мы датируем записку октябрем — ноябрем 1829 г.

[1]П.М. Бестужеву.

[2]Несколько иная версия описанных в записке событий содержится в воспоминаниях Михаила Бестужева, который писал следующее: «Генерал Раевский, бывший член нашего Общества и прощенный государем за чистосердечное раскаяние, проживая, как начальник отряда, в Тифлисе, наполнил свой штаб большею частию из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал в своем доме. Отставной флотский офицер фон-Дезин, муж премиленькой жены своей, воспитанницы Смольного монастыря и подружки одной из моих сестер, выходившей с нею в тот же год, приревновал брата Александра и вместо того, чтобы рассчитаться с братом, наговорил матушке при выходе из церкви дерзостей. Брат вызвал его на дуэль — он отказался.

Рылеев встретил его случайно на улице и, в ответ на его дерзость, исхлестал его глупую рожу кравашем, бывшим в его руке.

Этот-то субъект был назначен на Кавказ как чиновник-провиантмейстер и как-то, попав на вечер к Раевскому, увидел себя посреди декабристов. В паническом страхе за свою жизнь, он на другой же день уехал без разрешения в Петербург, а там, чтоб как-нибудь оправдать свое безрассудство, подал государю донос, в котором представлял Раевского как изменника.

Гневный царь прислал строжайший выговор Раевскому, а главнокомандующему на Кавказе приказ: разослать всех окружающих Раевского и находящихся в Тифлисе декабристов по разным крепостям, с тем, чтобы их подвергнуть досконально шагистике» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 55—56; см. также с. 268).

[3]М. Бестужев вспоминал про брата Петра, что «осужденный служить на Кавказе солдатом, он под ранцем выстрадал всю персидскую и турецкую кампанию, был ранен в левую руку при штурме Ахалцыха и потом сведен с ума в одной из кавказских крепостей, попав под начальство начальника этого укрепления — непроходимого бурбона, т.е. офицера из нижних чинов» (Там же. С. 55).

---

193 **[О Попове]**

Обер-секретарь 3 депар[тамента] Сената Николай Михайлович Попов есть первый взяточник в Сенате и один из первых в России, при том ленив, коварен, т.е. обманывает тех, с которых берет взятки, и совершенно неспособен к делам. Все мелкие чиновники в Сенате, особенно малороссияне и поляки, суть ходатаи по делам. Они-то сами составляют записки и резолюции для Попова, купив прежде позволение на это. Попов берет без всякого стыда и зазрения. С ним торгуются как на рынке. Он прежде был секретарем в общем собрании 1 департамента, при откупах, до установления казенной продажи вина. Там Попов состоял на жалованьи Перца, хотя раза два изменил ему и за это был руган явно. Составив себе большое состояние в 1 депар[таменте], Попов потерял часть своего капитала в какой-то спекуляции и, чтоб поправиться, купил себе место обер-секретаря по польскому департ[аменту][1] при помощи знакомого обер-секретаря Искрицкого. Известно, что значит польский департамент: золотой рудник, без наклада. — Имя Попова стоит рядом с именем Искрицкого, по взяткам, но не по уму, а таких трудно найти. Это знают все, кто имел дело в Сенате. Должно предполагать, что Попова протежируют для каких-нибудь видов или будучи обманутыми, ибо репутация его слишком известна. Сообщаем анекдот, который в свое время гулял по городу.

В Сенате был процесс маршала Булгарина (дяди сочинителя) с Тышкевичевой, Платером и еще тремя лицами. Попов со всех взял деньги и держал дело по докладу два года с половиною, ибо некоторые лица еще не доплатили. Сумма, взятая им, простиралась до 40 000 рублей. Тайна взятки открылась чрез взаимную откровенность поверенных тяжущихся, которые не имели причины скрываться, ибо деньги Попову дали сами тяжущиеся. Слуга Тышкевичевой, видевший, как давали деньги, также рассказал это слуге Булгарина. Одним словом, тайна открылась, и поверенные узнали друг от друга, что Попов каждому из них показывал записку или доклад дела, составленную в пользу его стороны. Эта комическая сцена привела в страх тяжущихся, и они просили обер-прокурора отдать другому дело, что и было исполнено. Сочинитель Булгарин рассказывал для смеху это происшествие в кругу своих знакомых и приятелей, и бывший адъютант герцога Виртембергского[2] Бестужев[3] взялся отнять у Попова деньги. Он в самом деле поехал к Попову (летом 1824 года) и сказал ему, что если он не отдаст денег Булгарину, то он (Бестужев) будет жаловаться Вел[икому] князю Николаю Павловичу, врагу подьячих-взяточников, который уведомит о сем Государя, умолить же нынешнего Государя хотел Бестужев чрез В.А. Пе-

ровского. Попов струсил и послал к Булгарину своего фактора и приискивателя взяток экзекутора[4] Корсака, уговаривая. Булгарин согласился получить обратно хоть половину — и Корсак отдал ему деньги, 5000 руб., на назначенном свидании в Биржевом клубе. На часть полученных денег был дан обед, особ на 50 или более, и за столом пито в память сего незабвенного происшествия.

Экзекутор Корсак, как человек без правил, может быть и отречется от того, что он отдал деньги Бул[гарину] от Попова и убеждал согласиться на половину, но Алек[сандр] Бестужев жив и находится в Тифлисе, Булгарин жив и многие лица, знающие это дело. Они утвердят присягою, что все это правда. Но за Поповым водятся еще гнуснейшие дела. Брат его, также обер-секретарь — совершенно неспособный человек.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 584. Л. 7—8. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 138—139. Записку следует датировать концом 1829— началом 1830 г., так как в ней говорится, что А.А. Бестужев находится в Тифлисе, а он был там только в августе — декабре 1829 г. (см.: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 20).

[1]Судебные дела, касающиеся Литвы и ряда других западных губерний, где проживали польские помещики и где действовал Литовский статут (см. примеч. 2 к записке № 217), рассматривались в 3-м департаменте Сената.

[2]Имеется в виду Александр, герцог Вюртембергский.

[3]Речь идет об А.А. Бестужеве.

[4]*Экзекутор* — «чиновник при канцелярии и присутственном месте, на котором лежат полицейские и хозяйственные обязанности» (В.И. Даль).

---

194 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 25 января 1830]

Милостивый государь Александр Христофорович!

Почитая величайшим счастием и наградою за все труды мои милостивое внимание к оным обожаемого моего Монарха, я с душевным прискорбием принял выговор, объявленный мне Вашим Высокопревосходительством за напечатание в «Северной пчеле» критической статьи о романе сочинения г. Загоскина «Юрий Милославский»[1]. Ничто не может быть для меня горестнее, как весть, что если подобные статьи будут помещаться в «Пчеле», то Государь Император лишит сию газету Своего милостивого воззрения.

Беспрекословно, с подобострастием и с сердечным прискорбием, но без ропота, подвергаюсь постигшей меня каре. Высшего наказания для меня быть не может, как неблаговоление моего Государя, для которого я готов пролить последнюю каплю моей крови!

Но позвольте мне объяснить пред Вашим Высокопревосходительством и изложить некоторые обстоятельства нашего литературного поприща. Три месяца сряду я не имел времени заняться критикою и текущею литературою, ибо трудился над сочинением моего «Димитрия Самозванца»[2]. В это время я едва успел написать для «Пчелы» статью *об адрианопольском мире* и *о состоянии России в 1829 году*[3]. Теперь занимаюсь описанием *кампании 1829 года*, для Парижа и Лондона. Клянусь Вам честью, что до сих пор не имел

времени прочесть двух страниц из романа «Юрий Милославский» и не имею его у себя. Слышал только от литераторов, что язык в оном неправилен и история не соблюдена, а сам судить не могу, не читав. Критику для «Северной пчелы» писал, как Вам, верно, известно, молодой и хороший литератор Очкин, а товарищ мой Греч, грамматик и строгий соблюдатель чистоты языка, поместил критику в урок г. Загоскину, своему старому приятелю, которого я не знаю, не видал и не имел по литературе никаких сношений.

Позвольте испросить наставления, какими правилами должны мы руководствоваться в критике? «Северная пчела», по программе, должна критиковать новые книги, замечать в них хорошее и указывать на дурное, чтоб юноши поучались, авторы избегали ошибок в слоге и языке, а публика забавлялась. Наша публика, как всякая другая, требует умственных занятий и сотрясений, и литературные споры заменяют у нас парламентские споры и брань с министрами. Это хвост алцибиадовой собаки, для отвлечения афинян от политики[4]! Но во всяком случае «Северная пчела» не трогает никогда личности автора; шутит иногда, чаще говорит холодно об ошибках и промахах авторских, но предлогом критики всегда служит *книга*, а не *автор*. Может быть, автор критики на «Юрия Милославского» и не хорошо сделал, что выписал из романа столь грубое и неприличное выражение, как, например: «И этого-то не умел сделать, собачий сын!» Но как это выражение г. Загоскин в первый раз напечатал в «Юрии Милославском», то литераторам показалось это неприличным. Впрочем, это наше правило подкреплять критики примерами и выписками из разбираемой книги, критиковать всегда *с доказательствами*. Тому ли я подвергаюсь в течение десяти лет? Будучи преследуем в литературной и гражданской жизни литературными партиями и сонмом злоупотребителей, я подвергаюсь в журналах жесточайшей брани и личностям. Бранят, ругают сочинения мои *без всяких доказательств* и вредят мне везде, как могут. Правда, что благосклонность публики и уважение благомыслящих людей с лихвою вознаграждают меня за эти неприятности, но еще никто не вступился за меня за то, что меня бранят в журналах. Однажды только министерство просвещения сделало замечание цензору, пропустившему статью г. Воейкова, в которой он до того забылся, что приплел имя Императора Александра в критику и данный мне орден за отличие и полученную рану под Фридландом в 1807 году[5]. Сочинение мое «Иван Выжигин», удостоившееся в один год трех изданий и благосклонно принятое всеми иностранными журналами, доставившее мне честь быть членом первых европейских ученых обществ[6] и благосклонные отзывы знаменитых людей Европы, было разругано *без всяких доказательств* в русских журналах[7]. За меня никто не вступился! Я хотел представить Вашему Высокопревосходительству выписку жестоких на меня ругательств, но это составит томы и произведет в Вас неприятное впечатление. Что бы Вы увидели? Грубости, личности, неприличие, брань — и *ни одного доказательства*, почему книга не хороша. Представляю одну коротенькую выписку, сочинения *Киреевского*, племянника воспитателя наследника престола, Жуковского. Вы увидите, что тут бранят не одного меня, но и тех, *которые читали* «Выжигина».

Я должен открыть пред Вами сердце мое, как пред мужем, имеющим полную доверенность всех честных людей. Меня гонят и преследуют сильные ныне при Дворе люди: *Жуковский* и *Алексей Перовский*, за то имен-

но, что я не хочу быть орудием никакой партии. Некоторые вельможи и даже дамы нарочно призывали меня, чтоб предостеречь и уведомить, что мне могут повредить, ибо принимая за предлог бранить в обществах «Выжигина», кончают речь бранью автора. Все, что окружает Государя Императора, не знает меня, а связано узами дружбы с моими неумолимыми преследователями. Только Ваше Высокопревосходительство знаете меня коротко, знаете чувства мои, поступки и образ мыслей. Несколько раз я намеревался бросить литературное поприще, удалиться к добрым моим немцам в Дерпт и перестать вовсе писать, чтоб избегнуть преследований сильных моих врагов. Перемениться не могу — ибо пишу и говорю то только, что почитаю правдою, а правда глаза колет! Семейство мое слезно просит перестать писать, то же советуют мне друзья, боясь моей гибели. Поныне удерживает меня только на поприще литературы необыкновенная благосклонность публики, надежда на правосудие и благость Государя и на Ваше непоколебимое беспристрастие и любовь к истине. Провидение удерживает меч Дамоклеса, повешенный врагами моими над моею головою![8]

Мы готовы выбросить критику из «Северной пчелы». Но что будет тогда «Пчела»? Все другие газеты имеют *привилегии* и *монополии*[9]; наша «Пчела» всякое официальное известие, всякое производство иначе не может объявить, как после всех русских газет. Она держится только литературою, а критика есть жизнь, душа литературы. Мы потеряем всякое влияние, будем безгласными членами общества, подвергнемся ударам каждого школьника. Не будучи в состоянии судить, мы войдем в разряд *бессловесных* журналов и лишимся читателей. «Пчела», потеряв жало, не будет защищаться от трутней и не станет собирать меду: она умрет!

Ожидая Ваших приказаний, имею честь пребыть с глубочайшим уважением и душевною преданностью

Вашего Высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою Фаддей Булгарин[10]

СП[етер]бург
Генваря 25 дня
1830 года

Выписка из альманаха «Денница» на 1830 год

Журналы: «Галатея», «Славянин», «Московский вестник», «Вестник Европы», «Атеней» целый год ругают «Выжигина». Особенно в № 9 «Атенея» на 1829 год и в № 10 и 11 «Вестника Европы» помещены самые грубые брани *без доказательств*. Но все это так длинно, что нельзя выписывать. Вот образчик сих критик, хотя самый *умеренный*.

«Денница» страница LXXIII: «Менее таланта (нежели у самого несчастного автора Нарежного), но более литературной опытности, язык более гладкий, хотя бесцветный и вялый, находим мы в «Выжигине», нравственно-сатирическом романе г. Булгарина. Пустота, безвкусие, бездушность; нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток, — вот качества сего сочинения, качества, которые составляют его достоинства, ибо они делают его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям. Что есть *люди*, которые *читают* «Выжигина» с удовольствием, следовательно с пользою, это доказательство,

что «Выжигин» расходится. Но где же эти люди? — спросят меня. Мы не видим их, точно так же, как и тех, которые наслаждаются «Сонником» и книгою *о клопах*; но они есть, ибо и «Сонник», и «Выжигин», и книга о клопах раскупаются во всех лавках».

Вот как судят о «Выжигине», *без доказательств*. Но друзья г. Киреевского и родственники сильно разгневаются за то, что в № 11, *сегодняшнем*, «Пчелы» *докажут* ему, что он пишет вздор и нелепости, хвалит *достойное порицания* и превозносит друзей своих, пишущих нелепости[11]. Должно ли молчать? Вслед за сим прилагается перевод с письма (и подлинник), полученного автором «Выжигина» от знаменитого Немцевича из Варшавы, которого Булгарин вовсе не знает.

Из Варшавы 21 января (ст. штиля) 1830 года

Достойный сотоварищ*.

Не простил бы я себе, если б не поспешил поблагодарить земляка моего за то удовольствие, которое доставило мне сочинение его «Иван Выжигин». Для чего не умею читать его в подлиннике?! В переводе, хотя и неискусном, легко, однако ж, открыть великое достоинство сочинения и моральность предмета. Лесаж изобразил нам в своем «Жильблазе» критику характеров в обыкновенной жизни, более сделал Булгарин, ибо представил критику злоупотреблений в жизни гражданской и административной. Какая великая, какая спасительная цель! Какие бесчисленные пользы обещает сие сочинение для блага Империи! Счастлива та страна, где можно писать такие сочинения и где сам Государь подобные сочинения покрывает своим покровительством и авторов ободряет и защищает! Не имеем мы сей привилегии: у нас аксиома: l'autorité ne peut jamais avoir tort[12], и всякий чиновник у нас почитаем *папою римским, безошибочным*. От этого и общественная наша жизнь и литература в летарге. Для цензуры, пребывающей в руках одного Шанявского (без апелляции и всякой инструкции), нет правил, и оттого у нас не выходит ничего важного ни по части истории, ни поэзии, ни драматического искусства.

Поздравляю сотоварища, что пишет образцовым слогом, как слышно, по-русски. Служа общему двух народов Государю, что сделает для одного народа, то и другой чтить обязан. Даже просвещенные россияне превозносят ваше сочинение, только один Новосильцов *вооружается жестоко*** против него. Не обращай на это внимания, сотоварищ; кто так прекрасно пишет, не должен переставать. Вы избрали себе отечеством страну, блистательнейшую и сильнейшую, нежели прежняя ваша родина, но, трудясь для славы и пользы нового отечества, не забывайте никогда родимой страны, ибо чем несчастнее мать, тем дети ее должны более любить.

Немцевич[13].

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 171. Л. 41—46. Впервые опубликовано: *Лемке*. С. 268—273.

---

*Немцевич — председатель королевского общества наук, а Булгарин член, вот почему называет его почтенный муж товарищем.

**Вот новая беда! Бойся грому из Варшавы!

[1]В СП (1830. 16, 18, 21 янв.) была помещена большая рецензия на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (М., 1829), подписанная: „__". Автор ее писал, что книга понравится «любителям чтения, ищущим отдохновения от других занятий и требующим пищи и забавы своему чувству и воображению, не спрашивая соблюдения истины, вероподобия, правил и т.п.». Но Загоскин «хотел написать роман *исторический,* хотел изобразить русских 1612 года, — и в сем, втором отношении, как нам кажется, далеко не достиг своей цели». Отметив исторические неточности и анахронизмы, в том числе и в языке, а также неправильности языка и слога и даже грамматические ошибки, рецензент советовал Загоскину «оставить историю и древности в покое и заняться сочинением романов из нынешнего дворянского, купеческого и более мужицкого быту, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукописи до отдачи в типографию». Впоследствии Булгарин утверждал, что рецензию писал сотрудник СП А.Н. Очкин (см. его письмо М.Н. Загоскину 1843 г.: РС. 1902. № 9. С. 632, а также свидетельство Н. Греча: *Греч.* С. 704). Однако Греч признавал: «Грамматические и исторические промахи заметил я, многогрешный», мы полагаем, что и Булгарин сыграл важную роль в подготовке рецензии, сообщив Очкину свои замечания об исторических ошибках и источниках у Загоскина.

По свидетельству того же Греча, «дело обошлось бы без шуму, если бы не вступился за Загоскина Воейков: он нещадно обругал и Булгарина, и всех его сотрудников, обвинив их в несправедливости и зависти. Государь, которому понравился «Юрий Милославский» до того, что он приблизил Загоскина к своей особе, вознегодовал на эту перебранку и велел Бенкендорфу объявить воюющим сторонам, чтоб они прекратили бой» (*Греч.* С. 704). Бенкендорф через М.Я. Фока передал это указание Булгарину и проинформировал о недовольстве царя. В ответ и было написано данное письмо.

[2]Роман вышел в Петербурге в 1830 г. (поступил в продажу 17 февраля — см.: СП. 1830. № 21).

[3]См.: О мире с Оттоманскою Портою//СП. 1829. 1 окт. (без подписи); *Ф. Б*[*улгарин*]. Взгляд на Россию в 1829 году//СП. 1829. 7 янв.

[4]Плутарх писал о том, что «у Алквиада была собака, удивительно красивая, которая обошлась ему в семьдесят мин, и он приказал обрубить ей хвост, служивший животному главным украшением. Друзья были недовольны его поступком и рассказывали Алквиаду, что все жалеют собаку и бранят хозяина, но тот лишь улыбнулся в ответ и сказал: «Что ж, все складывается так, как я хочу. А хочу я, чтобы афиняне болтали именно об этом, — иначе как бы они не сказали обо мне чего-нибудь похуже!» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994. С. 248).

[5]Булгарин имеет в виду напечатанную без подписи статью А.Ф. Воейкова «Хамелеонистика (Продолжение десятое)», где высмеивалось давнее объявление о подписке на СА на 1825 г., в котором Булгарин обещал приложить всяческое старание и употребить все свои способности, чтобы «возблагодарить моим читателям за их внимание к трудам моим улучшением моего издания». Воейков иронически писал: «Какое бескорыстие, какое самоотвержение, какая пламенная страсть к наукам, ревность к распространению просвещения в отечестве. Впрочем, это и не диво: г. *Булгарин* обязан покойному *Императору* АЛЕКСАНДРУ своим воспитанием, своим образованием в первом кадетском корпусе и получил Анненскую саблю — за храбрость. *Благодарность есть страсть высоких душ!* Немногие из русских литераторов так трудолюбивы, с таким усердием отыскивают исторические памятники и освещают их светильником критики, работают столь безмездно...» (Славянин. 1828. № 37. С. 429—430).

[6]Булгарин в марте 1827 г. был избран членом Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете, 23 декабря 1828 г. (т.е. до выхода «Ивана Выжигина») членом варшавского Королевского филоматического общества, а 23 декабря 1829 г. — членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. О членстве Булгарина в каких-либо иных европейских ученых обществах в этот период нам ничего не известно.

[7]Развернутые отрицательные отзывы об «Иване Выжигине» опубликовали Н.И. Надеждин (Вестник Европы. 1829. № 10, 11; Атеней. 1829. № 9), А.А. Перов-

ский (Бабочка. 1829. № 38), И.В. Киреевский (Денница. Альманах на 1830 г. М., 1830), но немало было и положительных рецензий: Н.А. Полевого (МТ. 1829. № 7), П.П. Свиньина (ОЗ. 1829. № 108) и анонима (Дамский журнал. 1829. № 17).

[8]Фаворит сиракузского тирана Дионисия Старшего (405—367 до н.э.) Дамокл однажды назвал его счастливейшим из людей. В ответ на это Дионисий передал ему свой дворец. Дамокл некоторое время наслаждался предоставленными благами, но однажды утром увидел, что над его головой свешивается с потолка меч, удерживаемый только лошадиным волосом. Отсюда выражение «дамоклов меч», означающее присутствие постоянной опасности при внешнем благополучии.

[9]«Московские ведомости» и «С.-Петербургские ведомости» имели монопольное право на печатание объявлений, «Русский инвалид» — на первоочередную публикацию новостей о военных действиях, и т.д.

[10]На письме Булгарина — карандашная надпись царя: «Критика не есть *ругательство*; ругать прилично тем, кто благородных чувств не имеет, c'est l'art du diable [это дьявольское искусство. — *фр.*]. Тот, кто *умнее*, первый замолчит и презрит ответом».

[11]Рецензируя альманах «Денница» в СП (под псевдонимом Порфирий Душегрейкин), Булгарин основное внимание уделил помещенной там статье И. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года». Он высмеял язык статьи (процитировав слова Киреевского о музе Дельвига: «ее нежная краса не вынесла бы мрачного Севера, если б поэт не *прикрыл ее нашею народною одеждою; если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния* <...>», Булгарин с иронией вопрошал: «Не правда ли, что это мило до крайности? При первом маскараде закажем себе эту *душегрейку новейшего уныния,* под которой верно не озябнет *здравый смысл*, но согреется, раскалится до того, что надобно будет кровопускание») (СП. 1830. № 11. 25 янв.). Кроме того, Булгарин утверждал, что обозреватель хвалит только писателей своей группы и при этом оскорбляет не только других русских литераторов, но и вообще нормы вкуса (СП. 1830. № 12. 28 янв.).

[12]власти никогда не бывают неправы (*фр.*).

[13]Ю. Немцевич в дальнейшем продолжил переписку с Булгариным. 18 мая 1830 г. М.Я. Фок писал А.Х. Бенкендорфу, что «Немцевич из Варшавы написал Булгарину письмо, в котором благодарит за присылку «Димитрия Самозванца». Он пишет ему в том числе следующее: "Все, имеющие счастье читать по-русски, в восторге от Вашего сочинения, исключая только г. Новосильцова, который не видит в нем ничего замечательного и утверждает, что раз поляки начинают писать подобные сочинения, то лучше бы не учить их русскому языку. Это чрезвычайно характерно!"» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3198. Л. 14об.—15; приводим в переводе с французского).

---

195 [Записка А.Х. Бенкендорфа Булгарину 30 января 1830]

Генерал-адъютант Бенкендорф, по высочайшему повелению Государя Императора, покорнейше просит Фаддея Венедиктовича Булгарина сейчас пожаловать к нему 30 января 1830 в 2 часу до полудня.

Записка Бенкендорфа (написанная писарским почерком) печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 171. Л. 39. Императорский выговор, о котором шла речь в предыдущем письме, Бенкендорф передал через Фока, а тот «смягчил выражение неудовольствия государева, объявив Булгарину, что в этих перебранках не должно звать противников по имени. «Слушаю-с», отвечал Булгарин, сел и написал (напечатанную в 13 № «Пчелы», 30-го января) жаркую отповедь Воейкову, не назвав Загоскина» (*Греч.* С. 705). В тот же день редакторы полемизировавших изданий (А.Ф. Воейков,

Н.И. Греч и Булгарин) были записками вызваны в III отделение и по приказу царя посажены на сутки на гауптвахту (см.: Там же. С. 705—710, а также: *Никитенко.* С. 89). По свидетельству Греча, Булгарин «в память нашего ареста <...> подписал под портретом государя «30 января 1830» и никогда не прощал этого оскорбления» (*Греч.* С. 710).

---

196 [О Красовском]

Между поляками здешними и русскими чиновниками, бывшими в Польше, возродилось сильное негодование. Здесь есть некто *Красовский*[1]. Он родился в Литве от бедных родителей, слуг, и был в Россиенском поветовом суде помошником регента, или секретарем канцелярии. Почтенным названием помошников называются писцы, канцелярские служители. Заступая однажды место регента, по болезни его, Красовский наделал столько противозаконных поступков и фальшей, что был выгнан оттуда с бесчестием. Он приехал в Петербург, занялся карточною игрою и всякими плутнями, и происками своими женился на камер-юнфере Великой княгини Елены Павловны[2]. В приданое ему дан чин коллежского асессора и место в министерстве финансов. Уверяя польских помещиков, что он имеет большие связи при Дворе и покровительство, рассказывая под рукою нелепости о большой милости к себе Великого князя Михаила Павловича, Красовский набрал доверенностей и сделался ходатаем по делам. Обманам и пронырствам его на сем поприще нет конца! Например: когда поймали Дьякова во взятках[3], он явился к некоторым обер-секретарям и сказал, что если они не дадут ему денег, то он донесет на них, что они с него взяли взятки. Хотя Красовский никогда никому не давал ни копейки, но секретари, испугавшись его мнимых связей, дали ему денег. Белорусский помещик граф Шадурский прислал Красовскому 30 т. рублей, на уплату долга в банк, а Красовский удержал сии деньги для себя и не заплатил банку. Граф Шадурский сам приехал в Петербург, хотел жаловаться, но Красовский настращал его и упросил замолчать, обещая свое покровительство в делах. Таких анекдотов множество. Красовский ежегодно разъезжает по Польше и собирает дела и просьбы, сдирает с легковерных помещиков деньги и ничего не делает. Кроме того, он фальшивый игрок и обыгрывал на верную тех, которые прибегают к нему, как к ходатаю по делам. Сего-то человека, презренного всеми знающими его, М.М. Сперанский хочет определить во II отделение Собственной Его Величества канцелярии для свода польских законов! — Красовский за деньги велел молодым людям сделать выписки о законах польских и написать разные мнения, и этим оморочил г. Сперанского, который по сильной будто бы рекомендации Елены Павловны и ее двора взял в покровительство этого прошлеца.

Поляки все кричат: Неужели сей явный плут и невежда наденет мундир канцелярии Его Величества?[4]

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 55. Л. 1—2. Подготовлена в конце января 1830 г. На записке резолюция Бенкендорфа (приводим в переводе с французского): «Спросите у Сперанского, верно ли, что подобная особа имелась в виду на сей предмет. Если он даст утвердительный ответ, передайте ему эти сведения, ибо сам он не может собрать их».

[1]О нем см. также записку № 55.

[2]Имеется в виду М.М. Чернышева.

[3]В 1826 г. коллежский асессор Бочечкаров подал жалобу, что чиновник комиссии прошений А.Д. Дьяков вымогает у него 1000 руб. за ускорение хода дела. Ему были выданы деньги (при этом номера ассигнаций заранее переписали), а затем, после встречи 2 мая 1826 г. Бочечкарова с Дьяковым, тот был обыскан и у него были найдены ассигнации с соответствующими номерами. Возникло дело о лихоимстве. Петербургская уголовная палата приговорила Дьякова к каторжным работам, Сенат утвердил этот приговор. Прошение Дьякова о пересмотре дела рассматривалось в Гос. совете, который 18 октября 1826 г. постановил, по предложению Н.С. Мордвинова, что поскольку достоверных доказательств дачи взятки нет (Дьяков утверждал, что взял деньги в долг), то следует ограничиться исключением Дьякова со службы с тем, чтобы в дальнейшем его никогда не принимать на государственную службу (см.: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 55—57; *Дивов П.Г.* Петербург в 1825—1826 годах//РС. 1897. № 3. С. 481).

[4]После получения этой записки Бенкендорф 28 января 1830 г. запросил Сперанского, действительно ли тот хочет взять Красовского, «пользующегося весьма невыгодною репутациею» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 55. Л. 3). В тот же день Сперанский ответил, что Красовский не определен во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, а временно откомандирован для выполнения порученной ему работы. Получив ответ, 30 января III отделение переслало Сперанскому сокращенный вариант записки Булгарина, и определение Красовского во II отделение не состоялось.

---

197 [Письмо М.Я. Фоку, январь 1830]

Почтеннейший Максим Яковлевич!

Я знаю, что генералу Б[енкендорфу] нельзя взять на себя роли атлета и бороться за всех и со всеми. И так он делает много добра, и притом *один* из всех русских вельмож нынешних расположен к добру. У него есть сердце! Дай боже ему счастия! — Но как он предан правительству и на своем посту есть le gardien de l'opinion publique[1], то попросите его, чтоб он из любви к правительству защитил литературу. Литература есть *балованное дитя нации.* Нет такого глупого и необразованного народа в мире, который бы не утешался и не гордился своими писателями и произведениями литературы. В этом равны и персиянин и англичанин. Честь и славу литературы каждый член общества приписывает *себе.* Но это *балованное дитя нации, литература, дитя плаксивое и слабого сложения. Оно весьма пугливо.* Как только станут его побранивать и повертывать неосторожно, оно плачет, хоть тихомолком, а маменька, нация, страдает и гневается.

Оставляя аллегории, указываю на историю. Вспомните Век Екатерины. Кто и что ей дали бессмертие? Qui l'a faite populaire en Russie?[2]. Литераторы. — Вспомните о первых годах Александра. Удерживаюсь от комментариев, ибо они не нужны. Общее правило: в монархическом неограниченном правлении должно быть как возможно более вольности в безделицах. Пусть судят и рядят, смеются и плачут, ссорятся и мирятся, не трогая дел важных*. Люди тотчас найдут предмет для умственной деятельности и будут спокойны. Mais comprimer la pensée dans les bagatelles, c'est l'éteindre par des

---

*Екатерина позволила напечатать Державину стихи:

Железный скипетр самодержавия,
Она умела позлатить...[3]

choses graves[4]. Вам известно, что было главною причиною 14-го декабря, а юношество и ныне то же. Дать бы летать птичке (мысли) на ниточках, и все были бы довольны. Отчего в 4 года правительство сделало такие успехи в общем мнении? Тем, что видели в нем любовь к литературе, к просвещению, к устройству гонений злых, покровительства добрых. Послушайте, что ныне толкуют! Мне это больно! Я радовался, что все умное начало действовать в пользу правительства. Знаете, как я сам работал для этой цели! Посылаю вам письмо от помещика[5]; посмотрите, какое действие производят писатели в России в пользу правительства! La force physique s'use, mais la force morale est immortelle[6]. Говорю единственно для пользы правительства. Рассудите. Это не такая безделица, как другие думают. Раскассируй Сенат, слово не скажут, а еще будут приговаривать: по делам вору мука. Сожги книгу, тронь *плаксивое дитя* — вопль и в тех, которые вовсе ничего не читают, но думают, что жмут первое их право: *мысль*. Жаль, что некому изъяснить, что такое les convenances civiles et les convenances littéraires[7]. Это альфа и омега. Ныне такое уныние в литературе, какого никогда не было. Ужасно слушать толков! Цензоры отказываются от всякого дела, где есть суждения о книге или о чем бы то ни было. Взгляните на 19 нумер «Пчелы»[8]!!! Театр позволен, ибо Волконский подписал[9]. Цензор отказался, сотрудники оставили и не хотят ныне писать от страха. Что нам делать? Подумайте, благородная душа! Как бы пособить и отвратить дурные советы и изветы. Стоит ли заниматься дрязгами? То ли я мечтал, того ли надеялся!

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1896. Опубликовано нами: ВЛ. 1990. № 3. С. 108—109. Исходя из ссылки на свежий номер СП за 13 февраля, мы датируем записку серединой этого месяца.

[1]страж общественного мнения (*фр.*).

[2]Кто сделал ее любимой в России? (*фр.*).

[3]Булгарин неточно цитирует оду Державина «Изображение Фелицы», в которой Фелица — Екатерина говорит: «Самодержавства скипетр железный//Моей щедротой позлащу».

[4]Но подавлять мысль по пустякам — значит погасить ее вещами серьезными (*фр.*).

[5]К письму Булгарина приложено письмо помещика Черниговской губернии П.Г. Озерского, который называет статью Булгарина «Взгляд на Россию в 1829 году» (СП. 1830. № 3) «мастерским произведением пламенного пера».

[6]Физическая сила тленна, но сила духа бессмертна (*фр.*).

[7]гражданские приличия и приличия литературные (*фр.*).

[8]Этот номер вышел 13 февраля 1830 г.

[9]Министр двора П.М. Волконский, в ведении которого находились императорские театры, цензурировал театральные рецензии до официальной цензуры.

---

198 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 22 февраля 1830]

Милостивый государь Александр Христофорович!

С тех пор, как Государь Император облек Вас в звание шефа жандармов, все честные люди чтят в Вас отца сирот, примирителя, покровителя добрых. — Вы во сто крат делаете более добра по сердцу, нежели по

должности, а потому и я осмеливаюсь прибегнуть к Вам в деле покойного друга моего, Грибоедова, который чтил и любил Вас, и прошу в посредники между мною и его наследниками. Вот в чем дело.

Всем в России известно, какая тесная дружба связывала меня с покойным Грибоедовым[1]. Мы любили друг друга более, нежели братья. У нас все было общее, но как он частенько нуждался в деньгах, а я имел их, то, разумеется, что в денежных делах я имел случаи оказать ему услуги, хотя все делалось у нас на слово. — Грибоедов брал у меня деньги, выписывал вещи из Петербурга в Тифлис, уплачивал и снова забирал. Из прилагаемых писем его ко мне Вы изволите усмотреть, что он верил мне более нежели ближайшей родне своей. Я у него был род дядьки и занимался всем до него касающимся[2].

Когда Грибоедов приехал в Петербург с Туркменчайским трактатом и получил от щедрот Государя Императора 4.000 червонных[3], то тотчас отдал мне деньги на сохранение. Князь Одоевский (служащий в иностранной цензуре)[4], пришед в квартиру Грибоедова, удивился, застав меня, считающего деньги без хозяина квартиры. Я посоветовал другу моему составить капиталец, и он отдал мне 36.000 руб. для сохранения. Между тем, прежде нежели разменяли червонцы и положили деньги в ломбарт, Грибоедов, имея нужду одеться, жить и уплатить кое-какие должки, взял у меня 5.000 рублей*, с тем, чтоб возвратить при получении жалованья до отъезда в Москву или после**. Не надеясь даже быть посланником, он хотел ехать на лето со мною в деревню мою[6]. Когда же назначили его посланником в Персию, дела и обстоятельства переменились. — Надобно было снарядить дом посланника, от нитки до кастрюли. На деньги, данные на подъем, невозможно было исправить всего и завести седла, мундиры, ливреи, серебро, экипажи, мебели и все, что нужно для дома посольского, так, чтоб жить в нем удобно и даже роскошно. Все исправлял и искупил я, исключая седел и экипажей, которые заказал и купил действительный статский советник Беклемишев[7]. Это известно всем и каждому, кто только знал Грибоедова. — Между тем из денег, данных на подъем, и жалованья немного оставалось, а надобно было еще купить лошадей верховых в Персии и иметь порядочное количество наличных денег в столь дальнем пути. Грибоедов, уезжая, просил меня искупить, что нужно, и выслать ему. Я же не хотел трогать денег, положенных в ломбарт, и согласился с другом моим на следующий проект. — Все, что нужно для отсылки, решился взять я у купцов и мастеровых в долг и уплатить им из жалованья Грибоедова, которое я надеялся получить за него здесь, в январе 1829-го года за год вперед. Это мы делали из опасения, чтоб, взяв из ломбарта, не растратить денег; а чтоб позабыть о билетах, я некоторые даже дал в залог***.

С тем Грибоедов и уехал в Персию, оставив мне попечение о всех делах своих. — Я взял все товары и вещи в долг на свое поручительство, а некоторым, как-то портному Гаррисону и мебельному мастеру Строму, дал

---

*Когда Грибоедов приехал с трактатом, у него было в бумажнике только 200 рублей. Червонцы же разменены чрез месяц после получения оных, во время отсутствия моего на две недели в Дерпт, в апреле[5]. На все есть свидетели.

**В 1826 году Грибоедов взял у меня 3000 руб. и дал расписку, которая была послана к нему по уплате в ноябрѐ 1828 г. с другими квитанциями.

***Именно купцам за вино.

в присутствии Грибоедова на себя расписки. Между тем, я, исправив все, уехал в деревню и, возвратясь, был осажден заимодавцами, которые, узнав, что жалованья Грибоедову не выдадут в январе 1829-го года, стали требовать денег. Начатые мною постройки также истощили мой запас, и я просил Грибоедова распорядиться как-нибудь для уплаты долгу мне и мастеровым. — Обыкновенным его ответом было: *делай, что хочешь*. Я взял из ломбарта 11.000 рублей, и, кроме того, получил от г. Мальцова за Грибоедова 15.000 рублей и сими деньгами удовлетворил себя и всех должников, известив о сем Грибоедова[8]. Как все делалось между нами на слово и на честь, то никаких письменных сделок между нами не бывало, и если б купцы и мастеровые не были в живых, то не было бы и следу, куда девались деньги, а гг. наследники должны были бы довольствоваться одним моим показанием. По счастью что у меня сохранились записки, кому сколько уплачено!

По смерти Грибоедова писала ко мне жена его[9] о делах, отдавая все в полную мою волю, ибо знала, в каких отношениях был я с покойным ее мужем. Но я хотел, чтоб от нее и от сестры покойного, Дурновой, был доверенный человек для расчета и принятия денег. — Наконец, 20 февраля 1830 года посетил меня г. генерал-майор Годеин с письмом от зятя покойного, г. Дурнова, просящего расчета и в тот же день явился слуга от матери покойного Грибоедова, приглашающей меня к себе. — Прием г-жи Грибоедовой удивил меня до крайности! Она говорила со мною таким тоном, как говорят с подьячими или поверенными, а не как с другом, который действовал не из выгод, но даже в тягость себе, и пользовался неограниченною доверенностью ее сына[10]. Она сказала мне, *во-первых*, что она видела в Москве у покойного сына расписку мою в 34.000 рублей, взятых мною на сохранение. Каким образом г-жа Грибоедова могла видеть расписку в 34000 рублей, когда я сам теперь показываю, что покойный Грибоедов оставил у меня на руках 36000 рублей? — Г-жа Грибоедова утверждала предо мною, что ей известно, что сын ее не оставил ни копейки долгу в Петербурге, выезжая в Персию, но все закупил на наличные деньги, и что у меня осталось наличных денег 34.000 рублей, которые я должен отдать ей, г-же Грибоедовой, не рассчитываясь ни с сестрою покойного, ни с женою. — Таковые слова г-жи Грибоедовой крайне оскорбительны для меня и более нежели несправедливы. По счастью, есть чиновники, купцы и мастеровые, которые докажут г-же Грибоедовой, что покойный сын ее остался им должным, выехав из Петербурга в Персию, и не покупал всего на наличные деньги. Небезызвестно сие, как полагать должно, и Азиатскому департаменту[11]. — Грибоедов сам адресовал ко мне купцов и мастеровых и говорил им при мне, что я за все заплачу. — При этом же письмо Грибоедова из Грузии в ответ на мое требование денег с желанием сохранить, по крайней мере, в ломбарте круглое число 25.000 рублей, объясняет и доказывает, что он остался должным, выехав из Петербурга. — Откуда же могла почерпнуть столь оскорбительное подозрение г-жа Грибоедова? Покойный друг мой, образец добродетели, не мог говорить пред ней одно, ко мне же писать и говорить пред мастеровыми другое! К тому ж, зная фамильные отношения покойного моего друга, я уверен, что он не мог поверять никому дел своих, когда не поручил их даже зятю, мужу обожаемой сестры. Итак, после этого первого свидания с г-жою Грибоедовою, в котором она беспрестанно мне противоречила и говорила совсем противное настоящему положению

дел, я с нею видаться более не намерен, тем более, что по закону она не наследница после своего сына и не представила доверенности от дочери своей Дурновой и жены покойного для расчета со мною. — Грубостей, споров и противоречий я не заслужил за дружбу мою к Грибоедову, который верил мне неограниченно.

Ваше Высокопревосходительство, с Вашим сердцем, постигаете такую бескорыстную, беспредельную дружбу и неограниченную доверенность, какие существовали между покойным Грибоедовым и мною. — Но не всем дано в удел постигать возвышенные чувствования! С теми же, которые не поверят мне так, как верил покойный Грибоедов, я дел никаких иметь не могу, ибо с их стороны нет никаких документов, никаких даже словесных доказательств быть не может, ибо сам Грибоедов не любил заниматься механизмом жизни, не знал положения дел своих, предоставив мне купить нужное для него, и всегда говорил мне одно: *делай, как хочешь*; следовательно, все лежит на моем слове. Если б я сказал, что у меня нет ни копейки Грибоедова и что все истрачено в его пользу или послано к нему с вещами, словом, что бы я ни сказал, то они должны были бы тем довольствоваться. Но, кажется, что репутация моя утверждена и не поколеблется от подозрений г-жи Грибоедовой. — На руках у меня были чужие миллионы, и теперь обременен я опеками и сохранностью чужого добра! Никто еще доселе не усомнился в моей честности и первое оскорбление суждено мне получить от матери моего друга!

Итак, прибегая к высоким чувствованиям Вашего Высокопревосходительства, прошу всепокорнейше быть посредником между мною и наследниками Грибоедова. Благоволите велеть поверить у чиновников, купцов и мастеровых, точно ли остался им должен Грибоедов, и не от меня ли они получили деньги, уже в пять месяцев после выезда Грибоедова? Купцы и мастеровые знали меня и верили мне. Г-жа Грибоедова даже не знает ни малейших обстоятельств дел покойного и говорит только о 34.000 рублей, когда всего на руках было у меня почти вдвое столько. Она даже не знает, что я покупал серебро (хотя уплатил еще при Грибоедове) и разные другие вещи. — В каждом моем слове она противоречила мне, а потому я и не могу иметь с ней никаких сношений. — При сем честь имею приложить ломбардный билет в 25.000 руб. — и некоторые письма Грибоедова. — Последние прошу возвратить, ибо они мне дороги, как памятник дружбы.

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностью честь имею пребыть Вашего Высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейшим слугою Фаддей Булгарин[12].

22 февраля 1830 г.
С.-Петербург

Письмо печатается по писарской копии с примечаниями, дописанными рукой Булгарина: ИРЛИ. Ф. 623. Ед. хр. 2. Опубликовано Н.К. Пиксановым по черновому автографу (имеющему ряд разночтений с окончательной редакцией) из архива Булгарина в Карлово: РС. 1905. № 12. С. 709—715.

[1]Булгарин познакомился с Грибоедовым, по-видимому, в начале июля 1824 г. и в дальнейшем поддерживал с ним тесные дружеские отношения.

[2]Какие письма были приложены к письму Булгарина — неизвестно. Но в сохранившихся письмах Грибоедова Булгарину много просьб о присылке различных

книг, разного рода бытовых поручений, в том числе и связанных с денежными расчетами.

[3]Грибоедов приехал в Петербург 14 марта 1828 г., а на следующий день был награжден чином статского советника, орденом Анны 2-й степени с алмазами, а также денежным пожалованием.

[4]В.Ф. Одоевский с октября 1826 г. служил в цензурном комитете министерства внутренних дел и принимал активное участие в подготовке нового цензурного устава (утвержденного в 1828 г.).

[5]Булгарин с 9 по 30 апреля 1828 г. был в отпуску и уехал в Дерпт, чтобы купить имение Карлово.

[6]То есть в недавно купленное Булгариным Карлово. В письме от 5 июня 1828 г. жене Булгарина Е.И. Булгариной Грибоедов писал: «Может быть, я еще когда-нибудь сбегу в Карлово от всего, что мне сейчас так противно» (*Грибоедов А.С.* Соч. М.; Л., 1959. С. 612).

[7]Счет Булгарина по расходам, связанным с покупками для Грибоедова, см.: РС. 1905. №. 12. С. 716—718.

[8]О своих долгах и 15 тыс. руб., которые должен передать Булгарину дядя Мальцова, Грибоедов писал Булгарину в письме из Тифлиса от 8 сентября 1828 г.

[9]Н.А. Грибоедова.

[10]Хорошо знавший Н.Ф. Грибоедову С.Н. Бегичев рассказывал о свойственных ей «заносчивости» и склонности к ругани (см.: *Смирнов Д.А.* Биографические известия о Грибоедове//Беседы в Обществе любителей российской словесности. Вып. 2. М., 1868. Отд. 2. С. 24).

[11]В качестве министра-резидента в Персии Грибоедов был служащим этого ведомства.

[12]Сохранилась карандашная записка А.Х. Бенкендорфа по поводу данного письма, адресованная М.Я. Фоку: «Я очень охотно беру на себя обязанность посредника, но не вижу, с кем должен иметь дело. Мать жаловалась ли? и кому? Жена требует ли отчета и есть ли настоящая наследница? Или сестра? Нужно все сие объяснить и указать мне лицо, с которым я должен переписываться или объясниться словесно.

Все сии бумаги прошу хранить покаместь в вашей канцелярии» (ИРЛИ. Ф. 623. Ед. хр. 3). Как развивались события дальше, нам не известно. Но, судя по всему, никаких неприятностей на этой почве у Булгарина не было. Позднее, в 1832 г., в письме М.А. Дондукову-Корсакову, Булгарин вспоминал, что «по делу об оставшихся у меня деньгах и расчетах Грибоедова я <...> должен был прибегать к посредничеству генерала А.Х. Бенкендорфа и хотя отослал 25000 рублей Марии Сергеевне, но даже не удостоился получить от нее квитанции (в течение двух лет!!!) и нашелся вынужденным требовать от почтамта свидетельства, что деньги точно пересланы мною к Марии Сергеевне Дурновой» (Библиографические записки. 1859. № 20. С. 622).

---

199 Записка о служебной деятельности Ринкевича, 1828

Действительный статский советник Ринкевич, назначенный ныне губернатором в Вятку, был первоначально вице-губернатором в Симбирске, а потом переведен в том же звании в Москву, где вел жизнь чрезвычайно роскошную[1], позволяя себе, по занимаемому им месту, большие злоупотребления. Покойный граф Гурьев намерен был его предать уголовному суду, но предстательством обер-егермейстера Пашкова, на племяннице которого Ринкевич был женат[2], он избавился от суда и был только удален от места. После отставки Ринкевич продолжал жить расточительно и промотал в короткое время значительные капиталы, приобретенные им в зва-

нии вице-губернатора[3]. После сего существовал он исключительно помощию известного фабриканта Кожевникова, в доме которого он даже имел квартиру. Когда же Кожевников пришел в совершенное расстройство, то Ринкевич приехал в Петербург и чрез посредство родства с Пашковыми и покровительства сенатора графа Толстого[4] (тестя г. Закревского) определен чиновником для особых поручений при министре внутренних дел, а ныне назначен губернатором в Вятку, на место г. Рыхлевского, который назначается директором медицинского департамента, человека ловкого и делового, бывшего правителя канцелярии при генерале Ермолове.

Впрочем, все подробности службы и поведения Ринкевича в Москве должны быть известны московскому г. военному генерал-губернатору[5].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1143. Мы датируем ее февралем — мартом 1830 г., т.к. 3 февраля этого года Е.Е. Ренкевич был назначен вятским гражданским губернатором, а Рыхлевский — директором медицинского департамента (см.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1830. № 15), а записка написана вскоре после этого.

[1]В воспоминаниях С.П. Жихарева можно найти примеры мотовства Е.Е. Ренкевича. Так, в 1806 г. на гулянье в Сокольниках у него в палатке был «дым коромыслом: весь город, начиная от губернатора и обер-полицмейстера до вральмана Бородулина. Кушают мороженое, пьют шампанское и закусывают бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимо идущему предлагается чашка чаю, рюмка вина или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно приемная трапеза какого-нибудь древнего боярина: милости просим всякого без разбора» (*Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 285, см.также с. 101).

[2]Речь идет об А.А. Ренкевич, урожденной Пашковой.

[3]О трудном финансовом положении Ренкевича во второй половине 1820-х гг. см: *Жихарев С.П.* Указ.соч. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 408, 437.

[4]Речь идет о Ф.А. Толстом.

[5]Этот пост занимал тогда Д.В. Голицын.

---

200 [Толки о революции во Франции]

Общий голос в России вопиял против Карла X[1]. — От просвещенного человека до сидельца лавочника, все твердили одно и то же: «Хорошо ему, поделом! Не соблюдал закона, нарушил присягу, так и заслужил на то, что получил!» — Из этого общего и единогласного мнения следует, что народ в сильной мере чувствует всякую несправедливость и требует правосудия.

Уцелевшие от 14-го декабря все ныне в славе, в честях, в силе. Все, что есть дерзкого, буйного, вольнодумного, революционного между молодыми людьми, покровительствуется партиею Карамзина и Муравьева[2] и, к удивлению всех, от вступления на престол Императора Николая юноши, которые в своем даже кругу почитались дерзкими и опасными, получили в два, три года по несколько чинов и орденов и заняли важные места. Это действие было род *объявления* партии, гиероглиф, означающий слова: «Кто *с нами*, тот все получит; кто *против нас*, тот будет преследуем или останется в забвении». Объявление это сбывается. Правительство, будучи всегда окружено этими людьми и веря в усердие, в благодарности за мило-

сти, никогда не обращало внимание на то, чтоб противодействовать влиянию партии на общее мнение и, напротив, увлеклось духом сей партии. Она ныне известна под именем патриотов. Правительство ищет только *тайных обществ*. Но их не будет более. Форма действий общества изменилась, и оно действует явно, открыто к овладению общественным мнением и всеми важными местами (хоть не первыми, но деловыми). Это исполнение первого плана *Союза благоденствия*.

Символ веры членов сей партии есть, что русское дворянство столь же зрело к свободным формам правления, как и французы; что мужики русские умнее и смышленее французских и достойнее быть свободными, чем чухны и чуваши, и наконец, что новые институции поддерживаются *только* новыми династиями, имеющими в том свою пользу. Эти речи можно ежедневно слышать в местах собрания сих патриотов.

Сия-то партия русских патриотов с восторгом известилась о народных возмущениях во Франции и в Бельгии[3]. Они вне себя от радости и пользуются этим случаем, чтоб развивать свои правила под разными видами.

Масса народа, купцы, чиновники не причастны этой радости, и хотя большая часть одобряет действия французского народа, но говорит об этом без всякого участия, как об удачно разыгранной драме. Патриоты предоставляют себе важный труд: развернуть новые идеи в народе и объяснить им *со временем*, чего они должны требовать.

Теперь дух в народе очень хорош, только партия патриотов шумит и торжествует, полагая, что она сильна силою французского народа. Некоторые из членов сей партии находятся ныне в Париже, и здесь ожидают возвращения некоторых. Нельзя утвердительно сказать, есть ли сношения между здешними либералами и французскими, но в газетах было написано, что многие из известных здесь людей взялись быть сотрудниками либеральных журналов.

Масса народа ничего не требует, как одного правосудия; люди образованные опасаются одних только отступлений от законных форм, в делах личной безопасности и собственности. Этому легко угодить, а влияние буйных патриотов не будет иметь силы, если правительство не даст им слишком много веса. И так состояние нравственности России благонадежно, тем более, что правительство знает, как можно отклонить зло. — Остается только следовать своим путем.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3198. Л. 56—59. Датирована в III отделении 10 августа 1830 г.

[1]Французский король Карл X был свергнут в ходе Июльской революции 1830 г.

[2]Имеется в виду М.Н. Муравьев.

[3]Июльская революция 1830 г. во Франции стимулировала национально-освободительное движение в бельгийских провинциях Нидерландского королевства. Народные выступления шли там с начала 1830 г., а 25 августа в Брюсселе началось восстание, охватившее вскоре все бельгийские провинции. В ходе боев в сентябре почти вся Бельгия была освобождена от голландских войск, а 10 ноября 1830 г. была провозглашена независимость Бельгии.

В последние годы прошлого царствования мистики и сектаторы овладели совершенно всеми путями, ведущими к власти, богатству и почестям[1]. Развратники, плуты, злоупотребители власти, корыстолюбцы составили союз и, приняв в свое общество несколько простодушных и легковерных людей, для прикрытия себя чистыми именами, овладели Россиею. Говоря о небе, они пеклись о земном. Довольно было принадлежать к сектам, чтоб получить места, чины, деньги и приобресть сильнейшее покровительство. Секты разделялись на две партии: одна мистическая, под начальством Филарета, называемого вообще русским езуитом; другая, так называемая *православная*, под начальством известного Фотия. Мистическую покровительствовал князь А.Н. Голицын, а православную, под конец, граф Аракчеев, которая и одержала победу. Ничто не было так противно всем сословиям, как владычество сих сект. Какое-то всеобщее уныние водворилось в обществах, и одни только лицемеры забавляли, втайне, умных людей своим притворством святости. Все были в беспрерывном опасении, ибо каждый мог повредить другому, объявив, что он безбожник. Говорили, что скоро вся Россия будет один большой монастырь, а Государь — игуменом. Ненависть питалась к правительству беспрерывными преследованиями умных людей, имеющих вес в обществе, если они не хотели пристать к сектам. Самые презренные люди возвышались, объявляя себя приверженцами сект. Цивилизация меркла, дела останавливались под управлением глупых суеверов. Всеобщее негодование дошло до высочайшей степени, и на него-то считали заговорщики!

Какая польза оказалась от мистических сект, библейских обществ и всех вообще конгрегаций? Сделались ли люди лучше? Напротив, открыто было поле лицемерам, а добрые люди загнаны. Истинный христианин не делает парада из веры, и только эгоисты стали торговать притворною *набожностию*, точно так же, как они торговали бы *безбожием*, если б видели в том свои выгоды. Они образовали толпы фанатиков, всегда и везде вредных, особенно в России, где довольно того, чтоб говорить именем Бога, дабы увлечь народ. Пусть помазанник Божий один имеет право говорить с народом этим языком, а не каждый фанатик, толкуя по-своему тексты Св. Писания и обязанности христианина. Конгрегации и секты свергли с престола Карла X, своими глупыми наущениями; конгрегации возжгли бунт в Бельгии, в отвратном смысле, дав Потеру и Тилеману в руки оружие веры и политики[2]. Конгрегации произвели бунт в Саксонии, борьбою партий католической и протестантской[3]. Честные люди тогда только могут сделаться опасными правительству, самому сильному, когда овладеют *совестью* народа, а к этому одно орудие: секты.

Ничто так не привлекло сердца Императору Николаю, как удаление Его от сект и лицемерного богомолия. Уничтожение Библейского общества возбудило всеобщее удовольствие[4]. Добрые и умные люди отдохнули и добровольно построились под знаменем Императора. Ничто так не привязывает сердец, как откровенность и чистосердечие, особенно в Государе, а каждый сектатор есть синоним лицемера.

Ныне, по случаю открытия заразы в России[5], мистики снова подняли головы. Они уже пытались приманить на свою сторону писателей

и журналистов и теперь сильно действуют, чтоб овладеть Государем, а с Ним властию Его для собственной пользы. Они-то разглашают, что Бог карает народы за грехи Царей, и пока Царь не покается, народ будет страдать. Мистики выдумали существование какой-то *немецкой партии*. Мистики смущают легковерных предсказаниями бед на Россию. Имя Филарета снова раздается между мистиками, и последняя речь его обнаруживает его планы. Речь сия такова, что изумила всех[6]! Один военный генерал, прочитав эту речь, воскликнул: «Если б я был военным губернатором в Москве, то на свой ответ запер бы в монастырь этого якобинского пророка! Это совершенно манифест против Государя, рекрутского набора, войны!»

Многие страшатся, чтоб Государя не овладели мистики, и почитают это величайшим несчастием для России. Политические секты, формирующиеся ныне в Европе, немедленно воспользуются этим и снова выпустят известные правила Евангелия: «Да не будет между вами ни первого, ни последнего». На этом камне сооружается здание революций, как было в Англии во время Кромвеля.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3198. Л. 80—83. По содержанию мы датируем записку концом сентября — началом октября 1830 г.

[1]См. примеч. 10 к записке № 2.

[2]Радикальный бельгийский журналист и политический деятель Л. Поттер вначале вел активную антикатолическую пропаганду, но позднее, незадолго до бельгийской революции 1830 г., изменил тактику и вступил в союз с католиками с целью добиться независимости Бельгии от Голландии. После публикации Поттером (вместе с несколькими другими журналистами) призыва к национальной подписке для вознаграждения чиновников, потерявших свои должности за преданность бельгийским интересам, состоялся судебный процесс, на котором Поттер был приговорен к изгнанию из страны на 8 лет, его друг Ж. Тилеманс — на 7 лет, и т.д. См. также примеч. 3 к записке № 200.

[3]В сентябре 1830 г. празднование трехсотлетия существования аугсбургского (лютеранского) вероисповедания послужило поводом к волнениям в Лейпциге, Дрездене и Хемнице. Саксонский король вынужден был произвести изменения в составе правительства и обещал ввести конституцию, которая была принята в следующем году.

[4]О ликвидации Библейского общества см. примеч. 15 к записке № 101.

[5]Имеется в виду эпидемия холеры, которая началась в июне 1830 г.

[6]Во время холеры в Москве Филарет часто выступал с проповедями (см.: *Корсунский И.* Деятельность Филарета, митрополита Московского в холеру 1830—1831 годов. М., 1887). Здесь идет речь о проповеди 18 сентября 1830 г., в которой митрополит напомнил собравшимся об эпидемии в библейские времена, когда «Царь Давид впал в искушение тщеславия: хотел показать силу своего царства и повелел исчислить всех способных носить оружие, тогда как такое исчисление совсем не было в потреблении у евреев. И праведник не безопасен от падения, есть ли вознерадит.

Еще не кончилось исчисление народа, как царь почувствовал в совести своей обличение греха, и страх наказания от Бога. В самом деле явился пророк и, по повелению Божию, предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор. Примечайте из сего примера, что война, голод, мор и подобные бедствия, хотя и кажутся приключениями случайными, хотя происходят частию из известных причин естественных, тем не менее однако суть орудия правосудия Божия, употребляемые для наказания согрешивших человеков.

Давид смирился пред Богом; безропотно покорился суду Его, и совершенно предался на волю Его, покаялся, и Бог отменил наказание» (Слова, говоренные синодальным членом Филаретом, митрополитом Московским, пред открытием и в продолжение губительной болезни в Москве, в прошедшем 1830 году. СПб., 1831. С. 14—15). За проповедью последовал «донос, поданный против него государю, которого старались уверить, что Филарет, упоминая в одной из проповедей своих о покаянии царя Давида во время моровой язвы, намекает будто бы на то, что грехи царей навлекают гнев небесный на подвластные им народы» (*Толстой М.В.* Мои воспоминания// РА. 1881. Кн. 2. С. 63). Николай был недоволен и через графа П.А.Толстого сделал замечание Филарету (см.: Филарет Дроздов, митрополит Московский, по материалам, собранным ред. «Русской старины»//РС. 1885. № 7. С. 11). Филарет в следующей своей проповеди (5 октября), произнесенной в присутствии царя, был вынужден сказать, что «много должно утешать и ободрять нас, братия, и то, что творит среди нас Помазанник Божий, Благочестивейший Государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид (хотя конечно по грехам и всего народа), однако с Давидовым самопожертвованием приемлет Он участие в нашем бедствии» (Слова... С. 27).

---

202 О польской газете в Петербурге

Издание польской газеты в Петербурге почитается поляками благомыслящими истинным благодеянием для польских провинций и вместе с тем величайшею пользою для правительства. В польской газете «Литовский курьер»[1], издаваемой в Вильне, и во всех варшавских газетах запрещено печатать, как уверяют, все, что только может представить российское правительство в благоприятном виде, и поляки вовсе не знают, что делается хорошего в России. Велят, будто бы нарочно, печатать сентенции и наказания и молчать о делах великих и полезных, о наградах. — «Северная пчела» вовсе запрещена, и даже не все нумера официальных газет впускаются в Польшу. При таком состоянии Польши издание хорошей польской газеты в Петербурге почитаться должно истинным благом.

Первое позволение на издание польской газеты получил еще при министерстве Шишкова и при старом Цензурном уставе[2] некто Малиновский, но, поехав в Вильну, он женился там и остался, а право свое передал Пржецлавскому, бывшему ученику Виленского университета, человеку смирному, образованному и благомыслящему. Он служит в министерстве внутренних дел. Цензурный комитет утвердил передачу, не находя никакой законной причины к отказу, но как издатель просил позволения помещать в польской газете заграничные известия, из петербургских газет, то, по новому Цензурному уставу[3], дело о сем перешло в Комитет министров и к Государю Императору. Издателю объявлено Высочайшее соизволение, и газета началась издаваться.

Несколько ученых поляков, бывших учеников Виленского университета, служащих в Петербурге, помогают своими трудами издателю. Все они люди отличного поведения и характера тихого. Замечательнейший из сотрудников есть Малевский, служащий в польской Метрике при Сенате, сын бывшего ректора Виленского университета. Этот Малевский, магистр прав, кончил свой курс учения в Берлине. Честен, благонравен и скромен, Малевский совершенно предан Государю; участие его в редакции польской газеты обещает ей успех и самое благонамеренное направление.

Еще до выхода первого нумера в свет польской газеты издатель оной и сотрудник его Малевский прибегнули к Булгарину и просили его советов, что им тотчас было доведено до сведения Высшего надзора и сделано условие, чтоб все статьи оригинальные о России, прежде напечатания оных, показывать в III отделении Собственной Его Величества канцелярии. Газета польская редижируется[4] отлично, весьма занимательна и одобряется всеми[5].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 325. Л. 8—9. Речь в ней идет о газете «Tygodnik Petersburski», выходившей на польском языке в Петербурге в 1830—1835 гг. Мы датируем записку сентябрем — октябрем 1830 г., так как до 7 сентября Булгарина не было в Петербурге, а в конце ноября началось восстание в Польше, о котором не упоминается в записке.

[1]Речь идет о газете «Kurier Litewski», выходившей с 1796 г. (вначале в Гродно, а со следующего года — в Вильно).

[2]То есть во время, когда действовал цензурный устав 1826 г.

[3]То есть по цензурному уставу 1828 г.

[4]То есть редактируется, от французского rédiger — составлять, письменно излагать, редактировать.

[5]В конце мая, в связи с подпиской на второе полугодие, анонимный автор (по-видимому, Булгарин) писал в разделе «Смесь» СП, что «Tygodnik Petersburski» «есть лучшая польская газета из множества издаваемых в разных провинциях, и одна, которая знакомит поляков с Россиею. Она разделяется на *четыре* главные отделения. *Первое,* внутренние известия. Здесь помещается все любопытное по части законодательства, производства в чины и все значительнейшие происшествия. *Второе*, иностранные известия <...>. *Третье,* коммерческие известия <...>. *Четвертое,* науки, литература и смесь. В сем отделении помещаются статьи оригинальные, письма польских путешественников по разным странам и переводы лучших статей из русских и иностранных журналов, также известия об усовершениях, открытиях в науках, новых явлениях на поприще словесности, и русская библиография. Отличный выбор статей, искусство, с каким издатели умеют пользоваться материалами, познания и ученость, обнаруживающиеся при каждом замечании, необыкновенное разнообразие и хороший слог суть неотъемлемые достоинства сей газеты, которая есть самый драгоценный подарок для провинций, где говорят польским языком. Можно решительно сказать, что с издания польской газеты в Петербурге началась новая эпоха для сих провинций, которые весьма мало знали о богатстве, промышленности и умственных успехах в России» (СП. 1830. 27 мая). В 1831 г. газета приобрела официальный статус. См. также дело III отделения об этом издании: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 444.

---

203 [Записка М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу о Булгарине]

Вся эта партия главной своей целью поставила погубить бедного Булгарина, которого они считают одним из моих самых доверенных лиц.

Они несомненно могут сильно повредить этому несчастному, который в данном случае совершенно ни в чем не виноват, вот почему я прошу вас за него. — Сам Булгарин не имеет никакого представления обо всех этих интригах. Я об этом узнал от собственных доверенных лиц из этой партии[1].

Собственноручная записка Фока печатается (в переводе с французского) по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3198. Л. 117 об. Она сохранилась среди записок 1830 г. и, судя по месту в подборке, написана 8 или 9 октября.

[1]В 1830 г. резко ухудшились отношения Булгарина с Пушкиным и литераторами его круга. Жуковский в письме царю от 30 марта и в беседе с ним 1 апреля обвинил Булгарина в ложных доносах, Пушкин сочинил эпиграмму против него и задевал в печати («О записках Видока»), Булгарин также не оставался в долгу. 7 октября в статье «Второе письмо из Карлова на Каменный остров», помещенной в СП, он очередной раз выступил против Пушкина. Записка Фока ставила, по-видимому, своей целью защиту Булгарина от какого-то очередного выступления его противников.

---

204 **[О Рачинском]**

Здесь около 10 лет находится молодой поляк по фамилии Рачинский. Сначала находился он в беднейшем положении и существовал карточною игрою или, так сказать, аферами. Около 5 лет назад он определен был на службу по Коллегии иностранных дел и посылан несколько раз в Вильну и Варшаву, куда дважды ездил еще в отпуск. По возвращении оттуда каждый раз были замечаемы у Рачинского большие деньги, из коих он много и проигрывал, но с последнего приезда его из Варшавы (во время коронации Государя Императора) выдавал он себя за богатого человека, уверяя, что он женится на богатой девице в Варшаве, которая имеет до 30 000 червонцев приданого. Чрез два месяца он опять ездил в Варшаву, женился там и привез молодую жену, о которой говорят, что она прежде родила в Варшаве от какого-то богатого человека и получила от него в приданое 100 000 польских злотых, кроме вещей. По приезде из Варшавы Рачинский жил с женою своею на большой ноге, давал балы, где однако находились только поляки, и проиграл много денег так, что теперь ничего уже не имея, живет с женою спекуляциями. Квартира его есть сборище весьма сомнительных поляков. Он есть тот самый, которого Булгарин называет в романе «Выжигин» *Дурачинским*[1]. У него бывают все приезжающие поляки. Он коротко знал содержащихся в крепости злоумышленников, которые по выпуске из крепости тотчас являлись к нему. Теперь же более всех бывают у Рачинского:

1. Игрок *Красовский*, который года три женат на бывшей придворной камер-юнгфере, промотал женино приданое и теперь живет разными промыслами.

2. Служащий в генеральском чине по коммиссариату *Шемиот*, который, как известно, поляк в полном смысле и игрок.

3. *Петрашинский*, служащий в гражданской палате, у которого в летнее время бывают карточные вечера в Котловской, где он нанимает большую дачу и где бывают одни только поляки.

4. *Кочановский*, управляющий домом графа Потоцкого, о котором много говорено было во время сделавшейся у сего графа покраже.

5. Не имеющий чина и неслуживший *Миницкий*. Сей молодой поляк уже два раза попадался в полицию, живет здесь без всяких дел и, не имея ничего собственного, проживает по слухам до 3000 руб. в месяц. Он человек распутный, дерзкий и готовый на все.

Говорят, что сверх сих 5 лиц бывают у Рачинского еще двое молодых людей из канцелярии графа Грабовского и нередко остаются часу до 4 утра. На сих днях собирались они по вечерам, но часу в 11-м расходились.

2 декабря 1830

Печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 4—5.

[1]В романе «Иван Выжигин» Булгарин писал о ходатае по делам Дурачинском, который «был мальчиком, то есть слугою у графа Пьяноти, который выучил его грамоте и по особой, непостижимой милости сделал впоследствии своим поверенным. Обманывая бедных литовских дворян своим значением в Петербурге, а чиновников своим значением в провинции, Дурачинский выкарабкался из грязи, втерся в службу и продолжает ходатайствовать, то есть обманывать, брать деньги с имеющих дела и не давать никому. Он так глуп, что не в состоянии написать письма ни на одном языке, но играет в вист, проигрывает, хвастает, что имеет большие имения, оттого терпим между порядочными людьми» (*Булгарин Ф.* Сочинения. М., 1990. С. 341).

---

205 [О Студзинском]

Студзинский служил в русской службе; за кампанию 1812 года обвешан крестами, из бедной шляхты, которому все дала Россия. Русский патриот outré[1], или, как говорят, *квасной*. Он католик, богомолен и глуп. Верен службе как собака и поставлен Бибиковым для наблюдения за злоупотреблениями Рижской таможни.

Студзинский открыл множество злоупотреблений, что повредило друзьям Петерсена, покойному Рашету и Таубе.

Студзинский глуп ужасно, мистик секты Олешкевича; свободное от службы время проводит на коленях в церкви, но не имеет понятия, что такое *народ*, *отечество*, *Польша*. Это просто верный таможенный сторож.

Духовенство в Риге 4 пьяные доминикана, глупы как тетеревы.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 3. Записка написана в первых числах декабря 1830 г. по поводу хранящегося в том же архивном деле (л. 1—2) письма К.Ф. Петерсена из Риги от 1 декабря 1830 г. (на немецком языке) с доносом на Студзинского, вредно влияющего, по его мнению, на поляков и католическое духовенство в Риге.

[1]сверх меры (*фр.*).

---

206 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 16 декабря 1830]

Милостивый государь Александр Христофорович!

Находив всегда в особе Вашего Высокопревосходительства благодетельного себе покровителя, прибегаю к Вам с всепокорнейшею просьбою.

Вам известно верноподданническое усердие и беспредельная преданность, с коими я стараюсь служить Государю Императору; известно, что я ничем в жизни не подорожу для исполнения его священной воли, сколь-

ко то состоит в слабых силах частного человека. При всем том, мне не всегда удавалось достигать цели всех трудов и помышлений моих — Высочайшего благоволения! — И в начале нынешнего года, за спор литературный о романе «Юрий Милославский», был я арестован[1]. Я перенес гнев Монарха с покорностью верноподданного, быв уверен, что последующими ревностными трудами успею загладить неумышленную вину мою и доказать Государю на самом деле, что готов спорить со всеми Его верноподданными в усердии к Его особе и в самом беспредельном повиновении Высочайшей Его воле.

Ныне прибегаю к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою быть моим предстателем у священного монаршего Престола, в защищении моей чести и доброго имени верноподданного. В № 145 «Северной пчелы» сего года напечатана статья: «Письмо поляка и проч.»[2], рассмотренная и одобренная Вашим Высокопревосходительством. Ныне, в 149 нумере *С.-Петербургских Академических Ведомостей,* редактор оных г. Пезаровиус напечатал на помянутое письмо возражение, в котором старается представить в превратном виде намерение и цель сочинителя сего письма, взводит на издателей «Северной пчелы», а преимущественно на меня, природного поляка, обвинение в старании оправдать варшавских бунтовщиков и тщится изобразить сочинителя сего письма изменником в отношении к России![3] — Статья г-на Пезаровиуса произвела самое пагубное впечатление и принята как декларация правительства, ибо газета С-Петербургская почитается *официальною.* — Умы простого народа воспылали, благонамеренные россияне негодуют, поляки в отчаянии.

Ваше Высокопревосходительство! Все статьи политического содержания, печатаемые в «Северной пчеле», подвергаются предварительно Вашему рассмотрению, следственно, в них не может быть ничего противного духу правительства, и они неоднократно, как Вам известно, производили в русской публике самое благоприятное действие. — Но как же они могут достигать сей цели, когда публика увидит, что сии самые статьи подвергаются осмеянию и ругательству в газете, почитаемой официальною? — И как мне можно будет продолжать мое благонамеренное занятие в пользу правительства, когда меня за то будут всенародно оскорблять и клеветать, а я не в состоянии опровергнуть сей клеветы, ибо всякое возражение в «Северной пчеле» воспрещено, да и защита мнений правительства превышает силы частного человека.

В сем стеснительном положении, весьма для меня тягостном, осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство об исходатайствовании мне, во-первых, у правосудного Монарха удовлетворения в оскорблении моей чести г. Пезаровиусом, удовлетворения гласного и всенародного, каково было оскорбление, ибо на некоторых людей письменные выговоры не имеют действия, и, во-вторых, о подчинении *Академических Ведомостей* общей цензуре, для прекращения на будущее время подобных нарушений высочайше утвержденных правил о цензуре и для охранения частных людей от оскорбления.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Милостивый государь Вашего Высокопревосходительства всепокорнейшим слугою Фаддей Булгарин[4]

16 декабря 1830

С-П[етер]бург.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446б. Ч. 6. Л. 18—19. Впервые опубликовано нами: ВЛ. 1990. № 3. С. 109—111.

[1]См. письма № 194, 195 и комментарий к ним.

[2]Речь идет о статье: *Р.Р.* Письмо поляка, помещика Царства Польского, из Санкт-Петербурга в Люблин, к брату//СП. 1830. № 145. 4 дек. Автор ее выражает возмущение по поводу восстания в Варшаве, считает его причиной «коварных иностранцев» и утверждает, что «никогда Польша не была так счастлива, как со времен Александра», т.е. с 1815 г. Статья была снабжена следующим примечанием: «Издатели получили сие письмо на польском языке, при убедительной просьбе напечатать в газете. Исполняя охотно сие желание сочинителя, издатели уверены, что все благомыслящие поляки разделяют сей образ мыслей, который должен убедить наших читателей в том, что гнусный поступок варшавских мятежников есть дело чуждое польскому народу, есть только местный бунт противу властей».

[3]В статье «Несколько слов русского Помещику Царства Польского», подписанной «Редактор сих Ведомостей» (при том, что фамилия редактора в газете не указывалась), П.П. Пезаровиус излагал и комментировал булгаринскую статью. Он писал, что «образ мыслей г-на Помещика сомнителен и ничего не доказывает, ибо его письмо — *не подписано!* — Если б он имел действительно намерение поставить себя в *добрый* пример своим соотечественникам вообще, и своим крестьянам в особенности, и доказать русским, что принадлежит к числу благомыслящих поляков (т.е. верных своему Государю и данной Ему присяге), в таком случае прежде всего должен бы он был к своему письму *приложить руку* <...>. Да не прогневается г. Помещик: при нынешних обстоятельствах и после происшедшего и еще происходящего в Польше недоверчивость не только позволена каждому русскому, но даже вменяется ему в священный долг, тем паче, что письмо сие прикрывает какою-то завесою злодейства, которые русские в особенности должны видеть во всем его позорном пространстве, не для того, чтобы ненавидеть поляков, но дабы всею душою ненавидеть злобный дух возмущения и крамолы, по нынешний день происходящий из ада и в пользу ада, который сам же воспринял свое начало от возмущения!» (С.-Петербургские ведомости. 1830. № 149. 12 дек. С. 978, 979).

[4]Еще 8 ноября 1830 г. Бенкендорф писал министру народного просвещения К.А. Ливену: «На почтеннейший отзыв Вашей Светлости от 1 сего ноября касательно до известий, посылаемых мною для напечатания в «Северную пчелу», честь имею ответствовать, что г. цензор, как он и сам мне сознался, был убежден, что таковые присылаются по моему приказанию, ибо он, в противном случае, не имел бы права одобрить оные к напечатанию. Если я не уведомлял о сем официально Вашу Светлость, то сие происходило от того, что статьи сии, для достижения цели, должны сохранить характер частности. По сему убеждению покорнейше прошу Вашу Светлость принять сие мое объяснение для собственного только Вашего соображения, не делая оное гласным, и приказать цензуре, чтобы все подобные статьи, представляемые к напечатанию с разрешения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, были пропущены беспрекословно» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446б. Ч. 6. Л. 5). 14 декабря Бенкендорф вновь писал по этому вопросу Ливену: «Ваша Светлость изволите быть извещены, что от меня доставляются в «Северную пчелу» статьи политические и нравственные, для напечатания; в числе сих статей находилось также письмо польского помещика. С другой стороны, Ваша Светлость конечно изволили читать Высочайший манифест, последовавший по случаю происшествий в Варшаве. После сего, Вы, м[илостивый] г[осударь], конечно вполне разделите мое удивление, брося взгляд на статью, помещенную в «С. Петербургских ведомостях» против письма польского помещика, статью столько же глупую, сколь неприличную.

По сему уважению, покорнейше прошу Вашу Светлость сделать строжайший выговор редактору сих ведомостей, воспретить ему впредь толковать по-своему статьи, мною для напечатания сообщаемые, ибо, в противном случае, найдусь я вынужденным настоять в примерном с него взыскании» (Там же. Л. 15). Ливен на следующий день писал в ответ, что «С.-Петербургские ведомости» подчинены не общей

цензуре (находящейся в его ведомстве), а цензуре министерства внутренних дел. Он указал, кроме того, что именно для того, чтобы не раскрывать официальный источник подобных публикаций, лучше не поднимать скандал (Там же. Л. 16).

Получив письмо Булгарина, Бенкендорф 24 декабря вновь писал Ливену, прося сообщить, кто цензурировал статью в «С.-Петербургских ведомостях». Ливен ответил (4 января 1831 г.), что, как выяснилось, за неполитическую часть газеты отвечает Академия наук. Статья была помещена без ведома вице-президента Академии, и он «строжайше приказал редактору впредь все неполитические статьи не иначе помещать в «С.-Петербургских ведомостях», как с предварительного его одобрения», а редактору сделал строгий выговор за то, что поместил статью «сам собою» (Там же. Л. 25 об.).

---

207 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 23 декабря 1830]

Милостивый государь Александр Христофорович!

Неоднократные знаки благорасположения и милостей Вашего Высокопревосходительства рождают во мне утешительную надежду, что всепокорнейшая моя просьба будет услышана Вами.

Представляя при сем программу вновь написанного мною и уже печатаемого романа, под заглавием «Петр Иванович Выжигин», всепокорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство об исходатайствовании мне у Всемилостивейшего Государя Императора Высочайшего соизволения украсить список подписавшихся на сию книгу Священным именем Его Императорского Величества.

Таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждого писателя неоцененною, но ныне будет для меня новым, живительным благотворением Великого Монарха. Ныне, когда многие из соотечественников моих, по справедливости, лишились милостей своего Государя, да позволено мне будет показать свету, что я все счастие жизни своей полагаю в благосклонном взоре Всеавгустейшего Монарха и что Великий Государь не считает меня недостойным Своего взора. Упавшие духом верные поляки воскреснут, когда увидят, что их соотечественникам открыты пути трудами и тихою жизнью к монаршим милостям. — Достоин ли я сей высокой милости, представляю решить Вашему Высокопревосходительству!

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть Вашего Высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою Фаддей Булгарин[1]

23 декабря 1830
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 133. Опубликовано М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 488—489.

[1]К письму было приложено печатное объявление (оно было помещено и в СП. 1830. № 150 за 16 декабря) о подписке на роман, производящейся в книжных лавках издателя И.И. Заикина (дата цензурного разрешения объявления — 4 декабря 1830 г.). Начиналось оно с краткого пересказа содержания книги: «Наполеон, вознамерившись ополчиться на Россию, не знал ее и верил донесениям своих агентов, которые, сами обманываясь на счет русского характера, ввели в заблуждение своего повелителя. Наполеон и его поверенные судили о русских по некоторым образцам и жестоко обманулись! При вторжении французов в пределы древней России в сердцах русских воспрянул народный дух, оживлявший Пожарского и Минина под Москвою,

Петра Великого под Прутом. Твердость Царя русского и верность народа, мужество и самоотвержение на защиту Престола и отечества спасли Россию и навеки прославили русских». Затем Булгарин давал комментарий к своему роману: «Придерживаясь романической завязки, автор старался представить, во всем блеске, благородный русский характер в отечественную войну и для сего основывался на истории. Но, чтоб картина современных нравов была верная, автор должен был прибегнуть к сатирической кисти, для начертания некоторых характеров, введших, предположительно, в заблуждение агентов Наполеона на счет русских вообще. Таким образом роман состоит из *трех* главных отделений: *романического, нравоописательного и исторического.* Читатель найдет в нем забавные сцены из частной жизни, карикатуры, любовную интригу и вместе с частными приключениями военные и политические события того времени. В сем романе изображены битвы, ополчение народа, пожар Москвы, лагери русский и французский, дух и толки народа в Москве и по деревням, и характеристики знаменитейших лиц той эпохи».

---

208 **[Письмо А.Х. Бенкендорфа Булгарину 30 декабря 1830]**

Я имел счастие докладывать Государю Императору письмо ваше, о выходящем вновь в свет романе вашем, под заглавием «Петр Иванович Выжигин», и Его Величество Всемилостивейше соизволил на принятие оного, почему и прошу Вас, милостивый государь, прислать мне сие сочинение, для всеподданнейшего представления, как скоро оное выйдет из печати.

При сем случае Государь Император изволил отозваться, что Его Величеству весьма приятны труды и усердие ваше к пользе общей, и что Его Величество, будучи уверен в преданности вашей к Его особе, всегда расположен оказывать вам милостивое Свое покровительство.

Уведомляя вас с особенным удовольствием о сем благосклонном отзыве Его Императорского Величества, с представлением права дать оному гласность, имею честь быть, и пр.

А. Бенкендорф
30 декабря 1830

Письмо Бенкендорфа печатается по: СП. 1831. № 2. 3 янв. Печатая письмо в своей газете, Булгарин предварил его следующим вступлением: «Полагая целию всех литературных трудов моих пользу общую, пользу отечества, а лестнейшею за них наградою Всемилостивейшее благоволение Государя Императора, обратился я ныне, пред выходом в свет третьего моего романа («Петр Иванович Выжигин») с просьбою об исходатайствовании Высочайшего соизволения на всеподданнейшее поднесение экземпляра оного Его Императорскому Величеству, к г. генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, в котором всякий благонамеренный человек всегда находит покровителя своим трудам и предстателя у Высочайшего Престола. На письмо мое о сем к Его Высокопревосходительству удостоился я получить ответ следующего содержания». Напечатав далее полученное письмо, Булгарин писал в заключение следующее: «Осчастливленный сим живительным отзывом, я не только не считаю нарушением скромности обнародование сего письма, по содержащемуся в нем на то соизволению, но полагаю священным долгом сообщить о

том читателям моим, коих благосклонности и поощрению обязан я, отчасти, возможностию приобресть сие лестное выражение Высокомонаршей милости. За Богом молитва, за Царем служба не пропадет».

---

209 [О чиновниках Комиссии прошений]

О некоторых из сих чиновников уже давали известие г. статс-секретарю, по их собственному желанию[1]. *Часовников*, будучи в Сенате обер-секретарем, в толпе обер-секретарей пользовался лучшею репутациею, нежели многие из них, не *по бескорыстию*, но потому, что вел дела тихо, без явного соблазна (как делают другие) и держал слово, данное просителям. Но как в Сенате записки приготовляют секретари и повытчики, а обер-секретарь только пересматривает, то и слабые способности Часовникова не были видны. Теперь, в Комиссии прошений, будучи на виду, он более открылся. В канцелярии показывают за редкость бумаги, писанные его рукою: недостаток логического порядка и варварский, староподьяческий слог его изумляет тех, которые считали его дельцом. Для него работают другие. Он состоит в тесных связях с некоторыми сенатскими обер-секретарями. О бескорыстии — ни слова: многие говорят, что он не отказался от своей старой сенатской привычки. Только он делает это тихо, скрытно и более посредством своих прежних товарищей. Так толкуют в народе, т.е. люди, имевшие дела в Комиссии. — *Андреев* — человек способный, умный, знающий дело, трудолюбивый, пишущий прекрасно. Брал и берет деньги, что не подвержено *ни малейшему сомнению.* Но если его держать в руках, то он может быть весьма полезен. *Ситников* — человек способный, умный, деловой, но ленивый до крайности. О бескорыстии его носятся слухи неопределительные. Во всяком случае он ведет себя осторожно. *Иванов* — человек умный и хитрый. Он управлял всеми при Кикине и брал деньги полными руками с правого и виноватого. Его репутация самая дурная — и на его счет один голос. Хотя ему ныне и не так верят, как прежде, но он по уму своему имеет всегда сильное влияние на дела, *как говорят* в народе. Писать он не мастер, но большой диалектик и умеет убеждать на словах. *Гофман* денег не берет, но занимается такою частию, что дарований его видеть нельзя. О нем мало толкуют. — *Глотов* поставляется в пример глупости и бестолковости, и служит предметом насмешки для всех служащих в канцелярии. Не понимает дела, не умеет даже взяться за него. Лишь только поступит к нему просьба, то молодые люди кричат в насмешку «отказать!» — и Глотов так решает все дела, исключая тех, о которых интересуются другие его товарищи, и работают за него.

Поелику в числе экспедиторов, о коих спрашивается мнения, не упомянуто о Фондуклее, то и предполагается, что уже известно, что он самый честный, сведущий и благонамеренный человек, пользующийся лучшею репутациею, невзирая на ненависть публики к канцелярии статс-секретаря.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 584. Л. 4. Подготовлена в период с 1828 по 1831 г. (все характеризуемые в ней чиновники служили в комиссии прошений в эти годы), скорее всего — в 1829 или 1830 г.

[1]См. записку № 52.

Коллежский советник Бахтин. В службе с 1812 года. Знака отличия беспорочной службы *не имеет.* Начал службу с детских лет в Харькове[1], *где отец его*[2] *был губернатором.* Потом считался, но не служил в экспедиции ревизии счетов[3], где также *отец его был управляющим.* — После того вступил в канцелярию статс-секретаря Кикина, но в оной *не имел штатного места.* В 1823 году уехал за границу с Александром Львовичем Нарышкиным, в качестве приватного секретаря, где провел два года и находился в это время *для счету службы* в капитуле российских орденов[4]. — В Париже он поместил несколько статей о России и российской литературе[5] и представил вещи в превратном виде, следуя внушению страстей и связей своих в России. В 1825 году определен в канцелярию бывшего генерал-провиантмейстера Абакумова и хотя *числился* управляющим канцеляриею, но *не исполнял* сей обязанности и вся работа его ограничивалась *исправлением слога в бумагах.* Сверх того он должен был читать французские журналы своему начальнику и служить ему ежедневным собеседником, за столом. — В 1827 году поступил к князю Меншикову[6], был с ним в походе, получил за сие более награждений в три года, нежели другие получили в двадцать лет, и теперь состоит при князе для особых поручений.

Всего в службе — 18 лет
офицером — 14
штаб-офицером — 4
При штатном месте с 1825 года
Действительно служил только с 1827-го года.

Бахтин человек со способностями и в состоянии хорошо написать бумагу на заданный предмет. Но в делах не имеет никакой опытности, вовсе не знает законов и даже не имеет склонности к важным предметам. Избалованный службою и по самонадеянности почитая себя гением, он не старается вникать в дела и обрабатывает только то, что *идет на вид начальства.* Поведения хорошего. Нравом заносчив, склонен к интригам и, находясь при Абакумове, покровительствовал воров и взяточников потому только, что они льстили его самолюбию. Красноречив или, лучше сказать, многоречив. Горд с равными и несносен для подчиненных, он имеет дар *вкрадываться в сердце* начальника для собственного возвышения, и, находясь при Абакумове, совершенно овладел им, льстя его страстям и подчиняясь его видам. Изменит долгу и справедливости, если будет иметь в виду *свое возвышение* и *протекцию сильного.* Фанфарон, в полном смысле слова. По молодости лет он не мог бы занимать другого места, кроме секретарского, при строгом начальнике. Все его познание ограничивается тем, что умеет чисто и правильно написать бумагу, но по неопытности и незнанию дел и законов не может занимать высшего места[7]. — При том ветрен, нескромен и даже насмехается над своими благодетелями. — Князь Меншиков спрашивал в 1827 году у генерала Бенкендорфа о Бахтине. Тогда отвечали, что способен и ни в чем дурном не замечен. То же повторяется и ныне, но с того письма Бахтин имел более случаев выказать себя и обнаружить свой характер, многое открылось, чего прежде не знали.

Чиновник 6-го класса Жандр. В службе с 1803 года. Имеет пряжку за беспорочную службу XX лет. — Служил сначала в существовавшем в 1803

и 1804 годах Комитете для рассмотрения *жалоб на Правительствующий Сенат*; потом по 1812 год служил *в Сенате*. В 1812 году поступил в инспекторский департамент Главного штаба, а в 1813 году перешел в канцелярию статс-секретаря Молчанова, где по 1816 год, то есть до разделения канцелярии сей, занимался делами и по *Комиссии прошений* и по *Комитету министров*. В 1816 году по разделении канцелярии Молчанова поступил в *Комитет министров*. В 1819 году перешел в *правители канцелярии* Военно-счетной экспедиции, откуда уволен в 1827 году, прослужа в сей должности *восемь лет*. В том же году определен начальником отделения артиллерийского департамента морского министерства, а в марте 1828 года помещен начальником же отделения в канцелярии Главного морского штаба.

В службе — 28-й год
офицером — 26 лет
штаб-офицером — 12 лет
В степени правителя канцелярии
и начальника отделения — 11 лет

Жандр есть один из тех редких чиновников, которые, прослужив целую жизнь и имея много случаев собрать деньги, остались в бедности и жили в нужде. Всеми уважаемый за честность и неизменность строгих правил, Жандр пользовался всегда доверием начальства. Ни в частной, ни в публичной жизни он не сделал ничего такого, за что бы можно было подвергнуться упреку. Прилежен и неутомим в трудах, он всю жизнь занимался изучением российского законодательства и знает его совершенно. С успехом занимался словесностью в досужные часы и пишет легко и правильно. — Не имея покровительства и не ища его*, Жандр всю жизнь провел или дома, или в канцелярии, где служил. С образованным умом, с непоколебимою честностью, прилежанием и знанием дела, Жандр будет полезен везде, где его ни употребят. Скромен, вежлив и привязан к хорошим начальникам, он всем доволен, никогда не жалуется на судьбу, не любит фрондерства. Стоическая философия его и терпение удивляют знающих его. Из бедного своего жалованья он содержит мать и старуху, прежнюю свою благодетельницу, работает за других и никогда, ни у кого не просил за себя. — Словом, редкий человек.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2—3. Опубликована нами: НЛО. 1993. № 2. С. 140—142. Перед началом текста карандашная надпись А.Х. Бенкендорфа: «Спрашивает Дашков. Служащие у кн. Меншикова Бахтин, Жандр». По содержанию мы датируем записку 1830 г. В том же году Жандр был назначен членом Комитета для составления правил отчетности по всему ведомству Морского штаба, а Бахтин в 1831 г. — правителем дел Комитета для образования флота.

---

*Характеристическая черта Жандра. Брат его[8] (генерал, убитый в Варшаве), приобретя деньги разными непозволенными средствами[9], предлагал ему несколько раз и денежную помощь, и покровительство. Жандр всегда отказывался и даже только один раз в год, в светлый праздник видывал брата, пока он был здесь, *не желая быть обязанным ничем человеку, которого не мог в душе уважать, невзирая на близкое родство*. По делу Косиковского Жандру принесли на дом *сто тысяч* в тот день, когда он занял у приятеля 50 рублей на лекарство больной своей старухе. Жандр с улыбкой взял сто тысяч, пересчитал и отдал обратно, поблагодарив за доставленное удовольствие *видеть* так много денег вдруг, в своем жилище! Он открыл все злоупотребления по этому делу, и за то взяточники гнали его и теперь гонят.

[1]Н.И. Бахтин числился канцеляристом в правлении слободско-украинского губернатора и посещал лекции в Харьковском университете.

[2]И.И. Бахтин.

[3]Это было в 1815—1816 гг.

[4]А.Л. Нарышкин был в это время канцлером российских орденов.

5См.: Quelques notes d'un Russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de m-r Dupré de St.-Maure//Mercure du dix-neuvième siècle. 1824. T. 6, 7 (подп. L.N., с сокр. перепечатано: Вестник Европы. 1824. Ч. 138. № 22. С. 102—113, под заглавием «Некоторые замечания россиянина, живущего в Париже, на антологию г. Дюпре де Сент-Мора»); Coup d'oeil sur l'histoire de la langue Slave et sur la marche progressive de la Civilisation et de la littérature en Russie//Atlas Ethnographique du Globe, on Classification des Peuples Anciens et modernes d'aprè leur langue. Partè historique et litteraire. T. 1. Paris, 1826. P. 321—357 (опубликовано без подписи). Статьи эти вызвали полемику в России, особенно резко откликнулся Н.А. Полевой в МТ (1827. № 17. С. 25—38, № 18. С. 102—129). Защищаясь от его нападок, Бахтин напечатал (с подписью М.И.) «Письмо к Булгарину» и «Второе письмо к Булгарину» (СО. 1828. № 2. С. 189—193; № 6. С. 163—176); третье и четвертое «Письма» были адресованы уже издателю «Атенея» и помещены в этом журнале (1828. № 12. С. 404—419; № 17. С. 62—76).

[6]Бахтин был его адъютантом.

[7]Булгарин недооценил способности Бахтина. В 1834—1843 гг. он был управляющим делами Комитета министров, в 1843—1853 гг. — государственным секретарем, а с 1853 г. — членом Государственного совета по департаменту государственной экономии. Незаурядность Бахтина отмечали все, кто с ним сталкивался. Так, Д. Свербеев, который служил с ним в комиссии прошений, писал впоследствии, что «из товарищей моих по летам и по чину замечательнее всех был Николай Иванович Бахтин своим ясным, диалектическим умом, едким остроумием и быстрыми успехами по службе. Его все боялись, как самого злого насмешника, едва ли кто любил и, несмотря на это, он был впоследствии государственным секретарем <...>» (*Свербеев Д.* Записки. Т. 1. М., 1899. С. 231).

[8]Александр Андреевич Жандр.

[9]Л. Сапега писал в своих воспоминаниях, что «при великом князе состоял еще в качестве заведывающего конюшнями генерал Жандр. Директор почт в Варшаве (Суминьский) владел четырьмя красивыми выездными лошадьми, очень нравившимися великому князю. Он поручил Жандру попытаться купить их. Жандр исполнил поручение, но представил великому князю счет на огромную сумму. Встретив Суминьского, великий князь затеял разговор о купленных лошадях, похвалил их, заметив при этом, что цена слишком высока. Суминьский возразил ему на это, что такая-то цена вовсе не высока. Названная им сумма не достигала даже половины того, что показал Жандр.

По возвращении домой взбешенный великий князь приказал позвать Жандра и страшно бранил его. Видя, что воровство открыто, Жандр, чтобы умилостивить великого князя, бросился ему в ноги. Тут великий князь с такой силой ударил его в лицо ногой, что вышиб несколько зубов. Но вскоре гнев его прошел, и Жандр остался на прежнем месте. Жена его играла в карты и вела очень крупную игру. Она научила своего сынка бегать вокруг стола и, заглядывая в карты ее партнеров, знаками показывать, у кого какие карты. Таким образом она всегда выигрывала. Все знали об этом, но играли с ней для того, чтобы при случае воспользоваться ее протекцией у великого князя» (*Сапега Л.* Мемуары. Пг., 1915. С. 78).

---

211 Propos dans un comité particulier chez M. Bourgoin. D'après les rapports d'un Polonais[1]

Старое правило европейской политики, чтоб лишить Россию влияния на дела европейские, ныне сделалось необходимостию произвести в действо, когда Запад Европы хочет взять перевес, привлекая народы к себе

приманкою свободного правления. Франция с Англией хотят быть arbitres du sort de l'Europe[2]. Франция имеет притом свои существенные выгоды в том, чтоб расстроить Северную коалицию, которая смотрит косо на новый порядок вещей во Франции и опасается примера Бельгии. Интерес Франции есть тот, чтоб лишить Север, особенно Россию, средств и охоты à faire des invasions[3]. Для сего не столько действует французское правительство, сколько общества либералов, получившие ныне перевес в Англии и Франции и управляющие правительствами. Первое их дело запутать Россию и Пруссию внутренними переворотами, не надеясь никогда вовлечь их в свою систему и расторгнуть их союз, и отделить от них Австрию, гарантируя ей италиянские владения. Говорят, что они успели поколебать Австрию, которая, не надеясь управлять Россиею, как было при Александре, и соперничествуя с Пруссией, решилась вступить в тайный союз с Англией и Францией. Первым делом Австрии есть равнодушие к польским делам, а, как некоторые полагают, и надежда, что Царство Польское бросится в объятия Австрии с тем, чтоб присоединить к ней Галицию и управлять конституционно, отдельно, как Венгрией.

Говорят, что Австрия вывела все немецкие войска из Галиции, будто бы предоставляя ей восстать и соединиться с Польшей, и будто Австрия ожидает европейской войны, чтоб воспользоваться сим случаем и объявить вооруженный неутралитет и защищать права, если Польша ей поддастся.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 46—47. Хранится в папке с материалами о польском восстании и, судя по содержанию, написана в декабре 1830 г. или в январе — феврале 1831 г. (в начале марта Булгарин уехал в Карлово).

[1]Разговоры в узком кругу у господина Бургуэна. По сообщению одного поляка (*фр.*).

[2]вершителями судеб Европы (*фр.*).

[3]совершать вторжения (*фр.*).

---

212 Извлечение из толков здешних поляков

19 февраля 1831

Князь Чарторыский никогда не был жарким патриотом. По старому обычаю польских вельмож, чтоб члены одной фамилии имели покровителей в лице соседних государей, отец Чарторыского[1] считался в службе австрийской фельдмаршалом, а *князь Адам* служил России. Когда все поляки были уверены, что только от одной Франции можно ожидать восстановления народной самобытности и, основываясь на старом правиле европейской политики, что Польша должна быть стеною между Европою и Россией, убеждали Наполеона восстановить Польшу, князь Чарторыский привязан был к английской партии и действовал против французов. — Говорят, что он любил Императора Александра; вначале это было справедливо, но после того любовь его охладела к сему Государю, когда Он окружал себя людьми, неприязненными Чарторыскому. — Только со времени назначения в кураторы Виленского университета[2] он стал показывать привязанность к польской национальности, но весьма слабо и только покровительством ученых и

литераторов польских. Заведение Польского музея — есть дело его матери[3], великой патриотки, более однако же в безделицах, нежели в делах важных.

В Польше существует убеждение, что упадок Польши есть дело князей Чарторыских, которые из вражды к последнему королю, Станиславу Августу[4], старались производить замешательства, в надежде овладеть короной. — В народе Чарторыские не имели никогда популярности, и только многочисленные их клиенты и прежние воспитанники пулавского заведения[5] держались их стороны и прославляли их в печати. Во время герцогства Варшавского ни Чарторыские, ни родственники их, и даже Замойский, не имели никакого значения. — После упадка Наполеона планы честолюбия возродились в фамилии Чарторыских, и князь Адам был один из тех, которые более всех убеждали Александра не отдавать Польши союзникам, но составить отдельное владение, *une espèce d'apanage de la maison Impériale*[6]. Князь Адам, угощая Александра с целой свитой в Пулавах, убеждал Его, что для спокойствия Польши нужно, *чтоб вице-король был поляк.* Это говорил одному из здешних поляков сам Немцевич, бывший тогда в Пулавах и пользовавшийся неограниченною доверенностию отца князя Адама. В Пулавах были уверены, что князь Адам будет наместником, а в Варшаве явно об этом говорили. — Князь Адам был сам убежден в этом. — Но Император Александр, решивший поместить Цесаревича в Варшаве, не мог сделать князя Адама наместником, хоть сперва и желал этого. Он предвидел неприятности, которые возникнут между Цесаревичем и Чарторыским, а потому сделал наместником военного, старинного генерала[7], человека почтенного, но *absolument nul dans les affaires*[8]. — Князь Чарторыский (отец) сказал тогда в обществе: «*Que faire? Pour tenir un caporal* dans le cercle de *la subordination, il faut un Sergent*»[9]. Аллюзия к Цесаревичу и Заиончеку, считавшему 50 лет действительной службы. — С тех пор князь Адам сделался неприятелем России и Александра, начал оказываться польским патриотом и возбуждать чувства сии в других. В кругу своих приближенных он рассказывал разные тайные дела Александра, чтоб рассеять очарование и ослабить любовь к сему Государю. Между прочим он ужасно восставал и против воспитателя Государя Лагарпа. С летами возрастало честолюбие в князе Адаме, и некоторое нарушение законов в Польше давало ему материалы к фрондерству. — Наконец отрешение его от звания куратора Виленского[10] посеяло в нем злобу, которую Новосильцов старался разжигать личными оскорблениями, самыми гнусными.

При сем изложении перемен в обстоятельствах и характере князя Чарторыского, здешние поляки легко понимают, почему он ввергнулся в пучину революций. Они говорят: Чарторыский увлекся сердцем, а не головой; а где страсть действует, там рассудок молчит. Оскорбленное самолюбие, обманутое честолюбие и личные обиды — вот причины его поступков, а не патриотизм. Если б он любил Польшу, то воспользовался бы теперь своим положением и званием старого друга Александра, чтоб смягчить справедливый гнев Государя и усмирить раздраженные умы. Одним словом, поляки не верят в чистоту намерений Чарторыского.

О генерале *Красинском* говорят следующее:

В 1806 году, когда Наполеон вступил в Польшу и издал воззвание к полякам, *Красинский* один из первых взялся за оружие, сформировал

на свой счет два эскадрона почетной гвардии, из хороших дворян, и явился к Наполеону, который тотчас дал ему чин полковника и, велев формировать полк польской гвардии, назначил его шефом. С тех пор Красинский везде отличался храбростию: в Испании, Австрии, Пруссии и России, был любим Наполеоном как сын, обожаем солдатами и всеми поляками. Популярность его кончилась с тех пор, как его избрали в маршалы сейма, за то, что он не имел своего мнения, отделился от депутатов и слепо следовал внушениям Цесаревича. — Любовь народа к Красинскому превратилась в ненависть, он никак не постигал, за что его не любят, что будучи отличным воином и генералом, он никогда не занимался делами, не имел ни одной политической идеи в голове и, привыкнув к obéissance passive[11], думал от чистого сердца, что исполняет свой долг, повинуясь на сейме своему командиру, как пред фрунтом. Будучи сам патриотом, Красинский иногда плакал от досады, что его называют в городе *изменником*. Впрочем, он человек образованный, умный, знающий свет и один из лучших кавалерийских генералов в Европе.

Рожнецкий от начала своей службы слыл трусом, и вся французская армия знала его под этим названием. Но он едва ли не первый officier instructeur[12] в Европе, по крайней мере таким он славился в армии Наполеона. Он всегда командовал *депо* и устроивал полки. Польские легионы, формировавшиеся из австрийских дезертиров-поляков и пришлецов, ему обязаны своим существованием, ибо он умел переманивать солдат, посылая к неприятелю так называвшихся тогда *апостолов*, которых он трессировал как собак. Эти апостолы играли роль дезертиров и сманивали солдат австрийских. — Поставить кавалерийский полк, одеть, вооружить, обучить в самое короткое время, — вот дело Рожнецкого. Но он не имел никогда репутации, ибо хватал деньги где и как мог, делал сплетни, интриговал и был не любим. Он никогда не командовал полком, ибо офицеры и солдаты не соглашались служить под его начальством. Сражения он видел всегда издали. Под Миром потерял голову, бежал; а Лейпцигское сражение[13] видел с колокольни. Ему поручено было погребсти останки князя Понятовского под Лейпцигом. Некто *Мольский*, также человек дурной нравственности, написал стихи на смерть князя, а Рожнецкий поставил надгробный памятник. В польской армии ходило тогда по рукам четверостишие:

Co by xiąże powiedział, gdy by teraz ożył?
Kto mu wiersze napisał, kto kamień położył?

То есть: «Что бы сказал князь, если б восстал из гроба? Кто написал ему стихи, и кто положил камень на могиле?»

Вообще, Рожнецкий от начала службы не имел репутации, но был уважаем начальниками, comme un excellent officier instructeur[14]. Человек он отменно умный, опытный и хитрый. На слово его и на присягу нельзя никак положиться[15].

О *графе Замойском* (старике) говорят, что он человек не глупый, но вовсе не политический, не имеет популярности и без твердого характера. На него каждый может иметь влияние.

Князь Яблоновский имеет польский sobriquet[16]: фляк (trippe), и этим означают человека нерешительного, бесхарактерного, слабодушного, хоть и доброго.

Князь Любецкий, человек умный и способный к делам, но спекулянт более нежели министр. Поляки уверены, что он никогда не мог одобрять революции. Он человек не национальный, обязан всем России, и только держался Россией. Без помощи России его бы выгнали из Польши. Он был беден и в долгах, когда приехал в Царство, а теперь миллионщик! Поляки решительно говорят, что он и друг его, *жид Невахович*, суть главными виновниками ненависти народа к России, ибо Невахович и *Пусловский* сочиняли проекты монополий и угнетения, а Любецкий исполнил именем Государя. — Продажа казенных лесов, аренда имений и монополии обогатили «иудейское трио», как говорят поляки, т.е. Любецкого, Пусловского и Неваховича.

Можно решительно сказать, что между здешними умными поляками нет ни одного, который бы от души не проклинал революции и революционеров, ибо ничего они не предвидят, как одно бедствие для Польши. В своем тесном кругу они плачут, что враги поляков превозмогли в Совете Государя и убедили Его отнять права Белоруссии, присоединить к Полтавскому округу Кременецкий лицей[17], учрежденный добровольными пожертвованиями, вывезти подозрительных людей, между коими есть люди, не заслуживающие вовсе ни малейшего преследования, и ссылкою своею доказывающие, que le gouvernement est mal informé[18]. Но это не ропот, а *плач*! Они сами говорят: «Виноваты варшавские бунтовщики, которые отвратили сердце Государя от поляков. Что делать? Надобно терпеть за них».

Получаемые поляками письма из Литвы удостоверяют, что там нет и мысли о бунте! Боятся только холеры и преследований и находят[ся] dans des transes mortelles[19]. Все верят, что Новосильцов дан в *наказание*, и даже потеряли надежду на избавление. Благословляют генерала Лесовского и называют его ангелом-хранителем. Надеются, что если Государь поедет в Польшу, то Его упросят пресечь преследования. — Литовцы называют себя бессильными ирландцами.

Здесь разнеслись слухи, что Цесаревич хочет непременно, чтоб по усмирении бунта все осталось на прежней ноге, и надеется возвратиться в Польшу и по-прежнему жить в Варшаве. Новосильцов говорит также, что в маие он будет в Варшаве, где будет учреждена Центральная комиссия для исследования революционных дел. Об этом писал сюда один из виленских профессоров. Поляки уверены, что конституцию уничтожат, войска распустят и учредят русское правление под начальством Цесаревича и Новосильцова, и что конфискованные имения раздадут русским генералам и министрам. Носится также между поляками слух, будто Франция и Англия будут предстательствовать за Польшею, не оружием, но переговорами, не из любви к полякам, но из опасения, чтоб Россия не была на Одере и чтоб Польша не была казармою для русской армии.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 31—37.

[1]А.К. Чарторыский.

[2]Это произошло в 1803 г.

[3]И. Чарторыской.

[4]Имеется в виду Станислав Август Понятовский.

[5]Булгарин писал, что «князь Чарторийский (дядя короля) основал учебные заведения в имении своем, Пулавах, для шляхты обоих полов, и из этих-то школ вышли все достойные люди последнего времени Польши» (*Булгарин Ф.* Воспоминания. Ч. 1. СПб., 1846. С. 78).

[6]своего рода удел царского дома (*фр.*).

[7]Имеется в виду И. Заиончек.

[8]абсолютное ничтожество в делах (*фр.*).

[9]«Что делать? Чтобы держать в подчинении капрала, требуется сержант» (*фр.*).

[10]А. Чарторыский получил отставку в 1824 г.

[11]беспрекословному повиновению (*фр.*).

[12]офицер-инструктор (*фр.*).

[13]Названы сражение польских и русских войск при местечке Мир 11 июня 1792 г. и решающее сражение в войне России, Австрии, Пруссии и Швеции с Францией под Лейпцигом 16—19 октября 1813 г. (по новому стилю).

[14]как прекрасный офицер-инструктор (*фр.*).

[15]«Самым опасным и более всего ненавидимым из шпионов, как тогда называли сотрудников тайной полиции, был <...> генерал Рожнецкий. Этот человек, лишенный всякой совести, беспощадный враг и преследователь всего польского, несмотря на то, что сам был поляком, после начала восстания считался символом тайной полиции и сосредоточил на себе всю ненависть и презрение, с которыми польское общество относилось к информаторам Константина» (*Elie H.* Tajna policja wielkiego księcia Konstantego//Gazeta administracji i policji państwowej (Warszawa). 1931. № 2. S. 59). Сразу после начала восстания Рожнецкий сбежал в Петербург.

[16]прозвище (*фр.*).

[17]В Кременце в 1805 г. была создана высшая гимназия, в 1819 г. превращенная в лицей, который был закрыт в 1833 г.

[18]что правительство плохо информировано (*фр.*).

[19]в смертельном страхе (*фр.*).

---

213 Слухи и толки между здешними поляками (из верных источников)

20 февраля 1831

Поляки горько соболезнуют, что теперь нет средства к примирению и что Польшу постигнет месть Государя. Они надеялись, что целое войско войдет в переговоры. Теперь же говорят: «Уж если поляки варшавские вздумали драться, то конечно лучше, чтоб они дрались хорошо, нежели показались неаполитанцами[1]. После того, что похвастано в варшавских газетах, ничего не остается, как умереть. — Будут ненавидеть, преследовать поляков, но по крайней мере не станут презирать, как подлых трусов». Однако ж никто не сомневается из здешних поляков, что дело кончится разбитием, уничтожением Польского войска, разорением Царства и жестоким преследованием всех поляков. Все здешние поляки в ежечасном страхе, опасаясь преследования, и говорят: «За что мы должны отвечать за «корония-

шев» (так называют коронных поляков[2]). Пусть наказывают виновных, а если станут высылать из домов по подозрениям и доносам, то это le règne de la terreur[3] — без всякой пользы, а со вредом для правительства. Вообще все здешние поляки проклинают варшавян и желают, чтоб все это скорее кончилось и только для чести нации хотят, чтоб или сдались все вдруг, или погибли.

Сказывают, что Езерский, быв здесь[4], говорил, что он слышал тысячу раз в Варшаве, что этот город решился отдать русским одни развалины, но не быть губернским городом. В тесном кругу варшавские поляки, находящиеся здесь, говорят между собою: «Что потеряет Польша? — Конституцию. Ее и так не исполняли. — Будут губернии? — Хуже губернаторов не будет, как Новосильцов, Гинц et consorts[5]. — Уничтожат войско? Но оно существовало для пользы России, ибо Польша не была державой. Теперь по крайней мере учредятся снова легионы во Франции, и истинная Польша перенесется во Францию. — Какая это была Польша, где за любовь к ней сажали в тюрьму. Одно слово: управляйтесь своими законами — и все было бы спокойно. Но Ему[6] сказали, что исполнение присяги есть concession[7] и вредно России. Грех на русских советниках».

Впрочем, здешние варшавские поляки также не имеют никакой надежды и уверены, что Польша и Варшава падут и погибнут. Они с ужасом разговаривают о следственных комиссиях, о мести Цесаревича, Новосильцова и проч. — На милость Государя не надеются и говорят: «Хоть бы Он и хотел сделать что в пользу Польши, здешние аристократы не позволят, и, в угоду Цесаревичу, Он ничего не предпримет, чего этот не захочет».

Некоторые люди, имеющие знакомство с французами, посещающими амбассаду[8] и состоящими в связях с чинами французской миссии, слышали, будто бы Мортемар[9] играет комедию, притворяясь неодобряющим всего, что произошло во Франции, и будто он делает это для того, чтоб понравиться Государю. Мортемар, по словам французов, задушевный друг Короля, либерал в душе и известен был этим еще при Наполеоне. Говорят, будто он знает все, что говорится при Дворе и что делается в министерстве иностранных дел. Некоторые члены миссии говорили, что Россия, Австрия и Пруссия замышляют кроазаду[10] против Франции, что возбудили к вооружению Сардинию и Испанию, а по окончании польских дел пойдут от Севера в Бельгию. — Ужасно негодуют за хороший прием Дамаса, которого в обществах провозглашают послом Карла X. Говорят в миссии, что Дамас приехал pour concerter un plan d'insurrection en France, en faveur du Duc de Bordeaux[11]. — Как скоро союзники вступят в Бельгию, тогда Бурбонская партия будет просить союзников восстановить la légitimité[12]. — Французы уверены, что если русские легко усмирят Польшу, то ударят на Францию, и потому желают, чтоб усмирение Польши продлилось. — Французы надеются еще: «Que le parti de la Cour, qui force l'Empereur à prendre des mesures rigoureuses et dures pour comprimer les esprits et pour agir d'après la loi de suspicion, produira une fermentation dans les esprits et que les apathiques Russes se relèveront, par crainte, vu que les révolutions ne se font plus dans les palais, mais dans les rues»[13]. Вот толки французов, которые провозглашают победу поляков! — В амбассаде верят, что ныне сажают в крепость и посылают в ссылку за каждое неосторожное слово.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 38—40.

[1]В июне 1820 г. карбонарии подняли в Неаполе восстание и приняли конституцию, а в марте 1821 г. войска их без особой борьбы были разбиты австрийцами, которые с согласия России и Пруссии оккупировали неаполитанскую территорию.

[2]То есть подданных Царства Польского.

[3]царство страха (*фр.*).

[4]Я. Езерский приезжал в Петербург в декабре 1830 г. в составе миссии Ф. Любецкого для переговоров с Николаем I. Был принят Николаем, имел также беседу с Бенкендорфом.

[5]и им подобные (*фр.*).

[6]Имеется в виду Николай I.

[7]уступка (*фр.*).

[8]То есть посольство (галлицизм).

[9]Чрезвычайный посол французского короля К. Мортемар прибыл в Петербург 27 января 1831 г.

[10]То есть крестовый поход (галлицизм).

[11]чтобы согласовать план восстания во Франции в пользу герцога Бордоского (*фр.*).

[12]законную власть (*фр.*).

[13]«Придворная партия, принуждающая Императора принимать строгие и жестокие меры, чтобы подавить дух людей и действовать, как велит подозрительность, вызовет брожение в умах, и апатичные русские поднимутся из страха, поскольку революции совершаются теперь не во дворцах, а на улицах» (*фр.*).

---

214 [Об угнетении Литвы Новосильцовым, Ботвинко и Пеликаном]

25 февраля 1831

Один приехавший из Литвы русский чиновник* рассказывает удивительные вещи о том, до какой степени была угнетена сия страна Новосильцовым, Ботвинкою и Пеликаном. Преследования за вымышленные вины, за слова начались с 1820 года, но никогда не были так сильны и никогда не сдирали денег с таким бесстыдством, как со вступления на престол Государя. Императора Александра знали многие поляки и польки лично, и потому Новосильцов с кликой опасался, чтоб они не заставили Александра вникнуть в дела, и были осторожнее; но после исполнилась мера злодеяний. Явно стращают Сибирью у кого есть деньги, подсылают des agents provocateurs[1] к детям, напоят детей и заставляют их врать вздор, а после доискиваются политических замыслов и сдирают деньги с родителей, или посылают детей в ссылку. Имя (так! — *А.Р.*) Новосильцова, Ботвинки и Пеликана прокляты, и все поляки, полагая, что Государю были известны их поступки и что Государь не хотел сменить их, явно говорят, что они преданы без жалости в жертву мучителям.

Когда в Вильне узнали о бунте Варшавском, все русские не сомневались, что их перережут; «Мы на это заслужили в Литве», — говорит русский чиновник. Множество поляков, помещиков, собиралось за городом и наконец решили: «Ничего не начинать и сидеть смирно, да будет стыдно нашим притеснителям!»

*Скуридин, служил в министерстве финансов.

Поляки говорят: «Нас оклеветали пред Александром, добрым нашим Александром, и угнетениями заставили нас сделать глупостей. Не было бы ни тайных обществ, ни бунта, если б нами и Царством управляли так, как до 1817 года в Польше и до 1819 в Литве. Ныне нас держат как илотов, как иудеев в плену вавилонском».

Когда Ботвинко выехал, служили молебны, давали пиршества и пили за здоровье того, кто освободил их от мучителя.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 29—30.

[1]агентов-провокаторов (*фр.*).

---

215 [Слухи о положении дел в Царстве Польском]

25 февраля 1831

Между варшавскими поляками носятся следующие слухи:

Польское войско прежде вступления графа Дибича в Польшу знало план войны, чтоб пред Варшавой держаться только на позициях и причинить как можно более вреда русским. В Варшаве не намеревались держаться, ибо должны были бы сдаться от голоду. Перед Варшавой народ тихий, и война начнется за Вислой, где живут храбрые, буйные мазуры, кульяне, краковяне, природные стрелки и кавалеристы. За Вислой начинаются крепкие позиции. Насчет Варшавы мнения иногласны. Одни говорят, что Варшава, выслав всех молодых людей, способных носить оружие, в армию, сдастся на капитуляцию. Другие говорят, будто Варшава будет защищаться своей национальной гвардиею, а польская армия будет вполне обеспечивать ей продовольствие и защищать переход через Вислу. Надежда мятежников на то, что весной возгорится общая война в Европе. Они надеются также, что бунт в Италии и в Рейнских провинциях отвлечет Австрию и Пруссию от содействия в польских делах. Немногие уверены, чтоб Галиция и Познань остались простыми зрителями польского мятежа.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 41.

---

216 Городские слухи

(Crayonné dans le cabinet d'une jeune femme, tout à côté du salon où se tenaient ces propos)[1]

Несколько писем получено из действующей армии. Замечательны два, к Ланскому и раненого Афросимова к брату. Афросимов пишет, что он ранен в нижнюю часть ноги, что он лежит на станции *Лозова*, в одной комнате с Сухозанетом и донским атаманом Власовым[2]. Граф Дибич посещал их, утешал и ободрял. Сухозанета никто не жалеет в армии, и все рады, что от него избавились. Власов ранен саблею в лицо, с повреждением левой скулы, и пикою в бок. Бригада Афросимова была в авангарде. Два

полковые командира егерских полков оба ранены. — Молодые солдаты смешались, и поляки одержали верх. Афросимов говорит, что сражение по жестокости и злобе превосходит Бородинское, что поляки дрались как герои и трудно с ними сладить, ибо энтузиасм доведен до высочайшей степени. — «Будет народная война, с великими потерями для России. Да будет проклят Новосильцов et consorts», — пишут к Ланскому.

Носятся слухи между поляками, что *Кушель*, начальник польских партизанов, пробрался до Литвы и вторгнется в нее, что у Дибича отнято 40 пушек, что Гейсмар разбит[3] и что армия без продовольствия, что прокламации поляков производят дезерцию в русской армии.

Говорят, что Франция прислала 6 миллионов франков и что Чарторыский отвечал, что деньги сии хранятся comme un dépôt[4] и что поляки просят у своих природных союзников, французов, помощи войной или дипломацией. Говорят, что турки объявят войну к весне и уже начали нарушать трактаты Адрианопольские обидой наших кораблей. Вся Европа в энтузиасме. Все твердят: начинается борьба абсолютизма с свободой народов. Поляки уверяют, что множество русских радуются неудаче Дибича и говорят будто бы: успехи Дибича будут новые цепи на Россию и Европу.

В французской амбассаде негодуют на приезд Ларош-Жакелена и Дамаса. Русские либералы говорят: наш двор не принял бы агентов герцога Орлеанского. — Известие, что даже датский король[5] дает репрезентацию, распространяется здесь под рукою, с комментариями. — Откуда взять более рекрут?.. Россия не может долго держаться в этом виде, играя роль утеснителя и палача. — За Кубанью открывается на весну новая кампания. Везде одна мысль — угнетать народы, а для России нет из этого никакой пользы.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 49—50. Написана вскоре после того, как 13 февраля 1831 г. в кровопролитном сражении под Грохувом поляки оказали упорное сопротивление русской армии.

[1]Набросано в кабинете молодой женщины, рядом с гостиной, где велись эти разговоры (*фр.*).

[2]И.О. Сухозанет и М.Г. Власов были ранены в сражении под Грохувом, причем Власов получил 7 ран, а у Сухозанета ядром оторвало ногу.

[3]Ф.К. Гейсмар командовал авангардным кавалерийским отрядом русской армии, который 2 февраля 1831 г. был разбит поляками под Сточком.

[4]нетронутыми (*фр.*).

[5]Речь идет о Фредерике VI.

---

217 Рассуждения здешних поляков

5 марта 1831

Распространившиеся общие слухи, что Государь Император изъявить изволил намерение оказать некоторые благодеяния польским нашим губерниям, произвело большое впечатление между здешними поляками. Все мысли их и рассуждения по сему предмету с тщательностию собраны и представляют, в существе, следующую картину.

1. Дела польские и все, касающееся до сего края, почти всегда обсуживается в Петербурге вопреки тамошних законов, нравов, обычаев

жителей и потребностей страны, потому что русские вовсе не знают ни языка, ни постановлений того края и «всегда поставляют себе в удовольствие унизить покоренных». Для благоденствия края полезно было бы дать место в Государственном совете литовцам, волынцам и подолянам, известным своими познаниями и добродетелями, составив особый департамент. Если же сего нельзя, то еще лучше составить в Петербурге комитет, наподобие Сибирского комитета, который бы рассматривал все проекты министров, касательно мер, которые намерены предпринять в Польше по части администрации. Весьма было бы полезно, если бы ни один проект не был утвержден Государем прежде, нежели комитет не подаст своего мнения. Таким образом все распоряжения будут сообразны с потребностями края; провинции же, чрез непосредственное сообщение с столицею и с троном, более узнают правительство и привяжутся к нему.

2. Разделение провинций, в отношении администрации, могло бы быть следующее. Все присоединенные от Польши губернии разделяются на две части: *Восточную* и *Западную*, и состоят в ведении двух генерал-губернаторов. Восточную часть составляют губернии Виленская, Гродненская, Минская и Белостокская область. Западную часть: Волынская, Подольская и часть Киевской. Генерал-губернаторы имеют при себе *губернские советы*, составленные из помещиков по выборам и членов, назначенных от короны, а в том числе находятся кураторы университетов и округов и местные епископы. Советы сии, всегда состоя под председательством генерал-губернатора, должны прямо сноситься со всеми министрами по их части и действовать прямо от себя в отношениях к губернским правлениям, казенным палатам и т.п. — Тогда будет единство в администрации, и каждый министр будет покоен, зная, что часть, ему вверенная, поручена лучшим людям в провинции под надзор. Губернаторы и вице-губернаторы заседают в совете непосредственно после генерал-губернатора, имеют равный со всеми голос и суть исполнителями, первый по части *полиции*, второй по части *финансов*.

3. Объяснить и сделать *свод законов*, status quo[1], всего законодательства, которым должны управляться провинции, как в отношении судопроизводства, так и в отношении к администрации. Поныне только право гражданское, статут Литовский[2] и конституции известны обывателям, равно как и указы, распространенные на сии провинции. Но ни один из обывателей не понимает, на каких основаниях действуют губернское правление, казенная палата и проч. Организация их известна только из Учреждения о губерниях, равно как известны новейшие указы о рекрутах и податях; но советники правления и палаты имеют всегда в запасе указы Петра I-го, Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны, о которых никто не слыхал и которыми уничтожают все, что захотят. Свод законов известит каждого о его обязанностях.

4. *В отношении к сословиям дворянскому и купеческому.*

а) в отношении к дворянству надобно непременно сделать следующее. Учредить Дворянское собрание в Вильне, составленное из помещиков всех провинций; назначить в собрание прокурора от короны и предоставить сему Собранию составить *книгу дворянских фамилий по старым польским правам* и новейшим российским узаконениям. Сие Собрание должно кончить свой труд в назначенное время и представить чрез Государствен-

ный Совет прямо на утверждение Государя, не проходя чрез герольдию, которая грабит помещиков и делает привязки. Польша была всегда театром войны, не имела крепостей, следовательно, невозможно требовать, чтоб каждый дворянин мог представить акты древние. Выписки из протоколов судебных книг и конституций, где упомянуты фамилии, всегда служили в Польше основою дворянства, а наследники должны только доказывать родство свое. Невозможно лишать дворянства нынешних поляков за то, что предки их не сообразовывались с теми формами, какие ныне требует Россия. Купчие крепости и доказательства, что предки владели недвижимыми имениями, которыми мог обладать только природный дворянин, суть единственные доказательства, которые поляки могут представить. — Герольдия требует того, чего *нет* и у сотого дворянина польского, а за деньги делает и мужиков дворянами.

b) Допустить в губернское правление помещиков, в виде заседателей от дворянства, хоть бы с совещательным голосом, в числе двух или трех.

c) Так же в казенные палаты.

d) Назначить отношения губернского маршала к генерал-губернатору, ибо поныне маршал, представитель дворянства, есть род лакея генерал-губернатора, что приводит в бешенство дворян.

e) Позволить дворянству, собравшемуся на выборы в губернии, представлять pétition[3] прямо Государю, без всякого посредничества, чрез отправленного от дворянства губернского маршала в столицу. В сих жалобах ни об чем не должно говорить, кроме внутренней администрации, и представлять жалобы с доказательствами на злоупотребление власти.

f) На каждое значительное место по выборам дворянство представляет трех кандидатов, которых утверждает сам Государь, по представлению генерал-губернаторского совета.

5. *В отношении к жителям городов.*

a) Торговые города, как, например, Ковно, Бердичев и пр., должны быть под непосредственным ведением генерал-губернаторов и их совета, а не должны зависеть от милости полицмейстеров, которые грабят жителей без зазрения совести и, прямо сносясь с министром, не боятся никого, особенно подкупив губернское правление. Надзор совета из дворян, знающих местности, лишит их возможности грабить.

b) Позволить почетным гражданам быть заседателями в губернских правлениях и казенных палатах, так, как и дворяне. Зная свои нужды и местности, они будут полезны стране и правительству.

c) Облегчить детям граждан вступление в военную службу. Надобно заманивать как можно более юношей того края в военную службу, а ныне герольдия и все положения тому препятствуют.

6. *В отношении к правосудию.*

Установить *Высший суд*, или *Верховный суд*, или назвать его отдельным департаментом Сената, и дать ему право 3-го департамента Сената[4] и общего собрания. Суд сей составляется из председателя, назначенного самим Государем, и обер-прокурора, также от Короны. Правительство кроме того именует четырех советников, а прочие члены выбираются от дворянства, от граждан — жителей городов, от духовных капитул и от университета и лицеев, по равному числу от каждой губернии. Выбранные исправляют должность шесть лет, и потом наступают снова выборы, но

каждые три года утверждаются Государем на местах. Сей суд разделялся бы на две палаты, гражданскую и уголовную, и съезжался бы на заседания, или, по-польски, на kadencji; четырехмесячные в Вильну, Житомир и т.д. — И так суд судил бы 8 месяцев в году. Только президент должен был бы переезжать с восточных провинций в западные, но прочие судьи съезжались бы только в своих провинциях на четыре месяца, на время заседаний, что никого бы не обременило. Канцелярия суда состояла бы в ведении обер-прокурора, исключая одного чиновника, а именно *декретового писаря**, состоящего в ведении президента. — Обер-прокурор имеет своих помощников, *стряпчих*. Дела поступали бы тогда только в Государственный совет, когда бы обер-прокурор протестовал, а в прочем решались бы большинством голосов. Вообще обязанность обер-прокурора обозначалась бы законами российскими; он имел бы в своем ведении прокуроров, стряпчих и состоял бы в зависимости министра юстиции, которому присылал бы выписку из всех решенных дел, с означением, на каком основании дела решены. Дело пересмотрено могло бы быть в другой раз тогда только, когда прокурор протестует. — Комиссия прошений не имеет права вмешиваться в дела, а только один министр юстиции представляет о делах Государю, который волен во всем. Обер-прокурор находится в Высшем суде, а под его начальством прокурор в совете генерал-губернатора и при главных судах также по прокурору. — Обер-прокурор не должен иметь никакого влияния на дела администрации, а занимается только правосудием. Главные суды надлежало бы несколько исправить в их составе, а магистратам дать право, чтоб их решения не шли апелляциею в главные суды, но прямо в Высший суд. Высший суд не зависит от всякого чуждого влияния. Министр юстиции пишет к нему только в таком случае, когда извещает о воле Государя, а прочие места только сносятся, но не дают *предписаний*, равно как и генерал-губернаторы, ибо правосудие независимо состоит во власти только того, чьим именем производится, то есть Государя.

7. *В отношении к внутреннему состоянию края.*

a) Возвратить Виленскому университету права, данные в 1803 году, и уничтожить чудовищную выдумку Новосильцова, *пожизненного ректора*[5]. Это единственное средство к интригам и всем злоупотреблениям, всем неудовольствиям, к краже и своеволию.

b) Переделать гильдейское положение относительно до состояния промышленности в том крае. При составлении нынешнего гильдейского положения министерство имело в виду Москву, Нижний Новгород и другие промышленные города, но в польских губерниях нет промышленности, и если бы хотели возвысить оную, то при всех льготах надобно было бы на сие по крайней мере лет десять. Льготы сии суть следующие:

1. Уволить от всяких пошлин на десять лет основателей фабрик;

2. Позволить выписывать иноземных мастеров, не понуждая их присягать на подданство, ибо сие страшит их;

3. К привезению сырых материалов, шерсти, бумаги хлопчатой, сахарного песку и т.п. облегчить подать.

Все это противно нынешнему положению и мнению наших государственных людей, но должно вспомнить, что промышленность в сих

---

*Писарь по-польски значит référendaire, более нежели секретарь референдарий, составляющий решения из мнений судей, должен быть человек отличных качеств, познаний и твердости, не зависящий от влияния судей.

провинциях такая почти, как в Охотске или Тобольске, а чрез 10, 15 лет правительство много бы выиграло, когда установилась промышленность. Только одно дворянство в состоянии заводить фабрики в том крае, а оно не станет это делать, пока не позволят выписывать мастеров из-за границы, без притеснения их, и не отменят положения, чтоб каждый, имеющий *депо своих товаров* в городе, имел билет на лавку и записался в гильдию. Это главное препятствие к торговле.

c) Завести гипотеку на имения и учредить кредитную систему, как в остзейских губерниях. Уничтожить немедленно указом конкурсы, называемые *экздивизиями*, величайшее зло в Польше, и повелеть имения должников продавать с публичного торга или покупать провинциальному банку, т.е. кредитной системе, которому на сей предмет казна откроет кредит на несколько миллионов. Тогда восстановится кредит, имения возвысятся в цене, — банк будет иметь прочное основание, а казна ничего не потеряет, напротив, выиграет.

d) Назначить комиссию для окончания всех граничных тяжб; размежевать провинции и уничтожить граничные суды. Польское право 1791 года могло бы послужить основанием сему труду.

8. *В отношении к торговле.*

Дать некоторым городам, например, Ковну, Пинску, Бердичеву и т.п. привилегии *складочных мест*. Пока Ковно имело привилегии, было богато, имело фактории голландскую, английскую, а ныне только видны развалины сих факторий между развалинами города.

9. *В отношении войск.*

В городах построить казармы для квартирования, ибо от того, что лучшие дома всегда занимаются под постой, никто не хочет строиться в городах, и они приходят в упадок.

10. *В отношении к крестьянам.*

Нигде крестьяне так не угнетены, как в польских губерниях, особенно в Литве. Надобно непременно установить дни *панщины*, т.е. назначить, сколько крестьяне должны работать на господина, распределяя труд по количеству занимаемых ими земель на посев. Должно определить также, сколько мужик должен платить денег, ибо в польских губерниях, по величайшей несправедливости, помещики и велят работать на себя, и берут оброк и подать приписами. Польских губерний крестьяне, будучи в солдатах, доказали, что они привязаны к России, и потому можно бы их помещать в полках, квартирующих в Литве. Надобно непременно облегчить участь крестьян.

11. Белостокскую область должно сравнить в податях с другими губерниями[6]. Область платит подати по-прусски, а ныне нет там никакой промышленности, ни тех выгод, какие были во время прусского правления. Крестьяне, которые были богаты во время прусского владычества, ныне сделались нищими.

12. *В отношении веры.*

Много сделали неуместного. — Вздумали уничтожить Унию[7], лишили монастыри их старых донаций, запрещают строить церкви, приглашают всех сделаться православными и обнаруживают явную ненависть к католикам. От этого распространился слух между шляхтой и народом, что «москали хотят отнять веру». — Зачем трогать униатов, когда не трогают ламистов.

Заключение

Следствия от учреждения верховных судов в Литве и введения дворян в правление в политическом отношении будут весьма важны, потому что почти все дворяне и лучшие граждане будут состоять на службе, т.е. в распоряжении правительства. Чрез сие честолюбие многих лиц будет удовлетворено, и люди привяжутся к Престолу. Ныне не один порядочный человек не пойдет в службу гражданскую, или один из тысячи, потому что русская аристократия овладела всем и не примет в недра свои чужеземца, разве тогда, когда женитьбой он войдет в сей круг. Лучшие польские фамилии не уважаются в России более, как Иванов и Петров, т.е. дети солдатские и канцелярских служителей. Даже трудно молодому поляку быть принятым в хороших домах. Из этого выходит, что только одна мелкая, беспоместная шляхта и aventuriers[8], как, например, *Пелчинский*, ищут счастия в Петербурге. Произведение Пелчинского в камер-юнкеры отбило у поляков охоту иметь сие почетное звание. Пелчинского отец и поныне садовником у помещика Швейковского.

Редкий из значительных поляков согласится приехать сам в Петербург за процессом, но посылает своего поверенного, оттого, что кроме неприятностей, ничего не надеется. — Привязанность поляков к старине происходит от воспоминания, что прежде значил каждый дворянин и что значит ныне! Ныне дворяне влачат дни в бездействии, а прежде были в службе и значении. Молодые люди не хотят начинать с малых чинов, боясь оскорблений от русских начальников. Если б в Царстве Польском Новосильцов не давал умышленно чувствовать сенаторам и всем важнейшим лицам, что они ничего не значат, если б не называл их «индейскими петухами», то ни один значительный человек не пристал бы к бунту. Дайте ныне занятие дворянству, удовлетворите честолюбие, не троньте народного самолюбия, облегчите горькую участь страны — и все пойдет к лучшему.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 42—51.

[1]статус-кво (*лат.*).

[2]*Литовский статут* — кодекс законов, составленный в Великом княжестве Литовском в XVI в. и действовавший на этой территории (вошедшей впоследствии в состав России) по 1840 г.

[3]петицию (*фр.*).

[4]См. примеч. 1 к записке № 193.

[5]В 1826 г. В.В. Пеликан был назначен пожизненным ректором Виленского университета.

[6]Эта территория по третьему разделу Польши в 1795 г. отошла к Пруссии, а в 1807 г. по Тильзитскому миру — к России. В 1808 г. из присоединенного края была образована Белостокская область, которая просуществовала до 1842 г., когда вошла в состав Гродненской губернии.

[7]Уния западнорусской православной метрополии с западной католической церковью была заключена в 1596 г.

[8]авантюристы (*фр.*).

---

218 О здешних поляках

7 марта 1831

Здешние варшавские поляки и некоторые из близких к ним литовцев разделяются на три партии. Одна держится на стороне, другая Грабовского, а третью притягивает к себе Рожнецкий, которого вечный противник генерал Красинский. Недавно в один день было три польские обеда: один у Рожнецкого, другой для Грабовского и его приятелей у Болеслава Потоцкого, третий у князя Гедройца, где был и Красинский. Любецкий старается казаться неутральным, но мнения его всегда перевешивают.

Ныне, на обедах и в своем кругу, поляки рассуждают об одном: что будет с Польшею и какое дадут ей правление. Никто не сомневается, что конституция будет уничтожена, войско распущено и всякая народность уничтожена. Это больно сокрушает польские сердца, и здешние поляки говорят: «Государь имеет полное право мстить за бунт и уничтожить *все*, из чего поляки бьются от самого разделения Польши, но этим Государь не только не уничтожит зародышей к бунту, но посеет плодородные семена. Что ни делай с поляками, хоть пересели всех в Сибирь, все-таки они не признают, морально, разделения Польши и, где бы ни встретились, не будут называться австрийцами, пруссаками и русскими, но поляками. Идея *Отечество* есть главная и единственная, занимающая жизнь поляка...» и проч.

Поляки говорят еще между собою, что ныне Меттерних взял прежнюю силу при нашем дворе, что слышали они от русских, которые, по их словам, также убеждены в этом. «Меттерних посоветует сделать из Польши Богемию, — говорят поляки, — а пруссаки будут советовать сделать Силезию. Все это совершенно не в порядке вещей. Богемия была ниже Австрии в образовании, а Силезия ниже бранденбургцев, когда сии провинции присоединены, а потому высшие образованием провинции затерли низших. Притом, какое сравнение Богемии и Силезии с Польшей! Польша была державой, имела историю, литературу, старое свое законодательство, одним словом, все элементы политического существования и, притом, фанатический энтузиазм. Польша может быть одним — *Венгрией*, т.е. отдельным государством, с своей конституцией, модифицированной как угодно Государю, с войском тысяч в пять или в десять, которое могло бы стоять в Остзейских провинциях или в Финляндии, но не в провинциях, где говорят по-русски, чтоб избежать сообщений и жалоб обоюдных. В противном случае будет эмиграция, вечная ненависть и злоба, и при первой войне вспыхнет возмущение. Говорят, если не будет польского войска, то не будет и возмущения. В 1806 году не было польского войска, но лишь только явился Наполеон на Варте, в прусской Польше вооружилось до 60 т[ысяч] человек и в шесть недель было уже 35 т[ысяч] регулярной пехоты и 10 т[ысяч] конницы. Искусных офицеров Польша всегда воспитывает во Франции, а если там будет нельзя, то станут служить в Англии и Америке».

Поляки между собою изъявляют опасение, что если Государь поведет мщение далеко, уничтожит национальность и разделит Польшу на губернии, то могут найтись между отчаянными энтузиастами злодеи.

В поляках утвердилась идея, что Государь — враг польского имени! Это разглашали уже весьма давно особы, окружающие Цесаревича и Новосильцова, и старались убеждать поляков, что Государь велит их прижимать, а Цесаревич и они смягчают меры.

Поляки думают, что если б Государь провозгласил le Royaume de Pologne restauré[1], сформировал легион польский тысяч в 5 или 6, назначил вице-короля — поляка и дал constitution modifiée[2], вроде прусской, т.е. позволил бы Stände[3] собираться, то три части Польши были бы довольны — и все успокоилось. Можно было бы это сделать без всяких переговоров с бунтовщиками и после объявить, что кто бросит оружие и признает настоящий порядок вещей, тому все прощается, исключая зачинщиков мятежа. Но теперь, когда Польша не имеет ничего в виду и не знает, что с ней будет, а мятежники между тем стращают, что Польшу разделят на губернии, войско разделят по русским полкам в Сибири и на Кавказе, трудно, чтоб скоро успокоились умы.

Носятся слухи между поляками, что Англия и Франция подали ноты, в коих говорится, что Польша est une conquête sur Napoleón[4] общими силами союзников и что без согласия держав нельзя вовсе уничтожить Польши и сделать из нее русскую провинцию. Есть также слухи, будто мятежники надеются, что на весне Турция объявит войну России и что возгорится общая европейская война — а тогда Галиции и Познани можно будет возмутиться. — Это надежды бунтовщиков.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 52—54.

[1]восстановленное Царство Польское (*фр.*).

[2]модифицированную конституцию (*фр.*).

[3]депутатам (*нем.*).

[4]отнята у Наполеона (*фр.*).

---

219 [Толки о формировании казачьих полков]

Находящиеся здесь старые малороссияне рассуждают следующим образом о формировании вновь казачьих полках (так! — *А.Р.*).

Мера прекрасная и полезная, которая произведет лучшее впечатление между казаками; но жаль, если при исполнении оной распоряжения будут столько же неосновательны и противны успеху, как во время кн. Лобанова[1].

Если опять отдадут на произвол местного начальства назначать полковых командиров и прочих чиновников, то кончится одним грабительством и, дав простор личным расчетам и страстям, более произведет зла нежели добра.

Все почти военные начальники сформированных при кн. Лобанове полков, не исключая и обоих генералов, находятся до сего времени под судом и некоторые уже умерли под судом.

Весьма полезно было бы, если б полковых командиров в сии новые полки назначили из служащих кавалерийских штаб-офицеров, природных малороссиян — а таковых найти не трудно — и определили хотя по три офицера в каждый полк из состоящих в действительной службе. Прочих уже можно было бы назначить из отставных или молодых дворян, по желанию и способностям. Тогда дело пошло бы успешно, и прекрасное войско могло бы составиться и упрочиться. — Вахмистров и унтер-офицеров можно найти весьма хороших между отставными казаками.

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 299. Л. 59—60. Сохранилась в подборке записок за 1831 г. Поскольку Фок умер в конце августа 1831 г., а в начале марта Булгарин уехал в Карлово, то мы датируем ее январем — февралем.

[1]Д.И. Лобанов-Ростовский в начале 1813 г. командовал резервной армией, которая была организована на границе России для комплектования войск, действующих за пределами страны.

---

220 [О лучших домах в Вильно]

Фамилии, живущие домами в Вильне, где бывают собрания лучших обществ.

1) Госпожа Мирская, Писарева литовская, почтенная пожилая дама[1]. Réunion des patriotes[2].

2) Г-жа Огинская, сенаторша, хитрая италиянка. Réunion des patriotes.

3) Граф Храповицкий (Антон), бывший президент Главного суда и полковник наполеоновский. Réunion des patriotes.

4) Граф Тизенгауз (Константин), бывший полковник наполеоновский. Réunion des patriotes.

5) Граф Тишкевич, полковник наполеоновский, первый богач в Литве и скуп — жестокий враг русских[3]. — Réunion des capitalistes et des patriotes[4].

6) Карп, бывший маршал губернский, богат и глуп. Réunion des patriotes.

7) Горский, маршал. — Intrigant de tous des patriotes[5].

8) Абрамович, полковник наполеоновский. Réunion des patriotes.

9) Лопатинский, староста[6]. То же.

* * *

10) Любимый студентами и уважаемый всеми профессор Андрей Снядецкий, патриот, честен и верен. Чрез него можно действовать на дух студентов и ему бы следовало быть ректором. Il est national et très honnête[7].

* * *

Губители Литвы, озлобившие весь край:

1) Ректор университета Пеликан и

2) Прокурор Ботвинка. Ames damnées de Mr. de Novosiltzoff. La haine invétérée contre cette paire est unanime[8].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 55—56. Сохранилась в подборке рядом с записками за февраль — март 1831 г. и, поскольку Ботвинко уехал до 25 февраля (см. записку № 214), подготовлена, по-видимому, в начале этого месяца.

[1]Г. Пузинина писала в своих воспоминаниях, что «дом пани Мирской (она жила в доме Зайцева, позднее — Ясинского), посещаемый старыми знакомыми, был гостеприимным пристанищем для родных и друзей, ненадолго приезжающих из сельской местности. Там — сердечный прием, там — оживленный разговор, там — обсуждение модных книжных новинок, там — рано утром — чай и даже закуска для избранных» (*Puzynina G.* W Wilnie i w dworach litewskich. Wilno, 1928. S. 184).

[2]Собрание патриотов (*фр.*).

[3]М. Тышкевич, женив двух своих сыновей незадолго до 1828 г., «поселился с ними в одном из своих домов на Немецкой улице и объявил «танцы по вторникам». Красавицы, которые собирались на этих вторниках, остались, по всей вероятности, в памяти не у одного из посетителей, как галерея образов, отпечатавшихся на фоне кармазиновых гобеленов, старосветских стен дворца Тышкевича» (*Puzynina G.* Указ. соч. С. 101).

[4]Собрание капиталистов и патриотов (*фр.*).

[5]Интриган всех патриотов (*фр.*).

[6]Г.Пузинина вспоминает про «дом Юзефа и Дороты Лопатинских, самый открытый из открытых зимой и летом, в городе и в деревне, за Двиной и под Вильно» (*Puzynina G.* Указ.соч. С. 53).

[7]Он национален и весьма порядочен (*фр.*).

[8]Беззаветно преданы г-ну Новосильцову. Глубокая ненависть к этой парочке единодушна (*фр.*).

---

221 [Письмо А.Х. Бенкендорфа Булгарину 13 апреля 1831]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Препровождаю при сем бриллиантовый перстень, всемилостивейше пожалованный Вам Государем Императором за поднесенный Его Величеству роман Вашего сочинения под заглавием «Петр Иванович Выжигин», покорно прошу Вас уведомить меня о получении оного.

С истинным почтением и преданностью, имею честь быть
Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга.
А. Бенкендорф
13 апреля 1831

Письмо Бенкендорфа печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 139. Незадолго до этого (28 марта 1831 г.) министр двора П.М. Волконский прислал Бенкендорфу следующую, записку: «Министр Императорского двора, свидетельствуя совершенное свое почтение Его Высокопревосходительству Александру Христофоровичу, покорнейше просит уведомить его: не было ли дано чиновнику 8-го класса Булгарину подарка, за сочинения его или роман под заглавием "Петр Иванович Выжигин?"» (Там же. Л. 135). Бенкендорф наложил на ней свою резолюцию: «Не получал; если благоволено будет дать ему, то не угодно ли ко мне препроводить». На основе ее было подготовлено следующее письмо с его подписью, датированное 30 марта: «Генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя совершенное свое почтение князю Петру Михайловичу, имеет честь донести Его С[иятельству], что чиновнику Булгарину, за поднесенную им Его Импер[аторскому] Величеству книгу под заглавием «Петр Иванович Выжигин» никакого подарка дано не было. Почему генерал-адъютант Бенкендорф и просит покорнейше Его С[иятельство] о благосклонном исходатайствовании такого подарка и о препровождении его к нему, Бенкендорфу, для доставления г-ну Булгарину» (Там же. Л. 136. Печатается по отпуску).

7 апреля Волконский писал ему следующее: «Честь имею препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству бриллиантовый перстень, Всемилостивейше пожалованный от Государя Императора 8-го класса Фаддею Булгарину, за поднесенный им Его Величеству роман его сочинения под заглавием «Петр Иванович Выжигин», покорнейше прося о получении оного меня уведомить» (Там же. Л. 138). 10 апреля это письмо было переслано из корпуса жандармов в III отделение, а через несколько дней перстень был вручен Булгарину.

---

222 [Письмо А.Х. Бенкендорфа Булгарину 10 июня 1831]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Николай Иванович Греч сообщил мне присланную Вами, для напечатания в «Северной пчеле», превосходную статью «Перечень письма из Варшавы»[1], которую я прочел с большим восхищением и имел счастие представить Государю Императору.

Его Величество, прочтя сию статью, также с особенным удовольствием, изъявить изволил желание узнать от Вас, милостивый государь, предварительно до напечатания сей статьи в «Северной пчеле», откуда Вы почерпнули анекдот о пустой карете, о коем Государь Император ничего не слышал, и до какой степени сей анекдот основан на истине[2]. Между тем поручил я поместить сию Вашу статью в иностранных заграничных газетах. Поелику все политические статьи, помещенные в «Северной пчеле», почитаются публикою исходящими от правительства, то некоторая осторожность в сем отношении не может быть признана Вами неуместною.

В ожидании приятного Вашего ответа, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою
А. Бенкендорф
10 июня 1831

Письмо Бенкендорфа печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 141. Опубликовано: РС. 1896. № 6. С. 265—266; повторно: *Лемке*. С. 276.

[1]См.: *N.K.* Перечень письма из Варшавы, от жителя того города к родственнику, в Петербург. 24-го мая н. ст. 1831//СП. 1831. № 145, 147; 2, 4 июня. Автор (по-видимому, Булгарин) доказывал, что в Польше «лучшая часть народа, просвещенные помещики и высшее купечество не увлечены в бунт, но покорены бунтом и с нетерпением ожидают своего избавления», а также, что тут «все основано на обмане и поддерживается страхом: одних стращают своим войском, а других русским, а свое войско стращают и местью своего народа и русского». Более того, он даже утверждал, что «большинство голосов в целой Польше в пользу России».

[2]Речь идет о следующей истории, изложенной в статье: «Недавно также объявили, что взят в плен один известный русский генерал, который прежде находился в Варшаве при Его Высочестве Цесаревиче. К Комендантскому дому подъехала карета, с завешенными стеклами, и народ собрался толпами, чтобы видеть, как выйдет из кареты русский генерал. Прошло несколько часов, но карета, окруженная жандармами, не отпирается! Народ стал роптать и негодовать, что генерала держат взаперти, среди улицы <...> Бросились к карете, отперли ее насильно и нашли, что она — пуста!! Народ стал смеяться над этим самохвальством <...>».

---

223 [Письмо А.Х. Бенкендорфа Булгарину 27 августа 1831]

Милостивый государь мой Фаддей Венедиктович!

Письмо Ваше, касательно единодушного желания дерптских жителей принять меры к охранению города от внесения в оный холеры, представлял я Государю Императору, и Его Императорское Величество Высочайше повелеть мне изволил снестись с г. генерал-губернатором баро-

ном Паленом, с тем, что если он находит неудобство удовлетворению сему желанию, то чтобы представил о том Его Императорскому Величеству. Исполнив сию монаршую волю, я счел долгом уведомить о сем Вас, милостивый государь, пребывая с истинным почтением и преданностью, милостивый государь

Ваш покорный слуга
А. Бенкендорф[1].
27 августа 1831

Письмо Бенкендорфа печатается по копии И.А. Шляпкина: РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 17. Письмо Булгарина, в ответ на которое написано публикуемое письмо Бенкендорфа, нам разыскать не удалось.

[1]Генерал-губернатор М.И. Пален в своем ответе писал о бесполезности, по его мнению, карантинов, о чем было доложено императору 10 сентября 1831 г. Николай не сделал никаких распоряжений, и дальнейших последствий письмо Булгарина не имело (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 32. Л. 33—38).

---

224 Чиновники-поляки для отправления в Варшаву

1. *Иозефович*, сын порядочного подольского помещика, обучался в Виленском университете и получил степень магистра философии и кандидата юриспруденции. С 1817 по 1830 служил в ведомстве путей сообщения, был сперва переводчиком при Бетанкуре с русского на французский, потом столоначальником, после чиновником для особых поручений. С 1830 служит в канцелярии министра внутренних дел и заведывает экспедицией. В чине надворного советника. Знает и пишет по-русски, французски и польски. К делам способен, честен и благороден, нрава тихого и скромного, прилежен к делу. Политические правила самые благонамеренные: предан России и верит, что Польша пропадет без покровительства России.

2. *Рогальский.* Столоначальник в департаменте внешней торговли, титулярный советник. Отец его был советником правления в Вильне в течение 25 лет[1], следовательно, Рогальский должен почитаться как русский. Обучался в Виленском университете. По министерству финансов служит с 1820 года. Он знает французский, русский, польский и английский языки; ума быстрого, способен к делам, нрава приятного и честен. Один порок — некоторая ветреность, но теперь, женившись на порядочной женщине, остепенился. Рогальский мог бы с пользою занять место секретаря при начальнике; он работает легко, знает отлично польский язык, даже печатает на оном. Для переписки на польском языке он был бы отличный.

3. *Боровский*, коллежский асессор, служит ныне в комиссии погашения долгов. Обучался в Виленском университете, получил степень кандидата; в службе он с 1814 года, в Петербурге по министерству финансов с 1823 года. Он знает русский и польский языки и чрезвычайно искусен в бухгалтерии, что весьма будет полезно при нынешнем порядке дел в Варшаве, где будет много отчетов и распределений сумм при новом образовании Царства. Человек он честный и за то пострадал, но министр[2] наконец отдал ему справедливость. Боровский решился лучше быть преследованным, нежели делиться взятками, находясь в кяхтинской таможне. Таких людей нужно ныне.

4. *Ордынский* (брат секретаря генерала Бенкендорфа) молодой человек отличнейшего поведения и нрава кроткого; честен, прилежен и точен в службе и делах. Знает по-русски и по-польски, кончил курс в белостокской гимназии. По скромности своей и необыкновенной твердости характера может быть употреблен для самых важных дел. — *Необыкновенно честен*[3].

NB. Означенные здесь чиновники в лучшем политическом духе.

Почтенный Максим Яковлевич[4]! Если будете писать к Строгонову, скажите ему без церемоний, чтоб он не встречал à la grande largeur[5] и не поручал ветреному юноше Рогальскому набирать чиновников в Варшаву. Из этого черт что выйдет! Стараются получить места при Энгеле и Строгонове величайшие мошенники и отъявленные плуты: 1. *Добецкий*, любовник Шишковой, бесчестный адвокат, интригант и плут естественник; 2. *Красноленцкий*, женившийся по интриге на старой деве Пущиной, ростовщик, плут, отсужденный от должности адвокат и интригант. 3. *Красовский*, явный вор, плут и картежник, выгнанный из Литвы за подделку документов, обокравший бессовестно графа Шадурского. Он женат на камер-фрау жены Михаила Павловича и имеет протекции. 4. *Рачинский*, дурак, но плут, к делам неспособен, а к интригам имеет склонность. Женат на польке интригантке, из Варшавы, которую все поляки почитают польскою шпионкою. Человек без чести и правил. Если этих людей возьмут — будет много вреда, интриг и злоупотреблений. — Титулярный советник *Барановский* — просто подьячий, приказный, который от взяток не откажется.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 32—33. Польское восстание было подавлено в августе 1831 г. Записка связана с посылкой в Варшаву верных правительству чиновников для создания новой администрации. Поскольку Булгарин вернулся из Карлово в Петербург только в октябре или ноябре 1831 г., мы датируем записку концом этого года.

[1]В.О. Рогальский был не советником губернского правления, а советником 2-го департамента главного суда Виленской губернии.

[2]Имеется в виду министр финансов Е.Ф. Канкрин.

[3]Названные Булгариным чиновники уехали с графом А.Г. Строгановым в Варшаву (см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 34).

[4]Булгарин обращается к М.Я. Фоку.

[5]с большим размахом (*фр.*).

---

225 [Записка о чиновниках, рекомендуемых на службу в Варшаву]

Служащий в государственном коммерческом банке титулярный советник Каетан Осипов сын Адамович — человек хороший. Он при казенной службе занимается делами князя Любомирского.

В Комиссии погашения долгов коллежский асессор Адам Осипов сын Боровский — уже рекомендован нами, как отличнейший чиновник.

Младшим помощником бухгалтера Александр Францов сын Сомовский — чиновник не дурной, но жаль, что не знает по-польски и не умеет написать трех слов на сем языке. Он польского происхождения, но родился здесь.

Всех сих людей рекомендует Строгонову Вирт, чиновник министерства финансов, секретарь минералогического общества, коего председателем Строгонов.

Рекомендуем Мазуркевича, повытчика в 3 департаменте 1-го отделения Сената. Человек отличный, добрый, рабочий, знает дело, порядок канцелярский, все формы и польский и русский языки. Взяток ни за что не возьмет.

За весь дом спрашивают 8000 рублей. Но верх нанимает Шувалов, и если он не согласится взглянуть сегодня — то пройдет мимо.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 20—21. Слова, выделенные курсивом, написаны другим почерком, а между ними оставлены пробелы, в которые Булгарин и вписывал свои характеристики. Записка связана с подбором чиновников для службы в Варшаве и подготовлена вскоре после предшествующей записки.

---

226 Поверенные лица Царства Польского и Галиции[1]

1. *Князя Адама Чарторыского*: *Маян Пясецкий*, человек весьма тихий и скромный; он же поверенный и графини Мошинской, жены государственного преступника; и *Рыбчинский*, человек открытый, bon vivant[2], доброй малый.

NB. Князь присылал особенного поверенного, *Добровольского*, взять деньги из ломбарда, хотел получить 400 т. руб. серебром, но получил только 400 т. руб. ассигнациями.

2. *Князя Любецкого*: *Малаховский*, человек весьма хитрый и пронырливый, и *Пржеславский*, совершенный иезуит, издатель польской газеты.

3. *Графа Иельского*, любимца Любецкого, тот же *Пржеславский*.

4. *Ланскоронских*, богатых панов из Галиции: *Мацканевский*, человек весьма хитрый и скрытный.

5. *Князей Радзивилов*, в том числе *Михайлы*: *Рыбчинский*.

6. *Бнинских*, *Рыбчинский* же.

7. *Княгини Виртембергской, урожденной Чарторыской*[3], *Рыбчинский* же.

8. *Ходкевича*: *Иенич*, человек глупый, служит в канцелярии военного генерал-губернатора, управлял частными делами П.В. Кутузова[4], имеет большое знакомство между проживающими здесь поляками.

Рачинский, служащий в Коллегии иностранных дел, к удивлению всех, будучи человеком малых умственных способностей, но хитрый и intrigant par caractère[5], *имеет все дела варшавские*; чрезвычайно протежирован в иностранной коллегии, получил кресты и чины без всякой заслуги; имеет много денег. Поляки говорят, что жена его большая красавица, умница, интриганка и femme galante[6], вышла за него замуж из видов, как за русского чиновника, и обделывает дела.

Самое загадочное здесь лицо, madame *Jabłonowska*, которая умела себе снискать протекцию в дворах прусском, австрийском, а теперь и рос-

сийском. Ее считают за ambassadrice secrète. Femme extrêmement intrigante[7]. — Старая польская политика высылать женщин эмиссарами. — Она будет нарочно говорить вещи в противном смысле, притворяться преданною Российскому Престолу, чтоб успешнее сделать свое дело. — Здесь представляется важный вопрос: за что одна г-жа Яблоновская может так пламенно быть предана российскому двору, когда вся ее фамилия величайшие патриоты и она ничего не получила от российского двора?

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 27—28. Хранится в папке с записками за декабрь 1830 и за 1831 г.; находится среди записок 1831 г. и датируется этим годом.

[1]Характеристику польских поверенных (пленипотентов) в Петербурге см.: *Morawski S.* W Peterburku. Poznań, 1928. S. 77—80. По мнению Моравского, «тот, кто захотел бы оценивать петербургского пленипотента исходя из бытующих в обществе представлений, совершил бы самую ужасную ошибку! Каста этих людей принадлежит к совершенно особому роду; это нечто среднее между людьми и вампирами <...> Прежде всего, петербургский пленипотент может, если хочет, ничего не уметь и, чаще всего, ничего не умеет и не знает. Он даже редко знает русский язык. Во-первых, он никогда в жизни не заглядывал в законы, но без малейших угрызений совести живет, развлекается, играет в карты, проигрывает, выигрывает, роскошествует, дурачится или наживает состояние за счет своих литовских, волынских, украинских, подольских судящихся доверителей. И имейте в виду, что в этом он вполне искренне не видит ни малейшего греха» (с. 77).

[2]бонвиван (*фр.*).

[3]Имеется в виду Мария Анна Виртембергская.

[4]Имеется в виду П.В. Голенищев-Кутузов.

[5]интриган по натуре (*фр.*).

[6]кокетка (*фр.*).

[7]тайную посланницу. Женщина, погруженная в интриги (*фр.*).

---

227 Адвокаты и поверенные польских наших губерний

1. *Жильветр*, человек почтенный, занимается в Петербурге делами 26 лет. — C'est le doyen de tous les avocats et mérite une attention particulière[1]. — Живет в доме Жербина.

2. *Петкевич*, плут, интригант, служит, для прикрытия себя, в адрес-конторе, самой ненадежной человек. — Живет в доме Иоахима на Мещанской.

3. *Красноленский*, плут и ростовщик, женат на Пущиной.

4. *Ланцкоронский*, из жидов, плут.

5. *Красовский*, плут, картежник, у кого бывают собрания, женат на бывшей камер-юнфере Елены Павловны; в службе. Живет в доме Алекина, против Юсупова сада.

6. *Поповский*, добрый человек, в службе. — В доме Дененберга у Какушкина моста.

7. *Вендлих*, имеет дела в Галиции, человек умный и хитрый. — В доме Алекина.

8. *Янчевский*, титулующийся камергером бывшего польского двора, первый ябедник.

9. *Сурин*, ябедник, в службе. В доме Дененберга.

10. *Калинский*, плут. В доме Трипольской в Глухом переулке.

11. *Бобинский*, служит в Сенате, человек добрый и смирный.

12. *Добецкий*, служит в министерстве просвещения и иностранных дел и в разных комиссиях и комитетах. Величайший интригант, человек подозрительный и ненадежный. Протежирован г-жею Шишковой. Успел нахватать крестов, чинов и составил состояние. — На Васильевском острове при Сенате.

13. *Терпецкий*, служит в Сенате — человек простой.

14. *Парчевский*, имеет свои дела и занимается чужими. Служит в консистории. Иезуит. Живет с *Пржецлавским*, издает с ним газету[2] и одного образа мыслей.

15. *Кишко-Згерский*, служит в министерстве просвещения. Интригант, плут первой руки.

16. *Липицкий*, человек хитрый и ненадежный. Поверенный графа Залусского, что был под Варной[3].

17. *Баглай*, человек умный и не дурной.

18. *Кожуховский*, едва не первый интригант в Польше, принесший расстройство в Литву своими кознями. Поверенный Витгенштейна. У него бывают собрания и вести о Польше. У него два секретаря, *Глюксберг* и другой. Кожуховский славится патриотизмом. — В доме Царевича Грузинского, в Галерной.

19. *Лизинский*, поверенный Ржевуских, ябедник. — У Какушкина моста.

20. *Сусский* — ростовщик. В доме Чаплина.

21. *Симон*, поверенный Радзивилов — ябедник.

22. *Волянский*, интригант и патриот[4].

Записка, переписанная Фоком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 321. Л. 29—30. Датируется 1831 г. на тех же основаниях, что и предшествующая записка. Помимо этих двух записок в фонде III отделения сохранилась еще одна анонимная записка от 12 июня 1831 г. (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 323), где перечисляются и характеризуются 37 польских адвокатов в Петербурге.

[1]Он старейший из всех адвокатов и заслуживает особого внимания (*фр.*).

[2]Речь идет о газете «Tygodnik Petersburski».

[3]О Залусском см. примеч. 2 к записке № 169.

[4]В тексте есть карандашные приписки другим почерком: к № 18 к слову «другой» приписано «Жолкевич, при том оба они занимаются в иностранной коллегии» и указан адрес Кожуховского; к № 16 приписано «кажется Лапински», в № 12 «Добецкий» исправлено на «Дибецкий».

---

228 [Письмо А. Бенкендорфу 7 января 1832]

Сиятельнейший граф, милостивый государь Александр Христофорович!

Во время пребывания моего в С.-Петербурге в декабре истекшего года жена моя получила в деревне пакет на мое имя с почты и, распечатав, испугалась, найдя в нем возмутительное объявление. Не зная, что с

ним делать, она решилась сохранять оное в тайне, до возвращения моего из Петербурга.

Долгом поставляю представить Вашему Сиятельству немедленно, с первою почтою, сие гнусное изделие бессильной злобы и безумства, не постигая, каким образом наши почтамты допускают распространение злоумышленных воззваний, которые, попавшись в руки людей легкомысленных, могут произвесть вред[1]. Мне же сие воззвание кажется более глупым и подлым, нежели вредным, ибо оно наполнено ложью, злобою и отчаянною лестью, не вмещая в себе ни одного благородного чувства, ни одной истинной мысли.

Поведением моим и гласным обнаружением моего образа мыслей и чувствований, во время бывших потрясений в России и в Польше[2], я имел счастье заслужить неблаговоление господ карбонариев, якобинцев, членов тайных обществ и всех вообще приверженцев революций, а потому и полагаю, что сие возмутительное воззвание подослано ко мне или в насмешку, или с намерением скомпрометировать меня, или в уверенности, что от меня непременно достанется в руки правительственных лиц, которых якобинцы хотят огорчить, не будучи в состоянии вредить им.

Как бы то ни было, но я почел бы за милость, если бы Ваше Сиятельство позволили отвечать мне на сие воззвание и ответ напечатать в одном из министерских французских журналов[3]. Я бы доказал самозванцам членам польского Комитета[4], что они, наделав бездну зла своему отечеству, кончили свое поприще тем, что, быв злодеями, стали смешными (ridicule).

При сем осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою о защите меня и всех смиренных граждан от подобных громовых ударов, падающих на нас сквозь цензуру почтамта! Не говорю о сотнях разных объявлений о книгах, порошках, лотереях, за которые мы должны, противу воли, платить весовые деньги по 6 рублей за лот — пусть, по крайней мере, почтамт избавит нас от возмутительных воззваний!

Имя, облеченное некоторою литературною известностью в чужих краях и стоящее в списке нескольких ученых обществ[5], есть цель, в которую стреляют все искатели приключений, а защититься нельзя без помощи правительства. Если почтамт употребит сотую долю того усердия, с коим цензурирует иностранные газеты, то верно возмутительные воззвания не будут расходиться по рукам и тревожить тихую жизнь семейств!

Поручая себя испытанному неоднократно благорасположению Вашего Сиятельства, честь имею пребыть с глубочайшим высокопочитанием и душевною преданностью

Вашего Сиятельства
милостивого государя
всепокорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[6]
Мыза Карлово возле Дерпта января 7 дня 1832

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 105.

[1]К письму было приложено печатное воззвание (на французском языке) Польского национального комитета к русским (оно сохранилось в архивном деле). Там говорилось, в частности, следующее: «Народы, стремящиеся к свободе, находятся между собою в союзе. Если вы заботитесь о своей свободе, то такой союз существует

между вами и нами... Великая идея, рожденная на берегах Невы, идея федерации славянских народов, может быть осуществлена лишь благодаря их совместному возрождению» (перевод цит. по: *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970. С. 64). Подписали прокламацию председатель комитета И. Лелевель (он же был автором воззвания) и его члены.

[2]Имеются в виду восстание декабристов и польское восстание 1830—1831 гг.

[3]Речь идет о газетах «Journal de St.Pétersbourg» и «Messager de St.Pétersbourg».

[4]Польский национальный комитет был основан в Париже в декабре 1831 г., чтобы «охранять национальные интересы и заботиться о судьбе покинувших родину поляков». Он распределял собранные средства среди эмигрантов и выступал от их имени перед западными правительствами и общественным мнением. После того, как в ноябре 1832 г. русский посол в Париже ознакомил французского министра иностранных дел с процитированным выше воззванием и выразил возмущение тем, что король Франции допускает подобные оскорбления русского императора, французское правительство закрыло Польский национальный комитет и выслало его членов из Парижа.

[5]См. примеч. 6 к письму № 194.

[6]В архивном деле сохранились письма А.М. Римского-Корсакова и О.И. Сенковского в III отделение аналогичного характера.

---

229 [Письмо А.Х. Бенкендорфу в ноябре 1837]

Господин граф!

Мы всегда редактировали «Северную пчелу» в духе правительства и стремились направлять мнение публики к благой цели. Действуя в этом направлении, мы трактовали порой серьезные темы в легкой и занимательной манере, что обычно нравится публике и привлекает читателей, вместе с тем мы были вынуждены применяться к вкусу этой публики, давая юмористические статьи, очерки нравов и литературную критику дабы *оживить* газету, которая не может существовать, не предоставляя своим читателям статей злободневных. Однако с некоторых пор цензура лишает нас возможности идти тем путем, по которому мы с честью шли уже двадцать лет. Самая невинная шутка, острое или затейливое словцо, всякое колкое выражение рассматриваются как преступление и личность и безжалостно преследуются. Литературная критика лишается своей живости.

В этом безнадежном положении мы решили, что *единственное средство спасения* в том, чтобы передать издание нашей газеты в книжную лавку г. Смирдина, сохранив, как прежде, обязанности ответственных редакторов. Целью этого маневра было привлечь как можно больше сотрудников, а тем самым — и статей, поскольку мы никогда не можем быть уверены, что из *десяти* цензуру пройдет хотя бы *одна*, хотя нами движет исключительно желание угодить правительству, и опыт наш подсказывает нам, что в этих статьях нет ничего, достойного порицания. Между иными сотрудниками г. Смирдин представил нам г. Николая *Полевого,* мы сообщили о нашем намерении г. министру народного просвещения, который ответил, что имя г. Полевого не может ни значиться в объявлениях, ни появляться на страницах газеты и что, печатаясь в ней, он обязан не подписывать своего имени[1]. Наш издатель счел себя задетым в своих правах, справедливо полагая, что достоинство литературного имени способствует процветанию газеты. Однако, не желая сделать ни малейшего шага, который мог бы не понравиться правительству, и предпринимать что бы то ни было без

уведомления Вашего Сиятельства, нашего неизменного и великодушного покровителя, мы решаемся обратиться к Вам, прося Вас направить нас советом и поскорее вывести из неуверенности, в которой мы доныне пребываем, тем временем как все сроки публикации программы уже прошли.

Благоволите, господин граф, принять уверения в истинном высокопочитании и беспредельной преданности, с которыми имеем честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшими слугами

Фаддей Булгарин, подписавший также за Николая Греча в его отсутствие[2].

Письмо печатается (в переводе с французского) по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 38—39. Было получено III отделением 12 ноября 1837 г.

[1]В отсутствие Булгарина, с 1832 г. жившего в Карлово, выпускаемые им совместно с Гречем издания испытывали серьезные трудности. Тираж СП в 1837 г. составлял 2,5 тыс. экз., СО —300 экз. Греч и Булгарин в конце 1837 г. уговорили А.Ф. Смирдина взять их издание на себя, а Смирдин потребовал в ответ, чтобы неофициальным редактором стал Н.А. Полевой. Смирдин надеялся, что «под редакторством Полевого — до того он верил в его способности и авторитет — газета удесятерит число своих подписчиков и принесет ему громадные выгоды» (*Юркевич П.И.* Из воспоминаний петербургского старожила//ИВ. 1882. № 10. С. 166). Новый издатель выделил на газету и журнал значительные средства, Греч и Булгарин за уступку прав на «Пчелу» должны были получать 60 тыс. руб. ассигнациями в год. Оставаясь официальными редакторами, Греч и Булгарин настояли на следующих условиях: 1) оставить в редакции всех прежних постоянных сотрудников; 2) предоставить Гречу право читать последнюю корректуру и снимать вызывающие сомнение материалы. Однако в полной мере реализовать всем им свои планы не удалось. Н.А. Полевой 5 ноября писал в Москву брату Ксенофонту, что министр народного просвещения С.С. Уваров «сказал, что не позволит объявлять имени моего в журнале как сотрудника, не позволит мне даже *подписывать имени* под статьями <...> Меня успокоили слова добрейшего Л.В. Дубельта, который клялся мне, что это капризы Уварова и что правительство против меня не только ничего не имеет, но даже видит во мне доброго и почтенного гражданина. Мы написали записку, письмо к графу А.Х. [Бенкендорфу], другое к А.Н. Мордвинову (в то время — управляющий III отделением. — *А.Р.*)<...> и все это поскакало в Москву при письме Л.В. [Дубельта]. В письмах и записках я говорил искренно, просто и с надеждою жду *ответа* — уверен, что добрый царь разрешит все; что, может быть, и Уварову нашептали какие-нибудь мерзавцы, потому что в прошлом году он изъявлял мне всю свою благосклонность» (цит. по: *Полевой К.* Записки. СПб., 1888. С. 389—390).

[2]На письме резолюция Бенкендорфа: «Убрать — я уже ответил по этому предмету г. начальнику штаба кор[пуса] ж[андармов]», т.е. Л.В. Дубельту. Из письма Н. Полевого брату известно, что Бенкендорф отказался ходатайствовать за него, поскольку Полевой «просит сам не знает о чем». Анонимное сотрудничество Полевого существенно снижало шансы на успех. Меня, писал Полевой брату 1 января 1838 г., мучила «мысль, что отказ может действовать на отношения ко мне Греча и Булгарина, может положить в их глазах темную на меня тень и действительно вредить им... Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина <...> Надобно было решиться — я отправился к Гречу, Булгарину, Смирдину, сказал им все <...> Нет! все могут быть людьми: Булгарин расплакался, Греч обнял меня, Смирдин сказал, что меня с ним ничто не разлучит. Все мы подали друг другу руки и, благословясь, подписали наши условия» (цит. по: *Полевой К.* Указ. соч. С. 398—399). По ним Полевой отвечал за литературную часть газеты, только Булгарин мог писать там, что хо-

тел. Однако союз продлился всего полтора месяца, до середины февраля (см. обращение Греча и Булгарина «К читателям “Северной пчелы”» в № 114 за 1838 г.). 21 мая Н. Полевой писал брату: «Два гнусные ляха, Булгарин и Сенковский, пользуясь отсутствием Смирдина, решились всячески меня уничтожить. Невозможность иметь дело с Булгариным и беспрестанные несогласия, споры и шум уже давно решили меня бросить Пчелу, и когда этот подлец нагло поссорился со мной, решительно, за отзыв об его пакостной книге [«Россия<...>»] и за отзыв о сборнике Воейкова, написал ответ, начал меня везде ругать, клеветать, поносить во всем, сам предложил отказ от Пчелы, которою управлять я, кроме того, не находил возможности по бесчисленным причинам» (цит. по: *Полевой К.* Указ. соч. С. 426). В результате конфликта Полевой прекратил свое сотрудничество в СП, а Булгарин отказался от СО, который оказался полностью под контролем Полевого, лишь с именем Н.Греча как официального редактора (подробнее см. комментарий В.Н. Орлова: Полевой. С. 495—500; см. также письмо В.А. Владиславлева А.Я. Стороженко от 5 мая 1838 г.: Стороженки. С. 64).

---

230 [Письмо А.Х. Бенкендорфу 10 марта 1839]

Милостивый государь Александр Христофорович!

Г. статс-секретарь Александр Николаевич Мордвинов объявил мне, по приказанию Вашего Сиятельства, что Государь Император, по прочтении в «Северной пчеле» критики на роман, под заглавием «Басурман»[1], Высочайше повелел сделать мне выговор за личности[2], которые найдены в сей статье, с объявлением, что за сочинение впредь подобных статей буду я отвечать лично[3].

Подвергаясь безропотно Высочайшей воле, потщусь я впредь, как и доныне, свято исполнять оную, но для этого необходимо нужно, чтоб я знал, положительно, чего от меня требуется, подвергая меня личной ответственности; от одного слова Государя Императора зависит участь целого моего семейства и даже участь многих семейств, следовательно, мне нельзя действовать по одним догадкам и домыслам. Я предпочитаю отказаться вовсе от литературы, чем, по неведению моему, ввергать мое семейство в горесть и отчаянье, почитая себя безвинным, исполняя цензурные законы. Выходя теперь из круга, определенного для всех других литераторов цензурными законами, и подвергаясь личной ответственности, после просмотра листа «Пчелы» пятью цензурами[4], я непременно должен иметь особое наставление, тем более, что на все печатаемое противу меня не обращается ни малейшего внимания, а за мои мнения и суждения я должен отвечать лично, не имея средств объясниться и оправдаться прежде определенного мне наказания.

На это дело обращено теперь напряженное внимание не только всех литераторов, но и многочисленных любителей литературы, из коих многие особы, занимающие важные государственные должности, одобряли критические труды мои и вызывали на защиту русского языка и изящного вкуса в словесности. И потому имею честь представить Вашему Сиятельству составленную мною и товарищем моим И.И. Гречем записку, со всепокорнейшею просьбою поднести оную Его Императорскому Величеству.

Мы не дерзнули бы обременять внимание Всемилостивейшего Государя столь обширным изложением, если б надлежало оправдать нас одних и объяснить обстоятельства, касающиеся собственно до нас; но здесь идет дело обо всей русской литературе, о драгоценном достоянии любезного сердцу Государя русского народа.

Если б Ваше Сиятельство затруднилось поднесением сей записки Его Императорскому Величеству, то принимаю смелость просить о возвращении мне оной, с благосклонным наставлением, каким иным способом могу я довести ее до Высочайшего сведения.

С глубочайшим Высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Милостивый государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
10 марта 1839 С. Петербург[5]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1919. Л. 1—2. Опубликовано нами: Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 68—69.

[1]В обширной рецензии на исторический роман «Басурман», помещенной в СП (1839. № 46—49), Булгарин утверждал, что И.И. Лажечников «изобразил не тогдашнюю Русь, а какую-то дикую орду», заимствовал сцены и положения у В. Скотта, А. де Виньи, А. Радклиф и других зарубежных писателей и, наконец, «не знает русского языка и пишет весьма дурным слогом». Завершая отзыв, он писал, что «почитает этот роман книгою, весьма пригодною на то, чтоб, показывая ее юношеству, обучать по ней грамоте, приговаривая: вот как *не должно* писать!».

[2]*Личность* — здесь: «личная обида, хула, падающая прямо на лицо, оскорбленье лица» (Даль).

[3]Подобное распоряжение противоречило цензурному уставу, согласно которому за разрешенную цензурой публикацию отвечал цензор, а не автор.

[4]Они перечислены в публикуемой вслед за этим письмом записке.

[5]На письме карандашная надпись: «Граф лично с ними объяснился».

---

231 Записка о «Северной пчеле»

Приступая к изложению мнений, желаний и оправданий своих, касательно помещения литературных критических статей в русских журналах вообще, и в «Северной пчеле» в особенности, не излишним считаем сказать, с какой точки мы смотрим на отечественную литературу, как мы ее понимаем и ценим.

Словесные науки считаются обыкновенно, наравне с изящными искусствами, живописью, ваянием, музыкою и театральным искусством, в числе средств и пособий к удовольствиям облагороженной жизни человека, считаются забавою, игрушкою, которые дают людям образованным приятное препровождение времени при отдыхе их от трудов и подвигов важнейших, которые занимают, сверх того, людей праздных, безвредным образом, и наполняют у благовоспитанных людей пустоту, которую человек необразованный наполняет ощущением чувств и наслаждениями просто физическими. Не спорим, что литература в этом отношении оказывает значительные услуги: украшая ум и сердце человека, преимущественно в юности его, образцами великого и изящного, она дает пищу его уму и воображению, дает, так сказать, исток избытку чувств его и научает проводить праздное время не в буйных беседах, не за картами и кеглями, а в наслаж-

дении благородном и достойном человека. На этой точке останавливаются поименованные мною искусства, но литература, понимаемая в обширном смысле, заключая в себе красноречие, поэзию, историю со вспомогательными ее науками, и часть философии, идет гораздо далее, становится орудием не одной забавы, не одного услаждения чувств, но также дел великих и бессмертных. Словесность есть средство распространения самого слова Божия; ее орудием Боссюэты, Фенелоны, Платоны вещали людям Божественные истины; ее глаголом славят Всевышнего в храмах его. Нам скажут, что другие изящные искусства, живопись, ваяние, архитектура, музыка, равно содействуют благолепию церковному, но что были бы они без слова? А слово одно, в темных подземельях Рима, в первые века христианства творило апостолов и мучеников. Словесность есть орудие владык земных в убеждении народа, в преклонении его к исполнению велений и желаний правительства. Вспомним 1812-й год, когда и духовное, и светское красноречие, и проза и поэзия соединились к возвышению народного духа! Великодушное объявление о потере Москвы, вдохновенная песнь в стане русских воинов, самые басни Крылова на тогдашние происшествия[1] принесли едва ли не столько пользы, как выигранное сражение: они укрепили дух народа, возвысили его в собственных глазах, высказали твердым и красным словом то, что таилось в глубинах сердца всякого русского человека.

Занятия изящными искусствами обыкновенно ограничивают деятельность человека тесным своим кругом: живописец остается живописцем, музыкант музыкантом. Но истинный, благородный, возвышенный литератор есть муж Церкви Божией, муж совета и дел царственных. Не говоря уже об ораторах духовных, не говоря о Державине, Дмитриеве, Нелединском, Храповицком, которые были и поэтами и государственными людьми, укажем на членов нынешнего Комитета министров: они почти все или военные или литераторы; в числе их находим Сперанского, Канкрина, Уварова, Дашкова, Блудова; присоединим к тому Мордвинова, Шишкова, Оленина, государственного секретаря Корфа, правителя дел Комитета министров Бахтина[2]. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии наполнено учеными и литераторами[3]. Занятие литературою в молодые лета не только не лишило их способности к делам, но именно оно и сделало их достойными занять нынешние высокие места с честию и пользою для Государя и Отечества.

Что мы сказали о людях, то, в большем размере, может быть отнесено к народам и государствам. Нет блага, твердости, богатства государственного без просвещения (цивилизации), и нет просвещения без отечественной словесности. Литература составляет не только блеск и славу престолов: она укрепляет царства и дает им владычество над другими народами. Чему обязана Пруссия нравственною силою своею пред другими сильнейшими государствами? Просвещению своих учителей, выражающемуся преимущественно литературою. Чем Франция XVII века усвоила себе навсегда приобретенные ею германские провинции, в которых теперь только простой народ говорит по-немецки и которые не уступят в патриотизме Нормандии и Бургони[4]? Превосходством своего просвещения, своей литературы, которая составила невидимое, но твердое звено в цепи, соединяющей области французские. Литва никогда не сделалась бы польскою провинциею на беду свою[5], если б польское просвещение XVI века не превосходило

русского, подавленного бедствиями России. Наше правительство с похвальным и благородным рвением старается водворить русский язык в Остзейских провинциях, но достигнет этой цели вполне тогда, когда русская литература, силою своих произведений, откроет себе путь за Нарову. На замечания и насмешки наши, что лифляндцы предпочитают немецкий язык русскому, они отвечают вопросом: можете ли вы заменить нам Клопштока, Гете, Шиллера?

Уверенные в сих истинах, мы трудимся и подвизаемся на поприще словесности отечественной с неутомимым рвением и с сознанием, что служим Государю и Отечеству не менее других и что в случае смерти или утомления сил наших не легко будет заместить наши ваканции. Наши сверстники, товарищи и соученики, уступавшие нам в юности первенство, ныне облечены чинами, титлами, знаками отличия; другие приобрели службою и иными трудами значительное достояние. Мы отказались от многих благ земных; после двадцати, тридцатилетних тяжких трудов, явных и честных, едва приобрели чем прожить остаток дней своих и воспитать детей[6], но чувства своего достоинства, сознания совести нашей, что работали в пользу ближних, имея в виду благо Отечества и исполнение святой воли благолюбивых Государей, не отдадим ни за какую цену, и что бы ни говорила зависть и злоба, обыкновенные спутники труда и заслуги, считаем себя в душе своей верными и полезными подданными Государя и истинными слугами Отечества.

Перейдем теперь к вопросу о критике. Что есть критика? Критика есть всенародное суждение о обнародованных и публично продаваемых произведениях литературы: похвала хорошему, ободрение благонадежного, порицание дурного. Без критики литература не может процветать, не может оказывать успехов, не может существовать. Критика в литературе то же, что полиция и судебная часть в государстве. Пользу критики легко можно видеть в истории нашей литературы. Когда явился Карамзин и начал писать слогом простым, легким, следуя ясному словосочинению французскому и английскому, возникли целые рои подражателей и наводнили русский язык нестерпимыми галлицизмами, отринули многие прекрасные славянские слова и ввели термины иноязычные, смешные и нелепые, поставляя в том славу и силу словесности. Против этих злоупотреблений восстал Шишков (1803)[7] и показал странности и ошибки новых писателей, не щадя, впрочем, и самого Карамзина. Вслед за ним возникли изуверные защитники славянщины и грозили восстановить язык XVII века. Тогда опять ополчилась критика. Дашков (1812), в умных и сильных статьях, отстоял права нового слога, не лишая древнего языка его красот и преимуществ[8]. Сам Карамзин воспользовался теми указаниями критики, которые казались ему справедливыми: в слоге своей «Истории» старался он избегать ошибок, в которых его укоряли, и не пренебрегал особенностей славянского языка, которые находил сообразными с вкусом и приличием нынешнего времени. В прошлом году один из нижеподписавшихся ополчился против вредных нововведений, которыми в «Библиотеке для чтения» портили русский язык и увлекали не только молодых неопытных писателей, но и чиновников в деловом слоге, в заблуждения и странности: двух небольших книжечек было достаточно, чтоб остановить это злоупотребление и указать истинные свойства и требования языка[9].

Как вредно отсутствие критики, показывает пример превосходнейшего таланта, какой был у нас в новое время, пример Пушкина. Его блистательные дарования до того обрадовали и изумили и публику и литераторов, что критика перед ним умолкла, надеясь, что недостатки его исправятся временем. Когда ум и дарование его были еще молоды и мягки, никто не старался указать ему истинного пути. Когда же он окреп в своих заблуждениях и привык к кривой дороге, то считал всякое замечание оскорблением и отвечал на критики насмешливо, колко и обидно. Таким образом кончил он свое поприще, не произведя ничего истинно достойного тех дарований, которые получил свыше, не обработав их трудом, не усовершив учением и размышлением. Мы всегда считали занятия критикою не только правом, но и обязанностию издателей журнала, и когда, по обстоятельствам, случалось, что критика на несколько времени в «Северной пчеле» умолкала, многие благонамеренные любители словесности ставили нам это в виду и требовали, чтоб мы не засыпали. Мы тем менее можем устранить критику из нашей газеты, что она продолжается беспрепятственно во всех русских журналах и что если «Северная пчела» газета литературная, то она должна быть и критическая: в противном случае она лишится своего характера, лишится читателей, а с тем вместе и средств быть полезною, как доныне, распространяя правила и мысли благонамеренные, честные и правдивые. Мы и произведения наши подвергаемся самым оскорбительным нападениям в других журналах. Сочинения наши, принимаемые с одобрением всеми почтенными и достойными особами в России, раскупаемые в тысячах экземпляров публикою, переведенные на многие европейские языки — поставляются в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и в так называемых «Отечественных записках» ниже сочинений известного московского пьяницы Александра Орлова[10] (которому от министерства просвещения запрещено печатать книги[11]) и других ему подобных. Мы на эти выходки не отвечаем: несправедливость, пристрастие, зависть и злоба находят суд и казнь в мнении публики. Мы объявляем правила здравой словесности, мы защищаем требования и указания вкуса и русского языка, обличаем пристрастие и ложь, снимаем маску с невежества и высокомерия, возвращаем права русской истории и великим мужам ее, без милосердия искажаемым в мнимых исторических романах. До чего дойдет русский язык, грамматика, вкус и приличие слога, если дать волю невеждам, которые хотят предписывать законы и ниспровергать здание, воздвигнутое Ломоносовым и Карамзиным? И так уже, как выше сказано, это пагубное влияние оказывается в деловых бумагах неопытных дельцов, да и начальство военно-учебных заведений, как мы слышали, помышляет о средствах остановить порчу русского языка в подведомых ему институтах.

Быть может, что мы, в порыве негодования и усердия к своему делу, увлекаемся иногда слишком далеко. В этом случае просим наставления, указания, и с покорностью и благодарностью будем им следовать. Просим дать нам правила, указать, где именно начинается личность, воспрещаемая законами? Каким образом можем мы отделить сочинение от сочинителя? Может быть, предписано будет не называть сочинителя по имени? Мы охотно сие наблюдать будем, равно как и все, что нам предпишется в сем отношении. «Северная пчела» рассматривается 5-ю цензурами: внутренние статьи рассматриваются в III Отделении Собственной Его Импера-

торского Величества канцелярии, заграничные в министерстве иностранных дел, театральные министром императорского двора; остальные — двумя цензорами министерства просвещения. Сверх того мы препровождаем статьи, касающиеся какой-либо отдельной части, в начальство оной. Мы никогда не уклонялись от исполнения предписаний сих цензур, свято исполняли все их требования, неоднократно (и в этом ссылаемся на *всех* цензоров, рассматривавших «Северную пчелу») после подписания листа к печатанию исключаем или смягчаем места, на которые, по-видимому, цензор не успел или не мог обратить надлежащего внимания. При всем том лежит на нас исключительно личная ответственность! Во всех других частях государственного управления ответственность чиновника снимает ответственность с частного лица, если только со стороны последнего не было подлога или уклонений от данных ему предписаний. Мы просим дать нам способы и средства, исполняя обязанность свою пред публикою, в то же время знать, каким образом следует нам поступать для исполнения желаний и требований правительства, оградить нас цензурою, которая, исключая предосудительное и непозволительное, отвечала бы за остальное. Не исполнять желаний правительства, но стараться их угадывать и предупреждать — было бы с нашей стороны, в наши лета и в нашем положении, просто сумасшествием. Но мы не посвящены в высшие требования государственные, мы люди частные, литераторы, прикованные к письменному столу, и без благосклонного указания и наставления не можем иногда не ошибаться.

К этому изображению нашего положения, наших желаний и просьб да позволено нам будет присовокупить и изложение одного обстоятельства, которое давно тяготит нас и которое мы доселе терпели, не имея случая и позволения высказать об оном пред Высшим правительством. Выше упомянули мы, что не отвечаем на самые оскорбительные для нашего самолюбия критики сочинений наших, ибо сочинители их пользуются правом, предоставленным им законами, и печатаются с одобрения правительства. Но для литературных наставников наших этого было недостаточно. Один из них, Мельгунов, московский учитель (сотрудник «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» и «Отечественных записок»), отправился за границу и там, при помощи одного писателя либеральной шайки, которая мутит и тревожит Германию (Генриха Кёнига) сочинил и напечатал пасквиль под именем «Литературных очерков из России» («Literaturische Bilder aus Russland»), в котором он возвысил и прославил людей, в России вовсе неизвестных, обременил клеветами и оскорблениями тех, которые ему не нравятся, особенно нас, нижеподписавшихся[12]. Книга эта вышла в Германии в 1837 году и дерзостью своею обратила было на себя внимание, но потом нашла и справедливых противников. У нас прославляют ее в журнале «Современник», издаваемом г. Плетневым*[13], и в изданиях, которые имеют сотрудником г. Мельгунова. Из множества нелепостей, гнусностей, лжей и клевет, которыми наполнена сия книга, выписываем только следующие:

«Первые проповеди митрополита Филарета запрещены по их мистическому содержанию» (стр. 26).

«Ломоносов, как и Петр Великий были горькие пьяницы, и жизненной воде, водке, обязаны раннею своею смертию» (стр. 45).

---

*А как Плетнев есть наставником при их Императорских Высочествах, Великих князьях, то весьма многие верят, что он не смел бы говорить об этой книге, если б знал, что Высочайший двор не одобряет ее содержания.

«Крылов, пользуясь слабостью одного сиятельного стихотворца, терпеливо слушал его произведения и потом за это занимал у него деньги» (стр. 89).

«Два стихотворения особенно повредили Пушкину в общем мнении, отчасти по содержанию своему, а более потому, что показали странную перемену образа мыслей поэта: эти стихотворения суть «На взятие Варшавы» и ода "Клеветникам России"» (стр. 147).

«Рылеев говорил о себе: я не поэт, а только гражданин» (стр. 212). Прекрасный гражданин!

На стр. 163 сказано, что барон Дельвиг умер от неприятностей, которые претерпел при издании «Литературной газеты», а он просто заболел воспалением от невоздержания.

На стр. 247 утверждает, будто Кукольник за свою трагедию[14] получил место императорского библиотекаря[15], и будто издание «Московского телеграфа» запрещено потому, что в нем строго судили об этой трагедии[16].

Таким образом написана вся книга: правда смешана с ложью; дерзость прикрыта либеральными взглядами; люди дарований самых посредственных выставляются героями; писатели, которых не жалуют любимцы г. Мельгунова, выставлены невеждами, дураками, шарлатанами, негодяями, чуть не злодеями. Особенно всю месть и злобу свою г. Мельгунов излил на Булгарина. Не говорим об осуждении его сочинений: это то же, что говорили и говорят московский «Европеец», «Литературная газета» б[арона] Дельвига, «Современник», «Литературные прибавления» и «Отечественные Записки» Краевского. Но он обижен и оклеветан в них как человек, назван подлецом, изменником, шпионом, приговоренным к смертной казни. Мы несколько раз вызывали Мельгунова в журналах объявить, точно ли он участник в сочинении сей книги; он молчит, а журналы противников наших (coterie[17]) превозносят его книгу, и в Германии повторяются их отголоски.

Просим всепокорнейше подвергнуть сие дело исследованию: спросить у Мельгунова, действительно ли он, обойдя цензуру своего Отечества, которою ограждается личная честь граждан, продиктовал этот пасквиль Кёнигу. Если он отречется от сего, то заставить его напечатать о том объявление, с подписанием своего имени, во всех германских газетах, и тем возложить ответственность на Кёнига, предоставляя ему, впрочем, ведаться с Мельгуновым; если признает себя соучастником, то подвергнуть его законной ответственности и суду, как лжеца и клеветника. У господ же сотрудников и хвалителей его спросить, на каком основании они дерзнули участвовать в противузаконных и гнусных поступках Мельгунова, стараясь выхвалить и распространить его книгу, и даже занявшись ее переводом.

Повторяем, что мы терпели долго и безропотно. Ныне же, имея случай высказать свои мысли, осмелились обратить внимание правительства на обстоятельство, которое может ему показать, кто мы и кто наши противники. Это не донос, а явная честная жалоба, вопль о правосудии.

Николай Греч
Фаддей Булгарин[18]
10 марта 1839 г.

Записка печатается по писарской копии с подписями Греча и Булгарина и датой, проставленной Булгариным: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1919. Л. 3—

10. Опубликована нами: Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 70—76.

[1]Имеются в виду манифест об оставлении Москвы, написанный А.С. Шишковым, стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» и басни И.А. Крылова «Волк на псарне», «Ворона и Курица», «Обоз» и др.

[2]М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин, С.С. Уваров, Д.В. Дашков, Д.Н. Блудов, Н.С. Мордвинов, А.Н. Оленин, М.А. Корф, Н.И. Бахтин — видные государственные деятели, выступавшие в печати с книгами и статьями (хотя в основном до своего возвышения).

[3]Во II отделении служили тогда известные правоведы М.А.Балутьянский, А.П. Куницын, М.Г. Плисов, П.И. Дегай, Д.Н. Замятнин, И.Х. Капгер, а также Л.В. Ордынский, печатавший в СА свои переводы с польского, и Д.Н. Блудов, входивший в «Арзамас».

[4]*Нормандия* и Бургундия (*Бургонь*) — исторические области Франции.

[5]В 1569 г. Великое княжество Литовское и Польша объединились в единое государство — Речь Посполитую, ведущую роль в котором играли польские земли и польская культура.

[6]Булгарин и Греч слишком «скромны». Они получали солидный доход от СП, а Булгарин, кроме того, от двух поместий под Дерптом. Греч дослужился к тому времени до чина действительного статского советника, приобрел в Петербурге дом и типографию.

[7]Имеется в виду книга А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803), где «новому слогу» карамзинистов, ориентировавшихся на французские образцы и портивших русский язык, противопоставлялся «простой» и «ясный» старославянский язык.

[8]Речь идет о принадлежащих Д.В. Дашкову статье «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика» (Цветник. 1810. № 11, 12) и брошюре «О легчайшем способе возражать на критики» (СПб., 1811).

[9]Имеются в виду брошюры Н. Греча «Литературные пояснения» (СПб., 1838) и «О четырнадцатом томе Энциклопедического лексикона, изданном под главною редакциею О.И. Сенковского» (СПб.,1838; подписана: Редакция Северной пчелы).

[10]Первым сопоставил Булгарина с известным низовым московским литератором А.А. Орловым Н.И. Надеждин в опубликованной без подписи рецензии на их новые книги (Телескоп. 1831. № 9). Это сравнение остроумно развил А.С. Пушкин в своем памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (Телескоп. 1831. № 13). В дальнейшем оппоненты Булгарина неоднократно пользовались этим приемом. Например, анонимный рецензент «Литературных приложений к Русскому инвалиду», характеризуя книгу А.А. Орлова «Радостная встреча нового 1839 года», писал: «Это переложение в стихи прозаической статьи г-на Булгарина о новом годе, напечатанной в «Северной пчеле». Сходство разительное и несомненное» (1839. № 17. С. 369; см. также № 18. С. 390). Особенно часто прибегал к этому сравнению А.Д. Галахов в возобновленных в 1839 г. ОЗ (все цитируемые тексты помещены без подписи). Так, рецензируя новую книгу А.А. Орлова, он писал: «Разительное сходство между сими двумя сочинителями действительно существует: тот же выбор предметов и взглядов на них, та же манера в повествовании и философствовании, те же нравственные мысли и пословицы, те же всем известные общие места <...> то же, наконец, желание блеснуть иногда латинскими изречениями» (№ 3. Отд. 7. С. 146). В № 2, рецензируя роман И. Лажечникова «Басурман», он также сравнивал Орлова и Булгарина, причем отдавал преимущество первому: «<...> Мы, вовсе не шутя, убеждены, что романы г-на Орлова будут жить долее, нежели сочинения г-на Булгарина; ибо, несмотря на шероховатость слога, у г-на Орлова более неподдельного таланта и истины, чем у его соперника в нравоописательном роде» (Отд. 6. С. 16—17; см. также его рецензию на роман Лажечникова «Последний Новик»: ОЗ. 1839. № 6). Обозревая в «Московском наблюдателе» (1839. № 4) ОЗ за начало 1839 г., Белинский риторически вопрошал: «Зачем <...> так часто употреблять имена гг. Орло-

ва (А.А.) и Булгарина (Ф.В.) нераздельно? — Это, во-первых, должно непременно обнаруживать, что «Отечественные записки» придают этим двум, конечно, примечательным лицам в нашей литературе слишком большую важность; а во-вторых, это может их взаимно возгордить одного насчет другого, в ущерб успехам нашей литературы» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953. С. 186).

[11]Действительно, еще в 1834 г., утвердив запрет одной из рукописей А.А. Орлова, Главное управление цензуры дало указание, «чтоб Московский цензурный комитет и впредь не позволял к печатанию сочинений А.Орлова, которые по содержанию и направлению своему могут иметь вредное влияние на низший класс читателей» (цит. по: *Корнеев А.* Оправданный Александр Орлов//Встречи с книгой. Вып. 2. М., 1984. С. 268).

[12]Книга немецкого литератора Г. Кёнига, о которой идет речь, была написана на основе бесед с Н.А. Мельгуновым и выпущена в 1837 г. (русский перевод в те годы не мог быть опубликован по цензурным причинам и вышел в Петербурге под названием «Очерки русской литературы» только в 1862 г. — о Булгарине см. на с. 222—229). Свою роль в создании книги Г. Кёнига Мельгунов осветил в брошюре «История одной книги» (М., 1839).

[13]Отклик П.А. Плетнева на книгу Кёнига был опубликован в «Современнике» (1839, № 1).

[14]Речь идет о пьесе «Рука всевышнего отечество спасла» (1834).

[15]Пьеса Кукольника очень понравилась Николаю (см.: *Теобальд* [Реткирх В.А.]. «Рука всевышнего отечество спасла»//РА. 1889. № 12. С. 509—511), и он вскоре получил место столоначальника во II отделении Собственной его императорского величества канцелярии.

[16]О запрете МТ см. примеч. 2 к письму № 270.

[17]*Котерия* (*фр.*) — группа лиц, преследующих групповые узкокорыстные цели.

[18]В мае 1839 г. Булгарин просил цензуру запретить ввоз в Россию книги Кёнига, но получил отказ. Ему предложили подать на Мельгунова в суд, прошение же его Главное управление цензуры «нашло написанным не с должным уважением к сему высшему цензурному ведомству и поэтому определило возвратить оное...» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1230). Позднее Греч выпустил на немецком языке опровержение этой книги: H. Königs Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt. Berlin, 1840. Кёниг отвечал ему брошюрой: N.Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Ganau, 1840; на что последовало новое опровержение Греча: König und seine Lügen. Ein Gegenstück zu N.Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Hamburg, 1840. Изложение истории создания книги Кёнига и последующей полемики по поводу ее см.: *Кирпичников А.И.* Очерки по истории новой русской литературы. Т. 2. М., 1903. С. 171—190.

---

232 [Письмо Л.В. Дубельту 18 апреля 1839]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Письмо Вашего Превосходительства тронуло меня до глубины души! Клянусь Вам детьми, Богом и честью, что отныне нет у Вас человека приверженнее меня! Жажду *доказать* Вам мою искреннюю и беспредельную преданность! Вот в чем дело. Я никогда не рекомендовал никого иначе, как в *полном убеждении* о достоинствах и способностях человека. Студента Рединга я вовсе не знал и не знаю, а потому и не смел беспокоить Ваше Превосходительство, невзирая на желание старого моего приятеля генерала Крафтстрема. Письмо его ко мне показал я Вам по другому случаю. Вы

могли думать, после последнего происшествия о журнальной статье о Воейкове[1] — что я не питаю к Вам тех чувств, которые Вы внушаете каждому честному и образованному человеку — и я, показав письмо Крафтстрема, хотел только обнаружить пред Вами мою душу. Крафтстрем был свидетелем, как я говорил об Вас в одном обществе, где, между прочим, было три генерал-адъютанта, когда речь зашла о Мордвинове и его несчастии[2]. Между прочим я не умолчал и о том, что Вы на меня гневались, но об Вас говорил с таким чувством, что один из старых остряков назвал меня в шутку Фаддеем Дубельтовичем. Я не умею быть приверженным *вполовину* — и — или молчу, или порицаю, а когда убежден душевно, хвалю душевно! Вот на каком основании написал ко мне письмо Крафтстрем! Я так же не знал его protégé[3], как и Вы! Бог с ним! Канцелярия Его Величества не школа, где обучают грамоте! Пусть себе ищет, где ему угодно!

Правительство Царства Польского снова штурмует нас, и мы даже не можем откладывать, опасаясь подозрений, и потому осмеливаемся сообщить статью на разрешение, не привязывая к ней никакой важности[4]. Нам бы только заслониться от Варшавского правления!

Прошлогоднюю «Пчелу» собирает Смирдин (бывший ее издатель) и доставит в канцелярию.

С истинным высокопочитанием
и беспредельною душевною преданностью
честь имею пребыть Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Фаддей Булгарин
18 апреля 1839
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 142. Небольшой фрагмент опубликован: *Лемке*. С. 284.

[1]Речь идет, по-видимому, о булгаринской рецензии на изданный А.Ф. Воейковым «Сборник на 1838 год» (СПб., 1838). В конце 1837 г. Воейков устроил обед в честь открытия собственной типографии, на котором присутствовали многие петербургские литераторы, но Булгарин приглашен не был. Поэтому он и «разнес» выпущенный в честь этого события «Сборник» в обширной саркастической рецензии (СП. 1838. № 76—78. 7—9 апреля), утверждая, что тут «более всего *золотой посредственности*», а помещенные в книге (под псевдонимом А.Ф. Кораблинский) сочинения Воейкова «не выходят из обветшалых форм семидесятых годов». Эта рецензия вызвала, по-видимому, неудовольствие Дубельта, покровительствовавшего Воейкову. Возможно, впрочем, что имеется в виду анонимная заметка «Журнальная мозаика» (СП. 1838. № 290. 21 дек.), содержавшая выпады против Воейкова.

[2]А.Н. Мордвинов 18 марта 1839 г. был уволен с поста управляющего III отделением по приказу императора за то, что разрешил поместить в альманахе «Сто русских литераторов» (Т. 1. СПб., 1839) портрет А.А. Бестужева.

[3]протеже (*фр.*).

[4]Речь идет о статье помощника статс-секретаря Гос. совета Царства Польского Н.И. Павлищева (мужа сестры А.С. Пушкина) «Статья на статью «Библиотеки для чтения» “Григорий VIII”», в которой доказывалось, что «Библиотека для чтения» пропагандирует католицизм (статья и адресованное Н. Гречу сопроводительное письмо Павлищева от 10 апреля 1839 г. сохранились в том же архивном деле, что

и данное письмо, л. 143—156). Булгарину, который сам был католиком, эта статья была, разумеется, неприятна; в СП она не печаталась.

---

233 [Письмо Л.В. Дубельту 10 июня 1839]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Боюсь, не слишком ли горячо принялись за дело, высылая флигель-адъютанта! Ведь это *известие частное*, как говорят немцы, ein Wink, только для *сведения*. По *частному* известию требуется *официального подтверждения* и там уже начинается ДЕЛО. Горячо начав, кончишь всегда холодно! Во всяком случае, зло великое в том, что граждане города беснуются от избытка налогов, назначаемых не правительством, а магистратом! Вспомните, что все в мире революции начинались *за подати,* несоразмерные с доходами граждан. Но немцы непременно надуют вашего флигель-адъютанта, будь он семи пядей во лбу! Теперь жандармского полковника весь интерес в том, чтоб показать дело *ничем*, потому что в столице узнали не от *него*! Богатые биргеры держатся за руки, и чужому человеку покажется все так, как представят. Но разумеется, что уже теперь поправить нельзя — а страшно то, что все испугаются приезда флигель-адъютанта и даже обе партии враждующие будут лгать, чтоб только избавиться [от] петербургского гостя и грозы петербургской! Увы, я знаю, как у нас на Святой Руси дела делаются!

С истинным высокопочитанием
и беспредельною преданностью
честь имею быть
Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Ф. Булгарин
10 июня 1839
СПб.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1839. Ед. хр. 152. Л. 1. Ему предшествовало другое письмо (Булгарина?), сохранившееся в данном деле в изложении: «С последнею почтою получено из Дерпта известие, что бюргеры возмутились против бургомейстера и членов ратуши. Жалование получает бургомейстер и члены ратуши огромное и распоряжаются произвольно городовыми доходами и налогами, — вот причина неудовольствий. — Некоторых бюргеров, из беспокойнейших, посадили в тюрьму, а другие хотели их насильно освободить. — В городе страх, ибо пьяные и беспокойные грозят сжечь город, а кроме жандармов и инвалидов войск нет» (л. 2; на листе надписано: «Тизенгаузен»). На письме от 10 июня карандашная резолюция Дубельта: «Спросить Эрепстольпе (жандармский подполковник в Дерпте. — *А.Р.*), почему не донес?» В деле сохранилась также копия рапорта военному министру от 10 июня 1839 г., что император распорядился отправить в Дерпт флигель-адъютанта барона К.К. Притвица.

---

234 [Письмо Л.В. Дубельту 21 июня 1839]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Предсказание мое сбылось в полной мере. Дерпт струсил, и все, правые и виноватые, заперлись и покрыли дело! Страшно одно: флигель-

адъютант Притвиц прискакал сюда, надеясь увидеть *баррикады, трехцветное знамя и битву на улицах* à la Parisienne[1]! Этого не было и быть не может, но было и есть *дело*, в Дерпте только вспыхнувшее, а точащее как рак остзейское гражданство, *дело*, требующее розыскания, а не флигель-адъютантского взгляда! Вот что было в Дерпте! Несколько из главнейших биргеров составили бумагу, в которой, изложив все свои горести и недостатки, происходящие от самовольного управления казною города и произвольных налогов, от нестерпимых городских податей, из которых бургомистр и ратсгеры[2] сами прибавляют себе жалованье — и проч. и проч. — стали собирать подписи на этой бумаге. Это было нечто *в роде адреса в парламент*! Результат этого был тот, что биргеры просили довести до сведения начальства о их желании *ввести русское городовое положение*[3] *в остзейские города*, положение, под покровом которого города благоденствовали в царствование Екатерины Великой. Бургомистр посадил зачинщиков дела в тюрьму, и те, которые приходили уполномоченными об освобождении своих товарищей, также посажены были в тюрьму. Умы пришли в движение. Разумеется, что в клубах, трактирах и уличных встречах говорили об этом громко и с угрозами, а особенно русские мещане навели страх на трусливых немецких жителей города своими росказнями, насмешками и *нашим русским хвастовством:* «Да по-нашему вот бы так, да этак — да что тут долго толковать!» и проч. Одним словом, и жители и магистрат были в страхе, хотя и не признались пред флигель-адъютантом. Магистрат со страху выпустил арестантов, особенно когда корпорация мясничьих подмастерьев за обиду одного гезеля (подмастерья) отказались работать у мастеров*. Подмастерьев усмирили — но страх умножился, ибо мастеровые или гандверхубы составляют здесь силу, и к чему они способны, это доказано явною битвою, бывшею в прошлом году между ими и студентами, в поле, за городом. Опасались даже, чтоб студенты не приняли участия в деле. Словом, страху и беспокойства было довольно, а угроз и брани еще более. В это время является флигель-адъютант — и все *куш*! Флигель-адъютант стал расспрашивать, какой был здесь БУНТ! Разумеется, что ему отвечали отрицательно, потому что бунту парижского здесь не было, а было первые симптомы неповиновения. До сих пор никогда царское око не обращалось на остзейские провинции иначе, как с милостью, потому что остзейские провинции управляются так, что ничто не доходит до Петербурга. Впрочем, если б флигель-адъютант и хотел узнать что-либо, то этого не было в его предписании, ибо он был послан *для усмирения бунта*, т.е. *народного восстания*, а не возмущения нравственного, не восстания противу существующего законного порядка. Во всяком случае, однако ж, появление флигель-адъютанта принесло величайшую пользу, потому что прекратило страх и опасение смиренных жителей города. Я хотя не из трусливых, а признаюсь, не спал было без оружия под подушкою, до приезда флигель-адъютанта. Когда бы разыгрались русские мещане и мастеровые, была бы потеха, и прекрасно, что первые искры потушены. Ведь в этом цепь каждого благонамеренного правительства — предупреждать зло. Это теперь и сделано. Жаль только, что предписание, данное флигель-адъютанту, нечто в роде предписания, данного маршалу Мармонту в Июльскую революцию, когда весь Париж был под ружьем! У нас чем тише дела делаются, тем лучше.

---

*Это уже перевод с английского! À la Manchester[4]!

Вот Вам вся правда сущая, подтвержденная мною лично. Люди, состоящие в тесных связях с здешними правителями и *материально зависящие от них*, могут представить Вам дело вовсе *ничтожным* или *не бывалым*[5]. Но я почитаю важным каждое дело, в котором спокойствие семейное нарушается страхом и когда граждане преступают свои обязанности и действуют *корпорациями*. Я знаю хорошо древнюю и новую историю и помню, что les mêmes causes produisent partout et toujours les mêmes resultats[6].

Молю Бога о драгоценном Вашем для всех честных людей здоровье и честь имею пребыть с истинным высокопочитанием и беспредельною преданностью

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Ф. Булгарин
Дерпт
21 июня 1839

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1839. Ед. хр. 152. Л. 8—9.

[1]в парижском духе (*фр.*)

[2]*Ратгеры* — члены магистрата.

[3]Имеется в виду «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (1785), устанавливавшая порядок городского самоуправления.

[4]в манчестерском духе (*фр.*).

[5]В деле сохранился рапорт генерал-губернатора остзейских губерний М.И. Палена от 16 июня 1839 г. (л. 4—5) о том, что беспорядков в Дерпте не было. Просто 5 мастеров хотели добиться введения в Дерпте российского городового положения, но действовали неустановленным порядком, за что были взяты под стражу и подвергнуты следствию; кроме того, несколько подмастерьев-мясников обиделись на своих мастеров из-за плохого обращения и ушли от них, за что были наказаны арестом на 8 дней. Тут же находится рапорт жандармского подполковника Эренстолпе начальнику 1-го жандармского округа Д.П. Полозову от 20 июня 1839 г. о том, что Притвиц «по прибытии на место нашел, что в городе сохраняется совершенная тишина и спокойствие, что никто не знает о каком-либо сопротивлении законной власти и ни о каких угрозах насчет зажигательства не слышно».

[6]от сходных причин происходят везде и всегда сходные следствия (*фр.*).

---

235 [Записка о положении в Остзейских провинциях]

Нынешнее происшествие в Дерпте, как бы оно не было маловажно, должно обратить на себя все внимание попечительного правительства, которое предупреждает зло, чтоб не иметь неприятной надобности карать. Теперь все толкуют об остзейских правах, и многие думают, что если некоторые права изменят, а другие уничтожат, то этим оскорбят провинции и произведут в них неудовольствие и ненависть к правительству. Так говорит одна только партия в Лифляндии, имеющая в руках своих власть, независимо от правительства, но превышающее большинство думает иначе и благословляли бы правительство, если бы оно уничтожило многие из привилегий средних веков, тягостных для народа и биргеров. Виданное ли и слыханное, например, дело, чтоб бургомистры и ратсгеры городов избирались на всю

жизнь и чтоб в бургомистры можно было избирать чиновников, не имеющих ни жительства, ни собственности в городе? Так однако же делается в Лифляндии, и от того все города обременены долгами и жители страждут от тяжести податей, а между тем бургомистры и ратсгеры получают фельдмаршальское жалованье, управляют городскими мызами и почти чрез каждые десять лет казначей города крадет кассу и долг города умножается. Городские казначеи суть род банкиров, торгующих казенными деньгами, которые при ревизии показываются налицо, а после ревизии опять отдаются на руки. Бургомистр, не имея никакой собственности в городе, помышляет о своем кармане, а не о городской кассе. Рига, Дерпт и другие города пользуются нелепыми привилегиями, составленными из прав осажденных городов в средние века (les villes assiégées[1]). В Риге крестьянин, привезший свои земные произведения на рынок, не имеет права возвратиться с ними домой и должен стоять на рынке до тех пор, пока не продаст своего масла и молока! Где тут справедливость? Если вы живете за городскою чертою на даче, то не имеете права покупать съестных припасов на рынке, принадлежащем городу, а что всего забавнее, что вы не имеете права купить и за городскими воротами, но должны покупать на рынке тогда только, когда все биргеры запаслись! Просто нелепость! Конечно не всякой [поверит], что властитель деревянного домика в Дерпте платит более податей городу, нежели властитель трехэтажного каменного дома в Петербурге! Однако же так есть на деле!

О дворянах.

Дворянство защищает свои права, а какие права? Говорят: как можно не тамошнему дворянину или купцу покупать именья; ведь таким образом недворяне завладеют землею и выгонят дворян! А зачем же дворяне отдают в аренду или залог (Pfand[2]) свои пашни? Ведь все-таки земля и крестьяне в руках недворянских и зло двойное, потому что арендаторы разоряют имения и доводят дворян до банкротства. Насильственными мерами нельзя спасти дворянство от разорения, когда оно не печется о себе! Все толки и старания о сохранении привилегий ненарушимыми клонятся к тому, чтоб сохранить дворянству служебные места в провинции и с этим жалованье и чтоб беспоместные дворяне имели право на ландратах распоряжаться земскими повинностями!

Пусть себе будет как угодно, но гражданские законы, во всяком случае, должны быть изменены сообразно веку и требованиям большинства. — Правительство слышит только защитников прав, а не слышит ропота и плача большинства! В Остзейских провинциях настоящая олигархия, власть и деньги в руках у немногих и те на местах своих вечно — т.е. до смерти! От этой смеси зла родились все революции в мире. Там только хорошо, где один Царь дает бессменные места и где выборы временные. Dixi[3].

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1839. Ед. хр. 152. Л. 10—12. На записке имеется пометка о получении ее III отделением 13 июля 1839 г. и карандашная надпись Дубельта: «К докладу». Мы атрибутируем ее Булгарину по следующим причинам: а) автор записки очень хорошо знает положение дел в Прибалтике и, скорее всего, живет там; б) он противник местных привилегий; в) записка написана хорошим литературным стилем, причем не сугубо деловым, и включает бытовые обороты типа «фельдмаршальское жалованье», «крадет кассу» и т.п.;

г) Булгарин писал до этого о «происшествии в Дерпте», и данная записка сохранилась в том же архивном деле, что и его письма по этому поводу.

[1]осажденные города (*фр.*).

[2]залог (*нем.*).

[3]«Я сказал!» (*лат.*). Это выражение используется в значении: все нужное сказано, больше говорить не о чем.

---

236 [Письмо Л.В. Дубельту 15 сентября 1839]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Все газеты и журналы русские до напечатания рассматриваются цензорами, облеченными правительством в сие звание. «Сев[ерная] пчела» имеет *пять цензоров*. Напротив того «Полиц[ейская] газета»[1] *не имеет ни одного,* и прибавления к сей газете, заключающие в себе литературные статьи, издаются *на ответственности* издателя, как в Англии и Франции, где существует *неограниченная свобода книгопечатания*. Соответственно ли это форме нашего правительства и справедливо ли в отношении к другим журналам — судить не мое дело, но будучи жертвою этой *свободы книгопечатания* в русском царстве, прибегаю под покровительство Вашего Превосходительства и прошу обратить внимание Ваше на злоупотребления, которым не предвидится конца. Редактор «Полиц[ейской] газеты» есть юноша без литературного имени и безо всякого поручительства в свете. — Можно ли на его ответственность поручать издание официальной газеты и позволять наполнять газету *полицейскую* литературными сплетнями и оскорблениями литераторов? В каком государстве официальные газеты занимаются литературою, рецензиями и политикою? Нигде в целом мире! Хуже всего то, что г. Краевский, издатель «Отечественных записок», друг и покровитель редактора «Полицейской газеты» Межевича, бесстыдно осмеливается ссылаться на покровительство Вашего Превосходительства, показывая программу своего журнала и условия об издании журнала и содержание конторы на акциях, где находятся и имена чиновников, служащих в III отделении и при особе Вашего Превосходительства[2]. Разумеется, что виновны не чиновники, но тот, кто из их имен делает злоупотребление.

«Полицейская газета» не имела права печатать объявления книжника Лисенкова в том виде, как оно напечатано[3]. Лисенков объявил ко мне претензию, а я имею еще большие претензии к нему, и тяжба наша должна производиться на основании Цензурного устава (Свод зак[онов]. Часть III, IV и V, стр.166)[4]. До окончательного решения тяжбы *формою суда* никто не может принудить меня исполнить требования истца, и в целом мире не печатают решений, пока они не наступят. Здесь, со стороны полиции, явное нарушение законов! Что же касается *до пародии объявления* об издании моих сочинений[5], то, во-первых, *благопристойность* и *уважение к нравственности публичной* долженствовали бы воспретить печатание о *Ваньке Каине* — в «Полицейской газете», а во-вторых, сочетание *Ваньки Каина* с названием моего сочинения — есть явное оскорбление чести гражданина: Цензурным уставом запрещено давать новым сочинениям заглавия, уже вышедшие в свет, без согласия автора, а всем известно, что «Иван Выжигин» написан мною.

Я сидел на гаубвахте не за личности, а за то только, что напечатал *самую умеренную* критику соч. Очкина, на роман Загоскина[6]. За шутки

над сочинением, а не *над лицом автора* меня угрожали совершенным истреблением! Неужели вся строгость для меня одного и для «Пчелы», а противу меня *все позволено*? На меня печатают пасквили за границею, наполняют эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорблениями противу правительства и лица Государя, и этот пасквиль, т.е. книга Кёнига о русской литературе, *допущена* в продажу в России[7], а других отставляли от службы за напечатание невинных статеек о России[8], тогда как Мельгунов, суфлер Кёнига — невредим! На меня пишутся гнуснейшие вещи в «Отечественных записках», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и в «Полицейской газете»[9], а я не могу нигде найти суда и расправы! Что это значит — не понимаю, а знаю только, что акционеры «Отечеств[енных] записок» составили против меня заговор и что они сильны, находясь на службе и в цензуре иностранной и в министерствах[10]. Но зная душу графа Александра Христофоровича и Ваш благородный характер, твердо убежден, что Ваше Превосходительство, для полезного примера, примете меры, чтоб Межевич, издатель «Полиц[ейской] газеты», был *наказан явно* и чтобы у него отняты были средства к распространению сплетней и пасквилей посредством официальной газеты. — Les mœures publiques outragées[11] — есть повсюду преступление, а публиковать в «Полицейской газете» о *Ваньке Каине* и к этому гнусному титулу и впрочем *запрещенной* книги применить заглавие книги живущего автора, не позволено было бы и в Англии, и такой поступок был бы наказан тюремным заключением.

Police correctionnelle[12] и King-Bench[13] — у нас нет. Куда прибегнуть с жалобою? На это именно Царь дал нам жандармерию, а Бог, в благости своей, дал графа Александра Христофоровича и Вас! К Вам и прибегаю и умоляю о защите!

С истинным высокопочитанием и беспредельною преданностию
честь имею быть
Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[14]
15 сент. 1839
СП[етер]бург

Письмо печатается по копии: ИРЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 1. Опубликовано (без указания адресата): *Пятковский А.П.* Очерк из истории русской журналистики тридцатых годов//Современник. 1865. № 3. С. 87—89; повторно: *Лемке*. С. 285—286, с сокращениями. По указываемому Лемке архивному шифру числится другое дело; нам не удалось отыскать данное письмо в фонде III отделения.

[1]Имеется в виду газета «Ведомости С.-Петербургской городской полиции», выходившая с июля 1839 г.

[2]Среди пайщиков журнала «Отечественные записки» (см. ниже примеч. 10) были адъютант Дубельта В.А. Владиславлев и чиновник III отделения Б.А. Враский.

[3]Булгарин имеет в виду следующее объявление, помещенное в «Ведомостях С.-Петербургской полиции» 13 сентября: «В книжном магазине Лисенкова, в доме Пажеского Его Императорского Величества корпуса продаются печатающиеся книги: «Сочинения» Ф.В. Булгарина в 4 томах, до 80 печатных листов или 2200 страниц. Во всех 4 томах содержится 17 повестей, 21 статья о нравах, 18 статей юмористических, 4 статьи путешествий и большое юмористическое сочинение «Митрофанушка в Луне».

Цена за 4 тома 15 руб. Отпечатанные 3 тома раздаются, а 4-й том оканчивается; издатель считает обязанностью объявить, что замедление выхода этой части произошло вовсе не от него, а от самого автора, который по сие время медленно доставляет рукописи; ныне же начальство обязывает автора, давшего контракт, окончить свое сочинение как можно скорее и потому нет сомнения, что остальная часть скоро выйдет в свет. По отпечатании 4 тома цена будет 20 руб.».

[4]Булгарин 19 апреля 1836 г. заключил контракт с книгопродавцем и издателем И.Т. Лисенковым на издание четырехтомного собрания своих сочинений, которое должно было состоять из произведений, помещенных в периодике (3 тома) и новых, ранее не печатавшихся (один том в 10 п.л.), и получил после заключения сделки 4500 рублей ассигнациями. Согласно контракту, Булгарин не имел права продавать эти произведения другому издателю, пока Лисенков не распродаст двухтысячный тираж его «Сочинений». Новые произведения для четвертой части Булгарин обязан был представить к 1 сентября 1836 г., а если не сделает этого, Лисенков получал право продавать тома отдельно, а Булгарин в качестве неустойки должен был выдать ему 50 экземпляров своей книги «Россия» или заплатить 1 тыс. руб. ассигнациями. Булгарин не предоставил рукопись четвертого тома в срок, и Лисенков вскоре напечатал первые три (дата цензурного разрешения на них — 26 сентября — показывает, что они были отданы в цензуру в начале сентября). Однако рукопись заключительного тома ждать ему пришлось весьма долго.

Вначале Булгарин в письмах из своего имения Карлово, где он тогда жил, уговаривал Лисенкова подождать. Так, например, он писал 17 апреля 1837 г. следующее: «Любезнейший Иван Тимофеевич! Не сокрушайтесь и не пеняйте на меня. За ваше терпение я награжу вас сторицею и вы на мне не потеряете, а выиграете. Вы знаете, может быть, что я нынешнею осенью переселюсь, с семьей, на всегдашнее житье, по-прежнему, в Петербург, а для приискания квартиры приеду в июне в Петербург. Я сам привезу вам ваши 4 тома и сам буду держать корректуру. Том выйдет к августу, к возврату с дач, раскупится славно, а я вашей дружбы и впредь не забуду. У меня почти готово, но многие домашние препятствия уклоняли меня от работы. Потерпите и будете довольны <...>» (РНБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 33). Однако ни в этом, ни в следующем году Лисенков обещанную рукопись не получил. Более того, в январе 1839 г. отношения между ними резко ухудшились, т.к. Булгарин не возвращал 500 р., которые должен был Лисенкову. Теперь в обращенных к Лисенкову записках Булгарин его иначе как «подлой тварью» и «гнусным животным» не называл (см. там же). Лисенков обратился с иском в полицию. 1 июля Булгарин писал ему из Карлово: «В намерении осрамить меня кому ты не жаловался? Министру просвещения, попечителю, обер-полициймейстеру, графу Бенкендорфу и управе благочиния! А чем все кончилось? Нет закона, чтоб принудить автора писать в срок, как писаря! Вспомни, что в нашем контракте стоит, что *болезнь* — освобождает меня от срока! <...> [В июле] я привезу окончание 4 части и к сентябрю ты выставишь его публике. Молю бога, да воздаст тебе за все твои подкопы, лжи и клеветы <...>» (Там же).

Обещания своего Булгарин в очередной раз не сдержал. В апреле 1841 г. управа благочиния постановила взыскать с Булгарина 1 тыс. руб. ассигнациями, если он не выполнит условия контракта, что и было сделано. В апреле 1842 г. Булгарин напечатал следующее «Объявление»: «Позволив, по условию, книгопродавцу И.Т. Лисенкову перепечатать в трех частях сочинения мои из разных журналов, я обещал ему к четвертой части написать рассказ под заглавием «Митрофанушка в Луне», но до сих пор этого нового сочинения г. Лисенкову не доставил, а потому и прошу всех подписавшихся у него на четвертую часть моих сочинений избавить его, Лисенкова, от всякой ответственности. Я же принимаю на себя публично священную обязанность выставить четвертый том к нынешнему лету, в удовлетворение гг. подписавшихся. При сем долгом считаю объяснить насчет этого замедления, в котором я *без вины виноват*. Рукопись не только была *написана*, но даже *проценсирована*, и по несчастному случаю утрачена. Что тут делать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая прежнее! Кто знаком, хотя несколько, с трудом воображения, тот знает, как

это тяжело! Мучительнейшей пытки невозможно изобресть для головы литератора, как повторение однажды уже конченной работы! — Между тем г. Лисенков завел со мною процесс, как это было видно из «Полицейских ведомостей», и дело остановилось. Теперь прошу всех и каждого подождать спокойно недель шесть, и четвертая часть будет готова. Сим отвечаю на все вопросы, запросы и требования! Нельзя же истолочь мозг литератора в иготи и испечь пирог. Дело ума — дело невольное. Нейдет в голову мысль, так и пушечным ядром не вгонишь ее!» (СП. 1842. № 73. 2 апр.; доп. пояснения Булгарина см.: СП. 1842. № 256; 1843. № 226, 246). Лишь в июне 1842 г. Булгарин представил рукопись для четвертого тома (правда, объемом не 10 а.л., как должен был по контракту, а всего 7,5 а.л.), и он вышел из печати в 1843 г. На этом дело не кончилось. Поскольку Лисенков перепечатал титульные листы к первым трем томам, поставив новую дату выхода — 1843 г., теперь уже Булгарин подал на него иск. В 1845 г. это дело слушалось в петербургской палате гражданского суда и было решено взыскать с Лисенкова в пользу Булгарина двойную сумму оплаты по контракту, т.е. 9000 руб. ассигнациями (см.: РНБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3). О конфликте Булгарина с Лисенковым см. также письмо Лисенкова А.А. Краевскому, написанное в ноябре 1842 г.: *Белов С.В.* Книжник Лисенков против Фаддея Булгарина//Книга. Исследования и материалы. Сб. 47. М., 1983. С. 186—189). Лисенков в дальнейшем старался всячески дискредитировать Булгарина. Так, у себя в книжной лавке в ответ на просьбу показать новые книги он спрашивал: «Вам ума или глупости?» Если покупатель выбирал первое, он давал изданную им «Илиаду» Гомера, если второе — «Сочинения» Булгарина (РНБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5).

[5]Булгарин имеет в виду следующий анонимный текст, напечатанный в том же номере «Ведомостей С.-Петербургской полиции», что и объявление Лисенкова: «Говорят, что А.А. Орлов издает полное собрание своих сочинений, в 2-х компактных томах, в большую восьмую долю листа, в два столбца. В первом томе будут помещены «Погребение Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина», и пр. и пр. и прочие, напечатанные несколькими изданиями сочинения и давно уже раскупленные многочисленными читателями и почитателями А.А. Орлова. Во втором томе будут напечатаны некоторые новые произведения знаменитого романиста, и между прочими «Беспристрастное суждение автора о самом себе». К этому присоединится портрет автора, гравированный на стали в Лондоне. Издание будет богатое — и дешевое». В этом тексте было спародировано булгаринское объявление об издании его «Полного собрания сочинений» в 8 т. (ср. текст объявления Булгарина: СП. 1839. № 252; первый том поступил в продажу в начале ноября 1839 г.).

[6]См. об этом примеч. 1 к письму № 194 и комментарий к записке № 195.

[7]О книге Г. Кёнига см. в записке № 231 и примеч. 12 и 18 к ней.

[8]Нам не удалось установить, кого имеет в виду Булгарин.

[9]В «Ведомостях С.-Петербургской полиции» против Булгарина были направлены только те два материала, о которых идет речь в данном письме; о выпадах в «Литературных приложениях к Русскому инвалиду» и ОЗ см. примеч. 10 к записке № 231; см. также помещенную анонимно в ОЗ рецензию А.А. Краевского на альманах «Новогодник», где, высказываясь по поводу вошедшего в книгу произведения Булгарина, автор советовал (имея в виду самого Булгарина): «Изобразите, напр[имер], как какой-нибудь молодец, нигде и ничему не учившись, ничего основательно не зная, кроме коммерческих сделок и проделок, не читав ничего порядочного, а только подслушивая да прислушиваясь, и поняв только вполовину то, что говаривали при нем умные и ученые люди, имевшие неосторожность пускать его в свое общество, начал потом выдавать себя за преобразователя философии, эстетики, истории, политической экономии, филологии и пр. в своем отечестве, и наконец ругать тех же самых добрых и скромных людей, которым обязан и за немногие обрывки знания, унесенные им из их беседы» (ОЗ. 1839. № 4. Отд. 7. С. 13—14). Об антибулгаринской направленности «Литературных приложений к Русскому инвалиду» см.: *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Л., 1971. С. 483—485; ОЗ — в кн.: *Кулешов В.И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959 (по указ.).

[10]Воссозданные в 1839 г. «Отечественные записки» издавались своего рода коммерческим обществом на паях, в которое входили В.Ф. Одоевский, А.А. Краевский, Б.А. Враский, А.В. Владиславлев, Н.П. Мундт, И.И. Панаев, А.В. Всеволжский (см.: *Кулешов В.И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959. С. 354—355), а редакционную работу в первые годы выполняли Одоевский, Краевский и А.П. Заблоцкий-Десятовский (см.: *Могилянский А.П.* А.С. Пушкин и В.Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок»//Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 6. № 3. С. 224—225). Одоевский, будучи камергером, входил в это время в редакционный комитет «Журнала министерства внутренних дел» и в ученый комитет министерства государственных имуществ; Краевский являлся редактором «Журнала министерства народного просвещения»; Всеволжский — церемониймейстером, чиновником для особых поручений при главноуправляющем почтовым департаментом; Мундт — секретарем канцелярии военного министерства; о Владиславлеве и Враском см. в примеч. 2. В иностранной цензуре никто из «акционеров» в это время не служил; Одоевский во второй половине 1820-х гг. состоял там на службе, но уже давно оставил это место.

[11]Оскорбление общественной нравственности (*фр.*).

[12]Исправительная полиция (*фр.*).

[13]Суд королевской скамьи (*англ.*; дословно — «королевская скамья») — судебная инстанция, функции которой состояли в надзоре за местными судебными органами и в рассмотрении дел, непосредственно касавшихся короны.

[14]Лемке на основании недоступного нам архивного дела утверждает, что после этого письма «Межевичу было сделано строгое внушение» (*Лемке.* С. 286).

---

237 [Записка о Финляндии]

У нас несправедливо думают, будто Финляндия совершенно довольна и почитает себя счастливою. Вера, язык и образованность связует Финляндию с Швециею неразрывными узами[1], и 600 лет составляя один народ, имея одну историю, невозможно в 30 лет забыть все прошлое[2], тем более, что по языку образованные люди в Финляндии всегда были и будут шведами. Швеция, где господствует неограниченная свобода тиснения, напоминает беспрерывно Финляндии прошлое и представляет настоящее в превратном виде. Следовательно, нет никаких средств привязать Финляндию к России политическими мерами, но Россия имеет весьма сильные средства, чтоб держать Финляндию, так сказать, скованною. Это материальные интересы, т.е. выгоды торговли и промышленности от подчиненности России. Вместо того меры министерства финансов сильно вредят материальным интересам Финляндии, и финляндцы жалуются, что им весьма тяжело в нынешнем положении. Индустрия и мануфактурная промышленность никак не может развиться в Финляндии от запретительной системы России[3]. «Куда мы станем вывозить наши произведения? — говорят финляндцы. — Россия заперта для нас, а Швеция и подавно не хочет впускать наших произведений, чтоб дать нам почувствовать наше положение!» Земледелие в Финляндии дело трудное и неверное, ибо каждые четыре или три года бывают неурожаи от утренников и северных ветров. Взамен того, надлежало бы развить промышленность, но без надежды ввоза в Россию — промышленность не может существовать. Теперь вся промышленность береговых жителей состоит в вывозке дров и скота в Швецию, и в каботаже, леса уже удалились от берегов, и вывоз скота вреден для бедного края, а каботаж, при тяжелом труде, приносит мало, в чем свидетельствует умень-

шение судов, в течение 30 лет. Финляндцы — народ добрый, честный, религиозный, но бедный, и их можно привязать единственно материальными интересами, противу которых у нас, как бы умышленно, действуют! Другое зло, на которое в Финляндии крепко жалуются, это ссылка самого дурного поведения солдат в финские баталионы. Это деморализирует финский народ и возбуждает ненавистные чувства к русскому народу, а финляндцы просвещенные оскорблены, что их отечество заменяет Сибирь! При том же и в политическом отношении вредно наполнять военные пограничные команды людьми дурного поведения, на которых нельзя положиться. Здесь только вкратце упомянуто о недостатках в управлении, производящих ропот, но Финляндия стоит того, чтоб на нее было обращено внимание. Это важнейший пункт в случае европейской войны, а пороховой магазин под боком! Правление в Швеции слишком слабо, чтоб могло противиться воле народа, а ныне там господствует среднее сословие. На счет Финляндии один из первых вельмож Швеции, любимец короля, граф Браге, сказал нынешним летом: «Швеция, приобрев Норвегию и потеряв Финляндию, похожа на нищего, у которого отрезали ногу и взамен навесили нищенскую суму». Такого рода мнения в Швеции на счет Финляндии! Одно средство лишить Швецию навсегда надежды возвратить Финляндию есть: дать Финляндии такие материальные выгоды, которые бы превышали выгоды или надежды политические, т.е. дать то, что Швеция дать не может, а что так легко для России. Не лучше ли предупреждать зло, чем искоренять его силою?

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1350. Л. 1—4. Датируется 1839 г., т.к. в ней говорится, что Финляндия уже 30 лет как присоединена к России, а это произошло в 1809 г. Записка атрибутируется нами Булгарину, поскольку он хорошо знал Финляндию: в 1808 г. воевал, а в 1838 г. путешествовал там [см. его книгу «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г.» (Ч. 1—2. СПб., 1839, фрагменты печатались в СП: 1838. № 184—186, 202—204), поступившую в продажу в середине октября 1839 г. (см. объявление о продаже: СП. 1839. 14 окт.)]. Многим положениям записки (о нравственных качествах финнов, их занятиях, запрете ввозить финские товары в Россию, роли шведского языка и т.д.) можно найти соответствия в названной книге Булгарина (см.: Ч. 2. С. 350—379, особенно с. 353, 361—368, 377). Кроме того, о принадлежности записки Булгарину свидетельствуют и характерные для написанных им для III отделения текстов просторечные выражения (типа «пороховой магазин под боком»), ссылки на чужие мнения и высказывания, и т.д.

[1]Территория Финляндии (на которой жило несколько не имевших государственности племен) была завоевана шведами в несколько приемов в XII — XIII вв. и официально закреплена за Швецией Ореховским миром 1323 г. Швеции с Новгородом.

[2]После русско-шведской войны 1808—1809 гг. Финляндия вошла в состав Российской империи.

[3]О запретительных мерах по отношению к финским товарам см.: *Бородкин М.М.* История Финляндии. Т. 5. СПб., 1915. С. 211—220.

---

238 [Письмо Л.В. Дубельту 17 декабря 1839]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Письмо это не официальное, и потому позвольте мне поговорить не как с начальником III отделения, а как с добрым, благородным челове-

ком, которого я истинно люблю и душевно уважаю и готов доказать это всеми зависящими от меня средствами. Вот в чем дело. Было время, что граф Александр Христофорович обещал мне и Гречу много доброго. Заслугами нашими не похваляемся, ибо все это делать почитаем долгом нашим, однако ж были дела, которые в свое время принесли большую пользу. Приведу один только пример. Когда вспыхнул бунт в Польше, Государь беспокоился, что, объявив об этом гвардии на разводе[1], нельзя пустить объявления в народ. Точных и верных известий из Варшавы не было. Наконец, попалось к Государю письмо генерала жандармов графа Нессельроде и отрывок из варшавской газеты. По поручению покойного М.Я. фон Фока я из этих лоскутьев сделал полный и цельный рассказ о бунте, и это мое объявление было напечатано и произвело эффект. Когда приехал князь Любецкий[2], он сказал Государю, что удивляется верности рассказа о случившемся и что не думал, чтоб в Варшаве были такие верные агенты правительства. Государь был чрезвычайно доволен. Граф Александр Христофорович расцеловал меня и обещал награду. М.Я. фон Фок льстил меня надеждою, что я даже буду представлен Государю. Подлинник этой бумаги, с поправками Царскими, хранится у меня. И других много бумаг, не менее важных, написано мною, т.е. бумаг государственных. Замечу между прочим, что когда фельдмаршал Дибич хотел ворваться силою в Варшаву, с Праги, я первый предложил план переправиться чрез Вислу, при прусской границе, и, обойдя Модлин, атаковать Варшаву со стороны Воли. У меня есть подлинная моя бумага, доставленная графу Александру Христофоровичу чрез М.Я. фон Фока. Паскевич был тогда еще в пути с Кавказа! И тогда меня расцеловали! Я ни об чем никогда не просил и никого не беспокоил и теперь впервые подаю бумагу о поддержании «Северной пчелы»[3].

Дело в том, что каждая газета имеет свое начальство, а «Пчела», по личному нам объявлению графа Александра Христофоровича, находится в его непосредственном ведении, а потому он один и может сделать об ней представление Государю Императору. Кажись невелика милость, ужели и в этом откажут, как бы для унижения «Пчелы» пред всеми другими газетами! Нет, добрый и благородный граф Александр Христофорович не сделает этого! Ужели я не заслужил у него того, чтоб доложить Государю о малой помощи «Пчеле», преданной правительству?

С истинным высокопочитанием и душевною преданностию честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Ф. Булгарин
17 декабря 1839
СПб[4]

Письмо печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 40—41.

[1]Николай сообщил офицерам о восстании в Варшаве 26 ноября 1830 г. на разводе Преображенского полка в Михайловском манеже.

[2]По поручению руководства восставших поляков Ф.К. Любецкий в середине декабря 1830 г. приехал в Петербург для переговоров с Николаем.

[3]К письму было приложено следующее неподписанное прошение (печатается по копии; л. 42—43): «Издатели «Северной пчелы», желая придать своей газете большую занимательность и пользу в глазах всей читающей русской публики, полагают, что весьма полезно будет присовокупить к ней частные объявления о разных предметах общежития, о продаже и купле, об отдаче в наймы и т.п. Таковые объявления были исстари достоянием «Санкт-Петербургских академических ведомостей», но ныне пользуются их печатанием и «Полицейская Газета», и «Journal de St. Pétersbourg», а с 1-го января 1840 года они будут и в «Русском инвалиде». В § 21-м Высочайше утвержденных 16-го февраля 1838 г. Правил о обнародовании узаконений и распоряжений правительства именно сказано: «Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам, но объявления от правительства в частных журналах не допускаются». На основании сего издатели «Северной пчелы» испрашивают милостивого разрешения на помещение в листах оной, а в случае надобности и в особых прибавлениях одобренных начальством частных объявлений, за установленную плату, с которой (за исключением библиографических объявлений) обязуются вносить десять процентов в пользу Детской больницы или другого какого-либо благотворительного заведения. Доход с сих объявлений покрыл бы те значительные издержки, которые произошли в редакции «Пчелы» от увеличения числа ее листов и от расширения формата, между тем как число подписчиков осталось прежнее. При увеличении занимательности других газет объявлениями «Северная пчела» должна поневоле отстать от других изданий, к чему высшее правительство без сомнения не доведет газеты, действующей всеми зависящими от нее средствами в его духе и направлении».

В 1844 г., вновь подавая прошение о разрешении печатать объявления, Булгарин и Греч несколько переработали и дополнили этот текст (см. № 245).

[4]На письме карандашная резолюция Бенкендорфа: «Уварову. Даже общая польза, ибо многие получают только эту газету». В письме министру народного просвещения С.С. Уварову от 12 января 1840 г. Бенкендорф, пересказав просьбу издателей СП, «удовлетворение которой по моему мнению принесет даже общую пользу, ибо многие, особенно внутри государства, выписывают и читают одну эту газету», просил «удостоить просьбу издателей оной благосклонного Вашего внимания и разрешения» (Там же. Л. 44—45). Ответ Уварова, датированный 24 января (Там же. Л. 46), изложен в публикуемом ниже письме Дубельта.

---

239 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 1 февраля 1840]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

По докладу моему г. генерал-адъютанту графу Бенкендорфу приложенной при письме Вашем ко мне от 17-го минувшего декабря записки о дозволении помещать в «Северной пчеле» частные объявления за установленную плату Его Сиятельство относился к г. министру народного просвещения, который на сие отозвался, что печатание объявлений всякого рода, как казенных, так и частных, составляет одно из преимуществ, предоставленных ведомостям, издаваемым от Императорской Академии наук, и, обеспечивая сбыт оных, служит источником доходов Академии, которой средства вообще весьма ограничены; что лишение Академии сего исключительного права в пользу частных издателей газет послужило бы неминуемо к ущербу в ее доходах и без того едва достаточных на ее потребности, а потому он, г. министр народного просвещения, будучи обязан охранять неприкосновенными выгоды одного из старейших учебных заведений отечественных, не может согласиться на вышеназначенную Вашу просьбу. К сему действительный тайный советник Уваров присовокупил, что ежели в последнее время некоторым изданиям позволено помещать подобные объяв-

ления, то этим правом пользуются единственно газеты, также от правительственных мест издаваемые, которых программы разрешены независимо от министерства народного просвещения.

Уведомляя Вас о всем вышеизложенном, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию,

Вашим, милостивый государь...

Г[енерал]-м[айор] Дубельт

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 47—48.

---

240 [Записка Л.В. Дубельта Булгарину 28 сентября 1841]

С невыразимою радостию поспешаю вас уведомить, любезный друг Фаддей Венедиктович, что Государь Император простил г-на Малиновского[1]. Слава Богу, благодарение Государю и вам, за него хлопотавшему. Дружески обнимаю вас.

Л. Дубельт

28 сентября 1841 г.

Письмо печатается по публикации С. Шпицера: Наша старина. 1916. № 1. С. 69.

[1]Речь идет, по-видимому, о хорошем знакомом Булгарина Н. Малиновском. В 1827—1828 гг. он жил в Петербурге на квартире у Булгарина, в 1829 г. вернулся в Вильну и в дальнейшем служил секретарем, а потом генеральным прокурором в Радзивилловской комиссии (до 1840 г.). Возможно, в 1840 г. он был обвинен в каком-то упущении по службе, и Булгарин ходатайствовал за него.

---

241 [Письмо Л.В. Дубельту 2 апреля 1844]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Его Сиятельство граф Александр Христофорович объявил мне лично, лет за пятнадцать пред сим, что «Северная пчела» по Высочайшему повелению находится под ведением и покровительством III-го отделения Собственной Его Величества канцелярии[1] и что в сомнительных случаях статьи должны быть посылаемы в сие отделение или вручаемы лично Его Сиятельству. Таким порядком и шло дело долгое время, и многие статьи представляемы были даже Его Сиятельством на разрешение Его Величеству Государю Императору, пока министр просвещения Уваров не вмешался в это распоряжение[2]. Но я не дерзаю преступить Высочайшее повеление и все, что полагаю выше обыкновенной цензуры, представляю и буду представлять в III-е отделение, влияние коего на «Северную пчелу» было всегда благодетельно. Предлагаемая при сем статья написана Владимиром Ивановичем Далем, служащим при особе министра внутренних дел Перовском, и уже была пропущена цензурою. Но как в ней играют роль *русские пленные,* то я заблагорассудил подвергнуть ее на разрешение Его Сиятельства, замечая при сем, что уже много статей того же автора, из рассказов русских

пленных, были пропущены в «Северной пчеле» и в других журналах[3]. Статья эта чрезвычайно забавна — и подобные забавные рассказы о *персидских нравах* находятся в недавно изданной по-русски книге «Письма из Персии», соч. Русского полковника, посылаемого в Персию *по делам службы*[4], — следовательно, *забавный* рассказ русских пленных можно почесть шуткою для развеселения публики, которой вовсе нечего читать при угрюмом взгляде нашей цензуры на литературу вообще[5].

С истинным высокопочитанием и преданностью честь имею пребыть Вашего Превосходительства милостивого государя покорнейшим слугою.

2 апреля 1844, СП[етер]бург

Фаддей Булгарин

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 3. Л. 3.

[1]См. примеч. 4 к письму № 314.

[2]Это произошло в декабре 1843 г., когда С.С. Уваров, выведенный из себя дерзким письмом Булгарина к попечителю Петербургского учебного округа Г.П. Волконскому с протестом против цензурных притеснений, обратился к А.Х. Бенкендорфу со следующим предложением: «<...> так как «Северная пчела» состоит уже в некоторых частях под наблюдением III отделения Собственной канцелярии Его Величества, то не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству повергнуть на Высочайшее уважение мое всеподданнейшее ходатайство о том, чтобы вообще цензурирование «Северной пчелы» было возложено на III отделение <...>» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 70). Бенкендорф доложил об этом Николаю, но тот приказал сообщить Уварову, что «этот журнал, как и все прочие *частные газеты*, должен находиться *на общем основании* под непосредственным наблюдением обыкновенной цензуры и что иное распоряжение насчет «Северной пчелы» было бы отступлением от общего закона». Бенкендорф добавил, правда, к этому, что «таковое правильное заключение нисколько не препятствует как этому журналу, так и другим быть под некоторым моим влиянием, и не лишает меня права посылать в тот или другой, по моему усмотрению, статьи, за которые уже лично я отвечаю, но которые, не менее того, равномерно должны быть подвергаемы общему закону цензуры» (Там же. Л. 72).

[3]См., например, следующие публикации Даля: Рассказ пленника Федора Федорова Грушина//Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1838. № 5; Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830//Альманах на 1838 год. СПб., 1838. С. 188—211; Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова//Утренняя заря. СПб., 1839. С. 74—92; Рассказ русского пленника из Хивы, Якова Зиновьева. 1838//С.-Петербургские ведомости. 1839. № 22—24; Известия о Хиве, взятые из рассказов кизильского гарнизонного батальона портупей-прапорщика Медяника, бывшего в плену у хивинцев//Литературная газета. 1840. № 14. В СП очерков из этого цикла, печатавшихся до данного письма, нам разыскать не удалось, но сам Даль в письме к М.П.Погодину от 19 ноября 1840 г. утверждал, что там в 1839 г. печатался «Рассказ казака Дервянова» (см.: Лица. Вып. 2. М.; СПб., 1993. С. 295. Публикатору письма Даля А.А. Ильину-Томичу также не удалось найти в газете данный рассказ; см.: С. 300).

[4]См.: *Н.М.* [Масальский Н.Ф.] Письма русского из Персии. Ч. 1—2. СПб., 1844. Булгарин был, по-видимому, знаком с автором этой книги; в СП печаталось одно из «писем»: *Н.М.* Письмо из Персии//СП. 1839. № 256.

[5]Булгарин получил разрешение поместить в СП очерк Даля. См.: *Луганский В.* [Даль В.И.] Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персианами крепости Герата//СП. 1844. № 82—84. 13—15 апр.

242 [Письмо Л.В. Дубельту 12 апреля 1844]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

В *старые годы* я всегда сообщал Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу выписки из обширной моей корреспонденции, а равно и присылаемые мне статьи, когда находил в них что-либо такое, что бы могло быть важным или полезным правительству, выходя, однако ж, за пределы книгопечатания, ибо я принадлежу еще к числу тех людей, которые полагают, что не все *можно и должно печатать* и что многое должно быть известно одному правительству. Те *старые годы* прошли, и меня, старика, и мою старушку «Пчелку» — бросили, как говорится на Руси — под лавку[1]! Возобновляю, однако ж, мой *старый обычай,* не имея другой цели, как желание добра — прося об одном, чтоб ни в каком случае не беспокоить моих корреспондентов никакими *вопросами и запросами* — а если нужно каких-либо пояснений — поручить мне. Нравится Вам это — хорошо, не нравится — я опять под лавку — и ни гу-гу! Пользуюсь сим случаем, чтоб засвидетельствовать Вашему Превосходительству мое истинное высокопочитание и преданность, а при том и радость, что мой старый благодетель, граф Александр Христофорович, оправился от внезапной болезни. Боже, храни его!

Покорнейший слуга
Ф. Булгарин
12 апреля 1844
СПб

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 3. Л. 4. Опубликовано нами: СТЧ. С. 270.

[1]После смерти М.Я. Фока в 1831 г.

---

243 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 14 апреля 1844]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Его Сиятельство граф Александр Христофорович, выслушав содержание возвращаемого у сего письма к вам из Ставрополя, изволил поручить мне усерднейше благодарить вас за доставленное сведение.

Исполняя сим волю Его Сиятельства, прошу вас, милостивый государь, принять уверение...

Л. Дубельт
14 апреля 1844 г.

Письмо печатается по отпуску: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 52. Л. 1.

---

244 [Письмо Л.В. Дубельту 30 апреля 1844]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Если в течение двадцатитрехлетнего моего литературного и журнального поприща удалось мне заслужить внимание моего Государя и принесть хотя малую пользу обществу, то это почитаю я величайшею наградою

и никаких наград просить не смею и не имею на то права. Но у Бога и у Царя каждому позволено просить *милости,* и я, вместе с товарищем моим Н.И. Гречем, прибегаем к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою испросить у графа Александра Христофоровича, чтоб он, пред выездом из России, благоволил испросить для нас Царскую милость, как изложено в прилагаемой при сем записке[1]. Граф Алексей Федорович[2] не может знать тех причин, по которым граф Александр Христофорович обещал исполнить мою просьбу, когда я однажды намекнул ему, что буду чрез его ходатайство утруждать Государя Императора. Болезнь графа и хлопоты перед выездом не позволили мне беспокоить его, хотя граф Александр Христофорович был всегда моим истинным покровителем и благодетелем, при всяком случае делал мне добро и, что более, как нежный отец утешал меня в моих горестях и возбуждал мужество и охоту к трудам, которые он признавал полезными. Много, очень много бумаг написал я по поручению графа Александра Христофоровича в начале достославного нынешнего царствования и впоследствии, и весьма много важных вопросов предложено было мне к разрешению, по знанию мною местностей, предметов и лиц, и всегда имел я счастье угодить и получить в награду уверение, что Государь Император соблаговолил остаться довольным. Есть у меня несколько бумаг с отметками священной руки Государя Императора, которые бумаги граф Александр Христофорович подарил мне, в награду, для хранения из рода в род. Приведу один пример из многих той важности поручений, которые я всегда охотно исполнял вне моих литературных занятий. Когда вспыхнул польский бунт и Государь Император объявил о сем на параде, волнение умов возросло в высшей степени в столице, и ложные вести производили самые неприятные впечатления. Из Варшавы не было никаких порядочных известий, из которых можно было бы составить что-нибудь полное. Наконец, получены были *отрывок* из одного нумера Варшавской газеты и письмо жандармского генерала графа Нессельроде. Из этих *двух лоскутов* я, по поручению Александра Христофоровича, составил полную реляцию о бунте варшавском и, зная лица, характеры и местности, так счастливо попал в цель, что когда князь Любецкий приехал сюда из Варшавы, он сознался пред Государем, что реляция о бунте чрезвычайно верна. Тогда же граф Александр Христофорович, объявляя мне удовольствие Государя Императора, спросил меня, не хочу ли я какой награды, я отвечал, как всегда, что величайшая для меня награда — благоволение Государя Императора. Эта бумага хранится у меня с отметками Царской руки. Все воззвания к польскому народу и войску[3] и все письма к магнатам польским писаны мною же, на польском языке. После 14-го декабря, в Турецкую войну и во время холеры, когда умы были в волнении, я писал и печатал статьи по указанию и воле Александра Христофоровича, для успокоения умов[4], и граф Александр Христофорович не однажды повторял мне, что я из всей польской нации примерный подданный, какими бы Государь Император хотел видеть всех поляков. Признаюсь Вашему Превосходительству, что только беспредельная моя любовь к графу Александру Христофоровичу и надежда на его деликатное, душевное и искреннее покровительство поддерживали дух мой в последнее время. Отношения мои к министру просвещения Уварову только отчасти известны Вашему Превосходительству, и я умалчиваю об остальном, не любя утруждать никого жалобами. Скажу только об материальном горе!

С падением книгопечатания и книготорговли многие книгопродавцы разорились. Вашему Превосходительству легко справиться, что Ширяев, Жебелев и другие книгопродавцы остались должными «Пчеле» до 45 000 рублей, а бывший правитель типографии и кассир редакции похитил в прошлом году 67 000 рублей[5]. Этот дефицит мы с Н.И. Гречем должны пополнить из собственного имущества, которое весьма невелико, невзирая на толки завистников. Дай Бог только, чтоб я не оставил без куска хлеба шестерых малолетних моих детей[6], при нынешнем состоянии дел «Северной пчелы» и книгопечатания вообще. Мне никак не хочется верить, чтоб добрый наш Государь попустил упасть «Северной пчеле», которая всегда верно служит всем видам правительства, и чтоб близкие к трону вельможи хладнокровно взирали на падение старшего журнала и разорение двух старых и благомыслящих литераторов. Неужели и Н.И. Греч, журналист с 1812 года[7], верный и преданный сын отечества, не заслуживает какой-нибудь милости? И чего же мы просим? Того, что никому не повредит, никого не разорит, чем другие пользуются без спроса, безданно и безпошлинно: что будет для всех выгодным и нас между тем спасет от гибели. Но это не может иначе сделаться, как волею Царскою и Его священным словом! Если Ваше Превосходительство вознамеритесь передать мою записку министру Уварову, то дело хуже, нежели пропало! Оно нарочно будет передано на посмеяние врагам нашим и сделается баснею города! Мы просим Царской милости и чрез то лицо или место, которому известны наши малые заслуги, следовательно, тут нет никакого определенного пути.

Ожидая с нетерпением исполнения моей и Н.И. Греча просьбы, честь имею пребыть, с истинным высокопочитанием и совершенною преданностью

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
30 апреля 1844 СП[етер]бург

Письмо печатается по писарской копии (подпись и дата проставлены Булгариным собственноручно): ГАРФ. Ф. 109. 5 эксп. Оп. 213. Ед. хр. 14. Л. 1—4. Опубликовано: *Лемке*. С. 289—291.

[1]См. ее после данного письма.

[2]То есть А.Ф. Орлов.

[3]Воззвание к войскам и народу Царства Польского было подписано Николаем 5 декабря 1830 г. и опубликовано в приложении к СП № 149 за 13 декабря.

[4]См.: *Ф. Б*[*улгарин*]. Картина Турецкой войны 1828 года//СП. 1828. № 134; *Ф.Б.* Взгляд на Россию в 1829 году//СП. 1830. № 3; *А.Ф.* [Ф. Булгарин]. Беседа к крестьянам о нынешних обстоятельствах [о холере]//СП. 1831. № 222, 223. Что касается процесса над декабристами, то в СП в основном печатались официальные сообщения (исключение — информация о работе следственной комиссии: СП. 1826. № 13).

[5]Речь идет об Иване Петровиче Монтандре. 27 декабря 1843 г. в письме Р.М. Зотову Булгарин утверждал, что СП «была ограблена в прошлом году более нежели на 70 т. рублей ассигн[ациями]...» (Лица. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 415).

[6]Известны четыре сына Булгарина (Болеслав, Владислав, Мечислав и Святослав) и дочь Елена (см., напр., его формулярный список 1857 г.: РГИА. Ф. 412. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 106—112); в апреле 1844 г. у Булгарина родилась еще одна дочь

(см. письмо Н. Греча Булгарину от 3 июня 1844 г.: ИРЛИ. Ф. 623. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7), но, видимо, прожила она недолго.

[7]Н.И.Греч в 1812 г. начал издавать СО.

---

245 [Прошение о разрешении печатать объявления в Прибавлениях к «Северной пчеле»]

Издатели «Северной Пчелы», желая придать своей газете большую занимательность и пользу в глазах русской публики, полагают, что весьма полезно было бы присовокупить к ней частные объявления о разных предметах общежития, о продаже и купле, об отдаче внаймы, о пропажах и проч. Таковые объявления были исстари достоянием *Санкт-Петербургских академических* и *Московских университетских ведомостей*, но ныне пользуются правом печатания их и «Полицейская газета» и «Journal de St.-Pétersbourg», а с 1 января 1840 и «Русский инвалид»; в последнее время право сие распространено и на «Одесский вестник» и на все губернские ведомости без исключения. В § 21 Высочайше утвержденных 16 февраля 1838 г. Правил о обнародовании узаконений и распоряжений правительства, именно сказано: «Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам, но объявления от правительства в частных журналах не допускается».

На основании сего издатели «Северной пчелы» испрашивают милостивого разрешения на помещение, в *особых* к ней *прибавлениях*, частных, одобренных начальством объявлений за установленную плату, с которой (за исключением библиографических объявлений в самой «Пчеле») обязуются вносить двадцать процентов из чистой прибыли в пользу Санкт-Петербургской детской больницы или другого какого-либо благотворительного заведения. Доход с сих объявлений покрыл бы те значительные издержки, которые произошли в редакции «Пчелы» от удвоения числа ее листов и расширения формата, без увеличения подписной цены, и от потерь, простирающихся за сто тысяч рублей ассигнациями, причиненных банкротством книгопродавцев и неисправностью кассира. При увеличении занимательности других газет частными объявлениями «Северная пчела» должна поневоле отстать от прочих изданий, к чему высшее правительство, конечно, не допустит газеты, действующей всеми зависящими от нее средствами в его духе и направлении. Другие газеты от этого нисколько не потеряют, ибо желающий распространить известие о чем-либо охотно напечатает его везде, где только возможно. «Полицейская газета», состоящая преимущественно из объявлений, нимало не уменьшила их в других изданиях. Издатели «Северной пчелы» приложат старание, чтоб печатаемые при ней объявления излагаемы были в приличном тоне и правильным языком русским, что в нынешних объявлениях не всегда наблюдается[1].

июля (так! — *А.Р.*) 1844

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 5 эксп. Оп. 213. Ед. хр. 14. Л. 7—8. Опубликовано: *Лемке*. С. 293—294.

Просьба Булгарина и Греча, о которой шла речь в предшествующем письме, некоторое время оставалась без движения. Греч 5 июля 1844 г. писал Булгарину в

Карлово: «Вчера был у меня Л.В. Д[убельт], и мы толковали с ним о нашем деле. Он не получил удовлетворительного ответа от графа О[рлова], потому что дело представилось за несколько дней до отъезда, и они были в хлопотах, но уверен, что будет говорить и говорить, доколе не сделает. Между тем дал он мне знать, что мы напрасно назначили сбор в пользу приюта и что лучше было бы назначить его в пользу детской больницы. Я отвечал, что для нас это все равно и что мы просим изменить это в записке о нашей просьбе. Кажется, это ему понравилось, и он повторил, что будет всячески стараться об этом, лишь только воротится из Лондона, что, вероятно, последует на сих днях» (ИРЛИ. Ф. 623. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1).

15 июня 1844 г. Булгарин писал Гречу из Карлово: «... для дела о *объявлениях* я вовсе не нужен в Петербурге. Я написал письмо к Б[енкендорфу] — где вычислил смело *мои права* на некую милость и составил записку для извлечения из нее *доклада. Письмо и записку* — прочел я сам Д[убельту], который обещал помогать. Дело должно идти через графа О[рлова]. — Ты же говорил мне, что он меня вовсе не знает и почитает каким-то польским конфедератом времен Пулавского, или наполеоновским наездником. Я от роду не бывал у него и говорил с ним только *мимоходом.* Как я могу явиться к нему? Ты же, напротив, в близких сношениях с ним и можешь не только просить его, но даже говорить с ним откровенно. Я уже все сделал, *что только мог;* остается тебе исполнить, что только в твоей власти, а если ты уже просил Д[убельта], то только стоит настоятельно и лично просить графа О[рлова]. Тут больше делать нечего! Если граф О[рлов] откажет, — тогда уже на мне будет другая обязанность — начать дело *с другой стороны.* — Но лучше и ближе пути нет, как через графа О[рлова], а к нему нет другого пути, как через *тебя*! Итак, расшевелись и притисни графа О[рлова], скажи, что мы ничего более не хочем за нашу службу! Помни, что это будет *вторая* «Пчела»! Если даст Бог, что домашние мои обстоятельства позволят мне приехать в Петербург — все же я ни за какие блага в мире не поеду к графу О[рлову]. А с Дуб[ельтом] мне уже говорить более нечего! Я все высказал и выписал! Граф О[рлов], быть может, человек прекраснейший, но я его вовсе не знаю и чужд ему. Полагаю даже, что он из числа тех русаков, которые вменяют мне в преступление мою наполеоновскую службу...» (Лит. вестник. 1901. № 2. С. 175).

11 июля Греч вновь информировал Булгарина о своих попытках сдвинуть дело с мертвой точки: «Я хлопочу о нашем деле со всеусердием. Л.В. Д[убельт] полагал, что лучше будет, когда я сам напишу к гр[афу] О[рлову] и отдал мне твое к нему письмо. Я нашел, что в твоем письме находятся доводы невозразимые и потому оставил его в полной силе, прибавив только другое, свое письмо, с которого копию при сем посылаю. За сим Д[убельт] советовал мне посетить графа О[рлова] накануне доклада и попросить предварительно. Полагая, что граф в Стрельне, я в прошедшую субботу отправился туда и не нашел его, просил Д[убельта] доложить без моего визита, но получив вчера вечером прилагаемую записку, еду сегодня опять в Стрельну. Что-то будет? Не знаю и мало надеюсь, но употреблю все свои силы и красноречие» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 257. Л. 1). На основании этого письма публикуемую записку и письмо Греча Орлову можно датировать началом июля. Греч писал Орлову следующее:

«Милостивый государь граф Алексей Федорович!

Товарищ мой, Ф.В. Булгарин, в апреле сего года обратился с просьбою об испрошении нам обоим Высочайшей милости к Его Сиятельству графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, письмом на имя Его Превосходительства Л.В. Дубельта, но по случаю предстоявшего тогда отъезда графа и последовавшего вскоре затем отбытия Его Императорского Величества, не было возможности дать ход сей просьбе.

Ныне, по случаю отсутствия самого г. Булгарина, уехавшего на лето в Дерпт, принимаю я на себя, как товарищ и сотрудник его, старание о сем деле и всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство обратить благосклонное Ваше внимание на упомянутое письмо и не оставить нас милостивым ходатайством Вашим у Высочайшего престола.

Не имея ныне никого, кроме Вас, предстателем пред лицом Всемилостивейшего Государя, находимся мы в затруднительной необходимости говорить о са-

мих себе, исчислять свои труды и выставлять свои хотя малые, но усердные и посильные услуги, и в сем случае утешаемся только тою мыслию, что такая нескромность извинена будет обязанностию нашею ходатайствовать и пещись о своих семействах и о будущей их участи.

Вашему Сиятельству известна и жизнь моя, и правила, и труды ученые и литературные, которые всегда находили в Вас беспристрастного и снисходительного ценителя. Ровно сорок лет занимаюсь я русскою литературою (первые труды мои появились в свет в июле 1804 года); с 1812 года издавал я, в течение двадцати пяти лет, «Сына Отечества» и могу сказать с справедливою гордостью, что немало способствовал правительству усердными своими трудами в то беспокойное и критическое время, направляя общее мнение, одобряя унылых, заглушая вопли недовольных и боязливых, опровергая толки неблагонамеренных, возглашая славу России, верность сынов ее, благость и мудрость Государя и милость к Нему Святого Провидения. Видимым памятником той эпохи остался пожертвованный мною капитал, с процентов коего воспитывается в Третьей санктпетербургской гимназии сирота, сын убитого или умершего от ран военного офицера. Еще недавно, в бытность мою в Париже, обрадован я был прилагаемым у сего извещением начальства гимназии о благом действии сего неважного, но усердного пожертвования. В течение двадцати лет издаю я с Ф.В. Булгариным «Северную пчелу», в которой равномерно старался содействовать благим видам и намерениям правительства статьями, нередко обращавшими на меня неоцененное Высочайшее благоволение. При сих тягостных ежедневных трудах не оставлял я и занятий собственно ученых: между прочим написал я «Русскую грамматику», которая имела самое сильное и благодетельное влияние на объяснение, дополнение и упрощение правил русского языка, не только в отношении собственно литературном, но и в письменном его употреблении по делам службы государственной. Ныне занимаюсь я, по лестному поручению Его Императорского Высочества Государя Великого князя Михаила Павловича, составлением Сводной грамматики русской, немецкой и французской для военно-учебных заведений и надеюсь совершить сей важный и полезный труд с желаемым успехом.

Если целая жизнь, проведенная в беспрерывных усердных трудах на пользу Государя и Отечества, заслуживает благосклонного взгляда и милостивого внимания, то Ваше Сиятельство не откажете быть предстателем моим в нынешнем случае и исходатайствованием Всемилостивейшего соизволения на нашу общую просьбу наградите нас за все старания и труды наши, обязав и остаток немногих дней посвятить тому же, что было предметом всегдашних наших занятий и помышлений: усердному содействию видам, намерениям и подвигам благодетельного правительства.

С глубоким высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть, милостивый государь, Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою Николай Греч. Июля 1844» (ГАРФ. Ф. 109. 5 эксп. Оп. 213. Ед. хр. 14. Л. 5—6. Опубликовано: *Лемке*. С. 292—293).

[1]16 июня Орлов, докладывая императору по делам III отделения, ходатайствовал об удовлетворении просьбы Греча и Булгарина. Однако позволение ими не было получено. Орлов надписал на докладе: «Государь не соглашается без согласия министра народного просвещения *невзирая на личное мое объяснение* и на известные мне сношения» (цит. по: *Лемке*. С. 294). Дело было передано на усмотрение министра народного просвещения С.С. Уварова, который ответил отказом.

---

246 [Письмо Л.В. Дубельту 7 ноября 1844]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Если только г. министр просвещения не соглашается на печатание *объявлений* по предполагаемой им трудности в расчете с нами и говорит, что он бы вовсе отказался от *объявлений* при «С.-Петербургских академичес-

ких ведомостях», если б ему вознагражден был доход от 16 до 18 тысяч рублей ассигнациями, — то это дело можно устроить таким образом. «Северная пчела» будет ежегодно вносить в министерство просвещения по 5000 рублей серебром или 17500 рублей ассигнациями в три срока, оставляя сию сумму в почтамте, с начала года, в распоряжении министерства. При сем министерство просвещения избавится от издержек и хлопот и будет получать наличные деньги прямо из почтамта, без всяких расчетов.

Благоволите, Ваше Превосходительство, принять сие в соображение и снестись хотя письменно по сему предмету с г. министром.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорным слугою
Фаддей Булгарин
7 ноября 1844 СПб.

NB. Разумеется, что министерство просвещения, уступая мне право печатать *объявления*, уже не должно печатать их в газетах, от него издаваемых, кроме Москвы, которая до нас не касается.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 5 эксп. Оп. 213. Ед. хр. 14. Л. 12. Опубликовано: *Лемке*. С. 294—295. На письме надпись Дубельта: «Я лично докладывал об этом г. министру нар[одно]го про[свещени]я, но он не согласился».

---

247 [Письмо Л.В. Дубельту в ноябре 1844]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

По делу нашему о *объявлениях* министр просвещения Уваров *не может ничего сделать*, потому что это вовсе не в его власти. Прежде *объявления* печатались только в двух газетах: *С.-П[етер]б[ургских] Академических* и *Московских ведомостях,* и доходы шли на Академию наук и на Московский университет. Когда это было установлено, тогда и большой надобности в *объявлениях* не было, но когда распространилась промышленность в России, то по заграничному примеру потребовалось более мест для публикаций. Ни одна газета от этого ничего не потеряет, ибо кто хочет сделать дело свое *известным*, тот рад, чем более имеет мест для публикации. Без всякого спроса и позволения, кроме «Полицейской газеты», начали печатать объявления «Инвалид»[1], «Journal de St.-Pétersbourg», театральные афиши, — и наконец даже «Литературная газета»! Этой газете мог бы запретить министр просвещения — но газету протежирует директор его канцелярии[2], и он молчит. Если вы спросите у Уварова — он скажет: я не имею права *позволить*, а могу *запретить*, ибо объявления — привилегия *Академических ведомостей* и *Московских ведомостей.* Мы просим у Царя позволения *в пользу народной промышленности* и для прибавления существенного интереса газеты, просим как *милости*, за нашу верную службу, за наши долговременные труды в литературе и просим чрез то место, которому «Северная пчела» подчинена по Высочайшему повелению, чрез жандармерию, которой должны быть известны наши заслуги! Граф Алексей Федорович добр, как ангел, — Вы наш

отец и командир! Махните прямо к Царю нашему, нашему благодетелю и моему вечному покровителю! Доложите хорошо — он не откажет Графу, а нам дадите жизнь и хлеб нашим деткам!

«Отче мой, в руце твои предаю дух мой!»[3]

А уж последний срок — еще неделька — и все пропало!

С истинным высокопочитанием и душевною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Ф. Булгарин

NB. Если верных и преданных слуг чем-нибудь не потешить, — что скажут неверные! О верных сказано в Евангелии: «Просите и дастся вам»[4].

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 5 эксп. Оп. 213. Ед. хр. 14. Л. 13. Опубликовано: *Лемке*. С. 295—296. Письмо не датировано; судя по содержанию, написано вскоре после предыдущего письма.

[1]То есть «Русский инвалид».

[2]В.Д. Комовский.

[3]Лк 23. 46.

[4]Мф 7. 7.

---

248 **[Письмо Л.В. Дубельту 21 ноября 1844]**

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Мне весьма хорошо известно, что Вы никогда меня не любили, потому что никогда *не знали меня коротко*, а только видывали, и были всегда окружены людьми, которые были моими врагами за мою литературную самостоятельность[1]. Но это тем более делает вам чести и возлагает на меня тем большую благодарность, ибо, не любя меня, Вы мне делали добро, при всяком удобном случае, не видя в моем поведении ничего предосудительного, и обращались со мною всегда с величайшею деликатностью. Печатно провозглашал я, что *благодарность* есть *барометр* души — и верю, что человек *неблагодарный* способен на всякое *злодейство*. Не расточая напрасно слов, потому что жизнь слишком коротка, чтоб издерживать время на комплименты, я с сердечным наслаждением повторяю Вам мою благодарность за принятое участие в деле моем и Н.И. Греча — и хотя ходатайство Ваше не имело успеха — но это нисколько не ослабляет чувства моего к Вам.

Верил я русской пословице: «На милость образца нет» — и вижу, где нет милости — там представляют формы, а по форме мы не можем ничего просить и надеяться. Без ропота покоряюсь воле доброго нашего Царя, в безмолвии перенесу мою неудачу и, смотря на благородный лик моего Государя, повторяю только, со вздохом, слова Спасителя, произнесенные Им на кресте: «Отче мой, вскую оставил мя еси»[2].

При сем случае осмеливаюсь представить Вашему Превосходительству письмо, полученное мною с городской почты, от неизвестной особы[3]. Ушиб, полученный мною на улице, от чужой кареты, — препятствует мне самому навесть справки, но если все, что находится в этом письме — справедливо, то я полагаю, что отеческое наше правительство почтет обязанно-

стью исторгнуть от нищеты и работы египетской вдов старых воинов. Впрочем, предоставляю все это Вашему сердцу, изливающему всегда утешение бедным и страждущим.

С истинным высокопочитанием и душевною преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
21 ноября 1844 г. С.-Петербург

Письмо печатается по публикации С. Шпицера: Наша старина. 1916. № 1. С. 70—72.

[1]Булгарин имеет в виду, по-видимому, В.А. Жуковского и А.Ф. Воейкова, с которыми был близок Дубельт, а также его подчиненных В.А. Владиславлева и Б.А. Враского.

[2]Мф 27. 46.

[3]Письмо это нам разыскать не удалось.

---

249 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 23 ноября 1844]

Обидели вы меня, мой любезный Фаддей Венедиктович! — Ну да Бог с вами, — я уверен, что Вы это сделали без умысла, а просто от того, что левою ногою встали с постели, или заяц перебежал вам дорогу, или черная кошка махнула перед вами хвостом. В начале моего письма я назвал вас любезным — и это правда, — и я слишком горд, чтоб называть любезными моему сердцу тех, которых не люблю. — Но любя вас, скажу откровенно, что лучшее средство заставить не любить себя состоит в том, чтоб сомневаться в приятелях и упрекать их. Возвращаю вам ваше письмо с надписью графа А.Ф. Орлова. Возвращаю, как документ, что я люблю вас — и будьте уверены, что много, очень многого надо, чтоб я вас разлюбил. Впрочем, воля ваша, верьте или не верьте, как вам угодно; я, как пономарь, отблаговестил, да и долой с колокольни.

Душевно преданный Л. Дубельт.
23 ноября 1844 г.

Письмо печатается по публикации С. Шпицера: Наша старина. 1916. № 1. С. 69. В журнале дана странная датировка «2 и 3 ноября», мы меняем ее на 23 ноября, поскольку полагаем, что это письмо является ответом на письмо Булгарина от 21 ноября 1844 г.

[1]А.Ф. Орлов надписал на булгаринском письме от 21 ноября 1844 г. следующее: «Читал письмо, но не могу согласиться на то, чтоб начальник штаба не любил редакторов «Северной пчелы». С самого начала моего вступления он всегда выражался насчет их с наивыгоднейшей стороны как на людей, которые оказали большие услуги правительству. Гр[аф] Орлов» (Наша старина. 1916. № 1. С. 72).

---

250 [Записка Л.В. Дубельта Булгарину 16 февраля 1845]

Граф А.Ф. Орлов читал Государю вашу статью от А до Z, мой добрый друг. Разрешив эту статью печататъ[1], Его Величество изволил сказать: «Надо сознаться, что умен очень Булгарин». С удовольствием передаю вам эти слова и прошу верить моей всегдашней, искренней к вам преданности.

Л. Дубельт.

16 февраля 1845 г.

Письмо печатается по публикации С. Шпицера: Наша старина. 1916. № 1. С. 70.

[1]Речь идет, судя по всему, об очередном, весьма на этот раз обширном, фельетоне Булгарина «Журнальная всякая всячина», который был помещен в СП на следующий день, 17 февраля (№ 39). Он был представлен Николаю по той причине, по-видимому, что большая часть его была посвящена театру (эта область всегда вызывала повышенное внимание императора), причем отрицательно оценивалась пьеса Н.А. Полевого, историко-патриотические драмы которого нравились царю. Булгарин выражал недовольство тем, что зрители многократно вызывают актеров во время театральных представлений, поскольку это «разрывает ход пиесы, ослабляет впечатление, сбивает актера или актрису». Более того, покровительство юным воспитанницам театральной школы «выражается неуместными восклицаниями, судорожными рукоплесканиями и беспрерывными вызовами». Он отмечал, что «в нынешнем году посетители италианской оперы разделились на две партии: на *Виардистов* и на *Кастеланистов*, а где только вмешается дух партий и страсти, там нельзя ожидать благоразумия. Одна партия бросает своей любимице один *букет*, а другая своей богине *два*; в отмщение первая партия бросает *четыре* букета, а вторая *восемь!* <...> то, что было выражением чувства, сделалось шалостью, и *лавры* превратились в *сено*!» По поводу премьеры пьесы «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» Булгарин писал, что у Полевого получился «Ермак, вылитый в форму Гамлета и Карла Моора, Ермак — резонер, Ермак — философ, Ермак — краснобай, словом: Ермак Цицеронович! Ни капельки русского удальства, ни словечка из русской речи!» Помимо конкретных тем в фельетоне присутствуют и общие рассуждения о полезности итальянской оперы, облагораживающей чувства, и о народности в искусстве, заключающейся не в обращении к простонародным сюжетам, а в выражении духа народа.

---

251 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 28 февраля 1845]

Письмо ваше от 25 февраля[1] я читал графу Алексею Федоровичу, мой добрый друг Фаддей Венедиктович, и Его Сиятельство поручил мне благодарить вас за ваши добрые чувства. Что же касается до пожалованного вспомоществования г-ну Полевому[2], то граф просит не публиковать об этом, ибо всякая гласность о сей частной милости Государя была бы противна воле Его Величества.

При этом случае граф Алексей Федорович поручил мне просить вас составить еще маленькую статью о букетах, в которой сказать, что исступление господ перенеслось и в балаганы, где у Легата г-же Коломбине также бросали цветы, и что этот пример заразительности ясно доказывает, как высшее общество должно быть осторожно и разборчиво в изъявлениях своей нежной признательности[3].

Душевно преданный,

Л. Дубельт.

28 февр[аля] 1845

Письмо печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 276. Л. 1. Опубликовано С. Шпицером: Наша старина. 1916. № 1. С. 70.

[1]Нам не удалось разыскать это письмо.

[2]После смерти в 1844 г. влиятельного сановника Александровского царствования князя А.Н. Голицына в его бумагах нашлась записка о том, что он намерен был исходатайствовать у Николая I ежегодное денежное пособие Н.А. Полевому, «во уважение трудов его на поприще русской литературы» и того, что он «при многочисленном семействе не имеет никакого состояния» (ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 1; далее в тексте указываются листы этого архивного дела). Об этом было доведено до императора, и тот поручил III отделению собрать информацию о Полевом. Такие сведения были получены от этнографа и фольклориста И.П. Сахарова (текст записки Сахарова и другие материалы, связанные с назначением пенсии Полевому см.: К биографии Н.А. Полевого /Сообщил И. Шляпкин//РС. 1897. № 7. С. 103—107). В подготовленной в III отделении справке (л. 7—8) говорилось о том, что в прошлом деятельность Полевого вызывала недовольство властей, но в последнее время он «неоднократно обращал на себя монаршее внимание полезными его литературными сочинениями, коими он доказал верноподданническую преданность и любовь к Всеавгустейшему дому и Отечеству». Ознакомившись со справкой, император 21 февраля 1845 г. наложил на ней резолюцию: выдать Полевому 1 тысячу рублей серебром «в виде негласного пособия и ежегодно возобновлять это пособие, ежели он того будет заслуживать» (по-видимому, об этом Булгарин и писал Дубельту 25 февраля). Это было не первое пособие Николая Полевому. В 1841 г., узнав о его болезни и трудном материальном положении, царь повелел выдать Полевому 2000 рублей ассигнациями (что равнялось 571,5 руб. серебром) (см.: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1841. Ед. хр. 110; а также: *Полевой К.* Записки. СПб., 1888. С. 510). Выплата пособия шла через III отделение. Полевой в марте 1845 г. написал туда благодарственное письмо, а в январе 1846 г. «отчитывался» в своей литературной деятельности, чтобы получить очередное пособие (л. 12—14).

[3]Булгарин послушно выполнил просьбу А.Ф. Орлова. В очередном своем еженедельном фельетоне «Журнальная всякая всячина» он подробно описал, как на последнем в сезоне спектакле итальянской оперы певцам делали подарки и неоднократно бросали цветы, а в конце «тысячи букетов и гирлянд посыпались на сцену, при оглушительных рукоплесканиях и восклицаниях». «Нет сомнения, — заключал он, — что <...> знаменитости нашей оперы вполне заслужили эти *сувениры* и что они делают честь нашей публике столько же, как и самим артистам. Это и нежно и благородно выдумано, но в исполнении мы желали бы видеть иное. Каждая награда должна сопровождаться важностью и приличием. Отдавая полную справедливость прекрасной идее награждения знаменитых артистов *нетленными* букетами, на *память* Петербурга, надлежало удалить все слишком шумное и всякое преувеличение... Эти преувеличения и шумное изъявление удовольствия дошли до того, что *цветы* лишились всякой цены... Вообразите, что на масляница в балагане Легата ловкая Коломбина, подруга Пиерро и Паяца, была осыпана цветами, и что даже киту (в балагане, на площади Александринского театра) брошен был букет! Говорят, умная Коломбина весьма разгневалась за такое неуважение к ее таланту, приняв бросание цветов за *насмешку*, а киту весьма досадно было, что он не мог *покраснеть* за неистовых цветобросателей!» (СП. 1845. № 49. 3 марта). Любопытно, что и на театральной сцене была высмеяна страсть бросать цветы артистам. 1 ноября 1845 г. в Александринском театре шел одноактный водевиль В.А. Соллогуба «Букеты, или Петербургское цветобесие» (изд. — СПб., 1845).

---

252 [Письмо Л.В. Дубельту 3 апреля 1845]

Отец и командир Леонтий Васильевич!

Судьба предоставила мне печальную обязанность быть биографом почти всех замечательных лиц, скончавшихся в России, в течение 26 лет[1]. —

Об отзыве друзей нечего говорить, но смертельные мои [враги], которым, впрочем, я ничего злого не сделал, кроме того, что не признаю их гениями и светилами мира — сознаются, что некоторые из моих биографий написаны *недурно*. Зная, что узы родства и любви связывали Вас с покойным графом Н.С. Мордвиновым[2], и любя и уважая Вас душевно и искренно, я бы желал хоть чем-нибудь угодить Вам — и рад был бы написать биографию покойного графа, если б имел материалы. А потому, если Вы не поручили никому писать его биографию и имеете материалы, то я охотно возьмусь за это дело и употреблю все силы моего малого дарованья, чтоб биография, хоть несколько, была достойна добродетельного мужа, чистосердечного патриота и глубокомысленного государственного мужа, который дорог мне потому более, что он Вам родственник[3]!

С истинною и душевною преданностью и глубоким уважением честь имею быть

Вашего Превосходительства вернопреданный
Фаддей Булгарин
3 апреля 1845[4]
С.П[етер]бург
дом Меняева, № 93 на Невском проспекте

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Ед. хр. 6.

[1]Булгарин нередко писал некрологические статьи (см., напр.: Граф Коновницын//СА. 1822. № 18. С. 480—488; [некролог книгопродавца В.А. Плавильщикова]//Литературные листки. 1823. № 3. С. 37—39; Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове//СО и СА. 1830. № 1. С. 3—42; Кончина Ивана Ивановича Дмитриева//СП. 1837. № 267, 268; Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове, и беглый взгляд на характеристику его сочинений//СП. 1845. № 8, 9) либо откликался на смерть того или иного лица в фельетоне СП, но тем не менее насчет «почти всех» Булгарин явно преувеличивает.

[2]Л.В. Дубельт был женат на Анне Николаевне Перской (? —1853), племяннице Н.С. Мордвинова.

[3]Содержание ответа Дубельта нам неизвестно, но, судя по всему, подобная биография не была написана, по крайней мере в печати она не появлялась.

[4]Мордвинов умер 30 марта, следовательно, Булгарин обращается со своим предложением на четвертый день после его смерти. В этот же день в СП был помещен без подписи следующий некролог, написанный, по-видимому, Булгариным: «Жизнь сего государственного мужа была столь полна, столь замечательна, что тесный объем журнала не позволяет даже слегка до нее коснуться. Надобно, чтобы подобных людей издавались биографии. Имена их принадлежат отечеству: они суть лучшее наше добро, наша слава!

Кто не знал адмирала Мордвинова? Кто не знал его благонамеренности... Ему принадлежит слава, редкая везде, слава гражданских доблестей, гражданского мужества, слава государственного человека в полном и самом высоком значении этого слова. Мы уверены, что он *долго, долго* будет жить в памяти потомства, и чем долее, тем более будет занимать места в истории» (СП. 1845. № 75. 3 апреля).

---

253 [Письмо А.Ф. Орлову 13 апреля 1845]

Сиятельный граф, милостивый государь Алексей Федорович!

Действуя всю жизнь по принятым однажды правилам, я той веры, что верноподданный обязан содействовать всеми своими способностями твер-

дости и славе священного Престола, и следовательно, не имеет никакого права объявлять каких-либо притязаний на награду. Но испрашивая Царской *милости*, мне кажется, дозволено верноподданному припомнить о его усилиях на пользу общую, предоставляя оценку их Отцу Отечества. Не знаю, заслужил ли я милостивый взгляд моего Государя, но убежден в душе, что я стремился быть полезным в течение 26-ти лет на избранном мною поприще!

До сих пор написано мною и издано в свет, по части словесности: 16-ть томов романов[1], 18 томов повестей, статей о нравах, биографий, разных исторических отрывков и путешествий[2], 1 том путешествия в Швецию[3]. По части ученой: 1 том *Горациевых од*, с латинским текстом и с русским комментарием, пожертвованный в пользу училищ, во время министерства князя Александра Николаевича Голицына[4]; 6-ть томов сочинения «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» с картами, планами и видами[5], и «Суворов», в одном томе[6]. Почти все мои сочинения, а в том числе и «Россия», переведены на иностранные языки, на французский, немецкий, английский, итальянский и даже испанский[7]. Ученого издания «Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий» издал я 56 томов[8], и все русские и иностранные ученые, а в том числе и Карамзин, им пользовались; «Северной пчелы» издал я в течение двадцати лет всего 80 томов[9], а всего написано и издано мною в течение моей литературной жизни 173 тома[10]. Осмеливаюсь утверждать решительно, что ни *один* писатель в России не оказал большей деятельности, и при всем том правительство ни одного раза не сделало мне ни малейшего замечания в политическом и нравственном отношениях[11], и все министерства, даже иногда неблаговолившие ко мне, по другим причинам, признавали труды мои полезными. Везде и всегда старался я и стараюсь возбуждать в читателях любовь и доверенность к правительству, скромность, послушание и чистую нравственность. Благое Провидение наградило меня, за мои тяжкие труды, домашним счастием и, смею явно сказать, такою популярностью, какая достается в удел немногим литературным труженикам. Дерзаю предложить Вам, Сиятельный граф, приказать спросить у первого *грамотного русского человека,* знает ли он меня, — вы услышите обо мне народное мнение![12] В отношении политическом образ моих мыслей и мое поведение в тяжкие годины известны правительству. По положению моему в свете я был окружен врагами правительства, но они, испытав твердость моих политических правил, никогда не смели даже намекнуть мне о своих замыслах[13]. Хотя это и не *заслуга*, но *долг*, однако ж дерзаю припомнить, что я, как уроженец бывшей Польши, подал благой пример моим родичам совестного, искреннего и *честного* смешения племен под одним русским скипетром.

В публике утвердились толки, будто я литературными моими трудами нажил богатство. Хотя это было бы честное приобретение, но, по несчастью, слухи эти несправедливы. Литературными трудами у нас только можно, при большом счастии, прожить безбедно, но не обогатиться. Именье в Лифляндии купил я[14], продав родовые мои вотчины в Могилевской и Гродненской губерниях, чтоб удалиться навеки от гнезда бестолковых политических мечтаний и избавить детей моих от этой заразы[15]. Вместо богатства в литературе, я претерпел жестокие потери и даже введен в излишние расходы банкрутством книгопродавцев Плюшара, Полевого (брата

писателя), Андрея Глазунова и Ширяева. Эти господа брали мои книги, продавали, а денег мне не отдали[16]. Упадок двух деятельных книгопродавцев, Смирдина и Ольхина, у которого в нынешнем году похитили из дому 33000 рублей серебром[17], лишают меня возможности, при их содействии, кончить и издать два полезные мои предприятия, а именно *шесть томов* сочинения «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» и «Летописи последнего двадцатилетия», т.е. царствования Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича, над чем я теперь тружусь. Это будет исчисление и рассказ всего того, что сделано в России в течение двадцати лет, по всем отраслям администрации, по части законодательства, юстиции, просвещения, фабрик и мануфактур, построек, перечень военных действий, словом, картина *всей жизни России.* При этом труде надобно иметь сотрудников для черновой работы, граверов, чертежников, живописцев, архитекторов, и даже высылать нарочно людей в некоторые места. Это сочинение будет без всякой лести и возгласов, ибо простое изложение того, что сделано, будет лучшей похвалой Отцу русской семьи и упреком нашим врагам. Для составления и издания всего этого надобны деньги, а банкрутства книгопродавцев и расхищение кассы «Северной пчелы» (о чем я уже имел честь докладывать Вашему Сиятельству) лишили меня последнего запаса и даже ввели «Северную пчелу» в долги, которые она теперь выплачивает. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Сиятельству, как вернейшему из верных слуг Царских и истинному патриоту, об исходатайствовании мне Царской милости! Прошу всенижайше ссудить меня из казны 25000 рублей серебром на десять лет, с уплатою казенных процентов, под залог имения моего Карлова, в Лифляндской губернии. Один дом возле самого Дерпта стоит *более* этой суммы, и обеспечение долга самое верное. Но тут может мне помочь только *Царская милость,* потому что и в этом случае я не могу опереться на *формы.* Крестьяне в Лифляндии — люди вольные, и имения не принимаются в залог в кредитные установления. Но разве не все равно, если на мое имение наложить *запрещение*? Это так же верно. Я уверен, что когда я сам издам вышеозначенные сочинения, то ворочу занятую из казны сумму и крепко поправлюсь в делах моих: заплачу долг и приобрету благодарность моих соотечественников. Книгопродавцу Смирдину, в награду его заслуг в литературе, выдали гораздо более этой суммы взаймы, из казны, под залог *книг*, оставшихся у него непроданными[18], что также противу *всех форм*! Ужели мои заслуги меньше смирдинских? Залог мой самый верный — и всем известно, что я не мот, но чадолюбивый отец многочисленного семейства.

Ужели луч Царской милости никогда не озарит меня? Сиятельный граф! От Вас зависит это, и если Вы только представите дело нашему доброму, правосудному и благодетельному Монарху, я уверен, что Он не откажет мне в пособии, от которого государственная казна не понесет ни малейшего убытка. О моей вечной благодарности и говорить нечего, но и справедливое потомство вспомнит о добром деле. Кроме Вас, у меня нет предстателей пред Престолом. Впрочем, что бы ни воспоследовало:

Боже, Царя храни!

С истинным высокопочитанием, беспредельным уважением и душевною преданностью честь имею быть

Сиятельнейший граф
милостивый государь,
Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[19]
С. Петербург
13 апреля 1845 года

Письмо печатается по писарской копии (слова «С истинным высокопочитанием» и т.д., включая подпись, вписаны Булгариным собственноручно): ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 160—163. Опубликовано: *Лемке*. С. 296—298.

[1]См.: Иван Выжигин. Ч. 1—4. СПб., 1829; Димитрий Самозванец. Ч. 1—4. СПб., 1830; Петр Иванович Выжигин. Ч. 1—4. СПб., 1831; Мазепа. Ч. 1—2. СПб., 1833—1834; Памятные записки титулярного советника Чухина. Ч. 1—2. СПб., 1835.

[2]См.: Сочинения. Ч. 1—10. СПб., 1827—1828; Сочинения. Ч. 1—4. СПб., 1843; Воспоминания об Испании. СПб., 1823; Картинки русских нравов. СПб., 1842; Комары. СПб., 1842. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843.

[3]См.: Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. Ч. 1—2. СПб., 1839.

[4]См.: Избранные оды Горация, с комментариями, изданные Ф. Булгариным. СПб., 1821. О судьбе этого издания см. примеч. 3 к записке № 22, а также записку № 123 и комментарий к ней.

[5]См.: Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий, Фаддея Булгарина. [Т. 1—6; в т.ч.: История. Ч. 1—4; Статистика. Ч. 1—2]. СПб., 1837.

[6]См.: Суворов. СПб., 1843.

[7]Список переводов книг Булгарина см.: *Венгеров С.А.* Русские книги. Т. 3. СПб.,1899. С. 272—275.

[8]СА выходил с 1822 г., в 1829 г. журнал был объединен с СО и издавался (по 1838 г.) под совместной редакцией Н.И.Греча и Булгарина. По-видимому, переписчик ошибся, т.к. до объединения вышло 36 томов СА, а число томов совместного издания было существенно больше 56.

[9]В СП номера томов не указывались, Булгарин считает томом переплетенный трехмесячный комплект газеты.

[10]Помимо названного выше Булгарин к тому времени являлся автором книги «Картина войны России с Турциею в царствование императора Николая I» (СПб., 1830), а также издателем театрального альманаха «Русская Талия» (СПб., 1825), журналов «Литературные листки» (1823—1824, всего 5 частей) и «Детский собеседник» (1826—1828, совместно с Н.И. Гречем; в год выходило 4 книжки, если считать годовой комплект за том, то всего 3 тома). В 1841—1844 гг. он редактировал журнал «Эконом», в 1842— журнал «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров». Возможно, что при суммарном подсчете томов Булгарин как-то учитывает следующие переиздания: Сочинения. 2-е изд., испр. Ч. 1—12. СПб., 1830; Полн. собр. соч. Т. 1—7. СПб., 1839—1844.

[11]Булгарин получал, конечно, подобные замечания. См. примеч. 5 к письму № 270.

[12]О популярности Булгарина см.: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин и его читатели//Чтение в дореволюционной России. [Вып. 1]. М., 1992. С. 55—66.

[13]Булгарин имеет в виду декабристов, прежде всего К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева и А.О. Корниловича. Во время следствия большинство декабристов утверждали, что Булгарин не был причастен к их движению, в т.ч. А.О. Корнилович: «Могу утвердительно сказать, что они [Булгарин и Греч] не принадлежали ни к тому, ни к другому обществу» (Восстание декабристов. Материалы. Т. 12. М., 1969. С. 328);

П.Г. Каховский: «Я часто видел г. Булгарина у Рылеева, но всегда слышал, что в нем сомневались» (Там же. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 338); племянник Булгарина Д.А. Искрицкий: «Мне неизвестно, принимал ли он какое-либо участие в намерениях на 14 декабря» (Там же. Т. 18. М., 1984. С. 138). Лишь Г. Перетц показал, что Булгарин знал о существовании тайного общества (Там же. С. 136).

[14]Булгарин приобрел Карлово в 1828 г.

[15]Булгарин не совсем точен. По крайней мере, в 1836 г. он писал А.Я. Стороженко: «Бог дал мне 350 душ в Белоруссии, в прекрасном месте, Мстиславском уезде, где земля украинская» (Стороженки. С. 26).

[16]Еще 18 февраля 1838 г. Булгарин писал А.Я. Стороженко: «Плюшар сбанкрутовал и увлек в падении своем сочинение мое «Россия» и проч. Я потерял 78 000 рублей <...>» (Стороженки. С. 32). В 1839 г. типограф и издатель А.А. Плюшар был объявлен несостоятельным должником. Денежные затруднения испытывали и другие книгопродавцы (в т.ч. К. Полевой с конца 1841 г., см.: *Полевой К.* Записки. СПб., 1888. С. 541—544, 561). В конце 1842 г. Булгарин сетовал, что СП потеряла около 60 000 руб. «на книгопродавцах, которые, собрав подписку, деньги удержали, а редакции сообщили только списки, кому посылать газету» (СП. 1842. № 250. 7 нояб.). А.Н. Вульф в январе 1842 г. писал в дневнике следующее: «Надо заметить, что книгопродавцы наши ведут свои дела очень плохо. Хотя книги у нас и дороже, чем где-либо, а главные торговцы ими все разоряются. Все, которые из них брались за издание книг, банкрутились: Плюшар с своим «Энциклопедическим лексиконом» и роскошными иллюстрированными изданиями; московский член разных ученых обществ Ширяев — своими хозяйственными и общеполезными изданиями дошел до того, что после смерти его в прошлом году книжная лавка его также закрылась; наконец, Смирдин, издавший на несколько миллионов сочинений русских классических писателей, тем самым расстроил совершенно свои дела <...> по совершенной безграмотности своей они должны были разориться, особенно когда сами писатели и преимущественно журналисты наши воспользовались этим. Булгарин своею «Россией» подорвал Плюшара, Сенковский за редакцию «Библиотеки для чтения» тоже со Смирдина брал столько, что тому немного от нее оставалось. Эти господа составили себе большое состояние, а книгопродавцы разорилися». (РС. 1899. № 4. С. 46—47).

[17]Сын М.Д. Ольхина вспоминал впоследствии, что «11 января 1845 года круто изменило нашу жизнь, в этот день у нас из квартиры украли около 30 тыс. рублей» (Из записок Павла Матвеевича Ольхина//Наука и жизнь. 1993. № 8. С. 136). С тех пор Ольхин стал испытывать финансовые трудности. В январе 1848 г. он прекратил свою торговую и издательскую деятельность. Булгарин считал (как он писал 4 сентября 1850 г. Гречу), что его «ограбил Ольхин и ввел в долги» (Древняя и новая Россия. 1876. № 1. С. 98; см. также заведенное в полиции в 1851 г. дело по жалобе Булгарина и Греча «на неблаговидные поступки» Ольхина «в денежных расчетах его с просителями»: РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. 1851 г. Ед. хр. 2110). Однако сын Ольхина утверждал, что «Булгарин должен был нам довольно большую сумму денег, и мой отец, в свою очередь, был должен его конторе некоторую сумму. Когда тот пожелал получить назад свои деньги, отец возразил, что уладил дело и потому не считает себя обязанным возместить долг в полном размере требуемой суммы. Однако, вследствие того, что Греч являлся родственником (если не ошибаюсь, зятем) президента долговой комиссии Безака, дело было повернуто таким образом, что [весной 1852 г. — *А.Р.*]<...> моему отцу было предъявлено обвинение в том, что он якобы намеренно уклоняется от погашения долга <...>» (Цит. по: *Сокова Е.М., Абрамов В.В.* Петербургский книжник 40-х годов XIX в. Матвей Ольхин//Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 206—207).

[18]Николай Полевой писал 12 ноября 1841 г. брату Ксенофонту: «...дела Смирдина <...> ухудшаются. Он дошел до последней крайности. Ему вышло теперь

пособие от государя: велено дать 30000 рублей сер., на шесть лет взаймы с залогом». (Цит. по: *Полевой К.* Записки. СПб., 1888. С. 529).

[19]На письме надпись Дубельта: «Гр[аф] Орлов изыщет случай и средства, чтобы исполнить желание Фаддея Венедиктовича». Однако Булгарин не получил согласия на свою просьбу, см. следующее письмо. Не были выпущены и те книги, на издание которых он просил ссуду.

---

254 [Письмо Л.В. Дубельту 23 апреля 1845]

Отец и командир!

Я не знаю, как Вас называть! *Милостивый государь* и *Ваше Превосходительство* — все это так далеко от сердца, все это так изношено, что любимому душою человеку — эти *условные* знаки вовсе не идут! — А я люблю и уважаю вас точно *душевно*! — Ваша доброта, Ваше снисхождение, Ваша деликатность со мною — совершенно поработили меня — и нет той жертвы, на которую бы я не решился, чтоб только доказать Вам мою привязанность!

Но вот *последняя* моя просьба! По доброте и деликатности своей Вы изволили заезжать ко мне. Мне бы следовало *немедленно явиться к Вам* — и вот я на коленях умоляю Вас извинить меня и *позволить не являться*, по крайней мере *некоторое время* — пока грусть моя несколько утихнет и нервы успокоятся. — Я нахожусь в таком раздраженном положении, что прячусь от людей! — Признаюсь, мне не хотелось бы из *Ваших уст* слышать *отказ* в моей просьбе! Если б было что-нибудь хорошее — Вы, по доброте своей (как покойный М.Я. фон Фок), не утерпели бы, чтоб не уведомить, а теперь хотите *усладить горечь пилюли*! — Нет, добрый и благородный Леонтий Васильевич, есть *горечи*, которых *нельзя усладить*! Не *дело* важно, но доказательство, во что меня ценят, после 26-тилетних трудов — вот что убийственно! — Об одном прошу Вас — разуверить, если б кто верил, что я поступил дерзновенно, обратясь в нужде к моему Государю. Я думал: если сочинителю «Гаврилиады», «Оды на вольность» и «Кинжала»[1] оказано столько благодеяний и милостей (Пушкину)[2], если банкруту Смирдину дано взаймы 35 т. руб. серебром, под залог хлама, т.е. *непродающихся книг*, если Полевому, которому сам Государь запретил журнал, дана пенсия[3] и проч., и проч., то почему же не дать *взаймы* мне, под *верный залог* именья, за которое граф Канкрин давал сперва 300 000 руб. ассигн[ациями] для университета (Земледельческого института), а после хотел купить для себя за 350 000 руб. асс[игнациями]. — Ведь я просил *не подарка*! Покойный барон Штиглиц дал мне на слово 50 000 руб. ассигн[ациями], которые я заплатил; во время процесса моего Мольво дал мне, под расписку, 10 000 руб. сереб[ром], чему я имею доказательства. Я человек *не нищий* и не без *кредита* и весь мой авантаж — был в *двух процентах*!!! Просил я *не невозможного* и не над силы мои, но теперь вижу, какое место мне назначено в русском царстве — и я, как улитка, прячусь в мою раковину!-— Досадно мне, что я послушался советов приятелей — да уж не воротишь! — Скомпрометировался — а делать нечего! — *Есть Бог и потомство — быть может, они вознаградят меня за мои страдания*... Ведь надобно же чем-нибудь утешаться!

С искреннею и душевною преданностью
и высокопочитанием, честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
23 апреля 1845
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 157. Опубликовано М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 490—491; повторно: *Лемке*. С. 299. На копии письма (л. 158) запись Дубельта: «Доложено графу [А.Ф. Орлову] и Его Сиятельство теперь не докладывает [императору], потому что желает исполнить, но боится отказа».

[1]Ода «Вольность» была написана в 1817 г., широко распространялась в списках, попала в руки Александру I в 1820 г. и послужила одним из основных поводов ссылки Пушкина на юг в том же году (в то время ее нередко именовали «Одой на вольность», см., напр.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 207, 217, 254, 460). Стихотворение «Кинжал», созданное в 1821 г., стало известно Николаю I в 1826 г., во время следствия над декабристами, что не имело, однако, неприятных последствий для Пушкина. И, наконец, поэма «Гавриилиада», сочиненная в 1821 г., дошла до правительства и стала предметом разбирательства в 1828 г. Пушкин долго отрицал свое авторство; но потом сделал письменное признание Николаю, чем дело и было исчерпано (см.: Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902. С. 3—6; Кн. 13. СПб., 1909. С. 1—2).

[2]В 1826 г. Николай I освободил Пушкина от обычной цензуры, взяв на себя цензурирование его сочинений; в 1831 г. открыл поэту доступ в архивы для работы над историей Петра I, в 1832 г. подарил ему многотомное «Полное собрание законов Российской империи» (стоимостью 560 руб.) и приказал дать синекуру (чисто номинальную службу в министерстве иностранных дел), приносившую 5 тыс. рублей ассигнациями в год, в 1833 г. пожаловал Пушкину придворное звание камер-юнкера, в 1834 г. повелел напечатать в пользу Пушкина за казенный счет «Историю пугачевского бунта» (затраты казны составили около 3300 руб.), а также выдать поэту (по его просьбе) ссуду в 20 тыс. рублей, в 1835 г. по его указанию была выдана еще одна ссуда в 30 тыс. рублей. После гибели Пушкина Николай повелел выдать 10 тыс. рублей на похороны, уплатить долги (138 988 руб., в том числе 44 тысячи казне), назначить пенсию вдове и дочерям (соответственно 5 и 1,5 тыс. руб.), принять сыновей в пажи и выплачивать по 1500 р. в год на каждого на их воспитание, а также издать за казенный счет собрание сочинений в пользу вдовы и детей (на что было истрачено 50 тыс. рублей). См.: Дела III отделения Собственной его императорского величества канцелярии об А.С. Пушкине. СПб., 1906. С. 243—256; *Макаров А.Н.* Дело о напечатании «Истории пугачевского бунта» в Архиве бывшего II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии//Пушкин и его современники. Вып. 16. СПб., 1913. С. 77—92; Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 118—125, 175, 355—358.

[3]О пособии А.Ф. Смирдину см. примеч. 18 к письму № 253; о пособии Н.А. Полевому — примеч. 2 к письму № 251.

---

255 [Письмо Л.В. Дубельту 10 января 1846]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство о покровительстве подателю сего письма г-ну Киркору, юному литовцу, воспитанному по

новой системе, *в русском духе*, знающему основательно русский язык. Мне кажется, что все бедствия в Польше происходят от того, что поляки *не знают России*, и просвещение их в этом отношении было бы для них благодеянием. Вот почему проект г-на Киркора кажется мне полезным. Человек он надежный и весьма благонамеренный.

Пользуясь сим случаем, чтоб излить пред Вами чувства моего высокопочитания и беспредельной душевной преданности, с коими честь имею быть навсегда

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[1]
10 января 1846
С. П[етер]бург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 2. Опубликовано: *Лемке*. С. 315. На письме надпись Дубельта: «Граф не одобряет, но, впрочем, это зависит от м[инистра] н[ародного] п[росвещения]».

[1]К письму была приложена подготовленная самим А.Г. Киркором «Записка о службе и литературных трудах коллежского регистратора А. Киркора» (л. 3—5). В ней он излагал свою биографию (окончил в 1838 г. Виленский дворянский институт, в том же году поступил старшим столоначальником в Виленскую казенную палату и до сих пор находится на этой должности, опубликовал ряд сочинений на русском и польском языках) и просил позволения издавать в Петербурге литературную газету «Echo Newy» («Невское эхо») на польском языке (на ней надпись Дубельта: «Не наше дело»). В программе газеты Киркор писал, что «в России до сих пор нет журнала или газеты, которые бы служили посредником между Восточною и Западною Русью, искони родными, но не раз расторгаемыми на долгое время историческими событиями и переворотами. Слиянные ныне, после вековых смут, в единое великое целое, два одноплеменные народа успокоились под Русским скипетром и могут приязненно сообщать друг другу плоды умственных произведений, созревавшие в течение веков». Он пояснял, что хочет знакомить польских читателей с русской литературой, с целью «искоренить вековые предубеждения и предрассудки» и содействовать «скорейшему и полнейшему осуществлению великих намерений мудрого правительства — неразрывному слиянию Руси Восточной с Западною». Разрешения Киркор не получил (о чем см. в следующем письме и комментарии к нему), но с Булгариным сблизился и в дальнейшем поддерживал дружеские отношения. Вернувшись в Вильну, он поместил в местном журнале «Атенеум», выходившем на польском языке, очерк «Петербургские впечатления» (подписав его псевдонимом Ян из Сливина), где дал панегирическую характеристику Булгарина. Сообщив, что они познакомились 27 декабря 1845 г., Киркор писал, что «имя его принадлежит сейчас всей Европе», а «его литературная репутация настолько высока сейчас в России, что его суждение публика воспринимает как изречение оракула» (*Jan ze Śliwina* [Kirkor A.] Wrażenia Petersburga//Athenaeum. 1846. T. 4. S. 225).

---

256 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 14 января 1846]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

По докладу письма Вашего от 10 сего января граф Алексей Федорович не изволил одобрить предположения г. Киркора насчет издания

литературной газеты на польском языке; но, впрочем, Его Сиятельству угодно было заметить, что разрешение по этому предмету зависит от г. министра народного просвещения[1].

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, прошу Вас принять уверение и пр.

Л. Дубельт

14 января 1846

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 6.

[1]Киркор обратился к министру народного просвещения С.С. Уварову, но тот отказался входить с прошением к императору о разрешении этого издания (см. цензурное дело: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1920).

---

257 [Письмо Л.В. Дубельту 15 января 1846]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Программу г-на Киркора представлял я Вашему Превосходительству не для того, чтоб испрашивать позволение на издание журнала на польском языке, зная, что это принадлежит министру просвещения, который, разумеется, не дозволит, но эта программа представлена мною только *для сведения*. Я той веры, что только *убеждением* можно успокоить встревоженные умы и уязвленные сердца в Польше, и для *убеждения* у нас *ничего* не предпринимается и, вероятно, долго еще не будет предпринято. — От чего это происходит, что, невзирая на строгость мер к пресечению всех покушений противу русского правительства, беспрестанно появляются новые жертвы? От заблуждения! — Надобно плакать и смеяться, когда слышишь, что поляки говорят и что они за границею пишут о России, не из злобы, но по неведению, по ложным известиям и предположениям. Непостижимо, что *опровержение* заблуждений насчет России столь же строго запрещено у нас, как и самая *ложь*! Приказано всем молчать — и все молчат — а в умах хаос, в сердцах яд — просто нравственная чума! — По моему мнению, противу *нравственной силы*, неуловимой *силою физическою*, надлежало бы действовать *нравственною же силою*, а именно, *правдою* противу *лжи*, *добродушием* противу *ожесточения*, *просвещением* противу *заблуждений* насчет России. — Зная совершенно дух и характер Польши, я бы взялся, под карою смерти, в течение *пяти лет*, одною *письменностью* успокоить Польшу и убедить поляков, что все их счастье, все благосостояние края зависит от тесного соединения с Россиею, разумеется, если б в крае не было таких чиновников, как, например, киевский Писарев, о которых анекдоты гораздо занимательнее и ужаснее «Парижских тайн»[1]. Но как мое дело — *сторона*, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и беспрерывное стремление к добру, *уведомил* вас о предприятии г-на Киркора, в котором нашел то же искреннее желание к примирению и соединению Польши с Россией, которое и меня одушевляет, предоставляя, впрочем, этот подвиг Провидению!

Пользуюсь сим случаем, чтоб повторить Вашему Превосходительству чувства глубокого уважения и душевной привязанности, с коими навсегда пребываю

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
15 января 1846
СПб
Qui ne *fut* rien
Pas même académicien![2]

NB. Слышал я, что рассказывают русские чиновники министерства внутренних дел, возвратившиеся из Лифляндии, — и *знаю наверное*, что там происходит. — Рассказы эти так же далеки от истины, как Земля от Солнца! — Есть Бог, и «Сердце царево в руце Божией»[3]. — Вот одна надежда и утешение!

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 7—8. Опубликовано М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 497—498; повторно: *Лемке*. С. 316—317.

[1]Булгарин справедливо сравнивает рассказы о Н.Э.Писареве с литературной новинкой — сенсационно-разоблачительным романом Э.Сю (издан в 1842—1843 гг. и переведен на русский язык в 1844 г.), который он высоко ценил (см.: Лица. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 394). Н.И. Минаев писал в своих воспоминаниях, что в первой половине 1840-х гг. при киевском генерал-губернаторе Д.Г. Бибикове «состоял правителем канцелярии некто П[исаре]в, человек весьма умный, необыкновенно деятельный, к которому Бибиков имел полную, слепую доверенность. Пользуясь своим положением, он управлял губерниями и в действительности был настоящим генерал-губернатором, а Бибиков носил только одно звание. Злые языки прибавляли, что Бибиков имел связь с женой П[исаре]ва, урожденной Г., славившейся своей красотой. Даже ходили в то время анекдоты. П[исаре]в не был бескорыстен, а позволял себе брать взятки. Когда он слишком уже неосторожно предался взяточничеству, и Бибиков узнал об этом, то сказал П[исаре]ву: «Послушай, о тебе дошли до меня гадкие слухи». «Какие, ваше высокопревосходительство?» «Говорят, ты взятки берешь». «Это все выдумки людей, мне завидующих. Мало ли что говорят, — всему верить нельзя. Например, мне говорят, что ваше высокопревосходительство находитесь в преступной связи с моей женой. Я этому не верю. И вы прекрасно сделаете, если подобно мне не будете верить слухам, распространяемым на мой счет». Бибиков должен был замолчать <...>» (*Минаев Н.И.* Записки//ИВ. 1901. № 10. С. 60). Служивший под началом Писарева П.Д. Селецкий отмечал, что «в каждом деле Писарев искал личной пользы и находил ее» и что «ходили довольно неблагоприятные слухи о причинах его влияния и насчет нравственных его качеств» (*Селецкий П.Д.* Записки//Киевская старина. 1884. № 9. С. 88, 82; см. также С. 83, 86, 87). А.О. Смирнова-Россет считала, что «всем известно, что умный Бибиков жил с женой Писарева, правителя его канцелярии; этот брал взятки беспощадно» (*Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 232).

В III отделении по слухам о взяточничестве Писарева еще в 1840 г. было заведено специальное дело. В этом году жандармский полковник Бек докладывал из Киевской губернии, что ходят «в публике слухи, что будто бы он брал деньги и неблагонамеренно действовал по службе» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Ед. хр. 25. Л. 5). Позднее в III отделение поступали сообщения, что Писарев за взятки освобождает

от ответственности поляков, подозреваемых в политических преступлениях, и даже вымогает деньги у ни в чем не виновных лиц. Сообщалось также, что «Писарев, кроме способностей его к службе и изворотливости, имеет поддержку в красоте молодой его жены» (Там же. Л. 22). Писарев брал крупные взятки в несколько тысяч рублей, требуя ежегодных выплат с подведомственных Бибикову гражданских губернаторов; те же, кто отказывались от выплаты подобной дани, подолгу не утверждались в должности. В 1840 г. он получил 46 тыс. руб. от подольских дворян, замешанных в дело участника польского освободительного движения Конарского, в 1847 г. —35 тыс. рублей от волынских помещиков в связи с введением инвентарей (см.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 146—147). Однако на все представления III отделения Бибиков отвечал оправдывающими Писарева записками. В.И. Аскоченский, который некоторое время был подчиненным Писарева, писал о нем в дневнике: «Я очень хорошо знаю вдоль и поперек Писарева: он был взяточник, по-своему понимавший честь и совесть, но в уме ему никто отказать не может, и все мудрые и по своим результатам благодетельные распоряжения Бибикова по всем трем западным губерниям сделаны при посредстве этого проклинаемого взяточника. Дмитрий Гаврилович поступил в таком случае, как глубокий политик: он допускал малое, частное зло для общего и большого блага. Он хорошо знал про взяточничество Писарева и сносил его, потому что нужен был ему ум и деятельность этого человека» (*Аскоченский В.А.* Дневник//ИВ. 1882. № 9. С. 472). В итоге III отделение ничего не смогло сделать с Писаревым. Лишь в 1848 г. он покинул свой пост, однако по представлению Бибикова был даже повышен в должности, получив пост олонецкого гражданского губернатора. Однако и там он проявил себя плохо. О.М. Бодянский записывал в дневник, что «его никто в губернии не терпит за низкие поступки, жена с векселями на ее имя уехала в Париж и не думает о нем: он ее сам повел по развратному пути, употребляя, говорят, ее красивое личико средством для своего корыстолюбия» (РС. 1889. № 10. С. 131). В итоге в 1851 г. один отставной чиновник дал Писареву пощечину в церкви, после чего тот вынужден был уйти со службы.

[2]Который не *был* никем,//Даже академиком! (*фр.*). Булгарин обыгрывает слова из автоэпитафии А. Пирона (см. о ней: НЛО. 1995. № 13. С. 157) «Здесь спит Пирон; он славы не снискал//И даже академиком не стал» (указано В.А. Мильчиной).

[3]Пр 21. 1.

---

258 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 21 января 1846]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

По докладу моему письма Вашего от 15-го января граф Ал[ексей] Фед[орович] Орлов изволил поручить мне изъявить Вам искреннейшую его благодарность за Ваши извещения и мнения. Зная Вас за человека опытного, умного и благонамеренного, Его Сиятельство весьма уважает Ваши мнения, и если некоторые из них не приводятся тотчас в исполнение, то не менее того, подавая повод к соображениям, они приносят свою пользу. Посему Его Сиятельство будет Вам особенно благодарен, если вы и на будущее время не оставите, с прежнею откровенностью, сообщать обо всем, что, по Вашему мнению, признаете важным или достойным внимания, и будьте уверены, что ни одно основательное замечание Ваше не останется без последствий, иногда негласных, но всегда полезных.

Примите уверение в чувствах моего истинного к Вам уважения и совершенной преданности.

Л. Дубельт

21 января 1846 г.

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 9. Опубликовано: *Лемке*. С. 317.

259 [Письмо Л.В. Дубельту 24 февраля 1846]

Добрейший и благороднейший отец командир Леонтий Васильевич!

Когда надобно сделать кому *зло* — каждый говорит, что это *по его части*, а когда надобно делать *добро* — все говорят: *не по моей части*! Только одно III-е отделение — общая маменька — если не в силах сделать добро — то утешит! И то благодеяние!

Умер литературный враг мой Николай Полевой. Не хотел он, чтоб Россия любила меня и раскупала мои сочинения — и вредил мне, сколько мог, в своем кругу, в течение 24 лет[1]. Спросите у всех книжников, они Вам скажут, что я два раза выкупал его из тюрьмы. — Но вот его нет — а семейство — 9 человек детей, жена, старая няня — без куска хлеба! Полевой был полезный и деятельный литератор, любимый народом, потому что вышел из среды его. Царь наш благ и великодушен — ужели оставит он семью народного писателя без хлеба! Нет — этого не будет! Если я, враг Полевого, умоляю Вас, на коленях, просить за несчастное семейство — что же скажут его приверженцы! Граф Алексей Федорович не откажется быть ходатаем у Престола за семейство заслуженного и полезного писателя — это говорит мне мое сердце. Отче, умилосердись! Если б семье дать пенсию[2], а нам позволить *объявить народную подписку* — на уплату долгов и обеспечение малолетних — было бы чудное и великое дело! Сочинений его издавать *нельзя* в пользу семейства, ибо все они *законтрактованы* книгопродавцами! Милосердия, милосердия! «И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим!»[3]

При сем прилагаю несколько *правд*. Знаю, что глас вопиющий в пустоте, но с души долой — и легче!

С истинным и глубоким высокопочитанием и душевною преданностью

верный до гроба
Фаддей Булгарин
24 февраля 1846
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 15. Опубликовано (с небольшими сокращениями) М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1886. № 4. С. 40.

[1]О взаимоотношениях Н. Полевого и Булгарина, значительно более сложных, чем изображено тут, см. в справке о Н. Полевом в указателе имен. По свидетельству П.П. Каратыгина, «на смертном одре, в предчувствии и сознании близкой смерти, Полевой спросил у кого-то из окружающих: «Не сердится ли на меня Булгарин?» Эти слова были последним воспоминанием умирающего о покидаемом навеки литературном поприще <...> Похороны Полевого происходили при многочисленном стечении публики. При выносе гроба из Богоявленского собора Николы Морского, Булгарин, протискиваясь сквозь толпу, силился ухватиться за гробовую скобу; П.А. Каратыгин, стоявший тут же, сказал ему: «Фаддей Венедиктович, кажется вы уже довольно *поносили* покойного при жизни!» Эта заметка <...> вызвала невольную улыбку у

всех присутствовавших, и у Булгарина первого. Так рассказывал нам об этом сам покойный П.А.Каратыгин <...>» (*Каратыгин П.* «Северная пчела». 1825—1859//РА. 1882. Кн. 2. С. 289—290). Ср. аналогичное изложение этого эпизода со слов адмирала П.И.Рикорда, помогавшего нести гроб Полевого: *Бурнашев В.П.* Клуб анекдотистов и каламбуристов//Биржевые ведомости. 1873. № 234, а также: *Бюлер Ф.А.* Н.А. Полевой//РС. 1871. № 12. С. 677; *Лохвицкий И.В.* Из давно прошедшего (Похороны Н.А.Полевого)//РС. 1895. № 8. С. 156.

[2]В тот же день А.Ф. Орлов, докладывая императору, сообщил о смерти Полевого и бедственном положении его семьи. Николай повелел продолжать негласно выплачивать по 1 тыс. руб. серебром в год семье (см.: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 16). В 1847 г. III отделение писало в справке о Полевом: «Хотя вначале направление Полевого было несколько свободомыслящее, но после 1834 года, когда запрещен был журнал его, за критическую статью об одной драме Кукольника, и когда в III отделении сделано было ему внушение, он в полном смысле исправился и до конца жизни был ревностнейшим поборником всех благих целей правительства» (Там же. Л. 38об.).

[3]Мф 6. 12.

---

260 Несколько правд, предлагаемых на благорассуждение

Кабинетные ученые и так называемые *книжные черви* везде обуреваемы страстью вводить теории в дела общественные. Из этого произошло в мире много *смешного* и много *злого*. — Я человек совершенно практический: верю теории тогда только, когда она испытана на практике; ищу разума в *книгах*, а поверяю *на людях*. Судьба поставила меня в такое положение, что в течение 25 лет я ежедневно вижусь с людьми разного сословия, прибегающих ко мне, как к какому-нибудь канонику (chanoine) с исповедью, за советом и за справкою[1]. Редкий порядочный помещик, провинциальный купец или чиновник побывает в столице и не завернет ко мне *потолковать* и познакомиться. О столичных жителях и говорить нечего. Бывают дни, что у меня утром от 8 до 2-х часов перебывает до 50 человек! Справиться легко — правда ли! Благодаря Бога, люди имеют ко мне доверенность, потому что я никому не изменял и не изменяю. — Кого утешу, кому посоветую терпение, за иных попрошу и похлопочу — а между тем узнаю ход дел и общественного мнения. Всего не перетолкуешь, да мне и писать некогда; но вот для пробы представлю несколько выдержек из общественного мнения.

1) Носились слухи в городе, *якобы* Государь Император, встретясь где-то с графом Киселевым, за границею, указал ему на книгу (путешествие французского инженера с женою[2], по южной России, для нивелировки пространства между Черным и Каспийским морями)[3], в которой сказано и доказано, что в России есть *система сокрытия истины*, от низшего чиновника до высшего сановника, и что таким образом Государь Император весьма мало знает, что делается в России. Не вхожу в разбор, справедливо ли, что Государь Император говорил об этом Киселеву, но что в словах жены инженера есть много правды, — это, кажется, не подлежит сомнению.

Например: если б я открыл, что *будочник* был пьян и оскорбил проходящую женщину, я бы приобрел врагов: 1) министра внутренних дел, 2) военного генерал-губернатора, 3) обер-полициймейстера, 4) полициймейстеров, 5) частного пристава, 6) квартального надзирателя, 7) горо-

дового унтер-офицера и *par-dessus le marché*[4] — всех их приятелей, усердных подчиненных, и так далее. Спрашивается: кому же придет охота открывать истину, когда каждое начальство почитает врагом своим каждого, открывающего злоупотребление или злоупотребителей в части, вверенной их управлению?!!

Если б я был начальником какой части, я был бы благодарен каждому, кто бы вырвал дурную траву из моего огорода!

Должен ли министр отвечать за открытие злоупотреблений в его управлении? Тогда должен отвечать, когда *знает* и *прикрывает*; но невозможно министру отвечать за чиновника, делающего зло, за 3 000 верст или за сто шагов от него, когда перед ним *все скрывают*, чтоб избежать наказания или ответственности *за допущение злоупотреблений*! Тут чистая логика! Когда все ответственны за одного, то все прикрывают зло. *Все* значит *никто*: tout le monde — c'est personne![5]

От системы укрывательства всякого зла и от страха ответственности одному за всех выродилась в России страшная система министерского деспотизма и сатрапства генерал-губернаторов. Это такое зло, которое угрожает величайшими бедствиями Престолу и Отечеству, и ожесточает все сословия народа в высшей степени. Русская пословица твердит: «Бог высоко, царь далеко». Но в старину можно было броситься в ноги царю, перед Красным крыльцом, а теперь нет никаких средств довесть истины до царя. Комиссия *прошений* — есть комиссия *отказов*. Вы подадите жалобу на министра или на военного генерал-губернатора, и вашу просьбу отсылают на разрешение в то место, на которое вы жалуетесь, и к тому самому лицу. Чиновники, до директора, определяются самими министрами, от них вполне зависят и служат им, а не Государю и Отечеству. Государь и Отечество для чиновника — отвлеченная идея, une idée transcendantale!

2) Заглянем на корень зла.

Блаженной памяти император Александр Павлович в начале и даже в половине царствования сильно придерживался либеральных идей и в этом духе учредил министерства, по примеру конституционных государств[6]. Но в конституционных государствах министры *ответственны* перед палатами и парламентом и находятся под контролью свободного книгопечатания. В чистых монархиях всегда был и есть *первый* министр, ответственный за всех пред государем, следовательно, власть находится всегда *сосредоточенною*, centralisé.

У нас какая ответственность министров? *Их отчеты*! А кто их поверяет? *Никто*! Пишут, что угодно. На бумаге блаженство, в существе горе! Сами чиновники, составляющие отчеты, смеются над этой *поэзией*, как они называют *отчеты*. Chef -d'œuvres[7] этой поэзии — это *отчеты* министерства просвещения!

Из этого вышло, что министры разделили между собою Россию и господствуют в своих *уделах* самовластно, давая полную власть тем генерал-губернаторам, которые сильны при дворе и связями. Милосердие, правосудие, благость царствующего, при таком порядке дел, — почти бесполезны для государства, потому что Государь видит одни только *доклады*, т.е. что нужно докладывающему, а не то, что полезно Его подданным. Кончилось тем, что *Собрание законов* и *Свод законов*[8], великий подвиг доброго нашего Государя, полезен только в теории и производстве тяжебных дел, а в адми-

нистрации или управлении государства Свод законов и Собрание законов *не имеют ни малейшей силы* и подчиняются *министерским предписаниям*! Трудно верить, а правда! Мало того! Чтоб быть независимым в своем *уделе*, каждый министр охотно принимает в своем управлении предписания другого министра, что касается до его части, и выходит сцена из Мольеровой комедии: «Passez-moi la rhubarbe, je vous passerai la magnésie»[9] или т.п.

Было бы забавно, если б не было больно!

Возьмем *ничтожные* примеры! Пронеслась весть, что Государю Императору благоугодно заглядывать в «Северную пчелу», — и вот все министры согласились между собою, чтоб в «Пчеле» *ничего не печатать* без их воли! Кажется, уж и без того довольно безмолвия в России, но надобно было заглушить последний законный голос, — и заглушили! В Цензурном уставе в главе первой, в статье 12-й, между прочим, сказано: «Дозволяются всякие суждения о *новых общественных зданиях,* об *улучшениях* по части *народного просвещения*, если сии суждения не противны общим правилам цензуры». Кажется, ясно, а, между тем, граф Клейнмихель отнесся, чтоб не дозволять даже *упоминать* о новых зданиях и всем, касающемся до его управления, без его воли! Уж где нам *судить и рассуждать*! Мы хотим сказать: «*воздвигнуты* новые конногвардейские казармы», — нельзя, посылайте к графу Клейнмихелю! «Пароходы ходят по Белу-озеру» — нельзя: может быть, граф Клейнмихель не хочет, чтоб это было известно! А устав напечатан в Своде законов! Князь Чернышев не доволен даже, когда «Пчела» перепечатывает из «Инвалида»! Это еще ничего, но вот сам министр просвещения[10] *приказал*, чтоб «Северная пчела» не перепечатывала *постановлений министерства просвещения* из «Журнала» министерства[11], без воли директора просвещения[12], а это уже и противу устава и противу привилегии, Высочайше утвержденной для «Северной пчелы» блаженной памяти императором Александром! Чего же боятся, чтоб постановления министерства были перепечатаны? Чтоб *не дошли до сведения* Государя Императора! Чудная система!

А между тем, что печатается в наше время! Я не доносчик, но стоит расспросить хоть одного благонамеренного грамотного человека, — он укажет такие вещи, за которые и в Англии посадили бы в тюрьму. Люди поумнели: тайных обществ не составляют, но всем, хотя мало знакомым с литературою, известно, что у нас существует чрезвычайно сильная партия, под покровительством могущественного чиновника в министерстве просвещения[13], действующая в духе *коммунисма* и правил неистового либерализма. — У меня бездна жалоб, даже от епископов, но это не мое дело! Известный литератор и академик Борис Федоров представил мне некоторые *выписки*, от которых волосы становятся дыбом, когда вспомнишь, что после себя оставляешь шестерых малолетних детей[14], противу которых вострят, на твоих глазах, топоры! Но партия эта приобрела лестью сильнейшее покровительство, и ее никто не дерзает затронуть, тем более, что она привязала к себе и материальными интересами. Мне об этом не следует распространяться, чтоб не подумали, будто я действую по духу литературной вражды, но возьмите, если угодно, от меня *выписки* Бориса Федорова и расспросите ЕГО — не стращая, а лаская — уверен, что ужаснетесь![15] Для краткости я привел в пример ниспровержения законов министерскими предписаниями только Ценсурный устав. Все уставы также ниспровергнуты, где они затрудняют самовластие министров.

Важный вопрос! Болезнь указана, а есть ли лекарство? Есть, и *не новое*. В самодержавном смягченном, как наше, государстве — другого управления быть не может, как *коллегиальное*, введенное Петром Великим, по совету великого Лейбница. Когда Император Александр уничтожил его и ввел министерства, он думал приготовить государство к конституции, что впоследствии и было *напечатано* по-русски, при учреждении Царства Польского[16]. В *коллегиальном управлении* есть *ответственность* министров, и самовластие их умеряется голосами членов, от них *независимых*. Теперь пусть член совета министерского подаст голос противу министра, ему не дадут ленты или попросят выйти в отставку. Император Александр чувствовал потом ошибку свою, что уничтожил *коллегиальное управление*, и учредил советы министров; но этим дела не поправил, подчинив министру членов совета и предоставив ему их выбор!

Порассудите и справьтесь, — увидите, что я говорю правду!

3) Когда я хотел напечатать *исторический вывод,* в опровержение чужеземных клевет на Государя и Россию, без *всяких споров* с клеветниками, мне [было] сказано, что не нужно входить с ними в разглагольствия, а, между тем, в то же самое время напечатали в «Journal de St.-Pétersbourg» одну из самых *жестоких* выходок противу действий правительства! По совести должен я сказать, что эта статья произвела весьма неприятное впечатление для правительства. Из всех трактиров и кондитерских нумер газет похищен (как говорят трактирщики), а верно то, что у многих куплен. Мне известно, что давали по 200 за нумер. — Упрек правительству в этой статье насчет *пропаганды* православия тем сильнее подействовал, что в то же время появились в лифляндской газете «Inland» две статьи, якобы *подтверждающие* истину упрека. Прилагаю при сем газету «Inland»*. Выражения чрезвычайно замечательные! Это в точном смысле псалом: «*Тамо, на реках Вавилонских, седяхом и плакахом*»[17]. Лютеранская вера называется *«сиротствующею вдовицею»*, аки Рахиль безутешная, в одежде печали[18], и т.п. Чудеса! До какого *отчаянья* должны быть доведены эти люди! И в какое время посевают ненависть в сердцах образованного сословия пограничных губерний? — Ради Бога, скажите, так ли должно действовать православие во славу свою, на пользу Царя и Отечества, как оно действует? В журнале «Маяк» с дозволения духовной цензуры печатаются вещи, которые были бы смешны и в XV веке! Описано, как *черт* был посредником между *Христом и пьяницей*, и т.п.[19]! Вот вам книжица, предсказывающая *скорое представление света*! Это то же, что было в Европе в 999 году по Р.Х., а вот другая книжица *противу* лютеранской веры, которую исповедует столько людей, *начальствующих православными*![20] Как же православный будет уважать человека, заблудшего в вере, еретика? Non-sens[21], вред Царю и Отечеству, и, как сказал Грибоедов в «Горе от ума»:

«Все под личиною усердия к царю!»[22]

Мне лютераниcм так же чужд, как и магометанство, но не чужды слава Царя и благо России, которая, дерзаю сказать, любит меня и верит мне! Хоть сожгите меня на костре, но должен высказать правду, ибо почитаю это долгом совести!

4) Во всей Польше бунты и заговоры! Ужели есть хотя один такой дурак в Польше, чтоб верил, будто *восстание* может победить благоус-

*NB. Со стола кто-то взял — но отыщу и пришлю.

троенные армии *трех* государств[23]? Сомневаюсь! Ведет в пропасть *отчаянье*. Отчаянье — это порох, а искры брошены *извне*. В 1789 году и в 1830, когда западным революционерам надобно было сделать *диверсию* на Север, — они подожгли Польшу. История — то же, что математика: по двум *известным* отыскивают третье *неизвестное*. Заговоры и бунты в Польше, а огонь тлеет теперь в Германии: в Пруссии и Австрии. Я не пророк, но увидите, что откроется по следствию, если только на следствии будет хотя один дальновидный человек! Искры брошены из Кенигсберга, Кельна и из Венгрии. Иначе быть не может! — Польские эмигранты — если участвуют, то второстепенно. — Я убежден, что в Германии приготовляется революция, и поляков возмутили, чтоб *занять* державы. — По моему мнению, ничего нет легче, как управлять поляками. Народ живой, легковерный, удобовоспламенимый: с ними надобно *играть* как с детьми, в игрушки, надобно занять их страсть к деятельности и их воображение. Все зависит от выбора людей, которые бы не *уничижали* их. При мне самый верный царю поляк *заплакал*, когда услышал, что Писареву (киевскому) дали ленту! Но теперь не в том дело. Главное в том, что — я полагаю — Польша взбунтована Германией и Венгрией, и в Пруссии что-то готовится недоброе. И теперь именно раздражают донельзя остзейцев!!!

Какая польза от того, что я говорю правду? Ровно никакой! В начале польского бунта (в 1831 году), когда я составил из трех *отрывков* газет такую реляцию о восстании, что князь Любецкий верил, якобы она составлена в Варшаве, нашим там агентом, граф Бенкендорф обещал мне золотые горы, которых я вовсе не хотел и не требовал. Он хотел выслать меня в Варшаву, вместо графа Гауке — для усмирения умов, — и уж, конечно, я много сделал бы добра, — меня не признали способным! Писака бо есмь! Когда наши шли *со стороны Праги* в Варшаву, я написал к Бенкендорфу: «Зачем хотите пробивать лбом стену, когда можете *переправиться чрез Вислу на прусской границе* и подойти к Варшаве от Воли!» Бенкендорф задушил меня в объятиях, — а все я остался *нулем*: раз в жизни попросил — безделицы — и отказали со стыдом!![24] Но и интересы мои, и самолюбие, и честолюбие кладу на жертвенник истины, и хотя знаю, что словеса *нуля* пойдут на *ветер*, почитаю долгом высказать то, что, по моему мнению, полезно моему Государю, которому я присягнул служить верою и правдою![25]

Тут можно было бы и много пояснить.
Да чтоб гусей не раздразнить![26]

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. № 11. Ч. 1. Л. 10—13. Опубликована М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 491—497; повторно: *Лемке*. С. 317—322. На находящейся в том же архивном деле копии записки надпись: «Доложено графу [А.Ф. Орлову] 4 марта 1846» (Л. 14).

[1]В «таком положении» Булгарин оказался в 1825 г., когда начал издавать (совместно с Гречем) СП, т.е. 21 год назад.

[2]Речь идет о Ксавье и Адели Омер де Гелль.

[3]См.: *Hommaire de Hell X. et A.* Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. 3 vol. Paris, 1843—1844 («Прикаспийские степи, Кавказ, Крым и Южная Россия. Путешествие живописное, историческое и научное») — описание путешествия 1839 г.

[4]и сверх того (*фр.*).

[5]все — это никто (*фр.*).

[6]Министерства в России были учреждены в 1802 г.

[7]шедевры (*фр.*).

[8]Кодификацией законодательства по указанию Николая занималось II отделение Собственной его императорского величества канцелярии. В 1829—1833 гг. было издано «Полное собрание законов» в 51 т., в 1833-м — «Свод законов» в 15 т.

[9]«Передайте мне ревень, а я вам передам магнезию» (*фр.*) — слова из 1-го явления 3-го действия комедии Мольера «Любовь-целительница». Их произносит один из врачей, имея в виду, что, занимаясь лечением одного больного, они не должны критиковать друг друга.

[10]С.С. Уваров.

[11]Имеется в виду «Журнал министерства народного просвещения» (1834—1917).

[12]То есть директора департамента народного просвещения.

[13]Булгарин имеет в виду директора канцелярии министра народного просвещения В.Д. Комовского.

[14]См. примеч. 6 к письму № 244.

[15]А.В. Старчевский вспоминал, что Б.М. Федоров «был ретроград и настоящий бич русской современной литературы, которую он ненавидел <...> Все новое и живое было для него невыносимо и приторно. Высказываемые им печатно мнения вооружили против него и общество, и всю пишущую братью, которая всю жизнь травила его, как зайца, и не давала ему покоя. В отместку за это Федоров, знавши ходы с задних крылец к лицам, имевшим влияние на русскую литературу, представлял им самые неблаговидные отчеты об известных литераторах и их произведениях. Особенно он недолюбливал «Отечественные записки». О вредном, по его мнению, направлении этого журнала он написал «записку» в целых пятнадцать печатных листов, как он сам это утверждал, и представил куда следовало, но на усердный и усидчивый труд Федорова не было обращено, по его же словам, должного внимания. "Но все-таки, — прибавлял при этом достойный критик, — труд мой хранится в архиве"» (*Старчевский А.В.* Воспоминания старого литератора//ИВ. 1888. № 10. С. 107—108).

Подготовленный Б.М. Федоровым краткий обзор содержания «Отечественных записок», в которых он находил: «I Противународность, II Безнравственность, III Вольнодумство, IV Противурелигиозность», был передан в III отделение в конце 1846 г. Текст его см.: *Лемке.* С. 313—315.

Б.М.Федоров доносил на «Отечественные записки» не только в III отделение. А.В.Никитенко записал в своем дневнике 6 января 1846 г., что попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин «более всего громит <...> «Отечественные записки»<...> мы узнали, из какого источника почерпает Мусин-Пушкин свои мнения о русской литературе. Он заимствует их у Бориса Михайловича Федорова, несчастного автора детских книжонок, обруганного всеми журналами. Жажда мести увлекла его к доносам, на которые он и прежде уже покушался. Теперь же он окончательно определился в шпионы к казанскому хану (т.е к А.В. Мусину-Пушкину, ранее бывшему попечителем Казанского учебного округа. — *А.Р.*) и руководит его суждениями о всех вопросах современной русской образованности» (*Никитенко.* С. 297).

[16]Имеется в виду речь Александра I 15 марта 1818 г. в Варшаве на сейме, в которой он заявил: «Образование, существовавшее в вашем краю, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» (перевод с французского П.И.Вяземского, опубликованный в газете «Северная почта» (1818. № 26), цит. по: Остафьевский архив. Т. 1. М., 1994. С. 473). Об этой речи и судьбе подготовленного вслед за ней

проекта конституции см.: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 374—393.

[17]Пс 137. 1.

[18]См.: Иерем 31. 15.

[19]Булгарин имеет в виду исповедь солдата-пьяницы «Преследование от злых духов после перепоя» (Маяк. 1845. Т. 22. С. 33—47), присланную в журнал священником Н. Богомоловым. Солдат рассказывал, как ему неоднократно слышались разные голоса и как «среди самой ночи послышал голос, говорящий мне, что Господь Бог из любви ко мне, не хотя погубить меня, как прежде посылал ко мне диавола, так и теперь (их собственное название) посылает возвестить мне, чтобы я удержался от всех грехов, кои пагубны для каждого христианина <...> А я мысленно и спрашиваю у него, почему Господу Богу не благоугодно было возвестить это мне другим образом, а не чрез диавола? который отвечал, что Бог чрез ангела не возвестил мне потому, что я грешник и недостоин его святого присутствия и что милосердный Творец посылает их, нечистых духов, и на многих людей, коих только любит, дабы тем отвратить от грехов» (С. 43—44).

[20]К записке были приложены брошюры: О преставлении света или О кончине мира. М., 1845; *Бенескриптов Е.* Об источниках христианской религии, по учению православно-кафолической церкви, сравнительно с учением лютеран о сем предмете. СПб., 1845.

[21]бессмыслица (*фр.*).

[22]Цитата из монолога Чацкого в 1-м явлении 2-го действия комедии.

[23]России, Австрии и Пруссии, разделивших между собой в конце XVIII в. Польшу.

[24]Булгарин имеет в виду свою просьбу о ссуде под залог имения (см. выше письмо № 253).

[25]В 1806 г., при окончании кадетского корпуса. Текст присяги с подписью Булгарина см.: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 4191. Л. 59.

[26]Булгарин неточно цитирует басню И.А. Крылова «Гуси». Правильно: «Баснь эту можно бы и боле пояснить —//Да чтоб гусей не раздразнить».

---

261 [Записки Л.В. Дубельта Булгарину о пособии семье Н.А. Полевого]

[1]

Что можно было сделать, то и сделано по письму вашему[1], мой любезный Фаддей Венедиктович: Отец-Государь повелел выдавать вдове[2] и детям[3] Полевого по 1000 р. серебром в год. Радуюсь, что могу сообщить Вам такое хорошее известие, и уверен, что и Вы порадуетесь.

Дружески обнимаю Вас.

Л. Дубельт

25 февр[аля] 1846

[2]

Граф А.Ф. Орлов просит Вас, любезный Фаддей Венедиктович, не печатать в газетах о милости, оказанной Государем г-же Полевой.

Душевно преданный, Л. Дубельт.

27 февр[аля] 1846.

[3]

«Спасибо Булгарину за статью о Полевом, — меня она тронула! Видно, что он писал ее от чистого сердца и дал такой умный намек о бла-

гости, озарившей могилу усопшего[4]. Скажи ему мое искреннее спасибо» — вот слова графа Алексея Федоровича Орлова, которые передаю Вам с особенным удовольствием, мой любезный Фаддей Венедиктович.

Л. Дубельт
2 марта 1846

Записки печатаются по автографам: ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 2082. Опубликованы Т.А. Сосновским: РС. 1872. № 2. С. 299.

[1]См. письмо № 259.

[2]Имеется в виду Н.Ф. Полевая.

[3]У Н. Полевого было пять сыновей (Владимир, Никтополеон, Алексей, Сергей и Петр) и четыре дочери.

[4]Речь идет об опубликованном в этот день в СП очередном фельетоне Булгарина «Журнальная всякая всячина», часть которого была посвящена описанию похорон Н.А. Полевого, состоявшихся 28 февраля. Булгарин писал, в частности, что «две семьи присутствовали на похоронах: кровная семья и литературная. Литераторы бросили в могилу, вместе с землею, все мелочные литературные расчеты и отношения, и сохранили в сердце чувства любви и уважения к достойному собрату, в котором литература лишилась сильной подпоры. — Мир праху твоему и честь твоему имени, заслуженный товарищ на трудном поприще русской словесности! Любил ты Русь православную, и еще могила твоя не закрылась, а уже озарила ее благость..... Скромность и благоговение налагают печать молчания на уста наши, но мы можем сказать, что любовь твоя к России нашла отголосок и в сердцах русских. Сограждане твои оплакивают тебя!» (СП. 1846. № 46). В обществе о пенсии семье Полевого было известно (см., напр.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 9. СПб., 1884. С. 211).

---

262 Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-тилетие

Социализм и *коммунизм*, два вида одной и той же *идеи*, породившей *якобинизм, санкюлотизм, карбонаризм* и все вообще секты и общества, стремившиеся и стремящиеся к ниспровержению монархий и всякого гражданского порядка, созревали в Германии гораздо прежде, чем в других странах, в которых слабость правления позволила им *обнаружиться*. В Германии разрушительные идеи скрывались и скрываются в мраке так называемой *немецкой философии* и религиозного мистицисма, породившего идею ниспровержения христианства и принявшего наименование *пантеисма* или общебожия*.

Адепты этой философии, не составляя тайных обществ и не следуя особым уставам, действовали и действуют в духе *социализма* или *коммунизма* и *пантеисма,* потому что это надежное оружие к приобретению влияния на народ и богатства.

Германские правительства, хотя видели зло, но не знали, где скрыто его гнездо, и никак не воображали, чтоб самые опасные революционные идеи (коммунизм и безверие, пантеизм) происходили из *философии*, которой протестантские немецкие государи почитали своею обязанностью покровительствовать, по духу Реформации, основанной на *умствовании*

---

*Основная идея пантеисма: все в боге и бог во всем, т.е. бог — вся натура вместе взятая — чистый *материализм*.

и *критицисме*, т.е. на праве каждого человека подвергать все *разбирательству*, или *анализу*.

Спокойно проповедовал профессор Гегель безбожие в Берлине, наслаждаясь уважением и покровительством покойного короля, по воле которого вся система высшего учения в Пруссии основана была на гегелисме.

По смерти Гегеля два ученика его, Страус и Фейербах, обнаружили тайну гегелисма, начав явно проповедовать противу христианской веры — и теперь только и христианские ученые и немецкие протестантские государи постигли, какое неисцелимое зло нанесли они человечеству, споспешествуя его отраве превратными идеями. Социализм или коммунизм суть нераздельные части той же философии и пантеисма, вперяющих идеи *равенства* между людьми, *натурального права* на *общее владение землею* и *уничтожения всех различий между людьми и всякого частного имущества.*

Между сектаторами выбираются всегда два рода людей, к действованию на народы явно: *смелые* или *дерзкие* в государствах, где существует свобода книгопечатания, и *хитрые* и *прозорливые* в странах, где нет свободы книгопечатания, но где открыто свободное поприще для действия, по невниманию правительства к умственной жизни народа.

Разрушительные идеи проникли в Россию в двух видах. Под именем *свободы* и *конституции* они перешли к нам после Рейнского конгресса[1] и сосредоточились в так называемом *Союзе благоденствия*[2], из которого потом составилась возмутительная и кровожадная шайка[3], и под именем *немецкой философии,* обуявшей московских ученых и мнимых ревнителей просвещения[4]. Эту немецкую философию привезли в Москву из Германии, в начале двадцатых годов, профессоры Давыдов и Павлов, может быть и [не] подозревая, что они привезли яд, увлеченные блеском новизны и лаком мудрости! В Москве тотчас образовалась огромная партия философов*, избравших орудием своим «Московский телеграф», издававшийся покойным Полевым[6] и они начали сильно действовать на читающий класс идеями *свободы* и *патриотисма.* Быстрая развязка 14 декабря устрашила философов, но не уничтожила их намерений, и когда, наконец, запретили «Московский телеграф», партия, считая своим патриархом знаменитого Новикова, шествовавшего еще при императрице Екатерине II к той же цели, путем *мартинисма*, вознамерилась перенести свои действия в Петербург, чтоб овладеть властями, найти сильное покровительство и поставить себя *в безопасное положение.* Многие попытки не удались, но, наконец, нашелся человек, который достиг своей цели и поставил себя в такое положение, что правительство уже не в состоянии уничтожить его влияния, потому что он имеет самых сильных заступников и покровителей во всех правительственных лицах, которые, чтоб не скомпрометировать себя, должны скрывать истину пред Престолом и убийственный яд, который они допустили разлиться, представлять безвредным!

Этот человек есть *Краевский.* Он родился в Москве от незаконной связи бывшей содержательницы женского пансиона, г-жи фон-дер-Пален, с неизвестным человеком. Бедный и развратный белорусский шляхтич Краевский, как говорят, за 300 рублей ассигнациями согласился дать

*Бакунин, отказавшийся от русского подданства, и один профессор (не помню названия), Боткин, купец, Клюшин, ныне сумасшедший, профессор Редкин[5], и проч. и проч.

дитяти свою фамилию. Госпожа фон-дер-Пален (кажется, до сих пор *девица*) признает себя побочною дочерью известного Архарова, а по крайней мере воспитывалась в его доме и неизвестно по каким причинам приняла знаменитую фамилию фон-дер-Паленов! Она лишилась носа и на месте его носит *черный пластырь*. Однако ж это, при сильной протекции, не послужило препятствием к основанию *женского пансиона* (ай, да Москва!), который теперь уже не существует, по воле г-на Краевского, считающего себя теперь *аристократом*![7] Краевский воспитывался в Москве и кончил курс учения в тамошнем университете[8]. Мать не могла давать ему много, и он занялся преподаванием уроков русского языка и, наконец, лет за десять перед сим приехал в Петербург[9]. Карьера его началась преподаванием уроков богатому г-ну Давыдову (путешествовавшему по Греции[10]) и служащему в министерстве просвещения. Краевский выправлял его сочинения и через него сделал некоторые связи. Давыдов рекомендовал его в редакторы «Журнала министерства просвещения»[11]. Потом Плюшар, купив у наследников право на издание «Литературной газеты», поручил Краевскому редакцию[12], а, наконец, Краевский сам задумал издавать журнал в большем размере, и чтоб избежать всех формальностей, сопряженных с *позволением,* вознамерился *купить* у вдовы Свиньина право на журнал «Отечественные записки»[13]. Тут он показал всю свою смышленость и хитрость. Начал он с того, что нашел акционеров, давших ему деньги (в том числе Давыдова и князя Одоевского) на покупку журнала и на издание в обширном виде[14]. Потом убедил акционеров и вдову Свиньина, что журнал идет *очень плохо*, и купил у них право на часть журнала, сделавшись одним его хозяином[15], успев, однако ж, прежде, *через их посредство,* найти во всех министерствах твердую опору и сильное покровительство, которое он теперь поддерживает, привязав к себе денежными выгодами сильные лица в министерствах. Покойного графа Бенкендорфа убедили покровительствовать журналы, принадлежащие Краевскому («Литературную газету», купленную у Плюшара, и «Отечественные записки»), именем несчастных вдов и сирот двух писателей: Воейкова и Свиньина и распространять журнал чрез жандармов[16]. Чтоб иметь покровителем В[еликого] к[нязя] Михаила Павловича, Краевский взял место в Павловском корпусе[17], где был инспектором первый друг его и сотрудник Шенин (педераст), пользовавшийся *неограниченною доверенностью* честного Ростовцева! В министерстве внутренних дел есть у Краевского сильнейшая подпора — Даль, первый любимец министра[18] и доверенное его лицо, которого все губернаторы боятся более, нежели Перовского. В министерстве просвещения у Краевского сильные плечи, директор министерской канцелярии, Комовский, сам философ, переведший на русский язык многие сочинения *немецких философов*[19], и любимец министра доктор Спасский[20], врач министерской любовницы, девицы фон-дер-Фук. — Журналы Краевского насильно навязывают чиновникам и *вычитают из жалования*[21], и он получает до *ста тысяч* рублей дохода. С этими средствами легко действовать в России, в каком угодно духе! Ценсора — его сотрудники[22], получают плату, имена их были объявлены в числе сотрудников, и каждый человек, имеющий какое-либо влияние по службе или в свете, если он пишет, немедленно приглашается *за дорогую цену* в сотрудники. — Все обстоятельства благоприятствовали Краевскому. — Писателям негде было печатать, потому что «Северная пчела» не может печатать *длинных статей,* а «Библиотека

для чтения» берет не иначе статьи, как с *правом поправлять их* и исключать из них лишнее, что противно авторскому самолюбию[23]. Краевский стал печатать *все*, и сверх того платить деньги и *хвалить без милосердия* своих сотрудников и их критиков, и в князьях Вяземском, Одоевском и графе Соллогубе нашел сильных защитников в большом свете.

Между тем журнал «Отечественные записки», издаваемый *явно, без всякого укрывательства в духе комунисма, социалисма и пантеисма*, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало. С одной стороны, раздается *вопль* людей благонамеренных и истинных христиан, которые не постигают, как правительство может терпеть такой журнал, с другой стороны, разорившееся и развратное дворянство, безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым *нечего терять,* — и при перевороте есть надежда *все получить* — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч., почитают «Отечественные записки» своим *Евангелием*, а Краевского и первого его министра Белинского (выгнанного московского студента)[24] — *апостолами*![25] — Всего этого не видит правительство, и напротив, награждает Краевского и поручило ему издание своей официальной газеты «Русский инвалид»!!![26]

Как действует Краевский в своих журналах, особенно в «Отеч[ественных] записках», в которые правительственным лицам тяжело заглядывать, *по толстоте книжек*? — Действует умнее Марата и Робеспьера! — Вся прежняя наша литература, поэзия и проза, сатира и комедия, имела *характер монархический и религиозный*. Бог и Царь — были *священны* и *неприкосновенны*. Краевский стал *разрушать* всю прежнюю литературу, доказывая, что она *никуда не годится*, устарела, обветшала и что наше поколение требует *новой литературы*. Карамзин, Державин — словом, *все прежнее* — до Гоголя, уничтожается в «Отеч[ественных] записках». — Стариков мудрено соблазнить переворотами и старики могут удержать юношей, а потому в каждой книжке «Отеч[ественных] записок» доказывается, что человек, доживший до 40 или 50 лет, *ни к чему более не способен и должен почитаться мертвым и что миром должно управлять новое поколение*. Несколько раз указывала на это «Северная пчела» — но правительство на это *не смотрит,* а цензура *не позволяет* другим журналам *делать выписки* из «Отеч[ественных] записок», потому что сами же цензора — сотрудники этого журнала! — Все направление или tendence[27] «Отеч[ественных] записок» клонится к тому, чтоб возбудить *жажду к переворотам и к революциям*, и это проповедуется *в каждой книжке*. Выбирать трудно примеры, потому что *зло в духе и в направлении* — и читая журнал сплошь, ясно видишь, к чему направлена каждая статья. Но чтоб правительство видело хоть *каплю* этого духа — возьмем кое-что наугад, что под рукою:

В «Отеч[ественных] записках», 1842 № 6, месяц июль, на стр. 25 напечатано: «Как *внутренние потрясения, внешние бедствия*, изменение нравов и верований *укрепляют*, так сказать, *новейшие* государства, так разрушали они древние»[28].

Ясно ли? — Следовательно, для укрепления *новейшего* государства (а в Европе нет новее России и Бельгии) нужны *внутренние потрясения*, т.е. *революции*, изменение наших монархических *нравов* и *верований* — и от чего упал Рим, от того восстанет Россия! — Кажется ясно, а к тому же везде есть *толкователи*!

«Отеч[ественные] записки», 1841 года, № 8, том IV, отделение II. — «Что не распадалось на *противоположности*, в том еще *нет жизни,* потому что нет *любви.* И в народе, пока *он не начал еще отрешаться от природы*, не может быть никакой жизни. *И горе тому народу*!»

«Народы, предназначенные для *жизни,* в самый миг появления на свет начинают *процесс движения,* начинают *расторгать свои узы* и *поражать* еще не окрепшими дланями *воздоившую их грудь*»[29].

В этом темнофилософском языке, толкуемом юношеству адептами новой философии, очевидно стремление к возбуждению народа *к движению, к расторжению* того, что разбойники называют *узами*, и к *поражению груди* — правительства! Слепой разве не увидит! Но вот пояснее!:

«Отеч[ественные] записки», 1844 г., № 2, стр. 98: «Бог на кресте, освящающий *свободу и равенство* не одних римских граждан, но *и всех людей,* как членов одного человечества, присущего Его Божественности, вот что победило древний мир и *не перестает развиваться и оплодотворяться в мире новом*!»[30]

Ясно ли? — Более не сказали ни Марат, ни Робеспьер! Вот правила Рылеева, изъясненные в предсмертном его письме к жене: «Умираю во Христе!»[31]

А чтоб заманить к *революции*, вот какую перспективу показывают «Отеч[ественные] записки» 1844, «Смесь», стр. 79, где говорится о Бернадоте (короле шведском):

«Когда вспыхнула революция 1789 г., он в девять лет выслужил только сержантские галуны. *Понятно поэтому* (!!!), *что он с жаром принял сторону революции,* которая, уничтожая *все отличия,* основанные *на рождении* и *воспитании, позволяла простому рядовому домогаться самых высших чинов. Повышение шло быстро*»[32].

Краевский, редактор «Инвалида» (ибо Пезаровиус ничем не занимается) перепечатал то же и в № 53 «Русского инвалида», *вторник,* а чтоб дело было *понятнее* солдату, вместо *сержанта* поставил *фельдфебеля.* Правительство находит это превосходным!

А вот и прелестная пиитическая картина революции! «От[ечественные] записки» 1844, № 1, стр. 60. Говорится о революции: «Любопытно проследить это *умственное движение* (вспомним, что прежде говорено было о *движении*) века. Правда, не раз придется содрогнуться при виде колебавшихся основ общества: всюду *всеобщая радость*(!!!) о гибели веками освященного порядка, радость, часто страшная, как сатанинская улыбка князя тьмы. Истинно есть величие в этом XVIII столетии, но это величие оледеняет ужасом душу, подобно величественному пожару дремучих лесов»[33].

Лес горит — страшно смотреть, но *не опасно* — а потому — *всеобщая радость*! Впрочем, «Отеч[ественным] запискам» не страшна сатанинская улыбка. Вот чем они восхищаются и выписывают за образец в своей критике:

Господен ангел чист и ясен.
Над ним горит небесный луч.
Но пышный демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч![34]

«Отеч[ественные] записки» везде научают не робеть зла и, говоря о Гамлете, 1844 г. № 2, стр. 101 и 102, не решающемся на цареубийство, так изъясняются:

«Он знает, что ему должно делать; на что его *вызвала судьба*, и он *робеет* предстоящего подвига, бледнеет страшного вызова, колеблется и *только говорит,* вместо того, *чтоб делать*, в своей *позорной* нерешительности»[35].

После этого чему удивляться, когда говорят, что революция возбуждает *всеобщую радость*!

За статью «Прометей» берлинский профессор был выгнан из университета. Прометей изображает аллегорически народ, ищущий *свободы*, а Юпитер, приковавший его к скале, есть *монархия*. Старый миф, которого применение воспаляет умы. У нас это прошло без внимания в «Отеч[ественных] записках» 1843 года, № 2, стр. 48 — пред и после[36].

«Отеч[ественные] записки», 1845 г. № 11, в статье «Науки и художества», стр. 59 и 60, *фальшиво* рассказали мифологию индусов о божестве Кришне, для того только, чтоб сказать, что история Иисуса Христа *взята оттуда*. Это целиком из безбожных Страуса и Фейербаха! «Отеч[ественные] записки» прибавили: «и рождение его, т.е. божества *Кришны*, празднуется с *24 на 25 декабря*!»[37] и напечатали это курсивом, не забыв прибавить, что все это было за 1800 лет до *христианской веры* — для пояснения, откуда она взята! — Право, ужасно!

Теперь взглянем на ту декабрьскую книжку «Отеч[ественных] записок» 1845 года, где правительство не может найти ничего *предосудительного*!

Книжка начинается повестью «Кто виноват». Тут изображен отставной *русский генерал* величайшим скотом, невеждою и развратником. Жена его такая же дрянь. Генерал, будучи холостяком, взял к себе крепостную девку, прижил с нею дочь и, женившись, велел девке *выйти замуж за своего камердинера*, а дочь сослал в лакейскую. Жена генерала берет ее в комнаты. Эта девушка и учитель генеральского сына, *негодяя* — герои повести. Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сын лекаря, и прижитая дочь с крепостной девкой — *образцы добродетели*[38]. — Все одна и та же идея, которую производил всегда Полевой и весь их собор! Повесть бы и прошла, как все подобное проходит, незамеченным — но у Краевского *во всем последовательность*, и чтоб дворянство, поставленное в тень, было мрачнее — в книге набросаны *социальные идеи*. И где же? В разборе актов, изданных правительством!

Разбирая акты виленские и киевские, критика «Отеч[ественных] записок» храбрость и упорство малороссийского народа при освобождении его от польского ига почитает *детскою забавою* и *духовные братства*, существовавшие в том крае для защиты православия, почитает ничтожными, потому что ни казацкое товарищество, ни братства не развили *социальных идей*. Вот образчик умствований: № 12, декабрь, 1845, «Критика», стр. 54.

«Учреждения *социальные*, какими, по-видимому, были *братства, всего менее способны исчезать так, как они исчезли*. Отчего же *этот закон, нигде не изменившийся,* был нарушен славянским племенем, носившим в себе так много юной жизни, обещавшим так много в будущем? Отчего братства были *столь бессильны*, что не только допустили распространиться унии, когда они должны были распространять православие, но и

сами подверглись ее влиянию. Были ли это только мертвые сколки с европейских учреждений подобного рода, *чуждые духа и жизни,* была ли недостижима самая цель, для которой они учредились, или народ, давший им существование, не был способен к подобной *общественной организации*, и, стало быть, не мог поддержать учреждений, *чуждых его духа и характера*?* В таком случае, что же было знаменитое *казацкое товарищество, как не пустой признак* общественной организации, *забава действующего народа,* «политическое уродство», как выразилась императрица Екатерина в указе об уничтожении Запорожской Сечи. *По многим причинам мы не можем коснуться в настоящее время этих вопросов***, которые и не представляют практической важности. Малороссия слилась с Россиею, и отныне судьбы их неразделимы»[39].

Конечно, *отдельно* это умствование не важно, но в общем *направлении* журнала это имеет *глубокий смысл*! Заключение «Критики» уже яснее обнаруживает дух и направление журнала. См. стр. 58:

«Таким образом, мы изложили здесь читателям содержание изданных в Вильне и Киеве актов и познакомили их с двумя главными учреждениями, в которых отразилась внутренняя жизнь Западной России. Нам остается прибавить, что большая часть виленского сборника наполнена документами, касающимися прав и привилегий городов Вильны, Ковна, Трок и тамошних православных церквей и монастырей, стало быть, имеющих значение чисто местное и чуждых всякого общего, т.е. живого интереса. Третий отдел актов, изданных киевскою комиссиею, заключает в себе документы, касающиеся истории Малороссии в славный период ее существования, именно во время войн Хмельницкого. Несмотря на живой интерес, возбуждаемый этими документами, в которых, как в калейдоскопе, отражаются события этой кровавой эпохи, мы сочли лучшим обойти их, предоставив читателям самим познакомиться с ними. Для нас важнее подробности, дающие понятие о внутренней жизни, о быте семейном и общественном народа, слившегося с нами после короткой, младенческой жизни своей, наполненной буйным разгулом, неимоверными подвигами геройства, громом войн и то кликами побед, то стонами страданий. В этой жизни желали бы мы доискаться залогов будущего; из этой жизни убедились мы в ничтожности прошедшего в Малороссии и в необходимости падения ее отдельного существования, имеющего только тень самобытности, и то благодаря беспрерывным войнам и религиозным преследованиям. Избегая укора в искажении фактов и предании им личного колорита, мы постоянно старались говорить подлинными словами документов, на которых должно основаться суждение. Пусть читатели судят сами: перед ними *духовные братства*, перед ними *права крестьян и владельцев*. И то и другое в историческом и практическом отношениях достойно внимания каждого образованного человека. *Настоящее есть произведение прошедшего, а между тем зародыш будущего в настоящем,* — эта старая истина перешла теперь в убеждение умов самых поверхностных. *Пусть же по данным старого времени, по современным фактам и отношениям более или менее доступным всякому, слабый утвердится в своих мнениях и определит себе путь для действия*; проникну-

*NB. Очевидно, что тут говорится не о православии, ибо народ был православный (помета Булгарина на полях. — *А.Р.*)

**Ясно! (помета Булгарина на полях. — *А.Р.*)

тый несбыточными надеждами укоротит полет их; *отчаявшийся добросовестно отыщет зачатки развития, необходимость движения и тайное, как зародыш в утробе матери, образование будущего...*

Вспомним, что если высоко и благородно младенческое чувство безусловных надежд и пылкого энтузиазма, то несравненно выше, тяжелее и благороднее *гордая покорность* историческому разуму в его *непреклонной* необходимости и *грустное склонение головы перед тем*, чего мы изменить не в состоянии...»[40]

Но как в «Отеч[ественных] записках» *направление* идет всегда *постепенно возвышаясь*, то вот, наконец, *правила,* в том же № 12, декабрь, 1845 года, «Смесь», стр. 100, которые *оправдывают* всякое злодеяние и заохочивают ко всем разбоям, сообщая разбойничеству и разврату неизъяснимую прелесть:

«Дитя, избалованное от самого рождения, *приученное к незаслуженному почтению,* пользуясь и употребляя во зло богатство, которое окружает его *льстивыми рабами*, мало по малу развращается. Оно принимает за высшее предназначение заблуждения своих необузданных прихотей; оно принимает в буквальном смысле слова *раболепствующих существ, которые с притворством покоряются мнимому превосходству избранного ума.* Эти обманы, эта ложь приводят его шаг за шагом к безумию. Оно теряет точное сознание того, что оно есть, что может быть и к чему стремится. Вы готовы назвать это существо шарлатаном, внимающим заблуждениям своего тщеславия. А между тем, оно искренно: оно само ошибается: по временам и сознается оно в этом, но не имеет силы разогнать чары, которых бывает игрушкой, часто добровольной. Прибавьте к этой умственной болезненности *раздражительность, аристократическую щекотливость* и то внутреннее, тягостное состояние, которое сопровождает и наказывает леность, то отсутствие твердого ума, который без пощады преследует и отгоняет пустые парадоксы воображения, — и вы разгадаете чудовищные странности, которые, появляясь по временам, изумляют умы более здравые и более робкие. Их странный блеск может соблазнить и, в особенности, соблазняет молодых людей, *жаждущих поэзии,* которых *тяготят и утомляют тесные условия жизни, однообразие пошлого спокойствия.* Они обольщаются соблазнительною наружностью *абсолютной независимости,* насыщенных страстей, удовлетворенного любопытства, величественной расточительности. Они находят прекрасным *бросать золото и проливать кровь,* иметь *власть цезаря, стоять выше законов, подобно Картушу*; словом, испытать все ощущения *позволительные и непозволительные,* начиная *от ставки на карту по миллиону до разврата, пародирующего гнусную любовь Тиверия или Гелиогабала.* Неопытна молодость — обманчиво воображение. Когда придут лета, ум разовьется и созреет, тогда мы холоднее разбираем отдельно каждый из этих беспорядочных и пылких типов и *находим в них столько же истинного величия, истинного счастья*, столько же *существенного превосходства и прочного влияния, столько же внутреннего спокойствия и ясности душевной,* сколько заметили их в знаменитой, но несчастной пустыннице горы Ливанской...»[41]

Величие и притом *истинное, существенное превосходство* спокойствия, *ясность душевная,* в гнусных пороках Тиверия и Гелиогабала (т.е. педерастии и серале!!), в подвигах Картуша! Как после этого какому-нибудь развратнику, как Яковлев с бородой (сын корнета) не поддерживать, не

превозносить «Отеч[ественных] записок», *льстящих* всем страстям, всякому разврату!

Впрочем, декабрьская книжка «Отеч[ественных] записок», на которую правительство обратило внимание, хотя и исполнена вообще *духа превратного* и революционного направления, *но гораздо безвиннее* других книжек, потому что вышла в свет в то время, когда новый попечитель Мусин-Пушкин обратил на журнал *некоторое внимание.* Тут Краевский *сыграл мастерски комедию,* пришел сам к попечителю, которому прежде был рекомендован князьями Вяземским, Одоевским и правителем канцелярии министра народного просвещения Комовским, и объявил, что [если] в журнале находится *кое-что не так, как бы следовало,* то *виновен* в том сотрудник Белинский, которого он якобы *удаляет* от журнала, и, чтоб *замять дело*, дал Белинскому денег на поездку в Крым, якобы лечиться, обязав его, однако ж, писать оттуда. В публику пущен *пуф*, якобы Краевский с Белинским — *рассорились,* но это обман![42]

За что запретили Дельвигу «Литер[атурную] газету»[43], за что запретили «Московский телеграф» Полевому? — Да в этих журналах нет и *миллионной части* того, что ежемесячно появляется в «Отеч[ественных] записках», *где явно проповедуется революция.* — А между тем и «Отеч[ественные] записки» и Краевский покровительствуются правительством. В последнее время он присоединил к себе еще Полевого, с которым был в ссоре, и отдал ему «Литер[атурную] газету» с тем, чтоб действовать *в одном духе.* Полевой умер — и Краевский ищет теперь помощника![44] Краевский — хозяин «Литер[атурной] газеты» и «Отеч[ественных] записок» и *полный распорядитель* в «Русском инвалиде», имея звание только *помощника редактора.* Краевский составил теперь *компанию* с Киреевым (театральным) и бывшим банкрутом купцом Кушинниковым, зятем книгопродавца Глазунова, и *хотят взять на откуп* «С.-Петербургские академические ведомости», чтоб иметь *еще большее влияние на публику*![45] Компания эта уже имеет свою книжную лавку под именем *торговли Ратькова.* Словом, скоро Краевский *овладеет совершенно общим мнением*! Журналы его разбираются в училищах, и студенты списывают *революционные идеи.* Правительство молчит и покровительствует, а после удивляется, откуда берутся *злодеи*! — Цель Краевского не та, чтоб *теперь* возжечь бунт, но чтоб приготовить целое поколение к революции, — подарок Наследнику! Белинский, у которого собиралось юношество[46], явно называл себя *русским Иисусом Христом* (чему можно представить свидетелей!), а Краевский верит, что ему будут воздвигнуты *монументы*!

Есть в Петербурге старинный литератор Борис Михайлович Федоров, член Российской академии. Он человек честный, благородный, *без упрека* и *истинный патриот*, преданный церкви и престолу. Он собирает все *выписки* из «Отеч[ественных] записок». У него *семь* корзин с выписками, методически расположенными, с *заглавиями*: противу Бога, противу христианства, противу Государя, противу самодержавия, противу нравственности и т.п. Федоров живет на Фонтанке, четвертый или пятый дом от Семионовского моста, в доме Хмельницкого, вверху. Федоров был 12 лет без службы, а теперь определен секретарем в орденский капитул. Расспросить об нем можно у Влад[имира] Ивановича Панаева, директора канцелярии Импер[аторского] Двора. — Федоров сообщит правительству все свои

выписки, если нужны еще доказательства, что Краевский действует в разрушительном духе[47].

Сказано уже выше, что цензура *запрещает* другим журналам делать выписки из «Отеч[ественных] записок», а как Краевский трактует своих противников — этому нет примеров ни в Англии, ни во Франции.

«Отеч[ественные] зап[иски]» 1844 года, № 2, стр. 101 и 102, в «Русской литературе»: «Г. Егор Классен и *затычка паровой трубы* решительно *тождественны*».

«Егор Классен, чтоб написать три части, обратился к *своему черепу*»[48].

«Отеч[ественные] зап[иски]» 1844 года, № 2, стр. 98: «Мы уверены, что г. Брандту стоит только явиться в Париж с французским переводом своего романа и его тотчас же сделают там *первым* министром, на место Гизо. А какое было бы счастье для Франции иметь подобных министров! Он не хуже Ивана Александровича *Хлестакова* (в «Ревизоре» Гоголя) все бы устроил для блага Франции»[49].

Кто, после таких выходок, из молодежи дерзнет противиться Краевскому? — И где печатались когда-либо такие вещи?

Замечательно, что Краевский *никогда* не подписывает *своего имени* под статьями. Он только как злой дух парит над бездною — он *везде* и *нигде*!

Имея *более* 100 000 руб. годового дохода, *три* журнала, *книжную лавку, сильных покровителей,* Краевский хорошо знает, что ему *никто ничего не сделает* и что правительственные лица, чтоб избежать нарекания: «*А чего вы до сих пор смотрели?*» — не посмеют представить истины Государю! Вот какое обширное поприще злодеям, когда нет никаких средств подданному довести прямо правду до Престола, и оттого слышно, что за границей печатается книга, в которой будут помещены *все выписки* из «Отеч[ественных] записок» и *все подвиги Краевского.* — Мельгунову, напечатавшему за границей пасквиль *на преданных Престолу людей*, никто не сказал ни слова, и книга его, где Пушкин изображен *мучеником свободы*, даже допущена к привозу в Россию — посмотрим, что будет с книгой: «О коммунисме в России»!

Вера и верность, благо человечества и Отечества требуют, чтоб истина дошла, *наконец*, до Престола![50]

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 3. Л. 25—30. Опубликовано: *Лемке.* С. 300—310. Записка была подана в марте 1846 г.

[1]По-видимому, имеется в виду Рейнский союз (Rheinbund) — конфедерация германских государств под протекторатом Наполеона I, созданная в 1806 г. и распавшаяся в 1813 г.

[2]См. примеч. 5 к записке № 37.

[3]Булгарин имеет в виду декабристов.

[4]Речь идет о московских ученых-шеллингианцах — И.И. Давыдове и М.Г. Павлове, а также о членах кружка любомудров (В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырев, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский и др.; см.: *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980).

[5]М.А. Бакунин, В.П. Боткин и И.П. Клюшников (Булгарин ошибочно называет его Клюшиным) в начале 1830-х гг. входили в кружок Н.В. Станкевича и испытали сильное влияние гегелевской философии; их хороший знакомый, профес-

сор (с 1835 г.) П.Г. Редкин также «был истый гегелист; Гегеля он уважал по преимуществу между всеми германскими философами и по его началам построил все свои лекции» (*Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844—1848 гг.)//Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 255). Бакунин и Боткин действительно переосмысляли Гегеля в радикально-политическом и атеистическом ключе. Так, Боткин в письме Н.П. Огареву от 17 февраля 1845 г. утверждал, что «в Германии только с книги Фейербаха [«Сущность христианства». — *А.Р.*] началось истинное понятие религии» (*Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 254; ср. там же на с. 244 сочувственный отзыв о Д. Штраусе. Профессор, фамилию которого Булгарин забыл, это, по-видимому, Т.Н. Грановский.

[6]Булгарин перепутал журналы. Никто из названных Булгариным лиц не печатался в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, закрытом в 1834 г. (см. примеч. 2 к письму № 270). Зато все они (за исключением П.Г. Редкина) в 1838 г. публиковались в «Московском наблюдателе», редактором которого в этом году был В. Белинский. М. Бакунин, в частности, поместил там перевод «Гимназических речей» Гегеля со своим предисловием (1838. Апрель. Кн. 1, 2).

[7]Н.И. Греч писал в своих воспоминаниях, что А.А. Краевский — «побочный сын незаконной дочери Ник.П. Архарова с какою-то француженкою. Эта дочка продолжала ремесло своей матери и, произведя на свет великого издателя «Отечественных записок», сама не знала, чей он сын, ибо имела, при редакции его, много сотрудников. Один белорусский подлец, по фамилии Краевский, дал ему свою фамилию за благосклонность матушки. Она вышла потом за другого подлеца, какого-то маиора фон-дер-Палена и, лишившись носа в какой-то кампании с Венерою, завела в Москве девичий пансион» (*Греч.* С. 150—151). Отрицательную характеристику матери Краевского см. также: *Дмитриев М.А.* Петербургская Людмила//Эпиграмма и сатира. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 327—340, 356—357. Принципиально иначе, в панегирических тонах описывал ее А.Д. Галахов, который в течение ряда лет преподавал в ее пансионе. Он писал: «Более добросердечной женщины мне редко случалось видеть на моем веку. Доброта ее неизменно выказывалась и в отношении к воспитанницам. Я хорошо знал многие, очень известные тогда московские пансионы (Шарни, Данкварт, Севенар), но ни в одном из них не видал, чтобы пансионерки были так искренно привязаны к своей начальнице, как в пансионе Варвары Николаевны» (*Галахов А.Д.* Мое сотрудничество в журналах//ИВ. 1886. № 11. С. 315).

[8]Краевский кончил Московский университет со степенью кандидата нравственно-политических наук в 1828 г.

[9]В Петербург Краевский переехал в конце 1831 г.

[10]В.П. Давыдов совместно с К.П. Брюлловым совершил путешествие по Греции, описав его в кн.: Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 г. Ч. 1—2. СПб., 1840.

[11]Краевский с 1835 г. был помощником редактора «Журнала министерства народного просвещения», а с 1837 г. — его редактором.

[12]В конце 1836 г. А.Ф. Воейков подписал соглашение с А. Плюшаром и Краевским о передаче им со следующего года прав на издание «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду». В 1837—1838 гг. Плюшар издавал, а Краевский редактировал эту газету (в качестве его соредакторов выступали В.Ф. Одоевский и В.А. Владиславлев). С 1839 г. издателем вновь стал Воейков, в 1840 г. (после смерти А.Ф. Воейкова в 1839 г.) она была переименована в «Литературную газету», а Краевский стал ее редактором-издателем. В следующем году он передал ее в другие руки (лишь в 1844 г. выступив в роли редактора), а в 1847—1848 гг. вновь был ее редактором-издателем. О редакторской деятельности Краевского в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» см.: *Орлов Вл.* Молодой Краевский//Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 475—487.

[13]Покупка прав на «Отечественные записки» была осуществлена в конце 1838 г.

[14]Об «акционерах» «Отечественных записок» см. примеч. 10 к письму № 236; В.П. Давыдов первоначально входил в их число, но, по-видимому, не внес денег. См.: *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Л., 1971. С. 490—491.

[15]Булгарин неточно излагает обстоятельства приобретения Краевским в полную собственность журнала, который действительно не приносил дохода в первый год. См.: *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 490—493.

[16]Когда Краевский, после перехода журнала в его полную собственность, отказался платить вдове П.П. Свиньина обещанные ранее деньги, Л.В. Дубельт по соглашению с Краевским стал в 1841 г. рассылать губернаторам подписные билеты на ОЗ, с тем, чтобы деньги за них шли Н.А. Свиньиной (см.: *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 493—494).

[17]Краевский в 1832—1848 гг. преподавал историю (с 1836 г. был также наставником-наблюдателем) в Павловском кадетском корпусе.

[18]Л.А. Перовского.

[19]В СА Булгарина В.Д. Комовский поместил перевод из Мюллера «Основные черты систем главнейших германских мифологов» (1826. № 17—18. С. 84—108); позднее в его переводе вышли следующие книги: *Шлегель Ф.* История древней и новой литературы. Ч. 1—2. СПб., 1829—1830; *Менцель В.* Немецкая словесность. Ч. 1—2. СПб., 1837—1838.

[20]О близости И.М. Спасского к С.С. Уварову см.: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб, 1896.Т. 1. С. 542, 696; Т. 3. С. 492.

[21]А.А. Краевский сообщал 17 марта 1840 г. в письме Г.Ф. Квитке-Основьяненко о своем журнале, что «некоторые из правительственных лиц приняли в нем участие и хотят поддержать его опубликованием подписки на него через подведомственные им места <...>», а в письме от 16 мая 1840 г. уточнял, что для этого «принял кое-какие меры по министерству государственных имуществ и финансов» (РС. 1900. № 5. С. 297, 299). См. также примеч. 3 к письму № 268.

[22]Из числа цензоров в «Отечественных записках» печатались П.А. Корсаков, И.И. Срезневский, А.В. Никитенко, И.М. Снегирев.

[23]По свидетельству А.В. Старчевского, хорошо знавшего О.И. Сенковского по редакционной работе, «все оригинальные и переводные статьи известных литераторов проходили чрез его редакцию, т.е получали форму и изложение, принятые в «Библиотеке для чтения». Повести же и рассказы второстепенных писателей подвергались нередко значительным переделкам, и большею частью изменялись к лучшему. Не раз случалось, чтобы он не дочитывал рукописи: повесть нравилась ему по своему сюжету — в голове его рождалась при ее чтении счастливая идея, как следовало бы ее заключить, — он отдирал конец рукописи и приписывал свой» (*Старчевский А.В.* Воспоминания старого литератора//ИВ. 1891. № 8. С. 317).

[24]Белинский был уволен из Московского университета «по слабому здоровью» 14 сентября 1832 г. (см.: *Оксман Ю.Г.* Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М., 1958. С. 51). Булгарин 9 марта 1846 г. писал в СП, что «"Отечественные записки" вызвали из Москвы критика, который своими парадоксами, печатаемыми в «Молве», заставил добрых людей взглянуть на себя с улыбкой удивления, и поручили ему писать разборы книг, то есть уничтожать все прошлое и рубить все: *что не с нами, то противу нас*» (СП. 1846. № 55). Белинский писал Боткину 22 ноября 1839 г., что незадолго до этого Булгарин, встретив И.И. Панаева, спросил его, имея в виду Белинского: «Почтеннейший, почтеннейший — бульдога-то это вы привезли меня травить?» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1956. С. 420). Ф.А. Кони также полагал, что Белинского в Петербург «выписали на травлю дикого зверя — Булгарина» (письмо Ф.А. Кони А.Ф. Вельтману от 6 декабря 1839 г. цит. по: *Котикова П.Б.* О литературно-критической деятельности Ф.А. Кони//Филологические записки. Вып. 6. Воронеж, 1996. С. 165).

[25]ОЗ действительно пользовались большой популярностью. А. Галахов вспоминал, как в 1840-х гг. «еще за неделю до выхода книжки в Петербурге (каждый нумер аккуратно выходил в первое число месяца), мы, москвичи, находились в каком-

то возбужденном состоянии: рассчитывали, когда именно прибудет она к нам, гадали и думали, какие статьи в ней появятся. При получении ее иногда и дело откладывалось в сторону. Мы торопливо разрезывали листы и прежде всего бросались на критику, потом просматривали библиографическую хронику, а затем уже переходили к отделу наук или отделу беллетристики, смотря по тому, в котором из них наиболее выражались наши любимые идеи. Романы и повести Жорж Занда были в этом отношении настоящим для нас кладом. Ознакомившись с важнейшим содержанием нововышедшего нумера, мы вскоре собирались у кого-нибудь из нашего круга, взаимно передавали впечатления, поверяли свое удовольствие удовольствием других, а иногда любили и поспорить о значении такой-то статьи, о ее достоинствах и недостатках» (*Галахов А.* Мое сотрудничество в журналах//ИВ. 1886. № 11. С. 325). 5 октября 1845 г. он писал А.А. Краевскому: «Журнал ваш первый и по внутреннему достоинству, и по числу подписчиков. Его читают все, его бранят невежды <...>» (РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 18 об.). Н.Н. Булич также вспоминал, «с каким страстным чувством ожидалась, получалась, разрезывалась и читалась та книжка «Отечественных записок», в которой была новая статья знаменитого критика [В.Г. Белинского]. Она утоляла умственную жажду тогдашнего молодого человека» (цит. по: Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб., 1895. С. 13). Н.П. Баллин также считал, что в те годы для него и его друзей ОЗ и «Современник» «несколько намечали дорожку к свободе» (*Баллин Н.П.* 50 лет моей жизни//РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 36). Были, впрочем, у ОЗ читатели и другого типа. Вологодский гимназический преподаватель А.И. Иваницкий писал в 1846 г. в предназначенной для СП статье (см. о ней примеч. 3 к письму № 268), что местные «львы и онагры, как обыкновенно водится во всяком большом свете, крепко ухаживают за губернскими дамами и барышнями, а губернские дамы и барышни не совсем безграмотны: бойко говорят и пишут (записочки) по-французски и читают кое-как русские книги гражданской печати. Вот эти-то очаровательницы большие охотницы до таких повестей, какие печатаются в элегантных журналах и нередко просят своих поклонников одолжить их *хорошенькими* книжечками, в особенности «Отечественными записками». — Львы и онагры рыщут по городу и отыскивают для своих богинь *массивные книжицы с легким чтением.* — И похождения безнравственных *Орасов* жадно изучаются настоящими и будущими матерями, для назидания своих детей <...> Сами львы и онагры читают в любимом журнале не только повести, но даже иногда главу критики и всегда почти «Библиографическую хронику». Тут-то почерпают они сведения о *великих* и *мировых поэтах*, о состоянии русской литературы, о современных европейских идеях — одним словом, почерпают все свое львиное образование, которому не может надивиться губернаторский beau monde» (л. 5).

Всего у ОЗ в 1847 г. было 4 тысячи подписчиков, у «Современника» — 2 тысячи, а у «Москвитянина», например, в 1848 г. всего 300 (См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 6, 11, 15). О чтении и влиянии ОЗ см. воспоминания и письма: *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 2. М., 1850. С. 122; *Зыков С.* Наброски из моей жизни. СП., 1910. С. 15; *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. Т. 1. М., 1965. С. 52; *Вагнер Н.* Как я сделался писателем?//Русская школа. 1892. № 1. С. 31; *Градовский Г.К.* Итоги. Киев, 1908. С. 324; *Соханская Н.С.* Автобиография. М., 1896. С. 96, 101; *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844—1849. М., 1988. С. 53, 162, 167, 265, 286; Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 467—468, а также кн.: *Кулешов В.И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959. С. 304—323.

[26]Краевский редактировал «Русский инвалид» в 1843—1852 гг.

[27]тенденция (*фр.*).

[28]Булгарин цитирует помещенную в журнале без надписи рецензию В.Г. Белинского на книгу Ф. де Шампаньи «Кесари». Здесь и далее в цитатах этой записки курсив Булгарина.

[29]Цитируемых фрагментов в указанном номере «Отечественных записок» нет.

[30]Булгарин цитирует статью Н.А. Ратынского «Иезуиты».

[31]К.Ф. Рылеев писал жене 13 июля 1826 г.: «О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего создателя, что он меня просветил и что я умираю во Христе!» (*Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 518).

[32]Булгарин цитирует анонимную статью «Биографии знаменитых современников: Карл XIV Иоанн (Бернадот), король шведский и норвежский» (ОЗ. 1844. № 4).

[33]Булгарин цитирует (с небольшими неточностями) напечатанную без подписи статью И. Дьячкова «Лудовик XV и его век».

[34]Источник цитаты установить не удалось.

[35]Цитируется помещенная без подписи статья В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина». Страницы Булгарин указывает неверно, нужно: отдел «Критика», с. 52.

[36]Булгарин ссылается на статью В.П. Боткина (подписана: В. Б-тк-н) «Германская литература», в которой, наряду с другими книгами, реферируется и исследование профессора Лейпцигского университета Б.Г. Вейске, посвященное мифу о Прометее (*Weiske B.G.* Prometheus und sein mythenkreis. Leipzig, 1842). Однако Вейске трактует миф отнюдь не в социально-политическом ключе, как утверждает Булгарин. Боткин пишет, что «автор видит в мифах Прометея образ нравственной и мыслительной силы духа человеческого <...> раскрывает он, как в мифах сих, в стремлении Прометея, в его страдании и наконец в победе — проявляется история духа человеческого — сначала в одном лишь темном предчувствии, потом в постепенно уясняющемся сознании» (ОЗ. 1843. № 2. Паг. 7. С. 48).

[37]Булгарин неточно цитирует напечатанную без подписи статью Н.Н. Тютчева «Верования индусов». В журнале: «Рождение своего баснословного бога индусы празднуют фейерверками и шумной музыкой в ночь с 24 на 25 декабря».

[38]Булгарин пересказывает повесть А.И. Герцена «Кто виноват?», помещенную в журнале с подписью: И—. (то есть сокращенной формой его псевдонима Искандер). На копии булгаринской записки Дубельт подчеркнул слова «где правительство не может найти ничего предосудительного» и написал на полях: «Напротив, я нахожу всю повесть предосудительною».

[39]Булгарин цитирует анонимную рецензию на книги «Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов <...>» (Киев, 1845) и «Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок <...>» (Вильно, 1843). Цитируемый фрагмент находится не на 54-й, а на 51-й странице. Ниже цитируется та же рецензия.

[40]Напротив этого предложения Булгарин поставил на полях восклицательный знак.

[41]Цитируется анонимная статья «Леди Эстер — Люси Стенгоп», подготовленная на основе ее «Записок».

[42]Булгарин абсолютно неадекватно излагает происходившие события. Уже к концу 1845 г. отношения Краевского и Белинского испортились, последний решил покинуть «Отечественные записки» и в начале 1846 г. не возобновил договор о постоянном сотрудничестве в журнале. Он писал 2 января 1846 г. А.И. Герцену, что «твердо решился оставить «Отечественные записки» и их благородного, бескорыстного владельца. Это желание давно уже было моею idée fixe <...> Журнальная срочная работа высасывает из меня жизненные силы, как вампир кровь <...> Вот первая и главная причина. Вторая — с г.Кр[ае]вским невозможно иметь дела. Это, может быть, очень хороший человек, но он приобретатель, следовательно, вампир, всегда готовый высосать из человека кровь и душу, потом бросить его за окно, как выжатый лимон. До меня дошли слухи, что он жалуется, что я мало работаю, что он выдает себя за моего благодетеля, который из великодушия держит меня, когда уже я ему не нужен. Еще год назад тому он (узнал я недавно из верного источника) в интимном кругу приобретателей сказал: "Б[елинский] выписался, и мне пора его прогнать"» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 252—253, см. также с. 254—259, 264). 20 марта Белинский сообщал Герцену про Краевского: «Слышал я, что он распространяет слухи, что хочет мне отказать, как человеку беспокойному и его изданию опасному» (Там же. С.

268). Информация о конфликте распространялась очень быстро. 6 апреля Белинский информировал Герцена, что «весть о разрыве давно уже прошла и в провинцию» (Там же. С. 273). Раздобыв деньги на поездку (они были получены не от Краевского), Белинский 26 апреля вместе с М.С. Щепкиным отправился в длительное путешествие по югу России (больше месяца они провели в Крыму), из которого вернулся только в октябре (см.: *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967. С. 216—282).

[43]Предыстория запрета А.А. Дельвигу издавать «Литературную газету» такова. В ответ на булгаринское «Второе письмо из Карлова на Каменный Остров» (СП. 1830. № 94. 7 авг.), содержавшее грубые выпады против сотрудников «Литературной газеты» (в том числе и против А.С. Пушкина), Пушкин анонимно поместил в «Литературной газете» за 9 августа (№ 45) статью «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии». «Вскоре по напечатании последней заметки <...> Дельвиг был потребован в III отделение», где «Бенкендорф дал строгий выговор Дельвигу за означенные заметки и предупреждал, что он вперед за все, что ему не понравится в «Литературной газете» в цензурном отношении, будет строго взыскивать <...> Конечно, Бенкендорф не читал заметок, за которые выговаривал Дельвигу, а вызвал последнего по доносу Булгарина <...>» (*Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 152—153). Когда 28 октября в «Литературной газете» было опубликовано четверостишие Казимира Делавиня, предназначенное для памятника жертвам Июльской революции, Бенкендорф вначале 30 октября запросил министра народного просвещения Ливена, кто прислал эти стихи для публикации и почему цензор пропустил их, а затем, не удовлетворившись ответами издателя и цензора, вызвал Дельвига к себе и в очень грубой форме сделал ему выговор, угрожая сослать Дельвига, Пушкина и Вяземского в Сибирь. «Тогда Дельвиг спросил, в чем же он и двое других названных Бенкендорфом могли провиниться до такой степени, что должны вскоре подвергнуться ссылке, и кто может делать такие ложные доносы. Бенкендорф отвечал, что Дельвиг собирает у себя молодых людей, при чем происходят разговоры, которые восстановляют их против правительства, и что на Дельвига донес человек, хорошо ему знакомый. Когда Дельвиг возразил, что собирающееся у него общество говорит только о литературе, что большая часть бывающих у него посетителей или старее его, или одних с ним лет, так как ему всего 32 года от роду, и что он между знакомыми своими не находит никого, кто бы мог решиться на ложные доносы, Бенкендорф сказал, что доносит Булгарин и если он знаком с Бенкендорфом, то может и подавно быть знаком с Дельвигом. На возражение последнего, что Булгарин у него никогда не бывает, а потому он его не считает своим знакомым и полагает, что Бенкендорф считает Булгарина своим агентом, а не знакомым, Бенкендорф раскричался, выгнал Дельвига со словами: "Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь"» (*Дельвиг А.И.* Указ. соч. С. 155—156). В письме Ливену Бенкендорф писал, что находит письменное объяснение Дельвига «не только недостаточным, но даже непростительным для человека, коему сделано доверие издавать журнал <...> Личный мой разговор по сему предмету с бароном Дельвигом и самонадеянный, несколько дерзкий образ его извинений меня еще более убедил в сем моем заключении» (Цит. по: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1901. № 9. С. 663). В итоге по указанию царя цензору был сделан строгий выговор, а Дельвигу 15 ноября запретили издавать газету (1 декабря ему разрешили передать редактирование О. Сомову). Подробнее об этой истории см.: *Замков Н.К.* К истории «Литературной газеты» барона А.А. Дельвига//РС. 1916. № 5. С. 259—281; *Пушкин А.С.* Письма. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 491—493; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 234—236; *Никитенко.* С. 94, 99; *Галин Г.* К истории запрещения «Литературной газеты» А.А. Дельвига//Из истории русской и зарубежной литературы. Саранск, 1964. С. 72—84.

[44]Н. Полевой взял под свою редакцию «Литературную газету» в 1846 г., но из-за его смерти в этом году вышло всего 7 номеров. В 1847—1848 гг. при издателе-редакторе А.А. Краевском литературной частью газеты заведовал В.Р. Зотов.

[45]Если в это время Краевский и хотел «взять на откуп» «С.-Петербургские ведомости», то это ему не удалось. Лишь позднее, в 1852—1862 гг., он помогал А.Н. Очкину редактировать эту газету.

[46]У Белинского в 1844—1845 гг. собирались Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.Х. Кетчер, П.В. Анненков и др.

[47]Выписки Б.Ф. Федорова сохранились в том же архивном деле (л. 69—83; см.: *Лемке*. С. 313—315).

[48]Цитируется помещенная без подписи рецензия А.Д. Галахова на книгу Е. Классена «Провинциальная жизнь».

[49]Цитируется помещенная без подписи рецензия В.Г. Белинского на книгу Л. Бранта «Жизнь как она есть».

[50]В ответ на булгаринскую записку чиновник III отделения М.А. Гедеонов подготовил опровергающую его утверждения записку. См.: *Лемке*. С. 311—312.

---

263 [Письмо Л.В. Дубельту 25 апреля 1846]

Отец и командир!

Знаю я, что литературу и цензуру почитают у нас хуже дохлой собаки, а литераторов трактуют, как каторжников. Но я, ради Бога, прошу Вас показать прилагаемое маранье графу Алексею Федоровичу. Это человек: Esse homo! — Остальное хоть бросьте[1].

Верный до гроба и за гробом и преданный душою
Ф. Булгарин
25 апреля 1846

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 104. Опубликовано М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 498; повторно: *Лемке*. С. 325.

[1]К письму были приложены помещенные ниже записки «Литература и цензура», «Сыскной приказ» и «Тариф». На копии письма (л. 109) надпись Дубельта: «Граф сам рассмотрит по возвращении. Хранить при делах».

---

264 Литература и цензура

Никакие рассуждения и доказательства не могут исказить той великой истины, что без литературы нет славы ни для царей, ни для народа! — Не распространяясь в примерах, укажем на Елизавету Петровну и Екатерину II. Они покровительствовали литературу, и она, из благодарности, закрыла все бывшее *зло* таким блеском, что *зло* видно только на их приближенных, а все *благое* вошло в украшение идолов литературы. — Народ есть то же, что баснословный центавр: полчеловека и поллошади, сиречь половина скота. Что замышляет *голова*, тому повинуется *туловище*. А есть ли народ в мире, в котором бы образованная, или по крайней мере грамотная часть народа (т.е. голова центавра) не желала пламенно иметь свою собственную литературу? — Конечно, нет! — В России, чувствующей свое высокое назначение, это желание превратилось в *страсть*, и презрение, холодность и совершенное запущение литературы со стороны правительства не располагает к нему общего мнения. В России литератор — настоящий *пария*! Для него нет места на гражданственной лестнице! Чиновникам и военным поставляется в порок занятие литературою, чего никогда и нигде не

бывало, а неслужащие литераторы — заброшены и ниже мещан! Всем известно, что милости, оказанные Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, относятся к их положению при Дворе и связям с так называемым придворным дворянством[1]. На других литераторов не упало ни одного луча внимания и милости! И в какое это делается время! Когда в целой Европе, во Франции, в Пруссии, в Англии и даже в неподвижной Австрии литература и литераторы в чести и осыпаны знаками внимания, когда идеи кружат с воздухом в мире и когда каждый сравнивает положение дел здесь и там! Ужели презрение к литературе и к литераторам или, пожалуй, холодность и невнимание почитаются *полезным*? Или ужели полагают, что это дело так *ничтожно*, что им не стоит заниматься? Вспомним о центавре! Уж воля ваша, а если грамотное сословие — голова центавра, то литераторы — самые чувствительные нервы в мозгу! Ужели история также презренная наука? Ведь это *ящик с опытностью*. Загляните туда и увидите, сколько зла и добра произведено литературою, именно там, где вовсе не бывало свободы книгопечатания. Она всегда возьмет свое. Можно разбить или скрыть *компас*, но нельзя уничтожить качества *магнитной стрелки*. Снимите флюгера, чтоб не знать, в какую сторону дует ветер, а ветра не остановите! Общее мнение — вещь *неистребимая*, и оно приготовляет зло или добро в будущем. Никакая сила не может уничтожить его, а управлять им может только *одна* литература. Этого-то у нас знать не хотят, к великому прискорбию людей, преданных правительству!

Когда на все части администрации обращается постепенное внимание, только на одно министерство просвещения не хотят взглянуть с настоящей точки зрения. Известно, что это министерство, полагая, что принадлежность его состоит единственно в занятии школами или учебными заведениями, поставляет обязанностью *притеснять литературу*. Уваров явно говорит, что цензура есть его *полиция*, а он — *полициймейстер* литературы![2] Лучше было бы, если б цензура была *медицинский* литературный факультет, а Уваров — главным *доктором*, и чтоб они пеклись о здравии и хорошем направлении литературы! А в каком состоянии наши училища? Правительство весьма мудро хочет распространить познание русского языка в польских и немецких провинциях, а у нас в Петербурге нет даже *порядочных* учителей русского языка! Каких чиновников дают русские университеты? Кандидаты и магистры не умеют написать правильно *письма*! Где наши ученые, где химики, технологи, механики, где историки, лингвисты? Жалость, да и только! Оттого правительству так и тяжело двигать государственным механизмом, что так мало способных людей. А в отчетах министерства просвещения *все сияет, как солнце,* хотя этим отчетам никто не верит, кроме правительства!

Цензура дело важное, должно сказать — дело *первой важности,* а у нас она устроена хуже самой дурной полиции в заштатном городе! Устав напечатан в Своде законов, а он *не исполняется ни в одном пункте*. Не только министр, но каждый попечитель изменяет каждую статью закона своими *предписаниями*! Есть ли это хотя в одном государстве в мире? — Нет, и не будет! — Нам скажут, что не только трудно, но почти невозможно определить все случаи по производству цензурного дела. Так говорят, но это несправедливо. Правила для всех цензурных уставов в мире **одни**: *что не вредно, то можно напечатать*. Вредное есть посягательство на веру, Царя, меры

правительства, нравственность и личность гражданина. Эти пункты легко определить, но вся важность *в исполнении*, а для *исполнения* должны быть выбраны *люди*, пользующиеся общим уважением, люди почтенные, уживчивого нрава, деликатные, твердые, умные и притом сведущие в литературе и знающие свет. Восемь человек можно для этого выбрать в Петербурге и Москве! Ведь надобно же иметь какие-нибудь права, чтоб быть судьею в литературе и пользоваться уважением литераторов? Так и было прежде. — Туманский, Тимковский, Красовский были люди ученые, почтенные, заслуженные[3]. Взгляните на нынешних цензоров! Кто с борка, кто с сосенки! Замечательно, что во всем составе цензуры был *один только дворянин* природный, покойный Корсаков[4], а тут-то именно и нужны природные дворяне, чтоб опираться идеям коммунисма и революционному духу! Цензор Крылов признан негодным занимать место адъюнкта статистики в университете, куда девать его? В цензора! Этот человек почти *идиот*, туп, как бревно! Что он запрещает и что позволяет — удивит и рассмешит мертвого! Стоит переговорить с ним три слова, чтоб увидеть его неспособность[5]. Другой, настоящий *идиот* — цензор Фрейганг. Невежество его выше всего, что можно себе представить, а сверх того он слаб в русском языке и марает даже слова, которых не понимает. Недавно он вымарал слово «исполать вам», думая, что «исполать» (т.е. здравствовать, быть в чести) значит *бранное* и *непристойное* слово![6] На место Корсакова определили шведа Мехелина, который едва знает по-русски![7] Куторга, профессор *скотоврачевания*, сиречь *коновал* — литературный цензор! Народ этот не знает ни света, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты — и держится правила, чтоб *запрещать* все, что не понимает. Но это еще только *меньшая половина* беды! Признано за аксиому, что купец не может быть таможенным чиновником, и по этому правилу надобно непременно положить, чтоб для соблюдения беспристрастия, для пользы литературы и охранения того, что правительство хочет охранить цензурою, цензоры не участвовали в деятельной, ежедневной литературе. Пусть они пишут и издают *книги*, но они не должны издавать *журналов* или участвовать в них. Что же у нас делается? Цензор Очкин — редактор «Библиотеки для чтения» (Сенковский называется директором журнала), а Фрейганг — сотрудник его, только для вида. Он же, Очкин, редактор «Академических ведомостей», а Фрейганг — его переводчик! Цензоры Никитенко и Куторга — сотрудники «Отечественных записок». Эти господа цензируют журналы, в которых участвуют и от которых получают жалованье!!! Может ли тут быть беспристрастие и справедливость? Да и другие цензоры не будут ли снисходительнее к журналам, в которых участвуют их товарищи? Это *радикальное зло*. И кому жаловаться на цензоров? Министр и знать ничего не хочет; попечитель ничего не смеет сделать без министра, а главное правление цензуры почитает непременным правилом утверждать все представления цензуры, одобренные министром. Следовательно, для писателя нет никакого спасения! Цензор над ним *самовластен*. Если б правительство вошло в разбирательство цензурных дел, то удивилось бы, в какую *грязь* брошены у нас два высшие качества человека: *разум* и *чувство*!

Слышно, что хотят переменить Цензурный устав. Все, что делает правительство, делает для добра, но добра быть не может ни при каком уставе, если не положат правилом избирать в цензоры людей, которых бы писатели должны были *уважать*; если не постановят, чтоб министр или

попечитель *не имели права* изменять устава *предписаниями* от своего лица, и если не укажут, где писатель может искать верной защиты. Теперь ссылка со стороны писателя на Цензурный устав почитается чем-то вроде *бунта*! Едва сам веришь тому, что пишешь, а все сущая правда!

Еще раз повторяю: для чести и славы России, для успокоения общего мнения, для уничтожения справедливых *в этом отношении* насмешек иностранцев и русских, — надобно составить цензуру из *людей достойных,* облагородить это звание, как Канкрин облагородил *все*, даже *таможню*[8], и позволить писателям, как говорится, *переводить дух* и писать обо всем свободно, что полезно для государства, разумеется, с соблюдением всех приличий, и не касаясь того, о чем запрещено писать. — Без людей — закон пустой звон!

Аминь.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 107—108. Опубликована М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 501—505; повторно: *Лемке.* С. 327—330.

[1]В некрологе Н.М. Карамзина (императорского историографа с 1803 г.) отмечалось, что он, «посвятив свою жизнь единственно словесности — достиг до звания действительного статского советника, получил орден Св. Анны 1-й степени <...>, не только пользовался приездом ко Двору, но был включен в число немногих особ, имевших всегдашний доступ к покойным Императору Александру Павловичу и Императрице Елисавете Алексеевне; для летнего жительства отведен был ему в Царском Селе домик в так называемой Китайской деревне; он и семейство его пользовались особенными милостями Императрицы Марии Феодоровны; наконец <...> Его Императорское Величество Всемилостивейше повелеть соизволил производить Карамзину, по случаю его отъезда за границу, для излечения своего, по 50000 рублей в год, с тем, чтоб сумма сия, обращаемая ему в пансион, была после него производима сполна его супруге, а по смерти ее также сполна и детям: сыновьям до вступления всех их в службу, а дочерям до замужества последней из них» (ОЗ. 1826. № 74. С. 447—448; здесь не упомянуто, что «История государства Российского» печаталась за казенный счет, что Карамзину был дан и орден Св. Владимира 3-й степени, а во время болезни предоставлен фрегат «Елена» для поездки на лечение в Италию).

В.А. Жуковский в 1815 г. стал чтецом у императрицы Марии Федоровны, в 1816 г. за издание своих стихотворений получил от Александра I бриллиантовый перстень и пожизненную пенсию в 4000 руб. в год, с 1817 г. преподавал российскую словесность великой княгине Александре Федоровне, а позднее стал наставником и преподавателем русского языка и словесности у великого князя Александра Николаевича. Он дослужился до чина тайного советника и был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 2-й степени, Св. Станислава, Св. Анны 1-й степени и Белого Орла.

И.А. Крылов с 1812 г. получал значительную пенсию (см. примеч. 6 к записке № 2), в 1828 г. он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, в 1830 г. — чином статского советника, в 1836 г. — орденом Св. Владимира 3-й степени, а в 1838 г. был торжественно отпразднован его юбилей. О милостях Пушкину см. примеч. 2 к письму № 254.

[2]Булгарин верно передает взгляды С.С. Уварова на задачи цензуры. Уваров говорил: «Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно <...> Я имею на то добрую волю и политические средства <...> Пусть называют меня обскурантом: государственный человек должен стоять выше толпы» (цит. по: *Никитенко.* С. 174; о репрессивной цензурной политике Уварова см. там же с. 130, 134, 140—141, 261, 275, 276, 284, 293, 304—305, 307). В ходе переписки, возбужденной письмом Булгарина (протестовавшего

против самоуправства цензуры) попечителю Петербургского учебного округа Г.П. Волконскому, Уваров конфиденциально писал А.Х. Бенкендорфу 15 декабря 1843 г.: «В одиннадцатилетнее мое управление министерством народного просвещения считал я цензуру печатаемых книг, особенно журналов и газет, одною из самых тяжких, но вместе и самых важных обязанностей моего звания. Во все продолжение этого времени и доныне наблюдая за ходом периодической литературы и замечая постоянный ее упадок, я не мог не заметить и систематического ее уклонения от начал ей предначертанных. В этой вседневной, неравной борьбе цензоров, обремененных трудами суетливыми и подлежащих нападениям со всех сторон и взысканиям всякого рода, с журналистами, считающими ненаказанность свою прямым следствием ответственности цензора, ими же вовлеченного в ошибку, являлись с одной стороны иногда слабости и недосмотры, с другой, обнаруживалось более и более если не открытое сопротивление, как в настоящем случае со стороны Булгарина, то по крайней мере беспрерывное стремление уловить всеми средствами цензора и избегнуть точного исполнения неоднократных предписаний начальства и строжайше определяемых взысканий». Исходя из этого, Уваров предлагал усилить власть цензуры (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 68), на что царь не дал своего согласия.

[3]Статский советник Ф.О. Туманский, рижский цензор в 1797—1802 гг., выпустил «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» (В 10 ч. СПб., 1787—1788) и «Полное описание деяний его величества государя императора Петра Великого» (Ч. 1. СПб., 1788). См. о нем: *Выскочков Л.В.* Историко-краеведческие работы Федора Туманского//Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI — XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 163—177. Действительный статский советник И.О. Тимковский, петербургский цензор в 1804—1821 гг., окончил Московский университет, имел степень доктора медицины и перевел с французского книгу С.А. Тиссо «Врач светских людей» (М., 1792). Действительный статский советник (с 1834 г.) А.И. Красовский, петербургский цензор в 1821—1828 гг. и председатель комитета иностранной цензуры в 1832—1857 гг., окончил гимназию при Академии наук. Он опубликовал перевод комедии Р. Додсли «Галантерейная лавка» (СПб., 1799), «Краткое рассуждение о пользе человеческих познаний и о потребности общественных книгохранилищ для каждого благоустроенного государства» и «Историческое известие об Императорской публичной библиотеке» (оба сочинения помещены в книге: Описание торжественного открытия Императорской публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. СПб., 1814). Красовский был членом Российской академии, после ее ликвидации в 1841 г. — почетным членом Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Однако знания и чины не мешали всем им быть чрезвычайно ограниченными, фанатичными и строгими цензорами, о чем Булгарин прекрасно знал. По крайней мере в 1829 г. он писал К.С. Сербиновичу, что «сделался почти так же робок, как после освобождения <...> из лапок Красовского. Сбился с панталыку» и не знает, «что можно, что нельзя» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 919. Л. 1). О цензорских «подвигах» Ф.О. Туманского см.: *Барышников Н.П.* Ф.О. Туманский. Цензорская его деятельность в 1800—1801 гг.//РС. 1873. № 10. С. 589—593; *Каратыгин П.П.* Цензура времен императора Павла I//ИВ. 1885. № 10. С. 153—154, 157; *Сиповский В.В.* Из прошлого русской цензуры//РС. 1899. № 4. С. 171—175; № 5. С. 435—452); *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 71—80; о И.О. Тимковском как цензоре см.: *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 108—109; о цензорской деятельности А.И. Красовского: Материалы для истории русской цензуры. 1803—1825//Беседы в Обществе любителей российской словесности. Вып. 3. М., 1871. С. 42—45; *Рыжов А.И.* А.И. Красовский//РС. 1874. № 1. С. 106—125; К истории русской цензуры//РС. 1871. № 10. С. 420—440; 1872. № 11. С. 584—588; История России под цензурою Красовского. 1836 г.//РС. 1875. № 2. С. 436—439; *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 175—184; Дневник Пушкина. М.; Пг., 1923. С. 450—452 (коммент. М.Н. Сперанского); Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 140. 13 июня 1824 г.

А.С. Пушкин писал брату Льву, что цензоры «Бируков и Красовский не в терпеж глупы, своенравны и притеснительны», а в эпиграмме того же года он так характеризовал современных цензоров:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух;
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

Аналогичным образом охарактеризованы Красовский и Тимковский в сатирическом стихотворении А.А. Дельвига 1823—1824 гг. «Петербургским цензорам». После смерти Красовского А.В. Никитенко записал в дневнике, что это был «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (*Никитенко.* С. 463).

[4]А.В. Никитенко в 1842 г. записывал в дневнике про П.А. Корсакова, что «литераторы часто употребляют его как свое орудие, особенно Греч и Булгарин. Ему многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим. Хорошо иметь начальником брата (М.А. Дондукова-Корсакова, попечителя Петербургского учебного округа и председателя Петербургского цензурного комитета в 1833—1842 гг. — *А.Р.*)!» (*Никитенко.* С. 244). О Корсакове как цензоре см.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 272—286.

[5]А.Л. Крылов преподавал в Петербургском университете с 1823 по 1835 г., когда при реорганизации был уволен. Цензором же он был назначен в 1831 г., т.е. задолго до увольнения из университета, хотя Булгарин утверждает обратное. А.В. Никитенко характеризовал А.Л. Крылова в своем дневнике (в 1836 г.) как «самого трусливого, а следовательно, и самого строгого из нашей братии» (*Никитенко.* С. 180). О нем см.: *Вацуро, Гиллельсон.* С. 220—227. Н.А. Некрасов также писал (в письме 1861 г. Н.А. Добролюбову) о его «бестолковости и трусости» (см.: *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М., 1952. С. 438).

[6]По свидетельству А.В. Никитенко, А.И. Фрейганг «считался самым придирчивым и мелочным цензором» (*Никитенко.* С. 407). Резкие отзывы Булгарина о Фрейганге и Крылове см. также в его письмах А.В. Никитенко 1844—1845 гг.: РС. 1900. № 1. С. 176, 179.

[7]Через несколько лет, в 1849 г., во времена усилившегося цензурного контроля, Никитенко записывал в дневник, что «Мехелин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей, — в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты» (*Никитенко.* С. 326).

[8]По воспоминаниям Н.А. Греча, «Е.Ф. Канкрин, при вступлении в должность, обратил свое особенное внимание на часть таможенную, захрясшую было в старых приемах, преданиях и злоупотреблениях <...> Для исправления зла были приняты быстрые и решительные меры <...> Часть эту совершенно преобразовали. Прекратились вопиющие злоупотребления; доходы казны возвысились значительно <...>» (*Греч Н.А.* Воспоминания о Дмитрии Максимовиче Княжевиче. СПб., 1860. С. 9—10).

---

265 Сыскной приказ

Полиция наша не в силах исполнять то, что требуется от полиции в благоустроенном государстве. У нас главное занятие полиции — чистота в городе (и то наружная, а не внутри домов и дворов, которые вообще грязны *до заразы*!) и наблюдение порядка при съездах. Исполнительная часть по управлению идет плохо и медленно. Полагая даже, чтоб частные и квартальные были умные и даже честные люди, невозможно от них требовать, чтоб они занимались безопасностью граждан. У частных и квартальных нет

на это *времени и денег*! — Роскошь у нас жестоко увеличилась, дворовые люди расплодились и шатаются без мест по городу, из всех концов России стекается множество народу искать счастья и пропитания в столицах — мещан без ремесла бездна, и все это хочет жить и наслаждаться! По характеру русский народ не кровожаден; он убивает тогда только, когда *разъярен*; но воровство не почитается большим преступлением. Воруют здесь *много*, но все почти воровства открываются у нас *случайно*. У нас нет бесподобного французского заведения Police de sûreté[1], или, как было в старину в России, *сыскного приказа*, а это *первая потребность* в благоустроенном государстве! Сыскной приказ должен заниматься одним только отыскиванием воров, разбойников, бродяг, беглецов, мошенников всякого рода; должен быть в вечной войне с ними, наблюдать за каждым подозрительным человеком, знать, чем он живет и где проживает. Для этого надобны *люди* и *деньги*! Министр Перовский чувствовал потребность Police de sûreté но, по несчастью, попал на мошенника Синицына — плута в роде Ваньки Каина, который был бы отличный *сыщик* под начальством порядочного человека, но сам не мог быть начальником и уронил дело в глазах правительства. Пример, как у нас обделываются эти дела. Мой крепостной человек ночью вломился в чайный магазин, пойман и взят в полицию. Он во всем сознался. Мне *не дали даже знать*, что он взят под стражу, и полиция не явилась ко мне, чтоб пересмотреть вещи арестанта и расспросить о нем! Между тем в течение целой недели приходили в дом подозрительные люди наведываться, что сталось с Гришкой (имя вора)! Парижская полиция переловила бы их всех и открыла бы *целую шайку воров*! Когда я спросил у полицейского чиновника, зачем полиция этого не делала, он отвечал: «Помилуйте, и без того *много хлопот*, а тут пошла бы *переписка*, да *розыски* — ну, черт с ними». У книгопродавца Ольхина украли из спальни 33000 рублей серебром. Улики явные: служанка имела любовника, человека без всякого ремесла, у которого в квартире найдены богатые вещи. У сестры служанки найдено на 15000 вещей, и она созналась, что это вещи ее сестры: но служанка *не сознается*, и все покрыто! У одного моего знакомого (Ордынского) украли все вещи, накопленные 25-летнею службою и бережливостью. Улики были явные, но вор уехал, и полицейский чиновник сказал: «А на какой счет я поеду за вором?» Дело пропало! Будь у нас сыскной приказ — было бы иначе. Сыскной приказ только бы и делал, что гонялся за ворами и отыскивал их, имея на это все свое время и деньги.

Кроме воровства, разврат здесь усилился до высшей степени! Девочки от 9 до 11 лет бегают толпами и просят денег, предлагая *себя*. Ужасно! На толкучем рынке днем, а ночью на главных улицах от них нет отбоя! Полиция и не взглянет на это, чтоб не навязывать себе бед, переписки и хлопот. С кого взыскивать? Полицейский офицер скажет: «Это не в *нашей части-с*!». Но в начальники сыскного приказа надобно выбрать человека отличного и сыскной приказ освободить от начальства полиции. Он должен быть в ведении военного генерал-губернатора и министра внутренних дел, а только сноситься с полицией. Разумеется, что, по нашей общей системе, сыскной приказ будет в вечной войне с полицией, но для граждан это будет лучше, как сказано в басне Дмитриева: «Благодаря стечению воров»[2].

Наши трактиры, харчевни, особенно загородные, — сущие притоны воров и мошенников. Частные и квартальные получают свою плату за

то, чтоб не мешать *торговать*, и они никого не беспокоят. Сыскной приказ поочистил бы эти гнездилища. Кокошкин — прекрасный, благородный и честный человек, но он слаб, как монастырка, и первою обязанностью почитает защищать свой *корпус офицеров*, как он называет полицейских, а там хоть трава не расти! Правило: «как можно меньше шуму» не годится в полиции, как не годятся камергеры в *полициймейстеры*. Начальником сыскного приказа должен быть такой зверь, как был у нас *Эртель*. Вот образец!

А сыскной приказ, право, нужнее многих комитетов и департаментов!

Аминь.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 105. Опубликована М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 499—500; повторно: *Лемке*. С. 325—327.

[1]Сыскная полиция (*фр.*).

[2]В цитируемом Булгариным фрагменте басни И.И. Дмитриева «Два голубя» речь идет о голубе, который спасся от сокола, поскольку на того напал орел.

---

266 Тариф

Тариф должен быть непременно *изменен*. Без этого никак не обойдется. Нынешний тариф заключает в себе такие нелепости и противоречия, что не мог бы и существовать, если б даже и не было изменения в общей системе европейской торговли. Но кому поручить составление плана нового тарифа? — Разумеется, министру финансов. А кто там будет его составлять? — Разумеется, какой-нибудь *начальник отделения*. За 50, а много за 100 тысяч рублей ассигнациями опять можно будет ввести в новый тариф те же нелепости, как в старом, например, о *солях*, химических и аптекарских материалах. Но при министерстве финансов есть *Коммерческий совет*! Правда, но голос там имеют *иностранцы*, а русские купцы, заседающие там, как, например, нынешний градской глава, старик Пономарев, такие *невежды*, что английская лошадь умнее их! Недавно меня они расспрашивали, что значит *Пиль* и *его система*[1]! Понятия ни об чем не имеют! Один умный мужик там *Харичков*! Вот это — голова! Для составления *плана* нового тарифа должен быть составлен *комитет* из купцов *всех* русских портов: Петербурга, Риги, Одессы, Архангельска и прочих, и из фабрикантов, под председательством министра финансов, и при заседательстве, по крайней мере, министра внутренних дел и министра государственных имуществ, имеющих непосредственные интересы в торговле. К комитету можно причислить несколько известных лиц из разных ведомств и несколько химиков, технологов и механиков. Тогда будет создано дело прочное и хорошее. Правилом должно положить, чтоб из купцов и фабрикантов не было ни одного, кто *не родился в России* и не имеет недвижимой собственности. Англичане подкупят и самого черта!

Знаем мы людей довольно,
Знаем вдоль и поперек.
Рассказать — так будет больно,
Вдоль спины и поперек![2]

Аминь.

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 1. Л. 106. Опубликована М.И. Сухомлиновым: ИВ. 1884. № 3. С. 500—501; повторно: *Лемке*. С. 327.

[1]По-видимому, в ответ на этот вопрос Булгарин написал статью «Несколько мыслей, поясняющих предложение сира Роберта Пиля об уничтожении закона о ввозе чужеземного хлеба (corn-law) и других предметов народного продовольствия» (СП. 1846. № 65. 21 марта). Он утверждал там, что английский премьер-министр Р.Пиль — «муж великой мудрости и предвидения <...> Он соглашается уменьшить пошлины на некоторые иностранные товары, но вовсе не намерен поддаться теории общей свободы торговли <...> по нашему мнению, главная цель уступки, сделанной сиром Робертом Пилем сильной партии, есть цель политическая, т.е мера для охранения политических прав аристократии <...>»

[2]Источник цитаты нам установить не удалось. Возможно, эти стихи сочинены самим Булгариным.

---

267 **[Письмо Л.В. Дубельту 11 мая 1846]**

Отец и командир!

С горя посылаю Вам кое-что, что обивается об мои уши!

1. В городе говорят, что князь Воронцов прислал с Кавказа Государю Императору *медаль*, выбитую в Париже, где Чарторижский изображен королем, под именем *Адама I.* — Слышу я, что эту медаль видели за *два года пред сим* в Одессе, и будто это сделали не *друзья*, а *враги* Чарторижского: *демократическая* партия польской эмиграции, чтоб скомпрометировать Чарторижского. — Это, конечно, не делает лучшим старого враля, но доказывает, что движение в Польше было *демократическое,* следовательно, *противно духу нации*, которая склонна была и есть к королям. — В Польше *карбонарисм* или *либерализм* совершенно *отдельный*, имеющий свой *собственный характер*, что называется *полякерия.* Этот дух никогда не мог смешаться *с чужеземщиной*, и только *демократисм* мог войти в сношения с *чужеземными революционерами.* — Общий голос в Петербурге, что поляки, как они ни сумасбродны, не могли задумать войны с тремя державами, если б не были в связях с демократическими партиями в Германии и даже в Италии — и не надеялись на общее восстание пруссаков, богемцев, венгерских славян и итальянцев. При следствии — это важный пункт! Не поляки, а русские и даже военные, возвратившиеся с юга, говорят со смехом: «Вот *жатва* для киевского Писарева! Тут-то он поживится!» — Ужели правительство ничего не знает о подвигах Писарева?[1]

2. Лифляндские депутаты после аудиенции у Государя Императора, по русской пословице: «Как не солоно хлебали!»[2] — Они говорят: «Делать нечего; теперь мы видим, что Государь убежден во всем, что ему представили Перовский и граф Протасов[3] — и что наши объяснения не приняты в уважение. Пропаганда пойдет своим чередом, и *духовный союз* между туземцами в Остзейских провинциях и немецким народонаселением, т.е. дворянством и горожанами, нарушен навсегда». — Воля ваша, а мудрено верить, чтоб чухны и латыши были такие *богословы*, чтоб предпочитали православие лютеранисму[4], по *умственному и душевному убеждению*, без *всякого внешнего вмешательства*! Меня в этом не убедит ни Перовский, ни граф Протасов! В двух моих имениях в Лифляндии, в Карлово и Саракуссе, бо-

лее *третьей части* мужиков записались к принятию православия, а как им объявили, что не дадут за это *земли* и *денег*, то перешло всего человек *пять* бездомных работников! Я живу здесь — и вовсе не мешаюсь в это дело! Сохрани меня Бог! — Когда меня спрашивали мужики, что должно делать, я всегда отвечал одно: в делах веры повиноваться собственной совести, а в прочем — правительству! Так я учу и родных детей! — Ни словечка ни pro[5], ни contra[6]. — Когда правительство приказало униатам перейти в православие[7], я велел моим белорусским крестьянам немедленно исполнить волю правительства, объявив, что непокорных всех отдам в солдаты. — Но лютеранское народонаселение имеет *свои школы*, и безграмотный лютеранин (чухна или латыш) не допускается к причащению св. таин! Со времени *личной свободы* крестьян в Остзейских провинциях[8] просвещение сильно там распространилось, пьянство, воровство и непослушание уменьшились — и теперь школы эти должны уничтожиться. Вот этого жаль! — Из Лифляндии выбрали сюда депутатов — самых жестоких врагов всего русского, и между ними одного из начальников партии так называемой *Юная Ливония*, ландрата Эттингера. Другой начальник партии — барон Нолькен, уже давно известный Государю. Депутаты говорят: «В наших руках привилегии, воспрещающие каждому русскому дворянину, купцу или ремесленнику действовать в нашей стране, сообразно их занятиям, и так только буквальным исполнением привилегий мы можем теперь защититься от влияния русизма»! Будет много неприятного в тех странах!

3. Говорят: действ[ительный] ст[атский] совет[ник] со звездой, Величко, посажен в *исправительное заведение*, то же, что *смирительный дом,* за неплатеж доктору Флорию денег! Одни рады этому, что есть узда на козни, другие говорят, почему же должно платить *одному Флорию*, когда Величко обобрал столько семейств и пустил по миру? — Формалисты вопиют противу *нарушения форм*! «Есть законы», — говорят они. По моему *личному мнению,* в чрезвычайных случаях должно принять предварительные сильные меры — потому именно, что мы же сами не дорожим законами и пропускаем чрез них сильных и хитрых плутов. Для злостного банкрута — тюрьма, если доказано, что он злостный банкрут. Вообще происшествие с Величкой наделало шуму и породило толки — и кажется, что за *формами* более голосов[9].

4. Загляните в прилагаемую газету, где отмечено[10], — и подивитесь лифляндской филантропии! Мудрено ли после этого, что мужики ненавидят там господ! Почему у меня до сих пор хранится хлеб в мужичьих магазинах[11], и я до сих пор не выдал гроша на продовольствие моих крестьян? — От того, что я *не обманываю* моих мужиков и храню в целости их хлеб! Замечательно, что только *семь* мыз в Лифляндии сохранили хлеб в мужичьих магазинах, и в том числе *мои две мызы*, Вульфа и графа Шереметева! — Угнетать мужиков нельзя в Лифляндии, это пустое, но помещики их *обманывают* в расчете рабочих дней, в магазинах, в повинностях и прочем. Вот где зло! Хороший жандарм и два-три *примера строгости за обман* — исправят дело. А чрез закон — немцы пролезут! — Один из депутатов сказал на днях: «Пустое! Нас голыми руками не возьмут!» — и правда!

5. Один весьма умный поляк на вопрос, что можно было бы сделать, чтоб Польша была *счастлива и спокойна*, отвечал, в большом обществе: «Дать таких людей, как граф А.Ф. Орлов, Кавелин, Перовский (оренбургский) и, — извините, не могу умолчать, — как Леонтий Василье-

вич Дубельт». — Вот лучше всех конституций, вольностей и прочих химер! — И правда! Поразберите, что за народ выслан управлять Польшей! — Господи, воля Твоя! —Я не склонен к бунтам, а потому продал отцовский кусок земли и бежал из Польши, навеки веков, аминь! — Строгость на злое, но мягкость, правосудие, деликатность в обхождении излечило бы все раны. Анекдоты об обращении русских с поляками возмущают душу в образованных русских! Ужели правительство ничего об этом не знает и не слыхало?

6. В Дерпте сменили жандармского штаб-офицера. Нечего сказать, дрянной был человечек[12]! — От выбора нового — *много зависит*! Дерпт — важный пункт: центр общего мнения и умственной деятельности трех образованнейших провинций, *ныне восставших духом противу России*. А восстание это *важнее* глупого польского мятежа, который бессмыслен до смешного! Тут должен быть un homme sacré[13], многоязычный и красноязычный, и, главное, не хвастун и не фанфарон! Кого-то Вы выберете, добрый отец-командир! Желаю вам вдохновения свыше!

Да сохранит вас Господь, для моего счастья!
Душевно и навеки вам преданный Ф. Булгарин
11 мая 1846
СПб.

Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. № 11. Ч. 1. Л. 92—93. Опубликовано: *Лемке*. С. 322—325. Дата письма написана неразборчиво, возможные прочтения: «21», «мар[та]». На копии (л. 94—97) — надпись Дубельта: «Граф читал».

[1]О «подвигах» Н.Э. Писарева см. примеч. 1 к письму № 257.

[2]Ю.Ф. Самарин писал, что «в течение 4-х с половиною лет (от сентября 1841 г. до марта 1846) вопрос об улучшении быта лифляндских крестьян <...> почти беспрерывно занимал представителей дворянства, местное начальство Прибалтийского края. Сколько было придумано, обсуждено и отвергнуто всякого рода проектов, сколько созвано было комиссий, комитетов, сколько было мнений и возражений <...>» (*Самарин Ю.Ф.* Православные латыши//Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 10. М., 1896. С. 429). После неурожайного и голодного 1844 г. в следующем году начался массовый переход эстонских и латышских крестьян в православие. Причиной этого был слух, что крестьяне, переходящие в «царскую веру», получат землю и освободятся от власти немецких помещиков-лютеран. Определенную роль сыграли и некоторые меры и циркуляры нового (с 1845 г.) генерал-губернатора Балтийского края Е.А. Головина. В конце сентября 1845 г. прибалтийское дворянство послало в Петербург делегацию, чтобы воспрепятствовать переходу крестьян в православие, но ничего не добилось. В Петербурге был создан Остзейский комитет, занимавшийся аграрными отношениями в Прибалтике, в который входили как прибалтийские дворяне, так и правительственные чиновники (в т.ч. А.Х. Бенкендорф). Члены комитета, принадлежавшие к прибалтийскому дворянству, были приняты императором, который заявил, что «крестьянское уложение 1819 г., которое состоялось на основании мнений и предложений самого дворянства, не принесло тех плодов, которых Император Александр I от него ожидал. Напротив, положение крестьян существенно ухудшилось. Теперь ... дело правительства самому ознакомиться с крестьянским вопросом и руководствоваться в решении его не только взглядами и предложениями дворянства» (цит. по: *Виграб Г.И.* Прибалтийские немцы. Юрьев, 1916. С. 64). 9 июля 1846 г. Николай утвердил основы нового крестьянского положения для Эстляндии. Под давлением правительства крестьянское положение было принято лифляндским и эстляндским ландтагами в 1847 г. (См.: История Эстонской ССР. Т. 1. Таллин, 1961. С. 760—767; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллинн, 1992; *Головин Е.А.* Всеподданнейший отчет по управлению Балтийским краем с мая 1845 по февраль 1848 года//

Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1871. Кн. 2. С. 97—137 (паг. 5).

[3]Обер-прокурор Синода вполне отдавал себе отчет в опасностях и проблемах, которые таит в себе массовый переход прибалтийских крестьян в православие (см. его записку по этому вопросу в: *Самарин Ю.Ф.* Указ. соч. С. 435—438; см. там же на с. 439—441 о позиции министра внутренних дел Л.А. Перовского).

[4]Под давлением правительства в Лифляндии в 1845—1847 гг. перешли в православие более 100 000 крестьян-лютеран (см.: Russification in the baltic provinces and Finland, 1855—1914. Princeton, 1981. P. 123). Переходы в православие прекратились лишь в 1848 г., когда крестьяне убедились в беспочвенности своих надежд на получение земли.

[5]за (*лат.*).

[6]против (*лат.*).

[7]После разного рода мер 1830-х гг. по сближению униатской и православной церквей 25 марта 1839 г. Николай подписал указ о воссоединении. Многие прихожане бунтовали, отказываясь присоединяться к православию, некоторые в итоге стали католиками. См.: Прекращение унии//СП. 1839. № 241—244; *Морошкин М.Я.* Воссоединение унии//Вестник Европы. 1872. № 4,5, 7—9.

[8]В Эстляндии крепостное право было отменено в 1816 г., в Лифляндии — в 1819 г.

[9]См. высочайший указ от 2-го марта об увольнении Величко (С.-Петербургские сенатские ведомости. 1846. № 22. С. 186) и запись в дневнике К.Н. Лебедева: «Много толков о д[ействительном] с[татском] с[оветнике] Александре Павловиче Величко. Его отставили от службы за неприличные званию поступки и посадили в исправительное заведение. Зная Величко, я не сомневаюсь, что он мог дать повод к таким мерам: злой язык, при оскорбленном самолюбии, дерзкие речи и праздная жизнь в изыскании средств поддержать свое состояние, совершенно расстроенное займами и безуспешностью предприятий, все это могло привести к поступкам неприличным его званию и к заключению в исправительное заведение. Он давно уже не платил долгов. Но на все есть порядок и форма. Он мог быть уволен и без публикации в газетах, он мог быть посажен в долговую тюрьму и без особого повеления. Величко имеет теперь право жаловаться, а как жаловаться некому, он будет роптать. Ропот всегда вреден» (РА. 1910. № 10. С. 186—187).

[10]К письму был приложен номер дерптской газеты «Das Inland» за 19 февраля 1846 г. Один фрагмент был отчеркнут на полях и подписано: «Прелюбопытная история». В деле сохранился перевод этого текста: «Из Верроского уезда. Нужда возрастает чрезвычайно. Не только просящие подаяния, но и желающие купить за деньги небольшие количества хлеба, — скитаются в большом числе и нередко должны возвращаться с пустой сумой от амбара, потому что продажа небольшими количествами неудобна, — а ведь при амбарах для этого приставлены люди! Хлеб продается местами, только большими количествами, ради *удобства*, и никто не подумает, что таким образом хлеб переходит в руки перекупщиков и ростовщиков, и вздорожает для бедных, которые принуждены делать тягостные, напрасные переходы. Кто более не хочет или не может помогать — тот помог бы, конечно, и тем, чтобы отложил хозяйственное удобство, а это небольшая жертва в пользу нуждающейся братии» (л. 103).

[11]Здесь в значении: «Складах».

[12]Напротив этого места в копии Дубельт написал: «Щербачев, из Полтавы».

[13]Святой человек (*фр.*).

---

268 [Письмо Л.В. Дубельту 28 мая 1846]

Отец и командир
Леонтий Васильевич!

Сообщив Вам, по желанию Вашего Превосходительства, записку перед отъездом моим из С.-Петербурга[1], я приложил одну губернскую га-

зету, для доказательства, каким образом распространяется этот журнал, которому дано прозвание «Отеч[ественные] записки»[2], и сказал в письме моем, что чиновникам *насильно навязывают* журнал и *вычитают из жалованья.* — Не имея привычки, от детства, лгать и гнушаясь клеветою, прилагаю при сем письмо (подлинное) из провинции[3], *в доказательство* сказанного мною. Чрез жандармского офицера легко справиться у самого г-на Иваницкого (подписавшегося под статьею Цветовичем) об истине его показаний.

Перед самым отъездом моим из Петербурга Алексей Николаевич Греч сказал мне, что какой-то морской офицер, возвратившийся из провинции в столицу, сказывал литератору Якову Буткову (автору книги «Петербургские вершины»[4]), якобы в губерниях заставляют подписываться на «Отеч[ественные] записки» по Высочайшей воле! — Вот до чего дошло!

Узнал я также, что противузаконные выписки из «Отеч[ественных] записок» или уже представлены или будут представлены Светлейшему князю Варшавскому[5], в надежде, что он доведет дело до Высочайшего сведения. В Петербурге не смели на это решиться, воображая, якобы редактор «Отеч[ественных] записок» и его журнал пользуются сильным покровительством III-го отд[еления] Собственной Его Величества канцелярии.

О здешних провинциях нового нечего сказать. Как правительству не благоугодно обращать внимания на общее мнение и дух народонаселения — то об этом и говорить нечего. — Скажу Вам одно: хорошие хозяева между мужиками и люди зажиточные не переходят в православие, а переходят бобыли и бездомные работники (knechten[6]) в надежде, что им наконец дадут что-нибудь. Дворянство и горожане сильно раздражены. — Лютераниcм восстал во всей силе, как во времена Лютера. Оппозиция, конечно, не вооруженная, но не менее опасная. Финляндцы также начинают опасаться за свои *язык и веру.* Здешние мужики с нетерпением ожидают возвращения депутатов, полагая, что для них будут льготы и что им дадут землю в собственность[7]. Все умы в каком-то напряжении, и немецкое народонаселение воздыхает о Пруссии. Там немцы устроили себе воображаемый рай!

А когда я поселился здесь, за 18 лет пред сим, человек, который бы дерзнул заикнуться о правительстве — был бы растерзан! Люди образованные, встречаясь, вместо bonjour[8] — говорили: Gott erhalte den Kaiser (Боже, храни Царя!) — Это было в моде. — Теперь этого уже *нет*!

По моему мнению, провинций этих никогда не сделают *русскими*, потому что из кошки невозможно сделать собаку и обратно, а насильственными или, пожалуй, *ускоренными* мерами к водворению православия и русского языка посеяли только раздоры и ненависть. — Мое дело сторона!

Жандармского штаб-офицера я еще не видал.

Поручая себя благосклонности и покровительству Вашего Превосходительства, есмь навеки веков, с чувствами глубочайшего уважения и душевной преданности, верный и неизменный слуга

Фаддей Булгарин

Карлово, возле Дерпта

28 мая 1846 года

Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. № 11. Ч. 3. Л. 1. На письме — карандашная надпись: «Прошу все переписать». В деле хранится и копия (л. 8—10).

[1]Булгарин уехал из Петербурга в Карлово 20 или 21 мая (см. его статью «Ливонские письма»: СП. 1846. № 128). Записку, о которой идет речь, нам разыскать не удалось.

[2]Эта газета (Гродненские губернские ведомости. 1843. № 3) сохранилась в том же архивном деле, что и данное письмо (л. 60). В ней помещено следующее официальное объявление: «Гродненское губернское правление, препровождая при сем ко всем по губернии гг. уездным предводителям дворянства, гродненскому и брестскому полициймейстерам по одному билету на получение журнала под названием «Отечественные записки», издаваемого в 1843 году, поручает пригласить желающих на получение означенного журнала и о именах и местожительстве подписавшихся доставить сведение губернскому правлению, вместе с причитающимися деньгами». Булгарин так прокомментировал на полях эту публикацию: «Губернское правление собирает подписку на *частный* журнал! Невиданное и неслыханное на Руси дело!»

[3]В деле сохранилось письмо А.И. Иваницкого из Вологды и предлагаемая им к публикации (под псевдонимом Цветович) статья «Голос из провинции об "Отечественных записках"». Иваницкий писал в статье, что для распространения журнала «редакция «Отечественных записок» прибегает к замысловатому средству: при наступлении нового года она пишет в губернские города к Иванам Петровичам и Петрам Федоровичам письма следующего содержания: «*Мы*, «Отечественные записки», журнал самый благонамеренный, *единственный* благонамеренный из всех русских журналов, единственный представитель литературы *элегантной*, чтения легкого, интересного» и проч. (Все это *рельефно и пластично* расписано мелким шрифтом, кругом на целом листе). А в заключение: «Присылаем Вам десять билетов *на наш* журнал: если Вы их раздадите, то одиннадцатый получите безденежно». — И вот Иван Петрович и Петр Федорович призывают к себе Егоров Кузмичей и Семенов Николаевичей. — «Подпишись, братец, на «Отечественные записки»: журнал самый благонамеренный, элегантный, массивный, есть что почитать». — «Помилуйте, Иван Петрович (или Петр Федорович)... жалование не большое, чуть хватает на содержание семейства, к тому же есть должишки». — «Ну, полно, братец, пятьдесят рублей не разорят тебя. При этом же я внесу свои, а у тебя вычтут из жалованья по третям». И бедные Егоры Кузьмичи и Семены Николаевичи с сокрушенным сердцем отдают деньги благонамеренной редакции, а массивный журнал торговкам продавать на рынке, по двугривенному за фунт» (л. 4).

[4]См.: *Бутков Я.П.* Петербургские вершины. Ч. 1—2. СПб., 1845—1846.

[5]То есть И.Ф. Паскевичу.

[6]батраки (*нем.*).

[7]См. примеч. 2 к предшествующему письму.

[8]здравствуйте (*фр.*).

---

269 [Письмо А.Ф. Орлову 5 июня 1846]

Сиятельнейший граф
милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Осмеливаюсь всепокорнейше просить защиты и покровительства для «Северной пчелы»!

18 мая, в субботу, напечатал я в моем фельетоне *шутливое* известие о *гадательных листах*, которые некто Черняев продавал в открытой им конторе[1]. — *Гадательные листы* Черняева *напечатаны* с *позволения цензуры*, следовательно, подходят под разряд *гадательных книг*, которыми весьма богата русская литература, и потому именно журналам можно было позабавиться на счет Великого Алберта[2]. Мог ли я знать, что Черняев более месяца продает *гадательные листы* в конторе, открытой без ведома поли-

ции? — На *шуточное* мое извещение с[анкт-]петербургский господин обер-полицииймейстер, который со времени основания им «Полицейской газеты»[3] соперничает с «Северною пчелою», напечатал *эпиграмматическое объявление*, извещая, что *предсказатель* не *угадал,* что будет взят под стражу и проч.[4] На это в «Северной пчеле», уже во время моего отсутствия, возразили также *шуточно,* что Черняев, предсказывая *одно хорошее,* — не мог знать, что с ним случится *дурное*[5] — и за это Сергей Александрович Кокошкин, почитая оскорбленным свое *авторское самолюбие,* — посадил соредактора «Северной пчелы» Алексея Николаевича Греча под арест — в полиции, без суда и следствия, собственной властью и волею!

Сиятельный граф! Виданное и слыханное ли дело, чтоб журналы и журналистов и вообще литературу подчинить *власти городской полиции,* а тем паче обер-полицииймейстеру, который *поставляет свою славу в звании журналиста*? — Журналы должны быть в ведении полиции политической, как было во Франции при Наполеоне — и теперь у нас. Это дело логическое и мудрое. «Северная пчела» отдана особенно во власть и под надзор III отд[еления]. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и Высочайшая воля объявлена покойным графом Бенкендорфом. Но чтоб газета была под *надзором местной полиции* и чтоб обер-полицииймейстер *имел право сажать нас в полицию,* как бродяг, воров и пьяниц — до этого, я убежден в душе, не допустите Вы, Сиятельный граф, *для чести русского слова* — и мудрый наш Царь верно не позволит этого. — Для каждого верноподданного есть Закон и никто не наказывает без *суда и следствия* — а журналиста, т.е. литератора и дворянина, сажают в полицию — ни за что, ни про что, из соперничества «Полицейской газеты»!!! Великодушный и благородный муж! Употребите власть Богом и Царем Вам данную на защиту чести русской литературы и беззащитных, преданных Престолу литераторов[6]!

Злоба С.А. Кокошкина противу «Северной пчелы», а паче противу меня, пишущего субботние фельетоны, происходит от того, что в «Пчеле» помещаю *городские мелочные известия,* указания на отличные произведения городской промышленности и т.п., что, по мнению С.А. Кокошкина, вредит *объявлениям* «Полицейской газеты», и он всеми мерами старается *воспретить* «Пчеле» печатать мелочные городские известия — утверждая, будто это *объявления*, которых мы не имеем права печатать. — Во-первых, это вовсе *не объявления,* а в Высочайше утвержденной программе «Северной пчелы» *позволено* говорить о произведениях искусства и промышленности; во-вторых, господин обер-полицииймейстер не имеет никакого права вмешиваться в журналистику и решать, что какому журналу можно, а чего нельзя печатать. — Это вовсе не подлежит полицейскому ведомству. Наконец, как мог г. обер-полицииймейстер арестовать А.Н. Греча, когда по Цензурному уставу цензора, пропустившие статью, ответствуют пред Высшим правительством — а не редактор газеты или журнала? Воля Царя — Воля Божья — и если Царю угодно было посадить литераторов на гаубвахту (или в полицию)[7], то это *не пример* для обер-полицииймейстера. Наконец и полицииймейстеры, и частные пристава, и квартальные станут сажать журналистов на съезжую! Право одно с г. Кокошкиным — право сильного!

Стыд, нанесенный С.А. Кокошкиным всей литературе и семейству преданного Вам Николая Ивановича Греча, — уже невозвратим — но, Сиятельный граф, — защитите нас и всю литературу *на будущее время* и при-

кажите военному генерал-губернатору и обер-полициймейстеру, чтоб они *жаловались на нас* нашей *законной власти*, т.е. Вашему Сиятельству и III отд[елению] Собственной Его Величества канцелярии, а не управлялись с нами полицейски, когда ни один министр этого не делал и не сделает. Если б мы провинились противу Бога и Царя — иное дело, но С.А. Кокошкин, действуя *по журнальному совместительству*[8] и по наущению любимца своего, известного своим поведением Леонтию Васильевичу Дубельту Межевича, редактора «Полицейской газеты»[9] — не дает нам покоя и будет беспрестанно нас тревожить, стращая *съезжим двором,* как воров и бродяг! Это уже невыносимо и на всем земном шаре нет этого!

В надежде на правосудие и великодушное покровительство Вашего Сиятельства честь имею быть с чувствами глубочайшего высокопочитания и душевной преданности

Сиятельный граф, милостивый государь Вашего Сиятельства милостивого графа покорнейшим слугою Фаддей Булгарин[10]

Лифляндия
мыза Карлово возле Дерпта
5 июня 1846

Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 74—75. Опубликовано нами: НЛО. 1994. № 6. С. 88—89.

[1]В разделе «Журнальная всякая всячина» Булгарин писал: «Издавались у нас и теперь издаются «Сонники» и «Оракулы», между которыми «Зеркало Великого Алберта» то же, что «Илиада» между поэмами. Теперь приехал в Петербург сам великий Алберт, и притом русский человек, Николай Спиридонович Черняев, и открыл контору на Лиговке, между Знаменским и Глазовским мостами, в доме купца Андреева. В этой конторе продаются печатные листы, объясняющие судьбу каждого человека, или, технически, «гороскопы» <...>, которым верили и великие мудрецы, и герои в то время, когда люди верили в астрологию. Вам стоит только сказать имя и день рождения того лица (мужчины, женщины или ребенка), чей гороскоп вы желаете иметь, и г. Черняев даст вам листик, из которого вы узнаете все для вас приятное, характер, счастливые месяцы, прибыльные для вас занятия и т.п. Вместо того, чтоб купить гадательную книгу и гадать по ней, вы можете гадать с помощию самого великого Алберта, г-на Черняева, который, впрочем, не опечалит и не огорчит вас ничем страшным и прискорбным» (СП. 1846. 18 мая).

[2]Средневековый астролог и алхимик Альберт фон Больштедт за разносторонние знания был прозван Великим.

[3]То есть «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции».

[4]В сообщении «От полиции» речь шла о том, что контора Черняева «не была дозволена правительством, а потому на основании св[ода] зак[онов] XIV т. устава о предупреждении и пресечении преступлений, 43 статьи, ныне закрыта полицией; купец же Черняев подвергнут законному взысканию, о чем объявляется во всеобщее сведение, с тою целию, чтобы люди легковерные, соблазнившись заманчивым объявлением, могли из опыта убедиться, как плохо эти гороскопы предсказывают будущее: если б русский «великий Алберт» мог вперед знать, что с ним самим случится, то, наверно, не открыл бы своей конторы и не просил бы печатать похвальной статейки о гороскопе в Северной Пчеле» (Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1846. 22 мая).

[5]В фельетоне В.Р. Зотова, подписанном X.Z. (Булгарин 17 мая уехал из Петербурга), говорилось о том, что «г-ну Черняеву не следовало открывать контору без дозволения правительства, и Сев. пчеле даже весьма приятно, что она, сама того не зная, оказала полиции услугу, и обратила ее внимание на контору, существующую без дозволения правительства. Касательно же того, «как плохо эти гороскопы пред-

сказывают будущее», указываем на слова Сев. пчелы, приведенные нами выше: г.Черняев предсказывает только приятное, счастливое и прибыльное... Мог ли поэтому он, русский великий Алберт, знать вперед все, что случится с ним и с его конторою?..» (СП, 1846. 25 мая).

[6]Булгарин очень болезненно воспринял арест А.Н. Греча. В начале июля он писал Р.М. Зотову: «Происшествие с А.Н. Гречем есть случай, который мог быть только <...> в Византии! Степень литератора и журналиста теперь обозначена. — Мы стоим наряду с бродягами, ворами и пьяницами, которых сажают в полицию предварительно, без суда и расправы! Наше дело терпеть, молчать и молиться Богу: «Господи, и не введи нас во искушение!»<...> Леонтий Васильевич позволил А. Греча посадить в полицию! Этого я никогда не ожидал! Если б я был там, труп мой принесли бы в полицию. Видно Богу угодно было спасти меня на этот раз!» (Письма Ф.В. Булгарина к Р.М. Зотову//Лица. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 427—428).

[7]Булгарин имеет в виду события 1830 г., когда по приказу Николая I он, Н.И. Греч и А.Ф. Воейков провели сутки на гауптвахте (см. примеч. к № 194 и № 195). В феврале этого же года на гауптвахту был посажен еще один литератор — С.Н. Глинка, — но за упущение по своей должности цензора (см.: Щукинский сборник. Вып. 1. М., 1902. С. 296—297).

[8]То есть соперничеству.

[9]В 1840-х гг. В.С. Межевич пьянствовал, играл по-крупному, водил знакомство с «темными» личностями и даже временами заимствовал деньги из редакционной кассы (см.: *Кармазинская М.* Литературный поденщик, или Превращения Межевича//Лица. Вып. 4. М.; СПб., 1994. С. 51—52).

[10]В надписи, сделанной на этом письме, Л.В. Дубельт писал, в частности, следующее: «Вот письмо Булгарина, во многом он прав, если что пишет справедливо, я не знаю, на чем основывал Кокошкин право своего ареста Греча, но только то знаю, что я бы без донесения Г[осударю] Императору того не сделал». В том же архивном деле сохранилась также следующая записка Дубельта: «Граф Алексей Федорович приказал сказать Сергею Александровичу Кокошкину, что арестование Греча произвело в городе ропот и самое неблагоприятное впечатление; что Его Сиятельству известно, что в этом деле был большим подстрекателем г. Межевич, и что он этим хвастал в кофейном доме; граф полагает, что в подобных случаях должно действовать с большою осторожностию и отнюдь не выходить из пределов своей власти, тем более, что министр, у коего Греч считается на службе (А.Н. Греч ранее состоял на службе в министерстве финансов, но в данное время уже нигде не служил. — *А.Р.*), может оскорбиться. Если же Сергей Александрович не разделяет мнения графа Алексея Федоровича, в таком случае Его Сиятельство увидит себя обязанным довести о сем до Высочайшего сведения, для предупреждения на будущее время подобных случаев. 11 июня 1846» (л. 78). В деле сохранились также письма Н. Греча от 14 и 16 июня 1846 г. по поводу ареста его сына.

---

270 [Письмо Л.В. Дубельту 11 декабря 1846]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

С тех пор, как существует в России журналистика, ни одному журналу не угрожали еще *запрещением* за частные критики, печатаемые с разрешения цензуры и вследствие программы, утвержденной высшим правительством[1]. «Северная пчела» подверглась этой участи, на *двадцать третьем* году своего существования. «Московский телеграф» запрещен был за напечатание статьи, по случаю драмы «Рука всевышнего отечество спасла», в которой статье доказывали, будто бы благословенный род Романовых возведен на Престол не волею всего народа, но партией духовенства[2]. Преступление уголовное! «Московский наблюдатель» был запрещен за статью Чео-

даева, который доказывал преимущества римско-католической веры пред православною. Преступление уголовное![3]– «Европеец», Киреевского, запрещен был за напечатание статьи противу сановников в России, из немцев, якобы не знающих и не любящих России[4]. — «Северной пчеле» до сих пор не сделано было даже *замечания* за политическое направление, потому что она всегда действовала и действует в духе правительства и порядка.

Но как у нас нет ни политических прений, ни судебных, то одна литературная критика может сообщить журналу современный интерес — и в течение двадцати двух лет *критика постоянно помещалась в «Северной пчеле»*, не обращая на себя внимания правительства[5]. — То ли было прежде, когда «Северная пчела» должна была бороться с партией, предводимой Жуковским, Пушкиным, князем Вяземским, Полевым, Каченовским, имевшею в своем распоряжении *четыре* отличные журнала![6] — Правительство смотрело на эту *чернильную войну*, как *на забаву* — и я никак не мог предполагать, чтоб в этой игре ума видели злобу, злонамеренность, нечто возмутительное, требующих крайних средств и последней меры строгости к пресечению их. — Повинуюсь воле правительства без ропота и прекословия, как следует верноподданному в монархическом государстве, и никогда не подам собою примера ослушания. Но могу ли во всех случаях угодить Высшим властям, не зная их желания и действуя *по закону,* который есть не что иное, как *указатель* пути, по которому каждый гражданин должен следовать? — По Цензурному уставу *цензура отвечает* за печатаемые статьи, а не автор и не издатель журнала, и все мои статьи рассматриваются в *полном комитете*[7]. — Подпись или помарки цензуры поясняют, что полезно или безвредно, а что вредно. Автор ответствует там только, где нет цензуры. Во всяком случае я вовсе отказываюсь от писания критик, не из страха запрещения «Северной пчелы», которая для меня сделалась тяжким бременем, но потому что это не нравится высокоуважаемым мною мужам.

Одно из оснований Римского законодательства, которым управляется Западная Европа, есть: audiatur altera pars[8], сиречь: выслушай обе стороны, пред произнесением приговора. — Слово немилости для меня так же важно, как для иного гаубвахта или крепость, и хотя я никогда не надеюсь приобресть милость Его Сиятельства графа Алексея Федоровича Орлова, но больно мне и тяжело лишиться доброго его мнения, на седьмом десятке лет, после *двадцатисемилетних* литературных трудов[9] и постоянного пребывания на виду, в столице, не быв ни разу замешан ни в каких заговорах, частных интригах, сплетнях и недворянских поступках. — Никто никогда не уличал меня *во лжи или обмане,* и многие достойные мужи *верили мне на слово.* Покойный граф Бенкендорф предоставил мне выбор своего секретаря[10], покойный Д.В. Дашков — директора канцелярии[11], М.М. Сперанский сообщал мне важнейшие бумаги — на что имею письменные доказательства. Не говорю о том, что мне самому было поручаемо! — И вдруг из пустых, мелких журнальных перестрелок — попал я в злодеи, в *неблагонамеренные,* в разряд людей, не заслуживающих ни уважения, ни снисхождения! — Смерть во сто крат лучше этого положения! Я твердо решился бросить «Пчелу», чтоб несколько лет, остающихся мне жить, провесть спокойно, в отдалении от всего, а паче от литературы — и жду только возвращения из-за границы Алексея Греча, чтоб поспешностью не скомпрометировать интересов фамилии Н.И. Греча. — Но решившись *замолчать*

навеки, я прошу у Вашего Превосходительства милостивого исходатайствования у Его Сиятельства графа Алексея Федоровича позволения *представить оправдание мое* на бумаге. — Издатель «Финского вестника» г. Дершау, вероятно, оклеветал меня, представив меня каким-то преследователем и подложником[12]. — Прежде, чем имя его упомянуто было в критике «Северной пчелы», он издал противу меня целую книгу «Записки Колечкина», наполненную самыми гнусными личностями[13], разгневавшись за то только, что я не хотел напечатать сатиры его на гельсингфорское общество. Г[осподин] Дершау говорит, что я сочинил безыменное письмо! Прилагаю при сем это письмо — и кто раз видел почерк дяди его и сотоварища по изданию журнала Анненкова[14] — тот узнает его руку. Г[осподин] Дершау расставил мне сети, в которые сам попал — ибо его же приятели известили меня прежде, что я получу его — и я напечатал *отрывок*[15] — чтоб уличить молодца. — Так [где] же с моей стороны *подлог*? — Не сам ли г. Дершау сознается в печатном листке, разосланном *при афишах*[16] — что он попотчевал меня *горечью*! И листок при сем прилагаю!

Находясь под опалою и в таком положении, что меня уже признают недостойным издавать журнал, существовавший 22 года и мною основанный, я никогда бы не дерзнул представить Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу моего ничтожного труда, а тем паче не осмелился бы просить о представлении его Государю Императору, если б не было Высочайшего повеления, изъявленного в письме ко мне графа Бенкендорфа и напечатанного в «Северной пчеле» 1832 года, что б *все*, что я ни напишу, представлял я, чрез шефа жандармов, Его Величеству[17]. — Если же Его Сиятельству не благоугодно — без ропота перенесу и этот удар! Благодаря Бога я уже приблизился к краю могилы, и страдать мне на этом свете недолго!

Всепокорнейше прошу извинения у Вашего Превосходительства, что я, ничтожный писака, *нуль* в гражданской иерархии, которому каждый может сделать зло и никто не возьмется сделать добра, человек, изображенный пред Вами каким-то лютым злодеем — дерзаю утруждать Вас *длинным* письмом, отвлекая от важных и полезных занятий. Но это письмо облегчает душу мою, а Вы часто жертвуете собою для утешения несчастных — и вот одно мое извинение, основанное на доброте Вашего сердца!

С истинным высокопочитанием и беспредельною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[18].
11 декабря 1846.
СПб.

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 3. Л. 7—8. Опубликовано нами: СТЧ. С. 271—273.

[1]Это письмо Булгарина было вызвано следующей жалобой Ф.К. Дершау Л.В. Дубельту (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1953. Л. 1—2):

«Ваше Превосходительство милостивый
государь Леонтий Васильевич!

Удостоенный милостивого покровительства Вашего при самом основании «Финского вестника», — в продолжение двух лет издания журнала я не смел ни разу

прибегать к защите Вашей, несмотря на благосклонное позволение Вашего превосходительства: обращаться мне всегда лично к Вам и в Вашем правосудии искать защиты против беззакония.

С самого начала издания «Финского вестника» постоянно преследуемый личным ко мне недоброжелательством г. Булгарина, ясно высказанном во всех бездоказательных и оскорбительных фразах, кои он постоянно помещает в «Северной пчеле», относя их к моему журналу, а более лично ко мне — я долго отвечал молчанием на все его выходки.

В настоящее время выходки эти со стороны г. Булгарина начинают совершенно выходить из пределов приличия и условия журнальных статей и, переходя в категорию пасквилей, принимают форму чисто полицейскую. В 274 № «Север[ной] пчелы» г. Булгарин, напечатав несколько бессмысленных фраз и выставив их на посмеяние публики, объявил, что они перепечатаны им с таких-то томов (IX и XI) и с таких-то страниц «Финского вестника». По сличении этих фраз с журналом оказалось, что г. Булгарин публично солгал: не только в означенных книгах «Ф[инского] в[естника]», но и в двухгодовом издании журнала нет и тени подобных мыслей.

Подобная недобросовестная выходка, еще небывалая в русской литературе, видимо направлена с целию поколебать доверие публики к моему журналу. Трудно поверить, чтобы кто-нибудь, тем более публичный человек, решился прибегнуть к такому предосудительному и ничем не оправданному поступку — но к сожалению это истина! Мало этого. Г. Булгарин вслед за тем в 276 № «Север[ной] пчелы» решился вместо публичного извинения оправдываться в своем поступке следующею дерзкою и оскорбительною оговоркою: «Булгарин очень хорошо знал, что с намерением к нему было прислано безыменное письмо с вымышленными фразами, якобы напечатанными в "Фин[ском] вес[тнике]" — и зная *нарочно* их напечатал в "Северной пчеле"».

Во-первых, я имею полное право сомневаться в истине этих новых слов г. Булгарина и сказать утвердительно, что безыменного письма по этому предмету не было. Г. Булгарин объявлял в «Пчеле» печатно [в № 265 за 1846 г.], что он получает множество безыменных писем, но ни одного из них не читает и никогда не дает им вероятия; притом получаемую корреспонденцию г. Булгарин всегда начинает следующими словами: «Мы получили письмо», «нас уведомили письменно» и т.д. В 274 № «С[еверной] пчелы» ничего этого не было сказано, а прямо говорилось от лица г. Булгарина. Допустив даже, что действительно получено им безыменное письмо, не видно оправдания в оговорке г. Булгарина. Безыменные письма никому и ни в чем не могут служить оправданием, иначе можно бы было всегда прикрывать ими всякую собственную выдумку, направленную ко вреду ближнего, всякую пасквиль, всякое уголовное преступление. Закон, отвергая безыменные письма как доказательства, — может ли оправдать поступок г. Булгарина?

Во-вторых. Если недобросовестность действий г. Булгарина простирается до того, что он решается говорить печатно: «я знал, что помещенные в безыменном письме фразы *выдуманы*, что их нет в «Финском вестнике» и несмотря на это их напечатал *нарочно*» и если он полагает, что его поступок законный, то после этого что препятствует ему, Ф[аддею] Б[улгарину], употребляя во зло право ежедневной газеты, постоянно взводить на меня публично подобные клеветы и потом прикрывать свои действия безыменным письмом? — Не видя конца подобным выходкам г. Булгарина, подходящим к категории пасквилей, оскорбляющим личность, огражденную законом, и подрывающим кредит журнала — я осмеливаюсь прибегнуть к правосудию Вашего Превосходительства, прося законного ограждения от дальнейших злонамеренных наветов г. Булгарина и доводя до сведения Вашего его поступки. Смею надеяться, что они не останутся незамеченными пред лицом закона. Поручая себя милостивому покровительству Вашему, имею честь быть

с глубочайшим почтением
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
Ф. Дершау
Декабря 9 дня 1846 С. Петербург»

Резолюция А. Орлова на письме Дершау была весьма резкой: «Сказать Булгарину, что если не перестанет, то будет доложено Государю и отнимут «Пчелу». Причина известна — новый год и новая подписка». Рядом помечено: «Исполнено 10 декабря 1846». На хранящейся в том же архивном деле копии письма Булгарина — карандашная надпись: «Граф сам извинится (?). Но граф принял к сердцу потому, что знает, как Государь не терпит» — и помечено: «Исполнено».

[2]Журнал «Московский телеграф» был запрещен в 1834 г. за отрицательную рецензию Н. Полевого на «патриотическую» драму Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (См.: *Лемке*. С. 86—96; Полевой. С. 315—331; *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 404—429; *Березина В.Г.* Из цензурной истории журнала «Московский телеграф»//РЛ. 1982. № 4. С. 164—173; *Вацуро, Гиллельсон*. С. 157—163). В этой статье, содержавшей отрицательную оценку пьесы Кукольника, ничего не говорилось о том, что Романовы возведены на престол «партией духовенства».

[3]Булгарину изменила память. За публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева был запрещен в 1836 г. не «Московский наблюдатель», а «Телескоп» (см.: *Лемке*. С. 402—448; [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1903. № 3. С. 580—584; *Богучарский В.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 317—327; *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 165—183; Дело о запрещении журнала «Телескоп»/Публикация Л. Саповой, В. Сапова//ВЛ. 1995. № 1. С. 113—153, № 2. С. 76—110).

[4]Журнал «Европеец», издаваемый И.В. Киреевским, был запрещен в 1832 г. Булгарин имеет в виду статью Киреевского «“Горе от ума” — на Московском театре», которая завершалась резким выпадом против «иноземцев»: «...не говоря уже об том, что из десяти иноземцев, променявших свое отечество на Россию, редко найдется один просвещенный, — большая часть так называемых иностранцев не рознится с нами даже и местом своего рождения; они родились в России, воспитаны в полурусских обычаях, образованы так же поверхностно и отличаются от коренных жителей только своим *незнаньем русского языка* и иностранным окончанием фамилий. Это незнанье языка естественно делает их чужими посреди русских и образует между ними и коренными жителями совершенно особые отношения. Отношения сии, всем им более или менее общие, рождают между ними общие интересы и потому заставляют их сходиться между собою, помогать друг другу и, не условливаясь, действовать заодно» (Европеец. 1832. № 1. С. 140—141). Формально журнал был запрещен за статью Киреевского «Девятнадцатый век», но, по всей вероятности, действительной причиной явилась публикация статьи, о которой пишет Булгарин (см.: *Лемке*. С. 67—78; *Фризман Л.Г.* К истории журнала «Европеец»//РЛ. 1967. № 2. С. 117—126; *Вацуро, Гиллельсон*. С. 114—134).

[5]Это не совсем так. Литературная критика тогда тоже рассматривалась в аспекте «благонамеренности» и была объектом пристального внимания царя. В конце января 1830 г. Булгарин за публикацию в СП резкого отзыва о романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» по приказу Николая I был посажен на сутки на гауптвахту (см. коммент. к записке № 195). В том же году за отрицательный отзыв о «Евгении Онегине» Николай вообще хотел закрыть СП, и лишь заступничество Бенкендорфа спасло Булгарина (см.: Выписки из писем А.Х. Бенкендорфа к императору Николаю I-му о Пушкине//Старина и новизна. СПб., 1903. Кн. 6. С. 7—9). В 1839 г. по указанию царя Булгарину был сделан выговор в III отделении за критическую статью о романе И.И. Лажечникова «Басурман» (см. письмо № 230 и примеч. 1 к нему). В 1843 г. по распоряжению царя министр двора сделал выговор Булгарину за театральную рецензию (см.: РС. 1903. № 4. С. 176—177; *Никитенко*. С. 272—273, 509). Были и другие случаи, когда Булгарину доставалось за критические отзывы в газете.

[6]Здесь Булгарин сильно сгущает краски. М.Т. Каченовский был не союзником, а противником Пушкина, П.А. Вяземского и литераторов их круга. Одновременно «четыре отличные журнала» против СП никогда не выступали. Так, журнал Н.А. Полевого «Московский телеграф» в 1827 г. прекратил острую полемику с СП (ко-

торая шла с 1825 г.) и стал ее союзником до 1831 г., а «Вестник Европы» Каченовского выступил против Булгарина только в 1829 г., а с 1831 г. уже не выходил. Из «отличных» периодических изданий острую полемику с Булгариным вели следующие: «Московский вестник» (1827—1830), «Московский телеграф» (в 1825—1826, 1831—1834), «Вестник Европы» (в 1829—1830), «Телескоп» (1831—1836) и «Литературная газета» (1830—1831). См. также замечания Булгарина о периодических изданиях, которые «убивали» СП (СП. 1846. № 265).

[7]То есть решение принимали не два цензора, одновременно цензурирующих газету, а все члены цензурного комитета на совместном заседании.

[8]Следует выслушать другую сторону (*лат.*).

[9]Булгарин датирует начало своей литературной деятельности 1819 годом, когда он стал сотрудничать в петербургской газете «Ruski invalid» — польскоязычном варианте «Русского инвалида». В русскоязычной печати он дебютировал в 1820 г.

[10]Имеется в виду Л.В. Ордынский.

[11]По-видимому, речь идет об О.Е. Франке.

[12]Булгарин в 1845—1846 гг. регулярно выступал с нападками на Дершау и его журнал «Финский вестник» (см.: СП. 1845. № 10, 55; 1846. № 49, 248, 254, 257, 260, 268, 274). Характеризуя свои отношения с Дершау, он писал следующее: «"Северная пчела" никогда не называла «Финского вестника» негодным, а называла его скучным, писанным без всякого познания первых оснований русского языка, с примесью самых ошибочных понятий о науках, искусствах и литературе, что и теперь с сожалением повторяет. До основания «Финского вестника» «Северная пчела» о нем не говорила, но говорила о его *программе,* исполненной ошибок противу логики и русского языка, и упомянула, что юный редактор будущего «Финского вестника», взявший на себя важную обязанность литературного и ученого судьи, не доказал прав своих на это почетное звание, и что доставляемые им в редакцию «Северной пчелы» статейки о Финляндии были в таком виде, что без сильнейших грамматических поправок, вставок и исключений, сделанных редакторами «Северной пчелы», не могли бы появиться в печати. Наконец, редакция «Северной пчелы», наскучив самою неприятною работою, *отказались вовсе* от статей нынешнего редактора «Финского вестника». Это ему не понравилось, и он стал писать своим загадочным языком против «Северной пчелы». Вот и все дело, давно уже высказанное. Где же тут личности?» (СП. 1846. № 71). Ср. ответную анонимную статью (Дершау?): Финский вестник. 1846. № 9. С. 1—41 (паг. VI); № 11. С. 1—24 (паг.VI).

[13]В сборнике рассказов и повестей Ф. Дершау «Записки покойного Колечкина» (Або, 1843) Булгарин выведен дважды. В повести «Русский стихотворец» — как продажный журналист Плутицкий, шантажирующий авторов-дебютантов, требуя денег за публикацию, не платящий долгов и т.д. В рассказе «Несколько слов о покойном друге моем Шиндере, журналисте немецкого города Н» — как журналист Шиндер, автор пошлого романа, плагиатор, доносчик и обманщик.

[14]Речь идет об Андрее Николаевиче Анненском, дяде Ф. Дершау по матери. В 1843 г., будучи причисленным в чине поручика к Генеральному штабу, подал прошение об увольнении из армии (для определения на штатскую службу), поскольку планируемый перевод в другой город лишал его возможности подрабатывать частными уроками. Его прошение было доложено царю, а тот 30 марта 1844 г., «принимая в рассмотрение, что усиленное желание поручика Анненского оставить военную службу основано на том, чтобы иметь возможность свободно располагать своим временем и употребить в свою пользу те сведения, которые предоставлены ему попечением правительства, Высочайше повелеть соизволил: не только не стеснять поручика Анненского в дозволении оставить военную службу, но, дабы предоставить ему еще более возможности располагать временем и приобретенными сведениями в свою пользу, не определять его и в гражданскую службу» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 35. Ед. хр. 378). Оказавшись вне службы, Анненский, по-видимому, принял активное участие в «Финском вестнике», выходившем с 1845 г. Он поместил там «Очерк главнейших военных соображений, с кратким военно-географическим взглядом на западные границы России и

в особенности Финляндии» (1845. Т. 6; 1846. Т. 7, 8), а также статью на военную тему «Теория и практика» (1846. Т. 8). По воспоминаниям А.В. Старчевского, он был «человек весьма даровитый, симпатичный, получивший отличное образование, но чрезвычайно ленивый. Анненский написал для «Финского вестника» замечательную для того времени статью о «Западной границе России», но на этом и кончилось его сотрудничество. Он поддерживал Дершау насколько мог, добывал для него небольшие суммы и делился своими, которых у него было тогда немного, несмотря на то, что, женившись в Москве на дочери богатого негоцианта, он взял в приданое наличными деньгами 70000 рублей. Но эти тысячи очень скоро были прожиты» (*Старчевский А.В.* Мое сотрудничество в журналах в 1844—1846 годах//ИВ. 1888, № 10. С. 120—121). См. о нем также: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 51 (II паг.), 15 (III паг.).

[15]Речь идет о следующем фрагменте: «В томе *десятом* «Финского вестника», на стр. 47-й, в библиографии напечатано: «Полевой *раздвинул* наше *воззрение* (!!!???) на искусство: он *открыл новый орган* понимания поэзии» — Каким образом *раздвигают воззрение*? где помещается этот *новый орган* понимания поэзии? Ждем разрешения великих таинств природы и с нынешнего дня начинаем учиться финскому языку, чтоб понимать мудрость и красноречие “Финского вестника”» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.//СП. 1846. № 274. 4 дек.). Булгарин цитирует тут анонимное письмо, так как в журнале на этой странице отклик на другую книгу, а в напечатанной на других страницах рецензии на книгу В. Белинского о Н. Полевом ничего похожего на цитируемые слова нет.

[16]Имеются в виду изданные в виде отдельного листка пояснения Ф. Дершау к опубликованной им ранее в «Финском вестнике» программе журнала.

[17]Ничего похожего в 1832 г. в СП не печаталось. В 1831 г. там было помещено письмо Бенкендорфа (см. № 208 и комментарий к нему), но речь там шла только об определенной книге.

[18]Дершау при содействии III отделения было разрешено разослать при афишах следующее «Объяснение» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1953. Л. 9):

«*Объяснение*

В 274 № Северной пчелы г. Булгарин поместил несколько безыменных фраз, якобы перепечатанных с таких-то страниц IX и X томов «Финского вестника». — Вслед за этим г. Булгарин в 276 № «Сев[ерной] пч[елы]» объявил, что он очень хорошо знал, что в «Финском вестнике» нет приведенных фраз и зная *нарочно* напечатал их. — Предоставляю на суд публики степень добросовестности подобного поступка.

В какой мере справедливы все бездоказательные выходки г. Булгарина против «Финского вестника», видно из публичного сознания, что он никогда не читал и не заглядывал в этот журнал; между тем трактуя о нем почти в каждом из своих фельетонов, он взводит на него разные неправды, придавая им вид фактических данностей, для доказательства безграмотности и дикости понятий «Финского вестника».

Ф. Дершау

12 декабря 1846.С.-Петербург».

Однако Дершау этим не удовлетворился. В письме Дубельту от 12 декабря он, поблагодарив за внимание к его просьбе, «вполне оградившее меня от его дальнейших неблагонамеренных действий, в ущерб моего журнала», обратился с новой просьбой. Дершау писал, что «Объяснение», разосланное при афишах, дойдет только до столичной публики. Поскольку в России других частных газет, кроме СП, нет, Дершау просил походатайствовать у Орлова, чтобы тот принудил Булгарина «к помещению объяснения и тем самым возобновил ход моего журнала, остановившийся от печатно возводимых на него неправд» (Там же. Л. 10—11). На сей раз Дершау успеха не имел. Карандашная резолюция (Орлова?) гласит: «Пусть жалуется кому хочет».

271 [Письмо А.Ф. Орлову 5 января 1847]

Сиятельный граф,
милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Н.И. Греч известил меня, что пред Вашим Сиятельством истолковали политически балладу графини Ростопчиной «Насильный брак», напечатанную в «Северной пчеле»[1]. Н.И. Греч, при всех своих похвальных качествах, человек чрезвычайно восприимчивый (impressionnable) и крайне удивил меня, объявив, что ужаснулся, когда ему растолковали *тайный смысл* баллады. Получив стихи от гр[афини] Ростопчиной, я прочел их в кругу литераторов, и ни один из них не нашел в стихах *политического смысла.* Решился я послать стихи в цензурный комитет для предварительного рассмотрения потому, что в них есть *прошение* святому Антонию Падуанскому, не признаваемому святым Восточною церковью, и различные молитвы, а потому и хотел оградить себя от привязок духовного начальства. Попечитель тайный советник Мусин-Пушкин и весь цензурный комитет не нашли *никакого политического смысла* в стихах и возвратили лист с позволением печатать. После напечатания стихов я, верно, встретился с 5000 человек — и ни один не намекнул мне, что в стихах есть *тайный смысл.* Впервые услышал я это от Н.И. Греча, 4 января!

Удивляюсь, как русский патриот может видеть Государя в *барене*, а Польшу — в *жене* его! Позволено польскому бешеному патриоту искать применения к покорению края в каждой басне и сказке, где *сила* содержит в повиновении *беспокойную слабость.* Это бы меня не удивило! Но подобное применение в русском человеке я считаю даже преступным, потому что оно представляет в ложном свете и дела и намерения нашего истинно доброго и долготерпеливого Царя — и покорение Польши! Какое тут сходство! Государь не *женился* на Польше — он взял ее, наравне со всем домом, от брата, как *слугу*, а не как *жену.* Эта слуга — та самая *зажигательница,* которая, взбесившись, хотела зажечь свой дом и три соседние (Австрию, Пруссию и Россию) революционным огнем — и за то *взята под стражу*, в 1796 году[2]. В 1807 году Наполеон отнял эту служанку и велел служить себе[3] — и она служила хорошо, под французской палкой. В 1815 году, когда барин обанкрутился и посажен в тюрьму — Император Александр взял ее в услужение, по собственной ее воле — и отдал на *содержание* своему *великодушию*[4]! Никогда Польша не была так богата и счастлива, как от 1815 до 1831 года, но эта беспокойная женщина сбежала со двора и снова стала *угрожать поджогом.* Надлежало снова взять под крепкий надзор — и лишить средства вредить себе и другим. Вот подлинная *аллегория* Польши — а не в балладе гр[афини] Ростопчиной! Когда в Польше запрещалось *говорить* или *писать* по-польски? — Никогда! В *Северной* же *пчеле* было сказано, в декабре, что польская литература *процветает* и *язык очищается*, что и справедливо[5]. — Когда в Польше запрещено было молиться в храмах праотцев? — Никогда! Уния не *вера*, а *секта*, и введена иезуитами и поляками *насильно*, кровью и страхом[6]. Каких *верных слуг* ссылали в Польше? — Слуг якобинства, раздора, корысти; бунтовщиков, которых вешают и в Англии! — Каким *позором* покрыта Польша? — Для возмущений в целом мире — эшафоты и виселицы! Не на кафедру же их сажать! — Какая *неволя* в Польше? Каждый смиренный гражданин находится под покровительством закона — и полякам открыто

поприще ко всем почестям. — *Герб* Польши — в *русском орле* — но не уничтожен — и даже *гербом Польши* (белым орлом) украшают грудь верных слуг русского престола[7]. — Ни одного применения не вижу в балладе граф[ини] Ростопчиной — потому что смотрю на балладу *с настоящей точки зрения*. Мой образ мыслей о Польше изложил я в *трех частях* моих «Воспоминаний»[8]. Знаю, что восставлю противу себя врагов в Польше и в эмиграции. Но правда дороже мне «Северной пчелы», жизни и даже счастья детей моих — и потому между мною и Вашим Сиятельством изрыли пропасть, зная, что правдивый человек, которого даже враги не могли никогда уличить во лжи, — опасная фигура при правдивом вельможе! — В доказательство моего высокого уважения к Вашему Сиятельству — я и теперь скажу Вам великую истину. — Если есть один поляк в мире, который мог бы по справедливости сказать, что он обижен, — то это я! — Собою я исполнил *идеал* того, что требовалось от Польши: прилепился душою к русскому Престолу и к России, дал неоднократные доказательства моей верности, сделался народным русским писателем — высказал Польше великие истины — и не обратил на себя даже столько внимания, сколько обращает исправный заседатель, починивший почтовую дорогу. Чтоб уколоть меня, поляки печатали в Париже обо мне — поставляя меня в пример, что поляк, *преданный искренно России, всегда будет оставлен без внимания правительством*. Но я никогда не роптал, не ропщу и не буду роптать — ибо *действую по убеждению* — и что б со мною ни случилось, всегда буду верен русскому Государю и России, потому что в этом поставляю счастье России и слитой с нею Польши.

В балладе видел я применение положения граф[ини] Ростопчиной к ее мужу[9], а если б мне задана была тема: отыскать в балладе политический смысл, то скорее нашел бы сходство барона с *Австрией*, а жены — с *Италией* — по словам знаменитого поэта Монти:

Italia! Italia!
Sempre schiava, o vincitrica, o vinta![10]

т.е. Италия — всегда раба, победительница или побежденная!

Последнее событие — а именно *иллюминация Апеннинов*, в день победы над австрийцами — еще более убедило бы меня в применении. Впрочем, и в молитве «Отче наш» — от слова «и остави нам долги наши» — можно найти применение *покорителя* к *покоренному*! При сем честь имею представить еще не напечатанные, но пропущенные цензурой стихи той же граф[ини] Ростопчиной — может быть, и в них есть *тайный смысл* — которого я не вижу.

С чувством глубочайшего уважения и высокопочитания и беспредельной преданности честь имею быть

Сиятельный граф,
милостивый государь,
Вашего Сиятельства,
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
5 января 1847 .
СПб.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 83—84. Опубликовано (с сокращениями) В.Киселевым: РЛ. 1965. № 1. С. 149—150.

[1]Баллада Е.П. Ростопчиной и еще четыре ее стихотворения были помещены (без подписи) в СП. 1846. № 284. 17 дек. Ростопчина прислала их в сентябре из Италии, сопроводив письмом (Булгарин опубликовал его с небольшими изменениями в том же номере), где просила Булгарина: «Примите благосклонно и приютите в вашей широколетной «Пчеле» редкие отзывы путницы, которая издали желает показать родному краю и всем, кто ее еще не забыл, что ни обаяние первого путешествия, ни прелесть всего виденного не могут истребить в душе ее мысли о России и сожаления о ней <...> Журнал ваш самый народный; он является и в петербургских гостиных, и в уездных закоулках, и в уединенных деревнях; вот почему мне хочется, чтоб не в пример поэтам нашим стихи мои явились преимущественно в "Пчеле"». В балладе (она неоднократно перепечатывалась, в т.ч. по автографу, см.: Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972. С. 99—101) Николай I и Польша были представлены как старый барон и сетующая на притеснения его молодая жена. Прошло почти три недели, пока подлинный смысл стихотворения был понят властями. А.В. Никитенко 5 января 1847 г. записал в дневник следующее: «Суматоха и толки в целом городе. В № 284 за 17 декабря «Северной пчелы» напечатано несколько стихотворений графини Ростопчиной и, между прочим, баллада: «Насильный брак». Рыцарь барон сетует на жену, что она его не любит и изменяет ему, а она возражает, что не может любить его, так как он насильственно овладел ею. Кажется, чего невиннее в цензурном отношении? И цензура и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивлялись только смелости, с какою она отдавала на суд публики свои семейные дела, и тому, что она связалась с «Северной пчелою». Но теперь оказывается, что Барон — Россия, а насильно взятая жена — Польша. Стихи действительно удивительно подходят к отношениям той и другой и, как они очень хороши, то их все твердят наизусть» (*Никитенко.* С. 299). Жандармский офицер Э.И. Стогов, который служил тогда в Киеве, писал позднее в своих записках: «В Питере не поняли тайного смысла баллады, говорят первый обратил внимание и понял государь Николай Павлович — вероятно кто-нибудь прислужился. Тогда шеф жандармов был добряк гр. А.Ф. Орлов. Государь спросил Орлова, указывая на «Северную пчелу»: «Читал ты это?» — «Когда мне заниматься этими глупостями?» — «Ну так я прочту тебе, слушай: Старый барон — это я, невеста — это Польша». Государь прочел всю балладу, смысл был ясен, приказал хорошенько проучить того, кто напечатал и кто сочинил» (РС. 1886. № 10. С. 80). Н.В. Берг утверждал, что смысл стихотворения был разъяснен в одной из французских газет (см.: *Берг Н.* Графиня Ростопчина в Москве//ИВ. 1893. № 3. С. 694).

По мнению В.С. Киселева, на правильное понимание смысла баллады натолкнула власти анонимная заметка «"Северная пчела" и поэт неизвестного пола и звания» в еженедельнике «Иллюстрация» (№ 1 за 4 янв.) (см.: *Киселев-Сергенин В.С.* По старому следу (о балладе Е.Ростопчиной «Насильный брак»)//РЛ. 1995. № 3. С. 141—143). Так или иначе, но А.Ф. Орлов вызвал к себе Н.А. Греча, соредактора Булгарина по СП, чтобы выяснить, кто автор стихов и почему они помещены в газете. 4 января, по-видимому в тот же день, Греч написал ему следующее письмо, излагающее обстоятельства появления стихотворения в СП (РЛ. 1965. № 1. С. 148—149):

«Милостивый государь,
граф Алексей Федорович!

После личного объяснения пред Вашим Сиятельством о стихах графини Ростопчиной принимаю смелость утрудить Вас письменным изложением всего того, что имел честь доложить Вам на словах.

Графиня Ростопчина прислала несколько своих стихотворений товарищу моему Ф.В. Булгарину из Неаполя с самым вежливым письмом, прося для них мес-

течка в «Северной пчеле». Г. Булгарин представил сии стихи в рукописи председательствующему в Цензурном комитете попечителю С.-Петербургского учебного округа тайному советнику Мусину-Пушкину. Они были рассмотрены полным собранием Цензурного комитета, одобрены и препровождены к г. Булгарину обратно с подписью цензора. Сверх того два цензора читали и подписали их в корректуре «Северной пчелы». Получив рукопись г. Булгарина, я медлил помещением стихов в нашей газете, потому что я большой неохотник до стихов, особенно женских, но, наконец, не желая сделать неучтивость даме, поместил их в «Пчеле», когда открылось праздное место. Балладу о бароне и его жене принял я по прямому ее смыслу, как сказку феодального времени, и, признаюсь, полагал, что сочинительница, живя врозь с своим мужем, описывает в ней собственную участь. Но ни я, ни Ф.В. Булгарин, ни г. тайный советник Мусин-Пушкин, ни один из членов Цензурного комитета не находили в сих стихах ни малейшей аллегории или намеков на что бы то ни было. То же должно сказать и обо всех читателях «Северной пчелы» с 17-го декабря до нынешнего числа. Но теперь, когда мне указали сокровенный смысл стихотворения, руки у меня опустились, и я признаюсь, что его ни под каким видом не следовало печатать, и если б то было сделано с умыслом, с знанием точного значения стихов, то мы не имели бы никакого извинения.

Оправдываюсь пред Вашим Сиятельством откровенным сознанием моей недогадливости. Я никак не мог вообразить, чтоб женщина, чтоб русская, носящая имя, ознаменованное подвигом самой пламенной любви к отечеству, могла отважиться на подобное дело; не мог подумать, чтоб в числе присланных ею стихотворений скрывалась злоумышленная контрабанда, коварная и вероломная. Г. Булгарин равномерно не вник в значение сих стихов, но я в сем случае виноватее его: он мог, увлекшись учтивостью и ласковыми словами дамы, не обратить должного внимания на содержание статей, но я действовал трезво и без всяких обаяний, и также не догадался.

Вот все, что могу сказать Вашему Сиятельству. Я имею счастье быть Вам известным в течение многих лет. Вы знаете мою пламенную любовь к Государю, мою глубокую ненависть к врагам его, удостоившим меня за то неусыпным гонением в немецких и французских журналах. Ужели на шестидесятом году жизни изменю правилам, которыми я руководствовался в течение всей жизни? Но на человека, обремененного тяжкою срочною работой, находят минуты утомления, в которые он подвергается невольным ошибкам и недосмотрам, и может извиниться тем замечанием, что тот только никогда не ошибался, кто ничего не делал.

С глубоким высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть,

Милостивый государь, Вашего Сиятельства
Всепокорнейшим слугою Николай Греч».

История публикации баллады, последующий скандал и расследование, проведенное III отделением, на богатом фактическом материале подробно освещены в статьях: *Киселев В.* Поэтесса и царь (Страница истории русской поэзии 40-х годов)// РЛ. 1965. № 1. С. 144—156; *Киселев-Сергенин В.С.* По старому следу (О балладе Е.Ростопчиной «Насильный брак»)//РЛ. 1995. № 3. С. 137—152.

[2]Булгарин неточен. Польша утратила государственность в 1795 г., после третьего раздела (между Россией, Пруссией и Австрией).

[3]См. примеч. 1 к записке № 1.

[4]На присоединенных к России после войны польских землях было создано пользовавшееся значительной автономией Царство Польское.

[5]Булгарин имеет в виду свой фельетон «Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.», который был опубликован не в декабре, а в конце ноября прошлого года (СП. 1846. № 268. 27 нояб.). Рецензируя третий выпуск выходящего в Петербурге на польском языке «Литературного ежегодника» («Rocznik literacki»), он писал, что «другие славянские языки очищаются и возделываются с величайшею тщательностью», и хвалил включенные в сборник произведения, особенно выделяя Г. Ржевус-

ского, романы которого, по его мнению, «должно поставить в первом разряде между европейскими романами».

[6]Брестская уния (объединение католической и православной церквей на территории Речи Посполитой) была заключена в 1596 г. Согласно унии православная церковь признавала основные католические обряды и догматы, а также папу в качестве своего главы. Сохранились лишь богослужение на церковно-славянском языке и некоторые православные обряды.

[7]Булгарин имеет в виду польский орден Белого Орла, который в 1831 г. был включен в состав российских орденов.

[8]В вышедших к тому времени первых трех частях его «Воспоминаний» (СПб., 1846—1847) Булгарин довольно критически изобразил порядки в Польше перед разделом и охарактеризовал причины ее упадка (см.: Ч. 1. С. 15—21, 67—78; Ч. 3. С. 107—108). Он солидаризировался с мнением дяди, который «был из числа тех людей, которые, не предаваясь политическим мечтам, почитали Польшу *умершею* и все счастье польских провинций полагали в сближении поляков с Россиею и в беспредельной преданности к русскому Престолу» (Ч. 3. С. 114), и подробно рассказывал об успехах поляков при русском дворе (Ч. 1. С. 222—236).

[9]То есть А.Ф. Ростопчину.

[10]В доступных нам изданиях В. Монти найти этих слов не удалось.

---

272 [Письмо А.Ф. Орлова Булгарину в январе 1847]

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Из письма Вашего Высокоблагородия от 5 января я вижу, что стихотворения «Донна Мария Колонна Манчини» и «Первый взгляд на Неаполь» уже пропущены цензурой, а потому возвращаю Вам оные как сочинения, до моего рассмотрения не относящиеся, и не вижу причины, почему Вы ко мне оные доставили[1]. Что же касается до стихотворения, помещенного Вами в «Северной пчеле» 17 декабря 1846 года, то на счет оного я частно обращался к его благородию действительному статскому советнику Гречу единственно с тою целию, дабы узнать, каким образом то стихотворение могло быть допущено в издаваемую им газету, получив от него ответ удовлетворительный, я не имел и не имею надобности по сему предмету входить с Вами в переписку, а тем еще менее — в какое-либо рассуждение[2].

Примите, Ваше Высокоблагородие, уверение в моем к Вам почтении. Граф Орлов.

Печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 85. Опубликовано В.Киселевым: РЛ. 1965. № 1. С. 150. Написано вскоре после предыдущего письма.

[1]Стихотворения эти не были помещены в СП.

[2]Греч писал Булгарину в конце января (записка не датирована, но в ней упоминаются стихи Н. Языкова, процитированные Булгариным в СП 25 января) о Дубельте: «Сверх того говорил он, что твое объяснительное письмо о стихах гр[афини] Р[остопчиной] было принято очень неблагоприятно, и советовал быть осторожным, сколько возможно» (Наша старина. 1916. № 1. С. 70). По свидетельству А.В. Никитенко (запись в дневнике за 11 января), «Государь был очень недоволен и велел было запретить Булгарину издавать «Пчелу». Но его защитил граф Орлов, объяснив, что Булгарин не понял смысла стихов. Говорят, что на это замечание последовал ответ: «Если он (Булгарин) не виноват как поляк, то виноват как дурак!» Однако этим и кончилось» (*Никитенко*. С. 300—301). Обмен письмами между Булгариным и Орловым породил характерную для булгаринской мифологии легенду, запечатленную Э.И. Стоговым в своих записках: «Рассказывали, когда Орлов позвал Булгарина и указал ему на

стихи, Булгарин притворился не понявшим (а может быть, оно так и было), но когда Орлов прочитал и разъяснил, Булгарин, как поляк — страшно струсил, в оправдание приносил срочную газетную работу, и несколько раз плачевным голосом повторил: «Мы школьники»! Добряк Орлов притворился гневным: «Так ты школьник?» — хватил его за ухо и поставил у печки на колени, сам сел писать и продержал Булгарина на коленях более часа, но, простив, сказал: «Помни, школьникам бывает и другого рода наказание». Когда государь спросил Орлова, и тот рассказал подробно сцену с Булгариным, государь много смеялся и сказал Орлову: «Ты, чудак, не стареешься». Эта история сделалась известна, тогда все искали номер «Пчелы», все списывали, и баллада пошла по рукам, как запрещенный плод» (РС. 1886. № 10. С. 80). Ср. с воспоминаниями о спорах в начале 1850-х гг. в уездном городе «о том, была ли графиня Ростопчина, автор баллады «Насильственный брак», наказана розгами или нет? Некоторые утверждали, «из достоверных источников», что при «внушении» автору находился Дубельт или сам граф Бенкендорф» (*Венюков М.И.* Воспоминания//РС. 1886. № 7. С. 90).

---

273 **[Письмо Л.В. Дубельту 10 марта 1847]**

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Поставленный в положение, в котором ни один писатель или журналист еще не находился, положение, которое я не умею обозначить, и видя, что каждое мое замечание, каждое мнение принимаются не в духе общей пользы и справедливости, которыми я руководствуюсь, я почти лишился разума и не знаю, чем руководствоваться, когда Цензурный устав, покровительствующий литераторов, не может защищать меня. — В этом недоумении я решился подать Сергею Александровичу Кокошкину *объяснение,* коего копию честь имею при сем препроводить Вашему Превосходительству[1]. — Дальнейшие пояснения были бы вовсе излишни, потому что они не принимаются в уважение. Говорят: «На милость нет образца», — на немилость — тоже. — Крайне мне прискорбно, что *на двадцать восьмом* году моей литературной деятельности (смею сказать, не вовсе бесполезной, в чем сознаются печатно и враги мои[2]) я попал в счет людей злонамеренных и вредных, но нахожу успокоение в моей совести и утешение в приверженности ко мне русских людей. Когда разнесся слух по городу, якобы я взят под стражу за стихи графини Ростопчиной — я был забросан письмами, с изъявлением чувств, весьма лестных для меня. Одно самое *оригинальное* из сих писем, от *имени русских мужиков,* при сем для любопытства честь имею приложить[3]. Когда я однажды докладывал Вашему Превосходительству, что получаю замечания на журналы чрез городскую почту — Вы изволили *изъявить сомнение.* Литературные труды, которые в других странах возвышают человека — поставляют меня здесь в такое униженное положение, что я не смел даже возражать, когда мне приписывалось сочинение подложных писем! Покоряюсь судьбе! Но на этом письме есть *почтовый штемпель.* — Прося извинения в том, что осмеливаюсь беспокоить Вас собою — честь имею пребыть с истинным высокопочитанием и совершенною преданностью

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[4]
10 марта 1847
СП[етер]бург

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 3. Л. 9.

[1]К письму была приложена писарская копия письма С.А. Кокошкину (л. 12—16; сноску, подпись и дату Булгарин вписал собственноручно):

«Милостивый государь Сергей Александрович!

Любя и уважая Вас искренно и бескорыстно, я крайне сокрушаюсь, что по роду моих занятий, исполняя обязанность наблюдателя за движением современной литературы, я вовсе неумышленно подвергаюсь гневу Вашего Превосходительства, указывая, хотя весьма редко, на несообразности в суждениях редактора «Ведомостей С. Петербургской полиции», г. Межевича, и жалуясь на лишение меня и Н.И. Греча собственности и журнал наш занимательности, перепечатыванием статей, которые стоят нам или трудов, или денег. Замечания мои вовсе не касаются официальной части «Ведомостей», но относятся единственно до литературной части, за которую отвечает редактор. В целом мире нет литературного суда без апелляции, и ни в одной литературе не может быть человека, который бы имел право судить и рядить о достоинствах книг, журналов и заслугах литераторов, без всякого возражения. Это была бы монополия, убийственная для успехов просвещения и крайне оскорбительная не только для всех литераторов, но и для всего мыслящего человечества, и если б Высшей власти благоугодно было дать подобное право человеку, то верно для этого не был бы избран г. Межевич, не имеющий никаких заслуг в литературе и действующий всегда по страстям своим или по личным выгодам, занимаясь сверх редакции полицейской газеты книжными спекуляциями (т.е подготовкой и изданием приносящих доход компиляций и переводов. — *А.Р.*), и не пользующийся ни доверенностью, ни уважением русских писателей. Ваше Превосходительство, как первый блюститель законов, вероятно не захотите стеснять писателей в скромном и благонамеренном исполнении их прав, данных всем нам Высочайшею Волею нашего Правосудного Монарха; и в Ценсурном уставе (Свод законов, том 14, Уставы благочиния) в главе I, отд. I, статье 12 напечатано: «Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и искусствам, как-то: о вновь выходящих книгах (не исключая из того и *издаваемых от казенных мест* сочинений и статей, когда оные собственно касаются наук, словесности и художеств), о представлениях на публичных театрах и о других зрелищах, о новых общественных зданиях, об улучшениях по части народного просвещения, фабрик и т.п. дозволяются ценсурою, если только сии суждения не противны общим ее правилам». — Закон здесь ясен, и «Ведомости С.-Петербургской полиции», введя литературу и критику, притом самую жестокую, бесспорно подвергаются суждению других журналов, в деле наук, художеств и словесности. В бессмертном указе Петра Великого, находящемся на каждом зерцале, во всех присутственных местах, сказано: «*На что же законы писать, коли их не исполнять*»; а потому ни г. Межевич и никакой другой писатель, и никакое издание, частное или казенное, не могут и не должны в делах литературы быть *вне закона* и руководствоваться чьим бы то ни было произволом, пока не отменена вышеприведенная статья ценсурного устава.

Ваше Превосходительство сами всегда любили литературу и следили за ее успехами, следовательно признаете, что г. Межевич поступил не только неосторожно, но даже дерзко, напечатав в фельетоне № 22 «Ведом[остей] СПб. полиции», что «после смерти Полевого многие из литераторов, *приобретших себе известность и даже славу*, не только дельностью трудов своих, но и мастерским изложением, правильностью, чистотою языка, стали писать иначе, так, что узнать нельзя: читаешь и дивишься, как можно до такой степени *разучиться писать*». — Ужели надлежало оставить без возражения такую клевету и еще в официальном журнале? Молчание означало бы согласие, а ни один литератор не может с этим согласиться. Сказав скромно и вежливо в «Северной пчеле» [в № 48 за 1 марта], что мнение г. Межевича несправедливо, я, из уважения и любви моей к Вашему Превосходительству, умолчал о другом весьма важном обстоятельстве в той же статье г. Межевича. В том же фельетоне, № 22 «Вед[омостей] СПб полиции», г. Межевич напечатал: «“Московским телеграфом” Полевой показал *первый образец* европейского журнала». — Между тем всем известно, что этот

образцовый европейский журнал (по мнению г. Межевича) запрещен по Именному Его Императорского Величества повелению! Следовательно, по суждению г. Межевича, Государь Император запретил *образцовый*, т.е. лучший журнал, которого все другие журналы суть только копии, как сказано в той же статье! — Далее, г. Межевич в том же фельетоне говорит: «Исторические труды Полевого, начиная с первой его статьи о покорении Азова, напечатанной в «Телеграфе», всегда высоко ценились публикою». А между тем всем известно, что Государь Император запретил «Московский телеграф» за две исторические статьи сочинения Полевого: 1) за статью о малороссийских казаках, в которой Полевой доказывал (и это во время польского бунта), что казаки суть поляки по происхождению и не имеют ничего общего с русскими; 2) за статью о представлении драмы Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», в которой Полевой доказывал, что благословенный род Романовых избран на Царство не всем русским народом, посредством своих выборных, как говорит история, но только одной партией, интригой духовенства и его приверженцев! А по мнению г. Межевича все исторические труды Полевого, от первой статьи до последней, *высоко ценились* публикою! Если б кто-нибудь из нас стал хвалить то, за что писатель подвергнулся ответственности по Высочайшей воле, то был бы, по справедливости, наказан — а г. Межевич печатает это в официальной газете, да еще критиковать его возбраняется! Предоставляю это на суд правосудного сердца Вашего Превосходительства.

Жаловался я еще, в «Северной пчеле» [в № 39 и № 45 за 19 и 26 февраля], что г. Межевич без всякой деликатности и зазрения совести перепечатывает наши труды, и на это я имел законное право, по смыслу Цензурного устава, главы VI, отд. I, статьи 269, означенного литерою *2*. Следовательно, я подвергнулся гневу Вашего Превосходительства, не отступая ни на волос от закона и действуя законно не противу Вашего Превосходительства, чего мне и на ум никогда не приходило, но противу редактора «Вед[омостей] СПб. полиции», который, как я уже сказал, по страстям своим, по связям и по личным выгодам, унижает писателей* и журналы (как, например, «Эконом» и «Репертуар») и распространяет мнения, которые вредны не только словесности, но и общественному духу в политическом отношении, как то доказано мною выпискою о «Телеграфе» и о *всех исторических трудах* Полевого, от первой статьи до последней.

Не желая, чтоб в журналах замечали несообразности г. Межевича, Ваше Превосходительство поставляете его *выше закона* и *выше всех*, кто только когда-либо брался за перо. Сам министр народного просвещения дозволяет критиковать свои сочинения, как дозволял и министр Шишков. — «Русская история» государственного историографа, Карамзина, сочинения генерала Михайловского-Данилевского и даже учебные курсы для военно-учебных заведений, печатаемые по Высочайшему повелению, труды Академии и ученых обществ подвергаются критике, а суждения г. Межевича будут неприкосновенны! — Любя и высоко уважая Ваше Превосходительство, не дерзаю делать никаких замечаний; но зная Ваше сердце и Ваш просвещенный ум, вполне уверен, что Ваше Превосходительство не можете признать такой монополии, предоставленной г. Межевичу, ни справедливою, ни полезною.

Я сохраняю множество статей, сообщенных мне противу фельетонов «Вед[омостей] СПб. полиции», которые я не печатал, избегая полемики, и заметил только то, что мне показалось вредным для литературы и обидным для всех писателей; но если Вашему Превосходительству и это кажется посягательством с моей стороны на благо-

---

*Вот самый новый тому пример. В № 43 «Московского городского листка» приведен анекдот (без указания источников), якобы императрица Екатерина II, недовольная журналом Козицкого «Всякая всячина», сказала: «Мне сказал мой кучер, что всякой всячиной занимаются его ослы». — Г. Межевич, перепечатав этот вымышленный анекдот, исковеркал умышленно слова Государыни, выпустив слово «его», чтоб вышел намек на «Северную пчелу» (Булгарин вел там еженедельный фельетон «Журнальная всякая всячина». — *А.Р.*), и дал смысл речи, якобы *всякою всячиною* занимаются *одни* ослы, а не ослы Государыни. Что б на это можно было отвечать!

состояние газеты, основанной Вами с истинною полезною целью, от которой уклоняется г. Межевич из своих личных выгод — то я замолчу навсегда, предоставляя суд общественному мнению и правосудию Вашего Превосходительства.

Прошу Ваше Превосходительство принять милостиво мое искреннее объяснение, как доказательство моей к Вам истинной преданности и высокого уважения, с коими имею честь быть и прочее

Фаддей Булгарин

10 марта 1847. СПб».

[2]См., напр., памфлет А.Ф. Воейкова (помещен без подписи) «Объявление о новом журнале <...>» (Славянин. 1829. № 52. С. 493), анонимную рецензию на первые две части «Воспоминаний» в «Москвитянине» (1846. Ч. 3. № 5. С. 191) и помещенную без подписи рецензию Белинского на 3-ю часть «Воспоминаний» Булгарина (Современник. 1847. № 2. Отд. III. С. 141—143). Но чаще такие признания делались не печатно, а в частной переписке. Например, Я.К. Грот, принадлежавший к числу противников Булгарина, находил тем не менее в его книгах «много интересного» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 109, 368).

[3]В том же архивном деле сохранилась копия этого письма (л. 17):

«Почтенному и справедливому писателю, господину Булгарину, за известие поставляем, что актеришки славят по городу — пускают вести, якобы Вы сидели под арестом, за стихи графини Ростопчиной, три дня и выпущены; неужели Вы не можете с ними справиться. — Зная Вас, мы, *бородачи*, извещаем, просим извинения; воля Ваша — Вы нам помогали, *благодарим* за то и предупреждаем.

Ваши покорные слуги.

30 генваря».

[4]На письме карандашная надпись Дубельта: «Словесно объявлено С.А. Кокошкину, что граф Орлов находит письмо Булгарина основательным».

---

274 [Письмо Л.В. Дубельту 5 октября 1847 г.]

Во избежание искушения я не читаю и не получаю русских журналов, но вчера вечером получил с городской почты прилагаемый нумер «Полицейских ведомостей» с *замечанием*, для напечатания в «Северной пчеле». Печатать не дерзаю, потому что, если меня посадят в полицию, то никто меня не выручит, и когда по жалобе г. Дершау, издателя «Финского вестника» (назвавшего в разборе моих «Воспоминаний» мать мою *девицею*)[1], Его Сиятельство граф Алексей Федорович Орлов приказал мне объявить, «*что если я не уймусь, то посадит меня на гауптвахту и запретит издание "Северной пчелы"*», то что же было бы со мною по жалобе г. обер-полициймейстера! А что было бы со мною, если б я, подобно г. Межевичу, напечатал, что от жандармов (во множественном числе), которым поручено наблюдение благочиния, *несет водкою* даже на похоронах?! Для меня, несчастного пария, имевшего несчастье родиться по ту сторону Днепра, судя по прошлому, не было бы места и в Сибири! Потому в таком только случае напечатаю возражение, если Ваше Превосходительство позволите. «Полицейских ведомостей» расходится до 700 экземпляров — и скандал великий![2]

Письмо печатается по: *Лемке*. С. 337. Разыскать оригинал в фонде III отделения нам не удалось; в деле, хранящемся по указанному Лемке архивному шифру, данного письма нет.

[1]В отзыве на «Воспоминания» Булгарина анонимный рецензент «Финского вестника» писал о том, как, узнав, что Булгарин во время учебы в корпусе поет в хоре православной церкви, «панна Булгарина чуть не умерла от испуга, не перешел ли сын в русскую веру» (1846. Т. 8. Библиогр. хроника. С. 53).

[2]Никакого «возражения» Булгарин по данному поводу не напечатал.

---

275 **[Письмо Л.В. Дубельту 9 декабря 1847]**

Отец и командир
Леонтий Васильевич!

Много было высокого и благородного в нынешнее царствование, но ничего выше и благороднее я не знаю, как откровенное сознание в ошибке и злоупотреблении правителя губернии, не постигшего видов правительства, и гласное исправление зла. Это à la Pierre le Grand et à la Napoléon[1]. — Какая радость, какое утешение для всей России, что Царское око блюдет нас и что правосудие Его не дает нас в обиду! — Особенно порадуется и утешится несчастное племя Западное! Посредством костромской губернской газеты и «Московского городского листка» дело стало гласным[2], во славу Царя и Его Царствования, — и меня здесь останавливают на улице и спрашивают: «Почему нет этого в «Пчеле»? — Ценсура говорит, что на это надобно позволение III-го Отделения Собственной Его Величества канцелярии. — Ужели у нас нельзя печатать того, что печатается в Москве и в Костроме, и неужели дело, служащее к славе Царя и правосудия его, должно быть *тайною* в Петербурге и *гласным* в остальной России? Воля Ваша — чудеса!

Разрешите, отец и командир, мое недоумение и, во всяком случае, благоволите возвратить газету[3].

С истинным высокопочитанием и искреннею преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Ф. Булгарин
9 декабря 1847
СПб

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 780. Оп. 2, доп. Ед. хр. 3. Л. 19. Опубликовано нами: СТЧ. С. 276.

[1]в духе Петра Великого и Наполеона (*фр.*).

[2]В «Костромских губернских ведомостях» (1847. № 44) был напечатан, а в «Московском городском листке» (1847. № 261. 1 дек.) перепечатан обширный официальный материал без подписи, содержащий информацию о происшествиях в Костроме. Там в первой половине сентября произошли один за другим четыре сильных пожара. В городе пошли слухи, что поджоги совершают поляки. Местное начальство поддержало эти вымыслы: были взяты под стражу все проживающие в городе лица польского происхождения. Их допрашивали, причем некоторых подвергли при этом жестоким истязаниям. Император, узнав о происшествии, повелел освободить всех поляков, а гражданского губернатора К.Н. Григорьева отозвать в Петербург и предать военному суду. Булгарину, как поляку, всю жизнь по мере сил содействовавшему смягчению государственной политики по отношению к Польше и полякам (см.: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин и Польша//РЛ. 1993. № 3. С. 72—82), хотелось, разумеется, предать гласности эти события.

[3]На писарской копии этого письма (л. 18) — резолюция карандашом: «Можно, только статью, без рассуждений». Через день после написания письма статья была без каких-либо комментариев перепечатана в СП (№ 280. 11 дек.).

---

276 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину в январе 1848]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

Представленную из редакции «Северной пчелы» статью о предприятиях гг. *Великопольского*, *Лихачева* и *Канаева* я имел честь докладывать г. генерал-адъютанту гр. Орлову, и Его Сиятельство изволил отозваться, что рассмотрение означенной статьи до него не относится и что дозволение к напечатанию оной должно последовать установленным для сего порядком[1].

Уведомляя об этом Вас, милостивый государь, с возвращением означенной статьи, имею честь удостоверить, и проч.

Дубельт
января 1848

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 99.

[1]Анонимная статья «О предприятиях г. Великопольского и гг. Лихачева и Канаева» была помещена в СП 24 февраля (1848. № 42). В ней рекламировалась деятельность учрежденного Великопольским Товарищества для распространения в России нового способа обделки волокна прядильных растений, а также сообщалось, что Лихачев и Канаев получили десятилетнюю привилегию на изобретенный ими способ мяльно-плющильной отделки прядильных растений. И.Е. Великопольский, разработав новый способ обработки и приготовления к пряже волокон прядильных растений, в 1842 г. начал кампанию по его распространению, получил хорошие отзывы специалистов и добился поддержки правительства, но в итоге разорился. См.: Отзывы о принадлежащем отставному маиору И.Е. Великопольскому способе простой и выгодной обделки волокна прядильных растений, изданные по поручению Императорского Вольного Экономического общества. СПб., 1849; *Модзалевский Б.Л.* И.Е. Великопольский. СПб., 1902. С. 95—103. О привилегии И. Лихачева и Н. Канаева см.: Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1847. № 90. С. 1234—1236.

---

277 [Письмо Л.В. Дубельту 30 января 1848]

Добрый мой отец и командир
Леонтий Васильевич!

Вполне понимаю неприятную обязанность Вашего Превосходительства *отвечать что-нибудь* на жалобы лиц, значащих что-либо в свете! По какому праву г. Муравьев жаловался Вам на «Северную пчелу»?[1] В ней была только *перепечатана, слово в слово*, часть критики на сию книгу из «Московского сборника»[2]. Почему же он не жаловался на «Московский сборник», если полагает, что в *светских* журналах нельзя критиковать того, что напечатано с дозволения *духовной* цензуры, и почему он не жалуется на 1 книжку «Сына отечества», в которой книжка его «Римские письма» выставлена *образцом невежества*[3]? — По Цензурному уставу журналы *имеют право* критиковать все сочинения, выходящие в России, — и в критике «Римских писем» Муравьева — она не коснулась *догматов Церкви,* но изоблича-

ла только *невежество* Муравьева в истории и на это имела полное право. Если б сегодня митрополит издал «Историю церкви» или «православия» — *историческая часть* сочинения подвергалась бы критике. Этому же представили примеры «Северная пчела» и другие журналы.

Г[осподин] Муравьев воображает, что критикуют его по *интриге* книгопродавца Ратькова, которому он продал остальные экземпляры «Римских писем», первого издания, с условием не продавать *второго* издания, пока не разойдутся все экземпляры, проданные Ратькову. — Когда, без всякой интриги, объявление о *втором* издании «Римских писем» было замедлено в «Северной пчеле» *шестью* днями, по недостатку места[4], г. Муравьев обратился с жалобою к генералу Полозову, которому я и объяснил дело. — Г[осподин] Муравьев должен был устыдиться!

Чего же ищет святоша Муравьев, окруженный образами и теплящимися свечами? — Не царства небесного — но *земных выгод* — денег, продавая по *дорогой цене* свои негодные, исполненные самыми непростительными ошибками сочинения, в чем Вы можете удостовериться, прочитав критику в «Московском сборнике» и «Сыне отечества» № 1 за 1848 год! Продавая свои сочинения книгопродавцам, он обещает им вперед, что против этих сочинений *не будет критики* и что они будут продаваться по всем учебным и духовным заведениям, а появилась критика — то жалуется Высшей власти — и клевещет, якобы критика появилась вследствие *интриг* книгопродавца! Это ли *святость,* христианское смирение и христианское бескорыстие? — Поверив числа появления критики в «Московском сборнике» и в «Сыне отечества» — можно убедиться, что критика в «Северной пчеле» — перепечатанная в сокращении из «Московского сборника» — появилась *годом* позже!!! А жалоба на «Северную пчелу»! — Хорошо было бы, для всего человечества, если б в лице г. Муравьева приостановить корыстолюбивые порывы суесвятства, падшие со времени Магницкого и Фотия — и ныне снова восстающие с большею дерзостью! — Закон есть — пусть он действует!

На завтра утром я *приглашен* господином исправляющим должность обер-полициймейстера[5] в его канцелярию, также по каким-нибудь *объяснениям*! Иду, с 14 томом *Свода законов* под пазухой (где Цензурный устав), в котором городской полиции не показано *никакого вмешательства* в литературу, где есть цензура и министр просвещения! Господи, воля Твоя! Ужели наш добрый Царь издал законы для того, чтоб каждая местная власть могла *попирать* их? — Как прибегнуть к Престолу? — Попробую через *Комиссию прошений*! — *Коммунисм* разливается во всей силе в России и явно провозглашается в журналах Краевского — но 150000 руб. дохода — для него эгида — и вся беда падает на людей, показывающих неправду в книгах и беспорядки в жизни!

Честь имею препроводить: 1-е. Записку о крестьянах, *не для печати* — но для Ваших соображений[6] и 2-е. Стихи, кажется сочинения генерала Дарагана, присланные его женою. Если можно — мы их напечатаем в «Пчеле»[7].

С чувствами высокого уважения и душевной преданности честь имею быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.
СПб.
30 января 1848[8].

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 3. Л. 88. Опубликовано: *Лемке*. С. 337—338.

[1]21 января 1848 г. А.Н. Муравьев в беседе пожаловался Дубельту на СП, где в обзоре Я.Я.Я. [Л.В. Бранта] «Отдел критики "Московского ученого [и] литературного сборника на 1847 год"» (1848. № 18. 23 янв.) цитировалась рецензия Ф.В. Чижова на его книгу «Римские письма», находившего там «небрежность языка», «отсутствие всякого плана» и другие недостатки. На следующий день Муравьев прислал Дубельту письмо, где писал, что в его книге «разбирается богослужение Римское сравнительно с православным, отношения пап к церкви Восточной и средства, какие употребляют римляне к совращению православных, и все сие может быть полезно для того, чтобы единоверцы наши не увлекались легко за границею обольщениями Римскими». Муравьев утверждал, что «неблагонамеренная цель руководит пером рецензента, для удовлетворения личных выгод какого-либо книгопродавца, не разбирая, каково может быть нравственное влияние такого рода критики», и вопрошал: «<...> какое торжество будет для иноверцев римского исповедания, когда прочтут они в русской газете, что даже у нас единодушно все осуждают сию книгу; между тем «Северная пчела» более других журналов расходится по внутренним губерниям и мнение ее может быть принято большею частью людей, которые, не прочитав книги, довольствоваться будут критикою» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 125—126).

[2]Булгарин не совсем прав. Брант высказывал и свое отношение к книге: «...критика г-на Чижова довольно беспристрастна и справедлива: он охотно хвалит хорошее в рассматриваемом им сочинении, и неуклончиво осуждает слабые его стороны»; «совершенно справедливы также замечания критика о напыщенности и надутости многих описаний в книге <...>», и т.п.

[3]В своей «Журнальной всякой всячине» Булгарин писал об анонимной рецензии в СО (1848. № 1. Отд. 6. С. 1—22), в которой было указано на многочисленные ошибки и неточности в книге Муравьева: «Критика «Римских писем» есть критика образцовая, по глубоким сведениям рецензента, по духу и тону. Таких критик мы давным-давно не читали в наших журналах» (СП. 1848. № 19. 28 янв.).

[4]Объявление это было помещено в СП 24 ноября 1847 г. (в № 266).

[5]Этот пост занимал А.П. Галахов.

[6]Записку эту нам разыскать не удалось.

[7]Никаких стихотворений (в том числе и Дарагана) в СП в феврале помещено не было.

[8]На письме три надписи Дубельта: «На словах с Ф.В. Б[улгариным]. Булгарин оправдывается тем, что статья только перепечатана из "Московского сборника"», «В «Сыне отечества» напечатана критика» и, наконец: «Отставить».

---

278 [Письмо Л.В. Дубельту 3 февраля 1848]

Отец и командир

Леонтий Васильевич!

Платон Григорьевич Ободовский принес мне от флигель-адъютанта барона Корфа, находящегося при воспитании Их Императорских Высочеств Великих князей — следующий листок «Новгородских городских ведомостей», для напечатания в «Северной пчеле»[1]. Но как о петербургском торжестве умолчали, то страшусь не угодить, напечатав о новгородском торжестве без воли предержащих властей. А потому и прошу покорнейше Ваше Превосходительство представить статью сию на разрешение Его Сиятельства графа Алексея Федоровича.

Пользуюсь случаем, чтоб повторить Вам, моему отцу и командиру, чувства высокого уважения и искренней преданности, с коими честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
3 февраля 1848
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 100.

[1]Там было помещено описание празднования юбилея великого князя Михаила Павловича, которому 28 января исполнилось 50 лет (см. следующее письмо).

---

279 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 6 февраля 1848]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

Письмо Ваше от 3-го февраля, при котором Вы, представив листок «Новгородских губернских ведомостей», заключающий описание празднования юбилея Государя Великого князя Михаила Павловича, испрашиваете разрешения на напечатание этой статьи в «Северной пчеле», я имел честь докладывать г. генерал-адъютанту графу Орлову, и Его Сиятельство изволил отозваться, что на основании восьмого продолжения Свода законов, тома XIV, Устава о предупреждении и пресечении преступлений, приложения к ст. 147, означенное разрешение должно быть испрошено через г. министра Императорского Двора[1].

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, и возвращая упомянутый листок «Новгородских ведомостей», я долгом считаю удостоверить и проч.

[6 февраля 1848]
Л. Дубельт

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 103.

[1]Нам не известно, стал ли Булгарин обращаться к министру двора, но информация из «Новгородских губернских ведомостей» в СП перепечатана не была.

---

280 [Письмо Л.В. Дубельту 6 марта 1848]

Отец и командир
Леонтий Васильевич!

Ночью напорол Вам, что знаю и во что верю, как в Бога! Если не разберете моей руки, прикажите явиться, назначив час — я явлюсь и прочту. Угодно, я велю переписать своему писцу. Любопытные приложения представлю во вторник. Верю в беспредельную преданность Вашу к

Царю, но если пощадите главу коммунистов и развратителя цензуры — Краевского и поборника его Никитенко, ничего не сотворите. Полевому запретили журнал *за одну статью*, Киреевскому *за десять строк* противу немцев[1], мне грозил граф А.Ф. Орлов, через Вас, запретить «Пчелу» и посадить на гауптвахту за полемику с мальчишкой Дершау[2], который, разбирая мои воспоминания, *насмехался над моею матерью*[3], а Краевский — недотрога! Душевно и искренно люблю Вас, уважаю и не смею говорить всего, но для защиты Вашей готов пролить кровь мою — и Вас в городе называют защитником Краевского, а я кричу — *лжете*! Увидите выписки — убедитесь, что за человек Краевский, а что он дает направление цензуре, — это верно, как Бог на небе. Каждую пятницу на собраниях у Никитенки этому можно научиться[4]. Я отец малолетних детей и с юности моей враг, и враг заклятый, революций и революционеров, и если бы было можно, все что написал в Записке, напечатал бы, доказал выписками и подписал мое имя. Пороков имею много, но лгать не умею, что признали и враги мои. Пишу, ибо страшусь за деток моих!

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 25. Ч. 2. Л. 37. Опубликовано: *Лемке*. С. 339. На письме надпись: «Передано было в Комитет». Имеется в виду комитет для наблюдения за цензурой, созданный после того, как 27 февраля 1848 г. Николай на докладе о «сомнительном направлении» периодических изданий наложил следующую резолюцию: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т.е. министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы» (Цит. по: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1903. № 7. С. 137). Возглавлял комитет А.С. Меншиков, а членами его были Д.П. Бутурлин, М.А. Корф, А.Г. Строганов, Л.В. Дубельт и П.И. Дегай. Как писал А.В. Никитенко в дневниковой записи от 25 апреля 1848 г., «цель и значение этого комитета были облечены таинственностью, и оттого он казался еще страшнее. Наконец постепенно выяснилось, что комитет учрежден для исследования нынешнего направления русской литературы, преимущественно журналов, и для выработки мер обуздания ее на будущее время. Панический страх овладел умами. Распространились слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникли в публику <...> Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей <...>» (*Никитенко*. С. 311—312).

[1]См. примеч. 2 и 4 к письму № 270.

[2]См. письмо № 270 и примеч. 1, 12, 15, 18 к нему.

[3]См. примеч. 1 к письму № 274.

[4]Пятничные собрания у А.В. Никитенко начались в середине 1830-х гг. (см.: *Никитенко*. С. 178, 179, 189; *Иваницкий Н.И.* Автобиография//Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С. 258, 320—324).

---

281 О цензуре и коммунисме в России

Законы святы,
Но исполнители лихие супостаты!

Со времени министра просвещения гр[афа] Заводовского и заступившего место министра просвещения Казадавлева литература и цензура не

обращали на себя никакого внимания министров и почитались делом *последним* в министерстве и вовсе *ничтожным*[1]. — На весь Петербург было только *два* цензора, которым предоставлялось действовать самовластно, по благоусмотрению. По счастию, и цензоры, и писатели — были люди благонамеренные, и дело шло безвредно. Тайное общество, обнаружившееся 14 декабря 1825 года, действовало на умы рукописными стишками и песенками и не могло пробиться с своим учением в литературу, потому что хотело действовать скоро и что правила этого общества невозможно было прикрыть никакими вымышленными именами. Проскакивали некоторые вещи, но редко и то или отвлеченно, или в виде малороссийской борьбы с поляками за свободу. Таков характер сочинений Рылеева. — Ныне благополучно царствующий Государь Император, в начале Своего достославного царствования, желая положить пределы злоупотреблению и вместе открыть благонамеренным писателям обширное поприще для действия, повелел составить новый цензурный устав, поручив дело графу Нессельроде, графу Бенкендорфу и Дашкову[2]. Производителем дел комитета был покойный Максим Яковлевич фон Фок. Составлен превосходный Цензурный устав[3], учрежден цензурный комитет из нескольких человек, Главное управление цензуры, определены всевозможные формы, — и дело пошло в тысячу раз хуже, чем было прежде. От чего же? Не только в России, но в целом мире успех дела зависит от выбора людей, а в столь щекотливом деле, как цензура, надобно было обратить особенное внимание на выбор людей, — и именно сделано напротив.

В России цензора должны быть люди почтенные, хотя не ученые по ремеслу (ex professo), но непременно люди образованные, уже в известных летах и непременно дворяне, как говорится, *благорожденные и помещики* (bene natus et possessionatus). Если, для суждения в земских судах[4], требуется оседлых дворян, тем более должно избирать из этого сословия для цензуры, чтоб охранителями монархических правил и монархических учреждений, к подрыву которых стремится теперь коммунисм, были люди, привязанные выгодами своими к Монарху. Надобно непременно, чтобы писатель имел уважение к цензору и даже доверял его советам и чтобы цензор, человек просвещенный, мог соображать дух и направление сочинениям обстоятельствами, временем и ходом политических дел и чтоб, будучи не привязчивым, честно, откровенно и бескорыстно исполнял свое дело, не увлекаясь ни связями писателя в свете, ни представляемыми ему денежными выгодами. Теперь все это навыворот! Взглянем прежде на лица, составляющие цензурный комитет:

1) Цензор *Крылов*. Воспитанник здешнего университета, он, в звании экстраординарного профессора, преподавал статистику в здешнем университете и был посмешищем студентов и товарищей. Например, в его тетрадях статистики находится: сколько фрейлин жило во дворце (до пожара), сколько они занимали комнат, при этом объяснено, что в коридоре помещались ширмы, за которыми стояли *ночные стулья*. Это не шутка, а сущая правда! Министр Уваров удалил его от профессорства и, как в богадельню, определил в цензуру! Крылов человек совершенно глупый, почти полуумный (idiot), не понимающий ни добра, ни зла, не знающий ни света, ни людей, ни политических дел. Невежество его превосходит все, что можно себе вообразить! Родом он — попович[5].

2) *Фрейганг* получил место по протекции брата, консула в Венеции. — Воспитывался в Царскосельском лицее[6] и не научился ничему более,

как тому, что преподавали в классах. От природы он туп, непонятлив и глуп и притом без всякого характера. Жаден к деньгам и привязан к карточной игре. Ему нельзя поручить охранение связки сена, не только монархических правил. Он сотрудник «С.-Петербургских ведомостей». Сын доктора.

3) *Очкин,* сын разорившегося купца, управлявшего некогда железными заводами какого-то барина, который поместил детей его в Горный корпус. Очкин сотрудничал прежде в журналах «Сыне отечества», «Северном архиве», «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения», т.е. переводил с французского, ибо ничего другого не в состоянии сделать[7]. Он женился на девице Зон, которой мать содержала женский пансион. Покойный К.К. Мердер покровительствовал почтенное семейство г-жи Зон и, кроме того, сестра г-жи Очкиной находится при великой княгине Елене Павловне. Этими протекциями он достиг, через бывшего попечителя князя Дондукова-Корсакова, сперва место редактора *С.-Петербургской Академической газеты*[8], а потом место цензора. Очкин человек честный, но бесхарактерный и вовсе не имеет понятия ни о политике, ни о свете, ни о людях, ни о стремлении народов, ни о правах государей, ни о современной истории. — Все это для него тарабарская грамота! Печатает он *все,* что ему дадут *даром*, и, будучи ленив до последней крайности, рад, что только как-нибудь спустить лист своей газеты. Он именно то, что французы называют: homme nul[9]! — Издает он газету без цензуры, чего никогда не бывало на Руси.

4) *Куторга,* ученый скотоврач (попросту коновал) и натуралист, сроду не читал ни одной литературной книги и ни одной газеты. Скотов он знает, но о людях и делах не имеет ни малейшего понятия. Он сотрудничал по ученой части в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках»[10]. Родом попович.

5) *Никитенко,* бывший крепостной человек и писец в домовой конторе графа Шереметева; пришел пешком из Воронежа в 1824 году и явился прямо к Рылееву (повешенному), которого видел в Воронеже, просить, чтобы он упросил графа Шереметева выпустить его на волю, уверяя в желании учиться и исповедуясь в либерализме. Рылеев нашел путь к бывшему приятелю графа Шереметева кавалергардскому офицеру Ершову и опекуну графа, Малиновскому — и Никитенко получил свободу[11]. Протекцией Рылеева Никитенко поместился писцом в канцелярию попечителя С.-Петербургского округа Бороздина, который позволил ему слушать лекции университета[12]. Протекцией Бороздина Никитенко выдержал кое-какой экзамен и происками достал место экстраординарного профессора русской словесности[13]. Никитенко достойный ученик Рылеева, но благоразумнее своего учителя! — Рылеев хотел ниспровергнуть государственный порядок с боя штурмом — а Никитенко подрывает его минами, подкапываясь под него. Он был, в одно время, и цензором, и сотрудником «Отечественных записок»[14] и не стыдился выставлять своего имени в программе и на обертке журнала. Опаснее Никитенки я не знаю человека в России! Он хуже Краевского. Весь фурриоризм напечатан в «Отечественных записках» под цензурою Никитенки и, наконец, партия коммунистов избрала его в редакторы «Современника»[15], родного брата «Отечественных записок»! Бедная Россия!

5) *Срезневский,* прибыл недавно из Малороссии[16]. Знаем только, что он отчаянный славянофил и что чужд света и людей.

6) *Мехелин,* финляндец, помещен по протекции, совершенно ничтожный человек.

Попечители князь Дондуков и князь Волконский совершенно избаловали цензоров, обходясь с ними фамильярно и всегда соглашаясь с ними. Несчастное правило, губящее все хорошее в России, а именно: что надобно защищать своих подчиненных, как бы они были ни виновны, более всего вредно в цензуре, но оно и поныне соблюдается!

Эти-то господа цензоры составили ареопаг ума! Купцы устраняются от служения на таможне, судьи не могут присутствовать в судах, когда они прикосновенны к делу, а цензора сами журналисты и сотрудники журналов, сами цензируют себя и других и, разумеется, по камрадству пропускают у товарищей статьи, не читая их вовсе и запрещая другим все, что может быть неприятно товарищам. — Этим составом цензуры воспользовался Краевский, глава и начальник коммунисма в России, и развил это учение во всей силе, соделавшись совершенно неуязвимым, как Ахиллес! Щит его — злато!

От существования России не было примера, чтоб человек столь явно и столь дерзко действовал к подрыву веры, Престола, любви к Отечеству и всех преданий, внушающих любовь к родине, и чтобы правительство не смело прикоснуться к явному своему врагу. Дело неисповедимое! Побочный сын содержательницы пансиона в Москве, побочной дочери генерала Архарова, принявшей название фон-дер Пален, Краевский, лет за 12 пред сим прибыл без гроша в Петербург из Москвы и обратился к первому Н.И. Гречу, прося помощи и покровительства. Греч рекомендовал его богатому Давыдову (путешествовавшему по Греции), который вздумал учиться русскому языку и издать по-русски свое путешествие. Краевский вошел в доверенность Давыдова и уговорил *основать журнал на акциях.* Купили «Отечественные записки» у больного Свиньина. Первые акционеры были: Давыдов, князь Одоевский, Врасский, майор Владиславлев и некоторые другие. Все старались распространить журнал[17], и даже граф Бенкендорф содействовал к этому, потому что его просили от имени бедной жены и сирот покойного Свиньина. Когда журнал укрепился, Краевский отделился от своих акционеров и стал действовать *самостоятельно.* — Всех нужных ему людей он взял в сотрудники, платя большие деньги за малые труды. За несколько лет пред сим почти все цензоры стояли у него на обертке, в числе сотрудников, но теперь он догадался, что это неловко — и снял их имена с обертки. Всем известно, что министерством просвещения управляют правитель его канцелярии Комовский, отчаянный шеллингист и гегелист, т.е. последователь противохристианского пантеисма, который перевел несколько философических сочинений с немецкого, и доктор Спаский (из жидов-перекрестов), знаменитый интригант, имеющий надобность в журналах, чтоб бранить соперников своих, докторов. Краевский свел с ними тесную дружбу. У министра внутренних дел самое доверенное лицо Даль, а Краевский платит ему на вес алмазов за его сказки, а Даль через губернаторов распространяет журнал. У графа Киселева действуют в пользу Краевского постоянный его сотрудник князь Одоевский и Заблоцкий. У министра юстиции[18] приятель у него Карниолин-Пинский, с которым сдружился он чрез друга своего театрального правителя конторы Киреева, с которым вместе (и с купцом Кушинниковым) завел книжную торговлю, под именем купца Ратькова. Чрез генерала Скобелева, который, как писатель, имеет нужду в журналах, и чрез Политковского, который, как карточный игрок, имеет часто нужду в деньгах[19], Краевский получил место редактора «Русского

инвалида». Наконец он купил «Литературную газету», чтоб быть сильнее. И так, имея официальную газету с фельетоном, газету литературную и толстый журнал, в котором позволяют печатать все, чего вовсе не было в утвержденной программе журнала Свиньина, и, сверх того, имея обширную книжную торговлю и связи с правителями министерств, получая до 130 т. руб. ассиг[нациями] ежегодного дохода, Краевский подчинил совершенно своему влиянию цензуру, — и он истинный ее начальник и глава! Противу него не только не позволяют писать, но даже запрещают упоминать его имя. Если до сих пор было писано что-нибудь об нем в «Северной пчеле», то не иначе как с разрешения попечителя. — Надобно было Краевскому иметь голос в высшем обществе, и он нашел себе поборника в князе Одоевском, человеке добром в основании, но мелочном, самолюбивом и небогатом. Льстя Одоевскому и платя хорошо за статьи, Краевский подчинил его своей воле совершенно — и князь Одоевский по смыслу Св. писания: «не ведает, что творит!»

Каким образом Краевский вкрался в дружбу генерала Ростовцова — неизвестно, но верно, что он пользуется неограниченною его доверенностию и служит под его начальством преподавателем истории в Павловском кадетском корпусе. Хороша история — нечего сказать! Будучи в милости у генерала Ростовцова, Краевский имеет самое сильное влияние на учителей, преподающих науки в его духе. Представляю для примера одну литографическую тетрадку, чтоб видели, как история преподается в военных училищах, под влиянием Краевского!

У нас более материалов для революции, нежели многие думают, только *каша еще не сварилась*, которую стряпает Краевский! — Учители, невежды в основании, но схватившие вершки западного учения, промотавшиеся дворяне, хлебнувшие полупросвещения, купчики полуразорившиеся, крапивное семя кантонистов, студенты, огромная масса мелких чиновников и бедных офицеров, писатели с большими притязаниями на славу и деньги и с малым дарованием, — все это составляет страшную фалангу, и Краевский у них первосвященник, вестник свободы и эманципации, приготовляющий для них новое царство. Надобно было составить какое-нибудь общество, из которого можно было бы выбирать рекрут — и Краевский подал мысль составления *общества посещения бедных*, употребив все усилия, чтоб назначить невинное свое орудие, князя Одоевского, президентом![20] — Сходятся, знакомятся, дружатся и достойные приглашаются на середовые вечера к Краевскому[21], — qui se ressemblent s'assemblent[22].

Краевский действует *умно* и *систематически!* Он нигде не подписывает своего имени и заставляет других работать по своим идеям, платя большие деньги[23]. Чтоб создать *новое,* надлежало разрушить *старое*. Правило это объяснено в «Отечественных записках» в приложенной выписке[24]. На этом основании уничтожается все прежнее, и все наши старинные писатели — Державин, Ломоносов, Карамзин, Дмитриев, Жуковский и проч. — *уничтожены* как люди, не развившие *гуманных,* т.е. *человеческих, идей.* Потом начали подрывать веру — и Христа провозглашать, как вестника *свободы, равенства и братства* (liberté, égalité, fraternité). Далее стали приманивать людей *к наслаждениям жизнию,* для которых нужны деньги. Деньги каждому дают переворот! Вся система Фуррие, т.е. весь *коммунисм,* изложен *слово в слово* в особой длинной статье, и в другой статье о *состоянии рабочего*

класса[25]. Дело ведется *явно* и *гласно* — и никто не обращает на это внимания, хотя все благонамеренные люди вопиют — и обращаются с просьбами в другие журналы, прося остановить беззаконие! Но ценсура крепко защищает своего главу и кормильца! Из нескольких приложенных примеров можно видеть, что за дух в журналах Краевского![26] Он между тем под рукою хвастается и клевещет на людей, якобы состоящих с ним в *тайных связях* и пользующихся от него годовым жалованьем за *протекцию*! Об этом еще недавно говорили явно в биргер-клубе, на Адмиралтейской площади!

Напечатай хотя одну подобную статью другой журналист, давно бы и журнал был запрещен, и журналист сослан, но Краевского тронуть не смеют! Как его тронуть — ведь надобно огорчить его протекторов, да и мудрено тронуть человека с 100 т. дохода — и потому все, что ни будет придумано для преобразования ценсуры, не принесет пользы, ибо зло не в законе, а в людях. Хотите верно сослужить службу Государю, избавить Россию от нравственной чумы, надобно действовать *решительно* и *твердо во благо*, как революционеры действуют назло роду человеческому, и:

1) Не изменяя закона, переменить *всех ценсоров до единого.*

2) Запретить раз навсегда ценсорам быть явно и тайно редакторами газет и журналов и даже сотрудниками.

3) Сделать распоряжение, чтоб ежемесячные журналы не вмещали в себе более 10-ти печатных листов цицеро и 10 листов корпусом — всего 20 листов в месяц, из коих половина, т.е. 10 листов, должны быть посылаемы ценсору в *текущем месяце* — на *будущий месяц,* чтоб не затруднять ценсора, получающего по 10 листов вдруг в конце месяца, за несколько дней до выхода книжки. — Другая половина, т.е. новости, могут быть посылаемы в течение текущего месяца.

4) Запретить вовсе особые приложения романов к книжкам журнала. Никакая ценсура не может прочесть *внимательно* 80 листов мелкой печати в 10 или 12 дней!

5) Уничтожить распоряжение графа Уварова, чтобы два ценсора читали один журнал или газету. Это только сбивает с толку ценсоров. Один полагается на другого, один пропускает, другой марает и обратно — и дело идет хуже. Пускай каждый действует *самостоятельно* и отвечает *за себя.*

6) Но все это не произведет пользы, если оставить Краевского в его положении. Краевскому и Никитенке (ибо «Современник» есть *эхо* «Отечественных записок») запретить вовсе быть редакторами каких бы то ни было журналов, и журналы их запретить. Это даст острастку всем писакам и всей шайке коммунисткой. За одну статью запретили «Московский телеграф» Полевому и «Европейца» Киреевскому, а «Отечественные записки» 10 лет подкапываются под алтарь и Престол — и никто их тронуть не дерзнет! Пока будет действовать Краевский, Никитенко и Белинский, в литературе чумы не истребят! *Выговором* дела нельзя исправить. — Говорят, правительство сильно — а в публике твердят иное, видя явную ненаказанность радикалов, которые даже в Пруссии и Австрии отданы были бы под суд. — Пример есть: за статью о *Прометее* удалили кенигсбергского профессора от места[27], а в «Отечественных записках» статья *напечатана целиком,* и у нас правительство не обратило на это внимания.

Кроме этого, необходимо для *воспитания:*

1) Что учители преподавали все *словесные науки* по тетрадям, просмотренным первоначально в Главном правлении училищ и утвержден-

ным. С этою целью было учреждено Главное правление училищ, как сказано в V томе «Воспоминаний» Ф. Булгарина[28].

NB. Тетради для военных училищ должны быть рассматриваемы в военно-учебном совете.

2) Профессоры университетов, говорящие иногда лекции из памяти, увольняются от представления *тетрадей,* но должны представлять в университетские советы *программы* лекций. Недавно был соблазн на всю Россию, прочитанный профессором Порошиным, печатавшим проповеди о свободной торговле в «С.-Петербургских ведомостях»[29] Очкина. Правительство отвергает свободную торговлю, а официальная газета защищает! Этого не было и не будет даже во Франции.

3) По всем учебным округам установить инспекторов преподавания наук, ответствующих за правила учения.

NB. В нынешнюю зиму, после экзамена в Педагогическом институте, все присутствовавшие пошли к директору Давыдову (который, как известно, первый привил в Москве гегелисм, т.е. антихристианисм). Попечитель Муссин-Пушкин сказал графу Уварову, что он находится в невозможности прекратить ложное учение истории и литературы, потому что учители напитаны скверными правилами и, по его мнению, всех таковых должно удалить. «Скажите им *дурака,* — возразил Уваров, — откуда взять лучших! Одного выгоните, но место займет другой — *такой же*». Славный ответ! А ведь учители выходят из Педагогического института, состоящего под начальством Уварова. Где же эти ученики почерпают вредные правила? В чтении «Отечественных записок» и «Современника»! Но граф Уваров сам пишет *брошюрки* и *статейки для журналов*[30] — и прекрасно составляет с Комовским отчеты для Государя, где громко вопиет: *православие, самодержавие* и *народность.* Гремучие слова, но до сих пор — это только слова!

Записка печатается по писарской копии: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 25. Ч. 2. Л. 40—57. Опубликована В. Семевским: Голос минувшего. 1913. № 3. С. 222—228. Подана одновременно с письмом № 280. В эпиграфе цитируется комедия В.В. Капниста «Ябеда».

[1]При П.В. Завадовском было открыто два университета и несколько лицеев, а также принят весьма либеральный цензурный устав 1804 г.; Козодавлев же, как отмечает М. Полиевктов, «всегда являлся сторонником гласности в администрации и находил желательным обсуждение в печати различных очередных вопросов. Для этого при министерстве внутренних дел с 1810 по 1819 г. (тогда его возглавлял Козодавлев. — *А.Р.*) издавался особый орган «Северная почта или новая С.-Петербургская газета» под наблюдением и при личном участии самого Козодавлева. Благодаря его заботам эта газета не была сборником одних официальных сведений, но являлась очень содержательным повременным изданием <...>» (Русский биографический словарь. Том «Кнаппе — Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 59; см. также: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1882. С. 231—265).

[2]См. примеч. 1 к записке № 31.

[3]См. примеч. 1 к записке № 153.

[4]*Земский суд* — полицейский орган, призванный сохранять в уезде «благочиние, добронравие и порядок». Он состоял из избираемых дворянством уезда земского исправника и 2—3 заседателей; в его функции входило исполнение распоряжений вышестоящих властей и приговоров суда, производство предварительного следствия по уголовным преступлениям.

[5]Об А.Л. Крылове см. примеч. 5 к записке № 264.

[6]А.И. Фрейганг окончил не Царскосельский лицей, а благородный пансион Царскосельского лицея (в 1823 г.; см.: Памятная книжка императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. Паг. 3. С. 129). О Фрейганге см. примеч. 6 к записке № 264.

[7]В СА, СО и СП Очкин печатался в 1825—1835 гг., в «Библиотеке для чтения» с 1834 г. по начало 1840-х гг., причем печатал не только переводы, но и рецензии на книги и театральные спектакли.

[8]То есть «Санкт-Петербургских ведомостей».

[9]Ничтожный человек (*фр.*).

[10]В «Библиотеке для чтения» С.С. Куторга поместил статьи «Лафатер и Галль» (1845. Т. 72. Отд. 3. С. 1—32) и «Нога и рука человека» (1846. Т. 74. Отд. 3. С. 1—42), в ОЗ его статей не было (см.: *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839—1848: Указатель содержания. М., 1985).

[11]Подробно описывая свое освобождение от крепостной зависимости (в октябре 1824 г.), А.В. Никитенко не упоминает ни Ершова, ни Малиновского. Он утверждает, что главную роль в борьбе за его свободу сыграли два офицера: А.М. Муравьев из Кавалергардского полка и Е.П. Оболенский из лейб-гвардии Финляндского полка (см.: *Никитенко А.В.*Моя повесть о самом себе и том, «чему свидетель в жизни был»//Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 1. СПб., 1904. С. 119—128). Среди кавалергардов в то время, когда был освобожден Никитенко, Ершов не числился; см.: Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. Опеку над Шереметевым возглавлял не Малиновский, а Д.П. Трощинский, но в 1820 г. Шереметев уже вступил в управление наследством. По всей вероятности, Булгарину изменила память, и он неверно назвал лиц, содействовавших освобождению Никитенко.

[12]А.В. Никитенко учился в Петербургском университете с 1825 г. С конца 1826 г. он служил также в канцелярии попечителя Петербургского учебного округа К.М. Бороздина, выполняя у него секретарские обязанности, а в 1828—1829 гг. уже официально занимал должность секретаря при Бороздине.

[13]Никитенко в 1834 г. стал экстраординарным профессором русской словесности Петербургского университета, а в 1850 г. — ординарным.

[14]Никитенко поместил в ОЗ лишь один материал — «Библиографические и журнальные известия» (1841. № 9. Отд. 6. С. 34—36) (см.: *Боград В.* Указ. соч.).

[15]Никитенко был официальным редактором «Современника» с начала 1847 г. по апрель 1848 г. (о его роли в журнале см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934; по указ.).

[16]И.И. Срезневский преподавал в Харьковском университете, а в 1847 г. приехал в Петербург и стал экстраординарным (с 1855 г. — ординарным) профессором Петербургского университета.

[17]Владиславлев «при начале «Отечественных записок» способствовал их распространению через III отделение» (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 67).

[18]Этот пост занимал тогда В.Н. Панин.

[19]А.Г. Политковский, правитель дел т.н. Инвалидного комитета, «в течение многих лет крал казенный интерес, пышно жил на его счет, задавал пиры, содержал любовниц» (*Никитенко.* С. 360).

[20]В.Ф. Одоевский был председателем Общества посещения бедных в Петербурге в 1846—1855 г.

[21]Об обедах у Краевского, которые посещали А.П. Заблоцкий-Десятовский, В.И. Карнеев, Н.А. Милютин, Н.И. Надеждин, И.И. Панаев и В.П. Боткин, А.Ф. Орлов поручил 22 марта собрать сведения сотрудникам III отделения, но по результатам расследования оказалось, что все это — благонамеренные люди (см.: *Лемке.* С. 181—182).

[22]Рыбак рыбака видит издалека (дословно: Похожие люди сходятся) (*фр.*).

[23]В ОЗ платили довольно высокий для того времени гонорар — 150 руб. ассигнациями за печатный лист оригинального (то есть не переводного) текста (см.: РС. 1900. № 5. С. 297).

[24]К записке были приложены два листа, вырванных из этого журнала (1847. № 12. Отд. 1. С. 309—312), на которых была напечатана повесть А.Д. Галахова «Из записок человека». Булгарин ряд мест подчеркнул в тексте; на полях он отчеркнул следующие слова: «От первых лет детства предоставленный самому себе, с большим запасом созерцательной способности и малым запасом способности деятельной, мечтательным направлением и несколько похожий на отца желанием давать отчет в своих стремлениях, я, при самом вступлении в юность, почувствовал нужду в какой-нибудь системе, которой покорялись бы все мои отдельные воззрения, которая служила бы мне и правилом для действий и основою для суждений. Зная главные элементы моей природы, можно было предугадывать, на какую систему падет мой выбор», пометив их «NB», а внизу страницы написал карандашом «NB. Явно нельзя опровергать Евангелия — но это есть осязаемое восстание противу евангелического учения, смирения, повиновения и верования в будущую жизнь. Умное духовенство восстало и даже жаловалось, но Краевский оправдался тем, что напечатал, якобы это переведено из сочинения одного испанского монаха. Хорошо оправдался!» (л. 70).

[25]Имеются в виду, скорее всего, следующие статьи: *М-н В.* [В.А.Милютин]. Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции//ОЗ. 1847. № 1—4; *Веселовский К.* Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге//ОЗ. 1848. № 3. Отд. 2. С. 1—27. Вторая статья, которая почти целиком была посвящена невыносимым условиям жизни «рабочего люда» в столице (номер с ней вышел в свет 2 марта, за несколько дней до написания данной записки), привлекла во второй половине марта внимание Комитета и принесла автору немало неприятностей (см.: *Веселовский К.С.* Отголоски старой памяти//РС. 1899. № 10. С. 5—23).

[26]К записке были приложены также (л. 68) выписки из ОЗ (те же, что и в записке № 262).

[27]См. примеч. 36 к записке № 262.

[28]См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Ч. 5. СПб., 1848. С. 249—252. Булгарин писал там, в частности, что «Главное правление училищ долженствовало рассматривать учебные книги, программы курсов и наблюдать за исполнением всех предположений, посредством своих визитаторов» (с. 249—250).

[29]Булгарин имеет в виду, вероятно, статью В.С. Порошина «Кобден» (С.-Петербургские ведомости. 1847. № 215) и его же полемические выступления «Замечание» (№ 245) и «Слово за слово» (№ 256), направленные против Булгарина, печатавшего статьи против свободы торговли в России (см.: СП. 1847. № 230, 236). Булгарин ответил ему: Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.//СП. 1847. № 245.

[30]См. следующие публикации С.С. Уварова (нередко они печатались без подписи): Исследование об элевсинских таинствах//Современник. 1847. № 2. Отд. 2. С. 77—108; отд. изд. — СПб., 1847; Штейн и Поццо ди Борго//С.-Петербургские ведомости. 1847. № 1; отд. изд. — Дерпт, 1847; Рим и Венеция в 1843-м году. Дерпт, 1847; Общий взгляд на философию словесности//Северное обозрение. 1848. № 1. Паг. 5. С. 1—10; отд. изд. — СПб., 1848. По поводу последней статьи в III отделение был подан донос на Уварова (см.: Голос минувшего. 1913. № 14. С. 227—228).

---

282 [Записка Л.В. Дубельта Булгарину 11 марта 1848]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

По приказанию г. генерал-адъютанта графа Орлова, препровождая при сем *выписку из письма* Русского из Франкфурта, покорнейше прошу Вас приказать напечатать это письмо в «Северной пчеле», не изменяя ни одной речи, ни одного слова[1].

Примите уверения и проч.
11 марта 1848 года
Дубельт

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 25. Ч. 4. Л. 12.

[1]Текст этот был прислан в III отделение от великого князя Александра Николаевича с указанием поместить в газете (Там же. Л. 9) и представлял собой выписку из письма В.А. Жуковского великому князю (см. полный текст: *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. Т. 12. СПб., 1902. С. 44—45). На следующий день, 12 марта, в СП на первой странице было помещено без подписи «Письмо Русского из Франкфурта», в котором описывалась анархия во Франции («Коммунисм поднял свою голову, или, лучше сказать, свои тысячи голов, которые в виде коммунистических клубов зияют и ревут по всей Франции; а что они ревут? *Твое теперь мое*») и утверждалось, что и «Германия падает». Дальше автор писал: «С благоговением смотрю теперь на нашу Россию. На своем неприступном для внешнего врага Востоке возвышается она теперь над взволнованною Европою, как ковчег, хранящий в себе зародыш нового мира, над волнами потопа, поглотившего древний. Помоги Бог ее Царственному Кормщику провести ее посреди этой бездны, не поддавшись ее волнам <...> Россия сильна у себя и будет вдвое сильнее, когда все свое могущество устремит на свою внутренность, отгородив Китайскою стеною себя от заразы внешней <...> Теперешние происшествия, более нежели когда-нибудь, указывают ей на ее судьбу и на ее будущее великое назначение. Самодержавие, неограниченное отеческое самодержавие, хранящее Божию правду, исполняющее ее для всех и каждого, берегущее все законное, все, на что дано от Бога неотъемлемое право всем и каждому, — самодержавие, некогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность Русского Царства — им одним и в дни всемирных бедствий сохранится наше великое отечество. Мы стоим от всего в стороне; стоим твердо, мы можем обойтись без Европы, мы не будем отброшены, как они кричат, в Азию: мы христиане, мы заняли образование у Европы и употребим его по-своему и для себя; мы можем не быть принадлежностью Европы; мы будем ни Азия, ни Европа, мы будем Россия, самобытная, могучая Россия, не бот, прикрепленный к кораблю Европейскому, а крепкий Русский корабль первого ранга, отдельно от других, под своим флагом плывущий путем своим. Так мне это сдается. Сохрани Бог Русскому кораблю его Великого Кормщика и вложи силу свою в руку Его Наследника».

---

283 **[Письмо А.Ф. Орлову 13 марта 1848]**

Милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Благодарю покорнейше Ваше Сиятельство за сообщение статьи покойного М.М. Сперанского[1]. Она была превосходна *в свое время.* Теперь другие обстоятельства, другие потребности и другой народ, и с ним надобно говорить иначе — *но говорить непременно надобно,* ибо общее мнение, как поверхность воды, всегда колеблется, и с которой стороны сильнее подует, туда оно и стремится.

Что «Северная пчела» умеет действовать на общее мнение, это доказано после бунта 14 декабря 1825 г.; в Турецкую войну, когда злонамеренные люди распространяли самые ядовитые толки, точно как в 1809 году, о которых говорит М.М. Сперанский; и наконец во время польского возмущения, когда даже *официальное известие о бунте* и все воззвания к полякам написаны *мною*, хотя Государю Императору, вероятно, это и неизвестно. И теперь «Северная пчела» тоже верная слуга, и я тот же верный подданный, душевно преданный Государю. — Но действовать теперь к бла-

гой цели весьма трудно, ибо коммунисм сильно овладел письменностью и ценсурою, посредством влияния на все министерства партии «Отечественных записок» и «Современника»[2], так что всему честному и доброму трудно пробиться сквозь расставленные сети. Нынешнюю статью в «Северной пчеле» я с трудом выпустил в свет! Наша современная публика любит *рассуждать*, и я представил ей *настоящую русскую философию,* основанную на Евангелии и природе[3]. — Другой философии «Северная пчела» никогда не признавала. Это антидот[4] противу *коммунисма.* Благоволите, Сиятельный граф, заглянуть в «Северную пчелу», при сем прилагаемую! Ни от одного русского вельможи не слышал я таких великих истин и ни в одном не видел такой глубокой проницательности, такой чистой здравой логики, как от Вас и у Вас! — и потому мнение Вашего Сиятельства мне чрезвычайно дорого.

Станьте, Сиятельный граф, в *челе общего мнения,* и я готов на жизнь и смерть ратовать за правду под Вашим знаменем! Десять лет сряду коммунисм безнаказанно, а напротив, в почести и под защитою, заражает общее мнение своим ядом; десять дет я противуборствую ему, претерпевая различные гонения и неприятности. Пора вырвать с корнем плевелы!

«Письмо из Франкфурта» произвело сильное и благодетельное влияние на всех благонамеренных людей и истинно их порадовало. — Я получил уже несколько писем по сему предмету и одно из них, написанное, кажется, для печати, имею честь при сем представить[5].

Дерзаю утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою от имени русской литературы и в пользу самого правительства. Наша ценсура объявила нам Высочайшее повеление, чтоб под всеми статьями в газетах и журналах было подписано имя автора[6]. Смею думать, что Высочайшее повеление в этом случае иначе перетолковано. Справедливо и полезно, чтоб правительство знало, кем какая статья написана, но для этого довольно, чтоб имя автора знали редакторы газет и журналов и ценсура. Так ныне делается со статьями о театре, сообщаемыми Его Светлости князю П.М. Волконскому. Публике это вовсе знать не нужно. Редактор должен, по первому требованию правительства, объявить имя и место жительства автора, или подвергнуться строжайшему наказанию, как ослушник Государевой воли, не отговариваясь *незнанием*, и цель правительства будет вполне достигнута. Истребить же вовсе анонимы и псевдонимы — невозможно, и закон этот заставит только многих лгать и обманывать правительство, когда, напротив, закон должен отводить от этого, очищая путь для всех действий безвредных. Есть журнальные мелочные и пустячные статьи и известия о науках, художествах, искусствах, под которыми стыдно выставить свое имя, а кроме того есть много порядочных людей, снискивающих журнальною работою пропитание, которые, *по обстоятельствам*, не могут выставлять под всякою мелочною работою своего имени. Молодые же люди даже *не должны* выставлять своего имени *до первого успеха. Безыменность* или анонимы и псевдонимы существовали искони веков во всех литературах — и без этого литература будет в самом стеснительном положении.

Повергая все сие на благорассуждение Вашего Сиятельства, смею надеяться, что Вы содействием Вашим пожелаете, для блага литературы, привесть в ясность Высочайшее повеление по сему предмету. На кого же нам и надеяться, как не на Вас![7]

С глубочайшим уважением и беспредельною
преданностью
честь имею быть
Сиятельный граф
милостивый государь
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Фаддей Булгарин
13 марта 1848
СП[етер]бург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед.хр. 25. Ч. 2. Л. 56 об — 57 об. Первые три абзаца опубликованы: *Лемке*. С. 340—341; оставшаяся часть письма: Голос минувшего. 1913. № 4. С. 207—208. На письме надпись Дубельта: «Было доложено в Комитете и нужное распоряжение сделано».

[1]О какой статье идет речь, установить не удалось.

[2]Такой точки зрения придерживались тогда многие. Например, член Государственного совета М.А. Корф писал в своих «Записках» следующее: «Среди жгучей тревоги, вдруг овладевшей всеми нами вследствие парижских вестей, нельзя было не обратить внимания на нашу журналистику, в особенности же на два журнала: «Отечественные записки» и «Современник». Оба, пользуясь малоразумием тогдашней цензуры, позволяли себе печатать Бог знает что, и по проповедуемым ими, под разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященных, формами, коммунистические идеи могли сделаться небезопасными для общественного спокойствия» (РС. 1900. № 3. С. 571). И.М. Снегирев 12 февраля говорил знакомому «о вредном направлении Отеч[ественных] зап[исок] и предсказывал, что издателю это падет на голову, несмотря на покровительство временщиков» (*Снегирев И.М.* Дневник. Т. 1. М., 1904. С. 405).

[3]Булгарин имеет в виду свой еженедельный фельетон «Журнальная всякая всячина». В номере за 13 марта (он был приложен к письму) Булгарин писал, что вселенная создана «в величайшем порядке, основанном на *согласии* всех частей (harmonia) и *постепенности*. Жизнь, зарождающаяся в *мхе*, развита вполне в *человеке*, одаренном разумом и душою бессмертною <...> Венец творения — человек. Божественным *откровением* ему указана будущая судьба его в вечности, и дан разум, для утверждения счастия в земной жизни. Человек не может жить отдельно, уединенно, как дикие звери, но должен жить в обществе, в соединении с своими собратиями. Как же должно быть устроено человеческое общество, и с чего взять человеку пример? Разумеется, с совершенной премудрости: с мироздания. Каждое общество должно иметь своего главу, свое солнце, и *в каждом обществе* должны быть *согласие* (harmonia) и *постепенность* с верху до низу. Все вместе, на земле, составляет одну *природу*, а между людьми разные сословия образуют одно *общество* <...> В первых человеческих обществах старший в семье был главою его. Когда семейства размножились, родоначальник, т.е. патриарх, был главою племени или многих семейств одного происхождения, а наконец над многими племенами поставлен патриарх патриархов, царь, общий *отец* великой семьи, всего народа и всей страны, названной, по его значению, *отечеством*. Полное счастье общества, основанного на величайшей мудрости, зависит от взаимной любви и доверенности между старшими и младшими и от повиновения властям, учрежденным для охранения спокойствия и счастия всех и каждого, от малого до великого».

[4]*Антидот* (*древнегреч.*) — противоядие.

[5]Письмо, на котором Булгарин надписал: «Сообщено от неизвестного в “Пчелу”», сохранилось в том же архивном деле (л. 58б —59б):

«Давным-давно «Северная пчела» не радовала нас, русских по рождению и русских по сердцу, как вчера, письмом из Франкфурта. Так, «мы должны быть ни Азия, ни Европа; мы Россия; самобытная, могучая Россия; не бот, прикрепленный к кораблю Европейскому, *а крепкий Русский корабль первого ранга*, отдельно от других под своим флагом плывущий путем своим». Да приведет нас этот путь еще к большей славе и силе, которым бы могли позавидовать взволнованные народы Европы, ищущие своего благоденствия в ниспровержении начал, утвержденных веками, и добивающихся порядка вещей несбыточного, могущего существовать только в воображении поэтов. Мы довольно поплатились Азии и довольно послужили Европе, в тяжкие для нее годы; пора послужить нам самим себе, и обнимая землею нашею половину Европы и Азии, составить особую часть света, с своими правилами, с своими взглядами! Много хорошего, но много и дурного привили мы себе от Европы. Умели же мы в свое время расстаться с заимствованными от нее куклями, носами и пудрою; сумеем же и теперь расстаться с слепым подражанием ей во всем, без разбора! Будем сильны самими собою; будем сильны теми чувствами, которые спасли Россию в два *Двенадцатые года*, и если неизбежно нам будет еще померяться с врагами, то битвы для нас не новость. «Не посрамим земли Русския», а захотят пожаловать к нам в гости, милости просим: за приемом дело не станет.

Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

13 марта 1848 года
День победы под Фершампенуазом. *Псович*»

Однако подобной точки зрения придерживались далеко не все. Педагог и литератор Н.И. Иваницкий, например, 13 февраля 1848 г. записал в дневник следующее: «<...> подлецам полный простор. Булгарин подличает, сколько душе угодно. Третьего дня напечатано в «Пчеле» «Письмо из Франкфурта» — образцовое в этом роде и достойное бессмертия... Где наши надежды? Где наше будущее? <...> Покамест ничего не видно; только тяжелее и тяжелее налегает варварская власть...» (*Иваницкий Н.И.* Автобиография//Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С. 348).

[6]Это распоряжение было сделано 8 марта, по предложению комитета для наблюдения за цензурой (т.н. Комитет 27 февраля) (см.: *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 198).

[7]Меньше чем через неделю после этого письма (21 марта), может быть благодаря заступничеству Дубельта, распоряжение о подписях было отменено (см.: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1903. № 7. С. 138). Император разрешил не печатать имен авторов под каждой статьей, но с тем, чтобы они были известны редакции, а «издатели книг или журнала, по первому требованию правительства, обязаны объявлять имя и место жительства автора, под опасением, за неисполнение сего, строжайшего взыскания, как ослушники высочайшей воли» (цит. по: *Лемке М.К.* Очерки... С. 198).

284 [Записка Л.В. Дубельта Булгарину 22 марта 1848]

Граф Алексей Федорович Орлов поручил мне сообщить вам, мой любезный Фаддей Венедиктович, что письмо Николая Ивановича Греча он оставил в архивах III отделения[1], но никакого употребления из оного не сделает, — а вас просит: сообщить Николаю Ивановичу, что он, вероятно, забыв о силе России, писал к вам под влиянием страха, и *чтобы воздерживался от рассуждений о делах, до него не относящихся.*

Искренно, душевно преданный
Л. Дубельт. 22 марта 1848[2]

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 210. Л. 13. Опубликовано: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 141.

[1]Греч через Булгарина подал в III отделение следующую записку о положении дел в Польше (не исключено, что Булгарин принял участие в ее подготовке):

«Европа представляет ныне подобие взволнованного жестокою бурею океана; морские чуда и гады, всякая нечистота и тина поднимаются со дна на поверхность и превращают ее, недавно ровную и тихую, в бездонное болото, наполненное ядовитыми и тлетворными веществами. Всею своею неистовою силою бьет вода в берег, противустоящий могучему напору; этот гранитный, непоколебимый берег, об который разбиваются громадные волны океана и разлетаются мелкими брызгами, есть Россия, твердый оплот нечестию, мятежу, разорению, основанный на вере, правде и совести. Никто в мире, даже злейшие враги ее, не сомневается, что она устоит в этой борьбе и выйдет из нее победоносною, но борьба неизбежна; она будет сильна и кровопролитна, может быть, и продолжительна. Главным к ней поводом будут обстоятельства Польши. Устройство и сила войск, занимающих Царство Польское, не дают сомнения, что оно удержано будет в повиновении, но задача сия затрудняется нынешним положением Галиции и Познани, в которых, вследствие новейших происшествий, дана будет свобода тиснения, то есть развязаны будут все злодейские и сатанинские страсти, все враждебные для России замыслы. Никакая сила не удержит прилива этой чумы в Царство, никакая сила не прекратит их распространения зловредного и опасного. Заговоры и мятежи не преминут возродиться с новою силою. Для прекращения и подавления их должно будет прибегать к мерам строгим, может быть и жестоким; должно будет ежеминутно ожидать или вспышки внутри, или набега извне, ибо конституционные, то есть бессильные правительства Австрии и Пруссии не в состоянии будут удерживать своих польских подданных. Не лучше ли предупредить эти волнения и бои; предупредить, когда ничто нас к тому не принуждает, когда нельзя еще сказать, что мы уступили мятежной силе или чужим угрозам?

Каким образом предупредить их, не вредя чести и пользам России?

Наименовать Королем польским герцога Лейхтенбергского. Он имеет все необходимые для того качества: образованный ум, доброе сердце, кроткий, снисходительный нрав; он молодец собою, зять Николая, внук Наполеона, католик.

Ограничить Царство нынешним его пределом. Не обещать формально ничего (неисполнение обещаний сгубило Короля прусского) и прямо сказать: «Не обещаем ничего, но сделаем все, что можно будет, при верном содействии и покорности народа».

Оставить нынешний образ правления, с некоторыми льготами, но не давать свободы тиснения в делах политических.

Восстановить польскую армию, из польских уроженцев, находящихся в армии русской. Наша армия от того не ослабнет. Сила России увеличится освобождением действующей армии от надзора над Царством Польским. Объявить полную амнистию всем сосланным и изгнанным полякам. Это не будет вредно для спокойствия страны: находящиеся в чужих краях выходцы устарели и ослабли. Сибирь же будет осво-

бождена от польских гувернеров и учителей, которые там наносят большой вред распространением своих правил. Под именем поляков разумею я здесь только подданных Царства Польского. Уроженцы западных губерний дело иное: с ними должно принять другие меры, особенно усилить там распространение русского духа и языка.

Вывести русскую армию из Царства, оставив только достаточные гарнизоны в крепостях, на неопределенное время, до водворения совершенного спокойствия.

Восстановить польские побрякушки: кокарду, флаг, герб и т.п. и занять все гражданские должности поляками.

С Россиею заключить Польше вечный оборонительный и наступательный трактаты, а в прочем быть ей королевством самостоятельным.

Поляки примут это преобразование с восторгом. Не должно думать, чтобы они ненавидели Россию безотчетно: они ненавидят австрийцев и пруссаков гораздо более. В 1846 г. жители Галиции громко объявляли, что сердцем и душою передаются русскому Императору.

Такая перемена, конечно, неприятна будет Австрии и Пруссии. Но что нам делать? Правительства этих государств сами не умели сберечь и удержать прав своих. Во всей Германии господствует непостижимая, глубокая ненависть к России, которую немцы считают, и по справедливости, противницею мятежей и беспорядков, неизбежных последствий ограничения монархической власти. Никто не может знать, что случится со временем.

Восстановление Польши под властию и по воле России противопоставит сильный оплот напору с Запада и удержит Германию от многих глупостей и даже преступлений.

Английскому правительству можно будет сказать, что Россия радуется, имея случай исполнить давнишнее ее желание. Французскому отвечать не стоит»

(Там же. Л. 8—9 (автограф); фрагменты опубликованы: *Нифонтов А.С.* Указ. соч. С. 140—141).

[2]На записке помечено: «Словесно объявить» и затем: «Объявлено г-ну Булгарину».

---

285 **Догадки**

1. Письмо непременно писано человеком, владеющим хорошо русским языком. — Если б мне пришлось поправлять слог, едва ли я нашел бы что поправить. — Относительно правописания очевидно, что *яти* (ѣ) поставлены *умышленно* не на своих местах. — Писал письмо русский человек, а русские, не знающие основательно грамматики, по свойству русского произношения, смягчающего букву *е*, всегда ставят ѣ там, где должно быть *е*. В письме, напротив, ѣ поставлены иногда правильно, а чаще вместо ѣ стоит *е*. Слово *кромешники*, находящееся в письме, доказывает, что автор занимался русскою историей — ибо это слово не употребляется ни в разговоре, ни в изящной словесности — и первый Карамзин ввел его в историю, означая словом *кромешники* (правильно — кромѣшники) телохранителей царя Иоанна Васильевича Грозного, названных *опричниками*. *Кромѣшник* — то же, что *злой дух*, от *тьмы кромѣшния*, т.е. *ада*.

2. Воспоминание о покупке Государем *Славянки* могло превратиться в преступление только в голове человека, близкого к кругу графини Воронцовой-Дашковой. Бабушка графа В.А. Соллогуба, известного писателя, урожденная Нарышкина, тетка покойного Кириллы Александровича Нарышкина, следовательно, граф В.А. Соллогуб — близкий родственник графини Воронцовой-Дашковой[1]. Не говорю, что Соллогуб писал письмо — но как у него бывают литературные собрания[2], равно и у князя Одоевско-

го[3], на которых собираются все сотрудники и издатели «Отечественных записок» и «Современника», т.е. писатели так называемой натуральной школы[4], то невозможно, чтоб в этих собраниях не было речи о *Славянке*, занимавшей все высшее общество. — Тут у одного из присутствующих в собрании могла родиться мысль о мнимой несправедливости, оказанной графине Воронцовой-Дашковой.

3. Более и смелее других вопиют ныне в пользу революций молодой писатель Бутков, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника»[5], автор юмористического сочинения «Петербургские вершины», Некрасов, издатель «Современника» (один из трех издателей: два другие суть цензор Никитенко и Иван Иванович Панаев), и несчастный Фейгин, приятель Краевского, который часто обедает у Фейгина. Фейгин почитает себя обиженным и разоренным несправедливостью. Бутков, родом из мещан, был прежде письмоводителем или домашним секретарем у Фейгина и писал деловые бумаги и проекты, под его диктовку. У Фейгина есть идеи — но он не знает русского языка, хоть страстный охотник марать бумагу[6]. Этот Бутков, года за два пред сим, явился ко мне, в самом несчастном виде. Я его призрел, дал денег, напечатал несколько его статей[7], но заметив в нем беспокойный дух и революционные правила, за которые он в нашей редакции прозван *ожесточенным*, я посоветовал ему оставить «Северную пчелу» и перейти к Краевскому и Никитенке, *по сходству образа мыслей* — что он и сделал, и принят в обе редакции. Иногда Бутков заходит в редакцию «Северной пчелы», к нашему корректору, кажется подсылаемый либеральною партией: однажды я застал его в редакции — и он до моего прихода объявил, что жизнь моя находится в опасности и что при первом возмущении меня убьют, как приверженца правительства. Мои корректоры и писцы пересказали мне это в шутку, в присутствии Буткова, и я также, шутя, возразил: «Если будет бунт — Бутков защитит меня и поставит у моего дома почетную стражу». Недели через две после этого — я получил, через городскую почту, грозное письмо, в котором угрожают убить меня, если я не перестану писать в защиту самодержавия.

Некрасов самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в «С.-Петербургском альманахе», чтоб удостовериться в этом[8]. Он страшно вопиет в пользу революции![9]

4. Название Государя в письме *немцем* — приводит невольно к заключению, что письмо писано человеком, не знающим немецкого языка — ибо эти люди у нас более прочих вопиют противу немцев, ненавидят их и подобно шайке Рылеева считают Царскую фамилию немецкою. Таковы Бутков и Некрасов.

Меры к отысканию автора письма

1. Мне кажется, что лучше всего начать с того, что уже было сделано, когда к фельдфебелям были разосланы возмутительные письма, а именно забрать все рукописи у издателей газет и журналов и в конторе Края, издателя «Справочного энциклопедического лексикона»[10]. Особенное внимание должно обратить на «Отечественные записки» (печатаемые в типографии Глазунова), «Современник» (печатается у Праца, в доме Греча), «Русский инвалид» (в Военной типографии) и «Литературную газету» (не знаю где, ибо не вижу газеты) и пересмотреть и сравнить рукописи *Буткова* и *Некрасова*.

2. Бутков и Некрасов любят оба выпить, а Бутков таскается по трактирам и недавно едва не был схвачен за вранье, как он сам рассказывал в редакции «Северной пчелы». Некрасов ведет себя повыше и упивается шампанским, а упившись — врет. — Нельзя ли найти человека, который бы напоил их и порасспросил.

3. *Славянка* — в письме есть такое явное указание, что можно наверное предполагать, что письмо вышло из круга, в котором находятся люди, близкие к обществу графини Воронцовой-Дашковой, а слог письма доказывает, что оно писано литератором. А как у нас только *один* литературный круг, именно издателей и сотрудников «Отечественных записок» и «Современника», к которому примкнули два человека из общества графини Воронцовой-Дашковой, именно Соллогуб и князь Одоевский — то в этом круге и должно отыскивать автора письма.

4. Полагаю, что этим одним письмом не ограничится партия. Весьма полезно было бы, если б во всех лавочках и местах, где принимаются письма на городскую почту, были штемпели с нумерами, т.е. чтоб каждое место имело свой нумер или, пожалуй, букву, и получив письмо, тотчас клеймили его, чтоб узнать, из какого места прислано письмо. Это облегчило бы розыскания.

Заключение

Не дай Бог никого довесть до беды подозрением, но зная характеристику беспокойных людей и их отношения, легче добраться до истины и найти виновного. Автор письма такой злодей, что по моему мнению хуже убийцы. — Не дерзаю представлять моих мнений, но мне кажется, что в нынешнее время Государю Императору не следовало бы одному прогуливаться пешком ранним утром вокруг Дворца, загроможденного лесами, со стороны Большой Миллионной и по пустой Дворцовой набережной. Революционеры во всей Европе боятся *одного* Императора Николая Павловича; прусская и австрийская Польша объяты уже пламенем; в русской Польше страх держит всех в покое; в России есть революционные фанатики, не хуже французских, что доказывает и *письмо*. Спокойствие миллионов людей зависит от *одного лица*, и это лицо — ответственно пред Богом и человечеством за наше счастье и спокойствие. Точно так, как фанатики озлоблены были противу Наполеона — ныне озлоблены противу Императора Николая Павловича — и не верят, чтоб Россия не вмешалась в дела Европы. Сам Король прусский[11], в своей прокламации, объявил, что опасность угрожает Германии *с двух сторон*. Какие же это стороны? — Разумеется: *Франция* и *Россия*. — А как не поверить Королю прусскому, бывшему верному союзнику России? — Разве чужие края не могут выслать эмиссаров? Примем это ужасное *письмо* как предостережение, ниспосланное провидением, и упав пред Престолом, воскликнем: «Осторожность!»[12].

Записка печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 104. Л. 9—10. Опубликована П. Щеголевым: Былое. 1906. № 10. С. 282—285; перепечатана: *Лемке*. С. 185—188. В марте 1848 г. А.Ф. Орлову было прислано анонимное письмо (подписанное: Истый Русский), содержавшее резкую критику Николая и его приближенных: «Запад просвещенной Европы, от Франции до России, взволновался — ринулся к ниспровержению властей. — Что причиною такого бурного, всеобщего восстания народов противу властей? — Сами власти! — Законы, которыми охраняется

безопасность, созидается щастие и благоденствие народа, парализованы властями! — Жадность к обогащению, неправосудие и наглое самовластие повелителей народов, а равно и тех, которые окружают троны их, эти надменные памятники злополучного народа, угнетают все, что ниже их и что поручено их власти, все это, в безумии своем, вздумали щитать неравными им созданиями <...> Сверх того, захватив себе все преимущества и отличия, народу оставили только тяжелый кровавый труд и горькую нищету <...> что остается делать измученному народу? Употребить свою силу противу беззаконной силы властей! Нарушителей закона, Божеского и человеческого, злоупотребителей власти, — ниспровергнув их, установить новый порядок, согласный с благом народа <...>», и т.п. (письмо хранится в том же архивном деле, л. 1—3; опубликовано с купюрами П.Щеголевым: Былое. 1906. № 10. С. 280—282; перепечатано: *Лемке*. С. 183—185). III отделение начало поиски автора. На письме Дубельт написал: «Спросить Булгарина» — и в ответ на запрос Булгарин написал свою записку. Щеголев, а вслед за ним и Лемке датируют анонимное письмо и «Догадки» февралем, однако в составленной в III отделении внутренней описи архивного дела оно датировано мартом, и, кроме того, в нем содержится полемика с манифестом Николая I от 14 марта (см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934. С. 240). Некрасов и Белинский были приглашены в III отделение (с учетом советов Булгарина) письмами от 27 марта, следовательно, «Догадки» написаны в этом интервале, скорее всего — в середине 20-х чисел.

[1]В.А. Соллогуб был троюродным братом А.К. Воронцовой-Дашковой (его отец, А.И. Соллогуб, и отец Воронцовой-Дашковой, К.А. Нарышкин, были двоюродными братьями). О том, как царь вынудил владелицу Славянки продать ему это имение см.: *Синдаловский Н.А.* История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997. С. 258.

[2]«Среды» В.А. Соллогуба начались в 1840 г. и проходили на протяжении всего десятилетия. Он вспоминал: «У меня в то время собирались все тузы русской литературы. Я уже называл Тютчева, Вяземского и Гоголя; кроме них часто посещали меня добрейший и всеми любимый князь Одоевский, Некрасов, Панаев <...>, Бенедиктов, Писемский. Изредка <...> появлялась высокая фигура молодого Тургенева; сухопарый и юркий Григорович был у нас в доме как свой, также и Болеслав Маркевич», «кроме моих собратьев и других артистов у меня бывало на вечерах множество людей сановных, придворных и светских», «только четыре женщины, разумеется, исключая родных и Карамзиных, допускались на мои скромные сборища, а именно: графиня Ростопчина, известная писательница, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, графиня [Э.К.] Мусина-Пушкина и Аврора Карловна Демидова» (*Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 497—499). Помимо названных, у Соллогуба бывали В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, А.А. Краевский, Н.И. Надеждин, А.Ф. Никитенко, В.И. Даль, И.П. Сахаров и др.

[3]Салон А.Ф. Одоевского существовал в Петербурге в 1830-х — первой половине 1850-х гг. В первой половине 1840-х гг. у Одоевского «собирался цвет петербургского литературного круга <...> Это не были ни конспираторы, ни безумные поклонники республиканскому фантому, даже не пустые крикуны à la Репетилов с братьей. Разговоры шли наибольшею частию о последних явлениях литературы, преимущественно отечественной. Но затрагивались и другие вопросы, и среди этих вечеров не одна только, бывало, идея возникала и обсуживалась, которая в последующие годы получила свое осуществление; довольно указать на идею напр. о женских гимназиях и об обществах посещения бедных» (*Арнольд Ю.* Воспоминания. Вып. 2. М., 1892. С. 198—199). По наблюдениям А.И.Герцена, «там толпились люди, ничего не имевшие общего, кроме некоторого страха и отвращения друг от друга; там бывали посольские чиновники и археолог [И.П.] Сахаров, живописцы и А. Мейендорф, статские советники из образованных, Иокинф Бичурин из Пекина, полужандармы и полулитераторы, совсем жандармы и вовсе не литераторы» (*Герцен А.И.* Былое и думы//Герцен А.И. Соч. Т. 5. М., 1956. С. 27). Посетителями вечеров Одоевского в 1840-х гг. были В.Г. Белинский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнев, А.В. Никитенко, И.П. Мятлев, А.А. Краевский,

В.А. Жуковский, В.А. Соллогуб, Е.П. Гребенка, Н.И. Надеждин, И.А. Крылов, В.И. Даль, М.Ф. де Пуле и др. (о салоне Одоевского см.: *Ярославцев Я.* «...Вечером я у князя Одоевского»//Ленинградская панорама. 1989. № 7. С. 32—33).

[4]Термин «натуральная школа» был введен самим Булгариным в фельетоне в СП 26 января 1846 г.

[5]В «Современнике» Я.П. Бутков не печатался, по крайней мере под своим именем: в подготовленном В. Боградом фундаментальном указателе содержания журнала (Журнал «Современник». 1847—1866. М.; Л., 1959) его сотрудничество не зафиксировано.

[6]Булгарин называет Л. Фейгина несчастным, поскольку этот состоятельный коммерсант к концу 1840-х гг. практически разорился. Он действительно любил сочинять разные проекты, известны, в частности, несколько его записок о положении евреев в России, поданных царю (см.: *Гессен Ю.* Забытый общественный деятель// Еврейская старина. 1911. Вып. 3. С. 394—402; *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. М., 1993. Паг. 2. С. 9—10).

[7]Бутков печатался в СП в 1845 г.: Порядочный человек//СП. 1845. № 132—136; Ленточка//СП. 1845. № 170, 171.

[8]См.: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846. Он включал прозу Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.И. Герцена, В.Ф. Одоевского и стихи Н.А. Некрасова («В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть...», «Колыбельная песня»), А. Майкова и ряд других произведений. О «Колыбельной песне» А.Ф. Орлов 13 февраля 1846 г. писал С.С. Уварову, что цензура не должна была пропускать ее (см.: Книга и революция. 1921. № 2. С. 37; ср. письмо Булгарина цензору А.Л. Крылову от 26 декабря 1848 г.: Голос минувшего. 1913. № 4. С. 225—226). Прозы Некрасова в этом сборнике не было. Булгарин имеет в виду, вероятно, очерк Некрасова «Петербургские углы», помещенный в альманахе «Физиология Петербурга» (СПб., 1845).

[9]Как ни парадоксально, но находились люди, относившие и Булгарина к числу революционеров. Например, И.А. Бессонов 31 января 1848 г. писал С.Д. Полторацкому, что СП — «вредоносная газета. Я бы давно ее запретил, если б не сжег, как сделано то с Débat`ами в Тоскане или Риме, не помню верно. Из посылаемых статей вы увидите сами. Ядовитый и опасный человек, этот Фиглярин» (РГБ. Ф. 233/I. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 10).

[10]См.: Справочный энциклопедический словарь/Изд. К. Крайя. Т. 1—12. СПб., 1847—1855.

[11]Фридрих-Вильгельм IV.

[12]Была проведена сверка почерков Белинского и Некрасова с почерком автора анонимного письма, но это ничего не дало. В III отделении собирались последовать совету Булгарина и запросить рукописи всех сотрудников «Отечественных записок» и «Современника», но А.Ф. Орлов не дал на это согласия. Автор письма так и не был обнаружен. Подробнее см.: *Лемке.* С. 188—190.

---

286 [Письмо Л.В. Дубельту 16 апреля 1848]

Отец и командир

Леонтий Васильевич!

Я уже поздравлял Ваше Превосходительство с Монаршею милостью и изъявлял чувствования мои при сем радостном для всех добрых людей событии[1]. Лично не смею Вас беспокоить, зная, что каждая минута Вам дорога.

Его Сиятельство граф Алексей Федорович милостиво позволил мне являться к нему. Но я боюсь употребить во зло его милостивое расположение, а потому всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство передать Его Сиятельству мою *письменную беседу.* Состарившись в омуте жизни

и видев многое — полагаю, что иногда замечания мои могут быть небесполезны для верного слуги Царского и истинного патриота, которого я душевно люблю и уважаю, и убежден, что *он меня понимает.*

1. По городу разнесся слух, якобы крестьяне в Лифляндии оказывают беспокойство духа и угрожают помещикам. Некоторые из них уже являлись ко мне, поделиться своим страхом и трепетом[2]! Это древняя история! При императоре Павле Петровиче до 30000 мужиков, эстов, подступали под Ревель[3]. Во время польского мятежа мой карловский приказчик доносил мне, что лишь только поляки вторгнутся в Лифляндию — мужики станут *резать помещиков*! Ненависть крестьян лифляндских, особенно эстов — к господам и вообще к немцам — выше всего, что можно себе представить! Однажды я зашел с русским дворянином Хрипковым на охоту, верст за 20 от Карлова, и очутился в лесу, на поляне, где было крестьянское жилище. Я спросил, *по-чухонски*, молока. Крестьянин грубо отвечал: «Нет молока». Я сказал, что заплачу — крестьянин возразил: «Не нужно мне твоих денег!» — Обратясь к моему товарищу, я сказал *по-русски*: «Экой разбойник! Дойные коровы пасутся перед домом — а не дает молока!» — Тут крестьянин спросил меня, также *по-русски*: «А вы *русские* господа?» — «*Русские*», — отвечал я. «Ну так *для вас* есть молоко! А я думал, что вы мошенники немцы!» — Он дал нам молока и никак не хотел взять денег. Когда за два года перед сим были беспокойства в Лифляндии[4] и высланы были казаки, крестьяне мои пришли ко мне гурьбою, и выборный из них сказал мне: «Вы собираетесь ехать в Петербург, барин. Мы слышали, что там также будет бунт: останьтесь лучше с нами, а если не можете, оставьте жену и детей ваших. Они между нами будут в безопасности: мы своею кровью защитим их, если б дошло до беды. Опасаться надобно *немцам*, а не вам, нашему доброму, старому *русскому* барину». — В прошлом году один богатый крестьянин, близ Дерпта, ныне 75 лет от рождения, на смертном одре призвал к себе пастыря Гегеве. Причастившись Св. таин, мужик обратился к трем взрослым сыновьям и увещевал их быть добрыми и честными людьми, а в конце промолвил: «Завещаю вам вечную ненависть к немцам и приказываю *вредить им* при каждом случае». — Пастор стал увещевать умирающего — но он сказал: «Каюсь во всем перед Богом, но *ненависти к немцам* не могу истребить в душе и передаю ее детям». — Это рассказывал мне сам пастор Гегеве!!! Не припоминает ли это ненависть мексиканцев к испанцам, во времена Фернанда Кортеса? Один кацик[5] не хотел принять христианства, умирал в мучениях, чтоб не быть в *раю* вместе с испанцами! — Вот основная причина той *верности,* которою лифляндцы и эстляндцы хвастают и гордятся! — Пошевелись только немцы противу России — мужики всех их вырежут — и немцы знают это очень хорошо! Войско нужно не для удержания края в повиновении русскому Царю — но для защиты немецких жизней от туземцев. Из ненависти к помещикам мужики принимают русскую веру. Да — немцы не имеют в остзейских провинциях *ни малейшего влияния* на крестьян — и кто говорит это, тот говорит или по незнанию дела — или противу совести. Il est bon de savoir cela![6]

2. Приехавшие люди из Западных губерний сказывали мне, что и там крестьяне в таком же духе противу своих панов, как в Лифляндии крестьяне противу немцев. У русского лакея одного русского чиновника крестьяне, в Гродненской губернии, спрашивали: «*А чи скоро кажут нам*

панов резать?» (т.е. скоро ли прикажут нам резать господ?) — уверяя, что до них дошли слухи, якобы в других местах уже режут панов! Западные губернии, хотя бы желали, не могут возмутиться, особливо с тех пор, как повыбрали шляхту в рекруты. Там также нужно войско не для удержания края в повиновении, а для защиты дворянства от крестьян.

3. Бунт возможен только там, где помещики и крестьяне — поляки, т.е. говорят одним языком и исповедуют одну католическую веру. Но этот бунт может быть только вреден во время войны, тем, что должно будет содержать войско в тыле для охранения транспортов, курьеров, госпиталей и магазинов. Восстать явно — не посмеют, не имея не только пушек, но даже барабанщика!

4. После того, как Государь Император объявил, что он не намерен дать свободу крестьянам[7], — дворянство *торжествует* победу над министрами Перовским и графом Киселевым! В городе повторяют разных bon-mots[8] князя Меншикова: «Нам не страшен коммунисм, а страшен киселисм» и т.п. — Признаюсь, *жалкое торжество*! — Для меня Перовский совершенно чуждый человек, но если б он был враг мой, я сказал бы, по совести, что он довел удельных крестьян *до высшей степени благоденствия* — не соблазняя крестьян помещичьих, а, так сказать, тихомолком: завел общую запашку, общественный капитал, уничтожил взятки, дав управителям честные средства к приобретению, положив проценты в их пользу от каждого улучшения и т.п. Все это *я поверил собственными глазами в* Псковской, т.е. самой дурной губернии. Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу я имел честь докладывать, изустно, что граф Киселев, противу своей воли и желания, произвел много зла, беспрерывными обнародованиями правил французской конституции 1791 года le droit de l'homme[9], а на деле разорением в пух госуд[арственных] крестьян. — Может ли быть порядок, когда по одной стороне реки, в госуд[арственных] имуществах, *объявляют республиканское правление* и le droit de l'homme, а на другой стороне реки, в помещичьем именьи — помещик *самовластен* и может даже, по своему произволу, сослать человека в Сибирь, без суда и расправы, если этому человеку не понравится, что барин приволакивается за его женою или сестрою! — Вся беда — что у нас для *одного сословия закон не один* и что Киселев окружен фанфаронами, невеждами и плутами. Они разорили вконец бедных мужиков госуд[арственных] имуществ — и я нарочно ездил в Гдовский уезд и Псковскую губернию — чтоб удостовериться в этом! Когда при восшествии на престол Государя Императора было объявлено, что каждый верноподданный имеет право подавать свое мнение на пользу общую — я написал мнение и подал графу Бенкендорфу[10]. Мое мнение — *пропало* — и только один пункт уцелел — но исполнен плохо. Вот перечень моего мнения: 1. Кто хочет научиться плавать, тот должен, хоть на помочах, броситься в воду. 2. Крестьяне не могут всегда оставаться в нынешнем положении — и рано или поздно дойдет до *топорной экспликации*. 3. Для каждого сословия: дворянского, среднего и крестьянского — должен быть особенный, но *один закон*, т.е. права. 4. Никогда не начиная, никогда не кончишь. Когда-нибудь да надобно начать, и я полагал, что начать надобно с того, *чтоб все хорошее, существующее в обычаях, сделать законом*. т.е., разделив Россию по климатам, на три полосы, северную, среднюю и южную, все благоустройство (т.е. избрание в рекруты, барщину или оброк, сельское управле-

ние), существующее в *образцовых имениях,* — ввести законом во все имения. Это был бы *первый шаг* на этом поприще, ни для кого не обидный, кроме тех тиранов и мотов, которых жалеть нечего. 5. Каждый рожденный на земле русской, князь и крестьянин, должен присягать в верности русскому Царю. — Дело важнее, нежели многие думают. 6. Сочинить катехизис для простого народа, где бы *простонародно* истолкована была вера и обязанности каждого сословия к церкви и Престолу. Это последнее мнение мое *исполнено,* но неудачно. Поручили составление катехизиса ученому и педанту митрополиту Филарету — он составил *премудрость*, которая не идет к делу[11]. Есть в Рыбинске народный проповедник[12], выше парижского Лакордера — он один в состоянии написать *народный катехизис.* Я только назвал *заглавия* статей моего мнения — но в подлиннике у меня все было *развито* и *подкреплено примерами.* Будь я действит[ельный] тайный советник, меня бы послушали, может быть! Воля ваша — объявить свободу вдруг — *страшно*, но можно действовать *исподволь,* так что чрез 50 лет дело сделается легко. Но начать когда-нибудь надобно. — Даже и дворянство не заметит, что делается для них!

В Москве появилась карикатура: идет тень Пугачева, опираясь одною рукою на плечо Перовского, а другою на плечо Киселева. Нет, Пугачев на них не будет опираться, а на костры дворянских голов. Не надобно себя усыплять и обманывать — это вреднее даже коммунисма! Так говорит усердный и преданный *Ф. Булгарин.*

16 апреля 1848
СПб[13]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 3. Л. 91—92. Опубликовано: *Лемке.* С. 344—347.

[1]11 апреля 1848 г. Дубельт был награжден орденом Белого Орла (см. его формулярный список 1856 г.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ед. хр. 1788).

[2]Жандармский подполковник А.П. Щербачев 31 марта доносил из Дерпта в III отделение следующее: «Дворянство здешнее объято каким-то паническим страхом, опасаясь за возмущение крестьян своих, зная, что они к ним не только не расположены, но даже *питают вражду вековую,* и потому при малейшем восстании они, господа помещики, будут первыми жертвами, не имея никаких средств к своей защите, ибо и дворовая прислуга едва ли примет их сторону. Господа владельцы говорят, что нужно лишь в одном имении вспыхнуть восстанию, то это, как электричество, передастся *по всей губернии;* почему для предупреждения всякого зла искренне желали бы видеть в нынешнее время в Лифляндии квартирующее войско...» (цит.по: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 130).

[3]Речь идет о волнениях прибалтийских крестьян в 1797—1800 гг., но историки крестьянского движения не фиксируют событий такого масштаба, как описывает Булгарин (см.: *Кахк Ю.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. Таллин, 1962. С. 121—128; *Трифильев Е.П.* Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904. С. 276—278).

[4]См. письма № 267 и № 268, а также комментарий к ним.

[5]*Кацик* (от испанского cacique, cazique) — наименование вождей индейских племен.

[6]Это полезно знать! (*фр.*).

[7]В ноябре 1845 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский представил Николаю I записку о ликвидации крепостного права. Для обсуждения ее был создан

секретный комитет. После указа 8 ноября 1847 г., по которому помещичьи крестьяне при продаже имения с публичных торгов получили право выкупить себя на свободу вместе с землей, пошли разговоры о том, что скоро все крестьяне получат свободу. Николай, принимая депутатов петербургского дворянства 21 марта 1848 г., заявил: «В последнее время распустили слухи о какой-то эманципации. Эта мысль и самые толки об ней нелепы» (цит. по: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб.,1888. С. 189). В июле 1849 г. был фактически отменен и указ от 8 ноября 1847 г. (см.: *Корф М.А.* Император Николай в совещательных собраниях//Сборник Русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896. С. 248—267).

[8]Остроты (*фр.*).

[9]права человека (*фр.*).

[10]Возможно, имеется в виду письмо № 8.

[11]«Мнение» Булгарина было «исполнено» еще до того, как он его высказал, поскольку написанный митрополитом Филаретом «Краткий катехизис православныя кафолическия восточныя греко-российския церкви» вышел впервые в 1824 г. (в дальнейшем он неоднократно переиздавался).

[12]Имеется в виду Р.Т. Путятин, протоиерей соборного храма в Рыбинске.

[13]На письме карандашная резолюция: «Поблагодарить. [2 слова нрзб.] тема. Но теперь дело не идет о свободе, и мысль правительства всегда была та, чтоб это ввести постепенно».

---

287 [Письмо Л.В. Дубельту 23 апреля 1848]

Отец и командир
Леонтий Васильевич!

Вот последняя и важнейшая в жизни моей просьба, от которой зависит участь моего и друга моего Греча семейства[1]! Сердце говорит мне, что Вы, добрый и благородный мой покровитель, не откажетесь быть предстателем нашим у Его Сиятельства графа Алексея Федоровича!

Просьба написана была мною до приезда Греча — и я пускаю ее, как она была, с моею одною подписью.

Ужели усердие, верность, совестный труд не должны надеяться никакой награды, никакого снисхождения? Если Гоголь получает за границей пенсион[2] — ужели мы недостойны Царского взгляда? Верьте, что Царская милость, на нас излиянная, порадует всех добрых и честных людей в России! Препровождаю к Вашему Превосходительству *два* письма, полученные мною на сей неделе; из них Вы увидите, что различные сословия оказывают мне привязанность и доверенность — и на Дону, и в Сибири[3]!

Какой результат воспоследствовал из комитета, наряженного для рассмотрения коммунистического направления журналов[4]? Краевский и Никитенко, разглашая, что *я всему виною* — выиграли и продают, чрез своих эмиссаров, вдвое более журналов своих, якобы подвергнувшихся преследованию правительства — а вся тяжесть упала на «Северную пчелу»! Граф Уваров избрал для «Сев[ерной] пчелы» цензора, которого он сам отставил от профессорства и назвал *идиотом* (Крылова), и дал формальное приказание строжайше наблюдать за «Северною пчелою» (за что?) и под рукою велел *позволять* всем журналам писать противу «Пчелы» *что угодно* — а «Пчеле» *запрещать* всякое возражение! Объявление Царской немилости к журналистам — коснулось меня, наравне с Краевским и Никитенко; они торжествуют и смеются надо мною — а Уваров поклялся уничтожить «Северную

пчелу». Вот чем кончился для меня Комитет! — Клянусь Богом и честью, и готов назвать значительные лица, — что все удивляются обороту дела — которое обрушилось всею тяжестью на «Северную пчелу» и возвысило тех, которых обвиняло общее мнение!

Пусть же, по крайней мере, публика узнает, что «Северная пчела» не в опале и что служба правде не пропадает в России без Царского внимания! Если только Его Сиятельство граф Алексей Федорович захочет — то Государь Император верно не откажет!

Со страхом и трепетом жду ответа и с глубоким уважением и душевною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
23 апреля 1848
СПб

NB. Покорнейше прошу возвратить письма донца и купца, по которым следует сделать разыскания и исполнение.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 117.

[1]См. два следующих письма.

[2]В 1845 г. по ходатайству А.О. Смирновой Николай повелел выдавать Гоголю денежное пособие. Ему было назначено по тысяче рублей в год на три года. Еще столько же он получал от наследника. См.: Дело о пособии Гоголю в 1845 году//Литературный музеум. Кн. 1. Пб., 1922. С. 67—75, 358—359; [*Житомирская С.В.* Комментарий]//*Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 636—637.

[3]В архивном деле сохранились эти письма. П.Г. Волховский 9 апреля 1848 г. писал Булгарину с Дона следующее: «Более двадцати пяти лет имею я приятнейшее удовольствие читать, изучать и восхищаться вашими произведениями — сии все красуются в отличных переплетах в моей маленькой библиотеке; впрочем, все это относится и ко многим из наших соотечественников, подобно мне уважающим ваши познания, дарования — и вашу правоту в защиту русского языка; примите маленькую дань благодарности от всех почитателей ваших, которых много в обширной матушке нашей России. — Пусть самоучки, недоучки, доморощенные гении, учителя и ученики натуральной школы жужжат как шмели, публика и люди благоразумные видят и оценят все по истинному достоинству. — «Пчелу» выписываю с первого года ее существования и даже имею все листы (т.е. все номера. — *А.Р.*) и за все годы. — Книги и прочее многие из нас выписывают единственно по рекомендации вашей и всегда бывают довольными, ибо суждения ваши беспристрастные и верно высказанные» (л. 120ж).

В другом письме от 21 апреля 1848 г. петербургский купец И.С. Вавилов выражал Булгарину сочувствие по поводу нанесенного ему в одной из газет оскорбления, переслав, для утешения, полученное им от сибирского купца Пичугина письмо с положительным отзывом о Булгарине (л. 120к —120м).

[4]Булгарин имеет в виду Комитет 27 февраля (см. комментарий к письму № 280). 11 марта 1848 г. Комитет пригласил редакторов на свое заседание, где им было прочитано следующее: «Государь Император изволил обратить внимание на появление в некоторых периодических изданиях статей, в которых авторы переходят от суждения о литературе к намекам политическим, или в которых вымышленные рассказы имеют направление предосудительное, оскорбляя правительственные звания или заключая в себе идеи и выражения, противные нравственности и общественному порядку. Вследствие сего Государь Император Высочайше повелеть соизволил: созвать редакторов и

объявить им, что долг их не только отклонять все статьи предосудительного направления, но содействовать своими журналами правительству в охранении публики от заражения идеями, вредными нравственности и общественному порядку. Его Императорское Величество повелел предупредить редакторов, что за всякое дурное направление статей их журналов, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой ответственности, независимо от ответственности цензуры» (цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 282—283). Журнал заключительного заседания Комитета (29 марта 1848 г.) см.: Голос минувшего. 1913. № 4. С. 212—219. Исходя из сделанных Комитетом выводов, император 2 апреля повелел, в частности: «На «Отечественные записки» и «Современник», замеченные особенно в помещении статей и выражений сомнительного духа, обратить самое строгое внимание цензуры и объявить редактору первых, равно как редактору и ответственным издателям последнего, что, по духу их журналов, правительство имеет за ними особенное наблюдение, и если впредь замечено будет в оных что-либо предосудительное или двусмысленное, то они лично подвергнуты будут не только запрещению продолжать свои журналы, но и строгому взысканию» (цит. по: *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904. С. 199).

---

288 [Письмо А.Ф. Орлову 23 апреля 1848]

Сиятельный граф,
милостивый государь
Алексей Федорович!

Неисчерпаемая благость души Вашей, согретой истинною и просвещенною любовью к Престолу и Отечеству, и высокий ум дают мне смелость прибегнуть к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою, об исходатайствовании мне и товарищу моему Николаю Ивановичу Гречу Монаршей милости, а именно дозволения печатать в «Северной пчеле» *объявления*, наравне с другими газетами, на основании § 21-го Высочайше утвержденных правил, от 16-го февраля 1838 года, о обнародовании узаконений и распоряжений правительства, где именно сказано: «Частные лица могут, если пожелают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам, но объявления от правительства в частных журналах не допускаются». Все газеты и некоторые частные журналы пользуются этим правом — но только *одной «Северной пчеле»* это воспрещено, не Государем Императором, а министерством просвещения!

«Северная пчела» — сирота! Власть министерская устремлена не ко благу ее. А по духу, в котором наша газета издается, именно для направления общего мнения на истинный путь, «Северная пчела» принадлежит Вам, Сиятельный граф! Будьте ее покровителем и осчастливьте душою преданных Вам издателей, состарившихся в литературных трудах, дерзаю сказать, не без пользы! Товарищ мой Николай Иванович Греч, журналист с незабвенного 1812 года[1], в течение *тридцати шести лет* действовал всегда в духе правительства; я тружусь на тяжком литературном поприще *двадцать восемь лет,* и хотя родился в стране, подавшей справедливые поводы к негодованию Августейшему Монарху и верной Ему России, но преданностью моею к Престолу и к России, действуя совершенно в русском духе, подал я пример вечного и искреннего соединения племен, и хотя за это, кажется мне, заслуживаю внимания столь просвещенного вельможи-патриота, как Ваше Сиятельство! Более *ста томов* издал я на русском языке, и в том числе

много трудов по части русской истории и статистики. О письменных моих трудах по указанию покойного графа Бенкендорфа, приказывавшего мне всегда Высочайшим Именем, — не упоминаю, ибо об этом уже говорил, однажды, Вашему Сиятельству. Не много нас осталось старинных благонамеренных русских литераторов, почитающих первою и священнейшею обязанностью служить правительству всеми способностями! К кому же прибегнуть нам с просьбою о Царской милости, как не к Вам, Сиятельный граф! Будьте благодетелями нашими и наших семейств и поставьте «Северную пчелу» на приличное место, занимаемое другими газетами! Банкрутства книгопродавцев лишили нас почти всех средств к достойному поддержанию газеты, и только прибавления могут нас выручить из затруднительного положения. Ужели мудрый наш Царь не поддержит верной ему «Северной пчелы»! Вечная наша благодарность, конечно, незначительна для Вас, но сердце Ваше вознаградит Вас за доброе и справедливое дело, за предстательство пред Престолом к награде людей верных и надежных. Если дело будет передано графу Уварову, то оно пропадшее, потому что граф Уваров сильно не благоволит к «Северной пчеле» и к нам, ее издателям.

Разрешение нашей просьбы зависит от Царской милости, от одного *слова* Государя Императора, и как всем другим газетам разрешено печатание прибавлений *без сношений* с графом Уваровым, а по представлению начальств, так и «Северной пчеле» может быть разрешено только по представлению Вашего Сиятельства, которого мы признаем *нашим непосредственным начальником*, ибо покойный граф Бенкендорф объявил нам это от Высочайшего Имени, еще в 1826 году.

Сиятельный граф! Не оставьте просьбы нашей без уважения, будьте нашим благодетелем и наградите в нашем лице всех верных своему долгу и призванию литераторов! Бог воздаст Вам за добро в Вашем потомстве!

С глубочайшим уважением и беспредельною преданностью честь имею быть

Сиятельный граф
милостивый государь
Вашего Сиятельства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
23 апреля 1848
СП[етер]бург

Печатается по писарской копии (с собственноручной подписью Булгарина): ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 118—119.

[1]В 1812 г. Н.И. Греч начал издавать журнал «Сын отечества».

---

289 [Прошение Николаю I 23 апреля 1848]

Всеавгустейший Монарх
Всемилостивейший Государь!

Если в течение двадцатиосьмилетнего моего литературного поприща посчастливилось мне хотя однажды заслужить драгоценное внимание

Вашего Императорского Величества, то это почитаю я величайшею наградою за мои труды и никаких других наград просить не смею и не имею на то права, ибо служить Вашему Императорскому Величеству, по мере сил, способностей и по крайнему разумению, на каждом поприще, есть долг верноподданного. Но у Бога и у Царя каждому позволено просить милости, и я вместе с товарищем моим, действительным статским советником Гречем, припадая к ступеням Священного Престола, осмеливаюсь всеподданнейше просить о нижеследующем.

Прежде сего объявления о продажах, покупках, подрядах и тому подобном были только достоянием *С.-Петербургских академических* и *Московских ведомостей.* Ныне же пользуются правом их печатания *Полицейские ведомости с.-петербургские и московские,* «Journal de St. Pétersbourg», «Русский инвалид», «Одесский вестник», все до единой губернские ведомости, а по временам и некоторые частные журналы, и только одной «Северной пчеле» запрещено это средство к прикрытию огромных издержек по изданию. Дознано опытом, что распространение права печатания объявлений не вредит другим газетам, потому что желающий публиковать что-либо рад, если находит более случаев к извещению публики о том, что он хочет сделать гласным, и охотно печатает свое объявление во всех газетах; воспрещение одной «Северной пчеле» печатания объявлений поставляет ее ниже других газет в материальном отношении, и посильные труды наши весьма слабо вознаграждаются. В § 21 Высочайше утвержденных Вашим Императорским Величеством правил о обнародовании узаконений и распоряжений правительства, от 16 февраля 1838 года, именно сказано: «Частные лица могут, если пожелают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналов, но объявления от правительства в частных журналах не допускаются». На сем основании осмеливаюсь всеподданнейше просить Высочайшего и Всемилостивейшего разрешения Вашего Императорского Величества на печатание объявлений, на отдельных листах, в «Северной пчеле», на том самом праве, как они печатаются в других газетах, с одобрения начальства и за установленную плату, с которой (за исключением библиографических известий) я и товарищ мой Греч обязуемся вносить пятнадцать процентов от чистой прибыли в пользу Детской больницы или другого благотворительного заведения, по указанию. Разрешение сей нашей всеподданнейшей просьбы почтем мы высокою наградою, потому что это удостоверит нас в высокой и драгоценнейшей Вашего Императорского величества милости, которая, как луч небесный, окрылит наше усердие и укрепит силы наши для сугубого действия к распространению и водворению в народе правил, которыми постоянно руководствуется «Северная пчела», утверждая в сердцах любовь и доверенность к Престолу и всей Августейшей фамилии, нравственность, основанную на религии, повиновение властям, и к просвещению умов светом истины, исходящим из мудрых законов и священной воли Вашего Императорского Величества. Не отриньте, Всемилостивейший Государь, всеподданнейшей просьбы беспредельно преданного

Вашего Императорского Величества
Всемилостивейшего Государя
Верноподданного
Фаддея Венедиктова сына Булгарина,
надворного советника[1]
23 апреля 1848 года
С. Петербург

Прошение печатается по писарской копии (собственноручно подписанной Булгариным): ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 120в —120е.

[1]Никаких резолюций на этом прошении, как и на сопровождающем его письме к А.Ф. Орлову нет; по-видимому, Орлов решил на этот раз не докладывать царю о просьбе Булгарина.

---

290 [Письмо Л.В. Дубельту 30 апреля 1848]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Обязанностию моею почитаю известить Ваше Превосходительство, что здесь получено письмо из Дерпта, одним коротким моим приятелем, и в этом письме извещают его, что на днях в Дерпте была сильная тревога. Внезапно разнесся слух, что мужики намереваются *поджечь город*. Часть жителей и студентов всю ночь бодрствовали и расхаживали по улицам, в виде патрулей — и ничего не случилось. Выдумали ли о поджоге или в самом деле подслушали угрозы крестьян, бывших на рынке, — неизвестно. Сообщаю — что было.

Полковник фон Турнау, *говорили мне*, получил письмо от родных с границы Курляндии и Литвы, что помещики там в сильном страхе, от распространяемых слухов о избиении помещиков мужиками. Несколько литовцев и курляндцев получили письма в этом же роде.

Точно ли это тучи, перед бурею, или просто пары, исходящие из устрашенного воображения — не знаю, а о ненависти мужиков к помещикам в остзейских и западных губерниях уже извещал Вас.

Слышал я любопытный рассказ *русского человека* о провозе арестованных поляков чрез Москву[1], слышал о подвигах Писарева в Киеве[2] и Стороженки в Варшаве[3], но об этом почитаю излишним говорить, хотя готов, не заикаясь, сказать пред Священным Престолом, что деликатностью и правосудием более добра бы сделали в польских провинциях, чем подвигами Писарева et consorts[4]!

О себе скажу одно. Воздев руки к небу, я повторяю слова Иисуса, распятого на кресте: «Отче мой, вскую мя оставил еси!»[5]

С глубоким уважением и душевною преданностью, честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Ф. Булгарин
30 апреля 1848
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 51. Ч. 4. Л. 99. Опубликовано: *Никифоров А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 130, 141.

[1]О ком конкретно идет речь, нам не известно. Об арестованных и сосланных в 1846 г. поляках см.: *Никифоров А.С.* Указ.соч. С. 228.

[2]О «подвигах» Н.Э. Писарева см. примеч. 1 к письму № 257. Другой чиновник по особым поручениям киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова,

А.П. Стороженко, рассказывал, «как они с Бибиковым тиранили поляков. Приедет какой-нибудь пожилой магнат или пан по делу, не умеет объясняться по-русски, и его держат и не выпускают до тех пор, пока он не выкупится» (*Шуберт А.И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 158).

[3]Хороший знакомый Булгарина А.Я. Стороженко возглавлял в это время в Царстве Польском комиссию по расследованию заговоров и тайных обществ.

[4]и ему подобных (*фр.*).

[5]См. примеч. 2 к письму № 248.

---

291 [Письмо Л.В. Дубельту 5 октября 1849]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Позвольте мне обратить внимание Вашего Превосходительства на предмет, который многие благонамеренные люди почитают *ничтожным,* а я признаю *чрезвычайно важным,* в государственном отношении. Говорю о *книгопечатании.*

Все согласны в том, что оно произвело, производит и будет производить величайшее зло в Европе, и многие почитают запретительные и полицейские меры достаточными к уничтожению и распространению зла. По моему крайнему убеждению: в этом огромная ошибка, и я знаю по опыту и имею на то доказательства, что это лекарство производит иногда более вреда, чем самый яд, которым якобинцы отравляют народы.

Никакая власть, никакая сила, самая зоркая блюстительность не могут удержать разлива идей, и самая жестокая и поносная казнь не может воспрепятствовать ввозу запрещенных книг в государство, имеющее необъятную сухопутную границу, примыкающую к государствам, где введено свободное книгопечатание. Удивительно, но справедливо, что даже из Турции, чрез страны закавказские ввозились в Россию запрещенные книги. Вредные же идеи распространяются быстро *изустно* и *намеками* в печати. Истребить все это — невозможно.

Разлив *зла* происходит от *убеждения*, что оно *благо.* Говоря военным языком: зло в одном месте овладевает разумом блокадою, в другом приступом, а где нет вовсе защитников добра, там без всякой борьбы утверждает свое господство. *Убеждение* можно уничтожить только *убеждением.* Об этом весьма многие вовсе не помышляют, и, напротив, у нас пресечены к тому все возможные средства.

Любовь к Государям и Престолу можно и должно возбуждать не громкими фразами, но *доказательствами* (которых, благодаря Бога, у нас довольно!), что Россия всем своим благосостоянием и просвещением обязана Государям из благословенного рода Романовых — и приверженность к самодержавию должно распространять и утверждать *доказательствами* — что оно одно может существовать в необъятной России. Если верят, что дурные и вредные идеи производят действие, хотя опыт обнаруживает их лживость, как же не верить, что здравые идеи, подкрепленные доказательствами, не принесут пользы?

Каковы бы ни были цензурные законы, они никогда не принесут пользы, если для исполнения их не выберут людей разумных, понимающих дело, образованных, пользующихся уважением.

Нынешняя наша цензура дожила до высшей степени *смешного*. Составился целый список *запрещенных слов*: запрещается самое полезное и благонамеренное. По всей России кружат анекдоты, изображающие цензуру в *смешном виде* — и невольно все бестолковые ее действия относятся на счет правительства. О вреде от этого почитаю излишним распространяться.

Тогда как во всех сословиях носятся слухи и происходят толки о том, будто правительство намерено уничтожить или по крайней мере противудействовать просвещению России, я написал статью: о деятельности одного университета, более других мне известного[1], на пользу русского просвещения — доказывая, что за это Россия обязана царям русским. Статья эта — как увидите: *запрещена цензурою*!

Желал бы я знать, что тут неблагонамеренного?[2] Кажется мне, что Высшее правительство должно обратить внимание на это, если полагают, что должно добром противудействовать злу.

За сим с изъявлением высокого моего уважения и душевной преданности, честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Фаддей Булгарин
5 октября 1849
Петербург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 137. Опубликовано нами: ВЛ. 1990. № 3. С. 111—112.

[1]Речь идет о Дерптском университете, рядом с которым находилось булгаринское имение Карлово.

[2]На копии письма (л. 138) Дубельт написал: «Узнать, отчего запрещено». Запросив по этому поводу цензуру, 10 октября он получил ответ, что в августе было повеление царя «решительно запретить в журналах и ведомостях все статьи за университеты и против них» (ГАРФ. Ф. 109. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 141). После этого Дубельт сделал вторую запись: «Корректурный лист возвращен г-ну Булгарину».

---

292 [Письмо Л.В. Дубельту 11 апреля 1850]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

С позволения Вашего Превосходительства имею честь представить Вам записку о нашем деле[1] и повторить покорнейшую просьбу об исходатайствовании нам Высочайшей милости, чрез посредство графа Алексея Федоровича, единственного нашего начальника, потому что других начальников у нас нет и ходатайствовать за нас у Священного Престола некому. Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу стоит произнесть *одно слово* — и дело совершится.

Если правительство почитает полезным поддержание газеты, издаваемой в его духе, двумя опытными литераторами, приобретшими популярность и искренно преданными правительству, то даже в политическом отношении просьба наша может быть уважена. Дозволением печатать объяв-

ления положится, так сказать, твердое основание газеты в материальном отношении, а издатели будут иметь более средств к влиянию на умы, совращаемые иногда с истинного пути бреднями людей неопытных. На старости издателям уже тяжело самим работать с прежнею неутомимостью, а имея более средств материальных, они могут приучать, под своим надзором, молодых людей содействовать пером видам правительства. И чего же мы просим? Что не стоит ничего казне и ничего ни у кого не отнимает! Воля Ваша, но если и в этом откажут, можно прийти в отчаяние! Ужели мы не заслужили даже милостивого взгляда?

О себе не смею говорить, но представляю копию с письма, поданного товарищем моим Н.И. Гречем, лет за пять перед сим[2]. Кроме описанного в письме, прибавлю, что один брат Греча ранен смертельно под Бородином и умер в Москве от ран[3]; другой умер недавно на службе[4]. Единственный сын Н.И. Греча страждет смертельною и едва ли излечимою болезнью, оставляя на попечение Н.И. Греча жену и трех малюток[5]. Единственный источник к поддержанию семейства Греча — «Северная пчела» — и в этой цели и я неутомимо работаю в пользу *тридцатилетнего* моего друга и товарища. Греч уже на седьмом десятке! Дом его, с банковским долгом, — полуразрушенное гнездо, а не именье. Издержки по изданию «Пчелы» — огромные. Мое Карлово есть только обмен на мое родовое именье в Литве и Белоруссии, из которых я вынесся, ради спасения души! Дай Бог прожить и свести концы изданием газеты!

Верьте, отец и командир, что все благомыслящие патриоты будут рады, когда узнают, что мы получили хотя малейший знак внимания Всемилостивейшего нашего Государя! Знаю, убежден и уверен в душе, что Ваше Превосходительство были бы рады сделать нам добро — и в нынешнем, важнейшем для нас случае не откажетесь помочь нам своим заступлением у доброго и великодушного графа Алексея Федоровича!

Греч уже опустил голову, а я еще уповаю на милость и, извините, на справедливость. До гроба не расстанусь с тою мыслию, что я был хотя несколько полезен правительству, а если б не верил этому, то и не работал бы по ночам, истощая жизнь и отказавшись всех ее радостей!

Помоги Господи и смягчи сердца, ради молитвы моей!

С истинным высокопочитанием и беспредельною преданностью — честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
11 апреля 1850
СПб
в 12 часов ночи[6]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 141б.

[1]Эта записка публикуется после данного письма.

[2]В архивном деле (л. 142—143) хранится копия с этого письма Греча 1844 г., текст его см. в комментариях к записке № 245.

[3]Александр Иванович Греч.

[4]П.И. Греч умер 16 марта 1850 г., т.е. менее чем за месяц до этого письма.

[5]А.Н. Греч умер в марте этого года, будучи за рубежом. По-видимому, весть об этом еще не дошла до Булгарина во время написания письма. После А.Н. Греча остались жена Эмилия, дочь Екатерина и два сына — Николай и Алексей (соответственно, 1847 и 1848 гг. рождения). См. о них в «Петербургском некрополе», а также в письмах Н.И. Греча и А.Н. Греча к Булгарину (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 257. Л. 18—19, 23, 25).

[6]На копии этого письма (л. 146) Дубельт написал: «Справку об объявлениях», а затем приписал: «Пусть просят м[инистра] нар[одного] про[свещения]. Граф будет ходатайствовать». В деле сохранилась и подготовленная в III отделении следующая «Справка» (л. 149—150): «В 1839 г. издатели «Северной пчелы» объясняли, что они, желая придать своей газете большую занимательность и пользу печатанием в оной частных объявлений, и присовокупляя, что хотя объявления исстари были достоянием «С.-Петербургских академических ведомостей», но как впоследствии таковым правом начали пользоваться и полицейская газета, и «Journal de S.Pétersbourg», и «Русский инвалид», то основываясь на этом и они, издатели «Пчелы» просили о дозволении и им помещать в оной упомянутые частные объявления. Обстоятельство это тогда же сообщено было г. министру народного просвещения, который уведомлял, что печатание объявлений всякого рода, как казенных, так и частных составляет одно из преимуществ, предоставленных ведомостям, издаваемым от Императорской Академии наук, и обеспечивая сбыт оных, служит источником доходов Академии, которой средства вообще весьма ограниченны, что лишение Академии сего исключительного права в пользу частных издателей газет послужило бы неминуемо к ущербу в доходах ее, что он, граф Уваров, будучи обязан охранять неприкосновенными выгоды одного из старейших ученых заведений отечественных, с своей стороны не может согласиться на домогательство издателей «Северной пчелы» и что ежели в последнее время некоторым изданиям позволено помещать подобные объявления, то этим правом пользуются единственно газеты также от правительственных мест издаваемые, которых программы разрешены независимо от министерства народного просвещения».

---

293 Записка издателей «Северной пчелы»

Издатели «Северной пчелы» Н. Греч и Ф. Булгарин просили покойного графа А. Хр. Бенкендорфа об исходатайствовании им Всемилостивейшего разрешения печатать, на особом листе, *объявления,* по примеру всех газет не только в России, но в целом мире, где только издаются газеты. В самом скором времени после обещания испросить милость Государя Императора граф А.Х. Бенкендорф занемог, отправился за границу и скончался. Дело осталось неисполненным.

Когда Его Сиятельство граф Алексей Федорович занял должность шефа жандармов и с тем вместе главного начальника III отделения Собственной канцелярии Его Императорского Величества, Греч и Булгарин прибегали с тою же покорнейшею просьбою к Его Сиятельству, и граф Алексей Федорович по своему правосудию и благосклонности принял участие в этом деле и относился к бывшему министру просвещения, графу С.С. Уварову.

Граф С.С. Уваров, не благоволивший к издателям «Северной пчелы», по проискам своих приближенных, принимающих участие в хозяйственной части издания журнала «Отечественные записки», не согласился на дозволение печатания при «Северной пчеле» объявлений, на особом листе, представляя, как было слышно, что это привилегия *С.-П[етер]бургских академических ведомостей.*

Но это уже древняя история! Печатание объявлений точно составляло в старину привилегию *С.П[етер]б[ургских] Академических* и *Московских*

ведомостей, но когда торговля, промышленность и все роды взаимных коммерческих отношений городских и сельских жителей распространились, умножение числа газет с объявлениями сделалось необходимостью, и привилегии двух газет упали сами собой. Теперь объявления печатаются в *Ведомостях С.Петербугской* и *Московской городской полиции*, в «Одесском вестнике», в «Русском инвалиде», когда есть место, в «Journal de St. Pétersbourg» и во всех губернских ведомостях, и это, невзирая на возражение графа С.С. Уварова, нисколько не вредит газетам, имевшим привилегию. Доказано опытом, что для желающего сделать известным что-либо, относительно продажи, покупки, арендного содержания или подряда, тем лучше и приятнее, чем более мест, в которых он может поместить свое объявление. Но чтоб уступить и в этом казенным газетам, издатели «Северной пчелы» всеподданнейше испрашивают всемилостивейшего разрешения на печатание объявлений на особом листе только *два раза* в неделю, а если и это покажется много, то хотя *один раз* в неделю, между тем, как все другие русские газеты печатают объявления *ежедневно* или в каждом своем нумере.

Сие Высочайшее разрешение издатели «Северной пчелы» испрашивают как милость, если его Сиятельство граф Алексей Федорович признает, что двадцатипятилетнее издание «Северной пчелы» в духе верноподданническом и в правилах самодержавия заслуживают внимания правительства и некоторую награду и поощрение. Наш добрый Государь благ и милостив ко всем верным своим слугам, и Он, без всякого сомнения, наградит и тех, которые служат ему усердно пером, если Его Императорскому Величеству будет представлена всеподданнейшая просьба издателей «Северной пчелы». Но кому же представить о издателях «Северной пчелы», о старых литераторах? Разве тому, кто смотрит с вершины высокого своего звания на нравственный быт народа и видит стремление и направление всех подвизающихся на поприще умственной и нравственной жизни России! Круг деятельности министра народного просвещения ограничен подведомственными ему местами и лицами, и, как у нас принято, каждый министр защищает только то, что находится в его ведении. «Северная пчела» находится вне этого круга. Первоначально она отдана была под особенное покровительство III отделения Собственной канцелярии Его Императорского Величества и при всех важных событиях в государстве действовала по указаниям главного начальника Канцелярии, и если Его Сиятельство граф Алексей Федорович соблаговолит оказать милость ее издателям, то дело не может иначе совершиться, как прямым докладом Его Императорскому Величеству. Как ни добр и ни благосклонен к издателям «Северной пчелы» нынешний министр народного просвещения, он никак не возьмет на себя обязанности покровительствовать частное издание, имея по своему ведомству издания казенные.

Высокие Царские милости изливаются от Священного Престола на всех замеченных в верном и честном исполнении своего долга. Ужели два старинные русские писателя, из коих один трудится 46, а другой 30 лет на поприще литературы, и никогда не подвергались упреку в несоблюдении своих обязанностей, не заслуживают ни малейшего внимания? Нет! Греч и Булгарин надеются на Бога, на Царя и на верного его слугу графа Алексея Федоровича Орлова. Орлиным взглядом он проникнул чистоту их намерений и с орлиною быстротою принесет им от Священного Престола радостную весть Царской милости!

Записка написана писарским почерком, печатается по: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 144—145.

294 [Письмо Л.В. Дубельту 15 ноября 1850]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Ваше Превосходительство вспомнили 5 ноября, что я пред незабвенным графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом называл III-е отделение Собственной Его Величества канцелярии: L'hôpital des incurables[1], потому что несчастные, отвергнутые целым миром, находили только в ней одной помощь и утешение, и дела, от которых все сильные земли отнекивались, получали там новый ход и направление. Многое с тех пор переменилось, но я никак не могу расстаться с идеей, что кто близок к Государю, тот обязан говорить ему правду, и потому прибегаю с покорнейшею просьбою к Вашему Превосходительству о представлении его Сиятельству графу Алексею Федоровичу, по видимому маловажного, но в существе своем весьма важного обстоятельства.

Из подлинного письма тайного советника Панаева, к Н.И. Гречу, Ваше Превосходительство усмотреть изволите, что Государю Императору угодно было запретить печатать *все*, относящееся к юбилею 25-летнего благополучного и славного Его царствования[2]. Весть эта из цензурного комитета и департамента народного просвещения с быстротою мысли или молнии распространилась по городу и произвела самое горькое впечатление, дотронувшись до [слово не читаемо. — *А.Р.*] народного самолюбия. Люди никак не могут постигнуть, почему запрещают верноподданным изливать чувства своей любви и преданности к Государю! Если почитают нас недостойными, по недостатку высоких талантов, возвыситься до величия дел, совершенных в эти 25 лет, то лепет благодарности и любви народной выше всякой поэзии! Признаюсь — я сам не постигаю, почему не позволено нам излить наши чувства! Чтоб вы не подумали, что *авторское самолюбие* или надежда на внимание Государя заставляют меня обратиться к Вашему Превосходительству — я даже не посылаю Вам статьи, *мною написанной*, которая стоила мне двух недель моей жизни — но посылаю статью *чужую — чисто историческую* и прошу покорнейше умилостивить графа об исходатайствовании соизволения на ее напечатание[3]. Пока внутри России узнают о запрещении изливать чувства наши, нас будут упрекать в неблагодарности, и даже в чем худшем, к Тому, которого мудростью, благостью и силою души мы все живем покойно и счастливо!

С высоким и истинным уважением и душевною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
вернейшим слугою
Фаддей Булгарин
15 ноября 1850
СПб[4]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1850. Ед. хр. 487. Л. 1. Опубликовано нами: ВЛ. 1990. № 3. С. 113—114.

[1]Больница для неизлечимо больных (*фр.*).

[2]В архивном деле сохранилось и письмо директора канцелярии министерства императорского двора В.И. Панаева Н.И. Гречу от 15 ноября 1850 г.:

«Милостивый государь, Николай Иванович!

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по всеподданнейшему докладу господином министром императорского двора о дозволении напечатать в «Северной пчеле» препровожденных ко мне Вашим превосходительством при письме от 12-го сего ноября и при сем возвращаемых стихотворений действительного статского советника Зубова и статского советника Зотова, на двадцатипятилетие Благополучного Царствования Государя Императора, Его Императорское Величество, не изъявив на сие соизволения, Высочайше повелеть изволил, никаких стихов и вообще сочинений, на сей случай написанных, не принимать и не печатать, о чем и сообщено Его Светлостию г-ну министру народного просвещения, для зависящего со стороны его распоряжения.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Панаев».

[3]В том же архивном деле сохранилась и приложенная к письму Булгарина статья С. Стромилова «Очерк второго двадцатипятилетия XIX века» (л. 3—7). «Чисто исторической» назвать ее трудно, это написанный высоким слогом панегирик Николаю I («Бурные тучи омрачили первые дни нового царствования; Россия содрогнулась от ужаса, но Бог и личная геройская твердость духа Его избранника спасли ее и стезею тяжкого испытания вывели на путь назначенный провидением»; «Дарования всегда близки его сердцу. Вспомним беспримерную, царскую награду бессмертному Карамзину, отеческие попечения о семействе Пушкина, милостивое внимание и благоволение к талантам Крылова, Жуковского и проч. Он дал жизнь художествам и искусствам, — и царствование Его может похвалиться гениальными созданиями в этом роде! Имена Брюллова, Бруни, графа Толстого, Тона, Иордана и проч. всегда будут красоваться на страницах истории, произведения их остаются образцами, едва ли доступными подражанию!» и т.п.).

[4]Дубельт пометил на письме карандашом: «Граф не соизволил входить в это дело».

---

295 [Письмо А.Ф. Орлову 6 января 1851]

Милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Прибегаю к великодушию Вашего Сиятельства и всепокорнейше прошу походатайствовать у Всемилостивейшего и Всеавгустейшего Государя Императора прощение моего проступка, в котором я признаю себя совершенно виновным, хотя в душе и на уме у меня не было ни одной капли злого умысла[1]. Если тридцатилетнее мое литературное поприще заслуживает хотя малейшее внимание, то да послужит оно ручательством на будущее время. Действовал я всегда, по крайнему разумению и по совести, в духе правительства, по собственному внушению, и поистине скажу, что сам не знаю, как провинился — и сознаюсь в вине, хотя неумышленной. И мудрецы, и великие мужи делали проступки, не обдумав последствий — а я, бедный

труженик, заваленный работою, поторопился, не обдумал — и виноват![2] Неисчерпаемо милосердие правосудного и доброго нашего Государя — к Нему прибегаю с любовью и надеждою!

С глубоким высокопочитанием и беспредельною преданностью честь имею быть

Сиятельный граф
милостивый государь
Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
6 января 1851
СПб[3]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 153. Опубликовано нами: НЛО. 1994. № 6. С. 90.

[1]В фельетоне «Заметки, выписки и корреспонденция» (СП. 1851. № 2. 3 янв.) Булгарин сообщил о значительном снижении цен на французские перчатки, указав, что теперь многие русские перчаточники лишатся заработка. В деле сохранилась следующая записка Дубельта: «Статья г-на Булгарина, о перчатках, была представлена Государю Императору цензурным комитетом, и Булгарину Высочайше повелено сделать строгий выговор, как равно и цензору. Сверх того государь повелел, чтобы и граф Орлов строго внушил Булгарину неуместность этой статьи, очевидно доказывающей, что он всегда противился мерам правительства, — что и исполнено.

При этом случае Государь Император сказал, что он этого Булгарину не забудет. 6 генваря 1851» (л. 152). См. об этом эпизоде: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование Николая I//РС. 1903. № 9. С. 649—651; [Отношение попечителя петербургского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина Булгарину от 9 января 1851 г.]//РС. 1871. № 11. С. 522—523.

[2]В СП в номере за 10 января была напечатана статья, где опровергалось мнение, изложенное в булгаринском фельетоне. Текст ее, написанный писарским почерком, сохранился в том же архивном деле (л. 154—160).

[3]На письме карандашная надпись Дубельта: «Граф Орлов показывал это письмо Государю Императору».

---

296 [Письмо Л.В. Дубельту 12 октября 1851]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Нынешним летом, в конце августа, когда я проживал в деревне, возле Дерпта, получил я от тамошнего цензора Ивана Ивановича Делакроа для прочтения книгу «Russishe Zustände», von Zando[1], напечатанную в Гамбурге, в 1851 году. Найдя, что книга во всех отношениях честная и благонамеренная, я почел моею обязанностью поговорить об ней в «Северной пчеле», а потому сделал статью, с выписками из книги, послал в редакцию нашей газеты, и статья появилась в печати и произвела весьма приятное впечатление в публике[2]. Боясь оскорбить скромность графа Алексея Федоровича и отстраняя от себя упреки в лести, я не мог выписать для печати, что говорится честного, благородного и справедливого о графе, но чтоб выразить ему мою преданность, я списал своею рукою, перевел на русский язык

и послал к Вашему Превосходительству. С величайшим удивлением известился я, что Вы не получили этого письма, невзирая на то, что я сам отвез его в дерптскую почтовую контору и *лично отдал почтмейстеру*[3]!

Прежние два письма, которые я имел честь писать к Вашему Превосходительству из Дерпта, посланы мною в пакетах, вместе с моими статьями, в редакцию «Северной пчелы», и одному из членов редакции поручено было доставить Вам письма лично — и потому Вы их и получили[4]. Письмо же, адресованное прямо на имя Ваше — не дошло рук Ваших! Дело непостижимое!

В это самое время были в Дерпте истории с профессорами, и Дерпт страшился, чтоб за двух виновных не закрыли вовсе университета[5].

Как я не таюсь с приверженностью моею к правительству, то предполагать должно, что письмо мое на Ваше имя вскрыли в Дерпте, чтоб узнать, нет ли в нем чего предосудительного насчет университета и, может быть, не умея вскрывать, разорвали. Как бы то ни было, я не могу оставить этого дела без внимания, а потому и просил Федора Ивановича[6] произвесть розыск, куда девалось мое письмо, которое я отдал дерптскому почтмейстеру из рук в руки. А как Вы изъявили желание иметь книгу «Russische Zustände», то я писал в Дерпт к г. Делакроа и просил его прислать немедленно книгу.

С искренним уважением и душевною преданностью и благодарностью за все доброе,

честь имею быть
Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою.
Фаддей Булгарин
12 октября 1851
СП[етер]бург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 172.

[1]Цандо «Состояние России» (*нем.*).

[2]В своем еженедельном фельетоне «Журнальная всякая всячина» (СП. 1851. № 189. 25 авг.) Булгарин подробно изложил содержание книги Адольфа Цандо «Russische Zustände im Jahre 1850» («Состояние России в 1850 году»). Автор книги прожил в России 14 лет, изучил русский язык и, как пишет Булгарин, «при чтении в журналах и в особо изданных сочинениях гнусных выдумок и при изустных клеветах противу России, в благородном сердце автора возникло желание опровергнуть эти подлые лжи и хитросплетения истиною, и он высказал, что видел в России, представив вещи в их настоящем виде». Обильно цитируя книгу, Булгарин демонстрирует, как автор воспевает порядки и образ жизни в России. Панегирик книге Цандо был во многом обусловлен тем, по-видимому, что автор назвал в ней Булгарина среди писателей, «составляющих славу русской литературы».

[3]Этот пост занимал тогда А.И. Куровский.

[4]Эти два письма нам разыскать не удалось.

[5]14 августа 1851 г. по политическим соображениям были уволены от службы лектор немецкого языка Виктор-Амадеус Ген и профессор кафедры уголовного права Эдуард Озенбрюгген, первый из них, являвшийся русским подданным, был подвергнут суду и сослан на жительство в Тулу (см.: *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевс-

кий, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802—1902). Т. 1. Юрьев, 1902. С. 356).

[6]Неустановленное лицо.

---

297 **[Письмо Л.В. Дубельту 23 октября 1851]**

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Сердце Ваше скажет Вам, что Вы должны сделать для несчастных сирот покойного Максима Яковлевича фон Фока, который любил Вас и уважал!

Я не смел бы беспокоить графа Алексея Федоровича *от своего имени,* но в портфеле покойницы найдено было письмо ко мне (без числа и года), и я должен исполнить волю покойницы, которая, будучи чуждою происшествий и перемен света, полагала, что все идет по-старому!

В присылаемых к Вам бумагах находится запечатанное письмо мое к графу и в том же пакете подлинное письмо покойницы ко мне[1]; письмо сирот к графу и, наконец, *копии* всего — для Вас лично, чтоб Вы знали, что подаете. Покорнейше прошу возвратить мне подлинное письмо покойницы по миновании в нем надобности. Оно для меня драгоценно!

Я чрезвычайно болен гриппом и подагрическими припадками, и меня чрез силу везут на побережье.

С высоким уважением и искреннею, душевною признательностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
23 октября 1851 год
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 19. Л. 40.

[1]В этом письме Н.А. Фок писала Булгарину: «Вы любили покойного М.Я., после его кончины и нас не оставляли, где только могли», просила позаботиться об оставшихся трех незамужних дочерях (Елизавета, Екатерина и Надежда) и попросить А.Ф. Орлова, чтобы детям оставили пенсию, а если можно — и аренду (Там же. Л. 41).

---

298 **[Письмо А.Ф. Орлову 23 октября 1851]**

Милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Не имея никаких прав, ни притязаний на благодеяния Вашего Сиятельства, я следую только общему мнению о Вашем великодушии и благости, и смею представить Вашему Сиятельству письмо покойной действительной статской советницы Натальи Андреевны фон Фок, в котором она поручает мне, как другу ее мужа, обязанность ходатайствовать у Вас за ее сирот.

Письмо найдено в ее портфеле, после ее смерти[1], без числа и года. Исполняя поручение покойницы, жены моего друга, я смею уверить Ваше Сиятельство, что ни покойный Максим Яковлевич фон Фок, ни жена его не оставили сиротам ни малейшего состояния, и все, что они имели, для безбедного содержания своего, походило от щедрот нашего доброго Государя, у которого заступниками и предстателями сперва был граф А.Х. Бенкендорф, а потом Вы, Сиятельный граф!

С высоким уважением и истинным высокопочитанием честь имею пребыть

Сиятельный граф
Вашего Сиятельства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
23 октября 1851
СП[етер]бург

Письмо печатается по тексту, написанному писарским почерком (с собственноручной подписью Булгарина): ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 19. Л. 39.

[1]Н.А. Фок умерла 19 октября 1851 г.

---

299 [Письмо А.Ф. Орлова Булгарину 30 октября 1851]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

Мне приятно было получить письмо Ваше, от 23-го октября, и видеть в оном те благородные чувства, которые руководили Вас в принятии участия в осиротевших дочерях покойного действительного статского советника фон Фока, и, принимая во уважение полезную службу покойного и ту доверенность, которою он пользовался от графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, я имел счастие представлять Государю Императору просьбу дочерей фон Фока. Его Императорское Величество Всемилостивейше повелеть соизволил продолжить им все трем, до выхода их в замужество, производство той пенсии, которую получала их родительница[1].

С особенным удовольствием уведомляя Вас, милостивый государь, о сем новом знаке благоволения Государя Императора к семейству покойного фон Фока, прошу Вас покорнейше принять уверения в чувствах моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Гр[аф] Орлов
30 октября 1851

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 19. Л. 48.

[1]Помимо пенсии дочери М.Я. Фока после смерти матери в течение четырех лет получали еще так называемые арендные деньги в размере 2 тыс. рублей серебром в год.

---

300 [Письмо А.Ф. Орлову 26 декабря 1851]

Милостивый государь
граф Алексей Федорович!

Вследствие последнего разговора, которым Ваше Сиятельство меня удостоили, я по долгу совести и в убеждении, что Вам *все знать должно,* честь имею известить Вас, Сиятельный граф, что насчет принятия в полное заведование газеты «С.-Петербургские ведомости» господином Краевским Вас несправедливо уведомили из министерства народного просвещения, и в доказательство честь имею представить подписной билет на газету, за подписанием г. Краевского[1]. Билет взят не позже трех дней, в магазине г. Ратькова, в Голландской церкви, на Невском проспекте, и таких билетов там тысяча.

Напрасно хитрые люди стараются обманывать правительство уловкою, будто *издатель* ниже *редактора*! При печатании книг *издатель*, покупающий *рукопись* для напечатания, конечно ниже *автора* и не отвечает за *содержание рукописи.* Но в журналистике совсем не то. Так, *издатель* не есть то самое, что *éditeur*[2], *но есть directeur du journal*[3] и имеет под своим управлением *редактора*, который *обязан* писать и печатать то, что велит *издатель* для своих выгод. Редактор есть то же, что *секретарь*[4]. Николая Ивановича Греча и меня и враги не упрекнут в незнании русского языка и журнальных формальностей, однако ж мы всегда назывались и называемся *издателями* «Северной пчелы», что можно видеть из *объявления* об издании «Северной пчелы», при сем приложенного. Можно справиться у всех книгопродавцев и литераторов, имеющих дело с «СПб. ведомостями»; все они не запрутся, что относятся к Краевскому, а не к Очкину[5]. У нас самих есть *два редактора,* при «Северной пчеле» — но их никто даже и не знает[6], а все относятся к *издателям.*

Я бы молчал, потому что для меня все равно, кто издает газету, но г. Краевский и его приверженцы хвастают тем, что они обманули правительство, и утверждают, что были б деньги, а всему можно дать какой угодно оборот. Знаю я, как вел газету «Русский инвалид» г. Краевский[7], доказывая, например, что только одни революции выводят в люди гениев — и выставлял Наполеона, Бернадота и других, и знаю, какое зло произвел он в умах нового поколения «Отечественными записками»[8]! А что журналы имеют еще свой вес в России, честь имею приложить одно из писем, которыми удостаивают меня мои подписчики[9]. Я не принимаю на свой счет сказанного в безыменном письме, но оно истинно выражает чувства верноподданного и объясняет, что при всех строгостях цензуры газета может вредить, когда в руках злонамеренного человека.

Надеюсь, что по благости своей и по великодушию Ваше Сиятельство простите смелость, с которою я пишу к Вам, и при сем покорнейше прошу принять уверение в моем глубоком уважении, истинной преданности и вечной благодарности за добро, с коими честь имею пребыть

Вашего Сиятельства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[10]
26 декабря 1851
С.-Петербург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 4. Л. 19.

[1]С 1852 по 1862 г. А.А. Краевский неофициально редактировал «С.-Петербургские ведомости».

[2]Издатель, лицо, отвечающее за финансовую сторону издания (*фр.*).

[3]Руководитель газеты, главный редактор (*фр.*).

[4]Булгарин демонстрирует устаревшее понимание роли редактора. Уже с 1830-х гг. в русской журналистике положение изменилось, например, О.И. Сенковский в «Библиотеке для чтения», будучи редактором, а не издателем, полностью определял направление и содержание журнала. См.: *Рейтблат А.И.* Из истории редакторской профессии в России//Редактор и книга. Вып. 10. М., 1986. С. 108—123.

[5]А.Н. Очкин в 1836—1862 гг. был официальным редактором «С.-Петербургских ведомостей». С конца 1851 г. редакторские функции в газете стал исполнять Краевский. 1 декабря П.А. Плетнев писал Я.К. Гроту, что Очкин «соединился с Краевским», а 11 января 1852 г. уже сообщал тому же адресату, что «Краевский тайно от правительства влез в газету полным хозяином» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 564, 569).

[6]Основную редакционную работу в СП вел тогда П.С. Усов (см. его воспоминания: Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни (1850—1859 гг.)//ИВ. 1883. № 8. С. 284—331). Кто помогал ему в 1851 г. — неизвестно, но в феврале 1853 г. Булгарин писал Н.И. Гречу, что редакционную работу в газете ведут Усов и П.Л. Лазарев (см.: ИРЛИ. Ф. 590. Ед. хр. 40).

[7]Краевский с 1843 г. был помощником редактора газеты «Русский инвалид», а с 1847 до 1852 г. был ее редактором.

[8]Краевский с возобновлением журнала «Отечественные записки» в 1839 г. и до закрытия в 1884 г. был его издателем, а по 1876 г. — и формальным редактором.

[9]В архивном деле это письмо отсутствует.

[10]На письме резолюция: «Переговорить с кн. Шихматовым», ниже подписано: «Исполнено».

---

301 **[Письмо Л.В. Дубельту 27 декабря 1851]**

Отец и благодетель
Леонтий Васильевич!

Писал я к Вам, что *потому только* адресовал письмо прямо в *собственные руки* графа Алексея Федоровича, что из *уст* Его Сиятельства слышал, якобы Краевский устранен от издания «СП[етербургских] ведомостей». Этого устранения не было, быть не могло и *не будет*. Краевский, как всем известно, состоит в союзе с двумя денежными и сильными доверенностью своего начальства лицами[1]. У этой тройцы в руках *все* спекуляции. Они берутся платить долги мотишек, вести самые запутанные тяжбы, скупают векселя, содержат книжный магазин, под именем Ратькова — и им нужна была *газета*. Что они предприняли и взяли — то уже *решено* и *кончено*! Мне крайне жаль, что наделал, противу моей воли, хлопот Вашему Превосходительству. Князь Ширинский-Шихматов — добрый, честный человек и христианин — но тут он не доберется толку. Там все запутано и перепутано. Вот, например, со мною, так обходятся без церемонии! Дершау в разборе моих «Воспоминаний» сказал, что моя мать *девица* Булгаринова (панна!!!)[2], а как я задел его пером, не трогая ни *личности* его, ни его *фамилии* — Ваше Превосходительство показали мне письмо графа Алексея

Федоровича, в котором было сказано, что если я скажу слово о Дершау — то «Северная пчела» будет *запрещена*![3] Где же теперь этот Дершау? Бежал из Петербурга от своей постыдной жизни — и обманул своих подписчиков[4]! Граф Строганов сообщил Государю замечания о журналах, ссылаясь на «Отечественные записки» Краевского[5] — а снаряженный для того комитет сделал от Высочайшего Имени выговор *всем* журналистам, без исключения медиков и технологов, не упомянув имени Краевского[6]! Чрез шесть недель после этого Высший цензурный комитет представил Краевского Государю Императору, за *одну* статью о *Западной Европе* — как *образец благонамеренности*![7] Ваше Превосходительство изволили слышать, что мне сказано было утром 6 января 1851 года![8] — Я раз, когда-то, сказал графу Алексею Федоровичу, что весьма было бы любопытно, если б он переговорил с бывшим тогда в столице известным Федором Николаевичем Глинкою, который рассказывал нам, что в Москве было известно о существовании либерального комитета в самой Москве, высылке им *деятелей* в Петербург и в том числе Краевского и проч. Граф изволил сказать, что Глинка поэт и видит все в красках поэзии, а потом друг Краевского Герц[9], русский эмигрант, напечатал почти слово в слово, за границею, слова Глинки, приняв название *Искандера*[10]. Но Краевского не назвал он *по имени,* хотя и обозначил «Отеч-[ественные] записки». Говорю все это для того только, чтоб доказать, что Краевский — могуч и силен, более даже, нежели о том думают! Более не буду беспокоить моими письмами об этом предмете ни графа, ни Вас — и это *последнее* мое письмо. Я должен знать и знаю, что я *пария*, что у меня нет союзов и партий, что только безмолвная часть русской благонамеренной публики держит мою сторону и что мне не пройдет даром ни недосмотр, ни обмолвка, ни даже опечатка, между тем, как Краевский печатал во всеуслышание: *«Христос заповедал на кресте свободу, равенство и братство (liberté, égalité, fraternité) не одному Римскому миру, — но и всему человечеству — и все должны стремиться к этой цели»*[11] — и он же, Краевский, лучше всех! Никто на него поморщиться не может! Я уже на *седьмом десятке, стою на краю могилы* и должен сказать правду пред тем, кого искренно люблю и душевно уважаю. Послушали бы, что говорят обо всем этом почтенные люди: сенаторы, правители дел и другие благонамеренные лица! А я говорю только пред Вами — и то в *последний раз*! Больше — ни гу-гу!

С высоким уважением и душевною преданностью имею честь быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
27 декабря 1851
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1846. Ед. хр. 11. Ч. 3. Л. 96. Опубликовано: *Лемке*. С. 350—351.

[1]Имеются в виду А.Д. Киреев и, по-видимому, М.М. Карниолин-Пинский. См. записки № 262 и № 281.

[2]См. примеч. 1 к письму № 274.

[3]См. письмо № 270 и примеч. к нему.

[4]Журнал Ф.К. Дершау «Финский вестник» успеха не имел. С 1848 г. он был преобразован в журнал «Северное обозрение», издателем которого числился Дер-

шау, хотя и передал его в другие руки (после 1848 г. он лечился на Кавказе, а затем три года — за границей). Издатель не выполнил своих обязательств перед подписчиками, т.к. журнал выходил нерегулярно (в 1848 г. — 3 номера, в 1849 г. — 6 номеров, в 1850 г. — 3 номера).

[5]По свидетельству А.В. Никитенко, «граф [С.Г.] Строганов, бывший попечитель Московского университета, движимый злобой на министра народного просвещения Уварова, который был причиною увольнения его от должности попечителя, представил государю записку [«О либерализме, коммунизме и социализме, господствующих в цензуре и во всем министерстве народного просвещения»] об ужасных идеях, будто бы господствующих в нашей литературе — особенно в журналах — благодаря слабости министра и его цензуры» (*Никитенко.* С. 311).

[6]Речь идет о созданном 27 февраля 1848 г. комитете для наблюдения за цензурой (см. комментарий к № 280). О его деятельности см.: *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 194—203.

[7]В № 7 «Отечественных записок» за 1848 г. А.А. Краевский поместил (без подписи) свою статью «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» (Паг. 3. С. 1—20), где старательно и достаточно выразительно воспроизвел положения государственной идеологии того времени: «Европа представляет теперь зрелище беспримерное и чрезвычайно поучительное. В одной половине ее — безначалие со всеми своими ужасными последствиями; в другой — мир и спокойствие со всеми своими благами. Определение и разделение здесь так верны, что никакие географические границы не могут означать их лучше и вы уже назвали — Западную Европу и Россию»; «Россия в юности своей была государством самобытным, отвергнувшим все искушения Запада, а в крепости мужества своего она составляет незыблемый колосс», «Россия! драгоценное наше отечество! Цвети и красуйся под сению своих самодержавных Монархов, более и более утверждаясь в основных началах твоего могущества и величия. Внешние бури не испугают нас; мы отделены от них несокрушимым оплотом своей православной веры и всего нравственного и исторического своего образования». Прежде чем поместить статью, Краевский в мае месяце присылал ее на предварительный просмотр в III отделение, где она была вполне одобрена (см.: *Лемке.* С. 193—194). Николаю статья понравилась и министру народного просвещения С.С. Уварову было поручено сообщить Краевскому, что она по представлению Комитета 2 апреля («бутурлинского») «удостоилась обратить на себя всемилостивейшее внимание Его Императорского Величества» (цит. по: *Лемке Н.К.* Очерки... С. 214).

[8]См. примеч. 1 к письму № 295.

[9]Булгарин имеет в виду А.И. Герцена.

[10]Булгарин имеет в виду книгу А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России», опубликованную вначале в Бремене в 1851 г. по-немецки, а потом в том же году в Париже по-французски. Ни о каком московском «либеральном комитете» в книге Герцена речь не идет. Он лишь отмечает, что журналы «Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения», «Телескоп» и другие «распространили за последние двадцать пять лет огромное количество знаний, понятий, идей», а также пишет, что Белинский, который руководил ОЗ, «много сделал для пропаганды», он всегда был «готов обличить, заклеймить все, что считал реакционным» (*Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 7. М., 1956. С. 218, 237, 238). Власти еще до письма Булгарина обратили внимание на эти высказывания Герцена. В «Журнале» заседаний наблюдавшего за печатью Комитета 2-го апреля 1848 г. (т.н. Бутурлинского) 10 ноября 1851 г. была внесена запись о том, что в упомянутой книге Герцена «прямо указывается на русскую журналистику последних двадцати лет и преимущественно на «Отечественные записки» и «Современник», как средство или канал, которым он и его единомышленники старались разлить в России свои столь разрушительные для общественного порядка и благоустройства идеи» (цит. по: *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки» эпохи Белинского и комитет 2-го апреля 1848 года//Проблемы истории и теории отечественного книговедения и библиографии. Л., 1976. С. 89).

[11]Разыскать эту фразу в изданиях Краевского нам не удалось.

302 [Письмо Л.В. Дубельту 6 февраля 1852]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Хотя Ваше Превосходительство никогда не отказывали мне Вашего предстательства в делах моих родственников, но я не смел бы утруждать Вас моею покорнейшею просьбою в нынешнее время, если б дело было не такого рода, которое важнее для меня всех дел семейных, потому что относится к сиротам, вверенным мне сперва отцом, а потом матерью на смертном их одре.

По представленной Вашим Превосходительством просьбе моей Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу, великодушный и истинно добродушный граф исходатайствовал у Государя Императора трем дочерям покойной действительной статской советницы фон Фок *полное содержание их матери*. Но казначейство, находящееся в Петропавловской крепости, отказалось выплатить дочерям действительной статской советницы фон Фок деньги, следуемые им за аренду, под предлогом, что оно не может выдать денег без согласия их брата, от первого супружества покойного действительного статского советника Максима Яковлевича фон Фока, который находится на службе в министерстве иностранных дел и занимает важное место генерального консула в Египте, получая, сверх квартиры и суммы на канцелярские расходы, по 6000 рублей серебром в год. Полагаю, что Монаршая милость, оказанная трем дочерям покойной действительной статской советницы Фок, излилась на них от Священного Престола в той цели, чтоб обеспечить существование трех сирот, беспомощных и немолодых уже девиц, дочерей верного и усердного слуги Государя, и потому доходы с аренды не должны переходить к брату их, рожденному от первого брака их родителя, тем более, что этот брат холостой человек, обеспечен уже своею службою в своем существовании. Аренда всего продолжена матери трех дочерей на четыре года, и сироты надеялись, что из этих доходов составят себе небольшой капитал на будущее время. Теперь все их надежды разрушаются, когда их брат от первого брака возьмет большую часть дохода и потребует еще части их пенсии. Я писал к Александру Максимовичу фон Фоку в Египет, и на днях получен от него ответ, что он ни от чего не намерен отказываться в пользу сестер своих.

Как дело об оставлении сиротам полного содержания их матери шло чрез посредство Вашего Превосходительства, то и осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою объяснить нам смысл Высочайшего указа, в котором объявлена сиротам монаршая милость, ибо без ходатайства Вашего Превосходительства арендные деньги не будут выданы сиротам, и мы, т.е. сироты и я, только к Вам одним можем прибегнуть в этом деле.

С высоким уважением и душевною преданностью честь имею быть
Вашего Превосходительства
всепокорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
6 февраля 1852
СПетербург

Письмо печатается по тексту, написанному писарским почерком (с собственноручной подписью Булгарина): ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 19. Л. 55—56.

---

303 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 15 марта 1852]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

Г. генерал-адъютант граф Орлов, усматривая из письма Вашего ко мне, от 6-го минувшего февраля, что Главное казначейство отказало в выдаче арендных денег дочерям покойного действительного статского советника фон Фока девицам Елисавете, Катерине и Надежде *фон Фок*, — без предварительного согласия брата их, от первого брака отца их, Александра фон Фока, входил по сему предмету в сношение с г. управляющим министерством финансов и изложил свое мнение, что статский советник Александр фон Фок не имеет никакого права домогаться какой-либо части из этой аренды потому, что по истечении срока Всемилостивейше пожалованной действительному статскому советнику фон Фоку аренды, по всеподданнейшей просьбе вдовы его, производство означенных арендных денег продолжено было с 12-го июля 1851 на 4 года собственно ей с дочерьми, а следственно по смерти вдовы фон Фок остались законными ее наследницами родные ее дочери; пасынок же по закону не имеет никакого права на наследство после мачехи. На что г. действительный статский советник Брок отозвался, что в Главное казначейство прошения от дочерей действительного статского советника фон Фока о выдаче им арендных денег не поступало и что если бы они и вошли с таковым прошением, то, по существующим узаконениям, должны представить надлежащее удостоверение в том, что после матери их они остались единственными законными наследницами и что кроме их других наследников в равной им степени не имеется[1].

По поручению графа Алексея Федоровича Орлова уведомляя о сем Вас, милостивый государь, честь имею удостоверить Вас в истинном моем к Вам почтении и преданности.

15 марта 1852. [Л. Дубельт]

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1827. Ед. хр. 19. Л. 62—63.

[1]К 1 августа 1852 г. дочери Фока представили в департамент государственного казначейства министерства финансов свидетельство, что кроме них, у их матери нет других наследников, и стали получать арендные деньги. Впоследствии аренду еще несколько раз продлевали на четырехлетний срок.

---

304 [Письмо Л.В. Дубельту 22 мая 1852]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Никогда не стану я беспокоить Ваше Превосходительство литературою, зная, в каком положении она находится; но здесь идет дело не о литературе, а о предмете для *всех важном и драгоценном, о русском языке*, который высоко ценится и Его Императорским Высочеством Государем наследником Цесаревичем[1], прилагающим о языке мудрое свое попечение в подлежащих его управлению военно-учебных заведениях[2] — высоко ценится и Вами, который на нем столь прекрасно и правильно пишете[3]. Иван Иванович Давыдов, председатель II отделения Академии наук, *сочинил* «Русскую грамматику» и издал *ее от имени и на счет Академии*[4]. Эта грамматика должна

быть светильником России и образцом во всех учебных заведениях России, между тем как эта грамматика исполнена ошибок, недоразумений и запутанностей![5] Когда эта грамматика будет принята за образец в учебных заведениях, она до конца исказит русский язык. Некоторые из этих несообразностей в грамматике И.И. Давыдова я выставил наружу и хотел напечатать, на основании Цензурного устава, главы 1, § 11, в котором сказано: «Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и художествам, как то о вновь выходящих книгах (не исключая из того и издаваемых от казенных мест сочинений и статей, когда они собственно касаются наук, словесности и художеств), о представлениях на публичных театрах и о других зрелищах, о новых общественных зданиях, об улучшениях по части народного просвещения, земледелия, фабрик и т.п. *дозволяются цензурою*, если только сии суждения не противны общим ее правилам». — Дело ясное, обнародованное в «Полном собрании законов», к которым никто не смеет прикасаться, кроме Того, кто их дал Своему народу. Однако же цензура возвратила мне статью, с *пометками карандашом*, и объявила, что господин министр народного просвещения[6] *не дозволяет печатать статью* и что все, что только издано и будет издано Академиею, должно быть признаваемо непогрешимым и неприкосновенным, как святыня! Куда уйдет Россия с этими правилами? Мы знаем всех академиков Русского отделения, знаем их способности, и если мнение каждого из них не может быть подвержено опровержению, то решительно язык наш дойдет до крайней точки уничижения, как язык латинский в Средние века![7]

Знаю и убежден я в любви Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича к русскому языку и уверен, что Вы сделаете приятность его Императорскому Высочеству, если при докладе представите ему мою статью, которая была у господина министра просвещения и возвращена мне с помарками карандашом. Эта статья может быть полезна преподавателям в военно-учебных заведениях. Пусть они рассмотрят ее и удостоверятся — прав ли я![8]

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорным слугою
Фаддей Булгарин[9]
22 мая 1852
СП[етер]бург.

Письмо печатается по автографу: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2838.

[1]То есть великим князем Александром Николаевичем.

[2]Великий князь Александр Николаевич с 1849 г. являлся начальником военно-учебных заведений.

[3]В молодости Дубельт пробовал себя на литературном поприще. В 1824 г. он подал в Московский цензурный комитет свой перевод (с французского) баллады В. Скотта «Царь пламя», в 1825 г. туда же поступили другие его переводы из В. Скотта (роман «Ламермурская невеста», поэма «Свирепый ловец», баллада «Благородный Моринтер», «восточная повесть» «Искатели счастья») (см.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 9).

[4]См.: *Давыдов И.И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1851.

[5]К трудам И.И. Давыдова по грамматике отрицательно относился не только Булгарин. Например, П.А. Плетнев, постоянный оппонент Булгарина, относительно предыдущей книги И.И. Давыдова «Грамматика русского языка» (СПб., 1849) писал Я.К. Гроту, что это «один набор слов без смысла, в непрестанном противоречии другим наукам и даже тут же сказанному» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 478).

[6]Эту должность занимал тогда П.А. Ширинский-Шихматов.

[7]Булгарин был прав. В Отделении языка и литературы Академии наук, где председательствовал И.И. Давыдов, кроме него было только два языковеда — А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, остальные (митрополит Филарет, архиепископ Иннокентий, П.А. Ширинский-Шихматов, А.С. Норов, К.И. Арсеньев, П.Г. Бутков, П.А. Вяземский, В.И. Панаев, М.П. Погодин, И.С. Кочетов, Я.И. Бередников, П.М. Строев, М.П. Розберг, С.П. Шевырев, М.А. Коркунов) не занимались профессионально изучением русского языка.

[8]Булгарин крайне болезненно воспринял запрет статьи. 12 мая он писал П.С. Усову: «Признаюсь, что цензура имела сильное влияние на быстрое развитие моей болезни, которая едва, едва не свела меня в могилу. Стыдно сказать, а в душе еще не замерла юность, с ее светлыми мечтами и надеждами! Пора бы мне, старому дураку, опомниться и убедиться, что неоткуда и не от кого ждать чего-либо. Схожу в пятницу с крыльца, встречаю [цензора] Александра Лукича Крылова, который шел ко мне объявить, что статья о грамматике Давыдова запрещена князем Ширинским-Шихматовым. Стыд и унижение, что Россиею управляет Шихматов, вопреки высочайше утвержденному цензурному уставу, что нам и пикнуть нельзя, что нас учат люди безграмотные — все это перевернуло во мне натуру вверх дном. Я сел на дрожки и едва доехал до пассажа; меня вырвало три раза желчью. В редакции я почувствовал лихо, а дома свалился» (цит.по: *Усов*. С. 301).

[9]Рукопись статьи Булгарина сохранилась в архивном деле и содержит конкретные, по-видимому инспирированные Гречем, замечания на книгу Давыдова. Дубельт через товарища министра просвещения, А.С. Норова, передал письмо и статью Булгарина П.А. Ширинскому-Шихматову, а тот 4 июня препроводил их, по причине отсутствия царя, великому князю Александру Николаевичу, сопроводив своей докладной запиской. Ширинский-Шихматов писал, что грамматика издана не для учебных, а для научных целей; что Академия наук одобрила книгу; что всех просили сообщать свои замечания о ней прямо в Академию и что Академия наук — это не просто казенное место, а «первенствующее ученое сословие в России», и критика может поколебать авторитет Академии. Доводы министра убедили великого князя, который 7 июня наложил резолюцию на его записке: «Совершенно справедливо, и Булгарину заметить, чтоб впредь был осторожнее в своих выражениях». Министерство письменно уведомило Булгарина об этой резолюции (см.: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I//РС. 1903. № 12. С. 695—696). На самом деле предполагалось, однако, что книгой будут пользоваться в практических целях. По крайней мере И.И. Срезневский, рецензируя рукопись труда Давыдова, называл его «практической грамматикой» и утверждал, что ценность его «определится вполне только практическим его применением к надобностям житейским, когда он будет наконец издан и когда сделается настольною книгою образованных русских, нуждающихся в поверке своих знаний отечественного языка; ручною книгою молодого поколения, еще не упрочившего в себе правил разумного пользования богатствами родного слова» (Журнал министерства народного просвещения. 1851. Ч. 69. Отд. 3. С. 64—65). Позднее, когда цензурный контроль стал не таким жестким, Греч опубликовал разгромную рецензию на 3-е издание книги Давыдова: *Греч Н.И.* Рассмотрение книги «Опыт общесравнительной грамматики русского языка». СПб., 1856.

305 [Письмо Л.В. Дубельту 12 декабря 1852]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Не осмеливаясь беспокоить графа Алексея Федоровича ни лично, ни письменно, покорнейше прошу Ваше Превосходительство доложить Его Сиятельству следующее обстоятельство, которое с первого взгляда может показаться ничтожным, но оно весьма важно в существе своем.

В первые годы нынешнего благополучного и достославного царствования было признано полезным руководить, в некоторых случаях, мнение публики насчет событий, которые порождали различные и противоположные толки, журнальными статьями. Действие этих статей всегда оказывалось полезным и успокаивало людей мнительных, легковерных и недальновидных. Ныне разнесся слух, что положено учредить карантины со стороны Персии. Медики, пользующиеся огромною репутациею, хотя и не в ученом мире, но в обществе, которые в первое появление холеры в России утверждали, что болезнь не заразительна, теперь подали мнение в Медицинском совете[1], что она заразительна, разумеется, не посредством *прикосновения* к больному, но от распространения *миасма,* после умерших от холеры людей. Учреждение карантинов — мера благоразумная и единственная к удержанию болезни, что доказала Швеция. Но при известии об учреждении карантинов распространились слухи, неблагоприятные карантинам, особенно между классом промышленным, купцами, откупщиками. Как от правительства нет объявления о карантинах, то частным людям и писать об них не следует. Но можно составить статью *о пользе карантинных мер вообще,* и я убежден, что это было бы чрезвычайно полезно, убедив людей недоверчивых в мудрости и благости мер правительства. Если граф Алексей Федорович найдет мое мнение достойным его внимания, благоволите известить меня. Я напишу статью и представлю Вашему Превосходительству для передачи Его Сиятельству.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
12 декабря 1852
СПб
NB. Г[осподин] Азанчевский не был у меня вовсе.

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 173. На письме сохранилась резолюция А.Ф. Орлова, зафиксированная Дубельтом: «Нельзя, мысль это дельная, но решения еще нет. Поблагодарить, но еще не время».

[1]Медицинский совет существовал при министерстве внутренних дел.

---

306 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 15 декабря 1852]

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

По докладу г. генерал-адъютанту графу Орлову письма Вашего от 12 декабря Его Сиятельство изволил мне поручить, выразив Вам, милостивый государь, за предложение Ваше составить журнальную статью «О пользе карантинных мер» искреннюю признательность графа Алексея Федоровича, сообщить при том, что так как предполагаемое учреждение карантина со стороны Персии еще не обнародовано официально[1], то помещение ныне подобной статьи в журнале было бы, по мнению Его Сиятельства, рановременным.

Сообщая Вам о таковом отзыве графа Алексея Федоровича, пользуюсь случаем, чтобы удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном уважении и преданности.

Дубельт
15 декабря 1852

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 176.

[1]В своем дневнике Дубельт 27 ноября записал, что «из предосторожности от холеры Высочайше повелено учредить наистрожайший карантин между Черным и Азовским морями» (Российский архив. Т. 6. М., 1995. С. 192).

---

307 [Письмо Л.В. Дубельту 16 апреля 1853]

Отец и благодетель
Леонтий Васильевич!

Прибегаю к Вам, как к единственной моей надежде и защите.

Прибегает ко мне часто литограф Деноткин, несчастный калека, урод по всей форме, прося о публикациях[1]. Как он пожертвовал часть денег от визитных карточек в пользу *детских приютов*, то я публиковал об них. А чтоб как-нибудь размягчить эту сухую материю, я прибавил крошечную статейку о неприятности визитов, потому что мне пришло в голову, как я сломал мои дрожки в яме, около Смольного монастыря, 13 апреля[2]. Никому я не думал делать упреков и никак не предполагал, что из этой грязи разгорится страшное пламя! Сегодня, 16 апреля, военный генерал-губернатор[3] потребовал меня к себе и наговорил таких вещей, которых я не слыхал во всю жизнь, стращая, что посадит меня в *Смирительный дом на четыре месяца*! Это еще не слыхано, чтоб статского советника, служащего в министерстве[4], военный генерал-губернатор сажал в *Смирительный дом* — даже не выслушав его оправдания, потому что военный генерал-губернатор не дал мне вымолвить ни слова! Я пошел к обер-полициймейстеру, чтоб уверить его, что говоря о *ледяной коре,* я не имел намерения сделать ему неприятности — но и А.П. Галахов не хотел выслушать меня, а только кричал, что я принадлежу к интриганам и прочее, чего я даже и не понял. Дело в том, что я узнал из крика А.П. Галахова — что Государь Император благодарил его *за очистку города* — а я написал, что на дальних улицах есть еще ледя-

ная кора, которую однако ж *по возможности рубят и вывозят за город.* Я полагал даже, говоря это, что похваляю полицию, которая делает *возможное*, чтоб очистить город. Разумеется, нелегко очистить от ледяной коры 50 квадратных верст, занимаемых городом, и это никогда не было прежде обязанностью полиции. При С.А. Кокошкине сначала вовсе не рубили ледяной коры на улицах, потому что физикат[5] подавал мнение, что это порождает быстрые испарения, вредные здоровью, и городская дума утверждала, что от этого портится мостовая. Никак я не мог предполагать, чтоб эта статья могла навлечь мне неприятности! Если б я был безумный, то и тогда не решился бы писать противу городских властей, да и цензура не допустила бы к этому. На мое несчастье к этой поре подоспела благодарность Государя Императора А.П. Галахову! Вины и умысла с моей стороны нет и не было, в чем клянусь Богом, честью и детьми моими!

До какой степени доведен у нас литератор — подумать страшно! Родовой дворянин, статский советник, пользующийся любовью и уважением многих почтенных лиц, что даже могу доказать письмами князя Воронцова, князя Чернышева, графа Канкрина, покойного Дашкова и проч., и проч. — не имевший *никогда никакого дела с полицией*[6], не подавший в 35 лет причины ни к одной жалобе — я был совершенно убит обращением со мною! Преступника, злодея, убийцу, вора прежде выслушают — а мне не дозволили сказать ни одного слова!!! Меня стращают *Смирительным домом* — как бродягу, хотят докладывать обо мне как о злодее Государю! Господи, воля твоя!

Если б в моем теле было *три души,* вместо *одной души*, то и те бы не выдержали! Со мной сделался род удара, и мне пустили кровь из левой руки.

В том же нумере «Пчелы» (отмечено красным карандашом № 1) написано мною о нашей обязанности быть благодарными Царствующей фамилии[7]. Этой статьи не заметили, и никто не кивнул головою, — а за грязь на улицах — угрожают уничтожить!

Отец родной и благодетель! Попросите доброго графа Алексея Федоровича, чтоб защитил меня от напасти! Если я виновен — то верно то, что без умысла! Пишешь, пишешь, да и опишешься! Как знать все тайны?

Сам быть не могу у Вас — потому что весь расстроен и с подвязанной рукой!

С высоким уважением и душевною преданностью честь имею быть
Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
16 апреля 1853 года
СПб[8]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 177—178. Опубликовано нами: НЛО. 1994. № 6. С. 91—92.

[1]Булгарин еще в 1846 г. рекламировал литографа Н.Д. Деноткина: «Для визитных карточек рекомендуем литографию господина Деноткина (на Невском проспекте, на углу Михайловской улицы, в доме Рогова), по двум весьма важным причинам. Во-первых, потому, что нигде не напечатают так хорошо и дешево визитных карточек, как в этой литографии, а во-вторых, потому, что тяжкий недуг и физиче-

ский недостаток при рождении лишили молодого Денoткина средств искать счастия на другом поприще. Отец его превосходно вырезывает на металле и на камне печати, а сын изучил механизм литографии и снискивает этим честное пропитание <...> Г. Денoткин искусный литограф и посвятил себя в особенности делу житейскому, т.е. печатанию визитных карточек, прейскурантов, объявлений и т.п.» (*Ф.Б*[*улгарин*]. Журнальная всякая всячина//СП. 1846. № 276).

[2]Речь идет о фельетоне Булгарина «Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.» в СП от 15 апреля 1853 г. По поводу трудностей проезда по городу он писал следующее: «Поневоле задумаешься, когда вспомнишь о странствии по городу! Невский проспект очищен совершенно и можно спокойно ехать через весь Невский проспект, Большую Морскую, до самого Большого театра. Но на многих улицах лежала еще 13-го апреля толстая ледяная кора, с большими промоинами, которые теперь составляют ямы. По возможности разрубают ломами эту кору и вывозят, но пока весь город очистится от этих остатков зимы, весьма трудно ездить на колесах, особенно в дрожках».

[3]Этот пост в 1848—1854 гг. занимал Д.И. Шульгин.

[4]Булгарин с 1844 г. исполнял чисто номинальные, не требующие никакой работы обязанности члена-корреспондента Специальной комиссии коннозаводства.

[5]*Физикат* — врачебная управа в Петербурге, учрежденная в 1739 г.

[6]Это не совсем точно; см., напр., донесение Булгарина в Нарвскую городовую полицию (1837 г.) о попытке обокрасть его в дороге (ИВ. 1881. № 10. С. 446—447).

[7]В цитированном в примеч. 2 фельетоне, рецензируя переизданную А.Ф. Смирдиным «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, Булгарин писал, что «каждый русский должен усердно благодарить Бога за то, что он родился по восшествии на Всероссийский престол благодетельного рода Романовых!», так как они способствовали просвещению и европеизации России.

[8]На копии этого письма Дубельт написал: «Граф приказал успокоить Фаддея Венедиктовича и сказать, чтобы не принимал так к сердцу», а позже приписал: «Исполнено».

---

308 **[Письмо Л.В. Дубельту 4 ноября 1853]**

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

III-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии всегда было средоточием и источником правды, благородства и защиты угнетенных. Осмеливаюсь в нынешнем случае прибегнуть к Вашему Превосходительству от имени товарища моего Н.И. Греча и моего собственного, с покорнейшею просьбою представить на благоусмотрение Его Сиятельства графа Алексея Федоровича Орлова, мужа чести и правды, рыцаря без страха и упрека, выговор, полученный нами от заступающего министра просвещения[1], и наше оправдание, каким образом нам в русском царстве запрещают соблюдать чистоту и правильность русского языка, исполнять закон Государя Императора и запрещают печатать программу, утвержденную в Бозе почивающим Императором Александром Благословенным и ныне благополучно царствующим Государем Императором, программу, в которой само же министерство просвещения воспретило изменять хотя бы одно слово и которая печатается беспрепятственно 29 лет[2]! Покорнейше просим у Вашего Превосходительства испросить для нас высокого покровительства справедливого и праводушного графа Алексея Федоровича и, если возможно, повергнуть к стопам нашего доброго и правосудного Государя и полученный нами выговор и наше оправдание. По проискам наших против-

ников господин заступающий министра просвещения может вопреки Высочайшей воле и нашей законности всячески угнетать «Северную пчелу», истинно преданную правительству, и мы только от правосудия Монарха, покровительства Его Сиятельства графа Орлова и снисхождения Вашего Превосходительства ожидаем и надеемся получить защиту и охранение.

С высоким уважением и душевною преданностию честь имею быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
4 ноября 1853
СП[етер]бург[3]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 188.

[1]Пост министра народного просвещения занимал тогда А.С. Норов. К письму была приложена копия отношения председателя Петербургского цензурного комитета, направленного 23 октября 1853 г. (с пометой «конфиденциально») в редакцию СП (л. 189):

«Господин управляющий министерством народного просвещения, в конфиденциальном предложении от 19 сего октября за № 1979, изъясняет, что при рассмотрении последних вышедших в свет №№ «Северной пчелы» обратили на себя внимание следующие два неуместные изъяснения:

1) В № 223, на стран[ице] 890, в столбце 3-м, говоря о речи, произнесенной на торжественном акте двадцатипятилетнего юбилея Главного педагогического института, 30-го сентября настоящего года, экстраординарным профессором педагогии Вышнеградским, фельетонист делает в выписках следующее примечание: «Замечательно, что в этой речи употреблены все нововводимые в русский язык слова и обороты: *научный, повторения* (уроков), *имеют место* (стр. 10), и проч. Наряду с такими нововведениями встречаются вышедшие из употребления *сии, оные* и подобные им слова».

2) В № же 225, на стр. 900, в столбце 1-м, в объявлении о подписке на «Северную пчелу» 1854 года, редакция изъясняется об издаваемой ею газете так: «"Северная пчела" останется по-прежнему хранительницею и блюстительницею русского языка, драгоценнейшего народного достояния, и выражением благородной русской народности. Издатели ее всегда почитали и будут почитать это священною своею обязанностию».

Находя означенную выноску содержащею в себе мелочное и неприличное порицание речи, которая имеет непосредственное соотношение с распоряжениями высшего учебного заведения, слова же, помещенные в объявлении, преисполненными пустого самохвальства и заключающими в себе притязание присвоить газете такое право касательно соблюдения чистоты русского языка, каковое может принадлежать только Академии и Второму оной Отделению, г. управляющий министерством народного просвещения просит меня сделать, между прочим, надлежащее внушение редакции «Северной пчелы» за столь неуместные выражения.

Сообщая об этом редакции «Северной пчелы», я покорнейше прошу быть впредь разборчивее в выражениях об изъясненных и подобных предметах.

Председатель М. Мусин-Пушкин».

[2]К письму была приложена также копия письма Греча и Булгарина А.С. Норову (л. 190—191):

«Милостивый государь
Абрам Сергеевич!

Господин попечитель С. Петербургского учебного округа сообщил нам замечания Вашего Превосходительства относительно статьи, напечатанной в № 223

издаваемой нами газеты «Северная пчела», и объявления о продолжении ее издания, помещенного в № 225. Принимая с должным уважением всякое замечание высшего начальства, и особенно дорожа мнением Вашего Превосходительства, осмеливаемся представить следующие, в сих двух случаях, с нашей стороны оправдания.

Замечание сотрудника нашего касательно вышедших из употребления слов, встречающихся в речи профессора Вышнеградского, сделано было без всякого дурного умысла и допущено нами к напечатанию на основании Высочайше утвержденного Устава о Цензуре (Свод законов изд. 1842 г., том 14, часть IV, стр. 72), где, в статье 12-й, изображено: «Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и искусствам, как-то о вновь выходящих книгах (*не исключая из того и издаваемых от казенных мест сочинений и статей, когда оные собственно касаются наук, словесности и художеств*), о представлениях на публичных театрах и о других зрелищах, о новых общественных зданиях, об улучшениях по части народного просвещения, земледелия, фабрик и т.п. дозволяются цензурою, если только сии суждения не противны общим ее правилам». Из сего явствует, что мы, при помещении замечания на слог профессора, придерживались в точности смысла закона и Высочайшей воли. Если же существуют по сему предмету какие-либо другие Высочайшие повеления, то оные нам не известны, ибо не были ни обнародованы, ни сообщены нам по начальству. Всепокорнейше просим Ваше Превосходительство о разрешении нашего сомнения по сему предмету, чтоб мы могли впредь действовать, не навлекая на себя начальственного неудовольствия.

Относительно объявления о продолжении «Северной пчелы», сказано в сообщенном нам г. попечителем предписании: «Находя слова, помещенные в объявлении преисполненными пустого самохвальства и заключающими в себе притязание присвоить себе такое право касательно соблюдения чистоты русского языка, каковое может принадлежать только Академии и Второму оной отделению — предписывается сделать, между прочим, надлежащее внушение редакции «Северной пчелы» за столь неуместные выражения».

На сие замечание приемлем смелость представить следующее.

Слова «Северной пчелы», к которым относится оное замечание, суть: «“Северная пчела” останется, по-прежнему, хранительницею и блюстительницею русского языка, драгоценнейшего народного достояния, и выражением благородной русской народности. Издатели ее всегда почитали и будут почитать это священною своею обязанностью». Под сими выражениями понимаем мы, что будем стараться о сохранении правильности языка, изящества и чистоты русского слога в нашей газете, но не имели и не имеем притязания учить кого-либо или присвоивать себе познания академиков и профессоров, а тем менее касаться прав Академии и которого-либо из ее отделений.

Присовокупляем к тому еще, что приведенные нами слова объявления печатаются в оном несколько лет сряду, и доселе не обращали на себя неудовольствия начальства. К тому же, на основании объявленной нам в 1848-м году Высочайшей воли, мы не вправе сделать в нашем объявлении ни малейшей против прежнего перемены, что в точности наблюдается как нами, так и гг. цензорами. Следственно исключение сих слов от нас не зависит, и может последовать только по смыслу упомянутого сообщенного нам Высочайшего повеления.

Издавая «Северную пчелу» в течение почти тридцати лет, мы в продолжение всего этого времени старались исполнять предписания и требования начальства во всей строгости, без малейшего противоречия. Станем ли, в преклонных летах, изменять правилам, которыми руководствовались и в годы пылкой юности? Смеем удостоверить Ваше Превосходительство, что вы всегда будете находить в нас самых добросовестных и строгих исполнителей всего того, что предписано законами и священною Высочайшею волею, и что мы никогда не дозволяли и не дозволим себе неуважения к справедливым предписаниям начальства.

Имеем честь пребыть с глубоким высокопочитанием и совершенною преданностью

Вашего Превосходительства
всепокорнейшими слугами
Н.Греч
Фаддей Булгарин
ноября 1853».

[3]На копии письма (л. 186) Дубельт написал карандашом: «Гр[аф] приказал словесно переговорить с г. Норовым», а позднее приписал: «Но Греч просил меня не трогать этого дела. Так и оставить».

---

309 **[Письмо Л.В. Дубельту 2 декабря 1853]**

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Его Сиятельство граф Алексей Федорович был всегда милостив к Николаю Ивановичу Гречу и снисходителен ко мне, а от Вашего Превосходительства мы только и видели одно добро. Прибегаем оба теперь к Вашему Превосходительству с покорнейшею нашею просьбою о представлении Его Сиятельству нашего положения, и *умоляем его о защите нас, беззащитных*! Справедливый и беспристрастный граф Алексей Федорович, истинный русский вельможа и русский патриот, не отвергнет просьбы двух старых литераторов, из которых один трудится 41 год, а другой 33 года на поприще отечественной литературы, имея всегда главною целью славу России и пользы правительства.

Вот в чем дело!

В войну с Турциею 1828 и 1829 годов и при усмирении польских мятежников в «Северную пчелу» всегда сообщались реляции о военных действиях в один день с «Русским инвалидом». Потом Высочайше повелено было всем другим газетам, а в том числе и «Северной пчеле», только *перепечатывать* военные известия из «Инвалида». Так мы и делаем, *указывая всегда на источник,* из которого почерпаем. Теперь полковник Генерального штаба Лебедев, помощник редактора «Русского инвалида», для которого я жертвовал драгоценным временем и малыми моими способностями, чтобы представить в стройном и систематическом виде публичные его рассказы о военной администрации[1], и который рассыпался передо мною в благодарности, полковник Лебедев употребляет все возможные меры, чтоб запретить «Северной пчеле» *перепечатывание* военных реляций, думая этим средством увеличить число подписчиков на «Инвалид». Мера ничтожная и мелочная. Кроме Европы, «Северную пчелу» выписывают чрез Триест в Египет, в Индию и в Америку, и наше великодушное правительство не пожертвует своею славою и известностью о подвигах своих войск для доставления «Инвалиду» нескольких сот рублей, потому что эту газету все-таки не станут выписывать в чужие края. Но полковник Лебедев может представить военному министру[2] в другом виде, а военный министр может в докладе своем представить какой-нибудь благовидный предлог, и потому мы просим у Вашего Превосходительства ходатайства у Его Сиятельства графа Алексея Федоровича, чтоб он оградил нас от этой напасти! Одно слово графа Алексея Федоровича к военному министру уничтожит все интриги полковника Лебедева. Спасите и помогите!

С глубоким уважением и беспредельною преданностью и благодарностью, честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[3]
2 декабря 1853
СП[етер]бург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 192.

[1]См.: Беседы полковника генерального штаба Петра Семеновича Лебедева о военной администрации <...> переданные в сокращении Фаддеем Булгариным. СПб., 1853 (ранее печатались в СП: 1853. № 17—103, с перерывами).

[2]Этот пост занимал тогда В.А. Долгоруков.

[3]В архивном деле хранится также письмо Греча Дубельту по тому же вопросу (л. 196—197):

«Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Не имев возможности сегодня поутру видеть Ваше Превосходительство, решаюсь обеспокоить вас сим письмом, в ожидании случая изложить вам изустно предмет моей просьбы, о чем уже писал вам и товарищ мой, Ф.В. Булгарин.

Мы узнали от достоверных лиц, что один из редакторов «Русского инвалида», полковник Лебедев, хлопочет в военном министерстве о воспрещении нам перепечатывать в «Северной пчеле» и в особых к ней прибавлениях известия о нынешних военных действиях.

Приемлем смелость изложить пред Вашим Превосходительством, для доклада Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу, и права наши на помещение сих известий, и крайний вред, который понесло бы нам подобное запрещение.

Печатание отдельных статей из журналов, с указанием источников, дозволено Высочайше утвержденным Уставом о цензуре, помещенным в IV томе Свода Законов. Мы пользуемся сим правом двадцать девять лет, а если прибавить к «Северной пчеле» и «Сын Отечества», из которого она образовалась, сорок второй год, и правительство никогда тому не препятствовало; напротив, сколько мы могли заметить, с одобрением и удовольствием видело распространение известий, приятных ему, полезных в видах государственных и распространявших в публике понятия и сведения истинные и достославные для России. В прежние времена (т.е. 1828 и 1829 годах) мы получали сведения сии от высшего правительства в рукописи, в одно время с «Русским инвалидом». В последствии времени было принято правилом помещать оные первоначально в «Русском инвалиде», а нам дозволено перепечатывать оные с указанием источника.

Этого-то права, дарованного нам волею высшего правительства и утвержденного долголетним примером, домогаются теперь лишить нас. Перепечатывая статьи из «Русского инвалида», с показанием источника, мы не только не вредим ему, а напротив приносим пользу, указывая нашим читателям, где они могут находить сии статьи ранее, нежели в «Северной пчеле». В нынешнее время все внимание отечественной публики обращено исключительно на современные происшествия и на славные подвиги наших воинов и моряков; прочих статей никто не читает и читать не хочет. Запрещение заимствовать подобные статьи из «Русского инвалида» и печатать их в «Северной пчеле» и в прибавлениях к ней убьет «Северную пчелу», лишив ее важнейшего интереса, тем более, что это запрещение постигнет ее одну, ибо газеты, издаваемые казенными местами («С.-Петербургские ведомости», русские и немецкие, «Полицейская газета» и «Journal de St. Pétersbourg») этому запрещению не подвергнутся.

Это было бы жесточайшим для нас наказанием. И чем мы его заслужили? В продолжение двадцати девяти лет «Северная пчела» была вестницею русской славы, вернейшею исполнительницею Высочайшей воли, распространяла понятия здравые, благонамеренные, карала и преследовала пороки, злые замыслы врагов России, пагубные лжеучения и лжеумствования, чем возбудила на себя злобу и гонение демократических газет Западной Европы. Во всех важнейших случаях, славных и горестных, «Северная пчела» выражала чувства России, верноподданнические, благочестивые и утешительные. Ни в одной газете, скажем смело, не умели написать тех статей, которые доставили «Северной пчеле» и милость Государя и уважение всей России. Статьи эти перепечатывались всеми нашими официальными изданиями.

Прося об отклонении от нас сего удара, мы просим не за себя одних, а за всех читателей «Северной пчелы», распространенных по всей России. Польза правительства требует скорого и сколь можно повсеместного распространения благих и полезных сведений, для укрепления уз, связующих всех верноподданных общею любовию к Священному Престолу Царскому.

Чего мы просим? Не милостей, а оставления дела в прежнем виде, обеспечения нас в том, что в течение многих лет даровало нам великодушное правительство, сохранения за нами права, с утратою которого мы лишимся и единственного достояния своего и возможности служить возлюбленному Государю всеми силами души нашей.

Благоволите, Ваше Превосходительство, представить сию всепокорнейшую просьбу нашу на благоизволение Его Сиятельства графа Алексея Федоровича, для отвращения угрожающего нам бедствия: мы не имеем, кроме его, представителей у Высочайшего Престола. Да испросит он, по благоусмотрению своему, милостивое слово Государя Императора, вернейшим и усерднейшим Его подданным, и дарует им средства и впредь служить Его Императорскому Величеству всем сердцем, всем помышлением своим.

Имею честь пребыть с истинным высокопочитанием и совершеннейшею преданностью Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга Николай Греч. 2 декабря 1852».

К этому письму Греч присовокупил следующую записку (л. 195):

«Благодетель наш, Леонтий Васильевич!

К официальному письму позвольте прибавить сердечные строки.

Не оставьте нас, не дайте нам сгинуть и погибнуть.

Нельзя ли предупредить военного министра? А то он подаст докладную записку и зарежет нас: тогда будет поздно.

На графа Алексея Федоровича и на вас вся наша надежда.

Ваш всепокорный слуга и [нрзб.] Н. Греч. Среда. 2 дек[абря] 1853».

Там же хранится проект письма А.Ф. Орлова А.В. Долгорукому (л. 198), на котором Орлов пометил: «Прежде узнать», а затем Дубельт записал следующее: «По личному моему совещанию с редактором «Инвалида» это право у них не будет отнято, а только они будут должны перепечатывать с листа, который к ним будет доставляем из редакции. Об этом я объявил гг. Гречу и Булгарину. 5 дек[абря] 1853».

---

310 [Письмо Л.В. Дубельту 17 сентября 1854]

Добрейший мой отец-командир, единственный мой защитник и покровитель, благороднейший Леонтий Васильевич!

Я не благодарил Ваше Превосходительство за дозволение почтенной старухе генеральше Неселовской выехать умирать за границу, потому именно, что для изъявления благодарности графу Алексею Федоровичу и Вам

у меня много чувств в душе — но нет слов! Язык человеческий беден для выражения истинных чувств души. Когда в городе распространился слух, будто за похищение какой-то бумаги из Вашей канцелярии Вы должны подвергнуться ответственности[1], я Вам письменно предложил *себя* и *все мое состояние.* Это была не вспышка чувства, но *обдуманный поступок,* — и я, не содрогаясь, отдам жизнь мою и имение Вам, моему искреннему покровителю! Если я лгу, *«да прильпе язык к гортани моей»*[2].

А графу Алексею Федоровичу чем я могу воздать за его доброе ко мне расположение? Решительно *ничем*! Он стоит так высоко, что я едва вижу маковку его головы. Однако ж я дарю ему Калифорнию и Австралию и больше, еще Бразилию, с ее алмазами! Все это открыл я *в сердце его единственного сына,* раненного на штурме Силистрии[3]! Когда сын его проезжал с матерью своей[4] в Париж, чрез Лифляндию, на станции *Неналь*, третьей от Дерпта, прислуживала им русская женщина, занимающаяся хозяйством на станции. Молодой граф так был доволен прислугою и усердием хозяйки, что обещал ей *привесть подарок из Парижа.* Когда молодой граф возвращался с матерью из Парижа и прибыл снова на станцию *Неналь*, он, увидев старуху, русскую бабу, сказал: «Я не забыл тебя, матушка!», пошел к карете, вынес оттуда прекрасный французский платок и отдал хозяйке, а при отъезде одарил еще деньгами. Это черта — умилительная! Жена моя, услышав об этом — залилась слезами! Как? В Париже не забыть русской услужливой старухи *и своего обещания*? Да это выше всех алмазных и золотых руд! В душе молодого графа *господствует деликатность*, и за этот поступок мы все в семье моей плакали, когда узнали, что молодой граф тяжело ранен. Храбрый, благородный и *деликатный* сын! Я сам отец четырех сыновей[5] и могу судить и постигать, какая радость для отца иметь такого сына, какого имеет граф Алексей Федорович! Мой старый совоспитанник и товарищ, генерал-адъютант Граббе, не может хладнокровно говорить об уме и чувствах молодого графа, зная его совершенно[6]!

Старуха на станции *Неналь* сама мне рассказывала поступок молодого графа, показывала платок и горько плакала, узнав о ране графа!

Деликатность души — присутствие в ней живого Бога!

Вы уже знаете, добрый мой отец-командир, что здесь нечаянно и скоропостижно умер куратор или попечитель Дерптского учебного округа генерал Крафстрем[7]. У нас вообще весьма мало обращают внимания на министерство просвещения, почитая его сборищем *учителей и школьников.* Но ведь от этих учителей и школьников зависит судьба *будущего поколения,* слуг Государя и сынов Отечества! Кто предан Государю и русскому Отечеству, как граф Алексей Федорович, тот должен обратить внимание на нынешнее состояние Дерптского университета, т.е. трех Остзейских губерний, для которых Дерпт составляет *все*, потому что воспитывает детей. До попечительства Крафстрема Дерптский университет был *разбойничье гнездо.* Город трепетал от расположения студентов, и Языков (поэт) писал между прочим:

А теперь, о срам, о стыд!
Стыд студентов вечен, вечен!
Ректор два года не бит,
Полицмейстер — год не сечен![8]

Все это производилось на моих глазах, до попечительства Крафстрема. Он исполнил то, что Государь поручил ему: завел порядок и су-

бординацию. Иностранцы-профессоры выбирались товарищами и родственниками, были (с весьма редкими исключениями) и суть ныне дрянь дрянью, неизвестные в ученом мире и известные между немецкими буйными буршами. Здешние студенты большею частью дети остзейских купцов, бюргеров и ремесленников, которые поступают в университет из гимназий и не получают дома никакого воспитания нравственного. Дворян — едва десятая часть, и из них многие хоронят свою нравственность от дурных примеров и товарищества. Пьянство, драки и грубость почитались добродетелями дерптских студентов, которые расхаживали по городу оборванные, с бутылками на каждой пуговице и били стекла у профессоров, если они осмеливались заметить что-либо студенту[9]. Некоторые студенты, которых имена здесь известны, как, например, Христиани[10], был двадцать лет студентом и жил вне Дерпта, а считался студентом только для того, чтоб не платить поголовной мещанской подати. Таких студентов было более полутораста в Дерпте! Профессоры редко читали лекции. Например, профессор Мойер читал только два раза в году, при открытии каждого полугодия, а многие посылали на лекции свои *тетради* (compendium), как, например, Рейц и другие. Безначалие было в полном своем разгаре в Дерптском университете, и студенты по произволу обижали и держали в страхе жителей и приезжих. Все это я видел собственными глазами! Крафстрем в 18 лет *уничтожил все это,* и в его время профессоры были покорные слуги, а студенты — шелковые. Если случались вспышки старины, то очень редко и тотчас были уничтожены. Если Государь поручит избрание дерптского попечителя министру Норову (от чего Боже нас сохрани!), на котором ездит верхом начальник Педагогического института Давыдов — то выйдет беда бедущая! Уж начали крысы, по смерти кота, бегать по столу! Попечителем в Дерпте должен быть военный человек, строгий и деятельный. Ученого здесь вовсе не нужно, и Крафстрем был не ученый[11], но имел бездну здравого рассудка и *давал русское направление наукам,* исключая все иноземные бредни и мечтания. Здесь назначают или генерала Медема, глухого, или генерала Розена, бывшего слабого начальника Артиллерийской школы! Сохрани Бог! Честные, но *слабые* люди, а здесь нужен сильный духом русский человек или преданный душою России, чтоб отвратить всякое вредное влияние Германии! Государь не ошибся в выборе Крафстрема, и теперь не ошибется, если Сам выберет — без совета министра Норова, а по совету графа Алексея Федоровича. Тут нужна не ученость, а дисциплина[12]!

Извините за длинное письмо, дай Бог, чтоб Вы прочитали его. Писал к Вам откровенно, излил все, что было на душе, что я полагаю полезным для Государя и Отечества. Совесть моя спокойна!

С истинным высокопочитанием, беспредельною преданностью и вечною благодарностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.
Мыза Карлово
возле Дерпта
17 сентября 1854

NB. Вчера был я в обществе дворян. Сильно горевали о новой мере, которую намерено принять здесь правительство, а именно о *запреще-*

нии отдавать имения в арендное содержание! Говорили много и жаловались крепко, но я молчал, как подобает заезжему человеку, хотя, признаюсь, не постигаю цели этого *запрещения*! Арендатор не может здесь прижимать мужиков, как в Западных губерниях, потому что здесь *мужики вольные*, исполняют дворовые обязанности по *писаному контракту*, а контракты составляются по количеству земли, которое берет для себя крестьянин. Принудить мужика к чему-нибудь никто здесь не может, потому что мужик, без церемонии, *не послушает*! Особенно арендатор не имеет никакой власти над мужиками. Здесь и навоз возят на поле *на вес*, и *на вес же* свозят хлеб с поля и сено с лугов и перевозят всякие тяжести. Все это обозначено в *печатном Вакенбухе*, подписанном Сенатом во время дарования мужикам вольности[13]. Скорее обидит мужика сам властитель земли, чем арендатор. Остзейские провинции привыкли к арендному содержанию с *незапамятных времен* и уничтожение будет *настоящий переворот в крае* и в правах жителей, по-немецки Umwälzung, по-французски une révolution! Зачем это и к чему? Не понимаю! Это то же, что предпринятое министром Перовским и генерал-губернатором Головиным обращение лютеран в православие[14]! Каким образом здешний помещик может теперь служить Государю, в отдалении от своей вотчины? Где взять *честных* управителей? Кто поручится, что он пришлет *верно* доход? Путь к вечным процессам! Я это испытал в моем литовском родовом имении: *шесть лет* не получал ни гроша — и наконец должен был продать имение. Остзейские губернии преданы Государю и России, что доказали и в 1812 году, и теперь. Зачем трогать и ниспровергать *старинное и полезное для края и для всех*! Этого я не понимаю и предоставляю решение вопроса тем, которые выдумали *уничтожение аренд* в здешнем крае, pour leurs menus plaisirs![15]

Извините, что дурно пишу; лучше не умею: *стар есмь!*

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 206—207. Опубликовано нами: СТЧ. С. 277—279.

[1]В январе 1849 г. из архива III отделения пропало 18 «всеподданнейших» докладов А.Ф. Орлова с резолюциями императора. Вырезанные резолюции по городской почте были отправлены Николаю с анонимным пояснением, что они посылаются «как доказательство, что в III-м отделении за деньги можно получить все, не исключая и царской подписи» (*Дубельт Е.И.* Л.В. Дубельт//РС. 1888. № 11. С. 494). Специальная комиссия установила, что это сделал А.М. Петров, бывший студент университета в Киеве, за донос на Кирилло-Мефодиевское общество принятый в 1847 г. на службу в III отделение. Поступок этот Петров совершил из мести начальству III отделения за плохое, с его точки зрения, отношение к себе. Петрова более года продержали в крепости, а потом отправили в ссылку. По просьбе Дубельта в канцелярии III отделения была проведена ревизия, которая не обнаружила никаких упущений, и Дубельт в итоге получил награду. См. дело III отделения «Об 18 всеподданнейших докладах, похищенных из 3-го отделения» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1849. Ед. хр. 31), а также: *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 33; *Эйдельман Н.Я.* После 14 декабря//Пути в незнаемое. М., 1987. С. 713—715. Версию самого Петрова см.: *Петров А.М.* Из далекого прошлого//Звенья. Вып. 5. М., 1935. С. 326—337.

[2]Пс 136. 6.

[3]Речь идет о Н.А. Орлове, который 17 мая 1854 г. при осаде Силистрии получил девять тяжелых ран и лишился глаза.

[4]Имеется в виду О.А. Орлова.

[5]Булгарин дал сыновьям имена польских королей. Болеслав (1832 г. рождения) служил с 1855 г. в III отделении, Владислав (1834 г. рождения) — в канцелярии военного министерства, Мечислав (1836 г. рождения) — в армии; служил ли где-нибудь Святослав (1840 г. рождения) — нам неизвестно.

[6]П.Х. Граббе 18 декабря 1847 г. записал в свой дневник о Н.А. Орлове следующее: «С удовольствием принимаю всегда этого молодого человека, прекрасно воспитанного и с умением делающего вопросы в разных предметах, в особенности до военных событий касающихся. Он заслужит успехов на поприще, им избранном <...>» (*Граббе П.Х.* Записная книжка. М., 1888. С. 216).

[7]В письме Дубельту от 18 апреля 1839 г. (№ 228) Булгарин называл Е.Б. Крафстрема «старым моим приятелем». Крафстрем умер 7 сентября, т.е. за 10 дней до этого письма. Булгарин писал в СП, что «покойный Е.Б. Крафстрем, старый воин, не имел притязаний на ученость, но весьма разумно и совестно наблюдал, чтоб науки преподавались благоразумно и сообразно с потребностями России. Я еще помню, что лет за двадцать пред сим, по старинному обычаю, господа профессоры иногда читали лекции не более двух раз в полгода и что студенты жили вне Дерпта, хотя и были внесены в студенческие списки, а студенты, жившие в Дерпте, посещали лекции, когда им было угодно. Все это истребил Е.Б.Крафстрем самыми мягкими средствами, совершенно уничтожил буйство молодежи, и главное, своим поведением и усердием подавал пример и профессорам, и студентам» (СП. 1854. № 209. 18 сент.). За эти «рассуждения» Булгарин получил выговор от министра народного просвещения (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 98—1854).

[8]В опубликованных стихотворениях Языкова цитируемых Булгариным строк нет.

[9]Булгарину и самому не раз приходилось претерпевать от «вольного поведения» дерптских студентов, например, в 1832 г., когда студенты, узнав о его высказываниях за столом у К. Липгарта, пришли толпой в Карлово с вопросами: «Говорил ли он <...>, что общество студентов не что иное, как глупые мальчишки, разбойники и занимающиеся деланием фальшивых марковых денег? Ежели дерзнул произнести сие, то они пришли требовать сатисфакции и в случае неудовлетворения намерены взять его силою» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82). Булгарин вынужден был оправдываться перед ними. О его столкновениях со студентами см. также: РС. 1885. № 2. С. 302; 1890. № 2. С. 359; *Пирогов Н.И.* Сочинения. Т. 2. Киев, 1910. С. 435—436; *Арнольд Ю.* Воспоминания. Вып. 1. М., 1892. С. 151—153.

[10]В эти годы в Дерптском университете был только один студент с такой фамилией — Вильгельм Христиани, в 1850—1854 гг. учившийся на теологическом факультете и закончивший его со степенью действительного студента.

[11]По свидетельству А.А. Чумикова, «генерал Крафстрем происходил из эстонских крестьян и, судя по множеству рассказываемых о нем смешных анекдотов, не отличался своим образованием и умом» (*Чумиков А.А.* Летопись забав и шалостей дерптских студентов. 1803—1862//РС. 1902. № 3. С. 368). Анекдоты о невежестве Крафстрема см.: *Головин И.Г.* Император Николай I <...>//РС. 1917. № 10—12. С. 6.

[12]После Е.Б. Крафстрема пост попечителя Дерптского учебного округа занял Егор Федорович фон Брадке (1796—1862). На копии булгаринского письма (л. 208—213) Дубельт написал: «Уже назначен г[енерал]-л[ейтенант] Братке».

[13]По объяснениям самого Булгарина, «в Лифляндии все имения, казенные и частные, обмежеваны, и каждое имение имеет свои *грунтовые книги* (Wackenbucher) на немецком и эстонском или латышском языке, за подписью членов Комиссии, бывшей при Правительствующем Сенате, для точного распределения повинностей вольных хлебопашцев, по качеству и количеству земли, находящейся в их владении» (СП. 1846. № 248).

[14]См. примеч. 4 к письму № 267.

[15]для собственного удовольствия (*фр.*).

311 [Письмо Л.В. Дубельту 7 января 1855]

Отец и командир, благодетель моего семейства
Леонтий Васильевич

Дети мои вышли кандидатами (т.е. 10-го класса) из университета, а кандидаты имеют право на поступление в министерство иностранных дел и в военное, и многие из них приняты уже во II отделение Собственной Его Величества канцелярии и даже прикомандированы во все министерства.

С истинным и высоким уважением, душевною преданностью и благодарностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
всепокорным слугою
Ф. Булгарин[1]
7 января 1855
СПб

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1854. Ед. хр. 567. Л. 2.

В 1854 г. сыновья Булгарина Болеслав и Владислав окончили Петербургский университет, и он стал пристраивать их на службу. В том же архивном деле сохранилась следующая записка: «Граф Орлов приказал старшего сына г. Булгарина определить в 3 отделение собственной Е.И.В. канцелярии. Дубельт. 27 ноября 1854» (л. 1). По-видимому, возникли какие-то затруднения и Дубельт запросил у Булгарина дополнительную информацию, а тот написал в ответ публикуемое письмо. Характер затруднений поясняет, возможно, сохранившаяся в деле справка о том, что по закону выпускники высших учебных заведений не могут быть сразу приняты на службу в департаменты и канцелярии министров, а должны прослужить не менее трех лет в губернии. Но по ходатайствам министерства просвещения ряд лиц получили разрешение сразу поступить на службу в центральных учреждениях (л. 3).

[1]В результате Болеслав Булгарин с 21 марта был прикомандирован к III отделению, а с июня 1855 г. зачислен младшим чиновником сверх штата (с жалованьем 730 рублей серебром, таким же, как у штатных чиновников такого ранга). Позднее инспекторский департамент запросил, получил ли Болеслав разрешение сразу поступить сюда на службу. III отделение ответило, что было высочайшее соизволение, по которому А.Ф. Орлову было разрешено принимать на службу по его выбору, в том числе и выпускников университета. Б. Булгарин служил в III отделении до 1863 г., когда уволился (в чине коллежского асессора), чтобы управлять доставшимися ему от отца имениями Карлово и Саракус.

---

312 [Письмо Л.В. Дубельту 9 февраля 1855]

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

С.-Петербургский мещанин Яков Панфилов, сын Серяков, известный *природный гений-самоучка*[1], принес мне на показ медалион, с изображением профиля Государя Императора. По моему мнению это *совершенство*, chef-d'œuvre[2] в своем роде, и хотя я имел сильное желание купить это несравненное произведение, но это желание подчинилось другому чувствованию. Наш Царь теперь удостоверился, как русский Его народ предан Ему

и готов на все, что Он прикажет — думаю и полагаю, что Ему приятно будет взглянуть на Свое изображение, сработанное наизусть, *простым русским человеком*! Лучшего я ничего не видал и о лучшем не имею понятия. Это самое засвидетельствовал и профессор скульптуры барон Клот фон Юргенсбург! Если граф Алексей Федорович Орлов почтет ненужным представить этот труд Серякова Его Императорскому Величеству — для меня все равно, я утешился тем, что исполнил долг верноподданного, полагая моею обязанностию доставить Императору наслаждение представлением труда простого человека из числа Его детей, верноподданных!

С высоким уважением и беспредельною преданностью, честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин[3]
9 февраля [1855 г.]
С.П[етер]бург

Письмо печатается по тексту, написанному писарским почерком (подписано Булгариным собственноручно): ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1855. Ед. хр. 55. Л. 1—2.

[1]Булгарин познакомился с ним в 1842 г. и в своем фельетоне «Журнальная всякая всячина» (СП. 1842. № 58. 14 марта) поместил его биографию и призывал покупать его продукцию.

[2]шедевр (*фр.*).

[3]Дубельт сделал несколько карандашных записей на письме: «Граф взял, чтоб представить Государю Императору», «Призвать Серякова», «Он просит 50 р[ублей] с[ереб-ром]». Орлов пометил: «Дать». Дубельт вписал еще: «Нужно сообщить Ф.В. Булгарину».

---

313 **[Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 17 февраля 1855]**

Милостивый государь
Фаддей Венедиктович!

Вследствие письма Вашего от 9 февраля долгом поставляю уведомить, что граф Алексей Федорович имел счастие представить Государю Императору доставленный при письме этом медальон работы мещанина Серякова и приказал выдать сему последнему 50 р. сер[ебром] согласно с собственным его, Серякова, назначением.

Примите, милостивый государь, уверения в истинном моем почтении и преданности.

17 февраля 1855. Л. Дубельт

Письмо печатается по отпуску: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1855. Ед. хр. 55. Л. 3.

---

314 **[Письмо Л.В. Дубельту 16 августа 1855]**

Милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Со времени вступления на престол в Бозе почивающего Государя Императора Николая Павловича, в горестное для России возмущение в

1825 году, в Турецкую и Персидскую войну в 1828 и 1829 году, во время Польского мятежа в 1831 г., в войну противу венгерских мятежников в 1849 году и, наконец, в продолжение нынешней войны[1], «Северная пчела» была всегда средоточием и опорою общественного мнения и не раз заслужила лестное внимание Государя Императора. Известно, что на общее мнение преимущественно действуют частные издания, а не газеты *официальные*. Это признано всеми правительствами в Европе. В Бозе почивающему мудрому Государю Императору Николаю Павловичу благоугодно было отдать «Северную пчелу» в непосредственное ведение графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, который и объявил об этом Н.И. Гречу и мне, издателям «Северной пчелы», и, вследствие этого, все статьи, имевшие какой-нибудь политической и правительственный интерес, представляемы были в III отделение Собственной Его Величества канцелярии и некоторые из них возвращены мне Вашим Превосходительством, с решением покойного Государя Императора, для напечатания в «Северной пчеле». III-е отделение Собственной Его Величества канцелярии всегда оказывало «Северной пчеле» покровительство и защиту.

Когда в начале нынешней войны помощник издателя газеты «Русский инвалид» старался у господина военного министра, чтоб «Северной пчеле» запрещено было печатать *все, касающееся до войны*, издатели «Северной пчелы» прибегнули к высокому покровительству Его Сиятельства графа Алексея Федоровича Орлова. Его Сиятельство призвал к себе помощника редактора «Русского инвалида» полковника Лебедева и благосклонным своим вмешательством прекратил все интриги противу «Северной пчелы», всегда верной порядку и видам правительства. Но после горестной кончины в Бозе почившего Государя Императора начались снова происки противу «Северной пчелы», и ныне, по воле господина военного министра[2], запрещено печатать в «Северной пчеле» *все, касающееся до нынешней войны*, прежде «Русского инвалида». Газета «Русский инвалид» не вспомнила, что не *монополией*, но совестным исполнением своего дела приобретают читателей! Его Сиятельство граф Алексей Федорович, по милости своей, благоволил дать мне знать, чтоб я обо всем, что должно быть ему известно, относился к Вашему Превосходительству, а потому в нынешних, весьма стеснительных для «Северной пчелы» обстоятельствах, осмеливаюсь прибегнуть к Вам, от имени товарища моего Н.И. Греча, который еще в 1812 году действовал на журнальном поприще, и от меня, тридцатилетнего его товарища, и всепокорнейше просить о докладе Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу, нашему доброму и благородному защитнику и покровителю, нашего дела и при сем прошу также Ваше Превосходительство прочесть копию прилагаемой записки, поданной нашим умным и добросовестным сотрудником Павлом Степановичем Усовым[3], и надеюсь, что по известной Вашей доброте и справедливости, Вы не откажете мне в моей просьбе. Только от Его Сиятельства и жду справедливости и защиты!

С высоким уважением и беспредельною преданностию и благодарностию, честь имею быть

Вашего Превосходительства,
милостивого государя,
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.
Мыза Карлово,
возле Дерпта.
16 августа 1855 года[4]

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 228. Опубликовано нами: СТЧ. С. 281—282.

[1]То есть Крымской.

[2]Эту должность занимал В.А. Долгоруков.

[3]В деле сохранилась копия прошения секретаря редакции СП П.С. Усова председателю петербургского цензурного комитета М.Н. Мусину-Пушкину (л. 229—232). Усов заручился поддержкой входившего тогда в силу Я.И. Ростовцева и с его помощью добился отмены стеснительного запрета (см.: *Усов*. С. 320—321).

[4]По поводу этого письма в III отделении была подготовлена следующая докладная записка (хранится в том же архивном деле, что и булгаринское письмо, л. 235—236):

«*Справка*

Булгарин и прежде, в разные годы, писал, что «Северная пчела», по Высочайшему повелению, была отдана в непосредственное ведение генерал-адъютанта графа Бенкендорфа.

Поэтому несколько раз были делаемы самые подробные справки в 3-м отделении, пересмотрены дела о Булгарине, Грече, «Северной пчеле» и все другие, в которых могло бы находиться упомянутое повеление.

Оказалось, что все отношения покойного графа Александра Христофоровича к «Северной пчеле» состояли только в том, что в 1830 г. он передавал в эту газету, для напечатания, некоторые статьи политического и нравственного содержания и сообщал бывшему тогда министру просвещения, князю Ливену, чтобы статьи эти были пропущены цензурою беспрекословно.

В 1830 г. (от 10-го июня № 3045) граф Бенкендорф писал Булгарину: «Как все политические статьи, помещаемые в «Северной пчеле», почитаются публикою исходящими от правительства, то некоторая осторожность в этом отношении не может быть признана неуместною со стороны издателя».

Впоследствии, и то весьма редко, по просьбам самих издателей «Северной пчелы» о напечатании каких-либо статей 3-м отделением было ответствуемо, что оные могут быть напечатаны или что со стороны 3-го отделения нет препятствия.

Из дел видно также, что граф Александр Христофорович несколько раз ходатайствовал о пожаловании Высочайших наград Булгарину за его литературные труды, сносился с министрами по разным делам его и везде выражал принимаемое им участие в этом писателе. Были также случаи, что Булгарина, равно как и других журналистов, приглашали в 3-е отделение и делали ему выговоры за помещение в «Северной пчеле» неуместных статей.

Вот все отношения 3-го отделения к Булгарину.

Но о том, дабы «Северная пчела», по Высочайшему повелению, была отдана в непосредственное ведение графа Бенкендорфа, во всех делах 3-го отделения не оказывается никакого письменного свидетельства. Даже нет никаких упоминаний о том, чтобы подобное повеление последовало словесно и было графом Александром Христофоровичем словесно же объявлено Булгарину.

29 августа 1855 года».

Тем не менее на копии письма Булгарина (л. 233—234) Дубельт написал «Переговорить», а затем: «Просил А.С. Норова 10 сент[ября]».

---

315 [Письмо Л.В. Дубельту 21 апреля 1856]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вашему Превосходительству известна дружеская связь, соединявшая меня с покойным Леонардом Викентьевичем Ордынским, который служил прежде секретарем при шефе жандармов графе Бенкендорфе, а по-

том во II отделении Собственной Его Величества канцелярии. Семейства и родни покойного Леонарда я вовсе не знал, кроме одного его брата, который и ныне находится в Петербурге. Другие два брата Леонарда Ордынского, мне вовсе незнакомые, участвовали в смятениях, обуревавших несчастную Польшу. По вероятии, из напечатанной мною краткой биографии покойного Леонарда Ордынского[1] они известились о дружбе моей с покойным, и вот вчерашнего числа, 20 апреля, я получил письмо от брата покойного, пребывающего уже 17 лет во Франции, в городе Бордо, с просьбою доставить ему комиссии по части винной торговли. Не желая иметь никаких сообщений с выходцами из России, я, по долгу верноподданного, представляю полученное мною письмо на благоусмотрение Вашего Превосходительства[2].

С высоким уважением и беспредельною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин
21 апреля 1856
СП[етер]бург

Письмо печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1853. Ед. хр. 2. Ч. 10. Л. 10.

[1]Булгарин имеет в виду напечатанный им некролог Л.В. Ордынского (СП. 1852. № 133).

[2]В архивном деле сохранилось письмо Ф. Ордынского, с предложением стать торговым агентом русских фирм во Франции (л. 11), там же находится список членов польского демократического общества во Франции, где об Ф. Ордынском говорится следующее: «Франц Ордынский. Литовский уроженец, во время бунта 1831 года служил подпоручиком в 26-м пехотном полку, принадлежавшем к отряду мятежника Дембинского и награжден был золотым крестом. По усмирении же возмущения удалился во Францию и там в 1832 году подписал известный адрес к английскому парламенту и народу» (л. 5).

---

316 [Письмо Л.В. Дубельта Булгарину 7 июля 1856]

С.-Петербург 7 июля 1856 г. Грамматка ваша, от 3 июля[1], много меня утешила, мой добрый друг Фаддей Венедиктович. Выражение ваших добрых ко мне чувств принимаю наградою свыше за мою чистую совесть против нашей красавицы России и наших великих добрых Государей. Участь моя еще не решена, я остаюсь на прежнем месте, доколе то будет угодно Государю[2], а потом, да будет Его державная воля, которой мы всегда должны покоряться с благоговением[3]. Одно сокрушает меня, — это что мы лишились славного, добрейшего начальника графа Алексея Федоровича Орлова[4], который всегда, обращая внимание на усердие и труды своих подчиненных, поручил мне препроводить при сем 150 руб. для вашего сына. Я всегда высоко ценил вашу дружбу и могу уверить вас, что это чувство

обоюдно, — я унесу его и туда, где нет ни скорбей, ни огорчений. Усердно кланяюсь всему почтеннейшему вашему семейству. Храни вас Господь.

Дружески обнимаю вас.

Л. Дубельт.

Письмо печатается по публикации С. Шпицера: Наша старина. 1916. № 1. С. 70.

[1]Письмо это нам найти не удалось.

[2]Александру II.

[3]В августе 1856 г. Дубельт подал в отставку и получил при выходе чин генерала от кавалерии и соответствующую пенсию.

[4]В июне 1856 г. А.Ф. Орлов был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров, а главным начальником III отделения и шефом жандармов стал В.А. Долгоруков.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Социальные институты и отношения

Армия 37, 62, 70—71, 101—103, 111, 156—158, 167—168, 191, 215, 225—227, 232—234, 249, 269, 271, 276, 304, 318, 322—325, 327—337, 342, 357—361, 416—417, 421, 424—425, 455

Воспитание 25, 45—47, 51—52, 62, 73, 76, 105—111, 122, 148, 191, 199, 342, 358, 506, 547—548, 598—599

Жандармерия 16, 36, 71, 140—141, 154, 167, 169, 178, 183—184, 226, 228, 295—296, 298—299, 301—302, 352, 372, 388, 446, 448, 466, 480, 514—515, 517, 523, 536, 559, 573, 605, 607

Журналистика 24, 28, 33, 40, 46—50, 52, 53, 104, 110—111, 114, 131—134, 136—137, 151, 170, 184, 192—199, 205, 232, 245, 278, 285, 289—294, 296, 304, 352, 359, 370, 380—385, 396—398, 401—402, 427, 434—441, 450—451, 456—467, 478—479, 485, 491—505, 507, 518—554, 564—568, 571—578, 581—584, 589—592, 595—597, 604—605

История (как наука) 74, 91—92, 314—316, 348, 351—352, 381, 383, 404, 423, 438, 506, 546, 548, 567, 576

Карточная игра 136, 139, 150, 154, 160—161, 193, 212, 234, 251, 323, 362, 386, 399, 431, 437, 521, 544

Книгоиздание и книжная торговля 45—53, 74—75, 84—85, 105, 124—126, 133—134, 171, 183—184, 192, 205, 213—214, 221, 224—225, 228—230, 241—242, 244, 361, 403—404, 450—453, 462, 472—473, 475, 477, 482, 491, 498—499, 508, 511, 539—540, 545—546, 567, 570, 581—582, 586

Кружки и салоны 63, 69, 201—202, 205—206, 212, 215, 228, 230—231, 255—258, 359, 362, 378, 423, 498, 505, 546, 549, 556—557, 559—560

Литература 6—9, 13—14, 18—21, 24—28, 31—32, 35—39, 44, 47—48, 91—92, 104, 107—108, 110, 113—114, 136—137, 160—161, 167, 184, 201—202, 205—206, 210, 212, 222, 224—232, 288, 299, 314—316, 318, 328, 342, 348, 352, 380—385, 387—388, 403—404, 426, 436—442, 450—451, 469—470, 472, 478, 482, 495, 505—506, 523, 526, 528—531, 533, 542—543, 546, 552, 586

Литературная критика 160, 250—251, 313—316, 380—382, 385, 434—442, 521—527, 534—535

Музыка 18, 151, 206—207, 211, 215, 251—252, 437—438

Наука (см. также: История) 73,106, 108, 123, 188—189, 222, 506

Общественное мнение 14, 24—25, 33, 45—53, 56, 60—62, 72, 75, 88, 101—102, 104, 107, 122—124, 126, 131—134, 140, 144, 146—150, 160—163, 165—168, 178—186, 191—192, 208—209, 213, 220, 222—223, 236—238, 241—242, 285, 290—291, 294, 324—326, 330—332, 335—336, 341—343, 370, 387—388, 394, 434, 465, 483, 498, 506, 508, 517, 551—552, 570—571, 589, 604

Полиция 60, 244, 305—306, 350—352, 355, 357—360, 399, 439, 452, 475, 483, 506, 510—512, 518—521, 536, 570, 590—592

Промышленность 20,53, 68, 185, 231, 339, 420—421, 454, 466, 512, 538, 574

Секс 58, 73, 83, 130, 133, 150, 213, 229, 278, 282, 298—299, 351, 480—481, 497, 511

Судопроизводство 32, 37, 57—59, 82, 88, 90, 92—102, 107, 119—126, 123—124, 126, 128—131, 141—142, 146, 163, 165, 176, 179, 185, 207—208, 211, 235, 247—248, 261, 274, 281, 323, 379—380, 419—420, 422, 450—453, 514, 537

Театр 47—49, 52, 81—82, 91, 93, 110—111, 113—114, 133—134, 151, 245,

250, 259, 308—310, 347—348, 359, 388, 437, 469—470, 552

Торговля 20, 53, 68, 157, 165, 170—171, 174—175, 179, 185—186, 190, 318, 321, 364, 421, 454, 574

Университеты 51—52, 69, 106, 118, 120, 133, 181, 188—189, 199—200, 221, 230, 240—243, 261, 418—419, 548, 571, 598—599, 602

Финансы 63, 64, 107, 121—122, 165, 168, 279, 300, 322, 391, 421, 512—513

Флот 59, 79—80, 140, 144, 165, 168—169, 184, 186, 218, 220, 286, 304, 306, 324, 329—330, 333, 336, 342

Цензура 10, 14, 16, 20—23, 26, 30—33, 45—53, 56, 84—85, 88—91, 110—111, 120, 123—124, 131—135, 151, 156, 183—184, 193, 195, 205, 213—214, 218—219, 223, 225—227, 244, 255, 258, 281—282, 288—289, 290—292, 296, 297, 301, 312, 327, 340, 345—346, 359, 373, 375, 381, 383, 388—389, 401—402, 433—434, 436—437, 440—441, 444, 450, 453—454, 458—459, 477, 485—486, 492—493, 499, 501, 504—510, 518—519, 521—522, 528, 534—535, 537, 539, 542—548, 552—553, 564—566, 570—571, 577, 581, 584, 587—588, 591, 594

Чтение 36—37, 39, 45—47, 81, 141, 161, 193, 213, 245, 285, 303, 367, 376, 406, 434, 440, 491, 502, 540, 565, 578, 597

Национальности, сословия, профессиональные группы в Российской империи

Аристократы 20, 45—46, 61, 236, 259—261, 414, 422, 493, 563

Генералы 53, 70—71, 73, 101—104, 115, 156—158, 165, 177, 180, 210—211, 218, 280, 323, 328, 330—335, 337—338, 341, 362, 378, 396, 410—412, 424, 427, 456, 495, 545, 598, 601, 607

Дворяне 24, 33, 36—37, 46, 60—61, 72, 99, 102, 111, 144, 166—167, 177, 179—180, 183—184, 187, 190, 202, 220, 233, 252, 260—262, 266, 341, 352, 394, 411, 418—419, 421—422, 424, 449, 481, 493, 495, 506—507, 514—515, 517, 519, 543, 546, 548, 561—564, 591, 599

Духовенство 24, 33, 47, 58, 60—61, 92—93, 150, 172, 181, 187, 218—219, 222, 244, 280, 341, 369, 400, 418, 485, 489, 521, 528, 535, 539, 543—544, 550, 563

Евреи 70, 119, 145, 171—175, 179, 235, 242—244, 252, 262, 269, 275, 277, 299, 379, 412, 431, 545, 557, 560

Журналисты 74—76, 88—89, 120—121, 128, 192—199, 213—215, 313, 346—348, 375—376, 396, 430, 432, 469—470

Крестьяне 19, 47, 60—62, 99, 119, 145, 167—168, 172—174, 176, 179, 190, 202—203, 259, 269, 287—288, 305, 322, 328, 349, 394, 402, 421, 449, 473, 496, 514—517, 561—564, 569, 600—601

Купцы 24, 33, 36, 46, 61, 68, 85—86, 162, 167—168, 170—171, 175, 179, 185, 187, 192—193, 196—197, 200, 202, 209, 211, 220—222, 245, 250—251, 253, 260, 276, 279, 300—301, 332, 341, 367, 375, 389—391, 394, 427, 449, 483, 507, 512, 514, 545—546, 589, 599

Латыши 190, 513—515

Литераторы 73, 74—76, 81—82, 88—89, 110, 120—121, 124—125, 131, 133, 136—137, 143, 160—161, 184, 192—196, 202, 213—215, 224, 228, 250, 255, 270—271, 274, 282—285, 289, 302—304, 309, 346—348, 355, 375—376, 395, 406—408, 472—473, 478, 485, 505—506, 519, 546, 591

Мещане 24, 33, 46, 47, 174, 177, 222, 447, 506, 511, 557, 602

Министры 29, 31, 35, 65, 50—56, 63, 68, 76—77, 84—87, 91, 99, 102—103, 106, 118, 121, 130, 134, 148, 151, 163, 167—168, 171, 185, 192, 196, 199, 213, 217—218, 221—222, 229—230, 239, 241—242, 247, 251, 255, 265—267, 270—274, 277, 280, 287, 296—297, 299—300, 305—306, 310, 342, 345, 364—366, 376, 393,

397, 412, 418—420, 428, 434, 441, 452, 457—458, 461—462, 465—466, 472, 478, 483—486, 492, 504, 506—507, 511—513, 516, 520—524, 535, 539, 541—542, 545, 563, 573—574, 576, 582, 584, 587, 592—597, 599—601, 605

Немцы 156—157, 169, 180—181, 183—184, 187, 190, 220—221, 270, 278, 281, 289, 299—300, 313, 321, 330—332, 341, 368, 396, 446—449, 514—515, 517, 522, 542, 557, 561

Офицеры 6—8, 11—12, 14, 59, 61, 66, 73, 81, 107, 109, 132, 153, 157, 165, 167, 169, 177, 180, 188, 195, 202, 206, 215, 225—227, 232—234, 238—239, 263, 286, 304, 306, 322, 329, 331, 333—334, 336—337, 357—360, 406—407, 411, 424, 265, 511, 517, 526, 546

Поляки 43, 58—59, 69—70, 76, 82—83, 119, 128—131, 141—142, 146—150, 162, 180—181, 207, 210—212, 216—217, 232—235, 248, 252—265, 274, 279—280, 282—285, 296, 301, 311—318, 323, 333, 338—340, 348—355, 366—367, 379—380, 386—387, 397—403, 409—432, 461, 478—479, 514—515, 528—529, 537, 555—556, 562, 569—570

Помещики 37, 60—62, 82, 99, 119, 145, 172—174, 179, 190, 233, 269, 279, 282, 296, 318, 322, 328, 351, 386, 388, 402, 415, 418, 421, 427—428, 481, 483, 514—515, 543, 561, 563, 569, 600

Слуги 61, 278, 282, 495, 511, 563

Солдаты 62, 165, 167—168, 177, 191, 209, 233, 246, 260, 278, 322, 328, 330, 332, 333, 337, 411, 417, 421, 455, 514

Студенты 52, 188—189, 242, 245—246, 287, 351, 370—373, 447, 493, 498, 543, 546, 569, 598—599, 601

Ученые 47, 51—52, 72, 74, 77, 84, 136, 172—173, 181, 184, 188, 194—195, 198, 221, 230, 232, 240—241, 251, 267—270, 289, 301, 342, 355, 425, 506, 543—544, 599

Ходатаи по делам (адвокаты) 6, 130, 135, 140, 152, 163, 207, 255, 258, 379, 386, 422, 430—432

Чиновники 33, 36—37, 46, 63, 64, 82—88, 116—120, 126—127, 129—131, 133, 136, 141, 144, 146, 151—152, 154—156, 159—161, 167, 170, 174, 177—178, 185, 203, 212, 215, 220, 228, 243—244, 250—251, 259, 266, 270—275, 277, 281, 288—289, 299, 302—348, 351, 359, 364—366, 372, 379—380, 383, 386, 391—394, 405—407, 415, 424, 428—430, 439, 441, 449, 450, 479—481, 483—484, 492—493, 505—507, 511, 514, 517, 546, 563

Эстонцы 190, 372—373, 513—515, 561

Государственные учреждения, воинские части, общественные объединения

Адмиралтейств-коллегия морского министерства 89, 144, 180, 304, 333

Адмиралтейский департамент морского министерства 144

Азиатский департамент министерства иностранных дел 225—226, 278, 293, 304, 390

Академия наук 28, 123, 126, 128, 132, 134, 232, 289, 403, 457, 466, 509, 535, 573, 586—588, 593—594

Академия художеств 209—210, 377

Александровское училище (кадетский корпус) в Туле 72—73, 110

Английский клуб 117, 160—162, 251

Арзамасское общество 11, 108, 111—115

Артиллерийская школа — см.: Михайловское артиллерийское училище

Бабинская республика 136, 139

Белорусский еврейский комитет о переселении евреев из деревень в местечки 70

Белостокская гимназия 429

Библейское общество 204, 244, 395

Биржа в Петербурге 85

Буршеншафт 188—189

Варшавский лицей 355

Варшавский университет 355
Верховный уголовный суд для суждения государственных преступников 126
Виленская гимназия 109, 246
Виленская казенная палата 131, 478
Виленский главный суд 136, 235, 247, 429
Виленский университет 8, 19, 69, 135—136, 139, 240—243, 245—247, 267, 287, 308, 311—313, 316, 323, 351—352, 355, 397, 409, 420, 422, 428
Виленский учебный округ 241, 410
Военное министерство (см. также: Инженерный департамент, Провиантский департамент) 107, 128, 140, 224, 361, 454, 602
Военно-счетная экспедиция 407
Волынский главный суд 130
Временный комитет для рассмотрения проекта цензуры иностранных книг 89—91, 156, 180, 184, 205, 218—219, 223
Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии 26, 180—181, 386—387, 444, 488, 602, 606
Второй кадетский корпус 73
Генеральный штаб 67, 595
Главная квартира его императорского величества 225—226, 359
Главное казначейство 585—586
Главное правление училищ министерства народного просвещения 72, 118, 228—229, 547—548
Главное управление путей сообщения 428
Главное управление цензуры 28, 303, 444, 543
Главный педагогический институт 548, 593, 599
Главный цензурный комитет 84, 134, 151, 195—196, 213, 225—227
Главный штаб 11, 53, 66, 82, 124—125, 129, 138, 216, 278, 316, 361, 407
Горный департамент — см.: Департамент горных и соляных дел
Горный корпус 58, 73, 544
Городская дума Петербурга 591
Государственная экспедиция для ревизии счетов 406
Государственный Коммерческий банк 64, 85—87, 429
Государственный контроль 150—151, 342
Государственный совет 57, 58, 74, 100—101, 103, 129, 136, 145—146, 159—160, 162—163, 166, 169, 209, 216, 237—239, 249, 267, 281, 296, 304, 326, 329, 342, 346, 387, 408, 412, 418—420
Гусарский лейб-гвардии полк 107, 112
Департамент внешней торговли министерства финансов 239, 428
Департамент горных и соляных дел министерства финансов 63
Департамент государственных имуществ министерства финансов 209, 212
Департамент министра юстиции 89—90, 142, 154
Департамент народного просвещения министерства народного просвещения 72, 84—85, 163, 575
Дерптский университет 77, 170, 184, 188—189, 270, 369—372, 571, 578, 598—599, 601
Дерптский учебный округ 369—370, 598, 601
Дерптский цензурный комитет 84
Егерский лейб-гвардии полк 334—337
Императорская Публичная библиотека 279, 288, 297, 509
Инженерный департамент военного министерства 177
Институт восточных языков — см.: Учебное отделение восточных языков
Институт корпуса инженеров путей сообщения 69
Кабинет его императорского величества 57, 132
Казанский учебный округ 115, 488
Канцелярия статс-секретаря Царства Польского 147, 163, 165, 212, 216—217, 296, 298—299, 301
Канцелярия санкт-петербургского военного генерал-губернатора 127, 162
Капитул российских орденов 406
Киевский главный суд 142
Коллегия иностранных дел министерства иностранных дел 26, 64, 84, 195, 202, 204, 214, 232, 244, 267, 276, 293, 299, 399, 430
Комиссия для окончательной перестройки Исаакиевского собора 133, 134

Комиссия для рассмотрения и уплаты долгов бывших владельцев Шкловского имения 119

Комиссия (комитет) *для следственных изысканий соучастников злоумышленного сообщества* 11, 129—130, 132—133, 140, 166, 187, 289, 297

Комиссия погашения долгов (в министерстве финансов) 119, 428—429

Комиссия прошений 89, 100, 116, 126—127, 239, 296, 329, 342, 405—407, 420, 484, 539

Комиссия, учрежденная на время отсутствия государя императора из Петербурга (1828 г.) 295, 298

Комитет для наблюдения за цензурой (комитет 27 февраля 1848 г.) 542, 550, 553—554, 564—566, 583—584

Комитет для рассмотрения жалоб на Правительствующий Сенат 407

Комитет для снабжения учебных заведений полезными книгами 228, 342

Комитет министров 74, 100—101, 103, 117, 134, 143, 155, 176, 239, 244, 342, 397, 407—408, 438, 607

Коммерческий банк — см.: Государственный коммерческий банк

Комитет императорских театров 133

Контрольная экспедиция 228

Королевское филоматическое общество (в Царстве Польском) 354—356, 384

Кременецкий лицей 412—413

Кяхтинская таможня 428

Литовский корпус 252—253, 321, 352

Медицинский департамент министерства внутренних дел 273, 323—324, 364—366, 393

Минералогическое общество 430

Министерство внутренних дел (см. также: Медицинский департамент; Медицинский совет) 12—13, 107, 141, 207, 266, 270—274, 276—277, 294, 342, 392—393, 397, 403, 428, 480, 492, 548, 589

Министерство императорского двора 87, 441, 498, 576

Министерство иностранных дел (см. также: Азиатский департамент; Коллегия иностранных дел) 135, 153, 227, 414, 432, 441, 477, 585, 602

Министерство народного просвещения (см. также: Главное правление училищ; Департамент народного просвещения) 14, 27—30, 75, 76, 82, 105, 133, 135, 151, 163—164, 199, 206, 222—223, 237, 240, 270, 289, 301, 319, 327, 334, 342, 381, 402—403, 432, 440—441, 458, 466, 484—485, 492, 498, 508, 542—543, 545, 566, 573, 581, 584, 588, 592, 598, 602

Министерство финансов (см. также: Департамент внешней торговли; Департамент горных и соляных дел; Департамент государственных имуществ) 64—65, 85—86, 120, 127, 131, 170—171, 175, 185—186, 239, 310, 342, 386, 415, 420, 428, 430, 454, 501, 512, 521, 586

Министерство юстиции 87, 129—130, 207, 222, 237, 275, 342

Михайловское артиллерийское училище 599

Монетный двор 73

Морское министерство (см. также: Адмиралтейств-коллегия; Адмиралтейский департамент) 342, 407

Морской кадетский корпус 72, 286

Морской штаб 144, 407

Московский университет 26, 28, 120, 198, 214, 293, 466, 492, 500—501, 509

Московский университетский благородный пансион 106, 112, 127

Московский цензурный комитет 84—85, 196, 199, 444, 587

Музыкальная академия 251—252

Общество любителей музыки 251—252

Общество посещения бедных в Петербурге 546, 549

Общество филаретов 154, 242—243, 255, 274, 350—351

Павловский кадетский корпус 492, 501, 546

Патриотическое общество 146—147, 216—218, 248, 250, 345, 351

Педагогический институт — см.: Главный педагогический институт

Петропавловская крепость 147, 203, 214, 216, 367, 585

Полоцкая школа 122

Польский национальный комитет 433—434

Посольский приказ 91
Преображенский лейб-гвардии полк 81, 215—216
Провиантский департамент военного министерства 142, 209
Публичная библиотека — см.: Императорская Публичная библиотека
Радзивилловская комиссия 174, 177, 458
Рижская таможня 400
Россиенский поветовый суд 386
Российская академия 72, 267, 273, 277, 280, 498, 509
Российско-Американская торговая компания 10, 80, 85
Санкт-Петербургская палата уголовного суда 207
Санкт-Петербургский университет 118, 199—200, 229—230, 267—268, 301, 507, 510, 543—544, 549, 602
Санкт-Петербургский учебный округ 200, 331, 509—510, 531, 544, 549, 577
Санкт-Петербургский цензурный комитет 397, 510, 531, 575, 593, 605
Санкт-Петербургское губернское правление 118
Сеймовый суд 164, 216—217, 250, 265, 280, 345, 367
Семеновский лейб-гвардии полк 167, 169
Сенат 57, 58, 59, 76, 83, 84, 87, 89, 99—104, 116—117, 120, 130, 142, 146, 152, 154—156, 169, 177, 180—182, 207, 2122, 215, 221, 239, 274—277, 296, 303, 319, 323—324, 326, 364, 376, 379—380, 387—388, 397, 405, 407, 419, 430, 432, 583, 600—601
Сибирский комитет 418
Синод 31, 52, 62, 198, 513
Сиротский суд 85
Союз благоденствия 106, 112, 140, 143, 195, 394, 491
Союз спасения 108, 112
Товарищество элементарных книг 355—356
Товарищество шубравцев 8—9, 135—140, 311—312
Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии 5—40, 85, 87, 114, 138, 141, 149—150, 153, 158, 160, 164, 169, 173, 175—176, 182, 204, 213—214, 223—224, 237, 246, 253, 258, 268, 297, 301, 305, 310—311, 316—318, 327, 338, 340, 357—360, 375—376, 387, 398, 402, 426, 434—435, 440, 445, 449—451, 455, 458—459, 465, 470, 480—482, 488, 504, 505, 517, 519—520, 527, 531, 536—537, 549—551, 555, 559—560, 563, 573—575, 584, 592, 600, 602, 604—605, 607
Тугенбунд 188—189, 203
Учебное отделение восточных языков 153—154
Филареты — см.: Общество филаретов
Филоматическое общество — см.: Королевское филоматическое общество
Финляндский лейб-гвардии полк 334—335, 549
Царскосельский лицей 11, 65, 104—112, 543, 549
«Юная Ливония» 514

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абхазия 149
Австралия 598
Австрия 147—149, 181, 200—201, 252—254, 258, 260—261, 263, 265, 269, 275, 294, 296, 300, 306—307, 319—321, 325, 333, 336, 339, 341, 349—350, 356, 373, 409, 411, 413—416, 423, 487, 489, 506, 528—529, 531, 547, 555—556
Адрианополь 325, 376—377
Алжир 371
Америка 193, 423, 595
Анапа 149, 300, 309—310
Англия 31, 50, 168, 185, 201, 203, 205, 290—291, 300, 306—307, 319—320, 325, 329—330, 337, 370, 373, 376—377, 396, 409, 412, 423—424, 450—451, 485, 499, 506, 528, 550, 556, 606
Архангельск 512
Аугсбург 203
Ахалцык 328—329, 379

Бауцен 157—158
Белоруссия (см. также: Гродненская губерния; Минская губерния; Могилевская губерния) 83, 119, 145, 211, 242, 412, 475, 572
Белосток 180, 182, 429
Белостокская область 174, 242, 418, 421—422
Бельгия 394—396, 409, 414, 493
Бердичев 419, 421
Берлин 254, 278, 397, 491
Бессарабия 159
Бобруйск 177, 233
Богемия 200, 350, 356, 423, 513
Болгария 320
Бордо 606
Бородино 157, 572
Бразилия 598
Браилов 285, 294, 300, 306, 308, 321
Бранденбург 423
Броды 252
Брюссель 203
Бургас 325
Бургундия 438, 443
Бухарест 309
Бялынич 83

Валахия 281, 300, 304, 325
Варна 325, 327, 328, 331—332, 334—337, 432
Варшава 8, 76, 147, 152—153, 164, 174, 201, 203, 216, 217, 221, 233, 235, 241, 247—250, 253—254, 255, 258, 261, 279—280, 282, 287, 307, 313, 316, 318, 327, 335, 338, 340, 344—345, 362, 366, 368—370, 372, 374, 383, 397, 399, 402, 407, 410, 412, 414—416, 428—430, 456, 461, 487—488, 569
Веймар 75
Величка 260
Вена 204, 294, 321, 349, 356, 373
Венгрия 335, 339, 350, 356, 409, 423, 487, 604
Венеция 543
Верона 81
Верро 369, 516
Вилькомир 243, 307
Вилькомирский повет 351
Вильна 8, 16, 52, 109, 131, 136, 149, 152—154, 172, 174, 176, 179, 233, 240—243, 245—248, 254, 260, 268, 287, 295, 298, 307, 311—313, 316, 327, 340, 354, 397—399, 415, 418, 420, 425—426, 428, 458, 496, 503
Виленская (Литовско-Виленская) губерния (см. также: Литва) 101, 138, 172—174, 176, 282, 418, 429
Виттория 370
Владимирская губерния 99
Волынская губерния 418
Воронеж 544
Вязьма 180
Вятка 249, 392—393

Галиция 181, 200, 252—253, 259—260, 265, 275, 333, 335, 339, 341, 349—350, 356, 409, 416, 424, 430, 555—556
Гамбург 577
Ганноверское королевство 350
Гдовский уезд 562
Германия 6, 8, 45, 60, 106, 188—189, 203, 221, 240, 441—442, 487, 490—491, 500, 513, 551, 556, 558, 599
Гольдинген 179
Горждев (Горжды) 172, 175
Греция 11, 223, 281, 286, 492, 500, 510, 545
Гродненская губерния 116, 154, 242, 418, 422, 472, 518, 561
Гродно 323, 398
Грузино 237
Грузия 132, 150, 157—158, 180, 234, 270, 390

Дания 307
Дерпт 21, 23, 30, 52, 169—170, 184, 188—190, 269, 318—319, 321, 346, 368—372, 374, 382, 389, 392, 427, 433, 443, 446—449, 464, 515, 517, 520, 561, 563, 569, 577—578, 598—599, 601, 604
Дрезден 193, 203, 299, 396
Дюнабург 233

Египет 154, 267, 269, 355, 585, 595

Житомир 420

Индия 595
Инеда 332
Ирландия 338, 353, 412

Испания 6, 8, 75, 78, 218, 291, 350, 353, 355, 370, 411, 414, 474
Италия 149, 201, 286, 339, 350, 409, 416, 508, 513, 529—530

Кавато 218
Кавказ 26, 70—71, 83, 132, 156, 204, 249, 378—379, 424, 456, 487, 513, 584
Кале 150
Калифорния 598
Калиш 70
Каменец-Подольск 252, 271
Карлово 21, 29—30, 409, 425, 429, 433, 435, 452, 464, 472—473, 476, 513, 517—518, 520, 561, 571—572, 577, 599, 601—602, 604
Карс 322, 334—335
Каталония 338
Кейданы 243, 307—308
Кельн 487
Кенигсберг 173, 280, 487
Киев 142, 180, 254, 496, 530, 569, 600
Киевская губерния 118, 418, 480
Китай 106
Ковно 418, 421, 496, 503
Константинополь 209, 267, 269, 281, 300, 320—322, 326, 331, 336
Кострома 537
Краков 217, 260—261, 341, 352
Кронштадт 7, 59, 163—164, 199—200
Крым 185, 487, 498, 504
Кубань 417
Курляндская губерния 172—174, 179, 190, 235, 346, 569

Лейпциг 396, 411, 413
Лемберг 181, 252, 262, 296
Либава 175, 179, 369
Литва (см. также: Виленская губерния) 8, 19—20, 32, 45, 122, 131, 136, 150, 154, 174—176, 178—181, 232—234, 235, 243, 245, 247, 258, 262, 265, 274, 276, 282, 298, 307—308, 311—315, 318, 327, 339, 340, 349—351, 353—354, 380, 386, 412, 415—418, 421—422, 425, 429, 432, 438, 443, 569, 572, 600
Лифляндская губерния 190, 269, 313, 319—320, 372, 439, 448—449, 472—473, 480, 513—516, 520, 561, 563, 598, 601
Ломбардо-Венецианское королевство 350, 356
Лондон 380, 453, 464
Лугский уезд 159

Малороссия (см. также: Волынская губерния; Киевская губерния; Подольская губерния; Черниговская губерния) 71, 496, 544
Мариенбург 316
Мемель 172—173, 370
Минская губерния 211, 418
Мир 411, 413
Митава 57
Могилев 271
Могилевская губерния 141, 472
Модлин 233
Молдавия 192, 281, 300, 304
Морея 325, 327, 332, 336
Москва 13, 32, 36, 52, 61, 65, 84, 88, 105, 111, 115, 120, 143, 149, 154—155, 167, 180, 192—193, 195, 196, 198, 213—214, 221, 223—224, 231—233, 255, 258, 274, 276—277, 289—290, 292—293, 299, 303, 316, 322, 334—335, 349, 354, 369, 376, 378, 389—390, 392—393, 396, 403—404, 420, 435, 438, 443, 466, 491—492, 501, 507, 527, 537, 545, 563, 569, 572, 583

Нарва 190, 214, 439
Неаполь 353, 413, 415, 530
Неман 132
Неналь 598
Нидерланды 307, 350, 394, 396
Нижний Новгород 420
Новгород 196, 213
Норвегия 350, 455
Нормандия 438, 443
Нубия 267, 269

Одесса 279, 323, 512—513
Оренбург 359, 376
Остзейские губернии (см. также: Курляндская губерния; Лифляндская губерния; Эстляндская губерния) 16—18, 20, 32, 45, 170, 176, 178—187, 234—235, 320—321, 368—371, 423, 439, 447—449, 487, 513—515, 517, 569, 598, 600
Охотск 79, 421

Париж 203, 221, 233—234, 380, 394, 406, 434, 447, 465, 481, 505, 511, 513, 529, 563, 584, 598
Персия 150, 154, 157—158, 169, 186, 191—192, 249—250, 272, 300, 304, 362—363, 373, 389—390, 589—590, 604
Пинск 421
Подольская губерния 59, 83, 252—253, 271, 296, 418
Познань 173, 254, 315, 350, 416, 424, 555
Полангген 170, 172—177, 180, 235, 266
Полтавский округ 412
Польша 6—9, 18—20, 31—32, 43, 109, 110, 112, 131, 136, 138, 145, 147, 154, 166, 178—179, 181, 201—202, 210, 212, 217, 221, 232—234, 240, 243, 247, 252—255, 258—265, 276, 295, 307, 311, 313—314, 316, 319, 338—341, 344—345, 348—356, 362, 366—369, 371, 374, 386, 397, 400, 402, 409—424, 427—428, 432—433, 443, 445, 456, 472, 478—480, 486—487, 489, 513—515, 528—532, 555—556, 558, 570, 604, 606
Португалия 290—291, 350
Пруссия 7, 148, 172—173, 254, 258, 264—265, 300, 307, 314—316, 349, 409, 411, 413—416, 422—423, 438, 487, 489, 491, 506, 517, 428, 531, 547, 555—556
Псковская губерния 562
Пулавы 410

Рашин 252—253
Ревель 170, 183, 185—188, 222, 561
Рига 170, 179—180, 183—185, 211, 222, 235, 269, 318—321, 346, 368, 370—372, 400, 449, 512
Рим 438, 493, 510, 560
Рыбинск 563—564

Саксония 233, 395—396
Самогития 130, 173—174, 234—235
Саракус 513, 602
Сардиния 414
Сарепта 219—220
Седан 233
Сибирь 106, 152—153, 182, 246—248, 307, 351, 355, 364, 367, 371, 415, 423—424, 455, 504, 536, 555, 562, 564—565
Силезия 423
Силистрия 328, 337, 598, 600
Симбирск 392
Слонимский повет 242
Ставрополь 460

Тверская губерния 150
Тверь 150
Тебриз 362, 364
Тильзит 173
Тифлис 274, 378—380, 389
Тобольск 421
Триест 595
Троки 496, 503
Тула 72, 578
Тульская губерния 143
Турция 37, 148—150, 154, 192, 201, 250, 276—277, 281, 294, 300—301, 320—321, 324, 326, 336—337, 341, 352, 373, 376—377, 417, 424, 500, 570, 595, 604

Филиппинские острова 218
Финляндия 7, 185—186, 203, 224, 270, 319, 423, 454—455, 517, 526—527
Франкфурт 550—552, 554
Франция 6—9, 46, 60, 62, 194, 200—201, 203—204, 232—233, 258—260, 264, 290—291, 307, 327, 332, 334, 336—337, 340, 349, 357—358, 361, 373, 376, 393—394, 409, 412—425, 417, 423, 424, 434, 438, 443, 450, 499, 506, 519, 550—551, 556, 558, 606
Фридланд 381

Харьков 180, 240, 406
Хой 322
Царское Село 107

Черниговская губерния 127

Шавли 130
Швеция 7, 203, 219, 307, 319—320, 373, 413, 454—455, 472, 474, 589
Шотландия 316
Шумла 322, 324—325, 327—332, 334, 336—337
Эрфурт 260

Эстляндская губерния 179, 188, 190, 269, 371, 515—516, 561

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Атеней» 221—222, 382, 384, 408

«Библиотека для чтения» 439, 445, 475, 492—493, 501, 507, 544, 549, 582, 584

«Ведомости московской городской полиции» 568, 574

«Ведомости с.-петербургской городской полиции» 450—451, 453, 457, 463, 466, 519—521, 534—536, 568, 573—574, 596

«Вестник Европы» 46, 54, 136, 139, 313, 382, 384, 408, 526

«Галатея» 382

«Гродненские губернские ведомости» 516, 518

«Детский собеседник» 76, 78, 474

«Дух журналов» 46, 53—54, 109

«Европеец» 26, 442, 522, 525, 547

«Журнал министерства народного просвещения» 454, 485, 488, 492, 500, 588

«Кабинет Аспазии» 347—348

«Коммерческая газета» 238—239

«Костромские губернские ведомости» 537

«Литературная газета» (1830—1831) 98, 442, 498, 504, 526

«Литературная газета» (1840—1849) 459, 498, 504, 546, 557

«Литературные приложения к Русскому инвалиду» 440—443, 451, 453, 459, 500

«Литературные листки» 9, 75, 77, 89, 471, 474

«Маяк» 486, 489

«Московские ведомости» 28, 72, 120—121, 385, 463, 466, 568, 573

«Московский вестник» 88, 232, 289—290, 293—294, 298, 313, 317, 382, 526

«Московский журнал» 250—251

«Московский городской листок» 535, 537

«Московский наблюдатель» 443, 500, 521, 525

«Московский телеграф» 26, 38, 191—199, 205, 213, 293, 313, 317, 375—376, 385, 408, 442, 444, 491, 500, 521, 525—526, 534—535, 547

«Новгородские губернские ведомости» 540—541

«Новая детская библиотека» 347—348

«Одесский вестник» 463, 568

«Отечественные записки» (1818—1830) 205—206, 347, 385

«Отечественные записки» (1839—1884) 29—30, 32, 440—444, 450—451, 453—454, 488, 492—503, 507, 517—518, 544—550, 552—553, 557—558, 560, 564, 566, 573, 581—584

«Русский вестник» 375—376

«Русский инвалид» 8, 53, 130, 132, 134, 212, 245, 280, 340, 385, 457, 463, 466, 485, 493—495, 498, 502—503, 526, 545, 557, 568, 573—574, 581—582, 595—597, 604

«Санкт-Петербургские ведомости» 28, 155, 385, 401—403, 457, 459, 463, 465—466, 498, 505, 507, 544, 548—550, 568, 573—574, 581—582, 596

«Санкт-Петербургские сенатские ведомости» 72, 74, 104, 131, 164, 167, 177, 180—181, 200, 222, 277, 343, 393, 538

«Северная пчела» 9, 12, 15—16, 18, 23, 27—31, 39, 50, 53, 57—58, 62, 75, 77—78, 89, 98—99, 104, 115, 123, 134—135, 139, 141, 144, 151, 161—162, 170, 189, 207, 210, 213, 215, 218, 227—228, 231, 245, 250, 252, 257, 284, 287, 297—298, 303, 308, 310, 317, 319—320, 327, 329, 337, 344, 369, 374, 380—382, 384—385, 388, 397—399, 401—403, 427, 434—437, 440—441, 443, 446, 450—451, 453, 455—475, 485, 487, 490, 492—493, 501—502, 504, 513, 516, 518—542, 544, 546, 549—552, 554, 557—558, 560, 564—568, 571—578, 581, 583, 591—597, 601, 603—606

«Северный архив» 9, 43—45, 53, 75, 77, 138, 220, 297—298, 313, 317, 384, 471—472, 474, 501, 544, 549

«Славянин» 382, 536

«Современник» 39, 441—442, 444, 502, 536, 544, 547—548, 550, 552—553, 557—558, 560, 564, 566, 584

«Сын отечества» 9, 11, 53, 76—77, 98, 136, 227, 408, 435—436, 462, 465, 474, 538—540, 544, 549, 567, 596

«Финский вестник» 523—527, 536—537, 583

«Journal de St. Pétersbourg» 134—135, 278, 280, 433—434, 457, 463, 466, 486, 568, 573—574, 596

«Kurier Litevski» 397—398

«Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Pétersbourg» 51, 55, 132, 134

«Messager de St.-Pétersbourg» 433—434

«Rambler» 136, 139

«Ruski invalid» 8, 128, 130, 141, 526

«Spectator» 136, 139

«Tygodnik Petersburski» 397—398

«Tygodnik Wileński» 136, 138—139, 430, 432

«Wiadomości brukove» 8, 136—139

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указатель включены имена, встречающиеся в тексте писем и записок; имена, упомянутые только во вступительной статье и примечаниях, в указатель не введены; опущены имена библейских и мифологических, литературных и фольклорных персонажей.

Чины, должности и звания указываются применительно к тому времени, к которому относятся упоминания о данном лице.

Хронологические обозначения приводятся по старому стилю, географические и административные обозначения — в номенклатуре того времени.

Абакумов Андрей Иванович (1772—1841) — генерал-провиантмейстер Главного штаба в 1816—1827 гг., сенатор, тайный советник с 1826 г. *163—164, 215—216, 406*

Аббас-Мирза (1783—1833) — сын персидского шаха Фетх-Али, с 1816 г. — наследник престола. Командовал персидскими войсками в войне с Россией 1826—1828 гг. *158, 249, 363*

Абрамович Игнацы (1793—1867) — богатый польский помещик из Литвы. В 1809—1814 гг. воевал в наполеоновской армии, потом женился во Франции. В 1815 г. вернулся на родину. В 1818 г. продал свое имение, а затем, прокутив последние деньги, в 1827 г. поступил на службу в русскую армию. Там сделал успешную карьеру: в 1829 г. — адъютант И.Ф. Паскевича (характеристику его как труса и сплетника во время пребывания на этой должности см.: Пущин М.И. Записки // РА. 1908. № 12. С. 542—544), в 1835 г. — начальник жандармерии в Варшаве, с 1844 г. — обер-полицмейстер Варшавы (в чине генерал-майора, с 1853 г. — генерал-лейтенант) (см. о нем: ПСБ; Моравский. С. 179—182). *232—234*

Абрамович Николай (1788—1835) — виленский помещик. В 1812 г. перешел на сторону Наполеона и на свои деньги экипировал полк гусаров, получив звание подполковника. *232—234, 425*

Август III (1696—1763) — польский король с 1733 г. *258, 264*

Аверин Павел Иванович (1775—1849) — сын московского купца. Окончил гимназию при Московском университете в 1794 г. Служил в Курске, где генерал-губернатор А.А. Беклешов «скоро перевел его к себе секретарем, испытал, оценил, полюбил как сына и во всю жизнь уже, почти не расставался с ним» (Аверина Н.П. Воспоминание о П.И. Аверине // Раут на 1852 год. М., 1852. С. 9). Служил с Беклешовым в Каменце-Подольском, Киеве, Москве; некоторое время посещал в качестве вольнослушателя Дерптский университет. Областной начальник Краковского департамента в 1813—1815 гг., волынский гражданский губернатор в 1828—1831 гг., бессарабский гражданский губернатор в 1833—1834 гг. *266*

Адамович Каэтан Осипович — титулярный советник, чиновник Государственного коммерческого банка. *85, 429*

Аддисон Джозеф (1672—1719) — английский писатель-просветитель, издатель (совместно с Р.Стилом) сатирико-нравоучительных журналов «Зритель» («The Spectator») и «Опекун» («The Guardian»). *75*

Аделунг Федор Павлович (1768—1843) — историк, лингвист, библиограф. Член-корреспондент Академии наук с 1809 г. *289, 294*

Азанчевский — знакомый (?) Л.В.Дубельта. *589*

Азаревичева Мария Аполлоновна (1804—1888) — актриса. *81, 133*

Аксенов Иван Матвеевич — статский советник, обер-секретарь в канцелярии общего собрания первых трех департаментов Сената. *307*

Аладьин Егор Васильевич (1796—1860) — писатель, издатель «Невского альманаха» (1825—1833). Имел репутацию «альманашника», нередко получавшего произведения для альманаха неблаговидными способами. О конфликте его с Булгариным в конце 1827 г. см. письмо Булгарина В.А. Ушакову от 6 января 1828 г. (РС. 1909. № 11. С. 350.) *124—126*

Алекин Александр Федорович — петербургский купец 3-й гильдии, домовладелец. 431

Александр Великий (Александр Македонский) (356—323 до н.э.) — македонский царь, полководец, создавший обширную империю. 336

Александр, герцог Виртембергский (1771—1833) — генерал от кавалерии, брат императрицы Марии Федоровны. С 1800 г. — на русской службе, с 1822 г. — главноуправляющий путями сообщения. *319, 379—380*

Александр I (1777—1825) — российский император с 1801 г. *11, 27, 43—44, 46, 49, 54—55, 69, 72, 75, 78, 80—82, 106, 114—115, 119, 121, 133—134, 138, 142, 148, 157, 165—167, 169, 173, 186, 190, 193, 197, 204, 208, 211, 217—218, 233—234, 236, 238, 242, 245, 247, 259—260, 264, 300, 321, 338—339, 341, 345, 349—350, 354, 368, 374, 377, 379, 381, 384, 387, 395, 402, 404, 409—410, 415—416, 465, 470, 477, 484—486, 488, 508, 515, 528, 592*

Александр Николаевич (1818—1881) — сын Николая I, после его смерти — император Александр II. *110, 114, 123, 181, 263, 265, 285, 295, 298, 326, 354—355, 374, 381, 498, 508, 551, 565, 586—588, 606*

Александра Федоровна (1798—1860) — императрица, супруга Николая I. *75, 149, 170, 220, 264—265, 323, 374, 376, 508*

Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — журналист, библиограф. В 1826—1828 гг. цензор Главного цензурного комитета. Булгарин в своих отзывах о его исторических работах отмечал допущенные неточности и ошибки: Ляшкевич С. [Булгарин Ф.В.] Замечания на статью, напечатанную в 36 книжке «Сына Отечества» под заглавием «Краковские памятники», сочиненную В. Анастасевичем // СО. 1822. № 39. С. 267—272; Ф.Б[улгарин]. Возражения на ответ г. Анастасевича, помещенный в 41 книжке «Сына Отечества»// СО. 1822. № 45. С. 217—226. В письме к М.П. Погодину от 27 сентября 1826 г. Булгарин называл его «личным врагом» (цит. по: Барсуков Н.А. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 2. СПб., 1889. С. 7). (См. о нем: Брискман М.А. В.Г. Анастасевич. М., 1958). *258, 289, 297, 318*

Андреев Григорий Алексеевич (?—1851) — статский советник, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *127—128, 405*

Андреева — жена Г.А. Андреева, дочь Д.П. Позняка. *127*

Андржейкович — см.: Бутофт-Андржейкович М.Ф.

Андрие — петербургский ресторатор (см. о нем: Яцевич А. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 239—241). *68—69*

Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица с 1730 г. *58, 418*

Анненков — см.: Анненский А.Н.

Анненков Иван — гвардейский офицер, поэт-дилетант. *225—227*

Анненский Андрей Николаевич (1818 — не ранее 1856) — сын Н.И. Анненского, брат жены Ф.К. Дершау. Окончил Академию Генерального штаба в 1842 г. и, находясь на службе в 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригаде, был причислен к Генеральному штабу. В 1844 г. по высочайшему повелению был уволен от военной службы (в чине штабс-капитана), с тем чтобы не определять его в гражданскую службу (см.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 3. Ед. хр. 378). Печатал в журнале «Финский вестник» статьи по военным вопросам (см. положительный отзыв Булгарина на его статью: СП. 1846. № 72). *65, 526—527*

Анненский Николай Ильич (1763—1845) — чиновник, литератор. Происходил из духовного звания, учился в Рязанской, а потом в Александро-Невской духовных семинариях вместе с М.М. Сперанским и И.И. Мартыновым, был домашним учителем у детей обер-прокурора графа А.И. Мусина-Пушкина. В 1796 г. уволился в статскую службу, служил в разных местах и печатал в журналах и отдельными изданиями переводы с английского и французского. Юрисконсульт министерства юстиции с 1807 г., действительный статский советник с 1818 г. В 1823 г. за бесчестные поступки высочайшим указом был уволен со службы, с тем чтобы «впредь ни к каким делам не определять» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 12. Ед. хр. 32). Был вновь принят на службу в 1831 г., однако никакой должности не исполнял до 1837 г., когда был назначен чиновником по особым поручениям министерства внутренних дел. Отец А.Н. Анненского. (См. о нем: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. I. Л., 1988. С. 33—34; Остафьевский архив. Т. 2. СПб., 1899. С. 350, 591). *64—65*

Антоний Падуанский (1195—1231) — проповедник-аскет, признанный католической церковью святым. *528*

Апраксин Петр Иванович, граф (1784—1852) — владимирский гражданский губернатор в середине 1820-х гг. *99*

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — генерал, всесильный временщик при дворах Павла I и Александра I, ненавидимый многими современниками. Добиваясь разрешения на издание газеты «Северная пчела», Булгарин был у него в поместье Грузино с прошением, о чем позднее опубликовал воспоминания (см.: Булгарин Ф. Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. Ч. 3. СПб., 1846. С. 201—220).

Аракчеева Настасья — см.: Минкина Н.Ф.

Арида — см.: Арыда.

Арндт (Арендт) *Николай Федорович* (1785—1859) — хирург, с 1829 г. — лейб-медик Николая I. *212*

Архаров Николай Петрович (1740—1814) — генерал от инфантерии с 1796 г., московский обер-полицмейстер в 1775—1782 гг., московский губернатор в 1782—1784 гг., генерал-губернатор тверского и новгородского наместничеств в 1784—1796 гг., петербургский генерал-губернатор в 1796—1797 гг. *492, 500, 545*

Арыда Антоний (1736—1820) — сирийский ориенталист. *267, 269*

Афросимов — см.: Офросимов К.П.

Бабаев Иван Савич (?—1830) — тульский губернский почтмейстер в 1820-х гг. *143, 195*

Баглай — поверенный польских помещиков в Петербурге.

Багреев — см.: Фролов-Багреев А.А.

Базен Петр Петрович (1786—1838) — генерал-майор, директор Института Корпуса инженеров путей сообщения. *69*

Байков Лев Сергеевич (ок. 1779 — 1829) — действительный статский советник, чиновник для особых поручений при Н.Н. Новосильцове; «человек со вполне светскими манерами, но ничего не умеющий, распутник, бесстыдник и кутила, знакомый великому князю Константину по совместным дурачествам и проказам в молодости, обосновался при его дворе в Варшаве и был его доверенным лицом» (Моравский. С. 263). *152, 323, 340, 351, 356*

Бакунин Михаил Андреевич (1814—1876) — революционер, теоретик анархизма. В 1840 г. уехал за границу, в 1844 г. приговорен (заочно) к лишению всех прав состояния и каторжным работам. В юности с восхищением отзывался о романе Ф. Булгарина «Иван Выжигин» (см.: Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 1. М., 1934. С. 42). *491, 499—500*

Балашев Александр Дмитриевич (1770—1837) — министр юстиции в 1810—1819 гг., генерал-губернатор Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний в 1819—1828 гг. 159

Бандтке-Стенжинский Ян Викентий (1783—1846) — историк и теоретик права, профессор Варшавского университета в 1817—1831 гг. 355

Баранов Трофим Петрович (1779—1828) — действительный статский советник, начальник рижского таможенного округа в первой половине 1820-х гг., камергер с 1828 г. 368

Барановский — титулярный советник, чиновник в Петербурге. 429

Барвинский — казначей Радзивилловской комиссии. 174

Барклай де Толли Елена Ивановна, княгиня (урожд. фон Смиттен; 1770—1828) — статс-дама, вдова фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли. 370

Барсов Федор — священник Самсониевской церкви в Петербурге. 58

Бахтин Иван Иванович (1754—1818) — гражданский губернатор Слободской Украины в 1803—1814 гг., поэт. 406, 408

Бахтин Николай Иванович (1796—1869) — чиновник, литератор, друг П.А. Катенина. Автор ряда критических статей, в т.ч. двух «Писем к Булгарину» (СО. 1828. № 2, 6). В 1833 г. Булгарин резко критиковал его предисловие к «Сочинениям и переводам в стихах» П. Катенина (СП. 1833. № 97). С 1827 г. служил в Морском министерстве, в 1831 г. назначен правителем дел Комитета для образования флота, в 1834—1843 гг. — управляющий делами Комитета министров, в 1843—1853 гг. — гос. секретарь. *20, 406—408, 438, 443*

Башуцкий Данила Яковлевич (1759—1845) — действительный статский советник, управляющий Адмиралтейской счетной экспедицией. *151*

Безбородко Александр Андреевич, князь (1747—1799) — секретарь Екатерины II для принятия прошений с 1775 г., фактически возглавлял иностранную коллегию с 1780 г.; при Павле I — государственный канцлер. *337*

Безобразов Александр Михайлович (1783—1871) — тайный советник, гражданский губернатор Петербурга в 1826—1829 гг., сенатор с 1827 г. *118—119*

Беккер — английский купец в Петербурге. *185*

Беклемишев — комиссионер 7-го класса. *305*

Беклемишев Петр Никифорович (1770—1852) — действительный статский советник, знакомый А.С. Грибоедова. *389*

Беклешов Александр Андреевич (1745—1808) — генерал от инфантерии с 1797 г., сенатор с 1798 г. Каменец-Подольский военный губернатор в 1796—1798 гг., генерал-прокурор в 1799—1802 гг., московский военный губернатор в 1804—1806 гг. *266*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — критик и публицист. Был знаком с Булгариным; об их споре в 1840 г. см.: Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 2. М., 1892. С. 176—178. Многократно резко критически писал о Булгарине (см.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 1—13. М., 1953—1959; по указ.). *22, 37, 39, 443—444, 493, 498, 500—505, 547, 559—560, 584*

Белинский Петр (1754—1829) — сенатор польского Сената, президент Сеймового суда 1828 г. над участниками польских патриотических обществ. *344—345, 355, 366—367*

Белов — см.: Беляев А.А.

Белосельская-Белозерская Анна Григорьевна, княгиня (урожд. Козицкая; 1773—1846) — вдова князя А.М. Белосельского-Белозерского (1752—1809), сестра А.Г. Лаваль. 300, 309, 353

Белостоцкий Дмитрий Дмитриевич (1774—1855) — коллежский советник, с 1811 г. в течение многих лет — помощник статс-секретаря Гос. совета по департаменту экономии (см. его личное дело: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Ед. хр. 78). *159—160, 281*

Беляев Александр Андреевич — московский губернский архитектор. *74*

Беневский Мориц-Август (1741—1786) — путешественник и авантюрист, автор воспоминаний. Уроженец Венгрии. Участвуя в борьбе поляков за свою независимость, попал в 1768 г. в плен к русским и был сослан вначале в Казань, а потом, после попытки бежать, в 1770 г. на Камчатку. Организовав бунт, захватил с товарищами корабль в 1771 г. и бежал. После долгих скитаний попал во Францию. Закончил жизнь, сражаясь на Мадагаскаре против французских войск. Личность Беневского интересовала Булгарина. Он был хорошо знаком со статьей В.Н. Берха «Побег графа Беньевского из Камчатки во Францию» (СО. 1821. № 27—28), а создав свой журнал, вскоре поместил подготовленную тем же Берхом публикацию «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским» (СА. 1822. № 5—7), снабдив ее своим примечанием о Беневском. *247*

Бенкендорф Александр Христофорович, граф с 1832 г. (1783—1844) — генерал от кавалерии (с 1829 г.), шеф жандармов, командующий императорской Главной квартирой, главный начальник III отделения, сенатор в 1826—1844 гг. Брат К.Х. Бенкендорфа. *12—18, 23, 27—28, 31—33, 36, 45, 63, 71, 76, 97, 104, 117, 120, 122, 125, 134, 140—141, 143, 147, 153, 158, 160—161, 171, 175, 183—184, 189, 198—199, 203—204, 206, 210, 224—228, 230, 238, 245, 255—258, 268, 275, 287, 297, 302—303, 305—306, 316—318, 327, 356, 361, 363, 375—376, 380—385, 387—392, 398, 400—404, 406—407, 415, 426—429, 432—437, 451—452, 456—457, 459—460, 464, 487, 492, 504, 509, 515, 519, 522—523, 525, 533, 543, 545, 562, 567, 573, 575, 580, 604—605*

Бенкендорф Константин Христофорович (1785—1828) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант с 1826 г., брат А.Х. Бенкендорфа. *325, 327*

Берд Карл Николаевич (1767—1843) — обер-бергмейстер, владелец чугунолитейного завода в Петербурге. 333

Берг Федор Федорович (1794—1874) — генерал-майор, генерал-квартирмейстер 2-й армии во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.; впоследствии генерал-квартирмейстер Главного штаба в 1843—1863 гг.; наместник в Царстве Польском в 1863—1866 гг.; генерал-фельдмаршал с 1865 г. *330—331, 335, 341*

Бернадот Жан-Батист-Жюль (1763—1844) — маршал Франции, сподвижник Наполеона, в 1818—1844 гг. занимал шведский престол под именем Карла XIV Юхана. *319, 494, 503, 581*

Бертье Луи-Александр, владетельный князь Невшательский, герцог Валанженский, князь Ваграмский (1753—1815) — маршал, начальник штаба наполеоновской армии. *43*

Берх — см.: Берг Ф.Ф.

Бестужев Александр Александрович (1797—1837) — писатель, журналист, издатель; декабрист. Брат Михаила, Марии, Николая, Павла и Петра Бестужевых. Булгарин познакомился с ним в 1820 г. у Греча. Они быстро подружились, часто встречались. Бестужев публиковал Булгарина в издаваемом им совместно с Рылеевым альманахе «Полярная звезда» (1823—1825) и одобрительно отзывался о его творчестве в помещаемых в альманахе своих литературных обозрениях. Во время следствия после восстания декабристов Бестужев отрицательно отвечал на вопросы о причастности Булгарина к тайному обществу. Служа рядовым на Кавказе, возобновил отношения с Булгариным; в 1830—1834 гг. переписывался с ним и печатался в издаваемых им с Гречем изданиях. При этом он весьма отрицательно отзывался о Булгарине в переписке с К. и Н. Полевыми (см.: Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб., 1995. С. 489, 494, 503, 509, 530; Он же. Сочинения. Т. 2. М., 1958. С. 662—663, тут же на с. 595—596 отрицательный печатный отзыв Бестужева 1833 г. о романе Булгарина «Димитрий Самозванец») (Письма Бестужева Булгарину 1821, 1830, 1832 и

1834 гг. см.: РС. 1901. № 2. С. 392—404; Современные записки (Париж). 1939. Т. 68. С. 461). *9—11, 63, 124—125, 143, 202, 224—225, 377—380, 445, 474*

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, декабрист. Брат Александра, Марии, Николая, Павла и Петра Бестужевых. В 1826 г. приговорен к каторжным работам. Был знаком с Булгариным, резко отрицательно отзывался о нем в своих воспоминаниях (см.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 262). *63, 378—379*

Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, литератор, декабрист. Брат Александра, Михаила, Марии, Павла и Петра Бестужевых. В 1826 г. приговорен к каторжным работам. Был знаком с Булгариным (см. его письмо Булгарину от 16 июля 1823 г.: РС. 1901. № 2. С. 404—405). В 1840 г. в письме брату Павлу вспоминал: «Булгарина я любил как собеседника; часто с ним бранился за дурные его наклонности в журналистике и некоторых частных сношениях с людьми; некоторые статейки хвалил — но вообще дух его сочинений решительно мне не нравился <...>» (Бестужевы М. и Н. Письма из Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1929. С. 30; ср. его письмо А. Бестужеву 1836 г.: Бунт декабристов. Л., 1926. С. 363). *9, 63, 377*

Бестужев Павел Александрович (1808—1846) — брат Александра, Михаила, Марии, Николая и Петра Бестужевых. Учился в Артиллерийском училище, вскоре после восстания декабристов был заключен на год в Бобруйскую крепость, а потом отправлен в армию на Кавказ. Был знаком с Булгариным (см. отрицательный отзыв о нем в письме брату от 21 мая 1838 г.: Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 100). *359, 378*

Бестужев Петр Александрович (1803—1840) — мичман 27-го флотского экипажа, декабрист. Брат Александра, Михаила, Марии, Николая и Павла Бестужевых. В 1826 г. послан рядовым на Кавказ, где психически заболел и в 1832 г. уволен в отставку. Был знаком с Булгариным (см. письмо его Булгарину от 7 января 1828 г.: РС. 1901. № 2. С. 405). *63, 378—379*

Бестужева Мария Александровна (между 1793/1796—1889) — сестра декабристов Бестужевых. *377—378*

Бестужева Прасковья Михайловна (1775—1846) — мать декабристов Бестужевых. *63, 125, 378*

Бетанкур Августин Августинович (1758—1824) — инженер, генерал-лейтенант, директор Главного управления путей сообщения в 1819—1824 гг. *428*

Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — директор департамента внешней торговли (1824—1835), киевский военный губернатор и подольский и волынский генерал-губернатор (1837—1848), министр внутренних дел (1852—1855). *400, 480—481*

Бируков Александр Степанович (1772—1844) — цензор Петербургского цензурного комитета в 1821—1826 гг., известный придирчивостью и глупостью. Цензурировал СА в 1822—1826 гг., книгу Булгарина «Воспоминания о Испании» (СПб., 1823) и изданный им альманах «Русская Талия» (СПб., 1825). *51, 55, 135, 510*

Бистром Карл Иванович (1770—1838) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. *337*

Блом Отто, граф (1770—1849) — датский посланник в Петербурге в 1804—1841 гг. *300, 303*

Блудов Дмитрий Николаевич, граф с 1842 г. (1785—1864) — статс-секретарь, товарищ министра народного просвещения с 1826 г., управляющий делами иностранных вероисповеданий с 1828 г., министр внутренних дел с 1832 г., министр юстиции с 1837 г., главноуправляющий II отделением Собственной его императорского величества канцелярии, член Гос. совета, председатель департамента законов. *36, 112—113, 121, 192, 194—196, 198—199, 221, 230, 280—281, 290, 294, 297, 438, 443*

Бнинские — богатые польские помещики. *430*

Бобинский Викентий (1798—?) — юрист, филарет; титулярный советник, чиновник 5-го департамента Сената. В 1831 г. женился на дочери К. Жельветра. *318, 432*

Бобровский Михал (1784—1848) — ксендз, гебраист, профессор Виленского университета. В 1824 г. был обвинен в связях с филаретами и лишен кафедры, в 1826 г. восстановлен в своей должности. *240, 243, 312*

Бобятинская Катерина (урожд. Валентинович, в первом браке — Писанко, в третьем браке — Горская) — жена виленского гражданского губернатора М.Т. Бобятинского. Сестра Т. Зубовой. 241

Бобятинский Михаил Трофимович (1773—1832) — гродненский гражданский губернатор (1824—1831). В 1831 г. у него возникла мания преследования: ему казалось, что восставшие поляки хотят казнить его; он признавался в том, что мучил узников, чтобы получить нужные признания (см.: Сапега Л. Мемуары. Пг., 1915. С. 73—74). *138, 207, 340*

Богданович Иван Федорович (1784—1840) — генерал-майор (в свите его величества) с 1820 г., генерал-лейтенант и сенатор с 1835 г. *129, 155*

Богданович Софья Станиславовна (1792—1835) — жена И.Ф. Богдановича. *129*

Богуславская Агнешка — жена варшавского актера и драматурга В. Богуславского. *254*

Болеслав II Храбрый (1039—1081) — польский князь (1058—1077), затем король (1077—1079). *254, 354*

Больштедт Альберт фон (1193—1280) — средневековый теолог, алхимик и астролог. *218, 220—221*

Бонапарт Жозеф-Франсуа-Шарль (1811—1832) — сын Наполеона. В 1815 г. Наполеон, потерпев неудачу в попытке вернуть себе власть, провозгласил его императором под именем Наполеона II. *307—308, 339*

Бордоский, герцог — см.: Шамбор Г.-К.-Ф.

Борис Годунов (ок. 1552 — 1605) — русский царь с 1598 г. *93*

Боровков Александр Дмитриевич (1788—1856) — помощник статс-секретаря Гос. совета с 1826 г., впоследствии статс-секретарь по военному департаменту. Сенатор в 1840—1846 гг. Литератор, знакомый Булгарина по Вольному обществу любителей российской словесности; поддерживал дружеские отношения с ним и в дальнейшем (см. письмо Булгарина А.И. Караскевичу от 23 февраля 1846 г.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 1763). *212, 215—216*

Боровкова Елена (урожд. Кильштедт; ?—1849) — жена А.Д. Боровкова с 1818 г. *215*

Боровский Адам Осипович — коллежский асессор, чиновник комиссии погашения долгов в министерстве финансов. *428—429*

Бороздин Константин Матвеевич (1781—1848) — историк, археолог; попечитель Петербургского учебного округа в 1826—1833 гг., сенатор с 1833 г. Напечатал в СА «Историческое исследование духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича» (1823. № 12). *544, 549*

Боссюэ Жак Бенинь (1627—1704) — французский церковный деятель, богослов. Получил известность своими проповедями. *438*

Ботвинко (урожд. Федорович) — жена Г.О. Ботвинко. *177*

Ботвинко Героним (Иероним) *Осипович* (1779—?) — виленский губернский прокурор в 1817—1831 гг. Коллежский советник с 1824 г. Принимал активное участие в расследовании ряда политических дел 1823—1825 гг. в Виленской губернии. Выведен Булгариным в романе «Иван Выжигин» под фамилией Скотинко (см. о нем: ПСБ; Моравский. С. 264, а также формулярный список 1828 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 277. Л. 52—56). *19, 138, 152—153, 174—177, 207—208, 235, 242—243, 246—248, 274, 276, 296, 307—308, 340, 351, 354, 415—416, 425*

Ботвинко Юзеф — могилевский мельник, отец Г.О. Ботвинко. *177*

Боткин Василий Петрович (1811—1869) — критик, очеркист, член кружка Н.В. Станкевича. *491, 499—501, 503, 549*

Боянус Людвиг Хенрик (1776—1827) — профессор медицинского факультета Виленского университета в 1806—1824 гг. *240*

Браге Магнус, граф (1790—1844) — генерал-адъютант, с 1828 г. начальник Главного штаба шведской армии. *455*

Браницкая Александра Васильевна (урожд. Энгельгардт; 1754—1838) — обер-гофмейстрина, жена К.П. Браницкого. *69, 222*

Браницкий Владислав Ксаверьевич, граф (1782 или 1783 — 1843) — егермейстер двора с 1826 г., позднее обершенк двора, сенатор с 1831 г. *69*

Брандт (Брант) *Леопольд Васильевич* (1813—1884) — чиновник Главного управления путей сообщения, литератор. В 1840-х гг. — постоянный рецензент СП (см. презрительный отзыв Булгарина о нем в письме Н. Гречу от 7 июня 1850 г.: Древняя и новая Россия. 1876. № 1. С. 98). *499, 505, 540*

Бреверн Христофор Иванович (1782—1863) — гражданский губернатор Курляндской губернии в 1827—1852 гг. *346*

Бровков Александр Дмитриевич — см.: Боровков А.Д.

Бровкова — см.: Боровкова Е.

Бровцын Сергей Михайлович (1779—1852) — чиновник 5-го класса, исправляющий должность правителя канцелярии Гос. адмиралтейств-коллегии. *144*

Брок Петр Федорович (1806—1875) — исправляющий должность министра финансов с 1849 г., министр финансов в 1853—1858 гг., сенатор с 1852 г. *586*

Броневский Владимир Богданович (1782, по др. свед. —1784, 1786 — 1835) — педагог, литератор. С 1819 г. — инспектор тульского Александровского дворянского училища, в начале 1828 г. переведен в Пажеский корпус помощником директора. Печатал путевые записки в СА в 1822—1827 гг., статьи в СП в 1826—1833 гг. *72—73, 110—111*

Брут Марк Юний (85—42 до н.э.) — римский политический деятель. Возглавил заговор против Цезаря и одним из первых нанес ему удар кинжалом. *247*

Брюс Роберт (1274—1329) — шотландский король с 1306 г. *315*

Будберг Богдан Васильевич, барон (1766—1832) — эстляндский гражданский губернатор; камергер; тайный советник с 1830 г. *180*

Будберг Карл Васильевич (1774—1829) — генерал-лейтенант с 1826 г., командир 2-й гусарской дивизии в 1824—1829 гг. *180—181*

Булгари Яков Николаевич, граф (?—1828) — из подполковников «службы Ионических островов» в 1807 г. определен корнетом в Кавалергардский полк, в 1808 г. уволен от военной службы и пожалован в камер-юнкеры, с 1813 г. — исправляющий должность начальника Радзивиловского таможенного округа, в 1817 г. уволен в отставку с чином действительного статского советника. В апреле 1825 г. находился под следствием по делу об участии в восстании Ипсиланти, в декабре был арестован по подозрению в участии в декабристском движении, в июне 1826 г. выпущен с оправдательным аттестатом (см. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 32—33). *161—162*

Булгарин Болеслав Фаддеевич (1832—?) — сын Ф.В. Булгарина. В 1854 г. окончил Петербургский университет со степенью кандидата, в 1855 г. поступил на службу в III отделение младшим чиновником, а в 1863 г. уволился (в чине коллежского асессора) и поселился в Карлово. *462, 598, 601—602, 606*

Булгарин Владислав Фаддеевич (1834—?) — сын Ф.В. Булгарина. В 1854 г. окончил Петербургский университет со степенью кандидата, после чего поступил на службу в канцелярию военного министра. *462, 598, 601—602*

Булгарин Мечислав Фаддеевич (1836—1880) — сын Ф.В. Булгарина. Служил в лейб-гвардии Уланском наследника цесаревича полку, потом в линейном батальоне в Оренбурге. *462, 598, 601*

Булгарин Павел (?—1829) — двоюродный брат отца Ф.В. Булгарина, с 25 лет — маршал литовского трибунала (высший судебный орган), затем подконюший (т.е. шталмейстер) Великого княжества Литовского (о нем см.: Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 1. СПб., 1846. С. 97, 322—325). *8, 30, 57, 69, 101, 139, 170, 204, 379*

Булгарин Святослав Фаддеевич (1840—1874) — сын Ф.В. Булгарина (даты жизни приводятся по надгробию в Тарту). *462, 598, 601*

Булгарина Анеля (урожд. Бучинская, в первом браке — Менжинская) — мать Ф.В. Булгарина. *536—537, 542, 582*

Булгарина Елена Ивановна (урожд. Иде; 1808—1889) — жена Ф.В. Булгарина с 1825 г. *120, 170, 392, 432, 598*

Булгарина Елена Фаддеевна (1838—?) — дочь Ф.В. Булгарина. *462*

Бургуэн Поль, барон (1791—1864) — французский поверенный в делах в Петербурге в 1828—1832 гг. *408—409*

Бутков Яков Петрович (1821—1856) — прозаик. В 1845 г. печатал рассказы в СП (№ 132—136, 170—171). Булгарин поместил в СП (27 окт. 1845) хвалебную рецензию на первую часть сборника рассказов и очерков Буткова «Петербургские вершины» (СПб., 1845), противопоставив его Гоголю. Позднее печатался в ОЗ. *517—518, 557—558, 560*

Бутофт-Андржейкович Михаил Фаддеевич — действительный статский советник, волынский гражданский губернатор в 1824—1828 гг. 235—236

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849) — генерал-майор Генерального штаба, военный историк. Генерал-квартирмейстер 1-й армии с 1826 г., 2-й армии с 1829 г.; награжден орденом за храбрость, проявленную под Кулевчей и Силистрией. Поместил в СА статью «Бой при деревне Любине <...>» (1823. № 7). Булгарин перевел с французского его книгу «Картина войн России с Турциею» (в двух частях) и составил третью часть этого издания (СПб., 1829). В 1848 г. возглавил надзирающий за печатью Комитет 2-го апреля, прозванный по его имени Бутурлинским. *202, 204, 280, 542*

Бухарский Андрей Иванович (1769—1833) — действительный статский советник, виленский почт-директор в 1820-х гг., сенатор с 1832 г. *298—299*

Бучинский Иван Юрьевич — коллежский асессор, секретарь 3-го департамента Сената. *323—324*

Быков Василий Михайлович — чиновник 5-го класса, директор Военной типографии. *129*

Вавржецкий Томаш (1759—1816) — польский генерал, начальник военного отдела в правительстве Герцогства Варшавского в 1813—1814 гг. *43*

Валенрод Конрад (?—1393) — гроссмейстер Тевтонского ордена с 1391 г. *314—316*

Варвара (урожд. Радзивилл; 1520—1551) — королева, жена польского короля Сигизмунда II Августа с 1545 г. *254*

Варварин Козьма Прокофьевич — петербургский мещанин, домовладелец. *83*

Васильев Михаил Кондратьевич — губернский секретарь, экспедитор элементарных книг в Виленском университете. *241*

Васильчиков Илларион Васильевич, князь с 1839 г. (1775—1847) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир отдельного гвардейского корпуса с 1817 г., член Гос. совета с 1823 г., председатель Гос. совета и Комитета министров с 1838 г. *218*

Вашингтон Джордж (1732—1799) — главнокомандующий американской армией во время Войны за независимость 1775—1783 гг., первый президент США (1789—1797). *254*

Вейске Беньямин Готхольд (1783—1836) — немецкий античник, профессор Лейпцигского университета. *495, 503, 547*

Велизарий (490—565) — полководец византийского императора Юстиниана Великого. В конце жизни подвергся опале; его имения были конфискованы. *157*

Великопольский Иван Ермолаевич (1797 или 1798 — 1868) — литератор, предприниматель. *538*

Величко Александр Павлович (1793—1867) — выпускник Московского университета со степенью кандидата, литератор; статский советник с 1828 г., управляющий делами Сибирского комитета в конце 1820-х — начале 1830-х гг.; в 1840-х гг. — действительный статский советник, член совета министерства внутренних дел. 223—224, 514, 516

Веллингтон Артур Уэлсли, герцог (1769—1852) — главнокомандующий английской армией в 1827—1828 гг., премьер-министр Англии в 1828—1830 гг. *290—291, 306, 321, 370*

Вельгорский — см.: Виельгорский М.Ю.

Вендлих — польский адвокат в Петербурге. *431*

Верт Франц Иванович (1787—1856) — коллежский асессор, чиновник министерства финансов, секретарь Минералогического общества. *430*

Ветринский Иродион Яковлевич (1787—1849) — преподаватель философии в Петербургской духовной академии в 1814—1826 гг., поэт. В 1826—1828 гг. служил в Главном цензурном комитете. Цензурировал СА в 1827 г. Булгарин писал 6 января 1828 г. В.А. Ушакову, что Ветринский «злодей, а не цензор» (РС. 1909. № 11. С. 350); в том же году он подал жалобу на Ветринского, обвиняя его в задержке рукописей (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 859). *30, 219, 225, 227, 288—289, 297*

Виганд Марбургский — немецкий хронист, писавший историю немецкого ордена меченосцев за XIV век. *315*

Виельгорский (Вельгорский) *Михаил Юрьевич*, граф (1788—1856) — егермейстер, член Главного правления училищ и заведывающий училищами, состоящими в Петербурге. С юных лет увлекался музыкой, был известен как исполнитель и композитор. *251—252*

Виллель Жан-Батист, граф (1773—1854) — французский государственный деятель (в 1823—1827 гг. — председатель совета министров), ультрароялист. *292*

Вильгельм Фридрих Георг Лодевейк (1792—1849) — наследный принц Оранский, с 1840 г. — король нидерландский и великий герцог Люксембургский под именем Вильгельма II; с 1816 г. был женат на великой княжне Анне Павловне. *307—308*

Вирт — см.: Верт Ф.И.

Виртембергская — см.: Мария, принцесса Виртембергская.

Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842) — фельдмаршал с 1826 г., главнокомандующий русскими войсками в 1828 г. во время русско-турецкой войны. *278, 323, 331—332, 335, 432*

Витт Иван Осипович, граф (1781—1840) — генерал-лейтенант с 1818 г., командир 3-го резервного кавказского корпуса с 1823 г., одновременно руководил службой тайного политического надзора в южных губерниях (см. о нем: Троцкий И.М. III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 117—121, 167). *141—142, 147, 153*

Виттенгейм Отто Григорьевич, барон (? — ок. 1858) — чиновник, статский советник, камергер. Служил в Коллегии иностранных дел и чиновником для особых поручений при главноуправляющем путями сообщения, в 1830 г. за «неприличные поступки» исключен со службы; в 1839 г. получил разрешение вновь поступить на службу (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 29). *57*

Вишневский — полковник в отставке; вероятно, речь идет о Фаустине Ивановиче Вишневском (1771—?), который с 1795 г. служил в Кавалергардском полку, потом капитаном в Преображенском полку, а в 1801 г. уволен с повышением чина для определения к статским делам. *212, 215*

Вищинский — польский генерал. В 1823—1825 гг. в Гос. совете рассматривалось дело «О выкупе женою генерал-майора Вищинского, Екатериною, у мужа своего вотчин-

ного ее имения» (см.: Опись дел архива Государственного совета. Т. 1. СПб., 1908. С. 460) *210—211*

Вищинский Ксаверий — сын польского генерала Вищинского. *211*

Вищинская Екатерина (урожд. Дерналович) — первая жена польского генерала Вищинского. *211*

Вищинская (урожд. Юдицкая) — вторая жена польского генерала Вищинского. 211

Вищинская Констанция (в первом браке — Пузина, во втором — Фронцкевич) — дочь польского генерала Вищинского. 211

Владиславлев Андрей Афанасьевич (1770—1842) — действительный статский советник, в 1826 г. — в министерстве внутренних дел, в 1828 г. — обер-прокурор 3-го департамента Сената. 87—88, 275

Владиславлев Владимир Андреевич (1808 или 1806 — 1856) — адъютант начальника штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельта с 1836 г., дежурный штаб-офицер при корпусе жандармов с 1842 г. (с 1845 г. — подполковник), в отставке с 1846 г.; литератор. Сын А.А. и Е.Г. Владиславлевых. Отрицательно относился к литературной деятельности Булгарина (см.: его письмо 1838 г. А.Я. Стороженко. Стороженки. С. 63—64, 66). Поместил в СП статью «Замок Фалль» (1838. № 195) об имении А.Х. Бенкендорфа. *436, 451, 454, 468, 500, 545, 549*

Владиславлева Елизавета Григорьевна (1785—1845) — жена А.А. Владиславлева, мать В.А. Владиславлева. *275*

Власов Максим Григорьевич (1767—1848) — казачий атаман. В звании походного атамана участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. Позднее — наказный атаман Войска Донского (1836—1848). *416—417*

Воейков Александр Федорович (1778 или 1779 — 1839) — поэт, критик, журналист. Булгарин познакомился с ним во второй половине 1820 г. и стал поддерживать дружеские отношения, при этом «некоторое время сходил <...> с ума» (Греч. С. 649) от жены Воейкова (см. письма Булгарина к ней: Соловьев Н.В. История одной жизни: А.А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. С.98 [13 февраля 1823 г.]; РГАЛИ. Ф. 88. Оп.1. Ед. хр.72 [без даты]). В начале 1822 г. Булгарин поместил в СА (№ 1) очерк Воейкова «Описание Сарепты». Однако после того, как с 1822 г. Воейков стал редактором газеты «Русский инвалид», а в 1823 г. Булгарин подал прошение о передаче ему газеты, обещая платить значительно более высокую арендную плату (впоследствии под давлением Жуковского, Рылеева и Греча он взял прошение назад), отношения между ними испортились. Они вступили в публичную полемику (см., напр.: СА. 1823. № 5. С. 404—405; Рус. инвалид. 1823. № 66; СО. 1823. № 13. С. 252—283), а в мае 1823 г. дело чуть не дошло до дуэли (см.: Колбасин Е. Литературные деятели прошлого времени. СПб., 1859. С. 273—282). В дальнейшем полемика продолжалась; см.: Ф. Б[улгарин]. [Рец. на «Новости литературы]//Лит. листки. 1824. № 17; Воейков А. Образец красноречия//Дамский журнал. 1825. № 7. После восстания декабристов Воейков рассылал подметные письма с обвинениями в адрес Булгарина и Греча как заговорщиков (см.: Полевой. С. 220—222), вставил строфы про них в свой стихотворный памфлет «Дом сумасшедших» (см.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 300—301), выступал против них в редактируемых им изданиях (в 1828—1829 гг. в журнале «Славянин» материалы подобного рода появлялись почти в каждом номере. Булгарин и Греч время от времени отвечали на нападки (см.: СП. 1827. № 151; 1828. № 115, 132, 138, 139; 1829. № 126, 131). В январе 1830 г. за излишне резкую полемику (см. выпад в СП. 1830. № 13) по указанию царя все трое были посажены на сутки на гауптвахту, после чего взаимные нападки прекратились. Лишь в 1838 г. Булгарин вновь выступил с критикой Воейкова (см.: СП. 1838. № 76—78). См. письма Булгарина Воейкову от 25 ноября 1822 г. и 12 марта 1828 г. (РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 15) и письма Воейкова Булгарину 1820—1823 гг. (ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 791; Ф. 623. Оп. 1.

Ед. хр. 29; РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 3; РС. 1901. № 2. С. 384—385; в журнале первое письмо ошибочно датировано 1824 г.; правильную датировку см. в автографе: ИРЛИ. 13.960). *10, 26, 35, 112, 125, 149, 161, 212, 375, 381, 384—385, 436, 445, 468, 492, 500, 521, 536*

Волков Александр Александрович (1778—1833) — генерал-лейтенант, начальник 2-го округа корпуса жандармов в 1826—1833 гг. *143, 193, 378*

Волконский Григорий Петрович, князь (1808—1882) — попечитель Петербургского учебного округа в 1842—1845 гг. (см. письма Булгарина ему от 11 мая и 1 декабря 1843 г.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прил. С. 58—60; ИРЛИ. 19.696). *459, 509, 545*

Волконский Никита Григорьевич, князь — флигель-адъютант с 1807 г., генерал-майор с 1813 г., егермейстер двора с 1827 г.; в 1840 г. уволен со службы по прошению. *353*

Волконский Петр Михайлович, князь (1776—1852) — министр двора в 1826—1852 гг., в его ведении находились императорские театры. *66, 151, 210, 388, 426, 525, 541, 552, 576*

Вольтер (наст. имя — Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — французский писатель, философ, историк. *81, 193*

Волянский — польский поверенный в Петербурге. *432*

Вонзбун — белорусский помещик. *296*

Вонтробка — адвокат, вел дела польских помещиков в Петербурге. *296*

Воронцов Михаил Семенович, граф, князь с 1845 г., светлейший князь с 1852 г. (1782—1856) — новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской губернии с 1823 г., наместник Кавказа, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом с 1844 г., генерал-фельдмаршал с 1856 г. 222, 272, 331—332, 513, 591

Воронцова-Дашкова Александра Кирилловна, графиня (1817—1856) — жена обер-церемониймейстера графа И.И. Воронцова-Дашкова, дочь К.А. Нарышкина. У нее был «самый блестящий, самый модный и привлекательный дом в Петербурге» (Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 433). *556—559*

Врангель Фердинанд Петрович, барон (1796—1870) — мореплаватель, капитан 1-го ранга с 1829 г., адмирал и генерал-адъютант с 1856 г., член Гос. совета с 1857 г., почетный член Академии наук с 1855 г. *218*

Враский (Врасский) *Борис Алексеевич* (ок. 1796 — 1880) — экспедитор III отделения в 1830—1841 гг., старший чиновник там же в 1841—1847 и 1855—1866 гг.; действительный статский советник с 1843 г.; литератор (см. его личное дело: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1847. Ед. хр. 169). *34, 450—451, 454, 468, 545*

Вреде Богдан Евстафиевич (?—1828) — генерал-майор с 1818 г., командир бригады. *331—332*

Вульф Адольф Генрих (1765—1843) — ландрат, один из крупнейших землевладельцев Лифляндской губернии. *514*

Вындомский Владимир Петрович (1789—1841) — полковник в 1827 г., надворный советник, чиновник по особым поручениям в министерстве внутренних дел в 1828—1829 гг. *212, 215*

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик. Познакомился с Булгариным, по-видимому, заочно в 1822 г., через А.И. Тургенева, и вначале относился к нему достаточно благожелательно. Но уже со следующего года вступает в полемику статьей «Замечания на «Краткое обозрение русской литературы 1822-го года», напечатанное в № 5 «Северного архива» 1823-го года» (Новости литературы. 1823. № 19). Булгарин вскоре печатает критический отклик на предисловие Вяземского к «Стихотворениям» И.И. Дмитриева (Лит. листки. 1824. № 2), Вяземский отвечает (СО. 1824. № 14), Булгарин публикует полемический отклик на предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина (Лит. листки. 1824. № 8; воспоминания Булгарина о полемике см.: СП. 1845. № 9). Вскоре Вяземский пишет (совместно с Н.А. Поле-

вым) отрицательную рецензию на альманах Булгарина «Русская Талия» (МТ. 1825. № 2; помещена без подписи); в 1824—1831 гг. он сочиняет и распространяет несколько эпиграмм на Булгарина (см.: Русская эпиграмма. Л., 1988. С. 221—222), Булгарин же в 1827—1828 гг. передает в III отделение агентурные записки о нем доносного характера. В 1830 г. они прекратили личное общение, а взаимные нападки в печати продолжались и в дальнейшем. Вяземский опубликовал без подписи отрицательную рецензию на «Сочинения» Булгарина (Лит. газета. 1830. № 46, 47) и эпиграмму «Синонимы: гостинная — салон» (Московский наблюдатель. 1836. Июнь. Кн. 2); Булгарин включил в статью «Мнение о литературном журнале "Современник"» (СП. 1836. № 127) и в книгу «Комары» (СПб., 1842. С. 13, 240) выпады против Вяземского, в газетных фельетонах выступил против статьи Вяземского «Языков. Гоголь» (СП. 1847. № 98) и его книги «Фонвизин» (СП. 1848. № 232).

Лишь в конце 1840-х гг. отношения их стали менее конфликтными. Булгарин поместил в СП несколько стихотворений Вяземского (1849. № 25; 1853. № 104, 170) и с похвалой отзывался о нем в своих фельетонах (1853. № 15, 119, 169; 1855. № 165), а в 1856 г. даже обратился с личной просьбой (см.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1512). (Об их взаимоотношениях см.: Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Л., 1969 (по указ.); Остафьевский архив. Т. 2, 3. СПб., 1899 (по указ.); Лернер Н. Эпиграммы Вяземского на Булгарина // РС. 1908. № 1. С. 113—117; Вацуро В.Э. Страничка из жизни Грибоедова // Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 168—171). *19, 32—33, 36—39, 88, 112, 115, 125, 192—199, 205, 221, 224, 228, 289, 291, 293—294, 297, 299—300, 302—303, 341, 488, 490, 493, 498, 504, 522, 525, 559, 588*

Вязмитинов Сергей Козмич, граф (1749—1819) — петербургский генерал-губернатор в 1816—1818 гг. *43, 55, 141*

Вязьмитинов — см.: Вязмитинов С.К.

Гагарин Иван Алексеевич, князь (1771—1832) — тайный советник, сенатор с 1819 г. *352*

Гагин Петр Николаевич (?—1852) — коллежский асессор, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *127*

Гаевский Павел Иванович (1797—1875) — цензор (1826—1837), был известен своей строгостью и придирчивостью (см. о нем: Вацуро, Гиллельсон. С. 237—250). Цензурировал «Сочинения» Булгарина (Ч. 1—11. СПб., 1830) и 1-ю часть его романа «Мазепа» (СПб., 1833). (Письма Булгарина ему 1828 г. см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прил. С. 61—65). *225, 289, 301*

Галахов Александр Павлович (1802—1863) — генерал-адъютант с 1852 г., петербургский обер-полицмейстер в 1847—1856 гг. *539—540, 590*

Галлер Александр Карлович (1789—1850) — статский советник, директор канцелярии министерства юстиции в 1825—1827 гг. Был уволен, стал ходатаем по делам. Позднее ему было запрещено жить в столице и заниматься адвокатурой. Во второй половине 1840-х гг. славились любительские спектакли (с участием известных актеров) на его даче под Петербургом (см. о нем: РС. 1875. № 4. С. 727; ИВ. 1886. № 9. С. 507; Орлова-Синецкая П.И. Автобиография. М., 1994. С. 200—201). В 1849 г. Булгарин называл его «тридцатилетним своим приятелем» (СП. 1849. № 264). *90, 128—130, 141—142, 154*

Галямин Валериан Емельянович (ок. 1796 — 1855) — из дворян, окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Служил инженером, потом в императорской свите, с 1823 г. — помощник директора Корпуса топографов. После восстания декабристов был арестован, сидел в крепости, 20 февраля 1826 г. освобожден и вскоре переведен с тем же чином в Петровский пехотный полк в Финляндии. В 1832 г. по высочайшему повелению был назначен директором фарфорового завода и находился

на этой должности по 1848 г. (см. о нем: Императорский фарфоровый завод. 1744—1904. СПб., 1906. С. 401; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 49—50). *66—68*

Галямин Емельян (?—1816) — чиновник, отец В.Е. Галямина. *66—67*

Галямина — мать В.Е. Галямина. *66, 68*

Ган Павел Васильевич, барон (1793—1862) — действительный статский советник, лифляндский гражданский губернатор с 1827 г., впоследствии — сенатор (1836—1847), член Гос. совета. *368—369*

Ган София Львовна, баронесса (урожд. Граймберг) — жена П.В. Гана. 368—369

Гаррисон — портной в Петербурге. *389*

Гарткнох Христоф (1644—1687) — немецкий историк. *314*

Гартонг Павел Васильевич (?—1828) — флигель-адъютант, генерал-майор с 1825 г., командир лейб-гвардии Егерского полка в 1825—1828 гг. *335, 337*

Гауке Юзеф (1790—1837) — полковник. Был отправлен из Петербурга в Варшаву в декабре 1830 г. в самом начале восстания с посланием от министра статс-секретаря Царства Польского к Государственному совету Царства Польского. *487*

Гегеве Карл Генрих Константин (1796—1856) — пастор эстонского прихода в Дерпте с 1831 г., основатель и президент (в 1838—1840 гг.) Эстонского ученого общества. *561*

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ. *491, 499—500, 545, 548*

Гедройц Константин, князь (1805—1844) — камергер, статс-секретарь Царства Польского в Петербурге. *423*

Гежелинский Федор Федорович (1787 — не ранее 1846) — действительный статский советник, управляющий делами комитета министров. В 1830 г. был посажен в крепость, а в 1831 г. судим в Сенате и приговорен (за то, что «дозволял себе разные злоупотребления, объявлял Высочайшие повеления не в подлинном их смысле, подскабливал комитетские журналы и пр.» — ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 107. Л. 136) к лишению чинов, дворянства и разжалованию в рядовые (см.: Корф М.А. Из записок//РС. 1899. № 5. С. 375—391). Позднее был уволен из армии, в 1839 г. пожалован чином коллежского регистратора. *342—343*

Гейден Логин Петрович, граф (1772—1850) — вице-адмирал с 1827 г., в 1827—1829 гг. возглавлял русскую эскадру в Средиземном море, производил блокаду Дарданелл и Константинополя. С 1833 г. — адмирал. *238, 318*

Гейсмар Федор Клементьевич, барон (1783—1848) — генерал от кавалерии. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. возглавлял особый отряд для прикрытия сообщений армии, во время польского восстания 1831 г. командовал 2-й конно-егерской дивизией. *328—329, 417*

Гелиогабал — римский император с 218 по 222 г. *497*

Гельгуд Антоний (1792—1831) — польский полковник (с 1812 г. в наполеоновской армии), затем генерал (с 1818 г., в армии Царства Польского). Участник восстания 1830—1831 гг. *233*

Ген Виктор-Амандус (1813—1890) — лектор немецкого языка в Дерптском университете с 1846 г. В 1851 г. был по политическим мотивам уволен со службы и сослан в Тулу. С 1856 по 1873 г. — старший библиотекарь Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. *578*

Генрих IV (1050—1106) — германский император в 1056—1106 гг.

Генрих IV (1553—1610) — король Франции с 1589 г. *285*

Герберский Викентий (1784—1826) — адъюнкт медицины Виленского университета. *242*

Герман Карл Федорович (1767—1838) — профессор статистики Петербургского университета, действ. член Академии наук с 1805 г., ординарный академик с 1835 г.. *132, 134*

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — журналист, прозаик, революционер. С 1847 г. — в эмиграции. Писал о Булгарине в памфлете «Ум хорошо, а два лучше» (написан в 1843 г., опубликован в Лондоне в 1862-м, в России в 1871 г.), в книге «О развитии революционных идей в России» (1851) называл его «ренегатом» и «полицейским, а не литератором» (Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. М., 1956. С. 215). *22, 495, 503—504, 559—560, 583—584*

Гершевич — наследник С.Г. Зорича. *119*

Гессе Иван Христианович — статский советник, начальник рижского таможенного округа в 1829—1859 гг. *368*

Гессен-Гомбургский, принц — см.: Филипп Гессен-Гомбургский.

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт и прозаик. *92, 439*

Гецевич — см.: Гечевич В.И.

Гечевич Викентий Иванович (1769—1840) — гражданский губернатор Минской губернии в 1818—1831 гг., действительный статский советник с 1826 г., сенатор с 1831 г. *247, 274, 307*

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и политический деятель. *499*

Гинтилло Иоанн — каноник, заседатель от Самогитской епархии в римско-католической духовной коллегии в Петербурге с 1828 г.

Гинц Лев Иванович — директор канцелярии великого князя Константина Павловича в 1820-х гг. *207, 351, 374, 414*

Гладков Иван Васильевич (1766—1832) — генерал-лейтенант и петербургский обер-полицмейстер с 1821 г., сенатор с 1825 г. *244*

Глазунов Андрей Васильевич (?—1877) — московский книгопродавец, владевший книжной лавкой и в Петербурге. *473*

Глазунов Илья Иванович (1786—1849) — петербургский книгопродавец, издатель, владелец типографии (см. письмо Булгарина к нему 1846 г.: Российский архив. Вып. 1. М., 1991. С. 42—43). *498, 557*

Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — журналист, писатель, цензор Московского цензурного комитета в 1827—1830 гг. *34, 375—376, 521*

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, прозаик; декабрист. В 1798—1803 гг. учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе одновременно с Булгариным. Полковник с 1818 г., чиновник по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе в 1819—1822 гг. В 1826 г. сослан в Петрозаводск, в 1830 г. переведен в Тверь, в 1834 г. вышел в отставку и поселился в Москве. С начала 1820-х гг. сблизился с Булгариным, в дальнейшем поддерживал тесные отношения и переписку; см. письма Булгарина Ф. Глинке 1821—1829 гг. (РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 196; Лит. вестник. 1902. Т. 4. Кн. 8. С. 343—344) и письма Глинки Булгарину 1826 г. и без даты (Современные записки (Париж). 1939. Т. 68. С. 462; ИРЛИ. Архив Пиксанова. Тетрадь с копиями из Карловского собрания Булгарина). Печатался в «Лит. листках», СА и СП (с первого года ее существования по 1850-е гг.). Посвятил Булгарину аллегорию «Неведомая», помещенную в «Полярной звезде» на 1823 г. Булгарин опубликовал положительную рецензию на его книгу «Очерки Бородинского сражения» (СП. 1839. № 271). *65, 104, 125, 138, 224, 583*

Глотов Макар Патрикеевич (?—1833) — коллежский советник, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *405*

Глюксберг — секретарь польского адвоката в Петербурге Кожуховского. *432*

Гогендорп Тьерри (1762—1822) — голландский генерал, с 1806 г. — на французской службе, граф империи с 1811 г.; французский военный губернатор в Литве в 1812 г. *233*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель. Познакомился с Булгариным в конце 1829 г. или в начале 1830 г., когда обратился с просьбой устроить на службу. Булгарин утверждал в своих воспоминаниях (СП. 1854. № 175), что нашел Гоголю место в III отделении (см. подробнее: Рейтблат А.И. Служил ли Гоголь в III отделении?// Филологические науки. 1992. № 5/6. С. 23—30; тут же указания на другие работы по данной теме). Но вскоре Гоголь примкнул к лагерю т.н. литературных аристократов и в печати и частной переписке неизменно отрицательно отзывался о Булгарине. В «Портрете», «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего» (1835) высмеяна СП, в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (1842) Булгарин выведен в образе «Еще литератора». Булгарин в своих рецензиях и фельетонах критически отзывался о языке и достоверности гоголевских произведений, выступал против завышенной, по его мнению, их оценки (список публикаций Булгарина о Гоголе и характеристику их см.: Рейтблат А.И. Гоголь и Булгарин: к истории литературных взаимоотношений// Гоголь: материалы и исследования. М., 1995. С. 82—98). Ряд исследователей отмечает влияние Булгарина на творчество Гоголя (см.: Энгельгардт Н.А. Гоголь и романы двадцатых годов // ИВ. 1902. № 2. С. 577—579; Он же. Гоголь и Булгарин // ИВ. 1904. № 7. С. 154—173; Ю.Ф[охт]. «Иван Выжигин» и «Мертвые души» // РА. 1902. № 8. С. 596—603; Alkire G.H. Gogol and Bulgarin's «Ivan Vyzigin» // Slavic Review. 1969. № 2. P. 289—296). О личных и творческих взаимоотношениях Гоголя и Булгарина см. также: Манн Ю.В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В.Гоголя. 1809—1835. М., 1994. С. 205—208; Кузовкина Т. «Румяный критик мой...» (К истории взаимоотношений Гоголя и Булгарина) // Русская филология. Вып. 6. Тарту, 1995. С. 35—46; Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь // РЛ. 1996. № 2. С. 3—22; № 3. С. 3—18). *12, 26, 29, 493, 499, 559, 564—565*

Годейн (Годеин) *Павел Петрович* (1785—1847) — генерал-майор, с 1823 г. командир Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с 1832 г. — директор 1-го кадетского корпуса. *390*

Годлевский Юзеф (1773—1867) — польский государственный деятель, посол на сейме в Царстве Польском, владелец большого поместья с образцово поставленным хозяйством. Участник восстания 1830—1831 гг. *355*

Голембиовский Лукаш (1773—1849) — польский историк. *355*

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич, граф с 1832 г. (1772—1843) — генерал-адъютант; генерал от кавалерии с 1826 г., санкт-петербургский военный губернатор в 1826—1830 гг.; член Гос. совета с 1826 г. *11, 50, 55, 144, 430—431*

Голицын Александр Борисович, князь (1792—1865) — действительный статский советник, муж А.В. Ланской, дочери В.С. Ланского. *99*

Голицын Александр Николаевич, князь (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения в 1816—1824 гг. Сенатор с 1812 г. Булгарин в 1819 г. подавал ему прошение с просьбой разрешить издавать дамский журнал на польском языке (см.: РС. 1900. № 9. С. 559—561). *53—55, 75, 77, 298, 395, 470, 472*

Голицын Дмитрий Владимирович, князь (1771—1844) — генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор в 1820—1843 гг., член Гос. совета. *192, 196—197, 205, 255, 257, 266, 274, 299, 302—303, 316—317, 393*

Голицына Каролина Тереза, княгиня (урожд. Валевская, в первом браке — Ходкевич; 1778—1846) — жена князя А. Голицына, полковника в отставке (с 1818 г.). Будучи очень красивой и музыкальной, была всегда окружена массой поклонников. 362

Голицына Наталья Петровна, княгиня (урожд. графиня Чернышева; 1741—1837) — статс-дама, мать С.В. Строгановой, прототип графини в «Пиковой даме» Пушкина. *218, 238*

Головин Евгений Александрович (1782—1858) — генерал-адъютант, командир 4-й гвардейской пехотной бригады в 1825—1828 гг., участвовал в русско-турецкой войне 1828—

1829 гг., в 1838—1842 гг. командир отдельного Кавказского корпуса. С 1845 г. — генерал-губернатор Прибалтийского края, с 1848 г. — член Гос. совета. *335, 337, 515, 600*

Головнин Василий Михайлович (1776—1831) — мореплаватель, в 1823—1828 гг. — капитан-командор, генерал-интендант флота, с 1828 г. — генерал-майор, непременный член ученого комитета Морского штаба. Булгарин в 1822 г. поместил в СА его «Известие из истории кораблекрушений» (№ 6, 21, 22), позднее уверял в своих мемуарах, что «пользовался его особенной благосклонностью» (Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 2. СПб., 1846. С. 332). *59, 90, 330, 342—343*

Головнина Авдотья Степановна (урожд. Лутковская) — жена В.М. Головнина с 1819 г., сестра Ф.С. Лутковского. *59*

Голуховский Юзеф (1797—1858) — профессор Виленского университета по кафедре философии в 1823—1824 гг. 240, 243, 312

Гораций (65—8 до н.э.) — древнеримский поэт. 70, 74—75, 77, 85, 472, 474

Горголи Иван Саввич (1767 или 1770 — 1862) — генерал-лейтенант, сенатор с 1826 г. Булгарин был знаком с ним и писал о нем в своих мемуарах (см. письмо Булгарина А.В. Никитенко от 22 ноября 1845 г.: РС. 1900. № 1. С. 180). *104, 200*

Горецкий Антон — см.: Гурецкий А.

Горн Петр Григорьевич (1771—1847) — действительный статский советник с 1822 г., гражданский губернатор Виленской губернии в 1823—1830 гг (см. формулярный список 1830 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 578. Л. 141—144). *207*

Городицкий (Хородыский) *Николай Анджей Михал* (1773 — не ранее 1850) — польский политический деятель. *203*

Горожанский Матвей Алексеевич (1777—1832) — статский советник, председатель петербургской палаты уголовного суда. *207*

Горская Елизавета-Каролина-Фредерика (урожд. Мирбах; ум. до 1821) — жена О.-Ю.В. Горского. *83*

Горский (Грабя-Горский) *Осип-Юлиан Викентьевич* (1766—1848) — из польских дворян, служил в русской армии с 1804 г., уволен по болезни в чине полковника в 1818 г., кавказский вице-губернатор и статский советник с 1819 г., в отставке с 1822 г. Присутствовал на Сенатской площади в день восстания 14 декабря 1825 г. Высочайшим указом в 1827 г. сослан под надзор полиции в Березов. *82—83*

Горский Юзеф — маршал (предводитель шляхты) Виленской губернии в 1830—1834 гг. *425*

Горский Юлиан-Викентий Иосифович-Казимирович — полковник Минского воеводства, стольник Мстиславского воеводства, отец О.-Ю. Горского. *83*

Госнер Иоганн (1773—1858) — немецкий пастор, духовный писатель. *54, 244*

Гофман Андрей Логинович (1798—1863) — чиновник комиссии прошений во второй половине 1820-х гг., хороший знакомый Н.М. Языкова. Впоследствии — действительный статский советник, статс-секретарь, член Гос. совета. *405*

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель. *184*

Граббе Павел Христофорович (1787—1875) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант (с 1839 г.). Учился вместе с Булгариным в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, впоследствии поддерживал с ним дружеские отношения (см.: Граббе П.Х. Записная книжка. М., 1888. С. 198, 203, 205, 207, 370, 371, 379; Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе // РА. 1889. № 3. Прил. С. 479, 494—495; № 8. Прил. С. 657). *598, 601*

Грабовский Станислав (1780—1845) — министр просвещения Царства Польского с 1820 г. *355, 362*

Грабовский Стефан (1767—1847) — министр статс-секретарь Царства Польского с 1822 г., генерал дивизии с 1826 г. Впоследствии — тайный советник, член Гос. совета. В отставке с 1839 г. в чине генерал-лейтенанта. *69, 165, 216, 301, 355, 400, 423*

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — историк, профессор Московского университета в 1839—1855 гг. *491, 500*

Греч Александр Иванович (1789—1812) — поручик, брат Н.И. Греча. *572*

Греч Алексей Алексеевич (1848—1889) — сын А.Н. Греча и Э.Ф. Греч. *572—573*

Греч Алексей Николаевич (1814—1850) — журналист, сын Н.И. Греча. В конце 1830—1840-х гг. выполнял функции секретаря редакции СП. Булгарин считал (о чем писал И.П. Липранди 23 марта 1855 г.), что А.Н. Греч «был человек весьма способный для механического издания «Северной пчелы», человек весьма неглупый и смирный» (РА. 1869. № 9. С. 1555). См. письма Булгарина к нему (РГБ. Ф.178. Муз. собрание. К. 8566. Ед. хр. 12; ИРЛИ. 27.287) и письма А. Греча Булгарину (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 257. Л. 18—20). (Об отношении Булгарина к А. Гречу см. также: Греч. С. 720—723). *517, 519, 521—522, 572—573*

Греч Екатерина Алексеевна (1845 или 1846 —?) — дочь А.Н. и Э.Ф. Греч. *572—573*

Греч Николай Алексеевич (1847—1903) — сын А.Н. Греча и Э.Ф. Греч. *572—573*

Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, прозаик, филолог. Булгарин познакомился с ним 5 февраля 1820 г. (см.: Булгарин Ф.В. К портрету Н.И. Греча // Греч Н.И. Сочинения. Ч.5. СПб., 1838. С.XII), и они сразу же подружились. Булгарин стал часто печататься в СО, помещал панегирические рецензии на книги Греча (см.: Благонамеренный. 1821. № 7—8. С. 46—64; СП. 1827. № 138; 1838. № 281; 1840. № 123; 1851. № 22; 1853. № 2), а Греч отвечал ему тем же (см.: СП. 1828. № 31; 1829. № 37; 1830. № 89; 1846. № 147; Греч Н.И. Учебная книга русской словесности <...>. Ч. 4. СПб., 1830. С. LII; Он же. Чтения о русском языке. Ч. 2. СПб., 1840. С. 333—334, 394—395). Взаимные похвалы нередко являлись поводом для насмешек (см., напр., памфлет Пушкина «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов» [1831] и басню Крылова «Кукушка и Петух» [1841]). Булгарин написал также предисловие к «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча (Т. 1. СПб., 1827), а Греч посвятил ему роман «Поездка в Германию» (СПб., 1831). С 1825 г. они вместе издавали и редактировали СП (Греч вел там политический отдел, а Булгарин — литературный), СО и СА (в 1829 г. эти два журнала были объединены в один — «Сын отечества и Северный архив», в 1838 г. он был передан в другие руки, хотя Греч и Булгарин по 1839 г. формально числились его редакторами).

Несмотря на время от времени возникавшие между ними конфликты (особенно в 1840-х гг.), вызванные главным образом причинами денежного характера, до 1853 г. Греч и Булгарин поддерживали дружеское общение и вели активную переписку. См. письма Булгарина 1823—1850 гг.: Лит. портфели. Вып. 1. Пб., 1923. С. 51—53; Лит. вестник. 1901. № 2. С.172—177; РА. 1870. № 10. Стб. 1943—1944; Древняя и новая Россия. 1876. № 1. С. 98—99; ИРЛИ. Ф. 590. Ед. хр. 40; письма Греча 1832—1857 гг.: Пушкин и его современники. Вып. 5. СПб., 1907. С. 52—59, 61—62; Древняя и новая Россия. 1876. № 1. С. 99; Наша старина. 1916. № 1. С. 70; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 257 (20 писем); ИРЛИ. Ф. 623. Оп. 1. Ед. хр. 4 (20 писем); ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 888; РНБ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35, 70; Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1—3; Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 21; Частное собрание В. Петрицкого (см.: Частные собрания российских библиофилов. I. Вилли Петрицкий. II. Вениамин Худолей. СПб., 1994. С. 13, недавно последнее письмо передано в РНБ). Однако после довольно резкой полемики между собой в СП в 1853 г. по поводу хвалебных статей Булгарина о музыкантах братьях Контских (см.: СП. 1853. № 49, 52, 61, 88, 94, 96, 98, 102, 138 и др.) отношения резко ухудшились, а в 1855 г. они вообще прервали всяческое общение, восстановив его лишь осенью 1856 г., да и то лишь на чисто деловом, официальном уровне. О их взаимоотношениях см. также письмо Булгарина И.П. Липранди от 23 марта 1855 г. (РА. 1869. № 9. Стб. 1554—1559) и воспоминания Греча и П.С. Усова (Греч. С. 665—724; Усов). *8—10, 12—14, 26, 28—29, 31—35, 39,*

57, 71, 77—78, 88—89, 97—98, 115, 136, 138, 204, 206, 214, 230—231, 311—312, 316, 381, 384—386, 427, 435—436, 442—443, 445, 456—457, 461—465, 467, 474—475, 487, 500, 510, 519, 521—522, 528, 530—532, 534, 545, 555—557, 564, 566—568, 572—576, 581—582, 588, 592—597, 604—605

Греч Павел Иванович (1797—1850) — генерал-майор, 2-й комендант Петербурга в конце 1840-х гг. *572—573*

Греч Эмилия Катарина Шарлотта (урожд. Тимм; 1821—1877) — жена А.Н. Греча с 1844 г. *572—573*

Грибовский Адриан Моисеевич (1766—1833) — статс-секретарь у принятия прошений при Екатерине II в 1795—1796 гг, с 1796 г. в отставке. *129*

Грибоедов Александр Сергеевич (1790 или 1795 — 1829) — драматург, поэт, дипломат. Познакомился с Булгариным в июне 1824 г. и быстро подружился с ним (см. воспоминания Булгарина «Как люди дружатся»: СП. 1837. № 47). Опубликованный в начале сентября 1824 г. в журнале «Лит. листки» (№ 16) памфлетный диалог «с ключом» «Литературные призраки» (в нем Грибоедов под именем Талантина был противопоставлен невежественным и не признающим необходимости высокой цели в поэзии А.А. Дельвигу, Е.А. Баратынскому и др.) был негативно воспринят Грибоедовым. Он написал Булгарину письмо о разрыве отношений, но вскоре вновь сблизился с ним. Грибоедов подготовил примечания к публикуемым в СА (1825. № 8, 9) путевым запискам Д.И. Цыкулина. Булгарин взял на себя проведение в печать «Горя от ума» (большой фрагмент пьесы ему удалось опубликовать в 1825 г. в своем альманахе «Русская Талия»); хлопотал за Грибоедова, когда тот был арестован по делу декабристов; оказывал ему услуги бытового характера. Выйдя из заключения летом 1826 г., Грибоедов поселился на даче у Булгарина и поместил в СП (без подписи) очерк «Загородная прогулка» (1826. №76) и стихотворение «Хищники на Чегеме» (1826. № 143; с хвалебным примечанием Булгарина). Уезжая в Персию, Грибоедов оставил Булгарину список «Горя от ума» с надписью «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов». После гибели Грибоедова Булгарин опубликовал обширные «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (Сын отечества и Северный архив. 1830. № 1), вывел его (под именем Светловидова) в своем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (СПб., 1835), неоднократно писал о нем в рецензиях и фельетонах (см.: СП. 1831. № 31, 32; 1839. № 190; 1849. № 111; и др.). Их переписку (23 письма Грибоедова и 2 письма Булгарина) см.: Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1889; Рус. вестник. 1894. № 3. С. 199—201). Подробнее об их взаимоотношениях см.: Мещеряков В.П. А.С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 152—185; Вацуро В.Э. Страничка из жизни Грибоедова// Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 172—175; А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980 (по указ.). *9, 19, 26, 70, 81, 135, 158, 271—274, 276, 285, 302, 304, 362—363, 389—392, 486*

Грибоедова Настасья Федоровна (урожд. Грибоедова; 1768—1839) — мать А.С. Грибоедова (см. ее письмо Булгарину 1828 г.: РС. 1874. № 6. С. 300—301). *390—392*

Грибоедова Нина Александровна (урожд. Чавчавадзе; 1812—1857) — жена А.С. Грибоедова с 1828 г. *390—392*

Григорьев Константин Никифорович (1799—1871) — действительный статский советник, костромской гражданский губернатор в 1846—1847 гг. *537*

Гриневич Игнатий Фомич — помещик Бобруйского повета Минской губернии. *177, 180*

Груби Иосиф Иванович (1787—1834) — профессор Медико-хирургической академии, лейб-окулист. *119—120*

Грунтковский (Гронтковский) *Иосиф* (1810—?) — студент Виленского университета. *246—247*

Гуммлауэр — секретарь австрийского посольства в Петербурге в конце 1810-х — начале 1820-х гг. *202*

Гурецкий Антоний (1787—1861) — поэт-баснописец, участник наполеоновских войн и восстания 1830—1831 гг. Был членом Товарищества шубравцев, в которое входил и Булгарин. *282—285, 287*

Гурьев, сын действительного статского советника Гурьева — возможно, Константин Васильевич Гурьев (1800—?), лицейский товарищ Пушкина, сын В.П. Гурьева. *68*

Гурьев, действительный статский советник — возможно, Василий Петрович Гурьев (1779—?), действительный статский советник, чиновник по особым поручениям при министре финансов с 1812 г. по начало 1840-х гг. (см. его формулярный список 1843 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 637. Л. 116—122). *68*

Гурьев Александр Дмитриевич, граф (1785 или 1787 —1865) — генерал-майор, одесский градоначальник в 1822—1825 гг., член совета военного министерства с 1827 г., сенатор с 1828 г. Сын Д.А. Гурьева. *155, 163—164, 277*

Гурьев Дмитрий Александрович, граф (1751—1825) — министр финансов в 1809—1823 гг. Отец А.Д. Гурьева. *185, 392*

Густав IV Адольф (1778—1837) — король Швеции в 1796—1809 гг. 307—308, 319, 373

Густав Ваза (1799—1877) — сын низложенного шведского короля Густава IV Адольфа, с 1825 г. — на службе в австрийской армии. *307—308, 319, 373*

Гутаковская Марианна (урожд. Соболевская, в 1-м браке — Забелло; 1766—1843) — жена Л.Ш. Гутаковского. *362*

Гутаковский Людвиг Шимон (1738—1811) — президент польского сената в 1809—1811 гг. *362*

Гутман — старшина кагала в Полангене. *174*

Давид Лука (ок. 1503 — 1583) — прусский хронист. *315*

Давыдов Владимир Петрович (впоследствии граф Орлов-Давыдов; 1809—1882) — камергер, член московского Общества испытателей природы и Вольного экономического общества, почетный вольный общинник Академии художеств. 492, 500—501, 545

Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — профессор латинской словесности, философии, математики и русской словесности Московского университета в 1820—1847 гг., директор Главного Педагогического института в Петербурге в 1847—1858 гг., академик с 1841 г. Один из первых сторонников шеллингианства в России, пропагандировавший его с университетской кафедры. 195, 198, 221, 491, 499, 548, 586—588, 599

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — прозаик, лексикограф, врач. В 1841—1849 гг. — статский советник, секретарь и чиновник особых поручений при товарище министра уделов и министре внутренних дел Л.А. Перовском. Был знаком с Булгариным (см. письмо Булгарина к нему: РС. 1893. № 4. С. 54). Отрицательно относился к Булгарину (см.: Лица. Вып. 2. М., СПб., 1993. С. 295, 325, 341), но постоянно печатался в СП (Слово медика к больным и здоровым // СП. 1832. № 127, 128; Русские сказки [о своей книге] // СП. 1832. №206; [Заметка о языке] // СП. 1833. № 119; Еще письмо к доктору Зейдлицу [о гомеопатии] // СП. 1835. № 97; Скачки в Уральске и Оренбурге // СП. 1835. № 262, 263, и др). См. написанный в форме письма к Далю очерк Булгарина «Философская медицина» (СП. 1832. № 161) и его характеристику творчества Даля (СП. 1846. № 254). 26, 34, 54, 458—459, 492, 545, 559, 560

Дамас Анн-Гиацинт-Максанс, барон (1785—1862) — французский военный и государственный деятель. С 1795 г. в эмиграции в России, в 1814 г., будучи генерал-майором, перешел во французскую армию. В 1823—1824 гг. военный министр, в 1824—1828 гг. — министр иностранных дел, с 1828 г. — воспитатель герцога Бордоского (впоследствии — граф Г. Шамбор). *414, 417*

Данилов (Александр?) — казначей (в Гос. контроле?). *121*

Данилович Игнацы (1787—1843) — юрист, профессор Виленского университета с 1822 г., в 1824 г. после процесса филоматов по подозрению в нелояльности был отстранен от преподавания и выслан в Россию. В 1825—1830 гг. был профессором российского права в Харьковском университете, в 1830—1835 гг. служил во II отделении Собственной его императорского величества канцелярии, занимаясь кодификацией литовского законодательства, с 1835 г. преподавал в Киевском университете. Булгарин поместил его «Историческое и этнографическое исследование о цыганах» в СА (1826. № 1—6). *240, 243, 312*

Дараган Анна Михайловна (урожд. Балугьянская; 1805—1877) — жена П.М. Дараганa. *539*

Дараган Петр Михайлович (1800—1875) — генерал-майор, в 1848 г. командовал запасными эскадронами 2-го резервного кавалерийского корпуса. С 1850 г. — военный губернатор Тульской губернии, с 1855 г. — генерал-лейтенант. Автор мемуаров «Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны» (РС. 1875. № 4, 5). Булгарин был знаком с ним (см.: Стороженки. С. 31). *539—540*

Даргомыжский Сергей Николаевич (1789—1864) — надворный советник, правитель канцелярии Государственного коммерческого банка в 1817—1826 гг., отец композитора А.С. Даргомыжского. *86—87*

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — литератор, один из основателей лит. общества «Арзамас», с 1826 г. — статс-секретарь, товарищ министра внутренних дел, с 1829 г. — товарищ министра юстиции, в 1832—1839 гг. — министр юстиции. Негативно оценивал деятельность Булгарина (см. его письмо П.А. Вяземскому от 24 июня 1824 г.: Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Л., 1969. С. 45), однако не прерывал отношений с ним (см. его письмо Гречу и Булгарину, написанное в феврале 1825 г.: РС. 1905. № 4. С. 209; в журнале дана неверная датировка). Булгарин вывел его в своем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (СПб., 1835). *36, 91, 112—113, 184, 186, 271, 290, 297, 407, 438—439, 443, 522, 543, 591*

Дегуров Антон Антонович (1766—1849) — профессор всеобщей истории и французской словесности Петербургского университета с 1819 г., ректор в 1825—1836 гг. *199—200*

Дезин Вилим Вилимович (1795—?) — сын В.П. Дезина, товарищ Н.А. Бестужева по Морскому корпусу. В 1818 г. уволен из флота, в 1821 г. определен в комиссариатский штат комиссионером, с прикомандированием к канцелярии военного министра; откомандирован обратно в 1827 г. (в 1829 г. — в чине надворного советника). В 1829 г. был, по словам М.А. Бестужева, «назначен на Кавказ как чиновник-провиантмейстер» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 55). *377—378*

Дезин Вилим Петрович (1740—1826) — адмирал; сенатор с 1802 г. *377*

Дезина (урожд. Рудакова) — жена В.В. Дезина. *377—378*

Делакроа Иван Иванович (1781—1852) — надворный советник, цензор в Дерпте в конце 1840-х — начале 1850-х гг., журналист, литератор. Булгарин написал предисловие к выпущенной им книге «Капитолий, или Собрание жизнеописаний великих мужей с их портретами» (СПб., 1841). *577—578*

Делакруа — см.: Круа К.Е.

Дельвиг Антон Антонович, барон (1798—1831) — поэт, издатель альманаха «Северные цветы» (1825—1831) и «Лит. газеты» (1830—1831). В 1821—1822 гг. часто встречался с Булгариным на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, бывал у него дома (см.: Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 371, 375, 379; Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 105, 134), в 1823 г. поместил в «Лит. листках» (№ 4) стихотворение «На выпуск птички». В июне 1824 г. конфликт между Булгариным и Дельвигом чуть не завершился дуэлью (см. комментарий Ю.Г. Ок-

смана к публикации записки Рылеева к Булгарину 1825 г.: ЛН. Т. 59. М., 1954. С. 147—151; см. также: Вацуро В.Э. «Северные цветы». М., 1978. С. 28, 255), с этих пор Дельвиг отзывался о литературной деятельности Булгарина резко негативно (см. его письмо П.А. Вяземскому от 10 сентября и письмо Пушкину от 28 сентября: Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 284, 286). Личные отношения Булгарина и Дельвига были восстановлены в январе 1825 г., но ненадолго. В «Лит. газете» Дельвиг поместил отрицательные рецензии на «Димитрия Самозванца» (1830. № 14; без подписи) и немецкий перевод «Ивана Выжигина» (1830. № 34) и ряд других антибулгаринских публикаций (см. по указ.: Дельвиг А.А. Указ. соч.). (Ср. отрицательные отзывы Булгарина о его творчестве: СП. 1848. № 2; 1854. № 12). *206, 348, 385, 442, 498, 504, 510*

Денненберг Иван Андреевич — чиновник 6-го класса, домовладелец в Петербурге. *431—432*

Деноткин Николай Данилович (?—1874) — владелец литографии в Петербурге. *590—592*

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — поэт, государственный деятель. *46, 387—388, 438, 493, 546*

Дершау Федор Карлович (1821— не ранее 1862) — прозаик, журналист, в 1845—1847 гг. — издатель журнала «Финский вестник». В 1840—1841 гг., начиная литературную деятельность, печатал в СП очерки о Финляндии (см.: СП. 1840. № 282, 283; 1841. № 2, 18, 29 и др.). Позднее дважды вывел Булгарина в памфлетном ключе в книге «Записки покойного Колечкина» (Або, 1843), а после начала издания «Финского вестника» постоянно полемизировал с ним. *523—527, 536, 542, 582—584*

Дзялинский Адам Титус (1796—1861) — собиратель и издатель источников по истории Польши. *355*

Дибич — жена В.И. Дибича. *296*

Дибич Василий Иванович, барон (1770—1838) — полковник, брат И.И. Дибича. *296*

Дибич Иван Иванович, барон, с 1827 г. — граф (1785—1831) — генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба, в 1829 г. — командующий армией на Балканах в русско-турецкой войне; в 1830—1831 гг. — главнокомандующий армией, действовавшей против польских повстанцев. *11, 53, 70—71, 82, 121, 125, 143, 150, 157—158, 164, 171, 206, 250, 296, 304, 312, 316—317, 323, 327, 330—331, 337, 361, 416—417, 456*

Дивов Павел Гаврилович (1763—1841) — сенатор с 1819 г. *116, 163—164, 181—182*

Дидерот — см.: Дидро Д.

Дидро Дени (1713—1784) — французский философ, писатель, теоретик искусства. 193

Дмитриев Александр Петрович (1776—1859) — статский советник, чиновник по особым поручениям министра внутренних дел, прикомандированный к министру финансов Царства Польского Ф.К. Любецкому во второй половине 1820-х гг., сенатор с 1843 г. *152, 207, 247*

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт, министр юстиции в 1810—1814 гг. Высоко оценивал литературное творчество Булгарина. (См.: Дмитриев И.И. Сочинения. Т. 2. СПб., 1895. С. 287, 299 и письмо Дмитриева Булгарину: РС. 1905. № 4. С. 214). Булгарин написал его некролог (СП. 1837. № 267, 268). *120, 438, 511—512, 546*

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — критик, поэт, мемуарист. Судья московского надворного суда с 1826 г., обер-прокурор Сената, действительный статский советник с 1839 г. *36, 85, 196, 500*

Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) — великий князь владимирский и московский с 1359 г., полководец. *209*

Дмоховский Франтишек (1801—1871) — редактор варшавского журнала «Польская библиотека», имел репутацию литературного консерватора. *255*

Добецкий — см.: Дубецкий Ф.Д.

Добровольский — поверенный князя А.Е. Чарторыского в Петербурге. *430*

Долгорукий (Долгоруков) *Алексей Алексеевич*, князь (1767—1834) — министр юстиции в 1827—1829 гг. См. прошение Булгарина к нему 27 октября 1827 г.: РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863—1864). *101, 223, 275, 277, 296, 342—343*

Долгорукий (Долгоруков) *Яков Федорович* (1639—1720) — сподвижник Петра I, глава Военного комиссариата и сенатор с 1711 г., президент Ревизион-коллегии с 1717 г. *144*

Долгоруков Василий Андреевич, князь (1804—1868) — военный министр в 1852—1856 гг. Шеф жандармов и главный начальник III отделения в 1856—1866 гг. *595—597, 604—605, 607*

Домбровский Ян Хенрик (1755—1818) — польский генерал, инициатор создания польских легионов в 1797 г. *259, 264*

Дондуков-Корсаков Михаил Александрович, князь (1792—1869) — попечитель Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета в 1833—1841 гг. (Письма Булгарина ему 1832, 1839 и 1841 гг. см.: Библиографические записки. 1859. № 20. С. 621—623; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1515. Л. 1, 2; РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 112). *392, 510, 544—545*

Дорогомыжский — см.: Даргомыжский С.Н.

Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862) — начальник штаба корпуса жандармов с 1835 г., в 1839 г. был назначен (с сохранением прежней должности) начальником III отделения. С 1856 г. — в отставке. *15—16, 21—23, 29—30, 268, 435, 444—451, 455—462, 464—471, 476—482, 489, 501, 505, 513, 514—516, 520—524, 527, 532—533, 536—542, 550, 553—555, 559—565, 569—573, 575—579, 582—583, 585—593, 595—607*

Дубенский Николай Порфирьевич (1779—1841) — тайный советник, сенатор в 1822—1841 гг. *299*

Дубецкий Фабий Денисьевич — титулярный советник, чиновник по особым поручениям министерства народного просвещения в конце 1820-х гг.; коллежский асессор, чиновник министерства иностранных дел в 1830—1831 гг. *429, 432*

Дузбург (Дюизбург) *Петер* (XIV) — священник, летописец Тевтонского ордена. *314—315*

Дурнов (Дурново) *Николай Дмитриевич* (1792—1828) — флигель-адъютант, генерал-майор. Участвовал в русско-турецкой войне 1828 г. *337*

Дурново Алексей Михайлович (1792 — ок.1849) — муж М.С. Грибоедовой, зять А.С. Грибоедова. *390*

Дурново Мария Сергеевна (урожд. Грибоедова; 1792—1856) — сестра А.С. Грибоедова, после его смерти вместе с вдовой Н.А. Грибоедовой стала его душеприказчицей. О взаимоотношениях Булгарина с ней см. его письмо М.А. Дондукову-Корсакову от 1 марта 1832 г. (Библиографические записки. 1859. № 20. С. 621—623). *390—392*

Дьяков Алексей Дмитриевич — коллежский советник, чиновник комиссии прошений. В 1826 г. был исключен со службы по подозрению во взяточничестве. *386—387*

Дюгамель Осип Осипович (1768—1840) — действительный статский советник, лифляндский гражданский губернатор в 1820-х гг., с 1827 г. — сенатор. *211—212*

Дюизбург — см.: Дузбург П.

Евгений (в миру — Болховитинов Евфимий Алексеевич) (1767—1837) — киевский митрополит с 1822 г., историк церкви и библиограф. *289*

Евдокимов Григорий Евдокимович (1787—1863) — надворный советник, начальник 3-го отделения медицинского департамента министерства внутренних дел. *273, 276*

Евдокимова Софья Иосифовна (1803—1889) — жена Г.Е. Евдокимова, побочная дочь В.С. Ланского. *273*

Ежова Екатерина Ивановна (1788—1836) — актриса, сожительница (с 1807 г.) князя А.А. Шаховского (см. о ней: Каратыгин П.А. Записки. Т. 1. Л., 1929. С. 114). *133*

Ежовский Юзеф (ок. 1793 — 1855) — филолог-античник, выпускник Виленского университета, филомат. В 1824 г. вместе с А. Мицкевичем был выслан в Россию, преподавал в различных университетах. *70, 77, 229*

Езерский Ян Непомуцен Павел Францишек (1786—1858) — предводитель дворянства Люблинской губернии. *414—415*

Екатерина II (1729—1796) — российская императрица с 1762 г. Булгарин всегда писал о ней в панегирическом тоне (см., напр.: Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 1. СПб., 1846. С. 203—205). *46, 52, 105, 110, 116, 209—210, 222, 265, 271, 178, 338, 340, 387, 447, 491, 496, 505, 535*

Елена Павловна (1806—1873) — великая княгиня, дочь виртембергского принца Павла, жена великого князя Михаила Павловича. *131, 269, 386, 429, 431, 544*

Елизавета Алексеевна (1779—1826) — российская императрица, жена Александра I. *57, 157, 508*

Елизавета Петровна (1709—1761) — российская императрица с 1741 г. *418, 505*

Ельский Людвик (1785—1843) — статский советник, председатель Банка Польского с 1828 г. Участвовал в польском восстании 1830—1831 гг. *234, 248—249, 257, 430*

Енгольм — см.: Энегольм А.И.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал от инфантерии. С 1816 г. — командир Отдельного Грузинского (позже — Кавказского) корпуса, с 1819 г. — также главнокомандующий в Грузии. С 1827 г. — в отставке. С 1831 г. — член Гос. совета. См. письмо Булгарина и Н. Греча к нему 1825 г. с просьбой оказать содействие в распространении СП на Кавказе (ИРЛИ. Ф. 590. Оп. 1. Ед. хр. 9). *70—71, 115—116, 156—158, 161, 180, 191, 249, 304, 332, 393*

Ермолов Петр Алексеевич (1747—1832) — статский советник, правитель канцелярии генерал-прокурора в 1792—1796 гг., позднее — в отставке; отец А.П. Ермолова. *191*

Ермолова Анна Петровна (в замужестве — Павлова; 1778—1846) — дочь П.А. Ермолова, сестра А.П. Ермолова. *157*

Ершов Николай Иванович (1808—?) — офицер Кавалергардского полка с 1826 г., уволился в чине ротмистра в 1834 г. *544*

Есипов Александр Яковлевич (1792—1866) — статский советник по департаменту законов Гос. совета, помощник статс-секретаря во второй половине 1820-х гг. *160*

Жандр — мать Ал. А. и Ан. А. Жандров. *407*

Жандр Александр Андреевич (1776—1830) — генерал-лейтенант, брат Андрея Александровича Жандра. Служил в Главном штабе великого князя Константина Павловича и был назначен «состоять» при нем. Любимец Константина, «охотник до болтовни и до карт» (Веригин Н.В. Записки // РС. 1893. № 3. С. 579). *407—408*

Жандр Андрей Андреевич (1789—1873) — чиновник, драматург, друг А.С. Грибоедова. Правитель канцелярии военно-счетной экспедиции (1819—1827), начальник отделения артиллерийского департамента военного министерства (1827—1828), начальник отделения канцелярии начальника морского штаба (1828—1833), директор канцелярии морского министерства (1836—1853). Тайный советник с 1843 г., сенатор с 1853 г. Поддерживал дружеские отношения с Булгариным и бывал у него дома (см.: Малиновский. С. 77—102; А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 238; письмо П.П. Татаринова Н.И. Бахтину от 22 июня 1828 г.: РНБ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 685. Л. 88). Поместил (без подписи) два стихотворения в СП в 1827 г.: «Минуты жизни» (№ 2) и «К моей музе» (№ 8). *20, 63, 228, 406—407*

Жанлис Мадлен Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня (1746—1830) — французская писательница. Ее чувствительные романы из светской жизни и нравоучительные

детские повести были популярны в России и переводились в большом количестве в первой четверти XIX в. *184*

Жебелев Лев Иванович — петербургский книгопродавец и издатель 1830—1850-х гг. (см. записку Булгарина ему 1839 г.: РНБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 70). *462*

Железнов Ефим Андреевич— надворный советник, управляющий особой временной экспедицией при Гос. контроле. *121*

Железнов Иван Григорьевич (1778 — не ранее 1846) — вице-губернатор Петербурга в 1827—1834 гг. Генерал-провиантмейстер военного министерства с 1834 г., тайный советник с 1841 г. *124—125*

Желинский (Жилинский) *Александр Людвигович* — преподаватель физики в Виленской гимназии. *246*

Желтухин Петр Федорович (1777—1829) — генерал-лейтенант, киевский военный губернатор в 1827—1829 гг. *254*

Жельветр Каспар (ок. 1780— ок. 1855) — виленский шляхтич, с 1800 г. живший в Петербурге и исполнявший обязанности поверенного в делах многих польских землевладельцев. В доме у него часто собирались жившие в Петербурге поляки. В 1831 г. уехал из столицы на родину. (См. о нем: Bartoszewicz K. Amfitryon Mickiewicza // Slowo polskie. 1898. № 121,122; Morawski S. W Peterburku. Poznań, 1928. S. 75—108; Moravski S. W wiejskiej samotni. Warszawa, 1981. S. 38). *255—258, 318, 431*

Жербин Иван Федорович (1778—1840) — коммерции советник, домовладелец в Петербурге. *257, 331*

Жильветр — см.: Жельветр К.

Жолкевич — секретарь польского адвоката в Петербурге Кожуховского. *432*

Жуковский Августин (1811—?) — пастух в Тельшевском повете Виленской губернии. *172—173*

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт. Поддерживал тесное дружеское общение с Булгариным в 1822—1824 гг. (см. его письма этого времени Булгарину: РС. 1883. № 12. С. 712—713; РС. 1902. № 4. С. 188; ИРЛИ. Ф. 623. Ед. хр. 28; ИРЛИ. Архив Пиксанова. Тетрадь с копиями из Карловского собрания Булгарина). Булгарин выступил в защиту его переводов в статье «Ответ на письмо г. Марлинскому <...>». (СО. 1821. № 9; см. также: Лит. листки. 1824. № 7. С. 278—280; № 8. С. 321—322). Но уже с конца 1824 г. Жуковский стал отрицательно относиться к литературной позиции и творчеству Булгарина (см., напр.: Жуковский В.А. Собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 584; РС. 1896. № 7. С. 83; РС. 1906. № 12. С. 583). Стремясь защититься от распускаемых Булгариным слухов о себе, обратился 30 марта 1830 г. с оправдательным антибулгаринским письмом к Николаю (см.: РА. 1896. № 1. С. 109—113; см. также: Самовер Н.В. «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»// Лица. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 87—119). Время от времени произведения Жуковского печатались в СП (1828. № 137; 1834. № 63; 1839. № 202; 1840. № 37). Булгарин же неизменно отзывался о нем в панегирическом ключе (см.: СП. 1826. № 148, 150; 1844. № 5; 1848. № 190, 268; 1855. № 30, и др.) и написал некролог (СП. 1852. № 93). *26, 35—36, 112—114, 161—162, 186, 290, 294, 302, 381, 399, 443, 468, 506, 508, 522, 546, 551, 559—560, 576*

Жуковский Григорий Владимирович (1781—1841) — полковник (с 1821 г.) в 1-м учебном карабинерном полку. *305—306, 323—324*

Жуковский Михаил Степанович — чиновник 5-го класса, генерал-интендант при войсках Отдельного Кавказского корпуса с 1827 г. *304—305*

Журавлев — чиновник на таможне в Полангене. *172*

Журавлев Иван Федорович (1776—1842) — действительный статский советник, обер-прокурор 1-го департамента Сената в 1827 г., позднее — тайный советник, сенатор с 1831 г. *154, 182, 207*

Журавлева Аврора-Амалия (урожд. фон Пейкер; 1776—1848) — жена И.Ф. Журавлева. *154, 207*

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфеньевич (1808—1881) — чиновник для особых поручений министерства государственных имуществ в 1838—1851 гг., позднее статс-секретарь департамента экономии Гос. совета (1859—1867). *454, 545, 549*

Завадовский Петр Васильевич, граф (1739—1812) — министр народного просвещения в 1802—1810 гг., председатель департамента законов Гос. совета с 1810 г. *337, 542, 548*

Завадский Викентий (1804—?) — выпускник Виленского университета, кандидат юриспруденции, филарет. *242*

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892) — моряк, декабрист, литератор (см. о нем: Шатрова Г.П. Декабрист Завалишин. Красноярск, 1984; Евсеева М.К. Д.И. Завалишин //Русские писатели. 1800—1917. Т. 2. М., 1992. С. 297—300). *20, 59, 78—80*

Заветнов Алексей Алексеевич (1762—1840) — петербургский купец, торговавший бумагой. *85, 251*

Заветный — см.: Заветнов А.А.

Завиша Игнацы (1774—1833) — помещик, маршалек шляхты ковенского повета, член Патриотического общества. Был арестован в 1826 г., с января по август 1827 г. сидел в Петропавловской крепости, потом увезен в Варшаву, но в мае 1828 г. вновь был заключен в Петропавловскую крепость. *367*

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, директор московских имп. театров в 1831—1842 гг. В середине 1820-х гг. сочувственно относился к литературной деятельности Булгарина (см. его письмо Гречу от 9 апреля 1824 г. и письмо Булгарину 1825 г.: РС. 1905. № 4. С. 203—205), поместил в булгаринском альманахе «Русская Талия» (СПб., 1825) отрывки из комедии в стихах «Благородный театр». В 1830 г., когда в СП появилась отрицательная рецензия А.Н. Очкина (без подписи) на его роман «Юрий Милославский» (№ 7—9, 16—21 янв.), Загоскин счел ее автором Булгарина и очень обиделся (его отрицательные отзывы о Булгарине в переписке 1830 г. см.: Загоскин М.Н. Сочинения. Т. 2. М., 1987. С. 721—725). Рецензия эта вызвала ожесточенную полемику между Булгариным и Воейковым, из-за которой по приказу царя они были посажены 30 января 1830 г. на сутки на гауптвахту. Позднее Булгарин опубликовал положительные отклики на книги Загоскина «Искуситель» (СП. 1838. № 242), «Кузьма Петрович Мирошев» (СП. 1842. № 64), «Москва и москвичи» (СП. 1843. № 12), и они возобновили контакты (см. два письма Булгарина 1842—1843 гг.: РС. 1902. № 9. С. 632—633; РНБ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 51 и письмо Загоскина 1843 г.: РС. 1905. № 4. С. 205—206). Позднее Булгарин поместил в СП положительную рецензию на «Брынский лес» (1846. № 55); см. также общую характеристику творчества Загоскина (1853. № 30). *9, 25, 27, 113—115, 380—381, 384—385, 450, 525*

Заиончек Иосиф (1752—1826) — польский генерал, воевал в армии Т. Костюшко, в наполеоновских войсках. В 1815 г. Александр I назначил его наместником в Царство Польское и возвел в княжеское достоинство. *410, 413*

Закревская Аграфена Федоровна (1799—1879) — жена генерала А.А. Закревского, которой увлекались А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский. *70*

Закревский Арсений Андреевич, граф (1783—1865) — генерал-адъютант, министр внутренних дел в 1828—1831 гг. (см. письмо Булгарина ему 1830 г.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 10. М., 1902. С. 472—474). *65, 104, 182, 270—272, 276, 305—306, 323—324, 342—343, 364—366, 375—376, 393*

Залесский — майор в отставке, ходатай по делам в Петербурге. *130, 141—142*

Залесский — член 2-го департамента Киевского главного суда. *142*

Залесский Игнатий — брат М. Залесского. *254*

Залесский Марцын (1796—1877) — художник, брат И. Залесского. *254*

Залусский Иосиф, граф (1787—?) — флигель-адъютант с 1815 г., полковник с 1820 г., в 1828 г. участвовал в русско-турецкой войне; уволен со службы в июле 1829 г. *335, 432*

Замойский Станислав Андреевич, граф (1775—1856) — президент Сената Царства Польского в 1822—1831 гг., российский сенатор с 1822 г., член Гос. совета в 1831—1850 гг. *345, 355, 362, 410—411*

Замойский Ян (1542—1605) — польский канцлер с 1578 г., ближайший советник короля Стефана Батория. *255*

Заха Константы (1812—?) — студент Виленского университета. *246—247*

Зборовский Самуил (?—1584) — королевский ротмистр в Польше, выступал против короля Стефана Батория и канцлера Я. Замойского. Был схвачен и казнен по приказу Замойского. *255, 258*

Земовит — легендарный польский князь, по преданию — основатель династии Пястов. *254*

Зенкович Игнатий Юрьевич — титулярный советник, протоколист 1-го департамента Сената. *207*

Зичи Штефан, граф (1780—1853) — австрийский посол в Петербурге в 1827—1829 гг. *321*

Зон — мать Н.Х. Очкиной. *544*

Зон Н.Х. — см.: Очкина Н.Х.

Зонтаг Карл Готлоб (1765—1827) — генерал-суперинтендант (епископ) лютеранских церквей в России, издавал в Риге «Городовые известия» и «Остзейскую провинциальную газету» (на немецком языке). *184*

Зорич Семен Гаврилович, граф (1745—1793) — генерал-лейтенант, фаворит Екатерины II в 1777—1778 гг., владелец большого имения в Шклове. *119*

Зубова (урожд. Валентинович) *Текла*, княгиня (1802—1875) — богатая помещица, вдова П.А. Зубова (с 1824 г. в браке с графом А.П. Шуваловым). Сестра К. Бобятинской. (См. о ней: Моравский. С. 310—330). *241*

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь с 1533 г., царь с 1547 г.249

Иваницкий Александр Иванович (1812 или 1814 — 1850) — учитель математики в Вологодской гимназии в 1836—1850 гг., прозаик. *517—518*

Иванов Николай Петрович (1787—1856) — статский советник, правитель канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *126, 405*

Иванов Павел Иванович (?—1829) — титулярный советник, экзекутор и казначей в канцелярии московского военного генерал-губернатора во второй половине 1820-х гг. *299, 302—303*

Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848) — писатель. В 1825—1826 гг. — надворный советник, секретарь следственной комиссии по делу декабристов, в 1826—1827 гг. — следователь по секретным делам, с 1828 г. — секретарь Бенкендорфа. Булгарин был хорошо знаком с ним, помогал через него арестованному по делу декабристов А.С. Грибоедову. В его альманахе «Альбом северных муз» (СПб., 1828) Булгарин поместил мемуарный очерк «Встреча с Карамзиным». Напечатал в СП отрывок из исторической повести «Инвалид» (1831. № 261) и путевые заметки (1841. № 270, 271; 1843. № 55, 56). (См. письмо Булгарина ему 1826 г.: РС. 1889. № 7. С. 111). *18, 224—225*

Игельстром Константин Густавович (Евстафиевич) (1799—1851) — капитан, член тайного Общества военных друзей, организатор выступления Литовского пионерского

батальона. Был приговорен к каторжным работам (см. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 73—74). *180, 182*

Иельский — см.: Ельский Л.

Иенич — коллежский асессор, чиновник в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. *277, 430*

Ижицкий — польский помещик. *296*

Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830) — прозаик, поэт, журналист. *158, 219—220*

Иоаннес — патриарх всех армян в России в конце 1820-х — начале 1830-х гг. *270—271*

Иоахим — см.: Иохим М.-А.

Иозефович Николай Антонович — надворный советник, секретарь при министре внутренних дел от хозяйственного департамента в 1830—1831 гг. *428*

Иохим Иоганн-Альберт (1762—1834) — каретник, домовладелец в Петербурге. *431*

Искрицкий Александр Михайлович (1782—1843) — обер-секретарь 3-го департамента Сената в 1814—1821 гг., статский советник, муж А.С. Менджинской, сестры Булгарина по матери. В 1816 г. он занимался в Сенате судебным делом П. Булгарина (которого представлял его племянник, Ф. Булгарин) против графини К. Тышкевич. *162, 379*

Кавелин Александр Александрович (1793—1850) — генерал от инфантерии с 1843 г., генерал-адъютант с 1846 г., петербургский генерал-губернатор в 1842—1846 гг. *514*

Казадавлев — см.: Козодавлев О.П.

Казадаев Александр Васильевич (1776—1854) — тайный советник, сенатор с 1825 г. *239*

Казимирский — наблюдатель за студентами в Виленском университете. *242*

Каин Иван Осипович (1718—?) — московский вор и грабитель, с 1741 г. — одновременно и доноситель Сыскного приказа. В 1755 г. наказан кнутом и сослан на каторгу в Сибирь. *450—451, 511*

Кайданов Иван Кузьмич (1782—1845) — адъюнкт-профессор исторических наук Царскосельского лицея в 1811—1841 гг., читал курс истории, географии и статистики. Был знаком с Булгариным (см. его письмо Булгарину 1827 г.: РС. 1905. № 4. С. 214). 108

Кайсаров Михаил Сергеевич (1780—1825) — статский советник, с 1824 г. — директор департамента мануфактур и внутренней торговли; литератор. *185*

Кайсаров Петр Сергеевич (1777—1854) — обер-прокурор 4-го департамента Сената в 1827 г., позднее — сенатор (с 1839 г.), камергер, действительный тайный советник. *119—120, 244*

Калинский — польский поверенный в делах в Петербурге. *432*

Калугин Алексей Федорович (1782—1849) — купец, потомственный почетный гражданин. *85*

Каменский Михаил Федотович, граф (1738—1809) — генерал-фельдмаршал, полководец в царствование Екатерины II. Развернутую характеристику его Булгарин дал в своих «Воспоминаниях» (Ч. 3. СПб., С. 7—17). *325, 330*

Каменский Николай Михайлович, граф (1776—1811) — генерал от инфантерии, полководец. Булгарин изложил его биографию и подробно описал участие в войне со Швецией 1808—1809 гг. в своих «Воспоминаниях» (Ч. 4. СПб., 1848. С. 268—362). *156*

Кампенгаузен Бальтазар Бальтазарович, барон (1772—1823) — тайный советник, государственный контролер в 1811—1823 гг., сенатор и член Гос. совета с 1811 г. *151*

Канаев Николай Александрович (1819—1854) — учитель литературы в Петербурге. 538

Канкрин Егор Францевич, граф с 1829 г. (1774—1845) — министр финансов в 1823—1844 гг. (см. воспоминания Булгарина о беседах с ним: СП. 1849. № 157). *17, 63—*

64, 68, 85—87, 113, 115, 121—122, 168, 171, 193, 197, 221—222, 238,248, 275, 277, 287, 299, 303, 307, 310, 342—343, 428—429, 438, 443, 476, 507, 510, 591

Каннинг Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель. Министр иностранных дел с 1822 г., премьер-министр в 1827 г. *290—292*

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк. Булгарин познакомился с ним в 1819 г. (см.: Булгарин Ф.В. Встреча с Карамзиным // Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990. С. 667—676) и стал бывать у него. Позднее он писал о Карамзине, что «сообщил ему многое» для «Истории государства Российского» (СП. 1841. № 183). Высоко ценя Карамзина как писателя, Булгарин критически относился к его историческим трудам. По его просьбе польский историк И. Лелевель написал «Рассмотрение «Истории Государства Российского» г. Карамзина», содержащее серьезные претензии к этому труду, а Булгарин перевел рецензию и опубликовал в СА в 1822—1824 гг. (Карамзин писал 14 декабря 1822 г. И.И. Дмитриеву: «Фаддей Булгарин, издатель «Северного архива», считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить» [Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 342—343]). Затем он сам продолжил ее, поместив «Критический взгляд на X и XI томы «Истории государства Российского», сочиненной Н.М. Карамзиным» (СА. 1825. № 1—3, 6, 8; см. также его статью: Замечания на статью <...> «Исторические справки» // СА. 1825. № 14). Булгарин нередко писал о роли Карамзина в русской культуре и литературе (СП. 1837. № 131; 1848. № 2; 1851. № 156, и др.), вспоминал о беседах с ним (СП. 1841. № 4; 1854. № 193, и др.). Подробнее об отношении Булгарина к Карамзину см.: Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989 (по указ.). *26, 54, 91—93, 113—114, 194, 225, 232, 250—251, 255, 293—294, 312, 315, 348, 393, 439—440, 472, 493, 506, 508, 535, 546, 576, 592*

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851) — жена (с 1826 г. — вдова) Н.М. Карамзина, сестра П.А. Вяземского, хозяйка салона в Петербурге, частым посетителем которого был А.С. Пушкин. *194, 231, 255, 508*

Карбоньер Лев Львович (1770—1836) — инженер генерал-лейтенант, почетный член Российской академии, председатель Главного цензурного комитета в 1826—1828 гг. *84—85, 148, 219, 223*

Карл Великий (742 или 747 — 814) — король франков с 768 г., римский император в 800—814 гг. *369*

Карл X (1757—1836) — французский король (1824—1830). Был свергнут в ходе Июльской революции 1830 г. и бежал из Франции. *291, 393—395, 414*

Карл XII (1682—1718) — король Швеции с 1697 г., полководец. *90*

Кармалеев Лев Семенович (1791—1863) — титулярный советник, секретарь при председателе департамента государственной экономии Гос. совета во второй половине 1820-х гг. (см. его формулярный список: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Ед. хр. 469). *160*

Кармалеева — жена Л.С. Кармалеева, дочь А.Б. Куракина. *160*

Карнеев Андрей Андреевич — действительный статский советник с 1827 г., директор канцелярии государственного контролера в 1827—1833 гг. *121, 549*

Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1796—1866) — обер-прокурор Сената с 1838 г., директор департамента министерства юстиции с 1846 г., сенатор с 1850 г. *545, 583*

Карп Евстафий Кароль (1785 — ок.1848) — богатый помещик, маршал Виленской губернии в 1821—1830 гг. *425*

Карташевский Григорий Иванович (1777—1840) — директор департамента духовных дел иностранных вероисповеданий с 1824 по 1829 г., сенатор с 1839 г. *347*

Картуш Луи-Доминик (1693—1721) — французский разбойник, предводитель шайки грабителей. *497*

Кастелри Роберт Стюарт (1769—1822) — английский министр иностранных дел в 1812—1822 гг. *290, 292, 306*

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, критик, переводчик. Поместил в альманахе Булгарина «Русская Талия» (СПб., 1825) 3-е действие своей трагедии «Андромаха». Всегда презрительно отзывался о Булгарине (см.: Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981; по указ.). Булгарин опубликовал отрицательную рецензию на его «Сочинения и переводы в стихах» (СП. 1833. № 97, 98), но после смерти Катенина дал сочувственную характеристику его литературной деятельности (СП. 1854. № 175). *20, 81—82*

Катон Марк Порций Старший (234—149 до н.э.) — древнеримский политический деятель и писатель. Был последовательным защитником староримских начал, ввел суровые законы против роскоши. *113*

Катон Марк Порций Младший (95—46 до н.э.) — древнеримский политический деятель, страстный защитник республиканских порядков. *113*

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор Московского университета по русской истории, статистике, географии и русской словесности; критик и переводчик; член Академии наук с 1841 г.; издатель журнала «Вестник Европы» в 1805—1830 гг. (с перерывами). В начале 1820-х гг. был журнальным союзником Булгарина. Булгарин поместил в его журнале «Письмо к А.Ф. Воейкову» (1821. Ч. 116. № 7—8. С. 206—225), посвященное книге Н.И. Греча «Учебная книга российской словесности <...>», и статью «Антикритика (ответ г. Воейкову)» (1823. Ч. 128. № 7. С. 165—195). (Письма Каченовского Булгарину 1822—1824 гг. см.: РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137; РС. 1903. № 12. С. 602—609). В 1829 г. в «Вестнике Европы» был помещен (без подписи) резко отрицательный отзыв Н.И. Надеждина на роман Булгарина «Иван Выжигин» (№ 10, 11), после чего в СП появились выпады против Каченовского (1829. № 92, 128). *9, 522, 525—526*

Кейстут — великий князь литовский с 1381 г. *314, 316*

Кемпбелл Джон — капитан, секретарь английской дипломатической миссии в Иране. *363*

Кениг Генрих-Иосиф (1790—1869) — немецкий романист. *441—442, 444, 451, 453*

Кеппен Петр Иванович (1793—1864) — историк, библиограф, действительный член Академии наук с 1837 г., ординарный академик с 1843 г. Булгарин был хорошо знаком с ним. См. автобиографическую запись Булгарина в альбоме Кеппена (ВЛ. 1990. № 3. С. 103) и письмо Кеппену 1835 г. (СПб. филиал Архива РАН. Ф. 30. Оп. 3. Ед. хр. 33). Поместил в СА статью «Описание славянских древностей в Сирмии» (1823. № 1), а в СП «Список известнейшим курганам в России» (1837. № 1—3). *315*

Кикин Павел Андреевич (1775—1834) — тайный советник; сенатор с 1823 г., в 1816—1826 гг. — статс-секретарь у принятия прошений, на высочайшее имя подаваемых. *126, 196, 406*

Килинский Ян (1760—1819) — мастер сапожного цеха, один из организаторов восстания горожан Варшавы против русских войск в 1794 г. *261*

Кильдюшевский Петр Петрович (1769—1834) — действительный статский советник, чиновник по особым поручениям министра внутренних дел во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. *250—251, 266*

Киней (IV—III в. до н.э.) — древнегреческий оратор, советник эпирского царя Пирра. *281, 286*

Киреев Александр Дмитриевич (1796—1857) — управляющий конторой императорских театров в 1832—1853 гг., литератор. Был знаком с Булгариным, отрицательно отзывался о нем в переписке (см.: Щукинский сборник. Вып. 1. М., 1902. С. 132). *498, 545, 583*

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — критик и публицист, переводчик Московского архива Коллегии иностранных дел в 1827—1828 гг., с 1828 г. — в отставке. Брат П.В. Киреевского. В «Обозрении русской словесности 1829 года» в альманахе «Денница» (М., 1830) отрицательно отозвался о романе Булгарина «Иван Выжигин», на что последовал саркастический ответ Булгарина (под псевдонимом Порфирий Душегрейкин) в его рецензии на альманах (СП. 1830. № 11). На протяжении 1820—1850-х гг. Киреевский неизменно негативно оценивал роль Булгарина в русской литературе (см.: Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979, по указ.). *194—195, 198, 289, 293, 381, 383, 385, 499, 522, 525, 542*

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — литератор, фольклорист. Брат И.В. Киреевского. *289, 293*

Киркор Адам-Гонорий Карлович (1812—1886) — журналист, историк, этнограф, археолог. В 1838 г. окончил Виленский дворянский институт и поступил на службу в Виленскую казенную палату старшим столоначальником. В 1846 г., оставаясь на этой должности, при содействии Булгарина предпринял попытку издавать в Петербурге литературную газету «Echo Newy» («Невское эхо») на польском языке, но разрешения не получил. Вернувшись в Вильну, напечатал панегирическую характеристику Булгарина (Jan ze Ślivina [Kirkor A.H.]. Wrażenia Petersburga // Athenaeum. 1846. T. 4. S. 225). Нередко печатался в СП (1846. № 5, 79, 84; 1853. № 152; 1856. № 22, 120, и др.). Булгарин называл его своим другом (Усов. С. 310) и писал о нем (СП. 1858. № 235). Впоследствии Киркору все же удалось получить разрешение на издание газеты в Петербурге: в 1868 г. он создал «Новое время» и был его редактором-издателем по 1871 г. См. также характеристику булгаринского творчества в его кн.: Kirkor A.H. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Kraków, 1874. S. 149, 216—219. Подробнее о Киркоре см.: Brensztein M. A.H. Kirkor, wydawca, redaktor i właściciel drukarni w Wilnie od roku 1834 do 1867. Wilno, 1930. *29, 477—479*

Киселев Павел Дмитриевич, граф с 1839 г. (1788—1872) — генерал-адъютант, начальник штаба 2-й армии, министр государственных имуществ в 1837—1856 гг., затем посол во Франции. *104, 438, 545, 562—563*

Кишка-Згерский Викентий (конец XVIII в. — ок. 1840) — студент Виленского университета, с конца 1820-х гг. в Петербурге, чиновник министерства народного просвещения. *432*

Клаперон Эмилий Клавдиевич (Бенуа-Поль) (1799—1864) — приехал из Франции в 1820 г., с 1821 г. — профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения, с 1830 г. — член-корреспондент Академии наук, в том же году вернулся во Францию, позднее стал членом Парижской академии. *69*

Классен Егор Иванович (1795—1862) — преподаватель Московской практической коммерческой академии, писатель. *499, 505*

Клейнмихель Петр Андреевич, граф с 1839 г. (1793—1869) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями в 1842—1855 гг. *485*

Клодт фон Юргенсбург Петр Карлович, барон (1805—1867) — академик Академии художеств; профессор скульптуры с 1838 г. *603*

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт и драматург, автор эпической поэмы «Мессиада». *439*

Клоссен Филипп Яковлевич, барон — домовладелец в Петербурге. *68*

Ключарев Алексей Кириллович (1797—1867) — надворный советник, начальник отделения, а в 1829—1830 гг. управляющий медицинским департаментом; позднее тайный советник, директор департамента государственного казначейства (с 1854 г.). *364—365*

Клюшин — см.: Клюшников И.П.

Клюшников Иван Петрович (1811—1895) — поэт и прозаик, член кружка Н.В. Станкевича. *491, 499*

Княжевич Дмитрий Максимович (1788—1842) — петербургский вице-губернатор в 1824—1827 гг., вице-директор департамента государственных имуществ с 1827 г., директор канцелярии министерства финансов с 1830 г., попечитель Одесского учебного округа с 1837 г. Был знаком с Булгариным и часто встречался с ним в начале 1820-х гг. (см.: Княжевич Д.М. Мой журнал // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 129 об., 131, 132 об.). В издаваемом им с братьями Александром и Владиславом журнале «Библиотека для чтения» (выходил как приложение к СО) Булгарин поместил два «восточных сказания»: «Милость и правосудие» (1822. Кн. 3) и «Закон и совесть» (1823. Кн. 9). Княжевич напечатал в СП «Письмо к издателю» (1835. № 112). Булгарин всегда хорошо относился к нему и опубликовал теплое «Воспоминание о Д.М. Княжевиче» (СП. 1844. № 279). *299, 510*

Княжнин Борис Яковлевич (1777—1854) — генерал-лейтенант, обер-полицмейстер Петербурга в 1826—1828 гг., сенатор с 1854 г. *144*

Кодрингтон Эдвард (1770—1851) — английский адмирал, в 1826—1828 гг. главнокомандующий английскими военно-морскими силами в Средиземном море. *307—308, 320*

Кожевников Иван Петрович (1800—1889) — фабрикант, владелец большой суконной фабрики в Свиблово под Москвой. *393*

Кожуховский — поверенный П.Х. Витгенштейна в Петербурге. *432*

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт, переводчик, в 1821 г. утратил зрение. *93, 212, 224*

Козмян Каэтан (1771—1856) — польский поэт. *355*

Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — член Российской академии с 1783 г., сенатор с 1799 г., министр внутренних дел в 1811—1819 гг., временно управлял министерством народного просвещения в 1818 г. *542, 548*

Козодаев — см.: Казадаев А.В.

Кокошкин Сергей Александрович (1785—1861) — генерал-майор, петербургский обер-полицмейстер в 1830—1847 гг., впоследствии генерал от инфантерии; сенатор с 1856 г. *512, 519—521, 533—536, 591*

Кокошкин Федор Федорович (1773—1838) — действительный статский советник, директор московских театров в 1823—1831 гг., драматург, переводчик (см. его письмо Булгарину 1825 г.: РС. 1905. № 4. С. 212). *347*

Кокрен Томас, граф Дундональд (1775—1860) — английский адмирал, в 1827 г. — главнокомандующий морскими силами в Греции. *290*

Колзаков Андрей Андреевич (1780—1853) — директор Александровского дворянского училища в Туле в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг. *110*

Коллонтай Гуго (1750—1812) — член правительства Т. Костюшко, один из составителей т.н. «конституции 3 мая» (1791 г.), философ. *261*

Колмовский Евграф Васильевич (1770—1831) — коллежский советник, обер-секретарь 3-го департамента Сената. *146*

Колосова Александра Михайловна (по мужу — Каратыгина; 1802—1880) — актриса Александринского театра, мемуаристка. *81—82*

Комаровский — помещик. *128—130, 141—142*

Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851) — археограф и переводчик, директор канцелярии министра народного просвещения в 1838—1850 гг. (см. о нем: Равич А.М. Судьба Василия Комовского // Звезда. 1996. № 6. С. 160—176). *466—467, 485, 488, 492, 498, 501, 545, 548*

Конде Луи Антуан де Бурбон, герцог Энгиенский (1772—1804) — французский принц, представитель боковой ветви Бурбонов. *359*

Конопка Ян (1775—1815) — польский полковник с 1807 г., бригадный генерал с 1811 г. *233*

Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, второй сын Николая I; управляющий морским министерством (1855—1881), председатель Главного комитета по крестьянскому делу (1860—1861), наместник Царства Польского (1862—1863), председатель Гос. совета (1865—1881). *208—209*

Константин Павлович (1779—1831) — цесаревич, великий князь, младший брат Александра I, главнокомандующий русской армией в Царстве Польском, фактический наместник Царства Польского. *7, 16, 43, 123, 138—139, 147, 153, 158, 166, 168, 173, 175—176, 207—210, 216, 234—235, 247, 250, 253, 255—258, 265, 274,301, 308, 311, 318—319, 321, 327, 338—340, 344—345, 351—354, 356, 362, 367, 408, 410—414, 423, 427*

Константинов — чиновник в Петербурге. *131*

Контрым Казимир (1776—1836) — секретарь правления Виленского университета (по 1825 г.), издатель и публицист, один из создателей Товарищества шубравцев; «имел <...> репутацию большого патриота, энтузиаста развития науки, страстного в реформах масона, большого знатока нашего языка» (Моравский. С. 182). Булгарин был хорошо знаком с ним и переписывался в начале 1820-х гг. (см. письмо Булгарина И. Лелевелю от 15 октября 1821 г.: Варшавские губернские ведомости. 1877. № 16). *136, 312*

Коржевский Иосиф Павлович (1769—1843) — действительный статский советник, управляющий медицинским департаментом министерства внутренних дел в 1825—1828 гг. *273, 276*

Кориолан Гней Марций — легендарный полководец и герой римской истории V в. до н. э. После изгнания из Рима бежал к вольскам и вместе с ними выступил против родного города. *247*

Корнеев — см.: Карнеев А.А.

Корнелий Сулла, Луций (138—78 до н.э.) — римский диктатор, жертвами проскрипций которого пали тысячи римских граждан. *339, 341*

Корнилович Александр Осипович (1800—1834) — штабс-капитан гвардейского Генерального штаба, писатель, историк, декабрист. В 1822—1825 гг. помогал Булгарину в редакционной работе по СА, поместил в журнале значительное число своих статей, публикаций и переводов. См. письма Булгарина ему от 8 декабря 1822 г. (Декабристы и их время. Т. 2. М., 1932. С. 338) и без даты (1823?) (РС. 1889. № 2. С. 326—327) и письмо Корниловича П.М. Строеву от 9 ноября 1823 г. (Корнилович А.О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 254). *9, 11, 27, 33, 66—68, 202—204, 474*

Корсак Роман Осипович — надворный советник, экзекутор в 3-м департаменте Сената в 1820-х гг. *380*

Корсаков Петр Александрович (ок.1787 — 1844) — писатель, журналист, переводчик; цензор Петербургского цензурного комитета в 1835—1844 гг. (надворный советник с 1841 г.). Был знаком с Булгариным. Булгарин вспоминал, что «знал его с 1806 года и жил дружно в молодости. Нет человека без слабостей, но он был истинно честный и благородный человек» (Письмо к А.В. Никитенко от 14 апреля 1844 г.: ИРЛИ. 18439. Л. 35). Драматическая хроника Корсакова «Белошапочники, или Нидерландские мятежи» (СПб., 1838), вышедшая под псевдонимом, впоследствии была ошибочно атрибутирована Булгарину (см.: Рейтблат А.И. Кто же автор «Белошапочников»? // НЛО. 1992. № 1. С.262—264; 1993. № 2. С. 234). Поместил в СП отрывок из путевых записок (1842. № 236). Булгарин опубликовал положительную рецензию на его перевод «Робинзона Крузо» Дефо (СП. 1842. № 155). Цензурировал СП в 1840—1843 гг., а также книги Булгарина «Комары» (СПб., 1842), «Сочинения» (Ч.1—4. СПб., 1843), «Очерки русских нравов» (СПб., 1843), Полн. собр. соч. (Т. 1—7. СПб., 1839—1842), и др. *501, 507, 510*

Корташевский — см.: Карташевский Г.И.

Кортес Эрнан (1485—1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики. *561*

Корф Василий Сергеевич, барон (1807—1883) — флигель-адъютант с 1845 г., полковник с 1843 г., в 1838—1857 гг. — наставник-преподаватель при великих князьях Николае и Михаиле Николаевичах; генерал-адъютант с 1854 г., генерал-лейтенант с 1858 г. 540

Корф Карл Александр, барон (1779—1852) — помещик, действительный статский советник, обер-гауптман в Газенпотском обер-гауптманском суде Курляндской губернии. *175*

Корф Модест Андреевич, барон (1800—1876) — с 1819 г. служил в Комиссии по составлению законов, с 1831 г. — управляющий делами Комитета министров, с 1834 г. — гос. секретарь, с 1843 г. — член Гос. совета. С 1847 г. по поручению Николая I читал правоведение великому князю Константину Николаевичу. В 1849—1861 гг. — директор Императорской Публичной библиотеки. Был знаком с Булгариным, поместил в СА статью «Принц датский Иоганн в России. Происшествие 1602 г.» (1822. № 8), впоследствии опубликовал направленную против Булгарина статью «О воспоминаниях Булгарина касательно графа М.М. Сперанского» (С.-Петербургские ведомости. 1848. № 144). (См. письмо Булгарина ему от 14 апреля 1852 г.: ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 2. Ед.хр. 18 и письмо Корфа Булгарину от 20 октября 1841 г.: РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 20). *108, 438, 443, 542, 553*

Косиковский Андрей Иванович (1769—1838) — петербургский купец 1-й гильдии. *73, 119, 407*

Коссаковский Юзеф (1738—1794) — епископ. *261, 265*

Коссобуцкий — содержатель почты в Вильне. *243*

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — польский политический деятель, борец за независимость Польши. В честь его Булгарин получил свое имя (Фаддей — русифицированная форма имени Тадеуш). *7, 264, 354—355*

Кохановский Ян (1530—1584) — польский поэт. *254*

Кохрен — см.: Кокрен Т.

Коцебу Август-Фридрих Фердинанд (1761—1819) — немецкий драматург, романист и историк, автор вышедшей в Риге в 1808 г. на немецком языке «Древней истории Пруссии». *189, 314—316*

Кочановский — управляющий домом графа С.О. Потоцкого в Петербурге. *399*

Кочановский Юзеф — 2-й секретарь в канцелярии министра статс-секретаря Царства Польского С. Грабовского (в Петербурге). *69*

Кочубей Виктор Павлович, граф с 1799 г., князь с 1827 г. (1768—1834) — управляющий министерством внутренних дел в 1819—1823 гг., председатель Гос. совета с 1827 г. *163—164, 298, 324, 365*

Кошанский Николай Федорович (1781—1831) — профессор русской и латинской словесности Царскосельского лицея в 1811—1828 гг. *108*

Краевский Александр Иванович — отставной майор, отец (по документам) А.А. Краевского. *491, 500*

Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, издатель, редактор. В начале своей литературной деятельности положительно оценивал Булгарина как журналиста и литератора (см.: Краевский А. Обозрение русских газет и журналов// Журнал министерства народного просвещения. 1834. № 3. С. 459—462, 468—469; № 10. С. 146). Впоследствии, хорошо усвоив уроки Булгарина, Н.И. Греча, О.И. Сенковского по профессионализации литературы, он смог сочетать организационные формы и методы деятельности коммерческой, ориентировавшейся на «публику» журналистики с художественной и идеологической программой, сформулированной ранее элитарными дворянскими литераторами (см.: Орлов В.Л. Молодой Краевский // Орлов В.Л. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 449—504; Кулешов В.И. «Отечественные записки» и ли-

тература 40-х годов XIX века. М., 1959). Редактируемые Краевским «Лит. приложения к «Русскому инвалиду» (1837—1839), «Лит. газета» (1840), «Отечественные записки» (1839—1867), «С.-Петербургские ведомости» (неофициально в 1852—1862) вели постоянную войну с Булгариным, он также не оставался в долгу. В 1846—1848 гг. Булгарин подал в III отделение ряд доносов на «Отечественные записки», обвиняя их в революционных тенденциях, но Краевский, подобно Булгарину, сумел заручиться жандармским покровительством (В.А. Владиславлева и самого Л.В. Дубельта; см.: Орлов В.Л. Указ. соч. С. 472, 475, 491, 493—494) и в результате оставался неуязвимым (см.: Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. Л., 1955. С. 283, 298). *29, 33, 442, 450, 453—454, 491—495, 498—505, 517, 539, 542, 544—547, 549—550, 557, 559, 564, 581—584*

Край Карл (1773—1832) — владелец типографии в Петербурге, открытой в 1815 г. (см. о нем: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 278). *255*

Край Карл Карлович (1809—1874) — издатель, типограф, сын предыдущего. Учился в Дерптском университете. В его типографии печатались «Воспоминания» Булгарина (см. адресованные ему в этой связи в 1847—1848 гг. письма Булгарина: ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 164). *557, 560*

Крамер Федор Иванович — коллежский асессор, советник казенной палаты Виленской губернии. *172*

Красинский Викентий Иванович, граф (1782—1858) — польский генерал с 1811 г., сенатор-воевода польского Сената. С 1814 г. командовал польским корпусом в наполеоновской армии, с 1815 г. — гвардией в Царстве Польском. Генерал-адъютант с 1818 г. Во время польского восстания 1830—1831 гг. сохранил верность России; позднее — член Гос. совета. *233, 362, 410—411, 423*

Красноленцкий (Красноленский) — польский поверенный в делах и ростовщик в Петербурге. *429, 431*

Красноленцкая (урожд. Пущина) — жена Красноленцкого. *429, 431*

Красно-Милашевич Василий Иванович (1752—1820) — действительный тайный советник, сенатор в 1801—1817 гг.; председательствовал в диванах Молдавии и Валахии в 1810—1812 гг. *159*

Краснопевков Василий Васильевич — коллежский советник, товарищ герольдмейстера в герольдии при Сенате в конце 1810 — 1820-х гг. *83*

Красовская М. — см.: Чернышева М.

Красовский — коллежский асессор с 1827 г., чиновник для особых поручений канцелярии министерства финансов, с 1832 г. служил в Царстве Польском. *130—131, 386—387, 399, 429, 431*

Красовский Александр Иванович (1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета в 1821—1826 гг., Главного цензурного комитета в 1826—1828 гг., председатель комитета иностранной цензуры в 1833—1857 гг. (тайный советник с 1845 г.). Член Российской академии с 1838 г., почетный член Отделения русского языка и словесности Академии наук с 1841 г. В 1825—1826 гг. цензурировал СП. Был известен как «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (Никитенко. С. 463). (см. отзыв Булгарина о нем в письме А.В. Никитенко: РС. 1900. № 1. С. 174). *51, 55, 90, 132, 218—219, 288—289, 297, 507, 509—510*

Красовский Афанасий Иванович (1780—1843) — генерал-лейтенант с 1826 г., в 1828 г. — председатель временного правления Армянской области. *191, 270*

Красовский Каэтан Никодимович (1784—?) — директор Виленской гимназии. *246*

Крафстрем Евстафий Борисович (1784—1854) — генерал от инфантерии, попечитель дерптского учебного округа в 1836—1854 гг., знакомый Булгарина. *444—445, 598—599, 601*

Крикуновский Тимофей Никитич (1776 — после 1862) — коллежский советник, обер-секретарь 1-го департамента Сената (см. его прошение: РГИА. Ф. 472. Оп. 36. Ед. хр. 3б. Л. 424). Почетный член Вольного общества любителей российской словесности с 1816 г. *212*

Кроликовский — см.: Круликовский Ф.

Кромвель Оливер (1599—1658) — один из предводителей английской революции XVII в., лорд-протектор Англии в 1653—1658 гг. *396*

Круа Карл Евгений де, герцог (1651—1709) — фельдмаршал польской службы; в 1700 г. служил в русских войсках. Похоронен в Ревеле. *50*

Круг Филипп Иванович (1764—1844) — историк, археолог, нумизмат, ординарный академик (с 1815 г.) и главный библиотекарь Академии наук. *232, 289, 294, 297*

Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846) — мореплаватель. Контр-адмирал, помощник директора Морского корпуса с 1826 г., директор в 1827—1842 гг.; адмирал к 1842 г. Поместил в СА статью «О Гренландии <...>» (1822. № 4). *89*

Круликовский Франтишек — чиновник виленской полиции, потом — стряпчий в Вилькомире. «Человек этот, полностью утративший и истребивший в себе все чувства, все следы совести, души, сердца, чести, любой полиции был очень нужен и полезен» (Моравский. С. 242). *243, 246, 307*

Крыжановский Северин (1787—1839) — подполковник, член Патриотического общества. Был связан с декабристским Южным обществом. В 1828 г. Сеймовым судом приговорен к трем годам заключения, в 1830 г. сослан в Сибирь. *217*

Крылов Александр Лукич (1798—1858) — профессор истории, географии и статистики Петербургского университета, цензор Петербургского цензурного комитета. По словам А.В.Никитенко, «самый трусливый, а следовательно, и самый строгий» из цензоров (Никитенко. С. 180). Цензурировал (с перерывами) СП в 1833—1853 гг. См. письмо Булгарина к нему и рапорт Крылова начальству 1848 г.: Голос минувшего. 1913. № 4. С. 225—226; о запрете Крыловым статьи Булгарина в 1852 г. см.: РС. 1887. № 11. С. 486; см. также резкие отзывы Булгарина о нем в письмах А.В. Никитенко (РС. 1900. № 1. С. 176, 179, 181, 183), А.Н. Очкину (ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 43), А.Я. Стороженко (Стороженки. С. 39). *507, 510, 543, 560, 564, 588*

Крылов Иван Андреевич (1769, по др. свед. — 1766, 1768 — 1844) — баснописец. Поместил в СП басни «Булыжник и алмаз» (1825. № 1), «Свинья под дубом» (1825. № 5), «Осел» (1830. № 58). Булгарин был знаком с ним, полемизировал в «Лит. листках» (1824. № 2. С. 59—64) с П.А. Вяземским, недооценившим его творчество, а после его смерти опубликовал «Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений» (СП. 1845. № 8, 9). *26, 39, 47, 54, 102, 104, 153, 165, 236, 238, 438, 442—443, 489, 506, 508, 560, 576*

Кубе Леонтий Иванович (1788—1855) — лифляндский вице-губернатор в 1821—1852 гг. *368*

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт, прозаик и драматург, брат Павла и Платона Кукольников. Булгарин был с ним в приятельских отношениях, посещал его вечера, но временами резко полемизировал в печати. (См. письма Булгарина к нему: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 143—144; ИРЛИ. Ф. 371. Оп. 1. Ед. хр. 104 и его письма Булгарину: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 316; РНБ. Ф. 66. № 1. Л. 31. ИРЛИ. Архив Пиксанова. Тетрадь с копиями из Карловского собрания Булгарина). *25—26, 442, 444, 525, 535*

Кукольник Павел Васильевич (1795—1884) — историк, поэт. Брат Платона и Нестора Кукольников. Профессор Виленского университета по кафедре всеобщей истории и статистики в 1824—1832 гг. *241, 243, 351—352*

Кукольник Платон Васильевич (начало XIX в. —1848) — экзекутор Виленского университета в 1824—1831 гг., брат Нестора и Павла Кукольников. *241*

Куницын Александр Петрович (1783—1840) — адъюнкт-профессор нравственных и политических наук Царскосельского лицея в 1811—1820 гг. *108*

Куракин Алексей Борисович, князь (1759—1829) — генерал-прокурор в 1796—1798 гг., министр внутренних дел в 1807—1810 гг., член Гос. совета с 1811 г. Отец Кармалеевой. *128—130, 160, 162—164*

Куракина Наталья Ивановна, княгиня (урожд. Головина; 1767—1831) — статс-дама, жена А.Б. Куракина. *201, 300, 309*

Куровский Алексей Игнатьевич — майор, дерптский почтмейстер. *578*

Кусов Алексей Иванович (1779—1848) — коммерции советник с 1810 г., директор от купечества в Гос. коммерческом банке с 1822 г. *85—86*

Кусов Николай Иванович (1780—1856) — коммерции советник, в 1824—1833 гг. — петербургский городской голова. С 1824 г. — директор Российско-Американской компании, с 1828 г. — мануфактур-советник, действительный статский советник. Булгарин был знаком с ним, в 1824 г. вместе с ним посетил имение А.А. Аракчеева Грузино (см.: Булгарин Ф.В. Поездка в Грузино в 1829 году // Новоселье. Т. 3. СПб., 1846. С. 201). *85—87*

Кутайсов Павел Иванович, граф (1780—1840) — сенатор, член управления имп. театрами в 1822—1832 гг., гофмейстер с 1832 г., обер-гофмейстер с 1834 г., член Гос. совета с 1837 г. *75, 151*

Куторга Степан Семенович (1805—1861) — зоолог и минералог, профессор Петербургского университета; цензор Петербургского цензурного комитета в 1835—1848 гг. В 1836—1837 гг. цензурировал СП. Булгарин в 1842 г. писал А.Н. Очкину, что это его «личный враг <...> по Дерпту» (ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 43). *507, 544, 549*

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — полководец, генерал-фельдмаршал. *149, 156, 330*

Кутузов — см.: Голенищев-Кутузов П.В.

Кухровский — польский поверенный в Петербурге. *141*

Кушель Антоний (1790—1854) — польский полковник, участник восстания 1830—1831 гг. *417*

Кушинников Иван Николаевич (?—1862) — потомственный почетный гражданин, зять И.И. Глазунова, заведующий его театральной типографией с 1836 г. *498, 545*

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт и журналист, декабрист. Булгарин сочувственно, хотя и несколько свысока отзывался о публикациях Кюхельбекера в издаваемом им совместно с В.Ф. Одоевским альманахе «Мнемозина» (см.: Лит. листки. 1824. № 5, 15). Кюхельбекер вступил с ним в полемику, опубликовав «Разговор с Ф.В. Булгариным» (Мнемозина. Ч. 3. М., 1824), на что Булгарин ответил «Кратким возражением <...>» (Лит. листки. 1824. № 21—22). Об их личном конфликте в 1825 г. см. письмо А.И. Одоевского В.Ф. Одоевскому: РС. 1904. № 2. С. 377—378. Летом 1825 г. был сотрудником редакции СП, поместил в СА «Отрывки из путешествия по Южной Франции» (1825. № 15), после восстания декабристов скрылся и, по утверждению Н.И. Греча, «полиция искала Кюхельбеккера по его приметам, которые описал Булгарин очень умно и метко» (Греч. С. 468). Дневник Кюхельбекера 1830 — 1840-х гг. содержит отклики на публикации Булгарина этого времени (см.: Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979; по указ.). *9, 11, 113, 143*

Лаваль Александра Григорьевна, графиня (урожд. Козицкая; 1772—1850) — жена И.С. Лаваля, хозяйка великосветского салона (см. о ней: Столпянский П. Графиня Лаваль // Наша старина. 1917. Вып. 3. С. 68—84). *300, 309*

Лаваль Иван Степанович, граф (1761—1846) — тайный советник, камергер, управляющий 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел, член Главного правления училищ. *201, 353*

Лавринович Викентий (?—1824) — титулярный советник, советник Виленского губернского правления с 1818 г. *242*

Лагарп Фредрик Сезар де (1754—1838) — швейцарский политический деятель, республиканец, которому Екатерина II в 1780-х гг. поручила воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей. После отставки в 1795 г. уехал на родину. *410*

Лагода Иван Григорьевич (?—1843) — тайный советник с 1827 г., генерал-контролер Военно-счетной экспедиции в 1821—1831 гг. *121, 151—152*

Лажечников Иван Иванович (1792—1869) — прозаик. Директор Казанской гимназии в 1823—1825 гг., директор училищ Тверской губернии в 1831—1837 гг., впоследствии тверской, витебский вице-губернатор, цензор Петербургского цензурного комитета. Негативно относился к Булгарину (см. цитату из его письма 1838 г. к А.А. Краевскому: Лит. архив. СПб., 1994. С. 223). Булгарин в обширной рецензии отрицательно оценил его роман «Басурман» (СП. 1839. № 46—49). Лажечников поместил в СП статью «Похождения одной журнальной статьи» (1842. № 49). *115, 437, 443, 525*

Лазарев Алексей Петрович (1788—1849) — флигель-адъютант и капитан-лейтенант гвардейского экипажа в 1827 г., впоследствии — контр-адмирал. *223*

Лакордер Жан-Баптист-Анри (1802—1861) — французский проповедник, член Французской академии, в 1848 г. — член учредительного собрания. Его эмоциональные проповеди, сочетавшие ортодоксальную католическую церковную доктрину с учением о политической свободе и правах народа, имели успех у многочисленных слушателей. *563*

Ламе Гаврила Францевич (1795—1870) — профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения с 1821 г., в 1831 г. вернулся на родину во Францию, стал там членом Парижской академии. *69*

Ланской Василий Сергеевич (1754—1831) — председатель комиссии по принятию прошений в 1815—1825 гг., министр внутренних дел в 1825—1828 гг., сенатор в 1809—1826 гг., член Гос. совета с 1815 г. *43—44, 91, 99, 135, 222, 239, 247, 251, 271, 273, 353, 367—368, 416—417*

Ланской Дмитрий Сергеевич (1768—1833) — управляющий департаментом гос. имуществ, сенатор в 1811—1826 гг., член Гос. совета с 1819 г. *119, 353*

Ланскоронские — богатые галицийские помещики. *430*

Ланцкоронский — польский адвокат в Петербурге. *431*

Ларошжакелен Анри-Огюст-Дюверже, маркиз (1805—1867) — пэр Франции во время Реставрации, после революции 1830 г. — член палаты депутатов. *417*

Ласи-Эван — см.: Эванс де Ласи Д.

Лебедев Петр Семенович (1816—1875) — полковник (с 1853 г.) Генерального штаба, военный публицист, с 1852 г. — помощник редактора газеты «Русский инвалид», с 1855 по 1861 г. — ее редактор. Печатался в СП; см., напр., его рецензию на кн. М.Н. Богдановича «Записки стратегии»: СП. 1847. № 232. Булгарин выпустил книгу «Беседы полковника Генерального штаба Петра Семеновича Лебедева о военной администрации <...> переданные в сокращении Фаддеем Булгариным» (СПб., 1853). *595—596, 604*

Лебцельтерн Людвиг Иозеф, граф (1774—1854) — австрийский посланник в Петербурге в 1816—1826 гг., его жена (с 1823 г.) З.И. Лебцельтерн — дочь И.С. Лаваля (см. о нем: Столпянский П. Графиня Лаваль // Наша старина. 1917. Вып. 3. С. 68—84). *201—202*

Легат — содержатель балагана на Адмиралтейской площади в Петербурге. *469—470*

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ. *486*

Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк, профессор Виленского университета (1815—1818; 1822—1824). По просьбе Булгарина написал обширное «Рассмот-

рение «Истории государства Российского» г. Карамзина», которое Булгарин перевел на русский язык и опубликовал в СА (1822. Ч. 4; 1823. Ч. 8; 1824. Ч. 9, 11, 12). Письма Булгарина Лелевелю опубл.: Варшавские губернские ведомости. 1877. № 16—17; ответы Лелевеля: РС. 1878. № 8. С. 633—656; № 9. С. 75—90. В 1847 г. в письме А.Я. Стороженко Булгарин писал, что «знал его лично», и резко отрицательно оценивал его как политика (Стороженки. С. 55). *181, 240, 243, 257, 312, 317, 351, 355, 434*

Лелековский Данило Андреевич — коллежский асессор, обер-секретарь 3-го департамента Сената в 1828 г., позднее служил чиновником особых поручений при департаменте полиции (о его наклонности к взяточничеству см.: Маевский Н.С. Из семейных воспоминаний // ИВ. 1881. № 10. С. 330—331). *275, 277, 303, 305, 319, 323—324*

Леликовский — см.: Лелековский Д.А.

Ленский Адам Осипович (1799—1883) — состоял с 1825 г. при министре финансов Царства Польского (в 1827—1828 гг. исполнял обязанности главного директора контроля при министерстве финансов Царства Польского), с 1832 г. — помощник статс-секретаря Гос. совета в департаменте дел Царства Польского. *255, 257, 318—319*

Лесаж Ален Рене (1668—1747) — французский писатель, автор знаменитого плутовского романа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715—1735). *383*

Леске — см.: Лешке И.А.

Лесников Петр Васильевич (1770 или 1772 — 1848) — купец, потомственный почетный гражданин. *85*

Лесовский Степан Иванович (1782—1839) — генерал-майор, начальник 4-го округа корпуса жандармов в 1830—1831 гг., генерал-лейтенант, начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов с 1831 г., сенатор с 1834 г. *412*

Лешке (Леске, Лейшке) *Иван Андреевич* (1779—1871) — биржевой маклер. *85*

Ливен Карл Андреевич, князь (1766—1844) — попечитель Дерптского учебного округа в 1817—1828 гг., министр народного просвещения в 1828—1833 гг. (см. письмо Булгарина ему об отставке от 29 августа 1831 г.: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 25). *31, 188, 221, 266, 270—271, 273, 276, 280—281, 289, 294, 334, 345—346, 402—403, 504, 605*

Лизинский — поверенный польских магнатов Ржевусских в Петербурге. *432*

Линде Самуэль Богумил (1771—1847) — ректор Варшавского лицея, лексикограф (составил шеститомный «Словарь польского языка», 1807—1814), библиограф. *355*

Липгарт Карл Готтард (1778—1853) — ландрат, владелец поместья Ратсгоф под Дерптом, хороший знакомый Булгарина, «человек ученый и богатый, который любит науки и ученых людей, имеет драгоценную библиотеку» (Булгарин Ф. Прогулка по Ливонии // СП. 1827. № 76). *368*

Липинский Юзеф (1764—1828) — писатель и критик, крупный чиновник ведомства народного просвещения в Царстве Польском. *254*

Липицкий — польский адвокат в Петербурге. *432*

Лисенков Иван Тимофеевич (1795—1881) — книготорговец и издатель (см. о нем: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 21—22, 61—70; Теплинский М.В. И.Т. Лисенков и его литературные воспоминания // РЛ. 1971. № 2. С. 108—113). (Письма Булгарина ему 1836—1842 гг. см.: РНБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 33). *450—453*

Лисовский (1808—?) — студент Виленского университета. *246*

Литвиненко Данило Михайлович — титулярный советник, советник 2-го департамента гродненского главного суда. *207*

Лихачев Иван Павлович (1796—1867) — почетный гражданин, петербургский купец 1-й гильдии. *538*

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь (1758—1838) — генерал от инфантерии, министр юстиции в 1817—1827 гг. (см. письма и прошения Булгарина к нему в связи с судебным процессом П. Булгарина: РНБ. Ф. 859. Оп. 4. Ед. хр. 14. Л. 23—24; ИРЛИ. 3159; ИРЛИ. Р I. Оп. 2. Ед. хр. 374). *65, 129—130, 154—155, 182, 199, 207, 221—223, 424—425*

Лобанова-Ростовская Клеопатра Ильинична, княгиня (урожд. графиня Безбородко; ?—1840) — богатая помещица, жена генерал-майора князя Лобанова-Ростовского. 64

Лобаржевская Юлия Осиповна (урожд. Нарбут; 1779—1849) — жена А.С. Шишкова с октября 1826 г. В ее салоне в Петербурге бывали многие поляки, в том числе и Мицкевич. Булгарин был ее дальним родственником и при ее содействии получил разрешение на издание СП (см. письмо Булгарина И.П. Липранди от 23 марта 1855 г.: РА. 1869. № 9. Стб. 1554). *136, 138, 148—149, 156, 196, 199, 255, 277, 280—281, 429, 432*

Лобкович — австрийский генерал, управлявший Галицией в 1828 г. *252*

Лодий Петр Дмитриевич (1764—1829) — юрист, профессор Петербургского университета. *301*

Ложечников — см.: Лажечников И.И.

Лой — иностранец, служивший во французских войсках и перешедший на русскую службу. *71*

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — ученый-энциклопедист, поэт. *440—441, 546*

Лонгинов Николай Михайлович (1780—1853) — статс-секретарь у принятия прошений, на высочайшее имя подаваемых, с 1827 г.; сенатор с 1840 г. Булгарин был знаком с ним (см. письма Булгарина ему 1822, 1826 и 1830 гг.: А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 255; РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 108; ИРЛИ. 23.617). *126, 405*

Лопатинский Юзеф (?—1835) — староста в Виленской губернии. *425—426*

Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — сенатор, переводчик мистических сочинений, глава одной из масонских лож, член новиковского кружка. *105*

Лопухин Петр Васильевич, светлейший князь с 1799 г. (1753—1827) — министр юстиции в 1803—1810 гг., председатель Гос. совета и Комитета министров (см. его ответ 1821 г. на прошение Булгарина: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 338). *160, 163*

Лубенский Томаш (Фома) (1784—1870) — польский генерал. С 1806 г. воевал в наполеоновской армии, с 1811 г. — полковник (во время похода на Россию в 1812 г. командовал полком польских улан, в котором служил Булгарин), с 1814 г. — генерал бригады. Служил в армии Царства Польского, в 1816 г. ушел в отставку. Принимал участие в восстании 1830—1831 гг. *8, 335*

Лубенский Феликс Францишек (1758—1848) — посол на польском сейме в 1770—1780-х гг.; министр юстиции Герцогства Варшавского в 1807—1814 гг., отец Р. Собаньской. *147*

Лубинский — см.: Лубенский Ф.Ф.

Лубяновский Федор Петрович (1777—1869) — сподвижник и друг М.М. Сперанского, пензенский гражданский губернатор в 1819—1830 гг., сенатор с 1833 г., литератор. *237—238*

Лукасиньский Валерьян (1786—1868) — деятель польского освободительного движения, майор. В 1819 г. основал тайную патриотическую организацию «Национальное масонство» (распущена в 1820 г.), а в 1821 г. создал Патриотическое общество. Был арестован в 1822 г., в 1824 г. приговорен к семилетнему заключению, но так и не вышел на свободу до самой смерти. *217*

Лутковский Феопемт Степанович (1803—1852) — лейтенант с января 1826 г., в июле 1826 г. был переведен в Черноморский флот. Флигель-адъютант и контр-адмирал с

1849 г. В молодости занимался литературой, был знаком с Булгариным (см. его дневниковую запись за 29 ноября 1826 г.: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Ед. хр. 628. Л. 12). *59*

Львов Федор Петрович (1766—1836) — помощник статс-секретаря Гос. совета с 1824 г., исполняющий должность статс-секретаря Гос. совета с 1827 г., директор Придворной певческой капеллы с 1826 г. Поместил в СП статью «О образовании древнего церковного пения» (1831. № 97). *66—67*

Львова — дочь Ф.П. Львова. *66*

Любецкий Франтишек Ксаверий, граф Друцкий, князь (1778—1846) — министр финансов Царства Польского с 1821 г.; член Гос. совета с 1832 г. *137, 152—153, 247, 255, 318, 355, 369, 412, 415, 423, 430, 456, 461, 487*

Любомирская, княгиня, помещица Виленской губернии — по-видимому, Екатерина Николаевна Любомирская (урожд. графиня Толстая; 1789—1870). *172*

Любомирский Константин Ксаверьевич, князь (1786—1870) — генерал-майор русских войск, богатый волынский помещик. В 1830 г., не желая участвовать в военных действиях против поляков, просил царя отправить его на Кавказ, а после отказа подал в отставку. Николай дал ее, но повелел при этом никогда не приезжать в Петербург. *429*

Любриевичева (Любрович) *Агафья Денисовна* — дочь отставного поручика, племянница Г.О. Ботвинко. *152—153, 176, 207—208, 243, 248, 274, 307*

Любяновский — см.: Лубяновский Ф.П.

Лютер Мартин (1483—1546) — немецкий мыслитель, основатель одного из направлений протестантизма (лютеранства). *517*

Ляпунов Яков Матвеевич (1791—1851) — секретарь 3-го департамента Сената с 1813 г., обер-секретарь с 1831 г., обер-прокурор с 1840 г. (см. его формулярный список 1847 г.: ИРЛИ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 1311). *303, 305, 319, 323*

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — член Главного правления училищ, попечитель Казанского учебного округа (1819—1826), обскурант, организатор разгромов Казанского и Петербургского университетов. Булгарин был знаком с ним (см. письмо Булгарина А.О. Корниловичу: РС. 1889. № 2. С. 326). *54, 90, 132, 270, 539*

Маевский Франтишек (1781— не ранее 1837) — капитан, основатель Товарищества тамплиеров. Сеймовым судом в Варшаве 17 мая 1828 г. был осужден на 3 месяца ареста, в июле того же года вывезен в Петербург и послан солдатом на Кавказ. *279—280*

Мазуркевич — повытчик в Сенате. *430*

Маиевский — см.: Маевский Ф.

Маковецкий Станислав (1803—?) — студент Виленского университета, филарет. *242*

Маковецкий Степан (1807—?) — студент Виленского университета, филарет. *242*

Малаховский — польский адвокат, поверенный Ф.К. Любецкого в Петербурге. *207,430*

Малевский Франтишек Иероним (1800—1870) — юрист, с 1829 г. служил в Литовской метрике. В 1830 г. основал газету «Tygodnik Petersburski» и в том же году реально, а 1835 г. и официально передал ее О.А. Пржецлавскому. *234, 257, 274, 276, 397—398*

Малевский Шимон (1759—1832) — юрист и экономист, профессор и ректор Виленского университета (1816—1822). *397*

Малиновский Николай (1799—1865) — студент Виленского университета, филарет. В 1827 г. приехал в Петербург, пытаясь найти службу, и в 1827—1828 гг. жил на квартире у Булгарина. В 1829 г. вернулся в Вильну, до 1840 г. служил в Радзивилловской комиссии. В дальнейшем получил известность в качестве историка и библиографа. Его дневник и воспоминания содержат ценную информацию о Булгарине. (см.:Малиновский; Malinowski M. Księga wspomnień. Kraków, 1907). *12, 234, 249, 256—258, 397, 458*

Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880) — титулярный советник, первый секретарь русской миссии в Персии с 1828 г. В 1829 г. — исполняющий обязанности генерального консула в Тавризе, с 1830 г. — чиновник министерства иностранных дел. Печатался в СП (см.: М.л.ц... И. Письмо к издателям «Северной пчелы» [из Тавриза] // СП. 1829. № 5). *232, 390, 392*

Мамай (?—1380) — татарский темник, фактический правитель Золотой Орды. *209*

Марат Жан-Поль (1743—1793) — ученый и публицист, деятель французской революции 1789—1893 гг., защитник интересов беднейших слоев населения. *493—494*

Марианна — нидерландская принцесса. *307—308, 319*

Марий Гай (ок. 157 — 86 до н. э.) — римский консул, жестоко расправлявшийся со своими политическими противниками. *339*

Мария, принцесса Виртембергская — дочь герцога Александра Виртембергского. 319

Мария Анна Виртембергская (урожд. Чарторыская), княгиня (1765—1854) — дочь А.К. Чарторыского, сестра А.Е. Чарторыского, в 1784 г. вышла за князя Людвига Виртембергского, в 1792 г. развелась с ним. *430—431*

Мария Павловна, великая княгиня (1786—1859) — дочь Павла I, в 1804 г. вышла за наследного принца саксен-веймарского Карла-Фридриха, вступившего на герцогский престол в 1828 г. *75, 287*

Мария Федоровна (1759—1828) — императрица, супруга Павла I, дочь герцога Вюртембергского Фридриха-Евгения. *54, 75, 177, 190, 287, 295, 306, 343—344, 508*

Маркевич Андрей Иванович (1777 или 1769 — 1832) — генерал-майор, директор 2-го кадетского корпуса с 1811 г. *73*

Маркиянович — см.: Маркьянович.

Марков — помещик Владимирской губернии. *99*

Маркьянович (Маркианович) (?—1821) — польский поверенный (т.е. ходатай по делам) в Петербурге, брат М.Ф. Маркьяновича. *128—130, 141, 296*

Маркьянович Евгения (урожд. Микеева) — жена М.Ф. Маркьяновича. *141—142*

Маркьянович (Маркианович) *Михаил Фомич* — выпускник Виленского университета (в 1811 г.), редактор польского варианта газеты «Русский инвалид» (в 1817—1821 гг.); титулярный советник, брат Маркьяновича. *128, 130, 141—142*

Мармет — см.: Мармон О.-Ф.-Л.

Мармон Огюст-Фредерик-Людовик, герцог Рагузский (1774—1852) — французский маршал с 1809 г., комендант Парижа в 1830 г. *447*

Мартос Иван Петрович (1754—1835) — скульптор. *142*

Мартос Иван Романович (ок. 1760 — 1831) — служил в Сенате, потом в министерстве юстиции (с 1813 г. — исполняющий должность директора департамента юстиции, с 1815 г. — директор департамента юстиции). В 1816 г. вышел в отставку и с 1819 г. жил в Киевской лавре (см. о нем: Лазаревский А. И.Р. Мартос // Киевская старина. 1895. № 10. С. 48—71; Частная переписка И.Р. Мартоса // Киевская старина. 1896. № 6. С. 344—368). *142*

Мартынов Аркадий Иванович (1801—1850) — коллежский асессор, столоначальник в 3-м отделении департамента народного просвещения. Сын И.И. Мартынова, лицейский товарищ А.С. Пушкина. *72*

Мартынов Иван Иванович (1771—1833) — директор департамента народного просвещения (1803—1817), переводчик с латинского и древнегреческого. Отец А.И. Мартынова. *72, 229*

Марцинкевич-Жаба Иван — председатель 1-го департамента виленского главного суда во второй половине 1820-х гг. *247*

Марченко Марья Осиповна — жена В.Р. Марченко. *83*

Марченко Василий Романович (1782—1841) — статс-секретарь и управитель делами Комитета министров с 1815 г., государственный секретарь с 1830 г. *83*

Масальский Николай Федорович (1812—1880) — полковник, автор книги «Письма русского из Персии» (СПб., 1844). *459*

Махмуд II (1784—1839) — турецкий султан в 1808—1839 гг. *276—277*

Мацельская — участница придворного маскарада в Берлине. *254*

Мацканевский — поверенный Ланскоронских в Петербурге. *430*

Медем Николай Васильевич, барон (1796—1870) — генерал от артиллерии, председатель военно-цензурного комитета в 1848—1858 гг. Булгарин поместил положительную рецензию на его книгу «Тактика» (СП. 1838. № 18). *599*

Межевич Василий Степанович (1814—1849) — театральный критик, журналист, редактор «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» в 1839—1849 гг. В 1840—1842 гг. сотрудничал в СП, печатал литературные и театральные рецензии, переводы, мелкие заметки и т.д. Позднее стал литературным врагом Булгарина (о его сотрудничестве в СП и взаимоотношениях с Булгариным см.: Кармазинская М. Литературный поденщик, или превращения Межевича // Лица. Вып. 4. М.; СПб., 1994. С. 41—50). *450—451, 520—521, 534—536*

Мезнев Василий Федорович — исправник в Тельшах Виленской губернии. *172—173*

Мейендорф Егор Казимирович, барон (1794—1863) — путешественник, геолог. Служил в гвардейском Генеральном штабе, с 1826 г. — в министерстве финансов, а с 1827 г. по высочайшему повелению, в чине действительного статского советника, при императрице Марии Федоровне. В СА печатались его «Краткое начертание путешествия российского посольства из Оренбурга в Бухарию в 1820 г.» (1822. № 2) и «Отрывок из путешествия в Бухарию <...>» (1824. № 1—3), а в 1826 г. Булгарин поместил свою положительную рецензию на вышедшее в Париже на французском языке полное издание описания путешествия (№ 14—15), а также переводы отрывков из него (№ 16, 21—24). *368*

Мейендорф Казимир Иванович (1749—1823) — генерал от инфантерии, лифляндский генерал-губернатор в 1795—1797 гг. *368*

Мейнгаузен — рижский книгопродавец. *183*

Меллер-Закомельский Петр Иванович, барон (1756—1823) — генерал от артиллерии с 1815 г., военный министр (1819—1823). *215*

Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — московский прозаик и публицист. В подготовленной на основе бесед с ним книге немецкого писателя Г. Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» (Stuttgart; Tubingen, 1837; рус. перевод: Очерки русской литературы. СПб., 1862) дана резко отрицательная характеристика Булгарина. *441—442, 444, 451, 499*

Меншиков Александр Сергеевич, князь (1787—1869) — начальник Главного морского штаба с 1827 г., член Гос. совета с 1830 г.; одновременно финляндский генерал-губернатор в 1831—1835 гг.; морской министр в 1836—1856 гг.; главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Крыму. *168—169, 184, 186, 271, 309—310, 325, 327, 331—333, 342, 406—407, 542, 562*

Меняев — домовладелец в Петербурге. *471*

Мердер Карл Карлович (1788—1834) — генерал-адъютант, воспитатель великого князя Александра Николаевича. Булгарин был знаком с ним и утверждал, что Мердер рассказывал о нем Николаю I (см. письмо Булгарина И.П. Липранди от 23 марта 1855 г.: РА. 1869. № 9. Стб. 1558). *544*

Меркель Готлиб (1769—1850) — немецкий писатель и журналист, уроженец Лифляндии. Издавал в Риге газету «Der Zuschauer» («Зритель»), с 1836 г. в Тарту — журнал «Das Inland» («Родина»). *184*

Метлин Дмитрий Иванович — действительный статский советник, управляющий Временной контрольной комиссией для решения счетов и счетных дел прежнего вре-

мени в 1821—1829 гг., Временным контрольным комитетом для отчетов гражданского ведомства в 1829—1833 гг. *122, 151—152*

Меттерних-Винебург Клеменс Венцель Лотар, граф, затем князь (1773—1859) — канцлер Австрийской империи в 1821—1848 гг. *147—148, 166, 181, 192, 201, 252, 262, 269, 275, 296, 300, 306, 321, 332, 370, 373, 423*

Мехелин Адольф Иванович — цензор Петербургского цензурного комитета в 1840-х гг. (в 1844—1845 гг. цензурировал СП); с 1849 г. служил переводчиком в министерстве иностранных дел. *507, 510, 544*

Мечислав I (922—992) — первый исторически достоверный польский князь из династии Пястов. *254*

Мешков Алексей Сергеевич — титулярный советник, старший письмоводитель при попечителе Петербургского университета, правитель дел правления университета в 1824—1826 гг. *118*

Мигел Браганцский (1802—1866) — сын португальского короля Жоао VI, с июля 1827 г. — регент при королеве Марии да Глориа, своей племяннице, с июня 1828 по 1834 г. — король Португалии. *291*

Мигуэль — см.: Мигел Браганцский.

Миддлтон Генри (1770—1846) — американский посланник в Петербурге в 1820—1830 гг. *328—329*

Миклашевич Варвара Семеновна (урожд. Смагина; 1772 или 1786 — 1846) — гражданская жена Ан.А. Жандра, писательница. *63, 363*

Милина — см.: Пацкевич.

Миллер Антон Иванович — управляющий Гос. коммерческим банком во второй половине 1820-х гг. *86*

Миллер Федор Иванович — хороший знакомый К.Ф. Рылеева, после его смерти оказывал помощь его жене. *63*

Милорадович Александр Григорьевич (1793—1868) — статский советник, во второй половине 1820-х гг. исполнял обязанности обер-прокурора в 1-м отделении 5-го департамента Сената; в апреле 1830 г. уволен с чином действительного статского советника. *87*

Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771—1825) — петербургский генерал-губернатор в 1818—1825 гг. Булгарин был знаком с ним (см. письмо Булгарина А.О. Корниловичу: РС. 1889. № 2. С. 326), подарил с дарственной надписью изданный им альманах «Русская Талия» (СПб., 1825) (ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 744). В 1824 или 1825 г. Булгарин подал ему две записки: о распоряжениях по театральной части и о цензуре (см.: Лемке. С. 238). С.Н. Глинка вспоминал, как Милорадович предложил ему в 1825 г.: «донесите государю, что Греч и Булгарин его не любят. Я буду вам сам диктовать, а вы только пишите своею рукою и подпишите свое имя» (Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 345). *27, 43, 48—50, 54—55, 68, 75, 81—83, 126, 133—135*

Милош I Обренович (1780—1860) — сербский князь, в 1817—1839 гг. — глава Сербии, являвшийся вассалом Турции. *325*

Миницкий — молодой поляк, живший в 1830 г. в Петербурге. *399*

Минкина Наталья Федоровна (?—1825) — домоправительница и любовница А.А. Аракчеева. *305—306*

Мирская (урожд. Кошчиц; ?—1836) — жительница Вильны. *425*

Михаил Павлович, великий князь (1798—1849) — младший брат Николая I, генерал-фельдцехмейстер, генерал-инспектор по инженерной части с 1825 г., главный начальник военно-учебных заведений с 1831 г., главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами с 1844 г. Муж великой княгини Елены Павловны. *82, 123, 249, 306, 308, 326—327, 386, 429, 465, 492, 541*

Михайлов Михаил Козмич — действительный статский советник, директор канцелярии министра внутренних дел в конце 1820-х гг. *273, 375—376*

Мицкевич Адам (1798—1855) — польский поэт. Во время пребывания в Петербурге в конце 1827— начале 1828 г. сблизился с Булгариным, часто встречался с ним, несколько раз бывал у него дома. Булгарин принимал активное участие в издании «Конрада Валленрода». По свидетельству К. Полевого, «Мицкевич находил его добряком и только смеялся над комическими его сторонами» (Цит. по: Полевой. С. 274). После отъезда из России Мицкевич в мае 1829 г. дважды писал Булгарину, называя его «истинным другом» и уверяя: «свидетельства твоей дружбы глубоко запечатлелись в моем сердце» (Mickiewicz A. Dzieła. T. 14. Warszawa, 1955. S. 487, 493—494). По всей вероятности, подстрочные переводы «Фариса» и «Трех Будрисов», помещенные в журнале «Сын отечества и Северный архив» (1829. № 5, 28), принадлежат Булгарину. (Подробнее о взаимоотношениях Булгарина и Мицкевича см.: Рейтблат А.И. Ф.В. Булгарин и Польша // РЛ. 1993. № 3. С. 77—78). *16, 153, 198, 234, 254—258, 274, 276, 302, 311, 313—317*

Мичерлих Христофор Вильгельм (1760—1854) — немецкий ученый-античник. *228*

Могилевский Александр Иванович (1781—1828) — действительный статский советник, управляющий Государственной экспедицией для ревизии счетов во второй половине 1820-х гг. *151—152*

Мойер Иван Филиппович (1786—1858) — ординарный профессор хирургии, основатель дерптской хирургической школы (с 1836 г. в отставке). *189, 599*

Мокржецкий — виленский адвокат. *176*

Моллер Антон Васильевич (1769—1848) — начальник Морского штаба в 1826—1827 гг., в 1828 г. занял должность морского министра. Брат В.Ф. Моллера. *59, 144, 168, 200, 330, 342—343*

Моллер Федор Васильевич — вице-адмирал, главный командир и военный губернатор Кронштадтского порта в 1809—1826 гг. Брат А.В. Моллера. *200*

Молчанов Петр Степанович (1772—1831) — статс-секретарь Александра I, сенатор в 1812—1828 гг., писатель. *58, 407*

Мольво Яков Николаевич (1766—1826) — купец, сахарозаводчик, председатель петербургского биржевого комитета, коммерции советник. В помещенном в СП некрологе отмечалось, что он «заслужил в течение жизни своей общее уважение благородством своего характера и честностию правил» (1826. № 62). *476*

Мольер (1622—1673) — французский драматург. *485, 488*

Мольский Марцин (1752—1822) — польский офицер (полковник в 1820 г.), поэт. *411*

Монтандон Шарль Генри Габриель (1792—?) — швейцарский уроженец, в начале 1820-х гг. поселившийся в Одессе, купец 2-й гильдии, автор книги «Guide du voyageur en Crimée» (Odessa, 1834), положительно оцененной в СП (1834. 15 июня) (см. о нем: Щеголев П.Е. Неизвестное письмо Монтандона к Пушкину //Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 334—336; Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А.С.Пушкина. М., 1988. С. 171—172; Губарь О.И. Пушкин. Театр. Одесса. Одесса, 1993. С. 47—60). *68—69*

Монтандр Иван Петрович — управляющий типографией Н. Греча и кассир СП. *462—463*

Монти Винченцо (1754—1828) — итальянский поэт. *373, 529, 532*

Монтондон — см.: Монтандон Ш.Г.Г.

Монтрезор — ротмистр. *69*

Монтрезор Карл Лукьянович (1786 —1879) — кавалерист, в 1818 г. — полковник, командир лейб-гвардии Уланского полка; генерал-майор с 1827 г., генерал-лейтенант с 1839 г. *69—70*

Монферран Огюст (1786—1858) — архитектор, строитель Исаакиевского собора и Александровской колонны в Петербурге. *133—134, 377*

Мордвинов Александр Николаевич (1792—1869) — управляющий III отделением с 1831 по март 1839 г. Впоследствии — действительный тайный советник, сенатор с 1846 г. *21, 435—436, 445*

Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845) — адмирал, сенатор с 1802 г., председатель департамента гражданских и духовных дел Гос. совета в 1821—1838 гг., член Российской академии. *144, 157, 159—160, 163—164, 194—196, 208—209, 281, 387, 438, 443, 471*

Моренгейм Павел Осипович, барон (1784—1832) — камергер, действительный статский советник. Числясь по ведомству коллегии иностранных дел, служил при великом князе Константине Павловиче, выполняя поручения дипломатического характера. *362*

Мороз Даниил Матвеевич (1784—1848) — чиновник в канцелярии Гос. совета в 1827 г., впоследствии действительный статский советник, обер-прокурор Сената. *162*

Мортемар Казимир Луи-Викторьен, герцог (1787—1875) — французский посол в Петербурге в 1828—1832 гг. *414—415*

Мостовский Тадеуш Антоний (1766—1842) — министр внутренних дел Царства Польского в конце 1820-х гг. *362*

Мошинская Иоанна (урожд. Мошинская) — жена П. Мошинского с 1818 г. *430*

Мошинский Петр, граф (1800—1879) — член Патриотического общества. Был арестован в 1826 г., увезен в Петербург, где сидел в Петропавловской крепости, а в феврале 1829 г. приговорен к ссылке в Тобольск на 12 лет. Муж И. Мошинской. *430*

Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — духовный писатель, поэт-путешественник, камергер с 1836 г.; в 1848 г. — статский советник, чиновник особых поручений 5-го класса при Азиатском департаменте министерства иностранных дел. *538—540*

Муравьев Матвей — см.: Муравьев-Апостол М.И.

Муравьев Матвей Иванович (1784—1836) — моряк, в 1819 г., в чине капитан-лейтенанта, назначен в Ново-Архангельск управителем колоний Российско-Американской компании, с 1824 г. — капитан 2-го ранга, в 1826 г. на корвете «Елена» вернулся в Кронштадт. Дослужился до чина генерал-майора. *78—80*

Муравьев Михаил Никитич (1757—1807) — попечитель Московского университета, товарищ министра народного просвещения, сенатор с 1801 г., писатель, отец Н.М. Муравьева. *105, 393—394*

Муравьев Никита Михайлович (1795—1843) — капитан, правитель декабристского Северного общества, приговорен в 1826 г. к 20 годам каторжных работ. Сын М.Н. Муравьева. *105, 112, 164*

Муравьев Николай Назарьевич (1775—1845) — тайный советник, статс-секретарь Николая I, управляющий Собственной его императорского величества канцелярией, сенатор с 1827 г. *154, 176, 182, 199—200, 207, 247*

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886) — офицер (в 1823 г. вышел в отставку в чине подполковника), декабрист. *202*

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862) — попечитель петербургского учебного округа в 1845—1856 гг. В конце 1840-х — начале 1850-х гг. находился под влиянием Булгарина (см.: Никитенко. С. 351; Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 429; а также письмо Булгарина И.И. Срезневскому от 21 февраля 1849 г.: СПб. филиал Архива РАН. Ф. 216. Оп.5. Ед. хр. 93). *488, 498, 507—508, 528, 531, 548, 577, 593, 605*

Муханов Петр Александрович (1799—1854) — литератор, капитан лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза благоденствия и Северного общества. Был приговорен к 12 годам каторги. Булгарин приятельствовал с ним (см. письмо Булгарина ему

от 19 февраля 1825 г.: РЛ. 1971. № 2. С. 114—116 и ответ Муханова: Муханов П.А. Сочинения. Письма. Иркутск, 1991. С. 198—200, см. также по указ.), помещал в 1822—1825 гг. его статьи и публикации в СА (1824. № 10, 19 и др). *203*

Мюллер — см.: Миллер Ф.И.

Мяновский Николай (1780—1843) — профессор кафедры акушерства Виленского университета с 1817 г. *287, 312*

Нагель Павел Ларионович (?—1829) — генерал-майор с 1816 г. *177*

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — император Франции (1804—1815). В 1812 г. Булгарин входил в небольшой отряд польских улан, обеспечивавший переправу Наполеона через Березину при отступлении из России (см.: Греч. С. 675—676; Граббе П.Х. Записная книжка. М., 1888. С. 379; J.Z. Dwaj z najznakomitszych teraźniejszych pisarzów rossyjskich polacy //Biblioteka naukowego zakładu imienia Ossolińskich. T. 8. Lwów, 1843. S. 156). В 1813 г. он познакомился и беседовал с ним (см. его воспоминания: Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом, 21 мая (н.с.) 1813 года // СО. 1822. № 41. С. 13—20). Позднее ввел Наполеона в число персонажей своего романа «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) и неоднократно писал о Наполеоне в панегирическом ключе (см.: Воспоминания. Ч. 2—3. СПб., 1846—1847; Характеристические черты из частной жизни Наполеона <...> // СП. 1838. № 127, 128, 138, 145; Инкогнито //СП. 1835. № 75, и др.). *7—8, 20, 43—44, 52, 90, 153, 158, 165, 181, 189, 200, 221—222, 232—233, 259—260, 264, 306, 325, 333, 336, 338, 349, 355—357, 403—404, 409—411, 414, 423—424, 464, 519, 528, 537, 555, 558, 581*

Нарежный Василий Трофимович (1780—1825) — прозаик, автор ряда плутовских романов (среди них — «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814). *37, 382*

Нарышкин Александр Львович (1760—1826) — обер-гофмаршал, главный директор императорских театров (в 1799—1819 гг.), с 1819 г. — канцлер российских орденов. *406, 408*

Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838) — гофмаршал в 1825 г., позднее — обер-гофмаршал, член Гос. совета; дядя В.А. Соллогуба. *75, 556, 559*

Невахович Лев Николаевич (1776—1831) — богатый купец, литератор. Уроженец Украины, в начале XIX в. переехал в Петербург. Был связан с Н.Н. Новосильцовым и в 1820-х гг., благодаря монопольному праву на торговлю табаком в Царстве Польском, нажил громадное состояние. *412*

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — поэт, прозаик и журналист. Булгарин неоднократно отрицательно отзывался в СП о творчестве Некрасова (см., напр.: 1840. № 291; 1845. № 79; 1855. № 272). Некрасов также, в свою очередь, много раз выступал против него как в художественных произведениях (эпиграмма «Он у нас восьмое чудо», поэма «Говорун», не опубликованная в XIX в. повесть «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»), так и в критических статьях (см.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11—12. СПб., 1989—1995, по указ.). Об их взаимоотношениях см.: Талашов Г.П. «Литературная газета» А.А. Краевского, Ф.А. Кони и Н.А. Некрасова в журнальной полемике 1840—1845 годов // Карабиха. Вып. 2. Ярославль, 1993. С. 200—224. Прозаические произведения Некрасова о городских низах написаны под влиянием сочинений Булгарина на эту тему. См.: Некрасов Н.А. Указ. соч. Т. 8. Л., 1984. С. 701, 702 (комментарий Т.П. Голованoвой и В.И. Коровина). *505, 510, 557—560*

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829) — тайный советник, статс-секретарь при Павле I, сенатор с 1800 г., поэт. *438*

Немоевский — имеется в виду Бонавентура Немоевский (1787—1835) или его брат Викентий (1784—1834). Оба они были послами на сейме, оба были в оппозиции.

Бонавентура с 1825 г. находился под надзором полиции и был освобожден от него лишь в марте 1829 г., перед коронацией Николая I в Варшаве; Викентий в 1825—1830 гг. находился под домашним арестом. *355*

Немцевич Юлиан Урсын (1758—1841) — польский писатель, историк, политический деятель. Переписывался с Булгариным (письмо Булгарина ему 1829 г. на польском языке см. в кн.: Kraushar A. Towarzystwo warszawskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Ks. 3. Kraków; Warszawa, 1905. S. 464). *253—254, 339, 341, 354—355, 367, 383, 385, 410*

Неселовская — по-видимому, жена польского генерала Ксаверия Неселовского, участника восстания 1830—1831 гг., сосланного в Вологду. *597*

Неселовский — помещик. Возможно, генерал Ксаверий Неселовский (1773—1843), с 1818 г. находившийся в отставке. *174*

Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780—1862) — министр иностранных дел России в 1816—1856 гг. *290, 294, 363—364, 543*

Нессельроде Федор Карлович, граф (1786—1868) — адъютант великого князя Константина Павловича с 1817 г., в 1828 г. произведен в генерал-майоры с назначением состоять при нем. *338, 340, 456, 461*

Нечаев Степан Дмитриевич (1792—1860) — писатель, историк; директор училищ Тульской губернии в 1817—1823 гг., с 1824 г. — чиновник для особых поручений при московском генерал-губернаторе. В сентябре 1826 г. откомандирован для расследования произвола администрации в Пермскую губернию, в июле 1827 г. причислен к Собственной его императорского величества канцелярии (в чине коллежского советника). Впоследствии — обер-прокурор Синода с 1833 г., сенатор с 1836 г., действительный тайный советник с 1856 г. *143, 195, 231*

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — литератор, профессор русской словесности Петербургского университета в 1832—1864 гг., цензор с 1833 г. Поместил в СА рассуждение «О политической экономии <...>» (1827. № 23, 24), а в СП некролог профессору П.Д. Лодию (1829. № 86). Булгарин отрецензировал его книгу «Похвальное слово Петру Великому» (СП. 1838. № 74). Цензурировал СП в 1838—1839 гг., а также несколько книг Булгарина: 2-ю часть «Мазепы» (СПб., 1833), «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (СПб., 1835), «Воспоминания» (Ч. 1—2. СПб., 1846). Булгарин старался поддерживать с ним дружественные отношения, но после того, как в 1847 г. Никитенко стал официальным редактором «Современника», иногда выступал против него. После появления в СП отрицательной рецензии на одну из его книг (см.: СП. 1848. № 20) Никитенко поместил в «С.-Петербургских ведомостях» обширную статью с резко отрицательной характеристикой Булгарина «Объяснение, однажды навсегда» (1848. № 46—48). «Дневник» Никитенко (Т.1. Л., 1955) содержит ценную информацию о Булгарине. *29, 31, 34, 219, 252, 297, 488, 501, 507, 510, 530, 532, 542, 544, 547, 549, 557, 559, 564, 584*

Никитин, петербургский купец, поставщик парусины для флота — вероятно, Михаил Васильевич Никитин (1765—1837). *200*

Николай I (1796—1855) — российский император с 1825 г. *10—11, 14, 17—18, 21—32, 39, 43—47, 53—54, 56—59,68, 72—76, 83—84, 87—91, 97—98, 101—104, 107, 109, 112, 115, 117, 121—122, 126—127, 129, 132—134, 143—144, 147—148, 150—151, 153, 157—158, 161, 163—170, 173, 176, 178—186, 189—190, 192, 199—200, 203—211, 214, 217—223, 226—231, 234—240, 245, 247—253, 263—264, 266—271, 273—282, 285—287, 290, 294—310, 312—313, 317—323, 325—329, 331—337, 339—345, 348, 352—356, 358, 362—370, 374—376, 378—380, 382—385, 388—389, 393, 395—397, 399—401, 403—405, 410, 412—415, 417—420, 423, 426—428, 434—439, 445—446, 451, 456, 458—462, 464—467, 469—470, 472—473, 476—477, 479, 482—489, 498—499, 504, 508—509, 513—514,*

516, 519, 521, 523, 525—526, 528—533, 535, 542—543, 547—548, 551, 555—558, 560, 562—563, 565—568, 571—577, 580, 583—585, 587—588, 590—600, 602—604

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — журналист, издатель и писатель. *105—106, 111—112, 193, 221, 491*

Новосильцов Владимир Дмитриевич (1800—1825) — флигель-адъютант. 64, 66—67

Новосильцов Николай Николаевич (1761—1836) — российский комиссар при правительстве Царства Польского в 1815—1831 гг., попечитель Виленского учебного округа в 1824—1832 гг., доверенное лицо великого князя Константина Павловича; председатель Гос. совета и Комитета министров с 1832 г. *19, 31—32, 112, 135, 137—138, 152, 154, 174, 207, 217, 235, 240—243, 247, 253—254, 258, 265, 279, 296, 298—299, 307, 311—318, 323, 327, 339—341, 351—355, 362, 367, 371—372, 383, 385, 410, 412, 414—415, 417, 420, 422—423, 425—426*

Нольде Карл Фридрих Отто (1796—1866) — асессор Гробинского гауптманского суда в Курляндской губернии. *175*

Нолькен Георг Фридрих, барон (1789—1853) — ландмаршал лифляндского рыцарства. *514*

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — литератор, путешественник. Сенатор с 1849 г., министр народного просвещения в 1853—1858 гг. Булгарину принадлежит рецензия на его книгу «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» (СП. 1831. №18). (См. письмо Булгарина ему 1853 г.: СПб. филиал Архива РАН. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1—2). *588, 591—595, 599, 601, 605*

Ободовский Платон Григорьевич (1805—1864) — поэт, драматург. В 1848 г. в чине коллежского советника служил профессором русской словесности в Главном Педагогическом институте, переводчиком в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел и учителем русского языка при великих князьях Николае и Михаиле Николаевичах. Поместил в СП «Песню на новый год» (1840. № 1). *540*

Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865) — поручик лейб-гвардии Финляндского полка с 1824 г., старший адъютант дежурства пехоты гвардейского корпуса с 1825 г., член Союза благоденствия и Северного общества (член Коренной думы и один из правителей). *148*

Обухович — полковник Войска Литовского в 1812 г. *233*

Обуховский — поляк, ходатай по делам польских помещиков в Петербурге. *58—59*

Овандер Яков Яковлевич (1786—1834) — купец 3-й гильдии. *85*

Огинская (урожд. Нери, в первом браке — Нагурская) *Мария* — жена М.К. Огинского с 1802 г., итальянка (в юности — певица), была известна свободным образом жизни. «Не было влиятельного человека, не было сколько-нибудь молодого русского генерала, а возможно не было и плечистого лакея, который бы не был ее любовником. Их дополняли актеры, певцы, простые солдаты <...> Кроме Залусской, прижитой с Огинским, все остальные ее дочери были от разных других отцов» (Моравский. С. 107—119). *425*

Одоевский Владимир Федорович, князь (1804—1869) — прозаик, литературный критик, публицист. В 1828 г. — чиновник 10-го класса, секретарь общего собрания цензурного комитета министерства внутренних дел. В 1848 г. — действительный статский советник, камергер, заведующий Румянцевским музеем, член Ученого комитета министерства государственных имуществ. Когда Одоевский начал в 1824 г. вместе с В.К. Кюхельбекером издавать альманах «Мнемозина», Булгарин одобрительно отозвался о 1-й и 2-й его частях и о произведениях Одоевского в них (см.: Лит. листки. 1824. № 5. С. 182—193; № 15. С. 73—83). Но после появления в СО (1824. № 38) содержавшей резкую критику «Мнемозины» анонимной публикации «Журнальные статьи» (принад-

лежавшей С.Д. Полторацкому, но атрибутированной издателями альманаха Гречу и Булгарину) началась ожесточенная полемика. В 3-й части «Мнемозины» Кюхельбекер поместил «Разговор с Ф.В. Булгариным», а Одоевский — «Прибавление» к нему, Булгарин резко ответил им (Лит. листки. 1824. № 21—22. С. 110—121), после чего Одоевский в 4-й части «Мнемозины» (1825) заявил об отказе от дальнейшей полемики с Булгариным и в будущем при его жизни никогда не печатал ничего о нем под своей фамилией. Однако в анонимных и псевдонимных выступлениях он неоднократно задевал Булгарина (см.: Размоткин С. [Одоевский В.Ф.] Утро журналиста // ОЗ. 1839. № 12. Отд. 3. С. 179—208; [Одоевский В.Ф.] [Рец. на: Чтения о русском языке Николая Греча. СПб., 1840] // ОЗ. 1840. № 9. Отд. 6. С. 7—29; Плакун Горюнов [Одоевский В.Ф.]. Записки для моего праправнука о литературе нашего времени и о прочем// ОЗ. 1843. № 2. С. 94—100, и др.; см. также: Одоевский В.Ф. О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина // РА. 1864. №7/8. С. 824—831). Несмотря на отрицательное отношение к Булгарину, поместил в СП несколько статей (1829. № 55; 1836. № 280, 287, 288, и др.). (О взаимоотношениях Булгарина и Одоевского см.: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 1, 2. М., 1913 (по указ.); Мещеряков В.П. А.С. Грибоедов и полемика «Мнемозины» с «Литературными листками»// РЛ. 1980. № 3. С. 164—167). *36, 39, 90—91, 232, 289, 293—294, 297, 389, 454, 492—493, 498—500, 545—546, 549, 556, 558—560*

Одынец Антоний Эдуард (1804—1885) — польский поэт. *254, 256—257*

Ожаровский Петр (?—1794) — польский гетман. *261, 265*

Озенбрюгген Эдуард — профессор кафедры уголовного права Дерптского университета с 1843 г. В 1851 г. был уволен по политическим мотивам. *578*

Озерский Павел Герасимович— помещик Черниговской губернии. *388*

Оленин Алексей Алексеевич (1798—1855) — сын А.Н. Оленина; с 1817 г. служил в Генеральном штабе Гвардейского корпуса (был прикомандирован к военно-топографическому депо), с 1827 г. перешел, по болезни, на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел. В мае 1828 г. за поднесенный государю труд «Историко-статистические замечания о Константинополе» удостоился «монаршего благоволения». Член Союза благоденствия, хороший знакомый А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, П.А. Вяземского. Печатался в СП (см.: Оленин А. Письмо к издателю [о театре] //СП. 1832. № 252). *163—164, 278—279, 299, 302*

Оленин Алексей Николаевич (1764—1843) — директор Императорской Публичной библиотеки с 1811 г., президент Академии художеств с 1817 г., член Гос. совета, статс-секретарь по департаменту гражданских и духовных дел, с 1826 г. — гос. секретарь. Булгарин был знаком с ним и в начале 1820-х гг. поддерживал тесные контакты (см. письмо Булгарина И. Лелевелю от 11 апреля 1823 г.: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю. Варшава, 1877. С. 13—14). В 1822 г. Оленин собирался принять Булгарина на службу в Публичную библиотеку, но это ему не удалось (см. письмо Оленина Булгарину от 25 сентября 1822 г.: РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 4). Булгарин вспоминал: Оленин «призрел <...> меня, в начале моего литературного поприща, весьма часто руководствовал мудрыми своими советами, при издании «Северного архива», и первый одобрил мои труды в изящной словесности» (СП. 1854. № 33). Оленин поместил в СП (1832. № 85—87) статью «Публичные библиотеки в Париже и публичная библиотека в С.Петербурге». *159—160, 163—164, 278—279, 438, 443*

Олешкевич Юзеф (1777—1830) — польский художник, религиозный мистик. С 1810 г. жил в Петербурге. Булгарин был знаком с ним; см. письмо Булгарина А.А. Воейковой (РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 72) и воспоминания (СП. 1848. № 46). *400*

Ольхин Матвей Дмитриевич (1806—1853) — петербургский книгопродавец и издатель. С самого открытия своего магазина (в ноябре 1842 г.) был тесно связан с Булгариным: у него находилась контора СП, журналов «Репертуар русского и пантеон всех европей-

ских театров» (Булгарин редактировал его в 1842 г.) и «Эконом» (выходил под редакцией Булгарина в 1841—1844 гг.). Ольхин выпустил ряд книг Булгарина: «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», «Суворов» (обе — СПб., 1843); Полн. собр. соч. Т. 3—7. СПб., 1843—1844; Воспоминания. Ч. 1—3. СПб., 1846—1847. Булгарин постоянно рекламировал Ольхина в СП. Например, в 1843 г. он писал, что Ольхин «с любовью к русской литературе, с смирдинским добродушием сложил на алтаре русского просвещения значительный денежный капитал <...>. Он умеет ценить труд и людей — и нет никакого сомнения, что и русская публика его оценит!» (СП. 1843. № 151; ср. там же № 250) (см. о нем также в письме Булгарина М.Загоскину от 10 ноября 1842 г.: РНБ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 51). Издание книг Булгарина способствовало разорению Ольхина (см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. 1851г. Ед. хр. 2110). (Об Ольхине и его связях с Булгариным см.: Сокова Е.М., Абрамов В.В. Петербургский книжник 40-х годов XIX в. Матвей Ольхин // Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 197—208). *473, 475, 511*

Омер-паша Вриони (1789—1836) — турецкий военачальник во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., паша Негропонта в 1828—1829 гг. *335*

Омер де Гелль Адель (1817—1871) — французская писательница, жена К. Омер де Гелля. *483, 487*

Омер де Гелль Ксавье (1812—1848) — геолог, муж А. Омер де Гелль. *483, 487*

Оранский, принц — см.: Вильгельм II.

Орда Виктор — мелкопоместный шляхтич, член Товарищества шубравцев, впоследствии служил в Петербурге в министерстве иностранных дел чиновником для особых поручений. *135, 138*

Ордынский — брат Карла, Леонарда, Феликса и Франца Ордынских, проживавший в 1831 и 1856 гг. в Петербурге. *429, 606*

Ордынский Карл Викентьевич (ок. 1805 — не ранее 1857) — брат Леонарда, Феликса и Франца Ордынских, учащийся Белостокской гимназии, член тайного Общества военных друзей, арестованный в 1826 г. и сосланный в Сибирь в 1827 г. В дальнейшем служил солдатом в 8-м линейном Сибирском батальоне, позднее — в Омской полевой провиантской комиссии, с 1856 г. — в отставке. *180, 182, 606*

Ордынский Леонард Викентьевич (1799—1852) — брат Карла, Феликса и Франца Ордынских, друг Булгарина. Познакомился с Булгариным в 1820 г., когда, окончив Виленский университет, приехал искать места в Петербурге. Вначале служил чиновником по особым поручениям у генерал-провиантмейстера А.И. Абакумова, потом в комиссии прошений при Н.М. Логинове, с конца 1820-х гг. был секретарем у А.Х. Бенкендорфа, а в 1831 г. перешел во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, где дослужился до чина действительного статского советника. Переводил для СА труды польских историков. Откликаясь в газете на его смерть, Булгарин писал, что Ордынский «был честнейший и благороднейший человек, какой только может быть на земле» (СП. 1852. № 133), а в письме С.Р. Жданову, написанном в июне того же года, утверждал: «Ордынский был для меня более нежели сын и более нежели брат родной, верный и преданный друг, в течение *тридцати двух лет* сряду. Десять лет он жил у меня и в продолжение всей своей жизни в Петербурге бывал у меня ежедневно, по два и три раза» (ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 46; ср.: Усов. С. 302). Греч в своих воспоминаниях дал несколько иную версию взаимоотношений Булгарина и Ордынского. Он писал, что Бенкендорф взял Ордынского секретарем по рекомендации Булгарина, который «полагал, что будет через Ордынского еще лучше узнавать, не готовится ли какая напасть на “Пчелу”». Однако «Ордынский, утвердясь на своем месте, поднял нос пред своим патроном и на вопрос Булгарина: «Неужели ты не будешь сообщать мне, если кто-нибудь станет мне угрожать из граф-

ского кабинета?» отвечал с благородною гордостью человека, не имеющего нужды в спрашивающем: «Ничего я тебе не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендации, и ни в каком случае не нарушу моих обязанностей ни для кого». Булгарин опешил, испугался неожиданной честности своего бывшего друга и клиента и даже стал его бояться. Ордынский не только не прекращал с ним дружбы, но сблизился с ним еще более, водворился у него в доме и стал хозяйничать и командовать, как у себя. Булгарин не смел пикнуть и предоставил ему делать что угодно. До каких пределов простиралась эта уступчивость, по совести, сказать не могу <...> Он имел все причины оплакивать Ордынского, который удерживал его от многих необдуманных и даже неблагородных поступков» (Греч. С. 714—715). (Об отношениях Булгарина и Ордынского см. также: Morawski S. W wiejskiej samotni. Warszawa, 1981. S. 224). *318, 429, 511, 522, 526, 605—606*

Ордынский Феликс Викентьевич (1802 — не ранее 1841) — брат Карла, Леонарда и Франца Ордынских, учитель всемирной истории и географии Белостокской гимназии, член тайного Общества военных друзей. Арестован в 1826 г. и сослан в Сибирь в 1827 г. *180, 182, 606*

Ордынский Франц — брат Карла, Леонарда и Феликса Ордынских, участник польского восстания 1830—1831 гг., с 1831 г. — в эмиграции во Франции. *506*

Ореус Иван Максимович (1787—1863) — статский советник, начальник 2-го отделения министерства финансов, с августа 1827 г. — вице-директор департамента внешней торговли того же министерства, впоследствии товарищ министра финансов, сенатор с 1846 г. Был знаком с Булгариным. *171*

Оржевский Василий Владимирович (1797—1867) — коллежский асессор, секретарь при председателе департамента законов Гос. совета; сенатор с 1855 г. *160*

Орлов Александр Анфимович (1791—1840) — московский низовой литератор, выпустивший в начале 1830-х гг. ряд юмористических и пародийных книг, в которых действовали герой булгаринского романа Иван Выжигин и его сыновья (см. о нем: Корнеев А. Оправданный Александр Орлов // Встречи с книгой. Вып. 2. М., 1984. С. 241—270). *98, 440, 443—444, 453*

Орлов Алексей Федорович, граф с 1825 г., князь с 1856 г. (1786—1861) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, шеф жандармов и главный начальник III отделения с 1844 г., председатель Гос. совета с 1856 г. *23—24, 26, 461—462, 464, 466—479, 481—483, 487, 489—490, 505, 514—515, 518—523, 525, 527—533, 536, 538, 540—542, 550—554, 558, 560—562, 564—567, 569, 571—577, 579—583, 585—586, 589—593, 595—600, 602—604, 606—607*

Орлов Николай Алексеевич (1828—1885) — флигель-адъютант с 1846 г., в чине полковника принимал в 1854 г. участие в действиях против турок на Дунае. Впоследствии — генерал-адъютант, посол в Брюсселе, Париже и Берлине (см. о нем: Абакумов О.Ю. Н.А. Орлов и вольное русское слово // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 75—95). *598, 600—601*

Орлова Ольга Александровна (урожд. Жеребцова) — жена А.Ф. Орлова, мать Н.А. Орлова. *598, 600*

Осинский Людвиг (1775—1838) — профессор Варшавского университета, директор театра в Варшаве, поэт, имел репутацию литературного консерватора. 254—255, 355

Оскар I (1797—1859) — наследник шведского престола с 1818 г., вице-король Норвегии с 1824 г., король Швеции в 1844—1859 гг. *319*

Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1770—1857) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г., с 1817 г. — в бессрочном отпуску. *79*

Остолопов Николай Федорович (1783—1833) — писатель, директор петербургских императорских театров в 1825—1827 гг. *133, 135*

Офросимов (Афросимов) *Константин Павлович* (1785—1852) — генерал-майор, командир 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии с 1826 г., участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. *416—417*

Очкин Амплий Николаевич (1791—1865) — писатель, журналист. Был постоянным переводчиком в журнале Булгарина СА, а во второй половине 1820-х гг. — и в СП. В 1836—1862 гг. — официальный редактор «С.-Петербургских ведомостей». Цензор Петербургского цензурного комитета в 1841—1848 гг., цензурировал СП в 1842—1848 гг., а также части 3—5 «Воспоминаний» Булгарина (СПб., 1847—1848) (см. письмо Булгарина ему 1842 г.: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 43). *27, 381, 383, 450, 504, 507, 544, 548, 581—582*

Очкин Николай Федорович — пензенский купец и откупщик, отец А.Н. Очкина. *544*

Очкина Наталья Христиановна (урожд. Зон) — жена А.Н. Очкина. *544*

Павел I (1754—1801) — российский император с 1796 г. *61, 106, 208, 211, 509, 561, 563*

Павлов Михаил Григорьевич (1793—1840) — доктор медицины, профессор физики, минералогии и сельского хозяйства Московского университета, издатель литературно-научного журнала «Атеней» (1828—1830); активно популяризировал философию Шеллинга в журнале и с университетской кафедры. *221, 408, 491, 499*

Павлов Николай Филиппович (1804—1864) — литератор, во второй половине 1820-х гг. выступал как поэт, переводчик и водевилист; заседатель 1-го департамента Московского надворного суда в 1827—1831 гг. (О его отрицательном отношении к Булгарину см. в его письмах к А.А. Краевскому 1838 г.: РА. 1897. № 3. С. 451, 456—463). *221*

Пален Варвара Николаевна — внебрачная дочь московского обер-полицмейстера Н.П. Архарова, мать А.А. Краевского. *491—492, 500, 545*

Пален Матвей Иванович, барон (1779—1863) — генерал от кавалерии (с 1830 г. — генерал-лейтенант), сенатор с 1828 г., попечитель Дерптского учебного округа в 1828—1835 гг., с 1830 г. одновременно — генерал-губернатор остзейских губерний. *369, 428*

Панаев Владимир Иванович (1792—1859) — поэт, директор канцелярии министерства двора в 1832—1859 гг. Был знаком с Булгариным (об их отношениях см.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 49, 364). *498, 575—576, 588*

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, журналист. В 1828 г. поместил в СП под псевдонимом NNN стихотворение «Кокетка» (№ 61). В 1837 или 1838 гг. познакомился с Булгариным на средах Н.В. Кукольника, в 1841 г., после появления в СП оскорбительной для Панаева рецензии В.С. Межевича, у Булгарина были из-за этого неприятности (см.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 47—49, 363). В 1843 г. Булгарин опубликовал отклик на его повесть «Тля» (СП. 1843. № 57). (Об их отношениях см. также: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1956. С. 420). *39, 454, 501, 549, 557, 559*

Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874) — министр юстиции в 1839—1862 гг. *545, 549*

Панкратьев Никита Петрович (1788—1836) — генерал-майор. Участвовал в русско-персидской войне 1827—1828 гг., командуя 20-й пехотной дивизией, а после войны управлял Хойской и Урмийской областями и командовал находящимися там войсками. Впоследствии генерал-адъютант, генерал-лейтенант. *322, 324*

Парчевский Александр — учился в Виленском университете. В Петербург приехал в 1822 г., служил в консистории (см. о нем: РС. 1874. № 11. С. 454—455). *432*

Паскевич Иван Федорович, граф Эриванский с 1828 г., светлейший князь Варшавский с 1831 г. (1782—1856) — полководец; генерал-адъютант с 1825 г.; командир Отдельного Кавказского корпуса с 1827 г.; генерал-фельдмаршал с 1829 г.; наместник Царства Польского с марта 1832 г. В 1836 г. Булгарин встречался с ним (см. его письмо

А.Я. Стороженко от 30 мая 1836 г.: Стороженки. С. 23—24). *157—158, 227, 249, 270, 273—274, 276, 304—305, 322, 325, 327—329, 332—333, 336—337, 456, 517—518*

Пасынков Николай Федорович (1769 или 1768 — не ранее 1824) — действительный статский советник, костромской гражданский губернатор в 1807—1815 гг. Был отставлен от службы и судим за взяточничество и злоупотребления. *154—155*

Пасынкова — жена Н.Ф. Пасынкова. *154*

Паулуччи Клавдия (урожд. Кобле) — жена Ф.О. Паулуччи. *179*

Паулуччи Филипп Осипович, маркиз (1779—1849) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 1812 г. — рижский военный губернатор, с 1821 по 1829 г. — лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор. Булгарин познакомился с ним в 1808 г. и позднее встречался с ним (см.: Булгарин Ф. Воспоминания. Ч. 4. СПб., 1848. С. 153—154, 157—160, 258—265; Ф.Б[улгарин]. Письмо из Карлова на Каменный остров // СП. 1830. № 91). В СП Булгарин поместил некролог Паулуччи (1849. № 67). *172, 176, 178—180, 185—187, 368—369, 372—373*

Пацкевич — отставной капитан польской армии, помещик Тверской губернии. 150

Пацкевич (в предшествующем браке — Милина) — помещица, жена Пацкевича. 150

Пашков Василий Александрович (1764—1834) — обер-егермейстер двора с 1821 г., член Гос. совета с 1825 г. *160, 392*

Пезаровиус Павел Павлович (1776—1847) — создатель и редактор (в 1813—1821, 1840—1847 гг.) газеты «Русский инвалид», в конце 1820-х — начале 1830-х гг. действительный статский советник, редактор «С.-Петербургских ведомостей». *280, 401—402, 494*

Пеликан Елизавета (урожд. Васильева) — жена В.В. Пеликана. *136*

Пеликан Вацлав Вацлавович (1790—1873) — хирург, профессор (с 1816 г.) и ректор (в 1826—1831 гг.) Виленского университета. Сблизившись в 1823 г. с попечителем Виленского учебного округа Н.Н. Новосильцовым, стал его доверенным лицом. Организовал ряд громких политических дел в Виленском учебном округе, поощрял доносительство на преподавателей. Позднее — президент Медико-хирургической академии в Петербурге. *19, 135—136, 240—242, 245—246, 258, 296, 298, 311, 313, 323, 340, 351—354, 367, 415, 422, 425*

Пельчинский (Пелчинский) *Викентий Станиславович* (ок. 1795 — 1855) — дворянин киевской губернии, кандидат философии Виленского университета, экономист. Друг А. Мицкевича. В Петербург приехал в 1819 г., в 1820—1821 гг. был в тесных отношениях с Булгариным, собирался совместно с ним переводить комментарии Ю. Ежовского к одам Горация, но в итоге Булгарин подготовил это издание единолично (см.: Archiwum filomatów. Cz. I. T. 3. Kraków, 1913. S. 19—20, 208, 408). С 1821 г. служил чиновником по особым поручениям при министре народного просвещения, в 1824—1826 гг. — при белорусском генерал-губернаторе, с мая 1827 г. — чиновником по особым поручениям в министерстве финансов (см. дело о поступлении его туда: РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Ед. хр. 249). Булгарин поместил в СА его статью «О действии причин, имевших неблагоприятствующее влияние на общественные выгоды в России» (1827. № 18), а в СП статью «Замечания на возражения гг. М. Титова и В. Андросова <...>» (1832. № 278, 279). В 1831 г. был произведен в камергеры, но нетактичным поведением на придворном балу в 1839 г. вызвал недовольство Николая I и был вынужден покинуть службу (см.: Корф М.А. Из записок // РС. 1899. № 7. С. 23). В 1841 г. уехал во Францию, где выпустил книгу «La Russie en 1844» (Paris, 1845). *69—70, 171, 422*

Пельчинский (Пелчинский) Станислав — садовник, отец В.С. Пельчинского. *69, 422*

Пенчковский — шамбелян польского двора. *176*

Перетц — маклер, брат А. И. Перетца. *86*

Перетц Абрам Израилевич (1771—1833) — крупный откупщик и подрядчик, коммерции советник (см. о нем: Берлин П. Банкир Перетц //Новый восход. 1913. № 1. С. 45—

48; Перетц В.Н., Перетц Л.Н. Декабрист Г.А. Перетц. Л., 1926. С. 8—14; [Записки о его банкротстве] // ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 1567). В молодости Булгарин посещал балы в его доме (см.: Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч.3. СПб., 1847. С. 363, 409). *68, 86, 121—122, 171, 275, 277, 379*

Перовский Алексей Алексеевич, граф (1787—1836) — попечитель Харьковского учебного округа (1825—1830), писатель. Булгарин нередко встречался с ним в начале 1820-х гг. (см. воспоминания И.Н. Лобойко: ИРЛИ. Ф. 154. Ед. хр. 39). Опубликовал отрицательную рецензию на роман Булгарина «Иван Выжигин» (Бабочка. 1829. № 38. С. 151—152; под псевдонимом: —й —ъ —й). (Положительный отзыв Булгарина о нем и его творчестве см.: СП. 1853. № 105). *267, 281—282, 286, 381, 384—385*

Перовский Василий Алексеевич, граф (1795—1857) — полковник, директор канцелярии Морского штаба (с 1819 г.), позднее — в лейб-гвардии Измайловском полку, оренбургский военный губернатор (1833—1842), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851—1857). *212, 379—380, 514*

Перовский Лев Алексеевич, граф (1792—1856) — сенатор с 1831 г., министр внутренних дел в 1841—1852 гг., министр уделов в 1852—1856 гг. (В 1842 и 1846 гг. Булгарин обращался к нему с прошениями: РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 113; ИВ. 1882. № 12. С. 722—724). *458, 492, 501, 511, 513, 516, 562—563, 600*

Перц — см.: Перетц А.И.

Петерсен Карл Федорович — титулярный советник, секретарь Ревельского таможенного округа в начале 1830-х гг. *400*

Петкевич — служащий адрес-конторы в Петербурге. 431

Петр I (1672—1725) — русский царь с 1682 г., с 1721 г. — император. *26, 78, 90, 98, 103, 117, 123—124, 144—145, 163, 169, 182, 206, 235, 237, 266, 271, 282, 285, 300, 313, 332, 404, 418, 441, 477, 486, 509, 534, 537*

Петр Амьенский, прозванный Пустынником (ок. 1050 — 1115) — монах, народный проповедник, возглавлявший, по преданию, первый крестовый поход. *280*

Петр Пустынник — см.: Петр Амьенский.

Петрашинский — см.: Петрижицкий С.И.

Петрижицкий Севастьян Иванович — титулярный советник, секретарь 2-го департамента Петербургской палаты гражданского суда в начале 1830-х гг. *399*

Петров Дмитрий Васильевич (1770—1844)— колежский асессор, чиновник канцелярии Гос. совета (см. его формулярный список 1838 г.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Ед. хр. 853). *159—160, 281*

Петров Егор Дмитриевич — столоначальник отделения учета векселей Гос. коммерческого банка. *85—87*

Петрова — жена Д.В. Петрова. *159*

Пещуров Алексей Петрович (1785—1833) — исправлял должность директора департамента министерства юстиции с 1814 г., обер-прокурора 2-го отделения 5-го департамента Сената с 1818 г., обер-прокурора 2-го отделения 6-го департамента Сената с 1821 г. (с 1822 г. — действительный статский советник, обер-прокурор), обер-прокурора в 7-м департаменте Сената с 1823 г., уволен от должности обер-прокурора, с причислением к герольдии, в 1827 г. (см. о нем: Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. С. 258—262; Пещуров Д., Пещуров М. По поводу дела об А.П. Пещурове //Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 134—140). *154—156*

Пещурова — жена А.П. Пещурова. *154*

Пивницкий Станислав — маршал польского сейма с 1825 г. *355*

Пилинкер Ицко — фактор виленского прокурора Г.О. Ботвинко. *174, 235, 243*

Пиль Роберт (1788—1850) — в 1828—1830 гг. — министр внутренних дел Великобритании, в 1834—1835 и 1841—1846 гг. — премьер-министр. В июне 1846 г. провел

отмену хлебных законов, что повлекло за собой снижение тарифов на ввоз многих видов продовольствия и сырья. *291, 512—513*

Пининский (Владислав?) — виленский помещик. *235—236*

Писарев Александр Александрович (1780—1848) — генерал-майор (в 1827 г.), попечитель Московского учебного округа, сенатор с 1830 г., писатель, член Российской академии. *192, 199, 205*

Писарев Александр Иванович (1803—1836) — водевилист. *196, 199*

Писарев Николай Эварестович (1806—1884) — действительный статский советник, камергер, правитель канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова в конце 1830-х —1848 г., в 1848—1851 гг. олонецкий гражданский губернатор. «Гениальный взяточник», по определению Т.Г. Шевченко (Шевченко Т.Г. Дневник. Харьков, 1925. С. 50). *479—481, 487, 513, 515, 569*

Писарева Софья Гавриловна — жена Н.Э. Писарева. *425, 480—481*

Пистолкорс — гавенмейстер в Риге. *171*

Пихлер — рижский купец. *170*

Платер Людвиг Август, граф (1775—1846) — статский советник, генеральный директор государственных лесов в Царстве Польском. С мая 1829 г. — сенатор-кастелян, после восстания 1830—1831 гг. — в эмиграции. *355*

Платер Юзеф Константы, граф (1758— ок.1840) — помещик. *170, 379*

Платер Михаил (1807—1835) — виленский гимназист. В 1823 г. написал на классной доске патриотический призыв и был отдан за это в солдаты. *109*

Платон (Левшин) (1737—1812) — московский митрополит в 1787—1812 гг. *243, 438*

Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. *49*

Платонов — титулярный советник. *243—244*

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — профессор российской словесности (в 1840—1866 гг. — и ректор) Петербургского университета, поэт и критик, друг Жуковского, Пушкина, Гоголя. В 1838—1846 гг. издавал и редактировал основанный Пушкиным журнал «Современник». Отрицательно относился к литературной деятельности Булгарина (см.: Плетнев П.А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. С. 550, 563, 665; Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1896, по указ.), но время от времени печатал статьи и рецензии в СП (см.: 1828. № 143, 154, 155; 1833. № 162; 1835. № 278). *441, 444, 559, 582, 588*

Плюшар Адольф Александрович (1806—1865) — петербургский книгопродавец и издатель, владелец типографии, издатель «Энциклопедического лексикона» (1835—1841). Выпустил подготовленную Булгариным книгу «Россия» (В 6 ч. СПб., 1837). Отрицательную характеристику его см. в письмах Булгарина Н.А. Гречу от 15 октября 1836 г. (РА. 1870. № 10. Стб. 1943—1944), Н.В. Кукольнику от 18 апреля 1838 г. (ИРЛИ. Ф.371. Оп. 1. Ед. хр. 104) и А.Я. Стороженко от 18 февраля 1838 г. (Стороженки. С. 32). *472, 475, 492, 500*

Погодин Василий Васильевич (1788—1863) — чиновник для особых поручений при начальнике Главного штаба с 1826 г., сенатор с 1846 г. *215—216*

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, журналист. Познакомился с Булгариным в декабре 1825 г., в 1826 г. печатал свои статьи и переводы в СА. С 1827 г., когда Погодин стал издателем журнала «Московский вестник» (выходил по 1830 г.), где печатались отрицательные отзывы о Булгарине, отношения их стали портиться. Тем не менее в конце декабря 1827 г. Булгарин дал обед в честь приехавшего в Петербург Погодина (на нем присутствовал и А.С. Пушкин), а в 1830 г. Погодин поместил в СП (№ 142, без подписи) «Письмо Москвича к приятелю в С.Петербург, о холере» (см. письма Булгарина ему 1825—1830 гг.: РГБ. Ф. 231/II. К. 46. Ед. хр. 5; опубл. с купюрами: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 333; Кн. 2. СПб., 1889. С. 6—7, 10, 59—60, 118—121, 162; Кн. 3.

СПб., 1890. С. 47—48; см. там же на с. 48 наброски ответного письма Погодина). В дальнейшем неоднократно в переписке высказывался отрицательно о Булгарине (см.: Барсуков Н. Указ. соч. Кн. 1—22. СПб., 1888—1910, по указ.; РА. 1882. Кн. 3. С. 79—80, 99, 103, 120), но печатно против него не выступал. *19—20, 26—27, 32—33, 88—89, 232, 289, 293, 297—298, 459, 588*

Позняк Дмитрий Прокофьевич (1764—1851) — действительный статский советник, правитель канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. 127, 162

Полевая Наталья Францовна (урожд. Терренберг; 1806—1896) — жена Н.А. Полевого. *482, 489—490*

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — критик, журналист, переводчик, издатель и книгопродавец. Брат Н.А. Полевого. В 1840-х гг. печатался в СП. Его «Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого» (СПб., 1888; большая часть переиздана В. Орловым с содержательными комментариями: Полевой) содержат ценные воспоминания о Булгарине. *206, 435, 472, 475*

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — писатель, журналист, издатель журнала «Московский телеграф». Брат К.А. Полевого. Познакомился с Булгариным летом 1821 г., поместил в СА (1824. № 13) рецензию на издание летописи Нестора. Появление у Полевого с 1825 г. собственного журнала и особенно публикация там содержащей серьезные упреки рецензии Н. Полевого и П. Вяземского на изданный Булгариным альманах «Русская Талия» (МТ. 1825. № 2; без подписи) привели к ухудшению отношений. В СП были помещены направленные против Полевого памфлет NN [Ф.Булгарина?] «Горе от “Московского телеграфа”» (1825. № 80) и статья Греча и Булгарина «Антикритика на замечание во II-ой книжке “Московского телеграфа”» (1825. № 82). В ответ в качестве приложения к №13 МТ вышла брошюра Н. Полевого (без подписи) «Особенное прибавление к «Московскому телеграфу». Обозрение критических и антикритических статей и замечаний на «Московский телеграф» <...>» (продолжения ее были приложены к № 15, 16), а в МТ был помещен памфлет Я. Сидоренко [Н. Полевого?] «Матюша — журналоучка, или Учение свет, а неучение тьма» (1825. № 15; см. также продолжение в №22). После этого разгорелась ожесточенная полемика; в МТ, СП, СА и СО в 1825—1827 гг. увидели свет десятки материалов на данную тему. По справедливому замечанию К.А. Полевого в его воспоминаниях, «в основании спора не было глубокой литературной идеи, не было какого-нибудь богатого последствиями направления. Хотели оспорить друг друга, или, лучше сказать, обвинить, унизить неприятеля и, конечно, достигли этого хоть отчасти, потому что указывали на ошибки, обмолвки, слабые и смешные стороны <...>» (Полевой. С. 180). Но был прав и Булгарин, когда указывал, что «это оживило литературу и обратило на нее всеобщее внимание» (СП. 1840. № 65).

В апреле 1827 г. Булгарин прислал Полевому на отзыв свои недавно вышедшие «Сочинения», сопроводив книгу письмом, в котором предлагал заключить мир. Полевой поместил сочувственный отзыв (МТ. 1827. № 24), и с 1828 г. их отношения вновь приобрели дружественный характер. Н. Полевой, один из немногих, написал хвалебную рецензию на «Ивана Выжигина» (МТ. 1829. № 13. Подписана N.N.), сочувственно отозвался он и о 2-м издании «Сочинений» Булгарина (МТ. 1830. № 9). Булгарин дважды с одобрением писал об «Истории русского народа» Н. Полевого (СП. 1829. № 129, 130; 1830. № 110). Отрицательный отзыв Н. Полевого о «Петре Иановиче Выжигине» (МТ. 1831. № 6; без подписи) вновь испортил отношения, началась полемика, и Булгарин раскритиковал роман Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» в статье «Критический взгляд на новые русские романы» (СП. 1833. № 151—154).

После запрещения МТ в 1834 г. отношения между Булгариным и Полевым вновь улучшились, в 1835 г. в СП была помещена статья Полевого «Посещение московской выставки произведений отечественной промышленности Государем Императором»

(№ 131—134), важная для его «реабилитации». В 1838 г. Смирдин, взяв на себя издание СП, а также СО и СА, поручил Полевому редактирование литературной части этих изданий, но из СП Полевому, после конфликтов с Булгариным, в марте пришлось уйти. В дальнейшем Булгарин еще несколько раз ссорился и мирился с Полевым, то хвалил, то ругал его в печати (см.: БДЧ. 1838. Т. 28. Прил. С. 1—8; СП. 1839. № 80; 1840. № 26, 32, 65; 1841. № 207; 1842. № 36, 64, 119, 130, 142, 233; 1843. № 35; 1845. № 39, 43; 1846. № 22). Аналогичным образом вел себя и Полевой (см.: Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. С. 50, 53; Т. 2. С. 152—153; СО. 1840. Т. 1. С. 434—435; Русский вестник. 1842. № 4. Отд. 3. С. 20—27; Отд. 4. С. 46—60 [под псевд. Фома Мошкин]; СП. 1843. № 84 [под псевдонимом ZZ], и др. Вместе они начали писать нравственно-сатирический роман «Смерть лучше богатырства» (БДЧ. 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80—82), оставшийся из-за смерти Полевого неоконченным. Одной из последних публикаций Полевого была отрицательная рецензия на воспоминания Булгарина (Лит. газета. 1846. № 3), на которую Булгарин ответил статьей «Ответ «Воспоминаний Фаддея Булгарина» напоминаниям Н.А. Полевого» (СП. 1846. № 20, 21). После смерти Полевого Булгарин напечатал его некролог (СП. 1846. № 49) и в дальнейшем не раз писал о нем (см.: СП. 1846. № 67; 1847. № 48; 1849. № 213, и др.). Письма Булгарина Полевому 1824, 1827, 1828, 1838 и 1846 гг. см.: РГБ. Ф. 178. Муз. собрание. К. 8566. Ед. хр. 14. Л. 1; ГПБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 1568; РС. 1871. № 12. С. 678—680; Пушкин и другие. Новгород, 1977. С. 175—179 (публикация В.Э. Вацуро); письма Полевого Булгарину 1824 и 1838 гг. см.: РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 7—8; РС. 1896. № 6. С. 568—569. (Подробнее о взаимоотношениях Полевого и Булгарина см.: Полевой К. Записки. СПб., 1888 (по указ.); Полевой Н.А. Дневник // ИВ. 1888. № 3, 4; Лонгинов М.Н. Сочинения. Т. 1. М., 1915. С. 102—106). *9—10, 19—20, 26—27, 29, 32, 39, 77, 192—199, 206, 213—214, 221, 317, 375—376, 385, 408, 434—436, 469—470, 472—473, 475, 482—483, 489—491, 495, 498, 500, 504, 525, 534—535, 542*

Политковский Александр Гаврилович (1804—1853) — камергер, правитель дел Комитета 18 августа 1814 г. (ведавшего т.н. инвалидным капиталом). После его смерти выяснилось, что он растратил более миллиона денег Комитета. *545, 549*

Полозов Даниил Петрович (1794—1850) — генерал-лейтенант с 1835 г., начальник 1-го округа корпуса жандармов. Булгарин учился с ним в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, а в 1842 г. присутствовал на крестинах его сына (см.: Каталог коллекции авторских надписей [отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки]. М., 1994. С. 11). *539*

Полонский — чиновник в Гос. контроле в 1827 г. *121*

Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884) — библиограф и библиофил, друг А.С. Пушкина. *232, 560*

Пономарев Прокопий Иванович (1774—1853) — петербургский купец 1-й гильдии, сахарозаводчик, коммерции советник, городской глава Петербурга в середине 1840-х гг. (см. краткий некролог: СП. 1853. № 111. 20 мая). *512*

Понятовский Станислав Август (1732—1798) — польский король в 1764—1795 гг. Был избран королем при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II; служил проводником русских интересов в Польше. Характеристику его Булгарин дал в своих «Воспоминаниях» (Ч. 1. СПб., 1846. С. 292—297). *148, 211, 258, 264—265, 410, 413*

Понятовский Юзеф (1763—1813) — польский генерал, участник восстания 1794 г., в 1812 г. — командующий польским корпусом армии Наполеона. Булгарин писал о знакомстве с ним в 1810 г. (Воспоминания. Ч. 6. СПб., 1849. С. 244—248). *233, 260, 264, 411*

Попов — брат Н.М. Попова, чиновник в Сенате. *380*

Попов Дмитрий Прокопиевич (1790—1864) — профессор Петербургского университета с 1824 г., помощник библиотекаря в Императорской Публичной библиотеке с 1815 г., библиотекарь с 1828 г.; переводчик с древнегреческого языка. *279*

Попов Николай Григорьевич (1789—1865) — надворный советник, обер-контролер отделения проверки заграничных счетов Временной комиссии для решения счетов и счетных дел прежнего времени в Гос. контроле. *63, 121—122*

Попов Николай Михайлович (1779—1869) — обер-секретарь 3-го департамента Сената в 1827—1829 гг. *116, 274—275, 277, 379—380*

Поповский — польский адвокат в Петербурге. *431*

Порошин Виктор Степанович (1809—1868) — профессор политической экономии в Петербургском университете в 1837—1847 гг. *548, 550*

Потапов Алексей Николаевич (1772—1847) — генерал-майор с 1813 г., генерал-лейтенант с августа 1826 г., генерал от кавалерии с 1834 г., генерал-адъютант с 1825 г., дежурный генерал Главного штаба в 1823—1832 гг. Булгарин познакомился с ним в 1807 г. (см.: Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 3. СПб., 1847. С. 366). *11, 43—44, 53, 56, 121, 125*

Потемкин Григорий Александрович, граф с 1774 г., светлейший князь Таврический с 1783 г. (1739—1791) — генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии с 1784 г., фаворит Екатерины II. *142, 209*

Потер — см.: Поттер Л.-И.-А.

Потоцкая — см.: Челищева Е.А.

Потоцкая Александра, графиня (урожд. Любомирская; 1760—1836) — вдова политика и литератора С.К. Потоцкого. *362*

Потоцкая Марианна (урожд. Гурская, в первом браке — Каменская) — жена генерала Станислава Потоцкого с 1815 г. *253*

Потоцкая Наталия — участница костюмированного бала в Варшаве в 1828 г. *254*

Потоцкий Болеслав (1805—1896) — богатый помещик. *423*

Потоцкий Игнатий — знакомый Булгарина в Варшаве в 1815 г. *203*

Потоцкий Северин Осипович, граф (1762—1829) — действительный тайный советник, сенатор с 1801 г., с 1817 г. почти все время жил за рубежом, не участвуя в политической жизни. (См. о нем: Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 1. СПб., 1846. С. 227—229). *323, 399*

Потоцкий Станислав (1776—1830) польский генерал, генерал-адъютант, сенатор польского Сената с 1829 г. *253*

Потоцкий Станислав Костка, граф (1755—1821) — политик и литератор, муж А. Потоцкой. *362*

Поттер Людовик-Иосиф-Антуан (1786—1859) — бельгийский журналист и политический деятель, республиканец, член временного правительства, созданного после сентябрьской революции 1830 г. в Бельгии. *395—396*

Пражевский Николай Прокофьевич (1787—1849) — статский советник, начальник 1-го отделения канцелярии министерства финансов в 1825—1828 гг., бессарабский гражданский губернатор с 1828 г. *64*

Прац Эдуард — петербургский типограф в 1840-х гг. *557*

Прево — австрийский консул в Варшаве. *254*

Пржецлавский (Пржеславский) *Осип Антонович* (1799—1879) — журналист. Окончив Виленский университет, приехал в начале 1820-х гг. в Петербург. Служил в министерстве внутренних дел (в 1829 г. — столоначальник в канцелярии министерства), был директором гос. канцелярии по делам Царства Польского. Часто бывал в доме министра народного просвещения А.С. Шишкова, который был женат на его двоюродной сестре. В 1830—1835 гг. издавал и редактировал газету «Tygodnik petersburski» (внача-

ле — с Ф.И. Малевским). Был хорошо знаком с Булгариным с начала 1830-х гг.; оставил воспоминания о нем (Из воспоминаний петербургского старожила: Ф.В. Булгарин // Рус. сборник. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1877. С. 184—204). *14, 77, 148—149, 200, 267, 272, 397, 430, 432*

Притвиц Карл Карлович, барон (1797—1881) — полковник и флигель-адъютант с 1831 г., генерал-адъютант и генерал-лейтенант с 1849 г. *446—447*

Прозоровский Александр Александрович, князь (1732—1809) — генерал-фельдмаршал с 1809 г. Главнокомандующий русскими войсками в Молдавии в 1807—1809 гг. *305*

Прокофьев Иван Васильевич (?—1845) — купец, коммерции советник, в 1820—1848 гг. — один из директоров главного правления Российско-Американской компании. Булгарин был хорошо знаком с ним (через К.Ф. Рылеева, служившего правителем дел в правлении Российско-Американской компании) и вместе с Гречем, А. Бестужевым, Г.С. Батеньковым и др. часто обедал у него в 1820-х гг. (см.: Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 153—154; Греч. С. 452, 709). Его сыновья, Н. и С. Прокофьевы, учились в Дерптском университете и жили в качестве пансионеров у Булгарина в Карлово в конце 1820-х гг. (см. письмо Булгарина И.Ф. Маковкину от 24 июля 1829 г.//ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 163; а также: Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 1. М., 1892. С. 144). *84*

Прокофьев Иван Петрович (1794—1865) — штурман в первой половине 1820-х гг. *79*

Протасов Николай Александрович, граф (1799—1855) — генерал от кавалерии, флигель-адъютант с 1831 г., обер-прокурор Синода с 1836 г. *513, 516*

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742 — 1775) — предводитель крестьянского восстания 1773—1775 гг. *83, 563*

Пузина, князь — первый муж К. Вищинской. *211*

Пусловский Войцех (1762—1833) — слонимский маршал шляхты, депутат сейма, действительный тайный советник. Один из самых богатых вельмож Польши. Был женат на сестре министра финансов Царства Польского Ф.К. Любецкого и имел на него сильное влияние. *119, 135, 137, 152, 355, 412*

Пустошкин Семен Афанасьевич (1759—1846) — вице-адмирал с 1807 г., член гос. адмиралтейств-коллегии с 1820 г., сенатор с 1827 г., адмирал с 1831 г. *144—145*

Путятин Родион Тимофеевич (1807—1869) — протоиерей соборного храма в Рыбинске, известный проповедник. Его книга «Краткие поучения» выдержала с 1842 по 1894 г. 22 издания (см. о нем: Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 2. М., 1850. С. 119—122). *563*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт, прозаик, журналист. В августе 1823 г. поместил в «Лит. листках» (№ 2) стихотворение «На выпуск птички». С начала 1824 г. Булгарин стал бесплатно присылать Пушкину СА. Пушкин отправил ему 1 февраля 1824 г. письмо с просьбой поместить в «Лит. листках» еще два стихотворения («Элегия» и «Нереида»), которые и были напечатаны в № 4. Весной 1824 г. Пушкин выражал в письмах к знакомым недовольство публикацией Булгариным в «Лит. листках» (№ 3) фрагмента его частного письма. Однако отношений с ним не прервал; в 1825 г. напечатал в СП (№ 12) стихотворение «К Ч[аадаеву]». Личное их знакомство состоялось осенью 1827 г. (не ранее 16 сентября), и в течение этого и начала следующего года Пушкин часто встречался с Булгариным, несколько раз бывал у него дома (6 января 1828 г. Булгарин писал В.А. Ушакову, что Пушкин «скрытен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе <...> Он кажется полюбил меня<...>» [РС. 1909. № 11. С. 350]). В начале 1828 г. Пушкин поместил в СП стихотворения «Москва» (фрагмент «Евгения Онегина») (№ 17) и «Послание к В[еликопольскому]» (№ 30), Булгарин посвятил ему историческую повесть «Эстерка» (вошла в т. 3 его «Сочинений», вышедший из печати в начале 1828 г.).

В марте 1829 г. был выпущен и имел необычайный успех у публики роман Булгарина «Иван Выжигин», негативно оцененный Пушкиным и другими представителями

«литературной аристократии», а изданная одновременно пушкинская «Полтава» распродавалась плохо и критикой была встречена без энтузиазма. Осенью того же года Пушкин узнал о сотрудничестве Булгарина с III отделением и об использовании им этих контактов для дискредитации своих журнальных конкурентов. С 1830 г. Дельвиг при активном участии Пушкина стал издавать «Литературную газету» с целью подорвать литературную и общественную репутацию Булгарина. Особенно обострилась ситуация после выхода в свет в феврале 1830 г. романа Булгарина «Димитрий Самозванец». Пушкин посчитал, что Булгарин использовал не опубликованного к тому времени, но представленного Бенкендорфу «Бориса Годунова», и стал обвинять Булгарина в плагиате. 18 февраля 1830 г., через несколько дней после поступления романа в продажу, Булгарин, защищаясь от обвинений, отправил оправдательное письмо Пушкину. Отрицательную рецензию Дельвига на роман, помещенную без подписи в «Литературной газете» 7 марта, Булгарин приписал Пушкину и напечатал направленный против него памфлетный «Анекдот» (СП. 1830. № 30), а вскоре поместил издевательскую рецензию на седьмую главу «Евгения Онегина» (СП. 1830. № 35, 39 [22 марта, 1 апреля]). Пушкин ответил 6 апреля памфлетной статьей «О записках Видока» (Лит. газета. 1830. № 20). В борьбе с Булгариным Пушкин использовал и другие методы: сочинил и распространял эпиграмму «Не то беда, что ты поляк <...>» (Булгарин напечатал ее в конце апреля в журнале «Сын отечества и Северный архив» (№ 17), заменив слова «Видок Фиглярин» на «Фаддей Булгарин»); 24 марта отправил письмо А.Х. Бенкендорфу, предупреждая о конфликте с Булгариным. Булгарин продолжил полемику памфлетным пассажем в своем «Втором письме из Карлова на Каменный остров» (СП. 1830. № 94. 7 авг.) и памфлетной повестью «Предок и потомки», помещенной в 12 томе «Собрания сочинений», вышедшем в свет в декабре 1830 г. (о ней см.: Черняк Я.З. Неизвестный памфлет Ф. Булгарина против Пушкина // РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 22). Пушкин ответил ему стихотворением «Моя родословная», написанным в октябре 1830 г. и распространившимся в рукописи. С 1831 г. Булгарин прекратил полемику, проигнорировав два пушкинских памфлета «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», помещенные в «Телескопе» (1831. № 13, 15) под псевдонимом Феофилакт Косичкин. В течение нескольких лет он благожелательно отзывался о Пушкине. Лишь когда в 1836 г. в пушкинском «Современнике» (Т. 1) появилась статья Гоголя (без подписи) с негативной оценкой булгаринских изданий, он напечатал в СП направленные против Пушкина статьи «Мнение о литературном журнале “Современник”» (№ 127—129) и «Мое перевоспитание по методе взаимного обучения» (№ 255, 256).

После смерти Пушкина Булгарин неизменно отзывался с похвалой о его творчестве (см.: СП. 1841. № 239; 1849. № 191, и др.), нередко делая отступления мемуарного характера (см.: СП. 1840. № 89; 1845. № 43; 1847. № 185; 1854. № 12; 1858. № 20, и др.). Булгарин утверждал, что у него «есть до полусотни писем Пушкина» (СП. 1841. № 168), но они, к сожалению, не сохранились. Два письма Пушкина Булгарину 1825 и 1827 гг. и два письма Булгарина Пушкину 1825 и 1830 гг. см.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. М.; Л., 1937. С. 85, 168, 346; Т. 14. М.; Л., 1941. С. 67. (О взаимоотношениях Пушкина и Булгарина см.: Сухомлинов М.И. Полемические статьи Пушкина // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 267—300; Гиппиус Вл.В. Пушкин и журнальная полемика его времени. СПб., 1900; Фомин А.Г. Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов // Пушкин А.С. Соч./ Под ред. А.С. Венгерова. Т. 5. СПб., 1911. С. 451—492; Столпянский П. Пушкин и «Северная пчела»// Пушкин и его современники. Вып. 19/20. Пг., 1914. С. 117—190; Вып. 23/24. Пг., 1916. С. 127—194; Вып. 31/32. Пг., 1927. С. 129—146; Оксман Ю.Г. Булгарин Ф.В.// Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1931. С. 69—71; Гиппиус Вас. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг.// Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941.

С. 235—255; В.В[ацуро]. Булгарин Ф.В.// Пушкин А.С. Письма последних лет. Л., 1969. С. 371—372; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 52—53). *9, 13—14, 26—29, 33, 36—40, 88—89, 91—99, 108, 112—113, 115, 125, 162, 180, 184, 195, 198, 205—206, 221—222, 224, 228, 231, 289, 293—294, 299, 302, 347, 349, 399, 440, 442—443, 445, 476—477, 499, 504, 506, 508, 510, 522, 525, 576*

Пущина — см.: Красноленцкая.

Пясецкий Игнатий Мартынович — надзиратель университетской полиции Виленского университета. *246*

Пясецкий Маян (Мариан) (1796 —не ранее 1840) — кандидат юриспруденции, филарет. В 1830-х гг. жил в Петербурге и был поверенным в делах польских помещиков, занимался делами поляков — политических заключенных. *246, 430*

Рагозин — см.: Рожалин Н.М.

Радзивилл Александра (урожд. Стецкая; 1796—1864) — жена М.Г. Радзивилла. *362*

Радзивилл Антоний Хенрик (1775—1833) — наместник великого герцогства Познанского в 1815—1833 гг. *254*

Радзивилл Доминик, князь (1786—1813) — командовал 8-м польским уланским полком наполеоновских войск в 1812 г. Булгарин был знаком с ним (см.: Булгарин Ф. Воспоминания. Ч. 3. СПб., 1847. С. 301—318). *259*

Радзивилл Михал Гедеон (1778—1850) — генерал Войска Польского в 1815 г., сенатор-воевода польского Сената. Участвовал в восстании 1830—1831 гг. Муж А. Радзивилл. *362, 430*

Радзивилл Стефания Доминиковна, княжна (1809—1832) — дочь Д. Радзивилла, фрейлина. *177*

Радзивиллы — польские магнаты. *430, 432*

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — генерал-майор. В 1826—1829 гг., будучи командиром Нижегородского полка, воевавшего на Кавказе, покровительствовал служившим в полку декабристам, за что в декабре 1829 г. получил строгий выговор от императора и был переведен в 5-ю уланскую дивизию состоять при ее начальнике (см.: РГВИА. Ф. 36. Оп. 7. Св. 59. Ед. хр 83). *378—379*

Раецкий — полковник Войска Литовского в 1812 г. *233*

Ратьков Петр Алексеевич — книгопродавец и издатель. В 1820—1830-х гг. жил в Москве и управлял сначала конторой МТ, а потом книжной лавкой Н.А. и К.А. Полевых (по характеристике К.Полевого — «человек испытанной честности, благоразумный, деятельный» [Полевой. С.331]). В конце 1840 г. переехал в Петербург в качестве поверенного К.А. Полевого, управлял его петербургским магазином. Позднее открыл свой магазин. Булгарин писал, что он «своею аккуратностию, отчетливостию, исправностию в платежах достоин всякого уважения» (СП. 1841. 1 марта). В начале 1840-х гг. Булгарин был тесно связан с ним; в 1842 г. Ратьков принимал участие в издании редактируемого Булгариным журнала «Эконом» (см.: Полевой К.А. Записки. СПб., 1888. С. 528, 537, 539). *498, 539, 545, 581—582*

Рачинская — графиня, жена Э. Рачинского. *254*

Рачинская — жена К.К. Рачинского. *399, 429—430*

Рачинский Эдвард, граф (1786—1845) — польский земельный магнат, меценат, прусский подданный с 1815 г. *254*

Рачинский Казимир Казимирович — коллежский асессор, чиновник министерства иностранных дел во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. В романе Булгарина «Иван Выжигин» выведен как Дурачинский. *399—400, 429—430*

Рашет Карл Яковлевич (1772—1830) — коллежский советник, управляющий рижской таможней в 1825—1830 гг. *400*

Рдултовский — помещик Новогрудского повета Гродненской губернии. *154*

Рединг Август Вильгельм Генрих (1813—1852) — студент Дерптского университета (1835—1839). После окончания преподавал в Воспитательном доме Петербургского благотворительного общества, позднее служил в канцелярии евангелическо-лютеранской консистории в Петербурге. *444*

Редкин Петр Георгиевич (1808—1891) — правовед, профессор Московского университета в 1835—1848 гг. *491, 500*

Резанова Варвара Федоровна (1773—1820) — вдова сенатора Д.И. Резанова. *277*

Рей Миколай (1505—1569) — польский писатель. *254*

Рейц Александр Магнус Фромгольд (1799—1862) — с 1820 по 1840 г. занимал в Дерптском университете кафедру русского права. *599*

Ремюза Жан Пьер Абель (1788—1832) — французский востоковед. *267*

Ренкевич Александра Александровна (урожд. Пашкова; 1770—1825) — жена Е.Е. Ренкевича. *392—393*

Ренкевич Ефим Ефимович (1772—1834) — действительный статский советник, московский вице-губернатор в 1817—1821 гг., вятский гражданский губернатор с 1830 г. *392—393*

Ренне Петер Карл Эрих, барон (1780—1856) — гауптман Гробинского гауптманского суда в Курляндии. *175*

Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — посланник Екатерины при дворе короля Польши Станислава Августа (Понятовского), фактический правитель Польши в 1763—1769 гг. *261, 265*

Ржевусские — польские магнаты. *432*

Ридигер Федор Васильевич (1784—1856) — генерал-лейтенант с 1826 г., во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. командовал авангардом русской армии. Впоследствии — генерал-адъютант, член Гос. совета. *323—324*

Рикафорта — генерал-губернатор Филиппинских островов. *218*

Рикорд Петр Иванович (1776—1855) — моряк, писатель, путешественник. В 1825—1827 гг. — капитан-командор, начальник Кронштадтского порта, позднее — адмирал. В 1828—1833 гг. командовал русской эскадрой в Архипелаге. Булгарин был хорошо знаком с ним, 24 апреля 1844 г. на обеде в честь 50-летия службы Рикорда Булгарин пел поздравительные куплеты собственного сочинения (см. дневник Ф.П. Литке: СПб. филиал Архива РАН. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 38об.). *71, 200, 329—330, 483*

Рикофорт — см.: Рикафорта.

Римский-Корсаков Александр Михайлович, князь (1753—1840) — военный губернатор Литвы в 1812—1830 гг. Булгарин был знаком с ним (см. письма Булгарина ему 1823 и 1829 гг.: ГИМ. Ф. 353. Ед. хр. 11. Л. 120—122; и его письмо Булгарину: РС. 1905. № 4. С. 208). *137—139, 207, 287, 299, 350, 434*

Ринкевич — см.: Ренкевич Е.Е.

Рипон Фредерик Джордж Робинзон, граф (1782—1859) — английский государственный деятель, в 1827 г. несколько месяцев возглавлял кабинет министров. *290*

Рихтер — староста в Либаве. *179*

Рихтер Борис Христофорович (?—1832) — генерал-лейтенант, начальник сводной гвардейской и гренадерской дивизии Резервного корпуса войск, состоявших под командованием великого князя Константина Павловича. *362*

Робеспьер Максимильен Мари Изидор де (1758—1794) — один из ведущих деятелей Великой французской революции, вдохновитель террора против политических противников якобинцев. *339, 493—494*

Робинсон — см.: Рипон Ф.Д.Р.

Рогальская (урожд. Ребиндер) — жена А.В. Рогальского, дочь генерала.

Рогальский Адам Викентьевич (1800—1843) — литератор, чиновник. Окончив Виленский университет, в 1823 г. переселился в Петербург, служил (в чине титулярного

советника) помощником столоначальника, потом столоначальником в таможенном отделении департамента внешней торговли министерства финансов (в 1831 г. — титулярный советник). С 1830 г. издавал журнал «Bałamut Petersburski», в котором сотрудничал Булгарин. В 1831 г. уехал на службу в Царство Польское, где был одновременно и тайным агентом полиции (см. о нем: Morawski S. W Peterburku. Poznań, 1928. S. 187—190). *255, 257—258, 428—429*

Рогальский Викентий Осипович — коллежский советник, советник 2-го департамента Главного суда в Вильне в 1815—1826 гг., отец А.В. Рогальского. *235, 428—429*

Родзевич Станислав — коллежский секретарь, кассир и эконом Виленского университета в 1820-х гг. *242*

Родофиникин Константин Константинович (1760—1838) — директор Азиатского департамента министерства иностранных дел в 1819—1837 гг., сенатор с 1832 г. *225, 277—278, 304*

Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834) — писатель, литературный критик, переводчик. *195, 198, 232*

Рожнецкий Александр Александрович (1774—1849) — генерал кавалерии Войска Польского, позднее — шеф тайной полиции и жандармерии Царства Польского. Был доверенным лицом великого князя Константина Павловича, имел плохую репутацию из-за разного рода махинаций и поборов. В начале восстания 1830—1831 гг. бежал в Россию, 25 декабря 1831 г. в чине генерала был принят в русскую армию. 411, 413, 423

Розальон-Сошальский Владимир Григорьевич (1806—?) — поэт, студент Харьковского университета. Юнкер-фейерверкер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады с 1826 г., переведен в Финляндский корпус в 1827 г., отправлен в действующую против турок армию в 1828 г. *180, 182—183*

Розен Григорий Владимирович, барон (1782—1841) — генерал-адъютант с 1818 г., генерал от инфантерии с 1826 г., командир Литовского корпуса с 1827 г., командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий Грузией в 1831—1837 гг., сенатор. *296*

Розен Иван Федорович, барон (1797—1872) — генерал-лейтенант, начальник Михайловского артиллерийского училища в 1838—1853 гг. *599*

Рославец Виктор Яковлевич (1796—1848) — выпускник Московского университета, надворный советник, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений в конце 1820-х гг.; действительный статский советник, гражданский губернатор Таврической губернии в 1837—1839 и 1843—1848 гг. *127*

Роспини Антон — императорский физикомеханик, владелец «механического кабинета» в Петербурге. *140—141*

Ростовцев Яков Иванович (1803—1860) — генерал-адъютант, начальник штаба великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями, в молодости — литератор. Был знаком с Булгариным (см. письма Булгарина ему: Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. С. 99; Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 136; и письма Ростовцева Булгарину: РС. 1901. № 2. С. 386—387). *492, 546, 605*

Ростопчин Андрей Федорович, граф (1813—1892) — сын московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, муж Е.П. Ростопчиной. *529—532*

Ростопчина Евдокия Петровна, графиня (1811—1858) — поэтесса, жена А.Ф. Ростопчина. В письме Булгарину от 14 августа 1846 г. (см.: РС. 1901. № 2. С. 407—408) предложила для СП подборку стихов, которая и была напечатана (1846. № 284. 17 дек., № 290. 24 дек.), причем публикация стихотворения «Насильный брак», в аллегорической форме изображающего отношения Николая I и Польши, вызвала большой скандал. Булгарин высоко оценивал ее творчество (см., напр.: СП. 1851. № 184; 1855. № 283). *528—531, 533, 536, 559*

Рот Логин Осипович (1780—1851) — генерал от инфантерии, командир 6-го корпуса с 1827 г. *328*

Румянцев Петр Александрович, граф (1725—1796) — полководец, генерал-фельдмаршал, успешным командованием обеспечил победу России в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. *13, 156, 330*

Рунич Дмитрий Павлович (1780—1860) — попечитель Петербургского учебного округа в 1821—1826 гг. Вместе с М.Л. Магницким осуществил разгром Петербургского университета в 1821 г. В июне 1826 г. уволен от должности, подвергнут следствию и предан суду за беспорядки в отчетности при постройке нового здания Петербургского университета. Булгарин поддерживал с ним контакты и оказывал ему услуги (см.: Греч. С. 687, 693; а также письма Булгарина к нему 1823—1825 гг.: РС. 1897. № 12. С. 568; ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 2. Ед. хр. 48). *54, 118—119, 242—243, 331*

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский философ и писатель. *194, 198*

Рустам Раза (1782—1845) — уроженец Тифлиса, был украден в 13 лет, куплен каирским беем и поступил в корпус его мамелюков. В 1799 г. был подарен Наполеону и в дальнейшем, по словам Булгарина, «был, в чине полковника, бессменным ординарцем при Наполеоне» (СП. 1846. № 276. 7 дек.). *153*

Рутковский Клементий Лукьянович — жандармский подполковник (с 1831 г. — полковник) в Виленской губернии в конце 1820-х — начале 1830-х гг. *247, 287, 295—296, 298—299, 301—302, 307*

Руцкий — участник костюмированного бала в Варшаве в 1828 г. *254*

Рушковский Иван Александрович (1762 или 1764 — 1832) — почт-директор в Москве. *365*

Рыбчинский — поверенный А.Е. Чарторыского и М.Г. Радзивилла в Петербурге. *430*

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист, правитель дел в правлении Российско-Американской компании. Булгарин познакомился с ним в 1820 г. у Греча (см.: Греч. С. 687), и вскоре они подружились. Вступая 25 апреля 1821 г. в Вольное общество любителей российской словесности, Рылеев прочел свой перевод стихотворной сатиры Булгарина «Путь к счастию» (см.: Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 356; опубликована: Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 273—277). Рылеев посвятил Булгарину думы «Михаил Тверской» (1822), «Мстислав Удалый» (1823), «Борис Годунов» (1823) и поместил в его журнале «Лит. листки» (1823. № 3) оду «Видение». Булгарин в свою очередь поместил в альманахе Рылеева и А. Бестужева «Полярная звезда» (1823—1825) ряд своих повестей и рассказов. В сентябре 1823 г. Рылеев после резкого разговора с Булгариным (из-за прошения Булгарина о передаче ему арендуемой А.Ф. Воейковым газеты «Русский инвалид») порвал с ним отношения и возобновил в марте 1825 г., после хвалебных рецензий Булгарина на «Войнаровского» и «Думы» (СП. 1825. № 32, 37). В СП он поместил стихотворение «Вере Николаевне Столыпиной» (1825. № 57) (см. письма Рылеева Булгарину: ЛН. Т. 59. М., 1954. С. 147—151; Рылеев К.Ф. Указ. соч. С. 457—460, 469—470, 488 и там же письмо Булгарина на с.781—782). Вечером в день восстания декабристов Булгарин пришел домой к Рылееву и тот, прощаясь, отдал Булгарину портфель со своими рукописями, который Булгарин и сохранил. *9—11, 58, 63, 66—67, 78, 124—125, 143, 182, 193, 197, 202, 205—206, 221, 224—225, 245, 288, 378, 442, 474—475, 494, 503, 543—544, 557*

Рылеева Наталья Михайловна (урожд. Тевяшева; ?—1853) — вдова К.Ф. Рылеева (во втором браке — Куколевская). *63, 125*

Рыхлевский Андрей Иванович (1783—1830) — действительный статский советник, вятский гражданский губернатор, с 1830 г. — директор медицинского департамента министерства внутренних дел. *393*

Рябинин Василий Андреевич (1769—1827) — коллежский советник, обер-секретарь 1-го отделения 3-го департамента Сената. *84*

Рябинин Павел Михайлович — коллежский советник. Служил в Коллегии иностранных дел, в 1826 г. «находился не у дел». *84—85*

Салтыков Сергей Николаевич, граф (1776—1828) — действительный тайный советник, сенатор с 1807 г. Умер 25 апреля 1828 г. *295*

Сальватори Антон Яковлевич — коллежский советник в 1824 г., статский советник в 1828 г., чиновник министерства финансов, доверенное лицо министра финансов Е.Ф. Канкрина. *185*

Самойлов Александр Николаевич, граф с 1795 г. (1744—1814) — действительный тайный советник, генерал-прокурор в 1792—1796 гг. *116*

Самойлов Василий Михайлович (1782—1839) — оперный певец и драматический актер. *309*

Самсон фон Химмельстерн, Рейнгольд Иоханн Людвиг (1778—1858) — статский советник, ландрат, президент лифляндского гофгерихта (законодательной комиссии) в 1824—1829 гг. *368—371*

Сапега Ядвига (1806—1890) — жена Леона Сапеги с 1825 г., дочь С.А. Замойского. *255*

Сапега Лев (1557—1633) — канцлер Великого княжества Литовского с 1589 г. *255*

Сапега Леон, князь (1801—1878) — шамбелян польского двора; в конце 1820-х гг. служил в отделе горного дела Царства Польского. 180, 234, 255, 257, 318—319, 356, 408

Сапега Франциск (1772—1829) — генерал артиллерии литовской, генерал-лейтенант в восстании 1794 г., богатый помещик Виленской губ. Булгарин утверждал, что «знал его лично в Париже и бывал у него в доме в Вильне и в имении его, в Гродненской губернии» (Булгарин Ф. Воспоминания. Ч. 2. СПб., 1846. С. 100). *141, 175*

Сарториус Эрнст Вильгельм Христиан (1797—1859) — профессор догматического и христианского нравоучения Дерптского университета с 1824 г., декан богословского факультета с 1826 г. *372*

Саси Антуан Исаак Сильвестр де, барон (1758—1838) — французский востоковед. *267*

Свиньин Павел Петрович (1787—1839) — писатель, издатель журнала ОЗ (1818—1830). Вначале Булгарин критически отзывался о нем (см.: СА. 1823. № 5. С. 412; Лит. листки. 1823. № 2. С. 25—26; № 5. С. 60, и др.). Позднее они сблизились, Булгарин бывал у него дома (см. письмо Булгарина В.А. Ушакову от 6 января 1828 г.: РС. 1909. № 11. С. 352, а также письма Свиньина Булгарину: РС. 1905. № 4. С. 207; РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 24). Свиньин часто печатался в СП (путевые записки, отрывки из романов, исторические очерки), положительно оценил роман Булгарина «Иван Выжигин» (П.С.[П.Свиньин] И мое мнение о Выжигине //ОЗ. 1829. № 108. С. 137—141). Булгарин также сочувственно отзывался о его публикациях, хотя временами выступал и с довольно резкой критикой (см., напр., отзыв о романе Свиньина «Шемякин суд»: СП. 1833. № 151—153). *162, 196, 198, 205, 347, 385, 492, 501, 545—546*

Свиньина Надежда Аполлоновна (урожд. Майкова; 1798—1865) — жена П.П. Свиньина с 1828 г. *492, 501, 545*

Свистунова Мария Алексеевна (урожд. Ржевская; ? —1866) — вдова действительного камергера Н.П. Свистунова, мать декабриста П.Н. Свистунова, хозяйка великосветского салона в Петербурге в конце 1810-х гг. *201*

Северин Андрей Иванович (1767—?) — купец, коммерции советник; один из директоров главного правления Российско-Американской компании с 1814 г. *245*

Селивановский Николай Семенович (1806—1852) — издатель, типограф и писатель, сын С.И. Селивановского. *171*

Селивановский Семен Иоанникиевич (1772—1835) — известный московский издатель и типограф, занимавшийся и откупами; отец Н.С. Селивановского (см. о нем: Кононович С.С. Типографщик Селивановский // Книга. Исследования и материалы. Вып. 23. М., 1972. С. 100—123). *171*

Семенов Василий Николаевич (1801—1863) — литератор, цензор Главного цензурного комитета (по 1836 г.), выпускник Царскосельского лицея и знакомый Пушкина. Цензурировал СА в 1828 г., СП в 1830—1836 гг. Булгарин в письме В.А. Ушакову от 6 января 1828 г. подчеркивал, что он — «благородный и благовоспитанный цензор» (РС. 1909. № 11. С. 350). *289*

Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — русский востоковед, писатель и журналист польского происхождения. Окончив в 1819 г. Виленский университет и совершив путешествие по Ближнему Востоку и Африке, с 1822 г. в качестве профессора преподавал восточные языки в Петербургском университете. Булгарин познакомился с ним в 1817 г.(см.: СП. 1858. № 95). После приезда Сенковского в Петербург в 1819 г. Булгарин находился с ним в приятельских отношениях, печатал в СА (1822. № 1, 5, 7, 16; 1826. № 1) и СП (1827. № 105—110, 129—133; 1828. № 72—78; 1833. № 4, 17, 137, 152 [в 1833 г. — под псевдонимом «ССС»], и др.). Сенковский цензурировал СП в 1829—1830 гг. и книги Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830), «Сочинения» (Ч. 12. СПб., 1830), «Картина войны России с Турциею <...>» (СПб., 1830), «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831). В дальнейшем, когда с 1834 г. Сенковский стал редактировать журнал «Библиотека для чтения», отношения стали более сложными. Хотя Булгарин и печатался в «Библиотеке для чтения» (см.: 1834. Т. 1, 4, 6, 8; 1838. Т. 28; 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80—82, и др.), но они с Сенковским то разражались преувеличенными похвалами друг другу, то выступали с резкими нападками (об их взаимоотношениях см.: Каверин В. Барон Брамбеус. М., 1966; Jabłonowski A. Orientalista Sękowski w korespondencyi z Lelewelem // Jabłonowski A. Pisma. T. 7. Warszawa, 1913. S. 1—177). Сохранились два письма Сенковского Булгарину (ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1122; РНБ. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 19). *9, 20, 34, 69, 135—139, 145, 234, 249, 256—257, 267—269, 301, 434, 436, 443, 475, 501, 507, 582*

Сераковский — галицийский помещик. *201*

Серафим (в миру Глаголевский Стефан Васильевич) (1763—1843) — петербургский митрополит с 1821 г., борец с мистицизмом. *54, 288*

Серафимович — польский помещик в Гродненской губернии в 1820-х гг. *116*

Сербинович Константин Степанович (1796—1874) — литератор, цензор (1826—1830), редактор «Журнала министерства народного просвещения» (1833—1856); директор канцелярии обер-прокурора Синода с 1836 г. Знакомый П.А. Вяземского, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина. Цензурировал СА в 1827 г., СП в 1826—1829 гг., роман «Иван Выжигин» (СПб., 1829), многотомные «Сочинения» Булгарина (СПб., 1827—1828). Встречался у Булгарина с Пушкиным 21 ноября 1827 г. и 8 января 1828 г. (См. письма Булгарина ему за 1829—1847 гг.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 919). *205, 225, 289, 301, 509*

Серяков Яков Панфилович (1816—?) — резчик по кости — самоучка, мещанин (см. статью Булгарина, где он рассказывает о знакомстве с ним и излагает его биографию: СП. 1842. № 58). *29, 602—603*

Сестренцевич-Богуш Станислав (1731—1826) — митрополит римско-католических церквей в России, историк, член Российской академии с 1807 г. В одной из своих работ высоко оценил Булгарина как знатока славянской истории (см.: Siestrzencewicz-Bohusz S. Précis des recherches historiques sur l'origine des slaves. Petersburg, 1824. S. 130). В некрологе, помещенном в СП (1826. № 144. 2 дек.), говорилось, что «христианскими добродетелями, обширною ученостию, неутомимою деятельностию в исполнении своих обязанностей и в трудах ученых, приобрел он общее уважение и искреннюю любовь». *145, 149*

Сигизмунд II Август (1520—1572) — польский король в 1548—1571 гг. *253—254*

Сигнеус Захарий — доктор богословия, петербургский евангелический епископ, председатель петербургского консисториального заседания в Главном управлении духовными делами иностранных исповеданий в конце 1820-х гг. *280*

Силла — см.: Корнелий Сулла.

Симон — поверенный польских магнатов Радзвиллов в Петербурге. *432*

Синицын Николай Андреевич (1785—1857) — статский советник, председатель Петербургской губернской уголовной палаты. *511*

Сипягин Николай Мартемьянович (1785—1828) — генерал-лейтенант с 1826 г., тифлисский военный губернатор в 1826—1828 гг. *304*

Ситников Василий Гордеевич — статский советник, прозводитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. 127, *405*

Скалон Александр Антонович (1796—1851) — офицер гвардейского Генерального штаба (с 1822 г. — поручик, с 1824 г. — штабс-капитан), член Союза благоденствия; сенатор, тайный советник с 1851 г. (см. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988, С. 167). *66—67*

Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — генерал-лейтенант, писатель, хороший знакомый Булгарина (письма его Булгарину см.: РС. 1895. № 11. С. 44—46). 320, 322, 545

Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель. *21, 92, 97—98, 293, 314—317, 437, 587*

Скуридин Николай Сергеевич (ок. 1781 — 1870) — статский советник, чиновник по особым поручениям при министре финансов в 1820-х — начале 1830-х гг. *415*

Сленин Иван Васильевич (1789—1836) — книгопродавец (о нем см.: Люблинский С.В. Книжная лавка И.В. Сленина // Книга: Исследования и материалы. 1975. Сб. 30. С. 177—184). *85*

Слободской Василий Андреевич (1771—1846) — тайный советник, помощник статс-секретаря в департаменте гражданских и духовных дел Гос. совета. *146, 155*

Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — издатель, книгопродавец. В 1830-х гг. был тесно связан с Булгариным: в 1830 г. издал его роман «Димитрий Самозванец», в 1835 г. — роман «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (см. его письмо Булгарину 1834 г. по этому поводу: ИРЛИ. 19.726); в 1838 г. выступил в роли издателя СП и журнала «Сын отечества и Северный архив». Булгарин неоднократно высоко оценивал в СП его издательскую деятельность, утверждая, что Смирдин, которого «по справедливости должно назвать великим двигателем этой эпохи [1820—1830-х гг.] <...> предложил свое посредничество между писателями и публикою, разделяя честно и благородно выгоды с первыми и стараясь угодить вкусу последней» (СП. 1840. № 14), однако в частной переписке иногда отрицательно отзывался о нем (см. письмо Булгарина 1835 г. своему сводному брату И.С. Менджинскому: Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905. С. 324—325). *347, 434—436, 445, 473, 475—476, 592*

Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — профессор латинской словесности Московского университета в 1826—1836 гг., цензор Московского цензурного комитета в 1826—1850 гг., историк народного быта. Был знаком с Булгариным. *194—195, 501, 553*

Снядецкий Анджей (1768—1838) — профессор Виленского университета по кафедре химии. С 1819 г. — президент Товарищества шубравцев. *136, 138—140, 312, 425*

Собаньская Ружа (1799—1880) — жена одного из руководителей Патриотического общества Людвига Собаньского, дочь Ф.Ф. Лубенского. *147*

Собаньский Готард Михайлович (?—1852) — камергер, был причислен к министерству внутренних дел. Имел связи с Патриотическим обществом. После ареста находился в заключении в Варшаве, с сентября 1827 г. — в Петропавловской крепости. В 1828 г. был освобожден. Принимал участие в восстании 1830—1831 гг., попал в плен, был отправлен в тюрьму, а через 5 лет — в ссылку в Сибирь. Брат Л. Собаньского.

Собаньский Людвиг (1791—1837) — маршал шляхты Подольской губернии, глава подольского отделения Патриотического общества. В 1826 г. был арестован, находился в заключении в Варшаве, с января по август 1827 г. и с мая 1828 г. сидел в Петропавловской крепости в Петербурге. В 1829—1833 гг. был в ссылке в Перми, потом жил на Волыни. Брат Г.М. Собаньского. *216, 279*

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиограф и библиофил, друг А.С. Пушкина, с 1821 г. служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, с 1828 г.— в отставке. *194—195, 198, 221, 232*

Соймонов Александр Николаевич (1780—1856) — отец С.А. Соболевского. *195*

Соколов Иван Алексеевич (1748—1830) — тайный советник, сенатор с 1823 г. (см. его некролог: СП. 1830. № 133). *116—117, 159, 239, 277*

Соколов Петр Иванович (1764—1835) — непременный секретарь Российской академии с 1802 г. до смерти, переводчик «Одиссеи», языковед и лексикограф. *273, 276*

Соколовский Павел Иванович (1796—1856) — титулярный советник, секретарь при председателе департамента гражданских и духовных дел Гос. совета в 1825—1839 гг. *160*

Соллогуб Владимир Андреевич, граф (1813—1882) — писатель; в 1846 г. — камер-юнкер, в чине коллежского асессора служил в экспедиции гос. канцелярии. *25, 470, 493, 556, 558—560*

Соллогуб Наталья Львовна, графиня (урожд. Нарышкина; ?—1819) — бабушка В.А. Соллогуба. *556*

Солодовников Андрей Иванович (1773—1848) — коллежский асессор, обер-секретарь 3-го департамента Сената. Булгарин имел с ним дело во время судебного процесса своего дяди П. Булгарина с графиней К. Тышкевич. *275, 323*

Солоницын Василий Андреевич (1775—1839) — статский советник, директор канцелярии министра юстиции в 1828—1831 гг. *275, 323*

Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — писатель, журналист. В 1821 г. Булгарин, полемизируя с ним, выступил в СО (№ 9) в защиту В.А. Жуковского; Сомов ответил в «Невском зрителе» (1821. Ч. 5. Кн. 2). С 1825 г. активно сотрудничал в СП и СА, в годичных обозрениях литературы в «Северных цветах» на 1828 г. и на 1829 г. положительно оценивал сочинения Булгарина. В конце 1829 г. прекратил сотрудничество в булгаринских изданиях и в своем «Обозрении российской словесности за первую половину 1829 г.» в «Северных цветах» на 1830 г. отрицательно оценил роман Булгарина «Иван Выжигин». Булгарин в СП (1830. № 4, 5) резко критически отозвался об обзоре Сомова. Сомов принимал в 1830 г. участие в воевавшей с Булгариным «Лит. газете», в обзоре текущей литературы в «Северных цветах» на 1831 г. вновь выступал против Булгарина, отрицательно оценивая его роман «Димитрий Самозванец». Однако после прекращения выхода «Лит. газеты» и «Северных цветов» Сомов, оставшийся без заработка, вынужден был в конце 1831 г. вернуться к Булгарину и Гречу. *10—11, 63, 125—126, 166, 168, 205, 310, 504*

Сомовский Александр Францевич — младший помощник бухгалтера. *429*

Спасский Иван Тимофеевич (1795—1861) — доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии в 1827—1837 гг., врач при департаменте народного просвещения в 1830-х — 1840-х гг. Печатался в СП с первого года издания (см., напр.: СП. 1825. № 10, 12 [без подписи]; 1841. № 93; 1844. № 48). *492, 501, 545*

Сперанский Михаил Михайлович, граф с 1839 г. (1772—1839) — в 1803—1812 гг. занимал важные государственные посты, в 1812 г. подвергся опале, вернулся в Петербург в 1821 г., был назначен членом Гос. совета. С 1826 г. фактически возглавлял II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, занимавшееся кодификацией законов. Булгарин вспоминал, что его познакомил со Сперанским А.И. Тургенев в 1823 г. В 1825 г. была запрещена цензурой рецензия Булгарина на книгу

М.М. Сперанского «О военных поселениях» (см.: Советские архивы. 1990. № 3. С. 79). Когда в 1826 г. Гос. совет рассматривал судебное дело дяди Булгарина, из-за которого Булгарин и поселился в Петербурге, Сперанский внимательно изучил претензии сторон и подал свое аргументированное мнение, благодаря которому Булгарин выиграл тяжбу (см.: Булгарин Ф. Воспоминания. Ч. 5. СПб., 1848. С. 339—344). Булгарин утверждал, что нередко посещал Сперанского и беседовал с ним в кабинете. «Он, так сказать, заставил меня писать русскую историю, как она есть, т.е. *списывать* с натуры, и он же уговаривал меня перевесть Тацита» (Ф.Б[улгарин]. Tutti frutti //СП. 1842. № 184). Однако дочь Сперанского Е.М. Фролова-Багреева в 1848 г. писала М.А. Корфу, что «батюшка никаких сношений не имел с Булгариным, считал его пустым и даже опасным человеком, виделся с ним как можно реже, не представлял его мне, т.е. не считал достойным быть принятым в нашем кругу, и тяжело вздыхал о преследовании себя на прогулках, где Булгарин иногда его поджидал, чтобы входить в длинные и, по словам батюшки, *немилосердные* разговоры и рассуждения» (цит. по: Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 105). За публикацию в своих «Воспоминаниях» мемуарного фрагмента о Сперанском Булгарину по приказанию императора был в 1848 г. объявлен выговор (см.: РС. 1871. № 11. С. 520—522), а Корф написал опровергающую его статью (Корф М. О воспоминаниях г. Булгарина, касательно графа М.М. Сперанского // Рус. инвалид. 1848. №138; то же //С.-Петербургские ведомости. 1848. № 144). *56—57, 160, 236—238, 274, 295, 386—387, 438, 443, 522, 551*

Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог, профессор Петербургского университета с 1847 г., цензор Петербургского цензурного комитета в 1846—1849 гг., действ. член Академии наук с 1849 г., ординарный академик с 1854 г. Поместил в СП отрывки из своей «Истории Малороссии» (1835. № 165, 178, 179). Цензурировал СП в 1849—1850 гг. и 6-ю часть «Воспоминаний» Булгарина (СПб., 1849). *501, 544, 588*

Стангоп (Стенхоуп) *Чарлз* (1753—1816) — английский радикальный политический деятель, сторонник республиканского образа правления, активно пропагандировавший свои взгляды в печати. *120—121*

Станислав Август — см.: Понятовский Станислав Август

Стог Алексей Данилович (1778—1837) — директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел; сенатор с 1831 г. *270*

Стороженко Андрей Яковлевич (1790—1857) — генерал-полицмейстер действующей армии (с переводом в корпус жандармов) с 1832 г.; председатель следственной комиссии, учрежденной при наместнике Царства Польского (с 1833 г.); в дополнение к этому в 1833—1848 гг. — обер-полицмейстер Варшавы. С 1845 г. был также главным директором комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Тайный советник и сенатор с 1842 г. С 1850 г. — в отставке. Познакомился с Булгариным в 1806 г. и в дальнейшем находился с ним в тесных дружеских отношениях (см. их переписку 1829—1849 гг.: Стороженки. С.16—57). *436, 475, 569—570*

Страус — см.: Штраус Д.Ф.

Строганов Александр Григорьевич, граф (1795—1891) — флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка. В 1831 г. участвовал в подавлении восстания в Польше, впоследствии — товарищ министра внутренних дел, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. *429—430, 542*

Строганов Григорий Александрович, граф с 1826 г. (1770—1857) — дипломат, в 1816—1821 гг. — российский посланник в Турции, с 1827 г. — член Гос. совета. *267*

Строганов Сергей Григорьевич, граф (1794—1882) — полковник лейб-гвардии гусарского полка в 1816—1828 гг., флигель-адъютант, генерал-майор с 1828 г., попечитель Московского учебного округа (1835—1847), сенатор с 1837 г. *218, 583—584*

Строганова Софья Владимировна, графиня (урожд. Голицына; 1775—1845) — жена (с 1817 г. — вдова) генерала, графа П.А. Строганова, хозяйка модного петербургского салона. *114, 218, 288, 304*

Строгановы — род уральских заводчиков. *248*

Стройновский Валериан Венедиктович, граф (1759—1834) — сенатор с 1811 г., правовед и экономист. *141—142*

Стром — мебельный мастер в Петербурге. *389*

Студзинский Леон Семенович — титулярный советник, старший член рижской таможни. *400*

Суворов Александр Васильевич, граф Рымникский (1729—1800) — полководец, генералиссимус. Булгарин видел его в детстве (см.: СП. 1856. № 247) и написал его биографию (Суворов. СПб., 1843). *156, 276, 313, 330, 332, 336, 472, 474*

Сукин Александр Яковлевич (1765—1837) — комендант Петропавловской крепости, сенатор с 1816 г. *144*

Сулковский Павел Антон, князь (1785—1836) — польский генерал, возглавил польский корпус французских войск после гибели Ю. Понятовского в сражении под Лейпцигом (18 октября 1813 г.). *254, 260*

Сулла — см.: Корнелий Сулла Л.

Сумароков Павел Иванович (1767—1846) — сенатор с 1821 г., литератор, академик. *152*

Суминский Антоний, граф — статский советник, директор полиции и почт в Царстве Польском. *355, 408*

Сурин — петербургский поверенный в делах польских помещиков. *432*

Сусский — ростовщик в Петербурге. *432*

Сутгоф Николай Николаевич (1792—1828) — статский советник, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *127—128*

Сутугин Петр Матвеевич (?—1828) — купец 1-й гильдии. *58*

Суханов Самсон Ксенофонтович (1768—1840-е гг.) — купец 2-й гильдии, с 1819 г. — производитель работ по добыче гранита для колонн Исаакиевского собора. *377*

Сухозанет Иван Онуфриевич (1785—1861) — генерал-лейтенант с 1826 г., начальник артиллерии гвардейского корпуса с 1819 г., принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., во время подавления польского восстания в 1830—1831 г. был начальником артиллерии действующей армии. *335, 337, 416—417*

Сухтелен Павел Петрович, граф с 1822 г. (1788—1833) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант с 1826 г. Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса с 1826 г., оренбургский генерал-губернатор с 1830 г. Предоставлял для публикации в СА исторические документы (см.: СА. 1823. № 21, 22). *271*

Сухтелен Петр Корнилович, граф с 1822 г. (1751—1836) — инженер-генерал, посланник в Стокгольме в 1816—1836 гг. Отец П.П. Сухтелена. *219*

Сцевола Гай Муций — легендарный герой периода войн римлян с этрусками (конец VI — начало V в. до н. э.). Будучи схвачен врагами, сжег на огне правую руку в доказательство своего бесстрашия. *247*

Талызин Иван Дмитриевич (?—1844) — капитан, адъютант А.П. Ермолова. *70—71*

Таньская Клементина (в замужестве — Гоффман; 1798—1845) — польская писательница для юношества. *355*

Татищев Александр Иванович, граф (1763—1833) — генерал от инфантерии с 1823 г., военный министр (1823—1827). *215—216*

Таубе Федор Иванович, барон (1788—1856) — младший член рижской таможни в конце 1820-х — начале 1830-х гг. *400*

Твардовский Юзеф (1786—1840) — профессор математики, ректор Виленского университета в 1823—1824 гг. 17 мая 1823 г. по распоряжению великого князя Константина Павловича был арестован и подвергнут допросу по делу филаретов. *135—136, 308*

Телешова Екатерина Александровна (1804—1857) — балерина. *133, 135*

Терпецкий — чиновник в Сенате. *432*

Теряев Андрей Михайлович (1766—1827) — профессор Главного Педагогического института и Медико-хирургической академии. *118*

Тиберий (Тиверий) *Клавдий Нерон* (42 до н.э. — 37 н.э.) — римский император. *497*

Тизенгауз Константин, граф (1785—1853) — полковник пехоты Герцогства Варшавского, позднее — ученый-орнитолог. *242, 425*

Тизенгаузен — см.: Тизенгауз К.

Тилеманс (Тилеман) *Жан Франсуа* (1799—1887) — бельгийский политический деятель. *395—396*

Тилль — см.: Тиль А.К.

Тиль Андрей Карлович — производитель дел в Петербургском цензурном комитете, титулярный советник. *184*

Тимковский Василий Федорович (1781—1832) — литератор, чиновник особых поручений при А.П. Ермолове в 1822—1825 гг., бессарабский гражданский губернатор в 1826—1828 гг. *70*

Тимковский Иван Осипович (1768—1837) — доктор медицины, петербургский цензор в 1804—1821 гг., директор гимназий и училищ Петербургской губернии с 1811 г. В анонимном (автором был, по-видимому, Булгарин) некрологе СП отмечалось, что «ум, просвещенный науками, благородство души, необыкновенная кротость нрава и беспредельная благотворительность были отличительными качествами сего почтенного человека» (1837. № 79). *507, 509—510*

Титов Владимир Павлович (1807—1891) — литератор, титулярный советник, столоначальник Азиатского департамента министерства иностранных дел (в 1827—1828 гг.), впоследствии посланник в Константинополе и Штутгарте, член Гос. совета. *194—195, 198, 232, 289—290, 293, 299*

Титов Николай Петрович (1768—1828) — коллежский советник, обер-секретарь 1-го департамента Сената; в некрологе СП был охарактеризован как «человек отличных достоинств, истинного благородства и редкой честности» (СП. 1828. 2 июня). (См. его формулярный список 1822 г.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 275—280). *116—117, 146*

Титова (урожд. Дашкова) — мать В.П. Титова, сестра Д.В. Дашкова. *293*

Тишкевич — см.: Тышкевич М.

Толстая Анна Алексеевна, графиня (урожд. Перовская; 1796—1857) — сестра А.А., В.А. и Л.А. Перовских, мать поэта А.К. Толстого. *282, 286*

Толстой Петр Александрович, граф (1761—1844) — генерал от инфантерии, сенатор с 1800 г., главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте в 1828 г., председатель департамента военных дел Гос. совета с 1828 г. *214, 276, 279, 298, 302—303, 305—306, 397*

Толстой Федор Андреевич, граф (1758—1849) — сенатор с 1823 г. *393*

Толченов Владимир Петрович — биржевой маклер. *85*

Толь Карл Федорович (1777—1842) — генерал от инфантерии. Начальник штаба 1-й армии, с 1829 г. — 2-й армии, действовавшей против турок. *361*

Томсон Чарльз Эдвард Полит (1799—1841) — сын лондонского купца. Проживал в России (в 1815—1817 и 1821—1823 гг.), вел дела в филиале фирмы своего отца. Знакомый А.И. и Н.И. Тургеневых. *185, 203*

Трембицкий — польский помещик. *355*

Тржасковский Адам (1810—?) — студент Виленского университета. *246*

Тржецецкий — помещик Подольской губернии. По-видимому, речь идет о Людвиге Тржецецком (Третецком), опекуне декабриста А.О. Корниловича и его брата и сестры, растратившем деньги детей. В 1822 г. это дело рассматривалось в Сенате (см.: Корнилович А.О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 250—252). *59, 296*

Трипольская — домовладелица в Петербурге. *432*

Трофимов Григорий Дмитриевич — коллежский советник, советник Тульского губернского правления. *72*

Трофимов Иван Дмитриевич (1777—1843) — действительный статский советник, помощник статс-секретаря в департаменте гражданских и духовных дел Гос. совета в конце 1820-х гг., сенатор с 1835 г. *159, 281*

Трубецкой Николай Иванович, князь (1797—1874) — ротмистр в 1827 г., впоследствии — обер-гофмейстер, член Гос. совета. *195*

Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — в 1819 г. — капитан лейб-гвардии Семеновского полка (с середины года по сентябрь 1821 г. — в отпуске за границей), с 1822 г. — полковник. Член Союза спасения, Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества. Жена — Е.И. Трубецкая, дочь И.С. Лаваля. *201—202*

Трусковский— см.: Тржасковский А.

Туманский Федор Осипович (1746—1810) — журналист, историк, поэт, переводчик. Служил цензором на рижской таможне в 1800—1801 гг. *507, 509*

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — директор департамента духовных дел иностранных исповеданий (1810—1824), литератор и археограф, участник «Арзамаса». Сын И.П. Тургенева, брат Н.И. Тургенева. Был близко знаком с Булгариным, и, как он вспоминал в 1825 г. в письме к П.А. Вяземскому, «было время, что Булгарин надоедал мне своим ласкательством письменно и словесно и душил меня письмами, записками и комплиментами <...> Я служил ему по сенатскому делу и прочим <...>» (Остафьевский архив. Т. 3. СПб., 1899. С. 127). После конфликта между ними и разрыва отношений в 1825 г. Булгарин вывел и высмеял его в своем романе «Иван Выжигин» (1829) под фамилией Бабослужкин (соответствующий фрагмент романа был помещен в СА в № 9 за 1825 г.) (об их взаимоотношениях см.: Остафьевский архив. Т. 2, 3. СПб., 1899, по указ.). *112—115, 143, 193, 197, 237, 245, 299, 302, 347—348*

Тургенев Александр Михайлович (1772—1862) — герой Бородина, тобольский, потом казанский гражданский губернатор, директор медицинского департамента министерства внутренних дел. Хороший знакомый И.А. Крылова и В.А. Жуковского. Брат Ф.М. Тургенева. *364—366*

Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — директор Московского университета, масон, член новиковского кружка. Отец А.И. и Н.И. Тургеневых. *105*

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — помощник статс-секретаря Гос. совета (1816—1824), один из создателей и руководителей декабристского Северного общества, участник «Арзамаса». Сын И.П. Тургенева, брат А.И. Тургенева. С 1824 г. был в заграничном отпуске, в 1826 г. отказался вернуться в Россию и за участие в декабристском движении был заочно приговорен к каторжным работам пожизненно. Булгарин поддерживал с ним тесные отношения в конце 1810-х (они познакомились не позднее 1817 г.) — начале 1820-х гг. (см. записи в дневнике Н. Тургенева и его письма Булгарину 1822 г.: Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1816—1824 годы. Т. 3. Пг., 1921. С. 26, 331, 355, 398—399). Н.Тургенев поместил в СА свой перевод рецензии А. Геерена на «Историю» Карамзина (1822. № 24). *105, 112—115, 194, 203, 245*

Тургенев Федор Михайлович (1779—1854) — чиновник, брат А.М. Тургенева. *365*

Турнау — по-видимому, имеется в виду Федор Федорович Турнау (Торнау) (1810—1890), с 1833 г. служивший в Генеральном штабе. Подполковник с 1844 г., уволен со службы в чине полковника в 1849 г. *569*

Тухачевский Николай Сергеевич (ок. 1765 — 1832) — статский советник, тульский гражданский губернатор в 1826 г. (см. формулярный список 1802 или 1803 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Ед. хр. 3646; сообщено Б.М. Витенбергом). *72*

Тышкевич — сын С.И. Тышкевича. *174*

Тышкевич Иосиф, граф (1803—?) — студент Виленского университета, филарет. *242*

Тышкевич Казимира (урожд. Горская, во втором браке — Жуковская), графиня — жена камер-юнкера, графа С.И. Тышкевича. С ней много лет судился П. Булгарин, интересы которого в этом деле представлял в Петербурге Ф. Булгарин. *379*

Тышкевич Михал — полковник Войска Литовского в 1812 г., в начале 1830-х гг. жил в Вильне. *233, 425—426*

Тышкевич Станислав Иванович, граф — камер-юнкер, чиновник для особых поручений при министерстве внутренних дел. *57, 173—174, 176*

Тюфякин Петр Иванович, князь (1769—1845) — гофмейстер, главный директор императорских театров в 1816—1821 гг. *113*

Уваров Иван Александрович (1777—1858) — маклер Гос. коммерческого банка. *85—86*

Уваров Сергей Семенович, граф с 1846 г. (1786—1855) — президент Академии наук с 1818 г., управляющий гос. заемным и коммерческим банками (с 1823 по 1826 г.), министр народного просвещения и председатель Главного управления цензуры в 1833—1849 гг., один из основателей «Арзамаса». Всегда противодействовал Булгарину и Гречу в их попытках получить разрешение печатать в СП объявления. Булгарин считал, что он своей цензурной политикой «набросил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца — истребил мысль и чувство» (письмо А.В.Никитенко от 4 декабря 1845 г.: РС. 1900. № 1. С. 182; ср. письмо Булгарина А.Я. Стороженко от 22 сентября 1845 г.: Стороженки. С. 39) и писал в 1844 г. Н.И. Гречу, что «довольно одного Уварова, чтоб Петербург был для меня адом...» (Лит. вестник. 1901. № 2. С. 174). *35, 86—87, 113—115, 218, 232, 434—435, 438, 443, 457—459, 461—462, 465—466, 478—479, 485, 488, 492, 501, 506—509, 535, 547—548, 550, 560, 564, 567, 573—574, 584*

Уваров Федор Петрович, граф (1769 или 1773 — 1824) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, командир гвардейского корпуса с 1821 г., член Гос. совета с 1823 г. (о нем см.: Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. С. 1—10). *124, 244*

Уварова Мария Федоровна (урожд. Любомирская, в первом браке — за графом Потоцким, во втором — за графом В.А. Зубовым; 1773—1810) — жена Ф.П. Уварова. *123—124*

Улеев Михаил Михайлович — коллежский асессор, производитель дел в канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *127*

Унгерн-Штернберг Егор Федорович, барон (1798—?) — жандармский офицер в Дерпте. *372—373*

Унгерн-Штернберг Отто Сигизмунд, барон (1778—1861) — коллежский советник, цензор в Дерпте, писатель. *346, 373*

Усов Павел Степанович (1828—1888) — публицист, с 1850 г. выполнял функции секретаря редакции СП, потом купил газету и стал в 1860 г. ее издателем-редактором (см. его воспоминания: Усов). *581—582, 588, 604—605*

Устинов — домовладелец в Петербурге. *195*

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — прозаик, поэт, журналист. С 1818 по 1826 г. служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. С 1833 г. — член Российской академии, с 1841 г. — почетный член Отделения русского языка и словесности Академии наук. В 1826—1834 гг. нередко печатался в СП (стихи, рецензии,

отрывки из романа «Царь Курбский» и др.). (Отрицательный отзыв его о Булгарине в письме Д.Н. Бантыш-Каменскому 1847 г. см.: РС. 1896. № 6. С. 569—570). *35, 206, 346—348, 485, 488, 498, 505*

Федорова Варвара Никифоровна (1808—1826) — жена Б.М. Федорова. *347*

Федорович Павел — офицер лейб-гвардии Семеновского полка, шурин Г.О. Ботвинко. *248*

Фейгин Литман — купец 1-й гильдии, коммерции советник. Держатель откупов с миллионными оборотами, он имел обширные связи в правительственных кругах, но к середине 1840-х гг. разорился (см. о нем: Гессен Ю. Забытый общественный деятель// Еврейская старина. 1911. Вып. 3. С. 394—402; доклад III отделения 1844 г. царю о нем: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 100. Л. 4—21, а также эпиграмму Н.А. Греча: ИВ. 1890. № 3. С. 572). *557, 560*

Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872) — немецкий философ, в книге которого «Сущность христианства» показаны земные истоки и причины религиозной веры. *491, 495, 500*

Фелькерзам Егор Федорович (1766—1848) — действительный статский советник, правитель канцелярии рижского военного и псковского, лифляндского, эстляндского и курляндского генерал-губернатора с 1813 г., лифляндский гражданский губернатор в 1829—1847 гг. *368, 372—373*

Фелькнер Иван Андреевич (1776—1833) — коллежский советник, правитель канцелярии медицинского департамента министерства внутренних дел в конце 1820-х гг. *305, 323—324*

Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — французский писатель и религиозный деятель. *438*

Фердинанд VII (1784—1833) — король Испании в 1808 и 1814—1833 гг. *218*

Фетх-Али-шах (наст. имя — Баба-хан; 1766—1834) — шах Ирана в 1797—1834 гг. *276—277*

Фиалковский Алексей Филиппович (?—1858) — обер-секретарь 2-го департамента Сената, коллежский советник. *90*

Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович; 1783—1867) — митрополит Московский и Коломенский с 1826 г., известный проповедник и богослов. *277, 288, 395—397, 441, 563—564, 588*

Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858) — поэт и прозаик, автор имевшей успех у современников поэмы «Дурацкий колпак» [СПб., 1828 (ч. 1—2), СПб., 1838 (ч. 3—5)]. *213—215*

Филимонова — жена В.С. Филимонова. *213*

Филипп Гессен-Гомбургский (1779—1846) — принц, австрийский фельдмаршал, с 1839 г. — гессен-гомбургский ландграф. *325*

Флорио Петр Филиппович, барон (1786—1847) — действительный статский советник, доктор медицины и хирургии, главный доктор Петербургского первого военно-сухопутного госпиталя в 1832—1841 гг., член Медико-хирургической академии в Петербурге и ряда зарубежных медицинских обществ. *514*

Фогель — фактический руководитель секретной полиции при петербургском генерал-губернаторе М.А. Милорадовиче. *244*

Фок Александр Максимович — генеральный консул в Египте в начале 1850-х гг., сын М.А. Фока и Н.А. Фок. *585—586*

Фок Екатерина Максимовна (1817—?) — дочь М.Я. Фока и Н.А. Фок. *579—580, 585—586*

Фок Елизавета Максимовна (1815—?) — дочь М.Я. Фока и Н.А. Фок. *579—580, 585—586*

Фок Максим Яковлевич (1771—1831) — управляющий III отделением в 1826—1831 гг., хороший знакомый Булгарина. *12—21, 24, 29—30, 56, 60, 63—65, 67, 71—74, 80, 85, 89, 99, 103, 117—118, 121—123, 125—128, 131, 134, 138, 141—148, 150, 153—156, 158, 160, 162—163, 168,170—177, 181, 184, 188—192, 196, 199—200, 203, 206, 208—209, 212—213, 216—219, 222—224, 228, 231—232, 234—235, 237—239, 243—244, 247—248, 250—251, 253—257, 264, 266—268, 271, 276, 279, 286, 296, 301—302, 305, 308, 310, 316—317, 319—320, 322, 324, 327, 329—330, 332, 335, 337, 340, 343—346, 348, 356, 358—363, 365, 367—370, 372—378, 384—388, 392—394, 396, 398—400, 409, 413, 415—417, 422, 424—425, 429, 431—432, 456, 460, 476, 543, 579—580, 585—586*

Фок Надежда Максимовна (1819—1900) — дочь М.Я. Фока и Н.А. Фок. *579—580, 585—586*

Фок Наталья Андреевна (?—1851) — вдова М.Я. Фока. *12, 579—580, 585—586*

Фондуклей — см.: Фундуклей И.И.

Форостовский Владимир Павлович — брат Д.П. и И.П. Форостовских, сын П.Ф. Форостовского, подполковник в 1853 г. *73*

Форостовский Давид Павлович (1803—1883) — специалист по плавильному делу, служил на Монетном дворе, брат В.П. и И.П. Форостовских, сын П.Ф. Форостовского. *73*

Форостовский Иван Павлович — брат В.П. и Д.П. Форостовских, сын П.Ф. Форостовского, чиновник почтового ведомства. *73*

Форостовский Павел Федорович (1764—1856) — врач, статский советник, отец В.П., Д.П. и И.П. Форостовских. *73*

Фотий (в миру — Петр Никитич Спасский; 1792—1838) — настоятель Юрьевского монастыря, доверенное лицо Александра I в конце его жизни; претендовал на роль спасителя церкви и государства, вел активную борьбу с религиозными мистиками и масонами. *225, 244, 288, 395, 539*

Франк Осип Егорович (1793—?) — надворный советник, правитель канцелярии министра юстиции в 1832—1834 гг. (см. его формулярный список 1854 г.: ИРЛИ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 2758). *522, 526*

Франк Юзеф (1771—1842) — профессор медицинского факультета Виленского университета в 1804—1823 гг. *240*

Франц I (1768—1835) — австрийский король в 1792—1804 гг., император в 1804—1835 гг. *181, 183, 204, 252, 321*

Фредерик VI (1768—1839) — датский король в 1808—1839 гг. *417*

Фрейганг Андрей Иванович (1805—?) — цензор комитета иностранной цензуры, в 1840—1850-х гг. цензор Петербургского цензурного комитета. Цензор СП в 1837—1848 гг. (с перерывами). Жалуясь А.В. Никитенко на Фрейганга в письме от 11 января 1839 г., Булгарин писал: «...что г. Фрейганг делает с нами, это ужас! Только что принесли к нему «Пчелу», тотчас за красные чернила и пошел чертить, не обращая внимания на конец и выводы» (РС. 1900. № 1. С. 175). *55, 507, 510, 543—544*

Фрейганг Василий Иванович (?—1849)— действительный статский советник с 1839 г., генеральный консул в Венеции в первой половине 1840-х гг, брат А.И. Фрейганга. *543*

Френ Христиан Мартынович (1782—1851) — ориенталист, ординарный академик с 1817 г. *51*

Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король в 1740—1786 гг. *136, 221, 237*

Фридрих Август I (1763—1827) — курфюрст саксонский в 1763—1806 г., король Саксонии с 1806 г., великий герцог Варшавский с 1807 г. *259, 264*

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — король Пруссии в 1797—1840 гг. *189, 254, 266, 491*

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — король Пруссии в 1840—1861 гг. *254, 558, 560*

Фролов-Багреев Александр Алексеевич (1783—1845) — сенатор с 1834 г., муж дочери М.М. Сперанского. *238*

Фроицкевич — помещик Гродненской губернии, второй муж К. Вищинской. *211*

Фук — любовница министра народного просвещения С.С. Уварова. *492*

Фукс — студент Дерптского университета, исключенный в 1829 г. *371*

Фундуклей Иван Иванович — надворный советник, помощник правителя канцелярии статс-секретаря у принятия прошений. *405*

Фурье Шарль (1772—1837) — французский мыслитель, социалист-утопист. *546*

Фуше Жозеф (1759—1820) — французский государственный деятель, министр полиции в 1799—1810 гг. *359*

Хавес — см.: Чавес М.

Харичков Николай Андреевич (?—1881) — купец, коммерции советник, член коммерческого совета при министерстве финансов в середине 1840-х гг. *512*

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт, сенатор с 1807 г., член Российской академии, имевший у литераторов пушкинского круга репутацию графомана. Был знаком с Булгариным. *273, 276, 346—347*

Хитрово Алексей Захарович (1775—1854) — тайный советник, сенатор с 1813 г., государственный контролер в 1827—1854 гг. *121—122, 221—222*

Хлопицкий Юзеф (1771—1854) — генерал дивизии Войска Польского с 1814 г., в отставке с 1818 г., диктатор во время восстания 1830—1831 гг. *355*

Хмельницкий — домовладелец в Петербурге. *498*

Хмельницкий Богдан (ок. 1595 — 1657) — гетман Украины с 1648 г. В 1648 г. возглавил восстание против Польши, завершившееся в 1654 г. присоединением Украины к России. *496*

Хованская — одна из двух сестер Н.Н. Хованского, Мария либо Прасковья. *70*

Хованский Николай Николаевич, князь (1777—1837) — сенатор с 1821 г., генерал-губернатор витебский, смоленский и могилевский в 1826—1836 гг. *70*

Ходкевич Александр, граф (1776—1838) — польский полковник в 1812 г., вышел в отставку в 1818 г. в звании бригадного генерала. *233, 430*

Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — сенатор, статс-секретарь Екатерины II, литератор. *438*

Храповицкий Антоний, граф — поляк, полковник наполеоновских войск, позднее — президент Главного суда. *425*

Храповицкий Матвей Евграфович (1784—1847) — генерал-адъютант, начальник 3-й гренадерской дивизии в 1818—1830 гг., впоследствии — член Гос. совета, петербургский военный генерал-губернатор. *128*

Хрипков Александр Дмитриевич (1799—?) — изучал военные науки в Дерпте, потом служил в армии, вышел в отставку в чине лейтенанта и поселился в Дерпте. «Друг Языкова, отличный художник-любитель, оригинально-умный и добрый старый дерптский студент и русский дворянин <...>, который, окончив курс в Дерптском университете, лет двадцать собирался выехать из Дерпта и никак не мог решиться оставить Ливонские Афины...» (Ф.Б[улгарин]. Журнальная всякая всячина //СП. 1847. № 20). «Это был человек, в известном отношении, не от мира сего. Он — орловский помещик, роздал свое имение родственникам, сделался артистом [в значении — «человеком искусства». — *А.Р.*]; уехал в Дерпт на несколько времени и оставался тут 20 лет; доходил иногда до того, что нуждался в мелочах, но был со всеми знаком, всеми любим, хотя ни у кого не заискивал и всем за взятое отплачивал или своими артистическими произведениями, или своею дружескою компаниею» (Пирогов Н.И. Сочинения. Т. 2. Киев, 1910. С. 610—611). *561*

Христиани Вильгельм (1831— не ранее 1873) — студент теологического факультета Дерптского университета в 1850—1854 гг. *599, 601*

Цандо Адольф — немецкий литератор. *577—578*

Цесарь — см.: Юлий Цезарь.

Цигнеус — см.: Сигнеус З.

Цинеас — см.: Киней.

Цинзерлинг Август Эрнст (1780—?) — филолог-античник, профессор Варшавского университета. *355*

Цинциннат Луций Квинкций — древнеримский патриций, полководец, консул 460 г. до н.э., диктатор 458 и 439 г. до н.э. Жил в сельской местности и имел репутацию скромного, храброго и верного гражданскому долгу человека. *191*

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н.э.) — древнеримский оратор, писатель, государственный деятель. *136*

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, публицист. *26, 521—522, 525*

Чавес Мануэл да Силвейра Пикту да Фонсека, маркиз, граф Амаранте (1784—1830) — португальский генерал, организатор роялистских мятежей в 1826 и 1827 гг. *290*

Чаплин Степан Федорович — купец 1-й гильдии, домовладелец в Петербурге. *432*

Чарторыская (Чарторийская) *Изабелла* (урожд. Флеминг; 1746—1835) — жена А.К. Чарторыского, мать А.Е. Чарторыского. *410, 413*

Чарторыский (Чарторийский) *Адам Ежи*, князь (1770—1861) — один из ближайших советников и друзей Александра I, член Гос. совета и сенатор. В 1803—1824 гг. — попечитель Виленского учебного округа. При Николае I перешел в оппозицию русскому правительству, участвовал в восстании 1831 г., потом жил в эмиграции. *241, 345, 355, 409—410, 417, 430, 513*

Чарторыский (Чарторийский) *Адам Казимир*, князь (1734—1823) — генеральный староста подольский, кандидат на польский трон после Августа III, отец А.Е. Чарторыского. *409, 413*

Часовников Петр Алексеевич (?—1846) — коллежский советник, обер-секретарь канцелярии общего собрания Сената. *405*

Чацкий Тадеуш (1765—1813) — этнограф, историк, правовед, генеральный визитатор учебных заведений Киевской, Подольской и Волынской губерний в 1803—1813 гг. Булгарин поместил в СА две его этнографические статьи (1824. № 21—24; 1827. № 6). *131*

Челищева Эмилия Яковлевна (урожд. Потоцкая, в первом браке — Калиновская) — жена подполковника Е. Челищева с 1825 г., богатая помещица (о ее конфликте с мужем в середине 1830-х гг. см.: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1835. Ед. хр. 583. В 1853 г. она еще была жива). *123*

Чеодаев — см.: Чаадаев П.Я.

Черепанов Александр Петрович (1796—?) — губернский секретарь, писец при председателе Гос. совета в середине 1820-х гг. (см. формулярный список: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Ед. хр. 1217). *160*

Чернов Константин Пахомович (ок.1803 — 1825) — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, член Северного общества, двоюродный брат К.Ф. Рылеева (см. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 194). *66—67*

Чернова — сестра К.П. и Е.П. Черновых. *66*

Чернова Екатерина Пахомовна — сестра Черновой и К.П. Чернова. *66*

Чернышев Александр Иванович, с 1826 г. граф, с 1841 г. — князь (1786—1857) — военный министр в 1827—1852 гг. Булгарин изложил его биографию в своих «Воспоминаниях» (Ч. 5. СПб., 1848. С.88—103). *311, 316—318, 327, 342—343, 377—378, 485, 591*

Чернышева Марья Михайловна — камер-юнфера великой княгини Елены Павловны, потом — жена чиновника министерства финансов Красовского. *131, 386—387, 399, 429, 431*

Чернявский — чиновник, титулярный советник. *131*

Черняев Николай Спиридонович — купец, торговец гороскопами в Петербурге. *518—521*

Чингисхан (собств. имя — Тэмуджин; ок. 1155 — 1227) — полководец, создатель первого в истории единого монгольского государства, завоеватель. *299*

Чихачев Матвей Федорович (1787— после 1837) — полковник, петербургский полицмейстер в 1819—1827 гг., с 1827 г. — генерал-майор, служил при петербургском генерал-губернаторе, занимаясь устройством пожарных депо при полиции. *305*

Чоглоков Андреян Николаевич — майор кондукторской школы. *180, 182*

Шабишев Николай — титулярный советник, правитель канцелярии Комиссии для рассмотрения и уплаты долгов бывших владельцев Шкловского имения. *119—120*

Шадурский, граф — белорусский помещик. *130, 386, 429*

Шаликов Петр Иванович (1767—1852) — поэт, прозаик, редактор газеты «Московские ведомости» (1813—1836), издатель «Дамского журнала» (1823—1833). В 1823—1825 гг. в «Дамском журнале» неоднократно появлялись направленные против Булгарина материалы, в т.ч. самого Шаликова (1824. № 15; 1825. № 18). Печатался в СП (см.: Первый концерт г-на Липинского в Москве //СП. 1839. № 54). *120—121*

Шамбор Генрих-Карл-Фердинанд-Мария-Дьедонне, граф (1820—1883) — последний представитель старшей линии Бурбонов, сын герцога Беррийского. Вскоре после рождения получил титул герцога Бордоского. После революции 1830 г. во Франции был провозглашен королем (под именем Генриха V) и жил в эмиграции. *414—415*

Шанявский Юзеф (1764—1843) — философ, государственный деятель, в конце 1820-х гг. возглавлял цензуру в Царстве Польском. *355, 383*

Шаховской Александр Александрович, князь (1777—1846) — драматург, начальник репертуарной части петербургских императорских театров (1802—1818, 1821—1825). Отрицательно относился к Булгарину (см. его письма С.Т. Аксакову 1830 г.: РА. 1873. Кн. 1. С. 0473, 0477). *48, 113—115, 133—134*

Шварц Григорий Ефимович (1791 — не ранее 1850) — полковник 4-го Бугского уланского полка с 1819 г., генерал-майор с назначением состоять в корпусе поселенных войск с 1828 г., генерал-лейтенант с 1844 г. В 1847 г. за жестокое обращение с солдатами предан военному суду, а в 1850 г. решением суда исключен со службы с запрещением въезда в столицы. В «Русском биографическом словаре» (том «Чаадаев — Швитков»; СПб., 1905) его биография сконтаминирована с биографией брата, Ф.Е. Шварца, полковника лейб-гвардии Семеновского полка (см. об этом примеч. Н.К. Эссена к публикации: Семеновская история 1820 года //Дела и дни. СПб., 1920. Кн. 1. С. 120). (Данные его формулярных списков см.: Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 9. Тифлис, 1884. С. XXX; РГВИА. Ф. 395. Оп. 31. 1840 г. 1 отд. 4 ст. Ед. хр. 957; Ф. 489. Оп. 1 Ед. хр. 2659). *153*

Швейковский — польский помещик. *422*

Швейковский Войцех (1773—1838) — ксендз, ректор Варшавского университета с 1817 по 1831 г. *355*

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — поэт, литературный критик, литературовед. Одним из первых начал резкую и бескомпромиссную борьбу против Булгарина и последовательно вел ее как в печати (см., напр.: [Шевырев С.П.] Обозрение русской словесности за 1827-й год //Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 77—79; № 8. С. 420—421; [Шевырев С.П.] [Письмо к издателю] //Лит. газета. 1830. Т. 2. С. 161—163; Шевырев С.П. Перечень наблюдателя //Московский наблюдатель. 1836. Т. 6.

С. 98—105; Шевырев С. Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год //Москвитянин. 1843. Ч. 1. № 2. С. 571—573, 577—580), так и в переписке. *35, 195, 224, 232, 289, 293, 297, 317, 499, 502, 588*

Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт. *92, 98*

Шелехов Иван Иванович (?—1855) — коллежский асессор, столоначальник в отделении судных и тяжебных дел департамента государственных имуществ министерства финансов, литератор. *212*

Шелихов — см.: Шелехов И.И.

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854) — немецкий философ. *221, 545*

Шемиот — чиновник Комиссариата в генеральском чине. *399*

Шенин Александр Федорович (1803—1855) — библиотекарь, потом инспектор классов Павловского кадетского корпуса в 1821—1845 гг., главный редактор 7—13 тт. «Энциклопедического лексикона» в 1836—1838 гг. (см. о нем: Греч. С. 598—623; Тимченко-Рубан И.Р. Из воспоминаний о пережитом //ИВ. 1890. № 7. С. 95—97; Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 172—173). *492*

Шереметев, граф — помещик Владимирской губернии в 1826 г. *99*

Шереметев, граф — помещик в Лифляндии в середине 1840-х гг. *514*

Шереметев Дмитрий Николаевич, граф (1803—1871) — владелец крупнейшего в России состояния, в т.ч. имений Кусково и Останкино; в 1825 г. — корнет Кавалергардского полка, в 1827 г. — поручик; флигель-адъютант с 1833 г., камергер с 1838 г., гофмейстер двора с 1856 г. *514, 544, 549*

Шидловский Игнацы (1793—1846) — преподаватель гимназии в Свислочи, потом в Вильне, литератор, цензор. Входил в Товарищество шубравцев (см. о нем: Моравский. С. 178—179, 181, 551—552). *138, 258, 312*

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт и драматург. *86, 92, 98, 250, 317, 439*

Ширинский-Шихматов Платон Александрович, князь (1790—1853) — директор канцелярии министерства народного просвещения, в 1842—1850 гг. — товарищ министра народного просвещения, с 1850 г. и до смерти — министр народного просвещения. Член Российской академии. Поместил в СП «Отрывок из похвального слова императору Александру Благословенному» (1832. № 14) и стихотворение «Надпись к Александровской колонне» (1834. № 193). *84, 90, 132, 163—164, 280, 288, 582, 587—588*

Ширинский-Шихматов Сергий Александрович, князь (1783—1837) — поэт, педагог, член «Беседы любителей русского слова». *113*

Ширяев Александр Сергеевич (?—1841) — московский книгопродавец и издатель. Открыл книжную торговлю в 1813 г., позднее содержал книжную лавку Московского университета и входил в число наиболее культурных и солидных московских книгопродавцев. Московский комиссионер СП. *462, 473, 475*

Шихматов (на с. 90, 132, 163, 288) — см.: Ширинский-Шихматов П.А.

Шихматов (на с. 113) — см.: Ширинский-Шихматов С.А.

Шихматов-Ширинский — см.: Ширинский-Шихматов П.А.

Шишков Александр Ардалионович (1799—1832) — поэт, переводчик, племянник А.С. Шишкова (см. о нем: Шадури В. Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951). В СП были помещены отрывки из его романа «Кетевана, или Грузия в 1812 году» (1832. № 159, 160, 213). *180, 182*

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства (1824—1828), президент Российской академии (1813—1841), писатель и филолог, один из основателей «Беседы любителей русского слова». Булгарин был знаком с ним и, действуя через его жену (см.: Ю.О. Лобаржевская), свою дальнюю родственницу, заручился поддержкой Шишкова при подаче прошения о разрешении издавать СП. Булгарин вспоминал в 1855 г. в письме И.П. Липранди, что «Шишков согласился сделать представление Государю о дозволении Гречу

и мне издавать газету «Северная пчела», ручаясь своею особою за ее благонамеренное направление. Мало того: Шишков поехал к графу Аракчееву, который любил и уважал его, и просил доложить благоприятно Государю о дозволении издавать «Северную пчелу», назвав меня перед Аракчеевым родственником и даже близким своей жены» (РА. 1869. № 9. Стб. 1554). После того как в октябре 1826 г. Бенкендорф получил от императора устное согласие на причисление Булгарина к министерству народного просвещения, он уведомил об этом Шишкова (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 46), а Булгарин подал 30 октября официальное прошение Шишкову с просьбой исходатайствовать у царя разрешение о поступлении на службу (Там же. Л. 47), Шишков 21 ноября сделал об этом доклад Николаю. На следующий день последовал соответствующий указ, и Булгарин стал чиновником по особым поручениям министерства народного просвещения и, следовательно, подчиненным Шишкова. Об отрицательном отношении Шишкова к творчеству Булгарина см. воспоминания О.А. Пржецлавского (РС. 1875. № 7. С. 390). *50, 53, 56, 76, 84—85, 90, 113, 117—118, 126, 132, 134, 148—149, 151, 156, 163—164, 186, 192, 195—196, 199—200, 205, 213—214, 218—223, 225—227, 229, 241—243, 255, 262, 265—267, 270—271, 273, 276—277, 280—281, 288—289, 304, 397, 438—439, 443, 535*

Шишкова — см.: Лобаржевская Ю.О.

Шлыков Петр Алексеевич — полицмейстер Вильны во второй половине 1810-х — первой половине 1820-х гг. (см. о нем: Моравский, по указ.). *242, 307*

Шпицнагель Людвик (1807—1827) — выпускник Виленского университета, друг Ю. Словацкого, обучался в Институте восточных языков при министерстве иностранных дел (см. о публичном чтении им панегирика Николаю на персидском языке: М. О частном испытании воспитанников Училища восточных языков //СП. 1826. № 57. 13 мая; об окончании учебы в мае 1826 г.: С.-Петербургские сенатские ведомости. 1826. № 31. 31 июля. С. 892). *153—154*

Шпицнагель Фердинанд (1757—1826) — профессор медицины Виленского университета, отец Л. Шпицнагеля. *153*

Шрейнцер Фридрих (1813—?) — пианист, композитор. *151*

Штейн Генрих-Фридрих-Карл (1757—1831) — прусский государственный деятель начала XIX в., исполнял обязанности министра финансов в правительстве Фридриха-Вильгельма III. В 1809—1813 гг. жил в России. *203*

Штер Матвей Петрович (1775—1847) — тайный советник, директор департамента полиции исполнительной и статистического отделения министерства внутренних дел в середине 1820-х гг., сенатор с 1828 г. *237—238, 250*

Штиглиц Людвиг Иванович, барон (1777—1842) — российский придворный банкир. *476*

Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ и теолог, в книге которого «Жизнь Иисуса» поставлена под сомнение достоверность евангельских преданий о жизни Христа и совершенных им чудесах. *491, 495, 500*

Шуберт Федор Федорович (1789—1865) — генерал-майор, управляющий канцелярией генерал-квартирмейстера Главного штаба в конце 1820-х гг. (см. деловое письмо Булгарина к нему 1837 г.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 9. М., 1901. С. 215—216). *361*

Шувалов — наниматель части дома в Петербурге в 1831 г. *430*

Шугуров Яков Терентьевич — коллежский асессор, секретарь 1-го департамента Сената. *146*

Шульгин Дмитрий Иванович (1785—1854) — генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор в 1848—1854 гг. *590, 592*

Щеглов Николай Прокофьевич (1793—1831) — профессор физики Петербургского университета. *199, 301*

Щербачев Александр Петрович (1804—1862) — подполковник, жандармский штаб-офицер в Дерпте в 1845—1849 гг. (см. его личное дело: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Ед. хр. 868). *515—516, 563*

Эванс де Ласи Джордж (1787—1870) — английский публицист и политический деятель. *373*

Эверс Иоганн-Филипп-Густав (1781—1830) — историк, юрист, ректор Дерптского университета с 1818 г. (см. его некролог: СП. 1830. 15 нояб.). *84, 189, 289, 297, 346, 372*

Эйсмонт — помещик Гродненской губернии. *242*

Эйхлер — подполковник, полицмейстер Полангена. *173*

Экономос Константин (1780—1857) — греческий священник, ученый-языковед, знаток древнегреческого языка. Почетный член Российской академии с 1828 г. Жил в России в 1821—1831 гг. (см. о нем: Дестунис Г. О жизни и трудах Константина Экономоса [СПб., 1860]; Смирнов С.К. Экономос и сочинение его о сродстве славяно-русского языка с еллинским. М., 1873). *277, 280*

Энгель Федор Иванович (1766—1837) — тайный советник, сенатор с 1820 г., председатель Медицинского совета министерства внутренних дел в 1828—1831 гг., во время отсутствия министра исполнял его обязанности; председатель временного правления Царства Польского в 1831 г. *364—365, 428*

Энгиенский, герцог — см.: Конде Л.А. де Бурбон.

Энегольм Александр Ильич (1796 — не ранее 1848) — выпускник Виленского университета (1816). С 1811 г. служил в комиссии прошений (в 1826 г. — коллежский советник), 1 сентября 1826 г. перешел в министерство финансов. *127*

Эртель Федор Федорович (1767—1825) — генерал-майор, петербургский обер-полицмейстер в 1802—1808 гг., впоследствии генерал от инфантерии. *512*

Эттингер Александр Франц (1798—1846) — ландрат лифляндской ландратской коллегии в 1842—1846 гг., вместе с Г.Ф. Нолькеном представлял лифляндское рыцарство в Петербурге. Один из лидеров общества «Юная Ливония». *514*

Юлий Цезарь, Гай (102 или 100 — 44 до н.э.) — римский государственный деятель, полководец. *336*

Юндзилл Иван (1803—?) — выпускник Виленского университета, кандидат юриспруденции, филарет. *140, 242*

Яблоневская Иозефина, княгиня — киевская помещица. *163*

Яблоновская Тереза, княгиня (урожд. Любомирская; 1790—1847) — жена М.А. Яблоновского, хозяйка салона в Варшаве. *300, 362, 431*

Яблоновский Максимилиан Антонович, князь (1785—1846) — сенатор-воевода польского Сената, во время восстания 1830—1831 гг. находился в Петербурге. Сенатор и тайный советник с 1831 г. *362, 412*

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845) — директор департамента народного просвещения министерства народного просвещения с 1825 г., член Российской академии и Академии наук. Числясь на службе в министерстве народного просвещения, Булгарин формально находился у него в подчинении (их служебную переписку 1830—1831 гг. см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Ед. хр. 543). *163—164, 180, 199—200*

Языков Николай Михайлович (1803—1845) — поэт. Булгарина познакомил с ним в Дерпте в 1827 г. друг Языкова, художник-любитель А.Д. Хрипков. В очерке «Прогулка по Ливонии» Булгарин писал о нем как о «человеке с необыкновенным дарова-

нием», находя в его стихах «глубокое чувство и свежесть мыслей» (СП. 1827. № 75). Во время учебы в Дерптском университете Языков нередко навещал Булгарина в Карлово. В СП он поместил три стихотворения (1825. № 60; 1827. № 19; 1828. № 49). (Об их взаимоотношениях см.: Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913, по указ.; а также некрологические заметки Булгарина о нем: СП. 1847. № 20). *77, 91, 125, 169, 189, 224, 532, 598, 601*

Яковлев Алексей Яковлевич (1768—1849) — отставной гвардии корнет, отец И.А. Яковлева. *497*

Яковлев Иван Алексеевич (1804—1882) — владелец многомиллионного состояния. «Обеды Яковлев давал лукулловские. Был он оригинал большой руки и про него ходили различные курьезные рассказы, — как о его несметном богатстве, так и о причудах его. В молодости он вел очень крупную игру» (Оболенский Д.Д. Наброски из воспоминаний //РА. 1895. Кн. 1. Вып. 3. С. 367). *497*

Якубович Александр Иванович (1796 или 1797 — 1845) — капитан Нижегородского драгунского полка, декабрист. В 1818—1824 гг. служил на Кавказе, получил там известность набегами против горцев. *71*

Ян Собеский (1629—1696) — польский полководец, с 1674 г. — польский король (под именем Яна III). *356, 368—369*

Ян Фридрих Людвиг (1778—1852) — немецкий педагог и политик, содействовал возникновению движения буршеншафта. *188*

Яницкий Клеменс (1516—1543) — польский поэт. *254*

Янчевский — белорусский помещик, потом ходатай по делам в Петербурге. 82, 430

Янчевский Киприан (?—1853) — ученик Мицкевича по ковенской гимназии, один из организаторов тайного общества «Черные братья» в Крожах. Был приговорен к смертной казни, которую ему в 1825 г. заменили сдачей в солдаты. *180*

Ясинский Христофор Иванович (1755—1831) — дерптский полицмейстер в 1808—1831 гг. (см. о нем: Bertram [Schulz G.]. Dorpats Grössen und Typen vor vierzig Jahren. Dorpat, 1868. S. 71—72). *188—190*

Prevot — см.: Прево

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вацуро, Гиллельсон	Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. “Сквозь умственные плотины”. М., 1972
ВЛ	Вопросы литературы
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	Государственный исторический музей, отдел письменных источников
Греч	Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930
ИВ	Исторический вестник
ИРЛИ	Институт русской литературы Российской Академии наук, рукописный отдел
Лемке	Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908
ЛН	Литературное наследство
Малиновский	Malinowski V. Dziennik. Wilno, 1914
Моравский	Morawski S. Kilka lat młodości mojej w Wilnie. Warszawa, 1959
МТ	Московский телеграф
Никитенко	Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. Л., 1955
НЛО	Новое литературное обозрение
Полевой	Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934
ПСБ	Polski słownik biograficzny
ОЗ	Отечественные записки
РА	Русский архив
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	Российская государственная библиотека, отдел рукописей
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РЛ	Русская литература
РНБ	Российская национальная библиотека, отдел рукописей
РС	Русская старина
СА	Северный архив
СО	Сын отечества
СП	Северная пчела
Стороженки	Стороженки. Фамильный архив. Т. 3. Киев, 1907
СТЧ	Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996
Тыняновский сборник	Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994
Усов	Усов П.С. Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни // Исторический вестник. 1883. №8. С. 284—331
Шильдер	Шильдер Н. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1—2. СПб., 1903

СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Рейтблат. Булгарин и III отделение 5

ПИСЬМА И АГЕНТУРНЫЕ ЗАПИСКИ Ф.В. БУЛГАРИНА

В III ОТДЕЛЕНИЕ 41

Предметно-тематический указатель 608

Указатель географических названий 613

Указатель периодических изданий 617

Аннотированный указатель имен 619

Список сокращений 702

Видок Фиглярин
Письма и агентурные записки
Ф.В. Булгарина в III отделение

Редактор
О.И. Краснолистов

Корректор
Л.Н. Морозова

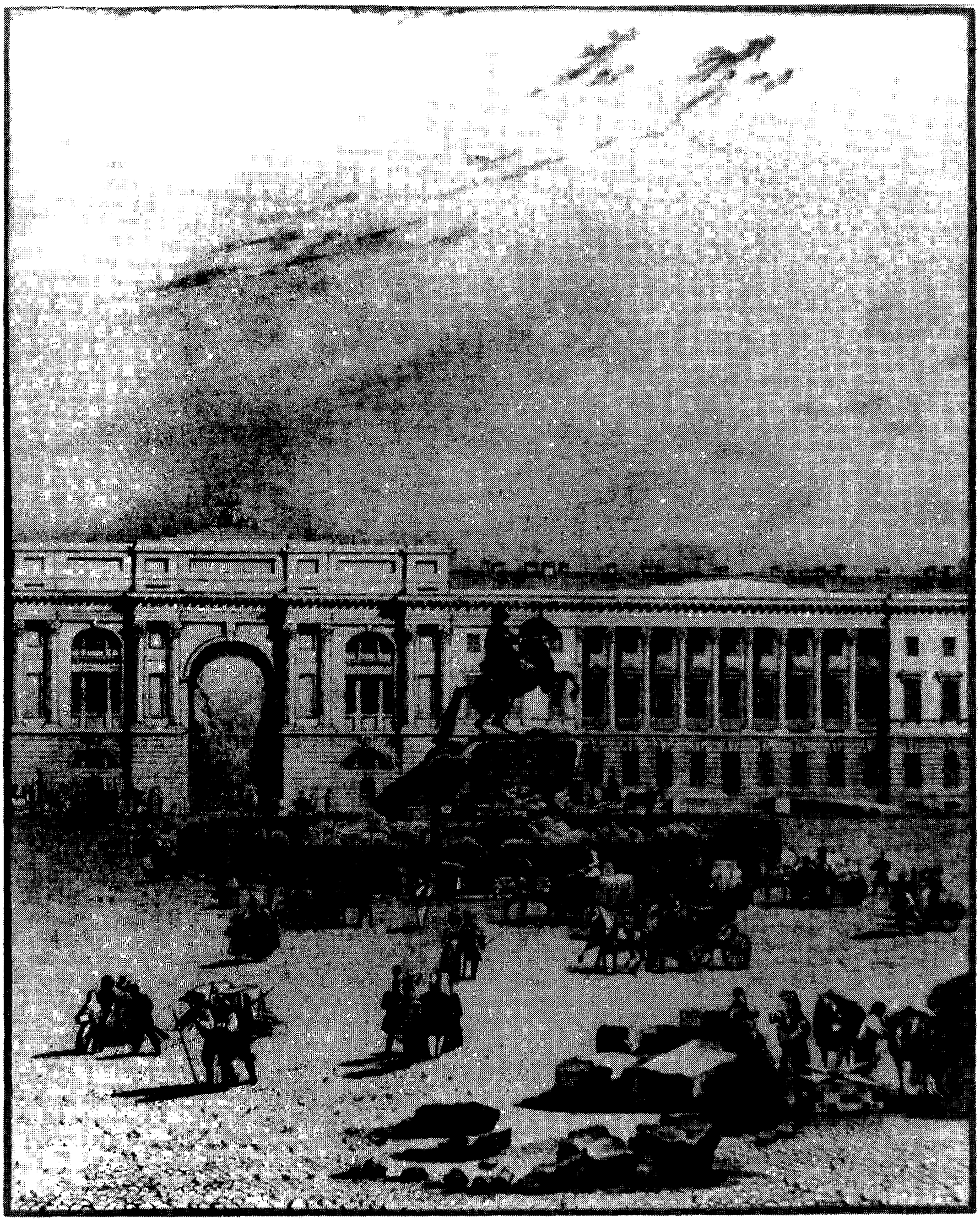
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Адрес издательства:
129626, Москва, абонементный ящик 55,
тел.: (095) 976-47-88
факс: (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

ЛР № 061083 от 6.05.97

Формат 70×100/16 Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 44
Зак. № 4103

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6



Монумент Петра I. Здания Сената и Синода

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Выходитъ въ Понедѣльникъ, Четвергамъ и Субботамъ.

№ 2.

Годовая цѣна за 156 нумеровъ: въ С. П. бургѣ 40 р. съ пересылкою 50 р.

Вторникъ, Января 4го 1827.

Отечественныя воспоминанія. 4-го Января 1770 года происходило сраженіе съ Турками при Фокшанахъ. — 4-го Января 1813 года началась осада крѣпости Данцига.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 3-го Января.

Въ день Новаго года Его Величество Государь Императоръ, Ихъ Величества Государыни Императрицы и Ихъ Императорскія Высочества изволили принимать въ Зимнемъ дворцѣ поздравленія Духовенства, особъ Дипломатическаго сословія, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и прочихъ особъ, имѣющихъ пріѣздъ къ Высочайшему Двору. — Вечеру былъ великолѣпнѣйшій Придворный Маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ для особъ первыхъ шести классовъ и именитаго купечества.

— Кромѣ Высочайшихъ особъ, удостоившихъ принять званіе Почетныхъ Членовъ Императорской Академіи Наукъ (см. No 156 Сѣв. Пчелы), принятыя въ оное единогласно слѣдующія особы: Высокопреосвященнѣйшій Евгеній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій; Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь А. Н. Голицынъ; Адмиралъ И. С. Мордвиновъ; Генералъ Баронъ И. И. Дибичъ; Адмиралъ Д. Н. Сенявинъ; Генералъ Графъ М. С. Воронцовъ; Инженеръ-Генералъ К. И. Опперманъ; Генералъ-Лейтенантъ Князь К. А. Лавовъ; Генералъ-Лейтенантъ Графъ Е. К. Сиверсъ; Статсъ-Секретарь Графъ Р. И. Ребиндеръ; Статсъ-Секретарь Д. Н. Блудовъ; Профессоры Дерптскаго Университета Ст. Сов. Эверсъ и Надв. Сов. Струве. Въ число иностранныхъ Почетныхъ Членовъ: Баронъ Пуассонъ, Баронъ Шарль Дюпенъ, Тенаръ, Абель-Ремюза, Члены Королевской Парижской Академіи; Шампольіонъ, младшій, въ Парижѣ; Англ. морской службы Капитанъ Парри; Деви, Президентъ Королевскаго Общества въ Лондонѣ; Себинъ, Капитанъ Артиллеріи въ Лондонѣ; Гершель, Астрономъ въ Лондонѣ; Мальтусъ, въ Лондонѣ; Гёте, въ Веймарѣ; Бёттигеръ, Археологъ въ Дрезденѣ; Блуменбахъ, Профессоръ Ест. Ист. въ Гетингенѣ; Геерренъ, Проф. Исторіи, тамъ же; Нибуръ, Проф. класс. Словесности въ Боннѣ; Сестини, Археологъ въ Флоренціи. — Въ число Корреспондентовъ внутри Имперіи: Аргеландеръ, Проф. Астрономіи въ Абовскомъ Университетѣ; Гельстрёмъ, Проф. Математики, тамъ же; Колл. Сов. Чижовъ, Профессоръ Математики при здѣшнемъ Университетѣ; Колл. Сов. Соловьевъ, Проф. Химіи при здѣшнемъ Университетѣ; Надв. Сов. Щегловъ, Профессоръ Физики при здѣшнемъ Университетѣ; Надв. Сов. Арсеньевъ, Проф. Статистики и Политической Экономіи; Ст. Сов. Кайдановъ, Профессоръ Исторіи при Царско-Сельскомъ Лицеѣ; Надв. Сов. Кеппенъ; Надв. Сов. Эйхвальдъ; Профессоръ Зоологіи при Казанскомъ Унив.; Надв. Сов. Купферъ, тамъ же; Колл. Сов. Гнѣдичъ; Надв. Сов. Востоковъ; Тит. Сов. Строевъ; Магистръ Погодинъ. Въ число иностранныхъ Корреспондентовъ: Леопольдъ Кругъ, Тайн. Сов. въ Берлинѣ; Веръ, Проф. Физіологіи въ Кенигсбергѣ; Сарторіусъ, Проф. Полит. Наукъ въ Гетингенѣ; Гушке, Библіотекарь въ Ростокѣ; Тиршъ, Филологъ въ Мюнхенѣ; Робертъ Браунъ, Ботаникъ въ Лондонѣ; Несъ-

ЗРѢЛИЩА.

Во Вторникъ, 4-го Января.

На Вол. Т.: Жанъ Парижскій, Оп.; Наслѣдница, Ком.; Домъ сумасшедшихъ, Вод.

На Мал. Т.: Madame de Sevigné, com.; Le Précepteur dans l'embarras, com.; Ma femme se marie, vaud.

НОВЫЯ КНИГИ.

Продолженіе статьи о Альманахахъ.

Заглавіе сей Повѣсти (въ Невск. Альманахѣ) *Тысяча вторая ночь*. Содержаніе: — дѣдушка Сочинителя, большой охотникъ до сказокъ Шехеразадныхъ, и у котораго былъ „порою при словѣ о безѣдѣльникахъ, *какъ хнутъ хлещущій языкъ* (стр. 2) — *повѣдаетъ* внучкамъ про дѣла Русскія, незаморскія, и не сказку, не небылицу въ лицахъ (въ расказѣ!), а случай истинный и правдивый.“ Этотъ *случай истинный и правдивый* дошелъ до него чрезъ давнее поколѣніе дѣдушекъ, изъ которыхъ самый старшій *былъ очевидцемъ всего*. Начинаетъ тѣмъ, что въ Муромскомъ лѣсу, передъ костромъ въ темную ночь, собралась шайка разбойниковъ. Въ эту шайку нечаянно заходитъ, безъ всякой спины (*) Царь Іоаннъ Васильевичъ, идущій съ войскомъ подъ Казань, остановившійся подъ Муромомъ, и забавлявшійся въ тотъ вечеръ охотою. Вопреки достоинству Царей Русскихъ и историческому по Исторіи характеру завоевателя Казани, выдаетъ онъ себя у разбойниковъ за ихъ собрата, и чуть не попадаетъ подъ ударъ пистолета атамана. Въ такомъ необразованномъ мнѣніи, Царь его подтверждаетъ разбойниковъ напасть на нашу Царицу, но соглашается съ ними, хотя и не безъ намѣренія, итти грабить Муромскаго Посадника и богатаго знаменитаго купца Симеона Горбатова; и все это, чтобы спасти и осчастливить Атамана, который влюбился въ дочь сего купца, и будучи разбойникомъ, не душегубствуетъ. Кончилось тѣмъ, что разбойники идутъ середи бѣла дня въ городъ Муромъ, грабятъ домъ Горбатова, въ самое то время, когда тамъ пируютъ свадьбу его дочери съ Посадникомъ; Царь пріѣзжаетъ туда же съ Боярами и стрѣльцами; одинъ изъ разбойниковъ — и то *рыжій* Ливанъ — убитъ, прочихъ и съ Атаманомъ Царь посылаетъ драться подъ Казань, а

(*) Какъ же дѣдушка дѣдушекъ Г. Сочинителя былъ очевидцемъ сего, когда Царь пришелъ къ разбойникамъ одинъ?... Странно!

Газета «Северная пчела»

Николай I

А.Х. Бенкендорф

М.Я. Фок

Л.В. Дубельт

А.Ф. Орлов

Рубикинъ (Тайн. совѣт.). Когда Государь Императоръ соизволилъ удержать у себя (x) мои проекта Указъ, изъ послѣдняго доклада Министра Просвѣщенія (22 Февр.), въ Законъ Министерствѣ его касающійся и въ Дѣятельность почтовъ разнѣ тѣмъ по сему случаю. Весьма странно показалось, что въ это время Директоръ Канцеляріи Министра, Надеръ Шихматовъ-Ширинскій, какъ бы отказывать у мнѣ: Кто таковъ Рубикинъ?- Не удѣли Министръ не знаетъ его, спросилъ Надеръ Шихматова. Нѣтъ, Министръ не знаетъ его вовсе, а представилъ о немъ: по рекомендаціи Генерала Карбонієра.

Рубикинъ служитъ чрезвычайно въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и Онъ въ числѣ тѣхъ остаивъ въ то тѣ Чиновниковъ, о которыхъ нельзя сказать ни дурно ни хорошо, потому что они стоятъ всегда на грѣ Золотой посредственности, на съ какой стороны не обращаются на себя вниманія. Въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ритрочнаго было удаленъ

(x) Отправленій Просьбы Дворянъ Надворнаго Дѣйствительнаго Коллежскаго, о принадлежности и Дѣлъ Инструментъ Булгарина и Рубикинъ

Агентурная записка Ф.В. Булгарина (автограф)

О Коллежском Секретаре

Рябинине.

Лета 1821

Рябинин служил прежде въ Колле-

гіи Иностранныхъ Дѣлъ, и былъ въ числѣ

такъ Тимовниковъ, о которыхъ нельзя ска-

зать ни дурнаго ни хорошаго, по тому что

они стоя всегда на краю посредственности,

ни съ какой стороны не обращали на себя

вниманіе. Въ Коллегіи Иностранныхъ

Дѣлъ расторгнуто было изрядка, вмѣсто

Тимовникова — работаетъ, и въ ожи гоняма-

тонъ плечами и отвѣчаетъ о Рябининѣ грубо

баясь и словами: обыкновенный Тимовныхъ!

Но разговаривъ у его знакомыхъ, и узнае

Агентурная записка Ф.В. Булгарина,
сокращенная и переписанная М.Я. Фоком

А.С. Шишков

С.С. Уваров

Великий князь
Константин Павлович

Н.Н. Новосильцов

А.С. Грибоедов

Н.И. Греч

Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч.
Карикатура Н.А. Степанова

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1825. № 5.

МАРТА 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Исторія 3
Краткая Исторія Греціи.

II. Путешествіе. 20
Процесъ Валтазара Ренэ, въ Франціи.

III. Критика 43
Изслѣдованіе Новѣйшей Географіи.

IV. Путешествіе 66
Путешествіе Капитана Уэйда въ Бухарію.

V. Науки 83
Философскій языкъ (Окончаніе)

VI. Смѣсь 100
1. Извѣстіе о народонаселеніи Россіи въ 1824 году.
2. Народонаселеніе европейскихъ Азіатскихъ Государствъ.

Печатать позволяется
С.Петербургъ. Марта 3 дня 1825 года.
Цензоръ Гвен. Говенъ, и Цензоръ
Александръ Бутурлинъ.

Въ типографіи П. Сухна.

Обложка журнала «Северный архив»

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ,

НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ

РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳаддея Булгарина.

Безумецъ, ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно:
Тиранъ твой сердца въ глубинѣ;
Она съ тобою повсечасно
Летитъ на корабль и скачетъ на конь.

Дмитріевъ.

ЧАСТЬ III.

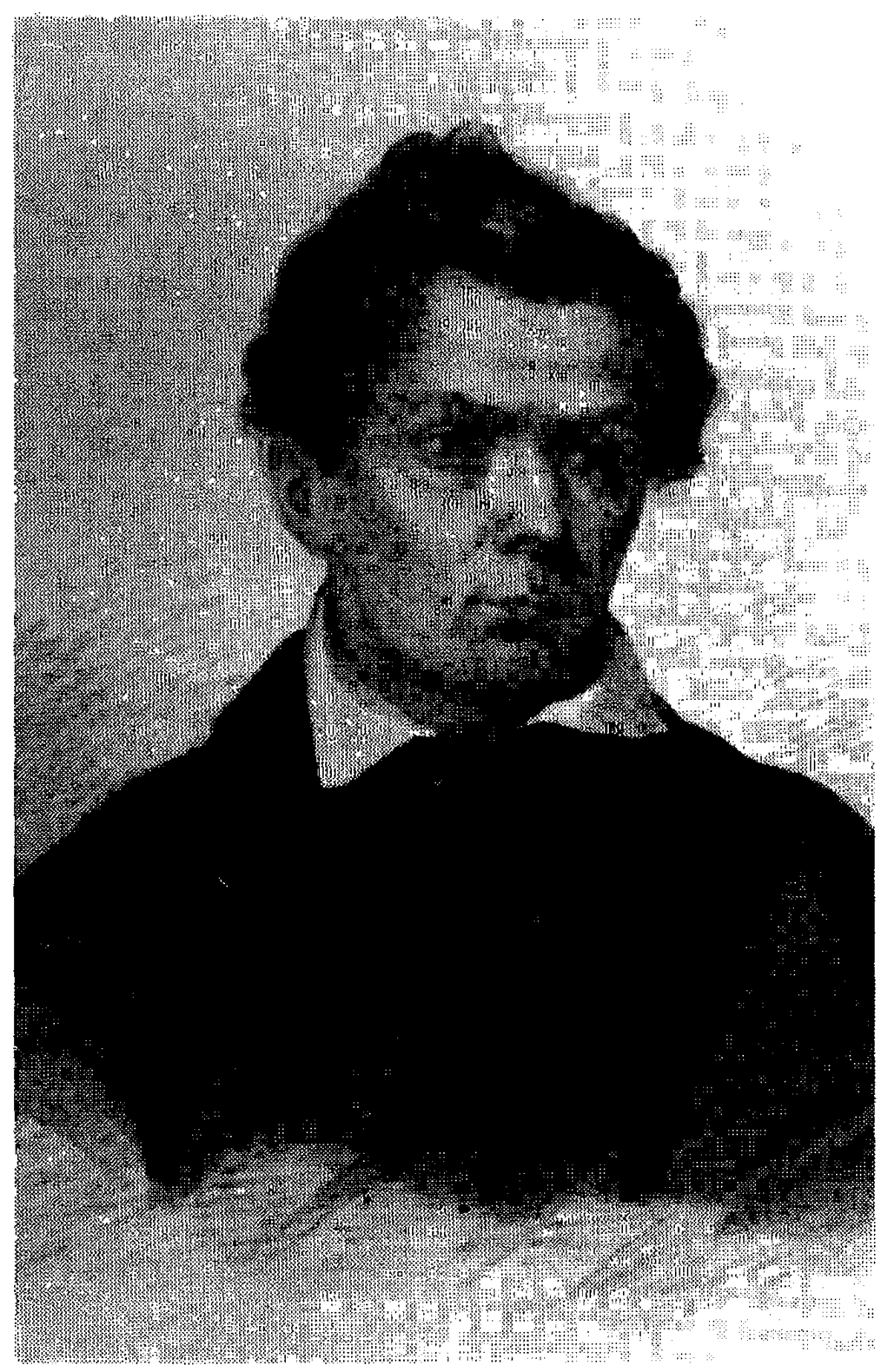
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ.

1829.

Титульный лист
романа Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин»

П.А. Вяземский

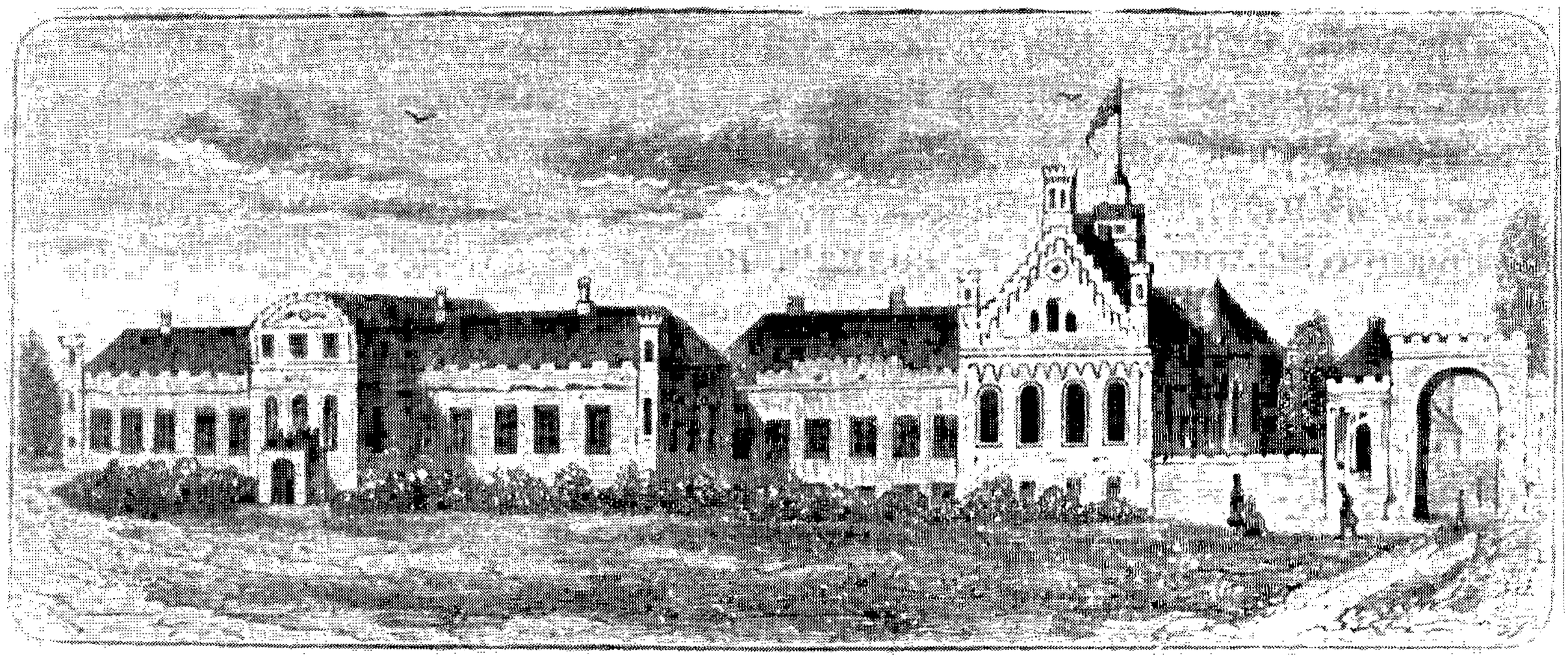


Н.А. Полевой

О.И. Сенковский

А.А. Краевский

Карикатура М.Л. Неваховича «Шествие в храм Славы» из альбома «Ералаш» (1847)
(Булгарин изображен летящим на пчеле)



Дом Ф.В. Булгарина в его имении Карлово

Ф.В. Булгарин. Карикатура Н.А. Степанова

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Выходитъ
по Вторникамъ,
Четвергамъ и
Субботамъ.

№ 2.

Годовая цѣна
за 156 нумеровъ:
въ С. П. бургѣ 40 р.
съ пересылкою 50 р.

Вторникъ, Января 4го 1827.

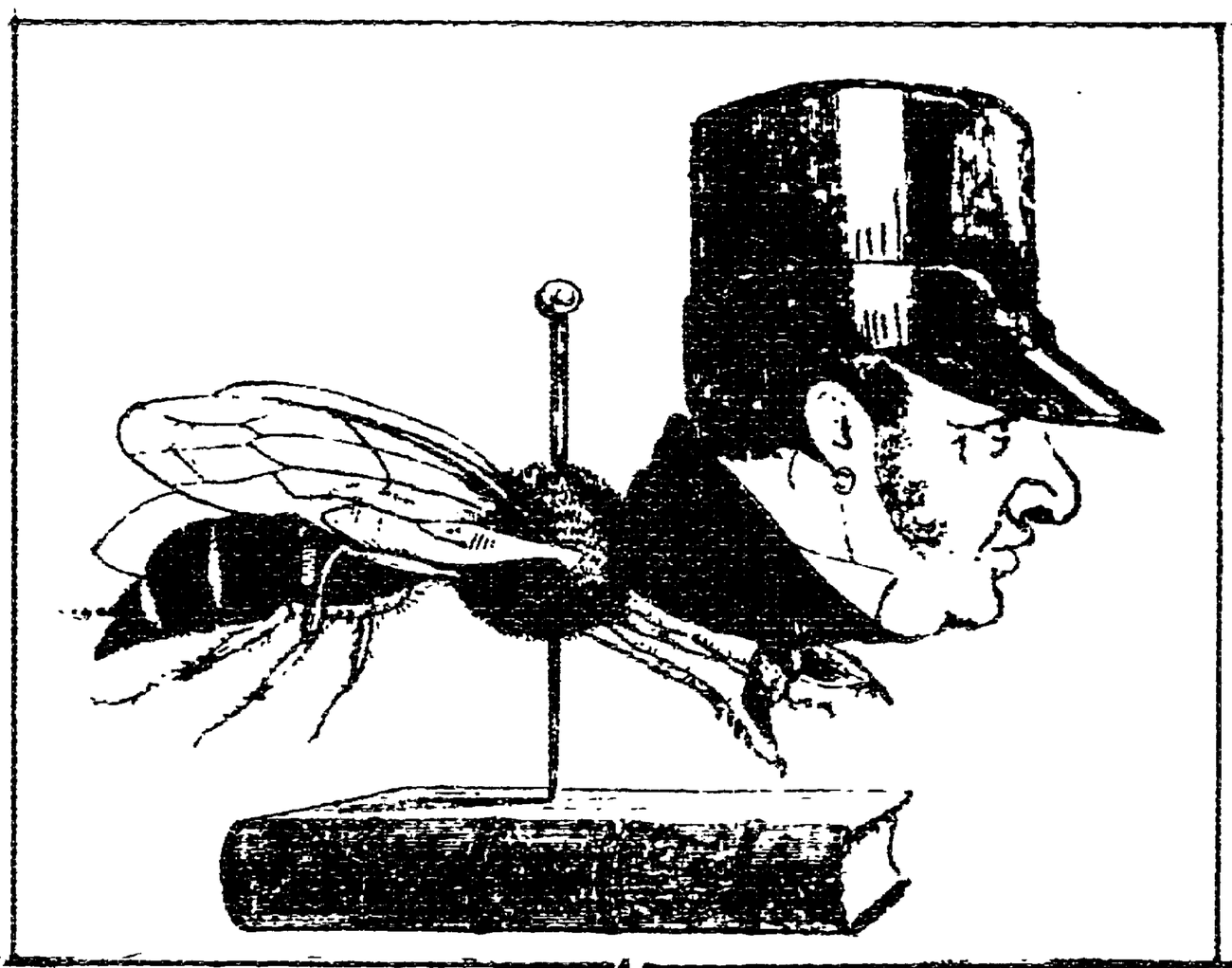
Отечественныя воспоминанія. 4-го Января 1770 года происходило сраженіе съ Турками при Фокшанахъ. — 4-го Января 1813 года начался осада крѣпости Данцига.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 3-го Января.

Въ день Новаго года Его Величество Государь Императоръ, Ихъ Величества Государыни Императрицы и Ихъ Императорскія Высочества изволили принимать въ Зимнемъ дворцѣ поздравленія Духовенства, особъ Дипломатическаго сословія, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и прочихъ особъ, [illegible] шему Двору. — Вчера [illegible] дворный Маскарадъ въ [illegible] перыхъ шести классо[illegible]

— Крохъ Высочайш[illegible] нять званіе Почетны[illegible] Академіи Наукъ (см. N[illegible] оное единогласно слѣду[illegible] мѣйшій Евгеній, Мит[illegible] Дѣйствительный Тайн[illegible] лицынъ; Адмиралъ П. [illegible] И. И. Дибичъ; Адмирал[illegible] М. С. Воронцовъ; Инж[illegible] Генералъ-Лейтенантъ [illegible] Лейтенантъ Графъ Е. [illegible] Графъ Р. И. Ребиндеръ [illegible] довъ; Профессоры Дер[illegible] Эверсъ и Надв. Сов. [illegible] Почетныхъ Членовъ: [illegible] Дюпенъ, Тенаръ, Абель-Ремюза, Члены Королевской Парижской Академіи; Шампольонъ, младшій, въ Парижѣ; Англ. морской службы Капитанъ Парри; Деви, Президентъ Королевскаго Общества въ Лондонѣ; Себинъ, Капитанъ Артиллеріи въ Лондонѣ; Гершель, Астрономъ въ Лондонѣ; Мальтусъ, въ Лондонѣ; Гёте, въ Веймарѣ; Бёттигеръ, Археологъ въ Дрезденѣ; Блуменбахъ, Профессоръ Еств. Ист. въ Геттингенѣ; Гееренъ, Проф. Исторіи, тамъ же; Нибуръ, Проф. класс. [illegible], Археологъ въ Фло[illegible]нтовъ внутри Инне[illegible]ономіи въ Абовскомъ [illegible] Проф. Математики, [illegible]рофессоръ Математи[illegible] Колл. Сов. Соловьевъ, [illegible]ерситетѣ; Надв. Сов. [illegible]ри здѣшнемъ Универси[illegible] Проф. Статистики и [illegible]в. Кайдановъ, Профес[illegible]омъ Лицеѣ; Надв. Сов. [illegible] Профессоръ Зоологіи [illegible]. Купферъ, тамъ же; [illegible] Востоковъ; Тит. Сов. [illegible] Въ число иностранныхъ [illegible] Кругъ, Тайн. Сов. въ [illegible] и въ Кенигсбергѣ; Сар[illegible]ъ Геттингенѣ; Гушке, [illegible]ъ, Филологъ въ Мин[illegible]къ въ Лондонѣ; Несъ-



ЗРѢЛИЩА.

Во Вторникъ, 4-го Января.

На Бол. Т.: Жанъ Парижскій, Ор.; Наслѣдница, Ком.; Домъ существующихъ, Вод.

На Мал. Т.: Madame de Sevigné, com.; Le Précepteur dans l'embarras, com.; Ma femme se marie, vaud.

НОВЫЯ КНИГИ.

Продолженіе статьи о Альманахахъ.

Заглавіе сей Повѣсти (въ Невск. Альманахѣ) *Тысяча вторая ночь*. Содержаніе: — дѣдушка Сочинителя, большой охотникъ до сказокъ Шехеразадиныхъ, и у котораго было „[illegible] при словѣ о безъ-дѣльникахъ, *[illegible] [illegible] [illegible]* (стр. 2) — *повѣдывать* внучкамъ про дѣла Русскія, незапорскія, и не сказку, не небылицу въ лицахъ (въ рыскахъ!), а случай истинный и правдивый." Этотъ *случай истинный и правдивый* дошелъ до него чрезъ длинное поколѣніе дѣдушекъ, изъ которыхъ самый старшій *[illegible]* [illegible]. Начинается тѣмъ, что въ Муромскомъ лѣсу, передъ [illegible] въ [illegible] ночь, собралась шайка разбойниковъ. Въ эту шайку нечаянно заходитъ, безъ всякой [illegible] (*) Царь Іоаннъ Васильевичъ, идущій съ войскомъ подъ Казань, остановившійся подъ Муромомъ, и забавлявшійся въ тотъ вечеръ [illegible]. Вопреки достоинству Царей Русскихъ и изображаемому по Исторіи характеру завоевателя Казани, задаетъ онъ себя у разбойниковъ за ихъ собратья, и чуть не попадается подъ ударъ [illegible]. Въ такомъ своеобразномъ положеніи, Царь по подговариваемъ разбойниковъ [illegible] на казну Царскую, но соглашается съ ними, хотя и не безъ намѣренія, [illegible] грабить Муромскаго Посадника и богатаго [illegible] купца Симеона Горбатова; и все это, чтобы спасти и осчастливить Аннушку, которой влюбленъ въ дочь сего купца, и будучи разбойникомъ, не [illegible]. Кончилось тѣмъ, что разбойники идутъ сквозь [illegible] въ городъ Муромъ, грабятъ домъ Горбатова, въ [illegible] время, когда тамъ [illegible] свадьбу его дочери съ Посадникомъ; Царь пріѣзжаетъ тутъ же съ Боярами и стрѣльцами; [illegible] изъ разбойниковъ — и [illegible] [illegible] и съ Аннушкою Царь [illegible]

(*) Какъ же дѣдушка дѣдуш[illegible] сего, когда Царь пришелъ къ [illegible]

ISBN 5-86793-044-0
9 785867 930448